

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slaw 176.25

NOV 18 1903

Harvard College Library

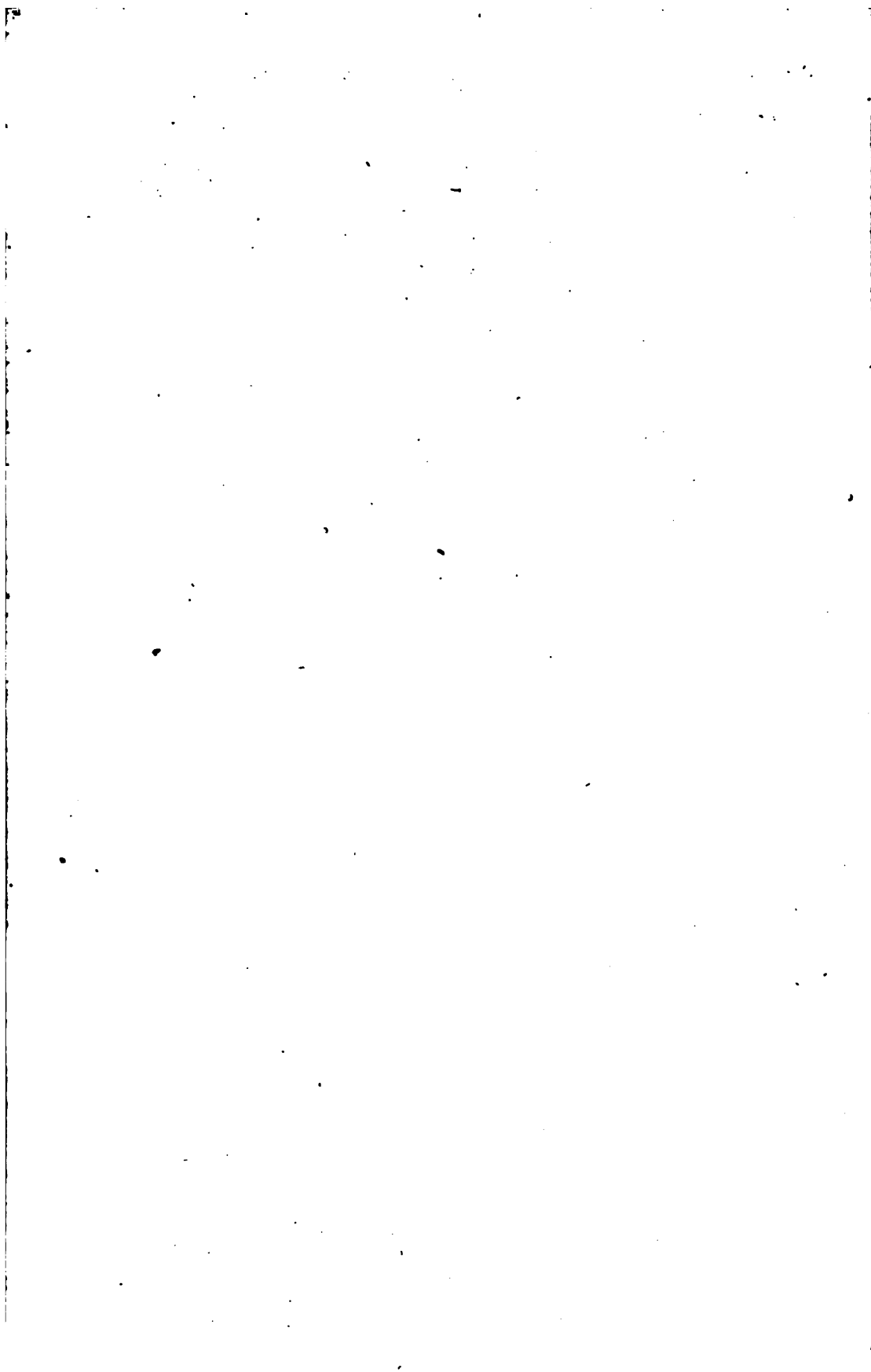
FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

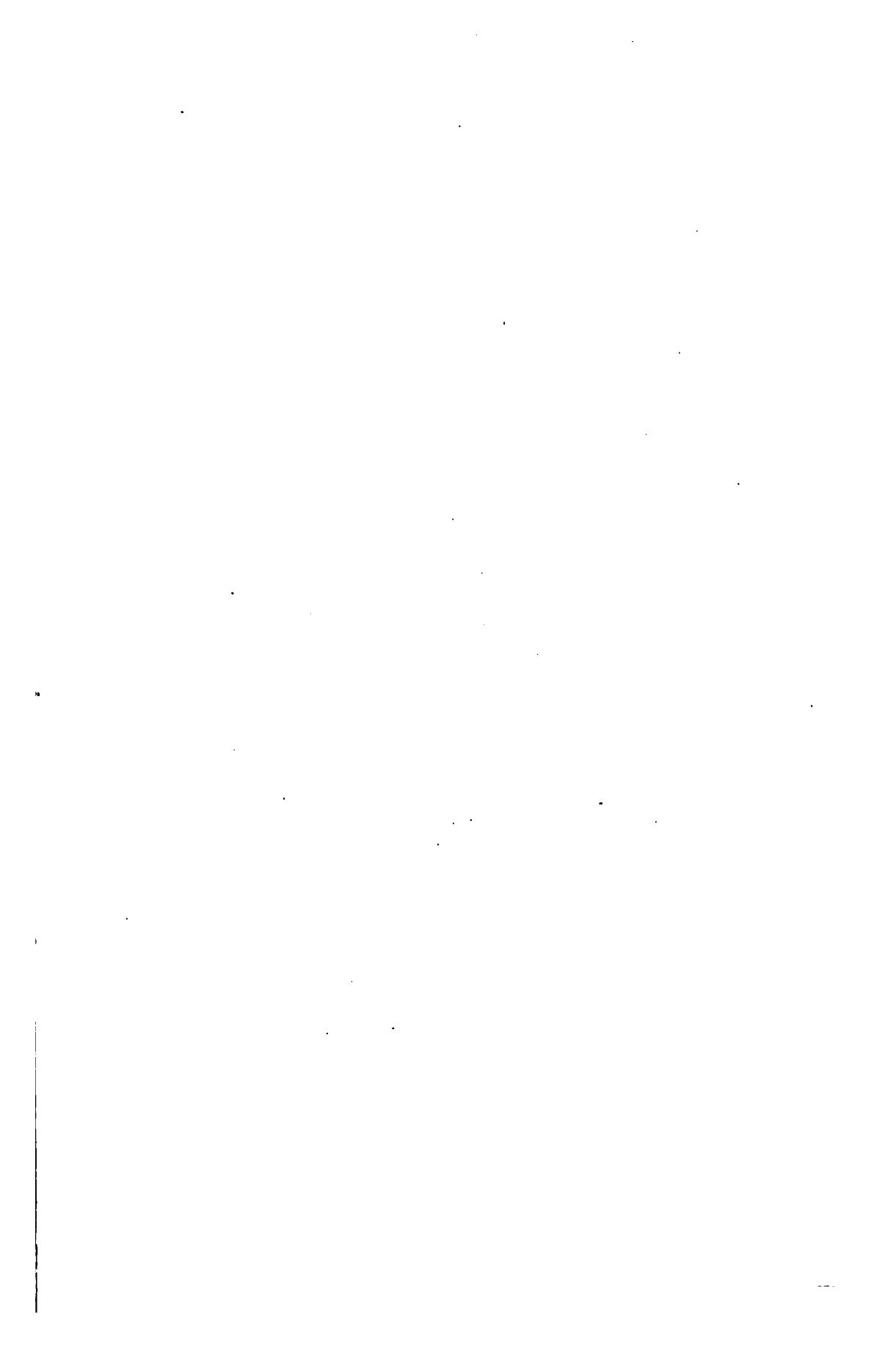
OF BOSTON,

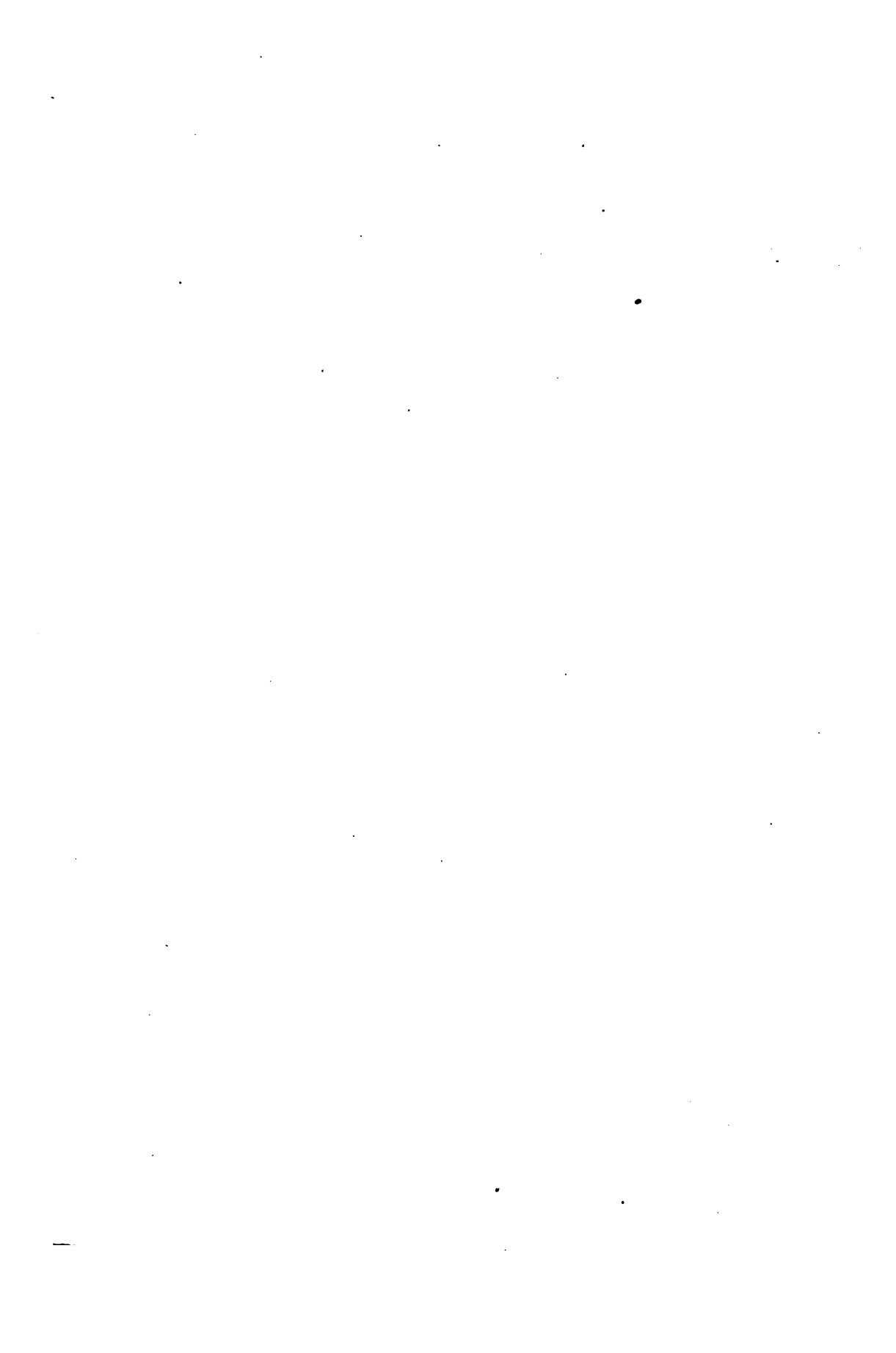
WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

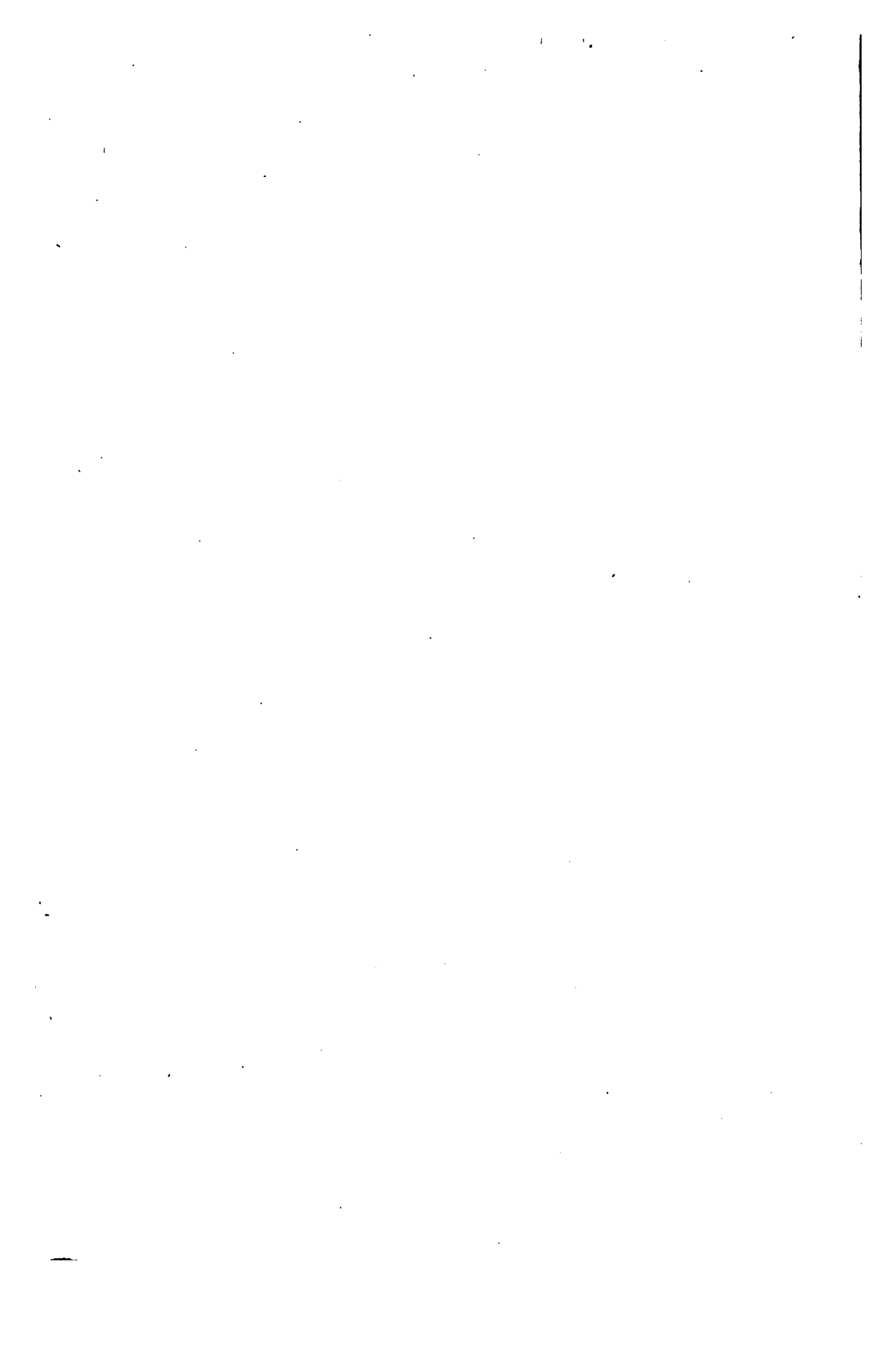

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1903

1045-74

POSTOFFICE
WILMINGTON
DELAWARE

PSlaw 176.25

~~Law 30.2~~

Sever fund

3255

title page

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

COLLEGE LIBRARY
JUL 23 1903
HARVARD UNIVERSITY
MASS

ИСТОРІИ-ПОСЛАТНИКЪ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. П. МАРШАКЪ

1903 г.

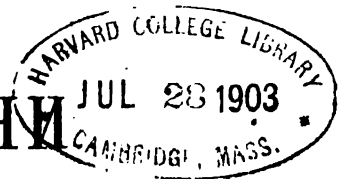
КНИГА 7-я. — ПОЛЬ, 1903.

Стр.

I.—СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ.—Романъ.—I-X.—Ал. П. Вудистена.	5
II.—НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ* ВЪ ИТАЛИИ.—Описание.—IV-V.—Франц. Паррето.	55
III.—НИСНОВИЖИИ ПРОЦЕНТЬ*.—Рассказы.—I-IV.—В. Яковлева.	65
IV.—ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ И. А. ГОНЧАРОВА.—I-XV.—Евг. Ланцаго.	88
V.—ГАВЕТНОМУ НАЦИОНАЛИСТУ*.—Стихотворенія.—I-II.—Алекси Жемчужникова.	140
VI.—ТАЙГА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.—V-VI.—Н. Н. Саволова-Костромскаго.	143
VII.—СУТРА О ДЪВУШКЪ ИЗЪ РОДА ЧАНДАЛОВЪ.—Съ китайскаго П Вудцеттска.	150
VIII.—НА ВЫСОТАХЪ КАВКАЗА.—Путешая записки и наблюдения.—Описание.—II.—Н. Н. Влоковскаго.	162
IX.—ТИЦЕТНОЕ УСИЛК.—Романъ.—L'utile effort*, par Ed. Rod.—I-IV.—Съ франц. З. В.	176
X.—МОСКОВСКИИ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПОЛОВИНЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.—Д. М. Щелкина.	226
XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Илья Гуринча.	262
XII.—СЕЛЬСКИИ УЧИТЕЛЬНИЦИ ВО ФРАНЦИИ.—Изъ письма къ провинці.—I-IV.—С. В.—нов.	263
XIII.—КНЯЗЬ БИСМАРКЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ ЕЪ РОССИИ.—I-IV.—Л. И. Слонимскаго.	304
XIV.—ХРОШКА.—По поводу „опыта славяновъ*.—I-IV.—Н. Водуанъ-де-Буртово.	328
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новая правда о фабричной инспекціи.—„Вдохновенный антагонизмъ“ и хороша сторона спеціализаціи.—Новая правда в верхахъ.—Отчетъ въ відюству православнаго исповѣданія за 1899-й годъ: „упорствующе“ къ хозяйско-варшавской епархіи, расколу, сектантству, враждебнѣ къ Явоніи, церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Приготовленія къ изданію въ дѣйствию новаго уголовного узаконенія.—Узаконеніи и преступленія печати.	344
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическій переворотъ въ Сербіи.—Последніе представителіи дома Обреновичей.—Правительственнае сообщеніе о сербскихъ дѣлахъ.—Новая династія и король Петра.—Парламентаріе въ Германіи.—„Новое Время“ объ англійскихъ корреспондентахъ.	365
XVII.—МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ИСТОРИКОВЪ ВЪ РИМѢ въ апрѣлѣ 1903 года.—Л. Шенделевича.	370
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Великій Князь Николай Михайловичъ. Графъ П. А. Строгановъ. Историческое исследование эпохи кня. Давыдова I. Томъ второй.—II. П. А. Некрасовъ и его поэзія. Очеркъ Г. В. Александровскаго. Изд. 3-е.—А. П.—III. В. Ф. Дорожничій. Политическое право. Учебникъ для студентовъ.—IV. А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III в печати.—V. Дилле. Очеркъ современнаго Англии.—М. Гвинъ.—VI. В. П. Лавинсонъ-Фалетскій. Организация и практика страхованія работныхъ въ Германіи и условія возможности обезпеченія работныхъ въ Россіи.—В. И.—VII. Эмилъ Раковичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Съездъ.—Л. Обскаго.—Новая книга и брошюры.	386
XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Octave Mirbeau. Les affaires sont les affaires. Comédie en trois actes.—II. Edouard Rod. L'Inutile Effort.—З. В.	410
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОИ ХРОНИКИ.—Вопросъ о свободѣ совѣсти въ реализацно-философскихъ соображеніяхъ.—Три слезыя теченія, обнаружившіяся во время пріемъ.—Статья П. М. Минскаго на ту же тему.—Общере пріемы реализацнои печати.—Какъ отголоски паникескаго дурмана.—А. И. Зингелгартъ 7.	424
XXI.—ВИДЮГРАФИЧЕСКИИ ЛИСТОКЪ.—М. М. Шухайн. Общеобщественное возмужаніе вопросахъ и нравственности.—Библиотечка великихъ писателей, в. р. С. А. Венгерова. Швейцаря, т. III.—Баръ Менгеръ. Описаніи политическаго жонглера. Общед часть. Порек съ вѣснелъ, в. р. прѣв. доп. Р. М. Ореховскаго.—А. Колоний. Жизнь француженнаго работника.	

СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ

РОМАНЪ.

I.

Стояли солнечные дни, ясные и теплые. Было начало июня. Загорѣловъ шелъ у себя по плотинѣ, близъ мельницы, сопровождаемый конторщикомъ Жмуркинымъ, своимъ „чиновникомъ по особымъ порученіямъ“, какъ онъ его звалъ обыкновенно. Ему хотѣлось посмотрѣть всходы конопли, посѣянной по ту сторону рѣки Студеной, среди низины, на десятинахъ, только-что осушенныхъ имъ изъ-подъ болотъ. Теперь же, проходя по плотинѣ, онъ строилъ всевозможные планы, соображая вслухъ, нельзя ли воспользоваться еще какъ-либо рабочей силой воды, которая и безъ того молала ему муку, драла крупу, вальла сукна и мяла кудель. А Жмуркинъ, тонкій и безбородый малый, шагаль рядомъ съ нимъ молча, прислушиваясь къ его планамъ съ почтительностью на всемъ своемъ блѣдномъ лицѣ, почти съ подобострастіемъ. Жмуркинъ всегда выслушивалъ таеъ своего хозяина, а передъ его рабочей способностью и умомъ положительно благоговѣлъ. Впрочемъ, по его губамъ, плотно стмыъ и тонкимъ, пороку блуждала улыбка, болѣзненная и кнутая, — трудно было бы догадаться, что именно выражала собою. Но все-же чувствовалось, что она далеко не безъ ержания. Между тѣмъ они прошли всю плотину и очутились едъ мельницей, у скрипѣвшихъ снастей. Загорѣловъ замодъ. Клокотавшая подъ колесами вода съ грохотомъ бросала

вокругъ шипящіе вѣтвя серебристой пѣны, и вести разговоръ при такомъ шумѣ было бы затруднительно.

Обреченная на вѣчную работу, рѣка, вся пѣнившаяся у колеса, на подобіе взмыленной лошади, видимо негодовала, какъ ваторжникъ, прикованный въ тачкѣ, и оглашала воздухъ сердитымъ гуломъ. Рѣзкій свистъ крутящихся снастей врвался въ этотъ гулъ озлобленнымъ воемъ, и между водою и этими снастями точно шла ожесточенная борьба на смерть.

А на мельницѣ своимъ чередомъ кипѣла работа самаго мирнаго свойства. Кругомъ какъ муравьи сновали рабочіе, съ лицами словно осыпанными пудрой, согбенные подъ тяжестью кульковъ, блѣвшихъ на ихъ спинахъ какъ глыбы снѣга. То-и-дѣло, отбѣзжая, скрипѣли телѣги, нагруженные этими кулями, врѣвкія, словно отбѣвшіяся поглощенной мукою, сильно пахнувшія дегтемъ. Раздавались разнообразныя вогласы; слышались шутки, звенѣлъ смѣхъ.

Изъ раскрытыхъ дверей амбаровъ порошило мучной пылью, какъ снѣгомъ. Оттуда словно метелица мела. Загорѣловъ остановился, съ удовольствіемъ оглядывая всю эту веселую картину труда, ярко залитую солнцемъ. И въ возбужденіи онъ воскликнулъ:

— Ухъ! Вотъ это я люблю! Лазарь, погляди!

Онъ повернулся къ Жмуркину сильнымъ движеніемъ, указывая на скрипѣвшія телѣги, на рабочихъ, на амбары, порошившіе мучной пылью.

— Погляди, Лазарь, какая славная кипитъ здѣсь работа!— Какъ здѣсь хорошо! Сколько денегъ наметѣтъ намъ въ кошелекъ эта метелица!

Онъ умолкъ съ лицомъ, выразившимъ восхищеніе, и все еще какъ бы наслаждаясь зрѣлищемъ шумной рабочей жизни. Теперь онъ весь выдвинулся изъ-подъ тѣни осѣнявшихъ плотину ветель, и солнце ярко освѣщало всю его фигуру, стройную и сильную, съ молодымъ и красивымъ лицомъ, съ острою золотистой бородкой, съ выпуклыми сѣрыми глазами, смѣлыми и ясными. Его вкрутокурчавые волосы, ярко-рыжіе, чуть прикрытые легонькой спортсменской фуражечкой, отливали подъ лучами солнца золотомъ.

Жмуркинъ невольно залюбовался имъ.

По крайней мѣрѣ по его блѣдному лицу, безбородому и худощавому, на минуту скользнуло что-то похожее на восхищеніе; впрочемъ, выраженіе это тотчасъ же исчезло, и на его тонкихъ губахъ, чуть опущенныхъ крошечными усиками, снова появи-

лась та же замкнутая улыбка. Онъ неловко передвинулся всѣмъ своимъ тонкимъ туловищемъ ближе къ амбарамъ, ища тѣни, съ выраженіемъ внезапнаго неудовольствія. Зной и блескъ видимо беспокоили его, отвлекая мысли отъ чего-то главнаго и насущнаго, что всегда и всюду онъ носилъ въ себѣ, не разставаясь съ нимъ ни на минуту.

А Загорѣловъ весело двигался впередъ, полный самыхъ радостныхъ настроеній.

— Да, Лазарь, — заговорилъ онъ снова, дружески кивая Жмуркину, — не удивляйся, что у меня такой безумно счастливый видъ! Я дѣйствительно счастливъ! безъ мѣры счастливъ! пьянъ отъ счастья! И развѣ же это не счастье — принять вызовъ отъ судьбы, обрешей тебя на самое жалкое прозябаніе, и вринуть ей: „посмотримъ“! И схватиться съ ней грудь съ грудью, и одолѣть ее! И одолѣть ее такъ, что у нея хрустнуть всѣ ребра! О, это очень большое счастье! — воскликнулъ онъ съ живостью, — это все! вся суть и всѣ цѣли бытія!

Онъ снялъ фуражку, обмахивая ею свое возбужденное лицо. Въ самомъ дѣлѣ онъ казался пьянымъ отъ счастья.

— „Стучи въ барабанъ и не бойся!“ — вдругъ продекламировалъ онъ: —

„Цѣлуй маркитантку подъ стукъ!
Вся мудрость житейская въ этомъ,
Вся суть философскихъ наукъ“!

— Лазарь! — вновь воскликнулъ онъ восторженно, — это наилучшее стихотвореніе въ мірѣ! „Вся мудрость житейская въ этомъ!“ — повторилъ онъ, сдвигая на самый затылокъ свою крошечную фуражку. — Въ этомъ! Въ побѣдной борьбѣ съ судьбою. А вотъ каковы должны быть приемы этой борьбы — тутъ мнѣнія расходятся. Иные говорятъ: „Подъ ножку нельзя!“ — и даже на этотъ случай соотвѣтствующіе циркуляры тиснули. А я говорю: можно! Можно и „подъ ножку“! Но при условіи непремѣнной побѣды. Только при этомъ условіи! Почему? А вотъ потому, что побѣдителей не судятъ! Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, при несоблюденіи этого условія непремѣнной побѣды воспользовавшись симъ не-циркулярнымъ приемомъ и тѣмъ не менѣе очутившагося подъ низомъ, — такъ вотъ такого господина — вдвое больнѣе бить будутъ. Повѣрь мнѣ! Его будутъ бить и за поражение, и за нециркулярный приемъ. То-есть, квадратной лупцовкой! Слѣдовательно, мораль сей басни такова: если на силы свои ты не рассчитываешь и на одолѣніе не уповаешь, — приемъ

оставь, „подъ ножку“ не смѣй! Ни-ни! А разсчитываешь, такъ отчего же? держай!

Онъ на минуту умоляетъ, поглядывая на Жмуркина яснымъ, самоувѣреннымъ взглядомъ сѣрыхъ выпуклыхъ глазъ.

— Этотъ пріемъ вовсе не беззаконенъ, — началъ онъ снова. — Вѣдь и судьба по отношенію къ намъ къ тому же самому пріему прибѣгаетъ. Посуди самъ. Допустимъ, что я, будучи пятилѣтнимъ мальчѣнкой, упалъ съ качелей и получилъ на спину горбъ, сталъ калѣкой, неспособнымъ къ жизни, несчастнымъ изъ несчастныхъ. А за что? Почему? Невѣдомо. Или еще примѣръ. Предположимъ, что у меня энергія и работоспособность въ сорокъ лошадиныхъ силъ, а судьба заперла меня въ мышеловку безъ воздуха и свѣта. Такъ вотъ развѣ же это не „подъ ножку“? Лазарь, отвѣтъ по совѣсти! А если она такъ, такъ и я буду такъ. „Подъ ножку“. Буду „подъ ножку“, чортъ васъ совсѣмъ побери! — вскрикнулъ Загорѣловъ съ внезапнымъ раздраженіемъ и злобой, съ рѣзкимъ жестомъ.

Его жесты вообще отличались рѣзкостью. И такъ же внезапно вслѣдъ за этимъ сердитымъ возгласомъ онъ разсмѣялся самымъ добродушнымъ образомъ.

— Однако мы съ тобой уже у цѣли, — проговорилъ онъ, все еще хохоча. — Лазарь, мы увлеклись, по обыкновенію.

Онъ умоляетъ, оглядывая разстлавшееся передъ нимъ поле. Освобожденная изъ-подъ болотъ почва, жирная, вся словно лоснившаяся, была обильно покрыта здѣсь темной и мясистой зеленью конопли, издававшей тягучій запахъ масла. Загорѣловъ сказалъ:

— Здѣсь было пятьдесятъ десятиныхъ болотъ, доходность которыхъ равнялась минусу. А теперь эти десятины насыплютъ въ мой карманъ семь, восемь тысячъ: правъ ли я былъ, перескочивъ черезъ пути судьбы?

Онъ снова умоляетъ, предвзвѣвая будущія обильныя жатвы, оглядывая окрестность счастливыми глазами человека, увѣреннаго въ удачу. Здѣсь было тише; мельница была уже далеко; ревъ воды достигалъ сюда подавленнымъ репотомъ, счастливымъ ворчаньемъ наѣвшагося до отвала животнаго.

— Весело на мельницѣ, весело и здѣсь, Лазарь, — заговорилъ Загорѣловъ. — Слышишь, и здѣсь жизнь говоритъ намъ: „Живите, трудитесь, завоевывайте ваше счастье. А если оно не дается вамъ, ловите его, какъ умѣете, арканомъ, канканомъ, западней. Я все разрѣшаю сильнымъ и умнымъ и все запрещаю хилымъ глупцамъ и разинямъ! Будьте же смѣлы! Съ зайцами,

пожалуй, обращайтесь по зайчи, но съ волками—по волчи!“— заключилъ онъ своею любимой поговоркой.

— Хорошо вамъ такъ говорить, Максимъ Сергѣичъ, — внезапно перебилъ его Жмуркинъ, — вы сильный! А что если второй слабъ? или не въ удачѣ? Ужли ему своего счастья такъ во вѣки вѣковъ и не увидѣть? Зачѣмъ же ему тогда такое хотѣнье дано? То-есть, жажда души? — Онъ съ недоумѣніемъ развелъ руками, не находя надлежащаго слова для выраженія всего тѣснавшагося въ немъ.

— Зачѣмъ имъ тогда такое хотѣнье и порывъ мечты?— повторилъ онъ съ тѣмъ же выраженіемъ. Его голосъ звучалъ нѣжно и врадчиво, а жесты казались сдержанными и мягкими, черезчуръ мягкими, неестественно мягкими, словно ихъ врожденную порывистость сдерживало что-то могучее, одѣвавшее пока еще непроницаемой броней духъ мятежный и въ высокой степени безповойный. Эти жесты сдѣлали понятными теперь и его улыбку, раньше казавшуюся такою замкнутой. Эта улыбка какъ бы говорила Загорѣлову:

— Ты уменъ и силенъ, и ловокъ. Это правда. Но я переросту тебя головою, если захочу. Но я еще не хочу; я сомнѣваюсь.

— Большое хотѣнье, — проговорилъ онъ, наконецъ, вслухъ и съ усміемъ,—большое хотѣнье при слабыхъ силахъ—это все равно что большой волосъ на слабомъ стеблѣ. Гдѣ же ему налиться?

Онъ снова умоляетъ, вздыхая.

— А вотъ вѣдь арбузъ наливается, — сказалъ Загорѣловъ, — стало бытъ дѣло не въ стеблѣ, а въ хотѣннѣ.

Жмуркинъ внезапно разсмѣялся сдержаннымъ и тихимъ смѣхомъ, болѣе похожимъ на кашель.

— А я такъ и думалъ, Максимъ Сергѣичъ, что вы на арбузъ намекаете, — проговорилъ онъ, сквозь смѣхъ, — вотъ именно на арбузъ!

II.

Они двинулись въ обратный путь. Они шли, повернувъ лицомъ къ мельницѣ, среди веселой низины, сбѣгавшей къ рѣкѣ Студеной ровной зеленой скатертью. Тотъ берегъ, представлявшій собою вначалѣ такую же низину, замыкался затѣмъ, на разстояніи полуверсты отъ рѣки, цѣпью лѣсистыхъ холмовъ съ красивыми глинистыми изломами, съ глубокими и узкими овра-

гами, словно пропиленными пилою. На одномъ изъ этихъ холмовъ, лѣвѣ мельницы, раскинулась усадьба Загорѣлова, обширная, съ многочисленными постройками, съ грозоздкимъ каменнымъ домомъ въ два этажа, высоко возвышавшимся на пологомъ скатѣ. На другомъ видѣлась усадьба купца Быстрякова, съ низенькимъ, но веселымъ домикомъ, радостно выглядывавшимъ изъ за курчавыхъ кустовъ сада. И обѣ усадьбы словно купались въ золотистомъ блескѣ, будто тоже свѣтились отъ счастья.

Загорѣловъ смотрѣлъ туда, по ту сторону рѣки, на свою усадьбу, и думалъ:

„И все это я заработалъ самъ, своими руками, своимъ умѣньемъ“!

Обращаясь къ Жмуркину, онъ заговорилъ какъ бы въ раздумьи:

— Когда мнѣ было двадцать-два года, когда я былъ твоихъ лѣтъ, Лазарь, все мое состояніе, ты знаешь, равнялось сотнѣ десятинъ, сугубо заложенныхъ. И тогда же я сказалъ себѣ: „Я буду богатъ. Непремѣнно“! И вотъ теперь мнѣ двадцать-восемь лѣтъ, и у меня двѣ тысячи десятинъ земли. Я богатъ, я очень богатъ. Вотъ что значитъ большое хотѣнье, Лазарь!

— Лазарь, — говорилъ онъ, когда они были уже на плотнѣ, — все стремленіе человѣка должно быть направлено на созиданіе личнаго своего счастья. Работай, трудись, созидай, и если ты способенъ, остальное все приложится. Толпыте, и отверзится вамъ. И твоя жизнь будетъ вотъ такими же солнечными днями. А я, я заработалъ уже ихъ; мои солнечные дни занялись, я видишь, — я охмелѣлъ отъ счастья.

— А ты не собираешься теперь въ монастырь, какъ раньше? — неожиданно спросилъ онъ Жмуркина, слегка склоняясь къ нему сіяющимъ отъ счастья лицомъ.

Тотъ не отвѣчалъ ни слова, и только тихо разсмѣялся своимъ похожимъ на кашель смѣхомъ. И тутъ же они чуть не столкнулись съ Лидіей Алексѣевной Быстряковой, выходявшей изъ калитки Загорѣловскаго сада.

Загорѣловъ постыдно подбѣжалъ къ ней.

— Боже мой, вы сидите у насъ, а я даже и не подозреваю этого!

Онъ здоровался съ молодой женщиной и, покачивая головою съ грустно-комичнымъ видомъ нашалившаго шеольника, говорилъ ей:

— Какой я глупый, какой я глупый! Я бѣгаю по воноплямъ и гоняюсь за счастьемъ, за призракомъ счастья, а счастье

сидить въ это время у меня подъ крышей. Вы были у Анны Павловны? — спросилъ онъ ее.

Загорѣловъ всегда звалъ такъ свою жену и въ глаза, и заочно, словно подчеркивая ихъ взаимную чуждость.

— У Анны Павловны? — переспросилъ онъ весело.

— У Анны Павловны!

— А теперъ свѣтлое счастье развѣ не рискнетъ возвратиться туда же, но уже со мною?

— Не рискнетъ. Пусть лучше ваша милость проводить меня вотъ хотя бы до угла сада.

Молодая женщина говорила весело, повидимому, невольно впадая въ тонъ Загорѣлова, и вся ея хорошенькая бѣловурная головка съ милыми голубыми глазами, съ ямочкой на подбородкѣ, глядѣла подѣтски довѣрчиво и кротко.

— Миѣ нужно торопиться. Меня ждетъ обѣдъ и ...и мужъ, — добавила она.

И въ тонѣ ея голоса внезапно послышалось выраженіе какъ бы нѣкоторой досады или унынія, впрочемъ едва уловимое, какъ тѣнь облака. Черезъ мгновенье она уже такъ же весело играла своимъ розовымъ зонтикомъ съ тѣмъ же безпечнымъ и милымъ видомъ простодушнаго ребенка.

А Жмуркинъ стоялъ нѣсколько поодаль, прислонясь спиною къ массивному столбу воротъ, потунивъ глаза, блѣдный, точно пораженный внезапнымъ недугомъ.

Можно было подумать, что ему сдѣлалось дурно. Однако, когда Лидія Адексѣевна, сопровождаемая Загорѣловымъ, двинулась уже въ путь, онъ оправился и вошелъ въ ворота усадьбы совершенно бодро и пожалуй даже весело. Но едва лишь онъ сдѣлалъ два-три шага, какъ его слуха внезапно коснулся звукъ поцѣлуя, — поспѣшнаго, сорваннаго украдкой, подневольная поспѣшность котораго какъ бы выдавала его удвоенную ею горячность.

Звукъ этотъ прилетѣлъ со стороны тѣхъ, удалившихся, и былъ едва уловимъ, какъ вздохъ соннаго дерева, какъ шелестъ листа. Но онъ ворвался въ сознаніе Жмуркина, какъ буря, опустошивъ въ немъ все, всѣ думы и всѣ желанія, закрутивъ въ немъ цѣлые вихри самыхъ разнородныхъ ощущеній, жуткихъ, мучительныхъ, дивныхъ.

Вначалѣ Жмуркинъ даже слегка согнулся, словно придавленный непомѣрной тяжестью этого звука. А затѣмъ онъ поспѣшно побѣжалъ въ садъ, растерянный и блѣдный, чувствуя въ себѣ лишь пламя этихъ вихрей. Съ тѣмъ же видомъ онъ подбѣжалъ къ забору и припалъ глазами къ скважинѣ между раз-

сохшихся теснѣ. Отсюда онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну и Загорѣлова. Жмуркинъ впился въ нихъ глазами, пытаясь разгадать загадку; но они шли съ самымъ невиннымъ видомъ, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, и болтали о какихъ-то пустякахъ; и ни единая черточка ихъ лицъ не наводила мысль на возможность поцѣлуя. Жмуркинъ остался доволенъ тѣмъ, что увидѣлъ. Вихри улеглись въ немъ, и мысли вновь прояснились, словно оболочка спала съ его мозга.

— Ухъ!—съ облегченіемъ вдохнулъ онъ, отрываясь наконецъ отъ забора.

„Это мнѣ повезлось, — подумалъ онъ тотчасъ же, — этого быть не могло! Не такая она, чтобы... Не въ такомъ стилѣ-съ!“

Онъ двинулся садомъ въ своему крошечному флигельку въ два окна, ютившемуся въ углу сада на одной линіи съ домомъ, среди густыхъ зарослей сирени и жимолости.

„Онъ, — думалъ Жмуркинъ по дорогѣ о Загорѣловѣ,—онъ, конечно, не прочь. Онъ даже былъ бы весьма радъ, чортъ его побери, но она-съ! А дѣло въ ней! Она-съ—чистѣйшая и святѣйшая женщина. Лидія Алексѣевна! Какъ же можно-съ, чтобы вдругъ?.. Не такая она, чтобы спотыкнуться!“

Жмуркинъ какъ будто успокоился. Впрочемъ, часъ спустя, когда онъ обѣдалъ въ кухнѣ, вмѣстѣ съ поваромъ Флегонтомъ, воспоминаніе о слышанномъ поцѣлуѣ снова мучительно коснулось его сердца. Его сразу же точно всего перевернуло, и Флегонтъ съ участіемъ на лицѣ спросилъ его:

— Что это нынче съ тобой, Лазарь Петровичъ?

— А что?

— Да видъ у тебя какой-то такой! — Флегонтъ повертѣлъ пальцемъ у себя подъ носомъ.

— Какой?

— А такой. Гляжу я на твое лицо, и самъ никакъ не пойму. Не то тебя нынче пересолили, не то пережарили. А что? Развѣ не правда? Вонъ у тебя и начинка вся подсохла!

Онъ замолчалъ, потому что Жмуркинъ внезапно и съ шумомъ отодвинулъ отъ себя блюдо съ бараниной.

— Прошу въ мои дѣла не вмѣшиваться, Флегонтъ Ильичъ! — крикнулъ онъ запальчиво.—Имѣйте въ виду, что я человѣкъ, а не соусъ! Чего? Будьте-съ любезны! Человѣкъ, и не хуже другихъ! Можетъ быть, даже почище многихъ! Я! Почище-съ! Имѣйте въ виду!—И онъ поспѣшно вышелъ изъ кухни, стуча сапогами.

А вечеромъ, покончивъ свои обыденныя занятія, онъ сидѣлъ

у себя въ конторѣ, въ крошечномъ флигельѣ, за столомъ, заваленнымъ громоздкими конторскими книгами и пачками счетовъ, и со вниманіемъ что-то заносилъ въ свою обтянутую холстомъ записную книжечку. Писалъ онъ медленно, видимо напряженно обдумывая каждое слово, прежде чѣмъ занести его. Его блѣдное лицо, нѣсколько склоненное на сторону, было хмуро сосредоточенно, а его губы пороку шевелились, — точно онъ произносилъ про себя каждое написанное слово.

Жмуркинъ велъ свой дневникъ.

„2-ое іюня, — писалъ онъ; — видѣлъ сегодня мое божество Лидію Алексѣевну. Хотѣлъ сказать ей „здравствуйте“ — и не посмѣлъ. Поклонился молча, а душа словно кинѣла въ котлѣ. Максимъ Сергѣичъ говоритъ: „Наше счастье и наше хотѣнье — вотъ единственные боги наши!“ А я даже не дерзаю назвать по имени хотѣнье мое, и отърециваюсь отъ него, какъ отъ сатаны. И я смотрѣлъ на мое божество, будто въ молитвѣ. И только. Таеъ-то пройдетъ вся моя жизнь. У людей солнечные дни, а у меня — туманъ и туча. Бѣдный я, бѣдный! видно, мнѣ во вѣки не видѣть моего солнышка!“

Жмуркинъ оставилъ тутъ на минуту перо, тихохонько, словно ерадучись, прошелся по комнатѣ, сосредоточенно потирая руки, и затѣмъ снова усѣлся за ту же работу съ озабоченнымъ и хмурымъ видомъ.

„А потомъ она пошла домой, — записывалъ онъ ровнымъ и узкимъ почеркомъ, — съ Максимомъ Сергѣичемъ. Мое божество, солнечный день, ласточка! И я услышалъ какъ будто звукъ поцѣлуя. Во мнѣ все перевернулось. Побѣжалъ въ садъ и сталъ за ними подглядывать. Однако убѣдился, что видъ ихъ доказывалъ невинность. Поцѣлуя не было; не могло быть. Сумасшедшій бредъ это, несуразность, чепуха!“ Жмуркинъ написалъ эти слова съ самымъ спокойнымъ видомъ, но тутъ внезапно его руку точно кто толкнулъ. Крупнымъ и нелѣпымъ почеркомъ онъ занесъ далѣе нижеслѣдующее:

„А что если это не бредъ? Что мнѣ тогда дѣлать? Охъ, боюсь я, боюсь, боюсь!“

Послѣ этого онъ быстро запряталъ книжку въ боковой карманъ, словно боясь перечитывать написанное, затѣмъ подошелъ къ своей узкой и жесткой постели и легъ, зарываясь лицомъ въ подушку, обтянутую розовой наволокой.

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно, когда онъ снова всталъ съ постели. Не надѣвая фуражки, онъ вышелъ на крыльцо, какъ бы желая, чтобы его обдуло вѣтромъ. Тамъ онъ усѣлся на

ступенькѣ въ задумчивой позѣ, весь привалась къ боковой перильцѣ, какъ разслабленный.

Ночь была тихая и ясная; сонныя деревья сада стояли не шевелясь, будто погруженныя въ думу. Малиновое пятно зари едва тлѣло, какъ догорающій уголь, надъ вершиною далекаго лѣса, походившаго теперь на взмывающую тучу. А изъ сада до слуха Жмуркина доносился звонъ посуды, веселый смѣхъ и беспечный говоръ людей. Тамъ ужинали, пили вино, шутили, смѣялись, наслаждались жизнью, кто какъ могъ и какъ умѣлъ. И большой каменный домъ смотрѣлъ туда, на веселившихся въ саду людей, своими ядро освѣщенными окнами одобрительно и радостно. Жмуркинъ понуро сидѣлъ на крыльцѣ и слушалъ.

Вотъ послышалась возбужденная болтовня Перевертѣева и Сурковой—гостей Загорѣловыхъ,—очевидно, взаимно кокетничавшихъ, умышленно настроивавшихъ другъ друга на влюбленный ладъ. Вотъ прозвучала лѣнивый голосъ Анны Павловны—жены Загорѣлова. Вотъ звонко и радостно расхохотался онъ самъ, Максимъ Сергѣичъ.

Жмуркинъ сидѣлъ и тоскливо думалъ:

„У людей солнечные дни, а у меня—туманы и туча“.

А затѣмъ беспечный говоръ стихъ, окна въ домѣ потухли, точно онъ внезапно ослѣпъ, надъ широкимъ дворомъ усадьбы воровскимъ полетомъ метнулась сова, и тишина застыла вокругъ Жмуркина непроницаемой стѣною, какъ бы отгородивъ его отъ всего міра.

И тогда Жмуркинъ тихо приподнялся и исчезъ въ дверяхъ флигелька. Оттуда онъ появился снова и уже съ гитарой въ рукахъ. Задумчиво, онъ опустился на ступени крыльца, взялъ тихій, нерѣшительный аккордъ и зашѣлъ, думая о Лидіи Алексѣевнѣ. Пѣлъ онъ: „Приходи, моя милая крошечка“, но на мотивъ „Взбранной воеводѣ“...

III.

Въ селѣ Протасовѣ, тамъ, къ юго-западу отъ усадьбы, едва только заблагоуѣстили къ обѣднѣ, и узкіе овраги, изрѣзывавшіе холмистыя окрестности, еще гудѣли протяжнымъ и радостнымъ звономъ, словно переключаясь, а Загорѣловъ уже сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ. Онъ подсчитывалъ, во что обойдутся ему за все лѣто полевые работы, желая знать, сколько останется въ его распоряженіи свободныхъ суммъ, которыя можно пускать въ дѣло. „Посылать въ работу“,—какъ онъ выражался

обыкновенно. Онъ сидѣлъ съ карандашомъ въ рукѣ, подводил итоги, а рядомъ, сбоку, стоялъ Жмуркинъ, по выпискамъ изъ конторскихъ книгъ почтительно докладывая о необходимыхъ за лѣто денежныхъ выдачахъ. Лицо Жмуркина было блѣдно и носило слѣды усталости, и онъ читалъ свои выписки порою совсѣмъ упавшимъ голосомъ, но Загорѣловъ работалъ весело, со вкусомъ, почти вдохновенно. Въ каждомъ его движеніи такъ и сказывался умѣлый работникъ. Ослѣпительный свѣтъ солнца вливался въ широкое окно кабинета, настежь отворенное, и ярко освѣщало ихъ обоихъ. Крутые завитки волосъ Загорѣлова казались въ этомъ свѣтѣ вычеканенными изъ золота. Онъ былъ одѣтъ въ легкій сѣрый пиджакъ изъ какой-то шелковистой матеріи, свободный и ловко сшитый, не стѣснанный его движеніемъ, а на его ногахъ ярко блестѣли своей лакировкой полевые сапоги, достигшіе до половины выпуклыхъ икръ. И вся его фигура, хорошо вымытая, вычищенная до лоска, довольная, сытая, удобно и красиво одѣтая, громко говорила, что онъ любитъ жизнь, умѣетъ цѣнить удобства, находить вкусъ даже въ мелочахъ, завоеванныхъ жестокимъ боемъ.

А Жмуркинъ былъ одѣтъ въ черный пиджакъ изъ такой же шелковистой матеріи и такіе же точно сапоги. Его розовый галстукъ тоже былъ завязанъ бабочкой. Было очевидно, что онъ подражалъ въ костюмѣ Загорѣлову до мелочи, до смѣшного, затрачивая на это послѣдніе гроши; и вѣроятно это его радовало обыкновенно. Но теперь, поглядывая на Загорѣлова, на его красивую, свѣжую и сильную фигуру, и мысленно представляя свою собственную, Жмуркинъ томился безпокойнымъ, мучительнымъ чувствомъ. Въ его сердцѣ точно кто-то то горько плакалъ и тоскливо жаловался, то вдругъ безудержно бѣсился, пытаясь разнести это сердце въ дребезги.

Жмуркинъ казался самому себѣ порою жалкимъ, ничтожнымъ, гнуснымъ до отвращенія,—хотя въ его наружности гнуснаго рѣшительно ничего не было,—порою же несправедливо обиженнымъ. И это сознаніе собственной ничтожности или несправедливой обиды то придавливало его, какъ невыносимая тяжесть, то бѣсило, вадывая все его существо на дыбы дивнымъ желаніемъ помѣряться съ кѣмъ-то силами, проявить себя, вырости внезапно въ исполина.

Въ эти минуты необычайнаго подъема ему вѣрилось въ свои силы, и онъ думалъ:

„Я переросту тебя головою, если захочу.“!

Когда они кончили работу, Загорѣловъ спросилъ:

— Лазарь, ты что какой сегодня? не въ духѣ?

Онъ подождалъ его отвѣта—и не дождался.

— У тебя, можетъ быть, денежные дѣла не въ порядкѣ?— снова спросилъ онъ его:—такъ я тебѣ дамъ!—Онъ подумалъ и добавилъ:—Немного.

Жмуринъ молчалъ, аккуратно укладывая свои выписки въ папку.

— Нѣтъ, я не о деньгахъ,—наконецъ, проговорилъ онъ,— деньги чтò!

— А о чемъ?

Загорѣловъ закинулъ нога на ногу и, покусывая золотистые усики своими яркими губами, внимательно глядѣлъ на Жмуркина.

Жмуринъ встревоженно шевельнулся. Этотъ пристальный взоръ, казалось, беспокоилъ его, какъ беспокоитъ щекотливыхъ чужое привосновеніе.

— А о чемъ?—повторилъ Загорѣловъ.

Унылый видъ Жмуркина, казалось, слегка растрогалъ его, и въ тонѣ его голоса слышалось самое искреннее соболѣзнованіе.

— Вотъ я о чемъ,—заговорилъ Жмуринъ, съ усиліемъ подбирая слова.—Чему тутъ радоваться, если тамъ пустота и безразличіе?—Онъ кивнулъ головой, указывая на небо.

— Чему радоваться?—переспросилъ Загорѣловъ.—А жизни? восторгамъ? здоровью, солнечнымъ днямъ, удачной работѣ? развѣ ты не находишь вкуса во всемъ этомъ?

— Плохой вкусъ!—Жмуринъ презрительно усмѣхнулся.— Плохой вкусъ въ безразличіи и въ пустотѣ-съ!—повторилъ онъ твердо.—Посудите сами, Максимъ Сергѣичъ! Вѣдь если и я, червь ползучій, и то не лишень бываю мечтаній свѣтлыхъ, такъ какова же должна быть цѣна міру всему громадному, если въ немъ ни единой свѣтлой грезы нѣтъ, и только одинъ животъ, да мракъ, да пустота, да безразличіе? Грошъ цѣна міру такому, если онъ насѣсть для червей есть, и только! Грошъ цѣна, если я себя до него принизить, долженъ-съ! Чему же тутъ послѣ этого радоваться?—повторилъ Жмуринъ свой вопросъ.

Онъ какъ будто оживился, и на его блѣдныхъ щекахъ, ниже скулъ, розовыми пятнами выступилъ румянецъ.

— Да, такъ ты вотъ о чемъ?—въ задумчивости произнесъ Загорѣловъ, мѣняя позу.

— Чтò же?—продолжалъ онъ затѣмъ:—если мы черви, будемъ стараться, по крайней мѣрѣ, быть нарядными червями, умными, сильными, благородными пожалуй отчасти,—добавилъ онъ.

— Это по вашему такъ, — перебилъ его Жмуркинъ, — а по моему, если ужъ я червь, — такъ я и буду самымъ настоящимъ червемъ. И даже чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! Потому что этимъ самымъ сугубымъ моимъ-съ принижениемъ я всяческому безразличію мщу-съ. За поруганіе свѣтлой мечты моей мщу! Мщу-съ! — повторилъ Жмуркинъ съ внезапной судорогой на губахъ. И забравъ свою папку, онъ поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

„Чудакъ!“ — подумалъ Загорѣловъ, улыбаясь.

Однако, тѣнь унынія скользнула по его лицу, — точно разговоръ съ Жмуркинымъ всколыхнулъ въ его сердцѣ что-то. Онъ всталъ изъ-за стола, прошелся раза два по кабинету и опустился затѣмъ на диванъ въ задумчивости. Утренняя прохлада вливалась въ открытое окно кабинета и касалась его щеки какъ чье-то легкое дыханіе. Казалось, тамъ, за окномъ, стоялъ кто-то свѣтлый, вѣчно юный и непорочный.

„За поруганіе свѣтлой мечты моей мщу! — припомнилось Загорѣлову. — Смѣшныя люди, — подумалъ онъ съ нѣкоторой грустью: — кому тутъ мстить и за что? Вѣдь въ такомъ случаѣ и курильщики опиума въ правѣ мстить за поруганіе своихъ несбывшихся грѣзъ. А кто же тутъ виноватъ? Не кури опиума, — вотъ и все!“

Онъ всталъ съ дивана и пересѣлъ на стулъ.

„Свѣтлыя мечты, свѣтлыя мечты“, — думалъ онъ въ грустной задумчивости, и его сердца какъ будто касалось нѣжное и легкое облако. Утренняя прохлада дохнула ему въ лицо снова, точно желая сказать ему что-то.

— А-а, чтѣ за вздоръ! — вдругъ проговорилъ Загорѣловъ сердито, словно отмахиваясь.

Онъ поспѣшно всталъ, оправилъ передъ зеркаломъ бороду и пошелъ въ столовую пить чай. Оттуда уже раздавался звонъ посуды, и лѣнивый голосъ Анны Павловны говорилъ:

— Фрося, голубушка, принеси ты мнѣ чайку въ спальную. Не спалось мнѣ что-то, милая; полежу я еще хоть съ часочекъ! За меня Глашенька пусть чай разольетъ.

„Экая лѣнища!“ — думалъ Загорѣловъ о женѣ: — даже чай лѣнь разлить!“

Онъ сердито прошелъ въ спальню къ женѣ и сказалъ:

— Анна Павловна, неужели вамъ надо по двадцати часовъ въ сутки спать? Разлейте хоть чай-то сами. Вѣдь у насъ гости!

— Сейчасъ, Максимъ Сергѣичъ, — раздалось изъ-подъ одѣяла: — сейчасъ, сейчасъ; я только чуточку, самую чуточку!

„Вотъ тутъ тоже, — думалъ Загорѣловъ, удаляясь изъ спальни,

—изъ-за свѣтлыхъ мечтаній всё бока себѣ отлежали!“ — „Да что я буду дѣлать-то?“ —мысленно передразнилъ онъ лѣнивый голосъ жены:— „еще обидишь кого, или согрѣшишь!“

А Жмуркинъ пилъ въ это время чай у кухни, съ Флегонтомъ, на свѣжемъ воздухѣ. Изъ окна кухни вкусно пахло кореньями и хорошо пропеченной булкой, и Жмуркинъ, съ удовольствіемъ вдыхая пахучій воздухъ, весело склебывалъ съ блюдечка чай и весело говорилъ:

— Геніальный человекъ Максимъ Сергѣичъ, золотая голова!

— А что?

— Какъ что? Какое имѣнье задаромъ отхватилъ?

— Ужли задаромъ?

— А какъ же! Вѣдь это все на нашихъ глазахъ произошло!

Разсказать?

— Качай—валяй!

Жмуркинъ налилъ себѣ свѣжаго чаю и продолжалъ:

— Пронюхалъ онъ, что господинъ Хвалынцевъ...

— Это Петръ Павлычъ? бывший хозяинъ здѣшній?

— Онъ самый. Прослышалъ Максимъ Сергѣичъ, что Петръ Павлычъ въ Парижѣ въ долги влопался и въ деньгахъ нужду возымѣлъ. А имѣнье у него шесть тысячъ десятинокъ было и заложено по тридцати рублей на десятину. Только пронюхалъ объ этомъ Максимъ Сергѣичъ, и видимо у него тотчасъ же въ мозгахъ мечта эта самая всѣми колесами завязала. Чтобы, то-есть, вотъ это имѣнье заполучить. И поженился онъ тутъ скоропостижно на Аннѣ Павловнѣ. А та постарше его годочковъ на шесть, и за ней по случаю этому прилагательнаго двадцать-пять тысячъ значилось. Ну-съ, заполучилъ онъ денежки эти, свое имѣньишко вдругъ заложилъ и пропалъ невѣдомо куда. Это мы такъ думали. А оказывается, онъ въ Петру Павлычу уѣхалъ. Въ Парижъ. Воишь куда! Приѣхалъ и сталъ его, конечно, оглаживать, сахаромъ-медомъ обмазывать, очки втирать. — „Продайте, дескать, ваше имѣнье!“ — „Извольте. За сколько?“ — „За тридцать тысячъ!“ — Тотъ даже въ амбицію. — „Хотите, говорить, двѣсти тысячъ въ доплату въ банку?“ А Максимъ Сергѣичъ смѣется. — „Да я, говорить, то же самое вамъ предлагаю.“ — „Какъ то же самое?“ — „Такъ то же самое. Продайте, говорить, мнѣ ваше имѣнье за тридцать тысячъ. И эти денежки я вамъ единымъ моментомъ выкину. И сейчасъ же закладную совершимъ. То-есть, какъ будто бы я имѣнье мое у васъ въ ста-семидесяти тысячахъ заложилъ. А черезъ годъ я ихъ вамъ уплатить обязуюсь. А не уплачу—имѣнье ваше, а мои тридцать тысячъ—фью-съ, въ гости уѣхали! Хотите,

говорить, такъ?" А Петръ Павлычъ ему:— „А кто же, говорить, мнѣ составленіе закладной обезпечить? Илья-Пророкъ что-ли?" — „Нѣтъ, говорить, не Илья-Пророкъ, а сорокъ мучениковъ". И показалъ ему тутъ Максимъ Сергѣичъ на крестѣ своемъ благословеніе материнское, образочекъ серебряный.— „Вотъ, говорить, они всѣ обезпечать". И тутъ же добавилъ:— „Вѣдь мы, говорить, тѣмъ же часомъ, не выходи, оба акта совершимъ. Какъ же я на попятный пойду? Да развѣ есть, говорить, на свѣтѣ такая наглость?" И такъ понравилось это Петру Павловичу, что онъ руку ему тутъ же пожалъ. Согласился.

— Ужли онъ и послѣ сорока мучениковъ его обдулъ?— спросилъ Флегонтъ.

— Вотъ то-то и есть, что нѣтъ!— весело воскликнулъ Жмуркинъ.— Зачѣмъ? Съ зайцами можно и по-заячьи! Приѣхалъ сюда Максимъ Сергѣичъ съ двумя актами въ карманѣ и, понимаешь ли, въ полгода четыре тысячи десятинъ восьми деревнямъ по частямъ распродалъ. Черезъ банкъ. И за это самое двѣсти-сорокъ тысячъ чистоганчякомъ заполучилъ. Итого вышло ему за хлопоты двѣ тысячи десятинъ съ усадьбой, да сорокъ тысячъ деньгами. Геніальный человѣкъ Максимъ Сергѣичъ!— заключилъ Жмуркинъ.

Флегонтъ сказалъ:

— Да, это не то, что не телячьи мозги съ изюмомъ!

IV.

Въ этотъ же день послѣ обѣда Жмуркинъ сидѣлъ на берегу Студеной, бокомъ въ водѣ, и задумчиво глядѣлъ на цѣпи лѣсистыхъ холмовъ, туда, гдѣ въ солнечномъ свѣтѣ рѣзко вырисовывалась усадьба Быстрякова. А подлѣ него, у самой воды, ходилъ взадъ и впередъ Безутѣшный, братъ Анны Павловны Загорѣловой, высокій, широкоплечій и сутудый. Онъ поглаживалъ свою короткую бороду, покрывавшую его одутловатыя щеки и подбородокъ, какъ вудрявый мѣхъ, и говорилъ. Говорилъ онъ внушительнымъ, но пріятнымъ басомъ, гудѣвшимъ, какъ сто-пудовый колоколъ.

— Загорѣловъ говорить: „Стремись къ личному счастью. Вотъ единственное назначеніе человѣка", — гудѣлъ онъ. — А я говорю: „Ни счастья, ни несчастья нѣтъ, а есть только весьма условное представленіе о томъ и другомъ. А посему всѣ стремленія—вздоръ. Будь хладнокровенъ и созерцай жизнь. Вотъ единственная удобная позиція для человѣка, не лишеннаго ума!"

Онъ замолчалъ. Жмуркинъ безпокойно шевельнулся.

— Да-съ. Такъ вотъ каково мое сужденіе, — снова прогу-
дѣлъ Безутѣшный, ярко выговаривая букву „о“.

Жмуркинъ шевельнулся съ тѣмъ же встревоженнымъ видомъ
и подумалъ:

„Придетъ сегодня Лидія Алексѣевна, или не придетъ“?

Это мѣсто у рѣки онъ выбралъ не даромъ.

Отсюда вся усадьба Быстрякова была какъ на ладони, а
Жмуркину былъ необходимо до зарѣзу вотъ именно такой на-
блюдательный пунктъ, для слѣдующихъ цѣлей. Онъ зналъ, что
у Загорѣловыхъ собираются сегодня гости. Вѣроятно, придетъ
и Лидія Алексѣевна; и вотъ когда она выйдетъ изъ воротъ
усадьбы, Жмуркинъ незамѣтно перехватитъ ее гдѣ-нибудь на
дорогѣ и будетъ наблюдать за нею. Можетъ быть, ее встрѣтитъ
Загорѣловъ гдѣ-нибудь въ закоулкѣ и якобы случайно, и эта
встрѣча, можетъ быть, что-нибудь повѣдаетъ Жмуркину, разрѣ-
шивъ такъ или иначе его сомнѣнія, мучительно томившія его.
И вотъ онъ сидѣлъ и глядѣлъ на усадьбу, почти не слушая
Безутѣшнаго. А тотъ прохаживался мимо него и говорилъ:

— Вотъ я цѣлый часъ говорю съ тобою, а самъ вижу,
что ты ни единому слову моему не вѣришь. И не думай, что
ты не вѣришь мнѣ только потому, что человѣкъ я безъ опре-
дѣленныхъ занятій и пьяница. Совсѣмъ нѣтъ! Ты мнѣ не вѣ-
ришь лишь потому, что люди никогда не вѣрятъ истинѣ. „Тымы
низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“!.. И
потомъ развѣ ты не читалъ: „Пришелъ Іоаннъ, не ѣстъ, не
пьетъ и говорятъ: Въ немъ бѣсъ! Пришелъ Сынъ Человѣче-
скій“... Ну, и Ему тоже не повѣрили... Да-съ, такъ вотъ почему
ты мнѣ не вѣришь!

Безутѣшный замолчалъ и заложилъ руки въ карманы своего
старенькаго пиджака изъ суроваго полотна. Пиджакъ былъ ко-
ротокъ, карманы приходились слишкомъ ужъ высоко, и эта поза
дѣлала Безутѣшнаго еще болѣе сутулымъ. Нѣсколько минутъ
онъ ходилъ молча. Жмуркинъ тоже молчалъ, задумчиво погля-
дывая на окрестности.

Вокругъ было свѣтло и ясно. Рѣчка Студеная сверкала на
солнцѣ, а здѣсь, у рѣки, зноя совсѣмъ не чувствовалось. Хоро-
шій, солнечный день, казалось, не жегъ земли, а лишь нѣжно
согрѣвалъ ее, погружая въ самое благодушное состояніе. Ясныя
и нѣжныя краски, разлитыя повсюду, по всей окрестности,
по полямъ, водѣ и небу, достоверно свидѣтельствовали вотъ
именно объ этомъ благодушіи. Было очевидно, что здѣсь, среди

этого свѣта и этого тепла, вся окрестность чувствуетъ себя хорошо, уютно и радостно, совершенно такъ же, какъ чувствуетъ себя человѣкъ среди милыхъ и добрыхъ друзей.

Между небомъ и землею словно установились хорошія, дружескія отношенія.

— А по моему,—заговорилъ Безутѣпный снова,—по моему, ужъ если рѣшать вопросъ, кому изъ насъ вѣрить: Загорѣлову или мнѣ, такъ предпочтательнѣе мнѣ отдать надо.

— Это почему же?—спросилъ его Жмуркинъ не безъ извѣстности.

Безутѣпный сдвинулъ старенькую соломенную шляпу на лѣвое ухо, защищаясь отъ солнца. Его длинныя лохматые волосы шевельнулись отъ этого движенія.

— А потому-съ,—сказалъ онъ, сильно окая,—потому-съ, что я сорокъ лѣтъ на свѣтѣ живу и въ эти сорокъ—двѣсти годовъ успѣлъ прожить. Чѣмъ-чѣмъ только я не былъ. Я былъ богачомъ,—говорилъ онъ, прохаживаясь мимо Жмуркина.—Богачомъ, ибо цѣлыхъ тридцать-пять тысячъ, все отъ отца доставшееся, въ одинъ годочекъ ухлопалъ. Жилъ какъ богачъ: имѣлъ содержанку, рысаковъ, по четвертной на чай выбрасывалъ. Былъ и актеромъ. Былъ „Чудомъ Африки“—дикимъ кафромъ, именемъ „Соколиный Глазъ“. Стекло ѣлъ, веросинъ пилъ, и обо мнѣ вотъ такими буквами на афишахъ печатали. Психопатовъ своихъ собственныхъ имѣлъ! Красный атласный фракъ носилъ. Апплодисменты обшленные слышалъ! И что-же? и ничего! „И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ“... Д-а-а! Былъ я псаломщикомъ,—продолжалъ онъ снова,—былъ музыкальнымъ настройщикомъ. Былъ „профессоромъ здравого смысла“ при купеческой дочери Митрофаніи Круцолобовой. Дочь эта круглая дура была и въ восемнадцать лѣтъ папы и мамы связать не умѣла. Такъ вотъ я ее за пять рублей въ мѣсяцъ здравомыслию обучалъ. И обучилъ! Въ четыре мѣсяца четыремъ словамъ ее выучилъ, по пяти цѣлковыхъ за слово. Папа, мама, мерси и боужуръ. Все, что купеческой дочери нужно. А пятому слову она уже сама отъ меня выучилась и бесплатно. Знаешь, какое это слово? догадываешься? О-чи-щен-на-я!—произнесъ Безутѣпный членораздѣльно и разсмѣялся. Смѣхъ у него былъ отрывистый, но гулкій, словно онъ смѣялся въ колодезь.

— Да-съ. Чего-чего только не пережито,—добавилъ онъ со вздохомъ.—Былъ я эпикурейцемъ, былъ стѣнкомъ, былъ и двуногой свиньей...

— А теперь кто же вы такой?— снова спросилъ Жмуркинъ насмѣшливо.

— А теперь я свободный наблюдатель жизни. Чиновникъ особыхъ приключеній при министерствѣ утаптыванья дорогъ. Хладнокровный созерцатель человѣческихъ пакостей, Спиридонъ Безутѣшный.— Онъ ударилъ себя въ грудь короткими и толстыми пальцами.— Не смѣйся, Жмуркинъ, охъ, не смѣйся! Такъ вотъ кто я такой сейчасъ!— добавилъ онъ.— „Ужъ не жду отъ жизни ничего я“, а на прошлое мнѣ наплевать!

Жмуркинъ внезапно пересталъ смѣяться и поспѣшно поднялся на ноги. Слово розовое вечернее облако мелькнуло въ воротахъ Быстриковской усадьбы, и онъ сразу же сообразилъ, что это—зонтикъ Лиди Алексѣевны. Она идетъ къ Загорѣловымъ, это было ясно. Жмуркинъ со всѣхъ ногъ бросился прочь отъ Безутѣшнаго, въ жуткомъ волненіи, широко размахивая руками. Безутѣшный думалъ:

„Что это?! оса что-ли парня ужалила“?

— Жмуркинъ!— крикнулъ онъ ему вслѣдъ гудѣвшимъ какъ колоколъ голосомъ.— Жмуркинъ! Лазарь! Эй!— кричалъ онъ ему.— А Загорѣлову ты все-таки не вѣрь и отроку сему не подражай! Ибо это про него сказано: „И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься“! Слышишь, не подражай!— кричалъ онъ. Но Жмуркинъ его не слышалъ; его тонкая фигура уже скрылась за кудрявыми кустами, цѣплявшимися по скату холма.

— Чудны дѣла твоя, Господи!— повторилъ Безутѣшный, усаживаясь на берегу, лицомъ къ водѣ.

„А изъ него Загорѣловъ номеръ второй растетъ!— подумалъ онъ о Жмуркинѣ внезапно.— Загорѣловъ двойной очистки“!

— Чудны дѣла твоя, Господи!— повторилъ онъ снова въ задумчивости:— всѣ бѣгаютъ, всѣ суетятся, а удѣлъ всѣхъ— смерть. И ты, Студеная, умрешь,— сказалъ онъ рѣкѣ,— и не останется въ тебѣ ни единой капли, какъ въ бутылкѣ, попавшей въ руки пьяницы. И солнце потухнетъ. И воцарятся вокругъ мракъ и молчаніе. И бросить затѣмъ землю въ новое горнило, какъ кузнецъ бросаетъ негодную подкову. Для новойковки, для новой суеты, для новой безтолочи. Охо-хо-хо-хо! Чудны дѣла твоя, Господи!

Между тѣмъ съ Жмуркинымъ, торопливо взбравшимся по скату холма, случилось несчастіе. Онъ выронилъ изъ кармана свою записную книжку, ту самую, въ которой онъ велъ свой дневникъ. Потерять ее Жмуркинъ не рѣшился бы ни за что на

свѣтъ, и волей-неволей ему пришлось устремиться на поиски потеряннаго. Книжку эту онъ отыскалъ и довольно-таки скоро, но за то во время этихъ поисковъ онъ потерялъ изъ виду Лидію Алексѣевну. Она исчезла съ поля его зрѣнія, невѣдомо куда, словно провалилась сквозь землю, и ея розовый зонтикъ уже не мерцалъ болѣе передъ его глазами, какъ вечернее облако.

Убѣдившись въ этомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, Жмуринъ сначала совершенно растерялся, и нѣкоторое время онъ стоялъ на холмѣ съ помутившимися глазами, блѣдный и встревоженный, безъ единой мысли въ головѣ. Онъ совершенно не зналъ, что ему надлежитъ дѣлать. Однако вскорѣ же энергія проснулась въ немъ снова, и онъ тотчасъ же сообразилъ, что куда бы ни запропастилась Лидія Алексѣевна, воротъ Загорѣловской усадьбы ей все-же не миновать, если только она идетъ туда. Слѣдовательно, не все еще было потеряно для Жмурина. Ему надлежало только дѣйствовать какъ можно скорѣе и постараться перехватить молодую женщину гдѣ-либо около воротъ. Взявъ въ расчетъ эти соображенія, Жмуринъ поспѣшно двинулся въ погоню, наперерѣвъ, стараясь быть въ то же время подъ защитой кустарниковъ, какъ со стороны усадьбы, такъ и со стороны дороги. Бѣжалъ онъ къ забору сада, туда, гдѣ скважина между разохшихся тесинъ уже сослужила ему однажды свою службу.

Когда онъ взволнованно принялъ къ ней затуманенными глазами, онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она стояла бокомъ къ нему, почти у самыхъ воротъ, въ нарядномъ платьѣ, словно осыпанномъ малиновыми огоньками, вся вырисовываясь передъ нимъ какъ удивительно милый цвѣтокъ. А рядомъ съ ней стоялъ Загорѣловъ и держалъ ее за руку. На минуту все вспыхнуло въ глазахъ Жмурина, но, однако, онъ тотчасъ сообразилъ, что въ ихъ позѣ необычайнаго ничего не было. Это могло быть самымъ обыкновеннымъ рукопожатіемъ, если, конечно, они только-что встрѣтились. Но если нѣтъ? Если ихъ встрѣча произошла пять минутъ тому назадъ?

Жмуринъ вновь безпокойно припалъ къ скважинѣ. Но на этотъ разъ онъ рѣшительно ничего не увидѣлъ. Они ушли. Ихъ не было. Милые малиновые огоньки потухли.

Жмуринъ уныло пошелъ къ себѣ въ контору. Ему хотѣлось плавать.

Вечеромъ онъ ходилъ по усадьбѣ съ тѣмъ же убитымъ видомъ, углубленный въ свои думы, словно не видя окружающихъ.

Хорошенькая горничная Фрoся, въ бѣломъ чепцѣ и бѣломъ передникѣ, раза два прошла мимо него. И капризно отвернувъ отъ него лицо, но зацѣпляя его локтемъ, умышленно выдвинутымъ именно на этотъ случай, она каждый разъ задумчиво и скороговоркой произносила:

— Зачѣмъ душа моя страдаетъ?—Зачѣмъ я тщетно слезлю?—Ахъ, мой кумиръ не понимаетъ,—кого люблю, кого люблю, кого люблю!—Но онъ не замѣчалъ никого и ничего.

V.

Черезъ три дня Загорѣловъ снова работалъ у себя въ кабинетѣ вмѣстѣ съ Жмуркинымъ. И наскоро провѣряя книги и счета, онъ говорилъ ему:

— Чтобы имѣть успѣхъ въ дѣлѣ, нужно твердо помнить одно обязательное правило: съ зайцемъ, пожалуй, обращайся по-заячьи, но съ волками непременно по-волчьи. Волку, утѣшившему у тебя изъ стада барана, смѣшно говорить: „какъ вамъ не стыдно“? Такъ поступаютъ только глупцы. Умный же возьметъ дубину и отомнетъ вору бова. Такъ поступаю и я. И когда я вхожу въ сношеніе съ волкомъ, въ моемъ карманѣ всегда находится на запасъ великолѣпный волчій же клыкъ.

Онъ красиво и съ рощеркомъ подписалъ конторскую книгу, принявъ изъ рукъ Жмуркина очередной счетъ и продолжалъ:

— Хамелеонъ, ограждая себя отъ опасности, мѣняетъ окраску, заяцъ дѣлается зимою бѣлымъ, и смѣшно, если человѣкъ не будетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ, среди коихъ онъ вращается. Почему же онъ одинъ долженъ быть исключеніемъ изъ общаго для всѣхъ закона? Я этого не понимаю, совершенно не понимаю! Если человѣкъ—внѣдъ творенья, какъ его называютъ, такъ зачѣмъ же онъ долженъ быть глупѣе и непрактичнѣе твари?

Онъ хотѣлъ-было еще что-то сказать, но умолкъ, потому что въ дверь кабинета кто-то постучался.

— Можно войти?—раздался за дверью веселый, хриповатый голосъ, и по звуку этого голоса и Загорѣловъ, и Жмуркинъ, сразу же признали Быстрякова.

Загорѣловъ подумалъ: „Это животное навѣрно ко мнѣ недаромъ“!

— Войдите!—крикнулъ онъ ласково стучавшему.

Жмуркинъ поспѣшно подобралъ свои книги.

Между тѣмъ двери кабинета широко распахнулись, и въ комнату быстро и съ шумомъ вошелъ Быстряковъ. Онъ наскоро, широкимъ, размахистымъ жестомъ пожалъ руку Загорѣлова, рѣзкимъ кивкомъ отвѣтилъ на почтительный поклонъ Жмуркина и весело буркнулъ ему:

— Здравствуй, монахъ, въ сѣрыхъ штанахъ!

Послѣ этого Быстряковъ бухнулся въ кресло, тяжело приваливаясь въ его спинѣ и вытягивая ноги. Это былъ брюнетъ лѣтъ сорока-пяти, съ смуглымъ, рябоватымъ лицомъ, грузный, высокій и жирный, съ прямыми, гладко причесанными волосами, черными какъ смоль, и такую же круглой бородой, жесткой какъ щетка.

— А я къ вамъ, сосѣдушка, — заговорилъ онъ, когда дверь за Жмуркинымъ затворилась, — къ вамъ! — Его заплаканные глазки лукаво скользнули по Загорѣлову.

Онъ былъ одѣтъ въ легкую чесунчевую поддѣвку, красную шелковую рубаху и бархатные шаровары, низко спущенные надъ голенищами мягкихъ козловыхъ сапогъ.

— А вы вѣдь мнѣ, сосѣдушка, здорово нашлодили, — сказалъ онъ: — такъ хорошіе сосѣди не дѣлаютъ! — Онъ замолчалъ, складывая на своемъ кругломъ животѣ руки, и его лицо, какъ показалось Загорѣлову, приняло многозначительное выраженіе. Загорѣловъ слегка поблѣднѣлъ.

„Ужели онъ кое о чемъ пронюхалъ?“ — подумалъ онъ въ волненіи.

— Да-съ. Нашлодили! — между тѣмъ продолжалъ тотъ, въ то время какъ Загорѣловъ испытующе глядѣлъ на него пристальнымъ боковымъ взглядомъ. — Нашлодили! Пять десятинъ капустниковъ у меня подтопили. Да-съ! Вы вѣдь воду ноябрьскій годъ на вершокъ выше подняли.

„Ничего не пронюхалъ ципа!“ — подумалъ Загорѣловъ съ облегченіемъ.

Онъ насмѣшливо оглядѣлъ Быстрякова. Рябоватое лицо послѣдняго тоже внезапно повеселѣло, словно онъ сообщилъ сейчасъ собесѣднику весьма пріятное для него извѣстіе. Загорѣловъ пожалъ плечами.

— Какихъ капустниковъ? — спросилъ онъ съ недоумѣніемъ. — Я подтопилъ у васъ, это вѣрно, но подтопилъ двѣ съ половиной десятины и не капустниковъ, а песку. Песку-съ! Тамъ всегда неурѣвный песокъ былъ. И двѣ съ половиной десятины! — повторилъ онъ: — я вѣдь эту площадь у васъ шагами какъ-то промѣрилъ!

Загорѣловъ едва замѣтно улынулся.

„Промѣриль!—подумалъ Быстряковъ:—ну же ты и собака!“
Онъ разсмѣялся; его животъ словно запрыгалъ.

— Ну, допустимъ двѣ съ половиной десятины, — сказалъ онъ: — разъ вы измѣряли, вамъ лучше знать. Будь по вашему. Я для добраго сосѣда на все готовъ. Будь по вашему. Но не песку, а капустниковъ. — Быстряковъ разсмѣялся. — Я тамъ нонѣшній годъ капусту посадилъ, — добавилъ онъ: — развѣ вы не слышали?

Говорилъ онъ громко, постоянно прерывая свою рѣчь хохотомъ и шумно возаясь въ креслѣ. Его жирное тѣло очевидно требовало постоянныхъ движеній.

Загорѣловъ съ досадою пожалъ плечами.

— Слышалъ, Елисей Аркадьевичъ, слышалъ и недоумѣвалъ. Послушайте, — заговорилъ онъ уже съ запальчивостью: — вѣдь я же просилъ у васъ разрѣшенія поднять на вершокъ воду, и вы мнѣ это разрѣшили. А потомъ садите капусту на песокъ ни къ чорту негодномъ. Умышленно! Зная, что песокъ этотъ затопить водою!

— Умышленно я или неумышленно...

Быстряковъ завозился, шаркнувъ по полу ногами.

— Ахъ, что вы говорите! Конечно, умышленно! — вскрикнулъ Загорѣловъ. — Но зачѣмъ же вы тогда мнѣ разрѣшили?

Быстряковъ усмѣхнулся.

— Я вамъ разрѣшилъ, это точно, — сказалъ онъ. — Поднять воду я вамъ разрѣшилъ. Но подтапливать мои капустники — этого я вамъ не разрѣшалъ. И потомъ, какое же это разрѣшеніе? Голословная деликатность это, а не разрѣшеніе. Условіевъ мы съ вами никакихъ какъ будто бы не писали!

„А, такъ ты вотъ какъ! — подумалъ Загорѣловъ сердито: — такъ ты меня хочешь „подъ ножку“? Подожди, и я тебя когда-нибудь такимъ же манеромъ шаркну!“

— Что вы говорите? — сказалъ онъ запальчиво. — Маленькій вы что-ли? Развѣ вы не знали, что если поднять воду на вершокъ, то вода на вершокъ и поднимется! Что вы маленький что-ли? — повторилъ онъ.

— Два аршина девять вершковъ ростомъ, — отвѣчалъ Быстряковъ: — маленький я или большой, — судите сами. А только если это и до суда дойдетъ... Какъ хотите!

Онъ пожалъ жирными плечами, шумно завозившись въ креслѣ. Загорѣловъ вспыхнулъ, но сейчасъ же овладѣлъ собою.

„Чего я сержусь-то на него въ самомъ дѣлѣ? — подумалъ онъ: — вѣдь онъ правъ. Нужно было съ нимъ условіе написать.“

Поживемъ—сосчитаемся. Уловимъ моментъ, и ему за это всыплемъ. Вдвое больше всыплемъ!

Онъ засмѣялся.

— Ну хорошо,—сказалъ онъ уже совсѣмъ весело.—Моя вина, и я плачу. Я согласенъ уплатить вамъ убытки. Сколько?

Они сторговались на трехъ-стахъ рубляхъ. Загорѣловъ долго давалъ лишь двѣсти-пятьдесятъ, но Быстриковъ стоялъ на своемъ, и каждый разъ восклицалъ съ хохотомъ:

— Максимъ Сергѣичъ! Да что вы въ самомъ дѣлѣ изъ-за полсотни варячитесь-то!

Уже собираясь уходить, онъ взялъ съ письменнаго стола номеръ юмористическаго журнала и, заглянувъ туда, вдругъ расхохотался.

— И тутъ нашего брата, купца, прохвачиваютъ!—воскликнулъ онъ сквозь оглушительный хохотъ.—Ну не щучьи ли дѣтки!

Загорѣловъ подошелъ къ нему.

— А что?

— Ну не щучьи ли дѣтки!—восклицалъ Быстриковъ, весь сотрясаясь отъ хохота.—Поглядите! Кверху ногами купеческую породу изобразили! Будто мы и ходимъ-то ужъ не по-людски! Ну не щучьи ли дѣтки!

Загорѣловъ усмѣхнулся.

— Это не купцовъ вверхъ ногами изобразили,—наконецъ сказалъ онъ,—это вы журналъ внизъ головой держите, почтеннѣйшій Елисей Аркадьевичъ!

— Развѣ? вотъ такъ штука! А я, признаться, не доглядѣлъ. Близорукъ, а пенснѣ дома забылъ!—говорилъ Быстриковъ безъ малѣйшей тѣни смущенія.

Быстриковъ былъ совершенно безграмотенъ, но безграмотность свою тщательно скрывалъ; и попадая въ просакъ, онъ каждый разъ ссылался на свою близорукость и на отсутствіе пенснѣ. Фамилію свою, впрочемъ, онъ подписывалъ артистически, съ выкрутасами, научившись этому механически у учителя чистописанія за пятьдесятъ рублей.

Когда онъ уѣхалъ, Загорѣловъ быстро прошелъ въ контору, къ Жмурину; тотъ привсталъ изъ-за товарнаго станка, на которомъ работалъ.

— Лазарь,—сказалъ Загорѣловъ съ гнѣвомъ:—возьми разъ навсегда за правило: если твой ближній нажметъ тебя на копѣйку, обрѣй его на рубль, чтобы ему впредь неповадно было!

Онъ взволнованно заходилъ по конторѣ.

— Ты знаешь,—говорилъ онъ,—моего отца обобрали до

чиста господа въ родѣ Быстрякова. И я съ вѣмъ могъ—поввѣтался. А сейчасъ Быстряковъ нагрѣлъ меня на триста рублей. Спросилъ за потопленіе его песковъ, и я ему ихъ далъ, и даже безъ росписки. Хочу сдѣлать опытъ: спросить онъ у меня вторично или нѣтъ? И если онъ спроситъ вторично, я вздую его на тысячу двѣсти, а не спросятъ—только на шестьсотъ. Триста рублей—тьфу-съ!—добавилъ онъ:—но тутъ важенъ фактъ, а не сумма.

Загорѣловъ остановился въ двухъ шагахъ отъ Жмуркина.

— Быстряковъ мельницу строить на Верешимѣ?—спросилъ онъ его вдругъ, мѣняя тонъ:—около моей грани?

— Строить-съ.

— И скоро она будетъ готова?

— Скоро. Есть вѣроятіе, что очень скоро.

— Такъ вотъ, когда она будетъ готова, ты сейчасъ же доложи мнѣ объ этомъ. Гдѣ-нибудь у себя запиши и не забудь. Слышалъ? Сейчасъ-же!

— Хорошо-съ.

— Понимаешь ли, слѣди за работой и въ тотъ же день доложи, какъ она будетъ готова. Непремѣнно!

Его лицо было серьезно и даже озабоченно.

— Слушаю-съ.

— Непремѣнно, непремѣнно!

VI.

Цѣлыхъ два дня Жмуркинъ бродилъ самъ не свой. Его томилъ воспоминаніе о поцѣлуѣ и рукопожатіи. Но затѣмъ онъ какъ будто успокоился. Передъ утреннимъ чаемъ, когда въ дымившихся низинахъ еще звонко распѣвали соловьи и уныло куковали кукушки, онъ выкупался вмѣстѣ съ Флегонтомъ въ Студеной. И это купанье словно ободрило его, освѣжило, пролило въ него умиротворяющее тепло. На обратной дорогѣ, возвращаясь съ купанья въ усадьбу, онъ весело оглядывалъ окрестности и весело думалъ:

„Не такая она, чтобы вздоръ себѣ такой позволить,—Лидія Алексѣевна. Сумасшедшій бредъ это съ моей стороны. Нужно ввать себя въ руки“!

И вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходило на мысль:

„Вѣдь если я и въ ея чистоту перестану вѣрить,—что же у меня тогда останется?“

А поварь Флегонтъ говорилъ ему:

— Хорошо этакъ выкупаться раннимъ утромъ. Пыжишься послѣ этого часа два, какъ дутый пирогъ, и радуешься самъ не знаешь чему. Всѣ жилы пляшутъ, точно тебѣ весь фаршъ заново передѣляли. Одно слово молодецъ! На ты, Господи, уповакомъ, весь міръ возьму махомъ!

— Хорошо, Лазарь Петровичъ!—благодарушно повторалъ онъ всю дорогу:—вонъ и у тебя на щекахъ корочка зарумянилась!

Всѣ люди всегда казались Флегонту похожими на кушанья. Загорѣловъ напоминалъ ему бифштексъ съ кровью, Анна Павловна—желе изъ красной смородины, Быстряковъ—бараній бокъ съ кашей, а Лазарь Жмуринъ—макарони. Только одинъ Безутѣшный избѣжалъ общей участи всѣхъ жившихъ въ усадьбѣ.

— Такое кушанье,—говорилъ Флегонтъ о немъ обыкновенно,—такое кушанье ни одинъ поварь не приготовить. Такія кушанья сами себя стараются, а какъ имъ названье—и чортъ ихъ знаетъ!

Утренній чай казался Жмурину особенно вкуснымъ.

— Чудеснѣйшая женщина Лидія Алексѣевна!—сказалъ онъ за чаемъ внезапно.

— Это Быстрякова жена?—спросилъ его Флегонтъ.

— Да. Рѣдкихъ качествъ женщина! Помнишь, въ прошломъ году тифъ въ Протасовѣ былъ? Вѣдь она каждый денечекъ туда навѣжала, больныхъ навѣстить. Съ чаемъ, съ сахаромъ, со всякими снадобьями! Тамъ ее, какъ ангела, каждый разъ поджидали. Скоро ли, дескать, свѣтлый лучъ на наше горе горькое взглянетъ!

Жмуринъ вздохнулъ и отставилъ отъ себя стаканъ чая. Его лицо приняло выраженіе мечтательности; свѣтлые глаза стали темнѣе.

— Да! рѣдкой чистоты женщина!—повторилъ онъ, вздыхая.—Этакими ручками да лохматыхъ мужиковъ растирать! Будетъ ли кто? А она растирала. Самъ своими глазами въ окошко видѣлъ. Въ избѣ Ивана Сазанова. А я подъ окошкомъ въ ту минуту стоялъ, въ избу войти боялся. Вѣдь тамъ, думаю, смерть, въ избѣ-то этой. А ее увидѣлъ и вошелъ, въ избу убогую, какъ въ рай. За такой чистотою и въ адъ войдешь, бровью не пошевелишь! Святѣйшая женщина, святѣйшая женщина!—повторялъ онъ задумчиво.

Въ сумерки онъ сидѣлъ тутъ же, на крыльцѣ кухни, въ такой же задумчивой позѣ и уныло молчалъ. Флегонтъ, примостившись рядомъ, чистилъ картофель, бросая его въ глиняный

тавъ съ водою, и протяжно насвистывалъ про себя какую-то пѣсню. Кругомъ было тихо, точно и дворъ усадьбы задумался о чемъ-то въ желтоватомъ сумеречномъ свѣтѣ. Красныя крыши усадебныхъ построекъ казались въ этомъ свѣтѣ бурными. Отъ водъ Студеной тянуло прохладой, и собаки, радуясь вечерней свѣжести, вылѣзли изъ-подъ навѣсовъ на середину двора. А на крыльцѣ дома сидѣли Анна Павловна и Глашенька, сорокалѣтняя женщина съ желтымъ пятномъ на лбу. Глашенька приходилась Загорѣловой дальней родственницей; мужъ ея, лошадиннй барышнякъ изъ сосѣдняго города, умеръ три мѣсяца тому назадъ, опился на ярмаркѣ хересомъ, почему она и проживала въ усадьбѣ на правахъ экономки, такъ какъ была бездѣтной. Посиживая на крыльцѣ, онѣ обѣ шелушили сѣмена тыквы и переговаривались шопотомъ.

— Твой-то на сторонѣ отъ тебя не фуфырить?—спрашивала Глашенька Анну Павловну, точно сердясь.

— Нѣтъ. Куда же ему отъ меня-то уйти? Отъ добра добра не ищутъ. Я довольна.

— То-то довольна! Охъ, баба, смотри, не проспи! Охъ, баба! Эй, баба!

— Нѣтъ, я довольна...

Жмуркинъ всталъ и уныло пошелъ дворомъ. „Святѣйшая женщина!—думалъ онъ, какъ во свѣ:—святѣйшая женщина, а я такую вдругъ околесицу“!

Когда онъ проходилъ мимо окна кабинета, его обликнулъ Загорѣловъ. Онъ подошелъ.

— Лазарь!—заговорилъ тотъ, подавая ему какой-то ключъ, —возьми вотъ это и сходи въ старую теплицу. Она заперта, такъ ты отопри вотъ этимъ. На! Поищи тамъ ключъ отъ письменнаго стола. Поищи гдѣ-нибудь на окнахъ. Мнѣ нужно достать планы: верешимская мельница мнѣ спать не даетъ.—Онъ размѣялся.—Да ты поскорѣе, пожалуйста!—добавилъ онъ съ улыбкой.

Жмуркинъ отправился туда.

Старая теплица стояла въ полуверстѣ отъ усадьбы въ глубокомъ разрѣзѣ холмовъ, среди лѣса, осѣненная столѣтними вязами. Нѣкогда тамъ была разбита и вся усадьба Хвалынцевыхъ, но теперь на старомъ пепелищѣ уцѣлѣла только она одна, ибо усадьбу послѣ пожара перенесли на новое мѣсто, оставивъ старуху доживать свои дни одной-одинѣшенькой. Впрочемъ, когда Загорѣловъ купилъ имѣнiе Хвалынцева, онъ подновилъ ее, устроивъ тамъ себѣ нѣчто въ родѣ кабинета, гдѣ онъ и жилъ

весьма продолжительное время, пока приводили въ порядокъ до-
нельзя запущенный домъ и усадьбу. Туда-то и отправился Жмур-
кинъ. Онъ отперъ дверь и переступилъ порогъ.

Однако въ каменныхъ стѣнахъ этого зданія было уже со-
всѣмъ темно; спущенныя шторы и листья деревьевъ почти не
пропускали слабого сумеречнаго свѣта, и отыскать въ этомъ
мутномъ мрагѣ влючъ было бы дѣломъ нелегкимъ. Жмуркинъ
чиркнулъ спичкой и увидѣлъ на письменномъ столѣ свѣчу. Онъ
подошелъ и зажегъ, оглядываясь вокругъ. Теплица осталась въ
такомъ же видѣ, какъ и была, когда здѣсь жилъ Загорѣловъ.
Деревянный полъ былъ устланъ ковромъ; направо отъ двери
у стѣны стояла кушетка, налѣво по стѣнѣ—комодъ, зеркало,
умывальникъ; прямо передъ дверью, между оконъ—столъ. Впро-
чемъ это обстоятельство нисколько не поразило Жмуркина, не
заняло его мысли. Но присутствіе здѣсь свѣчки на минуту оза-
дачило его. Онъ двинулся на поиски ключа; и скоро онъ на-
шелъ его у письменнаго стола, на стулѣ, сбоку. Онъ хотѣлъ
было уже потушить свѣчу, чтобы идти тотчасъ же вонъ, какъ
вдругъ одна весьма незначительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ совер-
шенно несоотвѣтствующая назначенію этой комнаты вещь рѣзко
уперлась въ глаза Жмуркина. Онъ даже протеръ глаза, сомнѣ-
ваясь въ себѣ.— Не сонъ ли это?—пришло ему въ голову. Онъ
приблизился къ кушеткѣ, пристально всматриваясь и все еще
какъ бы не вѣря себѣ, не желая вѣрить. Однако повѣрить при-
шлось. На кушеткѣ, между вышитой гарусомъ подушкой и бо-
ковымъ валикомъ, лежала видимо утерянная кѣмъ-то гребенка,
одна изъ тѣхъ, какими женщины придерживаютъ сбоку волосы.
Жмуркинъ взялъ эту гребенку въ руки, внимательно оглядѣлъ
ее со всѣхъ сторонъ и старательно запряталъ себѣ въ карманъ.
Затѣмъ онъ хотѣлъ-было снова потушить свѣчу, но не смогъ.
Въ его глазахъ на минуту заходили зеленныя волны. Онъ опу-
стился тутъ же на стулъ съ убитымъ видомъ.

— Вѣдь это ея гребенка,—стояло въ его головѣ,—ея, Лидіи
Алексѣевны. Она здѣсь была, здѣсь, съ Максимомъ Сергѣичемъ!

— Навѣрное ея гребенка,—прошепталъ онъ, чувствуя, что
его ноги холодѣютъ.

— Да чтò же это такое?—вдругъ простоналъ онъ.—Святая
святыхъ, гдѣ же ты?

Онъ потушилъ свѣчу и поспѣшно вышелъ изъ теплицы.
Между тѣмъ, когда онъ очутился уже на воздухѣ и его нѣсколько
обдуло вѣтромъ, онъ задалъ себѣ вопросъ:

— А почему я знаю навѣрное, что это ея гребенка?

— Этого не можетъ быть, не можетъ быть!—прошепталъ онъ рѣшительно. И всю дорогу онъ упрямо твердилъ себѣ мысленно:

— Не можетъ быть, не можетъ быть, не можетъ быть.

Передавъ Загорѣлову ключъ, онъ такъ же поспѣшно прошелъ къ заднему крыльцу и вызвалъ Фросю.

Та высочила къ нему радостная.

— Вы ничего не потеряли?—спросилъ онъ ее.

— А чтѣ? Кажется, ничего. А впрочемъ, хорошенько не знаю. Нѣтъ, можетъ быть, и потеряла.

— Я нашелъ гребенку, вотъ тутъ, у сада,—говорилъ Жмуркинъ.

— Гребенку?—перебила его Фрося:—хорошая? такъ это моя! Давайте-ка, я посмотрю! Непремѣнно моя!

Жмуркинъ уже хотѣлъ-было выдать ей находку, но вдругъ спохватился и спросилъ:

— Ваша хорошая? коричневая? съ золотымъ бордюромъ? да?

— Да.

— Ну, такъ это не ваша. Да, впрочемъ, я никакой гребенки и не находилъ. До свиданья!—И онъ пошелъ отъ нея.

— Не находили?—говорила между тѣмъ Фрося.—Вамъ, можетъ быть, меня вызвать захотѣлось? Лазарь Петровичъ! Куда же вы? послушайте! Фу-ты, ну-ты, — добавила Фрося съ досадой,—какой нынче народъ безукоризненный пошелъ!

А Жмуркинъ взявъ удочки и сачокъ и пошелъ къ усадьбѣ Быстрякова. Проходя дворомъ, онъ все смотрѣлъ, не видно ли гдѣ Лидіи Алексѣвны. Но ея нигдѣ не было видно. Тогда онъ обошелъ кругомъ сада съ безпечнымъ и сповойнымъ видомъ человѣка, возвращающагося съ рыбной ловли. И тутъ онъ увидѣлъ ее; она сидѣла на скамьѣ и что-то чертила зонтикомъ по песку. У него сперлось въ горлѣ и застучало въ виски; сдѣлавъ надъ собою усилие, онъ подошелъ, наконецъ, къ забору, но на него внезапно напалъ страхъ. Онъ хотѣлъ-было уйти вспять, убѣжать, скрыться, выстрадать тихомолвомъ и потушить въ себѣ все.

Но она уже сама замѣтила его, и ея милое дѣтское личико вопросительно глядѣло на него. Отступить было невозможно.

Онъ превозмогъ волненіе и сказалъ:

— Лидія Алексѣвна, пожалуйста сюда на минуточку!

Его голосъ срывался.

Она подошла къ нему, опавъ его всего нѣжными духами, лаская его яснымъ взоромъ милыхъ дѣтскихъ глазъ, которые,

казалось, ласкали всёхъ и все отъ неба до послѣдней козявки. Въ розовомъ воздушномъ платкѣ она казалась ему теперь свѣтлой обитательницей какого-то безконечно свѣтлаго міра, выглянувшей на него изъ-за розовой ткани облака. На минуту онъ забылъ все, что хотѣлъ сказать, для чего шелъ сюда.

— Здравствуйте! Вамъ что? — спросила она его первая, видя его замѣшательство.

— Я нашелъ гребенку, — сказалъ онъ, оправившись и уже весело и подумалъ: „Не ея, не ея, не ея“!

— Вотъ тутъ, отсюда не далеко. Думаю, не ваша ли? Гребенку, — повторилъ онъ.

И онъ подалъ ей свою находку, счастливый уже тѣмъ, что видитъ ее, говорить съ нею. Между тѣмъ она приняла гребенку, оглядѣла ее со всёхъ сторонъ и сказала:

— Да, это моя.

Она повертѣла ее въ своихъ тонкихъ пальчикахъ снова съ невиннымъ видомъ ребенка.

— Безъ всякаго сомнѣнія моя. Благодарю васъ! — добавила она съ кроткой улыбкой.

А Жмуринъ, отходя отъ забора, думалъ:

„Ну, что же? Ея, такъ ея. И все-таки это ничего не доказываетъ. Съ такими глазами не лгутъ! Никогда! Не лгутъ, не лгутъ“!

VII.

Дни стояли все такіе же солнечные, ясные, теплые и привѣтливые, общая богатая жатва. Изрѣдка шумно падалъ обильный и теплый дождь; изрѣдка со свистомъ проносился вѣтеръ, сломавъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ въ лѣсахъ и рощахъ; а затѣмъ снова окрестности свѣтлѣли въ ясныхъ, безоблачныхъ дняхъ. Обширная Загорѣловская усадьба, широко раскинувшаяся на скатѣ холма, среди разступившагося передъ нею лѣса, точно купалась въ этомъ радушномъ свѣтѣ и теплѣ, и весь ея щеголеватый, вычищенный видъ словно говорилъ о счастьѣ и довольствѣ, о привольной и обезпеченной жизни. А Загорѣловъ ходилъ все такой же веселый и счастливый по полямъ и лугамъ, по десятинамъ, освобожденнымъ изъ-подъ болота, весело прислушиваясь къ радостному шелесту тучныхъ злаковъ, къ неугомонному грохоту мельницы, оглашавшей окрестности гулкимъ счастливымъ ревомъ побѣдителя.

Онъ уже потиралъ руки, высчитывая ожидающіе его ба-

рыши, хмелѣя отъ счастья, составляя въ умѣ планы будущихъ работъ, долженствовавшихъ обогатить его, по его соображеніямъ, съ сказочной быстротою.

„Я буду богатъ, я буду страшно богатъ“, — думалъ онъ, весь сіяя отъ счастья, заглядывая впередъ съ увѣренностью удачника, еще не знавшаго пораженія.

Иногда онъ приходилъ въ контору къ Жмуркину, вычищенный и вылощенный, весь словно благоухающій силой, здоровьемъ, свѣжестью и увѣренностью въ себѣ, какъ солнечный день въ тучномъ полѣ.

— Лазарь, — говорилъ онъ ему однажды въ одну изъ такихъ минутъ, — жизнь превкусная штука, и у каждаго изъ насъ она одна. Провѣвать жизнь значитъ провѣвать все. Человѣкъ долженъ пользоваться ея дарами отъ всего сердца, ловить фортуна за хвостъ и прыгать въ ней на спину, какъ на лихого коня. Одолѣешь — твое счастье, а нѣтъ — „со святыми упокой“. Значить, ты только для того и былъ созданъ. Кроликъ, угодившій въ пищеводъ сокола, не заслуживаетъ лучшей участи, если онъ не умѣетъ хорошо прятаться. Вѣдь и ослѣпшій соколъ будетъ принужденъ умереть съ голода; ни одна самая негодная тварь не сунетъ ему въ горло своей головы, ибо на жизненномъ рынкѣ она будетъ стоять дороже генія, потерявшаго силу. Блѣдный соколъ! Имѣй мужество умереть, если даже негодная лягушка безъ труда увертывается отъ твоихъ лапъ! Имѣй мужество умереть, и да благословятъ твою кончину боги Эллады!

Жмуркинъ выслушивалъ его молча, съ почительностью на блѣдномъ лицѣ, и про себя думалъ:

„Кто же я? Кроликъ, не умѣющій прятаться, или ослѣпшій соколъ? Если кроликъ — туда мнѣ и дорога, а если соколъ — прозрѣть еще возможно“!

На пророка Елисея, 14-го іюня, вечеромъ, Загорѣловы собирались къ Быстряковымъ. Въ этотъ день Елисей Аркадьевичъ праздновалъ свои именины и вечеромъ у нихъ собирались сосѣди.

Анна Павловна стояла по этому случаю въ спальнѣ передъ зеркаломъ и, шурша шелковыми юбками, надѣвала корсетъ. Оволо нея возилась Глашенька, безуспѣшно помогая ей въ этомъ, и сердито ворчала:

— Ну, матушка, и нагуляла же ты тѣло! Ой, Господи! Ни одно платьѣ не стягивается! Чтò же теперъ дѣлать?

— Ничего, я довольна, — говорила Анна Павловна лѣнивымъ голосомъ: — все мое при мнѣ и останется!

— Ты думаешь жиромъ своимъ мужа себѣ обезпечить?—сердито ворчала Глашенька съ каплями пота на вискахъ. — Охъ, баба, эй, баба, не форси! И послѣ сдобной булки въ частомъ бываньи на рыблю кость тянетъ! Всякое бываетъ!

Умаявшись, она выскакивала въ буфетную и сердито шипѣла:

— Фрося! Чего ты зубы-то скалишь, тѣлка! Иди, помоги барынѣ корсетъ надѣть, у меня руки опускаются! Чего глаза-напы-то выкатила, —внута на васъ нѣтъ, согрѣшила я съ вами, грѣшница!

Глашенька вѣчно на всѣхъ сердилась; она считала себя по праву выше людей, такъ какъ кромѣ среды и пятницы она ежедневно ѣла постное и по вторникамъ.

Въ то же время въ саду по аллеѣ уже совершенно одѣтые, чтобъ ѣхать въ гости, ходили Перевертѣевъ и Суркова. Перевертѣевъ, черненый и юркій, съ сѣтью морщинъ на вискахъ, лукаво поглядывалъ на Суркову своими быстрыми глазами и говорилъ ей, скаля зубы:

— Судьбѣ было угодно, чтобъ вы и я прожили подъ сей гостепрѣимной кровлей цѣлыхъ два мѣсяца. Мы живемъ здѣсь вотъ уже пятнадцать дней; итого въ нашемъ распоряженіи остается ровно сорокъ пять; и въ нашей власти сдѣлать ихъ наиболѣе для себя пріятными. Не такъ ли? Давайте же, составимъ себѣ самый подробный планъ всей кампаніи. Вы ничего противъ этого не имѣете?

Онъ щурился, скаля зубы и поджидая отвѣта; но Суркова не отвѣчала ни слова, и только все ея цыганскаго типа лицо дрожало отъ задорнаго смѣха.

— Молчаніе знакъ согласія, — говорилъ Перевертѣевъ, не дождавшись ея отвѣта:—итакъ, я приступаю къ плану кампаніи. Съ вашего позволенія этотъ періодъ въ сорокъ пять дней я дѣлю на три момента — по пятнадцати дней въ каждомъ. Моментъ первый: „Молчаливое обожаніе. Пламенные, но робкіе взгляды. Случайная встрѣча у пруда“...

Суркова засмѣялась; ея блестящее, металлическаго оттѣнка платье тускло засвѣтилось въ полумракѣ аллеи, какъ чешуя змѣи.

— Тутъ пруда нѣтъ, —сказала она со смѣхомъ.

— Ну, такъ у рѣки, —поправился Перевертѣевъ.—Моментъ второй, —продолжалъ онъ:—„Любить или не любить? Вспышка ревности. Я твой“. Моментъ третій: „Но ты милѣй гусятъ. Въ чаду наслажденій. Разлука“. — Чему вы смѣтаетесь? Моему плану? Напрасно! Порядокъ звездъ умѣстенъ, а излишняя страсть

всегда только вредить дѣлу. Примите къ свѣдѣнію, что нието такъ гнусно не пьеть водки, какъ пьяница!

Перевертьевъ вдругъ замолчалъ, поймалъ локоть молодой женщины и прижалъ ея руку къ губамъ; но она выскользнула изъ его объятія съ проворствомъ змѣи, поспѣшно уходя отъ него сумрачной аллеей. У балкона она остановилась и повернула къ нему свое цыганское лицо, все еще дрожавшее лукавымъ задоромъ.

— Вы вышли изъ программы, — сказала она со смѣхомъ: — моментъ первый — молчаливое обожаніе и робкіе взгляды. И только!

Она скрылась въ широкихъ дверяхъ балкона, юрнувъ туда, какъ нарядная змѣя въ кустъ.

А Жмуринъ глядѣлъ на нихъ изъ окна своего флигелька и думалъ:

„Вотъ эти тоже живутъ во всю и ловятъ фортуна за хвостъ. Видно, вездѣ одни и тѣ же законы. Сегодня она сказала ему „нѣтъ“, а завтра скажетъ „да“. Это ужъ по всему видно. А вѣдь она замужемъ, и онъ женатъ“.

— Вездѣ одни и тѣ же законы, — проговорилъ онъ вслухъ, — только однимъ ероликамъ плохо! И по дѣломъ!

Онъ надѣлъ фуражку и задумчиво вышелъ на дворъ, подставляя легкой струѣ вѣтра горѣвшее лицо. Только-что видѣнная имъ картина горячо дразнила его воображеніе, какъ заманчивый сонъ, будоражила его сердце.

„И они правы, — уныло думалъ онъ о Сурковой и Перевертьевѣ, — и Максимъ Сергѣичъ правъ. Жизнь вкусна и единственная она у каждаго! Единственная“!

Онъ снова представилъ себѣ, какъ Перевертьевъ цѣловалъ руки Сурковой, и у него застучало въ вискахъ.

„Всѣ правы, — думалъ онъ, двигаясь въ тихомъ сумракѣ двора, — виноватыхъ нѣтъ. Виноватъ тотъ, кто плохъ“!

Вечеръ былъ тихій и ясный; отъ Студеной вѣяло прохладой, но звѣзды еще не выходили. Выбѣленные стѣны усадебныхъ построекъ казались желтыми. Жмуринъ подошелъ къ огню духни, окликнувъ Флегонта.

— Ты здѣсь?

— Здѣсь.

Флегонтъ вышелъ на крыльцо, съ папиросой въ зубахъ.

— Ты что?

— Скучно мнѣ, — отвѣчалъ Жмуринъ.

Они присѣли на крылечко, поглядывая на вечернее небо.

— Скучно мнѣ, — повторилъ Жмуринъ, — вотъ я хожу и думаю. Правы ли люди, которые пьютъ, ѣдятъ, веселятся и больше ничего? Вотъ о чемъ я думаю. А если они не правы, такъ въ чемъ же тогда правда?

— Въ чемъ правда? — переспросилъ Флегонтъ серьезно, — это, братецъ, мудреная штука. Мнѣ гдѣ знать. Я всю жизнь у плиты простоялъ. Спроси у книжекъ, которыя настоящія.

— Я у книгъ спрашивалъ, — отвѣчалъ Жмуринъ: — и книги не знаютъ, одна говоритъ одно, другая — другое.

Онъ замолчалъ, разводя руками. Его лицо выражало уныніе и недоумѣніе. Флегонтъ вздохнулъ.

— Книги не знаютъ, спроси у вѣры, — сказалъ онъ увѣренно, пуская дымъ уголкою губъ. — Та знаетъ!

— У какой? — спросилъ Жмуринъ: — и вѣры разныя. Вонъ въ селѣ Верешимѣ двѣ улицы и двѣ вѣры. Одни бракоборы, другіе — бѣглопоповцы. Одна улица поетъ: „Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не сознай!“ А другая: „Бракоборство ино-вѣрно и ученіемъ злоскверно!“ Кому же изъ нихъ вѣрить? — снова спросилъ онъ, разводя руками, съ унылымъ недоумѣніемъ въ глазахъ.

Флегонтъ сказалъ:

— Это не вѣра, а ересь. Ты спроси у настоящей, у стоящей того. А это не вѣра, а ерунда съ квасомъ!

Жмуринъ беспокойно шевельнулся.

— Да какая же настоящая? — повисилъ онъ голосъ: — у татаръ или у китайцевъ? — ты вотъ что мнѣ скажи!

Флегонтъ сердито молчалъ. Сѣрое вечернее небо слегка за-синѣло; береговой кустарникъ пустилъ струйку пара, словно дохнулъ на морозъ.

— Ну ужъ ты! — наконецъ сказалъ Флегонтъ: — ты ужъ, кажется, хочешь сказать, что настоящей вѣры и въ поминѣ нѣтъ. Этого быть не можетъ!

— Да которая же настоящая-то? — допытывался отъ него Жмуринъ возбужденно.

— Этого быть не можетъ, — упрямо повторялъ Флегонтъ, какъ бы не слушая его. — Этого быть не можетъ, чтобъ настоящей вѣры не было. Борщъ и то настоящій есть. Въ такомъ видѣ онъ борщъ, а въ такомъ — помой!

— Да въдъ это на чей вкусъ? — вскрикнулъ Жмуринъ: — на японскій или на татарскій?

— Извѣстно на чей, — огрызнулся Флегонтъ сердито. — Ты

въ оскаленныхъ ртахъ. Въ серединѣ же этого хоровода, подъ свѣтомъ люстры, весело мигали разноцвѣтными огнями бутылки винъ, наливковъ и водокъ. А гостиную и столовую отдали во власть молодежи, весело шаркавшей по полу въ безконечной кадрили. Акомпанировать имъ на пианино повѣренный при уѣздномъ сѣздѣ, Фердуевъ, пятидесятилѣтній мужчина съ покатымъ лбомъ, сильно накрашенными усами и бритымъ подбородкомъ. Въ одной изъ фигуръ онъ даже подпѣвалъ себѣ, весело припрыгивая на своемъ стулѣ послѣ каждаго такта:

„Мнѣ тверди-и-ли, напѣва-а-я:
Па-а-а-да-жди, плуто-овка!
У мужчи-инъ у всѣ-хъ така-а-и
Скверна-ая снаровка!“

Во время одного изъ антрактовъ, когда всѣ танцующіе и играющіе въ карты, удалились къ паптетамъ и фаршированнымъ пороссятамъ, этотъ же Фердуевъ, провозглашая тостъ за племянника, сказалъ слѣдующій экспромптъ:

„Благодѣтель
Елисей,
Добродѣтель
Всюду съѣ!“

Тутъ же между танцующими, но, однако, не принимая никакого участія въ танцахъ, находились Перевертьевъ и Суркова. Они сидѣли на разныхъ концахъ комнаты, молча, лишь перебиваясь взорами. Этими взглядами Перевертьевъ все вызывалъ ее въ садъ, но она точно не понимала знаковъ, и, слегка прикрывая свое лицо развернутымъ вѣеромъ, она вся какъ бы содрогалась отъ дупившаго ее хохота. Онъ не выдержалъ, прошелъ мимо нея и, пощипывая вздернутые кверху усы, въ полголоса пропѣлъ:

„Ка-акъ я л-любл-лю гусать“...

Она лукаво шепнула ему:

— Это ужъ третій моментъ! Вы совсѣмъ позабыли программу!

Онъ не отвѣчалъ ни слова и, подойдя къ балконной двери, снова сталъ вызывать ее въ садъ. Тогда она встала и, лавируя между танцующими, пошла, но не къ двери, а къ окну. Перевертьевъ послѣшно сбѣжалъ въ садъ и сталъ передъ этимъ окномъ, въ двухъ шагахъ. Онъ увидѣлъ ее; она стояла въ разлѣзѣ окна, лицомъ къ нему, вся словно сверкая задоромъ.

— Сойдите сюда!—прошепталъ онъ умоляющимъ тономъ.

— Зачѣмъ?—спросила она его шопотомъ же.

— Я васъ люблю!—прошепталъ Перевертьевъ.

Она засмѣялась, прикрываясь вѣеромъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ сообщаете объ этомъ?—прошептала она сквозь подавленный смѣхъ.—Меня это совсѣмъ не интересуеть!..

Съ минуту она стояла передъ нимъ, рѣзко вырисовываясь въ разрѣзѣ окна, какъ въ рамѣ, какъ бы вся содрогаясь отъ хохота, и ея блестящее платье тускло свѣтилось. Весь ея задорный и свользкій видъ точно говорилъ ему:

— Я тебя измучаю, истомлю, потому что мнѣ это нравится.

Она улыбнулась крупнымъ и яркимъ ртомъ, быстро повернулась и исчезла въ глубинѣ комнаты.

— Га-а-дюка!—прошепталъ Перевертьевъ злобно.—Посмотримъ же, кто кого!

Между тѣмъ Жмурвинъ ходилъ въ это время по низкому берегу Студеной и думалъ о Лидіи Алексѣевнѣ.

„Это ничего,—думалъ онъ,—что ея гребенка въ старой теплицѣ на тахтѣ оказалась. Это еще ничего не доказываетъ. Рѣшительно ничего“!

Онъ то присаживался на берегу, то вновь начиналъ ходить, напряженно размышляя все объ одномъ и томъ же и даже слегка жестикулируя локтемъ.

„Можетъ быть, Максимъ Сергѣичъ-то,—продолжалъ онъ свои размышленія,—встрѣтилъ ее тамъ у старой теплицы, ну и пригласилъ. Она по добротѣ и вошла. Посидѣли и поговорили. „Какъ вы поживаете?“—„Ничего, слава Богу!“ Поговорили и вышли. И больше ничего. А гребенку-то она тѣмъ временемъ и обронила“!

Онъ хотѣлъ-было снова присѣсть на берегу, чтобы вразумить себя, успокоить, одолѣть протестующій голосъ, какъ вдругъ сознание, что вотъ сейчасъ она, Лидія Алексѣевна, сидитъ съ Загорьловымъ, говоритъ съ нимъ, смѣется, быть можетъ, цѣлуется гдѣ-нибудь въ темномъ углу, снова точно подняло его на дыбы. Съ минуту онъ молчаливо глядѣлъ на тихія воды рѣки, жирно лоснившіяся во мракѣ, а затѣмъ круто повернулся и рѣшительной походкой отправился къ усадьбѣ Быстрякова. Онъ быстро шелъ по скату, бросая вокругъ тревожные взгляды и чувствуя мучительное биеіе своего сердца. Желаніе во что бы то ни стало разрѣшить сомнѣнія охватило все его существо, какъ пожаръ охватываетъ ветхое зданіе, и, подчиняясь его дикой силѣ, онъ ясно сознавалъ въ ту минуту, что бороться съ нимъ, съ этимъ желаніемъ, было бы совершенно бесполезно. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ ничтожнымъ передъ нимъ, настолько ничтож-

вымъ, что ему даже приходило на мысль, не пришло ли оно къ нему извнѣ, какъ проходить буря по соломинкѣ, брошенной на дорогѣ. Онъ подошелъ къ саду и вѣсколько раздышался, набираясь силъ для дальнѣйшаго. Затѣмъ онъ сталъ соображать, откуда ему лучше зайти, гдѣ избрать удобное мѣстечко для наблюдений, чтобъ самому оставаться незамѣченнымъ, гдѣ скрыться въ случаѣ опасности. Расположеніе Быстряковского дома онъ зналъ хорошо, такъ какъ частенько бывалъ съ порученіями отъ Загорѣлова, и теперь ему надлежало только умѣло избрать и умѣло выполнить намѣченное. Онъ сталъ думать. Въ этихъ размышленіяхъ онъ долго простоялъ за оградой сада, поглядывая на освѣщенные окна, на пятна свѣта, бѣлѣвшія въ кустахъ подъ окнами, какъ только-что выпавшій снѣгъ, на весь уютный домикъ, теперь гудѣвшій какъ всполошенный улей. Наконецъ онъ кое-что надумалъ. Мѣстомъ для своихъ наблюдений онъ рѣшился избрать отворенное окно комнаты, находившейся между той, которую сдѣлали буфетомъ, и той, гдѣ играли въ карты. Эта небольшая комнатка освѣщалась лишь свѣтомъ другихъ комнатъ, и тамъ было много темнѣе, чѣмъ въ остальномъ домѣ, но все-же каждый жестъ и движеніе туда вошедшаго были хорошо замѣтны изъ сада. Жмуркинъ обошелъ садъ, перелѣзъ черезъ заборъ и, засѣвъ въ густомъ вишневицѣ, въ двухъ саженьяхъ отъ окна этой комнаты, сталъ внимательно наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ домѣ. Онъ просидѣлъ такъ цѣлый часъ, напряженно поглядывая на окно, прислушиваясь къ безпечному говору, къ звонкому смѣху женщинъ, къ шуткамъ молодежи. Онъ видѣлъ горячіе глаза Сурковой, покатыя лобъ Фердуева, жирное тѣло Анны Павловны и многихъ другихъ, бывшихъ въ домѣ, но того, что ему было нужно, онъ, однако, не видѣлъ. Онъ началъ-было приходить въ отчаяніе какъ вдругъ увидѣлъ красивую фигуру Загорѣлова, внезапно появившагося въ полутемной комнатѣ. Жмуркинъ удвоилъ вниманіе. Между тѣмъ Загорѣловъ прошелся раза два по комнатѣ, поправилъ бороду, потянулся, зѣвнулъ и исчезъ снова. И вновь появился черезъ минуту. Такъ повторилось нѣсколько разъ. И тогда Жмуркину стало ясно, что онъ вызываетъ кого-то, ждетъ съ кѣмъ-то встрѣчи, рассчитываетъ на что-то.

Онъ весь выдвинулся впередъ. И тогда онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она поспѣшно впорхнула въ комнату, вся нарядная, какъ вешній мотылекъ, безповойно оглянулась на всѣ двери и вдругъ порывисто протянула обѣ руки Загорѣлову; тотъ поймалъ эти руки, прижалъ ее къ себѣ, припалъ къ ея губамъ и тот-

часть же точно отодвинулъ ее отъ себя. Послѣ этого они появились уже въ комнатахъ, гдѣ играли въ карты, оба совершенно невинные, спокойные и ясные.

А Жмуринъ чуть не повалился въ кустарникѣ. Однако онъ оправился и пошелъ вонъ изъ сада, уже не принимая болѣе никакихъ предосторожностей.

Идя снова по берегу Студеной, онъ думалъ:

„Святая святыхъ! Гдѣ же ты? Въ какую сторонушку упорхнула“?

— Наглая!—вдругъ крикнулъ онъ, чувствуя спазму въ горлѣ.
—Лживая! По-га-на-я!

Онъ повернулъ въ усадьбу. Онъ пришелъ къ себѣ во флигелекъ, зажегъ свѣчу, надѣлъ сверхъ пиджака ватную куртку и сѣлъ на кровать. Его томилъ приступъ озноба. Затѣмъ, нѣсколько согрѣвшись, онъ присѣлъ къ столу и досталъ свою записную книжечку, ту самую, гдѣ онъ велъ свой дневникъ. Обмакнувъ перо въ чернильницу, онъ четко вывелъ на чистой страницѣ: „14-ое Юня“.

Но тутъ его снова зазнобило и такъ сильно, что долго онъ не могъ написать ни одной буквы.

На слѣдующій день, утромъ, когда онъ пришелъ за приказаньями къ Загорѣлову, тотъ спросилъ его:

— Что это съ тобою, Лазарь? ты опять не въ духѣ?

Онъ отвѣчалъ, замкнуто улыбаясь:

— Несчастье у меня случилось, Максимъ Сергѣичъ.

— Какое?

— Святую святыхъ вчера ночью спалило.

Загорѣловъ улыбнулся.

— Какую это святую святыхъ?

— Такъ ужъ это, секретъ-съ! — Жмуринъ пожалъ плечами.

— Сувениръ какой-нибудь отъ предмета сердца что-ли? — сказалъ Загорѣловъ, расхохотавшись.

— Да почти что такъ-съ, — отвѣчалъ Жмуринъ и тоже засмѣялся своимъ похожимъ на кашель смѣхомъ. А уже собираясь уходить, онъ внезапно сказалъ Загорѣлову:

— Я еще вотъ чѣмъ хочу обезпечить васъ, Максимъ Сергѣичъ.

— Чѣмъ?

— А вотъ если я на этихъ дняхъ попрошу у васъ расчета, то-есть окончательнаго, такъ ужъ вы будьте добры меня не задерживать.

— Вотъ это мило! Съ какой же это стати ты думаешь отъ

меня уходить? Я тобой доволенъ,—говорилъ Загорѣловъ въ недоумѣніи.

— И я доволенъ вами-съ, Максимъ Сергѣичъ!—Жмуренья почтительно ивогнулся.—Но только дѣла такіа у меня вышли. Чрезвычайной важности дѣла-съ! Это, впрочемъ, не навѣрное-съ. То-есть, относительно моего ухода. Но если ужъ я расчесть спрошу, будьте любезны не задерживать! Будьте любезны-съ!

Выраженіе его лица было болѣе почтительнымъ, чѣмъ всегда.

IX.

Въ этотъ день за обѣдомъ Загорѣловъ смотрѣлъ необычайно веселымъ и оживленнымъ. Дурное расположеніе духа, впрочемъ, мало было знакомо ему, но все-же на этотъ разъ его веселость казалась бьющей черезъ край; онъ какъ бы предвкусывалъ въ своемъ воображеніи какое-то особенно лакомое блюдо, одно изъ тѣхъ, какія судьба приподноситъ даже и своимъ любимцамъ далеко не каждый день. И это-то обстоятельство и наполняло его весельемъ. Онъ со вкусомъ ѣлъ обѣдъ, со вкусомъ запивалъ его краснымъ виномъ и весело говорилъ Первертьеву:

— Я вѣрнѣе увѣренъ, что пессимистическое нытье большинства современниковъ обуславливается вовсе не тѣмъ, что они, видите ли, переросли жизнь и задыхаются въ ней, какъ задыхаются высшіе организмы въ средѣ, гдѣ великолѣпно чувствуетъ себя микробъ. Совсѣмъ нѣтъ! Это одно только ихъ утѣшеніе. Не переросли они жизнь, а не доросли до нея, и все ихъ нытье вырощено на почвѣ несваренія желудка и дряблости воли! Негодный фруктъ на негодной почвѣ!—Загорѣловъ даже брезгливо фыркнулъ.

Сурцова сказала:

— А Лермонтовъ? „И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ“... Слѣдовательно, и Лермонтовъ—ничтожество?

Анна Павловна шепнула Глашенъѣ, кивая на мужа:

— О чемъ онъ? Иль у него животъ болить? А у насъ какъ разъ грибы сегодня!

— У Лермонтова есть и другое стихотвореніе,—сказалъ Загорѣловъ, вытирая бѣлоснѣжной салфеткой золотистые усы.— „И буду твердъ душой, какъ ты,—какъ ты, мой другъ желѣзный!“ И потомъ, генія—не въ счетъ. Они—можетъ быть, и во

истину занесены къ намъ изъ другихъ міровъ. По ошибкѣ творящей силы, закупорившей ихъ болѣе возвышенныя души въ наши несовершенныя съ ихъ точки зрѣнія тѣла. А если это такъ, такъ нѣтъ ничего мудренаго, что они болѣютъ среди насъ, какъ пальма, вырощенная въ архангельской губерніи. И конечно же ихъ страданія возвышенны, и я имъ вѣрю всѣмъ сердцемъ, но все-же нельзя не согласиться, что архангельская-то губернія въ этихъ страданіяхъ совершенно вѣдь неповинна. И она въ правѣ сказать пальмѣ: „Ты прекрасна, мой другъ; я это вижу, и я сама залюбовалась твоею ослѣпительной красотой. Но ты требуешь отъ меня того, чего у меня нѣтъ, ибо ты не можешь питаться такъ, какъ питается клюква. А потому ты умрешь. И твое божественное тѣло бросать въ печь, чтобъ согрѣть озябшія руки бродячаго вогула“.—Загорѣловъ взялъ маленькій стаканчикъ вина и залпомъ выпилъ его.

— Это жестоко по отношенію къ геніямъ,—проговорила Суркова, останавливая на Загорѣловѣ свои горячіе глаза.

— А со стороны геніевъ,—отвѣчалъ тотъ,—безразсудно требовать у архангельской губерніи африканскаго солнца!

— А все-таки я крѣпко убѣжденъ,—говорилъ онъ, уже вставая изъ-за обѣда,—что пессимистическое нитье современниковъ есть несвареніе желудка и дряблость воли. Что за птица наше земное счастье, и гдѣ зимуютъ сія раки—современникъ знаетъ великолѣпно, но достать рака онъ, увы, не умѣетъ, ибо трусливъ, лѣнивъ и непредпринчивъ. А можетъ быть, этотъ вкусный фрувтъ уже плохо переваривается его желудкомъ. И вотъ, въ силу-то этого являются всѣ эти ахи и охи, недовольное брюзжаніе и кисляйничество!

Послѣ обѣда Загорѣловъ поспѣшно прошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ старательно умылся, надушилъ бородку и усы и перемѣнилъ свѣтлый пиджакъ на болѣе темный. Затѣмъ онъ надѣлъ легкую спортсменскую фуражку и, взявъ трость, вышелъ на дворъ. Прямо отъ крыльца онъ повернулъ къ конторѣ.

— Верешимская мельница еще не готова?—спросилъ онъ Жмуркина, вызвавъ его на крыльцо.

— Никакъ нѣтъ. Еще не готова!

— А ты за ея постройкой поглядываешь?

— Какъ-же-съ. Со всѣмъ рвеніемъ.

Жмуркинъ улыбнулся. Онъ былъ блѣденъ, и подъ его глазами червѣли круги.

„А онъ недугомъ какимъ-нибудь болѣетъ“, подумалъ Загорѣловъ.

— У тебя печень не болитъ-ли, Лазарь?—спросилъ онъ его:— видъ у тебя совсѣмъ больной. Съ докторомъ тебѣ надо посоветоваться. Да вотъ что,—добавилъ онъ затѣмъ какъ бы вскользь:—сейчасъ я прогуляться иду, такъ вотъ если я кому безотлагательно понадобится, пусть меня все-таки не ищутъ,—я скоро обратно буду. Слышишь? Пусть не ищутъ!

— Хорошо-съ.

Загорѣловъ съ безпечнымъ видомъ вышелъ за ворота и сначала направился въ лѣсъ; но едва только лѣсная опушка заклонила собою усадьбу, онъ повернулъ направо, спускаясь по скату, туда, гдѣ въ глубокомъ разрѣзѣ между холмовъ стояла старая теплица.

Вскорѣ онъ подошелъ къ ней, внимательно оглядываясь, не видитъ ли его кто. Но кругомъ не было ни души; только столѣтніе вязы стояли вокругъ, какъ лѣсные старѣйшины, спустившіеся сюда въ русло для какого-то совѣщанія. Въ глубокомъ руслѣ пахло гнилой, сыростью и гнѣющимъ листомъ. Загорѣловъ вставилъ ключъ въ замочную скважину, быстро отперъ дверь и, шагнувъ во внутрь, снова замкнулъ ее за собою.

— Я никакъ не думалъ, что ты уже здѣсь,—сказалъ онъ затѣмъ съ улыбкой.

Лидія Алексѣевна приподнялась къ нему на встрѣчу съ тахты. Загорѣловъ тоже двинулся къ ней. Они сошлись и молча сомкнулись въ долгомъ и крѣпкомъ объятіи.

— Ну, здравствуй!—сказалъ Загорѣловъ, цѣлуя ея руки и губы.—Я такъ скучалъ по тебѣ!—добавилъ онъ, снова обнимая ее и сажая на тахту.—Ухъ, я такъ радъ!

Бережнымъ движеніемъ онъ сбросилъ съ нея сѣрый плащъ, закрывавшій ее всю до самыхъ пятъ. Она осталась въ мягкомъ домашнемъ капотѣ съ четырехъ-угольнымъ вырѣзомъ вокругъ шеи.

— Я тоже такъ скучала, такъ скучала!—сказала она, заглядывая въ его лицо милыми глазами ребенка. Всей своей фигурой она походила на дѣвушку.

Они говорили въ полголоса, постоянно заглядывая другъ другу въ глаза, точно пытаясь налюбоваться на все время разлуки. Голосъ Загорѣлова, обыкновенно звонкій, звучалъ теперь нѣжно, сдѣлался болѣе низкимъ, болѣе пѣвучимъ.

— Я такъ боялась, когда шла сюда,—говорила между тѣмъ Лидія Алексѣевна.—Даже когда ты отпиралъ дверь—боялась. А вдругъ, думаю, не онъ?

— Кто же пронибнетъ сюда, кромѣ насъ?—сказалъ Загорѣ-

ловъ, бережно пожимая ея руку:—вѣдь ключи только у меня да у тебя.

Лидія Алексѣевна тѣснѣе прижалась къ его плечу.

— Я это знаю,—сказала она.—А все-таки страшно; вдругъ кто узнаетъ! Что будетъ тогда съ нами? Меня запрутъ на ключъ,—продолжала она, словно вся опечалившись,—а тебя... что будетъ съ тобой?

Она покачала головой, съ выраженіемъ внезапной боли на всемъ хорошенькомъ личикѣ.

— Мужъ тебя не убьетъ, въ этомъ я убѣждена; онъ никогда не рискнетъ на это. Но ты помнишь Завалишинскую исторію? Она внезапно припала на грудь къ Загорѣлову и расплакалась, всхлипнувъ всей грудью. Ея лицо стало совсѣмъ дѣтскимъ.— Что если и тебя также,—повторяла она сквозь слезы,—что если... Боже, какъ все это тяжело сознавать!

— Ну, полно,—сталъ утѣшать ее Загорѣловъ,—никто никогда не узнаетъ. Будь только осторожна. И никогда, никогда никто!

Онъ цѣловалъ ея руки, пытаясь заглянуть въ ея глаза.

— Ну, полно, полно же!—шепталъ онъ.

Онъ хорошо зналъ Завалишинскую исторію. Обманутый Завалишиннымъ, мужъ нанялъ за пятьдесятъ рублей протасовскихъ крестьянъ; тѣ изловили его на мѣстѣ свиданія и избili такъ жестоко, что черезъ годъ онъ умеръ. И теперь, невольно припоминая всѣ подробности этой исторіи, Загорѣловъ думалъ:

„Надо быть осторожнѣе. Какъ можно осторожнѣе!“

— Ну полно, полно,—шепталъ онъ успокоительно, низкимъ груднымъ голосомъ, лаская плечи молодой женщины.—Будь осторожна, и тогда никто никогда не узнаетъ! Я не такъ глупъ, чтобы влетѣть такъ, какъ влетѣлъ Завалишинъ. Ну, успокойся! Ну, милая! Ну, радость!

Лидія Алексѣевна приподняла заплаканное личико.

— Ну, я не буду больше,—говорила она, вытирая слезы и пытаясь улыбнуться.—Вотъ видишь, я уже перестала!—Она стала ласкаться о его плечо, какъ кошка.—Я тебя люблю,—повторяла она, ласкаясь къ нему,—я тебя люблю, и будь что будетъ. Но если кому-нибудь изъ насъ суждено пострадать, такъ ужъ лучше пусть я!—Она снова едва сдержала слезы и грустно добавила:—А все-таки обманывать такъ противно.

— А что же намъ дѣлать? Что же дѣлать?—сказалъ онъ съ грустью на лицѣ.

И онъ сталъ говорить.

Она ни въ чемъ не виновата и страдать ей не для чего. Она должна убѣдить себя въ этомъ разѣ навсегда. Ее выдали замужъ насильно, противъ ея воли, неопытной дѣвчонкой, убѣдивъ ее, что такъ всѣ и всегда поступаютъ, что такъ ведется чуть ли не отъ сотворенія міра, что хорошей дѣвушкѣ даже зазорно выбирать себѣ самой жениха. И она послушалась стариковъ, согласилась и, проплакавъ всю ночь, поѣхала въ церковь. А потомъ она встрѣтилась съ нимъ, и они полюбили другъ друга. Такъ что же имъ дѣлать теперь? Хлопотать о разводѣ? Но развѣ съ ея мужемъ возможенъ даже разговоръ о такомъ дѣлѣ? Вѣдь если онъ только заведетъ объ этомъ рѣчь, такъ это кончится для него вотъ именно Завалишинской исторіей. А ее замкнуть на ключъ. Такъ что же имъ наконецъ дѣлать? Вѣдь они молоды. Ему двадцать восемь лѣтъ, а ей и всего-то девятнадцать. Такъ неужели же имъ разойтись, не извѣдавъ счастья любви? Загорѣловъ говорилъ убѣжденно, вѣжно цѣлуя ея руки. Она прильнула къ нему, и вдругъ отстранилась съ выраженіемъ страха на поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Тсс! — шепнула она: — вокругъ кто-то ходитъ. Слышишь?

— Ну что же, — сказалъ Загорѣловъ, — и пусть себѣ ходитъ. Дверь заперта, рамы оконъ замазаны крѣпко, и гардины спущены. Пусть себѣ ходитъ, — повторилъ онъ, — онъ ничего не увидитъ. Говори только тише!

Близость женщины, казалось, совсѣмъ опьянила его, и ему было тяжело выпустить ее изъ рукъ хотя бы на минуту. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы снова привлечь ее къ себѣ. Но она отстранилась, безпокойно шепча:

— Кто-то ходитъ. Слышишь, зашелестѣла трава?

Онъ жадно поймалъ ея руки, привлекая ее къ себѣ съ возбужденнымъ лицомъ.

— Это вѣтеръ, — сказалъ онъ.

Но она все шептала, вздрагивая:

— Кто-то ходитъ, кто-то ходитъ вокругъ! Пустя! Кто-то ходитъ!

И тогда онъ на цыпочкахъ подошелъ къ окну, осторожно отвернулъ уголокъ гардины и заглянулъ въ звено. Такъ онъ обошелъ всѣ окна.

— Никого, — сказалъ онъ. — Вокругъ только лѣсъ да мы. Это шелеститъ вѣтеръ. — Онъ подошелъ къ ней. — Никого, — повторилъ онъ, блѣднѣя и съ судорогой на губахъ. — Лѣсъ, да мы, да вѣтеръ. Здравствуй! — добавилъ онъ вдругъ шопотомъ.

Она рванулась къ нему. Онъ обнялъ ее и приподнялъ какъ былинку.

X.

Вечеромъ въ первое же воскресенье послѣ именинъ Быстрякова, столь памятныхъ для Жмуркина, у Загорѣловыхъ вновь собрались гости. Весь домъ былъ ярко освѣщенъ. Гости остались ужинать, и въ половинѣ двѣнадцатаго Флегонтъ уже отпускалъ сладкое. Онъ со вкусомъ уставлялъ на широкомъ блюдѣ фисташковое бланманже и говорилъ Фросѣ:

— Цвѣтъ-то какой? Аквамаринъ! Средиземное море это, а не пирожное! На ты, Господи, уповахомъ, ловко соорудилъ, остроглазая! А это вотъ янтарь изъ того самаго моря!—добавилъ онъ, тщательно раскладывая вокругъ прозрачное желе, искусно налитое въ апельсиныя корки.

— Бараній бокъ съ кашей остался, что-ли, ужинать?—вдругъ спросилъ онъ Фросю.—Ну, Быстряковъ, что-ли?—пояснилъ онъ тотчасъ же, видя, что та не понимаетъ вопроса.

— Остались.

— Такъ вотъ, когда ты вотъ это самое произведеніе ему подавать будешь, ты у него того—тихимъ манеромъ вилку отбери. А то онъ вилкой ковчираться начнетъ и всю мнѣ музыку испортить. Пусть лучше прямо изъ корочки схлебнетъ. Этимъ не подавится. Скажи, что поваръ Флегонтъ готовилъ! Фрося,—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ,—а вѣдь ты хорошенькая!

Фрося засмѣялась.

— А вы старенькіе!

— Ну, въ пятьдесятъ лѣтъ какая же старость! Въ пятьдесятъ лѣтъ можно даже Шамиля въ плѣнъ брать, а не только что съ майскимъ бутонномъ языкомъ чесать. Въ пятьдесятъ лѣтъ не старость,—добавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Да и не молодость,—сказала Фрося лукаво.

Флегонтъ комично вздохнулъ.

— Да, оно, конечно, въ пятьдесятъ лѣтъ кушанье, пожалуй, и того—пережаренное ужъ, а все-же ѣсть можно.

Онъ расхохотался и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая поймавъ Фросю.

Та увернулась.

— Нѣтъ ужъ ахъ оставьте! — сказала она капризно и съ досадой: — что у васъ за манера въ самомъ дѣлѣ каждый разъ цѣловаться!

Флегонтъ снова засмѣялся, покачивая головою и поглядывая на Фросю.

— Никакъ нѣтъ,—сказаль онъ,—я тебя сейчасъ цѣловать не буду. Я тебя тогда цѣловать буду, когда ты въ обѣ руки блюдо возьмешь. А сейчасъ нельзя! сейчасъ ты меня правой рукой вотъ въ это мѣсто толкнешь! Ну, бери, егоза, блюдо! готово!—добавилъ онъ:—бери, господа дожидаются.

— А вотъ и не возьму,—сказала Фрося капризно, принимая въ то же время широкое блюдо,—что это въ самомъ дѣлѣ!

Когда она была уже на порогѣ, онъ догналь ее и обняль за талию.

— Ну, вотъ теперь получай! — сказаль онъ: — господамъ желе, а тебѣ бeze. Сколько тебѣ: порцію, или двѣ? считай! разъ...

— Ей Богу, я сейчасъ блюдо брошу. Что за манера!

— Не бросишь, егоза. Два, три! Вотъ и все. А теперь ступай.

— А что?—говорилъ онъ ей вслѣдъ уже съ порога:—развѣ не вкусно? И молодому такъ не сдумѣть.

Онъ вошелъ въ кухню, переодѣлся, сбросивъ поварскіе доспѣхи, и вышелъ на дворъ. Обогнувъ садъ, онъ подошелъ къ рѣкѣ.

Тамъ у тихихъ водъ Студеной уже сидѣли Безутѣшный и Жмуринъ. Между ними на землѣ былъ разостланъ газетный листь, а на немъ размѣщалась бутылка водки, три рюмки, толстый ломоть ситника и куски разрѣзанной воблы.

— Ты что долго не шелъ?—спросилъ повара Безутѣшный.— Мы тебя ждали, ждали... По двѣ ужъ—не вытерпѣли—кувырнули!

Его громоздая фигура темнѣла въ полумракѣ косматымъ ворохомъ.

— Невогда было,—сказаль Флегонтъ:—пирожное отпускаль, а потомъ Фросю цѣловаль. А ловко вы здѣсь устроились!—добавилъ онъ.

Жмуринъ подумаль: „И этотъ вотъ жить умѣеть“.

— Ну-съ, провиантъ готовъ,—проговорилъ Безутѣшный басомъ, наливъ всѣ три рюмки.

— Я больше не буду,—отозвался Жмуринъ хмуро.

Онъ приподнялся и пошелъ берегомъ, удаляясь.

— Что онъ кавай?—спросилъ Флегонтъ Безутѣшнаго, кивая на удаляющуюся фигуру Жмурина.

Въ туселомъ сіяніи ночи тотъ казался какимъ-то призраккомъ, тѣнью человѣка.

— Задумывается онъ все о чемъ-то, — уныло проговорилъ Безутѣшный.

— Я вижу, что задумывается. Давно вижу, — согласился и Флегонтъ. — И какъ будто опять собирается куда-то. Только теперь не понять — куда. Не то въ монастырь, а не то въ острогъ!

Они снова выпили по рюмкѣ.

— Ухъ, хорошо жить! — вздохнулъ Флегонтъ, ставя опорожненную рюмку на газетный листъ.

— Чѣмъ хорошо-то? — угрюмо спросилъ Жмуркинъ, приближаясь и весь выдвигаясь изъ сумрака.

— Всѣмъ хорошо! — отвѣчалъ Флегонтъ. — Хорошо поработать въ потѣ лица. Хорошо бланманже на славу сострипать. Хорошо хорошенькую поцѣловать. Хорошо послѣ трудовъ рюмочки три водки опровинуть. Хорошо красоту Творца созерцать.

— „Вѣ-ру-ю“ — вдругъ запѣлъ онъ, ни съ того, ни съ сего, хриповатымъ баритономъ и также вдругъ оборвалъ пѣніе на полусловѣ. — Хорошо! — добавилъ онъ. — Налей-ка еще по рюмочкѣ! Эка ночь-то какая! — воскликнулъ онъ, — братцы-хватцы, достойны ли мы?

Вокругъ въ самомъ дѣлѣ было хорошо. Лунная ночь неподвижно стояла надъ землею, словно застывъ въ благоговѣйномъ созерцаніи. Волнистыя очертанія холмовъ призрачно вырисовывались въ лунномъ свѣтѣ. Надъ лѣсною опушкой то-и-дѣло мигала бѣлесоватая зарница, точно тамъ за лѣсомъ кто-то безпокойно взмахивалъ бѣлыми покрываломъ. И въ этой тишинѣ голоса разговаривающихъ звучали какъ струны, кѣмъ-то въ задумчивости перебираемыя.

— Хорошо, — повторилъ Флегонтъ. И кивая на бѣлое пламя мигнувшей зарницы, онъ добавилъ:

— Вонъ ангелъ Господень надъ лѣсомъ бѣлыми крылами трепыхчетъ. Чистую душу на разговоръ вызываетъ. Многое онъ въ эту ночь чистой душѣ расскажетъ! — Онъ снова внезапно запѣлъ и такъ же внезапно оборвалъ пѣніе.

— Вижу тебя, свѣтленькій, вижу! — вдругъ крикнулъ онъ мигнувшей зарницѣ, радостно, — но разговора съ тобой не достоинъ! Ибо азъ есмь — пѣсь! Поваръ Флегонтъ!

Онъ стувнулъ себя въ грудь кулакомъ и притихъ. Всѣ помолчали.

Въ рѣчкѣ Студеной что-то забульбулькало, точно тамъ что-то просыпали въ воду. Отдаленное рычанье мельницы прилетѣло какъ гудѣнье шмеля.

— Это не ангель, а электричество, — наконецъ сказалъ Жмуркинъ хмуро.

— По твоему электричество, а по моему Богъ, — отвѣчалъ Флегонтъ.

— По твоему все—Богъ.

— По моему все Богъ,—согласился дружелюбно Флегонтъ.— Все Богъ и вездѣ Богъ. Богъ въ небѣ, Богъ въ землѣ, Богъ и во мнѣ.

Жмуркинъ ядовито усмѣхнулся.

— То-то ты съ Богомъ-то въ себѣ и качаешь рюмку за рюмкой.

— И качаю,—сказалъ Флегонтъ.—Это слабость человѣческая, и мнѣ ее Господь-Богъ простить. Простить! — повторилъ онъ съ увѣренностью.—Потому, позоветъ меня Господь-Богъ на судъ свой праведный, и я перво-на-перво въ ноги Ему хлопнусь. „Чувствовалъ, дескать, красоту твою, Жизнедавче, чувствовалъ всегда и вездѣ! И наказаніе твое праведное, яко награду приѣмлю, ибо Ты еси истина и вѣрность!“ И буду вопить я, аки бѣсноватый: „Слава Тебѣ!“—Флегонтъ возбужденно умолялъ.

— Ловко, Флегонтъ!—буркнулъ Безутѣшный.

— И что же, тебя въ рай сейчасъ же послѣ этого?—спросилъ Жмуркинъ безучастно.

Онъ сидѣлъ въ задумчивости, обхвативъ руками колѣни, блѣдный, не приподнимая глазъ.

— Въ рай не въ рай,—отозвался Флегонтъ,—а гдѣ-нибудь на паперти примощусь. Это ужъ вѣрно. Много насъ на этой самой паперти соберется,—продолжалъ онъ,—грѣшниковъ, красоту негнѣнную Жизнедавца ощущавшихъ. И будемъ мы сидѣть ни во тьмѣ, ни въ свѣтѣ, ни въ теплѣ, ни въ холодѣ. И единжды въ годъ будетъ Онъ Самъ мимо насъ туда къ вратамъ царскимъ проходить яко день солнечный... И эта самая минута наградою намъ за весь годъ будетъ, да такую наградою, какую здѣсь и во снѣ не увидишь! Ухъ, хорошо!—снова вздохнулъ Флегонтъ:—хороша жизнь, хороша и смерть! Все хорошо!

Онъ замолчалъ. Вокругъ стало тихо. Только зарница тревожно металась надъ опушкою лѣса. Изъ раскрытыхъ оконъ дома прилетѣли веселые звуки цыганской пѣсенки.

„Это Суркова“, — подумалъ Жмуркинъ. Онъ сидѣлъ все въ той же позѣ, словно чѣмъ-то придавленный.

— Тамъ поютъ, — проговорилъ вслухъ Безутѣшный, — не спѣтъ ли и намъ что нибудь?

Не дожидаясь отвѣта, онъ громко отвѣшлялся.

— „О-отъ юно-сти мо-о-ея“,—вдругъ загудѣлъ его, похожій на колоколь, голосъ. Онъ точно порвалъ тишину, покотившись чугуннымъ хоромъ.

— „Мно-о-зи бо-о-рютъ мя страсти“,—подхватилъ Жмуркинъ высокимъ фальцетомъ.

Высокіе горловые звуки, казалось, высоко взвились надъ ними и рассыпались звучною трелью.

Присоединился и хриповатый баритонъ Флегонта.

Три совершенно разнородныхъ голоса встрѣтились, переплелись и зазвучали какъ одна струна...

— Ловко!—буркнулъ Безутѣшный, окончивъ пѣніе.—Развѣ еще что-нибудь спѣть? а?

Жмуркинъ и Флегонтъ молчали. Кто-то точно весь бѣлый и сіяющій на минуту показался надъ опушкой и вновь поспѣшно скрылся за темною стѣною лѣса, какъ за оградой. Лунная ночь молчаливо свѣтилась вокругъ.

Снова уныло загудѣла бархатная октава Безутѣшнаго.

— Да что ты!? — вдругъ крикнулъ Безутѣшный, обрывая свое пѣніе.

Онъ тяжело приподнялся, направляясь къ Жмуркину.

— Флегонтъ, тащи воды, живѣе!—говорилъ онъ:—вонъ, въ бутылку, зачерпни!

— Эка его какъ вдругъ! — повторялъ Флегонтъ, поспѣшно сбѣгая въ тихимъ водамъ Студеной. — Словно это его въ грудь ударилъ. Эко его, сердягу!

Жмуркинъ бился въ истерикѣ.

— Живая! живая!—судорожно вырывалось изъ его горла.

Ал. Н. Будищевъ.

„НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ“

ВЪ

И Т А Л І И

Окончаніе.

IV *).

Оставляя пока въ сторонѣ устройство „народныхъ университетовъ“ и разсмотрѣніе различныхъ ихъ типовъ и различныхъ уставовъ, мы остановимся прежде на той части, которая ближе всего касается преподаванія, а именно, на вопросѣ о курсахъ, методахъ и т. п. Въ темахъ курсовъ было до сихъ поръ большое разнообразіе. При краткости курсовъ, можно представить себѣ безконечность темъ, разработанныхъ до сихъ поръ въ итальянскихъ народныхъ университетахъ; между ними, какъ само собой разумѣется, въ странѣ въ высшей степени артистической, не послѣднее мѣсто отведено было исторіи искусства. Но, въ общемъ, научныя темы берутъ перевѣсъ. Разрабатывались довольно много и литературные предметы, а также политическая исторія, — предметы деликатнаго характера для народныхъ университетовъ, вслѣдствіе различныхъ и часто противоположныхъ вліяній, которыя могутъ оказывать на народное воспитаніе темпераментъ и способности профессора, призваннаго ихъ читать. Замѣчаніе, которое Ибсенъ вкладываетъ въ уста доктора Штокмана въ

*) См. выше: июнь, 590 стр.

„Врагъ Народа“, а именно, что всякая истина черезъ тридцать лѣтъ становится ложью, безъ сомнѣнiя, примѣнимо въ большей части литературныхъ и даже историческихъ произведенiй, гдѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, господствуетъ условность.

Въ флорентинскомъ народномъ университетѣ читался курсъ по исторiи Флоренціи двумя профессорами лица, Сальвемини и Родоллико; они въ нѣкоторой степени могли примирить съ собою такихъ ярыхъ противниковъ преподаванiя политической исторiи въ народныхъ университетахъ, какъ, напримѣръ, я. Нельзя сказать, чтобы ихъ курсы уже ничего не оставляли желать относительно цѣлей и дидактическихъ частныхъ, предъявляемыхъ народнымъ университетамъ, но во всякомъ случаѣ они дали возможность порадоваться друзьямъ народного высшаго образованiя. Первый прочелъ о происхожденiи Флоренціи до знаменитой осады, въ которой, какъ извѣстно, принималъ участіе Микель Анджело; другой же— объ ассоціаціяхъ среднихъ вѣговъ и въ частности во Флоренціи, причемъ оба развили эти пункты исторiи съ достаточной широтой синтеза, выставивъ на первый планъ экономическіе и социальные факторы, и заинтересовавъ аудиторію коллективнымъ движеніемъ массъ, обзоромъ фактовъ и частныхъ самыхъ характерныхъ, съ свѣжестью критики, съ направлениемъ и критеріемъ социологовъ.

Интересныя лекціи прочитаны были проф. Кіаруджи по анатоміи и проф. Бапти по патологiи.

Еще примѣръ изъ лекцій флорентинскаго университета. Между многими старыми пережевыванiями, которыя идутъ въ разрѣзъ съ характеромъ и цѣлями народного университета, какъ и съ понятіемъ научной культуры, съ духомъ новѣйшей интеллектуальности и даже съ самой элементарной логикой разума,—не послѣднее мѣсто принадлежитъ литературѣ, преподаваемой въ чисто схоластическомъ духѣ. Къ несчастью, только въ этомъ духѣ и преподается она во всѣхъ народныхъ университетахъ профессорами государственныхъ университетовъ.

Итакъ, въ флорентинскомъ народномъ университетѣ молодымъ учителемъ среднихъ школъ былъ прочитанъ курсъ сравнительной литературы, который хотя и грѣшилъ ложностью возрѣвiй, безсодержательностью доводовъ, традиціонной настойчивостью—все-таки, какъ принципъ, задуманъ прекрасно, и если въ будущемъ возможно будетъ избавиться по меньшей мѣрѣ отъ главныхъ недостатковъ,—этотъ курсъ можетъ стать литературнымъ курсомъ, наиболѣе полезнымъ въ народныхъ университетахъ, какъ наиболѣе отвѣчающій его характеру.

Эти примѣры, къ которымъ прибавлю еще курсъ эстетики, пройденной въ болонскомъ народномъ университетѣ профессоромъ Пило, также какъ и курсы по исторіи искусства и исторіи музыки, читанные во многихъ университетахъ, могутъ повести еще къ другому выводу: они могутъ обрисовать одно изъ самыхъ важныхъ и благодѣтельныхъ различій, выяснившихся мало-по-малу, въ силу вещей, между государственными и народными университетами. Въ этихъ послѣднихъ преподаванію социологіи отведено первое мѣсто, и затѣмъ слѣдуютъ, какъ основные предметы, антропология, этнологія, исторія цивилизаціи и т. д.

Мы здѣсь напомнимъ, что въ итальянскихъ государственныхъ университетахъ не существуетъ официальной кафедры социологіи, кромѣ Неаполя, гдѣ она ввѣрена профессору-метафизику (многіе профессора по собственной инициативѣ читаютъ свободные курсы социологіи и криминальной антропологии, какъ Скиаттарелля въ Палермо, Лоріа въ Падуѣ, Гроппали въ Моденѣ); есть только одна кафедра по исторіи искусства въ Римѣ, ввѣренная профессору Вентури. Этотъ извѣстный профессоръ еще недавно былъ приватъ-доцентомъ, когда теперешній министръ народнаго просвѣщенія, Нази, сдѣлалъ его ординарнымъ профессоромъ, обративъ такимъ образомъ его кафедру изъ свободной въ официальную. Не существуетъ въ государственныхъ университетахъ никакой официальной кафедры по психологіи, ни официальной, ни свободной по сравнительной литературѣ, исторіи цивилизаціи, всего, что касается музыки и т. п. Даже во Флоренціи, центрѣ искусства, въ институтѣ высшихъ наукъ (который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше университета, но во многихъ другихъ гораздо ниже), нѣтъ кафедры ни по эстетикѣ, ни по исторіи искусства.

Не надо забывать также и того, что въ обыкновенныхъ высшихъ школахъ лекція демонстрируется всѣми способами, и студентъ имѣетъ передъ собою всѣ средства, чтобы удержать въ памяти услышанное и обдумать его. Отсутствие всего этого — не говорю, чтобы оно обратило въ ничто, — но оно парализовало сильно преподаваніе въ самихъ государственныхъ университетахъ; — можно представить себѣ, что отъ этого преподаванія должно остаться въ народныхъ университетахъ, гдѣ читаются не настоящія лекціи, въ педагогическомъ смыслѣ слова, но конференціи болѣе или менѣе блестящія, — въ то же время болѣе или менѣе импровизированныя, почти всегда беспорядочныя, безъ органической связи, бросающіяся изъ стороны въ сторону. Методъ лекцій въ итальянскихъ народныхъ университетахъ — по формѣ — чисто ораторскій. Читаются лекціи разъ въ недѣлю, и каж-

дый день посвящается новому предмету, что даетъ шесть или семь (считая воскресенье) разнообразныхъ предметовъ. Читаются, кромѣ того, и настоящія конференціи въ часы, не положенные для лекцій. За отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, немногіе народныя университеты въ состояніи отпечатывать содержаніе лекцій и раздавать ихъ студентамъ, чтобы помочь имъ запомнить и поразмыслить надъ прочитаннымъ профессоромъ; рѣдки тѣ университеты, гдѣ печатаются „syllabus“ или содержаніе курсовъ; еще болѣе рѣдки университеты, которые бы обладали залами для чтеній, бібліотеками, хотя бы даже передвижными. Миланскій народный университетъ, который стоитъ во главѣ всѣхъ университетовъ, отпечаталъ въ видѣ брошюры „Программу курсовъ и конференцій за учебный годъ 1901—1902“, довольно большую, въ формѣ краткихъ изложеній лекцій, въ родѣ тѣхъ, что публикуются въ „Volksthümliche Universität“ въ Вѣнѣ. Кромѣ того, благодаря большому количеству слушателей, онъ имѣетъ возможность, благодаря одной издательской фирмѣ, печатать прекрасные обзоры, по 90 сант. за выпускъ. Въ флорентинскомъ народномъ университетѣ, уставъ котораго ставитъ въ обязанность выдавать слушателямъ краткій обзоръ лекцій во время каждой лекціи, или послѣ каждой лекціи, въ видахъ экономіи, публикуетъ только самое краткое содержаніе всѣхъ курсовъ за триместръ и изрѣдка лишь какой-нибудь „syllabus“. Учебный годъ начинается обыкновенно въ ноябрѣ, а кончается въ маѣ, юнѣ и даже юльѣ, такъ что надо считать 7 — 8 мѣсяцевъ ученія, какъ и въ государственныхъ университетахъ, только безъ того количества вакацій, которыми изобилуютъ эти послѣдніе.

Все въ силу того же недостатка финансовыхъ средствъ, будь это результатомъ плохого преподаванія или недостаточной энергіи многихъ совѣтовъ, нельзя сдѣлать болѣе того, что сдѣлано. Исключая миланскій, туринскій и болонскій народныя университеты, нѣтъ, насколько намъ извѣстно, такихъ университетовъ, которые были бы снабжены хотя бы, напримѣръ, волшебнымъ фонаремъ; нѣтъ ни одного университета, который бы имѣлъ инструменты и матеріалы для демонстративнаго и экспериментальнаго развитія предметовъ преподаванія, въ особенности физико-химическихъ. Какъ бы ни были расположены школьныя власти помогать народнымъ университетамъ, но представляются до сихъ поръ громадныя затрудненія, чтобы допускать студентовъ народныхъ университетовъ въ помѣщенія физическихъ и химическихъ курсовъ и дозволить имъ пользоваться инструментами въ кабинетахъ. Слѣдовательно, также и въ этомъ отношеніи

остается мало дѣйствительнымъ научное преподаваніе, даже въ тѣхъ университетахъ, которые менѣе другихъ могутъ жаловаться на отсутствіе средствъ и на недостатокъ энергіи совѣтовъ.

Въ виду малыхъ затратъ отдается предпочтеніе преподаванію такихъ предметовъ, которые по старой номенклатурѣ называются моральными науками, а также и по литературѣ и искусству. Многіе народные университеты—и первые въ этомъ отношеніи, конечно, миланскій и болонскій—устроятъ правильныя чтенія, посѣщенія и экскурсіи научныя, техническія, артистическія даже внѣ города; надо надѣяться, что вскорѣ въ состояніи будутъ предпринять то же и другіе народные университеты, какъ желаемое и систематическое дополненіе не только къ преподаванію соціальному, техническому и эстетическому, но какъ общее дополненіе къ воспитанію и къ культурѣ вообще.

Будучи членомъ совѣта въ флорентинскомъ народномъ университетѣ, я горячо ратовалъ за устройство экскурсій въ музеи, но долженъ былъ выслушать отъ одного изъ преподавателей, что онъ никогда не согласится тащить за собой по улицамъ цѣлую толпу учащихся,—и ни примѣръ Парижа, ни другихъ городовъ, не могли убѣдить не только его, но и весь совѣтъ управленія.

Дѣло въ томъ, что не нашлось еще молодыхъ ученыхъ, способныхъ на народное преподаваніе въ музеяхъ, на улицахъ и т. д. Теперь, впрочемъ, думаютъ сдѣлать систематичными посѣщенія музеевъ, галерей и монументовъ, а также и организовать болѣе отдаленныя поѣздки, съ цѣлью артистическаго обученія; такъ, на примѣръ, многіе народные университеты проектируютъ поѣздки по артистическимъ городамъ, въ Сиену, Флоренцію, Римъ.

Для приведенія въ исполненіе этой части программы, такъ естественно вытекающей изъ характера самого учрежденія, потребуется еще много времени, но пріятно уже констатировать эту тенденцію народныхъ университетовъ и отсутствіе всего подобнаго—въ государственныхъ университетахъ.

Предполагалось въ послѣднее время издавать общій годовой отчетъ итальянскихъ народныхъ университетовъ, но пришлось отложить это дѣло, за невозможностью имѣть точныя свѣдѣнія. Можетъ быть, это изданіе возможно будетъ отпечатать за 1903 годъ; во всякомъ случаѣ желательно, чтобы оно вышло какъ можно скорѣе, въ виду той пользы, которую можетъ принести не только всѣмъ изучающимъ этотъ предметъ, но даже и самимъ народнымъ университетамъ.

V.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ уставахъ, которые управляютъ организмомъ народныхъ университетовъ. Мы, вообще, не придаемъ особаго значенія уставамъ, и въ сущности правъ былъ Монтескьё, говоря, что не законъ дѣлаетъ людей лучшими, а люди улучшаютъ законы. Это выраженіе, какъ нельзя болѣе примѣнимо къ народнымъ университетамъ, успѣхъ которыхъ есть дѣло людей и времени, а не писанныхъ уставовъ. Но въ то же время нельзя отрицать, что и законы, въ нѣкоторомъ отношеніи, отражаютъ идеалы тѣхъ, кто ихъ составилъ, а также и различныя тенденціи среды, которымъ они принуждены были сдѣлать уступки, да и вообще имѣть ничего не-обходимѣе хорошихъ законовъ, хотя бы уже потому, что законъ имѣетъ громадное воспитательное значеніе.

Касаясь народныхъ университетовъ, надо бы было сдѣлать много различій по отношенію къ ихъ происхожденію, характеру, къ ихъ специальнымъ тенденціямъ и т. д., а также для того, чтобы имѣть болѣе сложный критерій для ихъ распредѣленія по типичнымъ группамъ. Но мы должны ограничиться самымъ простымъ, именно тѣмъ, что касается формы, болѣе или менѣе ассоціативной, народныхъ университетовъ. Съ этой точки зрѣнія, они могутъ быть легко сведены къ двумъ характеристическимъ группамъ:

а) народные университеты безъ ассоціативной формы и съ несовершенной ассоціативной формой (Римъ, Туринъ, Болонья, Венеція);

б) народные университеты съ совершенной ассоціативной формой (Миланъ, Флоренція).

Оставляя въ сторонѣ всѣ частности, ограничимся только представленіемъ, въ самой краткой формѣ, въ самыхъ существенныхъ чертахъ, схемы уставовъ главнѣйшихъ народныхъ университетовъ, и остановимся болѣе подробно на уставѣ флорентинскаго народнаго университета.

Римскій народный университетъ представляетъ собою особый типъ. На немъ излишне останавливаться долго; достаточно сказать, что онъ находится въ полномъ владѣніи ассоціации приватъ-доцентовъ, и его организмъ сводится къ извѣстному числу профессоровъ, читающихъ лекціи, и къ извѣстному числу слушателей, записавшихся на эти лекціи. Уставъ туринскаго университета представляетъ въ нѣкоторой степени ассоціативную форму, далеко, впрочемъ, не совершенную, — но статуть этотъ былъ

взять за модель при составлении уставовъ другими университетами, и потому заслуживаетъ вниманія интересующихся вопросомъ. Туринскій народный университетъ, первый по времени въ Италіи, возникъ въ средѣ тамошняго государственнаго университета, откуда и специальный типъ, который его характеризуетъ. Это—не „Einrichtung volksthümlicher Universitätsvorträge“ при вѣнскомъ университетѣ, и самъ онъ не находится въ зависимости отъ государственнаго университета, также какъ его дѣйствія не зависятъ отъ министра; но покровительство государственнаго университета даетъ, однако, себя сильно чувствовать. Во главѣ народнаго университета стоитъ общій совѣтъ, образующійся изъ а) шести профессоровъ государственнаго университета; б) четырехъ уполномоченныхъ отъ преподавателей; в) уполномоченныхъ отъ слушателей по одному на сто, когда число слушателей не превышаетъ 600 человекъ, и по одному на двѣсти, когда число слушателей выше 600; д) четырехъ гражданъ, извѣстныхъ по дѣятельности и сочувствію народному университету; е) изъ представителей различныхъ учреждений, обществъ, банковъ и т. д., которые способствуютъ въ широкой степени, и дѣломъ, и деньгами, расширенію народнаго университета. Должности въ туринскомъ университетѣ всѣ годовыя. Общій совѣтъ назначаетъ научную комиссію, которая заботится обо всемъ, что касается преподаванія, и административную комиссію для администраціи университета. Президентъ общаго совѣта предсѣдательствуетъ какъ въ той, такъ и въ другой комиссіи и во всѣхъ случаяхъ является представителемъ народнаго университета. Статутъ предусматриваетъ также образованіе библиотеки только для слушателей. Эти послѣдніе могутъ требовать аттестата по окончаніи курса.

Уставъ болонскаго народнаго университета есть почти сколокъ съ туринскаго, съ самыми ничтожными измѣненіями къ лучшему. Но этотъ университетъ далекъ отъ всякой внѣшней зависимости.

Народный университетъ въ Венеціи представляетъ собой переходную ступень къ новому типу. Хотя его статутъ и отличается значительною краткостью, но тѣмъ не менѣе онъ даетъ намъ ясно опредѣленное о немъ представленіе. Его пунктъ 3-ій говоритъ: „Венеціанскій народный университетъ учреждается членами-акціонерами и его преподавателями. Собраніе акціонеровъ созывается по меньшей мѣрѣ два раза въ годъ, чтобы обсуждать дѣла университета и избирать свой комитетъ управленія, состоя-

цій изъ девяти членовъ, между которыми избирается предсѣдатель“. Лекціи въ этомъ университетѣ для всѣхъ даровыя.

Народный университетъ Милана представляетъ собою, такъ сказать, наиболѣе совершенный типъ. Ассоціативная форма тамъ ясно опредѣлена, и миланскій народный университетъ не дѣлаетъ различія между членами и слушателями. Уставъ его — самый обстоятельный; въ нѣкоторыхъ частяхъ своего механизма и въ отдѣльных постановленіяхъ онъ ближе всего подходитъ къ флорентинскому уставу. Онъ управляется общимъ совѣтомъ, состоящимъ изъ пятнадцати членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, и подраздѣляется на научную секцію и административную. Уполномоченный совѣтникъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и служитъ представителемъ ассоціации и университета. Къ научной секціи примыкаютъ различныя спеціальныя коммисіи: по учрежденію библіотеки, по артистическому воспитанію и т. д.

Самую совершенную форму народнаго университета представляетъ собою — флорентинскій.

Здѣсь мы имѣемъ настоящую ассоціацию, конечная цѣль которой — содержать и поддерживать народный университетъ, откуда и ея названіе: „Ассоціация народнаго университета“. Ея 4-ый параграфъ говоритъ: „Ассоціации принадлежитъ главное управленіе всѣмъ университетскимъ движеніемъ въ провинціи. Она будетъ поощрять образованіе мѣстныхъ комитетовъ и народныхъ университетскихъ курсовъ въ мѣстахъ, наиболѣе къ тому подходящихъ, и, по возможности, снабжать ихъ своими преподавателями и своимъ дидактическимъ матеріаломъ“. Эти мѣстные комитеты могутъ, чрезъ посредство своего уполномоченнаго, принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Ассоціация снабжена будетъ библіотекой и будетъ поддерживать (насколько дозволитъ ей средства) въ народномъ университетѣ, а также и внѣ его, всѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ пополнить цѣли этого послѣдняго. Въ самомъ статутѣ, находится перечисленіе этихъ учреждений: экскурсіи и посѣщенія, съ научною, артистическою и практическою цѣлью, музеевъ, галерей, фабрикъ, ботаническихъ и зоологическихъ садовъ, монументовъ и т. д.; учрежденіе передвижныхъ библіотекъ, народныхъ конференцій по культурѣ и гигиенѣ, — передвижныхъ каедръ, — лѣтнихъ курсовъ, — полезныхъ народныхъ увеселеній (театровъ, представлений, концертовъ), — народныхъ школъ для преній, — совѣщательныхъ бюро юридическихъ, техническихъ и тому подобныхъ для народа; — заемъ книгъ у частныхъ лицъ, — продажа въ долгъ раз-

личныхъ научныхъ предметовъ, — учебная помощь (подготовка, репетиции), — матеріальная помощь бѣднымъ студентамъ и т. д.

Ассоціація устраняетъ себя отъ всякихъ манифестацій, политическихъ, династическихъ, патріотическихъ и религіозныхъ, и отъ всякаго дѣйствія, не относящагося къ чисто научнымъ цѣлямъ, во имя которыхъ она существуетъ.

Для слушателей нѣтъ никакого ограниченія въ возрастѣ, но оно существуетъ для членовъ ассоціаціи, которые не могутъ имѣть менѣе 18-ти лѣтъ. Они вносятъ 6 лиръ въ годъ, даже съ разсрочкой, и принимаются по простому заявленію, безъ всякихъ другихъ документовъ. Преподаватели по праву становятся членами ассоціаціи.

Ассоціація управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ 13 членовъ: 9-ти членовъ, избранныхъ собраніемъ, 2-хъ представителей отъ профессоровъ и 2-хъ отъ слушателей, которые, въ силу ихъ должности, становятся членами по праву. Совѣтъ раздѣляется, какъ и миланскій, на научную секцію и административную. Каждая секція имѣетъ своего президента и другія должности, требуемая дѣломъ. Всѣ должности, исключая секретаря и эконома, возобновляются каждые три мѣсяца по очереди между членами. Президентъ, въ сущности, есть не что иное, какъ совѣтникъ, уполномоченный представлять въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ассоціацію и заботиться объ общемъ ходѣ дѣла; во всемъ остальномъ онъ въ зависимости отъ совокупнаго дѣйствія секцій и всего совѣта. Срокъ должности — годъ, и нельзя быть выбраннымъ болѣе двухъ разъ подъ рядъ.

Въ концѣ года совѣтъ управленія представляетъ на обсужденіе и утвержденіе собранія финансовый и дѣловой отчетъ ассоціаціи. Другой отчетъ представляютъ три цензора, должность которыхъ состоитъ именно въ провѣркѣ финансоваго хода ассоціаціи и въ отчетѣ его собранію. За дисциплиной, понятно, слѣдить самъ совѣтъ, но противъ рѣшенія этого послѣдняго членъ или слушатель могутъ прибѣгнуть къ комитету третейскихъ судей (*probi viri*). Этотъ комитетъ состоитъ изъ пяти членовъ; изъ нихъ четыре избраны собраніемъ, а одинъ — слушателями. Судьи эти избираются на годъ и должны судить безапелляціонно всѣ споры, относящіеся къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, принятымъ совѣтомъ управленія.

Общее собраніе членовъ созывается въ концѣ года, для избранія членовъ на должности и для обсужденія баланса, но въ исключительныхъ случаяхъ можетъ созываться каждый разъ, какъ того пожелаютъ совѣтъ и десятая часть членовъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ основная схема ассоціаціи народнаго университета въ Флоренціи, какъ она опредѣлена уставомъ. Но въ уставѣ существуютъ еще спеціальныя статьи, относящіяся къ составу преподавателей и слушателей. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ.

Преподаватель пользуется полною свободой преподаванія; онъ долженъ представить научной секціи подробную программу своего курса, т.-е. содержаніе каждой лекціи; кромѣ того—краткое изложеніе всего курса (Syllabus).

Научная секція должна позаботиться о такомъ распредѣленіи лекцій, чтобы слушатели могли посѣщать наибольшее ихъ число.

Если 20 слушателей, записавшихся, или долженствующихъ записаться, потребуютъ какого-нибудь курса, даже съ назначеніемъ личности преподавателя, совѣтъ долженъ учредить этотъ курсъ, если нѣтъ препятствій съ финансовой стороны.

Обыкновенные курсы должны состоять по меньшей мѣрѣ изъ пяти лекцій и не должны превышать двадцати. Лекціи должны быть только двѣ въ недѣлю; третья предназначается, если понадобится, на устные объясненія, на пренія и вообще на учебныя упражненія.

Таковъ уставъ флорентинскаго народнаго университета, самый обширный изъ всѣхъ.

Но хорошихъ уставовъ недостаточно; необходимо, чтобы совѣты, а въ особенности научныя секціи, были воодушевлены желаніемъ добра. Гдѣ этого недостаетъ—ни къ чему не послужитъ самый лучший уставъ, какъ бесполезенъ самый совершенный законъ, если онъ остается безъ примѣненія. Дозакательствомъ этому служитъ болонскій народный университетъ, который, несмотря на свой уставъ, оставляющій многого желать, можетъ процвѣтать, и флорентинскій, который при своемъ прекрасномъ уставѣ еще очень далекъ отъ того, чего можно было бы ожидать въ такомъ городѣ, какъ Флоренція.

Итальянскій народный университетъ считаетъ за собой только два года жизни, и потому на эти два года нельзя иначе смотрѣть, какъ на пробный періодъ; такъ, по крайней мѣрѣ, и смотрятъ на нихъ тѣ, кто способствовалъ, насколько могъ, образованію новаго учрежденія. Безспорно, какъ при зарожденіи, такъ и при дальнѣйшемъ развитіи, не всѣ народныя университеты оказались въ одинаково цвѣтущемъ состояніи, а что касается помощи жителей и числа слушателей, въ особенности изъ народа,

то далеко еще не было того, что предполагалось и желалось. Несмотря на то, опытъ, можно сказать, удался,—не только въ виду прямыхъ результатовъ, но и въ виду косвенныхъ, вызванныхъ имъ.

Италія, какъ извѣстно, изобилуетъ городами, значительными по историческимъ традиціямъ; они были въ прежнія времена центрами торговли, историческихъ и военныхъ дѣйствій, мѣстопробываніями князей и княжескихъ дворовъ, а слѣдовательно и центрами культуры. Въ силу всего этого, централизація политико-административная,—абсолютно не примѣнимая въ странѣ, гдѣ, напротивъ, децентрализація имѣла всегда рьяныхъ авторитетныхъ поборниковъ,—не смогла дать Риму того моральнаго и интеллектуальнаго превосходства, на которое могла бы претендовать столица, и отнять значеніе у другихъ городовъ. Римъ, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ собою то же, что и Туринъ, Миланъ, Флоренція и много другихъ городовъ; всѣ они имѣютъ свой собственный характеръ, свою особенность, такъ сказать свою специальность. И это, во многихъ отношеніяхъ, большое благо; благо также и по отношенію къ народнымъ университетамъ. Такъ, напримѣръ, римскій народный университетъ, представляющій собою самый плохой типъ учрежденія, не только не имѣлъ никакого вліянія (какъ можно было ожидать отъ столичнаго народнаго университета) на остальные университеты, но современемъ самъ можетъ подвергнуться вліянію другого какого-нибудь университета, лучше учрежденнаго и болѣе авторитетнаго.

Всѣ города въ Италіи сохраняютъ нѣчто изъ ихъ прошедшаго престижа, присоединивъ къ тому, какъ новый орнаментъ, новѣйшій престижъ геройскихъ и великодушныхъ дѣяній во имя національнаго освобожденія, или престижъ неожиданнаго развитія индустріи, торговли, искусствъ. Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ или свой государственный университетъ, болѣе или менѣе старинный, или общественный университетъ, зависящій, хотя и подъ наблюденіемъ государства, отъ коммунъ и провинцій, которыя ихъ содержатъ. Эти города, понятно, захотѣли каждый имѣть и свой народный университетъ.

Но въ то время, какъ населеніе городовъ оказывалось зрѣлымъ для народнаго университета, въ то время, какъ идея о немъ все распространялась и выяснялась среди общества,—народный университетъ сдѣлалъ также большіе успѣхи и среди привилегированныхъ классовъ, убѣдивъ даже тѣхъ, кто наиболѣе сомнѣвался въ этомъ отношеніи. Мало-по-малу познакомились съ литературой предмета, съ отправленіемъ и назначеніемъ новаго

учрежденія, и убѣдились въ громадной пользѣ, какой можно ожидать отъ него.

Между многими причинами, облегчившими, на первыхъ шагахъ, дѣятельность народныхъ университетовъ въ Италіи, нельзя не признать поддержки, встрѣченной ими въ министрѣ народнаго просвѣщенія, Нази. Его участіе подѣйствовало въ особенности сильно на людей слабыхъ и настроенныхъ свептически. Министръ самъ открылъ римскій народный университетъ рѣчью, полной симпатіи къ его учрежденію, и отправилъ своего товарища, Кортезе, въ Геную—присутствовать при открытіи тамошняго народнаго университета.

Флоренція.

Франч. Парэче.

НЕИЗБЪЖНЫЙ ПРОЦЕНТЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Большая толпа рабочихъ, землекоповъ, прокладчиковъ рельсъ — стояла у импровизированной рѣшетки, состоявшей изъ поперечной доски, положенной на два некрашенныхъ стола, и получала свою недѣльную плату. За рѣшеткой сидѣло трое: завѣдывавшій на этомъ участкѣ желѣзнодорожными работами инженеръ и двое молодыхъ людей въ форменныхъ тужуркахъ, изъ которыхъ одинъ выдавалъ выкликаемымъ рабочимъ деньги, а другой — записывалъ получки въ толстую книгу.

Несмотря на то, что на дворѣ стоялъ еще сентябрь мѣсяцъ, было уже холодно, что было замѣтно въ этомъ наскоро сколоченномъ баракѣ. Младшій изъ помощниковъ инженера то-и-дѣло дулъ въ свои забнувшія руки и выводилъ коченѣющими пальцами на бумагѣ какія-то каракули вмѣсто буквъ.

— Мартяновъ... — продолжалъ выкликать инженеръ.

— Здѣсь, — отозвался грязный землекопъ, протираясь плечомъ черезъ кучку товарищей впередъ.

— У тебя вычетъ за два дня, — сказалъ инженеръ.

— За что же-съ, Александръ Петровичъ?.. Вѣдь я въ три-солицѣ тогда лежалъ...

— А намъ до этого дѣла нѣтъ, — безучастно замѣтилъ инженеръ. — Пролежалъ ли ты ихъ, или прогулялъ — твое дѣло... Вычтете рубль восемьдесятъ копѣекъ, — обратился онъ къ одному изъ юношей.

Землекопъ хотѣлъ, видимо, что-то сказать, но только вздохнулъ, махнулъ рукой и молча получилъ деньги.

Расчетъ продолжался. Когда послѣдній рабочій былъ отпущенъ, инженеръ хлопнулъ рукою по толстой книгѣ и весело сказалъ:

— Баста... Отдѣлались...

Молодые люди откинулись на спинки стульевъ и съ удовольствіемъ потянулись.

— Надоѣдаетъ возиться съ ними, — сказалъ старшій изъ нихъ и всталъ на ноги.

— Вы въ село?—спросилъ онъ, подходя къ инженеру.

— Конечно, — отвѣчалъ тотъ. — Тамъ у становаго кое-кто будетъ. Въ „железную дорогу“ поиграемъ.

Молодой человекъ улыбнулся.

— И мы тутъ думаемъ смастерить то же, — сказалъ онъ.

— Добре...—сказалъ инженеръ.—Надо же послѣ недѣльной работы встряхнуться.

— Это правда, Александръ Петровичъ, — а то заскорузнешь совсѣмъ. Ни людей, никакого удовольствія...

— Ни бабьяго сословія, — лукаво прищуривая правый глазъ, сказалъ инженеръ.

Юноша засмѣялся и самодовольно покрутилъ свои красивые черненькіе усики.

— Что это за перепелочка вчера изъ вашего барака поутру выпорхнула?—продолжая смѣяться, спросилъ инженеръ.

— Что, —или понравилась?

— Да, не вредный бабець... Молодецъ вы! — похвалилъ инженеръ. — Даромъ времени не теряете.

Въ это время подъ окнами конторы послышался топотъ лошадей и „тпрунканье“ возницы.

Инженеръ выглянулъ въ окно и сказалъ:

— А вотъ и лошадь за мной отъ становаго пріѣхала. Ну, прощайте, господа.

И, пожавъ руки молодымъ людямъ, онъ вышелъ изъ барака.

— У васъ сегодня карты, Оборотниковъ? — спросилъ тотъ, который помоложе.

— Да. Придетъ кое-кто. Съ того участка контролеръ хотѣлъ пріѣхать... Не хочешь ли и ты?

— Нѣтъ, — ты знаешь, что я не люблю карты, — усталымъ голосомъ отвѣчалъ товарищъ.

— Знаю, знаю, — усмѣхнулся Оборотниковъ: — карты — банкротство мысли, какъ говоришь ты. Стало быть, спать завалишься?

— Нѣтъ, пойду, по работамъ поброжу.

— И то дѣло... Кстати, посмотри на тотъ пролетъ, что черезъ пригорокъ прорытъ. Ровно ли въ немъ?

— Ладно, посмотрю.

Оборотниковъ вынулъ изъ изящной папиросницы папиросу, закурилъ ее и сталъ смотрѣть въ окно.

Товарищъ его, Снарскій, перебиралъ на столѣ какія-то бумаги и укладывалъ ихъ въ портфель; но по разсѣянному лицу и невнимательному взгляду его большихъ синихъ глазъ было видно, что его мысли были заняты не этимъ.

Въ дверь просунулась чья-то голова. Оборотниковъ оглянулся на скрипъ.

— Ты чтѣ?—спросилъ онъ вошедшаго десятника.

— А я къ вамъ, Аркадій Степановичъ,—отвѣчалъ тотъ.— Одинъ рабочій у насъ со вчерашняго дня захворалъ. Отправить бы его надо въ больницу, что-ли?

— Ну, что же,—везите.

— Не доvezутъ вѣдь его: до больницы-то тридцать верстъ. Горячка, должно быть.

— А ужъ это его дѣло... — равнодушно отозвался Оборотниковъ. — Докторовъ у насъ нѣтъ... Вольно же ему было захваривать...

— Это вѣрно, что мы тому непричинны... Видно, отправить придется.

И десятникъ вышелъ вонъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

Оборотниковъ покуривалъ папиросу и барзбанилъ пальцами по оконному стеклу. Снарскій тоже молчалъ, заложивъ руки въ карманы.

— Послушай, Оборотниковъ, — наконецъ, сказалъ онъ.

Тотъ обернулся.

— Развѣ нельзя больше ничего сдѣлать?.. — началъ было Снарскій и тотчасъ же запнулся.

Оборотниковъ съ удивленіемъ взглянулъ на него, и даже рука съ поднесенной ко рту папиросой застыла на полпути.

— Ты это про чтѣ же?—спросилъ онъ.

— Да, вотъ, для этого рабочаго, который захворалъ?..

Оборотниковъ еще разъ недоумѣло посмотрѣлъ на товарища и затѣмъ раскатисто рассмѣялся.

— Фу, чортъ!.. Я думалъ, ты про чтѣ... А онъ вонъ про чтѣ... Опять засантиментальничалъ... Ахъ, ты, будущій инженеръ!..

Человѣкъ практики... Когда ты эти свои бабьи сантименты бросишь?

Снарскій густо покраснѣлъ и сказалъ со злостью:

— Нечему, кажется, смѣяться тутъ... Дѣло тутъ вовсе не въ сентиментальности...

— А въ чемъ же? — продолжалъ иронизировать Оборотниковъ.

Снарскій и самъ хорошенько не зналъ, въ чемъ дѣло, но только онъ чувствовалъ, что все „какъ-то не такъ“... Затѣмъ давеча оштрафовали рабочаго, схватившаго малярю въ этой нездоровой мѣстности и пролежавшаго изъ-за этого двое сутокъ?.. А этотъ землекопъ, про котораго говорилъ сейчасъ десятникъ... Если у него горячка, — а это не диво въ этомъ проклятомъ болотистомъ краѣ, — то до больницы доvezутъ только его трупъ...

И его возмущала та черствость и безсердечіе, которое онъ видѣлъ въ подобныхъ случаяхъ со стороны завѣдующаго работами, Оборотникова и другихъ начальствующихъ лицъ на строящемся участкѣ дороги.

— Ты еще, голубушка, молоденежь, — продолжалъ говорить Оборотниковъ, разваливъ на стулѣ и пуская изо рта клубы дыма. — Не освоился еще съ жизнью. Вѣдь жизнь — это только борьба за существованіе. Кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ. Безъ этого принципа не было бы ни прогресса, ни цивилизаціи. Ты думаешь, что прогрессъ основанъ вотъ на такихъ сентиментальностяхъ, которыми ты зараженъ, и движется такими людьми, какъ ты?.. Ошибаешься, милый человѣкъ. Прогрессъ движется желѣзными законами борьбы за существованіе. А въ борьбѣ безъ жертвъ не обходится. Это исторически необходимо. Ну, такъ стѣдить ли, подумай, ронять слезы да разстраивать себя при видѣ того, какъ неприспособившіеся гибнуть? Значитъ, туда имъ и дорога. А при поступательномъ движеніи прогресса, могучимъ двигателемъ котораго въ настоящее время является капиталъ, безъ неизбежнаго процента убыли въ живыхъ машинахъ, т.-е. людяхъ, не обходится.

— Я это ужъ не разъ слышалъ отъ тебя, Оборотниковъ, — тихо сказалъ Снарскій.

— Ну, да, я знаю, что я это тебѣ не разъ говорилъ, и каждый разъ надѣюсь привить тебѣ правильный и трезвый взглядъ на вещи и вылечить тебя отъ ненужной сентиментальности.

Въ словахъ Оборотникова слышалась какая-то непоколебимая увѣренность въ справедливости собственныхъ взглядовъ.

— Вотъ ты сказалъ сейчасъ о какомъ-то неизбѣжномъ процентѣ убили въ рядахъ живыхъ машинъ. Развѣ онъ, этотъ процентъ, такъ ужъ неизбѣженъ? — немного помолчавъ, спросилъ Сварскій.

— А то какъ же?—воскликнулъ Оборотниковъ.—Вѣдь безъ этого не можетъ обойтись прогрессъ. Люди — это тѣ маленькія песчинки, которыя попадаютъ подъ колеса телѣги и, взметанныя вверхъ вращательнымъ движеніемъ, отбрасываются далеко прочь. Что съ ними будетъ дальше, — это никого не интересуетъ, и песчинки валяются тамъ, раздавленные на болѣе мелкіе кусочки, позабытые, никому не нужные. А телѣга-то все дальше катится и на дальнѣйшемъ пути продолжаетъ давить еще тысячи такихъ песчинокъ... Таковъ желѣзный законъ прогресса, братъ.

— Знаешь, ты такую безнравственность проповѣдуешь этимъ своимъ „неизбѣжнымъ процентомъ“, что... что... — не выдержалъ Сварскій и, махнувъ рукой, поднялся съ мѣста.

Оборотниковъ равнодушно пожалъ плечами: онъ казался самому себѣ правымъ.

— А вонъ и партнѣры идутъ!..—воскликнулъ онъ, увидавъ въ окно идущихъ по направленію къ конторѣ знакомыхъ людей.

Сварскій отыскалъ на подоконникѣ свою фуражку и вышелъ вонъ.

На крыльцѣ онъ равнодушно поздоровался съ пришедшими гостями и спустился внизъ.

Вся мѣстность, гдѣ строилась эта новая вѣтвь желѣзной дороги, была изрыта. Вездѣ видѣлись вучи земли, насыпи, четырехъ-угольныя квадратныя ямы, бунты камня, бочки цемента и извести, тачки... Участокъ имѣлъ оживленный видъ. Вездѣ были раскинуты землянки и шалаши изъ древесныхъ сучьевъ и хвороста и деревянныя бараки для высшихъ служащихъ персонала. На самомъ краю приютился баракъ лавочника, торговавшего табакомъ, калачами, сушеной рыбой и другой незатѣйливой свѣдью и припасами, необходимыми для рабочихъ на работахъ. Потихоньку торговалъ онъ и водкой, а для инженеровъ и подрядчиковъ держалъ коньякъ и даже имѣлъ въ запасѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Сегодня была получка, — и потому лавочникъ торговалъ на славу.

Сварскій, проходя мимо, видѣлъ цѣлую толпу у барака, покупавшую то то, то другое.

— „Феникса“ восьмушку?.. Изволь, дядя...—говорилъ лавочникъ, топчась на одномъ мѣстѣ и доставая съ полки требуемый

товаръ, для чего ему приходилось, топчась на одномъ мѣстѣ, вертѣться въ разные стороны.

Рабочій протягиваль руку.

— Да постой, постой, Елистратъ!.. — вдругъ вспоминаеть что-то лавочникъ. — За тобой еще должокъ есть... Позволь-ка получить сначала!

И пачка „Феникса“ владется опять на мѣсто.

— А много ли тамъ за мной, дядя Семенычъ? — спрашиваетъ рабочій.

Лавочникъ глядитъ въ грязную, замасленную, съ захватанными листами, книжку, и отвѣчаетъ:

— Рупь шесть гривенъ, полупочтенный.

— Что ты, что ты, дядя Семенычъ!.. — изумляется рабочій. — Откуда жъ это? Да я у тебя всего на цѣлковый забралъ, да вопѣкъ на пятнадцать третьёводни кое-что еще искупилъ... Откуда жъ рупь-то шесть гривенъ?..

— А процентъ-то мѣй, милый, забылъ?... Вѣдь долгонъ же я на капиталъ-то процентъ какой нажить... Вотъ тебѣ и вышло рупь шесть гривенъ...

Снарскій пошелъ дальше.

„И этотъ тоже обираетъ“... подумалось ему.

Дѣйствительно, здѣсь всѣ обирали. Снарскій зналъ это хорошо. Также слыхалъ онъ, что большая часть штрафовъ идетъ въ карманы завѣдующаго работами и другихъ начальствующихъ на стройкѣ лицъ; что людей часто обчитываютъ при получкахъ; что даже мелкія сошки — и тѣ стараются сорвать съ нихъ что-нибудь въ свою пользу. Еще недавно онъ узналъ про существованіе „тонкихъ“ и „толстыхъ“ саженьей. „Тонкой“ саженью называлась обыкновенная сажень и ею отпускалась работа; „толстою“ же — работа принималась. Получавшаяся разница между ними шла въ карманъ десятниковъ.

Когда Снарскій узналъ, въ чемъ дѣло, онъ накинулъ на десятника.

— Вѣдь ты воруетъ кубики у рабочихъ, мерзавецъ! — всплилъ онъ, и пожаловался завѣдующему работами на такое явное обирательство рабочихъ.

Но тотъ зналъ, въ чемъ дѣло, — и хладнокровно отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Что же, — онъ правъ... Если онъ будетъ мѣрять нормальной саженью, тогда при приѣмѣ придется скинуть нѣсколько „сотокъ“. Казна этого требуетъ. А своей саженью онъ намъ же облегченіе дѣлаетъ.

И такимъ образомъ, протестъ Снарскаго не послужилъ ни къ чему.

Около одной изъ землянокъ слышался шумъ. Тамъ подъ звуки разбитой гармоникъ, наигрывавшей разухабистую кама-ринскую, какой-то пьяный рабочій выдѣлывалъ ногами замысловатые вензеля.

— Эхъ, гуляй душа!..—по временамъ выкрикивалъ онъ.— На послѣднiя...

Толпа кругомъ гоготала и подзадоривала пляшущаго.

— А ты, братъ, порты-то сними... Легчае будетъ...

Пляшущiй остановился.

— Ты эфто къ чему говоришь?.. Думаешь, мы и портовъ пропить не смѣемъ?.. Али съизнова не заработаемъ ихъ?.. Заработаемъ, милъ человекъ, не безпокойся... А что приказчикъ обсчиталъ меня, такъ это наплевать ему въ его рыжую рожу... Пусть на саванъ ему мои деньги пойдуть...

— А съ чѣмъ домой-то вернешься?—спросилъ какой-то пожилой мужикъ, жевавшiй воблу.

— Домой-то?..—какъ-то призадумался плясавшiй и почесалъ у себя въ головѣ.

Но затѣмъ онъ отмахнулся отъ этой мысли, какъ отъ назойливой мухи, и вослѣднулъ:

— А, ну тебя къ лѣшему!.. Прощка, проклятая душа!.. Валяй!.. Во всю!..—обратился онъ къ игравшему на гармоникѣ рабочему.

И опять мелкой дробью раздались пискливые звуки кама-ринской.

— Господину Снарскому!.. — раздался около него чей-то голосъ.

Онъ обернулся. Возлѣ стоялъ и кланялся приказчикъ Перфильевъ. Снарскiй подалъ ему руку.

— Гулять изволите?—спросилъ приказчикъ.

— Да, гуляю.

— Чудесная погода, доложу вамъ...

— Чего лучше... — усмѣхнулся Снарскiй: — кругомъ вонъ какiя болота.

Дѣйствительно, отъ болотъ, разбросанныхъ кругомъ работъ, поднимался кверху густой туманъ.

— Это вѣрно-сь, что здѣсь сыровато будетъ... Народъ страсть мучается трасовицей... На той недѣлѣ одного изъ моей артели схоронили... Отъ горячки померъ... Да вотъ сегодня еще одинъ захворалъ...

Онъ помолчалъ немного, идя рядомъ съ Снарскимъ.

— А я тутъ со своими вотъ все возился... — продолжалъ онъ дальше. — Вотъ, скажу вамъ, ваторжный-то народъ!.. Никакихъ, то-ись, съ ними ладовъ нѣтъ... На дняхъ чуть бунтъ не подняли...

— Ну, ужъ и бунтъ!.. — усмѣхнулся Снарскій.

— Бунтъ не бунтъ, а на манеръ какъ бы такой прокламаціи... Вишь—имъ корма плохи... Солонина тухлая... Оно, положимъ, немножечко, правда, припахивала малость... Такъ вѣдь не кормить же ихъ бивштексами... Дома-то все пустыя щи лаптемъ хлебали, а здѣсь солонина плоха стала... Еле-еле успокоилъ ихъ... Озорной народъ... Босяковъ много...

— Поди, и безпаспортные есть? — усмѣхнулся Снарскій.

Приказчикъ скосилъ въ сторону свои плутоватыя глаза.

— Да ужъ, конечно, не безъ этого. У насъ такое дѣло... Такъ вѣдь съ безпаспортными-то лучше дѣло вести... Такой не пойдетъ ни къ кому съ жалобой, потому у него начальство первымъ долгомъ паспортъ спросить... А затѣмъ и по этапу его, милаго дружка... Прощенья просимъ-сь. Мнѣ въ эту сторону...

Приказчикъ распростился съ Снарскимъ и скрылся гдѣ-то въ ночной тьмѣ.

„Всѣ тутъ наживаются... — подумалъ Снарскій, глядя ему вслѣдъ. — Этотъ еще посовѣстливѣе другихъ будетъ. Другіе еще хуже“... Тутъ ему вспомнилось, какъ одинъ изъ строителей дороги набросился разъ на подрядчика за то, что тотъ поставилъ для дороги плохія шпалы.

— Да понимаешь ли ты, что изъ-за этихъ твоихъ гнилыхъ шпалъ можетъ крушеніе произойти, мерзавецъ ты этакій?.. Сколько по твоей милости тогда народу можетъ погибнуть!..

Снарскій каждый день слышалъ разговоры о качествахъ матеріаловъ, о достоинствѣ того или другого способа стройки какой-нибудь части дороги. Но никто никогда ни слова не произносилъ о людяхъ, работающихъ здѣсь, о ихъ интересахъ.

„Обо всемъ-то они думаютъ, — подумалъ тогда Снарскій. — Только вотъ о нихъ никто не думаетъ“...

„Они“ въ его представленіи были эти мужики, которые пришли сюда на заработки изъ-за тысячи верстъ, изъ голодающихъ губерній, чтобы хотя какъ-нибудь прокормить себя въ этотъ тяжелый годъ... Они дѣлали здѣсь тяжелую работу, жили въ отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ, плохо питались и, въ заключеніе, были обчитываемы и обираемы всѣми, кто могъ это дѣлать.

Здѣсь ему вспомнились слова Оборотникова — и его опять возмутили взгляды товарища, смотрѣвшаго на рабочую массу, какъ на бездушную машину, у которой нѣтъ ни нервовъ, ни мозга. Что представляли въ его абстрактномъ представленіи эти гибнущіе здѣсь люди? Умереть одинъ, освободить мѣсто,—и на послѣднее найдется сотня другихъ такихъ же голодныхъ людей, которые будутъ такъ же работать, болѣть и гибнуть, съ тѣмъ, чтобы освободить свое мѣсто для новыхъ голодныхъ людей. Вѣдь не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, приходила сюда цѣлая толпа мужиковъ — наниматься на работу — и принуждена была уйти обратно, такъ какъ рабочихъ руеъ было довольно и онѣ не были больше нужны. И никто не обращалъ вниманія на тѣ полныя отчаянія взоры, которые свѣтились въ глазахъ уходившихъ рабочихъ, какъ никто не обращаетъ вниманія на всѣ тѣ отвратительныя условія, среди которыхъ живутъ здѣсь люди.

— Вѣдь это же „неизбѣжный процентъ“... — горько шевелилось въ мозгу Сварскаго.

Онъ вошелъ на пригорокъ и оглянулся кругомъ на разстланное передъ нимъ пространство, занятое работами, — и въ эту минуту почувствовалъ, какъ ему вползаетъ въ грудь какое-то враждебное чувство къ этому маленькому кусочку цивилизаціи, во имя которой на этомъ небольшомъ пространствѣ земли совершается столько несправедливостей...

Надвигалась ночь... Кое-гдѣ начали зажигаться костры...

II.

Бойкая тройка лошадей, запряженныхъ въ удобный тарантасъ, ретиво подхватила съ мѣста и понесла съ работу.

Кучеръ пристава хорошо зналъ инженера Воеводскаго, отъ котораго ему не разъ перепало на чай, и потому съ почтительной фамиллярностью обратился къ нему:

— А у насъ сегодня будетъ весело, Александръ Петровичъ.

— Ну? — ухмыльнулся Воеводскій. — А „куропатки“ будутъ?

— Такъ точно-съ... — засмѣялся кучеръ. — Будутъ, потому самому, какъ баринъ барыню въ городъ спровадилъ къ доктору. Воеводскій весело засмѣялся.

— Вотъ это дѣло!.. Значить, во всю?

— Какъ есть во всю, Александръ Петровичъ... — засмѣялся кучеръ.

Воеводскій даже глаза зажмурилъ отъ предвкушенія будущаго удовольствія.

— А еще кто у васъ сегодня будетъ, Иванъ? — спросилъ онъ.

— Да все тѣ же, Александръ Петровичъ: соловцовскій управитель, докторъ, дьяконъ.

Воеводскій хотѣлъ что-то еще спросить, но, видимо, почему то не рѣшался. Но, наконецъ, спросилъ:

— Ну, а Анютка какъ, Иванъ?

Кучеръ весь повернулся къ нему и ослабилъ во все свое широкое лицо.

— Ужъ и старался же я для васъ, Александръ Петровичъ... Въ какъ!.. Третьеводнись такъ ее уламывалъ, ажно весь взмокъ... Ей Богу...

У Воеводскаго даже дыханье захватило, но онъ все-таки старался выдержать равнодушный видъ.

— Ну, и что же?

— Уломалъ-таки...

— Молодецъ ты, Иванъ! — не выдержалъ Воеводскій и даже заёрзалъ на мѣстѣ.

Иванъ вдругъ покатился со смѣху, вспомнивъ что-то смѣшное.

— Ужъ я на обманъ пустился для васъ, Александръ Петровичъ... — произнесъ онъ среди смѣха. — Грѣхъ на душу взялъ... Все для васъ...

— А что?

— Да говорю ей: „Онъ тебя, дура, замужь можетъ взять... Не сразу, конечно, а когда ты на себя образованную полированную навешешь... Сначала, молъ, въ икономкахъ у него побудешь... А потомъ онъ можетъ тебя и замужь взять“...

Воеводскій залился смѣхомъ. Кучеръ вторилъ ему.

— А, чтобъ тебя, дьяволъ!.. Ишь вѣдь что выдумалъ!.. Какую мину подпустилъ...

— Ладно вѣдь, Александръ Петровичъ?... На манерь, выходить, динамиту...

— Ладно, ладно... Чего не ладно... — продолжалъ смѣяться Воеводскій. — Ну, красную за мной считай...

— Поворнѣйше благодаримъ, Александръ Петровичъ... Для васъ, значить, завсегда готовъ стараться... Истинно можно сказать, облагодѣтельствовали вы нашу округу... — и немного помолчавъ, продолжалъ онъ: — Потому какъ, значить, стали вы эфту самую чугунку проводить, такъ только мы и свѣтъ-то увидали... А то до того что здѣсь было?.. Деревни глухая... Одно слово —

дичь непролазная... А теперь, значить, вы людямъ заработокъ даете... Да и пришло народу около дороги много кормится...

Но Воеводскій плохо слушалъ его разсужденія. Въ это время онъ ощущалъ свой карманъ, гдѣ лежала пачка денегъ довольно толстая.

„Рублей четыреста есть...—думалъ онъ.—Хватитъ сегодня отыграться. Въ прошлый разъ докторъ меня здорово нагрѣлъ... Ну, а сегодня еще посмотримъ—кто кого... Вотъ только нынѣшнюю недѣлю штрафовъ мало было... Да Дандуринъ обманулъ меня... Хотѣлъ три сотни прислать, а не прислалъ... Ну, да за это я его на той недѣлѣ на известкѣ прижму... Тогда не три сотни отвалить, а и всѣ четыре“...

Двадцать верстъ бойкая тройка проскакала быстро, и село Верхнее скоро показалось на пригорѣхъ. Становой ждалъ гостя на крыльцѣ. Это былъ высокій, грузный мужчина, съ широкимъ, краснымъ лицомъ, съ рыжими бакенбардами, въ распахнутомъ бѣломъ вѣтелѣ, воротъ котораго открывалъ толстую, жирную шею.

— Другъ сердечный...—закричалъ онъ, когда тарантасъ съ инженеромъ подъѣхалъ къ крыльцу.—Ждемъ не дождемся... Всѣ въ сборѣ... Ужъ тамъ публика не вытерпѣла и пока промежъ себя банчокъ заложила...

Воеводскій вылѣзъ изъ тарантаса и поздоровался съ приставомъ.

Въ открытыя окна становой квартиры слышался шумъ, голоса и звонъ посуды. Расторопный полицейскій урядникъ то-и-дѣло бѣгалъ на кухню съ посудой и бутылками въ рукахъ.

Инженера всѣ встрѣтили радостными восклицаніями: онъ всегда былъ при деньгахъ и велъ крупную игру.

— Съ дорожки-то выпить,—предложилъ становой.—Вамъ чего приважете?

— Да по обыкновенію.

— Финь?

— Конечно.

Становой налилъ большую рюмку коньяку, которую Воеводскій выпилъ и сталъ тщательно обсасывать посыпанный мелкимъ сахаромъ ломтикъ лимона.

— А повторить?.. Отвѣдайте-ка балыча, Александръ Петровичъ... Рекомендую... Сегодня съ пристани привезли... Свѣжій...

Повторили и закусили.

— А ну что, господа, золотое время терять?—сказалъ докторъ, плотненькій господинъ въ бѣломъ чесучевомъ пиджакѣ и съ золотыми очками на носу.—Не заложить ли банчокъ?

Предложеніе было принято—и всѣ сѣли за столъ.

Когда Воеводскій вынулъ изъ кармана пачку депозитовъ и, положивъ ее на столъ, случайно поднялъ голову, онъ увидаль, что глаза его партнеровъ были жадно устремлены на деньги. Онъ невольно усмѣхнулся себѣ въ бороду, такъ какъ самъ былъ страстный игрокъ и хорошо понималъ, какія чувства волновали остальныхъ.

Игра началась.

Когда былъ сдѣланъ перерывъ, чтобы „промочить горло“, управляющій имѣніемъ въ Соловцовѣ сказалъ тихо Воеводскому:

— Александръ Петровичъ... На два слова...

Они отошли въ сторону, и онъ началъ что-то шептать Воеводскому.

Тотъ молча слушалъ его и только плотно сжималъ губы.

— Такъ какъ же, Александръ Петровичъ? — просительно взглянулъ ему въ глаза управляющій.

— Мы...—неопредѣленно промывчалъ Воеводскій.—То-есть, какъ вамъ сказать? Въ этомъ матеріалѣ мы въ настоящее время не нуждаемся...

„Вретъ шельма!..—думалъ въ это время про себя управляющій.— На будущей недѣлѣ у нихъ конецъ камню выходить... Я хорошо это знаю... Попросту прижать хочеть“...

— Ну, для будущаго возьмите... Мнѣ бы только съ нимъ руки развязать... Ужъ я поблагодарилъ бы васъ за это...—еще тише добавилъ онъ.

— Мы...—продолжалъ мычать Воеводскій и затѣмъ процѣдилъ сквозь зубы, сканчивая глаза въ сторону и какъ бы интересуясь тѣмъ, какъ дьяконъ намазываетъ икру на кусокъ хлѣба:

— А сколько процентовъ?

— А сколько бы вы хотѣли, Александръ Петровичъ?—встрепенулся управляющій.

— Давайте двадцать—тогда возьму.

— Не много ли будетъ, Александръ Петровичъ?.. Съ другихъ, помнится, вы по десяти брали...

— Ну, какъ хотите,—равнодушно отозвался Воеводскій.— Съ этимъ ко мнѣ вонъ изъ Варнавина насылались... Тамъ и всѣ двадцать пять дадутъ...

„Вретъ, навѣрное...—подумалъ про себя управляющій.—А впрочемъ, шутъ его знаетъ,—можетъ быть, и правду говорить“...

— Ну, извольте ужъ... По рукамъ, значить?

— По рукамъ... Присылайте на дняхъ... Я сважу—сколько...

И собесѣдники опять сѣли за столъ.

— А докторъ гдѣ?—хватился кто-то.

Всѣ оглянулись: доктора, на самомъ дѣлѣ, не было.

— Я знаю, куда онъ пошелъ... — засмѣялся становой.— Любить нашъ докторъ клубничку... Слабенежъ онъ по этой части... Къ „куропаткамъ“, поди, пошелъ...

Всѣ засмѣялись.

— А хороши?—спросилъ кто-то.

— А вотъ посмотрите... Жену я спровадилъ... Теперь свободно...

Всѣ поднялись съ мѣста и направились въ другой конецъ дома.

Тамъ изъ-за закрытыхъ дверей слышалась какая-то возня, женскій визгъ и раскатистый басъ доктора.

III.

Снарскій подошелъ къ рѣкѣ. Тамъ медленно катилась по тинистому дну желтоватая вода. Воздухъ былъ тяжелъ отъ массы поднимающихся вверху испареній, благодаря множеству органическихъ остатковъ, медленно разлагавшихся на днѣ.

Зажимая носъ отъ невыносимаго запаха, Снарскій зашагалъ въ противоположную сторону и вышелъ далеко за предѣлы участка.

Здѣсь было тихо, такъ какъ сегодня вся жизнь отхлынула отсюда къ центру, къ лавкамъ и тайнымъ кабакамъ.

Далеко, на самомъ берегу рѣки, Снарскій увидалъ маленький огонекъ, около котораго двигалась какая-то темная фигура. Снарскій направился туда, и скоро былъ около востра, гдѣ у плохо разгорѣвшагося огня стоялъ старикъ и съ терпѣніемъ дулъ на небравшійся огнемъ сырой валежникъ.

Снарскій зналъ этого старика. Это былъ паромщикъ, перевозившій съ одного берега на другой на паромѣ цѣлыя обозы съ матеріаломъ для дороги и рабочихъ.

— Здравствуй, дѣдъ!—сказалъ, подойдя, Снарскій.

Не слыжавшій, какъ подошелъ Снарскій, старикъ угрюмо поднялъ голову, снялъ шапку и, поклонившись ему, что-то пробурчалъ подъ носъ.

Снарскій зналъ, что паромщикъ не изъ разговорчивыхъ; онъ никогда по этой причинѣ съ нимъ не разговаривалъ, но сейчасъ ему не хотѣлось идти туда, къ себѣ въ баракъ, гдѣ всю ночь не будетъ давать спать играющая въ карты шумливая

компанія, или въ загулявшій на всю ночь участоѣ,—и онъ присѣлъ на землю около костра.

— Чтò не веселье?—спросилъ онъ старика, забавляясь его нахмуреннымъ лбомъ.

— А чему радоваться-то?—хмуро отвѣчалъ тотъ.

— Али не весело живется?

— Чай, въ могилѣ веселье... Маешься, маешься цѣльный день,—ни минуты тебѣ покою... Да и ночью-то тожь... Вотъ сиди да жди тутъ...

— Развѣ кого-нибудь перевозить будешь?

— Да вонъ тамъ одинъ паренекъ захворалъ,—сказалъ онъ, мотая головою куда-то въ пространство.— Въ больницу его, слышь ты, десятникъ сказывалъ, хотять отправлять... А чего его и везти-то?.. На полдорогѣ помретъ... Горячка, должно быть... И чего только фershала сюда не возьмутъ?.. Народу тысячи... Кругомъ сырость... Какъ тутъ горячки не схватить?... За мѣсяць-то ужъ троихъ схоронили...

— А гдѣ онъ, этотъ парень?—спросилъ Снарскій.

— Аль взглянуть хощь?.. Вонъ тамъ въ шалашѣ... — кивнулъ онъ головой въ лохматой шапкѣ въ сторону.

Снарскій оглянулся и пошелъ по направленію къ угрюмо стоящему невдалекѣ отъ обрыва, повосившемуся на бокъ шалашу, сооруженному изъ жердей, досокъ и ивняка. Окно въ немъ не было; вмѣсто дверей зіяла чернымъ жерломъ небольшая дырка, сквозь которую нужно было пройти наклонившись, чтобы войти въ шалашъ.

Снарскій, нагнувъ голову, вошелъ туда. Тьма кругомъ окрватила его; ничего не было видно—и только въ одномъ углу слышалось чье-то мѣрное, тяжелое и рѣдкое дыханіе, точно отдаленное пыхтѣніе слабого паровика.

Онъ зажегъ спичку и оглядѣлся кругомъ.

Въ одномъ углу, прямо на землѣ лежало что-то длинное и тонкое, прикрытое сверху рванымъ полупшубкомъ съ выгнзшей мѣстами сѣрой шерстью. Это что-то лежало недвижно, и только пальцы высунувшейся изъ-подъ полупшубка руки нервно перебирали на землѣ, да слышалось оттуда по временамъ тяжелое дыханіе.

Спичка погасла.

— Не видишь ничего?—вдругъ послышался голосъ старика,—и Снарскій увидалъ вырисовавшуюся въ полусвѣромъ пятнѣ дверей темную фигуру.

— Постой-ка-сь, я тебѣ сейчасъ фонарь принесу,—сказалъ онъ и скрылся.

Черезъ минуту онъ показался опять, держа въ рукахъ старый фонарь съ изогнутыми металлическими прутьями и выбитымъ стекломъ.

— Вадуй-ка, родной, спичечку... Тутъ огарочекъ есть... Костришко-то мой такъ и не разжегся... Зажечь-то и нечѣмъ...

Сварскій чиркнулъ спичкой по коробкѣ и зажегъ вынутый старикомъ маленькій огарокъ свѣчки.

— Вотъ вѣдь народъ-отъ какой!..—говорилъ старикъ, ставя на землю фонарь. — Вишь самъ, какой огарышекъ-то... А вѣдь за нимъ и то въ контору ходилъ четыре дня... „Никакъ, моль, безъ огня не можно... Потому какъ иногда ночью перевозъ бываетъ... Хоть какой маленькій дайте“... Насилу выпросилъ... Ну, и народъ!..—закачалъ онъ головой.

Сварскій съ зажженнымъ огаркомъ шагнулъ къ лежавшему на землѣ рабочему и, присѣвъ на корточки, откинулъ съ его головы полушубокъ.

Первое ощущеніе, которое онъ испыталъ въ ту же минуту, было ощущеніе жара, пахнущаго ему прямо въ лицо отъ покраснѣвшей фізіономіи лежавшаго. Это былъ еще молодой парень, совсѣмъ безусый. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, съ прядью спутанныхъ волосъ, нависшихъ на лицо и закрывавшихъ лѣвое ухо и щеку, съ плотно стиснутыми зубами и съ потрескавшейся отъ жара кожей на губахъ. Грязная посконная рубаха была открыта на груди и отрывала впалую чахлую грудь съ выступающимъ гребнемъ грудной кости.

Сварскій приложилъ руку ко лбу. Онъ былъ горячъ.

• „Тифъ, навѣрное“,—подумалъ онъ.

— Откуда?—обратился онъ къ старику, присѣвшему возлѣ на корточки.

— А нашинскій: изъ казанской... Голодуха у насъ теперича тамъ... Ну, мы и порѣшили сюда иттить... Узнали, что здѣсь чугушка будетъ строиться,—ну, и того... Мать-то евоная,—кивнулъ онъ головой на парня,—не пуцала все... Старуха она у него... Мужика нѣтъ, одинъ сынъ вотъ... „Куда, грить, ты пойдешь?.. На кого меня, старуху, покидаешь?.. А ежели захвораешь да помрешь, я-то какъ останусь“?.. Ну, потомъ пустила... На дорогу все мнѣ наказывала: „побереги его, дядя Миколай, ради Христа... Самъ знаешь, одинъ онъ у меня“... А тутъ вотъ вѣ какая притча... Да и какъ не захворать здѣсь?.. —махнулъ онъ рукой. — Спишь на голой землѣ, воду пьешь такую, что и свотина не станетъ пить ее, не то что...

— Такъ что же, — въ больницу его надобно отвезти, — сказалъ Снарскій.

— Знамо, въ больницу, — подхватилъ старикъ. — Я еще вчерась ходилъ въ контору, докладывалъ... „Погоди, говорятъ, не до твоего больного здѣсь“... — Да вѣдь парень-то, молъ, даже боленъ... — „Не великъ, отвѣчаютъ, баринъ твой парень. Не помретъ, авось“... Только вотъ сегодня десятникъ выхлопоталъ телѣгу для него... знать, скоро будетъ...

При этомъ онъ высунулъ голову въ отверстіе наружу и сталъ вглядываться подслѣповатыми глазами въ ночную тьму.

Снарскому тутъ вспомнился одинъ изъ его товарищей по институту, котораго онъ разъ посѣтилъ, когда тотъ лежалъ въ больницѣ больной тифомъ. У того было тоже такое воспаленное лицо и на головѣ лежалъ гуттаперчевый пузырь со льдомъ.

— Тряпку мокрую хотъ, что-ли, положить бы ему на голову, — вслухъ произнесъ онъ.

— Чего прикажете? — не понялъ старикъ.

— Принеси-ка сюда въ ведро воды, да нѣтъ ли у тебя какой-нибудь тряпки? На голову ему вотъ положить надо.

— Какъ не быть тряпки?.. Тряпку найдемъ... У меня вонъ порты совсѣмъ расхутились, такъ я ихъ разорвалъ... Думалъ, на заплаты пойдеть... И водички изъ рѣчки сейчасъ тебѣ принесу...

И онъ выползъ вонъ изъ шалаша.

Снарскій присѣлъ около больного, поставилъ возлѣ фонарь и, обхвативъ руками колѣни, задумался.

Въ его головѣ было какъ-то смутно. Въ мозгу безо всякой связи проносилась насыпь новой дороги, съ фашинированными бочагами, интервалы съ жиденькими мосточками, по которымъ, какъ муравьи, торопливо пробѣгали люди, таща тачки съ землей, утопающіе по щиколотку въ грязи рабочіе, вбивающіе сваи для будущихъ мостовъ. Или представлялась контора со всѣми находящимися тамъ, — надушеннымъ и откормленнымъ Воеводскимъ, безучастнымъ ко всему, фанатично вѣрящимъ въ прогрессъ и цивилизацію Оборотниковымъ, и безличными конторщиками. И тутъ же рядомъ вырисовывалась старуха, провожающая со слезами своего единственного сына, съ которымъ ей не придется болѣе увидаться.

— Вотъ-съ... Принесъ... — раздался возлѣ голосъ, — заставившій его вздрогнуть, — старика съ тряпкой въ рукахъ.

И онъ, поставивъ на землю ведро съ водой, подаль Снарскому тряпку.

Снарскій взялъ тряпку въ руки, погрузилъ ее въ ведро съ водой и затѣмъ, выжавъ ее немного, положилъ на лобъ парня, откинувъ ему назадъ волосы.

Больной безпокойно пошевельнулся на мѣстѣ, приподнялъ-было съ земли правую руку, какъ бы желая сбросить съ головы холодную повязку, но тотчасъ же въ безсиліи опустилъ ее.

— Такъ... такъ...—произнесъ старикъ, внимательно наблюдавшій за всѣми дѣйствіями Снарскаго.—Это выходитъ въ родѣ какъ бы примочки... Когда у меня брательникъ въ земской больницѣ лежалъ, ему все такъ же на голову клали ледъ... въ пузырь такомъ...

— А вы какъ же?—сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени нерѣшительнымъ голосомъ:—Тоже того... пойдете, моль?

— Да, — отвѣчалъ Снарскій, и хотѣлъ-было подняться съ мѣста.

Но въ это время парень пошевельнулся и севозъ плотно сдвинутые зубы издалъ какой-то звукъ.

Снарскій опустилсѧ на прежнее мѣсто и сказалъ:

— Нѣтъ, я останусь пока...

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, почмокалъ губами и сказалъ:

— Ну, инъ ладно... Оставайся пока-чтò... А я пойду... Чай, подѣдутъ скоро... А паромъ-то у меня — неладенъ онъ будь—течь даль... Не досмотрѣлъ давеча, а въ немъ—анъ, глядь—дыра... Вода такъ и хлещеть...

И онъ вышелъ изъ шалаша.

IV.

Снарскій остался одинъ.

Онъ уже два раза перемѣнилъ тряпку, которая очень скоро высыхала на разгоряченномъ лбу больного. Послѣдній сталъ дѣлать беспорядочныя движенія правой рукой. Вдругъ позади Снарскаго раздалось какое-то тихое шипѣніе. Онъ оглянулся: это гасла догорѣвшая свѣча. Она вспыхнула еще раза два—три и затѣмъ погасла. Шалашъ погрузился во тьму.

Кругомъ было тихо, лишь по временамъ издалека доносились рѣдкіе удары молотва, должно быть, заклепывающаго дыру въ паромѣ, да изрѣдка заносило обрывокъ пьяной пѣсни изъ лагера.

Снарскій вдругъ вздрогнулъ. Онъ только теперъ вспомнилъ, что онъ въ одной тушуркѣ—и ночной холодъ охватилъ его.

Зачѣмъ онъ остался здѣсь? Онъ и самъ хорошенько этого не знаетъ. Ему отчасти было жаль этого парня. Но—на погостѣ живя, всѣхъ вѣдь не оплачешь,—да и къ тому же что такое этотъ лежавшій передъ нимъ больной?.. „Неизбѣжный процентъ“ убили въ живой рабочей силѣ, — убили, которая неминуемо должна случиться. Станутъ ли объ этомъ жалѣть? Вѣдь такихъ людей, какъ этотъ рабочий, придетъ на его мѣсто не мало—и ни миръ отъ этого ничего не потеряетъ, ни прогрессъ не проиграетъ. Онъ только „неизбѣжный процентъ“, о которомъ ни жалѣть, ни плавать не приходится.

А черезъ нѣсколько времени по тому мѣсту, гдѣ захворалъ и померъ этотъ рабочий, дерзко фыркая всѣмъ на встрѣчу и нахально стуча своими желѣзными частями, промчится первый вѣстникъ цивилизаціи—разукрашенный флагами паровозъ, и будетъ разносить по всему свѣту „дары прогресса“.

И невольно рядомъ съ этимъ передъ его глазами вырисовалась картина грязной, курной избы въ далекой казанской деревушкѣ, гдѣ плачетъ-убивается, колотясь своей старческой, сѣдой головой о лавку, старуха-мать, узнавшая о смерти своего сына, единственной ея опоры, и не желающая знать ни о какомъ „неизбѣжномъ процентѣ“.

Внутри Снарскаго что-то возмущалось противъ этой неизбежности. Неужели кому-нибудь нужна эта смерть, и безъ нея нельзя обойтись? Развѣ нельзя такъ сдѣлать, чтобы и прогрессъ выигралъ, и этотъ процентъ исчезъ?

И Снарскому чудилось, что кто-то точно выкрикиваетъ у него надъ ухомъ:

— Нельзя!.. Нельзя!.. Нельзя!.. Это—заколдованный кругъ...

— Но вѣдь это же жестоко!.. — воскликнулъ онъ про себя. — Стоитъ ли послѣ этого вся наша цивилизація, всѣ успѣхи современной культуры—жизни этихъ несчастныхъ, своими трупами, своими костями устилающихъ путь побѣдной колесницы прогресса?.. Что же это за цивилизація, которая идетъ по трупамъ людей?.. Развѣ не счастливъ дикарь, живя въ своихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, живя, правда, животной жизнью, но не зная всѣхъ обратныхъ сторонъ цивилизованной жизни: экономического рабства, пауперизма, алкоголизма, болѣзней, вырожденія?.. Развѣ цивилизація выиграетъ что отъ того, что въ его мирные до того лѣса ворвется европеецъ-колонизаторъ, съ винтовкой и топоромъ въ одной рукѣ и съ бутылкой спирта въ другой, и начнетъ здѣсь, во славу культуры, вырубать лѣса, прокладывая желѣзнодорожные пути, строить факторіи и рыть землю,

ища въ ней золота,—и въ то же время медленно, но вѣрно истребляя диваря то пулей, то алкоголемъ?.. А сколько гибнетъ людей въ шахтахъ, на заводахъ, фабрикахъ, то падая жертвами внезапныхъ катастрофъ, то медленно сходя въ могилу отъ нажитыхъ „профессиональныхъ болѣзней“!.. Развѣ задача цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы путемъ уничтоженія и смерти однихъ доставлять удобства другимъ?.. Цивилизація проповѣдуетъ миръ, счастье и жизнь —и въ то же время несетъ вражду и смерть. И стѣитъ ли послѣ этого двигать впередъ такую цивилизацію?.. Или настоящая цивилизація есть только ступень къ будущему всеобщему счастью, которое когда-нибудь, какъ солнце, взойдетъ надъ землею и освѣтитъ и согрѣетъ ее своими лучами?.. Но за то какимъ ужаснымъ путемъ идетъ это будущее счастье,—точно кровожадный Молохъ, пожирающій тысячи жизней!..

Голова Снарскаго усиленно работала, въ виски начало стучать, и онъ чувствовалъ, какъ у него по тѣлу пробѣгаетъ ознобъ.

Въ это время снаружи послышался стукъ подъѣзжающей, отчаянно скрипящей своими немазанными колесами, телѣги и фырканье лошади.

— Эй, вы, черти сиволапые!..—раздался сильный пьяный голосъ.—Гдѣ у васъ тутъ больной-то?.. Нашли, храпидолы, когда хворать-то!.. Добрыхъ людей только безпокоите... Оволѣвали бы лучше... Возись тутъ съ вами, анаемами проклятыми...

— Легче лайся... Тоже не собаки же... люди... — послышался въ отвѣтъ робко протестующій голосъ старика. — Дай Богъ когда-нибудь самому тебѣ такъ валиться-то...

Снарскій смѣнилъ въ послѣдній разъ компрессъ на головѣ больного и вышелъ вонъ изъ шалаша.

Невдалекѣ, хмуро повѣсивъ голову, съ выступающими рельефно наружу ребрами, стояла тощая лошадевка, запрошенная въ изломанную телѣгу безъ передка и зада, съ громадными щелями между разѣхавшимися досками.

Возлѣ лошади стоялъ пьяный рабочій и возился, ругаясь, съ вожжами, безтолково тыча кулакомъ въ морду лошади, отъ чего та апатично отмахивалась.

— Ты не больно... не того... здѣсь вѣдь баринъ...—произнесъ осмѣлившій при видѣ Снарскаго старикъ.

Рабочій, увидавъ форменную тужурку Снарскаго, бросилъ вожжи и, снявъ съ головы рваную фуражку, произнесъ, неопредѣленно поведя рукой кругомъ:

— Вотъ... пріѣхалъ, значить...

— Ты за больнымъ?—отрывисто спросилъ его Снарскій.

— Тагъ точно... за нимъ за самымъ... Сегодня у насъ, вашбродіе, выходитъ получка, а тутъ вотъ десятникъ гоняетъ: везти его въ больницу... Нашли время когда хворать... Необразование...

— Какъ же ты повезешь его?—прежнимъ отрывистымъ тономъ спросилъ Снарскій.—Вѣдь ты совсѣмъ пьянъ... Потеряешь его еще дорогой.

— Какъ можно?..—счель необходимымъ обидѣться рабочій, для чего-то охорашивая лѣзущіе на лобъ волосы. — Это точно, что немного выпимши мы... А чтобы пьяный — ни въ единомъ глазѣ... Мы за себя всегда постоимъ...

Между тѣмъ, старикъ вошелъ въ шалашъ и приладилъ тамъ новый огарокъ въ фонарѣ.

— Иди сюды!—сказалъ онъ затѣмъ.—Уложить его надо...

— Нашли когда хворать, черти!.. — заворчалъ опять рабочій—и пьяной, неровной походкой пошелъ въ шалашъ.

Въ головѣ Снарскаго заработала въ одномъ направленіи мысль, какъ этотъ пьяный рабочій довезетъ больного въ больницу?

— Легче, легче... ты...—послышался голосъ старика.—Не видишь рази?.. Задѣлъ вѣдь...

— А зачѣмъ онъ того... головой впередъ?.. Я не причиненъ тому... — оправдывался рабочій, ударившій головою парня, одѣтаго въ полушубокъ, о косякъ шалаша.—И еще тридцать версть... Ахъ, храпидолы!..

— Легче, легче владі!..—предупреждалъ старикъ, когда они донесли больного до телѣги и стали класть его туда.

— И то какъ жену владу... — съострилъ рабочій, съ размаху бросившій парня на дно телѣги.—Не хворали бы, идолы...

Старикъ побѣждалъ къ парому.

Рабочій ударилъ по лошади вожжами — и телѣга, отчаянно скрипя, пошла по крутому откосу по направленію къ парому.

Кое-какъ она была введена на паромъ, и старикъ, схватившійся за веревку, съ усиліемъ сталъ переправлять его на другой берегъ.

Рабочій вынулъ изъ кармана клочокъ газетной бумаги и сталъ крутить „ковью ножку“.

— Вотъ, баринъ, вашбродіе, — обратился онъ къ Снарскому,—какое житье наше океанное... День деньской работалъ, тачки возилъ, а тутъ вотъ на еще тебѣ: ночью за тридцать верстовъ вези этого храпидола... Да назадъ тоже тридцать... Когда завтра-то прїѣдешь?.. И праздника не увидишь... Погулять не удастся... Эхъ, жизнь!..

И при этомъ онъ затянулся изъ „козлей ножки“ глубокой затяжкой.

— Развѣ тебѣ его не жалко? — спросилъ Снарскій, кивая головой на парня.

— Это вы про него, то-исть?.. Про парнишку-то?.. Да чего жъ его жалѣть-то?.. Всѣ вѣдь помремь... А померши-то еще лучше: знаешь, что отмаялся, ну, и врышка!.. Лежи, знай, себѣ полеживай... Знаешь, что завтра тебя на работу не погонять, тачки съ землей не заставятъ возить... Лежи себѣ да червей корми!..—засмѣялся онъ отрывистымъ хриплымъ смѣхомъ.

Когда на другомъ берегу телѣгу стали сводить съ парома, она накренилась и однимъ колесомъ попала въ воду, отчего больной чуть не вывалился въ рѣчку, еслибы не поддержалъ Снарскій. Поднялся шумъ и крикъ. Пьяный рабочій безобразно сыпалъ ругательствами, а потерявшій терпѣніе старикъ ругалъ его въ свою очередь, укоряя, что онъ „налилъ бураки“ и потому ничего не видитъ.

Кое-какъ телѣгу втащили на берегъ и уставили для дальнѣйшаго пути.

Снарскій посмотрѣлъ на больного. Онъ лежалъ съ разметавшимися руками, шапка свалилась съ головы и лицо еще больше покраснѣло. Снарскому въ эту минуту пришло въ голову, что пьяный возница будетъ везти его безъ всякой осторожности, отчего больной станетъ биться головой о дно телѣги и даже, пожалуй, совсѣмъ свалится дорогой.

Онъ посмотрѣлъ впередъ.

Тамъ, въ ночномъ сумракѣ, тоненькой ниточкой блѣлась дорога, шедшая куда-то далеко и, наконецъ, совсѣмъ исчезающая изъ виду. Кругомъ было сумрачно и темно. Со стороны потянуло холодный, предразсвѣтный вѣтерокъ.

И его сердце въ эту минуту защемило чувство жалости къ этому больному, беспомощно лежащему въ телѣгѣ парню.

— Тащись теперича съ этимъ храпидоломъ столько верстовъ!..—ругался рабочій, усаживаясь на передокъ телѣги и берясь за вожжи.

Снарскій вздрогнулъ не то отъ холода, не то отъ чего другого.

Онъ рѣшительно направился къ телѣгѣ, влѣзъ на нее и закричалъ рабочему:

— Трогай!..

И положилъ голову больного парня себѣ на колѣни.

Рабочій удивленно оглянулся на него и зашевелилъ вожжами.

Въ это время покачиваясь въ тарантасѣ и дремля на утреннемъ холодеѣ, ѣхалъ отъ становаго Воеводскій. Иванъ также клевалъ на возлахъ, — и предоставленные самимъ себѣ лошади тихо шли по дорогѣ.

Неожиданный толчокъ вдругъ заставилъ Ивана очнуться, — и онъ, протирая глаза, оглинулся кругомъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, обернувшись назадъ, онъ сказалъ:

— Александръ Петровичъ...

— А?.. Чего тебѣ?.. — съ просонокъ спросилъ Воеводскій.

— А вѣдь никакъ это вашъ барчукъ ѣдетъ вонъ тамъ? — указалъ онъ кнутомъ вдаль.

— Какой барчукъ? — открылъ совсѣмъ глаза Воеводскій. Гдѣ?

— А вонъ тамъ около пригорку ѣдутъ... Съ рабочимъ никакъ... Не разберу что-то...

Но Воеводскій, какъ ни напрягалъ свое зрѣніе, не увидаль тамъ ничего.

— Показалось тебѣ съ пьяну-то, видно... — недовольно проворчалъ онъ. — Ничего тамъ не вижу...

— Можетъ, и показалось, — согласился Иванъ.

И оба опять погрузились въ дремоту.

...Фельдшеръ больницы въ селѣ Верхнемъ принялъ съ телѣги двухъ лежавшихъ въ телѣгѣ безъ памяти людей, и не зналъ, что дѣлать? Идти и приказать будить доктора — онъ не рѣшался, такъ какъ зналъ, что докторъ только-что пришелъ отъ становаго и не встанетъ ранѣе двухъ-трехъ часовъ пополудни.

„Вотъ задача-то!.. — размышлялъ онъ. — Еслибы одинъ рабочий, такъ положилъ бы его въ палату — и лежи тамъ себѣ!.. А тутъ лицо, можно сказать, привилегированное... Не нажить бы неприятностей“...

И онъ рѣшился разбудить доктора.

На другой день Оборотниковъ стоялъ возлѣ койки Снарскаго и тихо разговаривалъ съ докторомъ.

— Сколько разъ я говорилъ ему, что его провѣяная сентиментальность не доведетъ до добра, — говорилъ Оборотниковъ. — Ну, и вышло по моему... За какимъ чортомъ онъ поѣхалъ съ этимъ больнымъ?.. Тотъ на дорогѣ же померъ, а самъ...

— Тсс... Онъ приходитъ въ себя... — тихо сказалъ докторъ, указывая на Снарскаго, который въ это время открылъ глаза.

Они замолчали.

Снарскій поглядѣлъ своимъ воспаленнымъ взоромъ сначала

передъ собой и затѣмъ перевелъ ихъ въ сторону. Нѣсколько секундъ онъ апатично посмотрѣлъ на стоявшихъ возлѣ, какъ бы не узнавая ихъ, и, приподнявъ правую руку, провелъ ею по лбу, будто силясь что-то припомнить.

Оборотниковъ наклонился къ нему.

— Ну, что, какъ ты чувствуешь теперь себя?—спросилъ онъ.

— А... это ты...—узналъ его Снарскій.—Видишь... заболѣлъ...

И замолчалъ. Но по лицу его было замѣтно, что онъ что-то вспоминаетъ и не можетъ вспомнить...

— Ахъ, да...—наконецъ, произнесъ онъ.—Вотъ видишь—я и попалъ... Тоже—„неизбѣжный процентъ“... „Историческая необходимость“.

И затѣмъ онъ, впадая въ безпамятство, сталъ заговариваться, произнося безсвязныя слова...

В. Якимовъ.

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ И. А. ГОНЧАРОВА

Въ своей авторской исповѣди, отвѣчая на предложенія друзей описать то или иное событіе, такую-то жизнь, или такого или другого героя или героиню, Гончаровъ писалъ: „Не могу, не умѣю! То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ—словомъ, писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней приростало“.

Въ первомъ очеркѣ о Гончаровѣ ¹⁾ мы сдѣлали попытку разбраться въ вопросѣ о значеніи фактовъ личной жизни для характеристики творчества нашего писателя. Не касаясь давно уже рѣшеннаго вопроса о художественномъ и общественномъ значеніи его произведеній, мы ставили своей задачей раскрыть, среди широкихъ обобщеній, черты, приводившія къ уясненію личности писателя, и установить связь между ними и конкретнымъ содержаніемъ его творчества, изображеніемъ эпохи, характеровъ и основныхъ идей. Какой бы смыслъ ни приобрѣтали эти изображенія въ ихъ окончательномъ видѣ, испытывшемъ болѣе

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, мартъ и апрѣль 1903 г.

всего влияніе сильнѣйшей стороны Гончаровскаго таланта — обобщенія, — намъ представлялось несомнѣннымъ, что въ его манерѣ полу-бессознательно набрасывать и зарисовывать все, что ни попадетя подъ руку, изображеніе собственнаго „я“ стояло всегда на первомъ планѣ. Было ли это предметомъ инстинктивной и, можетъ быть, случайной работы художника подъ влияніемъ не-предназначеннаго влеченія къ чистому искуству, или же въ этомъ выразилось сознательное стремленіе воплотить свою жизнь и свою личность въ художественномъ произведеніи, сдѣлавъ ее интересной для другихъ, — рѣшить трудно, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что личность Гончарова и его жизнь давали основное содержаніе и характеръ его твореніямъ. Это обстоятельство объясняетъ поражающее однообразіе въ изображеніяхъ обстановки, быта, міросозерцанія героевъ и, наконецъ, приѣмовъ художнической техники.

Спеціально субъективное отношеніе Гончарова къ изображаемому выразилось у него и въ картинахъ чужой жизни. Чужая жизнь понимается имъ не какъ жизнь людей вообще, со всѣмъ разнообразіемъ характеровъ, внѣшнихъ и внутреннихъ положеній, условій жизни, пестротой, сочетаніемъ жизненныхъ тоновъ и красокъ, калейдоскопомъ радости и скорби, высокого и пошлаго въ той нераздѣльной, вихремъ кружащейся суетѣ, въ которой живетъ современный человѣкъ, колеблясь надъ гранью личныхъ стремленій и общественныхъ запросовъ. Гончаровъ значительно суживаетъ это понятіе; чужая жизнь для него — это та жизнь, которая „приростала“ къ его личной жизни, и прежде всего тѣ люди, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, сначала у себя на родинѣ, дома, а потомъ въ сферѣ служебныхъ и общественныхъ отношеній.

Задачей настоящаго очерка является опредѣленіе роли и значенія именно этой собирательно называемой Гончаровымъ „чужой“ жизни въ его произведеніяхъ.

I.

Въ пятой главѣ первой части „Обрыва“ Райскій говоритъ, что для него написать романъ значитъ смѣшать свою жизнь съ чужою, заноса на бумагу массу наблюденій, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ — „une mer à boire“ (любимое выраженіе Гончарова). Тутъ же онъ замѣчаетъ вскользь, что для романа необходимо „раздраженіе“, очевидно въ смыслѣ

извѣстнаго нервнаго подъема, съ элементомъ того, что на языкѣ поговѣе зовется вдохновеніемъ. „Немного юмора, да чувства и искренности, да воздержности, да... поэзія“—такъ опредѣляетъ Райскій то, что ему нужно, какъ художнику, въ дополненіе къ немногимъ соображеніямъ ума, яркости фантазіи и своеобразности во взглядѣ. Въ романѣ, по его словамъ, укладывается вся жизнь, и цѣликомъ, и по частямъ.—„Своя или чужая?—спрашиваетъ Аяновъ, къ которому обращаетъ свою рѣчь Райскій,—ты такъ, пожалуй, всѣхъ насъ вставишь“... Чужая жизнь вносила освѣжающую струю въ творчество Гончарова; впечатлѣнія внѣшняго міра разнообразили и усложняли подогрѣтый воображеніемъ узоръ собственной жизни; они—„вспрыскивали“ его, какъ живой водой, и, сталкиваясь съ чужими радостями и скорбями, онъ спускался съ высотъ фантазіи на землю и, наблюдая ихъ, „отрезвлялся, какъ отъ хмеля“. Съ другой стороны, для изображенія чужой жизни необходимо былъ широкій личный опытъ, вдумчивое самонаблюденіе. „Надо,—говоритъ Райскій о значеніи страсти для творчества,—чтобы я не глазами, на чужой вожѣ, а чтобы собственными нервами, костями и мозгомъ костей вытерпѣлъ огонь страсти, и послѣ—желчью, кровью и потомъ написалъ картину ея, эту геенну людской жизни“.

Наблюдательность, присущая Гончарову въ высочайшей степени, направлялась не одинаково на явленія внѣшней жизни. Изъ множества разнообразныхъ явленій она отбирала только нѣкоторыя, родственныя душѣ писателя, затѣмъ сосредоточивала на нихъ все вниманіе, приводила къ тщательному изученію и, отбрасывая все частное и случайное, подвергала процессу обобщенія и служила источникомъ типичности. Стремленіе угадывать въ окружающемъ мірѣ родственныя черты даетъ наглядное объясненіе тому факту, почему въ общей массѣ изображеній далеко не всѣ отличаются свойствами типичности. И въ окружающемъ мірѣ Гончаровъ какъ бы искалъ отраженія своей личности, инстинктивно стараясь собрать аналогичныя явленія, понятныя уму и близкія сердцу.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы установили тотъ фактъ, что всѣ герои произведеній Гончарова живутъ въ одной и той же обстановкѣ, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ матеріальныхъ, общественныхъ и духовныхъ. Не трудно замѣтить, что представители чужой—по отношенію къ Гончарову—жизни находятся или въ условіяхъ тождественныхъ съ главными героями, или же настолько близкихъ, что при сравненіи всего менѣе можетъ явиться мысль о контрастѣ. Гончаровъ изображаетъ помѣщиковъ, чиновниковъ, не-

служащихъ дворянъ, аристократовъ, дамъ и дѣвицъ, но всѣ они рисуются обыкновенно на одномъ общемъ фонѣ, и, напримѣръ, изображеніе какого-нибудь графа Новинскаго или старухъ Пахотинныхъ нисколько не даетъ понятія объ аристократическомъ бытѣ вообще, о взглядахъ такъ-называемаго высшаго сословія, какъ и изображеніе Козлова—о бытѣ провинціального учителя. Двухъ мировъ здѣсь нѣтъ: какъ въ „Обломовѣ“ Штольцъ является въ обстановкѣ „Обломова“ изъ какого-то своего, невидимаго читателю міра, остается здѣсь столько времени, сколько надо для хода романа, и затѣмъ исчезаетъ въ пространство,—такъ и въ „Обрывѣ“ Аяновы, Титы Никончы, Викентьевы появляются на сценѣ не самостоятельно, въ смыслѣ отраженія среды, но лишь въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ главнымъ лицамъ романа. Сводя все въ единство, можно замѣтить, что наибольшей типичностью проникнута та обстановка, для которой наиболѣе подходящимъ заглавіемъ было бы: „Господа и слуги“.

Въ этомъ отношеніи Татьяна Марковна Бережкова, съ окружающей ее крѣпостной обстановкой, стоитъ на первомъ планѣ. Образъ этотъ вышелъ чрезвычайно типичнымъ, настолько, что Гончаровъ не задумался придать ему даже символическій смыслъ: въ немъ воплотилась, какъ онъ думалъ впоследствии, старая консервативная русская жизнь. Однако, при всей типичности этого образа, едва ли можно смотрѣть на него глазами Гончарова. Бабушка—символь слишкомъ блѣдный для того, чтобы отразить всѣ стороны до-реформенной русской дѣйствительности, и въ самомъ романѣ авторъ не придавалъ ей этого всеобъемлющаго значенія. Къ такому обобщенію, сдѣланному гораздо позже, могли подать поводъ заключительныя слова романа о томъ, что изъ головы Райскаго, когда онъ путешествовалъ въ Италиі, не выходили три фигуры: Вѣра, Марейнька и бабушка,—„а за ними, говорилось тамъ, стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія“. Мысль вполне понятная и естественная для Райскаго, котораго потянуло, вѣроятно, на родину. Но Гончаровъ едва ли могъ воспользоваться этой мыслью и ввести символическій оттънокъ раньше, чѣмъ опредѣлился общественный характеръ романа.

II.

Мы попытаемся собрать черты, характеризующія бабушку, какъ бытовой типъ русской женщины извѣстной среды и эпохи, безъ

всякаго отношенія къ символамъ и таинственнымъ замышленіямъ автора. Прежде всего мы должны остановиться на тѣхъ чертахъ этого образа, которыя взяты имъ въ авторской исповѣди съ цѣлью очертить „сжатый смыслъ“ моральнаго склада бабушки.

Первое, что характеризуетъ бабушку, это ея органическая связь, духовное родство съ прошлымъ, съ тѣмъ строемъ жизни, которому новое поколѣніе слишкомъ рѣшительно, думалось Гончарову, объявило войну, желая разрушить его до основанія, между тѣмъ какъ въ немъ таилось еще много крѣпкихъ, здоровыхъ началъ для будущаго развитія. „Бабушка говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовые сентенціи старой мудрости, но въ новыхъ какихъ-нибудь неожиданныхъ для нея случаяхъ у нея выступали собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, негодную мудрость у нея пробивалась струя здраваго смысла“. Новаго,—замѣчаетъ дальше Гончаровъ,—она „пугалась немного и безпокойно искала поддержити его бывшими примѣрами“... Весь смыслъ ея характера таковъ, что она—старуха, по словамъ Гончарова, твердая, властная, упорная, неуступчивая,—требуетъ повиновенія, хозяйственна и бережлива.

Въ общемъ—далеко не безпристрастное отношеніе Гончарова къ „русской старой, хорошей женщинѣ“, какъ онъ опредѣляетъ бабушку, передалось и читателямъ: „бабушка была благосклонно принята всѣми въ публикѣ. Никто ничего не говорилъ противъ ея изображенія, и до меня доходили только похвалы ей“.

Намъ предстоитъ дополнить этотъ портретъ бабушки и ближе всмотрѣться въ него: такъ ли ужъ этотъ образъ симпатиченъ въ реальной обстановкѣ, какимъ онъ представлялся Гончарову и многимъ читателямъ?

Попробуйте перевести на языкъ непосредственной крѣпостной обстановки опредѣленіе „феодалъной натуры“, данное бабушкѣ самимъ же Гончаровымъ, и въ вашемъ воображеніи замелькаетъ рядъ лицъ и воспоминаній далеко не положительнаго свойства. Для безпристрастія сужденія забудьте на время тѣ подкупающія и сглаживающія черты, которыми она обращена къ двумъ-тремъ лицамъ, связаннымъ съ нею узами кровнаго родства. Здѣсь она—олицетворенная любовь, нѣжность, доброта. Черты эти не распространяются за предѣлы роднаго гнѣзда, и потому въ существѣ своемъ онѣ элементарны, свойственны самымъ обыкновеннымъ, немудренымъ людямъ. Въ сношеніяхъ со всѣми прочими явленіями внѣшняго міра въ Татьянѣ Марковнѣ выступаютъ и

дѣйствуютъ многія другія свойства, далеко не столь привлекательныя.

Начнемъ съ прославленной бабушкиной „мудрости“.

Бабушка сыплеть сентенціями, — говоритъ Гончаровъ, — и это безусловно вѣрно. О ней онъ могъ бы сказать то же, что было сказано имъ какъ-то о старухахъ Пдохотиныхъ, въ первой части романа: „Если затрогивались вопросы живые, глубокіе, то старухи тономъ и сентенціями сейчасъ клали на всякій разговоръ свою патентованную печать“. Бабушка несомнѣнно обладаетъ здравымъ, практическимъ смысломъ, но недюжиннаго ума въ ея сентенціяхъ мы не видимъ. Она дѣльно ведетъ свое хозяйство, мѣтко рассуждаетъ о знакомыхъ ей людяхъ, отдаетъ правильный отчетъ о томъ, что дѣлалось вчера, не ошибается въ предположеніяхъ о томъ, что будетъ дѣлаться, въ томъ же духѣ, завтра, но и только: „горизонтъ ея кончается — съ одной стороны полями, съ другой — Волгой и ея горами, съ третьей — городомъ, а съ четвертой — дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ“. Интересы ея почти такъ же ограниченны, какъ интересы стариковъ Обломовыхъ, матери Александра Адуева и немногимъ шире интересовъ ея дворовыхъ или обломовскихъ мужиковъ. Высота ея мудрости никогда не поднимается надъ уровнемъ понятій, выражающихся въ народныхъ пословицахъ и поговоркахъ и заключающихъ въ себѣ не только итоги здраваго смысла, но и порядочную долю невѣжества и дикости. Основной выводъ философіи Бережковой, который Гончаровъ называетъ „мудрымъ“, совпадаетъ съ обыкновеннѣйшимъ выводомъ обыкновеннѣйшаго изъ немудреныхъ людей ея круга, о томъ, „что всякому дается извѣстная линія въ жизни, по которой можно и должно достигать извѣстнаго значенія, выгоды, и что всякому дана возможность сдѣлаться (относительно) важнымъ или богатымъ, а кто прозѣваетъ время и удобный случай, пренебрежетъ данными судьбой средствами, тотъ и пеняй на себя!“ Это выводъ не одной Бережковой, — въ равной мѣрѣ онъ принадлежитъ и Аннѣ Павловнѣ Адуевой, которая собирается „вымолить“ у Бога своему Александру „и здоровье, и чиновъ, и крестовъ, и земныхъ благъ“. Такъ же смотрятъ на вещи и въ Обломовѣ, гдѣ понимаютъ, напримѣръ, образованіе исключительно съ точки зрѣнія правъ и преимуществъ. Родители Обломова „мечтали и о шитомъ мундирѣ для него, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать — даже и губернаторомъ; но всего этого имъ хотѣлось бы достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные по пути просвѣщенія и честей камни и

преграды". По справедливому замѣчанію Гончарова, сравнительно со взглядами Простаковыхъ и Скотининныхъ и это было большимъ шагомъ впередъ.

Богъ и судьба составляютъ теоретическую сторону бабушкиной морали. Богъ, съ одной стороны, податель жизненныхъ благъ, съ другой—неумолимый контрольный аппаратъ, отмѣчающій малѣйшія отклоненія. „Помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ,—говорить въ своемъ напутственномъ словѣ Анна Павловна Александрю. Достигнешь большихъ чиновъ, въ знанъ войдешь — вѣдь мы не хуже другихъ: отецъ былъ дворянинъ, майоръ — *все-таки* смирайся передъ Господомъ Богомъ: молись и въ счастіи, и въ несчастіи“.

Гдѣ дѣло не касалось вышихъ для этихъ людей вопросовъ—инстинктивнаго страха передъ всемогуществомъ Божьимъ, вымаливанья у Бога для себя и своихъ присныхъ всяческихъ благъ, притомъ болѣе земныхъ, нежели небесныхъ, да идеи справедливаго возмездія за проступки,—тамъ на сцену выступала судьба и безапелляціонно рѣшала всѣ простые и сложные случаи житейской правтики. Культъ судьбы былъ такой же элементарный и по существу своему общенародный, какъ и наивная вѣра въ Бога, и міръ преданій, сказокъ и пѣсней, питавшей поэтическими соками ихъ воображеніе. Сама гордая и властная, бабушка одобрительно встрѣчала вокругъ себя Молчалинскія свойства и свои проповѣди на эту тему подкрѣпляла ссылками на судьбу. Заносчивость—бабушка придавала этому слову очень широкій смыслъ—судьба наказываетъ „оплеухами“, отъ которыхъ Татьяна Марковна и предостерегаетъ Райскаго. — „Ну, когда счастье? Ужели все оплеухи?“ спрашиваетъ Райскій.—„Нѣтъ, не все: когда ждешь скромно, сомнѣваешься, не забываешься, оно и упадетъ. Пуще всего не задирай головы и не подымай носа, побаивайся: ну, и дастся“. Судьба любитъ осторожность, оттого и говорятъ: „береженаго и Богъ бережетъ“. Словомъ — „судьба и въ милостяхъ издѣицъ“,—лучше жить такъ, чтобы не обращать на себя ея вниманія ни въ ту, ни въ другую сторону,—иначе накажетъ. Въ этомъ воззрѣніи на судьбу, какъ ни странно, съ бабушкой сходится и просвѣщенный рационалистъ Штольцъ. „Смотри, чтобы судьба не подслушала твоего ропота,—говорить онъ, обращаясь къ Ольгѣ, въ минуту ея недовольства живнью,—и въ голосъ его слышенъ суевѣрный страхъ,—и не сочла за неблагодарность! Она не любитъ, когда не цѣнятъ ея даровъ“... Но что у Штольца являлось лишь рѣдкими минутами,—у бабушки было твердымъ убѣжденіемъ, опредѣлявшимъ строй

ей мыслей. Яркой иллюстраціею прекрасной, по ея мнѣнію, жизни служить незамѣтное прозябанье какихъ-то старичковъ Молочковыхъ: „И не слышать ихъ въ городѣ: тихо у нихъ, и мухи не летаютъ. Сидятъ да шепчутся, да угождаютъ другъ другу. Вотъ примѣръ всякому: прожили вѣкъ, какъ будто проспали“.

Прожили вѣкъ, какъ будто проспали! Таковъ коренной обломовскій идеалъ, въ которомъ тонуть всѣ высшіе запросы духа и общественной жизни. Этотъ идеалъ не знаетъ хронологіи, и поэтъ вчерашняго дня нашей общественности могъ съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ жаловаться на тоску одиночества и безлюдья.

III.

Бабушка не замѣчала противорѣчія между своей проповѣдью и своимъ властолюбіемъ и честолюбіемъ до губернаторскихъ визитовъ и праздничнаго цѣлованья у нея ручки влчучительно. Она искренно понимала счастье въ приспособленіи къ обстоятельствамъ да домашней обстановкѣ, боялась возможныхъ разочарованій и не признавала никакихъ „дерзновеній“. Маркъ Волоховъ возбуждалъ въ ней естественное отвращеніе.

Существеннымъ элементомъ, входившимъ въ понятіе „счастье“, была удачная и выгодная женитьба. Лично Гончаровъ считалъ женитьбу дѣломъ весьма рискованнымъ, на которое онъ такъ и не рѣшился до конца. Его герои въ юности слышали на этотъ счетъ весьма опредѣленные наставленія. „Если же тамъ какая-нибудь станеть до свадьбы добираться—Боже сохрани! не мочи и подумать! Онѣ готовы подцѣпить, какъ увидятъ, что съ денежками да хорошенькій. Развѣ что у начальника твоего или у какого-нибудь знатнаго да богатаго вельможи разгорятся на тебя зубы, и онъ захочетъ выдать за тебя дочь,—ну, тогда можно“...

Въ этомъ же родѣ даетъ совѣты Райскому Бережкова. Женить его на дочери Мамыгина составляетъ для нея вѣнецъ ея желаній. „Почему вы знаете, — справедливо возмущается Райскій, — что для меня счастье—жениться на дочери какого-то Мамыгина?“ — „Она красавица, — отвѣчаетъ бабушка, — воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ“... Но главное не это: „Однихъ брилліантовъ тысячъ на восемьдесятъ... Тебѣ полезно жениться... Взялъ бы богатое приданое, зажилъ бы большимъ домою, у тебя бы весь городъ бывалъ. Всѣ бы раболѣпствовали

передъ тобой, поддержаль бы свой родъ, связи... И въ Петербургѣ не ударилъ бы себя въ грязь "...

Родовая спѣсь играла видную роль въ разсужденіяхъ этого рода и была общей чертой обломовскихъ „господъ“. Ничто и никогда не могло истребить различія между „людьми“ и „господами“, хотя среди помѣщицъ крѣпостной эпохи бабушка, какъ и мать Александра Адуева, и родители Обломова, могла считаться весьма человѣколюбивой, если не доброй. Требования къ добрымъ помѣщикамъ прилагались въ то время очень умеренныя. Если заболѣвалъ кто-либо изъ „людей“, Татьяна Марковна вставала даже ночью, посылала лекарства, а на другой день специальная баба Меланхолиха собственными средствами старалась помочь больному. По поводу этой Меланхолихи, лечившей „людей“, въ романѣ есть замѣчаніе, не лишенное историческаго интереса: „такъ какъ Меланхолиха практиковала *только надъ крѣпостными людьми и мѣщанами*, то врачебное управленіе не обращало на нее вниманіе“. Докторъ былъ бы слишкомъ большою роскошью для крѣпостныхъ и мѣщанъ. „Между тѣмъ, чуть у которой-нибудь внучки язычокъ зачесется или брюшко немного вспучитъ, Кириушка или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на неосѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ“. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что это различіе не составляло отличительнаго свойства обломовскихъ нравовъ, а было коренной чертой до-реформенной эпохи, чертой, далеко не вытравленной воспитаніемъ и общественнымъ развитіемъ и по настоящее время. При такихъ нравахъ обращать вниманіе на прозвища было бы ужъ очень большою мелочью, но это весьма характерно для таковой проповѣдницы смиренія и разнаго рода „тихости“, какою была бабушка. Такъ, далеко не случайно бабушка не многихъ удостоивала чести называться полнымъ именемъ: кромѣ Василисы да старосты Степана Васильева, да еще мужиковъ съ именами въ родѣ Оерапонтъ и Пантелеймонъ, что никакъ не сожмешь, прочіе у нея были: Матрешка, Машутка, Егорка и т. д. Эти прозвища оставались при ней до самой смерти. На нихъ Гончаровъ останавливается, между прочимъ, въ своей авторской исповѣди, при чемъ говорить почти выраженіями романа.

По пріѣздѣ въ усадьбу, Райскій получаетъ выговоръ отъ бабушки за то, что онъ притащился на перекладной, одинъ, безъ лакея, вмѣсто того, чтобы прикатить въ дормезѣ четверкой. „А еще Райскій! загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ! Срамъ, Борюшка! То ли бы дѣло, съ такими бы эполетами, какъ у дяди Сергѣя Ивановича, пріѣхалъ: съ тремя

тысячами душъ взялъ бы"... Кстати замѣтить, Райскій съ бабушкой спорить и, повидимому, держится того убѣжденія, под-сказываемаго здравымъ смысломъ, что стыдиться слѣдуетъ не предковъ, которые въ большинствѣ случаевъ и сами были не больно прекрасны, а потомковъ. Потомки волей-неволей разберутся въ наслѣдствѣ отцовъ и дѣдовъ и, съ фактами въ рукахъ, рано или поздно, скажутъ свое правдивое слово. Гончаровъ, быть можетъ, считался съ этимъ, когда писалъ для потомковъ свое „нарушеніе воли“. Но что касается Райскаго, то въ немъ, даже въ бесѣдахъ съ Маркомъ, всегда чувствуется „баринъ“, немногимъ отошедшій отъ Обломова, серьезно гордившагося тѣмъ, что онъ не умѣетъ работать и даже ни разу собственноручно чулокъ не натянулъ себѣ на ноги. Это одинъ и тотъ же, вѣрный эпохѣ, „барскій“ кругъ идей: онъ начинается на границѣ утраты здраваго смысла въ аристократическихъ семьяхъ, въ родѣ Пахотинныхъ, и кончается, въ этомъ мірѣ, „вольнодумцемъ“ Райскимъ, который дѣлаетъ попытки бороться съ отжившими понятіями, самъ органически не отрѣшившись отъ нихъ.

Стыдя Райскаго портретами предковъ, бабушка не стыдится наказывать людей; горничныя у нея цѣлый день „не разгибаясь“ что-нибудь шили или плели кружева, потому что Татьяна Марковна не могла видѣть людей безъ дѣла, т.-е. барскаго дѣла. Меланхоличкой да сытнымъ кормленіемъ исчерпывались всѣ заботы ея о благосостояніи крестьянъ. Когда Райскій высказалъ предположеніе отдать обстановку своего имѣнія на школы, бабушка возмутилась: „Школьникамъ!—воскликнула она.— Не бывать этому! Чтобы этимъ озорникамъ досталось! Сколько они однихъ яблочковъ перетаскиваютъ у меня черезъ заборъ!“ Объясненіе это, вытекающее опять-таки изъ неглубокаго источника помѣщичьяго скопидомства, даетъ любопытную черту для характеристики отношенія Бережевой къ тому, что называется общественнымъ благомъ.

Объ этомъ благѣ, по буквальныймъ словамъ самого Гончарова, Татьяна Марковна и „слышать не хотѣла“. Разсужденія ея поражаютъ уязвостью и черствымъ эгоизмомъ. „Знай всякъ себя,—говорила она,—и не любила полиціи, особенно одного полиціймейстера, видя въ немъ почти разбойника“. Напрасно Титъ Никонъчъ Ватутинъ пытался примирить ее съ идеями общаго блага; послѣднія неизмѣнно воплощались для нея въ образѣ полиціи. Съ властями она была въ постоянной оппозиціи, но—увы!—безъ всякаго гражданскаго отгѣнка, а просто отъазывалась нести какія-либо повинности, платить ли подати, чинить ли

дороги; считая подобныя распоряженія насиліемъ, она бранилась, ссорилась, — „и объ общемъ благѣ, — повторяетъ Гончаровъ, — слышать не хотѣла“. Если вспомнить приемы ея въ лавкахъ у купцовъ, когда ей нужно было купить какую-либо мелочь, то исчезаетъ представленіе даже о дворянскомъ достоинствѣ бабушки: передъ нами не богатая и гордая помѣщица-барыня, а самая заурядная свопидомка-купчиха.

Водились за бабушкой и другія не-дворянскія дѣла. Тогда, какъ и теперь, запрещено было обывателямъ самостоятельно устроить водочные заводы. Теперь, какъ извѣстно, этимъ дѣломъ орудуетъ казна, — прежде была въ ходу откупная система. „Тогда откупа пошли, — признается бабушка Райскому, — а я вздумала велѣть пиво варить для людей, водку гнала дома, не много, для гостей и для двора, а *все же запрещено было*; мостовъ не чинила“. Исправникъ объ этомъ узналъ и, естественно, ожидалъ взятки. Но съ бабушки были, по ея же выраженію, взятки гладки. Онъ — „озлобился“ и, очевидно, донесъ. Бабушкѣ пришлось смирить свою гордыню и просить прощенія, но судьба не пощадила и исправника: пріѣхалъ новый губернаторъ, узналъ ея плутни и прогналъ. Въ этомъ для бабушки былъ явный перстъ Провидѣнія. Послѣ этого совершенно повѣстно, что въ домѣ Бережковой могъ съ полной свободой господствовать Фамусовскій принципъ — „у насъ ругаютъ вездѣ — и всюду принимаютъ“, и Нилъ Андреевичъ Тычевъ, казнокрадъ, наглець и доносчикъ, вообще человѣкъ темный, могъ въ теченіе многихъ лѣтъ играть въ ея домѣ роль авторитета, поклоненія которому, за его чины и заслуги, требовала бабушка отъ Райскаго вначалѣ. Всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, рисуютъ намъ типъ женщины едва ли ужъ очень симпатичной, особенно если взглядѣться въ этотъ типъ безпристрастно, отрѣшившись отъ того поэтическаго ореола, которымъ осѣняетъ его Гончаровъ. Обыкновенная зажиточная помѣщица, своенравная и высокомерная въ однихъ случаяхъ и, по обстоятельствамъ, смиренная — въ другихъ, легко поступающаяся дворянской спѣсью, съ узкой эгоистической моралью, бойкая и смѣшная, — этотъ образъ стоитъ въ положительномъ противорѣчій съ тѣмъ пьедесталомъ, на который возводитъ его Гончаровъ, и съ тѣмъ чувствомъ глубокой симпатіи, какую возбуждаетъ этотъ образъ на первый взглядъ, благодаря особеннымъ свойствамъ таланта писателя.

Симпатія, какъ и личный вкусъ, вещь, конечно, капризная, и было бы бесплодно спорить по ея поводу. Гончаровъ, повторяемъ, не срывалъ своей симпатіи къ бабушкѣ и, такимъ обра-

зомъ, наглядно опровергалъ ходячее мнѣніе о, безпристрастїи своего отношенія къ предметамъ изображенія. Въ его чувствѣ къ Бережковой сказываются, какъ будто, личныя воспоминанія и, хочется сказать, непосредственно задѣтыя струны души. Въ основѣ *собирательнаго* типа (допустимъ плеоназмъ) лежалъ съ дѣтства знакомый и близкій сердцу образъ женщины, давнымъ-давно заронившей въ душу писателя много тепла и свѣта на всю послѣдующую жизнь.

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, основныя черты этого, повторяемъ, несомнѣнно собирательнаго характера Татьяны Марковны Бережковой, какъ отдѣльно взятой личности, безъ отношенія къ его типичности, общественному значенію и т. д., невольно напрашиваются на сопоставленіе съ тѣми отрывочными и часто едва уловимыми штрихами, изъ которыхъ складывается одинъ и тотъ же въ разныхъ романахъ образъ матери—въ типическомъ смыслѣ. Съ этимъ понятіемъ, на основаніи романовъ Гончарова, неизмѣнно связывается представленіе о немудреной русской женщинѣ, кавихъ много, вся жизнь которыхъ посвящена исключительно заботамъ о хозяйствѣ, вознѣ въ родномъ углу, а главное — слѣпой любви къ дѣтямъ и интересамъ ихъ физическаго воспитанія. Въ этихъ вопросахъ ничто не занимаетъ ихъ сердце и умъ, и весь ихъ характеръ разбивается, безъ остатка, на мелочи домашняго и хозяйственнаго обихода.

Подобно Бережковой, матери Александра Адуева и Обломова были зажиточны и по-вупечески бережливы. Анна Павловна Адуева въ самыя мирныя минуты своего прощанія съ сыномъ не забываетъ напомнить, чтобы Сашенька не бросалъ платковъ: „у Михѣева брала по два съ четвертью“! Жалѣли деньги и въ Обломовкѣ: по вечерамъ не зажгутъ лишней сальной свѣчи, въ кушанье лишней изюминки не положить. „На всякій предметъ, который производился не дома, а пріобрѣтался покупкою, обломовцы были до крайности скупы... Значительная трата сопровождалась стонами, воплями и бранью“. Къ дворовымъ относились такъ же, какъ Бережкова къ „людямъ“: не зло, но и потачки не давали. Добрѣйшая Анна Павловна иногда становилась, по выраженію Гончарова, „раздраженной львицей“ и называла за малѣйшую провинность, когда — строгимъ выговоромъ, когда — обиднымъ прозвищемъ, а иногда, по мѣрѣ гнѣва и

силъ своихъ, и толчкомъ. „Присмотрите за Евсеємъ, — пишетъ Анна Павловна Адуеву-дядѣ о старомъ, заслуженномъ слугѣ: — онъ смиренный и не пьющій; да, пожалуй, тамъ, въ столицѣ, избалуется, — тогда можно и посѣчь“. По отношенію къ „людямъ“ и вообще, Анна Павловна за словомъ въ карманъ, какъ говорится, не лѣзла. Горничныя у нея непременно были дурщи, прачки — мерзавки; „тетка, словно нарочно, не садеть на пустой стулъ или диванъ, а такъ и наровить *плоснуть* туда, гдѣ стоитъ шляпа или что-нибудь такое“...; Михайло Михайлычъ — „что мясоѣдъ, что страстная недѣля — все одно *жреть*“...

Въ „Обломовъ“ Гончаровъ неоднократно задается вопросомъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ обстановка на умственное развитіе въ самую раннюю пору. За предположеніемъ о томъ, что, можетъ быть, Ильюша Обломовъ, еще едва выговаривая слова, уже видѣлъ и угадывалъ значеніе и связь явленій окружавшей его жизни, дается яркая картина будничнаго Обломовскаго быта, съ фигурами отца и матери. „Можетъ быть, Ильюша уже давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ: какъ батюшка-то его, въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой суконной ваточной курткѣ, день-деньской только и знаетъ, что ходить изъ угла въ уголь, заложивъ руки назадъ, нюхаетъ табакъ и сморзается, а матушка переходитъ отъ кофе къ чаю, отъ чая къ обѣду; что родитель и не вздумаетъ никогда повѣрить, сколько боенъ скошено или сжато, и взыскать за упущеніе, а подай-ка ему не скоро носовой платокъ, онъ накричитъ о безпорядкахъ и поставитъ вверхъ дномъ весь домъ“.

Фигура отца выходила всегда блѣдно у Гончарова. Самъ онъ, подобно Александру Адуеву, лишился отца еще въ раннемъ дѣтствѣ. Черты, которыми онъ характеризуетъ отца Обломова, были добродушіе и бездѣлье. Въ этомъ отношеніи едва ли можно провести какую бы то ни было біографическую параллель. По отзывамъ знавшихъ его, „отецъ писателя, Александръ Ильичъ, былъ скорѣе дѣятельнымъ человекомъ: его не разъ выбирали городскимъ головой; на портретѣ старикъ Гончаровъ изображенъ виднымъ мужчиной, средняго роста, бѣлокурый, съ голубовато-сѣрыми глазами и пріятной улыбкой, лицо умное, серьезное; на шеѣ медали“. Такъ изображаетъ Гавр. Н. Потанинъ наружность старика Гончарова въ своихъ воспоминаніяхъ, недавно помѣщенныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Мать Гончарова, Авдотья Матвѣевна, была, по его отзыву, умной и солидной женщиной. На ней лежали матеріальныя заботы, какъ на опытной и строгой хозяйкѣ. Заботы о воспитаніи перешли

въ тому лицу, которое въ воспоминаніяхъ Гончарова носить имя Петра Андреевича Якубова. Г-нъ Потанинъ даетъ о немъ болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Когда умеръ отецъ, рассказываетъ онъ, „эту тяжелую потерю вполне замѣнилъ Гончарову „крестный отецъ“ всѣхъ четырехъ дѣтей, Николай Николаевичъ Трегубовъ, отставной морякъ“.

V.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Гончаровъ, въ лицѣ Якубова, даетъ превосходный портретъ Николая Николаевича Трегубова. Морякъ по образованію, онъ самостоятельно развилъ себя чтеніемъ, преимущественно историческаго и политическаго характера, и въ этомъ отношеніи былъ явленіемъ замѣчательнымъ среди провинціального дворянскаго общества того времени. Онъ принималъ участіе въ мѣстной масонской ложѣ и по нѣкоторымъ вопросамъ, не касавшимся, впрочемъ, глубокихъ вопросовъ русской жизни, держался даже либеральнаго образа мыслей, стараясь однако, чтобы этотъ образъ мыслей не дошелъ до начальства. Николаевскій режимъ давалъ себя знать и въ глухой провинціи. Гончаровъ былъ свидѣтелемъ, какъ послѣ принятія соотвѣтственныхъ мѣръ, доходившихъ до „секретнаго тѣлеснаго наказанія“, всѣ мѣстные либералы приникли, притихли, быстро превратились въ ультра-консерваторовъ, даже шовинистовъ, иные искренно, другіе надѣли маски, „но при всякомъ случаѣ, когда и не нужно, заявляли о своей преданности „престолу и отечеству“... Но про себя Якубовъ протестовалъ. Однажды, рассказываетъ Гончаровъ, читая газету, Якубовъ не могъ удержать впечатлѣнія, и до писателя долетѣли слова: „простого выговора не стоитъ, а его на поселеніе“! Дѣло шло о преслѣдованіи „либераловъ“. Но, рядомъ съ этими настроеніями, Якубовъ выражалъ знаки почтительности и благонамѣренности властямъ и смертельно боялся жандармовъ. „Мнѣ, юношѣ, были тогда новы если не всѣ, то многія „впечатлѣнья бытія“,—вспоминаетъ Гончаровъ,—между прочимъ, и жандармы, т.-е. ихъ настоящее, новое, съ Николаевскихъ временъ, значеніе. Это значеніе объяснилъ мнѣ, тоже шопотомъ, Якубовъ, и всю глубину жандармской бездны раскрылъ мнѣ потомъ губернаторъ, которому я, по настоянію „крестнаго“, все-таки „представился“.

Эти факты мы приводимъ не столько для характеристики Якубова,—къ ней они имѣютъ отношеніе косвенное,—сколько

для того, чтобы отмѣтить, какимъ вліяніемъ подвергался Гончаровъ въ юности, и напомнить тѣ историческія условія, при которыхъ могли развиваться и существовать подобныя Якубову характеры и умы. Баринъ въ душѣ, носитель дворянскихъ традицій и природный аристократъ, какъ его опредѣляетъ Гончаровъ, Якубовъ былъ сыномъ своего вѣка—крѣпостникомъ. Писатель не видѣлъ въ этомъ противорѣчія съ джентльменствомъ, „если не сходить съ почвы исторической перспективы“. Неподалеку у Якубова были свои имѣнія, но онъ туда почти не заглядывалъ, передавъ управленіе ими. Впослѣдствіи эти имѣнія и перешли, по словамъ г. Потанина, къ Гончаровой и ея дѣтямъ. Къ хозяйству своему и доходамъ Якубовъ относился совсѣмъ равнодушно. „Когда я спрашивалъ Якубова о его хозяйствѣ,—вспоминаетъ Гончаровъ,—о посѣвахъ, умолотѣ, количествѣ хлѣба—даже о количествѣ принадлежащей ему земли и о доходахъ: „А не знаю, другъ мой,—говаривалъ онъ, зѣвая:—что привезетъ денегъ мой кривой староста, то и есть. А сколько онъ высылаетъ куръ, утокъ, индѣекъ, разнаго хлѣба и другихъ продуктовъ съ моихъ полей—спроси у своей маменьки: я велѣлъ ему отдавать ей отчетъ, она знаетъ лучше меня“. Въ числѣ разныхъ свѣдѣній, сообщавшихся Якубовымъ Гончарову, была цѣлая „наука о приличіяхъ“. „Для приличія,—говорилъ онъ,—молодой человѣкъ долженъ вездѣ явиться“,—главнымъ образомъ въ домахъ вліятельныхъ и богатыхъ господъ. Въ отношеніяхъ къ людямъ его отличала утонченная учтивость и свѣтскій тактъ, „въ обращеніи,—по словамъ Гончарова, онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами—до чопорности вѣжливъ и любезенъ“.

Въ „Обрывѣ“ Титъ Никонъчъ Ватутинъ, „старинный и лучший другъ, собесѣдникъ и совѣтникъ“ Татьяны Марковны, слегка напоминаетъ Якубова. И Титъ Никонъчъ былъ такимъ же джентльменомъ по своей природѣ. Въ романѣ сглажены нѣкоторыя черты характера Якубова, нѣсколько иначе рассказана біографія, опущены связи съ масонствомъ, не игравшія видной роли и для Якубова, но общій обликъ остается схожимъ. И у Тита Никонъча было недалеко имѣніе, душъ около трехсотъ, куда онъ, подобно Якубову, никогда не заглядывалъ, представляя крестьянамъ дѣлать, что хотятъ, и платить оброчу сколько имъ заблагоразсудится. „Возьметъ стыдливо привезенныя деньги, не считая, положить въ бюро, а мужикамъ махнеть рукой, чтобы ѣхали куда хотятъ“. Послѣ военной службы, въ отставкѣ, онъ пріѣхалъ въ городъ, купилъ маленькій сѣренькій

домикъ, съ тремя окнами на улицу, и свилъ себѣ вѣчное гнѣздо. Подобно Якубову, онъ интересовался политикой, исторіей, зналъ наизусть всѣ старинныя дворянскіе дома, всѣхъ полководцевъ, министровъ, ихъ біографіи, любилъ рассказывать Бережковой, что дѣлается на свѣтѣ, и „какъ одно море лежитъ выше другого“, сообщать, что выдумали англичане или французы, и рѣшать, полезно ли это или нѣтъ.

„Онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ... Взглядъ и улыбка его были такъ пріятливы, что сразу располагали въ его пользу“. Чувство тонкаго приличія и знаніе свѣтскаго такта составляли его отличительную черту. Онъ ежедневно бывалъ у Татьяны Марковны и относился къ ней съ почтительной, почти благоговѣйной дружбой, но пропитанной такою теплотой, „что потому только, какъ онъ входилъ къ ней, садился, смотрѣлъ на нее, можно было заключить, что онъ любилъ ее безъ памяти“. И Татьяна Марковна, — рассказываетъ Гончаровъ, — платила ему такой же дружбой, но въ тонѣ ея было больше живости и короткости.

Какъ было выше замѣчено, Титъ Никоничъ пытался бесѣдовать съ Татьяной Марковной и на другія темы, — напримѣръ, объ общемъ благѣ, съ идеями котораго ему хотѣлось бы примирить свою собесѣдницу. Но Бережкова была неумолима во всемъ, что касалось нарушенія ея интересовъ во имя чего бы то ни было, и дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что Титъ Никоничъ мирилъ ее съ мѣстными властями и полиціей.

Къ частымъ посѣщеніямъ Тита Никонича давно уже привыкли. Прежде въ городѣ носились слухи о томъ, какъ Титъ Никоничъ въ молодости былъ влюбленъ въ Татьяну Марковну, и Татьяна Марковна въ него. Но родители не согласились. Въ домѣ Бережковой онъ занялъ по характеру нравственнаго вліянія ту роль, какую игралъ Якубовъ въ домѣ Гончаровыхъ. „У сироты (Райскаго) вдругъ какъ будто явилось семейство, мать и сестры, въ Титѣ Никоничѣ — идеаль добраго дяди“. И самъ Титъ Никоничъ, дѣлая цѣнныя подарки Марковнѣ и Вѣрочкѣ, говорилъ о нихъ нѣжно и отзывался о Бережковыхъ какъ о родной семьѣ.

VI.

Блѣдно и односторонне очерчиваются типы петербургскихъ маменекъ или отцовъ у Гончарова. Отсутствіе усадебной и вообще хозяйственной обстановки отнимаетъ у нихъ складку дѣловитости

и серьезности, и онѣ поражаютъ своей бессодержательностью и безформенностью. Рисуя, напримѣръ, Марью Михайловну Любецкую или тетку Ольги Ильинской, Гончаровъ менѣе всего думалъ о разнообразіи характеровъ, какъ бы приберегая послѣднее для галереи женскихъ типовъ, изображавшихся имъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ характеристика ихъ строилась на психологii любви.

Въ этомъ отношеніи тонкость наблюдательности и анализа Гончарова прямо изумительны. Несмотря на обычные длинноты, нельзя оторваться отъ его художественно-мѣткихъ описаній и діалоговъ. Тутъ въ одинаковой степени прекрасны—и плутоватая наивность Наденьки Любецкой, и томная влюбленность пустынькой Юленьки Тафѣевой, и Ольга Ильинская съ эпизодами съ вѣткой сирени, и цвѣтущая Марейшка, и Вѣра—„мерцаніе и ночь“... Если расположить эти типы въ извѣстной послѣдовательности, то можно сказать, что Гончаровъ прослѣдилъ на нихъ, вонечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, исторію женскаго вопроса въ нашей общественности, отъ еле замѣтныхъ признавовъ пробужденія сознанія личности въ себѣ и самостоятельнаго права на жизнь до первыхъ попытокъ рѣшить этотъ вопросъ компромиссомъ между „старой“ и „новой“ правдой.

Александръ Адуевъ у Любецкихъ. Наденька ушла въ садъ. „Составился нескладный дуэтъ у Марьи Михайловны съ Адуевымъ: долго пѣла она ему о томъ, что дѣлала вчера сегодня, что будетъ дѣлать завтра. Имъ овладѣла томительная скука и безповойство“. Александръ улучилъ минуту и ускользнулъ въ садъ. Тамъ ждетъ его Наденька. Начинается разговоръ о мечтахъ, звѣздахъ, симпатіи, счастьѣ.

„— Ужели есть горе на свѣтѣ? — сказала Наденька, помолчавъ.

— Говорять, есть...—задумчиво отвѣчалъ Александръ:—да я не вѣрю...

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говорить—бѣдность.

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того же, что мы теперь? вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говорить, что имъ не до того—что надо ѣсть, пить...

— Фи! ѣсть. Дядюшка вашу неправду говорить: можно и безъ этого быть счастливыми: я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива“!

Въ птичьей головкѣ Наденьки еще не просыпалась потреб-

ность иной, сознательной жизни, и титулъ графа Новинскаго, ради котораго она измѣняетъ Александру, улыбается ей болѣе всякихъ достоинствъ и талантовъ его. Это—дѣтя природы, вѣчный матеріалъ, изъ котораго жизнь, въ ея вѣшнихъ формахъ, творитъ все, что хочетъ, безъ всякой борьбы во имя какихъ бы то ни было высшихъ началъ. При благопріятныхъ условіяхъ, изъ нихъ могутъ выработаться добродѣтельныя, но недалекія матери семейства, свѣтскія дамы, отражающія въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, предрасудки и слабыя стороны среды, типичныя классныя дамы; въ мѣщанской средѣ—изъ нихъ по преимуществу вербуется классъ надобѣдающихъ женъ, несносныхъ сплетницъ, мелочныхъ, придирчивыхъ хозяекъ. Бестолковое воспитаніе, при отсутствіи хорошихъ интеллектуальныхъ задатковъ отъ природы, служитъ опредѣляющей чертой этого типа.

Елизавета Александровна, жена Адуева-дади,—дѣло другое. Ее въ молодости можно было еще сманить, при помощи ложныхъ понятій и неправильнаго воспитанія, на уступку свободы чувства трезвому благоразумію и надеждамъ на то, что въ будущемъ ея жизнь непременно „образуется“. Но вскорѣ золотая вѣгѣтка, устроенная ей заботливымъ и лучшимъ изъ мужей—Петромъ Ивановичемъ, покажется ей тѣсной, и душа ея, не отдавая отчета, затоскуетъ и запроситъ чего-то другого—отъ жизни вообще, отъ людей, отъ всего міра, чего не въ силахъ ей предоставить никакія вѣшнія заботы и комфорта. Въ концѣ романа Петръ Ивановичъ, когда было уже поздно, понимаетъ „психологическую“ причину болѣзни своей жены—и казнить себя за „тиранію“ надъ ея сердцемъ. „За эту тиранію онъ платилъ ей богатствомъ, роскошью, всѣми наружными и сообразными съ его образомъ мыслей условіями счастья—ошибка ужасная, тѣмъ болѣе ужасная, что она сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубаго понятія о ея сердцѣ—онъ зналъ его—а отъ небрежности, отъ эгоизма. Онъ забывалъ, что она не служила, не играла въ карты, что у ней не было завода, что отличный столъ и лучшее вино почти не имѣютъ цѣны въ глазахъ женщины, а между тѣмъ онъ заставлялъ ее жить этой жизнью“. Она страдала отъ неудовлетворенности высшихъ запросовъ духа, и то тяготѣніе къ личной жизни за свой опытъ и страхъ, что сказалось въ ней лишь чисто пассивно, нашло полное выраженіе въ Ольгѣ Ильинской.

VII.

Ольга Ильинская написана въ высшей степени жизненно. Нечего и говорить, что она, конечно, не чета Наденьѣ Любецкой и на цѣлую голову выше Елизаветы Александровны. Умная и трезвая, она спокойно, безъ внутренней суеты, смотритъ на мѣръ и на предстоящія ей жизненныя задачи, не создаетъ себѣ кумировъ, не мечтаетъ о несбыточномъ, но въ то же время не можетъ себѣ представить жизнь въ однѣхъ только буржуазныхъ рамкахъ. Ясный умъ освѣщаетъ дорогу ея чувству, но и въ области чувства слѣпой инстинктъ никогда не идетъ у нея впереди ума.

Любовь у Ольги Ильинской соединяется съ рѣшеніемъ той или иной жизненной задачи. Таковую задачу она увидала въ Обломовѣ и, зная себѣ цѣну, признала эту задачу достойной себя. Ольга инстинктивно почувствовала въ душѣ Обломова то прекрасное и высшее начало, которое могло ярко освѣтить его жизнь и сказаться въ дѣятельности, исполненной плодотворнаго значенія и благородства, но эта искра Божія въ немъ угасала, и не было заботливой, нѣжной руки, которая поддержала бы ее и дала бы ей разгорѣться и вспыхнуть яркимъ пламенемъ активнаго стремленія въ идеалу. Съ трогательнымъ участіемъ протянула Ольга эту нѣжную и заботливую руку, движимая столько же любовью, какъ и развернувшимся передъ ней интересомъ борьбы во имя возвышенной цѣли—воскресить умирающее въ человѣкѣ божественное начало. Интересъ борьбы участвовалъ тутъ несомнѣнно: внѣ его, кристальная честность и доброта Обломова едва ли были бы способны остановить на себѣ вниманіе такой дѣвушки, какъ Ольга Ильинская, и нельзя не придать значенія тому обстоятельству, что Штольцъ сумѣлъ заинтересовать и показать Обломова Ольгѣ съ наиболѣе драматической стороны. „Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ, —разсказываетъ Гончаровъ,—и ей нравилась эта роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ, и отразится въ немъ. Она разнообразно торжествовала свое первенство въ этомъ поединкѣ“...

Въ высшей степени женственная и мягкая по натурѣ, Ольга трезво и даже сурово смотритъ на жизнь и любовь. Она не боится ни того, ни другого и бодро идетъ на встрѣчу заранѣе рассчитанной судьбѣ. Она не самообольщается относительно Обломова и знаетъ, что ей предстоитъ упорная и трудная ра-

бота. „Для меня любовь эта—все равно, что жизнь, а жизнь—долгъ, обязанность, слѣдовательно любовь тоже долгъ: мнѣ какъ будто Богъ послалъ и велѣлъ любить“. И Ольгѣ кажется, что у нея достанетъ силъ „прожить и пролюбить всю жизнь“. Обломовъ былъ недаромъ пораженъ такими словами Ольги. „Кто-жъ внушилъ ей это?—думалъ онъ, глядя на нее чуть не съ благоговѣніемъ: и не путемъ же опыта, истязанія, огня и дыма дошла она до этого яснаго пониманія жизни и любви!“

Ольга не ошибалась въ себѣ, когда полагалась на свои силы и умъ, идя на борьбу съ обломовщиной, но она не сразу поняла всю безнадежность положенія Ильи. Въ то время, какъ мысль его терзалась и мучилась, вспыхивая отъ пламенныхъ усилій Ольги разжечь его самолюбіе и вызвать къ активной дѣятельности волю,—всѣ инстинкты его природы, завѣщанные ему вѣковой наслѣдственностью, тянули его къ сонному прозябанію, неподвижности и покою. Трагизмъ катастрофы причинилъ, можно съ увѣренностью сказать, болѣе страданій Обломову, чѣмъ Ольгѣ. Высота, на которую возвела его Ольга, оказалась ему не подъ силу, и когда онъ упалъ на землю, „съ облетѣвшей мечтой невозможнаго счастья“, искра Божія въ немъ окончательно потухла. Въ этомъ отношеніи попытка Ольги ускорила процессъ нравственной смерти Обломова.

Такъ же трезво отнеслась Ольга къ своему положенію послѣ катастрофы, но въ душѣ ея на всю жизнь остались слѣды незаживавшей раны. Связать свою судьбу съ Обломовымъ—значило для нея осуществить высшій смыслъ пракческаго стремленія къ идеалу, насколько онъ можетъ быть достигнутъ въ жизни. Замужество со Штольцемъ открывало почетный выходъ ея лучшимъ дружескимъ чувствамъ и въ то же время давало ей общественное положеніе. Но интереса борьбы для нея въ этомъ бракѣ не было, а когда добрый Штольцъ, подобно Петру Ивановичу, окружилъ ее вниманіемъ и заботой, въ душѣ у нея образовалось пустое мѣсто, и, подобно Елизаветѣ Александровнѣ, она стала томиться неудовлетворенностью и мучительнымъ сомнѣніемъ, такъ ли рѣшена ея жизненная задача. Ее все тянуло куда-то вдаль, на свѣтлый просторъ жизни, гдѣ нашлась бы для нея своя собственная, сознательная и плодотворная работа.

Выполняя программу Петра Ивановича, Штольцъ заговариваетъ о довторѣ, о поѣздѣ за границу, но самъ понимаетъ, больше чувствомъ, чѣмъ умомъ, что причина болѣзненнаго недовольства Ольги тоже „психологическая“, для которой нелегко подыскать средство. „Поиски живого, раздраженнаго ума поры-

ваются иногда за житейскія грани,—говорить онъ ей,—не находятъ, конечно, отвѣтовъ, и является грусть... временное недовольство жизнью... Это грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ.. Можетъ быть, и съ тобой то же... Если это такъ —это не глупости“. Штольцъ не догадывается объ истинной причинѣ грусти Ольги. Это не расплата за Прометеевъ огонь, какъ объясняетъ онъ дальше, но жажда того же живого, нерутиннаго дѣла, о которомъ мечталъ Обломовъ, жажда жизни за свой личный счетъ, съ правомъ сознательнаго участія во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ, которыми движется не одна семья, но и все общество, народъ, человѣчество, весь міръ... Ольга — истинная героиня пробужденія русской женщины, и по отношенію къ ней тѣ формы жизни, въ которыя ввелъ ее Штольцъ, были тоже своего рода золотой клѣткой. Она могла убѣдить себя примириться съ нею, но не уничтожить въ себѣ стремленія къ свободѣ.

Гончаровъ утверждалъ, что Наденька и Ольга—это одно лицо въ разныхъ моментахъ. „Отъ невѣдѣнія Наденьки—естественный переходъ къ *сознательному* замужеству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, энергіи—словомъ, силы“. По отношенію къ факту замужества—можетъ быть, но не къ внутреннему содержанию и цѣнности жизни, какъ они инстинктивно понимались Ольгой. Сознательность, главнымъ образомъ, дѣлаетъ Ольгу такою, какова она есть. То, что Елизавета Александровна постигаетъ только чувствомъ, сама себѣ почти не отдавая отчета въ логическихъ основаніяхъ своего разочарованія, то Ольга Ильинская понимаетъ своимъ яснымъ умомъ. Но нужны были вѣка, чтобы сначала изъ теремной затворницы, потомъ вертопрашки и щеголихи, потомъ пустынькой барышни и маменькиной дочери Наденьки выработалась сознательная Ольга, человѣкъ и женщина въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Эта сознательность, за которую ей не пришлось заплатить ни чарующей мягкостью души, ни обаяніемъ женственности, дѣлаетъ этотъ образъ положительно идеальнымъ, призваннымъ неизмѣнно увлекать мысль на высоту нравственнаго совершенства и поддерживать вѣру въ вѣчныя начала, движущія міромъ, начала красоты и добра.

Душевный міръ Ольги и вся психологія ея любви къ Обломову раскрыты Гончаровымъ съ тою же глубиной проникательности и тонкостью художественной кисти, съ какою онъ угадалъ истинный смыслъ безсмертной комедіи Грибоѣдова и разобралъ тончайшія нити интриги между Чацкимъ и Софьей. Когда

Ольга поняла Обломова, она пошла на встрѣчу своему чувству увѣренно и прямо, не играя съ нимъ и не лукавя. Мы позволимъ себѣ напомнить читателю маленькую сценку, въ которой Ольга сказала вся, въ ея попыткѣ, за Обломова и за себя вмѣстѣ, поставить и рѣшить жизненную задачу.

— Для чего, для чего я буду жить?—говорилъ онъ, идучи за ней.—Чего искать, на что направить мысль, намѣренія? Цвѣтъ жизни опалъ, остались только шипы.

Они шли тихо; она слушала разсѣянно, мимоходомъ сорвала вѣтку сирени и, не глядя на него, подала ему.

— Что это?—спросилъ онъ, оторопѣвъ.

— Вы видите—вѣтка.

— Какая вѣтка?—говорилъ онъ, глядя на нее во всѣ глаза.

— Сиреневая.

— Знаю... но что она значитъ?

— Цвѣтъ жизни и...

Онъ остановился, она тоже.

— И?—повторилъ онъ вопросительно.

— Мою досаду,—сказала она, глядя на него прямо, сосредоточеннымъ взглядомъ, и улыбка говорила, что она знаетъ, что дѣлаетъ.

Облако непроницаемости слетѣло съ нея. Взглядъ ея былъ говорящъ и понятенъ. Она какъ будто нарочно открыла известную страницу книги и позволила прочесть заветное мѣсто.

— Стало быть, я могу надѣяться...—вдругъ, радостно вспыхнувъ, сказалъ онъ.

— Всего! Но...

Она замолчала.

Онъ вдругъ воскресъ. И она, въ свою очередь, не узнала Обломова: туманное, сонное лицо мгновенно преобразилось, глаза открылись, заиграли краски на щекахъ, задвигались мысли, въ глазахъ сверкнули желанія и воля. Она тоже ясно прочла въ этой нѣмой игрѣ лица, что у Обломова мгновенно явилась цѣль жизни.

— Жизнь, жизнь опять открывается мнѣ,—говорилъ онъ, какъ въ бреду:—вотъ она, въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ *Casta diva*... все здѣсь.

Она повачала головой.

— Нѣтъ, не все... половина.

— Лучшая.

— Пожалуй,—сказала она.

— Гдѣ же другая? Что послѣ этого еще?

— Ищите!

— Зачѣмъ?

— Чтобъ не потерять первой,—досказала она, подала ему руку, и они пошли домой“...

Здѣсь все—и довѣрчивость простой и честной души, и сознание своей власти, и игра ума, и невинное, чисто-женское лукавство, и молодость, и надежды, и какая-то нѣга весны, и запахъ сирени... И вмѣстѣ съ Обломовымъ, читатель невольно поддается обаянію свѣжести и обновленія, готовъ снова вѣрить надеждамъ и мечтамъ, и въ образѣ Ольги для него воплощается то высшее, одухотворяющее жизнь дыханіемъ весны и поэзіи, вѣчно-женственное начало, которое неустанно зоветъ его впередъ, все впередъ—на борьбу, на тревогу, на жизнь...

Страницъ, подобныхъ приведенной, не мало въ сочиненіяхъ Гончарова, и въ особенности въ „Обломовѣ“. Въ ихъ освѣжающемъ, бодрящемъ настроеніи, проходящемъ, словно для контраста, по всѣмъ изображеніямъ мѣртвенной апатіи и скуки, скрыта одна изъ тайнъ въ своемъ родѣ единственнаго Гончаровскаго таланта.

VIII.

Сознательность—великое слово. Мы замѣтили выше, что для натуръ, подобныхъ Ольгѣ Ильинской, она составляетъ все. Исторія ея есть исторія нашего просвѣщенія, борьбы общественныхъ началъ, послѣдовательный ростъ нашего общественнаго развитія. Отнимите у Ольги ея сознательность, дѣлающую ее человекомъ своего вѣка, да опустите классомъ ниже, и вы получите—не Наденьку Любецкую, о, нѣтъ!—но, ни больше, ни меньше—Агаею Матвѣевну Пшеницыну. Агаею Матвѣевну, безъ всякаго анахронизма, можно помѣстить въ какой угодно вѣкѣ, и она въ любую эпоху будетъ на своемъ мѣстѣ, съ своей доброй наивностью и дѣтскимъ равнодушіемъ ко всему, что выходитъ изъ сферы домашнихъ и специально-хозяйственныхъ интересовъ.

Опустить Обломова въ обстановку ея дома на Выборгской сторонѣ, заставить его жить и въ то же время умирать подъ крылышкомъ этой женщины, которая, по силѣ своей любви къ Обломову, не уступитъ Ольгѣ Ильинской, но является антиподомъ ея по отсутствію сознательности, — было дѣломъ величайшей, можно сказать, гениальной прозорливости Гончарова.

Агаея Матвѣевна—чудесный типъ простой, немудреной рус-

ской женщины, добѣрчивой, любящей, идеально-честной. Много родственныхъ струнъ отозвалось въ сердцѣ Обломова на ея привѣтливую улыбку, и не одними только кулинарными талантами, пухлыми, бѣлыми локтями привязала она его къ себѣ. Послѣ перенесенной имъ катастрофы онъ болѣе всего нуждался въ физическомъ уходѣ, заботливо обставленномъ покоѣ. Для него имѣло положительное значеніе и то, что Агаея Матвѣевна была крайне ограничена, что съ ея стороны онъ могъ не ждать никакого умственного безпокойства, никакихъ тревожныхъ вопросовъ, недоумѣній, сомнѣній, загадокъ. Въ ея лицѣ у Обломова явилось какъ бы повтореніе всей нѣги, всѣхъ заботъ и любви, которыми онъ былъ окруженъ въ Обломовѣ, въ пору ранняго дѣтства. Она была для него всѣмъ — и преданной нянькой, и доброй матерью, и неизмѣнно-любящей хозяйкой-женой, безъ тѣхъ неудобствъ, которыя, какъ онъ зналъ, въ другихъ случаяхъ бывають неразлучны съ разнаго рода безпокойствами, въ родѣ измѣнъ, охлажденій, ревности, ссоръ.

Въ любви Агаеи Матвѣевны къ Обломову было много заботливыхъ думъ и несознаваемого самоотверженія. Но и ей самой она много давала, эта любовь, тихимъ и ровнымъ пламенемъ горѣвшая въ ея душѣ. Жизнь ея приобрѣла, благодаря ей, особенный смыслъ и содержательность—ранѣе того времени, какъ у нея родился ребенокъ. Она не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя охлаждвають къ мужьямъ, какъ только у нихъ рождаются дѣти, отдавая послѣднимъ всѣ силы своей мысли и чувства. Напротивъ, ребенокъ былъ дорогъ ей именно тѣмъ, что онъ былъ ребенкомъ Обломова, что въ его дѣтскихъ чертахъ она угадывала дорогія ей черты ея „барина“ Ильи Ильича. Въ сущности, другой жены Обломовъ для себя никогда не желалъ—даже въ прежнихъ своихъ мечтахъ о женщинахъ. Въ ней олицетворилась для него „норма“ любви и спокойное бѣненіе пульса.

Агаея Матвѣевна была способна, сказали мы, на самоотверженіе ради Обломова, даже на борьбу. Стоитъ припомнить ея поведеніе, когда, благодаря продѣламъ ея продувнаго братца, ни у Обломова, ни у нея вдругъ не оказалось денегъ для „хозяйственныхъ размаховъ“ ея по части осетрины, бѣлоснѣжной телятины, спаржи и прочей добропорядочной снѣди. „Въ первый разъ въ жизни,—разсказываетъ Гончаровъ,—Агаея Матвѣевна задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ заплакала, не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ

ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея,—для Ильи Ильича“.

Никто не помогъ ей въ бѣдѣ — ни братецъ, ни мужнина родня. Но ей дали добрый совѣтъ, и она рѣшилась на то, на что не рѣшилась бы ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ: она стала закладывать свои завѣтные драгоценности—жемчугъ, полученный въ приданое, потомъ фермуаръ, потомъ серебро и мѣхъ, потомъ стала продавать свои салоны и платья. И на столѣ у Ильи Ильича, невиннаго, какъ ребенокъ, по прежнему являлась смородинная водка, отличная семга, любимые потроха, бѣлые свѣжіе рябчики... Праздный гуляка или модный франтъ, съ застѣнчивой улыбкой закладывающій часы для вечерняго букета опереточной пѣвицы, никогда не догадаются о той драмѣ, какая совершается на ихъ глазахъ, когда завѣтная вещь, символъ честной трудовой жизни двухъ-трехъ поколѣній, переходитъ иногда изъ дрожащихъ рукъ въ черствыя руки закладчиковъ. вмѣстѣ съ вещью закладывается и оскверняется священное воспоминаніе о покойной матери или отцѣ, о вѣрномъ другѣ или собственномъ свѣтломъ дѣвчествѣ. Но любовь заглушала въ Агаѣѣ Матвѣевнѣ всѣ личные интересы, воспоминанія, привычки; видѣ ея, у нея не было ничего священнаго и дорогого, и она, не колеблясь ни минуты, отпирала завѣтные сундуки или унижалась передъ лавочниками, упрашивая ихъ отпустить въ кредитъ. „Какъ вдругъ глубоко окунулась она въ тревоженія жизни и какъ познала ея счастливыя и несчастныя дни!—воскликаетъ Гончаровъ.—Но она любила эту жизнь: несмотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ, она не промѣняла бы ее на прежнее тихое теченье, когда она не знала Обломова“... Агаѣя Матвѣевна жила полною жизнью и вся такъ и свѣтилась своимъ счастьемъ, за которымъ не было никакихъ стремленій или желаній; но только высказать этого счастья она, какъ и прежде, не могла. Такъ тянулись дни и годы.

Но неожиданно свалилась бѣда: съ Ильей Ильичемъ случился апоплексическій ударъ. Предстояло переменить режимъ—моментъ не менѣ драматическій для Обломова, чѣмъ ударъ,—и Агаѣѣ Матвѣевнѣ предстояла новая и трудная забота — отвлекать его отъ вина, отъ жирнаго и мясного, отъ послѣ-обѣденнаго сна, отъ неподвижности, словомъ—отъ всего, къ чему такъ привыкъ Обломовъ прежде. И она недреманнымъ окомъ бодрствуетъ надъ Ильей Ильичемъ, дѣйствуя на него то хитростью, то лаской. Илью Ильича тянетъ къ прежнимъ привычкамъ, онъ упрямится, капризничаетъ, тоже хитритъ, но съ Агаѣей Матвѣевной ему

не совладать, и она всегда выходила изъ такого конфликта побѣдительницей. Съ устъ ея не срывается при этомъ ни одной жалобы, упрека, или выраженія усталости и досады,—лицо ея, какъ прежде, озарено привѣтливой улыбкой, и любить она Обломова не менѣе, если не больше. И когда умеръ Илья Ильичъ,—она поняла, можетъ быть, впервые, внутренній смыслъ своего бытія, и то, какое мѣсто занималъ въ немъ Обломовъ, — „она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... но зато навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь ужъ она знала, зачѣмъ она жила, и что жила ненапрасно“...

И въ то время, когда Ольга Ильинская томилась недовольствомъ жизнью и мучилась сомнѣніями, внутренній смыслъ Агаѣи Матвѣевны открывалъ ей несомнѣнную и вполне доступную ея пониманію истину, что ея жизненная задача, поглотившая въ себя идеалы и мечты Обломова, рѣшена правильно, естественно и честно.

IX.

Если изъ скромнаго домика на Выборгской мы перенесемся въ барскую усадьбу Бережковой, то, въ отсутствіе Райскаго, различіе въ типахъ насъ не особенно поразить. Разница будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ обстановкѣ, въ масштабѣ жизненныхъ интересовъ; среди молодого поколѣнія придется отмѣтить нѣкоторую „умственность“, но общій колоритъ жизни, зависящій отъ характеровъ и вкусовъ людей, останется прежній. Бабушка и Агаѣя Матвѣевна многимъ напоминаютъ другъ друга, и еслибы перенести Агаѣю Матвѣевну въ условія крѣпостнаго помѣщичьяго быта, у нея развились бы тѣ же феодальныя привычки,—скодство на первый взглядъ могло бы показаться поразительнымъ.

Въ своемъ кругу Агаѣя Матвѣевна не умнѣе и не глупѣе бабушки; ея практическая смѣтла, какъ и „мудрость“ бабушки, одинаково почерпаются изъ одного и того же народнаго источника. Попытки просвѣтить Агаѣю Матвѣевну идеями общаго блага имѣли бы не больше успѣха, чѣмъ и въ томъ случаѣ, когда ихъ проводникомъ въ усадьбѣ Татьяны Марковны являлся просвѣщенный Титъ Никонъчъ. Въ то же время обѣ женщины были глубокими, душевными натурами, способными на продол-

жительную привязанность, на нѣжную заботу, на жертву; наконецъ, въ сферѣ понятій своего круга обѣ были высоко-порядочны и честны.

Но по этой общей канвѣ жизнь провела у Бережковой болѣе сложный и тонкій узоръ. Основныя черты характера развились у нея разностороннѣе и глубже. Даже не раздѣляя восторговъ Гончарова передъ Татьяной Марковной, нельзя не признать въ ней той особой величавости, которую придаетъ образу присутствіе могучаго духа, выдающейся силы воли. Бабушка была болѣе на виду, и героизмъ ея, на который она бывала способна въ минуты сильныхъ душевныхъ потрясеній, былъ замѣтнѣе и эффектнѣе, чѣмъ скрытый глубоко въ душѣ, не менѣе трогательный по существу, героизмъ Агаѣи Матвѣевны.

Недалеко отходятъ отъ бабушки, по своему внутреннему складу, въ смыслѣ типовъ, и обѣ ея внучки,—Марейнька и Вѣра. Еслибы наслѣдственность была ближе, еслибы Татьяна Марковна приходилась обѣимъ дѣвушкамъ матерью, мы сказали бы, что къ Марейнькѣ и Вѣрочкѣ перешли порознь всѣ наиболѣе типическія черты ея нравственной фizioноміи. У обѣихъ сестеръ на общія родовыя черты легли индивидуальныя особенности.

На протяженіи большей половины романа Марейнька кажется воплощеніемъ Татьяны Марковны въ юности. Непосредственная, жизнерадостная, практически - настроенная, она не знаетъ никакого раздвоенія, никакихъ внутреннихъ противорѣчій и мучительныхъ вопросовъ. Не выходя изъ круга бабушкиной морали, она съ наивною вѣрой въ Бога, судьбу и бабушкинъ авторитетъ соединяетъ свѣтлый взглядъ на жизнь и на міръ, гдѣ все для нея ясно и просто, какъ она сама. „Она никогда не задумывалась, а смотрѣла на все бодро, зорко“. Она все видѣла, все знала, что дѣлалось въ усадьбѣ и въ домѣ, была прилежна, добра, облегчала крестьянскую нужду, принимала участіе во всѣхъ событіяхъ усадебной и крестьянской жизни. „Только пьяницъ, какъ бабушка же, она не любила, и однажды даже замахнулась зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить при ней жену“... И Татьяна Марковна любила Марейньку, какъ живое воплощеніе себя самой, въ укладѣ покойной и правильно рассчитанной жизни, какъ будущую хранительницу и продолжительницу добрыхъ традицій, основанныхъ на скромности, вѣрѣ и трудѣ.

X.

Татьяна Марковна отражалась въ Марейнъѣ не сполна. Она переросла ее не только годами, жизненнымъ опытомъ и знаніемъ людей. Въ ней было начало, котораго вовсе не было въ Марейнъѣ, и которое всецѣло выпало на долю Вѣры. Начало это—порывистость и страстность натуры. Съ годами Татьяна Марковна, естественно, усвоилась, вошла въ общую норму обхожденія съ людьми и поступковъ, но и то, время отъ времени, она вспыхивала, какъ порохъ, когда ее задѣвало за живое, и—то становилась по истинѣ величественна, когда стояла за правду, какъ въ сценѣ съ Тычковымъ, которому она указала на дверь своего дома, то поражала страшной силой духа и глубиной страданій, какъ въ ту ужасную ночь покаянія въ своемъ „грѣхѣ“.

Неуравновѣшенность Вѣриной натуры объясняется прежде всего порывистостью ея темперамента. Бережкова называла это свойство въ ней дикостью, но понимала, признавала, а главное—уважала его. Она и обходилась съ Вѣрой иначе, чѣмъ съ Марейнкой, не дѣлала ей замѣчавій, и берегла, и угадывала въ одно и то же время. Но иногда Бережкова требовала помощи отъ Вѣры и роптала „на дикость“, когда дѣло шло о принятіи гостей. Вѣра хмурилась, страдала, и вдругъ перемогала себя: появившись среди гостей, она очаровывала ихъ веселостью, теплотой, остроуміемъ, граціей, такъ что сама Татьяна Марковна диву давалась. Но это состояніе длилось у Вѣры недолго. „Ее ставало на цѣлый вечеръ, иногда на цѣлый день, а завтра точно оборвется: опять уйдетъ въ себя—и никто не знаетъ, что у ней на умѣ или на сердцѣ“. Въ отличіе отъ Марейнки, въ ней не было ясности и простоты, того, что называется открытой душой, и Райскій недаромъ называлъ ее неуловимой. „Какая противоположность съ сестрой, — восклицаетъ онъ о Вѣрѣ въ своихъ восторженныхъ грезахъ:—та—лучъ, тепло и свѣтъ; эта вся—мерцаніе и тайна, какъ ночь—полная мглы и искръ, прелести и чудесъ“...

Марейнка беретъ жизнь, какъ она есть, отражая на себѣ всѣ переливы ея свѣта и тѣни; Вѣра всегда думаетъ надъ жизнью, пытается уловить ея тайну, ея внутренній смыслъ и то, какое мѣсто можетъ и должно принадлежать ей самой въ этомъ творящемся вокругъ нея процессѣ жизни. Чѣмъ больше укрѣпляется въ ней эта пытливость, чѣмъ глубже, съ помощью книгъ и идей,

хочетъ она проникнуть въ самую сущность жизненныхъ явленій, тѣмъ большее несоотвѣтствіе встрѣчаетъ она между порывами своего исцанія и окружающей обыденностью и низменной суетой чисто Обломовскаго переползанія изъ дня въ день. И тамъ, гдѣ она ищетъ внутренняго содержанія, ей предлагаютъ одну голую форму, одну поверхность жизни, безъ ядра, безъ того внутренняго свѣта, которымъ озаряется и красится настоящая, истинно-человѣческая, сознательная жизнь. Она еще бродитъ въ потемкахъ, не зная, куда идти, но уже съ рѣшительнымъ, хотя и не высказываемымъ протестомъ противъ безсодержательности и усыпляющей монотонности Обломовской жизни. Она готова броситься всѣми силами своей порывистой природы на встрѣчу первому лучу, который укажетъ ей истинный путь въ уразумѣнію жизни и научить, какъ приложить свои силы, богатый запасъ которыхъ она чувствуетъ въ себѣ, чтобы жизнь не прошла бесплодно. Она много думала и до многого добиралась сама, силою своего ума и наблюдательности.

„Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни, и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не мелкіе выводы, практиковала силу своей воли надъ окружавшею ее застарѣlostью, деспотизмомъ, грубостію нравовъ“ ...

„Она по этой простой канвѣ умѣла чертить широкій, смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идей, чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строками простой жизни другія строки, которыхъ жаждала ея умъ и требовала натура“. Но она была одна, вѣчно одна, съ своими сомнѣніями и мечтами. Ей не съ кѣмъ подѣлиться ими, не къ кому обратиться за совѣтомъ. Ни Татьяна Марковна, ни Титъ Никоничъ не могутъ отвѣтить на ея запросы. Они—старое поволеніе; каждый по своему, они пережили свою молодость не такъ, какъ переживаетъ Вѣра. Она инстинктивно чувствуетъ глубокую, въ этомъ смыслѣ историческую, разницу между собою и ими,—ей и въ голову не приходитъ обратиться къ нимъ за помощью и указаніемъ. И въ тотъ моментъ, когда она стоитъ на распутьи, оторвавшись отъ старой бабушкиной морали и чувствуя, съ одной стороны, невозможность вернуться къ ней, а съ другой, задыхаясь отъ невозможности найти выходъ жизненнымъ стремленіямъ впередъ,—въ этотъ самый моментъ передъ ней появляется Марья.

Марья поразилъ ея воображеніе, прежде всего, какъ необычное явленіе, составлявшее полнѣйшій контрастъ съ опротивѣв-

шими ей формами мѣщанской обыденности. Онъ явился нарушителемъ всѣхъ укоренившихся въ этомъ обывательскомъ мірѣ взглядовъ и правилъ приличій, порядочности, благонадежности и благоразумія. Но Вѣра своимъ зоркимъ умомъ разглядѣла въ немъ то, что составляло въ немъ его сущность и чего, встать сказать, не разглядѣлъ самъ Гончаровъ,—то, что онъ сталъ нарушителемъ этихъ правилъ не потому, чтобы былъ по природѣ своей человѣкомъ негоднымъ, злымъ или грубымъ, но оттого, что онъ глубоко презиралъ эти правила и узаконившіяся ими явленія въ жизни, какъ отжившія, давно ненужныя и враждебныя новымъ побѣгамъ нестѣсняемой извнѣ, осмысленной жизни. Презрѣть и возненавидѣть съ высоты діогеновскаго сепитицизма и притомъ любви къ людямъ все, что для толпы составляетъ предметъ жизненныхъ усилій и вѣнецъ желаній, значило высказать большое личное и гражданское мужество, обнаружить недюжинную, даже героическую натуру,—и Вѣра поняла и оцѣнила его.

XI.

Гончаровъ недостаточно опредѣленно и полно передаетъ сущность „новаго ученія“, которое принесъ съ собою Маркъ; Тургеневъ, въ своемъ Базаровѣ, рассказалъ объ этомъ отчетливѣе, но все еще недостаточно полно, а главное—недостаточно, можетъ быть, проникновенно въ глубь явленія; истинный характеръ того, что Гончаровъ называетъ „новой правдой“ и „новой наукой“, выяснить обстоятельнѣе только исторія, когда подсчитаетъ итоги дѣятельности подлинныхъ Базаровыхъ и Марковъ. „Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“,—но и тѣхъ фактовъ, что уже выяснились и вѣдрили въ общественное самосознаніе, слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, что Гончаровъ не все подслушалъ въ рѣчахъ Волохова и Вѣры и многому придалъ не вполне точный и реальный смыслъ.

Прежде всего, Маркъ—не отрицатель во имя только отрицанія. Если онъ и „нигилистъ“, то лишь въ очень опредѣленномъ, прямо историческомъ значеніи этого слова, но отнюдь не въ буквальномъ. Онъ задаетъ Райскому насмѣшливый вопросъ, ужъ не вѣруеть ли тотъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Бога, не ходитъ ли во всеобщей, словомъ—подкапывается подъ величайшіе вопросы духа—религію и вѣру... Но это лишь одна видимость, невинная игра словами, самъ же онъ, какъ это ни парадоксально на первый взглядъ,—вѣрующій и убѣжденный человѣкъ. Онъ отказы-

вается вѣрить и смѣется надъ старымъ богомъ обломовскаго суевѣрія, надъ тѣмъ идоломъ, своего рода Перуномъ съ золотыми усами, надъ которымъ глумились и предки наши, когда увѣровали во Христа. Богъ пестрой семьи обломовцевъ—богъ не любви и правды между людьми, но насилия и рабства, богъ—раздаватель житейскихъ благъ, лицепріятный и подкупный, а не верховный судія совѣсти, блюститель своихъ законовъ мира и правды на землѣ. Этому богу отказывается поклониться Маркъ, потому что у него есть свой. Пусть назоветъ онъ его матеріей, наукой, разумомъ, конечнымъ результатомъ знанія и опыта, какъ угодно,—сущность остается одна и та же. Къ ней, къ этой сущности, обращены всѣ помыслы и надежды Марка, въ ней—вся его религія и вѣра, его готовность жертвовать собою во имя счастья будущихъ поколѣній. Маркъ—весь человѣкъ будущаго, хотя въ этомъ онъ, можетъ быть, и не отдаетъ себѣ яснаго отчета; ему кажется, что тѣ начала, выразителемъ которыхъ онъ служить, вступаютъ въ жизнь вмѣстѣ съ нимъ, и что—онъ и есть работникъ настоящаго момента. Его постигаетъ неудача,—сѣмена, созрѣвшія въ немъ самомъ, отъ него падаютъ на нераспаханную почву. Предстоитъ еще продолжительная работа, но именно отдаленность цѣли и самая цѣль, къ которой онъ такъ пламенно стремится,—пересоздать общество на новыхъ началахъ—заставляетъ смотрѣть на него болѣе какъ на проникнутаго глубокой вѣрой идеалиста, орудующаго средствами положительной науки, чѣмъ на поверхностнаго скептика-материалиста или атеиста.

Основная цѣль стремленій Марка и заставила его объявить непримиримую войну всему прежнему, устарѣвшему, но еще прочно державшемуся строю русской жизни, съ его закоснѣлыми недостатками, крѣпостничествомъ, безправьемъ, произволомъ и всяческимъ гнетомъ, нашедшимъ себѣ бытовое оправданіе въ бабушкиной морали. У Марка призывъ къ этой борьбѣ выражается въ различныхъ, иногда весьма своеобразныхъ формахъ. То онъ смѣется надъ бабушкой и ея феодальными привычками, то подкапывается подъ авторитеты почтенныхъ и заслуженныхъ людей, то бросаетъ вызовъ властямъ. „Перестанемте холопствовать,—говоритъ онъ Райскому:—пока будемъ бояться, до тѣхъ поръ не вразумимъ губернаторовъ“...

Когда Маркъ говоритъ о „новой, грядущей силѣ“, о „партіи дѣйствія“, онъ нисколько не рисуется этимъ и ни словомъ не высказываетъ своего преобладающаго значенія, своей какой-нибудь особенной роли среди своихъ единомышленниковъ. Его

„партія дѣйствія“ не какая-нибудь организація, но естественная противница устарѣвшихъ началъ жизни—молодое поколѣніе, тѣ, которыхъ, по его выраженію, „держать въ потемкахъ умы, питаютъ мертвечиной и вдобавокъ порютъ нещадно“; они—„падши на новое, рвутся изъ всѣхъ силъ—изъ потемокъ къ свѣту“. Маркъ — „вспрыскиватель мозговъ“ провинціальной молодежи; онъ будитъ въ нихъ мысль, возбуждаетъ въ нихъ критическое отношеніе къ дѣйствительности, „учитъ дураковъ“, какъ онъ выражается въ разговорѣ съ Вѣрой.

„Чему? — спрашиваетъ она. — Знаете ли сами? Тому ли, о чемъ мы съ вами годъ здѣсь споримъ? вѣдь жить такъ нельзя, какъ вы говорите. Это все очень ново, смѣло, занимательно“...

Какія усилія ни употребляетъ Гончаровъ, чтобы развѣнчать своего противника, образъ говорить самъ за себя. Все, что проповѣдовалъ Маркъ, было именно ново, смѣло и занимательно. Гончаровъ не рассказываетъ, о чемъ, кромѣ любви, они говорили и спорили цѣлый годъ, но изъ другихъ страницъ романа мы узнаемъ, что Маркъ говорилъ не отъ себя, что онъ самъ читалъ и другимъ давалъ книги, и сама Вѣра, по его указанію, читала, напримѣръ, Прудона и Фейербаха. И Маркъ давалъ читать свои „страшныя“ книги съ разборомъ, и однажды былъ очень огорченъ, когда двое юношей оказались недостаточно серьезными для его идей. Такъ или иначе, но умница Вѣра на этихъ книгахъ могла провѣрить, насколько его ученіе было основано на фактахъ исторіи, жизни и науки, а не являлось только выраженіемъ его личныхъ взглядовъ, приложимыхъ, какъ въ этомъ хотѣлъ бы насъ увѣрить Гончаровъ, только къ его живоотно-эгонистической теоріи свободной любви.

Вообще, насколько образъ Вѣры поражаетъ своей законченностью и художественной правдой въ описательной части романа, гдѣ о ней идетъ рѣчь, и въ отношеніяхъ къ Райскому, настолько онъ неясенъ, внутренне-противорѣчивъ и, скажемъ прямо, фальшивъ вездѣ, гдѣ она является рядомъ съ Маркомъ. Въ сопоставленіи съ нимъ—куда дѣвается ея протестъ противъ окружающей дѣйствительности, ея страстное исканіе правды и свѣта! Она еще болѣе замкнута съ Маркомъ, чѣмъ съ Борисомъ Райскимъ; прошелъ цѣлый годъ, по словамъ Гончарова, оживленныхъ бесѣдъ ея съ Маркомъ, но мы, по волѣ писателя, возвращаемся къ ней только тогда, когда она уже утомлена, разочарована, даже, безъ достаточныхъ основаній для читателей, предубѣждена. Словами Гончарова она обрушивается на Марка, какъ на проповѣдника новыхъ идей, спорить съ нимъ цѣлый годъ,

читаетъ по его указаніямъ книги, находятъ его бесѣды „смѣлыми и занимательными“, и въ концѣ концовъ оказывается какой-то робкой и слабой овечкой, которую даже могучая страсть не была въ силахъ оторвать отъ бабушкиныхъ „подгнившихъ“ корней. „Не мнѣ спорить съ вами,—говоритъ она Марку со слезами на глазахъ,—опровергать ваши убѣжденія умомъ и своими убѣжденіями! У меня ни ума, ни силъ не станетъ. У меня оружіе слабо—и только имѣетъ ту цѣну, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышкѣ“. Оказывается, не Маркъ привлекъ Вѣру надеждой на выходъ къ правдѣ и свѣту, какъ они понимались ею въ идеальномъ туманѣ будущаго, но Вѣра задалась цѣлью приручить къ себѣ безпокойнаго и беспорядочнаго чудака и сдѣлать себѣ изъ него на всю жизнь спутника и друга. Какое разочарованіе и какая проза!

Она вздохнула, какъ будто перебирая въ памяти весь этотъ годъ.

— Вы поддавались моему... влиянію... И я тоже поддавалась вашему: уму, смѣлости, захватила-было нѣсколько... софизмовъ...

— И на попятный дворъ, бабушки страшно стало! Что-жъ не бросили тогда меня, какъ увидали софизмы? Софизмы!

— Поздно было. Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу“...

Надо отдать справедливость Гончарову: романъ былъ задуманъ гениально, и еслибы авторъ не испортилъ его публицистическими вылазками противъ Марка и сохранилъ за нимъ идейно-общественный интересъ до конца, не сходя съ исторической и художественной почвы, ему предстояло бы сдѣлаться, быть можетъ, явленіемъ исключительнымъ во всей русской литературѣ. Но изображать социально-политическія задачи, какъ онѣ рѣшались на его глазахъ, было не подъ-силу Гончарову, и онъ быстро перевелъ романъ на почву психологическаго интереса къ развитію страсти, изображенія которой давались ему гораздо легче, открывая большій просторъ запасу его наблюдательности и свойству таланта.

XII.

Впутать страсть въ общественную канву романа было не только естественно, съ обычной житейской точки зрѣнія, не только предусмотрительно, съ точки зрѣнія занимательности его для читателей, но и полезно для Гончарова въ его стремленія развѣичать Волохова, показать, что онъ нисколько не лучше са-

мых обыкновенных, не мудрящих надъ жизнью людей. Дѣйствительно, черезъ годъ оживленныхъ споровъ, острота логическихъ противорѣчій и несогласій смягчается чувствомъ послѣдовательно-ростущей и взаимно-угадываемой любви. Маркомъ овладѣваетъ страсть, и, подѣ ея влiяніемъ, онъ уже не видитъ въ Вѣрѣ свою ученицу, одну изъ возможныхъ участницъ „партіи дѣйствія“, но только женщину, обворожительную граціей, умомъ, красотой. А Маркъ не нечувствителенъ къ этимъ качествамъ, несмотря на внѣшнюю грубоватость своей натуры, и умѣетъ цѣнить высшія, не всякому понятныя движенія женской души, ея безконечную вѣжность и чуткость. И влюбленный, почти обезумѣвшій отъ страсти, чего-чего не наговорилъ онъ въ своихъ горячихъ рѣчахъ, полныхъ логическихъ несообразностей и восторженнаго бреда. И тѣмъ не менѣе, готовый идти на всѣ уступки, во имя Вѣры, какія только возможны, даже остаться тамъ, „жить тише воды, ниже травы“, онъ ни пяди не уступаетъ ей изъ своихъ коренныхъ убѣжденій, и въ то же время не лжетъ и не обманываетъ ее клятвами въ вѣчной и ненарушимой любви.

„— Чего же еще? Или... уѣдемъ вмѣстѣ!—вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней.

Передъ ней будто сверкнула - молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо.

Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улыбнулся ей и звалъ съ собой...

„Съ нимъ, далеко гдѣ-нибудь...“—думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу.

„Онъ колеблется, не можетъ оторваться, и это теперь... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, можетъ быть, онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она“...

Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.

-- Вы рѣшились бы на это? — спросилъ онъ ее серьезно.

Она молчала, опустивъ голову.

— Или боялись бы бабушки?

Она очнулась.

— Да, это правда: еслибъ не рѣшилась, то потому только, что боялась бы ее...—шептала она.

— Такъ не подходите же ко мнѣ близко, — сказалъ онъ, отодвигаясь:— старуха бы не пустила.

— Ахъ, вѣтъ, пустила и благословила бы, а сама бы умерла съ горя! вотъ чего боялась бы я!.. Уѣхать съ вами! — повторила она мечтательно, глядя долго и пристально на него:— А потомъ?

— А потомъ... не знаю...

Развиваясь и осложняясь все новыми и новыми моментами борьбы, взаимныхъ убѣждений и уступокъ, страсть достигаетъ своего апогея и доводитъ Марка и Вѣру до окончательнаго „обрыва“... до катастрофы.

Марка возлѣ нея нѣтъ; вокругъ нея знакомыя лица бабушки, Марейники, Райскаго, Тушина, выступающаго на первый планъ. Страданіе и покой, молитвы и утѣшенія, слезы и жгучая боль раскаянія и скорби волной пронесли надъ душой Вѣры и снова вернули въ лоно бабушкиной морали и „старой правды“. Съ ними, волей-неволей, пришлось примириться. Проходили дни, рассказываетъ Гончаровъ, а съ ними опять тишина повисла надъ Малиновкой. Опять жизнь, задержанная катастрофой, какъ порогами, прорвалась съвозъ преграду и потекла дальше ровнѣе.

„Но въ этой тишинѣ отсутствовала безпечность“. Ее унесъ съ собой Маркъ, и въ этомъ сонномъ царствѣ всѣ встрепенулись и задумались надъ жизнью.

„Вкушая, вкусихъ мало меда, и се—азъ умираю“... Вѣра сдѣлала попытку вырваться изъ угнетавшаго ее строя патриархальной жизни, но она сама была еще органически привязана къ этому строю и не могла найти въ себѣ силы оторваться отъ него и безповоротно уйти, вслѣдъ за Маркомъ, на встрѣчу неизвѣстности и судьбѣ. Она такъ и осталась на распутьѣ, на хлѣбахъ у старой жизни, приготовившей ей компромиссъ въ бракѣ съ Тушинымъ, въ родѣ того, какимъ едва ли не былъ бракъ Ольги со Штольцемъ.

И поставивъ на счетъ Марку всѣ угловатые штрихи и промахи, допущенные имъ въ горячкѣ упоенія страстью, Гончаровъ оставилъ въ тѣни самую сущность его протестующей натуры и не разглядѣлъ въ немъ его основной черты — органическаго революціоннаго начала.

Странное впечатлѣніе производятъ іереміады Гончарова противъ Марка во второй половинѣ романа. Еще Райскаго можно было понять. Сведя свои отношенія къ Марку исключительно на почву заступничества, въ качествѣ „брата и друга“, за Вѣру, онъ могъ бы вымещать на немъ всѣ обиды уязвленнаго ревниваго самолюбія, свою досаду на то, что не онъ, Борисъ Павловичъ Райскій, артистъ, художникъ и поэтъ, но какой-то рагвену Маркъ Волоховъ, человекъ „безъ имени, безъ прошлаго“, „буянъ“, „трактирный либераль“, сталъ избранникомъ Вѣры. Будучи отъ природы наклоненъ относиться къ своимъ поступкамъ снисходительно и легко, чему помогала способность прикрывать ихъ цвѣ-

тами поэзии, какъ только они отодвигались отъ него во времени, Райскій могъ не отдавать себѣ отчета, что могло быть истиннымъ источникомъ его враждебнаго отношенія къ Марку. Не прямо, не въ лицо, какъ слѣдовало бы въ открытой борьбѣ, но заднимъ числомъ, на страницахъ своего дневника или въ запискахъ для будущаго романа, Райскій могъ бы сыпать на него узоры и оскорбленія, со всею опрометчивостью, на которую только способны ревность и злоба. Мы говоримъ — Райскій, но за спиной его стоитъ — Гончаровъ. „Объективный“ писатель сливается въ этомъ отношеніи съ своимъ героемъ; его разсужденія незамѣтно переходятъ въ мысли и чувства Райскаго, и получается странное раздвоеніе: то, что понятно психологически въ Райскомъ, какъ въ человѣкѣ, котораго постигли неудача и разочарованіе въ любви, становится положительно необъяснимымъ, съ точки зрѣнія художественной логики, въ Гончаровѣ, съ его ролью строгаго судьи и гражданина. Можно быть не особенно требовательнымъ къ Райскому, относительно его общественныхъ взглядовъ, при которыхъ Татьяна Марковна является для него „идеаломъ, вѣнцомъ свободы“, женщиной, „стоящей на вершинахъ развитія, умственнаго, социальнаго“, но встрѣтить такое явное совпаденіе со взглядами самого Гончарова нельзя, не заподозривъ въ писателѣ лично задѣятаго чувства негодованія и вражды.

Въ самомъ дѣлѣ, внидите въ смыслъ взволнованной рѣчи Райскаго, обращенной къ Марку въ одну изъ минутъ, когда Борису Павловичу было не до рисовки и поэмы, и подлинныя мысли и взгляды невольно сами собой вырывались наружу. Онъ только что открылъ Вѣрину „тайну“ и не знаетъ, на что ему рѣшиться, — привести ли бабушку, съ толпой людей, на дно обрыва или застрѣлить „собаку“ Марка, для чего, впрочемъ, у него не хватаетъ духу, — и безумная злоба овладѣваетъ имъ. „Это наша „партія дѣйствія“! — шепталъ онъ: — да, изъ кармана показываетъ кулакъ полиціймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ да дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью въ изученію природы впадаетъ въ довѣренность женщинъ и утѣшаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ!“... И защитникъ Вѣры, ея „братъ и другъ“, не находитъ ничего лучше сдѣлать въ эту минуту, какъ довершить трагизмъ ея положенія послѣднимъ ударомъ — обдуманно заготовленнымъ букетомъ померанцевыхъ цвѣтовъ, брошенныхъ въ ея комнату „дружеской“ рукой.

Сопоставьте съ этой рѣчью Райскаго разсужденіе Гончарова о Маркѣ, сказанное, конечно, въ болѣе спокойномъ тонѣ, и вы

не замѣтите пикавой разницы въ коренномъ ихъ смыслѣ. „Онъ (Маркъ), во имя истины, развѣнчалъ челоуѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не животную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ даже отъ всякихъ иллюзій...“ „Оставивъ себѣ одну животную жизнь, „новая сила“ не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни“... „Онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія въ лучшему порядку“... Изъ всего ученія Марка Гончаровъ усвоилъ только одну сторону—свободу отъ обязательствъ, налагаемыхъ бракомъ, вполне умѣстную тамъ, по мнѣнью Марка, гдѣ женщина является самостоятельнымъ, равноправнымъ и развитымъ членомъ общества, и частный случай преждевременной или неудачной попытки провести эту теорію въ жизнь сдѣлалъ выраженіемъ своего несочувствія новому ученію вообще.

Этого мало Гончарову. Закончивъ сцену катастрофы мелодраматическимъ восклицаніемъ— „Боже, прости ее, что она обернулась!“—Гончаровъ заставилъ Марка самого произнести себѣ судъ и осужденіе и наказать себя за нехорошій поступокъ съ Вѣрой. Не нужно быть очень проницательнымъ, чтобы замѣтить, насколько посвященные этому самосуду страницы внутренно фальшивы и противорѣчатъ всему нравственному и умственному складу Марка. Обратимъ лишь вниманіе на авторскія подчеркиванья, въ кавычкахъ и скобкахъ, нѣкоторыхъ словъ, напоминающія режиссерскія помѣтки на роляхъ, и не будемъ упускать изъ виду общее поведеніе Марка.

Все та же страшная ночь катастрофы въ обрывѣ. Маркъ поднимается на дорогу и мучится вопросомъ: что онъ сдѣлалъ?— „Онъ припомнилъ,—разсказываетъ Гончаровъ,—какъ въ послѣднемъ свиданіи „честно“ предупредилъ ее. Смыслъ его словъ былъ тотъ: „помни, я все сказалъ тебѣ впередъ, и если ты, послѣ сказаннаго, протянешь руку ко мнѣ—ты моя: но ты и будешь виновата, а не я“.

Но это разсужденіе, при его видимой наивности, было не въ духѣ Марка, даже въ томъ неровномъ освѣщеніи, какое придаетъ ему Гончаровъ. „Обмануть ее, увлечь, обѣщать „безсрочную любовь“, сидѣть съ ней годы, пожалуй—жениться“,—такъ раздумывалъ Маркъ о Вѣрѣ до катастрофы—и ужасъ охватилъ его: „онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ“... И онъ любитъ, ослѣпляется страстью, падаетъ

съ Вѣрой на дно обрыва, но не обманываетъ и въ такихъ вопросахъ не лжетъ. Это его отличительный признакъ.

„Дальше, онъ припомнилъ, — продолжаетъ Гончаровъ самовнушение Марка, — какъ онъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, покидалъ ее одну, повисшую надъ обрывомъ въ опасную минуту. „Я уйду“, говорилъ онъ ей („честно“) и уходилъ, но оборотился, принявъ ее отчаянный нервный крикъ *прощай* за призывъ — и поспѣшилъ на зовъ“ ...

Построивъ на разсужденіяхъ Райскаго цѣлую теорію слѣпой, всесокрушающей, „стихійной“ страсти, Гончаровъ менѣе всего склоненъ примѣнить ее къ Марку. Здѣсь передъ нимъ не *человекъ*, но *идея*. Съ нимъ Гончаровъ и борется, какъ съ безплотной и безкровной отвлеченностью, логическая несостоятельность которой является цѣлью его усилій. Въ самомъ дѣлѣ, прислушаемся къ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ Марка: какъ мало въ немъ живого и реально страдающаго человѣка!

„Нечестно вѣнчаться, когда не вѣришь!“ — гордо сказалъ онъ ей, отвергая обрядъ и „безсрочную любовь“ и надѣясь достичь побѣды безъ этой жертвы... Изъ логики и „честности“ — говорило ему отрезвившееся отъ пьянаго самолюбія сознание — ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобъ укрываться за нихъ съ своей „новой силой“, оставивъ безсильную женщину раздѣлываться за свое и за твое увлеченіе, обѣщавъ ей только одно: „уйти, не унося съ собой никакихъ „долговъ“, „правиль“ и „обязанностей“ ... оставляя ее нести ихъ одну“.

Но если кого и можно было обвинять въ „пьяномъ самолюбіи“, то болѣе Райскаго, чѣмъ Марка. Къ послѣднему скорѣе могъ быть обращенъ упрекъ въ стремленіи, наоборотъ, къ излишней трезвости, доходившей до цинизма, но никакъ не въ самолюбіи.

„Ты не пощадилъ ее „честно“, — читаемъ дальше, — когда она падала въ безсиліи, не сладилъ потомъ „логично“ съ страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, поддаваясь „нечестно“ отвергаемому твоимъ „разумомъ“ обряду и впереди заботливо сулилъ — одну разлуку! Манилъ за собой и... договаривался! Вотъ что ты сдѣлалъ!...“

Однако, замѣтимъ мы, изъ словъ Марка вовсе не видно, чтобъ онъ „сулилъ“, да еще „заботливо“, разлуку, не рискуя быть смѣшнымъ по меньшей мѣрѣ. Онъ только не закрывалъ глазъ на *естественную возможность* разлуки и говорилъ о ней, какъ о возможной крайности, боясь и мысли обмануть себя и Вѣру.

„Волкомъ“ звала она тебя въ глаза, „шута“: — теперь, не шутя, заочно, къ хищничеству волка — въ памяти у ней теперь останется любовь лисы, злость на все лающей собаки, и не останется никакого слѣда о человѣкѣ!..“

Такъ казнить себя Маркъ, по рецепту Гончарова, будучи готовъ въ то же время, изъ-за любви къ ней, согласиться на все, даже на бракъ. Эта готовность — не волчья и не лисья, и обвиненіе падаетъ само собою. Но постараемся стать на другую точку зрѣнія и зададимъ вопросъ: какъ перемѣнились бы роли, еслибы на мѣстѣ Марка былъ „союзникъ и другъ“ Вѣры — Борисъ Павловичъ Райскій?

Можно съ увѣренностью сказать, что Райскій велъ бы себя диаметрально противоположно Марку. Чувство послѣдняго развилось на почвѣ стремленія повліять на умственный складъ пылкой и серьезной дѣвушки, сдѣлать изъ нея товарища и союзницу въ борьбѣ съ косностью и рутинной. Райскій чуть не съ перваго своего свиданія съ Вѣрой началъ ухаживать за нею, причѣмъ это ухаживаніе по большей части носило пошловатый характеръ. Съ назойливостью, доходившей до наглости, онъ преслѣдовалъ ее своимъ фразерствомъ на тему своей колоссальной страсти, на днѣ которой лежала самая обыкновенная чувственность и животный эгоизмъ. Въ противоположность Марку онъ стремился лишь къ тому, чтобы привить ей науку страсти и жной и „развить изъ нея женщину“. Въ этого стремленія внутренней міръ Вѣры мало интересовалъ Райскаго. Не будь ея, съ ея обаятельной красотой, онъ съ меньшимъ усердіемъ старался бы о „развитіи женщины“ въ Марейникѣ, и въ романѣ есть сцена, гдѣ доверчивая и наивная Марейнка едва не сдѣлалась жертвой чувственной распущенности „брата“. Умная и чуткая Вѣра сразу сообразила, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; его любовныя изліянія вскорѣ надоѣли ей, а нескромное любопытство и насильственное залѣзаніе въ ея душу заставили ее быть съ нимъ особенно осторожной. И тѣмъ не менѣе она была снисходительна и добра къ нему; она видѣла, что онъ ее любитъ, и онъ дѣйствительно любилъ ее, потому что видѣлъ, что его не любили, и страдалъ больше отъ неудовлетвореннаго самолюбія, чѣмъ отъ любви. Любовь его была больше любовью воображенія, чѣмъ сердца: она вспыхивала какъ порохъ и, если не встрѣчала препятствій, такъ же быстро потасала... Наконецъ, положеніе Вѣры было трудное между бабушкой и Райскимъ, и невинная хитрость, придуманная ею съ Маркомъ, имѣла одну цѣль — усмирить бушующія страсти Райскаго и заставить его ухажать.

Предположимъ теперь, что случилось то, чего не было,—что Вѣра отвѣтила Райскому взаимностью. Рѣшился ли бы Райскій съ тою же чистосердечною, пусть даже грубой откровенностью, высказать Вѣрѣ свои намѣренія, каковы бы они ни были, или не употребилъ ли бы онъ всѣ усилія, чтобы пышными фразами о любви и „роскошныхъ ощущеніяхъ“ грозы-страсти заполнить воображеніе и усыпить дѣвическую бдительность съ цѣлью подготовить побѣду? Намъ кажется, двухъ отвѣтовъ не можетъ быть на эти вопросы. Райскій — типичный соблазнитель женщинъ и дѣвушекъ на почвѣ артистичности своей натуры, и еслибы Вѣра не поддавалась сразу обаянію его артистичности и горячечныхъ рѣчей о страсти, онъ не остановился бы ни передъ какими обѣщаніями и клятвами, ни мало не заботясь объ ихъ исполненіи. А когда цѣль была бы достигнута, и Райскій испыталъ бы „блаженство раздѣленной любви“, онъ не менѣе Марка испугался бы перспективы женитьбы и, чувствуя, что страсть его испаряется, какъ дымъ, направилъ бы всѣ силы своей творческой изобрѣтательности на то, чтобы отыскать благоприятный предлогъ для уклоненія отъ логически необходимыхъ, съ точки зрѣнія круга его идей, послѣдствій своего поступка; онъ не задумался бы пустить въ ходъ пышныя разсужденія о своемъ талантѣ, объ артистической дѣятельности, о долгѣ, который лежитъ на немъ передъ человѣчествомъ, о славѣ, которая его ожидаетъ, и о томъ, что для его творчества, какъ воздухъ для птицъ и вода для рыбъ, необходимы независимость и свобода. И въ то же время, какъ Вѣру насильственно отняли у Марка, не давъ ей придти въ себя и разобраться въ кошмарѣ чувствъ и мыслей, Райскій обратился бы въ позорное бѣгство, оставивъ на долю Вѣры расплату не за горячую страсти, но за свою невольную ошибку, свое разочарованіе и обманъ.

Допустимъ даже, что Райскій женился бы на Вѣрѣ. Измѣнилось ли бы что-нибудь отъ этого по существу? Теперь даже съ большимъ правомъ, чѣмъ въ шестидесятые годы, мы можемъ сказать, что въ общемъ вихрѣ крушенія старой жизни семья страдаетъ больше всего, и въ этой ломѣ семьи, при полной невозможности предсказать формы ея будущаго развитія, обрядъ менѣе всего гарантируетъ прочность семейнаго союза. Слишкомъ потрясены основные устои, на которыхъ она зиждется, по смыслу всѣхъ естественныхъ и божескихъ законовъ. Бракъ Райскаго съ Вѣрой прибавилъ бы къ общей массѣ еще одну несчастную семью, гдѣ на долю Вѣры падали бы всѣ тяжкія послѣдствія насильственно скрѣпленнаго союза, а Райскій продол-

жалъ бы, какъ прежде, носиться по свѣту, вплетая, для пущаго обаянiя, въ свои артистическiе лавры, романтическую усмѣшку разочарованнаго человѣка. Нѣтъ, ужъ лучше слѣдовать Марку, не обманывать себя и другихъ и, признавая въ женщинѣ прежде всего человѣка, ставить передъ ней вопросъ открыто и прямо, и не отступать малодушно отъ того исхода, къ которому приведетъ борьба между трезвой мыслью и ослѣпленнымъ чувствомъ—къ тому ли, что называется катастрофой, или къ тихой семейной пристани... Словомъ,—какъ разсуждаетъ Маркъ,—„свобода съ обѣихъ сторонъ—и затѣмъ—что выпадетъ кому изъ насъ на долю: радость ли обоимъ, наслажденiе, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги—это уже не наше дѣло. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слѣпо ея назначенiе, подчинились бы ея законамъ“. Лучше идти на встрѣчу всѣмъ неизбежнымъ случайностямъ, которыя постигаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его существованiя, но идти сознательно, съ гордо поднятой головой, и, можетъ быть, пасть въ борьбѣ, чѣмъ умышленно затмить глаза туманомъ фантастическихъ надеждъ и растеряться отъ неожиданности при первомъ ударѣ судьбы.

XIII.

Сопоставляя образы Татьяны Марковны и Марѣиньки, мы замѣчали, что, при наличности многихъ общихъ чертъ ихъ натуры, бабушка была гораздо сложнѣе и шире. Коренная черта, которою бабушка переросла Марѣиньку, заключалась въ томъ, что въ основѣ ея характера, ставшаго подъ конецъ жизни властнымъ и энергичнымъ, лежала страстность, вся ушедшая на кипучую, чисто муравьиною дѣятельность въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ. По временамъ, какъ мы видѣли это въ сценѣ съ Титомъ Никоничемъ, это страстное начало выходило изъ береговъ административной распорядительности, и бабушка становилась способна на такіе размахи темперамента, какіе, казалось, были вовсе несвойственны ей въ обычное время, а для Марѣиньки были бы невозможны и подавно. Этимъ началомъ порывистости, энергiи, вообще скрытой мощи духа Татьяна Марковна напоминаетъ Вѣру. Вѣра является какъ бы воплощенiемъ тѣхъ свойствъ натуры Бережковой, которыя не нашли себѣ выраженiя въ Марѣинькѣ, и сама, какъ нарочно, лишена наиболѣе типичныхъ особенностей своей сестры—ея наивности, хозяйственности и простоты.

Въ образѣ Татьяны Марковны, какой она была въ молодости, сливались, повторимъ еще разъ, Марейнка и Вѣра. Еслибъ Бережкова приходилась имъ не двоюродной или троюродной бабушкой, но матерью, какъ ее невольно хочется видѣть въ романѣ, мы сказали бы, что двойственность ея натуры, смиренная покорность судьбѣ и рядомъ — готовность къ дерзанію, къ порыву, выразилась бы на дочеряхъ съ удивительной степенью наследственной передачи. Она сама говоритъ о сестрахъ, что онѣ ей—тѣ же родныя дочери; Вѣра такъ и называетъ ее послѣ катастрофы, а за ней употребляетъ это названіе и Гончаровъ. „Вѣра, очнувшись на груди *этой своей матери*, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала свою исповѣдь“ ...

Райскій долго не могъ понять Татьяну Марковну, и даже тогда, когда онъ узналъ и понялъ Вѣру. Но ихъ сопоставленіе невольно напрашивалось у него. Въ Вѣрѣ оканчивалась его статуя гармонической красоты. А тутъ рядомъ возникала другая статуя—сильной античной женщины—въ бабушкѣ. Та огнемъ страсти, испытанія очистилась до самопознанія и самообладанія; а эта...

„Откуда у ней этотъ источникъ мудрости и силы? Она—дѣвушка!“

Райскій не могъ добраться до отвѣта: бабушка была для него загадкой.

Эта загадка раскрылась—и раскрылась не случайно. Бабушка всю свою жизнь вѣрила, что надъ міромъ царятъ высшіе законы, есть Богъ, который все видитъ и знаетъ. Ему извѣстны всѣ тайные помыслы и дѣла. Есть судьба, отъ которой никуда не спрячешься и не уйдешь. Надо смиряться и поворяться ихъ велѣніямъ и не забывать, что въ мірѣ царитъ вѣчный духъ справедливаго воздѣйствія за дѣла, что сказалося въ великой формулѣ—„Мнѣ возмеждіе, и Азъ воздамъ“ ...

И она на себѣ испытала этотъ вѣчный законъ, когда увидѣла перстъ Божій, карающій ее, въ „несчастіи“ Вѣры за „грѣхъ“, постигшій Татьяну Марковну чуть не полвѣка назадъ. Въ страшной сценѣ поваянія бабушки, исполненной Шекспировскаго драматизма, ея натура проявила всю доступную ей мощь ея духа, всю глубину покаянной тоски, этой родовой славянской черты, внезапно вспыхнувшей въ ней, при извѣстїи о „паденїи“ Вѣры. Я думала, грѣхъ мой забыть, прощень, —кается она Вѣрѣ.—Я молчала и казалась праведной людямъ: неправда! Я была, какъ „окрашенный гробъ“ среди васъ, а внутри тайлся

неомытый грѣхъ! Богъ позаралъ меня въ немъ. Прости же меня отъ сердца...

— Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты—святая женщина! Нѣтъ другой такой матери... Еслибъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?..

— Это мой другой страшный грѣхъ!—перебила ее Татьяна Марковна:—я молчала и не отвела тебя... отъ обрыва! Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это; я чувствую—она все снится мнѣ... Она теперь тутъ, между насъ... Прости меня и ты, покойница!—говорила старуха, диво озираясь вокругъ и простирая руку къ небу. У Вѣры пробѣжала дрожь по тѣлу... —Прости ты меня, Вѣра,—простите обѣ!.. Будемъ молиться!“...

Это въ полномъ смыслѣ слова—ужасный моментъ, если представить себѣ, кромѣ реальнаго, все суевѣрное значеніе факта для обѣихъ женщинъ. Въ этотъ моментъ онѣ сливаются въ общемъ чувствѣ страха не передъ наказаніемъ, не передъ позоромъ, но передъ жизнью вообще, передъ стихійностью ея проявленій, затмевающихъ въ умѣ и сердцѣ людей присущее имъ—болѣе естественное начало, парализующихъ волю и разумъ. Въ этотъ моментъ нарушается граница лѣтъ, опыта, положеній, и Вѣра переходитъ въ Татьяну Марковну, какъ нѣкогда Александръ Адуевъ сливался до полного совпаденія съ Петромъ Ивановичемъ, тамъ—по сходству характера и бытовой обстановки, здѣсь—по сходству характера и психологическимъ мотивамъ драмы. Гончаровъ и укладываетъ дальнѣйшую судьбу Вѣры въ бабушкину колею. „Стало быть ей, Вѣрѣ,—говоритъ онъ,—надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ и, путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать „новую жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... любить людей, правду, добро“...

Виновиномъ, какъ принято говорить, бабушкина грѣха былъ ей старый и неизмѣнный другъ—Титъ Нивонычъ Ватушня. Послѣ объясненія съ Вѣрой, она послала за нимъ и, когда онъ пріѣхалъ, увела его въ садъ. „Тамъ, сидя на скамьѣ Вѣры, она два часа говорила съ нимъ, и потомъ воротилась, глядя себѣ подъ ноги, а онъ, не зашедши къ ней, точно убитый, отправился къ себѣ, велѣлъ камердинеру уложиться, послалъ за почтовыми лошадьми и уѣхалъ въ свою деревню, куда нѣсколько лѣтъ не заглядывалъ“...

Неизвѣстно, о чемъ говорили они, но было ясно одно: Титъ Нивонычъ долженъ былъ взять на себя половину „несчастія“ Вѣры.

XIV.

Мотивъ паденія былъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ творчества Гончарова. Начинаясь въ „Иванѣ Саввичѣ Поджабринѣ“ эпизодами легкомысленныхъ связей съ женщинами, мотивъ этотъ играетъ видную и уже серьезную роль въ „Обломовѣ“, въ отношеніяхъ Ильи Ильича къ Авдотѣ Матвѣевнѣ, въ концѣ-концовъ оформленныхъ брачнымъ обрядомъ,—въ „Обрывѣ“ же, какъ мы видѣли, онъ былъ поставленъ на высоту социальнo-этической задачи. Вѣра понимала ее и тщетно искала сознательнаго и жизненно-правильнаго рѣшенія. Она обращалась въ тому, что бабушка называла „провидѣніемъ“ и „судьбой“, но „я тамъ допрашивалась искры, чтобъ освѣтить мой путь, и не допросилась“,—говоритъ она. Не пошла она и за Маркомъ, испугавшись неизвѣстности и крайностей, какъ ей казалось, новаго пути, и дѣло кончилось, по-гончаровски, компромиссомъ, примиреніемъ крайнихъ рѣшеній, какія предлагали ей голосъ протестующаго ума и страсти, съ одной стороны, и боязнь авторитета бабушкиной морали, съ другой. Страсть и протестъ нашли выходъ въ чувствѣ благодарной дружбы къ Тушину, и святость брачныхъ узъ является такимъ же *deus ex machina* для сложнаго узла личныхъ и общественныхъ нитей въ сердцѣ Вѣры, какъ—мы указывали уже на это—въ бракѣ Ольги со Штольцемъ, и только у Обломова съ Авдотьей Матвѣевной бракъ явился естественной и неизбежной формой ихъ взаимныхъ, органически развившихся въ нихъ симпатій, образа мыслей и взглядовъ.

У Гончарова разработка этого мотива далека отъ какого-нибудь определеннаго рѣшенія или принципиальнаго взгляда. Но она заканчивается у него не одной лишь примирительной, но и оправдательной ноткой. Слабо и какъ будто неувѣренно пробивается эта нотка въ разныхъ мѣстахъ, но, въ общемъ впечатлѣніи, тѣмъ не менѣе, она звучитъ послѣдовательно и определенно. Ни бабушка, ни Вѣра, послѣ своего „грѣха“ не утратили для него своего обаянія; напротивъ, ихъ образы становятся женственнѣе и мягче, особенно Вѣры, по мѣрѣ того, какъ она вдумчивѣе и серьезнѣе смотритъ на жизнь—не въ идеальномъ отдаленіи, а на ту, что творилась вблизи, вокругъ нея, и которой она не замѣчала раньше. „Бабушка,—говоритъ Гончаровъ отъ лица Бережковой,—не казнила Вѣру никакимъ притворнымъ снисхожденіемъ, хотя, очевидно, не принимала такъ легко рѣшительный опытъ въ жизни женщины, какъ Райскій,

и еще менѣе обнаруживала то безусловное презрѣніе, какимъ влеймить эту „ошибку“, „несчастье“ или, пожалуй, „паденіе“ старый, вѣѣвшійся въ людскія понятія ригоризмъ, не разбирающій даже строго причинъ „паденія“. Такъ, будто бы, думаетъ Бережкова. Но если она и понимала Вѣру, какъ женщина, и притомъ сама причастная „грѣху“, то никакъ не оправдывала себя. „Грѣхъ“ оставался для нея „грѣхомъ“,—въ этомъ-то его фатальное значеніе,—и менѣе всего она могла сопоставлять свое отношеніе ко „грѣху“ съ „вѣѣвшимся въ людскія отношенія ригоризмомъ“ и разбирать причины паденія. Обычный стиль бабушки другой,—тотъ, напримѣръ, въ которомъ она предостерегаетъ Марейнуку отъ ухаживанья Бориса: „А ты не слушай,—говоритъ она,—онъ тамъ посмотрѣлся на какихъ-нибудь англичанокъ да полячекъ; тѣ еще въ дѣвкахъ однѣ по улицамъ ходять, переписку ведутъ съ мужчинами и верхомъ скачутъ на лошадяхъ“... Это разсужденіе—всецѣло бабушкино, а не то, въ которомъ кроется противорѣчіе со всѣмъ строемъ взглядовъ и убѣжденій Бережковой. Мы въ правѣ отнести его къ самому Гончарову, прибѣгнувшему и здѣсь къ обычному въ такихъ случаяхъ приему—говоритъ описательно отъ имени того или другого лица, съ подчеркиваніями и усиленіями, тамъ, гдѣ передача своихъ мыслей въ діалогъ вышла бы искусственной и трудной.

Такимъ образомъ, ригоризмъ безапелляціонный и безусловный, не разбирающійся въ мотивахъ и обстоятельствахъ, представлялся Гончарову одною изъ тѣхъ жизненныхъ сторонъ, съ которыми слѣдовало бороться, какъ съ кореннымъ общечеловѣческимъ недостаткомъ, не зависящимъ въ своемъ существѣ отъ правилъ старой и новой морали. Глубокая и сильная страсть является, по мнѣнію Гончарова, однимъ изъ наиболѣе оправдательныхъ мотивовъ. Какъ „гроза въ природѣ“, она вноситъ стихійное начало въ размѣренное теченіе жизни, производитъ смятеніе и бурю,—и человекъ перестаетъ управлять собою. Съ парализованной волей и ослѣпленнымъ разсудкомъ онъ не можетъ нести сознательной вины за свои дѣйствія, —и въ этомъ признаніи кроется одна изъ пружинъ теоретически-снижательнаго отношенія Гончарова къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ.

XV.

Прочія лица романовъ Гончарова, различной степени типичности и значенія, не подаютъ повода къ противорѣчивымъ толкованіямъ и объясняются значительно проще. Одни изъ нихъ живо и ярко встаютъ въ воображеніи читателя, другія являются эпизодически, чтобы помочь главному герою романа раскрыть ту или другую черту своего характера. Не мало усилий потратилъ Гончаровъ на изображеніе фигуры Софьи Бѣловодовой, этой холодной великосвѣтской красавицы, но образъ ея далеко не удался Гончарову. Впослѣдствіи, въ авторской исповѣди, онъ согласился съ мнѣніемъ критики, которая отнеслась къ ней отрицательно. „Это скучное начало, — говорилъ онъ, — изъ котораго вовсе не художественно выглядываетъ замыселъ — показать, какъ отразилось развитіе новыхъ идей на замкнутомъ кругѣ большого свѣта. И ничего, кромѣ претензій, не вышло изъ этой затѣи“. Здѣсь, между прочимъ, любопытно отмѣтить одну черту. Гончаровъ заставилъ Райскаго ломать „стѣну великосвѣтской замкнутости, замурававшейся въ фамиліныхъ преданіяхъ рода“, и Райскій въ пламенныхъ рѣчахъ начинаетъ набрасывать передъ своей кухонной картины тяжелой крестьянской жизни. Софья чувствуетъ, что главное въ его рѣчахъ — не забота о меньшомъ братѣ, не горячее участіе въ ихъ безотрадному положенію, но она сама, ея красота, — „ему хочется, — по повдвѣйшему объясненію Гончарова, — побѣдить только кухню-женщину — для себя“. И пропаганда Райскаго естественно не достигаетъ цѣли. Являясь совершенно чуждой всякой хозяйственности у себя въ деревнѣ и во все не интересуюсь крестьянскимъ бытомъ, Райскій въ своихъ бесѣдахъ съ Софьей касался, если вѣрить Гончарову, не только положенія крестьянства, но и болѣе опасныхъ идей — чуть ли не общественнаго и государственнаго строя. Въ устахъ Райскаго это звучало не особенно грозно. „Мы дошли до политической и всякой экономіи, до социализма и коммунизма — я въ этомъ не силенъ...“ — говоритъ онъ. Реплики, подаваемые Софьей Бѣловодовой, обнаруживаютъ въ ней то же птичье міросозерданіе, которое отличаетъ Наденьку Любецкую и имъ подобныхъ.

Нельзя не отмѣтить, что Гончаровъ подробно и внимательно остановился на безтолковости и безсодержательности ихъ воспитанія. Анекдотическій характеръ послѣдняго есть историческая черта, и въ этомъ отношеніи посвящаемыя этому вопросу страницы должны внести цѣнный вкладъ въ исторію нашего до-

машняго воспитанія. Самъ Гончаровъ исполнялъ когда-то во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ обязанности учителя въ артистической семьѣ Майковыхъ. Вѣроятно, въ это время онъ имѣлъ случай присмотрѣться къ типамъ педагоговъ, иностранныхъ и русскихъ, отъ наглого невѣжды м-г Пулэ до идеалиста-словесника Ельнина включительно. „Я всѣ уроки учила одинаково, то-есть всѣ дурно,—разсказываетъ Софья.—Въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ, потому что *mon oncle, prince Serge*, служилъ въ то время и дѣлалъ кампанію, онъ разсказывалъ часто о немъ; помнила, что была Екатерина II, еще революція, отъ которой бѣжалъ м-г Quegneu, а остальное все... тамъ эти войны, греческія, римскія, что-то про Фридриха Великаго—все это у меня пугалось. Но по-русски, у м-г Ельнина, я выучивала почти все, что онъ задавалъ“... Однако фигура учителя-классика—Козлова—вышла одноцвѣтной и блѣдной. Въ немъ, по словамъ автора, мелькнуло лицо русскаго учителя труженика, съ намекомъ на участь русской науки въ обломовскомъ обществѣ. Безъ почвы и подходящей среды, безъ книгъ и безъ денегъ, онъ долженъ былъ, по мысли Гончарова, отразить въ себѣ всю безотрадность своего существованія среди равнодушныхъ къ наукѣ людей. Но драматизмъ этого положенія не достаточно обставленъ; въ гораздо большей степени его заслоняетъ другой драматизмъ—драматизмъ его неудачной женитьбы. Впослѣдствіи, въ своей авторской исповѣди, Гончаровъ посвятилъ образу Козлова нѣсколько теплыхъ и искреннихъ строкъ. „Въ немъ теплится искра любви къ знанію, но—какъ въ степи—нѣтъ ей пищи, ни посѣва, ни полива, некуда бросить сѣмя—и они гложуть въ немъ самомъ, а любящее сердце избрало кумиромъ ничтожество, идола, созданнаго безхарактерностью среды, безъ образа. Это его жена. Весь умъ его просился въ науку, все любящее сердце отдалось этой жалкой подругѣ. Ни тамъ, ни сямъ—онъ не нашель отвѣта, сгорѣлъ и угасть одиноко, въ чистомъ пламени своей любви“.

Видное мѣсто занимаетъ въ романѣ чиновничій міръ, очерченный въ общемъ весьма реально. Но характеристика его заключена болѣе въ разсужденіяхъ автора и размышленіяхъ героевъ, чѣмъ въ яркихъ типахъ. Мы уже видѣли въ первомъ очеркѣ, что служба не вызывала у Гончарова жизненнаго интереса; съ нею не связывалось у него никакихъ общественныхъ или государственныхъ плановъ или теорій, такихъ, которыя были бы его кровными убѣжденіями, не связывалось никакихъ творческихъ симпатій и даже честолюбивыхъ цѣлей. Это отра-

зилось и въ романахъ: образы Судьбинскихъ, Аяновихъ говорятъ уму и сердцу читателя не больше, чѣмъ образы графа Новинскаго, барона въ „Обломовѣ“ и Софьи Бѣловодовой. Конечно, въ чиновничьей средѣ не было недостатка въ типическихъ особенностяхъ, характерныхъ не только для сословія, но и для историческаго момента. Но, видно, одной наблюдательности было недостаточно для Гончарова, чтобы знакомые ему образы могли группироваться въ типы,—нужна была ровная связь съ предметомъ наблюденія, глубокое, инстинктивно выросшее пониманіе его и — на этой почвѣ — душевный интересъ и творческое влеченіе. Такой связи съ чиновничествомъ у Гончарова не было.

Стремясь противопоставить Марку челоѵка „живого, нерутиннаго“ дѣла, одного изъ первыхъ пионеровъ истинной, какъ казалось Гончарову, „партіи дѣйствія“, онъ создалъ любопытный по замыслу типъ Тушина, которому вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ громадное общественное значеніе. Тушинымъ предстоитъ, по его мнѣнію, сослужить службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразование и дополненіе. Тушинъ — челоѵкъ земли, и въ этомъ смыслѣ авторское пониманіе Тушина заключаетъ въ себѣ намекъ, не лишенный интереса. Это — здоровая, мощная натура, таящая въ себѣ много силъ и способностей, но и то, и другое въ ней — пока еще мертвый капиталъ, не тронутый сознаниемъ и чуждый идеѣ общаго блага. Какъ попытка дать положительный типъ, столь рѣдкій въ нашей литературѣ, характеристика Тушина не лишена извѣстнаго значенія, и хотя образъ намѣченъ лишь самыми общими чертами, онъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Совершенно иначе работаетъ кисть Гончарова, какъ только переходитъ онъ на почву роднаго обломовскаго захолустья. Фигуры одна другой рельефнѣе и жизненнѣе такъ и просятся на полотно. Вотъ „вѣчный жидъ“ Антонъ Ивановичъ, у котораго нѣтъ челоѵка изъ его знакомыхъ, что у него отобѣдалъ бы, отъужиналъ, или выпилъ чашку чая, — но зато и нѣтъ челоѵка, у котораго самъ Антонъ Ивановичъ не дѣлывалъ этого по пятидесяти разъ въ годъ... Вотъ близкій ему по духу Акимъ Акимычъ Опенкинъ, который дома былъ какъ чужой челоѵкъ, а у чужихъ людей — какъ дома; въ его лицѣ Гончарову подвернулся, по его словамъ, типъ русскаго челоѵка, утопившаго въ винѣ всю свою жизнь, большею частью тирана въ семьѣ и бремя для общества, гдѣ онъ живетъ. „А гдѣ онъ не живетъ! — восклицаетъ Гончаровъ. — Этотъ штрихъ русскои жизни почти неизбѣ-

женъ во всякой картинѣ нравовъ. Легкой тѣнью прошелъ онъ и у меня въ романѣ“.

Иногда десятки страницъ Гончаровъ посвящаетъ описанію какой-нибудь фигуры, и все-таки фигура выходитъ блѣдной и нетипичной; иногда же ему удается однимъ штрихомъ настолько удачно охватить образъ, что онъ навсегда врѣзывается въ память читателя. Не говоря уже о мастерскихъ характеристикахъ Авдѣя, Евсея, Захара, Егорки, въ основу которыхъ положены близко родственныя между собою черты, списанныя, по признанію автора, съ натуры, — въ воображеніи читателя живо встаетъ длинная вереница лицъ Обломовской дворни, въ родѣ стриженной и дурно одѣтой Пашутки, у которой „изъ маленькаго, плутовскаго, нѣсколько приподнятаго кверху носа часто свѣтитса капля“, Машутки, которой „какъ-то неловко было держать себя въ чистотѣ“; бухарки Устиньи — „нескладной бабы съ такимъ лицомъ, которое какъ будто чему-нибудь сильно удивилось когда-то, да такъ на всю жизнь и осталось съ этимъ удивленіемъ“; угрюмой Василисы, Улиты, вѣчно таящейся во тьмѣ погребовъ, или деньщика Фаддѣева на фрегатѣ „Паллада“. Всѣ эти образы вышли у Гончарова естественными и живыми, потому что Гончаровъ ихъ зналъ и въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдалъ; рельефно рисуется и образъ Крицкой, наивно сантиментальной и влюбчивой дамы, хотя онъ обрисованъ явно каррикатурными штрихами.

Вообще же, при сужденіи о типахъ и характерахъ Гончарова, не слѣдуетъ забывать того, что говоритъ онъ самъ въ своей авторской исповѣди: „Можетъ быть, и оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, типы, слишкомъ мѣстные, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла, и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, извѣстны, и, наконецъ, развѣ и потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и родного автору, и замѣтно пробивается кровная его любовь къ нимъ.“

„Да, можетъ быть, и такъ: дѣйствительно, много личнаго, интимнаго, т. е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда“.

Наша попытка имѣла цѣлью разобратся въ этомъ признаніи автора.

Въ заключеніе нѣсколько словъ не на тему.

Почетное мѣсто, отведенное Гончарову въ исторіи русской литературы еще при его жизни, рядомъ съ именами Тургенева, Некрасова, Салтыкова, занято имъ не случайно. Его произведе-

ня представляют богатый и сложный материал, изучение которого может дать поучительные и любопытные результаты. Тѣ, кто признает за творчествомъ Гончарова значеніе выдающагося общественнаго факта, — тѣ интересуются его личностью не только какъ человѣка, обладавшаго тѣми или другими свойствами, но преимущественно съ точки зрѣнія той выдающейся роли, какую играла эта личность въ отраженіи общественнаго склада эпохи. Субъективная критика можетъ, по своему произволу, интересоваться или игнорировать личность писателя, но у исторіи литературы — свои методы и свои задачи. Ея цѣль — безпристрастно изучить всю сумму данныхъ, въ которыхъ жилъ и развивался писатель, выяснитъ существо и историческую цѣнность его общественныхъ идеаловъ и, наконецъ, опредѣлитъ ту сферу художественнаго, умственнаго и нравственнаго вліянія, какую оказало его творчество на современниковъ и потомство. По отношенію къ Гончарову, эта задача намѣчена лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Это былъ глубокій, своеобразный и капризный талантъ. Онъ являлся писателемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ писатель имъ. На Гончаровѣ было бы удобнѣе всего построить теорію самодовлѣющаго таланта, который творитъ, не всегда справляясь съ міросозерцаніемъ писателя, инстинктивно захватываетъ шире и глубже намѣреній автора, и подчасъ становится съ нимъ въ непримиримое противорѣчіе. Творчество отражаетъ эту борьбу сознательнаго начала съ инстинктомъ и невольно обнаруживается, позже, страницами неровныхъ штриховъ и раздраженной или ослабѣвшей мысли. На нашихъ глазахъ прошло и проходитъ не мало непонимающихъ себя талантовъ, у которыхъ, не въ примѣръ Гончарову, сознательная мысль, замыкаясь въ узкую тенденцію, брала верхъ надъ талантомъ, и ихъ творчество выходило болѣзненнымъ и блѣднымъ. Выступая иногда слишкомъ рано на поприще общественной борьбы, они недостаточно чутко прислушивались къ органическимъ влеченіямъ своихъ еще не установившихся талантовъ и направляли работу своей кисти въ такія области, для которыхъ художественное содержаніе было и большою роскошью, и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ въ суровой борьбѣ отвлеченныхъ идей. По счастью для Гончарова, талантъ его былъ настолько великъ, что въ большинствѣ случаевъ одерживалъ верхъ надъ чуждыми ему публицистическими порывами. Онъ былъ *органикомъ*, этотъ талантъ, и живя не вездѣ, гдѣ Гончаровъ чувствовалъ „свой грунтъ и свою ниву“, но онъ же оказался блѣд-

нымъ и малосодержательнымъ, когда писатель взялся за изображеніе мало знакомой ему набѣгавшей „новой“ жизни.

За этой борьбой идей и таланта остается свое особенное значеніе. Гончаровъ прошелъ по межѣ двухъ эпохъ нашей сознательно-исторической жизни. Старое, какъ дремучій лѣсъ, съ подгнившими корнями, ломалось здѣсь и тамъ, падало и давило молодые побѣги, но они веселой, зеленой волной охватывали его по опушкамъ, проростали между стволовъ, взбирались на старые пни—и уже готовились торжествовать свою побѣду... Гончарову жаль было таинственной задумчивости и величавыхъ рѣчей стараго лѣса; ими было проникнуто его творчество, все сотканное изъ яркихъ золотыхъ лучей, прорвавшихся въ сумракъ неподвижности и покоя,—и онъ боязливо восился на молодые и дерзновенные побѣги... Этотъ моментъ борьбы, съ шатаніемъ старыхъ устоевъ и проблесками новой жизни, сдѣлалъ Гончарова типичнымъ выразителемъ переходной эпохи, для насъ—самой знаменательной во всей исторіи нашего общественнаго развитія. Чуткій и наблюдательный во всемъ, что онъ разсматривалъ въ конечномъ итогѣ прошлаго, Гончаровъ ярко характеризовалъ общественный идеалъ Чацкаго, его стремленіе къ свободѣ отъ всевозможныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, — но современная жизнь, казалось ему, настолько ушла впередъ отъ того—другого, „Фамусовскаго“, идеала, что въ ней оставались, по его выраженію, только „кое-какіе живые слѣды“ стараго міросозерцанія, мѣшавшіе „обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ“. И творчество Гончарова, въ его объединенномъ смыслѣ, показало, что такихъ слѣдовъ въ русской жизни осталось немало.

Полвѣка — срокъ большой для пробужденнаго самосознанія: къ нашей порѣ, эта жизнь во многихъ отношеніяхъ ушла впередъ, сосредоточилась на внутренней, упорной работѣ, выработкѣ новыхъ общественныхъ условий. Но теоретическое обоснованіе этическихъ и социальнo-политическихъ задачъ русской жизни остановилось на тѣхъ первыхъ и неувѣренныхъ попыткахъ ихъ рѣшенія, какія были сдѣланы въ моментъ просвѣта шестидесятихъ годовъ. Къ нимъ придется вернуться, когда, при измѣнившихся условіяхъ, скрытые соки жизни выступятъ наружу и сэжуются пышнымъ расцвѣтомъ творческихъ силъ, — и сама собой возникнетъ потребность возстановить нарушенную связь съ историческими традиціями прогрессивно-общественной русской мысли. Историкъ эпохи найдетъ тогда въ твореніяхъ Гончарова живую иллюстрацію историческаго момента, съ его борьбой разнород-

ныхъ стремленій, чувствъ и идей, съ его попытками, если не рѣшить, то поставить на очередь задачи общественнаго и личнаго блага.

Въ связи съ глубиной и яркостью художественнаго дарованія, это историческое значеніе творчества Гончарова обезпечить за нимъ то видное мѣсто въ исторіи нашей литературы, котораго онъ столь исключительно счастливо достигъ еще при жизни. На это у него полное и неотъемлемое право.

Евг. Ляцкий.

ГАЗЕТНОМУ „НАЦИОНАЛИСТУ“

I.

Народность гражданамъ мила не безъ причинъ;
Тебѣ же собственно въ ней то милѣй, что старѣй.
Ты какъ же старину взлюбилъ: какъ гражданинъ,
Иль антиварій?

Ты ищешь лучшаго. Не трудно также мнѣ
Признать, что времена теперешнія—плохи;
Но надобно мнѣ знать: ты манишь въ старинѣ
Какой эпохи?

У насъ запасъ грѣховъ не малый позади.
Что если въ часъ лихой мы вновь сдружимся мигомъ
Иль съ правомъ крѣпостнымъ, или—того гляди—
Съ татарскимъ игомъ!

Ты, говорятъ, призналъ, что стало тяжело
Цивилизаціи намъ западное бремя,
И въ просвѣщенности излишней видишь зло...
Нашелъ же время!

Невѣжествомъ толпы мы хлещемъ черезъ край;
Да и повыше-то чуть брезжетъ свѣтъ науки;
А въ сферахъ нравственныхъ хоть снова начинай
Съ азъ и съ буви.

Мы рядимъ пустоту въ объемистую ложь,
Чтобъ охранить застою отъ натиска прогресса.

Таъ хлѣбный торговецъ владеть въ дрянную рожь
Песокъ для вѣса.

Не дашь ты радостей въ воскресшей старинѣ!
А радость вѣдь и намъ нужна, я полагаю;
Несемъ безплодные мы жертвы лишь однѣ
Родному краю.

Въ отечествѣ тоской случалось изнывать,
Проя разлуки съ нимъ какъ съ затхлою темницей:
„Здоровымъ воздухомъ дозвольте подышать
Намъ за границей!“

По мнѣнію другихъ, ты мыслью задался
Патріархальныя усилить въ насъ начала
Затѣмъ, что будто бы бѣда въ Россіи вся
Отъ либерала.

Ахъ, либералы! вы теперь обречены
Судьбой суровой быть возлами отпущенья.
Я—также либералъ; но въ чемъ мои винны?
Въ чемъ прегрѣшенья?

Ужели-жъ мнѣ нельзя, на самомъ склонѣ дней,
Предъ нашей стариной и прихвастнуть немножко,
Что я ужъ не холопъ, зовусь-моль Алексѣй,
А не Алѣшка?

Ужель врагомъ властей могу считаться я
И скромное мое писательство—опасно,
Лишь только потому, что къ нимъ любовь моя
Не сладострастна?

Ужель погоревать не смѣемъ о судьбѣ,
Обрекнувшей насъ на то, чтобъ вѣчнымъ быть ребенкомъ,
Которому принять заботу о себѣ
Не по силѣнкамъ?

Затѣмъ вотще искать таинственную нить
Влеченья къ новизнамъ и къ западнымъ затѣямъ?
По части правъ хоть то намъ какъ бы сохранить,
Что ужъ имѣемъ.

Мнѣ страшенъ смыслъ твоихъ мечтаній... Намъ опять
Зажить по старому окажется не трудно;
Простимся съ мыслями; заснемъ и будемъ спать,
Спать непробудно.

И, средь безмолвія, мы будемъ видѣть сны...
Не только мудрый строй мы водворимъ въ отчизнѣ,
Но будутъ нами всѣ въ бреду разрѣшены
Проблемы жизни...

II.

Свободомысліе—почетъ моихъ сѣдинъ;
Мой опытъ юныя усторонилъ химеры,
И явно я блюду, Россіи гражданинъ,
Мой символъ вѣры.

Есть свойства русскія — краса для всѣхъ временъ.
Я ихъ цѣню умомъ, душою, зрѣньемъ, слухомъ.
При нихъ и стариной я русскою плѣненъ,
И русскимъ духомъ.

Лишь духъ достоинства средь насъ и нынѣ слабъ.
Издавна вскормленный успѣхомъ лжи и лести,
Нерѣдко и въ другихъ не цѣнить старый рабъ
Гражданской чести.

Намъ прочный нуженъ миръ; а въ наши времена
Залогъ спокойствія—законная свобода;
И въ грозные дни разумность ей дана
Громоотвода.

По поводу твоихъ стремленій къ старинѣ
Вотъ—грустныхъ и смѣшныхъ дѣяній нашихъ повѣсть.
Въ ней выразился я, какъ подсказали мнѣ
И честь, и совѣсть.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Май. 1908 г.
Тамбовъ.

ТАЙГА

И

ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

Изъ путешествія по сибирской тайгѣ.

Окончаніе.

V *).

На дальнѣйшемъ нашемъ пути въ зайкамѣ старовѣровъ бѣльники стали замѣтно рѣдѣть и скоро перешли въ открытыя поляны, покрытыя кое-гдѣ отдѣльными кустиками. Нашъ караванъ очутился скоро на открытомъ возгорѣ, со склономъ къ рѣкѣ, извѣстной подъ именемъ Тасжной-Тюхтети. Узкая тропа, по которой мы двигались до сихъ поръ, превратилась въ широкую проѣзжую дорогу, спускавшуюся подъ гору, гдѣ видѣлся мостикъ черезъ рѣку, а на другомъ берегу открывался рядъ избъ, блестящихъ на солнцѣ своими новыми крышами и обшитыми свѣжимъ лоснящимся тесомъ стѣнами.

— Это чтѣ за селеніе? — спросили мы съ топографомъ въ одинъ голосъ.

— Киржацкое, баринъ, — отвѣтили рабочіе.

— Кто же живетъ здѣсь?

— Арендатели, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Да вѣдь это поселокъ цѣлый! — воскликнулъ топографъ, и

*) См. выше: июль, 477 стр.

дѣйствительно чуть ли не цѣлая деревня выстроилась на берегу тасжной рѣки. Когда мы выѣхали на единственную улицу киржацкаго поселка, не числившася вовсе въ губернскихъ спискахъ, ни единая душа не встрѣтилась намъ, — только куры бросились съ вудаханьемъ изъ-подъ нашихъ коней. Овна были затворены; въ одномъ появилась чья-то физиономія, но сейчасъ же исчезла. „Притворяются, проклятые, — пробурчалъ Никифоръ, — киржаки самые заправскіе“. Тѣмъ не менѣе это чье-то явленіе дало намъ поводъ постучаться въ ворота дома и, наконецъ, подъ окно. Выглянула баба. — „Хозяева дома?“ — спросилъ Абрамій, подѣхавшій къ самому окну. — „Нѣтути, родимый“, — жалобно отвѣчала баба, украдкой взглядывая на насъ.

— Ой-ли, тетушка, смотри, разыщемъ, — лукаво говорилъ Абрамій.

— Вотъ те, Христось, всѣ на пашню ушли, время-то рабочее.

— Да неушто такъ-таки никого и нѣтъ во всей деревнѣ?

— Нѣтъ, болѣзненный, никого и ничего у насъ нѣтъ, — и баба хотѣла захлопнуть окно.

— Погоди, тетенька, не торопись, мы вѣдь къ тебѣ не въ гости пришли, — говорилъ Абрамій, хватаясь за раму окна: — ты расскажи толкомъ, къ кому здѣсь можно заѣхать чайку напиться да знающаго человѣка найти?

Баба, види, что ей никакъ не отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей, опять высунула за окно свою голову, укутанную ситцевымъ платкомъ.

— Дѣдъ на пасѣвѣ караулитъ, идите къ нему, тутъ пасѣвка недалече, а опричь его никого и ничего нѣтъ; у него и самоваръ найдется, — и она захлопнула окошко.

— Ну, Богъ съ тобой, на пасѣку такъ на пасѣку, — пробормоталъ Абрамій, и мы двинулись по указанному направленію. Пасѣвка оказалась хоть куда. Вмѣсто обычнаго низменнаго съ плоской крышей пчельника стоялъ цѣлый домъ въ два этажа съ навѣсомъ для пустыхъ ульевъ и съ жильемъ вверху и внизу. Во второй этажъ вела наружная лѣстница, и обыкновенную „вышку“ здѣсь замѣняла чистая горенка и просторныя сѣни. Сзади главной постройки виднѣлись ульи, которыхъ было не мало (около двухсотъ, какъ потомъ выяснилось), а вдали виднѣлся „мышникъ“, или избушка, куда на зиму запирались ульи. При поднявшемся лаѣ собаке, невѣсть откуда высочившихъ, изъ избы вышелъ сѣдовласый дѣдъ съ длинной сѣдой бородой.

— А мы къ тебѣ въ гости, дѣдушка, хошь, не хошь, а

принимай, да чайкомъ съ медомъ свѣженькимъ угощай,—съ лукавой улыбкой привѣтствовала дѣда дипломатическій Абрамій. Дѣдъ не скоро отвѣтилъ, а сначала внимательно оглядѣлъ всю ватагу, нежданно появившуюся. Подумавъ и погладивъ бороду, онъ, не торопясь, отвѣчалъ:

— Хоть чайкомъ не балуюсь, а самоварчикъ есть для хорошихъ гостей, хлѣбушка и медокъ тоже найдется, милости просимъ.

Рабочіе, не дождавшись его отвѣта, стали уже снимать съ коней всю амуницію.

За дѣдомъ мы поднялись по наружной лѣстницѣ на вышку и расположились въ просторныхъ сѣняхъ; изъ растворенной двери отерывался широкій видъ на окрестность; справа виднѣлись бѣльники и гарь, а слѣва чернѣла тайга, изъ которой вытекала р. Таежная-Тюхтетъ. Къ берегу ея, покрытому черемушникомъ, шла тропа по цвѣтущему лугу. Привольно и тихо было на пасѣбѣ. На широкой столешницѣ¹⁾, положенной на козлы, замѣнявшей столъ и покрытой толстой сватертью, появился огромный самоваръ, а рядомъ съ нимъ дѣдъ поставилъ глубокія тарелки съ мягкимъ хлѣбомъ и съ душистымъ медомъ. Нашъ запасъ изъ настрѣлианной дичи, поджаренной хозяйственнымъ Ивановъ, дополнилъ трапезу. Солнце ярко свѣтило и былъ ясный августовскій день. Пчелы роились внизу среди ульевъ, заставленныхъ стройными рядами; къ намъ доносился на вышку глухой гулъ отъ массы жужжавшихъ пчелъ.

— Большая у тебя семья, дѣдушка?—спросилъ я его.

— Сынъ да сноха, да пятеро внучатъ въ дому живутъ.

— Гдѣ же они теперь? Что-то въ вашей деревнѣ никого не видать!..

— На пашню отправились, да въ лѣсъ... работа теперь.

— А пашня-то далеко?

— Да версты съ три будетъ.

— Пашня эта ваша надѣльная или арендная?

Дѣдъ поморщился отъ моего вопроса и не скоро отвѣчалъ.

— Мы окатовскіе сами-то, енисейской губерніи, а здѣсь арендуемъ землицы маленько, вотъ и живемъ, землю роемъ,—проговорилъ онъ, опустивъ голову.—Меду-то покушайте, свѣжій, самъ соты сію минуту рѣзалъ,—засуетился онъ.

— Спасибо! куда же вы приписаны? — спрашивалъ я, удивленный открытіемъ новой, не числившейся по спискамъ томской губерніи, деревни.

¹⁾ Столешница—верхняя часть стола, сколоченная изъ широкихъ досокъ.

— Къ Окатову, въ Окатову, ваше благородіе; здѣсь мы, какъ пасѣчники-арендатели живемъ, — волнуясь, проговорилъ дѣдъ.

— Да у васъ тутъ дворцы цѣлые настроены, а пасѣка-то одна только, — проговорилъ топографъ, попыхивая своимъ „вертуномъ“, отъ котораго дѣдъ видимо морщился, но помалчивалъ.

— Дѣло это не мое. — уклончиво молвилъ дѣдъ: — старъ я, сынъ всѣмъ управляетъ; мнѣ бы только за пчелами ходить, чтобы онѣ, сердешныя, роились, да медку бы побольше давали.

— Давно вы такъ-то поселились? — спрашивалъ я, стараясь выяснитъ это загадочное обстоятельство.

— Да ужъ, кажись, пятый годокъ пошелъ, какъ изъ Окатовой-то вышли, да здѣсь пасѣку изладили, коли память мнѣ не измѣнила; плохъ я ужъ больно сталъ, помирать пора! — и онъ, вкряхтя, поднялся съ лавки и, выйдя изъ сѣней, пошелъ съ лѣстницы.

— Что за притча такая — окатовскіе, а живутъ здѣсь? Арендуютъ подъ пасѣки, а разстроились въ цѣлую деревню домовъ болѣе десятка, да и папшю разработали на три версты, а то и болѣе; поди, и дома-то изъ казеннаго лѣса выстроили безпошлинно, — разсуждали мы въ недоумѣвіи. Въ это время въ дверяхъ появилась голова Абрамія, поднимавшагося по наружной лѣстницѣ.

— Къ вамъ, ваше благородіе, нарочный изъ Тюхтети пріѣхалъ, — проговорилъ онъ.

— Какъ онъ добрался сюда?

— Отсюда тропа до самой Тюхтети черезъ новые поселки имѣется; почитай, дорогу киржаки проторили...

Опять открытіе. Слѣдовательно, несмотря на наши путанія по тайгѣ, маршрутъ нашъ узнали и нашли насъ по такой дорогѣ, о существованіи коей мы и не подозрѣвали. Я сошелъ во дворъ къ нарочному, какъ зовутъ здѣсь конныхъ разсылныхъ, посылаемыхъ сельскимъ начальствомъ. Онъ передалъ мнѣ паветъ.

Въ официальной бумагѣ заключалось распоряженіе о томъ, чтобы нашъ топографъ приступилъ къ съѣмочнымъ работамъ въ мѣстности, ближайшей къ деревнѣ Тюхтети. Слѣдствіемъ этого распоряженія должно было быть раздѣленіе нашего каравана, которое и произошло на слѣдующее утро. Топографъ, простившись со мною, увелъ съ собою двухъ рабочихъ, пожелавшихъ съ нимъ работать, а именно Костю Сухоплюева, жаловавшагося на нездоровье и усталость и увѣрявшаго, что „восточки всѣ его

извнли отъ тайги“, и Дементія, который не могъ справиться со своимъ грузнымъ тѣломъ и видимо склонялся къ отдыху. Хохоль, находившійся въ нашемъ караванѣ на правахъ добровольца, убоялся тоже дальнѣйшаго рискованнаго путешествія и отпросился къ своимъ, чтобы повѣдать имъ о новой Ханаанской землѣ, открытой въ видѣ цвѣтущихъ бѣльниковъ, разработанныхъ старцами. Компанія раздѣлилась. Костя, Дементій и хохоль весело прощались съ оставшимися и готовившимися въ черную тайгу сотоварищами, которые были угрюмы и сосредоточены какъ солдаты, идущіе въ „дѣло“. А дѣло было трудное, и задача, состоявшая въ томъ, чтобы пробиться съ верховья р. Кандата, примыкавшаго къ р. Таежной-Тюхтеги, на р. Чиндаты, была далеко не изъ легкихъ. Сами проводники, въ лицѣ Абрамія и Никифора, исходившихъ тайгу вдоль и поперекъ, чесали себѣ затылки и пугали меня разными ужасами: что и „кони-то себѣ могутъ брюхо распороть среди густого пихтача“, и что въ болотахъ-то можно провалиться, и что придется „топорами рубиться“ черезъ таежную стѣну вѣковыхъ деревьевъ. Абрамій и Никифоръ совѣтовали мнѣ взять кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, знающихъ окрестности, чтобы ближайшимъ путемъ дойти до верховьевъ Кандата. „Тамъ ужъ мы сами знаемъ, какъ вывести на Чиндаты, не впервѣй“, — говорилъ Никифоръ. Пришлось взяться за дѣда. Тотъ самъ уклонился, а указалъ на ихъ рабочаго, Силантія, тоже живущаго на пасѣвѣ. — „Пойду-ка я схожу за нимъ, гдѣ онъ запропастился“, — и съ этими словами дѣдъ ушелъ, и не успѣли мы оглянуться, какъ онъ уже опять появился въ сопровожденіи рыжеватаго плюгаваго мужика съ жидкой бородкой и бѣгающими лулавыми глазами. Это и былъ Силантія, про котораго дѣдъ не разъ поминалъ.

— Можешь насъ до верховьевъ Кандата провести? — спросилъ я его.

— Отчего не провести, тутъ каждое деревцо мнѣ извѣстно, да по гарн-то и тропы есть, — отвѣчалъ онъ, какъ-то разсѣянно смотря по сторонамъ.

— Скоро можешь собраться?

— А чего мнѣ собираться, ваше благородіе? подвязался кушавомъ, да и маршъ въ тайгу.

— Да ты изъ оватовскихъ тоже?

— Какое! нѣтъ... я изъ ссыльныхъ; живу гдѣ день, гдѣ ночь; вотъ сюда на пасѣку теперь нанялся въ работники.

— Такъ собирайся, мы сейчасъ и тронемся; авось къ вечеру до Кандата дойдемъ.

— Да тутъ далеко ли до Кандата будетъ, и пяти верстъ по тропѣ не будетъ; я живымъ манеромъ, только вотъ лошадеу надо добыть; да я равстараюсь,—говорилъ онъ, собираясь идти.

— Да вѣдь никого въ вашей деревнѣ нѣтъ,—сказалъ я ему.

— Поисвать, такъ найдется, — загадочно промолвилъ онъ, уходя.

Очевидно, пришлось напасть на такихъ старцевъ, которые совсѣмъ уже скрываются отъ прїѣзжихъ, избѣгая всякихъ разспросовъ. Но для меня было загадкой, какъ удалось имъ прожить столько времени безъ вѣдома начальства. Чудныя дѣла въ тайгѣ дѣлаются!

Не прошло и получаса, какъ Силантій вѣхалъ во дворъ верхомъ на бодромъ сытомъ конѣ, съ ружьемъ за плечами.

— Вотъ и я готовъ!—весело сказалъ онъ.

Простившись съ дѣдомъ, я съ Абраміемъ, Никифоромъ, Силантїемъ, Иваномъ и Тихономъ двинулись съ пасѣки на семи лошадяхъ, изъ конхъ одна была подъ тюками.

За р. Таежной-Тюхтетью сразу начался мѣшанный лѣсъ, въ которомъ пихта и ель составляли половинную пропорцію съ березой и осиною.

— Вотъ и бѣльникъ пошелъ,—проговорилъ Силантій, оглядывая высокія вершины деревьевъ.

— Вы это бѣльникомъ называете?—спросилъ я.

— Гдѣ березы и осины много, мы все бѣльникомъ называемъ,—такая ужъ въ Сибири привычка.

— А чтѣ если этотъ бѣльникъ вырубить, можно здѣсь пашню пахать?

— Да какъ сказать, баринъ. Гдѣ береза да осина только, тамъ паши и сѣй, чтѣ хочешь; а вотъ, если ели да пихты много, тамъ подумаешь... Вотъ здѣшніе пасѣчники—они выжигаютъ да рубятъ такой лѣсъ... выжгутъ, а по немъ молодыя березки да осинки какъ пойдутъ,—они расчищать начнутъ, пашню и изладятъ... Много они здѣсь лѣса выжгли. Вотъ увидите за Кандатомъ, сколько гари! Да вотъ и здѣсь скоро начнется, только порѣже... Не сбиться бы съ тропы-то,—вишь, сколько здѣсь нахожено!—и онъ сталъ разсматривать тропы, пересѣкающія другъ друга въ разныхъ направленіяхъ.

Дѣйствительно, густой бѣльникъ, приближавшійся скорѣе къ хвойному лѣсу, сталъ рѣдѣть, громадныя березы и ели давали просвѣтъ, и скоро мы выбрались въ молодой березнякъ, который и лѣсомъ-то нельзя было назвать—такъ онъ былъ невеликъ.

Скоро показались срубы изъ новыхъ бревенъ, — очевидно возводилась здѣсь какая-то постройка, а вокругъ — распаханное поле.

— Это что такое? — спросилъ я Силантія.

— А вотъ видите, баринъ, какъ наши пасѣчники разстраиваются. Опять новую пасѣку ладятъ да и съ пашенкою. Только тутъ бѣда случилась. Много времени прошло, никто сюда изъ властей не заглядывалъ, и переселились они изъ енисейской губерніи для простору и подъ видомъ тѣмъ, какъ бы пасѣки устроить; на самомъ же дѣлѣ умаслили объѣздчика, чтобы онъ шибко-то не доглядывалъ, и построили они окромя пасѣвъ цѣлую деревню, дворовъ въ пятнадцать, какъ вы сами видѣли, и все изъ казеннаго лѣса. И пожгли же, и порубили они этотъ лѣсъ Божій, и все для пахоты, для расчистки. А вотъ, прошлымъ лѣтомъ, когда разное начальство стало наѣзжать въ тайгу, ихъ и накрылъ лѣсной ревизоръ. Откуда избы? Что за постройки? Какъ, почему? Объѣздчика смѣнили, составили протоколъ, — и вотъ теперь они не знаютъ, что съ ними и будетъ. Какъ дѣло это кончится — Богъ да начальство вѣдаетъ.

Теперь мнѣ ясно стало, почему окатовскіе здѣсь поселились. Это своего рода контрабандисты таежнаго лѣса и своеобразные колонизаторы, ибо они провели здѣсь тропы, которыя могутъ быть превращены въ дороги при самыхъ малыхъ денежныхъ затратахъ, и, вырубая и выжигая лѣсъ, обращали тайгу въ культурныя земли подъ видомъ пасѣвъ, изъ которыхъ большая часть была не что иное, какъ пахотныя избушки. Эти „самовольные переселенцы“ производили подготовительную работу для легальныхъ переселенцевъ, которые не замедлятъ воспользоваться приготовленными землями и путями, лишь только здѣсь будутъ объявлены участки съ разрѣшеніемъ селиться на нихъ. Силантій, какъ посторонній, „пришлый“ человѣкъ, выдалъ ихъ тайну и объяснилъ загадку, весьма интересную для колонизаціи. Тропа незамѣтно привела къ верховьямъ рѣки Кандата, гдѣ видѣлись новыя срубы.

— И это пасѣку строить? — спросилъ я.

— И эту избушку тоже описали, — отвѣтилъ онъ.

Солнце уже закатилось, стало смеркаться, и пора было подумать о ночлегѣ.

— Вотъ около пасѣки новой и заночевать можно, благо здѣсь и балаганъ есть, — проговорилъ Абрамій.

Дѣйствительно, около вновь возведенной постройки устроено было нѣчто въ родѣ шалаша, изъ колебовъ, завѣшанныхъ вѣтвями лихты и березы; около шалаша земля была покрыта пепломъ и

надъ ней торчали обугленные палки или „таганы“, на которыхъ, какъ видно, были подвѣшены котлы съ варевомъ.

— И кухня намъ готовая!—проговорилъ нашъ поваръ Иванъ, и сейчасъ же принялся за работу.

Настала ночь, а съ ней и тишина, прерываемая мрачнымъ гуканьемъ филина да мяуканьемъ рыси, нерѣдко привлекаемой веселымъ пламенемъ горящаго востра. Утромъ я отпустилъ Силантія, дальнѣйшія услуги котораго оказались лишними при Никифорѣ и Абрамѣ, хорошо знавшихъ, какъ пройти съ верховьевъ Кандата на Чиндатъ. Переправа черезъ рѣку Кандатъ не представила никакихъ затрудненій, ибо эта рѣка, столь широкая при впаденіи ея въ Четь, здѣсь была узка и неглубока, а потому наши кони перешли ее вбродъ безъ всякаго труда.

VI.

За Кандатомъ мы попали въ непролазный черемушникъ, черезъ который пришлось рубиться, иначе говоря—двигаться шагъ за шагомъ, причемъ наши „передовые“, въ лицѣ Абрамія и Тихона, усиленно работали топоромъ, пролагая нашъ дальнѣйшій путь. Минувя черемушникъ, мы вошли въ черную тайгу. Абрамій опять влѣзъ на высокой кедръ и оттуда увидалъ громадное „поле гари“ или горѣлаго лѣса.

— Ну и порвемъ же наши мѣшечки,—проговорилъ онъ съ неизмѣнной улыбкой.

Дѣйствительно, не прошло и двухъ часовъ прохожденія по тайгѣ, какъ открылась передъ нами „гарь“.

Послѣ таежной темноты гарь намъ показалась сначала свѣтлымъ мѣстомъ, хотя обугленные стволы пихты и ели съ протянутыми черными вѣтвями и сучьями производили унылый видъ древесныхъ „повойниковъ“, какъ бы поставленныхъ на время въ своихъ черныхъ футлярахъ. На нихъ не было уже зелени и не было въ нихъ жизни; онѣ держались одними корнями, среди которыхъ пробивалось возростающее молодое поколѣніе березовыхъ и осиновыхъ побѣговъ, сопутствуемое свитой кустарниковъ таволги, малины и другихъ цвѣтковыхъ, замѣняющихъ послѣ пожара сообщество чисто таежныхъ растений. Мы вступили въ эту область „черныхъ футляровъ“, и я вспомнилъ слова Абрамія, такъ какъ черныя обгорѣлыя вѣтви бывшаго „пихтача“, какъ желѣзные гвозди, впивались въ наши мѣшки и одежду, ибо „пихтачъ“ былъ густой когда-то, и его обугленные останки оставляли весьма

узкия пространства для прохода. Эти вѣтви хлестали насъ и лошадей, такъ что лица наши стали черными, какъ будто мы лазали куда-то въ трубу; то же самое случилось и съ одеждой и мѣшками, которые пришлось экстренно зашивать. Одинъ разъ я едва не лишился глаза. Несмотря на то, что приходилось простирать впередъ обѣ руки, чтобы снастись отъ хлещущихъ по лицу вѣтвей во время движенія верхомъ, я не уберегся, и одна вѣтка такъ ударила меня своимъ желѣзнымъ шипомъ, что стекло очковъ въ дребезги разбилось, — что собственно и спасло глазъ. Къ этому надо присоединить „колоднякъ“, или свалившіеся уже обугленные стволы горѣлаго лѣса, лежавшіе колодами на землѣ, черезъ которыя приходилось лошадямъ перескакивать; когда же этотъ колоднякъ образовывалъ изгородь, или былъ наваленъ массою, — то и обходить. Двигались мы по верстѣ въ часъ, если не менѣе, и эта „гарь“ показала намъ хуже еще тайги, несмотря на ея „свѣтлоту“ (по выраженію проводниковъ). Гарь насъ привела къ огромному таежному болоту, около котораго пришлось заночевать. Проводники и рабочіе приуныли. До сихъ поръ мы двигались по компасу, стараясь не отступать отъ заданнаго направленія. Но это болото ставило намъ крупную преграду. Когда зажгли костеръ и разбили палатку на почвѣ сырой и оказалось, что и лошадямъ почти нечего было ѣсть, пришлось пустить въ ходъ сухари, сохраняемые какъ драгоценность въ крайнихъ случаяхъ. Дѣйствительно, для охотниковъ и „таежниковъ“ сухари являются якоремъ спасенія при отсутствіи дичи въ такихъ мѣстахъ, какъ гарь и болота глухой тайги. Ими питаются и кони, и люди.

— Вотъ такъ забрели! — ворчалъ Иванъ, угрюмо смотря на котелокъ, повѣшенный на таганѣ: — тутъ и до смерти не далеко. Господи Батюшка! — вздыхалъ онъ: — придется ли увидать мое Теплоуѣчье? — Его ободрялъ Абрамій, никогда не терившій присутствія духа. Никифоръ опасался за лошадей, указывая на прорѣхи въ мѣшкахъ и оборванную сбрую, причемъ говорилъ: — Мой буланъ чуть животъ себѣ не напоролъ; зналъ бы этакую страсть, такъ ни въ жисть не поѣхалъ бы, морить себя и коней. — Онъ на самомъ дѣлѣ зналъ всѣ таежныя страсти, но это говорилось для краснаго словца. — А, братцы, я слѣдъ сохатаго видѣлъ: Соколка-то началъ нюхать; что завтра Богъ дастъ, да какъ намъ обойти это болото, — вишь ты, какая трущоба!.. — И онъ показалъ на кочки, чернѣвшія въ темнотѣ, за которыми торчали длинныя кедры съ легкою кудреватостью, безъ обычныхъ зеленыхъ шапокъ на вершинѣ, которыя они имѣютъ въ болѣе

сухой мѣстности. Корявяя березы, какъ огромныя привидѣнія, бѣлѣли среди сумрака. Далѣе все сливалось въ темную, страшную стѣну. Я заснулъ среди болотной сырости, пронизывавшей меня насквозь, несмотря на брезентъ, подложенный на землю и на стѣны палатки, уже промокшей, лишь только ея распустили надъ сырой почвой.

На слѣдующій день у меня явилось желаніе испытать таежную чашу до дна... Иванъ съ Тихономъ остались съ конями, а мы втроемъ (я, Абрамій и Никифоръ) двинулись впередъ; я на всякій случай взялъ патроны съ эспрессными пулями. У меня было что-то въ родѣ предчувствія, хотя я снамъ не особенно вѣрю. Мы шли по болоту съ большимъ трудомъ, перескакивая съ вочки на кочку въ мѣстахъ наиболѣе мокрыхъ, гдѣ вода выступала изъ-подъ мохового покрова. Въ мѣстахъ же болѣе сухихъ мы шли какъ по перивѣ. Но вотъ блеснулъ ручей, протекавшій среди болота, заваленный свалившимися стволами огромныхъ кедровъ и елей, съ торчавшими кверху сучьями въ видѣ лапъ громадныхъ чудовищъ.

— Ну и мѣстечко! — проговорилъ Абрамій. — Какъ же мы тутъ лошадей проведемъ? Нужно будетъ дальше искать брода? — и онъ началъ лавировать среди вѣтвей, перескакивая со ствола на стволъ, и скоро очутился на другомъ берегу ручья. — Здѣсь ужъ посуше будетъ; ну и тайга же дальше! — кричалъ онъ.

Мы за нимъ двинулись, цѣпляясь за вѣтви по стволу. Когда мы вышли на сушу, то Никифоръ сталъ вглядываться въ землю.

— А вѣдь здѣсь сохатый ходилъ! — и онъ указалъ на широкій слѣдъ, одинъ, другой, похожій на лошадиннй, но гораздо шире и глубже.

Сokolка, Сучка и Чернякъ начали старательно обнюхивать землю и вилять хвостами, что служило значительною примѣтой.

Мы вступали въ сухую, но темную тайгу съ гигантскими елями, пихтами и ведрами. Вѣтеръ глухо шумѣлъ, и издали казалось, что мы были около морского берега. Не прошли мы и нѣсколькихъ шаговъ, какъ раздалось мычанье. Мы остановились какъ вкопанные.

— Что это? Корова мычитъ? — спросилъ я, вглядывая на Никифора, обратившагося въ слухъ и вниманіе.

Мычанье ясно повторилось сквозь глухой шумъ тайги.

— Какая корова! Это сохатый реветъ, — проговорилъ громкимъ шопотомъ Никифоръ.

— Sokolka, Черна, усь! — зыкнулъ онъ на собакъ, наострившихъ уши и остановившихся тоже на минуту, поднявъ морды.

Затѣмъ онѣ бросились въ чащу со всѣхъ ногъ по слѣдамъ звѣря, ясно отпечатаннымъ на зеленомъ покровѣ тайги. Мы побѣжали за собаками, что называется, сломя голову. Но по тайгѣ скоро не разбѣжишься. Въ это мгновеніе поднялся неистовый лай, заглушившій мычанье. Собаки заливались. Никифоръ исчезъ. Я съ Абраміемъ повернулъ вправо по тому направлению, откуда доносился лай и куда онѣ приближались по нашему предположенію. Въ страшномъ волненіи, которое трудно описать, мы медленно двигались, перелѣзая черезъ заломы, выросшіе передъ нами въ цѣлыя „посвотины“. Наконецъ лай раздался совсѣмъ близко шагахъ въ сорока, за огромнѣйшей елью, которая лежала съ вывороченнымъ корнемъ, возвышавшимся сажени на двѣ надъ землей. За этой преградой раздалось, среди лая, фырканье весьма подозрительное. Мы остановились, я поднялъ ружье на прицѣлъ и взвелъ курки.

— Осторожнѣе, баринъ! — шепнулъ мнѣ взволнованно Абрамій: — ужь не медвѣдь ли это фыркаеть? Что-то на лося не похоже...

Въ этотъ моментъ лай достигъ крайней ожесточенности, и изъ за преграды выдвинулась темная масса, которую трудно было хорошо разобрать между громадными стволами. Мною овладѣла отчаянная рѣшимость. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, ясно различивъ и взявъ на прицѣлъ тушу, и, несмотря на предостереженіе Абрамія, нажалъ собачку праваго ствола; выстрѣлъ грянулъ съ оглушительной силой. Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, я увидалъ быка, повернувшего голову съ рогами.

— Баринъ, стрѣляйте еще разъ, а то уйдетъ! — шепнулъ мнѣ отчаянно Абрамій.

Я выстрѣлилъ, взявъ на прицѣлъ лопатку передней ноги. Когда дымъ разсѣялся, быка уже не было.

— Упалъ, упалъ! — закричалъ Абрамій, и ринулся впередъ.

Съ другого конца къ нему бѣжалъ Никифоръ и выстрѣлилъ на ходу. Когда я подбѣжалъ ближе, то увидалъ дрыгавшаго ногами въ предсмертныхъ судорогахъ и распростертаго на землѣ сохатаго (лося) съ длинной бородой и съ тусквѣющими громадными глазами.

— Не подходите, баринъ, — лягнетъ еще и убьетъ, — стрѣляйте! — крикнулъ мнѣ Никифоръ.

Я выстрѣлилъ почти въ упоръ въ шею, и страданія звѣря кончились. Никифоръ ловкимъ движеніемъ перерѣзалъ ему горло. Въ это время наши собаки разъяренно рвали шерсть на туловищѣ.

— А я, баринъ, думалъ сначала, что это медвѣдь; я какъ сталъ подбѣгать къ этому мѣсту, мимо меня мелькнуло черное что-то, да какъ зафыркаетъ!.. Изъ-за лѣсу мнѣ и не видать; я хотѣлъ бѣжать къ вамъ да васъ предупредить, а ужъ вы и грянули... Ну, вотъ, слава Богу, съ добычей!—и онъ сталъ любоваться убитымъ звѣремъ съ восторгомъ природнаго охотника. Поворотили его—подъ нимъ лужа крови.

— Какъ же намъ быть-то теперь?—заговорилъ Абрамій, съ трудомъ поворачивая тушу:—вѣдь въ немъ пудовъ двѣнадцать, а то и слишкомъ будетъ,—на себѣ не утащить, надо коней добывать, а какъ ихъ тутъ переведешь?

Быкъ былъ огромный, хотя молодой, четырехъ-пяти лѣтъ, судя по отросткамъ на рогахъ. Собаки получили внутренности, которыми такъ объѣлись, не выдавъ мяса недѣли двѣ, что послѣ ѣды легли въ изнеможеніи. Туша была разрублена на части, и мы успокоились въ ожиданіи Абрамія, который ушелъ за лошадыми. Проходить часъ, другой, третій—никого нѣтъ.

Положеніе становилось критическимъ. По свѣтовымъ отбѣнкамъ ташной зелени можно было заключить о наступленіи заката солнца. Томимые голодомъ, мы съ Никифоромъ стали поостаяцки отрѣзывать кусочки лосинаго мяса и жарить ихъ на импровизированныхъ вертелахъ. Безъ соли и масла, однако, это жаркое показалось крайне невкуснымъ. Къ довершенію нашего бѣдствія, не было кругомъ воды, а за нею идти къ болоту было рискованно. — „Гау, гау!“ — послышалось наконецъ среди тайги, къ нашей неопикуемой радости.

— Абрамій идетъ!—вскрикнулъ Никифоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ показался Абрамій, но онъ насъ не утѣшилъ.

— Кони завязли въ болотѣ, просто бѣда! Иди, Никифоръ, на подмогу, — надо мосты ладить! — проговорилъ онъ угрюмо.

Наконецъ, при полныхъ сумеркахъ, послышались колокольчики, привязанные къ лошадямъ, звукъ которыхъ доносился все ближе и ближе. Началось ауванье, и весь караванъ подошелъ къ мѣсту недавняго побоища. Не было конца удивленію со стороны Ивана, никогда не выдаваго „сохатыхъ“, и восторговъ со стороны Павла при видѣ громадной туши, разрубленной на четыре части.

Мы подошли къ ручью для ночлега, и здѣсь, несмотря на мрачную обстановку, состоялся настоящій пиръ, ибо ѣли всѣ мясо лосиное, и жареное, и вареное, съ такимъ аппетитомъ послѣ столькихъ дней скудной пищи и воздержанія.

Обратный нашъ путь, благодаря значительной тяжести, прибавившейся отъ навьюченныхъ частей убитаго лося, былъ крайне труденъ. Мы часто сбивались съ даннаго направленія въ виду значительныхъ обходовъ, являвшихся необходимыми при встрѣчѣ съ заламами и болотами. Мы нѣсколько разъ возвращались на то же мѣсто у р. Чиндата, — иначе говоря, „блудили“, — прежде чѣмъ добрались до воды. Отдохнули лишь за р. Чиндатомъ, при прохожденіи чрезъ роскошные сосновые боры, занимающіе правый берегъ р. Чети, между р. Чиндатомъ и Тойлокомъ.

Въ особенности былъ великолѣпенъ Аландинъ боръ. Высочайшія сосны, какъ гранитныя колонны громаднаго храма, поднимали гордо къ небу свои кудрявыя вершины, освѣщаемыя золотистыми лучами заходящаго солнца, пронизывавшаго своимъ свѣтомъ промежутки между стволами и отбѣивавшаго красивыя бѣлыя липыя кладоніи (олений мохъ) съ плаунами и сухими мхами. За р. Тойлокомъ мы нашли тропу, по которой легко дошли, черезъ нѣсколько дней послѣ лосиной охоты, до р. Катъка, откуда до д. Тюхтети — рукой подать.

Возвращеніе изъ тайги съ сохатымъ носить всегда нѣоторую торжественность. Рабочіе и проводники, проѣзжая по деревенскимъ улицамъ, гордо посматривали на выглядывавшихъ изъ оконъ деревенскихъ обывателей и обывательницъ, фізіономіи которыхъ всегда появляются при звукѣ всякаго волоколычка. За нашимъ караваномъ, важно и чинно шествовавшимъ, бѣжали деревенскіе мальчуганы и дѣвчонки, выходили изъ воротъ парни, мужики и старухи съ вьюками, и вся эта толпа очутилась на обширномъ дворѣ моей квартиры, куда вступилъ нашъ небольшой караванъ...

П. И. Соколовъ-Костромской.

СУТРА О ДЪВУШКЪ

ИЗЪ

РОДА ЧАНДАЛОВЪ

Въ буддйской литературѣ „сутроу“ называется всякое каноническое сочиненіе, содержащее въ себѣ преданіе о жизни Будды. Оригиналъ настоящей „сутры“ существуетъ только на санскритскомъ языкѣ (въ сборникѣ Kowell'я) и на китайскомъ (помѣщенъ въ сборникѣ „Санъ-Цзянь“, т. 14); мы переводимъ ее впервые съ китайскаго языка; сколько намъ извѣстно, эта „сутра“ не была до сихъ поръ переведена ни на одинъ изъ европейскихкихъ языковъ.

„Чандалами“ называются въ Индіи самые презираемые роды, остающіеся внѣ вастъ. О нихъ такъ говорится въ законахъ Ману (Manu X, 51): „Жилища чандаловъ должны находиться внѣ селенія; ихъ одеждою должно служить одѣяніе умершихъ; пищу свою должны они ѣсть изъ разбитыхъ сосудовъ... Черное желѣзо должно служить имъ украшеніемъ... Человѣкъ религіозный не долженъ искать сношеній съ ними... Ночью не смѣютъ они входить въ города и деревни... Тѣло умершаго, не имѣющаго родныхъ, они должны вынести изъ дома... Таковы ненарушимыя правила“.

Сутра о дѣвушкѣ изъ рода чандаловъ относится къ числу наиболѣе раннихъ сочиненій буддйской литературы; она была переведена съ санскритскаго на китайскій языкъ извѣстнымъ буддйскимъ ученымъ Дхармаракшей Тухарскимъ въ IV вѣкѣ по Р. Хр. Кромѣ перевода Дхармаракши, существуютъ еще три

перевода, очевидно, съ трехъ же санскритскихъ вариантовъ этой сутры, отличающіеся между собою лишь большею или меньшею полнотою. Принятый же за основаніе данного перевода текстъ есть именно переводъ Дхармаракши, какъ наиболее обработанный; переводъ этотъ носить по-китайски заглавіе: „Ше-тоу-цзянь-цзинъ (транскрипція санскритскаго заглавія: „*Ṣardulakagṇavadana*“, т.-е. сутра „Тигровое ухо“¹⁾), и состоитъ изъ двухъ рѣзко отличающихся частей. Первая часть и есть собственно сутра о дѣвушкѣ изъ рода чандаловъ, или „*mataṅgā*“, сюжетъ, который исключительно разрабатывается въ остальныхъ вариантахъ; а вторая представляетъ собою „авадану“²⁾, рассказанную Буддой; героями ея являются дѣйствующія лица этой сутры въ своихъ прежнихъ перерожденіяхъ. Въ переводѣ мы предпочли придерживаться употребленія именъ собственныхъ не въ китайской, а въ ихъ санскритской транскрипціи, какъ болѣе удобной для читателя.

Однажды благочестивый Ананда³⁾ возсталъ отъ сна, по обычаю, рано утромъ, на восходѣ солнца; нагнувъ свой монашескій плащъ и захвативъ чашу для собиранія дневнаго пропитанія, жертвуемаго добродетельными дателями, направился онъ въ городъ за этою милостыней⁴⁾. Какъ скоро онъ насытился, онъ почувствовалъ жажду, и направился къ источнику, протекавшему невдалекѣ отъ города⁵⁾. Въ это же время къ источнику пришла нѣкая дѣвушка изъ рода чандаловъ, по имени Пракрити, съ кувшиномъ, чтобы зачерпнуть здѣсь воды. Увидя ее, Ананда приблизился къ ней и сказалъ:

— О, милая дѣвушка! Не будешь ли ты добра оказать мнѣ милость—дать мнѣ напитокъ!

Но дѣвушка съ удивленіемъ отвѣтила:

— Развѣ ты не видишь, что я принадлежу къ роду чандаловъ?

¹⁾ Принятое нами заглавіе принадлежитъ другимъ тремъ вариантамъ.

²⁾ Подъ этимъ названіемъ подразумѣваются пояснительныя сутры, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ прежнихъ перерожденій Будды.

³⁾ Ананда—одинъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, впоследствии причисленный къ сонму архатовъ; онъ часто является дѣйствующимъ лицомъ въ сутрахъ.

⁴⁾ Посвятившіе себя монашескому образу жизни были обязаны принимать пищу одинъ разъ въ день и только въ томъ видѣ и количествѣ, какъ имъ удастся насобирать въ видѣ милостыни.

⁵⁾ Городъ, о которомъ здѣсь говорится, есть Шравасті, столица небольшого государства того же имени, любимое мѣстопробываніе Будды. Развалины его находятся недалеко отъ Фузобада.

— Я прошу тебя дать мнѣ только напитокъ и не спрашиваю, въ какомъ роду ты принадлежишь, — возразилъ на это Ананда.

Тогда дѣвушка подала ему кувшинъ съ водою, и Ананда, утоливъ свою жажду, оставилъ ее и пошелъ назадъ.

Въ душѣ же Пракрити, удивленной непривычнымъ для нея обращеніемъ, глубоко запечатлѣлся образъ молодого монаха, и звукъ его голоса продолжалъ звучать въ ея ушахъ; возвращаясь съ наполненнымъ кувшиномъ домой и раздумывая о встрѣчѣ у источника, молодая дѣвушка была уже страстно влюблена въ Ананду, и въ голову ей пришла грѣшная мысль: „Вѣдь вотъ моя мать, — думала она, — владеетъ силой заклинанія великихъ духовъ — такъ пусть она, при помощи ихъ, устроитъ такъ, чтобы этотъ монахъ сдѣлался моимъ мужемъ!“ И вотъ дома она обратилась къ своей матери со словами:

— Сегодня встрѣтила я одного монаха, Ананду, который принадлежитъ къ числу послѣдователей монаха Гаутама ¹⁾. Не можешь ли ты, матушка, посредствомъ своихъ чаръ устроитъ такъ, чтобы онъ сдѣлался моимъ мужемъ, а твоимъ зятемъ?

— Видишь ли, — отвѣтила на это мать, — чары мои имѣютъ силу надъ всѣми, кромѣ тѣхъ, кто уже умеръ, и тѣхъ, кто отринулъ всѣ свои страсти и желанія ²⁾; а монахъ Гаутама именно таковъ. Да кромѣ того, какъ слышно, государь этой страны весьма почитаетъ монаховъ, уважаетъ ихъ ученіе и исполняетъ ихъ заповѣди; и если кто-нибудь услышитъ о нашей затѣѣ и донесетъ царю, то мы можемъ дорого поплатиться за это. Вотъ какъ же тутъ быть?

Услыхавъ такой отвѣтъ, дѣвица залилась горькими слезами и сказала, что ей придется умереть, если Ананда не будетъ ея мужемъ — такъ велика была ея страсть.

— Да хранить тебя великіе духи, — воскликнула испуганная мать, — ты отнюдь не причиняй себѣ никакого вреда! Попытаемся сдѣлать все, что можно.

Съ этими словами мать Пракрити занялась приготовленіями къ совершенію заклинаній: она устроила во дворѣ своего жилища жертвенное мѣсто, на которомъ зажгла костеръ, а кругомъ поставила восемь кувшиновъ, наполненныхъ водою; затѣмъ, собравши шестнадцать паръ живыхъ, извѣстныхъ ей цвѣтовъ, она начала бросать ихъ по одному въ огонь, произнося вмѣстѣ съ тѣмъ нараспѣвъ заклинанія духамъ.

¹⁾ Гаутама — имя Будды.

²⁾ Достигнуть уничтоженія страстей и желаній — одинъ изъ принциповъ буддійскаго ученія.

Какъ только сила этихъ заклинаній достигла Ананды, онъ принужденъ былъ выйти изъ своего уединеннаго жилища и отправиться въ дому чандаловъ, а въ сердцѣ его въ это время родились мысли о встрѣченной у источника дѣвушкѣ. Мать Пракрити, издали увидѣвъ его, обратилась къ дочери: „Вотъ ученикъ Гаутамы уже приближается!“ — и Пракрити, обрадованная скорымъ исполненіемъ своихъ желаній, поспѣшила приготовить трапезу и ложе.

Ананда же, приблизившись къ дому чандаловъ, не вошелъ однако, а одиноко сѣлъ невдалекѣ и со слезами мысленно обратился къ Буддѣ — дать ему силы не впасть въ смертный грѣхъ. Услышавъ досточтимый въ мірѣ Будда молитву своего благочестиваго ученика, прозрѣлъ случившееся и разрушилъ чары колдуньи.

Всталъ Ананда и возвратился въ свою уединенную келью.

Пракрити, увидя, что Ананда удаляется, въ страшномъ волненіи обратилась къ своей матери: „Посмотри, что же это значить — Ананда уходитъ!“ Мать же отвѣтила: „Безъ сомнѣнія въ этомъ ему помогаетъ монахъ Гаутама — это онъ разрушилъ наши чары и не позволилъ Анандѣ войти. Да, безгранично велика сила заклинателей Гаутамы! Нѣтъ ей предѣла, и во всемъ мірѣ не найдется никого, кто могъ противостоять ей“.

Тогда Пракрити рѣшила сама попытаться достичь цѣли своихъ желаній. И вотъ утромъ, на восходѣ, она встала, умылась, одѣла прекрасное платье съ украшениями, на шею повѣсила драгоценное ожерелье изъ ярко-блещающихъ самоцвѣтныхъ камней, и, сіяя красотой и привлекательностью, при свѣтѣ восходящаго солнца направилась въ городъ Шравасты.

Въ ожиданіи Ананды, она стала у тѣхъ воротъ, черезъ которыя онъ долженъ былъ войти и возвратиться. Въ это время, по обычаю, всѣ монахи шли въ городъ собирать подаянія; вошелъ также и Ананда. Завидѣвъ его еще издали, Пракрити тотчасъ пошла слѣдомъ за нимъ; когда онъ входилъ въ дома, чтобы получить милостыню, она стояла и ждала его у воротъ. Ананда, замѣтивъ, что дѣвушка все слѣдуетъ за нимъ и не отстаетъ ни на шагъ, смутился духомъ, и, выйдя вскорѣ изъ города, направился въ садъ Анатхапиндики ¹⁾, гдѣ въ это время находился Будда. А Пракрити шла за нимъ.

Приблизившись къ Буддѣ и припавъ головою къ его стопамъ, Ананда сѣлъ и жаловался Досточтимому въ мірѣ:

¹⁾ Судатта Анатхапиндика — извѣстный благотворитель того времени. Садъ его былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Будды.

— Пошелъ я сегодня собирать милостыню, а эта дѣвица шла сзади и преслѣдовала меня; я входилъ за милостыней въ дома—она ждала меня у дверей. О, Досточтимый въ мѣрѣ! Какъ избѣжать мнѣ этого?

— Не бойся, Ананда, и не страшись!—отвѣтилъ Будда, и приказалъ дѣвицѣ подойти ближе.

— Зачѣмъ ты все преслѣдуешь Ананду, и чего ты отъ него хочешь?—спросилъ у нея Будда. И проникнувъ духомъ въ желанія ея сердца, воскликнулъ:—О, несчастная! ты желаешь монаха Ананду имѣть своимъ мужемъ! Но для этого нужно имѣть согласіе родителей.

Тогда Пракрити пошла домой, позвала отца и мать, и вмѣстѣ съ ними возвратилась къ Буддѣ. Тѣ, воздавъ ему подобающія почести ¹⁾, выразили свое согласіе на бракъ дочери съ Анандой.

— Но этого мало,—продолжалъ Будда.—Ананда—монахъ и носитъ монашеское одѣяніе, и тебѣ слѣдуетъ одѣть такое же платье.

— Я исполню все, что ты прикажешь,—отвѣтила Пракрити, —лишь бы онъ былъ моимъ мужемъ.

Тогда Будда приказалъ обрѣзать ей волосы и одѣть монашеское платье. Услышавъ приказаніе Будды, старуха-мать Пракрити со слезами стала уговаривать дочь не лишать себя красоты.

— Неужели ты не можешь преодолѣть своей страсти? Неужели ты думаешь, что во всей странѣ не найдется никого лучше этого монаха! Есть же юноши красивые изъ богатыхъ семействъ —изъ нихъ выбрала бы я тебѣ мужа. Подумай объ этомъ, не навлекай позора на мою голову!

Но Пракрити была непреклонна въ своемъ желаніи, и мать сама, со слезами, обрѣзала ея длинные волосы ²⁾.

Послѣ этого Будда снова обратился къ Пракрити и спросилъ:

— О, дѣвушка, ты еще хранишь желаніе получить мужемъ Ананду? — И послѣ утвердительнаго отвѣта продолжалъ: — Но что же тебя такъ привлекаетъ въ немъ. Не его ли глаза, носъ, все лицо, станъ, походка, весь его образъ такъ очаровали тебя?

— Ты правъ, досточтимый въ мѣрѣ Будда,—отвѣтила Пракрити:—да, мнѣ нравится въ Анандѣ все это, и потому я его люблю и желаю быть его женой.

¹⁾ Воздали подобающія почести, т.-е. поклонились въ ноги Буддѣ и послѣ этого обошли его три раза посономъ. Всякое лицо, разговаривающее или приближающееся къ Буддѣ, дѣлаетъ то же. Въ переводѣ опущено.

²⁾ Буддійскіе монахи имѣютъ бритую голову.

Тогда Будда произнесъ проповѣдь, объясняя истинную сущность вещей; онъ показалъ, что тлѣнное тѣло не достойно любви, какъ состоящее изъ праха и въ прахъ обращающееся; изложилъ передъ всѣми законы небесныя, объяснилъ то, что есть, что было и что будетъ; объяснилъ и то, чего нѣтъ, или небытіе, и указалъ, какъ, слѣдуя этому ученію, находить радость въ сокрушеніи, творить милостыню и соблюдать обѣты, одолевая соблазны чувственнаго міра. Затѣмъ, постигнувъ духомъ, что, подъ вліяніемъ его словъ, мысли Праэрити чисты и радостны, и въ сердцѣ разсѣялся мракъ ея страсти, онъ объяснилъ ей сущность четырехъ истинъ: страданія, причинности, уничтоженія и пути ¹⁾).

И вотъ, какъ бѣлоснѣжная шолоховая твань принимаетъ окраску, такъ и Праэрити, получивъ мудрыя наставленія, уразумѣла истину; и какъ свѣтъ разсвѣщаетъ тьму, такъ и истина разсвѣтила мракъ грѣховныхъ желаній въ ея сердцѣ, и она, преклонивъ голову въ стопы Будды, воскликнула:

— О, досточтимый въ мірѣ Будда, прости мнѣ мою ошибку, мой грѣхъ, мое желаніе имѣть благочестиваго Ананду своимъ мужемъ, ибо я раскаиваюсь!

Тогда Будда отвѣтилъ:

— Хорошо, о, монахиня! Ты сама увидѣла свои заблужденія и исправила ихъ согласно закону ученія, а потому имѣешь оттого пользу, а не вредъ. Я же весьма сострадаю тебѣ и принимаю твое раскаяніе. Иди, и будь совершенна!

Такъ сказалъ Будда, и Праэрити, исцѣливъ свою страсть и познавъ истинное ученіе, удалилась. Всѣ же присутствующіе изумились силѣ ученія Будды и преклонились предъ нимъ.

Съ китайск. Н. Вундцеттель.

Дербентъ.

НА ВЫСОТАХЪ КАВКАЗА

ПУТЯВЫЯ ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНІЯ.

Окончаніе.

II *).

Изъ поѣздки въ Балкарію возвратился я на хуторъ Долинской 24-го іюля, а 26-го уже принялъ участіе въ путешествіи къ подножію Эльбруса.

На этотъ разъ компанія наша состояла изъ 14 человѣкъ, а поѣздка продолжалась шесть дней, причемъ въ одинъ и другой конецъ пришлось проѣхать 220 верстъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, за каждую „фуру“, въ которой размѣщалось по 4 человѣка, пришлось уплатить по 20 руб. Если прибавить къ цѣнѣ за подводы стоимость провизіи, наемъ ословъ и проводниковъ, — о чемъ будемъ говорить ниже, — то путешествіе къ Эльбрусу обошлось на человѣка по 8 руб. съ копѣйками, т.-е. съ небольшимъ по 1 рублю въ сутки, почти столько же, сколько и при поѣздкѣ въ Балкарію.

Какъ мы уже говорили, Балкарія находится въ истокахъ Черема, а теперь мы ѣхали къ истокамъ Баксана.

Изъ Нальчика нашъ путь лежалъ сначала на западъ, ровною

*) См. выше: іюнь, 677 стр.

Кабардинскою степью. Среди кабардинцевъ, представляющихъ воинственную и многочисленную отрасль черкесскаго племени, — существуетъ преданіе, что они въ незапамятныя времена переселились въ Предкавказье съ восточныхъ береговъ Чернаго моря подъ предводительствомъ нѣкоего Кабарды Тамбиева, причемъ, при императорѣ Юстиніанѣ, среди нихъ распространилось христіанство, которое и было господствующимъ вѣрованіемъ до начала XVIII вѣка.

Русскіе въ очень отдаленныя времена познакомились съ кабардинцами, легенда которыхъ гласитъ, что, при походѣ на Тмутаракань, Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, вступалъ въ единоборство съ кабардинскимъ богатыремъ Редедею. Іоаннъ Грозный, принявъ въ подданство кабардинцевъ, строилъ въ Кабардѣ церкви и женился вторымъ бракомъ на черкесской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ. Въ дальнѣйшемъ исторія Кабарды представляетъ борьбу изъ-за нея между Россією и Крымомъ, закончившуюся побѣдою послѣдняго, послѣ чего въ Кабардѣ введено было мусульманство.

Съ давнихъ временъ и по настоящее время кабардинцы слывутъ аристократами среди другихъ племенъ Нальчикскаго округа, причемъ до сихъ поръ существуютъ строгія сословныя раздѣленія: князья, дворяне и простой народъ. Первые два довольно многочисленныя сословія являются образчиками извѣстной выдержки, тона и манеръ, что, между прочимъ, проявляютъ въ нальчикскомъ общественномъ клубѣ. Здѣсь привилегированные кабардинцы выказываютъ весь свой „лоскъ“ и нерѣдко пользуются симпатіями „курсовыхъ“ дамъ, хотя — тоже нерѣдко — усиленное ухаживаніе за дамами со стороны знатныхъ кабардинцевъ заканчивается скандалами. Это тѣмъ болѣе понятно, что, несмотря на вѣнчанное джентльменство, большинство знатныхъ кабардинцевъ, въ сущности говоря, народъ невѣжественный. Изъ 54 степныхъ кабардинскихъ обществъ Нальчикскаго округа только въ 18-ти, и то за послѣдніе три года, устроены русскія школы. Въ остальныхъ же 36 имѣются лишь медресе, въ которыхъ, за отсутствіемъ, какъ и у горскихъ племенъ, своей письменности, муллы обучаютъ кабардинскихъ дѣтей чтенію Корана на арабскомъ языкѣ. Въ русскихъ школахъ отъ 8 часовъ утра до 2 пополудни преподаются общіе предметы, а съ 4¹/₂ до 6 происходитъ чтеніе Корана подъ руководствомъ мусульманскаго духовенства.

Послѣднее, какъ и духовенство всѣхъ странъ и народовъ, и является главнымъ тормазомъ просвѣщенія, причемъ и мотивы

одни и тѣ же: муллы основательно опасаются, что образованіе грозитъ потерю авторитета и вѣры, и ихъ, муллъ.

Но перейдемъ къ описанію путешествія.

Скоро по выѣздѣ изъ Нальчика, при яркомъ утреннемъ свѣтѣ, на голубомъ чистомъ небѣ, въ юго-западной сторонѣ показался усѣченный конусъ Эльбруса, съ замѣтнымъ углубленіемъ на срединѣ его. Любуясь Эльбрусомъ и другими свѣжными вершинами, хорошо видными, благодаря прекрасной погодѣ, мы незамѣтно подъѣхали къ быстрому Чегему, разбившемуся на много рукавовъ, черезъ которые намъ надо было переправиться вбродъ. Въ это время теченіе было настолько сильное и воды такъ много, что фуры наши, чтобы онѣ не опрокинулись, поддерживали два кабардинца, ходившіе съ этою цѣлью взадъ и впередъ по Чегему съ высоко подвернутыми штанами ¹⁾. Отъ Чегема, по ту и другую сторону котораго расположены „куденетовскіе“ аулы, дорога круто повернула на юго-западъ, прямо по направленію къ Эльбрусу, вершина котораго дѣлалась все виднѣе и виднѣе, но затѣмъ, когда мы подъѣхали къ большому подъему, серылась.

На этотъ подъемъ мы отправились пѣшкомъ, чтò, къ слову сказать, дѣлали на всѣхъ подъемахъ и спускахъ, и вообще очень много шли пѣшкомъ, какъ съ цѣлью облегченія лошадямъ и избѣжанія тряски по каменной дорогѣ, такъ и въ видахъ лучшаго ознакомленія съ мѣстностью. Здѣсь считаемъ необходимымъ замѣтить, что дѣти совершали пѣшеходныя путешествія съ необыкновенною выносливостью и большою охотою. Напримеръ, одна девятилѣтняя дѣвочка нисколько не уступала намъ въ ходбѣ и даже ѣздѣ верхомъ, а маленькій, — кажется, третьяго класса—гимназистъ поражалъ насъ своею неутомимостью. Онъ не только не уставалъ при обыкновенной ходбѣ, но нерѣдко бѣгомъ опережалъ всѣ фуры, возвращался назадъ, поднимался на ближайшія горы, собиралъ насѣкомыхъ, и т. п.

Замѣчанія эти я дѣлаю съ цѣлью указать на возможность прекрасныхъ экскурсій не только для юношей, но и для дѣтей. Многіе родители сидятъ на мѣстахъ, ссылаясь на трудность поѣздокъ съ дѣтьми. Описываемыя мною путешествія совершенно опровергаютъ этотъ взглядъ. Дѣти нашей компаніи съѣздили и въ Балварію, и въ Урусбиевскій аулъ вполне благополучно, получивъ массу истинныхъ наслажденій и громадную

¹⁾ Яппики объяснили намъ, что кабардинцы эти отбивали своеобразную дорожную повинность.

пользу для своего здоровья. Для взрослыхъ они не только не представляли никакого затрудненія, а наоборотъ, вносили много оживленія въ нашу компанію.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, возвращаемся къ описанію дороги. Съ подъема слѣдовалъ значительный спускъ къ Кишпеу, притоку Баксана (ямщики называли его „Ушпезъ“).

Послѣ небольшого отдыха на возвышенномъ берегу этой рѣчущи, на прекрасномъ лугу, подъ тѣнью дикой груши, намъ опять пришлось взобраться на большой подъемъ, съ высоты котораго открылась обширная степная долина сверкавшего вдаль Баксана, по берегу котораго было расположено много „Атажуковскихъ“ ауловъ. Аулы эти были и красивѣе, и зажиточнѣе горскихъ; они напоминали хорошія русскія села. Въ аулахъ видно было много садовъ, обѣли дома, а когда ближе подъѣхали къ нимъ, то замѣтили, что сады въ нихъ, повидимому, вытѣсняются деревянными избами. И не одними только аулами степняки отличаются отъ горцевъ. Въ то время какъ у балкарцевъ и горцевъ вообще хлѣбопашество развито, какъ мы видѣли, въ незначительной степени, кабардинцы имѣютъ полную возможность вести земельное хозяйство и обширное скотоводство. Какъ извѣстно, кабардинскія лошади славятся далеко за предѣлами Кабарды, а обиліе овечьей шерсти дало возможность кабардинцамъ широко развить выработку знаменитыхъ кавказскихъ бурокъ. Помимо земледѣлія и скотоводства, кабардинцы занимаются огородничествомъ, отчасти садоводствомъ, и есть попытки разведенія винограда. Но, къ сожалѣнію, все это ведется примитивно и въ размѣрахъ гораздо болѣе скромныхъ, чѣмъ это возможно на самомъ дѣлѣ. Въ распоряженіи кабардинцевъ имѣется весьма значительная площадь владѣнія: въ 1866 г. частныя собственности получили въ надѣлъ свыше 90.000, а общины — свыше 300.000 десятинъ земли, не считая находящихся въ общемъ пользованіи нагорныхъ пастбищъ и нѣкоторой части лѣса.

Причина низкой культуры, по нашему мнѣнію, кроется съ одной стороны въ невѣжествѣ, а съ другой — въ общественномъ строѣ кабардинцевъ, именно въ многочисленности привилегированныхъ, мало-трудящихся сословій.

Спустившись въ долину Баксана, мы скоро приблизились къ этой большой горной рѣкѣ и, переправившись на другой берегъ ея черезъ мостъ во 2-мъ Атажукинскомъ аулѣ, поѣхали параллельно Баксану, который сопровождалъ насъ уже до конца путешествія, до самаго того мѣста, гдѣ онъ спускается съ баксанскаго ледника Эльбруса.

За Атажукинскимъ ауломъ долина Баксана обрамлена невысокими, сравнительно, горами, съ немовѣрнымъ количествомъ камней, какъ на самыхъ горахъ и у подножя ихъ, такъ и на дорогѣ.

Горы эти далѣе прерывались красивою широкою луговою долиной лѣваго притока р. Баксана, Гунделена, вытекающаго изъ главныхъ отроговъ Кавказскаго хребта.

Вода въ немъ мутная, но близъ моста имѣется очень хорошій родникъ съ чистою, холодною водою.

Неподалеку отъ Гунделена видны старинные, въ видѣ склеповъ, шестигранные памятники. Куполообразныя крыши ихъ поросли мхомъ и травою. Такіе памятники, въ слову сказать, мы видѣли и на берегу Чегема.

Намъ говорили, будто они сооружены надъ знатными кабардинцами въ очень отдаленныя времена. Гунделеномъ, собственно говоря, заканчивался нашъ степной путь, тянувшійся около пятидесяти верстъ, и отсюда уже начиналось ущелье Баксана. Въ отличіе отъ Черека, скалы котораго давали сѣрое и мощное впечатлѣніе, если можно такъ выразиться, скалы Баксана имѣютъ желтовато-красный оттѣнокъ, изобилуютъ пещерами и размокнами. Первый ночлегъ нашъ былъ за Гунделеномъ, на берегу Баксана, среди громадныхъ камней, когда-то, вѣроятно, свалившихся со скалы, что высилась надъ дорогою ¹⁾.

За этимъ пунктомъ до Науразовскаго поселка, возлѣ котораго переѣхали повѣстическій, но очень шаткій мостъ черезъ Баксанъ, и за поселкомъ, верстъ на пять-шесть, долина Баксана сопровождается живописными видами, причемъ въ одномъ мѣстѣ показывается ненадолго Эльбрусъ, но затѣмъ верстъ на двадцать путь идетъ среди оголенныхъ скалъ, напоминающихъ дикую Балкарію.

Остановившись отдохнуть у рѣчки Ксанты, притока Баксана, мы, или, вѣрнѣе, наши ямщики, съ трудомъ разыскали для костра дровъ на берегу Баксана, принесшаго ихъ изъ отдаленныхъ лѣсныхъ горъ. Мы начали-было приходить уже въ отчаяніе, не предвидя конца путешествію по каменистой и ужасно тряской дорогѣ; однако дальнѣйшія впечатлѣнія заставили забыть всѣ эти неудобства. За рѣчкою Коржуканомъ долина Баксана рѣзко мѣняется свой видъ. Здѣсь мы достигли уже пояса сосны и березы, которыми были покрыты и скалы, и долина, а нѣкоторыя полянки сплошь поросли клумбами вереска. Изъ-за лѣси-

¹⁾ Мы хотѣли ночевать у спроварни кн. Урусбіева, но не нашли ея.

СТЫХЪ СКАЛЬ ТАМЪ И СЯМЪ НАЧАЛИ ПОКАЗЫВАТЬСЯ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЯ СНѢЖНЫЯ ВЕРШИННЫ.

Въ этотъ день мы думали достигнуть Урусбиевскаго аула, но подь вечерь, когда уже значительно стемнѣло, очутились въ безвыходномъ положеніи: путь нашъ упирался въ самый Баксань, подмывшій берегъ, по которому шла дорога. Дѣлать нечего — пришлось заночевать, не достигнувъ цѣли, хотя, собственно говоря, мы хорошенько не знали — далеко или близко до названнаго аула; версть здѣсь, какъ говорится, нѣкто не мѣрилъ.

На другое утро мы рѣшили идти дальше пѣшкомъ, оставивъ ящичковъ на мѣстѣ ночлега, такъ какъ, намъ казалось, ѣзда на колесахъ здѣсь прекращалась; но ящички, прогнавѣди при посредствѣ козевъ измѣрение Баксана и изучивъ мѣстность, заявили, что прійдутъ за нами въ Урусбиевскій аулъ. Мы же, обогнувъ подмытый берегъ, дальше шествовали по грязи, по узкимъ бревнамъ и камнямъ. Къ счастью, Урусбиевскій аулъ оказался близко, и мы скоро достигли его.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, аулъ этотъ посѣтили М. М. Ковалевскій и И. И. Иванововъ ¹⁾. Добрались они къ нему совсѣмъ съ другой стороны, именно изъ Кисловодска. Путь ихъ былъ таковъ: черезъ горы Каентюбъ и Кизилъ-Колбашъ, затѣмъ спускъ въ долину р. Малги, переправа черезъ нее и подъемъ въ ущелье Малги; далѣе, спускъ въ долину р. Шаукама, подъемъ на сосѣднюю съ Кынчырь-Сырть гору и, наконецъ, Кертыскій переваль.

Вотъ какъ описали они видъ съ вершины этого перевала, т.-е. съ горъ надъ Урусбиевскимъ ауломъ: „Подъ нами широкая Баксанская долина и множество саклей Урусбиевскаго аула, лежащаго на высотѣ 5.200 футовъ. Впереди, въ пурпуровомъ свѣтѣ отъ заходящаго солнца, цѣпь вѣчныхъ снѣговъ, прорываемая двумя круто поднимающимися съ долины ущельями Адыръ-су и Адылъ-су. Съ ледяныхъ великановъ сползають глетчеры сюда. Справа долина замыкается горами Тхоти-тау и Эльбрусомъ, а прямо передъ нами уходила въ небо семью конусами одна изъ самыхъ красивыхъ и высокихъ горъ Кавказа — Курмычи-баши.

„— Неронъ не могъ бы избрать себѣ лучшаго мѣста, — сказать одиень изъ нашихъ товарищей.

„Всѣ члены нашего общества были хорошо знакомы съ Швейцарією, и всѣ мы соглашались, что такихъ красотъ, такого ве-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, январь 1886 г.

личія природы, какіе мы видѣли въ послѣдніе два дня, не найдешь въ Швейцаріи“.

Позволю себѣ привести еще одну небольшую выдержку изъ путешествія нашихъ уважаемыхъ ученыхъ, касающуюся уже самого Урусбиевскаго аула.

„Дѣдъ Измаила Урусбиева (нынѣшняго владѣльца аула) пришелъ изъ Кабарды въ незанятую никѣмъ Баксанскую долину и положилъ здѣсь основаніе нынѣшнему Урусбиевскому аулу. Въ немъ 294 двора съ 2.200 душами. Ауль владѣеть пахотной землей и сѣновосами въ размѣрѣ 200 десятинъ и пользуется даромъ лѣсомъ изъ громаднаго баксанскаго урочища, состоящаго въ спорѣ между казною и княземъ Урусбиевымъ.“

„Скотоводство служитъ важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія аула. Крупнаго скота и лошадей насчитывали въ немъ 4.860 штукъ, барановъ и овецъ—до 48.000.“

„Страна, заселенная въ наши дни горскими татарами, по всѣмъ признакамъ была занята до ихъ прихода осетинами, доказательствомъ чему служатъ названія горъ, рѣкъ, слѣды культа, которыми осетины окружали Божию Матерь, а также—раскопки и институты гражданскаго и уголовнаго права и процессуальныя правила, построенныя у татаръ буквально на тѣхъ самыхъ началахъ, что и у осетинъ.“

„Подобно другимъ народностямъ Кавказа, татары доселѣ живутъ родовыми сообществами. Нерѣдко цѣлыя аулы, какъ-то, на примѣръ, Азрокиевскій или Урусбиевскій, основываются исключительно однимъ родомъ, который въ этомъ случаѣ и переноситъ свое фамильное названіе“.

Теперь передадимъ наше впечатлѣніе отъ Урусбиевскаго аула, а затѣмъ опишемъ путь отъ него къ подножію Эльбруса, замѣтивъ, что М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ, судя по ихъ даннымъ, достигли этой горы инымъ путемъ, чѣмъ я.

Передъ ауломъ былъ мостъ черезъ Баксанъ, а съ горы стремилась бурная горная рѣчка Кертыкъ. На берегу этой рѣчки мы увидѣли мѣстнаго волостнаго писаря, который ловилъ удочкою форелей. Онъ-то и сбѣлся нашимъ чичероне.

Скоро изъ разныхъ мѣстъ появились любопытные урусбиевцы и урусбиевки, и, въ сопровожденіи ихъ, мы, во главѣ съ писаремъ, направились среди грязныхъ саклей къ волостному правленію. Бѣдность, нищета и грязь здѣсь бросались въ глаза, такъ же, какъ и въ Кунимскомъ аулѣ Балкаріи. Отличіе было лишь то, что сакли въ Урусбиевскомъ аулѣ были сложены не изъ валуновъ, какъ въ балкарскихъ аулахъ, а изъ трухляваго дерева.

Вслѣдствіе пожара, уничтожившаго домъ волостного правленія, послѣднее кутилось въ маленькой избѣ, гдѣ стоялъ столъ, а надъ столомъ висѣлъ портретъ Государя.

Въ избу эту вслѣдъ за нами явились урусбиевцы, у которыхъ мы стали торговать куръ, яйца, молоко, а также договариваться относительно ослонъ и проводниковъ для путешествія въ Эльбрусу. Всѣгда велась при посредствѣ писаря, исполнявшаго роль толмача, и ни къ чему не привела. Урусбиевцы запрашивали несуразныя цѣны, и мы, ничего не купивъ, а договорившись лишь относительно ослонъ и проводника, — но опитъ-таки настолько неопредѣленно, что впоследствии, какъ увидимъ, и это вызвало недоразумѣніе, — постарались поскорѣе уйти изъ аула отъ назойливыхъ и дикихъ его обитателей на другую сторону Баксана, куда уже прибыли ямщики и устроили лагерь среди раскаленныхъ солнечными лучами камней. Но и здѣсь покоя мы не нашли: вслѣдъ за нами скоро явились аульцы, продолжая съ любопытствомъ разсматривать насъ и дѣлиться между собою впечатлѣніями, причѣмъ женскій полъ, среди которыхъ были и миловидныя лички молодыхъ урусбиевовъ, болѣе всего интересовался нашими барышнями, тщательно изучая ихъ костюмы и уборы. Подкрѣпившись пищею, мы, оставивъ нашихъ ямщиковъ, отправились пѣшкомъ къ конечной цѣли нашего путешествія — къ Эльбрусу, предшествуемые двумя ослими, нагруженными вещами и провизіею, и верховымъ проводникомъ. Сколько намъ надо было идти до Эльбруса, мы не знали, такъ какъ показанія были самыя противорѣчивыя: одни говорили — четыре часа, другіе — пять, а можетъ шесть и даже семь часовъ, т.-е., другими словами, считая ходьбы въ часъ 3 версты, выходило отъ 12 до 21 версты.

Отъ Урусбиевскаго аула довольно широкая дорога шла среди отторженныхъ луговъ, а затѣмъ начался прекрасный сосновый лѣсъ, сопровождавшій насъ уже до Эльбруса. Верстахъ въ 8-ми отъ Урусбиева, на правомъ берегу Баксана ясно вырисовывается прекрасный ледникъ, а Баксанъ въ этомъ мѣстѣ, запруженный обвалами, кипитъ и реветъ, образуя нѣчто въ родѣ водопада. Еще великолѣпнѣе видъ верстахъ въ 12-ти за Урусбиевскимъ ауломъ, въ мѣстѣ, гдѣ Баксанъ раздѣляется на два рукава и черезъ него переблннуть мостикъ. Противъ этого мостика, изъ-за темно-зеленыхъ рамокъ, образуемыхъ лѣсистыми горами, высится чудной красоты ледникъ, спускающійся съ черной, напоминающей замкъ, скалы.

Чѣмъ дальше, тѣмъ ущелье Баксана дѣлалось уже и уже,

но дорога все время шла почти у самого берега, никогда не доходя до такихъ крутизнь, какъ въ долину р. Черка.

Созерцаніе прекрасныхъ видовъ, вѣроятно, было причиною, что до „сторожки“ (кажется—№ 19), расположенной всего въ 15 верстахъ отъ Урусбиева, шли мы очень долго. Сторожка эта находится на лѣвомъ берегу Баксана. Въ ней живутъ три или четыре представителя ветеринарнаго надзора, которые врядъ ли имѣютъ возможность услѣдить за всѣмъ скотомъ, который гонять черезъ горныя перевалы изъ Сванетіи и Кубанской области, а единственному ветеринарному врачу на весь Нальчикскій округъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ физической возможности надзирать за всѣми сторожками. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что южныя земства указываютъ на Кавказъ, какъ на главный источникъ распространенія болѣзней скота.

Обитатели сторожки предлагали намъ заночевать у нихъ, но мы имѣли неосторожность послушаться нашего проводника и отправились на три версты дальше, къ аулу Кейсерюльчи. У проводника оказалась здѣсь сестра, чѣмъ и объяснялось его стремленіе къ этому аулу, а мы не мало здѣсь претерпѣли, хотя, впрочемъ, многому и научились.

Окружившіе насъ, по обыкновенію, любопытствующіе и назойливыя горцы, мужскаго и женскаго пола, предлагали намъ ночевать въ савляхъ. Но мы, конечно, не согласились, потому что эти савли, какъ и во всѣхъ аулахъ, представляли внутри помѣщенія, совершенно не удовлетворявшія самымъ элементарнымъ запросамъ мало-мальски культурнаго человѣка, не говоря о массѣ насѣкомыхъ, наводняющихъ жилища горцевъ. Кромѣ того, погода была великолѣпная, и мы съ удовольствіемъ расположились на ночлегъ на полянѣ, окруженной сосновымъ лѣсомъ, горами, Баксаномъ и его небольшимъ, шумнымъ притокомъ, причемъ лично мнѣ очень понравилось мѣсто на самомъ берегу Баксана, подъ громадною сосною. Скоро ко мнѣ присоединились еще нѣкоторые лица изъ нашей компаніи, такъ что образовалось два лагеря, причемъ мой лагерь натаскалъ множество сосновыхъ дровъ, и мы разложили большой костеръ.

Часовъ около десяти оба лагеря начали укладываться спать, чтобы проснуться возможно раньше и идти къ Эльбрусу, разстояніе до котораго и теперь было намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ горцы говорили разное, да и въ сторожкѣ ничего опредѣленнаго не сказали.

Ночь была превосходная. На ясномъ небѣ блистали и звѣзды, и серпъ первой четверти луны; свѣжій горный воздухъ былъ

насыщенъ смолистымъ ароматомъ сосноваго лѣса; мелодично шумѣли Баксанъ и его притокъ, а имъ время отъ времени тихо и таинственно аккомпанировалъ сосновый лѣсъ.

Усталые, мы скоро уснули подъ эту музыку природы. Не болѣе какъ черезъ часъ я былъ разбуженъ раскатами грома. Открываю глаза и вижу, что надъ головою изъ-за вершинны одной горы показывается туча. Но такъ какъ оставалась еще большая площадь яснаго неба, я рѣшилъ, что гроза, должно быть, разыгралась въ одной изъ долинъ высокихъ горъ, темными массами окружавшихъ нашъ лагерь, и, опять укрывшись одеяломъ съ головою, предался сну. Однако очень скоро сильный громовой ударъ вторично разбудилъ меня, причемъ на этотъ разъ представилась совсѣмъ иная картина. Тьма была непроглядная. Баксанъ и его притокъ ревѣли; лѣсъ мрачно шумѣлъ; раскаты грома грозно раздавались въ горахъ и шелъ дождь. Всючивши на ноги, нашъ лагерь кое-какъ развелъ потухшій костеръ, благодаря свѣту котораго насъ нашелъ товарищъ изъ другого лагеря. Онъ сообщилъ, что дѣла его лагеря плохи: должно быть, всѣ уже замочили, а проводникъ ничего и знать не желаетъ. На предложеніе переночевать въ саклѣ проводникъ заявилъ, что ночью въ сакли идти нельзя, и порекомендовалъ, укрывшись бурками, взятыми напрокатъ, спать. При этомъ самъ плотно укутался въ бурку и уснулъ, не обращая ровно никакого вниманія на разыгравшуюся стихію.

— Можетъ быть, вы что-нибудь сдѣлаете, — прибавилъ товарищъ.

Я отрицалъ возможность вліянія на упрямаго горца, и старался разложить большой костеръ, но, въ сожалѣнію, дровъ было мало, и сильный дождь препятствовалъ горѣнію.

Мы рѣшили-было какъ-нибудь дождаться разсвѣта, но когда ливень усилился, отправились скопомъ воздѣйствовать на проводника. Блуждая во тьмѣ и опасаясь какъ-нибудь не попасть въ бурныя горныя рѣки, мы кое-какъ добрались, наконецъ, до другого лагеря, и здѣсь узнали, что проводникъ съ курсисткою и одною дамою ушли въ саклю. Измокшіе, мы выражали негодованіе и на проводника, и на нашихъ спутницъ, ушедшихъ безъ насъ, какъ вдругъ изъ тьмы появился проводникъ и предложилъ и намъ всѣмъ идти за нимъ.

Раемъ показалось намъ теперь грязное, низкое, съ землянымъ поломъ жилище горца, и мы всѣ бросились въ востру, разложенному у одной изъ стѣнъ, обступили его и стали сушить свои совершенно мокрыя платья.

Теперь только мы поняли, какъ легкомысленно путешествовали. Хорошо, что насъ сопровождала хорошая погода, но пади мы въ дождливое время—Богъ вѣсть, какія были бы послѣдствія. При этомъ я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что всего необходимѣе имѣть съ собою брезентовую палатку. Обязательно слѣдуетъ имѣть собственныя кавказскія бурки на каждаго путешественника, а не брать напрокатъ одну на два человѣка, какъ это сдѣлали мы. Никакая погода не была бы опасна, еслибы мы, завернутые каждый въ свою бурку, спали подъ прикрытіемъ палатки. Въ эту же ночь выяснилась необходимость имѣть топоръ для рубки дровъ и—непремѣнно—фонарь: безъ свѣта въ темную ночь грозитъ опасность попасть въ горную рѣчку, причемъ оступиться въ такую рѣчку, какъ Басанъ—это почти вѣрная смерть.

Усталые послѣ бессонной ночи и пѣшаго путешествія, промокшіе до ниточки, мы были въ такомъ мрачномъ настроеніи, что отказались идти на Эльбрусъ, и рѣшили возвратиться обратно въ Урусбиево. Ранній разсвѣтъ нисколько не измѣнилъ нашего намѣренія, такъ какъ небо и горы были покрыты тучами и дождь не переставалъ. Но стоило черезъ нѣкоторое время выглянуть солнышку, какъ съ нимъ возвратилась бодрость, и кто еще могъ волочить ноги—рѣшили достигнуть Эльбруса. Это были: я, литераторъ со старшею дочерью и бонною и петербургская дама съ двумя гимназистами.

Оставивъ своего проводника и ослонъ въ распоряженіи дамъ, которыя не были въ состояніи идти съ нами и возвращались въ сторожку, чтобы тамъ окончательно обсушиться, отдохнуть и ждать нашего прихода, мы взяли въ проводники стараго горца, не знавшаго ни единого русскаго слова. Въ нашему удивленію, прежній нашъ проводникъ заявилъ, что съ этимъ старымъ горцемъ мы въ три часа сходимъ на Эльбрусъ и обратно! А вчера еще рѣчь шла о четырехъ и даже пяти часахъ ходьбы *только до Эльбруса!*

Старый горецъ, заложивъ палку на спину и просунувъ ее подъ обѣ руки, пошелъ быстрыми шагами впередъ, заставляя насъ напрягать всѣ оставшіяся силы, чтобы не отставать отъ него.

А дорога была нелегкая. Тотчасъ за ауломъ Кейсерюльчикъ она среди лѣса шла прямо въ гору, причемъ первыя двѣ версты наши ноги почти по щиколотку увязали въ навозъ, такъ какъ путь шелъ по скотопроегонной тропѣ, размытой теперь дождемъ. Далѣе лѣсъ дѣлался гуще и гуще; на каждомъ шагу встрѣчались

горныя рѣчьи, поваленныя деревья, камни. Приходилось прыгать, перелѣзать, свавать, вообще находить точки опоры, чтобы удержаться на ногахъ, не выкупаться въ водѣ и т. п. Когда, въ особенно затруднительныхъ случаяхъ, мы взывали къ проводнику, онъ оборачивался, но, не понимая, чего мы отъ него требуемъ, улыбался и показывалъ пальвою впередъ. Наконецъ, черезъ часъ и 45 минутъ отчаянной ходьбы, мы достигли конечной цѣли нашего путешествія, очутившись въ такой чудной мѣстности, что моментально забыли пройденный путь и не чувствовали, казалось, никакой усталости. Это была сравнительно небольшая зеленая долина, со всѣхъ сторонъ окруженная величественными сѣвжными горами, съ которыхъ спускались ледники. Горы эти были: Эльбрусъ и его отроги — Азау и Донгузорунъ.

Напившись прекраснаго холоднаго айрану въ аулѣ Качкаровъ, расположенномъ въ названной долинѣ, поближе къ Эльбрусу, мы, перешедши по дощечкѣ черезъ бурный, но узкій здѣсь Бавсанъ, поднялись на ближайшую къ аулу гору, чтобы оттуда полюбоваться рѣдкою по своей прелести мѣстностью. Съ этой горы вправо видны были Эльбрусъ, главнымъ образомъ сѣвжныя поля его съ моренами и громадный ледникъ, спускавшійся отвѣсною стѣною въ долину; съ этого ледника ниспадалъ одинъ изъ притоковъ Бавсана, или, какъ увѣряли аульцы, — „самъ Бавсанъ“; впереди высился Азау, также съ громаднымъ ледникомъ, а влѣво виднѣлся неподражаемый по красотѣ сѣвжный великанъ Донгузорунъ, важнѣйшій перевалъ, черезъ который гонять скотъ изъ Сванетіи и Кубанской области. Сочетаніе дѣвственной бѣлизны сѣвговъ съ сверкающими водами, ниспадавшими съ ледниковъ, съ темной зеленою сосенъ, поднявшихся къ самымъ сѣвгамъ, и ярко-голубымъ цвѣтомъ неба давали такую прелестную картину, какую, казалось, не можетъ нарисовать самая богатая фантазія...

Повидимому, этотъ уголокъ описывали въ „Вѣстникѣ Европы“ М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ. Именно они писали (января 1886 г.):

„Долиною, вверхъ по теченію Бавсана, прибыли въ полдень къ подошвѣ Тхотитау, стоящей на границѣ трехъ областей: Кубанской, Терской и Кутаисской. Здѣсь начинается перевалъ. Намъ предстояло подняться по южному склону Тхотитау и затѣмъ, послѣ небольшого спуска, взбираться на Донгузорунъ, составляющій собою продолженіе Эльбруса съ южной его стороны.

„Остановились отдохнуть. Лежа подъ соснами, среди очаровательной обстановки, и слушая сообщенія князя (Урусбіева) о богатствѣ источниковъ въ этомъ мѣстѣ долины — источниковъ

щелочныхъ, желѣзныхъ, углекислыя, — мы фантазировали о томъ, какой прекрасный лечебный пунктъ могъ бы быть устроенъ у подошвы Тхотитау и Эльбруса. Въ отношеніи природы и чистоты воздуха онъ не имѣлъ бы себѣ соперниковъ и, въ то же время, кругомъ обширные хвойные лѣса, ровныя прогулки по долинѣ и интереснѣйшія горныя экскурсіи. Провести дорогу отъ Баксанскаго поста по долинѣ не представляло бы никакихъ трудностей, а *отъ Баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ во Владикавказъ* (?).

При подъемѣ на Донгузорунъ „любовались колоссальными глетчерами южной стороны Эльбруса: Азау и Терескалы. Азау больше Mer de Glace Монблана, а Терескалы — едва ли не единственный по своей формѣ и красотѣ глетчеръ; онъ представляетъ нѣсколько рядовъ ледяныхъ свалъ, громадныхъ амфитеатровъ. Баксанъ выходилъ изъ ущелья, образуемаго горами Чететь-Кара и Тхотитау“.

Въ этомъ описаніи насъ удивляетъ только сообщеніе, что отъ „Баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ во Владикавказъ“.

Насколько намъ извѣстно, колесный путь до Урусбиева и далѣе до сторожки на Баксанѣ имѣется *только отъ Нальчика*, — это именно путь, который описанъ въ настоящей статьѣ. Но это не „почтовая дорога“, а проселочная, и до Урусбиева ходить лишь волостная почта отъ Нальчика, а чтобы отъ этого послѣдняго проѣхать на Владикавказъ, необходимо сначала отправиться до станціи Котляревской и отъ нея ѣхать по владикавказской желѣзной дорогѣ — другого пути, вѣроятно, нѣтъ, если, конечно, не считать горныхъ тропъ.

Описанная нами дорога отъ Нальчика, вѣроятно, кратчайшая и наиболѣе удобная изъ всѣхъ существующихъ дорогъ къ высочайшей и, быть можетъ, прелестнѣйшей вершинѣ въ Европѣ, и мы положительно рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ насладиться природою Кавказа, проѣхать по этому пути къ Эльбрусу и пожить въ только-что описанной долинѣ возможно дольше, запасшись провизіею, палаткою и теплою одеждою ¹⁾. Помимо удовольствія, болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ аулѣ Качварова даетъ возможность найти здѣсь много интереснаго въ смыслѣ знакомства съ природою въ области величайшихъ горъ. Намъ же надо было поскорѣе возвращаться обратно въ сторожку

¹⁾ Ѣхать нужно въ июлѣ: въ іюнѣ здѣсь дожди, а въ августѣ уже, вѣроятно, холодно.

за нашими дамами, а затѣмъ идти въ Урусбиевскій аулъ, куда мы и прибыли вечеромъ того же дня. Здѣсь, при расплатѣ съ проводникомъ, вышло недоразумѣніе, о которомъ говорилось выше. Именно, мы, договариваясь при посредствѣ урусбиевскаго писаря, поняли, что за ослѣ проводникъ требовалъ полтора рубля за каждаго осла за весь путь отъ Урусбиева до Эльбруса. Оказалось же, что уплатить надо было по полтора рубля въ сутки за каждаго осла, и ему, проводнику, также по два рубля въ день. Проводникъ же, сопровождавшій насъ отъ аула Кейсерюльчика до Эльбруса и обратно, особо получилъ полтора рубля за пять часовъ. Переночевавъ въ Урусбиевскомъ аулѣ, мы рано утромъ на другой день отправились въ Нальчикъ и ровно черезъ сутки достигли этой слободы.

Совершивъ безъ перерыва оба описанныя путешествія, то есть, съѣздивъ въ Балкарію и на Эльбрусъ,—что въ общемъ составило 420 верстъ, изъ которыхъ, вѣроятно, верстъ 120, если не больше, пришлось идти пѣшкомъ, я не чувствовалъ почти никакой усталости. Точно такъ же превосходно чувствовала себя и вся компанія, не исключая дѣтей. Несмотря на то, что намъ пришлось мокнуть, переходить вбродъ рѣки, купаться въ страшно жаркіе дни въ такой ледяной водѣ, что нѣмѣли члены, несмотря на все это, никто не получилъ даже насморка. И это объясняется, несомнѣнно, чуднымъ горнымъ воздухомъ, который можетъ, кажется воскрешать мертвыхъ.

И. П. Бѣлоконскій.

ТЩЕТНОЕ УСИЛІЕ

РОМАНЪ.

— *L'inutile effort*, par Edouard Rod. Paris, 1903.

I.

Когда Перёзы обѣдали въ гостяхъ — а во время сезона это случалось четыре или пять разъ въ недѣлю — они всегда приходили въ-время. Леонардъ гордился до нѣкоторой степени своей аккуратностью; онъ испытывалъ истинное удовольствіе, когда хозяйка дома, досадуя на запаздываніе почетныхъ гостей, встрѣчала его словами:

— Вотъ относительно васъ, *cher maître*, можно не беспокоиться: вы всегда приходите къ назначенному часу. А между тѣмъ вѣдь вы такой занятой человѣкъ.

Онъ почти всегда отвѣчалъ одно и то же:

— Дѣло привычки, сударыня. Занятой человѣкъ долженъ умѣть распредѣлять свое время, если хочетъ пользоваться досугомъ для посѣщенія друзей. — И онъ улыбался свойственной ему особой улыбкой — почти веселой, почти юношеской; она на минуту измѣняла напряженное выраженіе его замкнутого, слишкомъ серьезнаго лица, недостаточно освѣщеннаго блѣдными глазами. Улыбка эта была столь неожиданна на его жесткихъ губахъ, что многіе ей не довѣряли, и видѣли въ ней проявленіе напущеннаго добродушія или хитраго притворства.

Въ дѣйствительности же адвокатъ Перёзъ принадлежалъ просто къ разряду людей, у которыхъ есть два облика: одинъ

для близкихъ имъ людей и для самихъ себя, другой—для постороннихъ. Адвокатъ и свѣтскій человѣкъ настолько различились въ немъ отъ мужа, отца и частнаго человѣка, насколько могутъ различаться два существа, слитыя въ одно. Серьезный, озабоченный, обладающій большой силой воли, адвокатъ очень опредѣленно и настойчиво стремился къ своей цѣли и думалъ только о томъ, что полезно для его карьеры; но въ своей личной жизни онъ позволялъ себѣ послабленія. Точность, напримѣръ, входила въ составъ его искусственныхъ качествъ; онъ усвоилъ себѣ ее изъ практическихъ соображеній тогда же, когда подстригъ бороду, сталъ причесываться извѣстнымъ образомъ, отрекся отъ притязаній на молодость и превратился въ степеннаго, серьезнаго адвоката. Когда же ничто не обязывало его въ насильованію своей воли, онъ обрасывалъ привычку аккуратности. Обѣдая дома, напримѣръ, онъ совершенно не стѣснялся временемъ и не принималъ во вниманіе ни своей жены, ни своего младшаго брата, Раймонда, который часто обѣдалъ у нихъ. Въ его домѣ разыгрывалась тогда маленькая комедія, составлявшая забавный контрастъ съ поведеніемъ Перёза въ обществѣ. Ровно въ половинѣ восьмого раздавался электрической звонокъ, возвѣщая о приходѣ Раймонда. Лавей, Фредерикъ, не особенно спѣшилъ отворять двери, такъ что звонокъ раздавался во второй, даже въ третій разъ—и съ большей настойчивостью. Когда наконецъ ему отворили дверь, Раймондъ входилъ въ гостиную, нѣсколько прихрамывая и озираясь вокругъ себя близорукими глазами, какъ бы для того, чтобъ убѣдиться, что онъ не попалъ въ чужую квартиру. Положивъ шляпу куда-нибудь въ уголъ, онъ подходилъ къ камину, и стоялъ передъ нимъ до появленія своей невѣстки:

— Здравствуйте, Раймондъ, вы уже пришли?

— Здравствуйте, Люси. Какъ поживаете?

— Благодарю васъ, хорошо.

— А дѣти?

— Дѣти здоровы.

У мадамъ Перёзъ были очень рѣшительные жесты, шумная походка, энергичное, почти мужское лицо съ крупными чертами; ея единственную красоту составляли густые золотистые волосы. Она довольно сухо пожимала тощую, худую, иногда лихорадочно-горячую руку Раймонда, указывала ему на кресло возлѣ каминна, и сама садилась противъ него. Они обмѣнивались незначительными, приблизительно однѣми и тѣми же фразами—передъ горящимъ каминомъ зимой, передъ экраномъ—лѣтомъ. Потомъ Люси поднимала глаза на часы въ стилѣ „ампиръ“—ци-

ферблатъ на спинѣ золоченаго орла—нетерпѣливо топала ногой, барабанила пальцами по колѣнямъ, и говорила:

— Вашъ братъ неисправимъ; у него нѣтъ совершенно представленія о времени!

Лицо ея выражало досаду и упрекъ: въ противоположность своему мужу, она отличалась точностью не по расчету, а по врожденной аккуратности.

Англичанка бонна приводила дѣтей, Марка и Раймонду, шести и пяти лѣтъ, одѣтыхъ, какъ дѣти на картинахъ Милле, въ бархаты и кружева.

Маркъ, блѣдный, тоненькій мальчикъ, съ длинными свѣтлыми кудрями, напоминалъ неизмѣннаго хитраго мальчика на рекламѣ „Pearls Soap“; онъ усаживался около матери, церемонно, какъ гость; Раймонда, полненькая дѣвочка съ темными волосами, съ огромными глазами, съ ямочками на щекахъ, оживленная и улыбающаяся, влѣзала на колѣни къ своему крестному отцу. Дѣти вели себя сначала какъ скромные, смущенные великолѣпьемъ гостинной посѣтители, но вскорѣ къ нимъ возвращалась непринужденность ихъ возраста; они начинали болтать, смѣяться, шалить, тормозить мать и дядю, и забывали, что они не въ своей дѣтской. Тогда Люси, которая требовала отъ нихъ благовоспитанности, призывала ихъ къ порядку.

— Маркъ, ты сомнешь воротникъ! — Раймонда, поправь волосы!

Когда она казалась менѣе неприступной, чѣмъ обыкновенно, Раймондъ осмѣливался заступиться за дѣтей:

— Дайте имъ поиграть; дѣтямъ вѣдь это необходимо отъ времени до времени.

Почти всегда она отвѣчала:

— Дѣти не дикія лошади!

За этимъ слѣдовало строгое „тсс!“, смѣхъ обрывался, и дѣти снова чинно усаживались. Маркъ, болтая ногами, съ завистью глядѣлъ на сестру, которую дядя смѣшилъ исподтишка; она снова забывалась и начинала хохотать. Люси, слѣдуя привычнымъ недовольнымъ взглядомъ за поведеніемъ шурина, сердито говорила:

— Право, Раймондъ, дѣвочка становится несносной, какъ только она съ вами. Вы ее портите самымъ возмутительнымъ образомъ.

Раймондъ смущенно что-то бормоталъ, — но его останавливалъ сердитый взглядъ Люси, и онъ умолкалъ, прижимая къ

себѣ свою крестницу, которая тоже переставала смѣяться и болтать.

Эти періодическія стычки, которыя, впрочемъ, никогда не заходили далеко, свидѣтельствовали о глухой непріязни между шуриномъ и невѣсткой; это была та инстинктивная непріязнь, которая образуется между очень неподходящими другъ въ другу людьми, вынужденными силой обстоятельствъ быть въ постоянномъ общеніи. Даже при взаимныхъ стараніяхъ такая непріязнь съ трудомъ сглаживается; частое же общеніе ее усиливаетъ, а при малѣйшемъ содѣйствіи обстоятельствъ или необузданности характеровъ она можетъ превратиться въ истинную ненависть.

Пассивная кротость Раймонда устраняла эту опасность.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ судьба при самомъ рожденіи поставила какъ бы внѣ жизни. Онъ былъ очень малъ ростомъ, нѣсколько прихрамывалъ, и хотя его нельзя было назвать калѣвой, все-же недостатки его фигуры удручали его родныхъ, вызывали иногда насмѣшки чужихъ и, главное, заставляли его самого чувствовать себя заранѣе побѣжденнымъ на жизненной аренѣ, открытой только для сильныхъ. Неправильностей его сложенія не смогло исправить никакое леченіе: ему тщетно надѣвали желѣзные корсеты, подвергали леченію гидротерапіей и электричествомъ. Онъ все-же остался навсегда почти варликомъ, съ одной слишкомъ короткой ногой и съ однимъ приподнятымъ плечомъ, и долженъ былъ постоянно заботиться о своемъ здоровьи, кутаться и оберегаться отъ малѣйшей простуды. Докторъ, лечившій его въ дѣтствѣ, сказалъ однажды: „Этотъ мальчикъ будетъ расти и развиваться только внутренно“. Предсказаніе это сбылось: душа Раймонда Переза обрѣла то благородство и даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, силу, которой недоставало его членамъ. Онъ возмужалъ духомъ, сохраняя внѣшній обликъ ребенка; внутреннее пламя придавало ему своеобразную красоту. Женщины восторгались имъ, когда видѣли только его серьезное лицо съ тонкими чертами и большими темными глазами, въ которыхъ свѣтилась страстная, гордая душа. И тѣмъ больше сожалѣнія онъ вызывалъ въ нихъ, когда поднимался, и когда его тщедушное тѣло вырисовывалось рядомъ съ мужчинами, которые, при всей пошлости своихъ лицъ, были выше его головой и подавляли его своимъ крѣпкимъ видомъ. Родители Раймонда—зажиточные ліонскіе коммерсанты—мечтали о томъ, что оба сына увеличатъ ихъ состояніе и достигнуть всякихъ почестей, но слабое здоровье младшаго сына разрушило ихъ ожиданія. Видя, что отъ него нечего ожидать, они предоставили

ему слѣдовать своимъ склонностямъ къ умственной работѣ, и все свое честолюбіе сосредоточили на старшемъ сынѣ. Раймондъ поэтому могъ заниматься наукой безъ опредѣленной практической цѣли. Онъ сдалъ экзаменъ на степень доктора философіи, написалъ серьезную диссертацию „О происхожденіи политическихъ идей Локка“, углубился въ изученіе англійскихъ философовъ, затѣмъ отвлекся отъ нихъ на время, чтобы написать и издать фантастическій „Диалогъ о законности“, не имѣвшій, однако, никакого успѣха. Раймонда это не огорчило: онъ любилъ самый процессъ мышленія; общественные вопросы, которыми онъ преимущественно занимался, интересовали его только своей отвлеченной стороной; его не увлекали мысли о практическомъ ихъ разрѣшеніи, и онъ поэтому не страдалъ отъ того, что его не понимали. Интересуясь болѣе идеями, нежели людьми, онъ, однако, обладалъ даромъ острой наблюдательности, понималъ самую суть характеровъ, и умѣлъ открывать самыя тонкія и скрытыя черты въ людяхъ. Благодаря этому, онъ тонко понималъ окружающихъ его людей, находилъ для нихъ точныя психологическія формулы, классифицировалъ ихъ, какъ ботаникъ растенія въ своемъ гербаріи, причѣмъ судилъ о нихъ то снисходительно, то съ отгѣнкомъ ироніи, смотря потому, считалъ ли онъ ихъ безвредными, или опасными для другихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его пронизательность становилась опасной—онъ умѣлъ читать мысли, угадывать чувства. Его братъ много разъ пользовался этой своеобразной способностью Раймонда, въ надежности и разиѣрахъ которой успѣлъ убѣдиться; но, будучи самъ человѣкомъ очень недалекимъ, Леонардъ никогда не предполагалъ, что ясновидѣніе Раймонда можетъ когда-нибудь проявиться во вредъ ему. Слепое поклоненіе Раймонда долго охраняло Леонарда отъ пронизательности его брата; но жену Леонарда Раймондъ судилъ съ полной свободой. Цѣлыми годами Люси была для него предметомъ недоброжелательнаго, почти враждебнаго наблюденія. Романтичный по природѣ, чуткій, склонный къ созерцанію и къ идейной жизни, онъ страдалъ отъ сухости ея тщеславной души, исключительно привязанной къ матеріальнымъ интересамъ и неспособной ни на какой великодушный порывъ. Отказавшись отъ любви для себя самого, Раймондъ принималъ горячее участіе въ сердечной жизни своего брата, и окружалъ ее ореоломъ поэзіи; онъ зналъ объ увлеченіяхъ юности своего брата и осуждалъ ихъ, не утративъ, однако, ни одной иллюзіи относительно Леонарда. Ему хотѣлось, чтобы въ женитьбѣ братъ его нашелъ очагъ чистой нѣжности, полного до-

вѣрія и совершеннаго единенія, но сразу понялъ, что бракъ съ Люси не осуществитъ этого идеала. Такая женщина, думалъ онъ, будетъ для своего мужа только союзницей—честной, вѣрной, умной, заботящейся объ общей пользѣ, неспособной повредить мужу нивакимъ необдуманнѣмъ поступкомъ, и въ этомъ отношеніи достойной полнаго уваженія; но онъ видѣлъ также, что въ ней совершенно нѣтъ менѣе полезныхъ, но болѣе необходимыхъ для счастья душевныхъ качествъ, и это его сильно огорчало.

Раймондъ очень вѣрно понималъ Люси, и вся жизнь ея до замужества подтверждавала его сужденія.

Ея отецъ, докторъ Моншарри, занимался врачебной практикой въ глухомъ кварталѣ Гренелль. Онъ овдовѣлъ черезъ пять лѣтъ послѣ женитьбы; въ жизни онъ отличался большой непрактичностью, безборьстїемъ, гуманностью, даромъ лечилъ бѣдняковъ, покупалъ имъ на свои деньги лекарства, устраивалъ благотворительныя учрежденія для провинутыхъ дѣтей и т. д.—и въ то же время входилъ въ долги и не заботился о своихъ двухъ дочеряхъ. Старшая, Софи, вышла замужъ въ девятнадцать лѣтъ за молодого архитектора, Робера Гастеллѣ, который вѣрилъ въ свои силы, надѣялся на будущее и хотѣлъ сначала основать семейный очагъ, по душѣ, а потомъ завоевывать себѣ мїръ. Люси, которой едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, пришлось одной вести домъ, въ которомъ, вслѣдствіе щедрости отца, всегда чувствовался недостатокъ въ средствахъ. Она возненавидѣла благотворительность, лишавшую ее удовольствій, подобающихъ ея молодости, не особенно любила отца, внутренно называя его „отцомъ чужихъ дѣтей“, и упрекала его въ томъ, что всякій нищій его болѣе интересуется, чѣмъ его собственная дочь. Она мечтала выбраться изъ сосѣдства фабрикъ и казармъ, и жить среди великолѣпія невѣдомаго ей настоящаго Парижа. Она прониклась убѣжденіемъ, что нужно жить исключительно для себя и для своихъ, и что вся толпа ближнихъ—только какой-то муравейникъ. Часто бываетъ, что одна крайность порождаетъ въ окружающихъ другую противоположную крайность. Люсьена была жертвою доходившей почти до маниі самоотверженности ея отца, и поэтому въ ней развились безграничный эгоизмъ и тщеславіе.

Неожиданное наслѣдство отъ какого-то родственника со стороны матери обогатило обѣихъ сестеръ; младшая увидѣла въ этомъ подарокѣ судьбы только первый задатокъ будущихъ побѣдъ, и даже не успѣла порадоваться, занятая мыслями о томъ, какъ бы лучше всего воспользоваться своимъ состояніемъ. Ея еще не

опредѣлившійся характеръ сразу окрѣпъ въ энергичной защитѣ своего капитала противъ отца, которому хотѣлось все отдать другимъ. Какъ разъ въ это время ея шуринъ представилъ ей адвоката Перѣза. Люси хотѣлось поскорѣе избавиться отъ опеки отца, и встрѣча съ молодымъ человѣкомъ, которому открывалась хорошая карьера, была ей по душѣ. У Леонарда недавно умеръ отецъ, и онъ тоже имѣлъ капиталъ, который, устроившись благодаря выгодной женитьбѣ, составилъ бы начало значительнаго богатства. Они очень скоро пришли къ соглашенію. Нѣсколько романтичная Софи распространила вокругъ жениха и невесты условную легенду о „coup de foudre“, а докторъ Моншарни, по своей довѣрчивости, радовался тому, что его младшая дочь, какъ и старшая, „выходитъ замужъ по любви“. Въ дѣйствительности же молодые люди просто чувствовали другъ къ другу симпатію, порожденную общностью жизненныхъ вкусовъ.

Люси очень скоро поняла своего мужа, изучила его сильныя и слабыя стороны, обсудила трудности его карьеры, и поняла также, какими средствами можно ее облегчить.

Леонардъ Перѣзъ, несмотря на твердость въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, имѣлъ слабости, мѣшавшія исполненію его честолюбивыхъ плановъ; его жена поэтому употребила всѣ усилія, чтобы внушить ему упорную настойчивость, на которую ничто не можетъ оказать вліянія. Онъ слишкомъ полагался иногда на свое счастье; она же, болѣе расчетливая, не довѣряла судьбѣ, думала о темныхъ силахъ, нарушающихъ ходъ жизни, и внушала мужу, что удача зависитъ не столько отъ счастья, какъ отъ умѣнья. Она помогала ему и разными другими средствами. Ясно понимая значеніе всякаго рода кружковъ и партій, она создала мужу выбранный съ большимъ умѣньемъ кругъ знакомства. Гастельѣ, архитекторъ эксцентричныхъ домовъ, распространитель „modern style“, былъ знакомъ со множествомъ художниковъ, журналистовъ, писателей. Люси привлекла въ свой домъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — самыхъ замѣтныхъ и наименѣе крайнихъ, — и они содѣйствовали извѣстности Перѣза. Раймондъ, столь чуждый всякаго интригантства, создалъ Люси, самъ этого не подозревая, хорошія связи въ университетскомъ кругу. Товарищи ея мужа, изъ которыхъ одинъ сдѣлался министромъ, нѣсколько адвокатовъ и членовъ суда, нѣсколько лучшихъ кліентовъ ея отца, образовали вскорѣ вокругъ нея разнохарактерный кругъ, которымъ она умѣла очень хорошо пользоваться для своихъ практическихъ цѣлей. При полномъ отсутствіи кокетства, она, однако, умѣла привязывать къ себѣ всѣхъ этихъ людей,

тѣмъ, что льстила ихъ слабостямъ и окружала ихъ иллюзіей дружбы, интимности, лести и преклоненія. Всѣ охотно являлись къ ней по ея „средамъ“, пріятно проводили время, и понемногу у нея составлялась репутація женщины, имѣющей очень пріятный салонъ. Къ тому же, Люси была дѣятельнымъ членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ: ее встрѣчали всюду, гдѣ слѣдуетъ показываться; она никогда не откладывала на другой день нужнаго визита, участвовала въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ, гдѣ подъ предлогомъ благотворительности ведутся тысячи интригъ. Собирая пожертвованія, распространяя билеты на концерты или лотереи, она увеличивала число и поднимала уровень своихъ связей. Кромѣ того, она пристроивала, или, по крайней мѣрѣ, обѣщала пристроивать молодыхъ protégés своихъ друзей. Ее считали доброй, и всюду хвалили ее; одинъ только Раймондъ ясно понималъ практическую и корыстную всѣхъ ея дѣйствій, и глубоко ее презиралъ.

Въ противоположность своей строгости къ невѣстѣ, Раймондъ относился со странной и слѣпой снисходительностью къ брату. Физически сильный, практичный Леонардъ былъ для Раймонда воплощеніемъ мужества и энергіи, идеаломъ настоящаго человѣка, какимъ бы онъ самъ хотѣлъ быть. Раймондъ не имѣлъ возможности восторгаться братомъ во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, но по крайней мѣрѣ онъ чрезвычайно рѣдко — и самъ страдая при этомъ — осуждалъ его. Онъ толковалъ въ благопріятномъ смыслѣ всѣ проявленія души, въ которую вкладывалъ то, что ему хотѣлось видѣть въ ней. Поэтому онъ постоянно приносилъ своему брату, самъ того не зная, величайшую жертву, которую могъ бы принести: онъ отрекался въ сужденіяхъ о немъ отъ своей проницательности. Онъ его слѣпо обожалъ.

Это обожаніе вызвано было однимъ качествомъ Леонарда, которое воображеніе Раймонда видѣло въ преувеличенномъ свѣтѣ. Въ характерѣ Леонарда было извѣстнаго рода смѣлое великодушіе, хотя и перемежающееся, безкорыстное и въ то же время хвастливое, рыцарское и расчетливое. Когда оба брата были еще юношами, это великодушіе превращало старшаго въ защитника младшаго; онъ постоянно готовъ былъ кулаками защитить Раймонда; но въ то же время онъ былъ столь же требовательнымъ, какъ и любящимъ, тираномъ маленькаго, тщедушнаго существа, вѣчно испуганнаго, болѣзненнаго, дрожащаго. Страстная и замкнутая душа Раймонда доходила въ своей благодарности до какого-то суевѣрнаго культа. Въ своихъ сужденіяхъ о братѣ, поэтому, онъ приходилъ къ выводамъ, абсолютно противорѣчащимъ

дѣйствительности. Въ своемъ дневникѣ, въ который онъ заносилъ свои сужденія о людяхъ, встрѣчались такія фразы о Леонардѣ: „Въ немъ есть доброта истинно сильнаго человѣка, который никогда не думаетъ ни о себѣ, ни о завтрашнемъ днѣ“. Или же: „Я люблю его болѣе, чѣмъ онъ любитъ меня. Я это чувствую, знаю, и не страдаю отъ этого. Онъ гораздо болѣе достоинъ любви, чѣмъ я“.

Когда что-нибудь слишкомъ очевидно опровергало его предвзятое сужденіе, Раймондъ, на минуту понявъ истину, старался быстро забыть о ней, или же объяснялъ слабости своего героя „требованіями жизни“, и тѣмъ болѣе преклонялся передъ братомъ за его умѣнье подчиняться обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, онъ сохранялъ свои иллюзіи, и ничего не видѣлъ въ душѣ Леонарда, кромѣ своихъ собственныхъ мыслей, своихъ собственныхъ чувствъ, своихъ собственныхъ мечтаній.

II.

Въ этотъ день—это была среда—Леонардъ Перевъ запоздалъ больше обыкновеннаго, и у Люси произошла маленькая ссора съ ея шуриномъ.

Она только-что обновила свою гостиную по указаніямъ Гастелье и слѣдуя новой модѣ. До того она довольствовалась тяжелыми креслами въ стилѣ Луи-Филиппа, обитыми прочнымъ трипомъ. Мебель эта была частью неожиданнаго наслѣдства; Люси давно считала ее слишкомъ провинціальной, и теперь, наконецъ, окончательно осудила ее и продала старьевщику. Намѣстѣ ея появилась англійская мебель съ извилистыми линиями, покрытая матеріей моднаго цвѣта и узора; мебель выдѣлялась на фонѣ обоевъ цвѣта морской воды, украшенныхъ запятыми и зигзагами кирпичнаго цвѣта, а на зеленыхъ портьерахъ болѣе темнаго тона выдѣлялись широкія оранжевыя пальмы. Обойщики работали цѣлый день, и въ комнатѣ чувствовался запахъ лака. Люси, довольная переменою, о которой она давно мечтала, и которая ей дорого стоила, ожидала комплиментовъ. Маркъ, усѣвшійся у нея на колѣняхъ, и Раймонда, сидѣвшая на табуреткѣ у ея ногъ, восторгались подробностями, на которыя она имъ указывала. Но Раймондъ, утонувшій въ низкомъ креслѣ, ограничивался тѣмъ, что безмолвно разсматривалъ странныя кресла, смѣшныя столики, сложный рисунокъ блѣднаго ковра, гамму блѣдныхъ тоновъ, которую составляли вазы всевозможныхъ формъ на

каминѣ, рядомъ съ часами въ стилѣ „ампиръ“, оставленными въ виду ихъ цѣнности. Онъ перебѣгалъ глазами съ предмета на предметъ съ насмѣшливымъ видомъ, который не ускользнулъ отъ вниманія его невѣстки. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ маленькому бюро, провелъ по немъ рукой, какъ бы желая въ чемъ-то убѣдиться, рассмотрѣлъ вазы на каминѣ и снова сѣлъ на маленький, высокій стулъ, имѣя на немъ видъ взмостившейся встревоженной птицы. Люси, наконецъ, не выдержала.

— Ну, что же, — спросила она: — какъ вамъ нравится наша новая мебель?

Насмѣшливый огонекъ опять появился въ глазахъ Раймонда, который, вытягивая ноги, едва смогъ достать пола кончикомъ ботинокъ.

— Она очень модная, — отвѣтилъ онъ. — Последнее слово моды!..

Его губы сомкнулись, какъ бы для того, чтобы удержать болтовню, которая, однако, все-таки вырвалась у него.

— Только... зачѣмъ столько запятыкъ? Ихъ такое множество на всемъ. Ваши обои похожи на страницу, усѣянную одними только знаками препинанія.

Люси сухо отвѣтила:

— Скажите прямо, что все это отвратительно. Скажите — вѣдь вы это думаете!

Раймонду не удалось удержаться отъ желанія подразнить ее, и онъ уже жалѣлъ объ этомъ.

— Боже мой, вѣдь вы знаете, что у меня совсѣмъ особые вкусы. Я люблю все стильное, и нахожу, что въ теперешнемъ *modern style* совсѣмъ нѣтъ стилиности. Мода теперь противъ меня, и я вовсе не утверждаю, что правъ.

Эта полу-уступка не смягчила Люси, и она отвѣтила рѣзкимъ тономъ:

— Мы никогда ни въ чемъ не сходимся. Я уже давно это замѣтила.

Она еще разъ окинула внимательнымъ взоромъ свою новую обстановку, и прибавила, видимо удовлетворенная осмотромъ.

— Впрочемъ, я сообразовалась не только съ моимъ личнымъ вкусомъ, или со вкусомъ моего мужа, — я совѣтовалась относительно всего съ моимъ шуриномъ Гастелье, — а онъ вѣдь художникъ.

Незамѣтная улыбка скользнула по губамъ Раймонда. Онъ мысленно увидаль передъ собой воздвигнутыя въ новыхъ кварталахъ странныя сочетанія кирпича, желѣза, фаянса, поддѣль-

наго мрамора, поддѣльной бронзы и фарфоровыхъ украшеній, столь излюбленныхъ Гастелѣ въ его работахъ. Онъ припомнилъ странныхъ чудовищъ, диковинныхъ звѣрей и переплетающіяся въ какомъ-то хаосѣ линіи его декоративныхъ рисунковъ. И онъ повторилъ съ ироніей, которую Люси не замѣтила:

— Гастелѣ, конечно, художникъ въ своемъ родѣ. Да, въ сущности, обои и мебель не имѣютъ большого значенія. Все дѣло въ томъ, чтобы чувствовать себя уютно въ своей обстановкѣ.

Люси ничего не возразила. Раймондъ попробовалъ заговорить о другомъ, но Люси отвѣчала только односложными звуками. Тогда Раймондъ принялся играть со своей врестницей, и такъ увлекъ дѣвочку, что она забылась и промякала нѣсколько разъ съ поразительнымъ мастерствомъ. Мать ее окликнула:—Раймонда!

И дѣти уже не возвышали голоса до той минуты, пока, наконецъ, въ гостиную вошелъ Леонардъ.

Адвокатъ Перѣзъ былъ высокаго роста, строенъ, почти изящень въ движеніяхъ. Несмотря на то, что ему было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, волосы его, длинные и прямые, начинали сѣдѣть у висковъ. Высокій, гладкій лобъ, ясно обрисованныя черты бритаго лица, нѣсколько толстый носъ и тяжелый подбородокъ дѣлали его скорѣе симпатичнымъ съ виду,—еслибы не двойственное выраженіе его блѣдныхъ глазъ. Войдя въ залу, онъ опустился на диванъ съ усталымъ видомъ, рѣзкимъ движеніемъ скинулъ свой ринсе-пез и провелъ нѣсколько разъ рукой по глазамъ. Согбенная поза еще болѣе старила его. Но онъ быстро оправился: къ нему подбѣжали дѣти, забрались къ нему на колѣни, обняли его, и онъ опять выпрямился, отвѣчая на ихъ ласки. Его минутная слабость не ускользнула, однако, отъ Раймонда, который сталъ журить брата.

— Право, Леонардъ, ты совершенно не щадишь себя. Ты опять сегодня слишкомъ много работалъ. Всякая сила имѣетъ предѣлы.

Адвокатъ улыбнулся, пожимая плечами: „Развѣ онъ не ведетъ такую же жизнь, какъ и всѣ другіе? У всѣхъ дни проходятъ въ суетѣ и лихорадочной, утомительной дѣятельности“.

За него отвѣтила его жена:

— Работать необходимо. Нельзя останавливаться, когда хочется идти—такъ нельзя составить себѣ карьеру.

Ея жесткій взглядъ упрекалъ Раймонда въ лѣни и непрактичности. Чтобы вполнѣ выяснить свою мысль, она прибавила:

— Не могутъ же всѣ люди быть дилеттантами.

Раймондъ отвѣтилъ ей быстрымъ взглядомъ своихъ бархат-

ныхъ глазъ, въ которыхъ промелькнуло выраженіе грустнаго раскаянія или сожалѣнія. Люси, довольная тѣмъ, что попала въ цѣль, поднялась съ кресла, подошла къ мужу и, тронувъ его за плечо, сказала болѣе мягкимъ голосомъ:

— Обѣдъ возстановитъ твои силы. Онъ будетъ очень хорошій. А хорошій обѣдъ для человѣка—тоже, что масло для машины. Не правда ли, другъ мой?

Они перешли въ столовую, очень свѣтлую, съ буфетомъ, уставленнымъ серебромъ, съ „дельфтскими“ вазами на каминѣ, съ мѣдными блюдами въ стилѣ ренессансъ, висѣвшими на стѣнахъ. Перѣзъ попробовалъ супъ, одобрилъ его, выпилъ рюмку мадеры, которая всегда его подбодряла, и сказалъ:

— Вотъ это подкрѣпляетъ силы!

Онъ никогда не говорилъ за столомъ о своихъ дѣлахъ, отчасти потому, что хотѣлъ на время отвлечься отъ нихъ, отчасти же—чтобы не проговориться о чемъ-нибудь при прислугѣ, такъ какъ ему часто поручались очень значительныя и не допускавшія огласки дѣла. Но разговоры, которые онъ велъ, все-таки касались главнымъ образомъ его профессиональныхъ интересовъ. Онъ сообщалъ новыя, никому еще не извѣстныя свѣдѣнія о громкихъ процессахъ, занимавшихъ общее вниманіе, высказывалъ свое мнѣніе о новыхъ театральныхъ пьесахъ на судейскія темы, или обсуждалъ новѣйшее постановленіе совѣта, касавшееся какого-нибудь дисциплинарнаго вопроса. Въ этотъ день онъ занятъ былъ разбиравшимся судомъ присяжныхъ дѣломъ объ анархистахъ: въ аданіи биржи брошена была бомба, осколки которой убили двухъ людей.

— Изъ-за этого дѣла я и запоздалъ,—сказалъ онъ.—Я очень усталъ, но мнѣ хотѣлось послушать Леко. Его рѣчи—образецъ ума, такта, сжатости и логичности.

Онъ взглянулъ на своего брата, съ которымъ наканунѣ обсуждалъ показанія экспертовъ, которымъ поручено было высказаться объ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго, и прибавилъ:

— Ты бы понялъ изъ рѣчи Леко, Раймондъ, что единственный способъ защиты, возможный въ подобныхъ случаяхъ, это—указаніе на невмѣняемость подсудимыхъ подъ влияніемъ психическаго разстройства и наслѣдственныхъ инстинктовъ.

Люси поспѣшила подтвердить слова мужа и прибавила, презрительно взглянувъ на своего шурина:

— Это очевидно!

— Я въ этомъ вовсе не убѣжденъ,—возразилъ Раймондъ.—

Я полагаю, что такого рода преступленіи, какъ и всякія другія—результатъ сложныхъ и роковыхъ причинъ...

— Роковыхъ!—прервалъ его Леонардъ.—Какой устарѣлый терминъ для философа! Неужели же теперь кто-нибудь еще вѣрить въ рокъ?

— Допустимъ, что таинственность рока отчасти утратила прежнюю силу въ глазахъ людей. Но все-же есть нѣчто фатальное въ судьбахъ человѣчества, и выясненіе роковыхъ сторонъ событій—лучшій способъ защищать преступниковъ, къ какой бы категоріи они ни принадлежали. Устанавливая фатальность явленій, можно яснѣе всего опредѣлить размѣръ ихъ виновности, и во всякомъ случаѣ спасти ихъ отъ смертной казни.

— Какъ бы не такъ!—иронически отвѣтилъ Леонардъ.—Наше уголовное право основано на понятіи о винѣ, которое не допускаетъ подобныхъ послабленій и переноситъ на самого обвиняемаго всю тяжесть его отвѣтственности.

— Потому-то я и считаю наше уголовное право несправедливымъ и варварскимъ.

Люси слушала его съ явнымъ нетерпѣніемъ, и вмѣшалась въ разговоръ:

— Вы всегда увлекаетесь парадоксами, Раймондъ, и всегда фантазируете самымъ невозможнымъ образомъ. Вѣдь ясно, что преступленіе этого человѣка гнусно, чудовищно и не имѣетъ никакихъ оправданій,—даже безуміе, по моему, не смягчаетъ его вины. Я жалѣю адвоката, который вынужденъ его защищать. Когда стараются смягчить справедливое наказаніе за ихъ вину, то этимъ какъ будто входятъ съ ними въ стачку. Еслибы когда-нибудь Леонарду пришлось защищать такое дѣло—не приведи этого Господь!—то я надѣюсь...

Перезъ успокоилъ ее очень увѣреннымъ жестомъ:

— Не беспокойся. Чтò бы ни случилось, я не подамъ повода заподозрить себя въ анархизмѣ. Есть, правда, среди нашей интеллигенціи люди, заигрывающіе съ подобными ученіями,—я не изъ ихъ числа. Моя точка зрѣнія совершенно опредѣленная: мы живемъ въ мірѣ, который человѣческія усилія старались сдѣлать какъ можно болѣе совершеннымъ. Мы приняли извѣстные условія жизни, и не имѣемъ права отказываться отъ нихъ, потому что они—основа нашего соціального строя. Къ тѣмъ, которые подкапываются подъ строй, установленный вѣками человѣческаго труда и общимъ соглашеніемъ, я питаю ненависть, которую они заслуживаютъ. Но, какъ адвокатъ, я могу очутиться въ необходимости защищать кого-нибудь изъ нихъ. Тогда я по-

слѣдую примѣру Лео. Въ сущности, признаніе ихъ безумцами—лучшій способъ ихъ уничтожить. Сумасшедшій домъ, камера съ глухими стѣнами, смирительная рубашка, холодныя души—вотъ чего они заслуживаютъ!

— Пытки, однако, отмѣнены,—отвѣтилъ Раймондъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Люси возразила ему:

— Можетъ быть напрасно—онѣ имѣли свою хорошую сторону!—И обращаясь къ мужу, она прибавила:—Ты правъ. Преступленіе, направленное противъ всего общества, порожденное ненавистью къ людямъ, столь чудовищно, что его можетъ совершить только безумецъ.

Она устремила на Раймонда свой властный взглядъ, какъ бы давая ему понять, что противъ этого нечего спорить. Раймондъ не имѣлъ смѣлости выдержать ея взглядъ, отвелъ глаза, но все же возразилъ:

— Вы разсуждаете очень послѣдовательно, но что если все это неправда, если тутъ дѣло не въ безуміи?

Леонардъ вставилъ свое мнѣніе:

— Во всякомъ случаѣ это наиболѣе вѣроятная правда.

Раймондъ сталъ опять возражать:

— Самая правдоподобная правда!—воскликнулъ онъ.—Что это означаетъ? Временная правда, наиболѣе удобная намъ, наиболѣе отвѣчающая нашимъ привычкамъ.

— Ну, а настоящая правда, видѣлъ ли ее кто-нибудь, скажи мнѣ, пожалуйста?—спросилъ Леонардъ.—Она остается на днѣ своего колодца.

— Она иногда оттуда выходитъ.

— Совершенно нагая,—какъ объ этомъ разсказывается въ сказкѣ. Тогда ей запрещаютъ показываться на улицахъ, чтобы не оскорблять общественной стыдливости. Она бродитъ по пустыннымъ улицамъ и убѣгаетъ. Что же ей дѣлать? Она не можетъ не смущаться своей наготой, и она очень беззащитна, не имѣя никакого орудія, кромѣ жалкаго зеркала.

— Ей вполнѣ достаточно зеркала,—съ жаромъ возразилъ Раймондъ.—Она его протягиваетъ всѣмъ встрѣчнымъ, и они видятъ въ немъ свой настоящій обликъ—и горе имъ!.. Мы живемъ, не зная другъ друга. Пусть случай заставитъ насъ случайно столкнуться съ истиной, пусть на минуту взглядъ нашъ погрузится въ хрупкое стекло, которое никогда не лжетъ,—и истина навсегда намъ отомстила, потому что мы тогда поймемъ, каковы мы въ дѣйствительности... Иногда это случается слишкомъ поздно,

такъ что, несмотря на всѣ усилія, мы не можемъ исправить зла, нами причиненнаго, оправиться отъ униженій, которыя мы претерпѣли...

Люси, раздраженная проповѣдническимъ тономъ Раймонда, — нетерпѣливо оборвала его.

— Вы вѣщаете какъ апокалипсисъ, Раймондъ, — сказала она. — Развѣ вы не видите, что вашъ братъ утомленъ? Человѣкъ, который такъ трудится, какъ онъ, долженъ отдыхать у себя дома. Дайте ему говорить о томъ, что его интересуеетъ, и не заставляйте его напрягать умъ философскими спорами.

Фредерикъ подалъ десертъ. Дѣти оживились при видѣ сладкихъ печеній. Когда всѣ встали изъ-за стола, Раймондъ просилъ позволенія привести къ обѣду на слѣдующій день одну знакомую, лэди Ливерморъ.

— Конечно, пригласи ее, — ты долженъ считать нашъ домъ своимъ.

Люси холодно стала спрашивать его оспрѣзжей англичанкѣ, и всѣ перешли въ гостиную.

Хотя тамъ и стояла другая мебель, чѣмъ наканунѣ, всѣ расположились на своихъ привычныхъ мѣстахъ. Люси расположилась со своей рабочей корзинкой на диванѣ, передъ маленькимъ столикомъ. Раймондъ сѣлъ съ книгой у камина; Леонардъ выбралъ самое удобное кресло, и сталъ читать вечернія газеты. Онъ еще не высказалъ своего мнѣнія о новой мебели. Одобривъ ее, онъ прибавилъ съ отгѣнкомъ сожалѣнія, отъ котораго глаза его брата засверкали.

— Эта мебель не такъ удобна, не такъ уютна, какъ прежняя.

— Но гораздо болѣе изящна, — сказала Люси, и Леонардъ съ ней согласился.

— Это правда, нужно только привыкнуть къ ней. Мы освоимся съ ней черезъ нѣсколько дней.

Бонна пришла за дѣтьми, которыя старались какъ можно дольше продлить прощаніе. Они знали, что мать болѣе снисходительна къ нимъ въ присутствіи отца, и коварно пользовались этимъ. Англичанка, очень внушительная въ своемъ бѣломъ чепчикѣ и въ бѣломъ передникѣ, ждала ихъ у двери въ позѣ часового.

Наконецъ Леонардъ сказалъ:

— Довольно, дѣтки, идите спать!

Его глаза, обыкновенно столь мало выразительные, съ нѣжностью слѣдили за дѣтьми до двери, закрывшейся за ними. Онъ

еще нѣсколько времени прислушивался къ ихъ удалявшимся шагамъ, и сказалъ, взглянувъ на брата:

— Вотъ ты говоришь, что я слишкомъ много работаю, и жалѣешь меня. Еслибы ты зналъ, съ какою радостью я тружусь, когда подумаю, что это для нихъ. Я готовъ втрое больше работать. Миѣ ничто не кажется слишкомъ труднымъ, если это обезпечитъ имъ счастливую жизнь.

— Родители живутъ только для дѣтей,—подтвердила Люси.

— Конечно! Хотѣлось бы доставить имъ все, чего самъ не имѣлъ, о чемъ не мечтаешь для себя. Вотъ я, напримѣръ, казалось бы, не имѣю права жаловаться на свою судьбу. Но для нихъ я не удовольствуюсь тѣмъ же. Поэтому я хочу доставить имъ всё орудія жизненнаго успѣха: образованіе, деньги, связи—и умѣнье всѣмъ этимъ пользоваться. Имъ останется только покорить міръ.

Онъ взглянулъ на свою жену; общность ихъ честолюбія выразилась въ улыбкѣ взаимнаго пониманія. Раймондъ ничего не возразилъ,—ему пришлось бы слишкомъ многое сказать. Но онъ затаилъ вздохъ, подавляя грустное чувство, которое овладѣвало имъ каждый разъ, когда онъ замѣчалъ мелкое честолюбіе и вульгарныя желанія въ своемъ братѣ.

И вечеръ начался, мирный, похожій на всѣ тѣ рѣдкіе незапятнанные вечера, которые они проводили вмѣстѣ. Электрическій свѣтъ, смягченный свѣтло-зелеными абажурами, пріятно освѣщаль новую мебель. Иголка Люси двигалась среди молчанія. Раймондъ неслышно переворачивалъ страницы. Леонардъ исчезалъ за развернутымъ листомъ газеты, которую онъ сначала бѣгло просматривалъ, ища новостей, прежде чѣмъ приняться за чтеніе интересовавшихъ его статей. Онъ увидѣлъ, что курсъ поднимается, и сказалъ съ довольствомъ человѣка, который радуется удачной денежной операціи:

— Акции Beasocket et Cie стоятъ по 670. Онѣ повысились на двадцать франковъ со вчерашняго дня.

Онъ и не подозрѣвалъ, что въ послѣдній разъ интересуется всѣмъ этимъ, что уже никогда болѣе не будетъ радоваться поднятію курса.

— Это хорошо!—сказала Люси.—Но не слишкомъ ли быстро онѣ пошли въ гору? Не пора ли продать?

— Не беспокойся, я продамъ, когда слѣдуетъ.

Раймондъ поднялъ глаза при звукѣ голоса брата. Онъ слегка сдвинулъ брови, и опять погрузился въ чтеніе. Пробыло половину десятаго. Наступило молчаніе; Люси его прервала, воскликнувъ:

— Ну вот! нитка порвалась!

Она стала рыться въ корзинкѣ, ища чего-то среди катушекъ и лоскутковъ матерій. Отъ времени до времени отъ шума проѣзжавшихъ тяжелыхъ экипажей звенѣли стекла въ окнахъ, потомъ снова наступала тишина. Минуты протекали неспѣшно, точно имъ суждено было мирно и ровно протечь до часа отдохновенія. Ничье ухо не подслушало бы въ этотъ мигъ приближающихся нѣмыхъ шаговъ судьбы. Вдругъ за большимъ газетнымъ листомъ, задрожавшимъ, какъ при дуновеніи рѣющей надъ міромъ тайны, лицо Перѣза исказилось, ужасъ отразился въ его блѣдныхъ глазахъ, широко раскрытыхъ и устремленныхъ на статью подъ заголовкомъ: „Письмо изъ Лондона“, въ которой стояло слѣдующее:

„21-го числа этого мѣсяца начнется разбирательство уголовного процесса, который вѣроятно взволнуетъ общественное мнѣніе, вслѣдствіе окружающей его тайны. Героиня процесса— французская модистка, которая въ теченіе многихъ лѣтъ работала въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ модныхъ магазиновъ. Ее обвиняютъ въ убійствѣ своего незаконнаго ребенка, дѣвочки лѣтъ восьми, которую она толкнула въ Темзу, въ мѣстности за Кев Гарденс, противъ прекрасной виллы герцога Нортумберленда, Сіонгоуза. Подсудимая—молодая женщина тридцати-двухъ лѣтъ, незамужняя; зовутъ ее—Франсуаза Десомъ. Она настаиваетъ на своей невинности, и утверждаетъ, что дѣвочка случайно упала въ рѣку, и что она не смогла ее спасти. Эта версія довольно правдоподобна, въ виду наступившаго полнолунія и быстроты теченія въ этомъ мѣстѣ. Но ее опровергаютъ очень опредѣленные показанія двухъ прохожихъ и сторожа парка. Обвиненіе выдвинуло также другія данныя, говоряція противъ подсудимой, показанія которой по нѣкоторымъ пунктамъ очень сбивчивыя. Все это затемняетъ дѣло. Думаютъ, что на судѣ выяснятся обстоятельства этого интереснаго дѣла, о ходѣ котораго я не премину извѣстять нашихъ читателей“.

„Французская модистка... Франсуаза Десомъ... дѣвочка лѣтъ восьми“... все это стояло въ газетѣ. А затѣмъ все остальное, обстановка бульварнаго романа, ужасная исторія брошенной въ рѣку дѣвочки... Тысячи глазъ могли ее читать и комментировать съ развращеннымъ любопытствомъ, съ которымъ обыкновенно относятся къ подобнымъ драмамъ. Но въ то время, какъ эта исторія безслѣдно скользила по многимъ равнодушнымъ умамъ, душа Перѣза содрогнулась отъ невыразимаго ужаса. Для всѣхъ читателей этой газеты и множества другихъ газетъ дѣло шло о

только происходящемъ вдали событіи, которое производить даже менѣе непосредственное впечатлѣніе, чѣмъ послѣдній актъ чувствительной драмы, вызывающей слезы. Только онъ одинъ на свѣтѣ потрясенъ былъ до глубины души смертью этого ребенка, который не зналъ своего отца. Леонардъ почувствовалъ, что сильно измѣнился въ лицѣ, и укрывался за газетой, судорожно держа ее руками. Опять прошло долгое время среди молчанія; Раймондъ продолжалъ читать, а иглова Люси скрипѣла, вонзаясь въ шолкъ. Пробило десять часовъ. Люси спросила, не поднимая головы:

— Есть что-нибудь интересное въ газетѣ сегодня?

Леонардъ отвѣтилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... ничего особеннаго.

— Отдай мнѣ газету, когда кончишь читать. Я хочу прочесть фельетонъ...

Тотъ же голосъ, который, казалось, шелъ откуда-то издалека, отвѣтилъ:

— Фельетонъ?.. Сегодня нѣтъ фельетона...

Оправившись, Перезъ всталъ, бросилъ скомканную газету на кресло и сталъ ходить по комнатѣ.

— Что съ тобой такое?—спросила Люси спокойнымъ голосомъ.

— Я вдругъ вспомнилъ, что у меня еще... сегодня... экстренная работа...

— Да вѣдь тебѣ такъ нужно отдохнуть!—воскликнулъ Раймондъ, захлопывая книгу, которую читалъ.— Не работай сегодня.

— Нельзя... Я совсѣмъ забылъ: завтра предстоитъ очень важное... отвѣтственное дѣло.

Онъ говорилъ растерянно, смущенный взглядомъ преданныхъ ему глазъ, которые могутъ догадаться о его тайнѣ. Теперь онъ думалъ только о томъ, чтобы скрыть ужасное... Онъ забывалъ, что рано или поздно его братъ, которому онъ въ юности довѣрялъ всѣ свои тайны, узнаетъ и о его теперешней музѣ. Чтобы хоть выиграть время, онъ сталъ жаловаться на обиліе дѣлъ съ необыкновеннымъ многословіемъ:

— Ты не знаешь, что такое дѣла... Сколько вѣчныхъ заботъ... Одно сплетается съ другимъ, захватывая всего человѣка... Еслибы я рассказалъ тебѣ программу завтрашняго дня... ты бы ужаснулся... И многое забываешь—вотъ вѣдь забылъ одно дѣло, и очень важное... совсѣмъ вѣдь забылъ—какъ будто его не было на свѣтѣ. А между тѣмъ, это такое дѣло...

Онъ замѣтилъ, что начинаетъ проговариваться, и остановился.

— Спокойной ночи!

У двери онъ вспомнилъ, что оставилъ газету въ креслѣ, вернулся за нею и этимъ снова привлекъ вниманіе брата. Раймондъ взглянулъ на Люси, — она спокойно продолжала шить.

III.

Очевидное волненіе Леонарда, его внезапный уходъ, возвращеніе за оставленной газетой посѣляли въ душѣ Раймонда глухую тревогу. Живя въ мѣрѣ отвлеченныхъ идей, онъ всегда считалъ практическую жизнь дѣломъ, въ которомъ на каждомъ шагу разставлены западни, и въ каждомъ кустѣ скрывается опасность. Съ юности онъ всегда боялся за своего брата. Онъ опасался недоброжелательства товарищей, завидующихъ быстрымъ удачамъ молодого адвоката, интриговавшихъ противъ него, или препятствій, стоявшихъ на его пути, и которыя могли задавить его. При наступленіи одной изъ столь частыхъ въ современной жизни катастрофъ, онъ содрогался какъ бы отъ зловѣщаго предчувствія. Жизнь, осложненная честолюбивыми стремленіями, казалась ему слишкомъ трудной, чтобы она могла быть прожита безъ несчастныхъ случайностей, и его воображеніе рисовало ему всякаго рода ужасныя неожиданности. Это вѣчное внутреннее безпокойство его тѣмъ болѣе мучило, что Леонардъ не посвящалъ его въ свои дѣла и заботы, отчасти чтобы щадить его крайне чувствительную совѣсть, отчасти же и потому, что онъ считалъ Раймонда нѣсколько наивнымъ человекомъ, которому недоступно пониманіе всего „положительнаго“, практическаго.

— Что это Леонардъ сегодня такой странный? — спросилъ Раймондъ свою невѣстку, переводя на нее взглядъ, которымъ онъ слѣдилъ за удалявшимися шагами Леонарда.

Онъ зналъ, что этотъ вопросъ бесполезенъ, въ виду отношенія Люси къ нему. И все-же онъ обратился къ ней, быть можетъ въ надеждѣ, что, высказавъ свою тревогу, онъ сумѣетъ самъ найти успокоительное объясненіе.

Молодая женщина, занятая выборомъ нужнаго ей оттѣнка шолка, отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Да что же съ нимъ можетъ быть особеннаго? Наверное, ничего серьезнаго. Вы вѣдь сами слышали. У всѣхъ дѣловыхъ людей есть заботы.

Она нашла шолкъ, оторвала нитеу его, вдѣла въ иголку и снова принялась за работу. Тиканіе часовъ звучало громче среди наступившаго полнаго молчанія. Раймонду, который не могъ побороть внутренняго безпокойства, хотѣлось говорить, хотя бы для того, чтобы слышать звукъ собственнаго голоса. Но онъ не рѣшался возобновить разговоръ: эта „обновленная гостинная казалась ему чужимъ домомъ, откуда исчезла всякая интимность вмѣстѣ со старой мебелью. Онъ чувствовалъ врага въ женщинѣ, которая сидѣла противъ него, не поднимая на него глазъ. Запятая архитектора Гастелье прыгали по обоямъ, какъ обрубки змѣиныхъ тѣлъ. Онъ попробовалъ снова взяться за чтеніе, но не понималъ смысла фразъ, мелькавшихъ передъ его глазами. Ему захотѣлось скорѣе уйти домой, остаться наединѣ съ собой, и онъ поднялся ранѣе обыкновеннаго.

— До свиданія, Люси!

Она взглянула на стоявшую передъ ней тщедушную, почти дѣтскую фигуру Раймонда, съ его грустными глазами, и протянула ему кончики пальцевъ.

— Вы уже уходите? До свиданія.

Прежде чѣмъ вернуться въ улицу Перонэ, гдѣ онъ занималъ маленькую холостую квартиру, Раймондъ Перезъ зашелъ въ кофейню. Ему пришла въ голову мысль прочесть газету, которую онъ видѣлъ въ рукахъ брата. Ему ее принесли вмѣстѣ съ стаканомъ грога, въ которому онъ не притронулся. Онъ пробѣжалъ газету, не замѣтивъ въ ней ничего, кромѣ текущихъ новостей. Потомъ онъ сталъ читать ее болѣе внимательно. Онъ подумалъ: „Можетъ быть, дѣло идетъ о чемъ-нибудь непонятномъ для меня“, — и его воображеніе рисовало ему разныя таинственныя дѣла, касающіяся политики. Но взглядъ его упалъ на „Письмо изъ Лондона“. Онъ сначала не обратилъ на него вниманія, не предполагая, что несчастіе могло явиться изъ такого далека. Случайно онъ замѣтилъ имя Франсуазы Десомъ, и ударъ поразилъ его въ самое сердце.

Прошло нѣсколько минутъ. Въ пустой и мрачной залѣ касирша шепталась съ однимъ изъ гарсоновъ. Двое посѣтителей вошли, громко споря. Раймондъ машинально осушилъ свой стаканъ, бросилъ монету на мраморный столѣзъ и вышелъ. Быстро, почти бѣгомъ, онъ пошелъ обратно по бульвару и дошелъ до дома, гдѣ жилъ его братъ. Но подѣ какимъ предлогомъ снова войти къ нему? Чтѣ сказать Фредерику, когда онъ откроетъ дверь, или Люси, если онъ ее встрѣтитъ? Онъ простоялъ минуту въ нерѣшительности на тротуарѣ, и медленно повернулъ

назадъ въ улицу Перонé. Тысячи воспоминаній осаждали его, рисовали ему лицо Франсуазы, возобновляли въ его памяти нѣжные или грустные эпизоды идиллиа, которую онъ пережилъ въ качествѣ свидѣтеля, внося въ нее свое собственное поэтическое чувство и свою нѣжность,—и образы, полные ужаса, вытѣсняли эти воспоминанія. Поднимаясь на лѣстницу, онъ остановился, задыхаясь, спрашивая себя, не ужасный ли все это сонъ? Картины убійства и тюрьмы рисовались ему въ темнотѣ, такія яркія, что онъ боялся лишиться чувствъ. На площадѣ передъ дверью, когда онъ вкладывалъ ключъ въ замокъ двери, онъ вдругъ услышалъ такъ явственно, какъ будто братъ его стоялъ передъ нимъ, голосъ Леонарда, властный, рѣшительный, который повторялъ послѣ многихъ лѣтъ тотъ же отвѣтъ, которымъ онъ когда-то прекращалъ всѣ его доводы въ пользу повинной дѣвушки:

— Милый мой, еслибы слушаться такихъ фантазеровъ, какъ ты, пришлось бы надѣлать много глупостей!

И всѣ ихъ разговоры, происходившіе въ то далекое время, снова звучали въ его ушахъ, какъ бы повторяемые какимъ-то таинственнымъ фонографомъ. Ему припоминались слова, онъ узнавалъ голосъ брата, видѣлъ передъ собой ту аллею Люксембургскаго сада, гдѣ чаще всего велъ эти разговоры съ Леонардомъ. Его собственныя слова звучали въ его памяти, полныя мольбы и отчаянія, и раздававшіеся изъ глубины прошлаго рѣшительные отвѣты Леонарда потрясали его своей жестокостью.

— Увѣряю тебя, что твои старанія напрасны, другъ мой. Да все это вовсе не такъ трагично. Франсуаза утѣшится, она очень благоразумна; я же, въ счастію, чуждъ сентиментальности.

И вслѣдъ за этимъ раздавался голосъ Франсуазы, очень мягкой, слегка дрожащій:

— Чтò же дѣлать, monsieur Раймондъ? Вашъ братъ говоритъ, что онъ не давалъ никакихъ обещаній. Это правда, и я поэтому ничего отъ него не требую.

Его собственный голосъ отвѣчалъ съ отчаяніемъ:

— Но чтò же будетъ съ вами?

И снова молодая дѣвушка отвѣчала увѣреннымъ, спокойнымъ тономъ:

— Я всегда сама зарабатывала себѣ хлѣбъ, а теперь буду работать на двоихъ; я буду любить моего ребенка. Еслибы вы знали, какъ я уже теперь люблю его!

Дверь открылась. Раймондъ ошущью сталъ искать спичекъ, и почти крикнулъ:

— Нѣтъ, она невиновна—это страшная ошибка!

...Уже болѣе часа Леонардъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, какъ запертый въ клетку дикій звѣрь. Окружавшіе его предметы, изящная мебель, книги въ хорошихъ переплетахъ, рѣдкостныя бездѣлушки, свидѣтельствовали объ его достаткѣ и обеспеченности его будущаго. Бюро съ ящичками для бумагъ было переполнено папками съ дѣлами, изъ которыхъ нѣкоторыя обѣщали крупныя выгоды, вѣроятныя успѣхи, можетъ быть славу. На его письменномъ столѣ, рядомъ съ чернильницей въ видѣ японской химеры, стоялъ въ серебряной рамкѣ портретъ Люси, въ бальномъ туалетѣ, сдѣланный, когда она была невѣстой. Этотъ нѣсколько прикрашенный портретъ свидѣтельствовалъ о продолжающихся хорошихъ отношеніяхъ между мужемъ и женою. Съ другой стороны стола, въ бархатной рамкѣ, стояла большая фотографическая карточка Марва и Раймонды. Раймонда, пухленькая, съ прелестной улыбкой, показывавшей ямочки на щекахъ, сидѣла рядомъ съ Маркомъ, болѣе серьезнымъ въ своемъ первомъ костюмѣ мальчика, съ маленькимъ личикомъ слишкомъ вдумчиваго ребенка, съ худенькими ножками. Эти два портрета, стоящіе на столѣ, у котораго онъ трудился для своей семьи, представляли для него самую драгоценную, самую существенную сторону его существованія. Глядя на нихъ, онъ по своему умилялся, думалъ о блестящей судьбѣ, которую его усилія готовили двумъ дѣтямъ, и представлялъ себѣ въ мечтахъ, какъ сложится эта судьба. Маркъ пойдетъ по судейской части, будетъ прокуроромъ, первымъ предсѣдателемъ суда. Раймонда выйдетъ замужъ за богатаго, виднаго, можетъ быть даже титулованнаго человѣка. Онъ наслаждался этими перспективами, — надежды его были очень смѣлыя, — и сердце его преисполнялось гордостью. Но вотъ вдругъ огромная волна прошлаго надвинулась на него, заливала его кровью и позоромъ, и онъ очутился въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго крушеніе, дрожащаго и покинутаго подъ грозою.

Въ первую минуту въ немъ поднялся только бѣшенный протестъ противъ самаго факта, безумное желаніе во что бы то ни стало отряхнуть кошмаръ, избавиться отъ темной силы, которая его уничтожала. Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, какъ въ борьбѣ, въ которой болѣе слабый не сразу сдается, а сопротивляется. Сначала ему какъ будто удалось высвободиться рѣзкимъ движеніемъ: „Меня это не касается, — подумалъ онъ, — я тутъ ни при чемъ“. Но онъ сейчасъ же повялъ безполезность этой внутренней лжи, похожей на то, какъ еслибы кормчій сталъ вдругъ отрицать бурю въ моментъ, когда она ломаетъ руль. Тогда онъ сталъ

по адвокатской привычѣ, защищать себя разными доводами. Его романъ съ Франсуазой въ концѣ концовъ—очень обыкновенный. Много молодыхъ людей встрѣчаются съ свободными женщинами, тоже ищущими любви; онѣ отдаются, ничего не требуя; ихъ берутъ, ничего не обѣщая. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно не думаютъ о будущемъ, отдаются увлеченію до тѣхъ поръ, пока связь не разрывается такъ же легко, какъ она образовалась. Но вотъ появляется ребенокъ... Тутъ его доводы пошатнулись, мысли спутались, и онъ сталъ пытаться рассуждать дальше, какъ продолжаютъ защитительную рѣчь, потерявъ руководящую нить. Тѣ, которые могутъ... ну да, конечно, кто можетъ, исполняетъ свой долгъ, и это тѣмъ лучше... Но вѣдь онъ зависѣлъ отъ очень строгаго отца, который не пошелъ бы ни на какія уступки... онъ не могъ поэтому... Къ тому же Франсуаза ничего не требовала. Еслибы она плакала или угрожала, какъ другія—какъ знать, можетъ быть тогда у него хватило бы смѣлости... Но все обошлось такъ спокойно. Мужественная и гордая—слишкомъ гордая—Франсуаза принимала на себя послѣдствія ихъ общей вины и исчезла изъ его жизни безъ упрековъ, безъ сценъ. Легкая нить порвалась безъ усилій, такъ что онъ едва замѣтилъ разрывъ и скоро забылъ. Вѣдь многіе такъ поступаютъ... Обыкновенно жизнь покрываетъ забвеніемъ подобныя эпизоды.

...Ну да, конечно, онъ забылъ о Франсуазѣ.

Онъ переживалъ тогда тотъ важный моментъ, когда опредѣляется карьера человѣка и устанавливается фундаментъ для всей дальнѣйшей жизни. Онъ очень много работалъ, готовился къ окончательному экзамену, и среди всего этого мысль о бывшей возлюбленной совершенно улетучилась изъ его памяти. Не будь Раймонда съ его сожалѣніями о судьбѣ Франсуазы, онъ бы только радовался, что такъ легко повончилъ съ этимъ увлеченіемъ молодости. Вскорѣ послѣ того онъ познакомился съ Люси, женился и передъ свадьбой сжегъ локонъ волосъ, портретъ, нѣсколько писемъ:—это было все, что у него осталось отъ Франсуазы. И съ тѣхъ поръ почти никогда, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ короткихъ минутъ мечтательной тоски, мысли его не возвращались къ женщинѣ, которая была ему близка въ теченіе полугода. Онъ окончательно забылъ ее, такъ что теперь едва могъ извлечь изъ мрака прошлаго неопредѣленныя черты молодой женщины—ея свѣжее, красивое личико въ рамѣ свѣтлыхъ волосъ, ея хрупкую, тонкую фигурку, ея нѣжность, относительно которой у него изгладилось всякое впечатлѣніе. Что случилось съ нею за эти годы? Онъ такъ же не зналъ этого, какъ не знаетъ

корабль, куда уходятъ волны, разсѣченные имъ. Увы! онъ ничего не зналъ и о ребенкѣ, этой невѣдомой сестрѣ Марка и Раймонды, тѣло которой унесла Темза въ своемъ быстромъ теченіи... Неопредѣленный образъ бѣдной дѣвочки, быть можетъ блондинки, какъ Франсуаза, или брюнетки, какъ онъ самъ, остановилъ его защитительную рѣчь. Онъ замѣтилъ, что искажаетъ факты, или невѣрно освѣщаетъ ихъ, и что это—совершенно лишнее, потому что онъ самъ свой судья. И въ отчаяніи отъ того, что онъ не можетъ вернуть прошлаго, онъ заломилъ руки.

Потомъ, возвращаясь къ своей первой мысли, онъ сѣлъ къ столу, стукнулъ кулакомъ по лежащимъ передъ нимъ бумагамъ и воскликнулъ:

— Почему со мной случается то, чего не бываетъ ни съ кѣмъ другимъ? Почему такое горе обрушилось именно на меня?

Это былъ отчаянный крикъ его застигнутого врасплохъ эгоизма, столь же бесполезный, какъ крики потерпѣвшихъ крушеніе, когда буря разсѣиваетъ ихъ по волнамъ. И въ эту минуту ему припомнились слова брата: „зеркало правды“... Дѣйствительно, зеркало стояло теперь передъ нимъ; онъ увидѣлъ въ немъ свой образъ, сначала неясный, какъ неточный фотографическій снимокъ, который можно сдѣлать болѣе опредѣленнымъ, продливъ немного дѣйствіе свѣта... Ему становилось страшно... Онъ напрягъ всѣ силы, чтобы уйти отъ призрака, протягивавшаго ему руки.

Раймондъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ при слабомъ освѣщеніи лампы смутно видѣлись книги и неясны очертанія нѣсколькихъ гипсовыхъ снимковъ съ его любимыхъ скульптурныхъ произведеній. Раймондъ собиралъ свои воспоминанія, обдумывалъ планъ дѣйствія. Въ то время какъ братъ его думалъ только о своей семьѣ, о своей карьерѣ и о самомъ себѣ, онъ занятъ былъ исключительно мыслями о Франсуазѣ. Это отрѣшеніе отъ себя упрощало его задачу или, по крайней мѣрѣ, облегчало созиданіе романтическихъ плановъ. Впрочемъ, память его была болѣе вооружена, чѣмъ память Леонарда, и онъ могъ освѣтить ее, потому что въ теченіе долгаго времени имя молодой женщины часто появлялось на страницахъ его дневника. Онъ сталъ перелистывать старыя тетради, и нашелъ въ нихъ всѣ свои прежнія впечатлѣнія, сохраненныя какъ засушенные цвѣты между страницами гербарія. Онъ сталъ ихъ перечитывать:

„Какое очаровательное созданіе маленькая Анжелика (этимъ вымышленнымъ именемъ онъ называлъ Франсуазу въ своихъ

дневникахъ, обозначая своего брата именемъ Теодора, а себя называя Доркисомъ)! Она вся—грація и любовь. У нея свѣтлыя волосы, нѣжныя глаза, маленький носъ, маленький улыбающійся ротъ и нѣжная, беззаботная и веселая душа, созданная для того, чтобы порхать по цвѣтамъ, какъ бабочка. Все ее радуетъ; она ничего не боится; она обладаетъ божественнымъ невѣдѣниемъ и яснымъ довѣріемъ къ жизни—этими истинно-небесными качествами. Добродѣтельныя женщины осуждаютъ ее, но Анжелика не знаетъ, что такое зло, и потому неповинна въ немъ. Она любитъ и отдается какъ цвѣтокъ, который раскрывается и распространяетъ свое благоуханіе, потому что этого требуетъ таинственная гармонія жизни, создавшая ее для любви. Когда она бѣгаетъ по цвѣтушимъ лугамъ, то ясно чувствуется, что земля—ея садъ. Чужіе люди улыбаются отъ удовольствія, глядя на нее. Мнѣ кажется, что еслибы Анжелика полюбила Доркиса, у него не было бы никакого другого желанія, кромѣ того, чтобы выывать улыбку на ея губахъ и погружаться въ ея нѣжную душу, какъ капля росы въ чашечки весеннихъ цвѣтовъ. Но Доркисъ—жалкое существо, котораго она не замѣчаетъ. Она любитъ Теодора, потому что онъ—сильный и блестящій, и потому что нельзя знать его и не полюбить. А Теодоръ—увы!—въ своемъ желаніи покорить міръ, быть можетъ, уберетъ улыбку на ея губахъ и довѣрчивость въ ея сердцѣ“...

Эта страница написана была послѣ завтрака въ Медонскомъ лѣсу, когда влюбленные взяли съ собой маленькаго брата, не подумавъ о томъ, что зрѣлище счастливой любви не можетъ радовать обиженныхъ судьбой. За этой записью слѣдовало много другихъ въ дневникѣ Раймонда, и въ ихъ тонѣ проявлялось какое-то скрытое чувство сожалѣнія о безрадостной молодости, а также глубокая и чистая привязанность къ нѣжной, беззаботной и доброй подругѣ, которая часто протягивала щеку для поцѣлуя печальному товарищу, не подозревая, какъ она его этимъ смущаетъ. Ароматъ этихъ поцѣлуевъ—единственныхъ, которые онъ извѣдалъ въ жизни—какъ бы выплылъ на минуту изъ пожелтѣвшихъ листовъ и разсѣялся среди охватившихъ Раймонда трагическихъ чувствъ.

Идиллія заванчивалась—какъ множество другихъ—безъ бури, между послѣдними улыбками послѣднихъ свиданій и первыми слезами первыхъ часовъ разлуки. Раймондъ остановился на той страницѣ дневника, на которой, уже не прибѣгая къ поэтическимъ пастушескимъ именамъ, онъ излилъ свою горечь и свое негодованіе, вызванное этой развязкой:

„Какъ удивительна иногда игра судьбы! Л... несомнѣнно честный человекъ; я это знаю, я въ этомъ увѣренъ, у меня на это есть тысячи доказательствъ. А между тѣмъ онъ, несмотря на свою доброту, совершаетъ постыдную жестокость; онъ покидаетъ свою возлюбленную, которая готовится стать матерью, не понимая, что это преступленіе открываетъ рядъ послѣдствій, которые страшно предвидѣть. Оказывается, что мнѣ стыдно за него, и что только я проливаю за нее слезы. Неужели же такая цѣпь можетъ такъ легко разбиться? Они оба ослѣплены, онъ—своимъ честолюбіемъ, она—своимъ невѣдѣніемъ. Она столь же бессознательна въ своемъ мужествѣ, какъ онъ—въ своемъ эгоизмѣ. Онъ подумалъ: „я не хочу этого ребенка, и я его устраняю“; она сказала себѣ: „ребенокъ мой, и я одна буду заботиться о немъ“. Онъ подумалъ: „ребенокъ стѣснилъ бы мою жизнь, и я предпочитаю лишить его отца“; она сказала: „достаточно ему имѣть мать; я посвящу ему всю мою жизнь“. Я знаю, что она—настоящая волшебница и творить чудеса своей иглой. Я знаю также, что Л... долженъ блистать въ свѣтѣ, потому что онъ любить блескъ и имѣть нужныя для успѣха качества. Боже! еслибы я былъ на его мѣстѣ,—какъ бы всѣ мои честолюбивыя желанія разсѣялись при мысли о ребенкѣ, котораго я призвалъ къ жизни. Но я не хочу судить его: я сокрою въ глубинѣ сердца воспоминаніе о часахъ, когда я сомнѣвался въ немъ. Я хотѣлъ бы вѣрить въ Бога, чтобы молить Его о снисхожденіи къ честолюбцу, отказавшемуся выполнить свой долгъ, и о томъ, чтобы Онъ охранилъ мать, которая слишкомъ надѣялась на свои силы, и которую я больше не увижу“.

Когда Раймондъ писалъ эти строки, онъ думалъ, что маленькая Анжелика совершенно исчезнетъ съ его горизонта. Но событія сложились не такъ, какъ онъ думалъ. Собираясь ѣхать въ Лондонъ, гдѣ ей предложено было выгодное мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ на Риджентъ-Стритъ, Франсуаза серьезно заболѣла. Отказавшись отъ денегъ, предложенныхъ Леонардомъ, она оказалась почти безъ всякихъ средствъ. Тогда Раймондъ пришелъ ей на помощь, что породило благодарность и дружбу съ ея стороны; а потомъ, когда, выздоровѣвъ, Франсуаза уѣхала въ Лондонъ, между нею и Раймондомъ началась частая переписка. Всѣ ея письма лежали, собранныя, рядомъ съ дневниками, въ которыхъ часто упоминалось имя маленькой Анжелики. Въ тишинѣ медленно тянувшейся ночи Раймондъ ихъ всѣ перечиталъ: всегда довѣрчивыя, неунывающія, сначала ничего не говорившія о трудностяхъ перваго времени, потомъ радостно от-

мѣчавшія удачи, письма Франсуазы полны были подробностей о ребенкѣ, дружескихъ сообщеній и очень мѣткихъ и остроумныхъ описаній лондонской жизни. Въ каждомъ письмѣ чувствовалось глубокое материнское чувство, спокойное и простое, выраженіе котораго разрушало страшное обвиненіе:

„Не думайте, что я скучаю или тоскую; моя маленькая Орели наполняетъ мою жизнь. Когда ея нѣтъ подлѣ меня, я о ней думаю; а какъ только она со мной, я такъ счастлива, что не промѣнила бы мою судьбу на судьбу самой королевы“.

Въ другомъ письмѣ Раймондъ прочелъ слѣдующее:

„Мнѣ кажется, дорогой Раймондъ, что я не знала до сихъ поръ радости, хотя и думала, что испытываю ее, живя беззаботно. Я познала радость только теперь, когда принадлежу маленькому существу, доставляющему мнѣ, однако, и много муки. Вѣроятно не можетъ быть радости безъ муки. У Орели былъ недавно ложный крупъ. Какъ я перепугалась! Какія страшныя мученія! Но зато и какое счастье, когда докторъ сказалъ, что никакой опасности нѣтъ. И все-таки я до сихъ поръ не могу оправиться отъ нервнаго потрясенія. Я до сихъ поръ никогда не думала, что могу потерять мою дочь. Теперь эта мысль иногда приходитъ мнѣ въ голову. И это ужасно. Но я такъ буду оберегать ее, что никакая болѣзнь не посмѣетъ коснуться ея. Изъ-за нея я готова вступить въ бой съ самой смертью“...

Въ другомъ письмѣ, къ которому приложена была рождественская поздравительная карточка съ изображеніемъ вогтѣджа, засыпаннаго снѣгомъ и озареннаго луной, Франсуаза писала:

„Я пробираюсь сквозь туманъ, не вида его, и такая радостная, точно южное солнце озаряетъ мрачный городъ,—а все это оттого, что я возвращаюсь въ мой lodging, гдѣ Орели ждетъ меня, охраняемая м-съ Дьюкъ. О, еслибы вы знали м-съ Дьюкъ, высокую, величественную м-съ Дьюкъ, важную жену важнаго продавца трубокъ; я у нея наняла нижній этажъ ея дома, и она ведетъ мое хозяйство. Еслибъ вы видѣли ея бирюзоваго цвѣта капоть, въ достаточной степени усѣянный жирными пятнами, всевозможными, круглыми, овальными, четырехугольными, всѣхъ видовъ и всѣхъ размѣровъ! Еслибъ вы видѣли пряди ея почтенныхъ волосъ, которыя спускаются вдоль ея щекъ, какъ веревочки, смазанныя помадой! Еслибъ вы слышали ея французскій языкъ, на которомъ она говоритъ со мной для практики, излагая мнѣ принципы методизма! Она принадлежитъ къ селѣ, которая одна только и спасется въ будущей жизни, и потому она непременно хочетъ обратить меня въ свою вѣру. При всѣхъ

этихъ маленькихъ слабостяхъ, м-съ Дьюкъ — славная женщина; и къ тому же она питаетъ слабость къ Орели, которую считаетъ прекрасной какъ ангелъ, очень развитой для своихъ лѣтъ — гораздо болѣе развитой, чѣмъ ея англійскія сверстницы. А мнѣ, конечно, ничего больше и не надо, потому что Орели для меня — все“...

Еще въ одномъ письмѣ она писала:

„Сегодня очень важная заказчица похвалила сдѣланную мною шляпу. Я очень обрадовалась; значить, я не стала хуже работать, и меня не пошлютъ въ Парижъ для усовершенствованія, какъ это иногда дѣлается. Такая поѣздка дорого бы стояла. Конечно, меня иногда тянетъ на родину, и я съ тоской мечтаю о берегахъ Сены. Но когда является эта мысль, я сейчас же говорю себѣ: „Нѣтъ, нѣтъ, я здѣсь ради Орели; ради нея я дышу туманомъ, глотаю дымъ и сдѣлалась очень экономной. Боже, какъ это хорошо — дымъ, туманъ и экономія!“ Тогда я начинаю обнимать мою шалунью, она тоже меня обнимаетъ, и я чувствую, что нѣтъ для меня другого счастья, и что съ ней мнѣ хорошо повсюду“.

Какіе судьи, читая эти письма, подумали бы, что ихъ можно писать преступница?!

Мало-по-малу, время все-таки сдѣлало свое, и письма стали рѣже приходить и сдѣлались болѣе краткими. Но Раймонду пришлось провести нѣсколько дней въ Лондонѣ, для занятій въ библиотекѣ. Онъ свидѣлся съ Франсуазой — съ волненіемъ, котораго, однако, лицо его не выдавало, — побывалъ у нея въ Чилси, въ ея квартирѣ, гдѣ познакомился съ Орели и м-съ Дьюкъ. Домикъ, въ которомъ она жила, былъ классическимъ англійскимъ lodging'омъ, безличнымъ и удобнымъ, со своимъ bow-window, съ хорошимъ чернымъ каминомъ, широкимъ кресломъ изъ коричневой кожи, массивнымъ столомъ и большимъ буфетомъ изъ красного дерева. Окно открывалось на маленькую улицу; и два ряда одинаковыхъ домовъ, съ закопченными сверху до низу дымомъ стѣнами, спускались прямо къ старой часовнѣ, стоявшей на дугу. Домъ и улица производили то впечатлѣніе унылаго однообразія, которое поражаетъ иностранцевъ. М-съ Дьюкъ, съ ея бирюзоваго цвѣта капотомъ, на которомъ съ каждымъ годомъ прибавлялись новыя пятна, со своими напوماженными волосами, съ торжественностью cadaго своего жеста, казалась вышедшей изъ романа Диккенса. Орели, толстенькая, свѣжая, розовая, нарядная; перемѣшивала французскія слова съ англійскими, треща какъ не особенно хорошо воспитанный попугай. Франсуаза сіяла, глядя

на нее; молодая женщина была такъ же красива, какъ и прежде, почти такъ же свѣжа, но болѣе серьезна; губы ея не такъ часто улыбались, и въ глазахъ было больше задумчивости. Но она казалась совершенно счастливою, безъ всякой горечи говорила о Леонардѣ, равнодушно узнала, что онъ женатъ. Въ ней окончательно умерло существо, жившее любовью въ прежніе безумные годы; Раймондъ видѣлъ передъ собой только мать, всецѣло преданную мысли о ребенкѣ. Онъ преклонился передъ ея добродѣтелью, хотя не могъ не сожалѣть о маленькой Анжеликѣ, смутный образъ которой сохранился только въ его дневникѣ и въ его памяти. „Всѣ мѣняются, — сказалъ онъ себѣ, думая также и о братѣ: — у меня одного только остаются все тѣ же желанія, потому что я знаю, что они неисполнимы“...

Они пообедали вмѣстѣ въ ресторанѣ на Стрэндѣ, въ сопровожденіи м-съ Дьюкъ, и расстались, общая чаще писать другъ другу. Раймондъ, дѣйствительно, получилъ еще нѣсколько очень милыхъ и дружескихъ писемъ, главное содержаніе которыхъ сводилось къ рассказамъ объ Орели. Въ нихъ отражалась все та же исключительная, страстная материнская любовь, та же восторженность, та же веселость и вѣжность. Потомъ опять письма стали приходить рѣже, потомъ совсѣмъ прекратились. Почему?

Послѣднее письмо написано было два года тому назадъ. Почему же съ тѣхъ поръ полное забвеніе смѣнило дружескія, почти братскія отношенія? Что означало это молчаніе, такъ трагично прерванное десятью строчками въ газетѣ? Вотъ этого Раймондъ не зналъ и не смогъ бы объяснить судьямъ, и это открывало безконечное поле для предположеній. Бываетъ столько непредвидѣнныхъ столкновеній, которыя могутъ потрясти душу до самой глубины; есть такъ много таинственныхъ причинъ, нарушающихъ спокойное теченіе жизни. Что если Франсуазѣ надоѣлъ Чильси, lodging, м-съ Дьюкъ? Что если въ ней проснулась страстная натура, бессознательная и пламенная, какъ при встрѣчѣ съ Леонардомъ? Если маленькая Орели стала занимать въ ея сердцѣ второе мѣсто, не болѣе, и мало-по-малу превратилась въ бремя, въ мертвую тяжесть, — если въ сердцѣ ея проснулось сожалѣніе о прошломъ, преступное желаніе относительно прошлаго, если она сказала себѣ: „Лучше бы этому ребенку не родиться на свѣтъ“?! Побѣжденный этими мыслями, Раймондъ сталъ сомнѣваться. Подозрѣнія, которыя онъ сначала устранялъ, снова подступили къ нему. Онъ всѣми силами старался снова ихъ отогнать.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! этого быть не можетъ, это было бы чудовищно!

Но сомнѣніе отравляло его скорбь.

— Боже мой, какъ узнать?

Такія же подозрѣнія, такія же сомнѣнія мучили душу Леонарда.

Онъ считалъ свою исторію съ Франсуазой похороненной въ далекомъ прошломъ. Онъ никогда не выдвигалъ ее изъ далекаго угла своей памяти, куда запряталъ ее, какъ ненужную бумагу, которую бросаютъ куда-нибудь далеко въ ящикъ. Теперь она вдругъ воскресла передъ нимъ, не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ ее только-что себѣ, какъ оправдательный доводъ, а во всей своей безпощадной правдѣ. Слова, которыя онъ говорилъ, мысли, въ которыхъ онъ не сознавался, мало-по-малу выступали изъ прошлаго. И теперь, когда никакое сожалѣніе, никакое усиліе, не могли ни уничтожить ихъ, ни измѣнить ихъ далекія послѣдствія, они вдругъ обнаружили свой истинный смыслъ. Какая-то скрытая сила возобновляла въ его памяти всѣ подробности разрыва — тѣхъ часовъ, которые навсегда опредѣлили судьбу его и Франсуазы. Подобно Раймонду, онъ слышалъ голоса — тѣ же, но которые приносили ему иные отзвуки. Сначала, когда онъ узналъ о томъ, что Франсуаза готовится стать матерью, онъ самымъ грубымъ образомъ воскликнулъ:

— Вотъ непріятный сюрприз!

И Франсуаза отвѣтила съ ясной беззаботностью:

— Почему? Я буду очень рада ребенку.

Кромѣ словъ, раздававшихся изъ глубины времени, онъ слышалъ еще другіе голоса, которыхъ никто кромѣ него не слышалъ, потому что они звучали только въ его сердцѣ. Они высказывали низменные страхи, мелкія заботы, преступныя желанія, которыя въ совокупности привели его къ рѣшенію „покончить со-всѣмъ этимъ“. Онъ принялъ это рѣшеніе холодно, осторожно, въ твердой увѣренности, что разрывъ произойдетъ безъ револьверовъ или сѣрвой кислоты. Затѣмъ онъ услышалъ голосъ Раймонда, который не зналъ жизни, но по глубокой интуиціи понималъ все человѣчное. Голосъ этотъ долго говорилъ, отказываясь сдаться, перемѣшивая логическіе доводы съ просьбами, и все повторяя въ заключеніе одно и то же:

— Ты ни въ чемъ не можешь упрекнуть ее. Она станетъ матерью. Женись на ней!

Теперь онъ слушалъ до конца этотъ дрожащій отъ волненія голосъ, не чувствуя ни малѣйшаго желанія насмѣхаться надъ нимъ, а между тѣмъ тогда... И онъ услышалъ — о, ужасъ! — смѣхъ, да, звонкій смѣхъ жуира, презрительный смѣхъ, съ которымъ онъ отнесся тогда къ „чудовищной глупости“, а также свой рѣзкій отвѣтъ Раймонду:

— Милый мой, сильный человекъ не создаетъ себѣ препятствій въ самомъ началѣ жизненнаго пути!

Онъ видѣлъ теперь передъ собой грустные, полные упрековъ глаза своего брата, который ничего больше не сказалъ, и ему вспомнились слова, которыми онъ хотѣлъ утѣшить Раймонда. Онъ потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Полно, полно! Не смотри такъ трагично на вещи, чортъ побери! Не такъ это страшно, какъ ты думаешь. Когда ты поближе узнаешь жизнь, ты будешь не такъ говорить.

Раймондъ отвѣтилъ съ робкой настойчивостью:

— Ты, по крайней мѣрѣ, признаешь ребенка? Будешь помогать матери?

— Конечно, я поступлю вполне корректно, сдѣлаю все, что могу.

Онъ припомнилъ свой жестъ раздосадованнаго, но рѣшившагося сохранить полное равнодушіе человека — когда почтальонъ принесъ ему обратно посланное имъ денежное письмо (со вложеніемъ двухъ тысячъ франковъ), отъ принятія котораго Франсуаза отказалась. Такъ какъ при этомъ, къ его большому неудовольствію, присутствовалъ Раймондъ, то Леонардъ скрылъ свою досаду, сунулъ письмо въ карманъ и сказалъ ему — вновь послышался тогдашній звукъ его голоса:

— Зачѣмъ это она напускаетъ на себя гордость и деликатность!

— Нѣтъ, Леонардъ, не напускаетъ. Она дѣйствительно горда и деликатна.

— Ну что жъ, — пусть поступаетъ какъ хочетъ.

Быть можетъ, унижительность этого отказа и была причиной, помѣшавшей ему подумать о другой, столь справедливой сторонѣ своего полу-обѣщанія: о томъ, чтобы признать ребенка. Никто ему больше объ этомъ не говорилъ, — и онъ считалъ, что всѣ счеты покончены. Отъ времени до времени мысль о маленькомъ существѣ мелькала въ его умѣ; но онъ не останавливалъ ее; она отлетала, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Что бы тамъ ни было, — въ немъ очевидно не нуждаются, потому что отъ него ничего не требуютъ. А теперь...

Около одиннадцати часовъ Люси показала въ дверяхъ кабинета. Ея мужъ, наклонившійся надъ письменнымъ столомъ и сидѣвшій держа голову въ рукахъ, не замѣтилъ, какъ она вошла.

— Что съ тобой?—воскликнула она: что случилось?

Леонардъ вздрогнулъ, сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы придать своему искаженному лицу болѣе спокойное выраженіе, и принужденно улыбнулся.

— Ничего особеннаго: я усталъ... и заснулъ надъ папкой съ дѣлами.

Трудно прочесть правду на самомъ знакомомъ лицѣ, если оно хочетъ остаться незамеченнымъ. Люси повѣрила его объясненію. Она подошла къ столу, поставила на мѣсто нѣсколько бездѣлушекъ, какъ хорошая хозяйка, постоянно думающая о порядкѣ, сѣла на кресло, предназначенное для кліентовъ, и заговорила о занимавшихъ ее мелкихъ дѣлахъ. Обойщикъ повѣсилъ драпри по сдѣланнымъ ему указаніямъ.

— Никогда нельзя добиться того, что хочешь, отъ мастеровъ своего дѣла. Они все дѣлаютъ по своему. Нужно будетъ къ тому же внимательно провѣрить счетъ.

Леонардъ согласился:

— Конечно.

— Да вотъ еще что: м-мъ Летерье, жена члена кассационнаго суда, не оплатила визита, сдѣланнаго ей уже болѣе мѣсяца тому назадъ. Что это значить? Ты это можешь понять?

— У нея, кажется, гриппъ,—сказалъ Леонардъ.

— Гриппъ? Очень ужъ онъ у нея часто бываетъ... Ну, да это неважно.

Помолчавъ немного, Люси заговорила о болѣе важномъ дѣлѣ, которое ее очень занимало: о крестѣ почетнаго легіона, который вліятельные друзья хотѣли выхлопотать для Гастелье къ новому году; теперь опять это отложено, вслѣдствіе интригъ разныхъ людей.

— Но 14-го іюля онъ навѣрное его получить. Я встрѣтилъ Нагеля сегодня на улицѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что мы можемъ рассчитывать на это. Гастелье дѣйствительно заслужилъ орденъ, —проговорилъ Леонардъ, не слушая своихъ собственныхъ словъ.

— Несомнѣнно, и никто этого не станетъ отрицать... Онъ сдѣлалъ прекрасныя работы въ послѣднее время... Но и ты, мой другъ, тоже имѣлъ бы право на крестъ... И этимъ нужно заняться какъ разъ теперь. Все должно дѣлаться въ свое время, т.-е. какъ можно раньше. Если ты получишь орденъ въ сорокъ-пять лѣтъ, то къ чему это тебѣ будетъ? А въ твоемъ

теперешнемъ возрастѣ это большой возмръ для твоей карьеры... Когда у тебя будетъ крестъ...

Она продолжала говорить въ томъ же родѣ, разматывая клубокъ своего супружескаго честолюбія. Временами ея голосъ становился угрожающимъ: она нападала на противниковъ, или разбивала интриги завистниковъ. Но вдругъ она замѣтила, что Леонардъ не слушаетъ ея.

— Ну, что это?—воскликнула она,—почему ты такъ равнодушенъ въ результатамъ своей работы? Какъ только заговоришь съ тобой о чемъ-нибудь практическомъ, ты засыпаешь. Спокойной ночи!

...Виновна она, или нѣтъ? Какъ это знать? Все возможно въ жизни бѣдныхъ повинутыхъ женщинъ, которыхъ окружаютъ тысячи опасностей, которымъ всё не довѣряютъ. Правосудіе тоже готово обрушиться на нихъ при малѣйшемъ подозрѣніи; онѣ—наиболѣе подходящій матеріалъ для самыхъ трагическихъ судебныхъ ошибокъ,—для тѣхъ, которыхъ невозможно поправить и которыя остаются на вѣки схороненными въ общей могилѣ неузнанныхъ несправедливостей. Но зачѣмъ предвѣщать столь мрачныя осложненія? Даже въ самыхъ таинственныхъ дѣлахъ истина въ большинствѣ случаевъ обнаруживается, или во время слѣдствія, или на судѣ. Можетъ быть, то же будетъ и относительно Франсуазы... Онъ ухватился за эту надежду, такъ же, какъ прежде хотѣлъ обмануть самого себя собственными выдумками. Перѣзъ сталъ развивать мелькнувшую въ его умѣ успокоительную мысль: да, такъ все это и произойдетъ. Франсуаза выйдетъ изъ суда оправданная, обѣленная въ общественномъ мнѣніи, но безъ всякихъ средствъ, быть можетъ—больная. Тогда онъ поспѣшитъ ей помочь. Она ему скажетъ: „Я на васъ не сержусь—случилось несчастное недоразумѣніе, въ которомъ ни вы, ни я не виноваты“. Кошмаръ разсѣется, онъ его забудетъ, искупивъ свою давнишнюю вину великодушнымъ поступкомъ, и все успокоится, какъ море послѣ разсѣявшейся бури.—Но въ то время какъ онъ предавался этому оптимизму, столь свойственному его характеру, дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ почувствовалъ, что обманывается и тѣшитъ себя пустыми словами,—жизнь его никогда не станетъ тѣмъ, чѣмъ была еще за два часа до того. Онъ не сможетъ уже никогда беззаботно ласкать своихъ дѣтей, радоваться надеждамъ на ихъ будущее. Между ними и имъ, между нимъ и всѣмъ свѣтомъ сталъ маленький дѣтскій трутъ, вздувшійся отъ воды, и эта страшная тайна, развязка которой, быть можетъ... Его глаза широко раскрылись отъ ужаса: нѣтъ

сомнѣнія, Франсуаза виновата; ее осудятъ, и черный флагъ поднимется надъ Ньюгэтской тюрьмой...

Онъ едва удержалъ крикъ ужаса и закрылъ лицо руками.

IV.

Раймондъ Перезъ рано утромъ позвонилъ у дверей своего брата. Буря его ощущеній улеглась въ теченіе безсонной ночи. Одна только мысль держалась въ его мозгу, разгоряченномъ воспоминаніями и лихорадочнымъ придумываніемъ разныхъ плановъ. Мысль эта была совершенно опредѣленная и категорическая, исключавшая всякія колебанія: Франсуаза не можетъ быть виновной, — значитъ, ее нужно спасти. Его воображеніе устремилось по этому слѣду, зажгло въ его немощномъ тѣлѣ духъ приключеній, романтическую жажду дѣйствія. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что братъ его пережилъ тотъ же кризисъ: „Но онъ, къ тому же, — думалъ Раймондъ, — знаетъ законы, умѣетъ вліять на людей; онъ умѣетъ справляться съ обстоятельствами, не пугается никакой трудности, и навѣрное уже придумалъ какой-нибудь планъ для спасенія ея“.

Трагическое событіе не ослабило вѣру Раймонда въ его брата. Но вѣра эта нѣсколько поколебалась, когда Фредерикъ отворилъ ему дверь въ передникѣ, съ метелкой подъ мышкой, и сказалъ:

— Баринъ ушелъ.

Раймондъ стоялъ съ растеряннымъ видомъ передъ лавеемъ, на толстомъ лицѣ котораго появилось выраженіе злораднаго любопытства. Раймондъ повторилъ его слова:

— Ушелъ?.. Ушелъ?.. Куда онъ могъ уйти?

Этотъ вопросъ, конечно, не былъ обращенъ къ Фредерику, который, однако, послѣшилъ отвѣтить на него нѣсколько дерзкимъ тономъ, усвоеннымъ имъ по примѣру барыни въ обращеніи съ Раймондомъ:

— Этого я не могу знать. Баринъ не имѣетъ обыкновенія говорить, куда онъ идетъ. Онъ ушелъ очень рано, даже не выпивъ шоколада.

Видя, что Раймондъ продолжаетъ неподвижно стоять въ раздумьи, Фредерикъ прибавилъ не безъ лукавства:

— Не желаете ли вы видѣть барыню? Онѣ еще не вышли, но...

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ нужно видѣть брата.

Лакеемъ развелъ руками и наклонилъ голову, морща лобъ вы-

разительнымъ жестомъ, какъ бы говоря: — Вы слишкомъ многого отъ меня требуете.

— А что если случайно баринъ скоро вернется? — снисходительно спросилъ онъ.

— Придите тогда, пожалуйста, за мной. Я буду весь день дома. И во всякомъ случаѣ я приду сегодня къ обѣду. Напомните баринѣ, что я приведу английскую гостью.

... „Куда Леонардъ могъ уйти? Неужели у него могутъ быть теперь другія заботы, другія мысли? Или онъ уже дѣлаетъ попытку что-нибудь предпринять, какъ сильный и дѣятельный человѣкъ, который знаетъ цѣну времени и сразу рѣшаетъ, что надо сдѣлать“? Въ виду невозможности отвѣтить на всѣ эти вопросы, Раймондъ вдругъ понялъ, что онъ не знаетъ своего брата: съ дѣтства онъ слѣдилъ за его жизнью изо дня въ день, почти съ часа на часъ, — а между тѣмъ не могъ догадаться о томъ, что происходитъ въ его душѣ въ столь роковой часъ. Омраченный дурными предчувствіями, онъ вернулся домой, гдѣ его дождался его слуга, Эдмондъ — почтенный старикъ, служившій прежде *maitre d'hôtel* емъ въ барскомъ домѣ, очень представительный, съ торжественно-почтительными манерами. Онъ осмѣлился упрекнуть своимъ тоненькимъ голосомъ барина за то, что онъ вышелъ изъ дому, не принявъ нужныхъ предосторожностей.

— Вѣдь вы знаете, баринъ, что вы легко простуживаетесь. Зачѣмъ вы такъ неосторожны?

Адвокатъ Перезъ просто вышелъ изъ дому по дѣламъ, какъ работникъ идетъ на работу, не взирая на свои личные горести и заботы. Ему не хотѣлось видѣть брата, чтобы не краснѣть передъ человѣкомъ, къ которому онъ относился всегда съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Ему не хотѣлось говорить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ приметъ какое-нибудь рѣшеніе. Но для этого нужно было вооружиться хладнокровіемъ, ясностью пониманія, мужествомъ. Онъ надѣялся, что все это, утраченное въ первую минуту испуга, вернется къ нему, когда онъ предается обычнымъ занятіямъ. Дневныя заботы прогонять ночной кошмаръ. Но въ тотъ утренній часъ, въ который Леонардъ очутился на улицѣ, у адвоката не можетъ быть работы внѣ его кабинета. У него было назначено свиданіе на улицѣ Бассано у адвоката Левиеля, бывшаго старшины адвокатскаго сословія; вмѣстѣ съ четырьмя коллегами и ихъ кліентами, эвсъ-администраторами прогорѣвшаго банка, нужно было составить общій планъ защиты;

но это свиданіе назначено было въ половинѣ десятаго. Съ другой стороны, его помощникъ Биллонъ долженъ былъ явиться къ нему въ восемь. Леонардъ, забывшій о немъ, вернулся и сказалъ консьержу:

— Когда придетъ господинъ Биллонъ, попросите его не подниматься ко мнѣ. Скажите, что мнѣ нужно было выйти, и что я жду его въ судѣ.

И онъ окунулся въ холодный туманъ февральскаго утра.

Одинъ за другимъ открывались магазины на бульварѣ. Приказчики, рабочіе, мальчики изъ лавокъ, чиновники быстро шли въ туманѣ, дую на озоженныя пальцы. Встрѣчая ихъ и провожая глазами ихъ быстро исчезающіе силуэты, Леонардъ думалъ: „Вотъ мальчикъ, у котораго нѣтъ заботъ... Эта дамочка запоздала домой... Вотъ человекъ, который хорошо спалъ ночью“... Иные шли поспѣшно, озабоченные только тѣмъ, чтобы скорѣе придти на работу: „Какъ знать, что скрывается подъ маской спокойнаго лица? Можетъ быть, среди всѣхъ этихъ людей есть и такіе, которыхъ терзаетъ страшная мука, а имъ кажется, что у меня счастливое и спокойное лицо“... Не выбирая дороги, онъ дошелъ до Saint-Germain-des-Près, спустился по улицѣ Бонапартъ, перешелъ черезъ мостъ Святыхъ - Отцовъ, прошелъ черезъ дворъ Лувра, купилъ утреннія газеты, которыя продавщица складывала въ своемъ кіоскѣ, и вошелъ въ кофейню, гдѣ со страхомъ и волненіемъ развернулъ ихъ. Во многихъ изъ нихъ говорилось о Франсуазѣ, но безъ всякихъ новыхъ подробностей. Въ нѣкоторыхъ газетахъ комментировали событіе. Пробѣгая лихорадочнымъ взоромъ газетные столбцы, Перевъ прочелъ въ одной газетѣ замѣтку, гдѣ обращалось вниманіе на краткость извѣстій объ этомъ дѣлѣ въ англійской прессѣ:

„Англичане, — говорилъ анонимный авторъ замѣтки, — мало интересуются такого рода дѣлами, которыя у насъ волнуютъ общественное мнѣніе, какъ все таинственное и романтичное. Возможно поэтому, что дѣло французской модистки будетъ больше интересовать публику по эту сторону канала, чѣмъ по ту, гдѣ на него будутъ мало обращать вниманія. Вѣдь мы выдумали романъ-фельетонъ. У насъ любятъ и романы въ жизни, любятъ усложнять ихъ перипетіи, готовить эффекты. Романъ Франсуазы Десомъ обѣщаетъ быть очень интереснымъ въ этомъ отношеніи, и, несмотря на разстояніе, будетъ вѣроятно волновать французскую публику“.

Значитъ, въ Парижѣ будутъ обсуждать дѣло Франсуазы съ такою же страстностью, какъ преступленія, совершаемыя во

Франція. Газеты будутъ наполнять имъ свои столбцы, нѣкоторыя помѣстятъ ея портретъ на первой страницѣ. О ней будутъ толковать въ свѣтѣ, въ судѣ. Равнодушные люди будутъ говорить о ней въ его присутствіи, и ему самому придется говорить объ ея дѣлѣ, какъ о тысячѣ другихъ предметовъ, о которыхъ говорится вскользь за обѣдомъ, на улицѣ, въ курительной комнатѣ— и что если на судѣ его имя... Онъ выпилъ однимъ глоткомъ чашку чернаго кофе, который простылъ, пока онъ былъ углубленъ въ чтеніе газетъ, и сказалъ себѣ въ заключеніе: „Нельзя терять времени. Нужно дѣйствовать. Даю себѣ срокъ до вечера, чтобы придти къ какому-нибудь рѣшенію“.

На ближайшихъ часахъ онъ увидѣлъ, что уже половина девятаго. Перѣзъ дошелъ до Елисейскихъ-Полей, еще почти пустынныхъ въ этотъ часъ; изрѣдка коляски проѣзжали между рядами голыхъ деревьевъ. Онъ быстро зашагалъ по аллеѣ, чтобы согрѣться. Имъ овладѣло бѣзволіе. Зачѣмъ нужно непременно, какъ онъ было-рѣшился, „что-нибудь предпринять“? Гораздо благоразумнѣе предоставить дѣлу идти своимъ ходомъ, не рискуя сдѣлать его еще болѣе угрожающимъ для себя какимъ-нибудь неловкимъ вмѣшательствомъ? Да и чѣмъ онъ можетъ помочь, ничего не зная о преступленіи? Лучше выждать, оставаясь пассивнымъ зрителемъ драмы. Внутренній голосъ говорилъ ему: „А что же будетъ *потомъ*“? Онъ подавилъ его. Не зная фактовъ, не имѣя никакого вліянія на послѣдствія ихъ, зачѣмъ упрямо вмѣшиваться въ спѣшеніе обстоятельствъ?

Такъ какъ эти разсужденія не замедляли его шаговъ, то онъ пришелъ слишкомъ рано въ кварталъ, гдѣ жилъ его знаменитый собратъ, и сталъ бродить вокругъ Триумфальной Арки въ ожиданіи назначеннаго часа. Ему казалось, что онъ уже нѣсколько успокоился. Онъ смогъ сосредоточить мысли на адвокатѣ Лениелѣ, карьера котораго внушала ему преклоненіе. Она не была достаточно блестяща для теперешнихъ торопливыхъ честолюбцевъ съ большими аппетитами, но все-же въ концѣ долгой трудовой жизни обезпеченное состояніе, общій почетъ, извѣстность—это казалось ему очень почтеннымъ. „Прежде всего,—рѣшилъ онъ, приравнивая себя къ Лениелю,— я ничего не сдѣлаю, что могло бы испортить мое будущее: я не имѣю на это права,—моя будущность—въ то же время будущность моихъ дѣтей“. Успокоившись, онъ болѣе твердыми шагами направился къ дому Лениела.

Вслѣдъ за нимъ пришли и другіе. Адвокатъ Лениелъ принялъ ихъ съ той старомодной привѣтливостью, которою онъ славился. Всѣмъ своимъ существомъ онъ напоминалъ время, учтивымъ

манеры и утонченное кокетство котораго мы утратили. Высокій и стройный, съ ловкими, быстрыми движеніями, онъ бодро несъ бремя своихъ трудовъ годовъ, а также добра и зла, которое можетъ совершить человѣкъ, чье слово является активной силой, чья жизнь связана была съ великими историческими событіями цѣлаго полушья, чье вліяніе было сильно и въ промышленномъ, и въ политическомъ мірѣ, въ вопросахъ законодательства и международныхъ отношеній. Его тонкое лицо сохраняло всегда спокойное выраженіе, которое подчеркивалось ровнымъ взглядомъ его свѣтлыхъ глазъ. Онъ носилъ по старинной модѣ большія овладистыя серебрястыя бакенбарды; онѣ придавали ему профессиональный видъ, котораго избѣгаютъ адвокаты новой школы. Несмотря на его искусное предсѣдательство, засѣданіе становилось бурнымъ. Финансисты, перешедшіе отъ своихъ мечтаній о милліонахъ къ боязни попасть на скамью подсудимыхъ, сваливали другъ на друга отвѣтственность за общій крахъ. Лениель, своимъ голосомъ и примирительнымъ тономъ, свидѣтельствующимъ о его равнодушіи къ присутствующимъ, повторялъ отъ времени до времени: „Успокойтесь, господа,—ваши интересы теперь солидарны“.

Адвокаты, очень корректные, сдерживали своихъ кліентовъ. Но одинъ изъ нихъ, Жаладъ,—молодой человѣкъ со смуглымъ, какъ у араба, лицомъ, съ блестящими глазами и щетинистыми усами,—сталъ возражать Леонарду, который въ свою очередь увлекся споромъ. Стычка между двумя адвокатами длилась минутъ пять, въ теченіе которыхъ Перезъ былъ такъ внимателенъ къ происходившему, какъ будто это обсужденіе чужихъ интересовъ было самымъ важнымъ дѣломъ для него. Онъ внесъ въ споръ всю силу своего ума, совершенно владѣлъ собой и отстаивалъ свое мнѣніе, проявляя большія знанія и логичность разсужденій. Усиліе, которое онъ сдѣлалъ надъ собой, облегчало его. Когда онъ окончательно разрушилъ доводы своего оппонента, онъ почувствовалъ большую увѣренность въ себѣ; ему показалось, что и въ томъ вопросѣ, который мучилъ его со вчерашняго дня, онъ сможетъ оказаться побѣдителемъ, благодаря своей діалектикѣ.

Провожая своихъ братьевъ, Лениель задержалъ на нѣсколько минутъ Леонарда, чтобы сказать ему комплиментъ по поводу недавно произнесенной имъ защитительной рѣчи. Молодой адвокатъ выслушалъ эту похвалу съ радостнымъ лицомъ,—такъ, какъ будто не было стѣны, отдѣлявшей его отъ пріятныхъ и безмятежныхъ эмоцій. Но лестныя слова его старшаго собрата и внутренняя невозможность искренно имъ радоваться увеличили его желаніе

оттолкнуть во что бы то ни стало пагубную тревогу, — его рѣшеніе забыться въ работѣ. Ему предстояла защита въ тотъ день, и онъ былъ очень радъ этому. Онъ взглянулъ на часы, и увидѣлъ, что долженъ спѣшить въ судъ.

Въ то время, какъ онъ нанималъ фіакръ, чья-то рука коснулась его плеча. Это былъ Жаладъ, который сталъ осыпать его комплиментами. Чтобы не оставаться наединѣ съ самимъ собой, Леонардъ предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ. Но, открывая дверцы кареты, онъ замѣтилъ въ карманѣ пальто Жалада пачку газетъ. Что если онъ заговорить съ нимъ о лондонскомъ преступленіи? Чтобы предупредить эту опасность, Леонардъ сталъ съ жаромъ обсуждать политику министерства. Такъ какъ онъ нападалъ на нее, то Жаладъ сталъ защищать министерство, въ особенности закрѣпленіе союза съ Россіей; онъ радовался этому союзу главнымъ образомъ изъ ненависти къ англичанамъ.

— Вотъ они наши настоящіе враги! — воскликнулъ онъ. — Мы ихъ соперники всюду. Они ненавидятъ насъ уже много вѣковъ, и никогда не упустили случая вредить намъ. Вся ихъ политика направлена на то, чтобы унижить насъ.

— Таково обычное мнѣніе, — сказалъ Перезъ, — но я его считаю ложнымъ.

Онъ прочелъ цѣлую лекцію по исторіи, чтобы доказать, что нѣтъ непримиримой вражды интересовъ между двумя странами. Жаладъ сталъ ему возражать.

— Во всякомъ случаѣ есть полное несогласіе характеровъ. Неужели вы будете это отрицать? Оно проявляется въ самыхъ различныхъ областяхъ. Вотъ, на примѣръ, теперь въ Лондонѣ готовится судебная драма...

Леонардъ содрогнулся до корней волосъ. Какъ сдѣлать, чтобы его собесѣдникъ не прочелъ въ его глазахъ тайну его привоственности къ этой драмѣ? Онъ хотѣлъ прервать разговоръ, но не могъ выговорить ни слова.

— ...о которой въ нашихъ газетахъ упоминается только вскользь. Вы вѣроятно тоже ее проглядѣли. Дѣло идетъ о женщинѣ, обвиненной въ убійствѣ своего ребенка въ условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ обычнымъ дѣтубійствомъ. Такъ какъ она французка, то мы вѣроятно узнаемъ подробности. И вотъ увидите, что дѣло будутъ судить совсѣмъ иначе, чѣмъ во Франціи. Никто не будетъ интересоваться сердечной драмой подсудимой.

Перезъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ отвѣтилъ:

— Здѣсь бы этимъ слишкомъ интересовались.

— Если фактъ убійства будетъ установленъ, къ виновной примѣнять законъ—и больше ничего. Вотъ увидите.

Онъ опять перешелъ къ общимъ мыслямъ, подтверждаемымъ примѣромъ, который онъ привелъ. Ему, конечно, и въ голову не приходило, что Леонардъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, слушая его. Леонардъ же, изумленный тѣмъ, что его не разгадали тотчасъ же, приходилъ немного въ себя, пока его собесѣдникъ продолжалъ говорить. Вскорѣ онъ смогъ даже совершенно спокойно и непринужденно отвѣчать. Это его очень успокоило, — первое испытаніе кончилось благополучно. Можетъ быть, этотъ удачный опытъ можно считать рѣшительнымъ. Можетъ быть, все это дѣло едва его коснется, и ничей чужой взглядъ не проникнетъ въ мракъ его души. Можетъ быть, ему одному только будетъ знакомъ тотъ образъ, который на минуту промелькнулъ передъ нимъ въ „зеркалѣ правды“. Можетъ быть, даже этотъ образъ со временемъ исчезнетъ изъ его собственной памяти, и онъ сможетъ продолжать жизнь съ того момента, какъ ее нарушило появленіе приврака.

Биллонъ поджидалъ своего патрона въ залѣ. Корректный, холодный, какъ ледъ, и по привычкѣ очень сдержанный, онъ подошелъ къ Леонарду и заявилъ ему, что дѣло Мартина не будетъ на очереди ранѣе двухъ часовъ.

— Ну, такъ пойдемъ завтракать, — отвѣтилъ Перезъ, взявъ его подъ руку съ необычной фамильярностью.

Онъ повелъ его въ буфетъ, гдѣ, завтракая — и не безъ аппетита, — отдалъ ему распоряженія на весь дальнѣйшій день. Они не говорили ни о чемъ, кромѣ текущихъ дѣлъ. Адвокатъ Биллонъ, который никогда не произносилъ лишнихъ словъ, давалъ опредѣленные отвѣты, потомъ умолкалъ. Его сдержанный тонъ и нѣсколько высокомерная почтительность ясно указывали, что кромѣ чисто профессиональныхъ отношеній ничто его не связываетъ къ Леонарду. По едва замѣтнымъ нетерпѣливымъ ноткамъ, которыя отъ времени до времени звучали въ его голосѣ, можно было бы даже подумать, что онъ былъ не слишкомъ высокога мнѣнія о своемъ патронѣ; напротивъ того, онъ судилъ о немъ съ той строгостью, съ которой люди, съ трудомъ пробивающіе себѣ путь въ жизни, относятся къ баловнямъ судьбы. Перезъ, впечатлительность котораго теперь обострилась, въ первый разъ замѣтилъ этотъ отбѣнокъ въ поведеніи своего помощника. Онъ попытался отнестись къ нему болѣе внимательно и сердечно, но всѣ его попытки были вѣжливо отклонены. За кофе каждый изъ нихъ, держа сигару во рту, слѣдилъ за коль-

цами дыма, поднимающагося къ потолку, и эти два человѣка были болѣе далеки другъ отъ друга, чѣмъ еслибы ихъ раздѣлялъ океанъ.

Около двухъ часовъ Перезъ направился въ гардеробъ, взялъ свою тогу, поправилъ галстухъ передъ зеркаломъ, исполняя всѣ эти мелкія правильныя движенія такъ же тщательно, какъ обыкновенно. Его кліентъ поджидалъ его у дверей. Это былъ маленький рантье, тщедушный рыжій человѣчекъ; онъ требовалъ возмѣщенія убытковъ за преждевременно снятый его хозяиномъ съ лѣстницы коверъ. Онъ такъ злобно требовалъ восстановления своихъ правъ, какъ будто вѣчное правосудіе зависѣло отъ приговора, который вынесутъ его хозяину. Страстность, съ которой этотъ жалкій человѣчекъ относился къ своему пустышному дѣлу, заразила адвоката. Онъ вошелъ возбужденный въ залу засѣданія, въ которой электрическое освѣщеніе слабо боролось съ блѣднымъ свѣтомъ пасмурнаго дня. Перезъ сказалъ очень хорошую рѣчь, увлеченный профессиональнымъ жаромъ. Онъ опять, какъ во время засѣданія у Лениела, весь увлекся настоящей минутой; всѣ его мысли поглощены были ковромъ, контрактомъ, дерзостью хозяина, сообщничествомъ консьержа. Пока онъ говорилъ, во всемъ обширномъ мірѣ, гдѣ царитъ страданіе и смерть, для него ничего не существовало, кромѣ темной залы, судей въ черныхъ тогахъ, его обезпеченнаго противника и немногочисленной публики въ залѣ. По окончаніи засѣданія, послѣ слабого возраженія противника, кліентъ Переза, предвкушая свое торжество, съ жаромъ сталъ пожимать ему руки, и чуть было не повторилъ ему сначала до конца всю его рѣчь:

— Ахъ, *cher maître*, какъ вы чудесно доказали, что... что... что... Какой жаръ! какая увѣренность!

Леонардъ думалъ, слушая его: „Да, когда я говорю, я забываю все. Это можетъ спасти меня“.

Вокругъ нихъ въ залѣ стоялъ гулъ отъ разговоровъ: и кто бы могъ перечислить и назвать всѣ страданія, слившіяся въ шумъ всѣхъ этихъ голосовъ?

— Если мы не выиграемъ,—говорилъ маленький человѣкъ, топая ногой объ полъ,—то нечего больше надѣяться на правосудіе. Но мы будемъ апеллировать, если нужно... Да, да, мы проведемъ дѣло черезъ всѣ инстанціи!

Одинъ изъ адвокатовъ, высокій и очень худой, сдѣлалъ знакъ Леонарду, который прервалъ своего кліента:

— Простите меня, пожалуйста,—*maître* Дюпенъ хочетъ переговорить со мной о дѣлѣ.

На этотъ разъ дѣло шло о разводѣ. Обѣ стороны были согласны по существу, и нужно было только привести въ исполненіе маленькую комедію, требуемую закономъ. Адвокаты прошлись взадъ и впередъ по длинной, гулкой залѣ, устанавливая планъ дѣйствій. Пока они обсуждали подробности, отчаянный женскій крикъ раздался среди слитнаго гула толпы. Они остановились, ища глазами безразсудную женщину, не сзумѣвшую сдержатъ себя, и увидѣли черную массу, которую уносили слуги. Прерванный гулъ возобновился, и Дюпенъ вернулся къ прежнему разговору. Но Леонардъ уже не слѣдилъ за нимъ: этотъ крикъ, который, быть можетъ, пробился черезъ своды и унесся въ пространство въ поискахъ справедливости безъ судовъ и адвокатовъ, этотъ потерянный крикъ отчаянія, въ которомъ дрожали безчисленные невѣдомыя страданія, этотъ крикъ неизвѣстной женщины разбудилъ тайные голоса, замолкнувшіе на время въ душѣ Леонарда.

Онъ прислушался къ нимъ на минуту, подавилъ свой ужасъ передъ ними, и далъ себѣ слово, что заставить ихъ смолкнуть. „Работать, работать—вотъ въ чемъ спасеніе“. Его приемные часы приближались, но чтобы не вернуться домой слишкомъ рано, чтобы не оставаться наединѣ въ кабинетѣ или не слушать предугадываемыхъ имъ рѣчей Раймонда, онъ вошелъ въ залу засѣданія суда присяжныхъ.

Тамъ разбиралось дѣло объ убійствѣ жены мужемъ. Въ мотивахъ преступленія трудно было разобраться: вызвано ли оно было долго назрѣвавшей низкой злобой? или взрывомъ слѣпозлѣпости? ревностью? лицемѣрнымъ расчетомъ? Свидѣтели проходили одинъ за другимъ, выкладывая передъ судомъ отбросы сплетенъ, которыми всегда сосѣди окружаютъ такого рода дѣла. Публика съ упоеніемъ впивала смѣшанный запахъ будуара и крови. Дѣло было банальное, и можно было заранее сказать, что оно кончится оправданіемъ. Въ то время, какъ разныя кумушки изливали всю грязь своихъ догадокъ и показаній, Леонардъ, почти не слушая ихъ, незамѣтно вернулся къ обсужденію своего собственнаго дѣла. Вскорѣ, подъ вліяніемъ мѣста, въ которомъ онъ находился, или же своего профессиональнаго инстинкта, онъ сталъ защищать самого себя такъ, какъ будто говорилъ передъ судьями. Онъ такъ сосредоточился на этомъ, что его губы отъ времени до времени шевелились, и руки, опущенныя на колѣни, поднимались для привычныхъ ораторскихъ жестовъ. Вначалѣ дѣло его казалось ему сомнительнымъ. Но мало-по-малу, какъ всегда, когда хочется вѣрить своимъ словамъ, убѣжденіе его окрѣпло,

доводы въ пользу защиты приходили ему въ голову все болѣе многочисленныя и стали казаться ему вѣрными. Сколько разъ онъ обѣялъ обвиняемаго, въ невинности котораго сомнѣвался, только тѣмъ, что ловко пользовался обычными приемами діалектики и загромождалъ простую правду лохмотьями реторики. Но себя труднѣе обмануть, чѣмъ другихъ, и внутренніе голоса отвѣчали Леонарду на всѣ его софизмы только одно: „Не слѣдовало бросать Франсуазу“! Это былъ единственный доводъ обвиненія, но ясный и устойчивый, какъ истина. Отъ него нельзя было увернуться, — это была какъ бы протянутая таинственной рукой нить въ лабиринтъ, въ которомъ Леонардъ запутался. Но, въ виду невозможности опровергнуть этотъ доводъ, онъ смѣло принялъ его, чтобы, уступивъ по важному пункту, отвоевать себѣ еще болѣе важный.

— Конечно, я виновенъ. Я въ этомъ сознаюсь и каюсь, но развѣ моя вина извиняетъ преступленіе Франсуазы? Она вовсе не была въ нищетѣ; если потому она очутилась въ бѣдности, то я объ этомъ ничего не зналъ, и не знаю до сихъ поръ. Когда я разстался съ нею, она отказалась отъ предложенной мною помощи. Къ чему была эта ненужная гордость? А кто знаетъ, не имѣлъ ли этотъ гордый жестъ какого-нибудь другаго объясненія? Можетъ быть, въ немъ заключался упрекъ совѣсти, въ которомъ она мнѣ не призналась? Развѣ ужъ такъ несомнѣнно, что я — отецъ этого ребенка? Въ этомъ весь вопросъ. Если ребенокъ не мой, меня эта драма не касается; если же я его отецъ, то я, конечно, всегда буду упрекать себя за то, что уклонился отъ своего долга, — но какъ мнѣ не чувствовать ужаса къ ней, послѣ совершенія такого преступленія?

Леонардъ остановился на этой дилеммѣ, и счелъ ее столь убѣдительною, что оправдалъ себя. Вокругъ него всѣ хохотали, слушая показаніе прачки, которая наивно и испуганно рассказывала какую-то исторію о бѣльѣ. Все дѣло положительно превращалось въ водевиль, и вѣроятно должно было закончиться оправданіемъ, какъ много подобныхъ ему, въ которыхъ пивантныя или комическія детали заставляютъ забыть о пролитой крови. Онъ послушалъ еще нѣсколько минутъ, вынулъ часы, вспомнилъ объ ожидающихъ его клиентахъ и направился домой. Онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ, готовымъ для встрѣчи съ братомъ. Раймондъ, навѣрное, будетъ утверждать то же, что говорилъ внутренній голосъ, побѣжденный небольшимъ напряженіемъ логики и пониманіемъ дѣйствительной жизни. Устранивъ возраженія брата, также какъ онъ побѣдилъ этотъ голосъ, онъ окончательно про-

гонить обратно въ колодезь нежеланную посѣнительницу, появившуюся передъ нимъ со своимъ зеркаломъ. Но дома онъ не засталъ Раймонда, который заходилъ еще разъ днемъ и ушелъ. Его ждали нѣсколько кліентовъ въ гостиной, и Биллонъ—въ кабинетѣ. Недовольный дѣловымъ докладомъ помощника, Перезъ рѣзко выразилъ ему свое недовольство, но тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ: встрѣтивъ его ледяной взоръ, онъ снова почувствовалъ смутный страхъ и недовѣріе, которые испыталъ за завтракомъ передъ Биллономъ. Онъ вѣдь въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдилъ за Леонардомъ, зналъ его и въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и въ частной жизни, и могъ точно судить о степени его честности и его честолюбія, зналъ его слабыя стороны, границы его юридическихъ знаній, цѣну его сужденій и подлажку его краснорѣчія. Лицо Биллона оставалось нѣмымъ, какъ печать, наложенная на его душу. Только незамѣтная дрожь, пробѣжавшая по губамъ, показывала, что упреки патрона ему были неприятны. Леонардъ постарался смягчить свою рѣзкость:

— Все это, впрочемъ, пустяки, — сказалъ онъ примиряющимъ тономъ.—Если вы меня не хорошо поняли, то вѣроятно я неясно объяснилъ дѣло. Мы все это поправимъ. Начнемте пріемъ кліентовъ.

Помощникъ ничего не отвѣтилъ, и Леонардъ не зналъ, удовлетворился ли онъ его извиненіемъ.

Онъ принялъ четырехъ кліентовъ и выслушалъ ихъ многословныя объясненія. Послѣдній кліентъ задержалъ его до семи часовъ. Онъ быстро одѣлся и пошелъ въ гостиную, гдѣ его ждали гости, приглашенные къ обѣду. Большіе черные глаза Раймонда, стоявшаго около камня, рядомъ съ иностранной гостьей, которую онъ привелъ, устремились на него, и взглядъ ихъ сразу снова раскрылъ рану. Перезъ попытался улыбнуться, чтобы побѣдить этотъ взглядъ, и, здороваясь съ гостями, сталъ извиняться въ томъ, что опоздалъ. Люси подозвала его, чтобы представить его лэди Ливерморъ, парадный туалетъ которой и роскошныя брилліанты составляли контрастъ съ буржуазнымъ видомъ остальныхъ гостей. Разговаривая съ Раймондомъ, она наблюдала за присутствующими. Гастелъ уже ораторствовалъ, откидывая рукой свою черную гриву, съ жестомъ, напоминающимъ тенора, а жена его, маленькая и тоненькая, незамѣтно сидѣла въ углу, испуганная шумомъ, который онъ производилъ. Въ числѣ гостей были еще дю-Ровуа, въ первый разъ пришедшіе къ Перезамъ: мужъ, внушительный, несмотря на маленькій ростъ, покачивался на высокихъ каблукахъ своихъ лакирован-

ныхъ ботинокъ; жена, огромный бюстъ которой выступалъ изъ розоваго корсажа, говорила мужскимъ голосомъ, играя своимъ лорнетомъ. Арондель, членъ кассационнаго суда, съ тонкимъ овальнымъ лицомъ и короткими бакенбардами, глядѣлъ пронизательнымъ, умнымъ взоромъ изъ-за своихъ золотыхъ очковъ. Жена его была въ элегантномъ, но скромномъ туалетѣ цвѣта шаuche, на которомъ выдѣлялась брошка въ стилѣ Людовика XV-го, рѣдкой работы. Въ числѣ приглашенныхъ былъ еще хроникеръ судебного отдѣла въ одной изъ большихъ газетъ, Луи Нагель; подъ его мужиковатой неуклюжестью скрывался тонкій умъ и пониманіе важнѣйшихъ задачъ современной жизни.

Леди Ливерморъ была вдова виднаго сановника, служившаго въ Индіи; привыкшая къ аристократическому обществу Вестъ-Энда и къ космополитическому римскому обществу, она, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни очутилась среди рабочихъ, не особенно богатыхъ людей скромнаго происхожденія, которые, однако, играютъ видную роль въ обществѣ. Она смотрѣла и слушала съ любопытствомъ, которое сказывалось даже въ ея усилии скрыть его. Различіе положеній, состояній и касты еще болѣе подчеркивало различіе расъ. Когда она прошла въ столовую подъ руку съ Леонардомъ, м-мъ дю-Розуа выразила общее впечатлѣніе, сказавъ тихо Раймонду:

— Какъ эти англичане не похожи на насъ!

За столомъ разговоръ сначала не клеился. Гости наблюдали за иностранкой и молча слушали ея рассказъ о странной судьбѣ драмы Габріэля д'Аунціо, имѣвшей на ея глазахъ шумный успѣхъ въ Римѣ и освистанной, нѣсколько дней спустя, въ Неаполѣ. Нагель отвѣтилъ ей нѣсколькими замѣчаніями о послѣдствіяхъ литературной децентрализаціи. Вдругъ Гастелье спросилъ:

— Кто изъ присутствующихъ читалъ „Воскресеніе“?

Не ожидая отвѣта, онъ сталъ развивать свои общественно-эстетическіе взгляды, составлявшіе его любимую тему. Онъ былъ сторонникомъ всего новаго, смѣлаго, экзотичнаго, всегда увлекался зарождающимися модами и защищалъ непризнаваемые таланты. Онъ говорилъ громко въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и среди потоковъ восклицаній постоянно повторялись слова: „изумительно, гениально“! Такъ какъ онъ не останавливался ни на минуту, то мужской голосъ м-мъ дю-Розуа произнесъ такъ громко: „позвольте, однако“, что онъ сразу остановился, широко раскрывъ глаза. Толстая дама, отчеканивая каждое слово, чтобы подчеркнуть важность своего сужденія, заявила, потрясая плечами:

— Толстой очень талантливъ, это несомнѣнно. У него огромный талантъ. Но книга его скверная. Вотъ мое мнѣніе.

Ея мужъ тотчасъ же прибавилъ:

— Сюжетъ ея отвратительный, и книга даже не имѣетъ оправданія новизны.

— Это вѣрно, — замѣтилъ Арондель. — „Виновный“ — въ томъ же родѣ.

— „Красная бува“ Готорна, тоже... — сказалъ Луи Нагель. Раймондъ прибавилъ:

— И „Адамъ Бидъ“ въ сущности написанъ на ту же тему.

— Все это одна болтовня! — воскликнулъ Гастельбэ, по принципу презиравшій все, что не касалось предмета, которымъ онъ восторгался въ данную минуту. — Сюжетъ не новъ, потому что нѣтъ новыхъ сюжетовъ, но онъ вѣченъ, — и какую мощь онъ обнаруживаетъ въ изложеніи Толстого! Онъ становится страшнымъ обвинительнымъ актомъ противъ язвъ нашего общества. Толстой защищаетъ...

М-мъ дю-Розуа прервала его:

— Защищаетъ падшихъ женщинъ... Стоить ихъ защищать! Что за безумная мысль у Нехлюдова — жениться на Масловой. Вѣдь это Богъ знаетъ что — князь, настоящій князь... истинное безуміе!

Арондель звонкимъ, нѣсколько злымъ голосомъ сталъ развивать эту мысль.

— Это не столько безуміе, какъ болѣзненное проявленіе смущенной совѣсти, и съ этой точки зрѣнія романъ Толстого заключаетъ высокую истину. Такія экстравагантныя мысли зарождаются иногда у неравновѣшенныхъ людей, подъ вліяніемъ страха или угрызенія совѣсти. Но Толстой воображаетъ, что высказалъ какую-то общую и полезную истину, и въ этомъ его ошибка. Его романъ — ни обвинительный актъ, ни защитительная рѣчь. Это просто рассказъ — немножко длинный, и который послужилъ бы пагубнымъ примѣромъ, еслибы его принимали въ серъезъ. Представьте себѣ, что Нехлюдовъ женатъ, отецъ семьи: что бы онъ тогда сдѣлалъ? Неужели же ему нужно было развестись и жениться на этой...

Онъ состроилъ презрительную гримасу. Леонардъ, очень блѣдный, осушилъ сразу свой стаканъ и пробормоталъ:

— О, эти русскіе!..

— Да, — сказала Люси: — они наши союзники, но у нихъ иногда очень странныя идеи.

Раймондъ, который глядѣлъ на своего брата и, какъ ему

казалось, читалъ въ его душѣ, попытался вмѣшаться въ разговоръ:

— Нужно отличать между относительнымъ и абсолютнымъ. Толстой, быть можетъ, ошибается въ относительномъ... но...

У него былъ слабый голосъ, и его никто не слушалъ. Категорическимъ тономъ, который подчеркивалъ ясность его словъ, Арондель продолжалъ развивать свою мысль:

— Когда хотять реформировать жизнь, нужно не отступать отъ здраваго смысла. Общество имѣетъ свои требованія, свою жестокость, свои правила, и нельзя безнаказанно нарушать нормальный ходъ жизни, управляемый властными законами. Нехлюдовъ былъ очень неправъ, соблазняя Маслову, но его вина сдѣлалась непоправимой, и всѣ его усилія только приносятъ еще большій вредъ. Есть столько случаевъ, когда наши запоздавшія усилія совершенно бесполезны. Время, такъ сказать, кристаллизуетъ наши поступки, и такъ прочно, что никакая сила не можетъ ихъ измѣнить. Когда Нехлюдовъ снова встрѣчается съ Масловой, она потеряна навсегда, и мысль спасти ее—совершенно дѣтская; а такъ какъ онъ не можетъ поднять ее до своего уровня, то жениться на ней нелѣпо и преступно. Нельзя вводить ее въ приличное общество, гдѣ ея появленіе возбудило бы скандалъ...

— Въ особенности, въ избранное общество, которое, въ силу своихъ традицій, должно безпощадно оттолкнуть ее, — подтвердилъ его мысль дю-Розуа.

Арондель продолжалъ:

— Его истинный долгъ заключался въ томъ, чтобы вести съ этого момента абсолютно правильный и порядочный образъ жизни, понимая значеніе каждаго малѣйшаго изъ своихъ поступковъ. Зло, которое онъ совершилъ, останется, — въ этомъ его наказаніе. Но пусть бы онъ отказался отъ своей легкомысленной жизни, основалъ семью, воспитывалъ своихъ дѣтей въ честныхъ принципахъ, остерегъ ихъ отъ опасности юношескихъ увлеченій... Вотъ это было бы настоящимъ „Воскресеніемъ“, которое сдѣлало бы его полезнымъ членомъ общей человѣческой семьи.

— Боюсь, что онъ не смогъ бы воскреснуть, — сказалъ Луи Нагель: — есть дурные поступки, отъ которыхъ нельзя излечиться. Они не то что хуже другихъ, слѣды которыхъ исчезаютъ, но они ужасны порожденными ими бѣдствіями. Нехлюдовъ воочию увидѣлъ послѣдствія своего каприза, и уже не имѣетъ возможности забыть ихъ. Онъ принадлежитъ своей жертвѣ: какая польза ей, несчастной, отъ добрыхъ совѣтовъ, которые онъ сможетъ дать своимъ дѣтямъ?

Леонардъ съ блуждающимъ взоромъ игралъ своимъ ножомъ, какъ будто разговоръ его мало интересовалъ. А между тѣмъ, мысли, которыя высказывали его гости съ той легкостью и свободой, съ какою говорятъ о далекихъ и чуждыхъ вещахъ, принимали для него угрожающую реальность. Дю-Розуа, Нагель, Гастелье,—были очень далеки отъ героя Толстого, и должны были сдѣлать большое усиліе воображенія, чтобы „поставить себя на его мѣсто“; онъ, напротивъ того, былъ очень близокъ къ нему, и слова гостей возбуждали въ немъ отклики, о которыхъ никто не могъ догадаться, но отраженіе которыхъ онъ видѣлъ въ большихъ черныхъ глазахъ Раймонда, все время искавшаго его взгляда.

М-мъ дю-Розуа обратилась къ лэди Ливерморъ:

— Въ послѣднее время у насъ только и говорятъ, что объ этомъ романѣ. А у васъ имъ интересуются? Какого о немъ мнѣнія?

— Я въ сущности не знаю, потому что только-что вернулась изъ Италіи,—отвѣтила лэди Ливерморъ своимъ нѣжнымъ, звучнымъ голосомъ;—но мнѣ кажется, что мы не можемъ понять его, какъ слѣдуетъ. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы мужчина покинулъ женщину, ставшую матерью его ребенка.

Наивность этого заявленія возбудила улыбки, и Гастелье спросилъ довольно грубо:

— Значитъ, этого никогда не случается по ту сторону канала?

Лэди Ливерморъ почувствовала необходимость защитить своихъ соотечественниковъ, и отвѣтила сповойнымъ, увѣреннымъ тономъ:

— Этого никогда *не должно* быть.

Она это произнесла категорически, почти торжественно. Гости переглянулись съ нѣкоторой ироніей, не зная, объясняется ли увѣренность ея отвѣта въсколько наивной чистотой души, или чисто англійской манерой признавать зло только у другихъ.

— Однако,—сказалъ Нагель,—всюду, во всѣхъ странахъ, люди имѣютъ одинаковыя страсти и, слѣдовательно, одинаковыя слабости. Сумма добра и зла приблизительно одна и та же всюду. Изумительный романъ Толстого—я лично не знаю ни одного, который могъ бы сравниться съ нимъ—могъ бы разыграться всюду, потому что вездѣ условія общественной жизни отдаютъ беззащитныхъ молодыхъ дѣвушекъ во власть мужской прихоти. Я знаю, что въ Англіи законы и нравы ихъ защищаютъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и это—большая честь

для вашей родины, милэди. Но я все-таки не думаю, чтобы подобный случай былъ невозможенъ въ вашей странѣ, и въ концѣ концовъ прекрасный романъ Джоржъ Эллиотъ, о которомъ только-что упоминали, подтверждаетъ мои слова.

Лэди Ливерморъ почувствовала правоту его словъ и значеніе приведеннаго имъ примѣра. Она на минуту стала исвать словъ, которыми, не нарушая правдоподобности, могла бы доказать нравственное превосходство своей расы. Всѣ взгляды устремились на нее, въ ожиданіи отвѣта, надѣясь, что онъ будетъ неудовлетворительнымъ и, быть можетъ, немного смѣшнымъ.

— Конечно,—медленно сказала она:—я полагаю, что и у насъ возможны подобныя вещи. Но того, кто можетъ совершить подобную низость, мы презираемъ отъ всей души. Никакой истинный англичанинъ не хотѣлъ бы знаться съ нимъ. Никто бы не уважалъ Нехлюдова, еслибы онъ былъ живымъ человекомъ. Такъ почему бы мы интересовались его исторіей въ романѣ?

Леонардъ поблѣднѣлъ, закрылъ глаза, сдѣлалъ движеніе, какъ бы собиравшись говорить, но ничего не сказалъ. Другіе переглянулись, удивленные рѣшительностью отвѣта. Арондель взглянулъ на лэди Ливерморъ:

— Мы, французы, сударыня, скорѣе похвалюемся своими пороками, чѣмъ скрываемъ ихъ; вы это знаете. Однако, во взглядахъ на поступокъ Нехлюдова мы сходимся съ вами. Если у человека есть въ его прошломъ такого рода поступокъ, онъ его тщательно скрываетъ, зная, что общественное мнѣніе осудитъ его тѣмъ строже, чѣмъ оно въ другихъ случаяхъ болѣе снисходительно.

— Въ томъ случаѣ, конечно, если возникаетъ шумъ по этому поводу,—дополнилъ Луи Нагель:—въ противномъ случаѣ общественное мнѣніе молчитъ. Презираютъ обыкновенно не самый поступокъ, а скандалъ, произведенный имъ. Вотъ, напримѣръ...

Онъ привелъ знаменитые примѣры изъ разныхъ областей, и разговоръ перешелъ на политику.

Въ теченіе вечера Раймондъ смогъ на минуту уединиться съ братомъ, и въ одномъ изъ угловъ гостиной, новая обстановка котораго измѣнила обычныя рамки ихъ жизни, онъ спросилъ его, глядя ему прямо въ глаза:

— Ты ничего не имѣешь мнѣ сказать?

Леонардъ положилъ ему руку на плечо съ тревожнымъ выраженіемъ лица, и отвѣтилъ тихо, какъ будто чужія уши подслушиваютъ его малѣйшія слова, стараются разгадать ихъ смыслъ:

— Будь остороженъ!

Этотъ жестъ и этотъ крикъ выражали скорбе боязню быть открытымъ, чѣмъ страданіе отъ суда надъ собою. Но Раймондъ не могъ еще понять такого эгоистическаго чувства, и въ своемъ заблужденіи проговорилъ съ чувствомъ глубокаго состраданія:

— Бѣдный братъ!—Я искалъ тебя весь день,—прибавилъ онъ.—Ты такъ рано ушелъ изъ дому. Почему ты не зашелъ ко мнѣ?

— Не говори здѣсь ни слова, прошу тебя... Приходи завтра около девяти часовъ. Мы будемъ одни.

— Да, я приду, жди меня.

Онъ хотѣлъ пожать руку, которая ускользнула отъ него, и несмотря на то, что читалъ въ глазахъ брата испуганное призваніе молчать, онъ еще прибавилъ:

— Мнѣ тебя такъ жаль!

Но Леонардъ отошелъ отъ него, чтобы подойти къ м-мъ дю-Розуа, которая подозвала его движеніемъ вѣера къ себѣ.

Съ франц. Э. В.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ

ПОЛОВИНЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

То прогрессивное направленіе, которымъ было отмѣчено начало царствованія императора Александра I, вызвало во второй его половинѣ, какъ извѣстно, сильную реакцію, отразившуюся во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни Россіи. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія реакція совпала съ управленіемъ кн. А. Н. Голицына, окружившаго себя обскурантами и фанатиками самаго худшаго сорта; при немъ должны были погибнуть всѣ тѣ благія начинанія, которыя были сдѣланы прежними сотрудниками Александра I для успѣшнаго и свободнаго развитія просвѣщенія. Преслѣдованіе университетовъ, извѣстный судъ надъ петербургскими профессорами, гоненія противъ свободнаго развитія научнаго изслѣдованія, какъ вреднаго и несогласнаго съ чистой вѣрой, которой должна была подчиняться всякая наука и всякое знаніе, — остались памятниками министерства кн. Голицына. Въ противоположность другимъ нашимъ университетамъ, это реакціонное направленіе не коснулось московскаго университета; — онъ остался совершенно въ сторонѣ отъ господствовавшаго тогда мистицизма, сумѣвъ отстоять и сохранить свою независимость. Въ то время, когда въ Казани и Петербургѣ производили свои погромы Магницкій и Руничъ, московскій университетъ мирно существовалъ подъ управленіемъ попечителя, кн. А. П. Оболенскаго. Правда, послѣдній мало занимался дѣлами, что подало поводъ къ обвиненію его въ господ-

ствовавшей тогда въ университетѣ распущенности. Но кн. Оболенскій умѣлъ въ то смутное время оградить московскій университетъ отъ злыхъ навѣтовъ и нареканій, такъ что не было возбуждено ни одного дѣла о какомъ-либо вредномъ направленіи преподаванія профессоровъ и ихъ ученыхъ трудовъ. Уже ходили слухи о предстоявшей ревизіи Магницкаго; однако кн. Оболенскій не допустилъ, чтобы его нечистыя руки коснулись московскаго университета. Въ исторіи университета поворотнымъ пунктомъ отъ началъ Александровскихъ временъ въ новому Николаевскому режиму можно считать 1825-26 годъ. Этотъ поворотъ былъ обусловленъ, съ одной стороны, направленіемъ министерства Шишкова, съ другой—декабрьскими событіями 1825 г.

Крайнюю мистическихъ увлеченій, до которыхъ дошелъ кн. Голицынъ и его сподвижники, вызвала его паденіе, и на его мѣсто, 15-го мая 1824 г., былъ назначенъ А. С. Шишковъ. Хотя, недовольный дѣйствіями министерства вообще, онъ и преслѣдовалъ различныя распоряженія своего предшественника, возставалъ противъ ложной филантропіи и лжемистицизма, но, несмотря на это, во многомъ его дѣятельность была прямымъ продолженіемъ того же реакціоннаго направленія. Взгляды на народное просвѣщеніе и его задачи были выражены новымъ министромъ въ его рѣчи, произнесенной въ главномъ правленіи училищъ, и въ докладѣ, представленномъ государю ¹⁾. Шишковъ ставилъ себѣ задачей положить преграду тому „нравственному разврату, который подъ названіемъ духа времени долго росъ и усиливался, успѣвъ уже заразить цѣлое поколѣніе юношей, и обуздать цензурой „развратъ, разсѣиваемый въ книгахъ тысячами различныхъ способовъ“. По мнѣнію министра, истинное просвѣщеніе, врученное его руководству, должно было состоять въ страхѣ Божиемъ, который есть начало премудрости; въ утвержденіи себя въ православной вѣрѣ, наполняющей душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовью къ ближнему и всѣми нужными для общежитія добродѣтелями, и наконецъ, въ украшеніи ума своего науками, отвергающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, искусствамъ и художествамъ. „Науки,—читаемъ мы въ его рѣчи,—полезны только тогда, когда какъ соль употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ“. „Обучать грамотѣ весь народъ, или несоразмѣрное числу онаго ко-

¹⁾ Сборникъ распоряж. мин. нар. проsv., т. I, № 251. Записки Шишкова, т. II, стр. 164.

личество людей, принесло бы болѣе вреда, нежели пользы". Школа должна была утвердить юношество въ благоговѣніи къ Богу, въ преданности государю и отечеству, въ любви къ правдѣ, въ чувствованіи чести и человѣколюбіи, и не заразить его „лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлой гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ и черезъ то дѣлающимъ его въ старости юношей“.

Слишкомъ обширное знаніе наукъ казалось Шишкову опаснымъ, такъ какъ должно было непремѣнно вовлекать человѣка въ безпрестанныя мечтанія, развивать въ немъ безнравственныя страсти и совращать его съ истиннаго пути спокойной и благоденственной жизни. Ему представлялось необходимымъ ограничить и сосредоточить излишнее множество преподававшихся тогда въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ. Такова была программа Шишкова. Главное правленіе училищъ, вполне согласившись съ этими истинами, выразило свою полную готовность содѣйствовать министру въ утвержденіи просвѣщенія на этихъ незмыблемыхъ началахъ.

Не прошло двухъ лѣтъ послѣ назначенія Шишкова, какъ открылся заговоръ декабристовъ. Декабрьскія событія сильно взволновали русское общество, озаботили молодого государя и высшее правительство. Въ неправильной постановкѣ дѣла образованія, въ университетѣ—его направленія, преподаванія и наукъ—старались находить и по желанію находили тогда причины безпокойнаго настроенія умовъ, заговоровъ, тайныхъ обществъ, приведшихъ къ катастрофѣ 14-го декабря. Школѣ приписывали „язву, наводнившую святую Русь и пустившую корни свои въ потомство“¹⁾. Русское общество въ своемъ взглядѣ на университетскую науку, какъ на источникъ зла, не было самостоятельно и заимствовало его изъ Германіи. Но если тамъ національно-политическое движеніе университетовъ вызвало репрессивныя правительственныя мѣры и тревогу нѣмецкихъ консерваторовъ, объявившихъ ихъ гнѣздомъ разврата, то по отношенію къ русскимъ университетамъ подобный взглядъ былъ совершенно неоснователенъ. Странно было находить явленія нѣмецкой университетской жизни у насъ, гдѣ ни самъ университетъ, ни профессоръ, болѣею частью отсталые и невѣжественные, ни студенты, 17—19-лѣтніе юноши, грѣшившіе болѣе шалостями и кутежами, не подавали къ тому никакого повода. Въ реформѣ

¹⁾ Записки Михайловскаго-Данилевскаго. „Русск. Стар.“ 1890 г., т. XI.

школы императоръ Николай I видѣлъ первое и самое дѣйствительное средство для отрезвленія общества отъ дурновѣрныхъ помысловъ. Рескриптомъ 14-го мая 1826 г. былъ образованъ „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній“, которому предписывалось „безъ всякаго отлагательства“ сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ и кончая университетами, разсмотрѣть преподаваемые въ нихъ курсы учений и ввести „необходимое единообразіе, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе“.

Реорганизация какъ университета, такъ и средней школы въ интересахъ однообразнаго научнаго преподаванія представлялась въ виду ихъ нестройства вполне своевременною. Но къ общей реформѣ было приступлено тогда не подъ влияніемъ педагогическихъ, а подъ влияніемъ главнымъ образомъ политическихъ соображеній. Побудительной причиною, заставившей правительство обратить свое вниманіе на университеты, было не плачевное ихъ состояніе, а желаніе искоренить питавшіяся въ нихъ вредныя, либеральныя начала. Спасительное противъ этого явленія средство увидѣли въ томъ единообразіи, которое должно было проникать всю учебную систему, все устройство каждой школы, весь бытъ до послѣднихъ мелочей обучающагося юношества. Были убѣждены, что отсутствіе единообразія влекло молодежь къ распущенности, а затѣмъ къ своевольству и „буйному расположенію умовъ“. Поэтому на первое время, оставивъ заботы о единообразіи въ наукѣ, устремили все вниманіе на водвореніе его въ воспитаніи и внѣшнемъ устройствѣ учебныхъ заведеній. Другая идея, положенная въ основу предполагавшихся реформъ, была та, что школа должна не только учить, но и воспитывать, и что это воспитаніе должно находиться въ рукахъ государства. Эта идея ярко выражена въ запискѣ Пушкина, поданной государю. „Должно увлечь все юношество,—писалъ онъ,—въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удерживать; дать ему время перекипѣть и обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ... Нечего колебаться—во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное“.

Въ манифестѣ 13-го іюля 1826 г., объявлявшаго участь декабристовъ, указывалось родителямъ на необходимость „нравственнаго воспитанія дѣтей“.

„Не просвѣщенію, но праздности ума,—гласилъ манифестъ,—болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную росвошь

полупознаній, должно приписать сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ“.

Новое направленіе коснулось московскаго университета черезъ годъ послѣ паденія министерства кн. Голицына, когда 19-го іюля 1825 г. былъ уволенъ отъ должности попечителя кн. А. П. Оболенскій. Съ уходомъ Оболенскаго и оканчивался „патріархальный періодъ“ московскаго университета.

Полная свобода отличала университетъ того времени. Начальство мало имъ занималось; никто не слѣдилъ за тѣмъ, аккуратно ли и чтó читають профессора и посѣщаютъ ли лекціи студенты. Студенческая жизнь до кончины императора Александра I была привольная. Студенты не видали попечителя, встрѣчаясь съ нимъ лишь на аятѣ, да и съ ректоромъ Провопвичемъ-Антонскимъ приходилось имѣть дѣло только вступающимъ въ университетъ, кутиламъ и забіякамъ.

По своему поведенію даже на лекціяхъ студенты мало чѣмъ отличались отъ школьничковъ; послѣдніе даже выигрывали въ этомъ отношеніи, имѣя какую-нибудь дисциплину, тогда какъ въ университетѣ она совершенно отсутствовала. Студенческіе нравы были довольно грубы. Правда, не существовало уже кулачныхъ боевъ, которые устраивались студентами въ началѣ столѣтія, но не было недостатка въ уличныхъ скандалахъ и буйныхъ столкновеніяхъ съ полиціей.

Мундиры и обязательная форма не были еще введены, и каждый былъ одѣтъ какъ могъ и какъ хотѣлъ; другіе не снимали даже фризовыхъ шинелей, прикрывая ими ветхость своего одѣянія.

„Тогда модный изящный сюртукъ или полуфракъ безразлично усаживался съ фризовой шинелью или выцвѣлымъ демикотоновымъ сюртукомъ или казакиномъ; кандидатъ вончившій курсъ, студентъ 30 лѣтъ, студентикъ 15-лѣтній, преклонныхъ лѣтъ любознательный сенатскій чиновникъ, армейскій офицеръ — все это сидѣло, стояло, лѣпилось, гдѣ попало, на изящныхъ лекціяхъ Мерзлякова“¹⁾.

Инспекторы и ихъ помощники были профессора или адъюнкты и, занятые собственными дѣлами, мало наблюдали за поведеніемъ, а тѣмъ болѣе нравственнымъ воспитаніемъ студентовъ.

¹⁾ Записки Мурзакевича. „Русская Старина“ 1887 г., февраль.

О существованіи же у нихъ политической неблагонадежности или вредномъ направленіи мыслей не было еще и помину.

„Болтать даже и въ самыхъ стѣнахъ университета, — по свидѣтельству Пирогова, — можно было вдоволь, о чемъ угодно, и веривъ, и вѣось. Шпіоновъ и наушниковъ не водилось, университетской полиціи не существовало, даже и педелей не было. Городская полиція не имѣла права распоряжаться съ студентами, и провинившихся должна была доставлять въ университеты. О какихъ-либо демонстраціяхъ никогда никто не слыхалъ. А надо замѣтить, что это было время тайныхъ обществъ и недовольства; запрещенныя цензурой вещи ходили по рукамъ, читались студентами съ жадностью и во всеуслышаніе; чего-то смутно ожидали. Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переключки по спискамъ, но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ, у которыхъ и слушать было нечего, и нечему научиться“¹⁾.

Въ отношеніяхъ между попечителемъ, профессорами и студентами не существовало той официальности, которую старались ввести въ слѣдующіе годы, и на всемъ университетскомъ быту лежала печать патріархальности. Нѣкоторые почтенные представители профессорскаго сословія, отечески строгіе въ обращеніи со студентами, на которыхъ смотрѣли какъ на швольниковъ, не отказывались иногда и отъ добровольныхъ родительскихъ приношеній и благодарностей.

Московскій университетъ въ періодъ самаго разгара реакціи сохранялъ тѣ свои права и коллегіальное устройство, которыя были дарованы ему утвердительной грамотой и уставомъ 1804 г. Совѣтъ и правленіе управляли университетомъ самостоятельно, безъ особаго вмѣшательства попечителя, который уважалъ его права и традиціи и предоставлялъ полную свободу теченію университетской жизни.

О миролюбивыхъ отношеніяхъ, господствовавшихъ тогда между попечителемъ и подвѣдомственными ему заведеніями, даетъ прекрасное понятіе его прощальный циркуляръ отъ 11 августа 1825 г. Извѣщая совѣтъ о своемъ увольненіи отъ должности и изъявивъ свою сердечную благодарность всѣмъ чиновникамъ университета и его округа, кн. Оболенскій заключалъ циркуляръ слѣдующими словами: „Въ девятилѣтнее служеніе мое въ званіи попечителя я не имѣлъ никогда ни малѣйшаго неудовольствія ни

¹⁾ Записки Пирогова.

отъ кого изъ почтенныхъ сослуживцевъ моихъ. Сіе останется драгоценнымъ памятникомъ на всю мою жизнь, и чувство благодарности къ почтенному сословію, котораго я имѣлъ честь быть начальникомъ, никогда не изгладится изъ сердца моего¹⁾).

Такое мирное существованіе московскаго университета было нарушено съ назначеніемъ въ попечители—по выбору Шишкова—генераль-маіора А. А. Писарева, которому поручалось привести въ порядокъ и поставить на должную высоту этотъ старѣйшій разсадникъ просвѣщенія.

Дѣйствительно, при томъ патріархальномъ строѣ, который господствовалъ тогда въ университетѣ, было не мало недостатковъ, требовавшихъ возможно скорого исправленія. Московскій университетъ, обновленный и приведенный въ цвѣтущее состояніе въ началѣ столѣтія стараніями попечителя М. Н. Муравьева, черезъ двадцать лѣтъ пришелъ въ сильный упадокъ. Научное преподаваніе стояло на весьма низкомъ уровнѣ; большинство профессоровъ, частью уже устарѣлыхъ, частью бездарныхъ, далеко отставали отъ современной европейской науки. Требовалось обновленіе преподавательскаго состава новыми молодыми силами и освѣженіе затхлой университетской жизни съ его отжившими своей вѣкъ нравами и обычаями. Нельзя не указать и на необходимы тогда измѣненія въ порядкѣ испытаній, которыя совершались домашнимъ образомъ и не всегда были лишены лицепріятія со стороны экзаменаторовъ.

Но эти слабыя стороны университета мало тогда повидимому занимали новое начальство и самого министра. Если они интересовались наукой, то совершенно съ иной стороны. Если въ началѣ столѣтія правительство, возстановляя университетъ, старалось приблизить его по научному преподаванію къ университетамъ Запада и насадить въ немъ европейскую науку, то теперь оно видѣло въ ней источникъ многихъ общественныхъ бѣдствій и направляло заботы къ огражденію юношества отъ того тлетворнаго вліянія, которое оказывали не въ мѣру преподаваемые науки. Военными порядками, должнымъ чиновочитаніемъ, бдительной полиціей, строгимъ формализмомъ думали исправить различные недостатки университетовъ. Тогда, въ 1825-26 г., впервые появился въ московскомъ университетѣ вопросъ о благонамѣренномъ направленіи какъ самихъ профессоровъ, такъ и ихъ преподаванія, вопросъ новый, совершенно до того времени

¹⁾ Дѣла канцеляріи попечителя 1825 г., № 196.

не поднимавшійся, о которомъ не зналъ университетъ Александровскаго царствованія.

Новый попечитель Писаревъ былъ для московскаго университета явленіемъ необыкновеннымъ. До него въ кураторы и попечители назначались чаще всего вельможи, имѣвшіе то или другое соприкосновеніе съ наукой, люди независимые, не смотрѣвшіе на себя какъ на простыхъ подчиненныхъ министру чиновниковъ. Достаточно указать на Шувалова, Хераскова, Разумовскаго, Муравьева. Писаревъ представлялъ имъ полную противоположность. Онъ былъ отставной бригадный генераль, и легкомысліе, грубость и крайняя невѣжественность являлись его отличительными качествами. Считая себя главнымъ образомъ точнымъ исполнителемъ велѣній и желаній министра, самъ всецѣло подчиняясь и при случаѣ заискивая и даже унижаясь передъ начальствомъ, онъ требовалъ къ себѣ подобнаго же отношенія.

Писаревъ вступилъ въ должность 11 августа 1825 г. Какъ можно предполагать, онъ самъ хлопоталъ объ этомъ мѣстѣ, такъ какъ министр, поздравляя его съ назначеніемъ, „душевно радовался, что исполнилось его желаніе“.

23 августа состоялось въ университетѣ представленіе Писареву профессоровъ, къ которымъ онъ обратился съ привѣтственной рѣчью. При этомъ онъ приказалъ снять съ бюста Александра I закрывавшее его покрывало, „чтобы самъ Государь,—сказалъ попечитель,—былъ свидѣтелемъ нашихъ чувствованій“.

Новый попечитель былъ снабженъ Шишковымъ наставленіемъ, въ которомъ выяснялись предстоящія ему задачи.

„Подъ глазами вашими,—писалъ ему министр,—будетъ образовываться немалая часть ученыхъ нашихъ, и тринадцать тысячъ юношей будутъ возрастать подъ руководствомъ вашимъ. Отъ успѣха распоряженій вашихъ зависитъ польза, которой въ правѣ ожидать отъ нихъ правительство, родители и общество; подѣ благотворнымъ вашимъ наитіемъ должна созрѣть надежда будущихъ поколѣній въ одиннадцати областяхъ государства“. Особенному вниманію Писарева поручался университетъ, который „требовалъ съ его стороны непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора“. Изложивъ свои взгляды на задачи просвѣщенія, Шишковъ призывалъ его „употребить всѣ силы свои къ водворенію и распространенію просвѣщенія во ввѣренномъ округѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ я оное вамъ предлагаю и которое по моему и всѣхъ благомыслящихъ людей разумѣнію есть едино истинное и полезное“¹⁾.

¹⁾ Сборникъ распор. мин. нар. проsv., т. I, № 260.

Писаревъ съ усердіемъ принялся за дѣло. Необычное до него количество распоряженій, предписаній, предложеній попечителя наполнило коллегіи университета, отъ которыхъ требовалось немедленное исполненіе. Онъ самъ входилъ во всѣ дѣла до послѣднихъ мелочей, разрѣшая ихъ со свойственнымъ для бригаднаго генерала пониманіемъ университетской жизни. Особенное вниманіе онъ обратилъ на „необходимое единообразіе“, которое съ замѣчательною послѣдовательностью и настойчивостью проводилъ онъ, начиная съ мундирныхъ пуговиць, тюфяковъ, постельныхъ принадлежностей и кончая преподаваніемъ философскихъ наукъ. Писаревъ не понималъ полезности коллегіальнаго университетскаго управленія, терпѣлъ его съ неудовольствіемъ, видя въ немъ скорѣе тормазъ своимъ начинаніямъ. Въ выборномъ началѣ онъ находилъ причины многихъ неустройствъ и мечталъ о скорѣйшемъ его уничтоженіи. Профессора, привышіе къ старымъ обычаямъ, должны были враждебно отнестись къ порядкамъ, заводимымъ попечителемъ. Грубость и безтактность Писарева должны были еще больше увеличить неудовольствія; не замедлили явиться и столкновенія его съ совѣтомъ и профессорами. Среди студентовъ, которыхъ Писаревъ въ особенности хотѣлъ подтянуть, онъ съ перваго своего появленія сталъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ.

16 сентября 1825 г. совѣтъ получилъ первый циркуляръ новаго попечителя, содержащій программу его дѣйствій.

„При вступленіи моемъ въ должность,—гласила бумага,—я имѣлъ въ виду ту истину, что науки, изощряющія умъ безъ вѣры и нравственности, не составляютъ благоденствія народнаго. Держась сего правила, предлагаю университетскому совѣту слѣдующее:

„1) Поручить ректору имѣть неослабный надзоръ, чтобы въ урокахъ профессоровъ ничего колеблющаго или ослабляющаго ученія нашей вѣры не укрывалось.

„2) Учить Закону Божію съ тою внимательностью, каковой требуетъ важность сего дѣла, отнюдь не вдаваясь въ лжемистику и не увлекаясь ложной филантропіей, поставляющей всѣ ереси на ряду съ истинною христіанскою вѣрою.

„3) Наблюдать, чтобы ученики и студенты не устранялись отъ исполненія правилъ церковныхъ. Они должны въ праздничные дни находиться при слушаніи Божественной литургіи; а въ будни собираться на общественную молитву, установя между ними чтеніе св. Писанія по славянскому тексту съ толкованіемъ св. отцовъ и учителей церкви.

„4) Я желаю, чтобы между лицами, принадлежащими каждому учебному заведенію, при надлежащемъ повиновеніи начальству водворялись миръ и согласіе“.

Далѣ слѣдуютъ предписанія того же характера объ устраненіи тѣхъ явленій, которыя могутъ имѣть „пагубное наитіе на нравы образуемаго юношества“.

Науку мало удѣлено мѣста въ распоряженіяхъ попечителя. Упоминается лишь о необходимости безпристрастности и строгости на экзаменахъ и предлагается „приложить все возможное стараніе къ обученію юношества російскому языку и отечественной словесности и внушать при всякомъ удобномъ случаѣ преданность къ престолу, повиновеніе къ властямъ и увѣрять въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и всему отечественному“.

Попечитель призывалъ членовъ совѣта „усугубить стараніе свое и дѣятельность къ приведенію университета въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ долженствуетъ онъ быть, чтобы оправдать Высочайшее о немъ попеченіе и показать на дѣлѣ, что не втунѣ изливались на него въ продолженіе болѣе нежели 70 лѣтъ щедроты монарховъ нашихъ“¹⁾.

Одновременно съ этимъ послѣдовало особое предложеніе цензурному комитету²⁾.

„Цензура книгъ, предоставленная университету по всему московскому учебному округу, требуетъ особеннаго вниманія. Хитрыя увертки и извороты разума, подъ которыми въ наше время развратъ и невѣріе распространяютъ нечестивыя мудрствованія во вреду религіи, правительства и гражданскаго общества—вотъ тѣ предметы, на которые цензурный комитетъ долженъ обратить все свое вниманіе. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя, вѣрадишись единожды во всеобщее употребленіе, могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства“.

Надо замѣтить, что въ своихъ распоряженіяхъ Писаревъ проявилъ мало самостоятельности и заимствовалъ ихъ содержаніе изъ тѣхъ наставленій, которыя самъ онъ получилъ отъ Шишкова. Но для московскаго университета они, какъ и послѣдующій образъ дѣйствій попечителя, были совершенно новы и не могли не удивить членовъ профессорской корпораціи. Надо полагать, что

¹⁾ Дѣла канцеляріи попечителя 1825 г., № 196.

²⁾ То же дѣло; 28 сент., № 6745.

быть студенчества съ его нравами и обычаями въ особенности поразилъ Писарева. Онъ прежде всего обращаетъ свое вниманіе на вопросъ о нравственномъ воспитаніи студентовъ и водвореніи въ ихъ быту единообразія и строгой дисциплины. Начато, конечно, было съ обязательнаго ношенія студенческой формы, къ чему попечитель питалъ особый интересъ, едва ли не большій, чѣмъ къ университетской наукѣ. Но ввести форму было не легко и стоило попечителю много труда, а университетское начальство оказывало въ этомъ дѣлѣ мало содѣйствія. Студенты слишкомъ привыкли къ прежнимъ порядкамъ, форма какъ-то не клеилась, при вицъ-мундирѣ надѣвались гороховые панталоны, шаровары, круглыя шляпы и т. п. Все это до глубины души мучило Писарева, студентовъ же забавляло, хотя они иногда и платились за свои продѣлки заключеніемъ въ карцерѣ.

Не могъ удовлетворить попечителя и существовавшій тогда надзоръ за студентами, раздѣленный между двумя инспекторами изъ ординарныхъ профессоровъ, которые совершенно не занимались своими питомцами, предоставляя имъ почти полную свободу. Попечитель предложилъ совѣту немедленно составить инструкціи для опредѣленія обязанностей и образа дѣйствія инспекторовъ. Но совѣтъ не торопился, и послѣ нѣсколькихъ напоминаній о своемъ приказаніи Писаревъ самъ принялся за ихъ сочиненіе. По инструкціи для инспектора казенныхъ студентовъ ¹⁾ главная его обязанность состоитъ въ томъ, „чтобы сдѣлать ихъ истинными сынами православной церкви, вѣрнопопаданными Государю и Отечеству“.

Инструкція эта, состоявшая изъ тридцати параграфовъ, подробно опредѣляла дѣятельность инспектора и весь образъ жизни студентовъ. На первомъ планѣ стоитъ обязанность инспектора наблюдать за исполненіемъ со стороны студентовъ ихъ религиозныхъ обязанностей. Ежедневно въ его присутствіи утромъ и вечеромъ происходитъ чтеніе молитвъ, а по праздникамъ онъ самъ долженъ вести студентовъ въ церковь. По 4—7 параграфамъ инспекторъ „смотритъ за здоровьемъ и нравственностью воспитанниковъ и не долженъ упускать изъ виду ничего, могущаго служить во внутреню имъ добрыхъ правилъ и навыковъ; въ ежедневномъ съ ними обращеніи, въ частныхъ и общихъ разговорахъ наблюдаетъ склонность каждаго, не теряетъ изъ виду ни малѣйшаго предосудительнаго поступка и въ самомъ началѣ искореняетъ худыя привычки и поощряетъ къ благонравію, утверждая ихъ въ ономъ

¹⁾ Дѣла Совѣта 1826 г., № 398.

собственнымъ примѣромъ. Онъ наблюдаетъ, чтобы студенты не были праздно, но употребляли бы время свое какъ можно съ большей пользой. Въ особую обязанность поставляется ему смотрѣть, чтобы студенты не читали вредныхъ и соблазнительныхъ книгъ, удалялись дурныхъ сообществъ и не ходили въ неприличные мѣста. Оградивъ такимъ образомъ чистоту нравственности, инспекторъ обязанъ стараться „сдѣлать студентовъ крѣткими и покорными начальству; для сего онъ не долженъ терпѣть между ними ни лжи, ни злословія, ни распрей, ни словъ порицательныхъ и грубыхъ“. Инспекторъ посѣщаетъ комнаты студентовъ, „нерадивыхъ увѣщеваніями привлекаетъ къ должности и старается возбудить прилежаніе къ ученію“. По инструкціи студентъ въ теченіе всего дня ставится подъ бдительный и строгій надзоръ, подвергаясь наказаніямъ за всякое ослушаніе и проступокъ. Но представлялось ли тогда возможнымъ исполненіе этихъ правилъ для нравственнаго воспитанія юношества? Отвѣтомъ можетъ служить характерное описаніе университетскаго общежитія казенныхъ студентовъ, принадлежащее Н. И. Пирогову. „О Богѣ и церкви,—разсказываетъ Пироговъ ¹⁾),—сыны церкви изъ десятаго номера знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ полнымъ пренебреженіемъ. Всѣ запрещенные стихи ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ. Понятій о нравственности десятаго номера, несмотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ, полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль десятаго номера, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи. Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Номеръ накопляется. Дверь то-и-дѣло хлопаетъ. Солдатъ-старикъ Яковъ, ветеранъ, служитель номера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ. Входятъ разомъ человѣка четыре, двое номерныхъ студентовъ, одинъ чужой и высокій, здоровенный протоіаконовъ. Шумъ, крикъ, гамъ. Протоіаконовъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ подъ черною печатью за паухой, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается съ восклицаніемъ: „ну-ка, отецъ іаконовъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ“. — „Весьма охотно“, — глухимъ басомъ и съ раз-

¹⁾ Записки Пирогова, „Русская Старина“ 1885 г., февраль.

становкой отвѣчаетъ протодіаконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще,—такъ до положенія ризъ.

„— Знаете ли вы,—говорить мнѣ кто-то изъ жильцовъ десятиаго номера,—что у насъ есть тайное общество? Я членъ его, я и масонъ“.

— Что же это такое?

„— Да такъ, надо же положить конецъ“.

— Чему?

„— Да правительству,—ну его къ чорту“.

И я послѣ этого открытія смотрю на господина, сообщившаго мнѣ такую любопытную вещь, съ какимъ-то подобострастіемъ“...

Приведенное описаніе у Пирогова говоритъ, какъ далеко отстояла возможность внушенія студентамъ „добрыхъ правилъ и навыковъ“, и какъ послѣдніе могли встрѣтить новые порядки, предложенные попечителемъ. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ какъ Писаревъ принялся за приведеніе въ порядокъ московскаго университета,—разразились декабрьскія событія. Нѣтъ сомнѣнія, что университетъ былъ совершенно непричастенъ ко всему движенію, но въ глазахъ правительства онъ могъ быть оставленъ въ подозрѣніи. Причина могла заключаться здѣсь въ той связи, которую по своему воспитанію имѣли съ московскимъ университетомъ многіе видные дѣятели заговора. Цѣлый рядъ декабристовъ: кн. Оболенскій, Крюковъ, Бобринцевъ-Пушкинъ, Басаргинъ, бар. Черкасскій, гр. Чернышевъ, Якубовичъ, Мухановъ и др., были воспитанниками университетскаго Благороднаго пансіона и Муравьевскаго училища колонновожатыхъ. Послѣднее, существуя совершенно независимо отъ университета, тѣмъ не менѣе было соединено съ нимъ съ самаго своего основанія. Оно возникло въ кружкѣ молодыхъ студентовъ и кандидатовъ по мысли М. Н. Муравьева (впослѣдствіи графъ, извѣстный подъ именемъ Виленскій), основавшихъ въ 1811 году „Общество математиковъ“, которое, „возбуждаемое истинною и чистѣйшею любовью къ отечеству“, открыло публичные и общедоступные курсы математики и военныхъ наукъ. Возобновленные послѣ отечественной войны въ 1815 году, они были переименованы, по предложенію кн. П. М. Волконскаго, въ „Московское училище для колонновожатыхъ“ и имѣли цѣлью „приготовленіе російскаго дворянства къ военному званію, особенно же къ службѣ генеральнаго штаба“. Профессоры университета И. А. Геймъ, Ѳ. И. Чумаковъ, П. С. Щепкинъ, изъ которыхъ послѣдній былъ основателемъ общества, вступили въ число преподава-

телей. Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами ¹⁾, было характернымъ выраженіемъ того общественнаго духа, который пробуждался въ русскомъ обществѣ времямъ императора Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ идеальную любовь къ отечеству и ревностное желаніе служить его благу. Стоявшіе во главѣ училища М. Н. Муравьевъ, кандидатъ московскаго университета, и П. И. Калошинъ принимали дѣятельное участіе въ тайныхъ обществахъ, куда вступили, по выходѣ офицерами въ генеральный штабъ, многіе изъ ихъ учениковъ.

Въ апрѣлѣ 1826 года состоялось повелѣніе государя произвести черезъ флигель-адъютанта, гр. С. Г. Строганова, ревизію московскаго университета. О причинахъ, вызвавшихъ эту ревизію, можно заключить изъ предписанія, которое получилъ Строгановъ отъ начальника главнаго штаба, Дибича ²⁾. „Дошло до свѣдѣнія Государя Императора, — писалъ онъ, — что между воспитанниками Московскаго Университета, а наипаче принадлежащаго къ оному Благороднаго Пансіона, господствуетъ неприличный образъ мыслей“. Строганову поручалось обратить вниманіе на профессоровъ, учителей, наставниковъ университета и Благороднаго пансіона, разсмотрѣвъ въ особенности:

„1) Не кроется ли чего вреднаго для существующаго порядка вещей и противнаго правиламъ гражданина и подданнаго въ системѣ учебнаго преподаванія наукъ?

„2) Каково нравственное образованіе юныхъ питомцевъ и доказываетъ ли оно благонамѣренность самихъ наставниковъ, ибо молодые люди обыкновенно руководствуются внушаемыми отъ назидателей своихъ правилами“.

О томъ, что именно могло дойти до свѣдѣнія государя и породило сомнѣнія въ благонамѣренномъ направленіи университета, остается совершенно неизвѣстнымъ. Но порученіе Строганову обратить вниманіе, „не кроется ли чего вреднаго для существующаго порядка вещей“, даетъ основаніе предположить, что опасенія эти стояли въ связи съ декабрьскими происшествіями. Одновременно съ предписаніемъ Строганову Дибичъ увѣдомилъ попечителя Писарева о предстоящемъ прибытіи ревизора въ Москву. Но истинная цѣль пріѣзда Строганова была скрыта.

¹⁾ Училище содержалось на средства и въ домѣ Н. Н. Муравьева; все преподаватели занимались безплатно.

²⁾ 17 апр. 1826 г., № 722. „Русская Старина“ 1902 г., апрѣль.

Осмотръ университета, который поручался ему, былъ объясненъ желаніемъ государя, до своего прибытія на коронацію, „имѣть ближайшія свѣдѣнія о всѣхъ знаменитыхъ заведеніяхъ древней столицы“.

Въ маѣ Строгановъ пріѣхалъ въ Москву, подробно осматривалъ университетъ и, къ большому недоумѣнію профессоровъ и студентовъ, усердно посѣщалъ лекціи.

Пріѣздъ Строганова совпалъ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся событій въ жизни университета того времени—съ возобновленіемъ катедры философіи, которая не преподавалась уже болѣе пяти лѣтъ. Въ 1821 г. умеръ престарѣлый профессоръ философіи Брянцевъ. Совѣтомъ университета былъ избранъ преемникомъ ему адъюнктъ И. И. Давыдовъ, котораго тогда же представилъ попечитель на утвержденіе министра. Но утвержденія этого не послѣдовало, и тѣмъ самымъ преподаваніе логики и философіи въ московскомъ университетѣ было прекращено.

Въ 1823, 1824 и 1825 годахъ, съ началомъ каждаго учебнаго года, совѣтъ возобновлялъ передъ министромъ свои ходатайства, указывая и на то, что преподаваніе этихъ предметовъ положено по уставу, и знаніе ихъ требуется на экзаменахъ въ ученія степени. Но ходатайства оставались безъ всякаго отвѣта. Въ 1825 г. просилъ о томъ же и самъ Давыдовъ, но все безуспѣшно. Министерство лишь запросило попечителя, „ето именно преподаетъ нынѣ сіи науки (логику и исторію философіи) въ университетѣ“, и получивъ въ отвѣтъ, что катедра съ 1821 г. остается праздною, умогло, не разрѣшивъ вопроса и не запретивъ официально преподаванія опасной науки. Новый попечитель Писаревъ, хотя и относился самъ съ большимъ предубѣжденіемъ къ философіи, снова просилъ министра открыть катедру, такъ какъ „находилъ преподаваніе сего предмета во всѣхъ прочихъ университетахъ продолжающимся и въ московскомъ университетѣ необходимымъ“... ¹⁾

Наконецъ, послѣ пятилѣтняго молчанія министерства, Шишковъ, 12-го февраля 1826 г., писалъ Писареву: „Я согласенъ, чтобы въ московскомъ университетѣ изъ философскихъ наукъ преподаемы были логика и исторія философіи, и чтобы катедра была предоставлена ординарному профессору Давыдову ²⁾, съ тѣмъ, однакоже, чтобы вы имѣли непосредственный надзоръ за преподаваніемъ сказанныхъ предметовъ“. Тогда же ученый

¹⁾ 13 января 1826 г., № 11.

²⁾ Давыдовъ занималъ тогда катедру римской словесности.

комитетъ одобрилъ принятія Давыдовымъ для чтенія руководства: для логики—Карпе (принятое въ духовныхъ академіяхъ), и для исторіи философіи—Дежерандо, такъ какъ они были „извѣстны по своему безвредному содержанію“. Итакъ, наконецъ, вопросъ былъ разрѣшенъ, и 12-го мая была назначена вступительная лекція Давыдова на тему: „О возможности философіи какъ науки“. Лекція приняла видъ какого-то торжества. Она состоялась въ присутствіи почти всего университетскаго совѣта, во главѣ съ попечителемъ, многочисленныхъ посѣтителей и массы студентовъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ открытія чтеній по философіи. Здѣсь же присутствовалъ и гр. С. Г. Строгановъ.

Достойно вниманія вступленіе, которымъ началъ лекцію Давыдовъ. Оно характеризуетъ какъ время, такъ и самого лектора.

„Восходя на сію каедру, съ которой достопочтеннѣйшіе члены знаменитаго нашего святилища наукъ и незабвенные мои наставники, съ честью занимаясь преподаваніемъ философіи, разливали свѣтъ мудрости, сколько радуюсь, становясь преемникомъ славныхъ ученостью мужей и долговременнымъ опытомъ искушенныхъ, столько же робѣю, когда помышляю и о важности предмета, и о предстоящихъ трудностяхъ въ изложеніи, и о силахъ для сего потребныхъ, особенно для удовлетворенія ожиданій, въ продолженіе пяти лѣтъ по прекращеніи чтеній философскихъ возраставшихъ. Но подерѣпляемый покровительствомъ вашего превосходительства, нашъ благодѣтельный начальникъ, объ открытіи сихъ чтеній ходатай; ободряемый вами, милостивые государи, меня въ сіе званіе избравшими, и вида передъ собой тѣхъ юныхъ друзей, съ которыми уже подвизался я на поприщѣ ученія и коихъ блистательные успѣхи и одобрительный отзывъ служили мнѣ сладостнѣйшимъ, высшимъ въ нашемъ дѣлѣ вознагражденіемъ,—удостоверюсь, что и въ предстоящихъ занятіяхъ буду имѣть счастье заслужить довѣренность и по возможности общей пользѣ содѣйствовать“.

Затѣмъ, обратившись къ образу Спасителя, Давыдовъ произнесъ по-гречески: „Премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрыхъ Наказателю и нищихъ Защитителю! утверди, вразуми сердце мое, Владыко; Ты даждь ми слово, Отчее Слово“!

Лекція раздѣлялась на три части, представляющія развитіе одного полнаго силлогизма: всякое знаніе (наука) имѣетъ содержаніе и форму; философія имѣетъ содержаніе и форму: слѣдовательно философія есть наука.

„Философія, въ смыслѣ науки принимаемая, есть психологія, ведущая къ открытію единства въ знаніи и бытіи“. Самая инте-

ресная для слушателей послѣдняя часть лекціи содержала въ себѣ критику анти-философскаго направленія въ наукѣ и произвела большую сенсацію, тѣмъ болѣе, что большинство профессоровъ, засѣдавшихъ на чтеніи, и не знало философіи, и не цитало любви къ ней. Всѣ они были эмпирики и здѣсь публично должны были въ присутствіи студентовъ выслушать осужденіе эмпиризма.

Лекція имѣла выдающійся успѣхъ. Давыдовъ торжествовалъ; его засыпали поздравленіями. Но торжество философіи въ московскомъ университетѣ было кратковременно. Второй лекціи своимъ слушателямъ Давыдову прочесть уже не пришлось. 20-го іюня (№ 877) Шишковъ предложилъ Писареву „по нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ учинить немедленное распоряженіе о прекращеніи преподаванія профессоромъ Давыдовымъ логики и исторіи философіи“. Причины эти не были тогда разъяснены попечителю, но, какъ мы убѣдимся ниже, можно предположить, что онѣ заключались въ томъ далеко не благопріятномъ отзывѣ, который высказалъ о Давыдовѣ въ своемъ донесеніи гр. Строгановъ. Есть, кромѣ того, свидѣтельство одного изъ современниковъ—дѣлопроизводителя попечительской канцеляріи Третьякова, который въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что чтеніе философіи послѣ вступительной лекціи тогда же было прекращено собственнымъ распоряженіемъ графа Строганова. „Строгановъ, — сообщаетъ Третьяковъ, — выслушавъ лекцію, запретилъ дальнѣйшее чтеніе объ этомъ предметѣ. Такое неожиданное распоряженіе флигель-адъютанта произвело на всѣхъ членовъ университета сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, я имѣю причину полагать, что Писаревъ имѣлъ отъ директора Языкова свѣдѣніе, что бывший министръ кн. Голицынъ, въ 1825 г., доносилъ императору Александру I, что открытое распространеніе философіи въ университетахъ ввергаетъ въ близкую опасность и церковь Господню, и отечественное управленіе, а потому умолялъ государя уничтожить это зловредное ученіе въ самомъ его началѣ. Но при всемъ томъ Писареву не было извѣстно, этимъ ли донесеніемъ руководствовался гр. Строгановъ“¹⁾.

Какъ мы видѣли изъ предписанія Шишкова, было прекращено чтеніе философіи профессоромъ Давыдовымъ, но ничего не упоминалось о закрытіи самой каяедры. Въ дѣйствительности же тогда послѣдовало полное прекращеніе преподаванія этого предмета, и лишь черезъ десять лѣтъ, съ введеніемъ новаго устава,

¹⁾ „Русская Старина“, сентябрь 1892 г.

московскому университету явилась возможность возобновить запустѣвшую съ 1821 г. кафедру философіи.

О томъ интересѣ, который возбудила въ обществѣ лекція Давыдова, можно судить по той быстротѣ, съ которой разошлись въ продажѣ ея печатные экземпляры. Одновременно съ закрытіемъ преподаванія, Шишковъ предписалъ остановить выпускъ въ обращеніе печатныхъ экземпляровъ вступительной лекціи Давыдова¹⁾. Приказаніе министра не могло, однако, быть исполнено, такъ какъ комиссіонеръ университета Ширяевъ донесъ, что все изданіе, за исключеніемъ десяти экземпляровъ, распродано.

Вскорѣ послѣ описаннаго событія, окончивъ осмотръ университета и Благороднаго пансіона, гр. Строгановъ уѣхалъ въ Петербургъ. Писаревъ донесъ министру, что графъ всѣ заведенія „нашелъ въ полномъ порядкѣ“.

Но попечитель сильно ошибся въ этомъ, въ чемъ и долженъ былъ убѣдиться, получивъ изъ Петербурга, немного времени спустя, секретное сообщеніе.

21-го іюля (№ 880) Шишковъ писалъ ему, что изъ представленнаго государю гр. Строгановымъ донесенія объ осмотрѣ московскаго университета и Благороднаго пансіона видно, „что на нравственность студентовъ, живущихъ внѣ университета, не обращается должнаго вниманія, и что мало есть пороковъ, въ которыхъ бы не обвиняло ихъ общее мнѣніе. Отыскивая причины такового упущенія въ университетскомъ управленіи, Строгановъ въ особенности приписываетъ оное прежнему порядку вещей и неспособности нынѣшняго ректора Антонскаго“.

Особенно рѣзкій отзывъ далъ ревизоръ о Благородномъ пансіонѣ. Изъ того же донесенія, — писалъ далѣе Шишковъ, — видно, „что Благородный университетскій пансіонъ можно съ большей основательностью назвать школою разврата, нежели домою воспитанія; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе о семъ заведеніи родителей и другихъ благомыслящихъ людей, которые искренно соболѣзнуютъ и сокрушаются о происходящихъ тамъ безпорядкахъ. Директоръ пансіона (Антонскій) — человекъ пустой и неспособный, удерживается на семъ мѣстѣ, какъ кажется, одними видами корысти и только по имени начальствуетъ пансіономъ. Инспекторъ пансіона Давыдовъ занимаетъ послѣ него главное мѣсто, и ему-то можно приписать большую часть безпорядковъ, замѣченныхъ въ семъ заведеніи, и дурной водворившійся въ немъ духъ. Судя вообще о мнѣніяхъ Давыдова, еслибы даже и пре-

¹⁾ Дѣла попечит. канцеляріи 1826 г., № 95.

подаванія его не были подозрительны, уже одни его педагогическія правила, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя принимаются основаніемъ общественнаго воспитанія, должны были воспрепятствовать довѣренію ему образованія юношества“.

Сообщая эти, доведенныя до Высочайшаго свѣдѣнія, замѣчанія Строганова, министръ просилъ попечителя, „оставивъ ихъ въ тайнѣ, употребить все возможное съ своей стороны стараніе о немедленномъ прекращеніи вышеизложенныхъ безпорядковъ и по переимѣнѣ чиновниковъ, допускающихъ и питающихъ оныя сдѣлать ему немедленное представленіе“. Въ заключеніе предписывалось „обратить преимущественное вниманіе на попеченіе о правахъ воспитываемаго подъ вѣдѣніемъ московскаго университета юношества, усилить надзоръ надъ воспитанниками учебныхъ заведеній и имѣть строгое наблюденіе за направленіемъ преподаваній профессоровъ и учителей“... ¹⁾

Полное донесеніе, представленное гр. Строгановымъ государю, неизвѣстно, и приходится довольствоваться вышеприведеннымъ сообщеніемъ Шишкова. Слѣдуетъ предположить, что осмотръ Строганова коснулся главнымъ образомъ нравственно-воспитательной стороны университета и пансіона, господствовавшего въ нихъ духа и направленія преподаванія, и не распространялся на научную постановку дѣла.

Въ донесеніи особенный интересъ представляетъ отзывъ Строганова о Благородномъ пансіонѣ, пользовавшемся громкой извѣстностью образцоваго учебнаго заведенія, которому русское дворянство отдавало даже предпочтеніе передъ университетомъ.

Строгановъ нанесъ рѣшительный ударъ пансіону. Тогда же былъ переимененъ личный составъ начальства и преподавателей, а въ 1830 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи пансіона, съ преобразованиемъ его въ гимназію. Основанный въ 1779 г. кураторами Херасковымъ и Мелиссино, пансіонъ возвысился главнымъ образомъ стараніями профессора Прокоповича-Антонскаго, стоявшаго во главѣ его съ 1791 г. и отличавшагося рѣдкими качествами педагога. Онъ сумѣлъ привлечь для преподаванія всѣ лучшія университетскія силы, всякій появлявшійся новый талантъ; надзиратели и воспитатели выбирались изъ молодыхъ магистровъ и кандидатовъ, людей, имѣвшихъ научное и литературное образованіе.

Преподаваніе наукъ въ пансіонѣ имѣло энциклопедическій характеръ, и спеціальность заключалась лишь въ литературномъ

¹⁾ Дѣла канцеляріи попечителя 1826 г., № 184.

образованіи, на которое обращалось особое вниманіе. Основанное Жуковскимъ и его товарищами, „Собраніе благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона“, въ которомъ начали свою дѣятельность многіе изъ извѣстныхъ литераторовъ, принадлежитъ исторіи русской словесности. Пансіонъ состоялъ подъ непосредственнымъ надзоромъ университетскаго совѣта, который въ публичныхъ объявленіяхъ обѣщалъ употребить всевозможные способы къ тому, чтобы „сіе заведеніе во всѣхъ частяхъ своихъ клонилось къ предполагаемой цѣли, т.-е. къ сохраненію здоровья воспитанниковъ, къ утверженію ума ихъ и сердца въ святыхъ истинахъ Закона Божія и нравственности, къ обогащенію ихъ полезными познаніями и ко внушенію пламенной любви къ Государю и Отечеству“. Для достиженія этой цѣли наблюдался „неусыпный присмотръ, благоразумное и осторожное обращеніе съ дѣтьми, оытность, дарованіе и прилежность въ учителяхъ“.

Пансіонъ существенно отличался отъ другихъ современныхъ ему учебныхъ заведеній, какъ по обширности изучаемыхъ предметовъ, такъ и по методу преподаванія и воспитанія. Кромѣ наукъ гимназическаго курса, преподавалась нравственная философія, право естественное, уголовное и гражданское, російское законовѣдѣніе, государственное хозяйство, военныя науки и др.

При такой обширной программѣ весьма важно было то, что каждому изъ воспитанниковъ дозволялось по собственному выбору сосредоточиваться на извѣстныхъ предметахъ. Въ пансіонѣ, обращая вниманіе на индивидуальныя особенности и склонности каждаго ученика, старались не стѣснять ихъ природныхъ наклонностей и развить обнаружившіяся въ каждомъ дарованія. Самъ Антонскій обладалъ рѣдкимъ, но необходимымъ для педагога даромъ отгадывать способности въ своихъ ученикахъ. Талантъ отрывалъ онъ сразу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и старался поддержать его на первыхъ порахъ. Въ самой школьной дисциплинѣ вводили болѣе облагоустроенныя приемы, и тѣлесное наказаніе уже въ это время было совершенно изгнано изъ стѣнъ Благороднаго пансіона. При этихъ условіяхъ развивался между воспитанниками духъ товарищества, который связывалъ на всю жизнь школьными воспоминаніями людей, получившихъ съ самой ранней юности одинаково хорошее направленіе. Въ пансіонѣ выработывался вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, преобладали интересы къ искусству и литературѣ, чему служили собранія питомцевъ, гдѣ читались ими рѣчи, разсужденія, стихотворенія, велись ученныя пренія, домашній театръ и концерты.

На внутреннемъ быту пансіона лежала печать патриархаль-

ности, все было основано на взаимномъ довѣрїи. Можно было замѣтить нѣкотораго рода философско-мистическое направление, что объяснялось принадлежностью многихъ пансіонскихъ дѣятелей къ Екваторининскому и Александровскому масонству. Рѣдкое учебное заведеніе имѣло столько преданій и освященныхъ временемъ обычаевъ, на которыхъ и основывалось его своеобразное и самобытное развитіе. Значеніе пансіона еще болѣе возросло, когда въ 1818 г. онъ получилъ права и преимущества, которыми пользовался тогда царскосельскій лицей. Право окончившихъ курсъ воспитанниковъ на X-й и XII-й классъ сравняло пансіонъ съ университетомъ, хотя онъ и не вышелъ изъ подчиненія совѣту, несмотря на образованіе своего особаго правленія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, въ 20-хъ годахъ пансіонъ сталъ приходить въ упадокъ; преклонный возрастъ директора и его чрезмѣрная доброта привели къ ослабленію дисциплины, а главнымъ распорядителемъ сталъ инспекторъ пансіона Давыдовъ. Последняго обвиняли въ корыстолюбивой, несправедливой раздачѣ аттестатовъ, съ которыми, послѣ полученныхъ въ 1818 г. преимуществъ, соединялось тогда производство въ классныя чины.

Въ дневникѣ дѣда моего, профессора П. С. Щепкина, товарища Давыдова и преподававшаго въ пансіонѣ, я встрѣтилъ подтвержденіе подобнымъ свидѣніямъ.

„Безпорядки по ученой части въ пансіонѣ,—писалъ онъ 2 апр. 1821 г.,—отвратили меня рѣшительно отъ тамошняго правленія, которое—въ рукахъ Давыдова, корыстолюбиваго, самолюбиваго и честолюбиваго до высочайшей степени. Его лукавство распространяется на всѣхъ безъ исключенія. Мое и Перевощиково ¹⁾ обращеніе съ нимъ какъ съ равнымъ совершенно, кажется, бѣситъ его, ибо всѣ наши профессора, по разнымъ отношеніямъ связанныя съ пансіономъ и даже всѣ безъ состоянія стѣсненные по жизни въ университетѣ трактуютъ его какъ кумиръ свой“...

Если и были справедливы обвиненія гр. Строгановымъ начальства пансіона въ корыстолюбіи и допущенныхъ различныхъ не порядкахъ, то остаются совершенно неясными другія обвиненія ревизора. Изъ сообщенія Шишкова, къ сожалѣнію, совсѣмъ не видно, въ чемъ заключался водворившійся въ пансіонѣ, благодаря Давыдову, „дурной духъ“ и что было подозрительнаго въ его преподаваніи, а главное въ „его педагогическихъ правилахъ...“

¹⁾ Профессоръ астрономіи, Д. М. Перевощиковъ.

Эти обвинения представляются тѣмъ болѣе странными, что въ пансіонѣ очень усердно внушались воспитанникамъ чувства религіозныя и преданность престолу и отечеству, о чемъ такъ сильно заботилось тогда правительство.

Но причину недовольства пансіономъ слѣдуетъ искать въ полной противоположности всего его внутренняго строя военнымъ порядкамъ и необходимому единообразію, которое стремились тогда ввести во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Понятно, что ревизора не могли не поразить патриархальный строй и своеобразная учебно-воспитательная система пансіона. Необходимостью единообразія въ устройствѣ учебной системы было объяснено въ указѣ правительствующему сенату и закрытіе Благороднаго пансіона съ преобразованиемъ его, въ 1830 г., въ гимназію. Было признано, что существованіе пансіона съ дарованными ему преимуществами „несовмѣстно съ новымъ порядкомъ вещей и причиняетъ вредъ основательному ученію благороднаго юношества въ университетѣ“.

Что касается главнаго виновника водворившагося въ пансіонѣ „дурного духа“ — Давыдова, то дѣло о немъ приняло серьезный оборотъ. Повидимому, Строгановъ дѣйствительно считалъ его человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ и довелъ о его дѣятельности до свѣдѣнія самого государя. Подобное мнѣніе о Давыдовѣ не было исключеніемъ. Приблизительно въ то же время на него доносили изъ Москвы въ III-е отдѣленіе, что онъ „заключенъ якобинецъ“, а митрополитъ Филаретъ негодовалъ за вводимое имъ новое ученіе Шеллинга. Последнее и должно было быть главной причиной обвиненій Давыдова. Къ началу 20-хъ г. относилось его знакомство съ нѣмецкой философійю; онъ увлекается ученіемъ Шеллинга ¹⁾ и заноситъ его, вмѣстѣ съ М. Г. Павловымъ, въ университетъ и Благородный пансіонъ. Какъ мы видѣли, кафедра философіи въ университетѣ была закрыта и разсадникомъ шеллингианства становится Благородный пансіонъ. Тамъ Давыдовъ пробудилъ и развилъ стремленіе къ философій Шеллинга; онъ давалъ воспитанникамъ книги, толковалъ съ ними о новой системѣ и имѣлъ сильное вліяніе на все молодое поколѣніе, прошедшее черезъ его руки. Еще въ 1823 г. Магницкій объявилъ Давыдова „врагомъ Божиимъ“ за составленныя имъ для Благороднаго пансіона

¹⁾ 26 марта 1882 г. проф. П. Щепкинъ заноситъ въ свой дневникъ: „Обѣдалъ у И. Давыдова; онъ удивилъ меня превращеніемъ своихъ сужденій. Любивши всегда французскую философійю, теперь пренебрегаетъ ее и все просвѣщеніе находитъ въ Германіи. Шеллингъ — все!“

„Начальныя основанія логики“, пропитанныя „богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга“. Это ученіе по всей вѣроятности питало водворившійся въ пансіонѣ „дурной духъ“, который нашель въ немъ Строгановъ.

Вскорѣ послѣ своего секретнаго сообщенія о найденныхъ Строгановымъ безпорядкахъ, Шишковъ (9 іюля, № 982) отнесся снова въ московскому попечителю.

„Я покорнѣйше прошу въ самомъ непродолжительномъ времени, — писалъ онъ, — меня увѣдомить:

„1) Достаточно ли извѣстны вашему превосходительству образъ мыслей и правила сего профессора (И. И. Давыдова), а также нравственное его поведеніе?

„2) Можетъ ли вслѣдствіе сихъ свѣдѣній не только съ совершенною безопасностью, но и съ значительной пользой, быть предоставлено ему образованіе и надзоръ благороднаго юношества въ университетскомъ пансіонѣ?

„По дошедшимъ до Государя Императора свѣдѣніямъ я долженъ имѣть отъ вашего превосходительства или достаточное о профессорѣ Давыдовѣ поручительство, или предположеніе о замятѣ его по надзору пансіона другимъ благонадежнѣйшимъ чиновникомъ“.

Писаревъ, конечно, не рѣшился дать поручительство, и Давыдовъ Высочайшимъ повелѣніемъ былъ уволенъ отъ должности инспектора, съ назначеніемъ на его мѣсто профессора М. Г. Павлова. Нельзя не отмѣтить своеобразности этого назначенія, павшаго на самаго талантливаго въ университетѣ истолкователя ученія Шеллинга, самаго популярнаго среди студентовъ профессора, отличавшагося независимостью мнѣній и своего образа дѣйствій. Давыдовъ остался безъ инспекторства и безъ катедры; на слѣдующій академическій годъ ему предоставили преподаваніе чистой математики, науки не столь опасной, какъ философія. Опала Давыдова можетъ представиться какъ бы ошибкой или недоразумѣніемъ со стороны начальства. Онъ никогда не отличался независимостью, всегда заискивалъ передъ начальствомъ и подчинялся ему. При слѣдующей ревизіи университета, въ 1832 г., Уваровъ далъ о немъ наилучшій отзывъ и не имѣлъ никакого повода сомнѣваться „въ его готовности быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства“.

Неудовольствіе государя на распущенность университета, ревизія гр. Строганова, происшествіе съ Давыдовымъ, — все это не могло не опечалить Писарева. Въ Москвѣ даже разнесся слухъ, что открытыя ревизіей безпорядки повлекутъ за собой его уда-

леніе. Между тѣмъ приближалось время коронаціи, прибытіе въ Москву высшаго начальства, двора и государя. Представлялось необходимымъ спѣшить съ приведеніемъ въ возможный порядокъ университета, исправить указанныя начальствомъ его слабыя стороны, обратить усиленное вниманіе на нравственность студентовъ и хотя бы временно подтянуть ихъ, чтобы не дать замѣтить ихъ распущенность въ присутствіи двора; къ тому же Писареву хотѣлось блеснуть порядкомъ и чистотой, тѣмъ болѣе, что ожидалось непремѣнное посѣщеніе государемъ университета. Онъ усугубилъ свое рвеніе; въ совѣтъ и правленіе стали въ изобиліи поступать его распоряженія, среди которыхъ не мало было курьезовъ и нелѣпостей. Въ это время попечитель вполне уподобилъ себя университетскому экзекутору: — наводя порядокъ и чистоту, онъ не упускалъ изъ виду никакихъ мелочей. Имѣется цѣлый рядъ предписаній, часто писанныхъ собственной попечительской рукой, о швейцарахъ, дворникахъ, посыпкѣ пескомъ лѣстницъ, зажиганіи и тушеніи фонарей, запираніи и отворяніи воротъ, форточкахъ, сквозномъ вѣтрѣ и т. п.

11 іюля онъ писалъ ректору: „Какъ въ университетѣ, такъ и въ пансіонѣ и гимназіи, приважите кому слѣдуетъ развѣсить по стѣнамъ въ каждой приличной комнатѣ по образу значительной величины и доброты художественной. Особенно въ университетѣ въ 2 аудиторіяхъ и въ нѣкоторыхъ спальняхъ“.

Не была забыта и наука съ особой, характерной для того времени стороны. И она должна была принять иной, праздничный видъ и засвидѣтельствовать начальству свою благонамѣренность и служеніе видамъ правительства.

По случаю ожиданія въ Москву министра народнаго просвѣщенія, попечитель вошелъ въ совѣтъ со слѣдующимъ предложеніемъ „по ученой и учебной части“:

„Желательно, чтобы на публичныхъ экзаменахъ избираемы были изъ лекцій такіе предметы, которые бы отчасти закорыстовали и самихъ посѣтителей, относясь то къ случаямъ какому-либо настоящему, то избраніемъ важнѣйшихъ эпохъ происшествій, лицъ или мѣстностей, а наиболѣе относительно къ православной нашей вѣрѣ и отечеству“¹⁾. Попечитель для поясненія своего желанія предлагаетъ примѣрные вопросы, которые слѣдуетъ задавать на экзаменахъ. Для характеристики приводимъ изъ нихъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ:

¹⁾ Дѣла канцеляріи попечительства 1826 г., № 232.

„Политическая экономя:—изысканіе богатства въ собственныхъ произведеніяхъ.

„Статистика:—Таврида, Крымъ.

„Греческая словесность:—примѣры изъ Іоанна Златоуста и Василя Великаго, гдѣ они говорятъ о пользѣ чтенія священнаго писанія.

„Правила латинскаго языка и логики:—переводы изъ св. Августина. Замѣчанія на нѣкоторыя славянскія слова въ логическомъ смыслѣ, употребленныя преподобнымъ Ниломъ въ его поучительныхъ словахъ.

„Физика:—наблюденія надъ атмосферою московскою“.

Въ такомъ духѣ были составлены образцы для всѣхъ наукъ, преподававшихся въ университетѣ. Здѣсь же Писаревъ предупреждаетъ противъ пространныхъ и самохвальныхъ рѣчей, предписывая, въ случаѣ необходимости, говорить краткія и „не оскорбляющія скромности“. „Стиховъ обыкновенныхъ не нужно, но превосходныхъ. Поднесеніе трудовъ своихъ похвально“. Въ заключеніе предложенія онъ заявлялъ, что во всѣхъ жалобахъ, просьбахъ, донесеніяхъ охотно берется быть искреннимъ посредникомъ и ревностнымъ защитникомъ. „Слава университета и благосостояніе членовъ для меня священны“.

Съ наибольшимъ трудомъ давалась попечителю обязательная форма, которую онъ дополнилъ погонами на мундирахъ казенныхъ студентовъ, что вызвало съ ихъ стороны большое неудовольствіе. Что же касается нравственности и поведенія студентовъ, на которыя министръ не разъ предлагалъ обратить особое вниманіе, то здѣсь попечитель былъ совершенно безсиленъ со всѣми своими приказаніями по этой части. Не помогло усиленіе личнаго состава инспекціи, ни частые выговоры и замѣчанія, которымъ подвергался инспекторъ за слабое смотрѣніе за студентами. Не обращая никакого вниманія на касавшіяся ихъ распоряженія, не трогаясь приближавшимся приѣздомъ начальства, студенты кутили, не носили формы и шалили по прежнему.

Въ засѣданіи совѣта, 30 іюня, слушано было сообщеніе попечителя, что лишь за послѣдніе дни „замѣчено было его императорскимъ высочествомъ Михаиломъ Павловичемъ, что многіе студенты не по формѣ данной имъ ходятъ по улицамъ, относился къ нему, г. попечителю, комендантъ о дракѣ своекоштнаго студента съ офицеромъ, относился къ нему оберъ-полиціймейстеръ о шалостяхъ студента кн. Трубецкаго, Афанасьева и Рѣдина, жаловалась письмомъ г-жа Татищева, дошло до его свѣдѣнія о дракѣ студентовъ въ аудиторіи, а также, что своекоштные студенты

дрались при лекціи богословія хлыстами; дошло до свѣдѣнія его о неприличныхъ поступкахъ въ ночное время казенныхъ студентовъ братьевъ Барсовыхъ, Павла Попова и Николая Чашникова; 28 іюня студенты Жуковъ, Сахаровъ и Рыбаковъ „нагло прибили самихъ сторожей, удерживавшихъ ихъ въ буйныхъ поступкахъ“. Попечитель просилъ коменданта и оберъ-полиціймейстера всѣхъ студентовъ, не по формѣ одѣтыхъ, брать на гауптвахты и связжіе дома, устранилъ отъ должности инспектора профессора Денисова „не по добровольному его желанію, а за неисправность его“, и предложилъ совѣту вернуть Денисову поданное имъ прошеніе объ отставкѣ.

Желая предупредить возможность неожиданнаго пріѣзда въ университетъ кого-нибудь изъ начальства или царской фамиліи, Писаревъ предписалъ учредить постоянное очередное дежурство профессоровъ и магистровъ. Дежурство должно было продолжаться ежедневно въ теченіе всего пребыванія государя въ Москвѣ. Эта невиданная до того времени мѣра не могла понравиться профессорамъ. Не обошлось и безъ столкновений. Одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ, хирургъ Гильдебрантъ, отказался отъ дежурства, изяснивъ въ поданномъ въ правленіе рапортѣ, что оному мѣшаютъ: „1) другія важныя дѣла по службѣ; 2) общественныя обязанности, состоящія въ подаваніи помощи несчастнымъ; 3) слабость груди и кашель, полученныя въ продолженіе долговременнаго профессорскаго званія, и, наконецъ, 4) совершенное незнаніе, неопытность и неспособность къ дѣламъ, кои не относятся къ наукамъ“¹⁾.

Въ поступкѣ профессора Гильдебранта попечитель усмотрѣлъ своевольство и опасный примѣръ для менѣе опытныхъ молодыхъ чиновниковъ университета. Правленіе получило выговоръ и приказаніе: „впредь таковыхъ мнѣній, нарушающихъ порядокъ подчиненности, не принимать, а того менѣе давать имъ яко бы законный ходъ“. Правленію поручалось вразумить Гильдебранта, „что первая его обязанность есть безпрекословное отправленіе службы того казеннаго мѣста, гдѣ онъ находится и отъ котораго получаетъ жалованье, и не исключать себя самопроизвольно изъ очередныхъ назначеній начальства въ должностямъ временнымъ и случайнымъ; вторая его обязанность есть согласоваться съ многолѣтней опытностью, которая не одобрила бы поданнаго имъ мнѣнія вопреки необходимымъ на тотъ разъ распоряженіямъ

¹⁾ Канцелярія попечителя 1826 г., № 163: Дѣло „объ учрежденіи дежурствъ изъ профессоровъ и поступкѣ профессора Гильдебранта“.

начальства, разумѣя временное дежурство по университету въ присутствіи самого Государя Императора, царской фамилии и г. министра просвѣщенія, — мнѣнія, въ которому бы могли пристать не столь опытные и заслуженные, каковъ Гильдебрантъ, чиновники“. На этомъ Писаревъ не успокоился; онъ доноситъ о „таковомъ дерзкомъ поступкѣ Гильдебранта“ министру и, объяснивъ поведеніе профессора единственнымъ желаніемъ „вопреки идти распорядку начальства“, проситъ Шишкова „оказать Гильдебранту свое высоконачальническое негодованіе“. Изъ дѣла, впрочемъ, не видно, удовлетворилъ ли министръ просьбу попечителя, такъ ревностно укрощавшаго неповиновеніе подчиненныхъ.

Въ іюлѣ прибылъ, наконецъ, въ Москву Шишковъ съ директоромъ своей канцеляріи, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Университетъ и Благородный пансіонъ подвергаются ихъ тщательному осмотру со стороны внутренняго устройства зданій, наружнаго порядка между воспитанниками университета и пансіона, а главное — спасительнаго единообразія. Замѣчанія свои Шишковъ изложилъ въ предложеніи московскому попечителю отъ 31 іюля ¹⁾.

Отдавъ справедливость стараніямъ Писарева, онъ признаетъ, что много уже сдѣлано къ отклоненію найденныхъ безпорядковъ, но что много еще остается сдѣлать, „чтобы заведенія сія достигли того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ бы могли они вполне соответствовать своей цѣли“. Неопрятность зданій обратила на себя вниманіе министра, который предложилъ неупустительно слѣдить за чистотой, чтобы въ помѣщеніяхъ не представлялось „безобразнаго накопленія грязи“. Къ своему крайнему сожалѣнію, онъ не нашелъ единообразія во всемъ, что касается одежды воспитанниковъ, ихъ бѣлья, кроватей и „домашнихъ приборовъ“. Отсутствие его особенно поразило Шишкова въ пансіонѣ, гдѣ безпорядокъ доходилъ „до такой степени, что одного воспитанника видѣлъ онъ въ коричневыхъ панталонахъ“. Онъ высказалъ тотъ взглядъ, что присвоенное воспитанникамъ пансіона платье изъ синихъ фраговъ, которые не различаются отъ „одежды частныхъ людей, не соответствуетъ правиламъ общественнаго воспитанія, имѣющаго цѣлью образованіе дѣтей на службу государственную“. Такъ какъ здѣсь все должно готовить къ будущему назначенію, то министръ приказалъ ввести мундиры по образцу студенческихъ. Подобнаго рода были и остальные распоряженія Шишкова.

) Канцелярія попеч. 1826 г., № 177.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву государь. Онъ былъ уже предубѣжденъ противъ университета, относясь съ подозрѣніемъ къ его направленію. Въ то время строго слѣдили за университетомъ, и даже о шалостяхъ гимназистовъ при купаньѣ на Москвѣ-рѣкѣ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія. Къ тому же ни министръ, ни московскій попечитель, не пользовались довѣріемъ государя. Его нерасположеніе послѣ неблагопріятныхъ донесеній гр. Строганова еще болѣе усилила надѣлавшая много шуму исторія со студентомъ Полежаевымъ. Государю была кѣмъ-то доставлена его поэма „Сашка“, описывавшая разгулъ и кутежи студентовъ. Онъ потребовалъ къ себѣ автора, котораго привезъ во дворецъ министръ. Полежаевъ долженъ былъ читать поэму. „Я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія“, — сказалъ государь, обращаясь къ министру. „Я положу предѣлъ этому разврату, — сказалъ государь по окончаніи чтенія, — это все еще слѣды, послѣдніе остатки; я ихъ искореню“¹⁾. Полежаева отдали въ солдаты. Неудовольствіе государя на университетъ выразилось и въ томъ, что онъ не утвердилъ доклада Шишкова о награжденіи по случаю коронаціи нѣкоторыхъ чиновниковъ московскаго учебнаго округа, въ томъ числѣ и Писарева, которому назначалась владимірская звѣзда.

26 августа совершилась коронація, въ церемоніи которой университетъ участвовалъ почти въ полномъ составѣ. Послѣ коронаціи государь началъ осматривать различныя московскія учрежденія; ожидали и посѣщенія университета. Между тѣмъ послѣ каникулъ возобновились учебныя занятія; попечитель дѣятельно распорядился, назначалъ новыя дежурства профессоровъ, усиливалъ надзоръ инспекціи. Профессорамъ было приказано являться на лекціи въ парадной формѣ, студентамъ въ мундирахъ, „неприлично же одѣтыхъ рѣшительно не впускать въ аудиторіи на лекціи“. Но профессора уклонялись отъ дежурствъ, и кончилось тѣмъ, что самъ попечитель сталъ ежедневно являться на дежурство и просиживать въ университетѣ до вечера. Сидѣніе его, однако, было очень продолжительное. Только 27 сентября, почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы, государь пріѣхалъ въ университетъ. Писаревъ досидѣлся и, какъ бы случайно находясь тамъ, встрѣтилъ государя, который удивился встрѣчѣ и спросилъ: „Вы меня ждали“?

„Нѣтъ, ваше величество, — отвѣчалъ Писаревъ, — я нахожусь здѣсь по дѣламъ службы“.

¹⁾ Со словъ самого Полежаева рассказано Герценомъ въ „Былое и Думы“.

Государь осматривалъ университетъ, столовую студентовъ и ихъ помѣщенія. При обходѣ они нашли въ одной изъ аудиторій спящаго сторожа. „Вотъ вѣрное доказательство того, что мы васъ не ждали“, доложилъ государю попечитель. Подробно осматривалъ государь студенческія комнаты, которыя не отличались чистотой и опрятностью; къ счастью Писарева, онъ отдернулъ одѣяло именно съ той кровати, на которой лежалъ приличный тюфякъ съ чистой простыней. Замѣтивъ чиновника, находившагося около попечителя, и узнавъ, что это инспекторъ казенныхъ студентовъ, Тихановичъ, — государь сказалъ: „Такъ послать его въ Петербургъ для изученія устройства въ тамошнихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ“, и уѣхалъ изъ университета. „Со скромностью любопытнаго посѣтителя, — гласитъ исторія университета объ этомъ посѣщеніи, — и тонкаго, прозорливаго любителя истиннаго просвѣщенія бесѣдовалъ государь съ мѣстными чиновниками о положеніи всѣхъ заведеній, находящихся при университетѣ; съ благодушіемъ неизвѣстнымъ изрекъ онъ въ кругу ихъ мудрое желаніе видѣть въ воспитанникахъ московскаго университета прямо Русскихъ“.

Тогда же государь посѣтилъ Благородный пансіонъ, эту „скорѣе школу разврата, чѣмъ домъ воспитанія“, какъ доносили о немъ гр. Строгановъ. Директоръ-старикъ Антонскій уже былъ уволенъ тогда отъ должности, и государя встрѣтилъ назначенный на его мѣсто Курбатовъ, начальникъ университетской типографіи. Государь засталъ все врасплохъ, дѣлалъ наставленія Курбатову, ласкалъ дѣтей и говорилъ имъ рѣчь, что онъ надѣется, что они выростутъ для утѣшенія родителей своихъ и для пользы отечества, что примѣръ мерзавцевъ 14-го декабря будетъ имъ полезенъ... Все было осмотрѣно и многое переименовано государемъ. Въ залѣ читалъ онъ имена отличившихся учениковъ, написанныхъ золотыми буквами на доскѣ. Прочтя имя Жуковскаго, спросилъ, тотъ ли это, который при наслѣдникѣ, и потомъ началъ его хвалить и ставить въ примѣръ. Продолжая чтеніе, попалъ государь на имя Якубовича ¹⁾. „Этотъ и хорошо учился, — прибавилъ государь, — но дурно употребилъ знаніе свое“. „Сколько былъ государь строгъ сначала, столь милостиво онъ со всѣми разстался“ ²⁾.

Сущевъ въ своей книгѣ о пансіонѣ сообщаетъ, что присутствовалъ при этомъ посѣщеніи и Антонскій. Государь былъ

¹⁾ Декабристъ.

²⁾ Письма Булгакова, Русск. Арх. 1901 г., № 7.

недоволенъ наружнымъ порядкомъ пансіона и пестротой одежды воспитанниковъ; старикъ заплакалъ, но государь успокоилъ его ласковымъ словомъ. Инспектора пансіона, профессора Павлова, было приказано отправить въ Петербургъ для осмотра военныхъ учебныхъ заведеній „на тотъ конецъ, чтобы ввести ихъ устройство въ пансіонъ“. Павлова и Тихановича снабдило правленіе особой инструкціей, которую съ своей стороны дополнилъ попечитель, поручивъ обратить вниманіе на форму мундира, треуголки, пуговицъ и фуражекъ, на размѣръ петлицъ и галуновъ, „краску и форму столовъ, стульевъ и кроватей“. Казалось, что они должны были вывезти изъ Петербурга средство, необходимое для поднятія университета на должную высоту.

Вышеизложенные факты изъ жизни московскаго университета характеризуютъ совершавшійся тогда поворотъ къ новому режиму. Мы видѣли, что правительство старалось искоренять и предупреждать единообразіемъ дурной духъ, своеволие и другія вредныя начала.

Въ дѣйствительности опасенія были напрасны, такъ какъ ихъ не могъ представлять университетъ, доходившій въ своемъ умственномъ застоѣ и апатіи до крайнихъ предѣловъ. Подтверждалъ это и Уваровъ въ своемъ отчетѣ о произведенной въ 1832 г. ревизіи университета, которая была вызвана сильнымъ неудовольствіемъ правительства на „буйное расположеніе“ умовъ въ нѣкоторой части молодежи. Свое полное удовольствіе благонамѣреннымъ направленіемъ московскаго студенчества онъ свидѣтельствовалъ въ письмѣ къ Бенкендорфу. „Пока, — писалъ онъ 14-го октября, — я могу съ удовольствіемъ увѣрить васъ, что самое полное спокойствіе не перестаетъ господствовать среди университетской молодежи, и что я могу лишь похвалить тѣ чувства, въ которыхъ я оставляю ее при своемъ отъѣздѣ“. „Хорошій духъ и добрыя начала“ нашелъ онъ въ самихъ членахъ университета.

Знакомясь съ жизнью университета того времени и касавшихся его распоряженій правительства, нельзя не обратить вниманія на полное отсутствіе заботъ относительно научнаго преподаванія и поддержанія его на должной высотѣ. Начальство не интересуется этой главной стороною университета, находившейся въ полномъ разстройствѣ при негодномъ составѣ профессоровъ, частью слишкомъ престарѣлыхъ, частью бездарныхъ. Гр. Строгановъ отыскиваетъ въ университетѣ „неприличный образъ мы-

слей“ и находитъ „дурной духъ“; Шишковъ поражается коричневыми панталонами гимназиста и синими пансионскими фраками, „не соответствующими правиламъ общественнаго воспитанія“; попечитель занятъ измѣреніемъ длины галуновъ, формой мундирныхъ пуговиць, окраской постельныхъ принадлежностей для студентовъ;—всѣ они говорятъ о воспитаніи, образованіи юношества, но никто не думаетъ о наукѣ.

Подтверженіемъ этого служить тогдашнее дѣлопроизводство, въ которомъ не найдется слѣдовъ мѣропріятій, клонящихся къ поднятію научнаго преподаванія.

Намъ пришлось подробно говорить о дѣятельности тогдашняго московскаго попечителя; она является выраженіемъ господствовавшего въ министерствѣ направленія и кладетъ свою печать на жизнь московскаго университета. Но для полноты очерка мы считаемъ необходимымъ познакомить съ документомъ, касающимся именно университетской науки, о которой имѣется такъ мало свѣдѣній.

„Новый проектъ университетскаго устава“, сочиненный московскимъ попечителемъ, можетъ познакомить съ тѣмъ направленіемъ, которое должны, по его мнѣнію, принять правильно насажденныя въ университетѣ науки. Мысль о необходимости „основывать науки на вѣрѣ и нравственности“, преподавая лишь тѣ изъ нихъ, которыя „полезны для службы государственной“, и страхъ передъ теоретической частью всякой науки—лежатъ въ основѣ устава. Уставъ явился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Писарева въ должность, и въ апрѣлѣ 1826 г. былъ уже отправленъ министру. „Вникая во всѣ отрасли управленія по университету московскому,—писалъ онъ въ препроводительной бумагѣ,—я осмѣлился начертать новый проектъ университетскаго устава, сообразивъ какъ опытную часть на самомъ себѣ, такъ теоретическую по другимъ уставамъ“. Писаревъ „держалъ повергнуть на судъ его высокопревосходительства сей опытъ своего усердія къ службѣ и подчиненности“. Побудительной причиной, заставившей автора сочинить уставъ, было требованіе мнѣній отъ университетовъ, „члены которыхъ, пользуясь обычнымъ самоуправленіемъ, не откровенно сознаются въ многоразличныхъ своихъ занятіяхъ, отвлекающихъ ихъ отъ единственной ихъ цѣли“.

Первая часть проекта содержитъ хозяйство и полицію, которымъ авторъ придавалъ главное значеніе; она лишена оригинальности и имѣетъ въ основѣ преимущества единоличнаго управленія передъ коллегіальнымъ. Плохая организація „бдительной

полиціи“ ведетъ къ различнымъ неустройствамъ учебнаго заведенія. „Неправы тѣ, которые видятъ начало порчи отъ наставниковъ или учащихся: ищите оное въ беззаботной полиціи того учрежденія, и прежде мстительнаго пораженія учащихся и учащихся не справедливѣ ли всею тяжестью обрушиться на спящую полицію и повѣтріе умовъ тѣмъ прекратить“.

Подробнѣе слѣдуетъ рассмотретьъ вторую часть, „содержащую науки и воспитаніе“. Она начинается введеніемъ о системѣ наукъ и томъ основаніи, которое должно положить при ихъ изученіи.

„Отъ Бэкона до проф. Ульрикса распредѣляли науки, то въ видѣ древа, то рѣкою съ источниками. И всѣ таковыя узорчатныя системы, изображая умозрительную постепенность познаній человѣческихъ, не вывели до сихъ поръ никакихъ основательныхъ результатовъ!.. Потому что время и опытъ разрушаютъ всѣ умственные предположенія. Соображался съ необходимостью и повѣряя все на дѣлѣ, можно только положить основаніе сему храму наукъ, котораго сооруженіе отнюдь не должно обращаться въ пользу космополитическую (какъ многіе ученые утверждаютъ), но, извлекая все только полезное изъ обширной полиматикѣ, обращать въ пользу отечественную и такъ сказать мѣстную; вотъ съ которой точки зрѣнія я буду смотрѣть на науки и выводить изъ нихъ пользу“.

Указываетъ Писаревъ и на вопросъ о необходимости единообразія учебной системы, для разработки котораго государь повелѣлъ тогда составить комитетъ. „Неединообразіе, — по его словамъ, — порождаетъ разномысліе, причиняетъ много препонъ въ направленіи службъ государственныхъ и исподволь ведетъ къ своевольству“.

Понимая просвѣщеніе какъ „твердое познаніе своихъ обязанностей въ гражданскомъ сосуществованіи“, авторъ возстаетъ противъ состоянія полу-ученаго, какъ самаго бесполезнаго для государства. „Въ немъ облачается человѣкъ въ какую-то глупую самонадѣянность, упрямство и смѣшное ячество, и дѣлается ни къ чему годнымъ, ни къ служенію военному, ни къ гражданскому, и вреденъ на каедрѣ! Сей такъ сказать полиматическій пигмей не отъ чего другого порождается на свѣтъ, какъ отъ умственно расплодившихся наукъ, педантствомъ возлелѣянныхъ!“ Слѣдуетъ преподавать лишь науки, отъ которыхъ государство имѣетъ пользу: „военнымъ людямъ — военныя науки, статскимъ — гражданскія, промышленникамъ — коммерческія науки“. Сообразно съ этимъ опредѣляется достоинство педагога; онъ долженъ „изъ

всеобщей полиматикѣ" преподавать только то, что полезно этимъ людямъ, отбросивъ все излишнее: „умственное, мистическое, непричастное ни къ чему“. „Станетъ ли вѣка человѣческаго, — удивляется далѣ Писаревъ, — изучаться всѣмъ отраслямъ наукъ, которыя вымышлены и раздроблены досужными энциклопедистами? Безъ вѣры и нравственности и самый филомаѣъ есть только гроза для здраваго разсудка, а посему опередимъ науки вѣрою и нравственностью, и начнемъ ученіе наше съ сихъ спасительныхъ словъ: начало премудрости—страхъ Господень!“

Установивъ эти основныя начала, авторъ приступаетъ къ опредѣленію содержанія и способа преподаванія каждой науки отдѣльно по всѣмъ факультетамъ.

Достаточно познакомиться съ нѣсколькими разсужденіями, чтобы имѣть представленіе объ общемъ направленіи всей предложенной программы. Профессоръ философіи „служить философіей своею какъ бы прикладной наукой къ прочимъ наукамъ; то-есть, примѣняетъ изученіе оныхъ къ нравственной цѣли“. При преподаваніи исторіи умозрительной философіи ему вмѣняется въ обязанность опровергать „ложныя мнѣнія древнихъ софистовъ, бредни среднихъ вѣковъ схоластиковъ, безвѣріе лжефилософовъ XVIII столѣтія, поверхностное знаніе новѣйшихъ педагоговъ философіи, какъ, на примѣръ, Азанса, Окена и прочихъ“.

Но наибольшую оригинальность въ пониманіи предмета мы находимъ въ толкованіи политической экономіи. Авторъ не видитъ въ ней ничего, кромѣ явнаго вреда, такъ какъ „сія нововведенная наука, самоуправная и безотчетная, отерывааетъ профессору пространнѣйшее поле нелѣпствовать, а учащимся—случай терять время. Съ тѣхъ поръ, какъ педагоги начали учить, какъ править государствами, — и государства поколебались; стали изыскивать богатства, и мы обнищали. Въ старину, подъ скромнымъ названіемъ „Землеописаніе“, порядочно знали свое и чужія государства, ихъ силы и средства. Статистика все то повѣрила, сообразила и написала. Что же еще осталось дѣлать, а и того менѣе—учить наукѣ политической экономіи? Понимая подъ политической экономіей народное богатство, его приобрѣтеніе, распредѣленіе и потребленіе, Писаревъ не считаетъ возможнымъ поручить преподаваніе педагогу, „который едва ли что-либо приобрѣтаетъ, а и того менѣе потребляетъ и чаще всего ничѣмъ не распредѣляетъ“. „Альгаротти, Галліани, Мирабо, Кондорсетъ—вотъ выходные листы многихъ софизмовъ въ этой наукѣ. Къ цѣнности этой науки приплетаютъ Якоби, и въ древнія времена писалъ объ оной Ксенофонтъ; но Ксенофонтъ, Варровъ, Колумелла на-

ставляли, какъ быть добрымъ гражданиномъ, да какъ пахать землю въ потѣ лица своего, а ни мало не учили тому, какъ растрачивать чужія деньги“. Въ заключеніе Писаревъ полагалъ, что „химерическая“ политическая экономія должна остаться безъ слушателей.

Проектъ сокращаетъ число предметовъ, составлявшихъ курсъ юридическаго факультета. Авторъ простодушно заявляетъ, что „трудно понять, чему учить“ профессорамъ правъ естественныхъ, народныхъ, общихъ и частныхъ: „Естественное право—ни то первобытное состояніе человѣка, ни то патріархальныя времена! и чтобы выпутаться изъ такого чрезполоснаго владѣнія, то учителя естественнаго права бросаются и въ метафизику, и въ пропедевтику, и въ философію“!.. Въ правахъ народныхъ столько же толку, сколько и въ народномъ правленіи. Права общія и частныя входятъ въ составъ общихъ узаконеній. Отдѣльно они столько же непонятны, сколько и прочія права, какъ бы много ни толковали объ *jus in re* и *jus in personam*“. Уничтожается отдѣльное преподаваніе и римскаго права, которое предполагается раздѣлить между нѣсколькими профессорами другихъ юридическихъ и историческихъ предметовъ, въ томъ числѣ и римской словесности.

„Отъ Гроціуса до Рейнгардта,—заключаетъ авторъ,—сколько пролито чернилъ и едва ли не столько же крови, отыскивая всё сіи мнимыя права“.

Въ наукахъ естественныхъ, физикѣ, химіи, астрономіи, по возможности изгоняется теоретическая часть, уступая мѣсто прикладной, которая „вразумляетъ болѣе учащихся и не даетъ времени по пустому умствовать, наипаче же въ космофизиологіи“. Въ концѣ проекта въ двѣнадцати краткихъ положеніяхъ формулируются положенія въ его основу начала:

„На вѣрѣ и нравственности да основывается наука.

„Отечественное предпочитать иностранному.

„Чинопочитаніе—первый шагъ въ порядку и устройству“...

Таковъ былъ проектъ устава московскаго попечителя. Онъ не заслуживалъ бы вниманія, еслибы заключалъ въ себѣ лишь возраженія этого генерала. Но въ проектѣ нельзя не найти отраженія господствовавшихъ тогда въ правительствѣ и обществѣ понятій о назначеніи университетской науки, соотвѣтствія со взглядами Шишьева, что и придаетъ этому документу извѣстную цѣну. Слѣдуетъ отмѣтить, что одновременно съ нимъ появилась противуположная тѣмъ же взглядами всеподданнѣйшая записка харьковскаго попечителя Перовскаго. Проектъ характеризуетъ поло-

женіе науки и возможность дальнѣйшаго ея развитія при подобномъ направленіи руководителей народнаго просвѣщенія.

Остается въ заключеніе коснуться вопроса о томъ, какъ отнесся московскій университетъ къ начинавшемуся тогда новому Николаевскому режиму. Поворотъ къ нему былъ достаточно асенъ, и не было возможности освоиться съ нимъ постепенно, не замѣтивъ наступившей рѣзкой переимѣны. Новые порядки идутъ въ разрѣзъ со старыми обычаями и традиціями, и не находятъ сочувствія въ московскомъ университетѣ. Профессорская корпорація относится къ нимъ враждебно, и, не имѣя возможности открыто выразить свое неудовольствіе, становится въ положеніе глухой оппозиціи. Причину этого, впрочемъ, не слѣдуетъ искать въ сознательномъ отношеніи профессоровъ къ совершавшимся переимѣнамъ, въ убѣжденіи ихъ насчетъ вреда этихъ нововведеній и несоотвѣтствіи задачамъ университетскаго обученія. Отъ такой принципиальной точки зрѣнія большинство профессоровъ того времени, по своей отсталости, были далеки. Новые порядки затрогивали ихъ личныя выгоды и преимущества, стѣсняли господствовавшую ранѣе свободу и произвольное исполненіе служебныхъ обязанностей, и съ этой стороны вызывали недовольство и протестъ. Попечитель не встрѣчаетъ въ своей дѣятельности никакой поддержки со стороны совѣта и правленія; его предложенія по долгу остаются безъ всякаго исполненія или означаются лишь на бумагѣ. Инспектора и профессора, занимавшіе административныя должности, оставляютъ безъ движенія его приказанія. Борьба Писарева съ распущенностью студентовъ лишена всякаго содѣйствія университета и остается почти безплодною. Передъ открытіемъ лекцій осенью 1826 г., онъ издаетъ цѣлый рядъ распоряженій о надзорѣ за ихъ поведеніемъ и нравственностью, устанавливаетъ съ этой цѣлью дежурства профессоровъ, предписываетъ усилить инспекцію, снабжая всѣхъ особыми инструкціями. Но, явившись послѣ начала занятій въ университетѣ, Писаревъ застаётъ все по старому, — полное отсутствіе дежурствъ и инспекціи, профессора, пропускающіе лекціи и не носящіе мундировъ, не говоря уже о студентахъ, „вторыхъ находить безъ соблюденія формы въ одеждѣ и даже въ безобразномъ видѣ: въ шинеляхъ, нестриженныхъ и неумытыхъ“. Попечитель повторяетъ приказанія и грозитъ жалобой министру на послушаніе подчиненныхъ. Но не устрашаютъ профессоровъ ни постоянныя строгія выговоры, ни замѣчанія, ни увольненія отъ должности даже безъ прошенія, какъ это было съ инспекторомъ студентовъ Денисовымъ. Многое, безъ сомнѣнія, въ такомъ поведеніи про-

фессоровъ объясняется личностью самого попечителя. Его грубость, легкомысліе, пристрастіе и частыя самовластныя распоряженія по университету возбуждали особенное негодованіе профессоровъ. Вскорѣ же среди нихъ образовалась цѣлая партія, враждебная попечителю, которая, съ уходомъ Шишкова, употребила стараніе къ удаленію Писарева отъ должности ¹⁾.

Новый режимъ прививался въ московскомъ университетѣ довольно туго; потребовалось не мало времени и смѣны почти всего состава профессоровъ для его укрѣпленія.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ встрѣчаются все тѣ же явленія, противъ которыхъ была начата борьба въ 1825-26 гг. Современники свидѣтельствуютъ о той же распущенности студентовъ, съ которой трудно было повончить отдѣльными распоряженіями, пока жили еще обычаи и нравы стараго патріархальнаго строя. Наука приходила постепенно все въ бѣдшій упадокъ, что краснорѣчиво подтверждалъ, въ 1832 г., Уваровъ. Во всемъ университетѣ онъ нашелъ лишь пять профессоровъ, Каченовскаго, Давыдова, Щепкина, Перевошикова и Болдырева, стоявшихъ на должной высотѣ образованія и вполне способныхъ занимать кѣедры. Юридическій факультетъ онъ могъ лишь назвать обломкомъ факультета, „въ которомъ все смѣшано, гдѣ юридическія науки не имѣютъ ни одного надежнаго преподавателя, а всѣ политическія, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ, предоставлены адъюнкту“. Первое десятилѣтіе царствованія императора Николая I является въ жизни московскаго университета переходнымъ временемъ отъ патріархальнаго режима къ новому. Постепенно разлагаются старыя нравы и обычаи Александровскаго времени, уступая мѣсто съ трудомъ прививавшимся военнымъ порядкамъ и дисциплинѣ; сходятъ съ кѣедръ почти всѣ представители отжившаго свой вѣкъ поколѣнія, и только уставъ 1835 года открываетъ собой новый блестящій періодъ московскаго университета сороковыхъ годовъ.

Д. М. Щепкинъ.

¹⁾ Къ этой партіи принадлежали профессора: Павловъ, Цвѣтаевъ, Сандуновъ, Мудровъ, Щепкинъ, Перевошиковъ, Двингубскій и др. См. „Письма П. С. Щепкина“. „Русскій Архивъ“ 1899 г., № 6.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Я про всё рассказать бы страданья свои,
Но мнѣ жалко: заплачутъ въ устахъ соловьи,

Поблѣдвѣютъ душистыя алыя розы,
И понивнутъ главою молодая березы.

Я бѣ повѣдалъ о томъ, сколько жгучихъ обидъ
Глубоко-глубоко мое сердце таятъ,

Но вачѣмъ—вѣдь поднимется вихоръ летучій
Соберутся толпою свинцовыя тучи,

Хлынутъ слезы, горючія слезы съ небесъ,
Заволнуются желтыя нивы и лѣсъ.

Я излилъ бы свое безпредѣльное горе,
Только жалко встревожить заснувшее море;

Встрепенется оно, лишь услышавъ меня,
И на всемъ необъятномъ просторѣ, стена,

Встанутъ грозныя волны одна за другою,
Словно мстить за меня собираясь толпою.

Рассказать ли о жизни печальной своей?—
Нѣтъ, боюсь я холодныхъ насмѣшекъ людей.

Ил. Гурвичъ.

СЕЛЬСКІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

ВО

Ф Р А Н Ц І И

Изъ повѣдки въ провинцію.

I.

Чудесный майскій день. Мѣрно раскачивается полотняный навѣсъ надъ нашей коляской. Кучеръ, молодой малый, въ пиджакѣ и котелѣ, добродушно постегивалъ бичомъ свою буланую лошадь. Моя спутница, французенка, восхищается видами полей, видами граціознаго пейзажа, который разстилается передъ нами. Она болѣе четверти вѣка содержитъ меблированныя комнаты на мѣстныхъ водахъ; но кромѣ рынка она никуда не ходитъ. Такъ какъ мы ѣхали съ нею осматривать сельскую школу и знакомиться съ деревенской учительницей, то я и начала изда-лека „интервьюировать“ свою спутницу, спрашивая о ея собственномъ обученіи грамотѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ.

— *Вопнес gens!*—это ея обычное словечко—такая прелестная погода, а вы задумали о прошломъ разговаривать: какъ учились въ мое время?! Развѣ когда вечеромъ, въ дождливый день, расскажу.

Ѣхать намъ было еще часа полтора, шагомъ, въ гору. Я опять начинаю просить рассказать о сельской школѣ въ ея дѣтствѣ. Вообще, мнѣ было очень пріятно слушать ее: она, какъ

большинство французеновъ, рассказываетъ всегда толково, ясно, очень характернымъ языкомъ.

— А вотъ, знаете, мои сыновья стыдятъ меня, — начала она: — „тамап, тамап, не говори: *espresso, colidor, jeune d'oeuf*“. А надо, видите, произносить: *jai-au-ne d'oeuf*, — передразниваетъ она своихъ сыновей. — Вы хотите знать, какъ учились лѣтъ сорокъ тому назадъ? Плохо учились. Тогда, во Франціи, учение не было обязательнымъ и даровымъ, какъ это теперь. Тогда, въ нашей деревушкѣ — я вѣдь родомъ изъ деревни — *une ugaie auvergnate*...

— Да меня именно и интересуетъ деревенская школа, — замѣтила я ей.

— Въ нашей деревушкѣ, — продолжала она, — школы не было. Просто былъ учитель; жилъ онъ бѣдно. Надо было спускаться къ нему въ нижній этажъ избы, какъ бы въ подполье. Одна комната. Окнашки маленькія — понятно, какое же освѣщеніе въ *sous-sol*? Обучались дѣти тѣхъ родителей, которые могли платить за нихъ. Насъ было у отца трое дѣтей, и бѣдный отецъ платилъ девять франковъ въ мѣсяць и еще пятьдесятъ су за отопленіе да за вѣжки. Мы ему стоили около двѣнадцати франковъ въ мѣсяць (около 4 р. 50 к.). Вотъ оно какъ! Онъ — *le pauvre papa!* — говаривалъ: „Я даю моимъ дѣтямъ *bon estomac* — пускай ѣдятъ *à leur faim* — сколько войдетъ; но чтобы учились! Я не обученъ грамотѣ, и потому всю жизнь *je n'ai pas vu clair*. Они должны учиться — *pour voir clair*“.

— А классная гдѣ была устроена?

— Классы!.. — повторила моя спутница и разсмѣялась.

— Вы дослушайте. Мы, какъ я вамъ сказала, спускались въ настоящее *taudis*. Большая, подвальная, сырая, темная комната. По стѣнамъ висѣли тридцать-двѣ доски. Мы должны были ихъ заучивать. Когда выучишь эти тридцать-двѣ доски — образованіе твое кончено. Учитель нашъ — учительницы не было — больше вязалъ и крючкомъ, и спицами. Заставлялъ и насъ вязать. Я до сихъ поръ умѣю разные *points*. Старшія ученицы учили маленькихъ тому, что сами прошли на доскахъ.

— Что же было написано на этихъ тридцати-двухъ доскахъ?

— Все, что нужно для перваго образованія. Конечно, кратко. Ну, тамъ... сперва палочки, буквы, слова; потомъ города, рѣки какія; потомъ французскіе короли, королевы; ну... счетъ, цифры... теперь ужъ я не припомню. У насъ была еще тоненькая вѣнжечка, мы должны были заучивать ее наизусть. Она называлась

„Manuel de Moralité et de Politesse“ — какъ держать себя за столомъ, какъ обращаться къ старшимъ... — и тому подобное. Жена учителя — неграмотная — учила насъ молитвамъ и катехизису.

— А кюрè?

— Нашъ кюрè? Онъ только стращаль насъ. Заставлялъ выкупать *des petites âmes poigres*.

— Маленькія черныя души?! Какія это такія?

— Да, онъ намъ разсказывалъ въ церкви, съ каедры, что есть далекая, далекая страна, гдѣ бросаютъ въ большую черную рѣку маленькія черныя души дѣтей, и если мы хотимъ ихъ спасти, то должны платить по шестидесяти сантимовъ за выкупъ каждой души... Мы и давали шестидесять сантимовъ (около 20 коп.); а кюре выдавалъ намъ билетикъ. Это значило, что я или кто тамъ заплатилъ — сталъ крестнымъ отцомъ или крестной матерью. И гордились же мы этими билетиками, Господи Боже! Бывало, получишь его, высоко держишь въ рукѣ, надъ головой, бѣжишь въ припрыжку, по деревнѣ, и кричишь: „je suis la marraine, je suis la marraine“! Эти билетики назывались: „la Sainte Enfance, Patronage de S. Joseph“. Такъ вотъ какъ мы учились въ деревнѣ, почти полѣтка назадъ, — закончила моя спутница весело.

— Ну, а ваши сыновья, какую школу прошли они двадцать пять лѣтъ назадъ? — продолжала я свое интервью.

— Шарль былъ въ сосѣдней школѣ. Трудно. Каждый день часъ ходьбы туда и часъ оттуда. Эта школа была на положеніи городской. Такъ желалъ мой мужъ, ремесленникъ, не простой крестьянинъ, какимъ былъ отецъ. И вотъ видите, Шарль хорошо выучился. Теперь онъ чиновникъ въ мэріи и въ перепискѣ съ профессоромъ изъ Ліона. Нынче еще ночью ходилъ въ лѣсъ, собиралъ для профессора свѣтлящіяся гнилушки.

— А второй вашъ сынъ гдѣ учился?

— Поль — въ духовной школѣ у „братьевъ“.

— Но Поль не духовный, а парикмахеръ? — замѣтила я.

Она звонко рассмѣялась.

— Поль поднѣе сталъ обучаться парикмахерству. Онъ терпѣть не могъ грамоты. Музыку любилъ до страсти. Духовные отцы сейчасъ и поставили его въ хоръ. И такой онъ былъ корошенькій, въ краснеякомъ платицѣ; и голосовъ его звенить, звенить, бывало, какъ колокольчикъ... Программа обученія для всѣхъ школъ одинакова, и у Шарля, и у Поля. Разумѣется, въ духовной „братъя“ обучаютъ религіи; ну, а въ свѣтскихъ — *laïque* — религію оставляютъ въ сторонѣ. Это уже дѣло родите-

лей. Вы—иностранка—не повѣрите: у насъ, въ провинціи, есть много завзятыхъ безбожниковъ, а дѣтей своихъ, въ особенности дѣвочекъ, они отдають въ духовныя школы, въ „сестрамъ“, въ монастыри. C'est plus distingué. Также вы не найдете ни единой души, которая бы n'aurait pas fait sa première communion. Всѣ, и мальчики, и дѣвочки, всѣ получаютъ первое причащеніе. Дѣвочки въ двѣнадцать лѣтъ, мальчики—въ четырнадцать. У родителей-безбожниковъ, какъ и у практикующихъ католиковъ, это—великій семейный праздникъ. На него приглашаютъ родныхъ, знакомыхъ, шьютъ новыя платья. Поль тогда бываетъ очень занятъ: съ вечера завиваетъ маленькихъ, утромъ причесываетъ большихъ. Ему вздохнуть некогда въ маѣ. Маѣ—мѣсяцъ пресвятой Дѣвы Маріи. Въ маѣ и причащаются. Ну, а тамъ, какъ у французовъ-сектантовъ, жидовъ или фланмасоновъ или какихъ другихъ схизматиковъ—не знаю. У насъ, въ нашемъ департаментѣ, всѣ маленькіе причащаются,—хотя и учатся въ écoles-laïques, а причащаются всѣ.

— Разкажете вы мнѣ, пожалуйста, что знаете про сельскихъ учительницъ?

— Ничего не знаю. Вѣдь сколько постояльцевъ перебывало въ моемъ домикѣ и—ни одной сельской учительницы!—съ сожалѣніемъ отвѣтила она.

Мое же знакомство съ сельской учительницей во Франціи было, до тѣхъ поръ, черезъ сцену и книжку. Въ театрѣ (въ Михайловскомъ) я видѣла пьесу Бриё: „Blanchette“—дѣвушка, получившая дипломъ учительницы, *не у дѣла*; въ Парижѣ я видѣла пьесу академика Лавдана „Le Vieux Marcheur“, своего рода „На порогѣ въ дѣлу“, ужасно скабрѣзная сатира на учительницу съ высшимъ дипломомъ. Еще видѣла въ „театрѣ Антуана“ „La Clairière“ Мориса Доннѣ и Декава—послѣдствія карьеры сельской учительницы. Пьеса социальная, безпощадная ¹⁾. Читала я „Claudine à l'École“, Willy, дневникъ ученицы. „Чтеніе не для юношества“, говоритъ и самъ авторъ въ предисловіи. Прочла также „Les Passionnés“ Peygrune (псевдонимъ женщины-писательницы). Эти сценическія и повѣствовательныя изображенія представили мнѣ сельскую учительницу такой порочной, или въ тискахъ такого ужаснаго разврата, что я никакъ не могла повѣрить, чтобы все такъ происходило въ жизни, хотя бы и половину отсчитать въ зачетъ сатиры нравовъ. Живя на водахъ въ Виии,

¹⁾ Гораздо поздне, въ Парижѣ, въ театрѣ „Renaissance“ шла пьеса Жюльена „L'Écolière“. Этой пьесы я не видѣла.

я искала новыхъ книгъ, пьесъ, статей; обращалась къ начинающимъ книгопродавцамъ. Кромѣ вышеприведенной литературы, они ничего не могли мнѣ указать, да еще одного разсказа, довольно сентиментальнаго, напечатаннаго въ фельетонахъ газеты „Siècle“ (октябрь, 1900 г.): „Ecole Villageoise“, par Doléac ¹⁾.

Здѣсь я не могу не повторить того, что уже не разъ говорила въ печати о французской трудовой женщинѣ: я живу во Францію давно; живу среди людей достатка скромнаго; и я всегда удивляюсь, какъ французская женщина много работаетъ и какъ она мало требовательна! Какъ жизнь ея скучна, монотонна! Надо знать, видѣть французенку: хозяйку ли плохонькаго магазина, коиторщицу ли, лавочницу, городскую ли учительницу—видѣть ее въ отдаленныхъ кварталахъ Парижа или въ провинціи, видѣть каждый день въ ея обстановкѣ, чтобы повѣрить, что можетъ такъ жить французенка. Только именно французскій bon-sens, умъ, гибкость натуры, экономія (отъ страха быть выброшенной на улицу),—а не скарденность,—спасаютъ французенку отъ полной апатіи, когда молодость прошла, а впереди—убогая старость, одиночество и смерть... И вотъ, рядомъ со всѣми видѣнными мною женщинами, я не могла представить себѣ французскую сельскую учительницу именно такой, какою мнѣ описывали ее театръ и книжка. Я захотѣла увидѣть ее сама, въ дѣйствительной жизни, на мѣстѣ, среди ея занятій. Здоровье не позволяло мнѣ развѣзывать по отдаленнымъ деревнямъ. Я должна была ограничиться нѣсколькими—поближе.

Тутъ, какъ и въ другихъ моихъ экскурсіяхъ за границей, помогли мнѣ сперва мѣстный докторъ и хозяйка меблированныхъ комнатъ, гдѣ я жила. Докторъ адресовалъ меня въ одной изъ сельскихъ учительницъ этого же округа.

— М-ше Belval, — сказалъ онъ:—около двадцати пяти лѣтъ занимается педагогіей въ деревенскихъ школахъ. Она вамъ разскажетъ, что васъ интересуеть, и направитъ, куда слѣдуетъ. Она—здѣшняя уроженка; ея отецъ былъ сторожемъ на водахъ, т.-е. просто солдатъ, и вся семья ея изъ народа.

— Это-то мнѣ и нужно! Вы говорили, — напомнила я доктору нашъ разговоръ по поводу моихъ экскурсій въ школы, — что во Франціи среди сельскихъ учительницъ не встрѣчается иныхъ, кромѣ какъ изъ народа?

Докторъ улыбнулся.

¹⁾ Съ годъ тому назадъ вышла очень интересная книжка: „Les Sevriennes“, par m-me Reval. Въ видѣ романа описаны парижскіе высшіе женскіе курсы. Заведеніе закрытое. Оно помѣщается близъ Парижа, въ Севрѣ.

— Задали вы мнѣ работу!—Знаете ли, что послѣ тѣхъ вашихъ разспросовъ я пересмотрѣлъ всѣ мои записи на дому и въ больничныхъ книгахъ: не случилось ли среди моихъ пациентовъ—сельскихъ учительницъ *des povles*. Ни одной!—А черезъ мои руки прошло ихъ нѣсколько десятковъ.

Докторъ не хвастался. Онъ практикуеть на водахъ круглый годъ. Практика у него очень большая, сколько я могла судить по приему больныхъ на дому. Сверхъ того, онъ практикуеть въ мѣстной женской больницѣ и пользуется репутаціей очень знающаго и добраго врача среди мелкоты — алчной и злобной, какъ во всѣхъ курортахъ міра.

— По моимъ наблюденіямъ, — продолжалъ докторъ, — типъ сельской учительницы у насъ, во Франціи, это—дѣвушка или женщина, смотря по обстоятельствамъ, вышедшая изъ народа, изъ среды крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ, иногда дочь учителя. Онѣ идутъ въ учительницы вовсе не изъ-за „идеи“, изъ альтруизма, изъ желанія внести свѣтъ въ нравъ, etc., etc. Совсе нѣтъ. Наши учатся, сдаютъ экзамены, получаютъ дипломы, добиваются мѣста сельской учительницы, потому что эта карьера хорошо оплачивается и очень уважаема. Вотъ здѣсь, близко, на углу, живетъ—вы замѣтили—саботьѣ. Онъ изъ дерева выдалбливаетъ деревянные башмаки. Этой работой онъ домигъ себѣ нажилъ. У него и сынъ, и дочь—сельскіе педагоги. Онъ ими ужасно гордится... А что касается положенія учительницы въ деревнѣ, среди крестьянъ, радостныхъ и печальныхъ условий ея жизни,—это *m-lle Бельваль* сама вамъ разскажетъ лучше моего. Не даромъ она съ ними возится двадцать-пять лѣтъ. До свиданья! Добрый путь!

Въ первый же свободный день моей хозяйки меблированныхъ комнатъ мы и отправились съ нею въ *m-lle Бельваль*.

II.

Мы пріѣхали въ настоящую французскую деревню: группа одноэтажныхъ каменныхъ домиковъ — не живописныхъ и далеко не такихъ уютныхъ, какими смотрятъ нѣмецкіе дома—скучилась, въ перемежку съ сараями, въ небольшое селеніе. Домики раздѣляетъ кривая улица. Въ центрѣ селенія—церковь. При шумѣ нашего экипажа, на порогѣ дверей и въ окнахъ показались любопытныя лица некрасивыхъ и довольно неряшливыхъ крестьянъ.

ночь; но всё онѣ въ бѣлыхъ чепчикахъ съ гофрированной оборкой—мѣстный головной уборъ.

— Прямо въ школу!—сказала я кучеру.

Экипажъ завернулъ за уголъ, и мы остановились передъ небольшимъ домикомъ. Онъ былъ новѣе, чище, обширнѣе другихъ и стоялъ поодаль, какъ бы особнякомъ. Отъ него, по обѣимъ сторонамъ, на большое пространство, тянется каменная ограда. Изъ-за нея выглядываютъ деревья. Въ домикѣ и дверь, и окна наглухо закрыты. Кругомъ тишина.

— Развѣ здѣсь школа?—спросила я черезъ улицу женщину, которая любопытно смотрѣла на насъ со своего порога.

— Здѣсь. Только это квартира учительницы. Школа—во дворѣ, за оградой. Отворите калитку въ ргѳаи. Калитка налѣво отъ домика.

Моя спутница взялась-было за щеколду.

— Осторожнѣй!—Пожалуй собака кинется, — остановила я ее. Никакая собака, однако, не залаяла и не кинулась.

„Ргѳаи“—просторный дворъ, обсаженный липами. Въ тѣни ихъ—скамейки, низенькія и высокія. Дворъ обнесенъ глухимъ заборомъ, въ ростъ человѣка. Въ глубинѣ двора—домъ, одноэтажный, побольше учительскаго. Три широкія окна прикрыты ставнями. Входная дверь, по срединѣ, закрыта. Есть еще боковая; она выходитъ въ сарай. Сарай безъ затворовъ, съ навѣсомъ.

— Это на случай непогоды, — замѣчаетъ мнѣ спутница. — Если дождь или снѣгъ, — дѣти могутъ играть въ сараѣ.

Изъ школы—никакого звука. Я усомнилась: да есть ли сегодня классы?

— Есть, есть. Ставни прикрыты отъ солнца; а то все было бы наглухо заперто. Теперь, видно, урокъ письменный. Дѣти и притихли.

Моя спутница легко ступала по гравію, которымъ былъ усыпанъ дворъ, и хозяйственнымъ глазомъ всюду заглядывала. — Подите сюда!—подозвала она меня.

На дворъ выходилъ задній фасадъ домика учительницы. Заднее крыльцо и оба окна настежь открыты. Внутри квартиры учительницы—ни души. Только около крыльца квоветъ пара куръ. Мы заглянули внутрь: чистенькая кухня. Полки обведены цвѣтной бумагой; немного посуды. Все вымыто, прибрано, а мы пріѣхали, не предупреждая. За кухней—маленькая столовая. Въ ней все есть, что полагается во Франціи: круглый столъ, надъ нимъ „suspension“—висячая лампа, съ полдюжины стульевъ,

буфетъ. Мебель блеститъ, какъ зеркало. Во Франціи, въ мѣщанскихъ чистоплотныхъ семьяхъ протираютъ мебель, нѣсколько разъ въ годъ, эссенціей изъ керосина, отъ муравьевъ и клоповъ. Дверь задняго крыльца ведетъ въ корридоръ. Мы и туда заглянули. Корридоръ сквозной, кончается выходомъ на улицу и теперь запертъ. Съ каждой стороны корридора по двѣ двери, считая и кухню. Всѣ онѣ растворены, видно, для воздуха, такъ какъ день теплый. За столовой — спальня, съ двумя кроватями подъ пивейными одѣялами.

— Это спальня стариковъ m-lle Бельваль, — сообщаетъ спутница. У нихъ на водахъ квартирка; на лѣто они ее сдаютъ. Отецъ — бывший gardien на водахъ — давно въ отставкѣ; они и перебираются сюда, въ деревню, къ дочери. А вотъ и ея спальня, за кухней, окнами на улицу.

Комната больше другихъ. Постель подъ висейнымъ пологомъ; комодъ, кресла, коверъ, фотографія на каминѣ, картинки на стѣнахъ, маленькая библиотека съ книгами въ переплетахъ, лампа съ франтоватымъ абажуромъ, шторы на окнахъ. Однимъ словомъ, очень комфортабельная спальня.

— Да что же прислуга не идетъ?

— Зачѣмъ прислуга, — повторила спутница шопотомъ. Мы ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. — Одиновой учительницѣ? Въ девять часовъ начинаются классы, кончаются въ четыре часа. Сама себѣ прислуга. Навѣрное m-lle Бельваль больше ста франковъ въ мѣсяцъ не получаетъ жалованья; а прислуга у насъ стоитъ тридцать франковъ, да прокормитъ ее сколько! Отецъ съ матерью у нея тоже привыкли сами все дѣлать.

Осмотрѣвъ помѣщеніе учительницы, мы вернулись въ ргеаи. Я сѣла на скамейку. Наконецъ, изъ школы понеслись дѣтскіе голоса и стукъ деревянныхъ башмаковъ, сабѣ. Отворилась дверь въ сарай. Показалось нѣсколько дѣтей. При видѣ насъ, они мгновенно скрылись, какъ испуганные звѣри. На минуту все замерло...

Дверь опять отворилась, но уже широко. На порогъ вышла сѣдая, плотная женщина, крестьянскаго облика, въ городскомъ платьѣ. Она удивленно взглянула большими, блестящими глазами и направилась къ намъ.

Я смутилась. Именно смутилась отъ того, что увидала сельскую учительницу въ жизни, а не на сценѣ, встала и подала ей письмо нашего доктора. Она тоже стѣснилась, вѣроятно отъ неожиданнаго визита: нервная дрожь скользила вокругъ рта и глазъ, когда она пробѣгала письмо.

— Отчего же вы, mesdames, не позвонили?—говорила она въ то же время любезно. — Вѣроятно, вы долго ждали... ни я, ни дѣти не слыхали... какъ вы подѣхали... извините!

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Это мы—des indiscrètes,—отвѣчала спутница, улыбаясь.

Письмо было прочитано.

— Чѣмъ могу служить?—спросила m-lle Бельваль еще любезнѣе.

— Сперва простите мнѣ нашъ визитъ. Мы не хотѣли прерывать класса; я знаю по опыту, что безъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія нельзя постороннимъ входить въ школу, тѣмъ болѣе мнѣ, иностранкѣ.

— Вы пріѣхали не какъ лицо официальное, а какъ частное, отъ доктора, пріѣхали ко мнѣ, какъ добрыя знакомыя et une amie de la France, — подчеркнула m-lle Бельваль. Нервная дрожь все пробѣгала струйками по лицу. Видно, 25 лѣтъ педагогическаго даромъ не прошли для ея здоровья. — Прошу васъ, mesdames, къ себѣ. Вы устали. Теперь перерывъ на цѣлый часъ. Если свѣдѣнія скромной сельской учительницы могутъ принести нѣкоторую пользу à une amie de la France — я буду очень счастлива.

Она повела насъ въ домикъ, который мы раньше такъ безцеремонно осмотрѣли. Дѣти—однѣ дѣвочки, человекъ двадцать— пять разсыпались по двору. Теперь онѣ и не пугались—и не интересовались нами. Онѣ принялись закусывать тѣмъ, что принесли съ собой въ корзинкахъ.

Въ своей уютной столовой учительница предложила намъ выпить une petite goutte съ дороги. Поставила бисквиты и Quinquinat Dubonnet, легкое сладкое вино, настоенное на хинѣ.

Я всматривалась въ учительницу, пока она перебирала со спутницей городскія новости. Ничего рѣшительно напоминающаго нашихъ, русскихъ учительницъ, и еще менѣе — пожилыхъ французскихъ гувернантокъ. Фигура плотной пятидесятилѣтней крестьянки; но лицо болѣе открытое, пріятное, когда успокоилась ея нервная дрожь. Большіе, блестящіе глаза сильно близоруки. Волнистые сѣдые волосы спускаются на лобъ изъ-подъ черной „фаншонъ“. Сѣрое платье, черный фартукъ, бѣлый воротничокъ — аккуратны, чисты, какъ и вся обстановка въ ея квартирѣ.

— Мы уже заглядывали въ ваши комнаты,—призналась я m-lle Бельваль.—Какъ это у васъ комнаты стоятъ растворены, безъ прислуги?..

— Въ деревняхъ, во Франціи, не воруютъ; а въ окрестностяхъ Парижа и другихъ многолюдныхъ городахъ on dévalise les villas,—заговорила она теперь привычнымъ тономъ учительницы—громко и отчетливо.—Прислуги не держу—незачѣмъ. Я одна; свободнаго времени много.

— Вы и сами себѣ готовите? и воду приносите?

— Сама. Вода, дождевая, хранится въ цистернахъ. Пойдемте поглядѣть мое хозяйство.

— Мы ужъ оглядѣли...—созналась и спутница.—Кухонья ваша—игрушечка. И какая чистота!!

— Это хорошиі примѣръ для дѣтей. Они забѣгаютъ ко мнѣ.

Постепенно началось „интервью“. Сперва о школѣ, потомъ о сельской учительницѣ. Сначала я припоминала мои вопросы „наизусть“, по программѣ, составленной у меня заранѣе; а потомъ m-lle Бельваль сама взяла листъ бумаги, карандашъ и сказала:

— Вамъ не безъизвѣстно, что во Франціи два рода школы: „laïque“ et „catholique“, свѣтская и духовная. Первая, laïque т.-е. коммунальная, общинная—поддерживается правительствомъ; само правительство назначаетъ въ эти школы учителей и учительницъ. Вообще, коммунальныя школы находятся въ вѣдѣніи правительства. „Catholique“—духовныя,—отъ конгрегацій, которыя разрѣшены правительствомъ.—Veuillez écrire sous ma dictée. Такъ вамъ будетъ удобнѣе. Пожалуйста, начинайте.

Я была въ восхищеніи отъ такого простого, толковаго приѣма и принялась очень внимательно выписывать:

Школа: — Въ деревушкѣ (hameau). 642 жителя. Школы двѣ. Одна для мальчиковъ,—ею завѣдуетъ учитель; другая для дѣвочекъ — завѣдуетъ учительница (т.-е. m-lle Бельваль). Обѣ школы laïques—коммунальныя, общинныя.

Во Франціи школы находятся въ вѣдѣніи мѣстнаго мэра, выборнаго отъ общины (délégué cantonal) подпрефекта, префекта, инспектора начальныхъ училищъ, инспектора учебнаго округа—(d'Académie), ректора—(recteur) и министра народнаго просвѣщенія. Охрана школьнаго зданія вѣняется учительницѣ (или учителю), которая, безъ разрѣшенія префекта, не можетъ употребить школу на какое-либо иное дѣло. Школьное помѣщеніе состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ для классовъ, двора и надворнаго помѣщенія для игръ дѣтей и изъ особаго помѣщенія, пригоднаго для жилья преподавательскаго персонала.

Школьныя постройки почти всё принадлежатъ общинамъ, — *communes*, — которыя и несутъ повинности: содержать ихъ въ порядкѣ—ежегодно бѣлить или промывать. Учительницѣ же (или учителю) вмѣняется въ обязанность содержать классныя комнаты въ постоянной чистотѣ и въ здоровомъ воздухѣ; для этого полагается ежедневно подметать и поливать полъ. Окна—даже и въ зимнее время—держатъ открытыми во время перерыва занятій.

Учебныя пособія въ иныхъ деревняхъ даются за счетъ общины; въ другихъ — родители учениковъ сами оплачиваютъ книги и тетради; а въ иныхъ разрѣшается учительницамъ доставлять эти пособія; но съ тѣмъ, чтобы цѣны были вывѣшены на стѣнѣ, и школьный инспекторъ могъ бы провѣрять ихъ.

Топливо въ школахъ повсемѣстно даровое, за счетъ общины.

Полагается на каждую общину по одной школѣ. Самое отдаленное разстояніе—отъ трехъ до четырехъ километровъ.

Первоначальное обученіе во Франціи *даровое и обязательное* для каждаго ребенка, въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ. Если родители не посылаютъ своихъ дѣтей въ свѣтскую или духовную школу—*laïque ou catholique*—они подлежатъ штрафу.

— Въ какомъ размѣрѣ?—первала я *m-lle* Бельваль.

— Размѣръ штрафа не обозначенъ. Крестьяне и вообще родители, которые имѣютъ нужду въ своихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, обходятъ это постановленіе, посылая ребенка въ школу изрѣдка, отъ времени до времени.

Каждый ребенокъ, при поступленіи въ школу, обязанъ представить свое метрическое свидѣтельство; и учительница — или учитель—должны удостовѣриться, что у ребенка была привита оспа; удостовѣриться также, что у него нѣтъ болѣзней, или немощей, которыя могли бы нанести вредъ здоровью остальныхъ учениковъ.

Опредѣленнаго комплекта учениковъ не существуетъ,—продолжала диктовать *m-lle* Бельваль;—за санитарнымъ состояніемъ школъ слѣдитъ врачъ-инспекторъ. Преподаваніе ведется исключительно на французскомъ языкѣ. Вамъ извѣстно, — замѣчаетъ *m-lle* Бельваль,—во Франціи есть различныя нарѣчія.

Всякое театральное представленіе воспрещается въ школахъ.

Безъ письменнаго разрѣшенія окружного инспектора воспрещается также вводить въ школу какую-либо книжку, брошюру, печатный или рукописный экземпляръ,—не входящіе въ составъ школьныхъ книгъ.

Всякаго рода петиціи, благотворительныя сборы, подписки

или лотереи — одинаково воспрещаются. При нѣкоторыхъ школахъ устроена „Assurance scolaire“, сберегательная касса. Школьницы, вносящія десять сантимовъ въ недѣлю, черезъ сорокъ лѣтъ получаютъ ренту въ 60—80 фр.

— Кажется, все,—сказала m-lle Бельваль,—ничего не позабыла!..

Теперь пошла глава объ *учительницѣхъ*. Тутъ вопросы становились болѣе деликатны и сложны. Писать все сплошь подъ диктовку—неловко. Приходилось „интервьюировать“, припоминая программу...

Во Франціи большинство сельскихъ учительницъ проходитъ: „Ecole primaire“ — народную школу, начальную, сельскую, и „Ecole primaire supérieure“ — высшую начальную школу; эти находятся въ различныхъ городахъ, и ученицы сельскихъ школъ дополняютъ въ нихъ свое начальное образованіе. Затѣмъ, переходятъ въ „Ecole Normale Primaire“ — семинарію, школу педагогическихъ классовъ. Здѣсь дѣвушки обучаются первоначальному преподаванію. Возрастъ для приѣма—отъ 15 до 18 лѣтъ. Курсъ обученія педагогическаго—трехгодичный. *Жизнь и обученіе даровое, но съ обязательствомъ* служить десять лѣтъ въ педагогическомъ персоналѣ; жалованье получается полностью, безъ учета.

Каждая сельская учительница должна представить дипломъ начальной школы (brevet élémentaire), дипломъ высшей школы (brevet supérieur) и удостовѣреніе въ ея педагогическихъ способностяхъ (certificat d'aptitude pédagogique).

Сельскія учительницы, и по словамъ m-lle Бельваль, болѣею частью изъ среды рабочихъ—или мелкихъ служащихъ.

Во Франціи приходится на 150 вакантныхъ мѣстъ учительницы—1.407 женщинъ, чающихъ получить эти мѣста ¹⁾.

Идутъ охотно въ сельскія учительницы, потому что это — почтенная карьера („honorable“) и хорошо оплачиваемая: отъ 900 до 1.400 и 1.600 франковъ въ годъ. Чтобы получить мѣсто учительницы, надо сперва послужить въ помощникахъ, съ жалованьемъ 900 франковъ въ годъ. Вакацій полагается два лѣтнихъ мѣсяца, праздники и еженедѣльно свободные четверги.

Учительница не можетъ самовольно измѣнять дни занятій, ни отлучаться изъ школы. Она должна на это испросить разрѣшеніе окружного инспектора и сообщить его разрѣшеніе мѣстнымъ властямъ. Если отсутствіе учительницы продолжится болѣе

¹⁾ Учительницей или ея помощницей могутъ быть также иностранки, но получившія дипломъ во Франціи, даже и не-католическаго вѣроисповѣданія. Есть сельскія учительницы-протестантки.

трехъ дней, то необходимо для этого получить ей разрѣшеніе и отъ инспектора учебнаго округа. Отпускъ болѣе восьми дней можетъ быть разрѣшенъ только префектомъ. Въ случаѣ же непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, требующихъ немедленнаго отъѣзда, учительница ограничивается тоже немедленнымъ сообщеніемъ объ этомъ мѣстному мэру и училищному инспектору.

Учительница можетъ жить со своими родителями въ помѣщеніи, которое ей отводится при школѣ.

Когда учительница вступаетъ въ завѣдываніе школой, она обязана, въ присутствіи мэра или его уполномоченнаго, сдѣлать перепись мебели, бібліотеки и школьнаго архива; а если учительница имѣетъ свою мебель, то обозначить въ описи и свои собственныя вещи. Эта опись должна быть подписана обѣими сторонами. Въ случаѣ перемѣны мѣста жительства учительницы, она передъ отъѣздомъ приглашается снова сдѣлать перечень вышеизложеннымъ вещамъ.

Замужняя учительница также можетъ жить со своимъ мужемъ и дѣтьми въ помѣщеніи, которое отводится ей при школѣ.

Беременнымъ учительницамъ полагается *minimum* отъ 4 до 5 недѣль отпуска на роды.

— Государство всегда оберегаетъ (*protège*) служащихъ, которые добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, — прибавляетъ *m-lle* Бельваль.

Возрастъ для поступленія въ сельскія учительницы полагается отъ 20 до 25 лѣтъ; 55 лѣтъ — предѣльный возрастъ служенію въ школѣ.

Есть учительская пенсіонная касса. Касса удерживаетъ 5% отъ жалованья и черезъ 25 лѣтъ выдаетъ 1.200 франковъ ежегодной пенсіи.

— Вотъ это щедрая пенсія! — воскликнули мы.

— Да, я скоро буду получать и пенсію, и жалованье, — похвалилась *m-lle* Бельваль.

Помимо шестичасоваго ежедневнаго преподаванія, — исключая четверги и праздники, — учительница обязана просматривать тетради ученицъ внѣ классныхъ занятій.

Во время классовъ, учительница не должна, ни подъ какою предлогомъ, отвлекаться отъ своей педагогической роли, ни заниматься работой, сторонней ея обязанностямъ по школѣ. Если школа очень людная, — полагается помощница.

— У меня всего двадцать-одна дѣвочка, — сказала *m-lle* Бельваль, — болѣе тридцати не бываетъ; но я начала свою карьеру помощницей въ Виши, гдѣ было шестьдесятъ дѣвочекъ, и я про-

служила пять лѣтъ въ помощницахъ; потомъ уже получила здѣшнее мѣсто—старшей учительницы... Мнѣ, однако, пора!—вдругъ прервала себя m-lle Бельваль, и взглянула на часы.— Да, пора начинать классъ рукодѣлія. Вы обождите, пока я усажу дѣтей.

— Вотъ любезная-то, милая особа! — стала восхищаться спутница, когда учительница вышла. — Вамъ истинная удача. Такъ толково, подробно рассказала... да еще продиктовала всѣ правила и положенія. Рекомендація отъ доктора много значить! Et „l'amie de la France“—также!

Минутъ черезъ десять вернулась m-lle Бельваль.

— Припомните, — сказала она, идя съ нами черезъ дворъ въ школу, — что во французскихъ сельскихъ, какъ и во всѣхъ начальныхъ школахъ во Франціи, дѣти принимаются старше шести лѣтъ и моложе четырнадцати. Въ этого возраста они не могутъ быть приняты безъ разрѣшенія училищнаго инспектора. Въ тѣхъ же общинахъ (деревняхъ), гдѣ нѣтъ дѣтскаго пріюта—замѣйте это—„возрастъ поступленія будетъ пониженъ до пяти лѣтъ“. Вотъ на какомъ основаніи вы сейчасъ увидите въ моеѣ школѣ и очень маленькихъ дѣвочекъ. Veuillez entrer!

Мы вошли въ узкую свѣтлую прихожую—раздѣвальню. Вдоль стѣнъ прибиты въ нѣсколько рядовъ полки, сообразно съ ростомъ дѣтей. На полкахъ лежатъ шляпки и стоятъ корзинки съ завтракомъ, который дѣти съѣли въ рекреацію. Я остановилась поглядѣть на дѣтскія шляпки; онѣ доказывали зажиточность семей. Шляпки не рваныя, соломенные, однѣ новыя, другія прошлогоднія; всѣ съ отдѣлкой: съ бантами, съ помпонами.

— Въ нашей мѣстности нѣтъ бѣдныхъ крестьянскихъ семей, —подтвердила и m-lle Бельваль.

Одна шляпка изъ черной тонкой соломы, съ моднымъ бантомъ, заинтересовала меня.

— Это „новенькая“ пятилѣтняя ученица. Всего три дня, какъ привели ее въ школу, —объяснила учительница;—ее зовутъ Marie Berteau. За ней теперь ужъ сто тысячъ приданого et des espérances avec!..

Такъ это было курьезно, въ смыслѣ нравовъ, что оно и безъ диктовки осталось у меня въ памяти!

За прихожей одна классная—очень большая, очень высокая и свѣтлая зала. Три окна на сѣверъ открыты. Три окна на югъ прикрыты внутренними ставнями. Окна — высоко отъ пола. На стѣнахъ висятъ карты географія, карты зоологін. Надъ каедрой —бюстъ Республики; ея кронштейнъ обвить трехцвѣтной лен-

той. Всѣ двадцать-одна ученица на лицо. Сидятъ за партами, шьютъ. Мы поздоровались съ ними. Онѣ встали и не сѣлились, пока учительница не приказала имъ сѣсть. Оволо каедры—т.-е. просто возвышенія со столомъ, стуломъ, корзиной для бумагъ—черная доска; на ней написано мѣломъ красивымъ почеркомъ: „Soyez toujours polies. Безъ учтивости нѣтъ образованія“. *Привести примѣры учтивости и примѣры отсутствія учтивости.*— Но теперь дѣти занимались рукодѣльемъ—вѣроятно, это касалось предыдущаго урока. Дѣвочки постарше—вышивали; маленькія шили лоскутки. Такъ какъ вся школа помещалась въ одной залѣ, то дѣти были раздѣлены на группы: первое отдѣленіе—*division*—маленькія; среднее и старшее отдѣленія. Изъ двадцати-одной дѣвочки въ старшемъ *division* всего три ученицы. Лицами и одеждой дѣвочки смотрятъ не крестьянками, а мѣщанками. Довольно чистенькія, аккуратно причесанныя—учительницѣ вмѣняется наблюдать за ихъ чистоплотностью—очень подвижныя; глазки веселыя. Вообще, французскія дѣти и лицами, и фигурами болѣе мелки и болѣе обточенны, чѣмъ итальянскія, напримѣръ, которыя зато хороши собой, какъ дѣти на картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Здѣсь красоты нѣтъ, но есть именно отдѣла лица, обточенность фигуровъ, что позднее, въ взрослыхъ крестьянкахъ, развивается въ острыя черты лица и въ мускулистыя фигуры.

M-lle Бельваль предложила мнѣ посмотреть тетради—*les devoirs des élèves*. Почеркъ для крестьянскихъ дѣвочекъ, у нѣкоторыхъ, красивый; но у большинства ученицъ писанныя буквы похожи на листья—по вѣтру. Слова несутся и кружатся, какъ сухіе листья осенью. Своеобразное письмо.

Послѣ тетрадей учительница показала рукодѣлья.

Въ это время ко мнѣ подошла малюсенькая дѣвчушка и протянула лоскуточекъ.

— Моя работа,—сказала она вѣско.

Учительница разсмѣялась.

— Я тебя не вызывала. Какова самоувѣренность!

— *Les enfants, comme les chiens, aiment, qu'on les flatte,*—замѣтила благодушно спутница.

Меня интриговала дѣвочка въ самомъ концѣ класса, лѣтъ семи, видимо посаженная отдѣльно, въ наказаніе.

— Что она сдѣлала?—спросила я тихо.

— *Ce qu'elle a fait? Elle a fait le renard,*—отвѣтила громко и строго m-lle.—Да, она изображала лисицу. И за это будетъ теперь сидѣть отдѣльно пятнадцать дней.

Тонъ, казимъ отвѣтила учительница, и мѣра наказанія говорили о большомъ проступкѣ. Я не захотѣла сейчасъ же расспрашивать при дѣтяхъ, что именно напроказила „лисица“, и ограничилась только:

— А-а! скажите!..

Дѣвочка покраснѣла и низко наклонила голову надъ шитьемъ. Всѣ остальные двадцать тоже наклонили головы, видимо смущенныя, и прилежно застегали...

— Вотъ „новенькая“, черную шляпку которой вы сейчасъ замѣтили, — указала мнѣ тихо учительница на стотысячную приданницу.

Маленькая, очень хорошенькая дѣвочка, настоящей типъ оверньятки: крѣпышъ; смуглая, пунцовыя щечки, глазки большіе, черныя, съ загнутыми рѣсницами. Волосы вчесаны хохломъ и перевязаны лентой. Одѣта въ круглую блузу; тоже что-то прилежно ковыряетъ. Въмѣсто иголки ей дали шпильку и кусочекъ канвы.

— Все-таки занята и привыкаетъ къ шитью, — замѣтила учительница. — Я стараюсь — по мѣрѣ силъ — приготавливать изъ моихъ ученицъ добрыхъ ховяекъ.

— А какіе предметы проходятъ дѣти въ сельской школѣ?

М-де Бельваль порылась на своемъ столѣ среди тетрадей, книгъ и подала мнѣ росписание.

„Распредѣленіе времени въ школѣ для дѣвочекъ. — Утреннія занятія, отъ 9 до 11^{1/2}, въ младшемъ отдѣленіи: списываніе (copie), чтеніе вслухъ старшей ученицы (monitrice), чистописаніе. Отдыхъ. Руководѣніе. Чтеніе вслухъ учительницы. Занятія въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ: исторія, географія, чистописаніе, рисованіе. Отдыхъ. Диктантъ, поправка (correction), грамматика, правописаніе, разъясненія (redaction ou résumé). Занятія отъ 1 часа до 4 часовъ: Младшее отдѣленіе: цифры, легкія задачи, словесный счетъ. Чтеніе вслухъ учительницы. Отдыхъ. Урокъ „понятій“ о различныхъ предметахъ (leçons de choses). Чистописаніе, пѣніе. Занятія въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ: счетъ и поправка, разъясненія, урокъ по естественной исторіи. Отдыхъ. Урокъ нравственности и учтивости (morale et politesse), чтеніе, пѣніе. Въ четыре часа просмотръ тетрадей за день. Отмѣтки. По субботамъ, послѣ чтенія вслухъ учительницы, раздача наградъ — по одной на каждое отдѣленіе — той ученицѣ, которая получила за недѣлю большее число хорошихъ отмѣтокъ“.

— Въ чемъ состоятъ эти награды?—спросила я преподавательницу.

— Такъ, разные пустяки: картинки, котильонныя звѣздочки, ленточка, *cordou de sagesse*. Тутъ дѣло не въ цѣнѣ, а въ отличіи.

— А наказанія какія?

— Само собою, тѣлесныя не допускаются. Допускаются дурныя отмѣтки, выговоры, частичныя лишенія рекреации, задержаніе послѣ классовъ въ школѣ, временное исключеніе; но оно не дѣлится долѣе трехъ дней, и я тотчасъ обязана сообщить объ этомъ родителямъ ученицы, мѣру и училищному инспектору—*inspecteur primaire*. Исключеніе на болѣе продолжительный срокъ можетъ быть наложено только однимъ инспекторомъ учебнаго округа—*inspecteur d'Académie*. И за всю мою двадцатилѣтнюю педагогическую дѣятельность ни разу не пришлось примѣнять даже трехдневнаго исключенія. А что касается сажанія отдѣльно, примѣняя,—*m-lle* бросаетъ строгіе взгляды въ сторону „лисицы“,—тутъ я неумолима. Позвольте, вы прочли не всю программу нашихъ занятій. Переверните листъ, *s'il vous plaît*.

„Ежемѣсячное представленіе работъ“,—читала я далѣе:— „Чистописаніе. Французское сочиненіе. Диктантъ. Точныя науки. Счетъ. Нравственное и гражданское воспитаніе ¹⁾).

„Работы каждыя три мѣсяца:

„Рисованіе. Географія. Исторія Франціи“.

— Для нашихъ уроковъ о нравственномъ и гражданскомъ воспитаніи мы руководствуемся вотъ этой книжкой,—по ней сдаются и экзамены. Вы можете взять книжку съ собой, просмотрѣть ее подробно, дома, на свободѣ. Она дастъ вамъ подробное понятіе о томъ, что должны знать сельскіе ученики. Въ этой книжкѣ,—замѣтила *m-lle* Бельваль,—больше говорится о мальчикахъ, чѣмъ о дѣвочкахъ. Но я, конечно, переставляю слово ученикъ—въ ученицу; учитель—въ учительницу.

Книжка маленькая, сѣренькая, въ двѣсти страницъ, съ литинажами. Она называется: „*La première année d'instruction morale et civique*“, составленная *par Pierre Laloi*. Подзаглавіе: „*Leçons très simples. Récits attachants... Rédactions—résumés.*“

— А методъ преподаванія у васъ звуковой?

— Нѣтъ, обыкновенный: а. b. c. d.

— А какое количество праздниковъ приходится у васъ въ году?

¹⁾ „*A faire tous les mois: écriture; composition française; dictée; sciences physiques, calcul; instruction morale et civique*“.

М-ше Бельваль безъ запинки перечла:—День, слѣдующій за днемъ Всѣхъ Святыхъ, въ ноябрѣ. Десять дней зимнихъ вакацій,—Рождество и Новый годъ. Недѣля, предшествующая Пасхѣ. День мѣстнаго святого или слѣдующій день, если святой приходится на воскресенье. Дни національныхъ праздниковъ. Лѣтнія вакаціи. Время и продолжительность вакацій опредѣляются ежегодно префектомъ еп' conseil départementale...

Раздался отдаленный звонъ колокола.

— Звонятъ въ школѣ мальчиковъ!—воскликнула м-ше Бельваль.—Пора, пора кончать классы. Я и не замѣтила...

— Заговорили мы васъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не уѣзжайте! Я сейчасъ буду совершенно свободна, мы пойдемъ еще въ деревню.

И м-ше Бельваль поспѣшила звонить въ свой колоколъ на дворѣ. Дѣвочки мигомъ повскакали съ мѣстъ, свернули работы и бросились въ прихожую. Только двѣ постарше,—дежурныя,—остались. Одна принесла ведро воды, другая—лейку; онѣ начали поливать полъ кругами и подметать его. Эта уборка школы тоже быстро кончилась, и обѣ „дежурныя“ убѣжали вслѣдъ за другими дѣтьми.

Вернулась учительница, растворила окна на сѣверъ и на югъ. Мы встали съ спутницей на скамейку, поглядѣть, что изъ нихъ видно. Передъ нами открылся обширный огородъ, въ образцовомъ порядкѣ.

— Это дѣти сажаютъ?—спросила я учительницу.

— Нѣтъ, огородникъ. Это мой огородъ. Онъ мнѣ полагается при школѣ, съ отопленіемъ.

— Вы же всего не скушаете, что на немъ произрастаетъ,—замѣтила я возможно вѣжливѣе:—посылаете кое-какіе овощи и на продажу?

— Неприлично продавать. Престижъ потеряю. Нѣтъ, я дарю родителямъ дѣтей. Они мнѣ тоже дѣлаютъ подарки. Цѣнныхъ я не принимаю; когда убьютъ свинью, телянка или домашнюю птицу, всегда присылаютъ лучший кусокъ. Не принять—обидѣть. Вотъ я и отдариваю, чѣмъ могу. Когда случаются въ семьяхъ ученицъ крестины, онѣ всегда тоже приносятъ мнѣ конфетъ. Вы знаете, во Франціи обычай—въ крестины дарить конфеты-dragées. У меня и свое вино есть,—видите, въ концѣ огорода порядочный виноградникъ.

Учительница стояла рядомъ съ нами на скамейкѣ. Съ уходомъ ученицъ, ея манера, язвѣе сдѣлались гораздо проще, вообще она присмотрѣлась къ намъ.

— Расскажите, пожалуйста, что натворила ваша „лисица“, которую вы, въ наказаніе, посадили отдѣльно, на пятнадцать дней?—спросила я.

— Непростительное!—воскликнула m-lle Бельваль, и рассказала, очень волнуясь, какъ эта дѣвочка—ей семь лѣтъ, и она должна приводить съ собой еще двухъ маленькихъ—наканунѣ не являлась съ подругами къ началу классовъ.

— Часть проходитъ, другой,—нѣтъ ихъ всѣхъ трехъ. Я начинаю беспокоиться: идти имъ далеко, лѣсомъ... Въ 11 1/2 часовъ, въ большую рекреацію—что же я вижу: онѣ, одна за другой, бочкомъ, прошмыгиваютъ, въ калитку! Босикомъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, садятся на скамейку, подъ деревцомъ,—въ полной надеждѣ, что я не примѣтила ихъ отсутствія въ утреннихъ классахъ! Я, конечно, сейчасъ ихъ въ допросу. Оказалось: шли онѣ лѣсомъ, и старшая соблазнила младшихъ разуться, пойти босикомъ по травѣ.

— Я очень любила, маленькая, ходить босикомъ по травѣ,—сочувственно замѣтила спутница.

— Затѣмъ онѣ нарвали ландышей, которые цвѣтутъ тамъ въ изобиліи. Букеты спрятали въ вустахъ и рѣшили, на возвратномъ пути, захватить ландыши домой. Разумѣется, чулки и сабо онѣ тамъ же позабыли и явились сюда босоногими, заставивъ меня прождать ихъ два часа и сильно беспокоиться. Я и наказала старшую,—тѣ слишкомъ малы; этой поручено приводить и отводить тѣхъ. У насъ сказано въ правилахъ: „Дѣти, которыя во время перерыва классовъ не возвращаются домой, должны находиться подъ бдительнымъ надзоромъ учительницы до того часа, когда кончаются въ школѣ занятія“. А тутъ онѣ два часа прогуляли да растеряли свои чулки и башмаки. Меня родители имѣютъ полное право обвинять въ плохомъ надзорѣ, невниманіи, que sais-je!..

Эта дѣтская шалость все сильнѣе волновала учительницу.

— Въ подобныхъ проступкахъ виновница и получаетъ названіе „лисицы“, за хитрость, соблазнъ. Теперь пойдѣте, пожалуйста, на воздухъ, въ деревню.

M-lle даже раскраснѣлась отъ волненія.

На улицѣ, наискосокъ школы дѣвочекъ, столпились мальчишки-школьники, въ беретахъ, въ черныхъ, круглыхъ, длинныхъ фартукахъ—саррд. Они съ любопытствомъ уставились на насъ. Вѣроятно, дѣвочки уже сообщили имъ новость: пріѣздъ иностранокъ; но видя, что съ нами идетъ учительница, съ которой они

всѣ поздоровались, снявъ береты, мальчики скоро разошлись по домамъ.

Ближайшей сосѣдкой m-lle Бельваль стоитъ церковь.

— А въ какихъ отношеніяхъ вы съ кюрё? — спросила я учительницу.

— Въ прекрасныхъ. Мои дѣвочки недавно связали кружево на престоль. Нашъ мэръ повстрѣчался со мной, шутливо грозить мнѣ и прибавляетъ: — „Ah, ah, mademoiselle Belval!..“ Я ему въ отвѣтъ: — Ah, monsieur le maire! А вы вашу единственную дочку отдали въ монастырь учиться, не къ намъ! — Онъ замѣялся и на другое перевелъ разговоръ.

— Вотъ, вотъ: то самое, что я рассказывала по дорогѣ къ вамъ! — воскликнула спутница: — предпочитаютъ отдавать дочерей въ монастырь. C'est plus chic.

— Развѣ религія до такой степени преслѣдуется, что нельзя связать кружево на престоль?

— О! Нѣтъ! Школы не-духовныя, какъ моя, écoles laïques, не касаются религіи. Вы увидите въ нашихъ учебникахъ: „éducation morale et instruction civique, для средняго и старшаго возраста, глава V — „Devoirs envers Dieu“ — вырвана. Въ новыхъ изданіяхъ эта глава и вовсе не напечатана.

— Слѣдовательно, вы должны постоянно обходить слово: *Богъ*?

— Да, замѣняемъ словомъ: *природа*.

— Да вѣдь дѣти все равно получаютъ свое первое причащеніе?

— Это до насъ, до школы и до учителей, не касается. Это — дѣло родителей, семьи. Дѣти могутъ посѣщать церковь и брать уроки катехизиса только вѣ классныхъ часовъ, но... тутъ, какъ и вездѣ, нѣтъ правила безъ исключенія. Въ недѣлю, предшествующую дню перваго причащенія, учительница разрѣшаетъ ученицамъ уходить изъ школы въ церковь, въ тѣ часы, когда онѣ должны тамъ исполнять свои религіозныя обязанности; но это разрѣшается только одинъ разъ, во все школьное пребываніе.

— Вообще, выходитъ, что вы, учительницы, поставлены между двухъ враждующихъ сторонъ: кюрё и мэръ?

— Враждующія — слишкомъ; но не опровергаю — иногда приходится... „обходить“ — „biaiser“. Нельзя же идти напрямикъ! Рѣзкостью ничего не сдѣлаешь. Enfin!.. Я здѣсь двадцать лѣтъ и ни разу еще не имѣла столкновенія ни съ кюрё, ни съ мэромъ. Ихъ же за эти годы сколько смѣнилось!

— Видно, у васъ ужъ характеръ такой хорошій,—сказала спутница.

— Пожалуй,—согласилась m-lle Бельваль.—По ея лицу скользнула очень тонкая, сложная улыбка.

— Сколько вамъ извѣстно, изъ среды сельскихъ учительницъ не выходило женщинъ-художницъ: писательницъ, живописцевъ, поэтессъ, какъ Ада Негри въ Италіи, какъ двѣ-три поѣздательницы въ Англии?

M-lle сосредоточенно подумала:

— Нѣтъ, je n'en connais point; одна—Louise Michel, петролёза, поджигательница во время коммуны; и она была учительницей въ Парижѣ, а не сельской.

За церковью стояла школа мальчиковъ. Далекое не такая чистая, гигиеническая, какъ школа m-lle Бельваль. Строеіе старое, двухъ-этажное. Дворъ—rueau—позади. Входная дверь настежь. Окна запыленные, стѣны пятнистыя. Сейчасъ видно, и по вѣншности, что школа содержится такъ, какъ поведетъ ее учитель—хозяйинъ ея.

Школой закончилась и главная улица деревушки. Мы вышли въ поля. Они круто спускались въ оврагъ и на той сторонѣ опять раскидывались по холмамъ.

Вся мѣстность убѣгала отлогими волнами къ горизонту. Направо синѣла тоже волнистая линія лѣсовъ; налѣво—въ дымѣ—обозначались горы Оверни. На холмахъ, въ оврагахъ, въ кущѣхъ деревьевъ выглядывали фермы: низкіе домики подъ черепичной крышей; возлѣ—сарай, сложенные изъ глины; близъ фермы—огороды, фруктовыя деревья.

— Все это земли вашихъ подчиненныхъ?—пошутила спутница.

— Нѣтъ, мои самыя отдаленныя ученицы—на четыре километра, не дальше. Мы же здѣсь высоко стоимъ, передъ нами десятки километровъ открываются.

— Четыре километра къ западу, четыре къ востоку,—говорила спутница, указывая рукой,—такъ это о! какъ далеко! Я желала бы имѣть столько bons-sujets.

— Oui, mes bons-sujets,—повторила и m-lle Бельваль.—Вы вѣрно сказали. И я очень цѣню тѣ добрыя отношенія, какия установились у меня съ крестьянами. Подумайте, я двадцать лѣтъ здѣсь живу. Помимо ежедневныхъ классовъ, я завела еще воскресные классы, classe d'adultes, для взрослыхъ. И они посѣщаютъ классы аккуратно. Я посылала на послѣднюю, парижскую всемірную выставку образцы руководѣній взрослыхъ ученицъ,

и представьте, — онѣ получили бронзовую медаль! Разумѣется, восторгъ полный, и каждая про себя думала, что это именно за ея-то работу и выдали награду... У меня учатся дѣти дѣтей моихъ ученицъ! Всѣ окружные крестьяне такъ ко мнѣ привыкли за двадцать лѣтъ, что нѣтъ крупнаго событія въ самой отдаленной семьѣ, чтобъ они не спѣшили сообщить мнѣ, спросить моего совѣта. Помолвятся — меня первую оповѣщаютъ. Родится ребенокъ — первый выходъ съ нимъ ко мнѣ. Умретъ кто въ семьѣ — со мной поплачутъ. Они знаютъ, какъ я искренно отношусь къ нимъ. Меня приглашали въ города старшей учительницей — я отказалась. Сжилась я съ ними со всѣми. Всѣ они мнѣ близки.

Рѣчь m-lle Бельваль текла убѣдительно. Солнце ласково грѣло безоблачное, голубое пространство и стрекоты весело стрекотали. Передъ нашими глазами разстилалась мирная деревенская картина; мы сами удобно усѣлись на бревнахъ, отдѣлявшихъ поля отъ проселочной дороги. Мы всѣ три находились въ ровномъ, благожелательномъ настроеніи. Невольно, вслухъ, сказыалась мысль:

— Выходить, нѣтъ лучшей карьеры для трудовой женщины во Франціи, какъ карьера сельской учительницы...

— Безспорно! — воскликнула m-lle Бельваль.

— Современная литература и театръ иное говорить...

— Въ театрѣ я не бываю; современной литературой занимаюсь только одной — педагогической, потому что другая, современная, *diffame la femme française*; да, безчестить французскую женщину, — повторила m-lle авторитетно. Ея большіе близорукіе глаза метнули лучи. — Я не идеализирую достоинствъ моихъ товарищъ... *Dame! nous ne sommes pas des religieuses*, не монахини безгрѣшныя, и ваша карьера имѣетъ условія положительныя. Первое: сельская учительница должна быть изъ той же провинціи (*du même département*)! но не изъ самой мѣстности, гдѣ она учительствуетъ — иначе престижа не будетъ — *on lui tapera sur le ventre*, — извините за выраженіе. Второе — она должна знать, приблизительно, мѣстныхъ жителей, и чтобъ мѣстные жители знали, что ихъ школьная учительница — не первая попавшаяся особа съ вѣтру. Она должна жить при школѣ съ родителями или съ кѣмъ изъ родственниковъ и не чувствовать себя одинокой. Въ гости, по просту, отъ скуки, нельзя ходить къ крестьянамъ. Они должны приходить. А если она полюбитъ и обвѣнчается съ мѣстнымъ учителемъ, и у нея пойдутъ дѣти — oh! тогда дѣйствительно — *c'est le comble du bonheur*.

— И въ рай не пожелаешь, — досказала спутница.

— Простите... сколько вы получаете гонорара, какъ сельская учительница? — спросила я.

— Сто франковъ въ мѣсяць ¹⁾. Скоро буду получать при жалованьи и пенсію. Конечно, я всего не трачу. Дѣлаю разныя gâteries дѣтямъ, моимъ старикамъ. Покупаю интересныя книги на свой счетъ для моихъ ученицъ.

— Помогаете бѣднымъ, — досказала спутница.

— Не очень. Некому. У всякаго свое есть; ну, разумѣется, когда варю бульонъ, подѣлюсь съ немощной старухой или съ ближайшей родильницей. Мой главный расходъ — переплеты; до страсти люблю хорошіе.

Я вспомнила полки съ красивыми книгами въ спальнѣ m-lle Бельваль.

— Однимъ словомъ, пока, живу въ свое удовольствіе на свои трудовыя средства.

— Вотъ вы и безъ дѣтей, une célibataire, — замѣтила спутница, — холостая, а тоже вполнѣ довольны вашей судьбой.

— Потому что у меня есть мои старики-родители. Они почти весь годъ со мной живутъ.

— И потому, — подсказала спутница, — я думаю, у васъ столько было жениховъ, что и не оберешься!

— Да и теперь есть, — отвѣтила просто m-lle Бельваль. — Прежде не хотѣла идти замужъ, свободу терять. Избалована была я своими стариками. Теперь... уже стара стала для замужества. А умрутъ они — ужасно подумать: одиночество! Aussi comme nous nous aimons, comme nous nous ressentons... — Глаза m-lle Бельваль наполнились слезами.

— Одиночество со всѣми этими bons-sujets-là! — воскликнула спутница, указывая рукой на раскинувшіяся передъ нами фермы?

— Да. Они придутъ ко мнѣ поплакать. А я-то не должна. Они мнѣ не ровня. Ce ne sont pas mes égaux. Я должна всегда сохранять достоинство d'une femme supérieure à eux. Нѣтъ, въ нашей карьерѣ, какъ во всякой, есть и розы, и тернія.

Мы стали собираться въ путь. M-lle Бельваль пригласила зайти къ ней, выпить кофе на дорогу. Мы, конечно, отказались, не желая утруждать ее.

— Черезъ пятнадцать дней экзамены въ нѣкоторыхъ сель-

¹⁾ Въ „Новомъ Времени“, отъ 8-го сентября 1901 г., было сказано, что въ Россіи есть школы, гдѣ народныя учителя, слѣдовательно и сельскія учительницы, получаютъ 30 руб. жалованья въ годъ. А одинъ сельскій учитель, за пятнадцатилѣтнюю службу, получалъ пенсію 3 руб. въ мѣсяць.

скихъ школахъ нашей префектуры. Хотите приѣхать въ Виши? — предложила учительница на прощанье. — Это отъ васъ не далеко. Часъ въ экипажѣ. Я попрошу разрѣшенія у инспектора (Inspecteur cantonal). Премилый человекъ. Вы увидите на экзаменахъ десятка два сельскихъ учителей и учительницъ.

Я, разумѣется, очень обрадовалась такому неожиданному предложенію.

— Бываютъ еще разъ въ годъ учительскіе сѣзды. На нихъ мы обсуждаемъ разные вопросы, близкіе намъ, педагогамъ. Жалью, что не могу пригласить и васъ. Сѣздъ бываетъ позднѣе, осенью.

Мы расстались съ m-lle Бельваль — до скорого свиданія.

— На-дняхъ напишу, какого числа экзамены! — крикнула она вслѣдъ экипажу.

Буланая лошадь побѣжала рысцою. Кучеръ уже и не подхлестывалъ ее. Изъ молодого дубняка понесся тонкій аромат листьевъ, цвѣтовъ, травъ, нагрѣтыхъ за день июньскимъ солнцемъ. Среди роскошныхъ кустовъ дрѣва ярко выдѣлялись его золотистые бутоны, будто сами просились, чтобы ихъ сорвали; но моя спутница забыла о цвѣтахъ, и все восхваляла mademoiselle Бельваль.

— Любезная, обходительная особа. Всѣ свѣдѣнія вамъ дала и о школѣ, и о себѣ, и на экзамены пригласила; une charmante femme!

На меня нашла мечтательная грусть: что она теперь, бѣдная, дѣлаетъ? Нельзя нигуда пойти, поговорить по душѣ, „чайку выпить“, даже къ такимъ фермерамъ, у которыхъ она, вонъ, третье поколѣніе воспитываетъ. Постоянно соблюдай дипломатію и съ екорè, и съ мэромъ. Постоянно будь на сторожѣ и копи, потому что впереди — одиночество, немощи, — воши, потому что „l'argent — c'est la dignité“. Пока силы есть, рассчитывай даже прислугу взять.

— Теперь, небось, сама плитку разводить, — продолжала я вслухъ.

— Нѣтъ, у нея веросинка въ двѣ канфорки, — отвѣтила спутница.

— А потомъ, вечеромъ, сиди одна... Тоска!

Между тѣмъ, мы подѣхали къ нашему дому, опять восхваляя учительницу.

Вечеромъ я стала просматривать ту книжку, что мнѣ дала

m-lle Бельваль и по какой дѣти сдаютъ экзамены въ сельскихъ школахъ.

„La Première année d'Instruction Morale et Civique“.

Эпиграфъ взять изъ П. А. Куріе: „Чему надо обучить дѣтей?—Тому, что они должны дѣлать, когда подростутъ“.

Въ первой главѣ этой книги, конечно, прежде всего, говорится о *семьѣ*: о любви, уваженіи, повиновеніи родителямъ, и тутъ же приводится статья закона, по которой родители, въ случаѣ серьезнаго недовольства дѣтьми, имѣютъ право засадить ихъ въ тюрьму на срокъ, сообразно ихъ возрасту. Объясняя *долгъ* дѣтей относительно родителей, опять приводится статья закона, по которой дѣти обязаны содержать своихъ родителей; подробное объясненіе долга относительно самого себя и ближняго. Послѣ семьи—*школа и мастерская*. Что такое школа, учитель, ученикъ? Правила въ отношеніяхъ къ школѣ, учителю, къ мастерской и къ хозяину. Наставленія и совѣты по поводу развлеченій. Добрые и дурные нравы, товарищи; а также приводится и статья закона, ограждающая трудъ малолѣтнихъ.

За правилами, объясненіями и наставленіями идетъ выводъ—*résumé*, который ученикъ (а у m-lle Бельваль—ученица) должны заучивать дословно, какъ катехизисъ. Затѣмъ прочитать, списать и рассказать своими словами прилагаемые рассказы поучительно-трогательные (съ картинками) на ту тему, какая трактовалась въ соотвѣтствующей главѣ.

Не могу я здѣсь не списать перечень нѣкоторыхъ главъ этой книжки. Иныя изъ нихъ очень интересны да и небезполезны. Напримѣръ: *Общество*. Разница общественныхъ классовъ. Свобода труда (глава въ демократическо-буржуазномъ духѣ). Употребленіе сбереженій. Ассоціаціи (при этомъ картинка, какъ куча дѣтей легко катитъ громадное бревно). Общество предусмотрительности, страхованія, завладныя. Забастовки, стачки. Достоинство рабочаго.—*Землепашество*. Разница между землевладельцемъ, фермеромъ и половникомъ. Необходимость грамотности для крестьянина.—*Купецъ*. Что такое торговля, торговля книги. Коммерческіе суды, несостоятельность, законы о банкротствѣ. Совѣты—и нравственные, и матеріальные, и опять—статьи закона. *Глава VIII*. Государственный чиновникъ, чиновница. *Глава IX*. Бракъ, обязанности вступающихъ въ бракъ, домашнія сбереженія. Обязанности отца семейства (у m-lle Бельваль—матери семейства). Опекунство. Не совершеннолѣтіе. *Глава X*. Гражданскія права. *Глава XI*. Государство. Что такое: община, муниципальный совѣтъ, мэръ, его помощники. Кантонъ, подпрефектура, де-

партаментъ (губернія). Общій генеральный совѣтъ, префекты. Палата депутатовъ и сенатъ. Правительство. Законодательная и исполнительная власти. *Глава XII.* Администрація: министры; министерство народнаго просвѣщенія, министерство юстиціи, министерство духовныхъ дѣлъ, министерство земледѣлія, торговли и промышленности, публичныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ, министерство иностранныхъ дѣлъ, военное министерство, морское вѣдомство и вѣдомство колоній, министерство финансовъ, взиманіе налоговъ.

Все это изложено популярно, ясно, кратко, но съ точными указаніями, чѣмъ каждое министерство завѣдуетъ.

Глава XIII и послѣдняя. Права и обязанности каждаго гражданина во Франціи. Краткое ознакомленіе съ политикой, политическими правами и обязанностями.

Закрывая книжку, я невольно подумала:

— И это полагается знать наизусть каждому французу отъ 6 до 14 лѣтъ—включительно; равно и маленькимъ французенкамъ, въ ихъ отроческомъ возрастѣ, и сдавать экзамены по всѣмъ этимъ главамъ!

III.

Сыновья моей спутницы тоже помогли мнѣ въ развѣдкахъ о сельской учительницѣ,—всего больше тотъ, который былъ въ перепискѣ съ профессоромъ изъ Ліона.

— Ah, madame, вотъ куда вамъ надо съѣздить: Chênes-Verts, la bourgade. Это село „Зеленые дубы“ преинтересное!—восклинулъ онъ съ энтузіазмомъ. — Жанна, жена нашего товарища Фавье,—оттуда. Она въ восторгѣ будетъ поѣхать съ вами, повидать родителей. Вы и остановитесь у ея родителей, если захотите. Тамъ есть и гостиница. Родители Жанны—буржуа—ancien régime. Отецъ—un vrai type! Да тамъ, впрочемъ, все интересно. Самая бургада—подумайте только!—двѣсти лѣтъ назадъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ, въ котловинѣ, стоялъ монастырь; къ нему спускалась тропинка, подъ сѣнью листовыхъ арокъ. Монахи промышляли, выдѣлывали ликеръ, носившій названіе „листови“. Теперь отъ этой дремучей мѣстности ничего не осталось: ни лѣсовъ, ни монаховъ, ни ликера. Сохранилась, какимъ-то образомъ, часть монастырской стѣны и павильонъ, гдѣ были службы, въ которомъ родители Жанны и живутъ. На мѣстѣ же монастыря выросла цѣлая бургада—село въ 3.000 жителей; есть десятокъ твачей-кустарей; они ткутъ пе-

стрый мусселинь для южныхъ странъ... Вся мѣстность тоже промышляетъ; платки вяжутъ; но для васъ главное дѣло не въ бургадѣ, я понимаю; тамъ при земской школѣ — учитель; для дѣвочекъ — духовная школа, разрѣшенная правительствомъ; „сестры“ преподають. Я понимаю, понимаю, вамъ нужна исключительно сельская учительница; она васъ интересуеть, знаю. Такъ вотъ: оттуда, изъ бургады, на другой день утромъ, вмѣстѣ съ Жанной вы и отправитесь дальше. Тамъ нѣсколько деревень въ горахъ, дивныхъ-предивныхъ. Если здоровье вамъ позволитъ — дороги отличныя — доѣзжайте до деревеньки: Les Rochers; отъ бургады три-четыре часа на лошадяхъ. Это уже въ департаментѣ Роны. Тамъ такая дичь, такая дичь, что по-французски не понимаютъ, говорятъ на особомъ діалектѣ. Двадцать-пять лѣтъ назадъ изъ этой мѣстности въ солдаты не брали: мозгомъ — кретины; тѣломъ — обезьяны. Руки длинныя, черепа назадъ. И вотъ въ этой-то дивной мѣстности, Les Rochers, поставили двадцать лѣтъ назадъ первую школу. Учительница одна и та же. Вѣдь это какъ интересно для вашихъ развѣдокъ!

— Не думаю, чтобы тамошняя учительница блаженствовала, какъ блаженствуетъ m-lle Бельваль, — замѣтила я.

— Разузнется! М-lle Бельваль — одна изъ счастливиць. Знаете ли, по послѣдней статистикѣ, на 150.000 учительскаго персонала народной школы, 100.000 получаютъ такое ничтожное жалованье, что самые изъ нихъ способные и предприимчивые избирають другую профессію.

— Все-же не меньше 900 франковъ получаютъ?

— Еще бы! Отъ 900 до 1.600 франковъ.

Впрочемъ, у насъ, въ Россіи, есть сельскіе учителя, которые получаютъ въ половину меньше и безъ квартир...

— По послѣдней статистикѣ видно, — продолжалъ молодой человѣкъ, — что вообще заработокъ умственнаго труда падаетъ въ цѣнѣ во всѣхъ профессіяхъ, а заработокъ труда физическаго наоборотъ — возрастаетъ. Конечно — относительно съ прежнимъ временемъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ вамъ будетъ полезно видѣть совершенно иную школу, чѣмъ у m-lle Бельваль! Только вы не называйте родину Жанны „la bourgade“ — она обижается, — говорите: „la ville“. Въ учебникахъ географіи стоитъ: „la bourgade“, но она обижается.

Эта поѣздка меня сильно заинтересовала: повидать диковинную школу, повидать бургаду, познакомиться съ родителями Жанны Фавье...

Я немножко уже знала эту Жанну Фавье. Она приходила въ

гости къ моей хозяйкѣ вечеромъ, когда запрутъ магазины. Тихая, внимательная, она была мнѣ симпатична.

Все устроилось именно такъ, какъ говорилъ младшій сынъ. Жанна очень обрадовалась, и мы съ ней поѣхали повидать родителей; но я остановилась не въ гостинницѣ. Самая же бургада, ткачи мусселина, родители Жанны, скупщики вязаныхъ платковъ, ихъ удивительный павильонъ, обѣдъ, на который они меня пригласили, ихъ знакомые и разговоры, какіе велись на обѣдѣ— все это живьемъ вызвало въ моей памяти французскіе романы съ реальнымъ описаніемъ провинціальной жизни. То, что мнѣ случалось читать, слилось съ дѣйствительностью... Болѣе двухъ сутокъ я боялась остаться въ бургадѣ, боялась охладѣть къ моимъ развѣдкамъ о сельскихъ учительницахъ. Мои же новые знакомые не могли дать мнѣ не только письма къ учительницѣ въ Les Rochers, но даже кратко рассказать, кто она. Видно было, что ни въ самомъ селѣ Chênes-Verts, la bourgade, ни въ его окрестностяхъ, нисколько и не интересуются учительницами, ни мѣстными, ни сосѣдскими. Роли онѣ никакой не играютъ, и жители смотрятъ на нихъ какъ на мелкихъ „чинушекъ“.

— И зачѣмъ вамъ ѣхать такую даль? Что интереснаго?— говорилъ отецъ Жанны.— Четыре часа въ „ля-франсезъ“ туда и оттуда столько же. (Я въ первый разъ слышала названіе такого экипажа— „la française“). Прежде это были совсѣмъ потѣмки.

— Вотъ это-то именно меня и интересуеть. Утверждаютъ: до постановки школы, двадцать лѣтъ назадъ, ихъ въ солдаты не брали.

— Ну, а теперь не то! но развѣ это желательно? Кричатъ: de l'instruction et encore de l'instruction!.. А я твердилъ прежде и теперь повторю всѣмъ: n'en faut plus. Довольно! Наставили, наставили этихъ школь... Конечно, съ образованіемъ парень (le gars) мѣтитъ выше сохи, бросаетъ деревню, городъ привлекаетъ его. И сколько потомъ мывается такихъ déclassés!..

Всѣ присутствовавшіе сочувственно вторили.

Рано поутру къ крыльцу гостинницы подали двухмѣстный экипажъ, на двухъ высокихъ колесахъ, „la française“: въ ролѣ кабріолета, но въ „la française“ козлы ниже сѣдочковъ, они какъ бы между колесъ. Мнѣ въ первый разъ приходилось ѣхать въ такомъ экипажѣ. Трактирщикъ, трактирщица, Жанна и ея тетка хлопотали. Принесли стулъ. Кучеръ Клодъ—маленькій, худой, въ какомъ-то ухарскомъ картузѣ, въ пиджагѣ, держалъ лошадь подъ уздцы и ухмылялся, вида, какъ я не могу усѣсться.

Наконецъ, я взобралась. Легкій клеенчатый верхъ отгинули, застегнули фартукомъ; Жанна помѣстилась рядомъ со мной. Клодь-вучеръ—низко, въ ногахъ. Козлы, такимъ образомъ, не заслоняютъ вида мѣстности.

— Добраго пути, добраго пути!—желали намъ хозяинъ, хозяйка, тетка и тѣ рѣдкіе прохожіе, которые остановились поглядѣть, какъ я усаживаюсь со стула въ экипажъ.

Связали корзинку съѣстного, дали лишній *couverture de voyage*; однимъ словомъ, отправили на цѣлыя сутки, съ ночевкой въ *Les Rochers*.

Мѣстность пошла въ полномъ смыслѣ „съ горки на горку“. *La française* очень пріятно катилась, не трясая, слегка покачивая, какъ люлька, баюкая. Воздухъ легкій, съ вѣтеркомъ; воегдѣ рощицы; всѣ холмы обработаны подѣ поля, но селенія опять очень рѣдки. Шоссейныя дороги содержатся въ отличномъ порядкѣ.

Возница-Клодь досталъ висеть съ табакомъ:

— *Vous permettez?..*—И, не дожидаясь отвѣта, скрутилъ папироску.

Онъ курилъ, затягиваясь и сплевывая „съ пиномъ“ въ сторону, какъ удалый русскій мастеровой. Вообще, во всей его повадкѣ было много, что напоминало именно русскаго мастерового.

Клодь палилъ уже третью „сигарку“.

— Какъ это вы не можете потерпѣть!—наконецъ замѣтила ему Жанна.

— Вотъ, въ октябрѣ женюсь и совѣмъ брошу!—отвѣтилъ онъ.

— Почему именно тогда только бросите?

— Копить стану—*pour les petits Claudes à venir*.

— Вы еще не оставили эту идею—жениться на *porteuse de pain*?

— Она ужъ больше не разноситъ хлѣбы, поступила въ горничныя на-водахъ,—отвѣтилъ онъ горделиво.—Устала. Подите, потаскайте каждый день 70—80 килд хлѣба—устанешь, обрадуешься мѣсту горничной.

— Она обрадовалась, а тѣ господа, къ которымъ она поступила...

— Привыкнетъ! Я же былъ сперва каменщикомъ; а теперь, вотъ, вучеръ, да еще иностранную даму везу.—Онъ сдвинулъ свою шапчонку, повернулся къ намъ корпусомъ.—Хорошо везу, не скажете, что плохо, *hein*?

— Вы—каменьщикъ, при такомъ маленькомъ ростѣ и худомъ тѣлѣ?—не воздержалась я замѣтить.

— Десять лѣтъ былъ въ каменьщикахъ, съ 17-ти до 27-ми. Помогалъ родителямъ, самъ проживалъ 75 франковъ въ мѣсяцъ, да накопилъ 6,000 франковъ!—Вы посмотрите, каковы у меня бисписы — стальные! Что-жъ, что худъ да невзраченъ. Вотъ!— Клодъ хвастливо вытнулъ свободную руку, напрягая мускулы.— Въ кучерахъ столько не заработаешь, нѣтъ!—Развѣ счастливый случай пошлетъ добрую иностранную даму.

Клодъ взглянулъ плутоватыми глазами въ мою сторону. Я дала ему накануне два франка, за проѣздъ съ желѣзной дороги.

— Какъ же вы могли зарабатывать такъ много въ каменьщикахъ? Сколько же вы получали?

Клодъ начиналъ меня интересовать.

— Сперва два франка пятьдесятъ сантимовъ въ день, а дошелъ и до семи франковъ. Еслибъ не накопилъ шести тысячъ, такъ не подумалъ бы обзаводиться семьей. У невѣсты земля есть; на ней домъ ставимъ, корову купимъ и заживемъ. Я буду въ кучерахъ служить; она умѣетъ пошить, будетъ брать на домъ работу.

Не знаю, отъ куренія ли Клода, или отъ пріятнаго баюканья *française*, только мнѣ стало дѣлаться не по себѣ... Голова кружилась.

Жанна замѣтила, что мнѣ нехорошо.

— Клодъ, прошу васъ, не курите!—просила Жанна.

— *C'est bon, c'est bon*, не буду.

Не проѣхали и часу, какъ со мной началась та же дурнота.

— Вотъ, доѣдемъ до *Puits-Rouge* — и довольно, — сказалъ Клодъ.— Тамъ тоже школа. Ваша дама вѣдь интересуется ими.

— Да мнѣ нужно видѣть самую бѣднѣйшую!

— *Puits-Rouge*? Бѣднѣе этого во всей префектурѣ не найдете. Селеніе маленькое, производства никакого. Живутъ тѣмъ, что дѣтей берутъ на выкормку изъ города, изъ дома призрѣнія найденышей. Намъ все равно не миновать *Puits-Rouge*. Будете хорошо чувствовать себя—поѣдемъ дальше, до *Rochers*.

— Онъ правъ,—замѣтила Жанна:—я совсѣмъ и забыла, что въ *Puits-Rouge* есть школа.

— Все это не тѣ! Тамъ тридцать лѣтъ назадъ въ рекруты не брали: кретины были.

— Тридцать лѣтъ назадъ,—повторилъ Клодъ,—тамъ были простофили, неотесанные, а теперь другимъ не уступать, всему научились. Если хотите помогать бѣднымъ—нечего ѣздить по де-

ревнямъ; лучше поѣзжайте въ города. Тамъ бѣдность. Насмотрѣлся я въ каменщицахъ.

— А вы сами грамотный или нѣтъ?

— Нѣтъ, не-грамотный.

— Вотъ какъ! — сказала я Жаннѣ.

Та удивленно взглянула на меня.

— Дама спрашиваетъ, умѣете ли вы читать и писать? — повторила Жанна.

— Mais puisque je lui dis, à votre dame, que non!.. Вы сами знаете, я не обученъ.

Этотъ разбитой малый, обладатель нѣсколькихъ тысячъ франковъ, уроженецъ центральной Франціи, и вдругъ — безграмотный!

— Какъ же это такъ? — обратилась я уже прямо къ нему. — При даровомъ, обязательномъ обученіи?

— Что-жъ, что обязательное? Я и былъ въ школѣ три раза, чтобъ заявиться. Учитель видѣлъ меня въ школѣ и — довольно. Не по своей винѣ не пошелъ учиться. Обстоятельства заставили. Я одинъ въ нашей семьѣ неграмотный. Старшій братъ ушелъ на заработки, тоже каменщикъ. Остались маленькіе братья, сестры. Я одинъ былъ тогда побольше. Отцу нужны были руки въ хозяйствѣ. Я и работалъ съ нимъ дома. Меньшіе всѣ грамотные. О! Еслибъ я былъ грамотный!..

— Vous auriez vu clair! — вырвалось у меня опредѣленіе отца моей спутницы.

— Вотъ это вы сказали вѣрно, — ясно видѣлъ бы жизнь, вѣрно!

Но мнѣ было не до похвалъ Клода. Опять закружилась голова, зазвенѣло въ ушахъ... Кучеръ погналъ лошадь, и мы быстро добрались до Puits-Rouge.

— Въ деревнѣ ресторана нѣтъ, — сказалъ Клодъ, — есть простая buvette, стойла. Я самъ туда не пойду; здѣсь буду дожидаться васъ. Вы въ школѣ отдохнете.

— Гдѣ же самое селеніе?

Клодъ махнулъ рукой въ противоположную сторону, откуда мы приѣхали:

— Тамъ, подь горой... Деревни не видно отсюда.

— А названіе Puits-Rouge?

— Вотъ отъ этого колодца, — въ немъ вода красноватая.

IV.

Мы остановились на очень обширной площадѣ. Направо—колодезь деревенскій, журавлемъ; налево—школа, большое двухъ-этажное зданіе за рѣшеткой, очень внушительное.

— Пойдемте прямо въ школу!

Вблизи школы смотрѣла странно. Половина рѣшетки разрушена... Штукатурка зданія школы дала трещины, около водосточныхъ трубъ—потеки. Но зданіе внушительное, двухъ-этажное, съ большими окнами. На фронтонахъ зданія крупно выбиты слова: „Liberté, Egalité, Fraternité“. Между школой и рѣшеткой—большой дворъ. Школа стоитъ совершенно одиноко.

Въ школѣ не замѣтно никакого движенія,—а было около двухъ часовъ дня. Входная дверь отворена настежь, прямо идетъ лѣстница наверхъ. Мы повернули налево, наугадъ. Раздѣвальные вѣтъ; вѣтъ ни шляпъ, ни корзинокъ, какъ у m-lle Бельваль. Мы прошли по свѣтлomu корридору, уперлись въ дверь; оттуда неслись десятки дѣтскихъ голосовъ; дѣти хоромъ отвѣчали урокъ. Я прислушалась: они расчленили басню Лафонтэна: *Дружба Собакъ*. Учительница задавала вопросы; дѣти отвѣчали хоромъ и на нихъ. Потомъ всѣ смолкли. Мы постучались въ дверь. Отвѣта нѣтъ. Мнѣ стало дѣлаться неловко, какъ передъ знакомствомъ съ m-lle Бельваль, но Жанна храбро отворила дверь; за ней двинулась и я.

— Извините, прерываемъ ваши занятія, но вотъ дама, иностранка, ей сдѣлалось дурно по дорогѣ въ Les Rochers, нельзя ли у васъ оправиться, отдохнуть? — выговорила Жанна просительно.

Съ каеодры соскочила учительница, молодая, исхудалая, растерянная; видомъ—не то швея, не то мелкая прикащица.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! — засуетилась она заботливо.—Пожалуйста, пожалуйста отдохните. Хотите прилечь наверху? Я васъ сведу къ себѣ. Классы скоро кончатся. Дѣти! Не шумите, не надвигайтесь. По мѣстамъ, по мѣстамъ!

Мнѣ совѣстно сдѣлалось отъ этого неожиданнаго приема,—я стала опровергать свое недомоганіе.

— Главное, интересуеть меня деревенская школа.

— Ахъ, скажите! Какъ я рада! Вѣдь я здѣсь умираю съ тоски, отъ одиночества. Мы жили здѣсь съ мужемъ; но, вотъ, пятнадцать дней назадъ, его перевели въ другую commune, далеко отсюда; онъ жандармъ—brigadier (солдатъ). Я чуть съ ума

не сошла... Черезъ недѣлю прїѣзжаетъ ко мнѣ его сестра; а черезъ мѣсяць, много два, меня здѣсь больше и не будетъ. Я уже обратилась къ ректору съ прошеніемъ. Дѣти хорошія, прилежныя, столкновеній у меня ни съ кѣмъ нѣтъ. Да и съ кѣмъ здѣсь?! Только я не могу, не могу жить въ одиночествѣ. Я не привыкла. Я непременно заболѣю. Я это чувствую.

Насъ окружило десятка три дѣтей, мальчики и дѣвочки. Самому старшему—лѣтъ одиннадцать; остальные—моложе. Дѣти очень бѣдныя, въ штопаныхъ грязныхъ платьяхъ, лица загорѣлыя, какъ головешки, выпѣтшіе волосенки, худенькія, но въ общемъ производили впечатлѣніе именно — какъ говорила учительница — „хорошихъ“ дѣтей. Одна пара особенно бросилась мнѣ въ глаза: мальчикъ—лѣтъ восьми, и дѣвочка—лѣтъ шести, голубоглазая красавица. Оба, и тотъ, и другой, одѣты въ черный, порыжѣлый коленкоръ; на ней даже черный чепчикъ, изъ подъ котораго выбиваются бѣлокурые локончики. Сколько мнѣ ни приходилось видѣть здѣсь дѣтей, но такой красотки и съ такимъ осмысленнымъ, тонкимъ личикомъ я и не видывала.

— Кто эти дѣти?—спросила я учительницу. Мальчикъ держалъ дѣвочку за руку.

— Питомцы du père Laurent.

— Пожалуйста, продолжайте классъ! Мы выйдемъ пока.

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь. Ваше присутствіе нисколько не стѣсняетъ. Теперь у насъ начнется классъ чистописанія. Дѣти, по мѣстамъ! Вы помните, не оконченъ еще предъидущій урокъ. Paul Lami, прочтите, что написано на доскѣ мѣломъ.

— „Citez les noms des chiens et citez les noms des arbres fruitiers“.

Послышалось медленно, неувѣренно, то тутъ, то тамъ:

— Цезарь, Діана, Рыжая, Милордъ, Паша, Жужу, Фидель, Плонъ.

— Скорѣе, скорѣе!—подталкивала учительница:—не спите!

Больше двадцати, кажется, не насчитали. Потомъ пошелъ перечень фруктовыхъ деревьевъ, съ названіемъ ихъ плодовъ. Этотъ перечень вышелъ тоже небогатымъ.

Меня удивилъ общій сонливый видъ дѣтей: никакого возбужденія, даже охоты похвалиться передъ завѣжными посѣтительницами.

Не мудрено: воздухъ въ школѣ стоялъ удушливый, несмотря на высокое, обширное помѣщеніе класса. Здѣсь могли бы свободно помѣститься не тридцать, а и всѣ шестьдесятъ дѣтей; но окна закрыты наглухо на сѣверъ и на югъ. Вѣроятно ихъ

давно не открывали: въ рамахъ виднѣется паутина, стекла загажены мухами... Карты на стѣнахъ—и географическія, и зоологическія, наглядная карта французскихъ королей, статуя Республики въ трехцвѣтной матеріи, парты и скамьи учениковъ—все это пыльно, грязно, страшно небрежно...

Учительница показала намъ тетради чистописанія. Здѣсь буквы еще больше крутились заворочками и напоминали листья по вѣтру.

— Вы себѣ вообразить не можете,—говорила г-жа Гурми—она сама назвала свою фамилію,—до какой степени дѣти приходятъ въ школу неразвитыми; они дальше двухъ не умѣютъ считать. Надо удивляться, какъ они еще быстро привыкаютъ къ ученію.

— Молитвы какія они знаютъ?—спросила я, вспомнивъ, что перкви не видно вокругъ.

— Это до меня не касается—дѣло родителей. Врядъ ли они даже имѣютъ какое понятіе о Богѣ, пока не начнутъ готовиться къ первому причастію.

— У васъ всѣ дѣти причащаются? Церковь, кажется, далеко?..

— Всѣ. Церковь—четыре километра. Бѣгаютъ. Я освобождаю ихъ тогда отъ ученія, хотя это не полагается по школьному уставу.

— А вдругъ пріѣдетъ кантональный инспекторъ—и учениковъ недостаетъ?

— Oh, pas de danger!.. Инспекторъ бываетъ всего разъ въ теченіе года. Начальство рѣдко заглядываетъ въ такія дыры, какъ эта; да еслибы и заглянуло,—что же, le malheur n'est pas si grand...

— Вообще, вы, учителя и учительницы, строго слѣдите за тѣмъ, чтобы дѣти не пропускали классовъ, аккуратно ходили въ школу, ежедневно?—допрашивала я г-жу Гурми, подъ впечатлѣніемъ разсказа кучера Клода.—Теперь вѣдь нѣтъ неграмотныхъ дѣтей во Франціи, школа обязательна? Съ васъ же, учителей и учительницъ, это требуется?

— Да,—отвѣчала г-жа Гурми, какъ будто слегка стѣсняясь:—каждый ребенокъ отъ шести до четырнадцати лѣтъ долженъ имѣть свидѣтельство, что посѣщаетъ школу.

— Посѣщаетъ!.. Можно посѣтить ее два-три раза въ годъ и каждый день посѣщать...

— Случается, что только два-три раза.

— А развѣ экзамены не обязательны?

— Ахъ, Боже мой,—опять начала волноваться г-жа Гурми,

теперь уже видимо отъ моихъ вопросовъ:—да все обязательно, *cela se comprend!* Да, у насъ должны бывать и бывають экзамены; тогда мы и веземъ лучшихъ учениковъ въ ближайшее мѣсто, гдѣ назначены эти экзамены,—всегда для нѣсколькихъ школъ разомъ и, разумѣется, не въ такой дырѣ, какъ эта. Но что же дѣлать, если лучшіе ученики все одни и тѣ же, дѣти недостаточныхъ родителей? Господи, что же дѣлать учительницѣ, если въ этой дырѣ такая бѣдота! Надо обрабатывать землю, нужны руки, некогда отлучаться, готовиться къ экзаменамъ, некогда ходить въ школу, некогда! Знаете ли вы, что даже въ Парижѣ, на 156.000 записанныхъ школьникова, только 124.000 ходять въ школу. Остальные, 32.000, не могутъ ходить. Некогда...

— Ну, и здѣшніе—дома остаются,—продолжала она громко. —Да, и остаются! Какъ же я буду отъ нихъ требовать аккуратнаго посѣщенія школы? Не могу требовать! Надо не имѣть сердца! Не могу! Хоть самъ министръ прїѣзжай, я ему то же отвѣчу.

— А здѣсь мало рождается дѣтей?

— Достаточно! Есть семьи, гдѣ ихъ по шести человекъ; четверо—зачастую; но поймите: старшіе—на заработкахъ: выходишь; остаются малыши! Они должны помогать въ семьѣ; подростки, родители—въ полѣ; поменьше—нянчать маленькихъ. Ну, какъ же я могу съ нихъ требовать аккуратнаго посѣщенія школы?!

— То самое, что было и въ семьѣ Клода,—подказала мнѣ Жанна.

— *Madame!*—закричалъ кто-то изъ учениковъ.—Пора кончать классъ. Три часа! Часы Ледрю вѣрны.

Учительница взглянула на свои часики.

— Правда, правда!

Она побѣжала въ двери—звонить въ колоколь.

Дѣти повскакали съ мѣстъ съ топотней и шумомъ.

— Отдадимъ имъ леденцы, которые вы купили для школьникова въ *Les Rochers*. Подождите, подождите!—громко крикнула Жанна.—Съ нами леденцы! Эта иностранная дама сейчасъ угоститъ васъ.

— А-а а!—радно пронеслось по классу.

Всѣ дѣти бросились ко мнѣ.

— *Donnez, donnez!*...—кричали они, напирая кучкой.

— Это что такое?!—воскликнула съ ужасомъ г-жа Гурми, когда вернулась въ классъ.

— Съ нами два кило монпансье; позвольте угостить вашихъ учениковъ?

Г-жа Гурми просіяла отъ этого неожиданнаго вниманія.

Когда Жанна принесла леденцы изъ экипажа, дѣти стали еще сильнѣе напирать толпой и кричать:

— Дайте! дайте!

— По мѣстамъ! Сейчасъ по мѣстамъ!—скомандовала энергично учительница. — Чтò это такое? Какъ дикіе, врасновожіе накинудись! По мѣстамъ! Всѣ получите поровну. Хорошаго мнѣнія будетъ о васъ эта дама, когда вернется въ себѣ, въ Россію. Она привезла вамъ конфеты, какъ добрымъ, маленькимъ французамъ; а вы дикіе, дикіе!.. Мнѣ стыдно за васъ.

Учительница такъ искренно застыдила, такъ горячо произнесла: „французы“, „Франція“, что всѣ тридцать-три малыша двинулись къ своимъ мѣстамъ, неохотно, но двинулись.

Я попросила учительницу раздать леденцы.

— Oh, нѣтъ, нѣтъ. Это будетъ несправедливо. Вы привезли, вы сами и угощайте.

— Дѣти, сидите каждый на своемъ мѣстѣ. Всѣ получите ровно по пригоршнѣ. Держите себя вѣжливо, *comme il convient à des citoyens français!*

Дѣти тискались теперь скорѣе на свои мѣста.

Я пошла раздавать. Дѣти нетерпѣливо хлопали руками о парты, стучали ногами, но оставались на мѣстахъ.

Одни, получивъ конфеты; говорили: мерсі! Другіе забывали сказать и сейчасъ—въ ротъ.

Дошла очередь до пары питомцевъ, до маленькой голубоглазой красавицы въ черномъ чепчикѣ и ея товарища въ черномъ беретѣ. Она обловотилась ручкой о парту и ждала своей очереди. Ея чудесные синіе глазки мечтательно глядѣли, какъ я положила передъ ней кучку леденцовъ и передъ ея товарищемъ—худенькимъ, тоненькимъ, вертлявымъ мальчикомъ—чистый типъ горожанина.

Жанна тоже тронута была ея личикомъ и ея преданностью товарищу.

— *Raувге petit ange,*—сказала она, ласково беря дѣвочку за подбородокъ,—какъ тебя зовутъ?

Дѣвочка насупилась и упорно сжала губки.

— Ты не хочешь мнѣ сказать? Этой дамѣ будетъ очень пріятно знать, какъ тебя зовутъ. Она, видишь, какъ любезна: привезла вамъ конфетъ?

— Нисеттъ!—юрко отвѣтилъ за нее мальчикъ.

Дѣвочка молчала, опустила глаза и стала водить пальцемъ вокругъ леденцовъ, которые лежали передъ ней кучкой.

Раздача кончилась. Всѣ были надѣлены, довольны и горѣли нетерпѣніемъ бѣжать.

Учительница сидѣла у каѳедры.

— Ну, что теперь надо сказать?—спросила она.

Дѣти недоумѣвали.

— *Merci bien, madame! Bon voyage, mesdames!*

Дѣти повторили хоромъ.

— *Et le salut? Le salut!..*

Дѣти мотнули головами въ видѣ поклона.

— Ну, теперь уходите, попарно, попарно!..

Дѣти вышли на середину класса и пошли парами къ выходу. Для такихъ дѣтей все это происходило довольно тихо и въ порядкѣ.

Здѣсь, какъ и у *m-lle* Бельваль, дежурные притащили лейку поливать полъ. Г-жа Гурми хотѣла было отворить окно, но за-движка заржавѣла.

— Никогда не могу отворить... Нѣтъ человѣческой возможности. Мужъ—и тотъ не могъ отворить! Оставимъ дверь настежь. Провѣтрится.

Дверь выходила въ свѣтлый корридоръ, накалившійся отъ оконъ на югъ.

Учительница захотѣла, чтобы мы пошли въ ней наверхъ—подкрѣпиться.

Широкая деревянная лѣстница поднималась во второй этажъ, въ квартиру учительницы. Комнаты высокія, свѣтлыя, но такія же недоконченныя, заброшенныя, какъ и все зданіе школы. Въ первыхъ комнатахъ даже мебели никакой не было. Большіе мраморные камины наполовину развалились, штукатурка на потолкахъ растрескалась.

— Почему у васъ такая заброшенность, точно бомбардировали вашу школу?

— Кажется, одно время здѣшнимъ мѣромъ былъ очень богатый человекъ. Говорятъ, онъ и хлопоталъ, чтобы именно ставили школу въ мѣстности, гдѣ онъ мѣромъ, далъ много своихъ денегъ; строили школу на-скоро. Не знаю точно, умеръ онъ или уѣхалъ... Когда я поступила сюда, его уже не было, а школа оставалась все еще недостроенной. Вы замѣтили, рѣшетка и теперь валяется на дворѣ, столбы рушатся. Я сколько разъ заявляла мѣру и его помощнику, что опасно жить въ этомъ домѣ, потолокъ можетъ рухнуть. Они обѣщаютъ прислать рабочихъ.

Вотъ второй годъ—рабочіе все еще не пришли. Мы съ мужемъ и не жили въ этихъ комнатахъ; ютились въ двухъ, да въ кухнѣ. Милости прошу, войдите. Ужъ извините, принимаю васъ въ столовой.

Мы вошли въ типичную французскую, буржуазную, маленькаго достатка столовую — такую же, какъ и у *m-lle* Бельваль. Изъ столовой, черезъ корридоръ, виднѣется чистая, свѣтлая кухня.

— Вы не держите прислуги?

— Нѣтъ, много свободного времени. Боже мой, просто не знаешь, чѣмъ пополнить его! Здѣсь вѣдь у насъ трудно насчетъ провизіи, нельзя иногда молока достать! Я держу куръ—это подспорье; но масла нѣтъ. Я научилась готовить на прованскомъ.

— Огородъ дается вамъ при школѣ?

— Полагается, да мы мало занимались имъ. Мужъ не привыкъ къ сельскимъ работамъ; нанимать работника—дорого обходится. Кое-какіе овощи имѣемъ...

Она достала изъ буфета бутылку краснаго вина, англійскихъ бисквитовъ и стала подчивать.

— Расскажите, пожалуйста, какъ вы—русская дама—попали въ нашу трущобу?

Я объяснила цѣль моей поѣздки.

— Oh, que c'est bien, ça! — Да, очень, очень хорошо, что вы интересуетесь бѣдными учительницами, именно захолустными. До сихъ поръ я не только не видала, да и не слыхала, чтобъ иностранная дама ѣздилла по трущобамъ, какъ вы говорите, „интервьюировать“ насъ. Пожалуйста, спрашивайте,—я все вамъ расскажу, что васъ интересуетъ. Невачѣмъ вамъ ѣздить и въ *Les Rochers*, если вы слабаго здоровья. Здѣсь не богаче крестьяне, чѣмъ тамъ; и по развитію—я вамъ повторяю—удивляться надо, какъ дѣти еще скоро привыкаютъ къ учению, принимаютъ ученіе. Здѣсь большая бѣдность; крестьяне поддерживаютъ себя тѣмъ, что берутъ дѣтей на воспитаніе изъ ближайшихъ городскихъ питомниковъ. За грудного администрація даетъ двадцать франковъ въ мѣсяцъ. Большія деньги! Но по мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ, сумма уменьшается, и уже къ двѣнадцатилѣтнему возрасту крестьянинъ долженъ самъ давать за него администрація столько-то въ мѣсяцъ,—не могу вамъ сказать точно—по скольку въ мѣсяцъ. Питомецъ свыше двѣнадцати лѣтъ считается рабочими руками, и эти деньги администрація откладываетъ ему въ приданое, къ его совершеннолѣтію, на обзаведеніе. Но вотъ горе: часто и дѣти, и воспитатели привязываются другъ

къ другу, какъ кровные; а крестьянину нечѣмъ платить; администрація требуетъ питомца назадъ. Вы замѣтили моего старшаго ученика Лами? Его кормильцы тоже люди бѣдные; Лами—примѣрный мальчикъ. Старикъ со старухой не нахвалятся имъ. Большое горе будетъ разставаться; Лами уже двѣнадцатый годъ.

— Вы жалуетесь на одиночество—помилуйте! вѣдь какія у васъ драмы происходятъ... Ваша помощь...

— Какая моя помощь? Тутъ деньги нужны — у меня ихъ нѣтъ.

Голосъ учительницы опять рѣзко зазвенѣлъ.

— Да и потомъ я вамъ рассказала всего одинъ случай; а вокругъ меня живетъ восемьсотъ крестьянъ! Мнѣ неприлично входить въ ихъ семейную жизнь. Я престижъ свой потеряю. Я обязана держать себя отъ нихъ далеко, съ достоинствомъ. Я—чиновное лицо, назначенное высшей администраціей.

— А вы какъ начали карьеру учительницы? Это ваше не первое мѣсто?

Г-жа Гурми смотрѣла женщиной лѣтъ подѣ тридцать.

— Нѣтъ, первое; я не сразу попала въ сельскія учительницы. Я сирота, жила вмѣстѣ съ теткой; она—портниха. Въ школѣ я хорошо училась. Теткѣ жалко было ограничивать мое ученіе народной школой,—я перешла въ école supérieure, получила дипломъ. Мнѣ выпло мѣсто кассирши (receveuse) въ почтамтѣ нашего городка. Я три года прослужила на жалованьѣ 150 франковъ въ мѣсяцъ. Тетка была въ восторгѣ; но, Боже мой, какъ я измучилась за эти три года! Всѣ ночи не спала. Представляется мнѣ, что лѣзутъ въ окно, въ почтамтѣ, обворовываютъ кассу. Не разъ вскакивала въ бурную ночь, бѣжала, глядѣла. Тутъ присватался м-г Гурми. Какъ разъ мѣсто сельской учительницы не было занято здѣсь, гдѣ онъ служилъ жандармомъ. Я и замужъ вышла, и мѣсто учительницы получила! И такъ мы счастливо прожили эти два года, такъ счастливо... Нѣтъ, нѣтъ, я здѣсь ни за что не останусь,—лучше совсѣмъ выйду изъ педагогическаго персонала!

— Но позвольте, — прервала я г-жу Гурми:—изъ вашего рассказа выходитъ, что вы и не были въ Ecole Normale.

— Нѣтъ, не была.

— Какъ же вы занимаете мѣсто старшей учительницы?

— Здѣсь вѣтъ ни старшей, ни младшей, одна всего. И 900 франковъ жалованья.—Она нервно размѣялась и продолжала:—Такъ вы думаете, что въ такую труппу и за такое мизерное жалованье пойдетъ une normale? Mais jamais de la vie!

— Я слышала, что для того, чтобы получить мѣсто учительницы—надо имѣть дипломъ изъ Ecole Normale, учительской семинаріи.

— Вообще быть учительницей—да. Les normales начинаютъ съ сельскихъ, pour se faire la main, попривыкнуть; у которой протекція—прямо начинается съ городской, младшей. А для сельской достаточно одного brevet supérieur de l'école élémentaire supérieure. Такъ было со мной. Возможно,—еслибы какая-нибудь съ brevet supérieur de l'Ecole Normale позарилась на это мѣсто, мнѣ бы и отказали; но этого не случилось.

— Въ какихъ вы отношеніяхъ съ еюрё, съ мэромъ?

— Мэръ мужикъ (une brute), богатый, жадный; а еюрё—всегда очень вѣжливъ. Я имъ ровно ни въ чемъ не мѣшаю, голоса на выборахъ не имѣю. Дѣтей отсылаю въ церковь... Еслибы вздумали мнѣ дѣлать непріятности, у меня былъ бы свой заступникъ.

— А какая у васъ программа обученія?

— Та же, что во всѣхъ сельскихъ школахъ.

— Можно взглянуть на классныя руководства?

Г-жа Гурми обидчиво засмѣялась.

— Будьте увѣрены, такая же программа и такія же руководства, какъ и у нормалиенокъ. Разумѣется, въ разсказахъ, въ чтеніяхъ я приспособляюсь къ понятіямъ моихъ учениковъ. Этихъ нельзя сравнивать съ подгородными.

— Докторъ заѣзжаетъ иногда въ школу?

— Никогда не былъ и не полагается.

— А если заболѣетъ кто изъ дѣтей,—вы ему даете кое-какое лекарство?

— Если попросятъ родители; но здѣсь лечить не любятъ, и ребята (la matraile) сами собой поправляются. Я только объ одномъ прошу, чтобы въ школу не присылали.

Программа занятій здѣсь тождественна съ программой школы m-me Бельваль, и книжка для руководства почти такая же.

— А наказанія и награды какія вы употребляете?—спросила я m-me Гурми.

— Des bons.

— Des bons—чеви?—переспросила я.

— Да. У меня нѣтъ средствъ награждать учениковъ картинками, какъ бы онѣ дешево ни стоили. Повторяю—я получаю 900 франковъ и все должна себѣ покупать. Я никакихъ подарковъ отъ родителей не принимаю, даже съѣстного. Община ужасно скаредна на школьныя издержки. Вы видите, какія у насъ обтрепанныя книжки и карты. Я и употребляю слѣдующее:

ученикъ хорошо ведетъ себя—я выдаю ему чекъ, простую бумажку съ обозначеніемъ числа и ея цѣли; это и есть „un bon“ или индულгенція, отпускная—можетъ быть такъ для васъ понятнѣе—на его первую шалость. Чѣмъ лучше онъ ведетъ себя, тѣмъ больше получаетъ bons—чековъ. Въ концѣ мѣсяца онъ мнѣ приноситъ эти бумажки-чеки хорошаго поведенія, если они превышаютъ шалости. Les bons засчитываются на экзаменахъ. Сохраненіе бумажекъ приучаетъ также быть аккуратными; они хранятъ ихъ очень бережно. Эту систему наградъ и наказаній вы найдете въ разныхъ школахъ. Въ иныхъ, которыя побогаче, bons—раскрашенные картинки: короли, королевы, послѣдовательные рассказы, больше, конечно, нравственнаго содержанія. Дѣти ихъ очень любятъ и очень ими дорожатъ.

Раздался, между тѣмъ, стукъ въ дверь. Вошелъ кучеръ Клодъ звать ѣхать обратно; надо торопиться, а то не успѣемъ пріѣхать засвѣтло.

М-me Гурми вышла проводить насъ на улицу.

Погода испортилась: кругомъ заволокло, нагрывалъ дождь.

— Какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ грустно!—говорила учительница искреннимъ тономъ.—Боже мой! опять я одна!

И намъ стало очень жалко эту нервную, впечатлительную женщину.

Полуразрушенная рѣшетка, обширное одинокое зданіе школы, окна-впадины—въ сумерки они глядятъ провалами въ зданіи—усиливали впечатлѣніе о заброшенности учительницы.

— И какъ это ее не убьютъ здѣсь!..—вырвалось у меня, когда мы отъѣхали отъ школы.

— Oh! убить учительницу?!—выѣшался въ разговоръ Клодъ.— Ah, ça va ехемпле...

— Но почти каждый день мы читаемъ въ газетахъ про убійства и грабежи.

— Не учительницу,—наставлялъ Клодъ.—Привончатъ кабатчика, огородника, такъ, какого-нибудь скрягу, а учительницу—не слыхивалъ. Ce serait sale, cela!

С. Б—на.

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ

ВЪ

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ РОССІИ

I.

Бисмаркъ былъ всегда сторонникомъ русско-германскаго союза; онъ находилъ, что ни одна, будто бы, держава не представляетъ такихъ удобствъ для иностранной дипломатіи и не поддается такъ легко постороннему воздѣйствію, какъ Россія, благодаря отсутствію или слабости въ ней національнаго общественнаго мнѣнія, — а между тѣмъ въ матеріальномъ отношеніи русская поддержка незамѣнима для Пруссіи. Въ бытность свою прусскимъ уполномоченнымъ въ союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ Бисмаркъ ближе всего сошелся съ русскими представителями, княземъ А. М. Горчаковымъ и затѣмъ Д. Г. Глинкою; онъ дѣятельно хлопоталъ о сохраненіи дружественныхъ связей съ Россіею во время восточнаго кризиса, приведшаго къ крымской войнѣ, и удостоился официальной признательности императора Николая I „за свой способъ дѣйствій и за свое прямотушіе“. На него смотрѣли у насъ какъ на „полезнаго и всецѣло преданнаго друга“, отъ котораго можно ожидать значительныхъ политическихъ услугъ, — тогда какъ онъ былъ только тѣмъ, чѣмъ ему и надлежало быть, — прусскимъ патриотомъ и расчетливымъ государственнымъ членомъ: въ этомъ заключался источникъ позднѣйшихъ недоразумѣній и нареканій, которыя, кажется, были до конца непонятны для Бисмарка.

При прусскомъ дворѣ боролись передъ крымскою войною различныя, отчасти прямо противоположныя теченія: одни изъ приближенныхъ Фридриха-Вильгельма IV стояли за присоединеніе къ западно-европейскимъ кабинетамъ въ предпринятой ими анти-русской кампаніи; другіе высказывались за безусловный нейтралитетъ Пруссіи; третьи совѣтовали воспользоваться обстоятельствами для борьбы противъ притязаній Австріи въ области германскихъ дѣлъ. Общественное мнѣніе Пруссіи было рѣшительно враждебно Россіи, которая слишкомъ долго играла на Западѣ одностороннюю роль сдерживающей силы; всѣ либеральные элементы нѣмецкаго общества жаждали освобожденія отъ тягостной русской опеки и горячо сочувствовали стремленію Англій и Франціи „обуздать высочайшее“ тогдашняго русскаго правительства. Изъ рукъ въ руки переходили секретныя докладныя записки, объяснявшія необходимость „расчленивъ“ Россію, отнять у нея остзейскія провинціи и Финляндію вмѣстѣ съ Петербургомъ, восстановить Польшу въ ея старыхъ границахъ и раздѣлить остальные русскія земли между великороссами и малороссами. Въ оправданіе этой программы ссылались на теорію барона Гавестгаузена о будущемъ неизбѣжномъ перевѣсѣ надъ Европою сотни милліоновъ русскихъ, обезпеченныхъ продуктами трехъ различныхъ зонъ въ предѣлахъ отечественной территоріи. Пруссійскій посланникъ въ Лондонѣ, Бунзенъ, прислалъ министру Мантейфелю длинный мемуаръ, въ которомъ рекомендовалъ содѣйствіе воссозданію польскаго государства и расширенію Австріи до Крымскаго полуострова, въ союзѣ съ западными державами, взаимнѣ чего Англія заранѣе давала свое согласіе на присоединеніе Шлезвига и Голштиніи къ Пруссіи; Бунзенъ счелъ даже возможнымъ наметнуть лондонскому кабинету, что подъ этимъ условіемъ прусское правительство не откажется примкнуть къ коалиціи. За свои неосторожныя заявленія Бунзенъ былъ уволенъ въ продолжительный отпускъ и затѣмъ въ отставку; король опасался преждевременно возбудить неудовольствіе императора Николая I и въ то же время не былъ еще вообще увѣренъ въ выборѣ того или другаго пути для Пруссіи: министръ Мантейфель склонялся въ пользу солидарности съ политикою Австріи, и только придворная „камарилья“, съ генераломъ Герлахомъ во главѣ, защищала преимущества нейтралитета и русской дружбы. Бисмаркъ всецѣло принадлежалъ къ послѣдней группѣ и въ сущности былъ ея истиннымъ вдохновителемъ; въ своихъ письмахъ и докладахъ онъ постоянно съ разныхъ точекъ зрѣнія доказывалъ невозмож-

ность прусскаго участія въ воинственныхъ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ Россіи.

„Я всегда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бисмаркомъ,—писалъ Д. Г. Глинка изъ Франкфурта графу Нессельроде въ донесеніи отъ 24 февраля 1854 года,—но съ недавняго времени онъ выказываетъ мнѣ особенную предупредительность, на которую я естественно спѣшу отвѣчать тѣмъ же. Бисмаркъ искренно стоитъ за русскій союзъ, какъ и большинство людей его партіи... Онъ сказалъ мнѣ: „Какое дѣло намъ до того, что Россія дѣлаетъ завоеванія въ Турціи? Мы не Австрія. Мы имѣемъ одинъ только интересъ — сохранить нейтралитетъ“. Остается только спросить, въ какой мѣрѣ Бисмаркъ уполномоченъ высказывать подобныя взгляды. Но во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что сознательно онъ не скажетъ неправды или чего-либо противнаго истиннымъ намѣреніямъ своего правительства, и, съ другой стороны, Бисмаркъ слишкомъ высоко поставленъ въ довѣрїи короля и своего правительства, и притомъ слишкомъ уменъ для того, чтобы ошибаться въ вопросѣ таковой важности“. Въ секретной депешѣ Глинки, отъ 26 марта того же года, подробно передается разсказъ Бисмарка о важныхъ политическихъ результатахъ его послѣдней поѣздки въ Берлинъ. Бисмаркъ засталъ прусскій кабинетъ уже готовымъ присоединиться къ конвенціи, проектированной тремя западными державами и дополненной, по предложенію Австріи, особою статьею, въ силу которой всѣ четыре договаривающіяся державы обязывались не заключать отдѣльнаго мира съ Россіею. Нота о присоединеніи Пруссіи къ этой конвенціи была уже написана. „Одинъ только король былъ противъ этого рокового рѣшенія“. Бисмаркъ старался убѣдить министровъ, что ни одна изъ державъ никогда не приведетъ въ исполненіе тѣхъ угрозъ, которыя онъ высказываетъ противъ Пруссіи по поводу ея нежеланія выйти изъ нейтральнаго положенія; только тогда прусскій кабинетъ рѣшился наконецъ сообщить вѣнскому двору о своемъ отказѣ подписать конвенцію. Когда Бисмаркъ пришелъ объявить королю, что министерство постановило отклонить предложенія трехъ другихъ державъ, то король обнялъ его со словами: „дорогой Бисмаркъ, мы, можетъ быть, одни только искренно радуемся этому событію“¹⁾. Пруссія на время избѣгла опасности прямого присоединенія къ западно-европейской коалиціи, но далеко не была еще обезпечена въ своемъ нейтралитетѣ.

¹⁾ См. извлеченія изъ депешъ Д. Г. Глинки въ „Собраніи трактатовъ и конвенцій“ проф. Э. Э. Мартенса, т. VIII (Спб., 1888), стр. 441 и слѣд.

Въ мартѣ 1854 года Англія и Франція приступили къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи; въ апрѣлѣ Пруссія заключила съ Австріею оборонительный и наступательный союзъ, которымъ обязывалась въ случаѣ надобности сосредоточить сто-тысячную армію въ восточно-прусскихъ провинціяхъ и довести численность войскъ даже до двухсотъ тысячъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по соглашенію съ вѣнскимъ кабинетомъ. Австрія откровенно выступала противъ Россіи и тянула за собою Пруссію; но Бисмаркъ не придавалъ большого значенія апрѣльскому союзному договору, который, на его взглядъ, напоминалъ сводчатую постройку, лишенную центральнаго связующаго камня¹⁾; условія союза могли быть истолкованы, по желанію, въ ту или другую сторону и не предполагали непремѣннаго разрыва съ Россіею. Напротивъ, Пруссія имѣла теперь возможность удерживать Австрію отъ вызывающихъ дѣйствій и не давать ей увлечься впередъ по пути, на который ее толкала Франція; Фридрихъ-Вильгельмъ IV было даже убѣжденъ, что съ этой точки зрѣнія союзъ будетъ одобренъ императоромъ Николаемъ I. Правда, въ союзномъ актѣ были предусмотрѣны два повода въ совмѣстному военному вмѣшательству, но оба они, по мнѣнію короля, вовсе не могли случиться въ дѣйствительности,—а именно, „включеніе береговъ Дуная въ составъ Россійской имперіи и походъ черезъ Балканы на Константинополь“. „Если вы находите, дорогой другъ,—писалъ прусскій король русскому государю, 29 апрѣля 1854 года, — что этимъ союзнымъ актомъ я заботливѣе оберегалъ интересы Пруссіи и Германіи, чѣмъ интересы Россіи, то я скажу: да! вы правы. Но я могъ бы это связать съ чистою совѣстью и безъ всякаго смущенія, потому что, слава Богу, я знаю, что вы первый строго осудили бы меня, еслибы я дѣйствовалъ иначе“²⁾. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, король чаще прежняго предавался мучительнымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, изъ которыхъ иногда искалъ выхода въ бесѣдахъ съ Бисмаркомъ. Двѣ такія бесѣды описываетъ Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ началѣ мая 1854 года, вызванный изъ Франкфурта Мантейфелемъ по личному желанію короля, Бисмаркъ убѣждалъ послѣдняго, что Пруссія должна выйти изъ недостойнаго положенія, навязаннаго ей австрійской дипломатіею, и занять самостоятельное мѣсто въ Германіи,

¹⁾ Въ передачѣ Д. Глинки: „с'était comme une voûte à laquelle la clef manque encore“ (депеша отъ 29 мая 1854 г.); въ изложеніи О. О. Мартенса: это „замокъ, къ которому не найдено еще ключа“. Тамъ же, стр. 448.

²⁾ Тамъ же, стр. 436—7.

соединившись съ тѣми нѣмецкими государствами, которыя желали сохранить независимый нейтралитетъ. Еслибы Австрія потребовала отъ пруссаковъ мобилизаціи, то можно было, по мнѣнію Бисмарка, охотно согласиться на это требованіе, но выставить войска въ такомъ мѣстѣ, чтобы быть въ состояніи съ одинаковымъ удобствомъ перейти австрійскую или русскую границу. Имѣя наготовѣ двухсотъ-тысячную армію, прусскій король сдѣлался бы хозяиномъ всего европейскаго положенія: Франція, занятая въ Крыму, не могла угрожать Пруссіи; австрійскія военныя силы, собранныя въ Галиціи, были парализованы соответственнымъ количествомъ русскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Польшѣ; отъ пруссаковъ зависѣло извлечь изъ этихъ условий надлежащую пользу для Германіи и привязать къ себѣ второстепенныя нѣмецкія государства, обезпечивъ ихъ отъ угрозъ и посягательствъ Австріи и Франціи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV внимательно слушалъ Бисмарка и невольно заражался его настроеніемъ, но въ концѣ замѣтилъ ему на берлинскомъ діалектѣ: „милый другъ, все это прекрасно, но для меня слишкомъ дорого; подобные акты насилія можетъ продѣлать человѣкъ въ родѣ Наполеона, но не я“.

Когда Бисмарку передана была черезъ Д. Г. Глинку признательность императора Николая I за откровенный образъ дѣйствій въ духѣ интересовъ Россіи, прусскій дипломатъ далъ понять русскому коллегѣ, что онъ исполняетъ только свои обязанности по отношенію къ своему королю и государству. Глинка высказалъ по этому поводу мнѣніе, что интересы Россіи и Пруссіи тождественны, и нужно надѣяться, что наступитъ день, когда еще третья великая держава—Франція—придетъ къ сознанію, что ея настоящее мѣсто — не подлѣ Англіи, а рядомъ съ Россією и Пруссією. Бисмаркъ, какъ сообщалъ Глинка государственному канцлеру въ письмѣ отъ 28 сентября, „съ величайшею живостью подхватилъ эту фразу и прибавилъ: „Союзъ между Россією, Пруссією и Францією—это дѣйствительно тотъ политическій идеалъ, о которомъ я мечтаю уже давно; это единственная комбинація, способная удовлетворить политическимъ потребностямъ всѣхъ трехъ государствъ. И вотъ, представьте себѣ, что за выраженіе этой мысли,—быть можетъ, преждевременное,—я едва не подвергся немилости принца прусскаго. Я говорилъ ему объ этой идеѣ около шести мѣсяцевъ тому назадъ, и принцъ нашелъ ее совершенно безразсудною; онъ написалъ барону Мантейфелю, что ему досадно видѣть интересы Пруссіи во Франкфуртѣ довѣренными человѣку, имѣющему идеи школьника“.

о союзѣ съ Россією и Францією вытекала у Бисмарка изъ сознанія неизбежнаго антагонизма съ Австрією при устройствѣ германскихъ дѣлъ; а для чего нуженъ намъ союзъ съ Францією и Пруссією, и какихъ національныхъ цѣлей мы могли бы достигнуть при помощи подобной комбинаціи, — объ этомъ нашъ отечественный дипломатъ вѣроятно и не думалъ или не отдавалъ себѣ яснаго отчета.

Послѣ подписанія союзнаго договора 2-го декабря 1854 г. между Австрією и западными державами, кризисъ обострился для Пруссіи, и король все еще не зналъ, на что рѣшиться. Въ Сан-суси, — какъ говорили тогда берлинскіе остряки, — „ложатся спать съ Англіей и Франціей, а встаютъ опять съ Россіей“. Пріѣхавъ однажды въ Берлинъ по вызову короля для противодѣйствія взглядамъ Мантейфеля, Бисмаркъ былъ тотчасъ по прибытіи приглашенъ къ принцу Вильгельму, который сталъ уговаривать его употребить свое вліяніе въ пользу антирусской, западно-коалиціонной политики. „Вы видите здѣсь — говорилъ онъ Бисмарку — борьбу двухъ системъ, изъ которыхъ одна представляется Мантейфелемъ, а другая, руссофильская, — Леопольдомъ фонъ-Герлахомъ и графомъ Мюнстеромъ въ Петербургѣ. Вы призваны сюда королемъ какъ бы въ качествѣ третейскаго судьи. Ваше мнѣніе будетъ поэтому имѣть рѣшающую силу, и я умоляю васъ высказаться такъ, какъ требуетъ не только европейское положеніе, но и истинно дружественный интересъ къ Россіи. Россія вызываетъ противъ себя всю Европу и въ концѣ концовъ будетъ побѣждена. Всѣ эти превосходныя войска, всѣ наши друзья, которые тамъ остались, не погибли бы, еслибы мы вмѣшались вовремя и принудили Россію къ миру. Кончится тѣмъ, что нашъ старый другъ и союзникъ будетъ раздавленъ или потерпитъ опасный ущербъ. Наша задача — насильно возстановить миръ и спасти нашего друга, Россію, даже противъ его воли“. Бисмаркъ старался объяснить брату и наследнику Фридриха-Вильгельма IV, что предположенія и выводы его неосновательны. „Пруссія не имѣетъ абсолютно никакого повода воевать съ Россією и совершенно не заинтересована въ восточномъ вопросѣ; поэтому ничѣмъ нельзя было бы оправдать не только войну, но и разстройство многолѣтнихъ хорошихъ отношеній съ Россією; напротивъ, всякая побѣдоносная война противъ Россіи при прусскомъ участіи надолго внушила бы русскимъ потребность возмездія и вдобавокъ возложила бы на Пруссію трудную обязанность разрѣшить въ сноской для нея формъ польскій вопросъ. Такъ какъ собственные интересы Пруссіи говорятъ не за, а

противъ разрыва съ Россією, то намъ пришлось бы — продолжалъ Бисмаркъ — напасть на своего недавняго друга и всегдашняго сосѣда, не будучи въ тому вызваны, единственно лишь изъ страха передъ Францією или изъ услужливости по отношенію къ Англіи и Австріи. Мы играли бы роль вассаловъ, идущихъ на войну ради чуждыхъ намъ цѣлей“. Принцъ Вильгельмъ вспыхнулъ и прервалъ собесѣдника словами: „о страхѣ и вассалахъ нѣтъ и рѣчи“; — но онъ не прекратилъ разговора и возражалъ по существу. Антирусское направленіе при дворѣ принца находило опору въ его супругѣ, принцессѣ Августѣ, впоследствии королевѣ и императрицѣ, которая всегда находилась въ секретѣ или явномъ антагонизмѣ съ Бисмаркомъ; по ея воззрѣнію, дружба съ Россією не соответствовала культурнымъ понятіямъ просвѣщеннаго нѣмецкаго общества. Бисмаркъ же руководствовался не соображеніями популярности, а реальными интересами, которые не позволяли ставить Пруссію въ зависимость отъ Франціи и Австріи: французы всегда могли помириться и обратно сойтись съ русскими въ ущербъ пруссавамъ, тогда какъ послѣдніе навлекли бы на себя прочную вражду близкихъ сосѣдей, отъ которыхъ нельзя избавиться ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Бисмаркъ не могъ переубѣдить сторонниковъ союза съ западными державами; ему не удалось внушить энергію королю или одолѣть австрофильство Мантейфеля, но нѣкоторыя серьезныя дипломатическія депеши, адресованныя въ Вѣну и Петербургъ въ эти критическіе годы, были передѣланы или редактированы Бисмаркомъ по порученію короля, причемъ австрійскій тонъ министра уступалъ мѣсто руссофильскимъ фразамъ его подчиненнаго. Въ февралѣ 1855 года, Бисмаркъ сумѣлъ добиться фактическаго торжества надъ Австрією по весьма важному вопросу объ отношеніи германскаго союза къ австрійской вѣшной политикѣ. Вѣнскій кабинетъ разсчитывалъ опираться на Германію и дѣйствовать отъ ея имени въ восточныхъ дѣлахъ; однако, по настоянію Бисмарка, германскій союзный сеймъ постановилъ, что военныя мѣры союза сообразуются исключительно съ интересами независимости и неприкосновенности Германіи, безъ всякой связи съ апрѣльскимъ австро-прусскимъ договоромъ. Такимъ образомъ, Бисмаркъ значительно способствовалъ тому, что во время крымской войны Пруссія не только сама сохранила нейтралитетъ, но удержала германскій союзъ отъ враждебнаго намъ вмѣшательства, предположеннаго Австрією.

II.

Пребываніе въ Петербургѣ въ должности посланника, отъ января 1859 до апрѣля 1862 года, было для Бисмарка періодомъ наблюденій надъ русскимъ обществомъ и русскою политикою. Бисмаркъ былъ принятъ здѣсь какъ свой человѣкъ, какъ представитель близкаго родственнаго двора и притомъ какъ испытанный давній другъ; онъ производилъ лично чарующее впечатлѣніе своею внушительною аристократическою фігурою, своимъ открытымъ характеромъ, своимъ свободнымъ свѣтскимъ остроуміемъ и находчивостью. Вдовствующая императрица, сестра прусскаго короля, оказывала Бисмарку исключительное вниманіе и часто принимала его въ своемъ интимномъ кружѣ; онъ пользовался также особеннымъ расположеніемъ великой княгини Елены Павловны, въ салонахъ которой собирались сливки образованнаго общества. Князь Горчаковъ былъ для него старымъ знакомымъ, какъ бы наставникомъ и покровителемъ; Бисмаркъ охотно выставлялъ себя ученикомъ и почитателемъ нашего министра-дипломата, хотя въ душѣ былъ о немъ невысокаго мнѣнія: онъ находилъ его слишкомъ тщеславнымъ, впечатлительнымъ и болтливымъ. „Горчаковъ—писалъ онъ еще въ 1854 году—кажется мнѣ утомительнымъ, неловкимъ шутомъ, лисицей въ башмакахъ“. Обладая даромъ салоннаго краснорѣчія, князь Горчаковъ любилъ говорить много и долго передъ младшими представителями иностранныхъ посольствъ въ Петербургѣ, причемъ щеголялъ изяществомъ своихъ французскихъ фразъ и оборотовъ; дипломаты цѣнили его искусство и хвалили его таланты, и этимъ обезпечивали или облегчали успѣхъ своей политической дѣятельности въ Россіи.

Въ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ князь Горчаковъ обнаруживалъ специальную довѣрчивость, которая поражала самого посланника: онъ давалъ ему читать не раскрытыя еще донесенія и письма русскаго посольства изъ Берлина и показывалъ собственноручныя отмѣтки императора Александра II на поляхъ дипломатическихъ докладовъ русскихъ представителей за границею. Передавая Бисмарку вновь полученные секретные пакеты, прежде чѣмъ вскрѣть и просмотрѣть ихъ самому, князь Горчаковъ обыкновенно прибавлялъ въ шутовомъ тонѣ: „Vous oublierez ce que vous ne deviez pas lire“. Бисмаркъ просматривалъ депеши въ сосѣдней комнатѣ и, конечно, соглашался „забыть то, чего не слѣдовало читать“; это условіе—замѣчаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ — „я и соблюдалъ, пока находился въ Пе-

тербургѣ, потому что въ мои задачи не входило разстроивать взаимныя отношенія обоихъ дворовъ". Онъ убѣдился только, что русскіе представители въ Берлинѣ заботятся больше объ интересѣ и пикантности своихъ сообщеній, чѣмъ о выгодахъ политической дружбы и прочнаго довѣрчиваго мира; онъ получалъ отъ нашего же министра иностранныхъ дѣлъ фактическіе матеріалы для разоблаченія „двуличности“, легкомыслія или ненадежности русской дипломатіи, что послужило ему впоследствии оружіемъ противъ Россіи. Пользуясь такого рода закулисными свѣдѣніями, Бисмаркъ пытался изъ Петербурга вліять на берлинскую политику своими обстоятельными записками и докладами, въ которыхъ сообщалъ о дѣйствительномъ настроеніи властвующихъ въ Россіи лицъ относительно Пруссіи и Германіи; эти сообщенія иногда настолько противорѣчили установившимся въ Берлинѣ официальнымъ взглядамъ, что возбуждался вопросъ о степени ихъ достовѣрности, и для контроля былъ посланъ бывший прусскій военный агентъ въ Петербургѣ, графъ Мюнстеръ. Бисмарку не трудно было подтвердить свои сообщенія вѣскими доказательствами—секретными бумагами и подлинными Высочайшими отмѣтками, которыя ему предъявлялись княземъ Горчаковымъ. Самъ Бисмаркъ признавалъ, что „тѣ формы, въ какихъ выражалось неограниченное къ нему довѣріе, переходили дозволенные между дипломатами границы“,—и эта практика въ сущности не имѣла себѣ разумнаго оправданія. Реальные политическіе интересы русскаго государства охранялись только урывками, какъ бы случайно, и халатное отношеніе къ нимъ было общимъ правиломъ; за то усердное вниманіе удѣлялось вопросамъ самолюбія. Между прочимъ, во время австро-французской войны 1859 года, русское правительство было крайне недовольно рѣзкими отзывами о нашей политикѣ въ частныхъ письмахъ нѣмецкихъ государей къ высокопоставленнымъ ихъ родственникамъ въ Россіи. „Самое оскорбительное въ этомъ случаѣ—говорили здѣсь Бисмарку—именно то, что нѣмецкіе господа родственники посылаютъ свои грубости по почтѣ, въ расчетѣ на непосредственное доведеніе ихъ до свѣдѣнія высшаго правительства“. Посылать корреспонденцію по почтѣ—значило дѣлиться своими мыслями съ начальствомъ: таково было тогда откровенное убѣжденіе о правѣ узнавать чужія тайны при помощи почтоваго вѣдомства.

Внутренняя жизнь Россіи мало интересовала Бисмарка и даже совершенно не замѣчалась имъ; общественное движеніе, сопровождавшееся крупными правительственными реформами, проходило мимо него: онъ изучалъ только тѣ стороны нашего быта,

которыя имѣли прямое или косвенное отношеніе къ политическимъ заботамъ нѣмецкой націи. Онъ видѣлъ, что нѣмцы удачно устроятся у насъ свои дѣла и нерѣдко пользуются могущественною протекціею безъ достаточнаго къ тому основанія; одинъ примѣръ таковой протекціи встрѣтился ему въ Петербургѣ и обошелся ему очень дорого. Нѣкій докторъ Вальцъ, сынъ университетскаго кондитера въ Гейдельбергѣ, не окончившій медицинскаго образованія на родинѣ, занималъ мѣсто старшаго врача петербургскихъ дѣтскихъ больницъ, на основаніи рекомендаціи бывшей великой герцогини баденской; этотъ докторъ былъ рекомендованъ Бисмарку тою же великою герцогинею и сталъ его лечить отъ появившейся въ колѣнѣ боли, — велѣлъ наложить пластырь, составленный по предписанному имъ рецепту, послѣ чего образовалась рана, причинявшая пациенту сильнѣйшія мученія. Врачъ оправдывался ошибкою аптекаря, но взялъ обратно рецептъ изъ аптеки, чтобы нельзя было провѣрить его заявленіе; составъ употребленной мази былъ прямо ядовитый и вызвалъ разрушеніе одной изъ венъ. Бисмаркъ отправился моремъ въ отечество для леченія у нѣмецкихъ врачей, но въ пути, узнавъ, что тутъ же на пароходѣ ѣдетъ знаменитый хирургъ Пироговъ, обратился къ нему за совѣтомъ, въ виду усилившихся мучительныхъ болей. Пироговъ, по осмотрѣ раны, предложилъ сдѣлать ампутацію ноги выше колѣна; Бисмаркъ отказался и такимъ образомъ избѣгнулъ печальной участи инвалида. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ основательно поправиться въ Наугеймѣ, хотя долго еще страдалъ отъ послѣдствій врачеванія нѣмецко-русскаго доктора, рекомендованнаго ему бывшею великою герцогинею баденскою. Въ октябрѣ 1859 года, онъ могъ уже сопутствовать принцу-регенту Вильгельму въ его поѣздѣ въ Варшаву для свиданія съ императоромъ Александромъ II; но затѣмъ опять заболѣлъ и едва не умеръ. Въ позднѣйшіе годы, вспоминая эпизодъ съ докторомъ Вальцемъ, Бисмаркъ намекалъ на возможность въ данномъ случаѣ сознательной попытки отравленія; однако, тогда еще никто не могъ предвидѣть его будущую карьеру, и покушеніе на его жизнь не представляло никакого интереса для кого бы то ни было.

Весною 1862 года, когда Бисмаркъ покидалъ Петербургъ, польскій вопросъ уже волновалъ умы и озабочивалъ дипломатію. Русская политика по этому предмету имѣла важное значеніе для всей будущности Пруссіи, съ точки зрѣнія Бисмарка. Существенныя уступки полякамъ подготовили бы почву для сближенія Россіи съ Франціею, а полонофильскій франко-русскій союзъ

поставилъ бы Пруссію въ крайне трудное положеніе. Бисмаркъ считалъ своею обязанностію бороться противъ польскихъ симпатій въ нашихъ правящихъ сферахъ. Изъ разговоръ съ княземъ Горчаковымъ и самимъ императоромъ Александромъ II онъ заключилъ, что русское правительство склонно къ компромиссу съ поляками. Говорилось и о готовности Россіи отказаться, будто бы, отъ части польскихъ земель, по крайней мѣрѣ отъ лѣваго берега Вислы; въ этомъ смыслѣ весьма откровенно высказывался императоръ передъ Бисмаркомъ незадолго до его отозванія. Польша была постояннымъ „источникомъ безпокойства и европейскихъ опасностей для Россіи; руссификація является неосуществимою вслѣдствіе вѣроисповѣдныхъ различій и недостатка административной способности русскихъ правительственныхъ органовъ. Нѣмцамъ же удалось бы онѣмечить польскій край; они имѣютъ къ тому средства, такъ какъ нѣмецкое населеніе образованнѣе польскаго. Русскіе не чувствуютъ за собою необходимаго превосходства надъ поляками, чтобы поддерживать свою власть; нужно поэтому ограничиться наименьшимъ количествомъ польскаго населенія, какое допускается географическимъ положеніемъ, — отодвинувъ границу до Вислы, съ сохраненіемъ Варшавы, какъ передового военнаго пункта“. Въ отвѣтъ на эти откровенныя замѣчанія Бисмаркъ выразилъ сожалѣніе, что ему придется скоро уѣхать изъ Петербурга; по этому поводу ему задали вопросъ, не желаетъ ли онъ поступить на русскую службу. Вопросъ былъ поставленъ, очевидно, по недоразумѣнію; Бисмаркъ вѣжливо объяснилъ, что желалъ бы остаться прусскимъ посланникомъ при особѣ его величества. „Мнѣ не было бы тогда непріятно, — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — еслибы императоръ сдѣлалъ какіе-нибудь шаги въ этомъ направленіи, ибо мысль служить берлинской политикѣ того времени безъ активнаго въ ней участія не имѣла для меня ничего заманчиваго, тогда какъ мое вліяніе при русскомъ дворѣ могло быть полезно для нашихъ интересовъ“.

III.

Сдѣлавшись министромъ осенью 1862 года, Бисмаркъ не переставалъ поддерживать пріобрѣтенныя связи въ Петербургѣ, чтобы сохранить для Пруссіи вліяніе на русскую политику. Вліяніе это сказалось прежде всего въ польскомъ вопросѣ. Въ началѣ 1863 года посланъ былъ въ Петербургъ генералъ Густавъ фонъ-Альвенслебенъ съ собственноручнымъ письмомъ короля для

переговоры о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ обѣихъ державъ противъ вспыхнушаго у насъ польскаго возстанія, грозившаго перейти и въ прусскіе предѣлы—въ Познань и Силезію. Предложеніе прусскаго союза противъ поляковъ явилось какъ разъ въ моментъ наибольшаго разлада между приверженцами и противниками либеральныхъ полонофильскихъ тенденцій въ составѣ нашего правительства. Прусскій проектъ положилъ конецъ колебаніямъ въ выборѣ пути, и военная русско-прусская конвенція была подписана 8 февраля 1863 года. „Конвенція,—по словамъ Бисмарка,—имѣла для Пруссіи болѣе дипломатическую, чѣмъ военную цѣль; она представляла собою побѣду, одержанную прусскою политикою надъ польскою въ кабинетѣ русскаго императора. Достигнутый результатъ основывался на непосредственномъ рѣшеніи государя, вопреки министерскимъ стремленіямъ. Это былъ удачный шахматный ходъ, рѣшившій партію, которую разыгрывали между собою антипольскія монархическія и колонизирующія панславистскія вліянія внутри русскаго правительства“. Выходитъ какъ будто, что у насъ не было собственной сознательной политики по такимъ важнымъ текущимъ вопросамъ, какъ польскій, и что мы принимали свои рѣшенія въ зависимости отъ интересовъ и совѣтовъ посторонней державы.

Въ Пруссіи, наоборотъ, господствовало убѣжденіе, что въ польскомъ вопросѣ Бисмаркъ потворствуетъ взглядамъ и желаніямъ Россіи, подчиняясь придворнымъ и узко-реакціоннымъ тенденціямъ. Въ прусской палатѣ депутатовъ высказывались горячіе протесты противъ руссофильской политики кабинета. Депутатъ Вальдекъ говорилъ о „жандармской службѣ“, которую взяла на себя Пруссія по отношенію къ Россіи,—„службѣ, заставляющей краснѣть cadaго порядочнаго нѣмца. Кровь прусскихъ гражданъ не должна отдаваться въ распоряженіе легкомысленной дипломатіи, лишенной всякихъ руководящихъ идей“. „Честь правительства—заявлялъ депутатъ Твестенъ—не есть уже честь страны. Министерство разстроиваетъ отношенія съ западными державами и подвергаетъ государство великимъ опасностямъ и униженіямъ. Только ретроградная партія, продолжающая политику священнаго союза и стремящаяся къ сближенію съ Россіею подъ вліяніемъ заботы о внутреннихъ дѣлахъ, можетъ дѣйствовать такимъ образомъ“. Палата приняла 26 февраля предложеніе Говербека, чтобы при польскомъ возстаніи „не оказывалось никакой поддержки ни русскому правительству, ни возставшимъ полякамъ“. Въ преніяхъ участвовали наиболѣе выдающіеся ораторы либеральнаго большинства. Депутатъ фонъ-Зибель,—извѣстный исто-

рикъ, въ послѣдствіи поблонникъ и хвалитель Бисмарка, — рѣшительно осуждалъ политику, которая „добровольно и безъ всякой надобности дѣлаетъ Пруссію соучастицею колоссальной человѣческой трагедіи, вызывающей негодованіе всей Европы“; вообще, по его словамъ, министерская „политика, сущность которой заключается въ неуваженіи къ праву, неспособна проявлять себя ни внутри, ни во внѣ, — неспособна ни предпринимать что-либо, ни бездѣйствовать, ни жить, ни умереть, безъ того, чтобы нарушать законы страны“. Депутатъ Симсонъ называлъ политику правительства „донкихотствомъ, безнадежнымъ дилеттантствомъ“, а министра-президента сравнивалъ съ канатными плясунами, которыми удивляются только потому, что они не падаютъ. Въ засѣданіи 31 марта Вальдекъ утверждалъ, что правительство поддается иностранному давленію въ польскомъ вопросѣ и не имѣетъ подъ собою никакой почвы ни во внѣшнихъ, ни во внутреннихъ дѣлахъ; проводится политика случайностей, мелочныхъ и мимолетныхъ побужденій. „Если мы, къ сожалѣнію, представляемъ собою государство, которое при нынѣшнемъ министерствѣ столь же мало можетъ рассчитывать на крупную политику въ Европѣ, какъ и на ясную, правдивую, свободную и честную внутреннюю политику, — говорилъ Вальдекъ, — то по крайней мѣрѣ позвольте намъ соблюдать правила человѣчности и гуманности“. Отвѣчая на эти обвиненія и нападки, Бисмаркъ воздерживался отъ объясненій по существу и оставлялъ противниковъ въ полномъ невѣдѣніи относительно содержанія и смысла спорной конвенціи. „Можно предоставить критикамъ, — замѣтилъ онъ между прочимъ, — обсудить, желательна ли для Пруссіи независимая Польша въ Россіи. Склонность жертвовать собою за чужую національность, даже въ ущербъ собственному отечеству, есть политическая болѣзнь, свойственная, къ сожалѣнію, только Германіи... Оппозиція беретъ подъ свою защиту польское возстаніе, потому что правительство не желаетъ ему сочувствовать. Нѣ зная дѣйствительнаго положенія, предаются фантазіямъ; но министръ не видитъ возможности сообщать свѣдѣнія о происходящихъ переговорахъ, хотя эти свѣдѣнія оправдывали бы его политику. Очевидно, правительство не можетъ ожидать безпристрастнаго и дѣловитаго обсужденія его дѣйствій. Утвержденіе, что правительство уступило постороннему давленію, совершенно произвольно; оно никому не уступало и не имѣло повода уступать“.

Либеральные нѣмцы еще не подозрѣвали истинныхъ качествъ и принциповъ Бисмарка; они усматривали признаки иноземнаго вліянія именно въ томъ, что, напротивъ, было результатомъ его

успѣшнаго воедѣйствія на политику сосѣдней державы. Какъ прусскій министр-президентъ, Бисмаркъ выдерживалъ сильную борьбу въ парламентѣ и печати изъ-за своего руссофильства въ польскомъ вопросѣ, но не заслужилъ этимъ особенной благодарности и со стороны Россіи.

Князь Горчаковъ былъ видимо недоволенъ замаскированнымъ дружественнымъ вмѣшательствомъ Пруссіи, хотя не могъ не признать, что оно значительно облегчило положеніе русской дипломатіи относительно западно-европейскихъ кабинетовъ. Когда Наполеонъ III получилъ отъ своего представителя въ Петербургѣ, герцога Монтебелло, извѣстіе о прусско-русской секретной конвенціи, онъ тотчасъ же почувствовалъ всю силу удара, нанесеннаго этимъ актомъ официальнымъ заступникамъ Польши. Французское правительство желало прибѣгнуть къ дипломатическимъ мѣрамъ противъ Пруссіи, чтобы побудить ее отказаться отъ конвенціи; но Англія и Австрія отклонили мысль о тождественной нотѣ къ берлинскому кабинету, предпочитая имѣть дѣло съ одною Россіею, какъ „первою и главною виновницею польскихъ замѣшательствъ“. Дипломатическая кампанія продолжалась, повидимому, съ настойчивою энергіею; три раза дѣлались державами въ Петербургѣ коллективныя представленія по польскимъ дѣламъ—въ апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ 1863 года, причемъ Австрія все болѣе выступала впередъ, а Франція постепенно начинала готовить себѣ путь къ отступленію. Въ австрійской нотѣ отъ 18 іюня предлагалось русскому правительству „взвѣсить тѣ требованія, которыя признаны необходимыми для восстановленія мира и спокойствія въ Польшѣ и которыя выражены въ слѣдующихъ шести пунктахъ: 1) всеобщая и полная амнистія; 2) національное представительство, участвующее въ законодательствѣ страны и обладающее законными средствами для дѣйствительнаго контроля; 3) назначеніе поляковъ на общественныя должности съ тѣмъ, чтобы образовалась особая національная администрація, внушающая довѣріе народу; 4) полная свобода совѣсти и отиѣна всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ отправленіе католическаго богослуженія; 5) исключительное употребленіе польскаго языка въ управленіи, судѣ и преподаваніи; и 6) введеніе правильной и законной системы рекрутскаго набора“. Князь Горчаковъ находилъ, что Россія, Австрія и Пруссія могли бы войти между собою въ соглашеніе, съ цѣлью совмѣстно устроить судьбу своихъ польскихъ подданныхъ; но Австрія отвергла это предложеніе, ссылаясь на то, что „между кабинетами вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ установилась прочная связь, отъ которой австрійское пра-

вительство не можетъ уже отстраниться для веденія отдѣльныхъ переговоровъ съ Россією“.

Въ Петербургѣ возникла тогда мысль о неизбежности войны, и императоръ Александръ II написалъ большое собственноручное письмо королю Вильгельму въ Гастейнъ, съ предложеніемъ активнаго союза. Русскому правительству „надобѣ западно-европейскія и австрійско-польскія приставанія, и чтобы отдѣлаться отъ нихъ, оно рѣшилось взяться за мечъ. Взывая къ дружбѣ и одинаковымъ интересамъ короля, императоръ требуетъ отъ него совмѣстныхъ дѣйствій, въ духѣ расширенной февральской конвенціи того же года. Королю—какъ объяснено въ воспоминаніяхъ Бисмарка—было тяжело, съ одной стороны, дать отрицательный отвѣтъ своему близкому родственнику, а съ другой—допустить предположеніе, что страна подвергнется бѣдствіямъ и опасностямъ европейской войны ради такого дѣла, въ которомъ не замѣшаны жизненные интересы Пруссіи и Германіи“. По мнѣнію Бисмарка, война въ союзѣ съ Россією противъ Австріи нисколько не приблизила бы пруссаковъ къ исполненію ихъ національной задачи. Только въ политикѣ Франціи принято смотрѣть на войну какъ на средство для устраненія внутреннихъ затрудненій; въ Германіи это средство было бы дѣйствительно въ томъ только случаѣ, еслибы война вызывалась потребностями національнаго развитія. Такая война не могла бы, однако, вестись при русскомъ содѣйствіи, единодушно осуждаемомъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ проектѣ отвѣта на письмо русскаго государя, Бисмаркъ обстоятельно излагалъ тѣ разнообразныя доводы, которые не дозволяли принять предложеніе Россіи. По географическимъ условіямъ и въ силу французскихъ стремленій къ захвату прирейнскихъ земель, совмѣстная война противъ западныхъ державъ въ своемъ заключительномъ фазисѣ должна была бы неизбежно превратиться въ единоборство между Пруссією и Францією; прусско-русская инициатива въ возбужденіи войны ухудшила бы положеніе берлинскаго кабинета въ Германіи, и притомъ послѣдствія были бы неодинаковы для союзниковъ: Россія, болѣе отдаленная отъ театра военныхъ событій, мало затрогивалась бы бѣдствіями войны, тогда какъ Пруссіи пришлось бы фактически содержать не только прусскія, но и русскія войска; затѣмъ, русская политика находилась бы у болѣе длиннаго плеча рычага и могла бы, въ случаѣ прусской побѣды, существенно повліять на характеръ условій мира для Пруссіи, какъ это было на вѣнскомъ конгрессѣ. Кромѣ того, Бисмаркъ понималъ, что Россія относится къ Австріи иначе, чѣмъ Пруссія и Германія,

въ виду противоположности русскихъ и австрійскихъ интересовъ на Востокъ; и трудно было бы требовать отъ русской дипломатіи, чтобы послѣ торжества прусско-русской коалиціи она соблюдала относительно побѣжденной Австріи ту сдержанность, каковую указала въ 1866 году Пруссія ради возможности позднѣйшаго обратнаго сближенія. Бисмаркъ опасался, что въ случаѣ побѣды нельзя будетъ сойтись съ Россіею насчетъ будущности Австріи, и что даже при дальнѣйшихъ успѣхахъ противъ Франціи Россія не откажется отъ искушенія ограничить пріобрѣтенія и выгоды Пруссіи, чтобы оставить ее въ положеніи державы, нуждающейся въ покровительствѣ и поддержкѣ; менѣе всего можно было ожидать отъ Россіи содѣйствія національной нѣмецкой политикѣ въ смыслѣ прусской гегемоніи. Примѣры недавняго прошлаго предостерегали пруссаковъ отъ излишней довѣрчивости по отношенію къ русской и вообще иноземной дружбѣ, тѣмъ болѣе, что на Пруссіи лежала забота о всей политической будущности и независимости Германіи. Король Вильгельмъ, согласно заключенію своего министра-президента, вѣжливо отклонилъ военственные планы, не имѣвшіе ясной реальной основы и порожденные скорѣе мимолетнымъ настроеніемъ, чѣмъ сознательнымъ политическимъ расчетомъ. Въ этомъ эпизодѣ сказалось принципиальное различіе въ политикѣ обѣихъ державъ: съ одной стороны мы видимъ смѣну внутреннихъ колебаній и неопредѣленныхъ сантиментальныхъ порывовъ, а съ другой—твердое сознаніе положительныхъ государственныхъ цѣлей и національныхъ интересовъ. Россія, конечно, не имѣла разумнаго основанія вызывать или ускорять войну, о которой не думали серьезно и западные кабинеты; достаточно было однихъ дипломатическихъ средствъ, чтобы дать отпоръ враждебной намъ коалиціи, и дипломатія тотчасъ же нашла для этого способъ, какъ только у насъ оживилось и подняло свой голосъ самостоятельное общественное мнѣніе.

Взаимное непониманіе между Берлиномъ и Петербургомъ проявлялось всякій разъ, когда приходилось дѣлать практическіе выводы изъ совершавшихся въ Европѣ событій. Бисмаркъ не любилъ отвлеченностей и обсуждалъ спорные вопросы исключительно съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій того или другаго рѣшенія, не упуская изъ виду и интересовъ будущаго; онъ твердо зналъ и чувствовалъ, что государственный человѣкъ можетъ вдохновляться лишь потребностями и интересами своей собственной страны, и потому не придавалъ значенія условнымъ международнымъ формуламъ и фикціямъ, предполагавшимъ вѣру въ авторитетъ и единство Европы. Князь Горчаковъ, наоборотъ,

имѣлъ слабость къ широкимъ и туманнымъ перспективамъ, въ которыхъ интересы Россіи играли лишь подчиненную и второстепенную роль. Въ политическихъ вопросахъ общаго характера наша дипломатія обыкновенно хлопотала объ Европѣ, именемъ которой чаще всего прикрывалась Австрія, и самыя упоминанія о русскихъ національныхъ нуждахъ и выгодахъ заранѣе устранялись изъ уваженія къ чужимъ державамъ, или для доказательства нашего безкорыстія во внѣшнихъ дѣлахъ. Оттого наша европейская политика такъ дорого обходилась народу и такъ рѣдко приносила пользу государству, не упрочивая за нами и репутаціи великодушія; часто мы вовлекались въ предпріятія, выходившія далеко изъ круга нашихъ интересовъ, и затѣмъ ничего не предпринимали, когда должны были бы непремѣнно дѣлать что-нибудь для устройства нашихъ политическихъ дѣлъ. Бисмаркъ непрерывно испытывалъ на себѣ всю силу связи между дипломатіею и живымъ національнымъ сознаніемъ, воодушевлявшимъ нѣмецкое образованное общество; у насъ этой связи не было, и дипломатическое вѣдомство стояло такъ же въ сторонѣ отъ жизни, какъ и другіе органы бюрократіи.

Въ 1866 году, во время мирныхъ переговоровъ въ Никольсбургѣ, было получено тамъ извѣстіе о желаніи Россіи способствовать созванію европейскаго конгресса для обсужденія результатовъ австро-прусской войны; по этому вопросу князь Горчаковъ оказался солидарнымъ съ Наполеономъ III. Такъ какъ Россія не имѣла тогда въ виду заступаться за побѣжденную Австрію или урѣзывать пріобрѣтенія Пруссіи, то русскій проектъ былъ совершенно ненуженъ и объяснялся лишь канцелярскою привычкою затѣвать переписку по предметамъ, обращающимъ на себя общее вниманіе. Князь Горчаковъ вспомнилъ объ Европѣ безъ дурного намѣренія, но получилъ отвѣтъ, который долженъ былъ раскрыть ему глаза на истинный смыслъ идеи о конгрессѣ при данныхъ обстоятельствахъ. Бисмаркъ далъ знать въ Петербургѣ, что Пруссія не можетъ пожертвовать плодами своихъ побѣдъ и согласиться на созваніе конгресса, если не хочетъ вызвать въ странѣ революцію; а при болѣе настойчивомъ иностранномъ вмѣшательствѣ онъ, министр-президентъ, сочтетъ своимъ долгомъ совѣтовать королю „поднять всѣ національныя силы Германіи и пограничныхъ земель для оказанія надлежащаго отпора“. Посланнику въ Парижѣ онъ поручилъ объяснить, что Пруссія подниметъ брошенную ей перчатку и не отступитъ отъ дальнѣйшей борьбы, если державы попытаются помѣшать ей самостоятельно опредѣлить свои условія мира съ Австріею. Само собою разумѣется, что въ дѣйстви-

тельности Бисмаркъ всего менѣе желалъ возбужденія новой войны; онъ только предвидѣлъ, что послѣ такого разговора никто не будетъ настаивать на созывѣ конгресса. Англія объявила, что конгрессъ бесполезенъ, и Франція также отеклась отъ него; а въ Петербургъ посланъ былъ генералъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель, чтобы смягчить неудачу нашей дипломатіи. Съ тѣхъ поръ князь Горчаковъ пересталъ смотрѣть на Бисмарка какъ на своего вѣрнаго послѣдователя и видѣлъ въ немъ скорѣе соперника, идущаго своимъ особымъ путемъ.

IV.

Въ 1870 году, послѣ разгрома Франціи нѣмецкими войсками, напоминаніе объ Европѣ исходило уже не отъ Россіи, а отъ вѣнскаго кабинета, который издавна бралъ на себя заботу объ общихъ европейскихъ интересахъ, совпадающихъ почему-то съ австрійскими. Эти призывы къ Европѣ были, однако, напрасны, и графу Бейсту не удалось осуществить мечту о безпристрастномъ коллективномъ посредничествѣ, какъ и Тьеру не удалось „отыскать Европу“ при предпринятомъ имъ объѣздѣ европейскихъ дворовъ. Русское правительство на этотъ разъ гарантировало Вильгельму I не только дружественный нейтралитетъ Россіи, но и невмѣшательство Австріи. Для того, чтобы эта важная услуга не осталась безвозмездною, Бисмаркъ съ своей стороны предложилъ князю Горчакову воспользоваться событіями для отмѣны стѣснительныхъ постановленій парижскаго трактата относительно Чернаго моря. Горчаковъ, говорить онъ, „очень неохотно отозвался на запросъ, сдѣланный ему въ этомъ направленіи; его личное недоброжелательство было сильнѣе, чѣмъ его чувство долга передъ Россіею. Чтобы сдѣлать наше предложеніе дѣйствительнымъ, — продолжаетъ Бисмаркъ, — я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію тогдашняго русскаго военнаго уполномоченнаго, графа Кутузова. На основаніи моихъ многолѣтнихъ сношеній съ княземъ Горчаковымъ я могу сказать положительно, что личное соперничество со мною перевѣшивало для него интересы Россіи; его чувство ревности ко мнѣ было сильнѣе его патріотизма“. Очевидно, Бисмаркъ не понималъ Горчакова: онъ не могъ себѣ представить, чтобы русскій государственный человѣкъ интересовался больше мнѣніями иностранныхъ кабинетовъ и поклоненіемъ отечественнаго свѣтскаго общества, чѣмъ реальными потребностями страны и государства; а между тѣмъ князь Горчаковъ искренно вѣрилъ

въ дипломатическое существованіе Европы и въ необходимость подчинять ей международныя выгоды и потребности Россіи, о важности которыхъ, впрочемъ, никто и не напоминалъ ему при обычномъ молчаніи или отсутствіи отечественнаго общественнаго мнѣнія.

Окончательная размолвка между обоими канцлерами произошла въ 1875 году, когда тревожные слухи о новой франко-прусской войнѣ побудили князя Горчакова выступить въ роли заступника и покровителя Франціи. Военная партія въ Берлинѣ несомнѣнно готовилась тогда къ нападенію на побѣжденныхъ враговъ, которые, будто бы, слишкомъ усердно возстановляли свои военныя силы въ надеждѣ на предстоящее возмездіе; оффиціозная вѣмецкая пресса поддерживала эти глухія угрозы по адресу Франціи, и обезпокоенные французскіе дипломаты искали заступничества въ Петербургѣ и въ Лондонѣ. По случаю поѣздки императора Александра II въ Берлинъ пущено было въ ходъ все наше политическое вліяніе, чтобы обезпечить миръ, и сопутствовавшій государю князь Горчаковъ, въ маѣ 1875 года, изъ Берлина же разослалъ циркулярную ноту съ радостнымъ извѣстіемъ о достигнутомъ успѣхѣ. Нота начиналась словами: „Maintenant la paix est assurée“—и была, конечно, крайне непріятна Бисмарку, косвенно обвиняя его передъ цѣлымъ свѣтомъ въ воинственныхъ замыслахъ, опасныхъ для мирныхъ сосѣднихъ народовъ. Бисмаркъ горячо упрекалъ своего русскаго коллегу за это рѣзкое нарушеніе дружественныхъ товарищескихъ отношеній; вѣдь можно было просто возвѣстить, что никакихъ помысловъ о войнѣ вовсе не было и нѣтъ,—тѣмъ болѣе, что германскій канцлеръ, по его собственнымъ увѣреніямъ, совершенно не раздѣлялъ одностороннихъ заботъ и опасеній главнаго штаба, нашедшихъ отголосокъ и въ печати. „Я бы скорѣе вышелъ въ отставку,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—чѣмъ допустилъ бы такую произвольную войну, которая не имѣла бы другого мотива, кромѣ желанія не дать Франціи придти въ себя. Такая война не могла бы установить прочныя порядки въ Европѣ, а напротивъ, создала бы всеобщее враждебное недовѣріе къ новой, еще не укрѣпившейся имперіи, которая вступила бы на путь непрерывныхъ войнъ изъ-за престижа,—путь, приведшій къ гибели Наполеона I и его племянника“. Даже если эти разумныя взгляды Бисмарка были неизвѣстны князю Горчакову, во всякомъ случаѣ нельзя было изъ германской столицы оповѣщать міръ объ одержанной побѣдѣ надъ прусскими сторонниками войны: это значило безцѣльно раздражать Пруссію и ея правителей, послѣ того какъ

кризисъ разрѣшился благополучно при добровольномъ участіи самого прусскаго правительства. Бисмаркъ объяснялъ поступокъ князя Горчакова только его тщеславіемъ, желаніемъ порисоваться передъ Европою въ эффектной роли спасителя Франціи и общаго мира; императоръ Александръ II, въ отвѣтъ на откровенныя жалобы Бисмарка, также совѣтовалъ ему не придавать серьезнаго значенія этой „vanité sénile“. Однако эта „vanité sénile“ продолжала руководить вышнюю политику первостепенной великой державы, подготавливая ей жестокия неудачи и горькія разочарованія.

Въ маѣ 1876 года князь Горчаковъ говорилъ Бисмарку о своемъ утомленіи, о жаждѣ отдыха и покоя, и прибавилъ шутливо: „Je ne puis cependant me présenter devant saint Pierre au ciel sans avoir présidé la moindre chose en Europe“. Бисмаркъ попросилъ его тогда взять на себя предсѣдательство на оффиціозной дипломатической конференціи, собравшейся въ Берлинѣ, что и принято было весьма охотно; Горчаковъ открылъ засѣданія длинною вступительною рѣчью, которая доставляла ему видимое удовлетвореніе. Онъ говорилъ еще Бисмарку: „Si je me retire, je ne veux pas m'éteindre comme une lampe qui file, je veux me coucher comme un astre“. Германскій канцлеръ удивляется этому преобладанію личныхъ чувствъ надъ патриотическими и государственными заботами; для него остается загадочнымъ все поведеніе нашей дипломатіи до и послѣ турецкой войны. Осенью 1876 года онъ получилъ изъ Ливадіи отъ прусскаго военнаго уполномоченнаго, генерала фонъ-Вердера, шифрованную депешу, въ которой ему поставлень, отъ имени государя, щекотливый вопросъ: какъ поступитъ Германія въ случаѣ военнаго конфликта между Россією и Австрією? Самое обращеніе съ такимъ вопросомъ казалось Бисмарку неправильнымъ по формѣ и недовѣримъ по существу; русское правительство могло давать подобныя порученія своему собственному посланнику въ Берлинѣ, но не прусскому военному агенту; притомъ заранѣе можно было предвидѣть, что Германія не свяжетъ себя опредѣленными обѣщаніями въ ущербъ Австріи, безъ достаточныхъ въ тому положительныхъ и вѣсвыхъ мотивовъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ уклониться отъ неудобнаго обсужденія чисто теоретической проблемы, Бисмаркъ въ октябрѣ того же года вызвалъ къ себѣ въ Варцинь находившагося тогда въ отпуску германскаго посла при русскомъ дворѣ, фонъ-Шлейница, и поручилъ ему съѣздить въ Ливадію для необходимыхъ конфиденціальныхъ объясненій. Согласно данной ему инструкціи, посолъ фонъ-Шлейницъ долженъ былъ подтвердить, что первую потребностью Германіи

является сохранение мира и дружбы между обѣими великими монархіями; если же, въ прискорбію нѣмцевъ, это окажется невозможнымъ для Россіи и Австріи, то берлинскій кабинетъ будетъ по неволѣ мириться съ тѣмъ, что его друзья станутъ наносить другъ другу удары, выигрывать или проигрывать сраженія, но не потерпятъ, чтобы одинъ изъ нихъ подвергся опасности лишиться независимаго и равноправнаго положенія между великими державами въ Европѣ. Другими словами, намъ нечего было рассчитывать на безусловный нейтралитетъ Германіи при нашемъ столкновеніи съ Австріею. Нельзя было и ожидать другого отвѣта послѣ того какъ Бисмаркъ въ 1866 году убѣждалъ—и убѣдилъ—своего короля оставить неприкосновенною австрійскую имперію, въ видахъ будущаго съ нею примиренія и соглашенія; а то, въ чемъ онъ отказывалъ Пруссіи, не могъ онъ уступать и Россіи. Но у насъ не обращали вниманія на факты, на реальныя обстоятельства и условія, а основывались больше на сантиментальныхъ предположеніяхъ, въ силу которыхъ „вѣчная признательность“ Вильгельма I за русскую неизмѣнную дружбу и поддержку въ тяжелый годъ франко-прусской войны понята была въ смыслѣ надежной гарантіи и основы для дальнѣйшей нашей политики. По догадкѣ Бисмарка, у него вынудили прямой отвѣтъ относительно Австріи съ коварною цѣлью подорвать къ нему довѣріе русскаго государя, доказать, что прусская дружба имѣетъ лишь платоническій характеръ, и виновникомъ былъ, разумѣется, князь Горчаковъ;—однако, что было бы, еслибы увѣренность въ содѣйствіи Пруссіи ничѣмъ не была поколеблена, или еслибы самъ Бисмаркъ отвѣчалъ болѣе поощрительно на сдѣланный ему запросъ? Полагаясь на вѣчную признательность прусскаго короля, мы впутались бы въ войну съ Австріею,—войну, которая, очевидно, должна была служить только предисловіемъ къ окончательному разрѣшенію восточнаго вопроса; на этой почвѣ, кромѣ Турціи, мы неминуемо встрѣтили бы и Англію, и слѣдовательно наша дипломатія готова была затѣять борьбу съ цѣлою коалиціею, тогда какъ на дѣлѣ потребовались огромныя и долги усилія, чтобы справиться съ одними турками.

Къ счастью, германскій канцлеръ разрушилъ наши надежды на Пруссію, и мы ограничились походомъ на Балканы; а чтобы заручиться нейтралитетомъ Австро-Венгріи, мы предварительно отдали ей тѣ именно славянскія области, которыя первыя возстали противъ турецкаго ига и ради которыхъ начали войну Сербія и Черногорія, взывавшія къ намъ о помощи; мы отдали подъ австрійскую власть тѣ земли, которыя довѣрчиво ожидали

своего воссоединенія съ родственными славянскими государствами, и мы сдѣлали это безъ спроса заинтересованнаго населенія, путемъ секретной дипломатической конвенціи, заключенной въ январѣ 1877 года подъ условіемъ сохраненія ея въ тайнѣ отъ Берлина. Нѣтъ сомнѣній, что формальное согласіе отдать Боснію и Герцеговину австрійцамъ, выраженное до начала русско-турецкой войны, было бы совершенно немислимо, еслибы наши дипломаты, подобно дипломатамъ иностраннымъ, должны были считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Рейхштадтская конвенція показывала наглядно, что политическіе и національные интересы не существовали или не имѣли большой цѣны въ глазахъ тогдашнихъ руководителей русской политики; чувствовалась только необходимость, съ одной стороны, предпринять что-нибудь, соотвѣтственно всеобщимъ ожиданіямъ, а съ другой — отдѣлаться отъ вѣшнихъ преградъ, мѣшающихъ какимъ-либо предпріятіямъ. Князь Бисмаркъ допытывался у нашихъ дипломатовъ, куда мы собственно идемъ и каковы наши истинныя намѣренія; но никто не могъ сказать ему откровенно, что мы сами этого не знаемъ и, пожалуй, ждемъ указаній отъ германскаго канцлера. „Я нуждаюсь въ разгадкѣ вашей политики, — писалъ онъ въ февралѣ 1877 года русскому послу въ Лондонѣ, графу Петру Шувалову, — ибо мнѣ она недоступна; надо просвѣтлить меня насчетъ подлинныхъ желаній и мыслей, которыя я, какъ видно, плохо понялъ въ прошедшемъ. Не получая никакихъ сообщеній или свѣдѣній, я не сумѣю провести узкую пограничную черту между упреками въ поощреніи Турціи словами миролюбія и подозрѣніями въ коварномъ подстрекательствѣ къ войнѣ. Я подвергался до сихъ поръ перекрестному огню этихъ противоположныхъ обвиненій и не имѣю охоты подвергаться имъ вновь, оставаясь безъ компаса и не видя маяка, который указывалъ бы намъ ту пристань, куда вы думаете направиться“. Графъ Петръ Шуваловъ, въ своемъ отвѣтѣ отъ 25-го февраля (опубликованномъ въ мемуарахъ Бисмарка), не могъ ничего объяснить канцлеру, такъ какъ и самъ былъ „плохо освѣдомленъ о томъ, чего хотятъ въ Петербургѣ“; ему представлялись наиболѣе вѣроятными — отсрочка кризиса и разоруженіе, въ виду обѣщанія султана добровольно осуществить всѣ требуемыя реформы. Остальное содержаніе письма посвящено благоговѣйному, подобострастному превознесенію великаго дѣятеля, удостоившаго русскаго посла своей дружбою: ваше письмо — говоритъ посолъ — „останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей политической карьеры, и я его передамъ въ наслѣд-

ство своему сыну“; еслибы Бисмаркъ поколебался въ своихъ русскихъ симпатіяхъ, то онъ, графъ Шуваловъ, немедленно продалъ бы свои русскіе фонды,—такъ что кредитъ Россіи держится на благосклонности германскаго канцлера, по мнѣнію русскаго дипломата, и это льстивое анти-патріотическое мнѣніе откровенно преподносится Бисмарку, какъ бы взаимнѣ намека на ту пристань, къ которой направляется русская политика.

Узнавъ впоследствии о рейхштадтскомъ соглашеніи, Бисмаркъ естественно долженъ былъ заключить, что наше правительство поставило себѣ очень крупную цѣль и надѣется ея достигнуть; въ противномъ случаѣ не имѣли бы смысла колоссальныя предварительныя уступки въ пользу Австріи. Между тѣмъ, послѣ долгой и трудной войны, мы довольствовались созданіемъ новаго болгарскаго княжества, гдѣ тотчасъ же водворили молодого иностраннаго принца, нѣмецкаго офицера; для Сербіи, Черногоріи и Греціи мы постарались сдѣлать какъ можно меньше, чтобы имѣть потомъ поводъ отсылать ихъ представителей къ вѣнской дипломатіи: „adressez-vous à l'Autriche!“;—а главное, мы сами же признали нужнымъ отдать всѣ достигнутые войною результаты на усмотрѣніе европейскаго конгресса. Когда графъ Петръ Шуваловъ прибылъ къ Бисмарку въ Фридрихсруэ и передалъ ему желаніе Россіи созвать конгрессъ въ Берлинѣ, то канцлеръ, вѣроятно, не нуждался уже въ разгадкѣ русской политики; онъ убѣдился, что никакой обдуманной политики тутъ не было,—не было ни компаса, ни маяка, ни пристани. На конгрессѣ присутствовалъ и князь Горчаковъ, но голосомъ Россіи располагалъ не онъ, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, а подчиненный ему посолъ, графъ Петръ Шуваловъ, пріобрѣвшій большой авторитетъ по своей административной должности, но мало компетентный въ вопросахъ международныхъ; оба они, Горчаковъ и Шуваловъ, были довольно равнодушны къ судьбѣ балканскихъ земель и къ размѣрамъ новыхъ русскихъ пріобрѣтеній, но сознавали, что играютъ предъ Европою роль далеко менѣе почетную и выгодную, чѣмъ представители державъ, не побѣждавшихъ Турціи,—лордъ Биконсфильдъ и графъ Андраши. Князь Горчаковъ не являлся на засѣданія конгресса, когда предстояло обсужденіе спорныхъ или неприятныхъ вопросовъ; онъ не сообщалъ также Бисмарку, что именно желательно Россіи, и потомъ выражалъ неудовольствіе по поводу недостаточной съ его стороны защиты русскихъ интересовъ. Отвѣтственность за всѣ обидныя неудачи русской восточной политики стала мало-по-малу приписываться германскому

канцлеру, хотя характеръ нашихъ дѣйствій и упущеній, какъ и выборъ дѣйствующихъ лицъ, зависѣлъ, конечно, не отъ Берлина... Мы сами вели дѣло въ тому, чтобы плодами нашихъ жертвъ распорядились Австрія и Англія; наши войска разбили Турцію, но были остановлены передъ Константинополемъ по первому грозному слову британскаго министра, такъ какъ главнѣйшей заботою нашей дипломатіи было избѣжаніе непріятныхъ для нея осложненій и споровъ, хотя и не представлявшихъ дѣйствительной опасности для Россіи, но требовавшихъ усиленнаго нервнаго труда и напряженія. Лучшимъ и опытнѣйшимъ политическимъ дѣятелемъ Европы противопоставлены были на конгрессѣ — престарѣлый, разслабленный салонный дипломатъ старой школы, и свѣтскій сановникъ, извѣстный своимъ поклоненіемъ Бисконфильду и Бисмарку; составитель санъ-стефанскаго договора, знатокъ восточныхъ дѣлъ, устраненъ былъ отъ участія въ обсужденіи и пересмотрѣ выработанныхъ имъ условій мира. Наши патріоты во всемъ обвиняли Бисмарка; неудовольствіе противъ него переходило и въ высшія официальныя сферы, что заставило его опасаться враждебныхъ замысловъ и коалицій, въ которыхъ могла бы принять участіе Россія, при неустойчивости и ненадежности ея дипломатіи. Страдая „кошмаромъ коалицій“, германскій канцлеръ успокоился только тогда, когда осенью 1879 года ему удалось заключить оборонительный союзъ съ Австро-Венгріею безъ нарушенія дружественныхъ связей съ русскимъ правительствомъ...

Графъ Петръ Шуваловъ, подобно многимъ другимъ, преклонялся предъ величіемъ Бисмарка; но едва ли онъ правильно судилъ объ источникѣ и причинахъ его исключительнаго авторитета въ Германіи и Европѣ. Бисмаркъ не спалъ ночей отъ страха, что Германія подвергнется какой-либо опасности въ настоящемъ или будущемъ; и истинное величіе его, быть можетъ, лучше всего характеризуется тѣмъ моментомъ, когда онъ въ Никольсбургѣ доведенъ былъ до нервнаго припадка упорнымъ желаніемъ Вильгельма I продолжать побѣдоносный походъ на Вѣну и увеличить территорію Пруссіи. Это былъ особый патріотизмъ, не часто встрѣчающійся у государственныхъ людей другихъ странъ.

Л. Слонимскій.

ПО ПОВОДУ „СЪЪЗДА СЛАВИСТОВЪ“

I.

Весною настоящаго года—съ 10 по 15 апрѣля включительно—происходили въ Петербургѣ совѣщанія „предварительнаго съезда русскихъ филологовъ“, точнѣе: „предварительнаго комитета по устройству въ С.-Петербургѣ съезда специалистовъ по славянской филологіи и исторіи, для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ по славяновѣдѣнію“.

Когда, съ нѣкоторыхъ поръ, въ разныхъ городахъ Европы собираются представители германской или же романской филологіи, эти ихъ съезды или конгрессы не возбуждаютъ ничьихъ подозрѣній и считаются тѣмъ, чѣмъ они есть на дѣлѣ, т.-е. собраніями ученыхъ, совѣщающихся по вопросамъ ихъ специальностей. Самою естественною поэтому кажется мысль устройства такихъ же съездовъ по части славянской филологіи. И вотъ, руководствуясь подобною мыслью, чешскіе слависты задумали въ 1899 г. устройство международнаго „съезда славянскихъ филологовъ“, намѣреваясь созвать его въ Прагѣ въ 1901 г. или 1902 г. Однакожь этому научному предпріятію не суждено было осуществиться, частью по разнымъ личнымъ соображеніямъ, частью же потому, что въ рѣшающихъ вѣнскихъ сферахъ слово „славистъ“, путемъ ассоціаціи звукового сходства, вызываетъ всегда представленіе столь страшнаго для нихъ „панслависта“. Но мысль о желательности и научной пользѣ съезда представителей славянской филологіи не была покинута, и наконецъ, — по настоянію, кажется, прежде всего кіевскаго профессора Т. Д. Флоринскаго, — второе отдѣленіе императорской академіи наукъ рѣшилось взять на себя эту задачу.

Международный съездъ славянскихъ филологовъ и историковъ дол-

женъ состояться осенью будущаго 1904 года; пока же его предтечей явился съездъ однихъ только русскихъ представителей этихъ наукъ.

Официальное названіе предварительнаго съезда можетъ давать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Былъ ли этотъ съездъ дѣйствительно „съездомъ русскихъ филологовъ“? Принимали ли въ немъ участіе всевозможные „русскіе филологи“ и только „филологи“? Входили ли въ его составъ „филологи“, занимающіеся изученіемъ древнихъ грековъ и римлянъ, т.-е. такъ называемые „классическіе филологи“? Участвовали ли въ немъ такъ называемые „филологи-ориенталисты“, т.-е. „филологи“, занимающіеся изслѣдованіемъ народовъ и племенъ Азии, Африки и т. д.? Да, они могли въ немъ участвовать, но только въ такомъ случаѣ, если ихъ ученныя работы такъ или иначе соприкасаются съ славянскимъ міромъ. Съ другой стороны, въ составѣ съезда были не одни только „филологи“, но также люди, къ которымъ обыкновенно не примѣняется эта вличка. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія названіе минушаго съезда было и слишкомъ обширно, и слишкомъ узко.

Затѣмъ, хотя въ съездѣ принимало участіе подавляющее большинство русскихъ, но все-таки это не были исключительно „русскіе“, ни съ государственной, ни съ національной точки зрѣнія. Кромѣ русскихъ тамъ были поляки, сербы, хорваты, болгаре, чехи, словинцы, нѣмцы, финны и др., всѣ, правда, въ весьма незначительномъ количествѣ.

Наконецъ, и опредѣленіе „предварительный“ не вполне подходитъ къ названію „съездъ русскихъ филологовъ“, если этотъ съездъ, какъ „съездъ русскихъ филологовъ“, является въ этомъ смыслѣ первымъ и послѣднимъ, и если слѣдующій съездъ будетъ съездомъ не „русскихъ филологовъ“, но „международнымъ съездомъ славянскихъ филологовъ и историковъ“.

Всѣ эти, неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ, недоумѣнія и противорѣчія объясняются очень просто слѣдующимъ соображеніемъ:

Устройствомъ будущаго съезда славистовъ занимается отдѣленіе *рускаго* языка и словесности императорской академіи наукъ. Какъ учрежденіе, вполне компетентное по этой части, отдѣленіе могло исполнить взятую на себя задачу, не спрашивая ничего посторонняго совѣта. Тѣмъ не менѣе оно пожелало выслушать и принять къ свѣдѣнію и руководству мнѣніе специалистовъ и людей, интересующихся предстоящимъ научнымъ предпріятіемъ, но пока только въ предѣлахъ Россіи. На предварительный, хозяйственный и организаторскій, съездъ отдѣленіе пригласило всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся русскихъ работниковъ въ области славяновѣдѣнія и соприкасающихся съ нимъ наукъ, то-есть, прежде всего профессоровъ и уни-

верситетскихъ преподавателей разныхъ отдѣловъ славянской филологіи, языковѣдѣнія, исторіи и т. д., затѣмъ разныхъ другихъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, причастныхъ этимъ наукамъ, и, наконецъ, даже иностранцевъ, находящихся случайно въ Петербургѣ и могущихъ дать полезныя совѣты и указанія. Второе отдѣленіе академіи наукъ обратилось также въ историко-филологическіе факультеты университетовъ и въ другія учрежденія съ просьбой прислать на съѣздъ своихъ представителей. Не забыть былъ при этомъ и гельсингфорскій университетъ, представителемъ котораго явился извѣстный лингвистъ-славистъ, І. А. Миккола. Изъ-за границы былъ приглашенъ отдѣленіемъ только его сочленъ, вѣнскій профессоръ и академикъ, И. В. Ягичъ. Ему, какъ безспорно самому всестороннему и самому выдающемуся между современными славистами, и пришлось быть главнымъ представителемъ съѣзда, рядомъ съ мѣстными академиками, А. Н. Пыпинымъ и В. И. Ламанскимъ.

Однимъ словомъ, отдѣленіе *русскаго* языка и словесности академіи наукъ, какъ хозяинъ, взяло себѣ въ помощники разныхъ другихъ ученыхъ пока только въ предѣлахъ Россіи, для того чтобы обдумать и установить самый подходящий способъ созыва гостей-участниковъ будущаго съѣзда,—и устроенный съ этою цѣлью съѣздъ оно назвало „предварительнымъ съѣздомъ *русскихъ* филологовъ“. Не въ названіи дѣло, а въ содержаніи.

Какъ названіе оконченнаго „предварительнаго“ съѣзда, такъ же точно названіе предстоящаго ученаго съѣзда можетъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ. Нѣкоторые величаютъ его просто „*всеславянскимъ*“ (чуть-чуть не „панславистическимъ“) съѣздомъ; другимъ нравится названіе: „*всеславянской* съѣздъ специалистовъ по славянской филологіи и исторіи“; опять другіе желали бы имѣть съѣздъ „представителей *славянской* науки“ или же „*международный* съѣздъ *славянскихъ* филологовъ и историковъ“. И вотъ все это названія далеко не точныя. „*Всеславянскости*“ здѣсь никакой не полагается. Какъ самыя ярыя „*Alldeutsche*“ не допускаются на съѣзды германистовъ или германскихъ филологовъ, точно такъ же нѣтъ мѣста на предстоящемъ съѣздѣ самымъ даже громогласнымъ „всеславянамъ“, если бы они пожелали участвовать въ немъ во имя своего „всеславянства“, и если бы за ними не числилось никакихъ научныхъ заслугъ.

Конечно, изученіемъ „славянства“ во всѣхъ его проявленіяхъ занимаются по преимуществу „славяне“, такъ что и на предстоящемъ съѣздѣ большинство будетъ состоять изъ ученыхъ „славянскаго“ происхожденія; но вѣдь мыслимъ и такой случай, когда изученіемъ извѣстнаго племени занимаются какъ разъ иноплеменники. Это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, при изученіи разныхъ такъ называемыхъ „некуль-

турныхъ“ племень Африки, Азии, Америки, Австралии и даже Европы. Въ виду этого возможенъ былъ бы съездъ славистовъ не-славянъ.

Затѣмъ, невозможно говорить о „славянской“ или „всеславянской“ наукѣ. Кромѣ пустого звука названіе это ничего изъ себя не изображаетъ. Я лично знаю только одну науку, общечеловѣческую, и не признаю вовсе ни нѣмецкой, ни французской, ни русской, ни какой бы то ни было національной науки, а ужъ и подавно нельзя допускать племенныхъ наукъ: науки романской, германской, славянской... Если же и говорится, напримѣръ, о нѣмецкой или русской наукѣ, то имѣется при этомъ въ виду совокупность всѣхъ наукъ, разрабатываемыхъ представителями данной народности или же національности. Вклады въ такъ называемую „русскую науку“ дѣлаются и математиками, и химиками, и естествоиспытателями вообще, и социологами и т. д., а не одними только *русскими* филологами *русскаго* происхожденія. Сообразно со всѣмъ этимъ, выраженіе „славянскіе филологи и историки“ въ названіи предстоящаго съезда значить не „филологи и историки“ „славянскаго происхожденія“, но „всѣ занимающіеся изученіемъ славянства“, какового бы они ни были происхожденія.

Самыми подходящими названіями для будущаго съезда, названіями, вполне соответствующими его исключительно научному характеру, могли бы быть: „*международный съездъ славистовъ*“, „*международный съездъ представителей славяновѣдѣнія*“ или т. п. Вполнѣ же точно соответствовать назначенію этого съезда слѣдующее опредѣленіе:

„Съездъ ученыхъ, занимающихся *ислѣдованіемъ* проявленій социально-психической жизни тѣхъ разнообразныхъ группъ людей, которые объединяются въ одно цѣлое, въ отличіе отъ другихъ подобныхъ группъ, — очевиднымъ сходствомъ свойственныхъ имъ *славянскихъ* языковъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова“.

Въ съездѣ примутъ участіе не только „славянскіе“ филологи, но также „славянскіе“ историки, т. е. люди, занимающіеся изученіемъ исторіи отдѣльныхъ славянскихъ государствъ, племенъ и народовъ. По мнѣнію многихъ, „такому расширенію программы нельзя не сочувствовать“. Мнѣ кажется однакожь, что именно это расширеніе программы будетъ до извѣстной степени мѣшать успѣху съезда. Съездъ будетъ слишкомъ многочисленъ и возьметъ на себя слишкомъ много задачъ. Историки должны бы съѣзжаться отдѣльно или, по крайней мѣрѣ, образовать параллельные одновременные съезды. Отъ этого раздѣленія труда выиграло бы дѣло и историковъ, и филологовъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, этому требованію будетъ удовлетворено до извѣстной степени образованіемъ особой исторической секціи съезда.

При этой же исторической секціи должна образоваться особая балтійская или литво-латышская подсекція, посвященная разсмотрѣнію

всѣхъ проявленій соціально-психической жизни племени аистскаго или балтійскаго (литовско-латышско-древнепрускаго).

II.

Одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ химиковъ,—когда прѣхавшій къ нему учиться иностранецъ сталъ извиняться въ плохомъ знаніи французскаго языка,—отвѣтилъ: „Monsieur, parmi les gens de science il n'y a pas des mots, il y a des idées“ (между людьми науки лишни слова и можно довольствоваться идеями). Къ сожалѣнію, несмотря на „bon mot“ французскаго химика, даже въ столь скупой на слова наукѣ, какъ математика, это пока недостижимый идеаль, и все еще всѣмъ людямъ науки приходится прибѣгать къ посредству языка, точнѣе говоря, къ посредству различныхъ языковъ. И вотъ и передъ устроителями будущаго съѣзда „славянскихъ филологовъ“ предсталъ вопросъ, на какомъ языкѣ или же на какихъ языкахъ должны вершиться доклады и пренія этого съѣзда.

Было бы весьма желательно и отраднo, если бы всѣ не-русскіе участники будущаго съѣзда, по крайней мѣрѣ всѣ „славяне“, могли изъясняться по-русски, и еслибы многоязычіе докладовъ обусловливалось еще двумя-тремя общераспространенными языками въ устахъ ученыхъ не-славянскаго происхожденія. Но,—опять таки къ сожалѣнію,—недостаточное практическое знаніе русскаго языка не только между ино-славянскими историками, но даже между ино-славянскими филологами, есть неоспоримый фактъ, съ которымъ приходится считаться каждому здравомыслящему человѣку. А если созывать славянскихъ филологовъ и историковъ со всѣхъ концовъ міра, такъ надо же дать имъ возможность высказаться.

Руководствуясь этими вполнѣ разумными и гуманными соображеніями, второе отдѣленіе императорской академіи наукъ предложило, чтобы рефераты на будущемъ съѣздѣ читались на всѣхъ славянскихъ *нарѣчіяхъ*, а также на французскомъ и нѣмецкомъ *языкахъ*, и это предложеніе разсматривалось и обсуждалось подробно на минувшемъ „предварительномъ съѣздѣ русскихъ филологовъ“. Надо отдать справедливость этому съѣзду, что онъ не только не съузиль языко-терминности, характеризующей предложеніе академіи, но даже ее расширилъ, допустивъ для докладовъ и преній будущаго съѣзда славистовъ, рядомъ со всѣми славянскими нарѣчіями и рядомъ съ языками нѣмецкимъ и французскимъ, еще языки англійскій и итальянскій.

Это принципиальное многоязычіе не должно никого удивлять или же вызывать ироническую улыбку. Славянскою филологіей и исторіей

славянскихъ народовъ могутъ вѣдь заниматься и не-славяне, не владѣющіе свободно ни однимъ славянскимъ языкомъ, и которымъ, стало быть, придется излагать свои мысли на одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ языковъ германскихъ или же романскихъ. Что же касается самихъ славянскихъ „языковъ“ или „нарѣчій“, то, конечно, можно бы сослаться на примѣръ аналогичныхъ съѣздовъ германистовъ (германскихъ филологовъ) и романистовъ (романскихъ филологовъ). На международныхъ съѣздахъ германистовъ исключаются *фактически* доклады и пренія на языкахъ скандинавскихъ или же на языкѣ голландскомъ, а на международныхъ съѣздахъ романистовъ никто *фактически* не докладываетъ по-испански или же по-румынски, — но это только потому, что нѣтъ ни одного мало-мальски выдающагося германиста или романиста (хотя бы онъ самъ былъ не-германскаго и не-романскаго происхожденія), который не владѣлъ бы однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ романо-германскихъ языковъ. Между тѣмъ въ мірѣ славянскомъ нѣтъ до сихъ поръ ни одного общепонятнаго литературнаго языка, ни даже такой пары языковъ, какою въ мірѣ германскомъ являются языки нѣмецкій и англійскій, а въ мірѣ романскомъ — языки французскій и итальянскій.

Нѣкоторые (въ томъ числѣ и предсѣдательствовавшій И. В. Ягичъ) предлагали допускать многоязычїе только въ собранїяхъ отдѣльныхъ секцій, ограничиваясь на общихъ собранїяхъ исключительно русскимъ языкомъ; но и это немисливо въ виду того, что общепонятные вопросы могутъ быть какъ разъ затронуты французскими или же нѣмецкими учеными, не владѣющими въ достаточной степени русскимъ языкомъ.

Въ примѣненїи къ славянскимъ языкамъ была допущена извѣстная неопредѣленность: разъ ихъ называли „славянскими нарѣчїями“, другой разъ величали „славянскими языками“. Но это совершенно все равно; въ этомъ примѣненїи, между „языкомъ“ и „нарѣчїемъ“ нѣтъ ни малѣйшаго различїя. Ради полной точности и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдовало сказать: „доклады и пренія допускаются на всѣхъ *литературныхъ* славянскихъ языкахъ“. „Литературность“ является здѣсь непремѣннымъ условїемъ, ибо вѣдь въ съѣздѣ будутъ принимать участіе исключительно люди грамотные и прошедшіе извѣстную школу. Какіе же существуютъ „литературные“ славянскіе языки, это опредѣляется не симпатїями и антипатїями языковыхъ фанатиковъ, но самою жизнью.

Въ этомъ смыслѣ никто не имѣетъ права не признавать существованїя и равноправности, напримѣръ, малорусскаго (українскаго) или, по крайней мѣрѣ, галицко-русскаго языка. Хотя языкъ этотъ мозолитъ глаза нѣкоторымъ ревнителямъ и объединителямъ, но онъ все-таки суще-

ствуеть. А появился онъ и развился не благодаря капризу и желанію дразнить разныхъ человѣконенавистниковъ, но въ силу извѣстныхъ историческихъ условій. Господамъ „славянскимъ историкамъ“ не мѣшало бы понять это и... великодушно простить.

Недавно прїѣзжалъ въ Петербургъ одинъ галицко-русскій филологъ, понимавшій по-великорусски только съ грѣхомъ по поламъ. Присутствуя въ одномъ изъ засѣданій археологическаго общества, онъ принялъ участіе въ преніяхъ, но попросилъ позволенія сдѣлать это на своемъ языкѣ. На этого львовскаго ученаго русскій языкъ производилъ впечатлѣніе „испорченнаго“ малорусскаго. Все зависитъ отъ предварительной подготовки и отъ угла, подъ которымъ мы смотримъ на вещи.

Было бы довольно странно, еслибы второе отдѣленіе академіи наукъ, пригласивъ заграничныхъ ученыхъ, вздумало нѣкоторымъ изъ нихъ зажимать ротъ, развѣшивая, напримѣръ, предостереженія въ родѣ: „говорить по-малорусски строго воспрещается“. Это дѣло не ученыхъ учреждений. Настоящая свободная наука должна быть чужда всякаго фанатизма и можетъ существовать только при условіи взаимныхъ уступокъ и полной равноправности. Кто же возмущается равноправностью, пусть отправляется въ Кишиневъ и пусть устраиваетъ травлю иновѣрцевъ и иноязычниковъ. Рто-зажимательной угрюмъ-бурчеевщинѣ нѣтъ мѣста въ ученыхъ собраніяхъ; она можетъ пріютиться въ разныхъ другихъ почтенныхъ вѣдомствахъ.

Различеніе „языковъ“, какъ языковъ привилегированныхъ, и „нарѣчій“, какъ языковъ второстепеннаго достоинства, является отголоскомъ средневѣковаго различенія „языка“, языка въ полномъ смыслѣ этого слова, „языка“ господствующаго и единственно литературнаго, то есть языка „латинскаго“, и языковъ „мужицкихъ“ или „мѣстныхъ“. Одна римская, католическая церковь (ecclesia romana), какъ наследница римской имперіи съ притязаніями на всемірное господство, и одинъ общій, единоспасающій латинскій языкъ (lingua latina),—а все остальное „linguae vulgares“, „нарѣчія“, „жаргоны“, терпимые, но презираемые! Рядомъ съ „первымъ Римомъ“ появился „Римъ второй“, „Римъ третій“, „четвертый“... и все съ тѣми же затѣями, съ тою же нетерпимостью, съ тѣми же стремленіемъ къ объединенію. Но мы, современники, вышли уже изъ этого языко-пожирательнаго состоянія и, по крайней мѣрѣ въ области науки, держимся принципиально изреченія: „всякъ языкъ да исповѣдуетъ Бога“. „Всякъ языкъ да раздается на международномъ съѣздѣ славистовъ“.

Такъ принципиально и юридически; иначе будетъ въ исполненіи и фактически. Фактическое же ограниченіе многоязычія будетъ достигнуто не запретами и карательными мѣрами, а единственно только

„благоразуміемъ докладчиковъ“. Приглашенные академіей наукъ, какъ гости этого высшаго въ Россіи ученаго учрежденія, они будутъ старательно избѣгать всякихъ скандаловъ и изъ употребленія того или другого языка не будутъ дѣлать политической демонстраціи. Въ выборѣ того или другого языка для собственныхъ рефератовъ и возраженій они будутъ руководствоваться, во-первыхъ, собственными знаніями, во-вторыхъ же, желаніемъ, чтобы рѣчь ихъ не была „гласомъ вопіющаго въ пустынь“. Рѣшающею явится здѣсь экономическая и общественная точка зрѣнія. Люди съѣдутся для того, чтобы понимать другъ друга и обмѣняться мыслями, и затѣмъ чтобы достигнуть этого при возможно меньшей потерѣ силъ и времени.

Положимъ, что въ исторической секціи захочетъ докладывать галицкій русскій, не говорящій по-великорусски, но за то говорящій по-малорусски, по-польски и, конечно, по-нѣмецки. Положимъ, что, уже по личнымъ соображеніямъ, онъ исключитъ польскій языкъ; останутся, стало-быть, малорусскій и нѣмецкій. Тогда онъ вѣроятно попроситъ собраніе высказаться, на какомъ языкѣ ему слѣдуетъ говорить. Кажалось бы, что предпочтеніе должно быть дано нѣмецкому. Но вѣдь можетъ случиться, что тотъ или другой историкъ (напримѣръ, изъ Россіи) не понимаетъ въ достаточной степени по-нѣмецки; а между тѣмъ докладъ на близкомъ великорусскому малорусскомъ языкѣ будетъ болѣе или менѣе понятенъ для каждаго русскаго. Ну, и конечно придется докладывать по-малорусски.

Надо, однакожь, полагать, что такіе случаи будутъ весьма рѣдки, точно также какъ наврядъ ли участники съѣзда будутъ прибѣгать публично къ языку сербо-лужицкому, словацкому, словенскому и даже болгарскому. Если и будутъ доклады и пренія на другихъ славянскихъ языкахъ (крошъ русскаго), такъ это развѣ на польскомъ, на чешскомъ и на сербо-хорватскомъ.

Языкомъ дѣлопроизводства съѣзда будетъ, конечно, русскій языкъ. Точно также на этомъ языкѣ будутъ провозглашаться торжественныя рѣчи (открытіе, закрытіе, разныя привѣтствія и т. п.). Это вполне согласуется съ принципомъ, высказаннымъ въ программѣ съѣзда, предполагавшагося въ Прагѣ. Тамъ языкомъ дѣлопроизводства долженъ былъ быть чешскій языкъ. Точно также, если, съ легкой руки Петербурга, послѣдуютъ другіе „международные съѣзды славистовъ“, языкомъ дѣлопроизводства будетъ всегда языкъ данной страны и даннаго народа: въ Загребѣ—сербо-хорватскій, въ Бѣлградѣ—сербо-хорватскій, въ Софіи—болгарскій, въ Люблянѣ—словенскій, въ Краковѣ—польскій, въ Вѣнѣ и Берлинѣ—нѣмецкій.

А соберется ли когда-либо „международный съѣздъ славистовъ“ во Львовѣ или же въ Варшавѣ?

III.

Самымъ важнымъ научнымъ вопросомъ, обсужденіе котораго было поставлено на очередь занятій какъ минувшаго, такъ и будущаго съезда, слѣдуетъ признать вопросъ о составленіи и изданіи „Энциклопедіи славяновѣдѣнія“ или сжатаго очерка научныхъ данныхъ, входящихъ въ составъ понятія „славянской филологіи“, т.-е. разныхъ наукъ (языковѣдѣнія, антропологи, этнографіи, литературы, социологи и даже исторіи), поскольку матеріаломъ этихъ наукъ служатъ проявленія соціально-психической жизни людей, говорящихъ и говорившихъ на славянскихъ языкахъ.

Починъ этого предпріятія принадлежитъ всецѣло И. В. Ягичу, задумавшему еще въ 1894 и начавшему въ 1895 году разсылать приглашенія къ разнымъ славистамъ, съ просьбою принять участіе въ этомъ коллективномъ сочиненіи. Это долженъ былъ быть „Grundriss der slawischen Philologie“ (только филологіи, съ исключеніемъ исторіи), конечно на нѣмецкомъ языкѣ, и онъ оказалъ бы несомнѣнно большую пользу, на подобіе столькихъ другихъ Grundriss'овъ, издаваемыхъ въ Германіи по разнымъ „филологіямъ“ и другимъ областямъ знанія. Многіе откликнулись на это приглашеніе и обѣщали свое сотрудничество, но только двое исполнили свое обѣщаніе. И тутъ нечего винить „общія условія“, „въ которыхъ живетъ современное славянство“, нечего винить „отсутствіе культурнаго общенія между отдѣльными славянскими народами“, „неимѣніе общаго литературнаго языка“ и т. д. Все это встрѣчается болѣе или менѣе также и въ германскомъ, и въ романскомъ мірѣ, а однакожь появились же „Grundriss“ы и романской, и германской, и арійской и т. д. „филологіи“.

Что касается одного „общаго литературнаго языка“, то вѣдь его не имѣется тоже ни въ романскомъ, ни въ германскомъ мірѣ; въ данномъ же случаѣ, для задуманнаго Ягичемъ „Grundriss“а, было ясно указано на „общій литературный языкъ“ изданія—языкъ нѣмецкій.

Однимъ словомъ, все это просто предлоги, а настоящею причиною неудачи предпріятія Ягича былъ, во-первыхъ, недостатокъ надлежащимъ образомъ подготовленныхъ работниковъ, затѣмъ отсутствіе необходимаго для подобной работы досуга у наличныхъ специалистовъ и, наконецъ, насколько дѣло касается природныхъ „славянъ“, можетъ быть, и неумѣнье сосредоточенно работать, равно какъ и извѣстная лѣнь и отсутствіе стойкости, свойственное этому „столь богато отъ природы одаренному племени“.

Неудавшееся И. В. Ягичу коллективное научное предприятие было включено пражскими славистами въ программу задуманнаго ими съезда, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ съездомъ вторично похоронено. Теперь наконецъ можемъ надѣяться, что, воскресши въ программѣ съезда, устраиваемаго вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ, оно начнетъ постепенно осуществляться.

Было бы, однакоже, большою ошибкой думать, что изданіе „Энциклопедіи славяновѣднія“, по своему замыслу, исполненію и послѣдствіямъ, есть „настоящее общеславянское научное предприятие“. Оно есть предприятие не только „общеславянское“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое, что, по моему, несравненно важнѣе. Вѣдь въ составленіи этой „Энциклопедіи“ или „Компендіума“ примутъ участіе не одни только славянскіе ученые, но непременно также ученые другихъ націй: прежде всего нѣмцы (изъ Германіи, Австріи и, можетъ быть, Швейцаріи), затѣмъ, французы, скандинавы, финны, литовцы, мадьяры и другіе.

Нельзя также утверждать, что „энциклопедія укажетъ Европѣ важность славянской науки“. Не въ „Европѣ“ тутъ дѣло и не въ „славянской наукѣ“, а въ томъ, что такое многообъемлющее сочиненіе облегчитъ успѣшныя занятія славянскою *филологіей* во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, а ничуть не „славянскою наукой“.

Затѣмъ, не мѣшаетъ помнить, что „Энциклопедія славяновѣднія“ издается не для *общенія* славянъ между собою (громадному большинству даже высоко-образованныхъ „славянъ“ нѣтъ никакого дѣла до „славянской филологіи“), а для строго научныхъ цѣлей, одинаково преслѣдуемыхъ специалистами изъ „славянъ“ и изъ „не-славянъ“.

Нахожденіе этого научнаго, общечеловѣческаго предприятия въ рукахъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ является лучшимъ ручательствомъ, что оно во всѣхъ своихъ частяхъ и отдѣлахъ (со включеніемъ отдѣла историческаго) будетъ вполне свободно отъ всякой ненаучной примѣси, отъ всякой тенденціозности.

Много было толковъ по поводу языка, на которомъ должна быть издана „Энциклопедія славяновѣднія“. При первоначальныхъ совѣщаніяхъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до минувшаго „съезда русскихъ филологовъ“, было высказано мнѣніе, что подобное коллективное сочиненіе можетъ быть многоязычнымъ, то-есть состоятъ изъ статей и разсужденій, напечатанныхъ въ подлинномъ видѣ на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которыми воспользуются разноязычные сотрудники. Но, несмотря на всю гуманность и благородство подобной постановки дѣла, многія практическія соображенія заставили отказаться отъ нея. Одноязычье каждой книги или же изданія составляетъ его неоспоримое достоин-

ство. Поэтому-то второе отдѣленіе академіи остановилось на русскомъ языкѣ, предоставляя всѣмъ полную свободу переводовъ и предлагая авторамъ, статьи которыхъ войдутъ въ составъ энциклопедіи въ русскомъ переводѣ съ ихъ не-русскихъ подлинниковъ, печатать, по желанію, вмѣсто гонорара, также эти подлинники, подъ названіемъ отдѣльных оттисковъ.

При возникшихъ по этому поводу преніяхъ на минувшемъ съѣздѣ русскихъ филологовъ былъ, между прочимъ, предложенъ латинскій языкъ, но предложеніе это, какъ неисполнимое, было отклонено почти единогласно. Не желая задѣвать ничьего самолюбія, т.-е. не давая предпочтенія ни одному племенному или народному языку, можно было предложить или „всемирный“ языкъ *воланжъ*, или же „международный“ языкъ *эсперанто*.

Многіе обрушились (конечно, не на съѣздѣ, но въ разговорахъ и въ печати) на профессоровъ Гетца (Goetz) и Милюкова за предложеніе воспользоваться для „Энциклопедіи“ нѣмецкимъ языкомъ. Однакоже, вызванное этимъ предложеніемъ, искреннее или же притворное, „негодование“ лишено, по-моему, всякаго основанія. Даже не осажда еовенской крѣпости и не распѣвая нѣмецкихъ шансонетовъ изъ категоріи „Wacht am Rhein“ или же „Громъ побѣды раздавайся“, можно было съ чистою совѣстью, по исключительно научнымъ и практическимъ соображеніямъ, предложить нѣмецкій языкъ. Появившіяся по этому поводу въ газетахъ нападки и издѣвательства не дѣлаютъ чести ихъ авторамъ.

Выборъ *русскаго* языка для предпринятаго академіей наукъ изданія объясняется весьма просто. Это вѣдь будетъ изданіе „отдѣленія *русскаго* языка и словесности“ *русской* академіи наукъ. Трудно же было бы требовать, напримѣръ, отъ берлинской академіи наукъ изданія подобнаго обширнаго труда—не говорю уже на русскомъ, но хотя бы даже на французскомъ или англійскомъ языкѣ. Да, кромѣ того, и съ практической точки зрѣнія изданіе „Энциклопедіи славяновѣднія“ на русскомъ языкѣ не будетъ вовсе предпріятіемъ убыточнымъ и исключительно „патріотическимъ“. Прежде всего не слѣдуетъ забывать о непрерывномъ спросѣ на подобное сочиненіе со стороны русскихъ специалистовъ и студентовъ русскихъ университетовъ. Но и кромѣ того изданіе это разойдется въ довольно значительномъ количествѣ и за предѣлами Россіи. Оно вѣдь предназначается для людей специально образованныхъ, для лингвистовъ, для филологовъ и др., изъ которыхъ многіе знаютъ русскій языкъ въ достаточной для чтенія и пониманія книгъ степени.

Конечно, если только русская „Энциклопедія славяновѣднія“ выйдетъ книгою удачной, ее постараются перевести, передѣлать, допол-

нить и издать на нѣмецкомъ языкѣ. Но и новое нѣмецкое изданіе не сдѣлаетъ вовсе лишнимъ первоначальнаго русскаго изданія.

Напрасно нѣкоторые „патріоты своего отечества“ торжествуютъ и ликуютъ отъ мысли о „русскомъ языкѣ“ „Энциклопедіи“. Такое рѣшеніе было сдѣлано не имъ въ угоду. А наврядъ ли отъ появленія въ свѣтъ „Энциклопедіи“ расширится особенно знаніе русскаго языка. Не много найдется иностранныхъ ученыхъ, — не говоря уже объ обыкновенной публикѣ, — которые начнутъ изучать русскій языкъ ради одной этой „Энциклопедіи славяновѣдѣнія“. Этою „Энциклопедіей“ будутъ пользоваться знающіе русскій языкъ, а такихъ теперь довольно много, даже въ Америкѣ. Распространенію же русскаго, языка далеко за предѣлами Россіи способствовали гораздо больше глашатаи общечеловѣческихъ идеаловъ, съ великимъ Львомъ Николаевичемъ во главѣ, нежели Катковы и разныя, къ несчастію, столь многочисленныя подстрекатели, апостолы чловѣконенавистничества и болѣе или менѣе убѣжденные палачи и истребители.

IV.

На минувшемъ „съѣздѣ русскихъ филологовъ“ указывалось, между прочимъ, на „важность самой науки славяновѣдѣнія въ ряду другихъ историко-филологическихъ наукъ“. Между тѣмъ никакой такой науки не существуетъ, а такъ называемое „славяновѣдѣніе“ или „славянская филологія“ состоитъ изъ осколковъ разныхъ наукъ, или же изъ свода упражненій чловѣческаго ума въ разныхъ направленіяхъ, примѣнительно къ славянскимъ племенамъ. „Славянскія же племена“ обособляются какъ нѣчто своеобразное, въ различіи отъ остальнаго чловѣчества, единственно со стороны языка. Не только со стороны антропологической или „расовой“, но также со стороны особенностей бытовыхъ, со стороны народнаго міровоззрѣнія, со стороны народной словесности и литературы, со стороны историческихъ судебъ и т. д., напримѣръ, болгарское племя гораздо ближе другимъ, окружающимъ его племенамъ не-славянскаго происхожденія, нежели, напримѣръ, племени польскому или же чешскому. Существуетъ одинъ общій славянскій *языковой, лингвистическій міръ*, но не существуетъ вовсе особаго славянскаго міра съ точки зрѣнія антропологии, археологии, этнографіи, литературы и „всеобщей“ исторіи. „Особенная близость всѣхъ славянскихъ народовъ между собою въ этнографическомъ и историко-культурномъ отношеніи, близость, дающая-де много основаній разсматривать ихъ какъ одно цѣлое, какъ *одинъ организм* (!), какъ опре-

дѣленный историко-культурный типъ“, есть просто ни на чемъ не основанный призракъ и продуктъ самовнушенія. По ложной ассоціаціи идей, близость языковъ, нарѣчій и говоровъ переносится на другія проявленія социально-психической жизни, и отсюда цѣлый рядъ ложныхъ умозаключеній.

Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій языкового родства явился такъ называемый „панславизмъ“, параллельный возникшимъ и возникающимъ въ разное время: „пангерманизму“, „панроманизму“, „панкельтизму“ и другимъ тому подобнымъ „панизмамъ“. До сихъ поръ, однакожъ, „панславизмъ“ играетъ только роль, съ одной стороны, весьма удобнаго союзника въ борьбѣ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ за ихъ національныя права (конечно, въ государствахъ „не-славянскихъ“), съ другой же стороны—пугала, которымъ такъ называемыя „враги“ славянства устрашаютъ самихъ себя и свои правительства. Какъ поворная для такъ называемаго „христіанскаго“ человѣчества язва антисемитизма больше всего способствуетъ сплоченію евреевъ и развитію „паньюдаизма“, такъ же точно подобнымъ объединяющимъ факторомъ по отношенію къ славянамъ является съ нѣкоторыхъ поръ „антиславизмъ“. Можемъ, однакоже, надѣяться, что юный „антиславизмъ“ и юный „панславизмъ“ никогда не породятъ вѣроисповѣдно-племенного общеславянскаго фанатизма, и что „славяне“ за то только, что они „славяне“, не будутъ подвергаться повальнымъ гоненіямъ и истребленіямъ.

Изъ предшествующаго явствуетъ, что я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ, будто бы „обстоятельное и точное ознакомленіе съ роднымъ племенемъ во всемъ его разнообразіи представляетъ такую же первостепенную задачу въ нашихъ стремленіяхъ къ знанію, какъ и всестороннее изученіе роднаго народа, такъ какъ послѣднее можетъ быть полнымъ и обстоятельнымъ только при условіи полноты и обстоятельности изученія всего племени“. Въ переводѣ на болѣе простой языкъ это значитъ, что, напримѣръ, русскій, „стремящійся къ знанію“, долженъ, кромѣ русской грамматики, русской литературы, русской исторіи и т. д., изучать то же грамматики, литературы и исторіи всѣхъ славянскихъ племенъ и народовъ. А такъ какъ опять „всестороннее изученіе роднаго племени“ (въ данномъ случаѣ славянскаго) можетъ быть „полнымъ и обстоятельнымъ“ „только при условіи полноты и обстоятельности изученія всей родственной отрасли“ (въ данномъ случаѣ всѣхъ индо-европейскихъ племенъ и народовъ) и т. д., то, подвигаясь послѣдовательно въ томъ же направленіи, мы станемъ требовать отъ „стремящихся къ знанію“ усвоенія всѣхъ языковъ, всѣхъ литературъ, всѣхъ „исторій“ земнаго шара. Но исполнима ли и же-

лательна ли подобная филологическая препарировка умовъ, „стремящихся къ знанію“?

Отъ „стремленій къ знанію“—маленькое уклоненіе въ область „чувствъ“ вообще и „любви“ въ особенности.

Въ первомъ же секціонномъ засѣданіи минувшаго съѣзда В. Д. Спасовичъ заявилъ, между прочимъ, что „Славянское благотворительное общество не пользуется симпатіями“.

Пожалуй, это было заявленіе лишнее¹ и для нѣкоторыхъ господъ нежелательное; но почему же бывшіе на лицо въ томъ же засѣданіи представители „Славянскаго благотворительнаго общества“ не протестовали тутъ же, въ присутствіи г. Спасовича, а предпочли составить черезъ нѣсколько дней высоторжественный протестъ? Этотъ запоздалый протестъ напоминаетъ столь мѣтко охарактеризованный французами „l'esprit d'escalier“. Но развѣ можно претендовать на кого бы то ни было за то, что онъ не питаетъ симпатій къ „Славянскому благотворительному обществу“? Вѣдь насильно милъ не будешь. И чѣмъ же такъ особенно „Славянское благотворительное общество“ „облагодворяло“ варшавскихъ поляковъ, что эти послѣдніе должны его непремѣнно „любить“?

По поводу заявленія В. Д. Спасовича, и онъ самъ, и его довѣрители обвинялись нѣкоторыми членами „Славянскаго благотворительнаго общества“ въ томъ, что они не „любятъ“ русскихъ. Но, во-первыхъ, развѣ можно отождествлять „Славянское благотворительное общество“ со всеми русскими? а во-вторыхъ, можно ли „не-любовь“ къ русскимъ считать какимъ-то противозаконнымъ, возмутительнымъ явленіемъ? И за что же варшавскіе поляки должны любить русскихъ, съ которыми имъ приходится сталкиваться? Впрочемъ, для каждаго непредубѣжденнаго и здравомыслящаго чловека должно быть совершенно яснымъ, что можно не „любить“ ни „Славянскаго благотворительнаго общества“, ни „нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей“ въ „Принислинскомъ краѣ“, а все-таки „любить“ и уважать Тургенева, Толстого и многихъ-многихъ русскихъ мыслителей и дѣятелей, являющихся проповѣдниками и осуществителями великихъ началъ свободы, правды и справедливости. Да кромѣ того можно любить и уважать и самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ заурядныхъ, лишь бы только добрыхъ и справедливыхъ русскихъ людей, но трудно „любить“ даже самыхъ знаменитыхъ чловеконенавистниковъ, гонителей и истребителей.

А вотъ еще одно недоразумѣніе.

Предсѣдатель недавно закрытаго „съѣзда русскихъ филологовъ“, профессоръ И. В. Ягичъ, оказался образцовымъ предсѣдателемъ, и въ частности, по отношенію ко всему русскому, велъ себя безузориженно и предупредительно. Вѣдь онъ же предлагалъ для общихъ собраній

будущаго „сѣзда славистовъ“ исключительно русскій языкъ, что, однако же, было отклонено *русскими*. Онъ же, когда было поставлено на очередь голосованіе по предложенію, издать „энциклопедію славяновѣдѣнія“ на нѣмецкомъ языкѣ, формулировалъ голосуемый вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Желательно ли, чтобы *русская* академія наукъ издала энциклопедію славяновѣдѣнія на *нѣмецкомъ* языкѣ?“ А однакожь, за какіе-то грѣхи противъ русскаго языка и всего русскаго, тотъ же И. В. Ягичъ былъ подвергнутъ нападкаммъ и надругательстваммъ даже въ серьезныхъ и вполне приличныхъ газетахъ, и со стороны людей вполне культурныхъ и гуманныхъ.

Подобныя нападки и надругательства принадлежать къ категоріи „бегемотскаго зубоскальства интеллигентной толпы надъ иностранцами“ и сильно напоминаютъ издѣвательства, которымъ подвергаются со стороны русской неинтеллигентной толпы китайцы и другіе „нехристи“.

Была даже рѣчь о какомъ-то „суконномъ русскомъ языкѣ“ профессора Ягича. Да, дѣйствительно, И. В. Ягичъ не имѣлъ счастья родиться „кровавымъ“ русскимъ. Но все-таки онъ прекрасно владѣеть русскимъ языкомъ, а если по его произношенію замѣтно, что онъ не природный русскій, такъ что же дѣлать? Не зажимать же ему ротъ, или же заставлять его говорить по-нѣмецки или по-французски? Я пожелалъ бы господаммъ зубоскаламъ, чтобы они хоть въ десятой долѣ были въ состояніи говорить такъ на родномъ языкѣ профессора Ягича, на языкѣ сербо-хорватскомъ, какъ онъ можетъ говорить на ихъ родномъ языкѣ, на языкѣ русскомъ.

Несмотря, однакожь на два-три неприятныхъ инцидента, минувшій „сѣздъ русскихъ филологовъ“ прошелъ весьма хорошо и соответствовалъ вполне достоинству науки и того ученаго учрежденія, благодаря энергіи котораго онъ могъ состояться. А хотя я вовсе не принадлежу къ числу оптимистовъ и энтузіастовъ, полагающихъ, что только теперь, именно благодаря минувшему и будущему сѣзду славистовъ, „кончатся для славяновѣдѣнія безконечные дни мрака и ненастья, дни долгихъ и напрасныхъ ожиданій безъ просвѣта“, или же что теперешній сѣздъ является „важнѣйшимъ вопросомъ культурной жизни славянства“, будущій же сѣздъ не только „долженъ произвести цѣлый переворотъ въ развитіи науки о славянствѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ „всеславянское торжество науки“, явится „великимъ культурнымъ праздникомъ для всего славянскаго міра“,—хотя, повторяю, я далекъ отъ подобнаго оптимизма и энтузіазма, но я тѣмъ не менѣе полагаю, что будущій „сѣздъ славистовъ“ принесетъ большую пользу наукѣ, не какой-то несуществующей „всеславянской наукѣ“, а известнымъ отдѣламъ науки *общечеловѣческой*. Участники этого сѣзда по-

пытаются вѣроятно дать, по возможности, синтетическій обзоръ того, что до сихъ поръ сдѣлано въ области „славяновѣдѣнія“, и намѣтить или даже начертить программы для будущихъ изслѣдованій.

Организація съезда находится въ надежныхъ и преданныхъ дѣлу рукахъ членовъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ, а это служитъ достаточнымъ ручательствомъ полной научной солидности этого предпріятія.

И. Бодуэнъ-де-Куртене.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1903

Новыя правила о фабричной инспекціи.—„Вѣдомственный антагонизмъ“ и хоромія стороны спеціализаціи.—Новыя правила о евреяхъ.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899-й годъ: „упорствующіе“ въ холмско-варшавской епархіи, расколь, сектантство, православіе въ Японіи, церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Приготовленія къ введенію въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія.—Уложеніе и преступленія печати.

Высочайшимъ повелѣніемъ 30-го мая, состоявшимся непосредственно по всеподданнѣйшему докладу министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, существенно измѣнено положеніе фабричной инспекціи—измѣнено такъ, что неизбѣжно долженъ измѣниться и самый характеръ этого учрежденія. Фабричная инспекція остается въ вѣдѣніи министерства финансовъ, но всѣ мѣстные ея чины (т.-е. всѣ инспектора, кромѣ окружныхъ) дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора по примѣненію закона и изданныхъ въ его развитіе правилъ, инструкцій и наказовъ относительно соблюденія на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставляется, по взаимному ихъ согласенію, давать руководящія указанія по примѣненію общихъ правилъ объ отношеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи къ губернаторамъ и разрѣшать возбужденные послѣдними по этому предмету вопросы. Назначеніе на должности старшихъ фабричныхъ инспекторовъ и фабричныхъ инспекторовъ, распредѣленіе ихъ по участкамъ и представленіе къ наградамъ производятся по предварительномъ сношеніи съ губернаторомъ. Губернатору предоставляется требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ, а въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ—отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія министерства финансовъ (въ другихъ случаяхъ распоряженія инспекціи,

признаваемые губернаторомъ неправильными, передаются имъ на разсмотрѣніе мѣстнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія). Дѣйствіе постановленій, опредѣляющихъ обязанности окружныхъ инспекторовъ, приостановлено, съ оставленіемъ за ними только права ревизіи дѣлъ, производимыхъ чинами фабричной инспекціи, и предварительной разработки свѣдѣній по промышленной статистикѣ. Всѣ эти правила должны имѣть силу впредь до пересмотра, въ общемъ законодательномъ порядкѣ, соответствующихъ статей устава о промышленности.

Нетрудно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ правила 30-го мая почти равносильны передачѣ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Разъ что дѣятельность фабричной инспекціи поставлена подъ руководство губернатора, разъ что его единоличною властью можетъ быть отмѣнено всякое распоряженіе инспекціи, разъ что его согласіе фактически необходимо какъ для назначенія, такъ и для награжденія инспекторовъ—министерство финансовъ, очевидно, сохраняетъ за собою въ этой сферѣ функціи сворѣе номинальныя, чѣмъ реальныя, и чины фабричной инспекціи становятся такими же агентами мѣстной администраціи, какъ и исправники, земскіе начальники, губернаторскіе чиновники особыхъ порученій. Не таково было первоначальное назначеніе фабричной инспекціи. Она была создана не для *управленія* рабочими, а для посредничества между ними и работодателями, для проведенія въ жизнь законовъ, регулирующихъ фабрично-заводскій трудъ въ видахъ охраны жизни, здоровья и благосостоянія трудящихся. Забота о благоустройствѣ и порядкѣ на фабрикахъ, какъ и вездѣ, лежала, конечно, на губернаторѣ, и фабричная инспекція обязана была, по закону, оказывать ему содѣйствіе—но содѣйствіе это, въ силу самаго призванія инспекціи, заключалось именно въ строгомъ соблюденіи правилъ, предупреждающемъ или прекращающемъ въ самомъ началѣ столкновенія между рабочими и фабричнымъ управленіемъ. Цѣлью, къ достиженію которой должна была стремиться инспекція, было не поддержаніе порядка само по себѣ, а своевременное устраненіе поводовъ къ его нарушенію. Иными, слишкомъ легко, могутъ стать ея задачи, когда она сдѣлается орудіемъ въ рукахъ общей губернской администраціи. Она можетъ обратиться изъ фабричной инспекціи въ фабричную полицію, усиливъ, такимъ образомъ, средства водворенія наружной тишины, но ослабивъ основы и гарантіи внутренняго спокойствія.

„Московскія Вѣдомости“, привѣтствуя новый порядокъ, указываютъ, между прочимъ на то, что въ Пруссіи фабричные инспекторы непосредственно подчинены президентамъ, должность которыхъ соответствуетъ нашей губернаторской, а въ Австріи промышленные ин-

спекторы, подчиненные, черезъ главнаго инспектора, министру торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ подчинены и мѣстнымъ административно-полицейскимъ учрежденіямъ. Къ этому можно было бы прибавить, что въ Англии фабричные инспекторы прямо подчинены министру внутреннихъ дѣлъ; но не слѣдуетъ забывать, что заграничными примѣрами можно пользоваться, въ подобныхъ случаяхъ, лишь съ величайшею осторожностью. Въ Пруссіи роль фабричныхъ инспекторовъ (высшей инстанціей по отношенію къ которымъ является министр торговли и промышленности) сводится къ контролю надъ полиціей, на обязанности которой лежитъ ближайшій надзоръ за исполненіемъ требованій фабричнаго законодательства; отсюда, по всей вѣроятности, и подчиненіе ихъ президенту (Regierungspräsident), зависимость котораго отъ министра внутреннихъ дѣлъ не такъ, притомъ, велика, какъ у насъ—зависимость губернатора. Въ Австріи промышленные инспекторы подчинены мѣстнымъ административно-полицейскимъ учрежденіямъ лишь какъ *технические* агенты для надзора и совѣщанія по всемъ вопросамъ промышленнаго устава. Въ Англии характеръ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ совершенно иной, чѣмъ у насъ, и притомъ на мѣстахъ фабричные инспектора подчинены только старшимъ инспекторамъ, а между послѣдними и министромъ стоитъ главный инспекторъ, такъ что весь институтъ инспекціи совершенно обособленъ отъ общей администраціи ¹⁾. Въ Россіи инициатива учрежденія фабричной инспекціи и все дальнѣйшее ея развитіе не случайно шли отъ министерства финансовъ (фактически, какъ извѣстно, являющагося у насъ и министерствомъ торговли и промышленности); только оно могло дать новому институту характеръ не полицейскій, сдѣлать его независимымъ отъ мѣстныхъ вліяній и этимъ самымъ поставить его на высоту, соответствующую его назначенію. Теперь фабричная инспекція во многихъ отношеніяхъ уже не то, чѣмъ она была вначалѣ, когда представители ея, еще малочисленные, отдавались своему дѣлу съ ревностью неофитовъ и ихъ отчеты, публикуемые во всеобщее свѣдѣніе, привлекали общественное вниманіе къ едва извѣстнымъ до тѣхъ поръ сторонамъ народной жизни; тѣмъ не менѣе въ ея средѣ не совсѣмъ еще, повидимому, исчезли традиціи времени Н. Х. Бунге. Немногое, по всей вѣроятности, уплыветъ изъ нихъ тогда, когда фабричная инспекція сольется съ остальными отдѣлами губернской администраціи.

„Новыя правила“—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, —„объединяя дѣятельность правительственныхъ властей и устрояя

¹⁾ Во Франціи, административный строй которой наиболѣе сходенъ съ нашимъ, какъ департаментскіе инспекторы, такъ и стоящіе надъ ними окружные подчинены исключительно министру торговли и промышленности.

вредный ведомственный антагонизмъ, подчиняють фабричную инспекцію тому высшему представителю правительства на мѣстахъ, который отвѣтственъ за благосостояніе, порядокъ и спокойствіе вѣренной ему области; а такъ какъ благосостояніе, порядокъ и спокойствіе населенія, посвящающаго себя фабрично-заводскому труду, составляютъ конечную цѣль инспекціи, то надо думать, что въ лицѣ губернаторовъ она нашла своихъ настоящихъ начальниковъ и руководителей“. Это разсужденіе построено на нѣсколькихъ крупныхъ ошибкахъ. За *благосостояніе* губерній губернаторъ отвѣчаетъ лишь настолько, насколько оно связано съ поддержаніемъ *спокойствія и порядка*. Остальные условія благосостоянія зависятъ не отъ мѣстной администраціи; они создаются совокупнымъ вліяніемъ законодательства, высшаго государственнаго управления, специальныхъ ведомствъ и органовъ мѣстнаго самоуправления, не говоря уже о причинахъ, лежащихъ въ сферѣ дѣйствія государства. Къ числу специальныхъ ведомствъ, съ этой точки зрѣнія особенно важныхъ, принадлежатъ, на примѣръ, ведомство земледѣлія и государственныхъ имуществъ (аренда казенныхъ оброчныхъ статей, лѣсное хозяйство, сельско-хозяйственныя школы, фермы, опытные поля) и ведомство народнаго просвѣщенія (школы, библиотeki, читальни, публичныя лекціи), принадлежала недавно и фабричная инспекція. Изъ-за „ведомственнаго антагонизма“, составляющаго (если понимать подъ этимъ терминомъ не простое, совершенно законное и естественное обереганіе своей самостоятельности, а систематическое противодѣйствіе, вызываемое личными мотивами) исключеніе, а не общее правило, нельзя же забывать о пользѣ, приносимой именно специализаціею ведомствъ. Специализація предполагаетъ совокупность знаній и навыковъ, приобретаемыхъ отчасти еще на школьной скамьѣ, отчасти путемъ опыта; она предполагаетъ сосредоточенность на одномъ дѣлѣ, позволяющую изучить его вдоль и поперекъ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и деталяхъ. Фабричное законодательство—область широкая и сложная; примѣненіе его на практикѣ требуетъ умѣнья говорить съ рабочими, понимать ихъ языкъ, вникать въ ихъ нужды. Все это могло существовать—и въ большей или меньшей мѣрѣ существовало—на всѣхъ ступеняхъ іерархически организованнаго института, какимъ была до сихъ поръ фабричная инспекція. „Настоящими начальниками и руководителями“ фабричныхъ инспекторовъ были—или должны были быть—именно тѣ окружные инспекторы, дѣятельность которыхъ новыми правилами сведена почти къ нулю. Теперь ихъ мѣсто заступаетъ лицо, которое, уже въ силу многочисленности и разнообразія своихъ функций, не можетъ стоять на одной почвѣ съ фабричными инспекторами, не можетъ смотрѣть на дѣло съ специальной точки зрѣнія, вытекающей

изъ спеціального закона. Изъ двухъ предусмотрѣнныхъ новыми правилами поводовъ къ отгвѣтѣ распоряженій фабричнаго инспектора—несогласія съ закономъ и противорѣчія интересамъ общественнаго порядка—чаще, конечно, будетъ примѣняться послѣдній, какъ болѣе неопредѣленный, открывающій безграничное поле усмотрѣнію—и фабричный инспекторъ никогда не будетъ имѣть увѣренности въ томъ, что законное распоряженіе его останется въ силѣ. Это не можетъ не отразиться на его образѣ дѣйствій, не можетъ не уменьшить его самостоятельность, его энергію—качества особенно важныя для должностнаго лица, отъ котораго сила вещей требуетъ иногда быстрыхъ рѣшеній и еще болѣе быстрого ихъ исполненія.

„Общее значеніе закона 30-го мая“—такъ заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей“—„заключается въ усиленіи губернаторской власти. Мѣру, примѣненную къ фабричной инспекціи, вполнѣ возможно распространить и на нѣкоторыя другія отрасли государственной службы“. Къ аналогичному выводу приходитъ и „Новое Время“, усматривая въ правилахъ 30-го мая съ одной стороны первый шагъ къ возвыщенной манифестомъ 26-го февраля децентрализаціи, съ другой—первое отступленіе отъ господствовавшаго у насъ до сихъ поръ принципа автономности вѣдомствъ. Логическимъ результатомъ новой системы будетъ, по мнѣнію газеты, переимѣна въ положеніи губернатора, который является теперь представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а долженъ сдѣлаться представителемъ власти вообще. Намъ этотъ выводъ кажется нѣсколько поспѣшнымъ. Весьма вѣроятно, что подчиненіе фабричной инспекціи руководству губернатора вызвано соображеніями политическаго свойства, неприимными ко многимъ другимъ отраслямъ управленія. Въ средѣ фабричныхъ рабочихъ сравнительно часто, въ послѣднее время, возникали беспорядки, къ предупрежденію которыхъ и направлено, быть можетъ, установленіе болѣе тѣсной связи между чинами инспекціи и губернской администраціей. Не входя теперь въ обсужденіе общаго вопроса о наиболѣе правильной постановкѣ губернаторской власти, замѣтимъ только одно: создать изъ нея нѣчто совершенно внѣ-вѣдомственное, сдѣлать губернатора „представителемъ власти вообще“—задача не только трудная, но едва ли осуществимая. Назначенію губернатора неизбѣжно предшествовало бы чье-либо представленіе—и то учрежденіе или лицо, отъ котораго оно бы исходило, стало бы, силою вещей, въ начальственныя отношенія къ губернатору. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что такимъ учрежденіемъ (или лицомъ) явилось бы министерство (или министр) внутреннихъ дѣлъ. За это говорить съ одной стороны вѣковая традиція, съ другой—то обстоятельство, что главной задачей губернатора осталось бы во всякомъ случаѣ исполненіе функ-

цій административно-полицейскихъ, входящихъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ.

Къ числу такъ называемыхъ, столь многочисленныхъ у насъ *временныхъ* правилъ, оказывающихся болѣе прочными, чѣмъ многіе постоянные законы, принадлежатъ постановленія о евреяхъ, изданныя болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ (3-го мая 1882-го года). Этими постановленіями запрещено было евреямъ селиться, въ чертѣ осѣлости внѣ городовъ и мѣстечекъ и приостановлено совершеніе и засвидѣтельствованіе на имя евреевъ купчихъ, закладныхъ, арендныхъ договоровъ и довѣренностей, относящихся къ лежащимъ внѣ городовъ и мѣстечекъ недвижимымъ имуществамъ. Такимъ же временнымъ характеромъ отличаются два положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденныя 10-го мая нынѣшняго года. Одно изъ нихъ клонится, повидимому, въ пользу евреевъ, значительно увеличивая число мѣстностей, гдѣ они могутъ селиться и приобретать недвижимую собственность. Въ сущности, однако, эта льгота представляется не чѣмъ инымъ, какъ логическимъ выводомъ изъ правилъ 3-го мая 1882-го года; она подводитъ подъ ихъ дѣйствіе такіе выселки, поселки, посадки, пригороды, предмѣстья, которые, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, обратились, *de facto*, въ города или мѣстечки. Другимъ положеніемъ комитета создается новое ограниченіе для евреевъ: въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту осѣлости, воспрещено, впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о евреяхъ, совершеніе отъ имени или въ пользу евреевъ всякаго рода крѣпостныхъ актовъ: 1) служащихъ къ укрѣпленію за ними правъ собственности, владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, внѣ городскихъ поселеній расположенными, и 2) предоставляющихъ имъ возможность выдавать подъ обезпеченіе этихъ имуществъ денежные ссуды. Разбирая, въ свое время, правила 3-го мая 1882-го года, мы выразили убѣжденіе, что радикальныхъ средствъ разрѣшенія еврейскаго вопроса „слѣдуетъ искать не въ увеличеніи стѣсненій, тяготящихся надъ евреями, а въ общемъ улучшеніи народнаго быта, въ огражденіи народа отъ эксплуатаціи, кто бы ни были эксплуататоры—евреи или не-евреи. Мѣстное управленіе должно быть организовано такъ, чтобы каждый одинаково легко могъ найти въ немъ справедливую помощь и защиту. Гражданскіе законы должны получить простоту, опредѣленность и ясность, недостатокъ которыхъ часто дѣлаетъ ихъ теперь ловушкой для однихъ, орудіемъ въ рукахъ другихъ. Судопроизводство должно быть освобождено отъ формальностей, къ которымъ никакъ не можетъ привыкнуть большинство тяжущихся. Нуждающемуся городскому и сельскому населенію долженъ быть доставленъ дешевый кредитъ, при которомъ

не было бы надобности продавать за безпѣнокъ земледѣльческіе продукты или произведенія ремесла и вустарной промышленности. Податное бремя должно быть распределено на новыхъ основаніяхъ. Грамотность должна сдѣлаться достояніемъ громаднаго большинства. Когда все это будетъ достигнуто, еврейскій вопросъ перестанетъ существовать, или для разрѣшенія его будетъ достаточно признать евреевъ полноправными гражданами имперіи“. Этого мнѣнія мы продолжаемъ держаться и теперь, потому что не измѣнились или слишкомъ мало измѣнились обстоятельства, на которыхъ оно основано.

Послѣдній всеподданнѣйшій отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія обнимаетъ собою, подобно предъидущему, только одинъ годъ—1899-ый. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Утвержденіе вѣры и благочестія“, особое вниманіе обращаютъ на себя, какъ и прежде, свѣдѣнія о положеніи православія въ холмско-варшавской епархіи, т.-е. среди бывшихъ греко-уніатовъ. Цифра „упорствующихъ“, т.-е. пребывающихъ въ отчужденіи отъ православной церкви, остается здѣсь почти неподвижной: въ 1898 г. ихъ числилось около 83 тыс., въ 1899-мъ—81.246. „Колѣблющихся“—т.-е. не уклоняющихся совершенно отъ православія, но не считающихъ себя православными,—было, сверхъ того, 6.749. Число некрещенныхъ упорствующихъ (считая и малолѣтнихъ), въ 1898 г. доходившее до 26.177, въ 1899 г. достигло 29.235, а обратилось въ православіе, въ томъ же году, 960 челов. Приростъ „упорствующихъ“ идетъ, такимъ образомъ, быстрѣе, чѣмъ противоположное движеніе. Число незаконныхъ сожителствъ повысилось, за одинъ годъ, съ 9.669 до 10.737. „Главную массу и силу упорствующихъ“ составляютъ, по словамъ отчета, „взрослыя дѣти бывшихъ греко-уніатовъ, уклонившихся отъ церкви при самомъ воссоединеніи“. Не указываетъ ли это обстоятельство на основной источникъ аномаліи, существующей уже болѣе четверти вѣка? Воссоединеніе, за которымъ непосредственно слѣдовало уклоненіе, не могло быть искреннимъ и добровольнымъ; не могло, въ большинствѣ случаевъ, измѣниться и настроеніе, такъ ясно выразившееся въ разрывѣ съ только-что принятымъ, номинально, вѣроисповѣданіемъ. Кто рѣшился, безъ всякихъ колебаній, навлечь на себя всѣ невыгодныя послѣдствія такъ называемаго отступничества, тотъ, очевидно, былъ слишкомъ далеко отъ церкви, въ ряды которой онъ былъ зачисленъ. Всѣ духовныя, а иногда и матеріальныя лишенія, которымъ онъ затѣмъ подвергался, должны были укрѣплять его въ отчужденіи отъ православія и въ преданности вѣрѣ отцовъ—или той вѣрѣ, которая казалась ему наиболѣе къ ней близкой. Въ такихъ же чувствахъ онъ воспитывалъ своихъ дѣтей, для

которыхъ, съ самаго ранняго ихъ возраста, католицизмъ приобрѣталъ притягательную силу запрещеннаго плода и преслѣдуемаго вѣроученія. Въ отчетѣ выражена надежда, что, благодаря братствамъ, монастырямъ и въ особенности школамъ, церковнымъ и министерскимъ, отчужденію бывшихъ униатовъ отъ православія будетъ положенъ конецъ; но ожидать этого результата можно только въ отдаленномъ будущемъ, а въ настоящемъ факты, свидѣтельствующіе о сближеніи съ церковью, самъ отчетъ признаетъ незначительными. Между тѣмъ, положеніе „упорствующихъ“ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе тяжелымъ; утѣшеніемъ религіи—той религіи, къ которой неудержимо тяготеетъ ихъ сердце—они пользуются только утѣхой или не пользуются вовсе, даже въ самыя важныя минуты своей жизни; вокругъ нихъ растутъ некрещенныя дѣти, умираютъ безъ напутствія старика, основываются семьи, не освященные бракомъ. Тридцатилѣтній опытъ доказалъ съ достаточною ясностью, что запрещеніями и стѣсненіями выходъ изъ этого положенія достигнуть быть не можетъ. Не удастся даже предупредить католическую пропаганду: почва для нея подготовлена такъ хорошо, что даже письменныя увѣщанія ессенда, живущаго въ Римѣ, оказываются достаточными для быстраго распространенія тайныхъ католическихъ братствъ, куда, по удостовѣренію отчета, „массаи“ поступаютъ „упорствующіе“. Намъ кажется, что еслибы „упорствующимъ“ предоставлена была свобода выхода изъ церкви, къ которой они принадлежатъ только по имени, всѣ средства духовной борьбы съ завѣтами униі получили бы гораздо большую силу. Успѣхъ борьбы зависитъ, очевидно, не отъ того, какъ именуется, на официальномъ языкѣ, группа лицъ, противъ которыхъ она направлена, а отъ степени восприимчивости ихъ къ проповѣдуемому ученію—восприимчивости, уменьшающейся подъ вліяніемъ внѣшняго гнета и растущей по мѣрѣ его ослабленія. Еслибы ничто не мѣшало бывшимъ униатамъ открыто назваться тѣмъ, чѣмъ они сплошь и рядомъ являются на самомъ дѣлѣ, они оказались бы, быть можетъ, болѣе близкими къ православію, чѣмъ въ настоящее время. Чрезвычайно характерно, съ этой зрѣнія, то мѣсто отчета, гдѣ идетъ рѣчь о женскихъ православныхъ монастыряхъ холмско-варшавской епархіи. Сестры этихъ монастырей „обучаютъ женщинъ руководѣльямъ, по первому же призыву спѣшать къ болящимъ съ медицинскою помощью и духовнымъ утѣшеніемъ. Во время этихъ посѣщеній онѣ устраиваютъ въ хатахъ крестьянъ религіозныя бесѣды и раздаютъ присутствующимъ книжки и брошюры. Такая дѣятельность сестеръ, чуждая насилія надъ религіозными воззрѣніями упорствующихъ, напротивъ проникнута христіанскою любовью и полною терпимостью къ заблуждающимся, привлекаетъ къ обителямъ и ихъ труженицамъ сердца

крестьянъ“. Болѣе краснорѣчиваго указанія на истинный путь къ преодолѣнiю „упорства“ нельзя себѣ и представить.

Въ противоположность нѣкоторымъ прежнимъ отчетамъ, отчетъ за 1899-ый годъ, въ отдѣлахъ, посвященныхъ прибалтійскому краю и западнымъ губерниямъ, ограничивается перечисленiемъ чисто духовныхъ мѣръ, принимаемыхъ съ цѣлью укрѣпленія православiя (постройка церквей, устройство школъ и читаленъ, изданiе книгъ религиозна-нравственнаго содержанiя, написанныхъ на мѣстныхъ нарѣчiяхъ, и т. п.). Не говорится, на этотъ разъ, ни о католической или лютеранской пропагандѣ, ни о закрытiи католическихъ монастырей и костеловъ, ни о предосторожностяхъ, принимаемыхъ при смѣшанныхъ бракахъ, ни о ходатайствахъ, направленныхъ къ признанiю православныхъ по имени лютеранами на самомъ дѣлѣ. Прекратились ли подобныя явленiя, или же только оставлены безъ вниманiя при составленiи настоящаго отчета—объ этомъ возможны лишь догадки. Въ текстѣ отчета нѣтъ свѣдѣнiй объ успѣхахъ миссионерской дѣятельности въ рижской епархiи, но изъ вѣдомости, приложенной къ отчету, видно, что лютеранъ, принявшихъ православiе, въ теченiе отчетнаго года, было въ этой епархiи 783 (въ 1894 г.—1.087, въ 1895 г.—1.149).

Съ особенною подробностью, какъ и всегда, отчетъ останавливается на расколѣ и сектанствѣ. Расколъ, по словамъ отчета, въ однихъ мѣстахъ ослабѣваетъ и теряетъ прежнее упорство, въ другихъ—разгорается и усиливается. Къ числу причинъ, обуславливающихъ живучесть и устойчивость раскола, отчетъ относитъ—кроме матеріальной состоятельности раскольниковъ и разселенiя ихъ отдѣльными группами,—дарованныя расколу льготы и недостаточное, иногда усердiе администраци. Освобожденiе отъ сборовъ въ пользу православнаго духовенства и дозволенiе обращать жилища строенiя въ молельни толкуется раскольниками въ смыслѣ покровительства, оказываемаго имъ правительствомъ; точно такъ же понимается ими и формальное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отношенiе властей къ оказательству раскола, вызываемое „ложнымъ представленiемъ о мнимой свободѣ совѣсти“ и невѣдѣнiемъ настоящаго значенiя раскола. Возможность подобныхъ толкованiй отрицать нельзя, но едва ли они имѣютъ широкое распространенiе. Для громаднаго большинства раскольниковъ едва ли можетъ существовать какое-либо сомнѣнiе въ томъ, что сравнительная терпимость, которою они пользуются въ послѣднее время, не имѣетъ ничего общаго съ покровительствомъ. Гдѣ имѣются на лицо храмы инославныхъ христіанскихъ исповѣданiй, или хотя бы мечети и синагоги, тамъ ихъ купола и кресты, башни и минареты служатъ нагляднымъ доказательствомъ тому, что лютеранамъ, католикамъ, магометанамъ, евреямъ разрѣшено многое, о чемъ христіане-

раскольники могутъ только мечтать. Гдѣ раскольники видятъ около себя только православное населеніе, тамъ достаточнымъ напоминаніемъ о ихъ неполноправности являются затрудненія—нерѣдко непреодолимая,—съ которыми сопряжено устройство и даже исправленіе самой простой, самой скромной моленной, ничѣмъ не отличающейся снаружи отъ обыкновенныхъ зданій. Все это—и многое другое—не только устраняетъ мысль о покровительствѣ, но свидѣтельствуетъ объ ограниченнѣхъ до крайности размѣрахъ, въ которыхъ сведена самая терпимость. Если и допустить, что оказательство раскола не всегда вызываетъ отпоръ со стороны административной власти, то и отсюда еще очень далеко до предположенія о равноправности раскола хотя бы съ исповѣданіями, официально признанными государствомъ. Многолѣтній опытъ не могъ не убѣдить раскольниковъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и живущихъ рядомъ съ ними православныхъ,— что случайное снизхожденіе не имѣетъ ничего общаго съ гарантіей права. Мало вѣроятно, наконецъ, и систематическое перетолкованіе такого простаго факта, какъ освобожденіе раскольниковъ отъ сборовъ въ пользу православнаго духовенства—освобожденіе, вызываемое, очевидно, не покровительствомъ, а самую элементарною справедливостью. Какъ плательщики налоговъ, раскольники несутъ свою долю государственныхъ расходовъ на содержаніе православнаго духовенства; они освобождены только отъ платежей, обусловливаемыхъ непосредственными отношеніями между причтомъ и прихожанами—отношеніями, въ которыхъ раскольники никакого участія не принимаютъ. Эта свобода не распространяется, притомъ, на раскольниковъ *de facto*, но официально признаваемыхъ православными. О многочисленности такихъ раскольниковъ даетъ нѣкоторое понятіе рядъ цифръ, приводимыхъ въ отчетѣ—цифръ, заимствуемыхъ съ одной стороны изъ данныхъ всеобщей переписи 1897-го года, съ другой—изъ свѣдѣній, доставленныхъ епархіальными начальствами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ раскольниковъ въ десяти епархіяхъ оказывается около 807 тыс., по первымъ—около 900 тыс. Другими словами, въ этихъ епархіяхъ насчитывается почти сто тысячъ человекъ, православныхъ только по имени. А между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и при всеобщей переписи раскольниками именовали себя далеко не всѣ на самомъ дѣлѣ принадлежащіе къ расколу. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ разница между обѣими категоріями цифръ чрезвычайно велика: въ саратовской губерніи, напримѣръ, по епархіальнымъ свѣдѣніямъ раскольниковъ оказывается 69.803, по даннымъ всеобщей переписи—113.496. Въ самарской епархіи соотвѣтствующія цифры—75.870 и 96.905, въ нижегородской—74.211 и 87.625, въ оренбургской (въ составъ которой входятъ губернія оренбургская и области тургайская

и уральская—87.000 и 115.000). Только въ трехъ епархіяхъ отношеніе измѣняется въ другую сторону: въ черниговской епархіи по епархіальнымъ свѣдѣніямъ раскольниковъ 72.433, по даннымъ всеобщей переписи—43.515; въ полоцкой епархіи (обнимающей собою витебскую губернію) соответствующія цифры — 85.000 и 83.002, въ псковской—36.380 и 35.610. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ разниа невелика, но очень интересно было бы узнать, чѣмъ объясняется рѣзкое уклоненіе отъ обычной пропорціи, представляемое черниговскою епархіею?

Изъ различныхъ разновидностей раскола всего болѣе затрудненій для православной церкви представляетъ, по словамъ отчета, секта, приѣмлющая австрійское или бѣлокриницкое священство. „Великимъ соблазномъ для православныхъ“ она служитъ потому, что имѣетъ такую же, по внѣшнему виду, трехчинную іерархію, какъ и православная церковь, и обширныя моленныя, по внутреннему устройству близко сходныя съ православными храмами. Никакихъ мѣръ противъ этихъ источниковъ соблазна отчетъ, однако, не предлагаетъ, — и это вполне понятно, потому что борьба съ ними была бы возможна только на почвѣ преслѣдованій, тщету которыхъ доказалъ многолѣтній опытъ. Разъ что законъ 3-го мая 1883-го года разрѣшилъ открытіе раскольническихъ моленныхъ, внутреннее ихъ устройство не подлежитъ, очевидно, никакой регламентаціи; нельзя запретить и совершеніе въ нихъ богослуженія тѣми лицами, которыхъ раскольники признаютъ своими іереями и архіереями. Констатируя, дальше, вредъ, приносимый разѣздами австрійскихъ лжеархіереевъ, отчетъ воздерживается и здѣсь отъ предложенія репрессивныхъ мѣропріятій. Свобода передвиженія предоставлена раскольникамъ закономъ, и произвольное ограниченіе ея было бы не только нелегально, но и безцѣльно: пути къ распространенію и укрѣпленію расколъ находилъ и тогда, когда дѣятельность его вождей встрѣчала на каждомъ шагѣ самыя разнообразныя преграды... Весьма любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя отчетомъ о попыткахъ воссоединенія окружниковъ съ неокружниками или противокружниками ¹⁾. Ихъ инициативу взялъ на себя донской казакъ Картушинъ, котораго окружники признаютъ епископомъ московскимъ. Предположено было созвать за границей соборъ, но онъ не состоялся за болѣзнію Кирилла, главы неокружниковъ, и все свелось къ пропагандѣ среди неокружниковъ, особенно въ стародубскихъ слободахъ (черниговской губерніи). Съ другой стороны, окружники стараются

¹⁾ Раздѣленіе австрійскаго согласія на двѣ враждующія между собою группы вызвано такъ называемымъ окружнымъ посланіемъ (1862-го г.), знаменовавшимъ собою нѣкоторое приближеніе къ церкви. Приверженцы посланія называются окружниками, противники—неокружниками.

привлечь къ себѣ бѣглоповцевъ, пользуясь затрудненіями, которыя испытываютъ послѣдніе въ присканіи бѣглыхъ священниковъ. Въ Москвѣ около Картушина возникъ какъ бы постоянный раскольническій синодъ, не безъ вѣдома котораго, вѣроятно, издаются распоряженія Картушина (о ношеніи нѣмецкаго платья, о небритіи бороды, о некурении табаку, о ношеніи женщинами шляпъ вмѣсто платковъ, и т. п.). Тяготѣніе къ раскольникамъ австрійскаго согласія существуетъ и среди безповцевъ: въ концѣ 1898 г. они отправили депутацію къ константинопольскому патриарху, съ цѣлью выясненія вопроса о степени законности австрійской іерархіи. При этомъ безповцы имѣли въ виду, въ случаѣ полученія благоприятнаго отвѣта, соединиться съ раскольниками австрійскаго согласія и ходатайствовать передъ правительствомъ о признаніи законности бѣлокриницкой іерархіи, хотя бы наравнѣ съ католическою или армянскою. Депутація успѣха не имѣла.

Штунда особенно распространена въ губерніяхъ екатеринославской, кievской и харьковской. Оправдательный приговоръ по дѣлу о штундистскомъ молитвенномъ собраніи, постановленный однимъ изъ уѣздныхъ сѣвдовъ екатеринославской губерніи (въ отмѣну рѣшенія земскаго начальника), далъ штундистамъ, по словамъ отчета, „основаніе къ распространенію въ мѣстномъ населеніи убѣжденія, что ихъ вѣра доволена закономъ и что только священники изъ своихъ корыстныхъ расчетовъ преслѣдуютъ ихъ“. По этому поводу нельзя не замѣтить, что *отра* штундистовъ закономъ вовсе не воспрещена: фактъ исповѣданія этого ученія не составляетъ, самъ по себѣ, преступленія и не служитъ поводомъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія. Запрещены, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, *общественныя* молитвенныя собранія штундистовъ. Оправдательные приговоры по дѣламъ этого рода могутъ быть основаны на недоказанности или самого собранія, или принадлежности его участникамъ именно къ штундизму. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ изъ оправданія подсудимыхъ нельзя выводить заключенія, что измѣнился самый взглядъ правительства на штундизмъ. Если послѣ оправдательныхъ приговоровъ и замѣчалось обостреніе или распространеніе ереси, то этимъ еще не доказывается причинная связь между обоими явленіями; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, *post hoc* — далеко не то же, что *propter hoc*... „Въ виду сложности вопроса объ отношеніи штундизма къ баптизму“—читаемъ мы въ отчетѣ,—„мировые судьи въ 1899-мъ году впервые начали вводить въ свою практику экспертизу при разбирательствѣ дѣлъ о штундистскихъ богомоленныхъ собраніяхъ. Эксперты-миссіонеры и представители науки дали въ этомъ отношеніи новое правильное направленіе судебнымъ процессамъ о богомо-

ленныхъ собраніяхъ штунды, разъяснивъ судьямъ, что ни наука, ни законъ, ни миссіонерская практика не знаютъ секты русскихъ баптистовъ, а только штундистовъ; извѣстный въ наукѣ толкъ *штундобритизмъ* есть лишь фракція секты, а не отдѣльная секта". Отрицательныя, неизбѣжно неполныя свѣдѣнія о неуловимыхъ, быстро мѣняющихся новообразованіяхъ религіознаго характера едва ли могутъ быть включаемы въ составъ науки; экспертиза, на нихъ основанная, едва ли можетъ имѣть особенно убѣдительную силу. Еще важнѣе другое обстоятельство, объясняющее отрицательный результатъ многихъ сектантскихъ процессовъ. Въ уголовномъ судопроизводствѣ бремя доказательства лежитъ на обвинителѣ, а не на обвиняемомъ. Если участникамъ молитвенныхъ собраній, привлеченнымъ къ отвѣтственности въ качествѣ штундистовъ, и не удастся удостовѣрить свою принадлежность къ баптизму, отсюда еще не слѣдуетъ, что они должны быть признаны виновными: для этого необходимо доказать, что ихъ ученіе соединяетъ въ себѣ всѣ отличительныя черты штундизма—всѣ тѣ черты, изъ-за которыхъ эта ересь отнесена къ числу особенно вредныхъ. Всякое сомнѣніе по этому предмету, въ силу основнаго начала права, должно быть толкуемо въ пользу подсудимыхъ.

Въ отдѣлѣ отчета, озаглавленномъ: „Наши заграничныя церкви и миссіи“, чрезвычайно интересны свѣдѣнія о полномъ торжествѣ въротерпимости въ Японіи. „Законъ для религій“, представленный правительствомъ и принятый парламентомъ, совершенно уравнивалъ всѣ христіанскія исповѣданія съ національными религіями Японіи. Ничѣмъ не стѣсняя эти исповѣданія въ ихъ внутренней жизни, законъ освобождаетъ земли и зданія, имѣющія религіозное назначеніе, отъ всякихъ налоговъ, а священнослужителей, имѣющихъ образовательный цензъ и законно избранныхъ—отъ воинской повинности. Значительное большинство православныхъ въ Японіи—японскіе уроженцы; изъ 28 священниковъ и 5 діаконовъ русскіе—только одинъ священникъ и одинъ діаконовъ. Крещено въ 1899-мъ году по православному обряду 989 человекъ. Въ столицѣ государства православная миссія имѣетъ три учебныхъ заведенія (катехизаторское училище, семинарію и женское училище), съ 148 учащимися; сверхъ того существуетъ еще женская школа въ Хакодате, съ 30 ученицами. При миссіи выходятъ два періодическія изданія.

Въ ростѣ церковно-приходскихъ школъ наступила, повидимому, нѣкоторая остановка: въ концѣ 1898-го года ихъ было 18.341, къ концу 1899-го—18.751. Въ незначительной степени увеличилось и число школъ грамоты (съ 21.501 до 21.900). Число учащихся возросло въ церковно-приходскихъ школахъ съ 882.095 до 960.442, въ школахъ грамоты—съ 571.624 до 593.787. Среднее число учащихся

въ церковно-приходской школѣ возросло съ 48 до 51, въ школѣ грамоты—съ 26 до 27. Число дѣвочекъ составляло въ 1898-мъ году 24% общаго числа учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ, 21%—общаго числа учащихся въ школахъ грамоты. Въ 1899-мъ году это отношеніе повысилось до 26 и 23½%. Отчетъ объясняетъ такое повышеніе открытіемъ значительнаго числа женскихъ начальныхъ школъ; опытъ показалъ, что родители гораздо охотнѣе отпускаютъ дѣвочекъ въ школы, специально для нихъ предназначенныя. Сколько намъ извѣстно, въ исторіи земскихъ школъ не замѣчается ничего подобнаго: специально женскихъ земскихъ начальныхъ школъ въ деревняхъ открывалось очень мало, а число учащихся дѣвочекъ растетъ очень быстро: уже десять лѣтъ тому назадъ оно составляло (во всѣхъ начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія) почти 22% ¹⁾. При разбросанности нашего сельскаго населенія, безъ смѣшанныхъ начальныхъ школъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ обойтись нельзя, и было бы до крайности печально, если бы это задерживало ростъ числа учащихся дѣвочекъ.

Говоря объ отчетѣ за 1898-ой годъ ²⁾, мы отмѣтили крайне незначительное число священниковъ, занимающихся, въ церковныхъ школахъ, преподаваніемъ не только закона Божія, но и всѣхъ другихъ предметовъ: ихъ было 544 въ церковно-приходскихъ школахъ и 414 въ школахъ грамоты, всего 958. Въ 1899-мъ году это число уменьшилось до 847 (какъ оно распредѣляется между церковно-приходскими школами и школами грамоты—изъ отчета не видно). Увеличилось число преподавателей-діаконовъ (съ 4.200 до 4.289), но уменьшилось число преподавателей-псаломщиковъ (съ 4.143 до 3.853). Все меньше и меньше, такимъ образомъ, оправдывается первоначальное предположеніе, въ силу котораго преподаваніе въ церковныхъ (особенно церковно-приходскихъ) школахъ должно было быть сосредоточено преимущественно въ рукахъ причта. Между свѣтскими преподавателями учителя все еще значительно преобладаютъ надъ учительницами: первыхъ 23.589, вторыхъ—13.590. Какъ распредѣляются эти цифры между церковно-приходскими школами и школами грамоты—изъ отчета за 1899-ый годъ не видно; въ 1898-мъ году особенно мало учительницъ было въ школахъ грамоты, а въ церковно-приходскихъ школахъ ихъ было даже нѣсколько больше, чѣмъ учителей. Для приготовленія учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ духовное вѣдомство располагаетъ шестнадцатью учительскими школами, для приготовленія учащихся въ школахъ грамоты—316 второклассными школами; окон-

¹⁾ Въ церковно-приходскихъ школахъ дѣвочекъ было въ то время менѣе 20%.

²⁾ См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 6 „Вѣсти. Европы“ за 1902 г.

чело курсъ въ послѣднихъ, въ отчетномъ году, 1.583 лица (въ томъ числѣ 299 дѣвочекъ). Краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ было устроено въ 1899 г. 163 (82 для учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ, 91—для учащихся въ школахъ грамоты). Воскресно-повторительныя занятія для взрослыхъ велись при 783 школахъ. Воскресныхъ школъ было 459 (154 въ городахъ и 305 въ селеніяхъ), съ 26.000 учащимися. Замѣчательно, что почти цѣлая треть общаго числа воскресныхъ школъ (143) упадаетъ на тульскую епархію. Весьма возможно, что этому въ значительной степени способствовала дѣятельность почетнаго попечителя церковныхъ школъ богородицкаго уѣзда, гр. В. А. Бобринскаго, на средства котораго, какъ видно изъ отчета, были устроены въ селѣ Никитскомъ дополнительные классы для дѣвочекъ, окончившихъ одноклассную школу. Какъ бы то ни было, широкое развитіе воскресныхъ школъ въ тульской епархіи подчеркивается съ особенною ясностью крайнюю недостаточность общаго ихъ числа во всей имперіи. Не слѣдуетъ забывать, что правомъ открытія воскресныхъ школъ долго пользовалось одно духовное вѣдомство.

Правильное примѣненіе новаго уголовного уложенія требуетъ соотвѣтственнаго устройства и организациі всѣхъ предусмотрѣнныхъ имъ мѣстъ заключенія (каторга, исправительный домъ, крѣпость, тюрьма, арестный домъ). Для обсужденія мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, при министерствѣ юстиціи учреждена особая коммиссія, въ составъ которой, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, вошли товарищъ министра, управляющій межевою частью, сенаторы Таганцевъ, Кони, Фойницкій и Случевскій, директоры обоихъ департаментовъ министерства юстиціи, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената и представители министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, государственнаго контроля и государственной канцеляріи. „Новымъ уголовнымъ уложеніемъ“—сказано въ правительственномъ сообщеніи по этому предмету—„совершенно видоизмѣнено, по сравненію съ дѣйствующими законами, карательное лишеніе свободы. Уложеніе имѣетъ въ виду замѣнить казарменное содержаніе арестантовъ, съ общеніемъ днемъ и ночью, одиночнымъ заключеніемъ на все время содержанія — для тюремъ, общимъ заключеніемъ, съ разобщеніемъ на свободное отъ работъ время и на ночь — для исправительныхъ домовъ, и общимъ заключеніемъ, съ разобщеніемъ, во всякомъ случаѣ, на ночь—для каторжныхъ тюремъ. Между тѣмъ, существующія каторжныя тюрьмы, за немногими исключеніями, представляются непригодными для отбы-

ванія въ нихъ наказанія каторгою по новому уложенію, какъ по неудовлетворительности самихъ тюремныхъ зданій, такъ и по непригодности ихъ и въ пенитенціарномъ отношеніи. Равнымъ образомъ, и тюрьмы, предназначенныя для отбыванія наказанія лицами, приговоренными къ тюремному заключенію, являются количественно недостаточными и качественно неподготовленными для содержанія въ нихъ заключенныхъ на основаніи постановленій новаго уголовного уложенія, требующаго для этого вида лишенія свободы вполнѣ цѣлесообразной специальной организаци. Засимъ одни лишь исправительныя арестантскія отдѣленія достаточно нынѣ преобразованы для того, чтобы ихъ можно было обратить въ устанавливаемые уголовнымъ уложеніемъ исправительные дома ¹⁾. Такимъ образомъ, и каторга, и тюрьмы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ названнымъ уложеніемъ, должны быть подвергнуты неотложному и притомъ коренному переустройству, требующему прежде всего изысканія на указанный предметъ весьма значительныхъ денежныхъ средствъ, размѣры коихъ въ настоящее время не поддаются достаточно точному исчисленію“. Кромѣ этой задачи, на комиссію возложено разсмотрѣніе другихъ вопросовъ, также находящихся въ непосредственной связи съ изданіемъ новаго уголовного уложенія. Таковы, между прочимъ, вопросы: „о мѣрахъ по отношенію къ осужденнымъ за преступленія, совершенныя вслѣдствіе привычки къ пьянству; о мѣрахъ въ отношеніи лицъ, обращающихъ преступныя дѣянія въ промыселъ; о возможности включенія въ систему карательныхъ мѣръ условнаго осужденія; о своевременности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы; о болѣшемъ развитіи патроната (попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія); о выдачѣ преступниковъ; о пересмотрѣ уголовной подсудности судебно-административныхъ установленій, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г., и волостныхъ судовъ, примѣнительно къ новому уголовному уложенію; о пересмотрѣ въ томъ же направленіи перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; о принудительномъ трудѣ въ работныхъ домахъ и при общественныхъ работахъ“. Отраднo было узнать, что институты условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія, не вошедшіе въ составъ уложенія, не вовсе отверг-

¹⁾ Изъ того, что въ правительственномъ сообщеніи не упомянуты арестные дома, слѣдуетъ заключить, что ихъ настоящее устройство признается удовлетворительнымъ. И дѣйствительно, въ земскихъ, по крайней мѣрѣ, губерніяхъ они постоянно обращали на себя достаточное вниманіе и не требуютъ коренной реформы. Не знаемъ, можно ли сказать то же самое о помѣщеніяхъ для заключаемыхъ въ крѣпости,—а этотъ видъ заключенія пріобрѣтаетъ, съ изданіемъ новаго уложенія, особенную важность.

нута законодательной властью, а только признаны подлежащими новому обсужденію. Нужно надѣяться, что перенесеніе ихъ на нашу почву не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій. Не менѣе важны результаты, къ которымъ можетъ привести пересмотръ уголовной подсудности судебно-административныхъ учреждений и волостныхъ судовъ, а также перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Трудно допустить, чтобы примѣненіе новаго уложенія, устранившаго дѣйствіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями — а, слѣдовательно, и тѣсно связанныхъ съ нимъ временныхъ правилъ о карательной власти волостного суда, — могло быть предоставлено земскимъ начальникамъ, лишеннымъ, въ большинствѣ случаевъ, юридическаго образованія, и, тѣмъ менѣе, едва грамотнымъ судьямъ-крестьянамъ и невѣжественнымъ, мало надежнымъ въ нравственномъ отношеніи волостнымъ писарямъ. Единственнымъ нормальнымъ рѣшеніемъ представляется здѣсь возвращеніе судебныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе судебной власти и подчиненіе ей волостныхъ судовъ, съ сокращеніемъ ихъ круга дѣйствій и измѣненіемъ ихъ состава. Что касается до второго изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, то коммиссія, подготавливающая введеніе въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія — уложенія, въ которомъ о тѣлесномъ наказаніи нѣтъ и помина, — не можетъ, какъ намъ кажется, предложить ничего иного, какъ замѣну перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, освобожденіемъ отъ этой вары всѣхъ безъ различія и исключенія гражданъ Россійской имперіи.

Продолжая разборъ новаго уголовного уложенія, мы останавливаемся на этотъ разъ на главѣ пятнадцатой, имѣющей предметомъ нарушеніе постановленій о надзорѣ за печатью. Какъ видно уже изъ самаго ея заголовка, она обнимаетъ собою далеко не всю область преступленій или проступковъ печати. „Преступныя дѣянія, учиняемыя путемъ печати“ — читаемъ мы въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи (т. III, стр. 412), — „до послѣдняго времени обращали на себя вниманіе законодателей какъ совершенно особенный родъ преступленій, требующій специальныхъ постановленій закона. Между тѣмъ, разсматривая означенныя преступныя дѣянія, нельзя не видѣть, что, за исключеніемъ нарушенія правилъ о надзорѣ за печатью, они вполнѣ подходятъ подъ соотвѣтственные виды общихъ преступленій, отличаясь отъ нихъ лишь способомъ совершенія. Нормы, нарушаемыя тагъ называемыми преступленіями печати (Pressdelikte, délits de la presse), имѣютъ прямою и непосредственную задачу охраненіе государственныхъ, общественныхъ или частныхъ юридическихъ интересовъ, не стоящихъ въ связи съ пе-

чать. Преступленія печати суть тѣ предусмотрѣнныя общими законами преступленія, средствомъ совершенія коихъ является печатное слово, причѣмъ, какъ и при устной рѣчи, преступность заключается въ *содержаніи* произведенія печати: оно пріобрѣтаетъ здѣсь особенную важность вслѣдствіе того, что все, исполненное посредствомъ графическихъ знаковъ, доступно неограниченному числу лицъ, и виновный обыкновенно дѣйствуетъ особеннымъ способомъ—черезъ опубликованіе. Но средства преступнаго дѣйствія, по общему правилу, не могутъ служить основаніемъ классификаціи преступныхъ дѣяній, составляя только обстоятельства, усиливающія или смягчающія виновность“. Исходя изъ этихъ соображеній, редакціонная коммиссія распредѣлила преступленія печати между различными главами уложенія, не отдѣляя ихъ, болѣею частью, отъ преступленій однородныхъ по существу, но различныхъ по способу совершенія. Въ главѣ о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій богохуленіе или кощунство, совершенное въ распространенномъ произведеніи печати, поставлено на одинъ уровень съ публичнымъ произнесеніемъ богохульныхъ или кощунственныхъ словъ (ст. 73 п. 2, 74 п. 2). Распространеніе сочиненія, возбуждающаго къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, уравниено съ произнесеніемъ или чтеніемъ, публично, проповѣди или рѣчи такого же содержанія (ст. 90). Наравнѣ съ оскорбленіемъ Величества наказывается распространеніе сочиненія, оскорбительнаго для достоинства императора, императрицы или наслѣдника престола (ст. 103), наравнѣ съ публичнымъ оскорбленіемъ памяти усопшаго предка или предшественника царствующаго императора—распространеніе сочиненія, оскорбительнаго для этой памяти (ст. 107). Аналогичны съ вышеприведенными постановленія о распространеніи: 1) сочиненій, порицающихъ установленный образъ правленія или порядокъ наслѣдованія престола (ст. 128); 2) сочиненій, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія, къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти (ст. 129); 3) сочиненій, восхваляющихъ преступленіе (ст. 133); 4) сочиненій, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе правительственнаго или общественнаго установленія (ст. 154). Ст. 263 предусматриваетъ распространеніе ложныхъ, могущихъ возбудить общественную тревогу слуховъ, какимъ бы способомъ оно ни совершалось, ст. 281—распространеніе безстыдныхъ сочиненій. Оскорбленіе въ распространенномъ произведеніи печати наказывается строже, чѣмъ оскорбленіе, нанесенное другимъ способомъ (ст. 533); обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе, распространеніе путемъ печати служить и при разглашеніи

завѣдомо ложнаго обстоятельства, подрывающаго довѣріе къ лицу, обществу или учрежденію (ст. 540). Что касается собственно до главы пятнадцатой, то здѣсь идетъ рѣчь о нарушеніи правилъ, установленныхъ для типографій и другихъ подобныхъ заведеній, для издателей и редакторовъ, для торговли произведеніями печати, для исполненія на сценѣ литературныхъ или музыкальныхъ произведеній, для печатанія судебныхъ рѣшеній и отчетовъ, а также правилъ, ограничивающихъ свободу оглашенія тѣхъ или другихъ фактовъ или свѣдѣній.

Не оспаривая тѣхъ теоретическихъ разсужденій, въ силу которыхъ редакціонная комиссія нашла ненужнымъ выдѣлять въ особую группу преступленія печати, постараемся опредѣлить практическія послѣдствія этого рѣшенія. Когда вступилъ въ силу законъ 6 апрѣля 1865 года, преступленія печати образовали двѣ группы: въ составъ одной вошли тѣ, которыя и раньше были предусмотрѣны уложеніемъ о наказаніяхъ, какъ возможныя разновидности того или иного общаго преступленія, въ составъ другой—тѣ, которыя были созданы вновь, вслѣдствіе освобожденія нѣкоторыхъ періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры и подчиненія ихъ судебной отвѣтственности. Комиссія, учрежденная въ 1869-мъ году, подъ предсѣдательствомъ кн. С. Н. Урусова, для пересмотра узаконеній о печати, включила въ составленный ею законопроектъ полный перечень преступленій печати, т.-е. приняла систему прямо противоположную той, на которой остановилась редакціонная комиссія. Всѣ преступленія печати были распределены между шестью отдѣленіями, въ 44 статьяхъ (247—290): 1) о преступленіяхъ противъ вѣры, 2) о преступленіяхъ государственныхъ, 3) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія, 4) о преступленіяхъ и проступкахъ, касающихся управленія арміею, 5) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благочинія, порядка и спокойствія, и 6) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ чести частныхъ лицъ, обществъ и установленій. Затѣмъ слѣдовали еще пять отдѣленій (ст. 291—321), соответствующихъ, по своему содержанію, главѣ пятнадцатой новаго уголовного уложенія. Если мы сравнимъ проектъ комиссіи 1869 года съ тѣми статьями новаго уголовного уложенія, которыми предусматриваются, независимо отъ способа совершенія, перечисленные нами выше *общія* преступленія, насъ поразитъ, прежде всего, то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказанія, предполагаемыя въ проектѣ, мягче не только тѣхъ, которыя опредѣлялись дѣйствовавшимъ тогда уложеніемъ о наказаніяхъ, но и тѣхъ, которыя назначаются новымъ уложеніемъ. Такъ напримѣръ, богохуленіе въ печати, по уложенію 1845 года, подвергавшее виновнаго ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, на основаніи проекта комиссіи

1869 года влекло бы за собою ссылку на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, а новор уложеніе караетъ его ссылкойю на поселеніе ¹⁾. Высшее наказаніе за оскорбленіе Величества по уложенію 1845 года—каторжная работа на двѣнадцать лѣтъ, по проекту—ссылка на поселеніе, по новому уложенію—каторга не свыше восьми лѣтъ. Высшее наказаніе за оспариваніе или порицаніе установленнаго образа правленія или престолонаслѣдія по уложенію 1845 года—каторжная работа на шесть лѣтъ, по проекту—ссылка на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, по новому уложенію—ссылка на поселеніе. Высшее наказаніе за оскорбительный отзывъ о правительственномъ или общественномъ установленіи по старому уложенію—два года, по проекту—восемь мѣсяцевъ, по новому уложенію—годъ тюремнаго заключенія. Чѣмъ объяснить такую разницу? Общаго поворота отъ болѣе мягкихъ воззрѣній къ болѣе суровымъ въ области уголовнаго законодательства за послѣднія тридцать лѣтъ не произошло; новое уложеніе, въ общемъ, знаменуетъ собою скорѣе побѣду первыхъ надъ послѣдними. Все дѣло, какъ намъ кажется, именно въ уничтоженіи грани между преступленіями печати и другими, однородными по содержанію. Какъ бы основательно оно ни казалось съ строго-логической точки зрѣнія, оно не соответствуетъ настоящему характеру преступленій печати. Бѣльшею частью, во-первыхъ, они совершаются открыто, ида, если можно такъ выразиться, на встрѣчу преслѣдованію, не представляя никакихъ для него затрудненій, и, слѣдовательно, меньше угрожая общественному порядку. Побудительной ихъ причиною часто является, во-вторыхъ, безкорыстное, искреннее желаніе раскрыть правду, обратить вниманіе на то или другое общественное зло, выяснить мѣры къ его устраненію. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, наконецъ, здѣсь неуловима демаркаціонная черта между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Все это вмѣстѣ взятое оправдываетъ выдѣленіе преступленій печати въ особую группу и обложеніе ихъ сравнительно менѣе тяжкими карами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ основаніи преступленія лежатъ мотивы личнаго, невысокаго свойства (напр. при оскорбленіи или опозореніи частныхъ лицъ въ печати).

Подойдемъ теперь къ вопросу съ другой стороны: представимъ себѣ, что система административныхъ взысканій замѣняется у насъ, воцѣль или хотя бы отчасти, судебнымъ преслѣдованіемъ преступленій и проступковъ печати—и спросимъ себя, возможна ли такая перемѣна при дѣйствіи тѣхъ только карательныхъ постановленій, которыя

¹⁾ Мы знаемъ, что въ новомъ уложеніи ссылка на поселеніе имѣетъ нѣсколько другое значеніе, чѣмъ въ прежнемъ, и назначается только за преступления непозорящаго свойства; тѣмъ не менѣе она остается наказаніемъ весьма тяжелымъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ состоянія.

вошли въ составъ новаго уголовного уложенія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ, какъ намъ кажется, получиться отрицательный, не потому, конечно, чтобы существовала дѣйствительная необходимость расширить кругъ преступленій печати, а потому, что при переходѣ отъ дискреціонной административной власти надъ печатью къ исключительно судебной репрессіи государство никогда не рѣшается сразу уравнивать печатное слово, въ духѣ для него благоприятномъ, съ другими способами выраженія мысли. Въ законѣ 6 апрѣля 1865 года не случайно были включены правила, перешедшія затѣмъ въ ст. 1035, 1036 и 1037 улож. о наказ.; не случайно были назначены кары—сравнительно мягкія—за колеблющіе общественное довѣріе отзывы о законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, за оспариваніе обязательной силы законовъ и оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій, за возбужденіе вражды между сословіями или между частями населенія, за оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза. Проектъ комиссіи 1869-го года, сохраняя всѣ эти постановленія, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько другихъ, аналогичныхъ. Отсутствие чего бы то ни было подобнаго въ новомъ уложеніи мы привѣтствовали бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы у насъ въ Россіи не было больше традиціонныхъ предубѣжденій противъ печати; но такъ какъ они существуютъ въ полной силѣ, то болѣе практичной, болѣе цѣлесообразной была бы другая редакція главы о преступленіяхъ печати, болѣе близкая къ закону 6 апрѣля 1865 года и къ проекту комиссіи кн. Урусова. Далекое не излишнимъ, съ той же практической точки зрѣнія, было бы оставленіе въ силѣ примѣчанія къ ст. 1035-ой уложенія о наказаніяхъ, по которому не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ „обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженной оскорбительныхъ для установленныхъ властей“. Мы знаемъ, что настоящее мѣсто для такого узаконенія—не уголовное уложеніе, а уставъ о цензурѣ и печати или инструкция цензурному вѣдомству; но свобода печати—растение у насъ до такой степени молодое и слабое, что приходится дорожить каждой его подпоркой, хотя бы съ перваго взгляда и ненужной.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1903.

Политическій переворотъ въ Сербіи —Послѣдніе представители дома Обреновичей.—
Правительственное сообщеніе о сербскихъ дѣлахъ.—Новая династія и король Петръ.—
Парламентскіе выборы въ Германіи. — „Новое Время“ объ англійскихъ корреспон-
дентахъ.

Когда мы въ прошломъ обозрѣніи говорили о сербскихъ дѣлахъ, ничто еще не предвѣщало скорой гибели дома Обреновичей. Сербія привыкла терпѣливо переносить всевозможные кризисы, которые почти непрерывно создавались ея правителями въ теченіе послѣдней четверти вѣка; она мирилась съ своею печальною судьбою, когда король Миланъ продавалъ страну австрійцамъ, закладывалъ ея доходы вѣнскому „Лендербанку“, жестоко преслѣдовалъ лучшихъ патріотовъ Сербіи и откровенно разорялъ государственные финансы для удовлетворенія своихъ личныхъ прихотей и вкусовъ. Сколько ни старался Миланъ возбуждать своими дѣйствіями раздраженіе и негодованіе сербскаго народа, это ему какъ будто не удавалось; даже послѣ того, какъ онъ въ 1889 г. отрекся отъ престола и получилъ съ убогой сербской казны миллионныя суммы за отказъ отъ родительскихъ правъ и отъ сербскаго подданства, онъ продолжалъ все-таки пользоваться какимъ-то необъяснимымъ „престижемъ“ въ глазахъ сербовъ и сталъ вновь распоряжаться въ Бѣлградѣ, явившись туда изъ Парижа въ 1894 году, вопреки своимъ торжественнымъ обязательствамъ; позднѣе онъ, въ званіи главнокомандующаго, былъ фактически полновластнымъ хозяиномъ страны и смѣло занялся истребленіемъ наиболѣе выдающихся изъ своихъ предполагаемыхъ противниковъ, подъ предлогомъ умышенно подстроенаго покушенія Княжевича. Произвольно заключивъ въ тюрьму многихъ бывшихъ министровъ, вождей партій и членовъ скупщины, онъ подвергъ ихъ неслыханнымъ истязаніямъ, нравственнымъ и физическимъ, и готовился казнить людей завѣдомо невиныхъ, безъ суда, подъ прикрытіемъ какой-то поддѣльной мнимосудебной процедуры;—и народъ молчалъ, армія покорно бездѣйствовала, и иностранные кабинеты воздерживались отъ вмѣшательства. Постыдный образъ жизни Милана, его публичные семейные скандалы, его походы въ заграничныхъ игорныхъ домахъ, его исторія съ однимъ изъ парижскихъ клубовъ, гдѣ заподозрили правильность его игры,—все это ложилось позоромъ на злополучную Сербію, которая должна была постоянно откупаться отъ дальнѣйшихъ посягательствъ

и денежныхъ требованій своего бывшего короля. Тѣмъ не менѣе сербы не возмущались и сохраняли внѣшнее спокойствіе; почему было и сыну Милана не рассчитывать на такое же образцовое долготерпѣніе своихъ сербскихъ подданныхъ? Юный король, выросшій подъ руководствомъ такого отца, долженъ былъ проникнуться твердымъ убѣжденіемъ, что съ сербами можно дѣлать все, что угодно, не стѣняясь, и что внѣ славнаго дома Обреновичей нѣтъ и не должно быть ничего священнаго для народа. Поклоненіе Милану и его „завѣтамъ“, превознесеніе его великихъ заслугъ предъ отечествомъ, стали занимать видное мѣсто въ официальныхъ политическихъ программахъ правительства, и великолѣпная конная статуя „короля-отца“ должна была въ скоромъ времени украсить одну изъ площадей Бѣлграда, съ соответствующею надписью отъ имени „благодарнаго отечества“; но этому памятнику не суждено было появиться въ сербской столицѣ.

Правленіе короля Александра было во многихъ отношеніяхъ еще болѣе странно, чѣмъ хозяйничанье его отца. Относительно Милана всякій знаетъ, что ему нужно и изъ-за чего онъ ведетъ неустанную войну противъ лучшихъ представителей своего народа; но что собственно заставляло его сына и преемника воевать со всѣми партіями, придумывать государственные перевороты, внезапно отмигать конституціи, которымъ незадолго передъ тѣмъ торжественно присягали, постоянно мѣнять министерства, систематически отталкивать отъ себя всѣхъ честныхъ и способныхъ людей,—это остается неяснымъ и отчасти даже загадочнымъ. Король Александръ не имѣлъ такихъ широкихъ потребностей и разорительныхъ привычекъ, какъ его отецъ; онъ могъ вполне довольствоваться тѣмъ роскошнымъ содержаніемъ, какое давала ему страна, и не имѣлъ повода питать враждебныя чувства къ независимымъ сербскимъ партіямъ и дѣятелямъ, безусловно признававшимъ его власть и готовымъ работать для общаго блага Сербіи и для пользы самой династіи. Трудно было бы опредѣлить въ точности, чѣмъ вызывались столь частыя министерскіе кризисы и конституціонные перевороты при королѣ Александрѣ: никакихъ спорныхъ законодательныхъ или политическихъ вопросовъ не поднималось ни въ скупщинѣ, ни въ печати; о смѣлыхъ реформахъ не было и рѣчи, и нельзя было бы назвать ни одного проекта, который возбудилъ бы принципиальныя разногласія между правительствомъ и оппозиціею или привелъ бы къ перемѣнѣ министровъ. Государственные и общественные интересы не входили вообще въ кругъ заботъ сербскихъ правителей со временъ Милана, согласно его „завѣтамъ“; разногласія и кризисы возникали исключительно на личной почвѣ, такъ какъ другихъ дѣлъ, кромѣ личныхъ и семейныхъ, давно уже не знали и не признавали послѣдніе представители рода Обре-

новичей. Слабость короля Александра къ неожиданнымъ кризисамъ и переворотамъ объяснилась, очевидно, наслѣдственнымъ предрасположеніемъ,—точно такъ же, какъ и его стремленіе причинять вредъ или непріятности своему собственному народу, своимъ сотрудникамъ и министрамъ, разнымъ національнымъ учрежденіямъ и политическимъ партіямъ; даже свои интимныя домашнія дѣла онъ превращалъ въ предметъ общаго безпокойства, какъ бы наслаждаясь тревожными ожиданіями и недоумѣніями сербскихъ обывателей. Когда онъ въ 1900 году вздумалъ жениться на вдовѣ инженера Машина, то многіе усмотрѣли въ этомъ оригинальномъ рѣшеніи только одно благоприятное обстоятельство—разрывъ короля съ его отцомъ Миланомъ, который по прежнему считался злымъ гениемъ Сербіи и ея правительства. Между тѣмъ разрывъ совершился, сынъ избавился отъ опеки и совѣтовъ отца, Драга Машина сдѣлалась королевою, и политическое положеніе какъ будто прояснилось на время; король Александръ возвѣщалъ міру о своемъ желаніи и надеждѣ имѣть наслѣдника, заставлялъ сербовъ радоваться, принималъ подношенія для будущаго потомства и обнаруживалъ какъ будто примирительное, доброжелательное настроеніе относительно своихъ подданныхъ; но это продолжалось недолго. Къ прежнимъ причинамъ министерскихъ кризисовъ прибавились новыя—притязанія и требованія семьи королевы, ея родственниковъ и приближенныхъ, вполне овладѣвшихъ умомъ и сердцемъ несчастнаго короля. Мало-по-малу выдвинулся на первый планъ совершенно невѣроятный вопросъ—о провозглашеніи брата королевы, поручика Никодима Луневицы, наслѣдникомъ сербскаго престола. Молодой король, которому не исполнилось еще двадцати-семи лѣтъ и который при нормальномъ ходѣ вещей могъ имѣть еще десять наслѣдниковъ въ будущемъ, былъ почему-то сильно озабоченъ вопросомъ о престолонаслѣдіи и подъ вліяніемъ окружающихъ готовъ былъ создать новую династію изъ среды никому дотогѣ неизвѣстной фамиліи Луневицы, въ лицѣ незначительнаго юнаго офицера, успѣвшаго своею безтактностью возбудить противъ себя раздраженіе въ арміи. Этотъ удивительный проектъ, неоднократно отрицаемый официальными заявленіями, упорно поддерживался, однако, вліятельными придворными кружками и являлся въ сущности единственнымъ правдоподобнымъ мотивомъ для послѣдняго государственнаго переворота, устранившаго изъ состава сената и народнаго представительства всѣхъ предполагаемыхъ противниковъ задуманной „реформы“. Чѣмъ болѣе чувствовался глухой протестъ народа и арміи противъ предоставленія родственникамъ королевы правъ и привилегій членовъ царствующей фамиліи, тѣмъ усерднѣе обсуждался и обра-

ботывался этотъ планъ при дворѣ, какъ бы на зло общественному мнѣнiю.

Роковыя послѣдствiя этого печальнаго ослѣпленiя короля Александра и королевы Драги всѣмъ извѣстны: въ ночь на 29 мая (11 iюня нов. ст.) погибъ въ своемъ дворцѣ въ Бѣлградѣ послѣднiй король изъ дома Обреновичей, вмѣстѣ съ королевою, двумя ея братьями и нѣсколькими министрами. Военные заговорщики дѣйствовали съ явнымъ ожесточенiемъ и совершили не просто государственный или дворцовый переворотъ, а настоящую бойню; имъ не удалось сразу найти короля, и подъ влiянiемъ ужаса, испытаннаго ими во время напрасныхъ поисковъ, они пришли какъ будто въ состоянiе чисто-животной злобы, которымъ только и объясняется безсмысленная жестокость ихъ „военныхъ“ дѣйствiй. Виновики этого избиенiя не только не скрывались предъ бѣлградскою публикою, но громко заявляли о своемъ кровавомъ дѣлѣ и заранѣе привѣтствовали воцаренiе новой династiи Карагеоргiевичей, и—что поразительнѣе всего—населенiе сербской столицы обнаруживало неподдѣльную радость, вывѣшивало національныя флаги и дѣлало шумныя овацiи развѣзжавшимъ офицерамъ, какъ будто дѣло шло объ избавленiи отъ великой опасности и отъ непосильнаго гнета, или какъ будто армiя одержала славную побѣду надъ непрiателемъ. Никакихъ волненiй и безпорядковъ не вызвала въ Сербiи вѣсть объ окончательномъ паденiи дома Обреновичей. Въ тотъ же день, 29 мая, вступило во власть временное правительство, образовавшееся изъ представителей разныхъ партiй, подъ предсѣдательствомъ бывшаго неоднократно министромъ г. Авакумовича. Повсюду сохранялось въ странѣ спокойствiе, которое ничѣмъ не было нарушено и въ критическiй перiодъ приготовленiй къ выбору короля. Созваны были сенатъ и скупштина въ томъ составѣ, какой имѣли эти собранiя до незаконнаго акта 12 (25) марта, а уже 2 (15) iюня могло состояться торжественное единогласное избранiе новаго короля законнымъ національнымъ представительствомъ Сербiи. По поводу этихъ событiй напечатано было въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 5 iюня слѣдующее официальное сообщенiе:

„Минула недѣля со дня совершившагося въ Бѣлградѣ кроваваго переворота, о которомъ, за отсутствiемъ законной власти въ Сербiи, Императорское правительство не могло быть поставлено въ извѣстность официальнымъ общепринятымъ порядкомъ.

„Строго придерживаясь начала невмѣшательства во внутреннiя дѣла государствъ Балканскаго полуострова и не находя къ тому же возможнымъ вступить въ какое бы то ни было общенiе съ правителями, самовольно принявшими власть,—Россiя выжидала окончанiя смуты,

чтобы ясно опредѣлить взглядъ свой на происшедшія въ королевствѣ событія.

„2-го іюня собравшіеся въ чрезвычайное засѣданіе скупщина и сенатъ возстановили законный строй въ странѣ и единогласно избрали королемъ князя Петра Карагеоргіевича, который, принявъ обращенное къ нему ходатайство народныхъ представителей, согласился вступить на сербскій престолъ подъ именемъ Петра I.

„Тотчасъ же вслѣдъ за избраніемъ своимъ князь обратился по телеграфу къ Государю Императору съ ходатайствомъ о признаніи его королемъ Сербіи, на что послѣдовалъ Высочайшій телеграфный отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ.

„Нельзя, конечно, возлагать на весь сербскій народъ, на все сербское войско отвѣтственность за возмущающее общественную совѣсть преступленіе, но было бы опаснымъ для внутренняго спокойствія самой Сербіи оставлять безъ должнаго возмездія насильственно совершенный военными чинами государственный переворотъ.

„Привѣтствуя избраніе новаго монарха, потомка славной династіи, и выражая пожеланія главѣ единовѣрнаго Россіи сербскаго народа полнаго успѣха въ его благихъ начинаніяхъ, Императорское правительство не можетъ не высказать увѣренности въ томъ, что король Петръ съумѣетъ проявить справедливость и твердую волю, принявъ прежде всего мѣры къ разслѣдованію гнуснаго злодѣянія и подвергнувъ строгой карѣ клятвопреступниковъ, запятнавшихъ себя позоромъ царубійства.

„Такое попустительство неизбѣжно отразилось бы въ неблагоприятномъ смыслѣ на отношеніяхъ всѣхъ государствъ къ Сербіи и тѣмъ создало бы для нея серьезныя затрудненія на зарѣ начинающагося царствованія короля Петра I.

„Единовѣрная Сербіи Россія возсылаетъ мольбы къ Богу объ упокоеніи души безвременно погибшаго короля Александра и его супруги, призывая благословеніе Всевышняго на царственные труды короля Петра ко благу и преусиженію сербскаго народа“.

Съ формальной стороны вопросъ объ отвѣтственности участниковъ переворота былъ заранѣе устраненъ соединеннымъ собраніемъ сербской народной скупщины и сената, выразившимъ весьма откровенно свои чувства отъ имени всей страны за нѣсколько дней до обнародованія русскаго правительственнаго сообщенія. Временное сербское правительство, отдавая собранію отчетъ о своемъ возникновеніи и о своей дѣятельности, упомянуло о „патріотической геройской арміи“, при помощи которой обезпеченъ былъ полный порядокъ въ государствѣ; національное собраніе, въ отвѣтъ на докладъ г. Авакумовича, постановило, что оно „съ восторгомъ привѣтствуетъ новое положеніе, созданное событіями 29 мая, подтверждаетъ полное единодушіе сербскаго народа и войска и одобряетъ поведеніе арміи, которая была и останется оплотомъ отечества, защитницею порядка и законности и гарантіею блестящей будущности Сербіи“. Послѣ такого яснаго за-

явленія сербскаго народнаго представительства князь Петръ Карагеоргиевичъ имѣлъ только одинъ способъ протеста противъ дѣятелей кровавой ночи,—онъ могъ не принимать короны изъ рукъ людей, солидарныхъ съ этими дѣятелями и одобрившихъ плоды ихъ заговора; но князь Петръ принялъ предложенный ему при подобныхъ обстоятельствахъ королевскій титулъ, оказавшійся вакантнымъ благодаря убійству короля Александра, и этимъ лишилъ себя возможности „проявить справедливость и твердую волю“ по отношенію къ лицамъ, которымъ онъ обязанъ теперь своимъ возвышеніемъ. Немедленное согласіе князя Петра Карагеоргиевича воспользоваться результатами печальныхъ событій и принять единодушный сербскій выборъ—настолько разумѣлось само собою, что съ самаго начала не возникало на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, и Россія первая отнеслась къ его поступку съ безусловнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ; да и какъ можно было колебаться и требовать предварительнаго суда надъ заговорщиками, когда въ случаѣ колебанія или отказа грозило странѣ междуусобіе, которое могло бы, пожалуй, привести къ австрійской военной оккупации? Вся судьба Сербіи рѣшалась въ эти тяжелые дни, и малѣйшая остановка или неправильность въ дѣйствіяхъ законнаго и необыкновенно популярнаго претендента могла бы имѣть неисчислимыя послѣдствія; и потому князь Петръ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ тотчасъ же примириться съ совершившимся фактомъ и отклонить отъ себя роль строгаго судьи, несовмѣстимую съ ролью кандидата на сербскій престолъ. Одобривъ же его первоначальное и вполне цѣлесообразное рѣшеніе, нельзя уже возлагать на него обязанность, которая фактически для него неосуществима, и ставить ему задачу, противорѣчащую условіямъ его избранія: онъ не можетъ дѣйствовать противъ тѣхъ, которые призвали его на царство и чувства которыхъ раздѣляются, очевидно, огромнымъ большинствомъ сербскаго народа.

Нравственные мотивы, лежащіе въ основѣ нашего правительственнаго сообщенія, вполне понятны и естественны; они встрѣтили сочувственный отголосокъ въ лучшихъ органахъ общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ и особенно въ Англій, гдѣ вмѣшательство въ чужія дѣла подъ прикрытіемъ гуманности составляетъ издавна специальную отрасль дипломатическаго искусства. Тѣмъ не менѣе новый сербскій король официально признанъ уже почти всѣми европейскими державами, начиная съ Россіи и Австріи, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ, и наша дипломатія вновь подтвердила по этому поводу свой принципъ „невмѣшательства во внутренні дѣла государствъ Балканскаго полуострова“; съ этой точки зрѣнія даваемый королю Петру совѣтъ заняться прежде всего разслѣдованіемъ зло-

дѣянія, возведшаго его на престолъ, остается по необходимости только платоническимъ пожеланіемъ и едва ли можетъ рассчитывать на непосредственное примѣненіе. По существу трудно себя представить, чтобы новый король началъ свое царствованіе возбужденіемъ серьезнаго конфликта съ высшими народными учрежденіями страны и съ господствующимъ народнымъ мнѣніемъ, — конфликта, который могъ бы окончиться отреченіемъ отъ только-что занятаго престола; все зависить такимъ образомъ отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ въ самой Сербіи, отъ настроенія ея народа и законныхъ его представителей, причемъ доброжелательные иностранные кабинеты не должны, конечно, затруднять первые шаги новаго королевскаго правительства въ его сложной и шекотливой задачѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что король Петръ также искренно возмущался подробностями дворцоваго бѣлградскаго кровопролитія, какъ и всѣ культурные и просвѣщенные читатели газетъ въ Европѣ; онъ высказывалъ, говорятъ, горькое сожалѣніе о томъ, что съ покойнымъ королемъ Александромъ не было поступлено такъ, какъ поступили нѣкогда болгарскіе офицеры съ княземъ Александромъ Баттенбергомъ, котораго просто арестовали и увезли за предѣлы княжества. Но устроители подобныхъ переворотовъ никогда не могутъ предвидѣть заранѣе, какъ повернется дѣло и какой получить оно исходъ; и въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, участники заговора боялись цѣлаго ряда опасныхъ неожиданностей, — боялись того, что королева Драга будетъ объявлена регентшей послѣ насильственнаго удаленія или устраненія короля, что, быть можетъ, уже существуетъ секретный актъ о признаніи ея брата наслѣдникомъ престола, и что глава министерства, Цинцаръ Марковичъ, военный министръ Павловичъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Тодоровичъ могли бы попытаться произвести контръ-революцію, опираясь на эти тайные правительственные акты; — оттого заговорщики съ такимъ звѣрскимъ остервенѣніемъ покончили заодно и съ королевой Драгой, и съ ея братьями, и съ тремя названными выше министрами, не считая другихъ жертвъ, попавшихся имъ подъ руку во дворцѣ. Сербскій народъ, какъ и король Петръ, безъ сомнѣнія, жалѣеть объ участи погибшихъ, но въ то же время вся страна, безъ различія партій, чувствуетъ облегченіе при мысли, что прекратился мучительный кошмаръ, тяготѣвшій надъ Сербіею при господствѣ дома Обреновичей. Жизненные національныя нужды, потребности и стремленія сталеваются тутъ съ интересами человечности и правосудія, которые, впрочемъ, больше всего страдали отъ упраздненнаго нынѣ режима. Къ такимъ фамиліямъ, какъ Обреновичи, не слѣдовало бы примѣнять громкія слова и понятія, относящіяся къ династіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Миланъ и его сынъ Александръ не были правителями или монархами въ томъ значеніи,

какое придается главѣ государства въ современномъ культурномъ мѣрѣ; имъ совершенно чуждо сознание патриотическаго долга предъ отечествомъ, представление о высшемъ служеніи государству и народу,—именно то, что предполагаетъ неразрывную связь правительственныхъ правъ и полномочій съ великими государственными обязанностями и функціями, ради которыхъ эти права и полномочія существуютъ. Короли Миланъ и Александръ брали только одну сторону своего званія—свои полномочія и права, не думая и не будучи даже способными думать объ обязанностяхъ; эта характерная черта особенно развилась у Милана съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ пользоваться спеціальнымъ вниманіемъ и покровительствомъ вѣнскаго двора, который вообще—если не прямо, то косвенно и невольно,—наибольше способствовалъ нравственному вырожденію послѣднихъ Обреновичей, поощряя ихъ тщеславіе и самомнѣніе съ цѣлью обезпеченія безпрепятственнаго владычества австрійскихъ интересовъ въ Сербіи.

Взаимное соперничество Обреновичей и Карагеоргиевичей наполняетъ собою политическую исторію Сербіи почти съ первыхъ лѣтъ сербскаго освобожденія, послѣ геройской борьбы съ турками; главнымъ героемъ этой освободительной эпохи и первымъ народнымъ княземъ сербовъ былъ, въ началѣ прошлаго вѣка, Георгій Черный или Кара-Георгій, безстрашный и смѣлый, но свирѣпый и вспыльчивый, убившій своего родного отца за нежеланіе примкнуть къ національному возстанію противъ турецкаго ига. Съ 1806 по 1813 годъ онъ успѣшно держался въ странѣ и организовалъ нѣкоторое подобіе прочнаго порядка и управленія, но затѣмъ, послѣ ряда военныхъ неудачъ, удалился въ Австрію; его бѣгствомъ воспользовался одинъ изъ главныхъ его помощниковъ, Милошъ Обреновичъ, человекъ хитрый и коварный, умѣвшій ладить съ турецкими властями и вскорѣ достигшій положенія единственнаго отвѣтственнаго правителя или князя Сербіи. Когда Кара-Георгій тайно вернулся въ отечество въ 1817 году, Милошъ Обреновичъ сообщилъ объ этомъ туркамъ, велѣлъ отрубить бывшему князю голову и послалъ ее турецкому начальнику болгарской крѣпости. Жестокій и жадный деспотъ восточнаго типа, лицемѣрный и ловкій въ сношеніяхъ съ Турціею, беззащитный и грубый относительно подвластныхъ, Милошъ крѣпко правилъ страню до 1839 года, когда наконецъ народъ не выдержалъ его хищеній и произвола: князь долженъ былъ отречься отъ власти въ пользу своихъ сыновей, изъ которыхъ Михайлъ III Обреновичъ былъ княземъ дважды, отъ 1839 до 1842 и вторично отъ 1858 до 1868 года; въ промежуточный періодъ, отъ 1842 до 1858 года, власть принадлежала сыну Кара-Георгія, Александру. Михайлъ III Обреновичъ,—единственный, вызывавшій симпатіи въ народѣ,—былъ убитъ въ 1868 году близъ Бѣл-

града, въ Топчидерскомъ паркѣ, причеиъ виновность Карагеоргиевичей осталась не вполне установленною. Послѣ этого убійства либеральное министерство Ристича успѣло сохранить власть въ своихъ рукахъ, и изъ Парижа былъ вызванъ воспитывавшійся тамъ малолѣтній племянникъ покойнаго князя, Миланъ, приобрѣвшій впоследствии незавидную славу въ качествѣ перваго самостоятельнаго властелина Сербіи. Новѣйшая сербская исторія не обходится, какъ видимъ, безъ измѣническихкихъ убійствъ, внутреннихъ возстаній и переворотовъ; глава дома Обреновичей совершилъ гнусное злодѣяніе надъ главою Карагеоргиевичей, заслуженнымъ героемъ освободительной войны, а приверженцы Карагеоргиевичей въ свою очередь умертвили лучшаго изъ Обреновичей, Михаила III; Карагеоргиевичи долго потомъ жили въ изгнаніи, пока въ Сербіи хозяйничали послѣдніе Обреновичи; теперь соперничество окончилось страшною трагедіею, уже безъ малѣйшаго участія Карагеоргиевичей и тѣхъ политическихъ партій, съ которыми непрерывно воевали оба короля, Миланъ и Александръ.

Князь Петръ Карагеоргиевичъ, провозглашенный сербскимъ королемъ подъ именемъ Петра I, имѣетъ всѣ шансы быть хорошимъ и доброжелательнымъ правителемъ Сербіи. Во-первыхъ, какъ человѣкъ, достигшій уже довольно почтеннаго возраста (ему теперь около 58 лѣтъ) и мирно проживавшій до сихъ поръ съ семействомъ за границей, преимущественно въ Швейцаріи, при полной матеріальной обеспеченности, онъ совершенно свободенъ отъ того духа интриги, недовѣрія и озлобленія, которымъ проникнуты были послѣдніе Обреновичи; по характеру, какъ его описываютъ знающіе люди, онъ представляется настоящимъ сербомъ, прямымъ и чистосердечнымъ, глубоко любящимъ свою родную страну, ея преданія и пѣсни, и всегдашней мечтой его было получить когда-нибудь возможность вернуться на родину, въ Бѣлградъ, покинутый имъ въ дѣтствѣ съ отцомъ, княземъ Александромъ, тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Призваніе его на сербскій престолъ есть для него въ то же время возвращеніе въ отечество, и радость этого возвращенія въ Сербію, на старости лѣтъ, должна неизбѣжно наложить свою печать на все его царствованіе. Во-вторыхъ, новый король не долженъ беспокоиться о потомствѣ; у него есть готовые наследники, два сына, воспитывавшіеся до послѣдняго времени въ Петербургѣ; мать ихъ, умершая въ 1890 году, была дочерью князя Николая Черногорскаго, и нынѣшній сербскій наследникъ приходится, слѣдовательно, внукомъ популярнѣйшему въ славянскомъ мірѣ дѣятелю, котораго наши „Московскія Вѣдомости“ называютъ иногда, со словъ иностранныхъ газетъ, „княземъ де-Монтенегро“ (см., напр., № 115 названной патріотической газеты за текущій годъ, въ отдѣлѣ „Смѣси“). Черезъ этого „князя де-Монтенегро“

король Петръ находится въ родственныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми могущественными династіями Европы, въ томъ числѣ съ королевскою итальянскою фамиліею. Все это ставитъ Карагеоргіевичей въ глазахъ сербовъ очень высоко сравнительно съ Обреновичами, добивавшимися милостей вѣнскаго двора цѣною важныхъ политическихъ и торговыхъ уступокъ и не нашедшими, однако, никакой принцессы для Александра; попытка же возвести на степень принцевъ и принцессъ семью Луневицы наиболѣе ожесточила населеніе, для котораго родственныя связи играютъ большую и серьезную роль въ жизни. Сербы желали видѣть у себя настоящихъ принцевъ и принцессъ, а не поддѣльныхъ, и это законное желаніе сербскаго народа теперь можетъ быть удовлетворено. Наконецъ, въ-третьихъ, Карагеоргіевичи издавна пользуются расположеніемъ высшихъ сферъ и въ Австріи, и въ Россіи; прежде они тяготѣли больше къ Вѣнѣ, а потомъ окончательно сблизились съ Петербургомъ, что тоже далеко не безразлично для сербовъ. Вотъ почему сербы радуются и торжествуютъ, получивъ впервые настоящаго, серьезнаго короля, къ которому и свои и чужіе могутъ относиться какъ къ человѣку, достойному полнаго довѣрія; этотъ король категорически обѣщаетъ не нарушать никакихъ законовъ, свято соблюдать возстановленную скупштиною, съ необходимыми поправками, старую конституцію 1889 года, и дѣлать вообще только, что соответствуетъ національнымъ потребностямъ и стремленіямъ Сербіи, въ неизмѣнномъ согласіи съ законнымъ представительствомъ страны. Въ сущности, со стороны короля нужно очень немного, чтобы удовлетворить и даже осчастливить сербовъ: достаточно быть честнымъ, добросовѣстнымъ, правдивымъ и доброжелательнымъ, т.-е. обладать качествами, которыхъ недоставало Обреновичамъ и которыхъ, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, присущи королю Петру Карагеоргіевичу. Если внутренняя жизнь Сербіи войдетъ наконецъ въ нормальное русло, то это отразится со временемъ и на ея политической роли, и на общемъ ходѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Германіи происходили 16 іюня (нов. ст.) выборы въ имперскій сеймъ, имѣвшіе на этотъ разъ большое значеніе въ виду обострившейся борьбы между аграріями и большинствомъ передовыхъ либеральныхъ группъ. Правительство долго поощряло самоувѣренную партію „союза сельскихъ хозяевъ“, большею частью крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ, требовавшихъ возвышенія пошлинъ на привозный хлѣбъ для поднятія цѣнъ на зерновые продукты; этимъ новымъ протекціонистамъ обѣщались значительныя уступки и льготы, мотивируемая, конечно, важною сельскаго хозяйства и землева-

дѣнія вообще, но вызываемыя въ дѣйствительности консервативною благонамѣренностью и вліятельнымъ общественнымъ положеніемъ аграріевъ. „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ казался крупною политическою и общественною силою; онъ ставилъ свои требованія, которымъ правительство старалось идти на встрѣчу, и нѣмецкая публика съ тревогою слѣдила за ходомъ переговоровъ и пререканій, угрожавшихъ насущнымъ интересамъ бѣднѣйшей части населенія. Чрезмѣрная требовательность аграріевъ оттолкнула отъ нихъ даже наиболее снисходительныхъ членовъ правительства; канцлеръ графъ Бюловъ, объявившій, что онъ самъ принадлежитъ къ классу землевладѣльцевъ и потому не можетъ относиться равнодушно къ дѣлу охраны сельского хозяйства отъ иностранной конкуренціи, долженъ былъ наконецъ оборвать свои близкія отношенія съ компрометировавшею его партією; точно такъ же и прусскій министръ земледѣлія, фонъ-Подбѣльскій, считавшійся „своимъ“ между аграріями, вынужденъ былъ отстраниться отъ нихъ, и шансы возможнаго соглашенія мало-по-малу ослабѣли. Въ печати дѣятельно продолжалась полемика между обоими лагерями: аграріи рѣзко и громко поднимали свой голосъ, вызывая противъ себя протесты и насмѣшки либераловъ, и съ обѣихъ сторонъ возлагались всѣ надежды на предстояшіе парламентскіе выборы, которые должны были окончателно разрѣшить вопросъ о будущей торгово-промышленной таможенной политикѣ Германіи.

Результатъ выборовъ оказался убійственнымъ для аграріевъ: партія ихъ, можно сказать, совершенно уничтожена, и наиболѣе настойчивые ихъ представители вовсе не попали въ имперскій сеймъ. Главнѣйшіе противники хлѣбныхъ пошлинъ, социаль-демократы, приобрѣли могущественное положеніе въ парламентѣ: число ихъ депутатовъ увеличилось съ 58 до 83, а по количеству поданныхъ за нихъ голосовъ (около трехъ милліоновъ) они составляютъ первую, безусловно сильнѣйшую народную партію въ имперіи; крѣпко сплоченная партія католическаго центра сохранила почти свою прежнюю численность,—около ста членовъ; консерваторовъ избрано столько же, сколько и было,—52 человѣка, и сверхъ того независимыхъ консерваторовъ—17, вмѣсто бывшихъ 20; національ-либералы также мало пострадали,—ихъ насчитывается 50, вмѣсто 53; замѣтно сократились въ своемъ составѣ группы безцвѣтныхъ прогрессистовъ,—„свободомыслящей народной партіи“ и союза свободомыслящихъ,—всего 30, вмѣсто 35; изъ болѣе мелкихъ фракцій усилились поляки (17, вмѣсто прежнихъ 14) и пострадали антисемиты (выбрано 9, вмѣсто бывшихъ 12). Распределеніе партій вышло бы нѣсколько иное и побѣда социаль-демократовъ была бы несравненно болѣе рѣшительною, еслибы выборы 16 іюня не напугали умѣренныхъ и робкихъ элементовъ нѣмецкаго общества:

торжество социаль-демократіи сразу обозначилось настолько рѣзко и произвело такое сильное впечатлѣніе на всѣ остальные партіи, что задачей дальнѣйшихъ выборовъ и перебаллотировокъ было уже какъ будто исключительно — оказать отпоръ социализму соединенными силами всѣхъ разнородныхъ „гражданскихъ“ или мѣщанскихъ партій и группъ. Перебаллотировки происходили 25 (12) іюня, и социаль-демократы, вполне основательно рассчитывавшіе на успѣхъ въ очень многихъ еще пунктахъ страны, увидѣли противъ себя повсюду тѣсно сплоченными не только консерваторовъ и національ-либераловъ, но и передовыхъ прогрессистовъ и свободомыслящихъ, дѣйствовавшихъ заодно съ обычными своими врагами для совместной борьбы съ социализмомъ. Передовые либералы подавали голоса за ярыхъ консерваторовъ, когда послѣдніе были соперниками социаль-демократовъ; консерваторы и правительственные чиновники усердно агитировали за свободомыслящихъ, имѣвшихъ противъ себя кандидатовъ социаль-демократической партіи. Благодаря этой всеобщей энергической коалиціи противъ социаль-демократовъ, они далеко не получили того числа мѣстъ въ имперскомъ сеймѣ, на какое они имѣли право надѣяться по своей общей численности въ массѣ нѣмецкихъ избирателей; но и теперь поразительный ростъ этой рабочей партіи, окрѣпшей и прочно организовавшейся особенно въ періодъ преслѣдованій еще при Бисмаркѣ, является самымъ интереснымъ и характернымъ явленіемъ современной политической жизни Германіи. Сдѣлавшись парламентскою партіею, призванною участвовать въ обсужденіи практическихъ вопросовъ законодательства и текущей политики, нѣмецкая социаль-демократія въ сущности уже отрелася отъ прежняго социалистическаго доктринерства и имѣетъ уже очень мало общаго съ той опасною будто бы революціонною силою, которой все еще боятся по традиціи мнимые передовые прогрессисты буржуазнаго направленія. Социаль-демократія усиливается и растетъ потому, что она имѣетъ за собою наиболѣе многочисленныя трудящіяся классы и представляетъ собою единственную дѣйствительно передовую и энергическую народную партію въ Германіи.

По поводу правительственной мѣры, принятой недавно противъ здѣшняго корреспондента лондонскаго „Times“, „Новое Время“ высказало нѣсколько замѣчаній, которыя представляются по меньшей мѣрѣ странными со стороны газеты, имѣющей своего собственнаго корреспондента въ Лондонѣ. Безъ сомнѣнія, правительство имѣло вѣскія законныя основанія къ удаленію изъ Петербурга британскаго подданнаго, г. Брагама, и высылка иностранцевъ, оказавшихся почему-либо неудобными или нежелательными въ данной странѣ, настолько ши-

роко практикуется въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напр. въ Пруссіи, что этотъ инцидентъ самъ по себѣ не имѣлъ бы большого значенія. Намъ не могутъ быть въ точности извѣстны обстоятельства и мотивы, вызвавшіе ту или другую официальную мѣру; но тѣ мотивы, которые отъ себя приводитъ „Новое Время“ по отношенію къ г. Брагаму и которые кажутся газетѣ вполне убѣдительными, были бы болѣе чѣмъ достаточны для высылки собственныхъ корреспондентовъ всѣхъ русскихъ газетъ, и въ томъ числѣ прежде всего „Новаго Времени“, изъ разныхъ западно-европейскихъ столицъ, начиная съ Лондона.

Если оставить въ сторонѣ фактическую невѣрность въ обвиненіяхъ, выставленныхъ газетою противъ г. Брагама,—относительно „фальсификаціи“, которая, по удостовѣренію корреспондента, подтвержденному редакціею „Times“а, произошла помимо его вѣдома и участія, — то всѣ соображенія „Новаго Времени“ по существу сводятся къ тому, что корреспондентъ „Times“а въ своихъ письмахъ и телеграммахъ проявлялъ враждебныя чувства къ русскому правительству и будто бы только за эти свои чувства долженъ былъ подвергнуться неприятымъ послѣдствіямъ. Г. Брагамъ виновенъ, по словамъ „Новаго Времени“, въ возбужденіи непріязни „къ русскому правительству въ англійскомъ обществѣ, въ особенности въ тѣхъ высшихъ дѣловыхъ сферахъ лондонскаго Сити, для которыхъ „Times“ служитъ оракуломъ и которая имѣютъ большой вѣсъ въ Англии“. „Самый фактъ удаленія изъ Россіи петербургскаго корреспондента этой газеты—разсуждаетъ „Новое Время“—несомнѣнно свидѣтельствуетъ о желаніи русскаго правительства сохранить добрыя отношенія съ Англіею, такъ какъ г. Брагамъ съ самаго появленія своего въ Петербургѣ дѣлалъ все возможное, чтобы испортить эти добрыя отношенія между Россіей и Англіей посредствомъ возбужденія англійскаго общественнаго мнѣнія противъ русскаго правительства. Можно быть увѣреннымъ, что и англійское правительство отнесется къ факту удаленія г. Брагама съ той же точки зрѣнія (?) и оцѣнитъ побужденія, руководившія русскимъ правительствомъ въ этомъ инцидентѣ“. Газета обращается затѣмъ къ своему лондонскому коллегѣ съ соответственнымъ поученіемъ: „надо надѣяться, что „Times“у онъ (инцидентъ) послужитъ полезнымъ указаніемъ на то, что и при выборѣ иностранныхъ корреспондентовъ необходимо соблюдать политическій тактъ и серьезно относиться къ своему положенію „шестой державы“, какъ нѣкогда былъ названъ органъ лондонскаго Сити“. „Новое Время“, очевидно, думаетъ, что „Times“ будетъ отнынѣ считать своею обязанностью повсюду имѣть корреспондентовъ, проникнутыхъ вполне одобрительными чувствами къ иностраннымъ правительствамъ, и что

добрѣя отношенія между Россією и Англією безусловно выиграють, если будетъ удаленъ изъ Лондона корреспондентъ „Новаго Времени“, г. Аргусъ, относящійся далеко не дружелюбно къ британскому кабинету и съ особеннымъ усердіемъ возбуждавшій противъ него русское общественное мнѣніе во время англо-бурской войны. „Новое-Время“ какъ будто упустило изъ виду, что говорить въ данномъ случаѣ въ качествѣ газеты, а не чего-то другого, и что по меньшей мѣрѣ лондонскій „Times“ долженъ былъ бы считаться равноправнымъ съ „Новымъ Временемъ“ въ международныхъ отношеніяхъ...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗДЪ ИСТОРИКОВЪ ВЪ РИМѢ

ВЪ АПРѢЛѢ 1903 ГОДА.

Столь популярныя еще не такъ давно ученые съезды стали вызывать въ послѣднее время скептическія замѣчанія. Все то, что дѣлается съездами для науки, можетъ быть достигнуто, говорятъ, и инымъ путемъ. Рефераты могутъ быть напечатаны въ видѣ ученыхъ статей, а обсужденіе ихъ можетъ вестись печатными критическими разборами лучше, чѣмъ импровизированными словесными преніями. Организация выставокъ, безъ сомнѣнія, полезна, но приуроченіе ихъ къ съезду носить на себѣ случайный характеръ. Лихорадочная дѣятельность во время съездовъ, связанная съ ними развлечения и угощенія менѣе всего способствуютъ правильной научной работѣ. Польза съездовъ сводится лишь къ личнымъ знакомствамъ участниковъ и счетамъ по мѣстничеству, едва ли удобнымъ въ ученой корпораціи...

Такія замѣчанія повторялись неоднократно въ Римѣ по поводу послѣдняго историческаго конгресса. Въ нашихъ и заграничныхъ газетахъ приходилось читать невѣрные отзывы о конгрессѣ; напр., римскій корреспондентъ „Новаго Времени“ присылалъ телеграммы и письма о конгрессѣ, отзывающіяся, какъ это ни странно, какимъ-то раздраженіемъ. Хорошее резюме научныхъ работъ представлено было, сколько мнѣ извѣстно, лишь въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Въ заграничной прессѣ можно было отмѣтить противорѣчивые отзывы о конгрессѣ. Постараемся разобратся въ фактахъ и впечатлѣніяхъ.

I.

Съездъ историковъ всѣхъ странъ въ Римѣ былъ назначенъ еще въ прошломъ году. Вслѣдствіе раскола между итальянскими учеными онъ не состоялся. Въ этомъ году во главѣ организаціи съезда стала академія Линчеевъ и рядъ лицъ солидной репутаціи, первостепенныхъ ученыхъ, съ сенаторомъ Виллари во главѣ. Заручившись протекторатомъ короля и участіемъ города Рима, конгрессъ могъ рассчитывать на полный внѣшній успѣхъ.

Дѣйствительно, несмотря на то, что конгрессъ слабо себя рекла-

мировалъ, съѣздъ оказался весьма многочисленнымъ. Онъ оказался бы еще многочисленнѣе, еслибы организаціонный комитетъ обращался непосредственно къ иноземнымъ ученымъ и учебнымъ корпораціямъ, а не ограничивался сношеніями дипломатическимъ путемъ. Всего членовъ конгресса собралось въ концѣ марта въ Римѣ около 2.500, не считая членовъ ихъ семействъ; делегатовъ отъ правительствъ и учреждений оказалось 300 человекъ. Такимъ образомъ организаторамъ съѣзда предстояла серьезная задача разобраться въ интересахъ столь многочисленнаго собранія и направить ихъ надлежащимъ образомъ. Организація чтеній не представляла ничего достопримѣчательнаго. О научномъ значеніи рефератовъ мы скажемъ ниже; теперь укажемъ на внѣшній ходъ занятій съѣзда.

Распредѣливъ на семь дней занятія членовъ конгресса, комитетъ позаботился о томъ, чтобы участникамъ были предоставлены разнообразныя развлеченія и чтобы пріѣзжіе могли видѣть наиболѣе интересные достопримѣчательности міровой столицы. Заботливость хозяевъ была весьма велика и требовала отъ гостей усиленной, почти лихорадочной дѣятельности. Главныя развлеченія и приемы въ Римѣ были: вокальный концертъ въ громадномъ Арджентинскомъ театрѣ, посѣщеніе форума и вновь открытыхъ въ немъ развалинъ, концертъ и иллюминація въ Колизеѣ, приемъ у министра народнаго просвѣщенія на Палатинѣ, приемъ у городского головы князя Колонны въ капитолийскомъ музеѣ, банкетъ у короля и—для русскихъ делегатовъ—завтракъ у русскаго посла А. И. Нелидова. Если мы къ этому прибавимъ осмотръ библіотеки, плановъ города Рима, эскурсіи въ замокъ св. Ангела, катакомбы и пр., намъ придется лишь удивляться выносливости прибывшихъ въ Римъ иноземныхъ гостей.

Всѣ безъ исключенія развлеченія и приемы носили характеръ самаго широкаго гостепріимства, были задуманы съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и имѣли неоспоримое воспитательное значеніе. Концертъ вокальной исторической музыки доставилъ и профанамъ, и знатокамъ высокое эстетическое наслажденіе. Мы прослушали лучшіе образцы вокальной музыки въ преемственности школъ и авторовъ; превосходное исполненіе дѣлало честь современной итальянской вокальной музыкѣ.

Объясненія лучшими спеціалистами раскопокъ на римскомъ форумѣ могли интересовать не только причастныхъ къ археологіи и исторіи: здѣсь, въ Римѣ, всѣ по неволѣ становятся любителями столь ярко выраженнаго прошлаго и поклонниками античной культуры. Банкетъ на Палатинскомъ холмѣ былъ несравненно задуманъ и приведенъ въ исполненіе: яркій весенній день, чудесная растительность, величественный видъ на Вѣчный городъ, прекрасная музыка, обиліе цвѣ-

товъ, напитков и яствъ, публика радостная, ликующая... Здѣсь многочисленные гости знакомятся другъ съ другомъ, старики жмутъ руку молодымъ, разодѣтыя дамы бесѣдуютъ съ отмѣченными характерными медальками конгрессистами. Надъ всѣмъ этимъ—чудное, яркое, южное небо.

Другую картину представлялъ собой приемъ въ капитолийскомъ музее. Въ громадныхъ залахъ, уставленныхъ шедеврами скульптурнаго искусства, съ Капитолийской Венерой во главѣ, тѣснятся тысячи конгрессистовъ. Хозяинъ, князь Колонна, любезно знакомится со всѣми. Представители всѣхъ странъ и націй сталкиваются, сближаются и бесѣдуютъ. Струнный оркестръ на площади, масса цвѣтовъ и обильное угощеніе—въ залахъ. Поздно, послѣ двѣнадцати часовъ ночи, расходятся по домамъ гости. Обѣдъ у короля былъ доступенъ сравнительно небольшому числу делегатовъ, получившихъ приглашеніе (130 чел.). Здѣсь, понятно, многіе считали себя обиженными. Представители, напр., трехъ русскихъ университетовъ (изъ общаго числа шести) не получили приглашенія. Королевская чета, пользующаяся въ Римѣ общей симпатіей, милостиво бесѣдовала со многими.

Словомъ, развлечениямъ, ббльшей частью поучительнымъ, не было конца. Гостеприимство города и страны было организовано на широкую ногу. Знакомъ члена конгресса давалъ право бесплатнаго посѣщенія многихъ достопримѣчательностей и отъ 40% до 60% скидки съ провозной платы на желѣзной дорогѣ.

Не вполнѣ успѣшны были усилія организационнаго комитета предоставить прїѣзжимъ удобныя и недорогія помѣщенія въ многочисленныхъ римскихъ гостинницахъ. Пользуясь сезономъ, содержатели отелей прибавили цѣны конгрессистамъ, а „казенныхъ квартиръ“ въ распоряженіи комитета не было. Равнымъ образомъ маленькій путеводитель для конгрессистовъ не отвѣчалъ своему назначенію.

Подобнымъ образомъ нежелательные для комитета пробѣлы въ организациі могли быть отмѣчены въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; демократическій строй итальянской жизни не позволялъ комитету дѣлать различіе между обыкновенными членами и делегатами; многолюдство собраній обусловило, напр., непріятный для комитета инцидентъ: въ день открытія съезда многіе иностранные делегаты не попали въ залу, а толпа итальянскихъ конгрессистовъ усиленнымъ стукомъ въ двери нарушила торжественное настроеніе собранія, удостоеннаго присутствіемъ королевской четы. Далѣе, распредѣленіе президентуры и вице-президентуры секцій комитетомъ не могло всѣхъ удовлетворить,—представители различныхъ націй и государствъ оказывались обойденными. Изъ одиннадцати русскихъ делегатовъ предсѣдательствовала лишь проф. Модестовъ, хорошо извѣстный комитету

и проживающій въ Римѣ. Умысла, конечно, здѣсь не было; дѣло, кажется, было въ томъ, что русскіе делегаты не запаслись соотвѣствующими документами отъ своего правительства. Такъ или иначе—все это въ совокупности вызывало нареканія болѣе требовательныхъ делегатовъ. Главная же причина—многолюдство сѣзда и недостаточное знакомство организаторовъ съ иностранными учеными, особенно славянскими.

II.

Научная дѣятельность историческаго конгресса была весьма разнообразна. Задачи конгресса были блестяще очерчены въ рѣчи сенатора Виллари—при открытіи конгресса. Указывая на блестящіе успѣхи исторической итальянской науки за послѣднія 50 лѣтъ, ораторъ отмѣчал тѣсную связь итальянской исторіи съ исторіей другихъ странъ и народовъ. Итальянской исторіи нельзя понять, не изучая нашествія варваровъ, универсальной идеи церкви, французской революціи, эпохи Наполеона. XIX-й в.,—доказывалъ Виллари,—былъ преимущественно эпохой націонализма. Изъ патриотическаго чувства выросла нынѣшняя Италия, найдя въ немъ основу своего политическаго воспитанія, побудительный мотивъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, источникъ своего красворѣчія и энергіи. Задача XX ст., по мнѣнію оратора, сведется къ тому, чтобы поддерживать и обезпечить существованіе трудящихся классовъ, закрѣпить взаимную солидарность культурныхъ народовъ. Историческія общества въ настоящее время имѣютъ строго національный, даже провинціальный характеръ, но на это слѣдуетъ смотрѣть какъ на временное явленіе и необходимо придти къ соглашенію по основнымъ вопросамъ историческаго метода и плановъ изученія крупнѣйшихъ историческихъ явленій. Нѣмцы и итальянцы могли бы, напр., стовориться въ изученіи лонгобардовъ, которые принадлежатъ одинаково итальянской и нѣмецкой исторіи; также слѣдовало бы поступить англичанамъ, французамъ, итальянцамъ относительно норманновъ. Римъ,—по мнѣнію Виллари,—и по своей древней славѣ, и по интернаціональному значенію, является наиболѣе подходящимъ мѣстомъ собранія историческаго конгресса, такъ какъ здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, сосредоточены научные интересы всѣхъ націй.

Занятія конгресса были распределены въ *восемь* секціяхъ: 1) Древняя исторія. Эпиграфика. Классическая и сравнительная филологія. 2) Средневѣковая и новая исторія. Группа а) Методика. Группа б) Архивное дѣло, библіографія и вспомогательныя науки. 3) Исторія литературы. 4) Археологія. а) Исторія музыки и драмы. б) Нумизма-

тика. с) Исторія искусства. 5) Исторія права и экономическихъ и социальныхъ наукъ. 6) Исторія, географія, историческая географія. 7) Исторія философіи, исторія религіи. 8) Исторія математическихъ, физическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе многочисленныя и интересные рефераты были прочитаны въ исторической и археологическихъ секціяхъ. Значительное число ихъ имѣло прямое или косвенное отношеніе къ Италіи.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе хотя бы важнѣйшихъ рефератовъ, такъ какъ научное достоинство ихъ можетъ быть опредѣлено лишь по выходѣ въ свѣтъ *трудовъ* съезда. Постараемся отмѣтить, какія отрасли историческихъ наукъ подверглись особенной разработкѣ на конгрессѣ.

Знакомство съ содержаніемъ главныхъ рефератовъ секцій конгресса убѣждаетъ насъ, что исторія Италіи, древняя, средневѣковая и новая, ея археологія и древности стояли на первомъ планѣ. Этому нельзя удивляться, такъ какъ едва ли не таково мѣсто Италіи во всемирной исторіи. Труды конгресса наглядно показали, какъ много было сдѣлано итальянской наукой за послѣднія 25—30 лѣтъ. Равнымъ образомъ иностранные ученые, по понятнымъ причинамъ, старались во многихъ случаяхъ приурочить свои рефераты къ интересамъ страны и столицы, создавшихъ международный конгрессъ историковъ. Это была любезность гостей по отношенію къ радушнымъ хозяевамъ. Наконецъ, значительную группу составляли рефераты, знакомившіе конгрессъ или съ интересными открытіями, или съ разработкой историческихъ вопросовъ въ отдѣльныхъ странахъ и націяхъ. Весьма интересной стороной засѣданій было обсужденіе темъ (положеній), предложенныхъ различными лицами и учрежденіями, въ большинствѣ случаевъ ходатайствъ по важнымъ для итальянца, но не переходившимъ мѣстныхъ интересовъ вопросамъ. Менѣе всего привлекали вниманіе вопросы преподаванія исторіи и лишь въ одномъ засѣданіи обсуждались методы преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ странъ. Къ сожалѣнію, никто изъ русскихъ делегатовъ не познакомилъ слушателей съ положеніемъ преподаванія исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Весьма затруднительно обобщить хотя бы поверхностно разнообразное содержаніе рефератовъ хотя бы только первыхъ трехъ секцій; еще труднѣе квалифицировать ихъ научныя достоинства. Укажемъ на разнообразіе и важность темъ, затронутыхъ докладами. Я сказалъ: „затронутыхъ“, такъ какъ для всякаго доклада полагалось 20 минутъ, пренія не допускались, а потому референты вынуждены были ограни-

читаться лишь приведеніемъ наиболѣе важныхъ доказательствъ своихъ положеній. Такъ трактовался вопросъ объ епископствахъ въ Италіи въ эпоху нашествія лангобардовъ, обзоръ сокровищъ частныхъ римскихъ библиотекъ, отношенія Мишлѣ къ Италіи, о находкахъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ раскопкахъ, о гомерическомъ діалектѣ, о поэтахъ и риторкахъ галло-романской школы въ Веронѣ, объ изданіи *Cogrus inscriptionum italicarum medii aevi*, о реставраціи древняго плана гор. Рима (*Forma urbis*), объ археологическихъ находкахъ въ Сициліи, о сношеніяхъ Италіи и Скандинавскаго полуострова до Августа, о легендѣ о Ромулѣ, объ отношеніи Гёте къ итальянскому Возрожденію. Мы выбрали наудачу заглавія рефератовъ, чтобы дать читателю сколько-нибудь наглядное представленіе объ ихъ разнообразіи. По самому скромному подсчету рефератовъ было около 200. Понятно, рядомъ съ „выладами“ въ науку существовалъ рядъ сообщений, составленныхъ *ad hoc*, для вищей извѣстности конгрессиста.

Ходатайства и постановленія отдѣльныхъ секцій конгресса имѣли въ виду разрѣшеніе важныхъ и назрѣвшихъ вопросовъ въ итальянской наукѣ, какъ-то: основаніе институтовъ, изданіе монументальныхъ памятниковъ письменности и т. п. Всѣ эти постановленія не переходили за предѣлы интересовъ специально-итальянской науки, но ео *ipso* имѣли и международное значеніе. Такихъ вопросовъ, въ которыхъ сказывалась бы солидарность интересовъ ученыхъ всѣхъ странъ, сколько мнѣ извѣстно, не затронувалось.

Выше изложенное пояснито достаточно, на мой взглядъ, значеніе *римскаго историческаго конгресса 1903 г.* Многолюдный и оживленный, этотъ съѣздъ сблизилъ между собою историковъ различныхъ національностей и школъ. Во многихъ случаяхъ обсуждались вопросы интересные и важные. Гостепримство итальянской націи, въ частности Рима, было весьма широкое, а нѣкоторыя шероховатости организаціи, почти неизбежныя при такомъ многолюдствѣ, не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. Картина съѣзда развернулась на чудномъ фонѣ Вѣчнаго города, равнаго которому нѣтъ столицы въ мірѣ. Ему, Риму, конгрессъ обязанъ своимъ успѣхомъ, но онъ же, *Roma aeterna*, подавлялъ своимъ нагляднымъ величіемъ все, что можно было сказать о прошломъ, — отсюда, сравнительно слабое посѣщеніе засѣданій съѣзда.

Изъ ученыхъ, по національностямъ, послѣ итальянцевъ, первую роль сыграли французы, умѣло и солидарно поддерживавшіе свой престижъ; затѣмъ — нѣмцы, имѣющіе свои ученые учрежденія въ Римѣ;

за ними слѣдовали англичане, американцы, испанцы, польскіе, чешскіе, сербскіе и болгарскіе делегаты. Изъ Россіи было 11 делегатовъ; изъ нихъ, кромѣ меня, трое читали сообщенія (проф. Модестовъ, Базинеръ и Кулаковскій). Слѣдующій съѣздъ историковъ предполагается въ Берлинѣ въ 1906 г.

Л. ШЕНЕЛЕВИЧЪ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1908.

I.

— Великій Князь Николай Михайловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ второй. Спб. 1908.

Въ Литературномъ Обзорѣніи „Вѣстника Европы“ были упомянуты первый томъ настоящаго изданія, и было указано высокое значеніе труда, предпринятаго Е. И. В.

Вышедшій теперь второй томъ вполне подтверждаетъ ожиданіе, высказанное нами о чрезвычайномъ интересѣ историческихъ матеріаловъ, которые должны были появиться какъ приложение къ биографіи гр. П. А. Строганова.

„Второй томъ,—какъ замѣчаетъ предисловіе,—посвященъ преимущественно, если не исключительно, преобразованіямъ высшихъ государственныхъ учрежденій въ первые три года прошлаго XIX вѣка. Вслѣдъ за кончиною императора Павла I совѣтъ и сенатъ, государственныя коллегіи, министерства и комитетъ министровъ сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе императора Александра I и его ближайшихъ сотрудниковъ, причемъ и въ официальныхъ бумагахъ, и въ частныхъ письмахъ молодой императоръ ставитъ превыше всего законность, подчиняя ей не только свою личную волю, но и прерогативы унаслѣдованнаго имъ самодержавія“. Этотъ принципъ законности, какъ исходная точка и конечная цѣль задуманныхъ преобразованій, былъ симпатиченъ вмѣстѣ съ имп. Александромъ и его сотрудникамъ—Кочубею, Новосильцову, Чарторьжскому, но особенно,—замѣчаетъ авторъ,—гр. Строганову. „Говорю „особенно“ потому только, что взгляды и намѣренія въ этомъ отношеніи гр. Строганова наиболѣе извѣстны и наиболѣе ясно имъ выражены. Изъ всѣхъ сотрудниковъ императора Александра I одинъ гр. Строгановъ записывалъ изо дня

въ день всё „преобразовательные“ планы, свои и чужіе, точно и ясно формулируя весь ходъ работы. Издаваемый нынѣ второй томъ почти весь напечатанъ съ рукописей, имъ составленныхъ“.

„Въ самыхъ рукописяхъ гр. Строганова сказывается уже ученикъ математика Ромма: онъ въ своихъ записяхъ всегда точенъ, методиченъ, логически послѣдователенъ“. Онъ не только записываетъ, о какихъ предметахъ шла рѣчь, но и собственные взгляды, и въ этомъ смыслѣ говоритъ съ императоромъ, „который, по самому свойству своего ума, быстрого и блистательнаго, но нисколько не методичнаго, такъ нуждался въ подобномъ руководствѣ. Этимъ, можно думать, гр. Строгановъ болѣе всего импонировалъ на своего государя“.

Съ большимъ вниманіемъ изучивъ этотъ историческій матеріалъ, авторъ дѣлаетъ чрезвычайно цѣнные замѣчанія о роли самого императора въ преобразовательныхъ планахъ начала его царствованія.

„Говорятъ и повторяютъ, что всё преобразованія, надъ которыми такъ много трудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ императора Александра I. Согласно съ этимъ укоряютъ и кланутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ Александръ I, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всё онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, и въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружающихъ его совѣтниковъ.

„Эту черту императора Александра I понималъ лучше всѣхъ и наиболѣе успѣшно боролся съ нею гр. Строгановъ. Вотъ что записалъ онъ въ своихъ тетрадяхъ того времени: „Намъ необходимо составить планъ реформъ и уяснить себѣ цѣль ихъ, чтобы труды наши не зависѣли ни отъ чьего произвола. Точно установивъ, чего мы желаемъ добиться отъ императора, необходимо опредѣлить его характеръ, чтобы сообразно этому составить нашъ планъ атаки, если я смѣю такъ выразиться“.

„Указавъ задачу, гр. Строгановъ принялъ на себя и ея исполненіе. Въ особомъ очеркѣ, основанномъ отчасти на психологическихъ соображеніяхъ, онъ опредѣляетъ довольно точно тѣ способы, при помощи которыхъ можно имѣть вліяніе на императора и руководить его волею“...

Большой томъ, наполненный приложениями изъ малодоступнаго до сихъ поръ архива гр. Строгановыхъ, представляетъ слѣдующіе материалы: *Principes de la réforme du gouvernement*; *Conférences avec l'Empereur, 1801*; *Séances du Comité, 1802*; *Organisation du Conseil et des ministères*, реформа Сената; всеподданнѣйшіе доклады гр. П. А. Строганова; переписка императора Александра I съ графомъ П. А. Строгановымъ; переписка гр. П. А. Строганова съ кн. А. А. Чарторыжскимъ.

Все это доставляетъ материалы большого историческаго интереса. Во-первыхъ, разъясняется любопытный эпизодъ царствованія императора Александра I, гдѣ сказывалась потребность новаго развитія общественныхъ элементовъ и преобразованія государственныхъ формъ; эта потребность впервые возникала въ высшихъ сферахъ самой государственной власти. Преобразование не совершилось, или ограничилось немногими попытками въ измѣненіи учреждений; но эти начинанія оставили, однако, свой слѣдъ въ общественномъ сознаніи, поддерживавъ тѣ нравственно-политическіе запросы, какіе возникали подъ влияніемъ эпохи и собственныхъ опытовъ въ самомъ обществѣ. Въ частности, изданные здѣсь документы даютъ впервые историческую оцѣнку достойной личности гр. П. А. Строганова, до сихъ поръ мало извѣстнаго...

Приведенное выше замѣчаніе историка о характерѣ имп. Александра, который и въ первые годы царствованія былъ консерваторомъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ, должно признать весьма доказательнымъ; но едва ли можно согласиться, безъ оговорки, съ другимъ замѣчаніемъ—что указанія на позднѣйшую „перемѣну во взглядахъ и намѣреніяхъ имп. Александра“ были большой ошибкой. Дѣло въ томъ, что, хотя изданные нынѣ документы и доказывали, что задуманныя въ началѣ преобразованія были „не безъ труда внушаемы“ императору его молодыми совѣтниками (въ средѣ которыхъ особенно выдающуюся роль занималъ гр. Строгановъ), вполне справедливо остается то, что въ душѣ имп. Александръ могъ сохранять свои консервативные взгляды и наклонности, но на дѣлѣ была весьма большая перемѣна въ томъ, что въ первые годы императоръ бывалъ доступенъ внушеніямъ такихъ людей, какъ гр. Строгановъ или Сперанскій, а въ позднѣйшіе годы онъ отъ подобныхъ внушеній совершенно устранился. Съ этимъ соединялись и два совѣтъ различныя настроенія правительственной дѣятельности, которыя и давали немало основаній говорить о перемѣнѣ.

Предстоитъ еще заключительный томъ настоящаго изданія. Уже теперь можно видѣть, какой драгоценный вкладъ въ изученіе нашей новѣйшей исторіи сдѣланъ этой біографіей гр. П. А. Строганова.

II.

— Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Историко-литературный очеркъ (съ портретомъ Некрасова). Г. В. Александровскаго. Изданіе третье. Кіевъ, 1908.

Книжка г. Александровскаго явилась въ первый разъ въ 1898 г., какъ „публичная лекція“. Если она дошла теперь уже до третьяго изданія, этому можно порадоваться, потому что книжка весьма здраво-мыслящая. Въ самомъ началѣ авторъ замѣчаетъ, что было бы весьма умѣстно „вновь пересмотрѣть тѣ часто весьма разнорѣчивыя и даже иногда прямо противоположныя мѣнія, какія неоднократно можно встрѣтить и теперь, когда рѣчь заходитъ о Некрасовѣ, и подвести итоги его дѣятельности“.

Въ самомъ дѣлѣ, немногіе изъ нашихъ поэтовъ вызывали столь противорѣчивыя сужденія, какъ именно Некрасовъ.

„Съ того времени,—говоритъ авторъ,—какъ впервые выяснился съ достаточною ясностью (замѣтимъ мимоходомъ, что автору надо бы нѣсколько позаботиться о своемъ стилѣ и избѣгать „выясненія“ съ „ясностью“) отличительный характеръ его поэзія, тотчасъ же обнаружались чрезвычайно несходные, нерѣдко противоположныя взгляды въ оцѣнкѣ его поэтической дѣятельности. Его поэзія вызывала и вызываетъ самое упорное разномысліе. Жаркіе его поклонники признаютъ въ немъ могучаго поэта, пѣвца протестующаго духа, истиннаго пророка и выразителя своего времени, съ его скорбными думами, съ его тревожнымъ озлобленіемъ и уныніемъ, но порою и съ глубокою вѣрою; другіе, напротивъ, будто бы во имя высшихъ законовъ искусства вообще и поэтическаго творчества въ частности, а чаще подъ вліяніемъ своего особаго міросозерцанія, отвергаютъ вовсе его поэтическій талантъ и готовы видѣть въ его произведеніяхъ плодъ холоднаго риторизма, искусно приспособлявшагося къ условіямъ своего времени... По справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ намъ критиковъ, Некрасова язвили, кололи, „доѣзжали“. „подсиживали“ или ему же воскуривали хвалебный ф(е)иміамъ, но Некрасова не характеризовали, не опредѣляли, не объясняли. Такое отношеніе къ Некрасову объясняется, если вспомнить, что въ теченіе долгаго времени Некрасовъ, будучи редакторомъ-издателемъ двухъ изъ самыхъ видныхъ въ былое время журналовъ („Современникъ“ и „Отечественныя Записки“), тѣмъ самымъ стоялъ въ центрѣ горячей журнально-партиійной борьбы, загорѣвшейся въ русской повременной печати въ „эпоху великихъ реформъ“. Большинство критиковъ Некрасова не только хотѣли судить его произведенія, но и въ значительной сте-

пени узвѣить или превознести самого автора изъ-за чисто-личныхъ или партійныхъ отношеній къ нему. Такое отношеніе къ Некрасову сохранилось и позднѣе, когда повидимому улегся первый пылъ литературныхъ скватоуь. Многіе изъ критиковъ, едва только заходила рѣчь о Некрасовѣ, не могли отдѣлаться отъ предвзятой точки зрѣнія на него и, по старой памяти, повторяли прежнія полемическія выходы, передѣлывая ихъ на новый ладъ"... „Явно враждебное отношеніе къ Некрасову не прекратилось и теперь, хотя чисто партійнымъ интересамъ уже, кажется, пора отойти въ забвеніе (?) и можно было бы, безъ какихъ бы то ни было постороннихъ увлеченій и пристрастій, ставъ на объективно-историческую точку зрѣнія, опредѣлить истинное значеніе его поэтическаго творчества“.

Въ самомъ общемъ смыслѣ эти замѣчанія о причинахъ враждебнаго отношенія къ Некрасову довольно вѣрны, но должно прибавить еще, что извѣстную роль въ оцѣнкѣ Некрасова, какъ поэта, должны были играть несочувственныя отношенія къ нему, какъ характеру. Наконецъ, въ частности слѣдовало бы опредѣлить, въ чемъ же именно заключались эти „партійные взгляды“ „повременной печати“? Было бы понятнѣе, еслибы авторъ обратилъ вниманіе на самое содержаніе „партійныхъ взглядовъ“. Это бывали обыкновенно взгляды печати консервативной или прямо-реакціонной. Но съ другой стороны играли свою роль взгляды собственно эстетическіе: поэзія Некрасова представляла въ нашей литературѣ нѣчто новое, что казалось обычному уровню читателей нарушеніемъ мнимыхъ законовъ „чистаго искусства“; полагалось, что такое искусство не допускаетъ „тенденціи“, а тенденціей считалось присутствіе какой-либо реальной темы, имѣющей отношеніе къ вопросамъ жизни общественной или народной; въ поэзіи Некрасова была сатира, а сатира по привычной эстетической теоріи не считалась настоящей поэзіей: настоящій поэтъ былъ, напр., Майковъ, Фетъ и т. п. Многіе такъ думали совершенно независимо отъ какихъ-нибудь „партійныхъ взглядовъ“, а были самымъ серьезнымъ образомъ увѣрены въ непогрѣшимости своей эстетики. Съ этой точки зрѣнія несомнѣнно и до сихъ поръ многіе отрицаютъ поэзію Некрасова какъ не-художественную.

Г. Александровскій именно предпринялъ разсмотрѣть вопросъ о значеніи поэзіи Некрасова съ объективно-исторической точки зрѣнія, рассматривая ее въ условіяхъ среды, эпохи и личной жизни, и ставя эти условія, онъ приходитъ къ заключенію, что должны упасть обвиненія Некрасова съ одной стороны въ неискренности, съ другой—въ однообразіи его поэзіи. Въ общемъ выводъ это „по преимуществу поэтъ-лирикъ съ необычайно чуткою и отзывчивою душою, который

въ большинствѣ случаевъ писалъ вполне безхитростно, повинаясь лишь своей творческой фантазіи или накипѣвшему чувству“...

Недавній трактатъ г. Вобрищева-Пушкина, извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы“, указываетъ въ свою очередь, что для поэзіи Некрасова наступаетъ, наконецъ, пора правильной оцѣнки исторической и эстетической.—А. П.

III.

— В. О. Деряжинскій, проф. с.-петербургскаго университета. Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1908.

„Политическія науки нуждаются въ свѣтѣ и правдѣ, потому что всякая наука должна быть свѣтомъ и правдою“. Имъ нужны „общеизвѣстность фактовъ политической жизни и возможность ихъ безпристрастнаго и свободнаго обсужденія“. Имъ нужно общество, принимающее близко къ сердцу интересы государственной жизни; такое общество, „конечно, будетъ лучшей средой, въ которой разовьется настоящая, связанная съ жизнью политическая наука“. Такъ опредѣлялъ тридцать лѣтъ тому назадъ А. Д. Градовскій тѣ условія, при которыхъ государственныя науки вообще и наука внутренняго управленія въ частности можетъ выполнять свои задачи ¹⁾. А эти задачи представлялись ему широкими и важными. Научно освѣтить русскій государственный строй и управленіе, дать руководящія идеи правительству и гражданамъ, призываемымъ къ участию въ дѣлахъ управленія, содѣйствовать политическому воспитанію, отвлекая общество отъ утопій и „тѣмъ категоричнѣе и настойчивѣе указывая на задачи возможные, необходимыя въ данную минуту для общества“—таковы перспективы, которыя рисовалъ Градовскій. „Она одна (наука) можетъ сказать: „если этого не будетъ сдѣлано, общество остановится въ своемъ развитіи; оно или ничего не дастъ будущему, или безмѣрно усложнитъ его задачу. То, что теперь можетъ быть сдѣлано безъ труда, впоследствии можетъ вызвать сильныя затрудненія“...

И Градовскій видѣлъ въ окружающей его дѣйствительности возникновеніе условій, при которыхъ эти задачи не только могли быть поставлены, но и выполнены наукой. Университетскій уставъ 1863 г., казалось ему, открылъ наукѣ возможность свободно работать въ этой области знаній; судебная, земская и городская реформы создавали, казалось, элементы такого общества, которое должно было жадно при-

¹⁾ См. „Рѣчь о современномъ направленіи государственныхъ наукъ“, I т. Соч.

слушиваться къ выводамъ науки. Свѣтлыми ожиданиями полна рѣчь Градовскаго...

Какъ далеко отошли мы отъ этихъ ожиданій теперь, какими мечтами кажутся намъ надежды на великую воспитательную роль государственныхъ наукъ для русскаго общества! Не послѣдовало даже въ скромной мѣрѣ выполненія предначертаній Градовскаго. Послѣ него, только одна крупная научная величина продолжала разработку вопросовъ русскаго государственнаго строя и управленія; но на этомъ ученикѣ и преемникѣ Градовскаго сказалось безвременье эпохи восьмидесятихъ годовъ съ ея поклоненіемъ дѣйствительности и силѣ, съ ея стремленіями реабилитировать и оправдать существующее, съ ея боязнью идеаловъ. При всѣхъ большихъ заслугахъ Коркунова (мы, конечно, имѣемъ въ виду его), нельзя сказать, чтобы онъ направилъ свой талантъ для движенія по тому пути, по которому шелъ и куда звалъ учитель. Но Коркуновъ всегда являлся вѣрнымъ хранителемъ завѣтовъ учителя въ одномъ: онъ не избѣгалъ окружающей дѣйствительности, не скрывалъ своего отношенія къ ней. Этой черты прежде всего чужды скудные труды нашихъ современныхъ малочисленныхъ представителей государственной науки. Академическіе ученые по кафедрамъ государственнаго и полицейскаго права боязливо обходятъ научные вопросы, требующіе анализа русскіхъ условій; съ особой любовью для своихъ диссертаций и изслѣдованій они выбираютъ темы иностранныя или археологическія, или еще чаще обходятся безъ всякихъ изслѣдованій ¹⁾. Когда же приходится касаться (въ курсахъ, лекціяхъ) русскіхъ публичныхъ институтовъ, ученые изслѣдователи предпочтительно оперируютъ методомъ догматическимъ, своеобразно при томъ понимаемымъ: обобщенія и анализъ замѣняются голымъ пересказомъ дѣйствующаго законодательства, и въ каждой строкѣ такихъ произведеній чувствуется отсутствіе того научнаго мужества, которое только одно и достойно изслѣдователя, ищущаго правды. Сѣры и неинтересны труды нашихъ государствовѣдовъ, молчатъ они на громкіе запросы нашей жизни... Кто виноватъ въ этомъ состояніи нашей государственной науки? Ученые? Но „характеръ науки, — говоритъ въ той же рѣчи Градовскій, — не всегда зависитъ отъ намѣреній ученыхъ“; не здѣсь, конечно, мѣсто разбирать, какую роль въ теперешнемъ состояніи нашей науки сыграли условія, созданныя университетскимъ уставомъ 1884 г., и общее положеніе нашей публично-правовой жизни за послѣдніа десятилѣтія.

¹⁾ Въ большинствѣ нашихъ университетовъ кафедры полицейскаго права не замѣнены, за отсутствіемъ лицъ, имѣющихъ необходимую ученую степень. Кажется, что вообще во всей Россіи лицъ, обладающихъ такой степенью, человекъ пять-шесть.

Съ большимъ интересомъ приступили мы къ чтенію книги В. Ө. Дерюжинскаго, надѣясь въ ней найти признаки поворота отъ того состоянія, о которомъ сказано выше. Вопросы управленія, о которыхъ трактуетъ наука, излагаемая авторомъ, усиленно занимаютъ въ послѣднее время общественное вниманіе и настоятельно требуютъ своего разрѣшенія. Анализъ и освѣщеніе ихъ наукой пріобрѣтаютъ въ данный моментъ особое значеніе. То, что сочиненіе проф. Дерюжинскаго предназначено въ качествѣ пособія для университетской молодежи, повидимому должно было служить предубаженіемъ, что не одни факты и справочныя свѣдѣнія будутъ предметомъ изложенія. Молодежь такъ жадно ищетъ руководящихъ идей и обобщеній, и академическое знаніе, оставаясь и строго научнымъ, не можетъ игнорировать этого стремленія. Первое изслѣдованіе автора ¹⁾, посвященное основнымъ гарантіямъ личной свободы въ Англіи, доказывало, что способность къ научному анализу и обобщеніямъ, вѣрное и широкое пониманіе задачъ науки управленія при изученіи явленій иноземныхъ свойственны В. Ө. Дерюжинскому въ достаточной степени. Къ сожалѣнію, эти стороны автора, повидимому, не могли проявиться, когда онъ ступилъ на родную почву.

„Ученіе о внутреннемъ управленіи“ (у насъ оно продолжаетъ фигурировать подъ устарѣлымъ названіемъ права полицейскаго) — *Verwaltungslehre—Verwaltungsrecht* („административное право“ — *Droit administratif*) въ трудахъ современныхъ нѣмецкихъ и предшествовавшихъ имъ французскихъ ученыхъ является наукой юридической, съ опредѣленнымъ содержаніемъ и методомъ. Пестрое содержаніе прежняго полицейскаго права, какъ собранія административныхъ рецензовъ по всѣмъ отраслямъ управленія, замѣнилось научнымъ анализомъ юридическихъ отношеній, возникающихъ между органами власти и гражданами въ области управленія, и сведеніемъ этихъ отношеній къ принципамъ, связаннымъ съ сущностью современнаго правового государства.

Въ лучшихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ по этому предмету и во французскихъ многочисленныхъ руководствахъ видное мѣсто занимаетъ такъ называемая „общая часть“ науки управленія. Здѣсь устанавливается понятіе управленія, даются основные принципы дѣйствія административныхъ органовъ, излагается ученіе объ административныхъ нормахъ и актахъ (распоряженіе, запрещеніе, обязательное постановленіе, инструкція и т. д.) и о соотношеніи ихъ къ такъ называемымъ субъективнымъ публичнымъ правамъ; какъ обязательную и детально разработанную часть науки, мы здѣсь же имѣемъ ученіе о гарантіяхъ

¹⁾ „Habeas Corpus Act“ и приостановка его по авглійскому праву. 1895.

закономѣрности управленія (административная юстиція) ¹⁾. Въ „пособіи“ В. Ѳ. Дерюжинскаго мы не находимъ отъѣзда на эти вопросы общаго характера. То краткое опредѣленіе содержанія науки административнаго права, которое дается во вступленіи къ „пособію“, даже и не намѣчаетъ ихъ. А между тѣмъ, дать хотя бы сжатый теоретическій очеркъ этихъ общихъ вопросовъ было бы такъ важно при нашихъ русскихъ условіяхъ! Выяснить принципы закономѣрности управленія, проанализировать ихъ отношеніе къ основамъ нашего государственнаго и административнаго устройства и управленія—это задача, передъ которой, при всей трудности ея, не долженъ былъ бы остановиться почтенный авторъ.

Зачатки всѣхъ институтовъ, о которыхъ трактуетъ общая часть науки административнаго права на Западѣ, существуютъ у насъ, и только въ направленіи развитія ихъ должно пойти развитіе нашей системы управленія... Есть у насъ, напр., зачатки административной юстиціи, и въ практикѣ сената, тѣмъ или инымъ путемъ доступной публикѣ, вдумчивый изслѣдователь найдетъ не мало матеріала для многихъ главъ общей части ²⁾ административнаго права. В. Ѳ. Дерюжинскій, къ сожалѣнію, игнорируетъ этотъ матеріалъ не только для конструціи общей части, въ его „пособіи“ не существующей, но не дѣлаетъ даже попытки пользоваться практикой нашего высшаго административнаго судилища въ особенной части. Это, впрочемъ, составляетъ особенность всѣхъ нашихъ государствовѣдовъ, кромѣ Градовскаго.

Обращаемся отъ того, чего нѣтъ въ книгѣ, къ тому, что въ ней есть. Кромѣ небольшого вступленія, въ которомъ излагается понятіе управленія, исторія науки полицейскаго права въ связи съ исторіей формъ государства на Западѣ и содержаніе всей науки, „пособіе“ содержитъ девять очерковъ, обнимающихъ полицію безопасности и право передвиженія; полицію союзовъ и собраній; полицію печати; чрезвычайныя мѣры полиціи безопасности; санитарную и медицинскую полицію; полицію нравовъ; народное образованіе; общественное призрѣніе и благотворительность; фабричное законодательство. Каждый изъ этихъ очерковъ по существу представляетъ самостоятельный интересъ.

¹⁾ Сравн. Georg Meyer. „Lehrbuch d. deutschen Verwaltungsrechts“. 2 Auflage, 1893. (Книга первая этого сочиненія вся посвящена указаннымъ выше общимъ вопросамъ). Въ Otto Mayer's Deutsches Verwaltungsrecht. см. стр. 9 - 226. Сравн. французскіе курсы М. Hauriou. Précis de droit administratif (посл. изд.) и Н. Berthélemy. Traité élémentaire de droit administratif. Выбираемъ сочиненія, на которыя часто ссылается проф. В. Ѳ. Дерюжинскій.

²⁾ Довольно богатый матеріалъ, напр., даетъ практика сената для теоріи обязательныхъ постановленій, для опредѣленія предѣловъ дѣйствія актовъ администраціи (приказовъ, распоряженій) и т. д. Все это совершенно не подвергалось до сихъ поръ научному анализу.

Въ предисловіи авторъ утверждаетъ, что „всѣ входящія въ составъ книги части объединены извѣстными основными идеями и общемою задачею освѣтить разсматриваемыя отрасли управленія въ соотношеніи ихъ съ условіями и интересами культурнаго развитія“... Каковы эти основныя идеи, приходится отчасти лишь догадываться, ибо въ трактованіи предмета онѣ мало замѣтны. Усвоенный авторомъ методъ изученія отраслей управленія не подходитъ ни къ одному изъ тѣхъ, которые примѣняются въ научныхъ системахъ административнаго права. Прежнее полицейское право (въ трудахъ, напр., Рау, Моли) считалось наукой строго политической: съ точки зрѣнія цѣлесообразности оцѣнивались всѣ административныя нормы, одобрялись или не одобрялись; наука давала даже практическіе совѣты для всѣхъ отраслей управленія.

Новая школа, которая сильно испытала на себѣ вліяніе французскихъ изслѣдователей, выдвинула больше юридическій анализъ институтовъ административнаго права, какъ отношеній прежде всего правовыхъ, предполагающихъ права и обязанности. Этотъ анализъ, который нѣкоторые ученые даже считаютъ особымъ „юридическимъ методомъ“, долженъ, по мнѣнію, напр., Гирке, вскрывать не только форму всякаго института, но и внутреннюю его сущность.

Юридическій анализъ въ современной наукѣ дополняется историческимъ изученіемъ, устанавливающимъ какъ генезисъ института, такъ и связь его съ общимъ политическимъ и культурнымъ укладомъ страны.

И въ новой школѣ точка зрѣнія цѣлесообразности не изгоняется; ей только отводится надлежащее мѣсто. Лоренцъ Штейнъ и современные ученые считаютъ политико-правовую точку зрѣнія необходимымъ элементомъ этой науки. Георгъ Мейеръ (Meyer) дѣлитъ всю науку объ управленіи (Verwaltungslehre) на двѣ части: на „право управленія“ (Verwaltungsrecht), анализирующее юридическія нормы, относящіяся къ управленію, и „политику управленія“ (Verwaltungs-politik), разбирающую вопросы управленія съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Задача этой „политики“ по опредѣленію Мейера двойная: она прежде всего оцѣниваетъ пригодность для даннаго общества самыхъ нормъ управленія, а затѣмъ даетъ принципы наиболѣе цѣлесообразнаго осуществленія разныхъ административныхъ мѣръ въ предѣлахъ нормъ дѣйствующихъ. Даже профессоръ Берендтсъ, который у насъ является такимъ яркимъ противникомъ изученія административнаго права, какъ науки политической¹⁾, и тотъ допускаетъ элементъ оцѣнки нормъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности при изложе-

¹⁾ См. статью его: „О задачахъ, системѣ и методѣ науки административнаго права“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1897 г., № 4, а также I томъ (продолженія не послѣдовало) „Опытъ системы административнаго права“ (1898).

ни исторической части. При чтеніи очерковъ В. О. Дерюжинскаго весьма затруднительно опредѣлить, какого метода онъ придерживается. Авторъ ограничивается обыкновенно фактической „справкой“ въ законодательствахъ англійскомъ, французскомъ и германскомъ, а затѣмъ, добросовѣстно придерживаясь текста нашего Свода, даетъ пересказъ дѣйствующаго законодательства.

Для примѣра, беремъ наиболее интересный по фактическому матеріалу очеркъ, трактующій о полиціи печати. Изъ общей части этого очерка, занимающей меньше страницы, мы узнаемъ слѣдующія общія немотивированныя положенія: печать есть орудіе прогресса и просвѣщенія; на ряду съ обеспеченіемъ свободы ей надлежитъ государству имѣть въ виду возможность злоупотребленія свободой; мѣры государства, стремящіяся къ осуществленію послѣдней цѣли, сводятся къ системѣ предупредительной и репрессивной. Затѣмъ идетъ хронологически историческій рассказъ о цензурѣ при палахъ, такой же рассказъ о судьбахъ печати въ Англии, Франціи и Германіи, историческій очеркъ нашего законодательства съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ цензурныхъ анекдотовъ изъ практики цензора Красовскаго и затѣмъ слѣдуетъ пересказъ цензурнаго устава. Подъ этимъ очеркомъ, какъ и подъ другими, имѣются небольшія библиографическія указанія иностранной и русской литературы о печати. Сволько въ цитируемыхъ и другихъ трудахъ есть матеріала для болѣе содержательной общей части, чѣмъ тѣ законическія положенія, которыя даны авторомъ! Французскіе ученые юристы, писавшіе о прессѣ, могли бы послужить хорошимъ образцомъ, какъ конструируются въ этой области общія понятія. Одна статья И. Я. Фойницаго ¹⁾ показываетъ, какія обобщенныя формулы правового положенія печати можетъ дать наука. У Коркунова ²⁾, котораго никто, конечно, не упрекнетъ въ отсутствіи догматизма, можно бы найти примѣръ научной оцѣнки цензурныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Сборникъ Широова, вѣроятно, могъ бы дать автору нѣкоторый матеріалъ изъ административной практики, которая все-же рельефнѣе уяснила бы юридическій смыслъ положенія нашей печати, чѣмъ простой пересказъ законодательскаго текста...

Такого же метода придерживается авторъ и въ другихъ очеркахъ. Въ четвертомъ рѣчь идетъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ полиціи безопасности. Послѣ изложенія французскаго и германскаго законодательства объ осадномъ положеніи и послѣ разбора соответствующаго

¹⁾ Моменты въ исторіи законодательства о печати (въ Сборникѣ госуд. знаний, т. II, перепечат. въ книгѣ „На досугѣ“).

²⁾ Русское государственное право, т. I.

отдѣла англійскихъ законовъ авторъ переходитъ въ Россіи, и мы получаемъ почти буквальное воспроизведеніе статей устава о предупрежденіи и пресѣченіи съ приложеніями къ нему („Положеніе объ усиленной охранѣ и гласномъ надзорѣ“). И это все... Ни разъясненій, ни комментаріевъ, ни оцѣнки... Неужели наука такъ ригористична? Опять таки приходится сослаться на Коркунова, который въ своемъ курсѣ нашелъ возможнымъ дать научную оцѣнку этимъ своеобразнымъ средствамъ нашего административнаго водѣйствія, ибо и для представителя науки—

Wo Pflicht ist sprechen—
Ist Schweigen Verbrechen.

„Пересказывательный“ методъ автора имѣетъ тотъ результатъ, что основныя идеи, которыми, по его словамъ, объединены всѣ очерки, какъ-то совсѣмъ не выступаютъ, а общая задача—освѣтить разсматриваемыя отрасли управленія въ соотношеніи ихъ съ условіями и интересами культурнаго развитія,—которую поставилъ себѣ авторъ,—остается далеко не исполненною.

Мы остановились такъ долго на указанной выше чертѣ книги проф. Дерюжинскаго потому, что въ ней мы видимъ не индивидуальный дефектъ даннаго сочиненія или автора, а явленіе, глубоко лежащее въ тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ пребываютъ у насъ и наука, и ученые...

Если книга В. Θ. Дерюжинскаго не даетъ полнаго представленія о научной системѣ административнаго права, то все-же она имѣетъ большой интересъ и цѣнность для лицъ, интересующихся вопросами управленія. Свѣдѣнія изъ области иностранныхъ законодательствъ, извлеченныя изъ вполне надежныхъ источниковъ, имѣющіяся при каждомъ очеркѣ краткія библиографическія указанія несомнѣнно окажутся весьма полезными для занимающихся административнымъ правомъ.

Лучшій курсъ, какимъ еще до сихъ поръ остается полицейское право покойнаго Андреевскаго ¹⁾, устарѣлъ не только въ смыслѣ метода и системы, но и фактическаго матеріала, и книга В. Θ. Дерюжинскаго можетъ послужить очень хорошимъ дополненіемъ его въ частяхъ, излагающихъ дѣйствующее законодательство.

Въ предисловіи своего „Пособія“ авторъ заявляетъ, что съ теченіемъ времени надѣется дать болѣе законченную разработку ученія о внутреннемъ управленіи. Если это намѣреніе будетъ осуществлено

¹⁾ Новыя курсы гг. Тарасова и Шеймина по справедливости не пользуются популярностью въ публикѣ.

съ соблюденіемъ требованій науки и жизни, то это будетъ крайне важная и нужная попытка научной мысли.

IV.

— А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1908 г.

Ислѣдованіе г. Раевского, исправляющаго должность экстраординарнаго профессора томскаго университета, является тоже довольно характернымъ выраженіемъ того состоянія государственной науки, которое царитъ у насъ теперь. Молодой ученый, относящійся, насколько можно судить по его книгѣ, съ живымъ интересомъ къ явленіямъ общественной жизни, при выборѣ темы для своего изслѣдованія (кажется, даже диссертациі) останавливается на юридическомъ положеніи печати во Франціи при Наполеонѣ III, кропотливо собираетъ не только матеріалъ законодательный, но и относящуюся къ нему административную практику (циркуляры, ордоннансы префекта полиціи), пытается ее разработывать, т.-е. съ усердіемъ занимается тѣмъ, что прекрасно уже выполнено французскими учеными юристами и историками. А кругомъ непечатаю учеными трудами стоитъ вся область русскаго административнаго права и ждетъ своихъ работниковъ, которые упорно не идутъ. Это не упрекъ г. Раевскому за выборъ темы, а просто указаніе на фактъ, имѣющій общее значеніе. По существу предметъ изслѣдованія—весьма интересный. Анализъ режима второй имперіи представляетъ вообще интересъ для насъ, а административно-полицейская система регламентациі печати, достигшая своего расцвѣта при Наполеонѣ III, легла въ основаніе „временныхъ правилъ 6 апр. 1865 г.“, и теперь сохраняющихъ у насъ силу закона дѣйствующаго. Правовая судьба печати при Наполеонѣ III и эволюціи ея за время его правленія прекрасно отражаютъ внутреннюю сущность всего этого режима, построеннаго на лжи и насиліи правящихъ и на подавленности и индифферентности общества. Въ области печати, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности, вся политика состояла въ томъ, чтобы путемъ комбинаціи ряда мелкихъ мѣръ совершенно подавить гарантіи гражданской и политической свободы и парализовать дѣйствіе законовъ и учреждений, охраняющихъ политическія права. Авторъ, давъ очеркъ законодательства о печати въ послѣдніе годы іюльской монархіи, подробно (можетъ быть, даже слишкомъ подробно въ ущербъ обобщеніямъ) слѣдитъ хронологически за возникновеніемъ и развитіемъ всѣхъ мѣропріятій второй имперіи. Исходная точка зрѣнія Наполеоновскаго режима при всѣхъ этихъ мѣ-

ропріятіяхъ была проста: въ прессѣ видѣли элементъ серьезной опасности для воздвигаемаго автократическаго строя. Отсюда наибольшее вниманіе, удѣляемое печати періодической, политическимъ брошюрамъ и способамъ ихъ распространенія. Уже президентомъ Наполеонъ при помощи испуганнаго взрывомъ 1848 г. буржуазнаго представительства возстановилъ нѣкоторыя постановленія стараго законодательства (залоги, штемпельный сборъ и др.) и прибавилъ новыя. Наиболее интересный актъ этого времени представляетъ законъ 1850 г., прозванный *loi de haine*, и особенно 3-я статья этого закона, которая попыталась нанести самый сильный ударъ газетѣ и журналу, какъ анонимной групповой силѣ воздѣйствія на общественное мнѣніе. „Въ чемъ состоитъ“ — спрашивалъ инициаторъ этой статьи, депутатъ *Tinguay* — „истинное могущество дурной (*mauvaise*) прессы? Въ чемъ ея опасность? Это — престижъ анонимности для большинства читателей. Газета не есть продуктъ творчества того или иного индивидуума: это — коллективное дѣло, это — мистическая сила, это — обаяніе неизвѣстнаго. Вотъ отсюда и вытекаетъ могущество прессы. Когда же статьи будутъ подписываться, произойдетъ слѣдующее: если имя автора будетъ почтенно, если это будетъ имя человѣка, извѣстнаго своими высокими чувствами, чистотою нравовъ, прямою политическаго направленія, тогда эта статья будетъ имѣть все то значеніе, какъ и сама ея авторъ; если же статья будетъ подписана человѣкомъ мало уважаемымъ или даже совсѣмъ неизвѣстнымъ, то она потеряетъ всю свою силу и все свое обаяніе. Такимъ образомъ вы установите въ печати самую полную справедливость и истинность. Всякій будетъ отвѣчать за свое произведеніе... Высказывали много аргументовъ противъ моей системы: говорили, что газета не есть отдѣльный человѣкъ, а партія, что я отнимаю у газетъ все ихъ вліяніе, индивидуализируя ихъ... Но вѣдь я именно этого и хочу...“ Предложеніе остроумнаго депутата было принято, и появилось постановленіе, что всякая газетная статья, имѣющая политическій, философскій или религіозный характеръ, должна быть подписана полною фамиліею (*en toutes lettres*) автора; за несоблюденіе этого правила автору и издателямъ грозили штрафы и тюремное заключеніе. Другой депутатъ (Казимиръ Перрьё) внесъ поправку въ томъ смыслѣ, чтобы упомянутое постановленіе распространялось на статьи во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, если только въ такихъ статьяхъ обсуждаются поступки и мнѣнія гражданъ или какіе-либо индивидуальныя или коллективныя интересы.

Послѣ *coup d'état* 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеонъ уже не церемонился съ прессой: декретомъ 31 декабря того же года была уничтожена подсудность дѣлъ о преступленіяхъ печати судамъ присяжныхъ, а меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца былъ изданъ знаменитый

органической декретъ. Цѣлью этого декрета было наложить узду на печать и „дать періодической прессѣ такую организацію, которая, предоставляя ей полную свободу, всякихъ сообщений и извѣстій, полагала бы справедливыя границы ея политическому вліянію и не дѣлала бы изъ газетъ конкуренціи правительственнымъ органамъ“. Восстановить предварительную цензуру для статей политическаго характера не рѣшались. Тогда было придумано средство административныхъ предостереженій, подъ угрозой которыхъ постоянно должны находиться редакторы изданій. Третье предостереженіе влекло за собою приостановку газеты. Такимъ образомъ газетамъ какъ будто была предоставлена номинальная возможность писать и говорить, что угодно, никто не подвергался цензурѣ, а между тѣмъ все находилось подъ двойнымъ надзоромъ и администраціи, и самого редактора, который долженъ постоянно дрожать за судьбу своего изданія. Честь изобрѣтенія этого истинно Наполеоновскаго средства оспариваютъ де-Персиныи и знаменитый сотрудникъ Наполеона—Руэръ. Какъ бы то ни было, это изобрѣтеніе съ восторгомъ было принято Наполеоновскимъ режимомъ и сдѣлалось любимымъ средствомъ воздѣйствія на прессу. Редакторы сдѣлались даровыми цензорами, предупреждающими появленіе въ печати того, что въ данную минуту кажется правительству неудобнымъ или опаснымъ. Кромѣ системы предварительныхъ предостереженій и приостановокъ, органической декретъ постановилъ, что всѣ періодическія изданія, трактующія о вопросахъ политики или соціальной экономіи, могутъ быть основываемы только съ предварительнаго разрѣшенія правительства. При выдачѣ этихъ разрѣшеній администраціи предоставлена была власть дискреціонная и отказъ въ разрѣшеніи могъ быть мотивированъ „особыми соображеніями“ администраціи. Министръ полиціи, въ своемъ родѣ знаменитый de Маурас, въ особомъ циркулярѣ разъяснилъ префектамъ, каковы должны быть эти особые соображенія. „Намѣреніе декрета“—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ—„отказывать въ разрѣшеніи всякій разъ, когда подъ видомъ газеты дѣло будетъ идти объ организаціи политической или, что то же самое, соціальной трибуны съ цѣлью злонамѣренной (mauvaise) пропаганды... Вы, г. префектъ, будете впредь собирать свѣдѣнія о предшествующей жизни и нравственности писателей и ответственныхъ издателей, которые будутъ просить о разрѣшеніи издавать газету“. Далѣе правительству было предоставлено закрывать газеты въ качествѣ мѣры общественной безопасности безъ всякихъ предварительныхъ предостереженій и взысканій. Требовался только особый декретъ, подписанный главою государства. Любопытно сопоставить мотивировку, даваемую въ циркулярѣ того же de Маурасъ этой статьѣ закона о печати съ той, которая имѣется въ нашемъ цензурномъ

установѣ въ примѣчаніи въ статьѣ 148 (законъ 1882 года, предоставившій коллегіи министровъ закрывать у насъ всякое издание). Вообще, сравненіе французскаго матеріала, чрезвычайно детально излагаемаго авторомъ, съ нашими цензурными постановленіями отеряваетъ, что и въ этой области мы являемся далеко не самобытными. Органическій статутъ содержалъ также запрещеніе печатать отчеты о засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената и дозволилъ только перепечатку того, что помѣщалось по поводу этихъ засѣданій въ правительственномъ „Мониторѣ“; запрещено было и печатаніе отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ о преступленіяхъ печати, и кромѣ того судамъ во всѣхъ дѣлахъ предоставлено было требовать, чтобы отчетъ о томъ или иномъ дѣлѣ не появлялся въ прессѣ. Было введено широкое право администраціи помѣщать бесплатно всякаго рода официальные документы, разъясненія, отвѣты и поправки, при чемъ газета за уклоненіе отъ этой повинности могла подвергнуться пріостановкѣ административнымъ путемъ. Наконецъ, органическій декретъ стѣснилъ свободу помѣщенія официальныхъ объявленій, именно: всѣ судебныя объявленія, необходимыя для дѣйствительности гражданскихъ контрактовъ или служащія для публикованія разныхъ процессуальныхъ актовъ, должны были помѣщаться только въ тѣхъ газетахъ, которыя указывались префектомъ, при чемъ послѣдній опредѣлялъ и таксу на эти объявленія. Административная практика еще усилила стѣснительность этого режима, толкуя какъ можно шире права администраціи.

Этотъ французскій режимъ по дѣламъ печати, который при своемъ возникновеніи имѣлъ характеръ мѣръ чрезвычайныхъ (онъ былъ введенъ на ряду съ провозглашеніемъ осаднаго положенія, съ назначеніемъ исключительныхъ судовъ и массовой ссылкой и изгнаніемъ гражданъ безъ судебного разбирательства), сохранялъ однако свою силу въ продолженіе шестнадцати лѣтъ. Каково было вліяніе его на положеніе печати? Независимыя газеты потеряли возможность касаться животрепещущихъ вопросовъ, и даже такая умѣренная газета, какъ „Journal des Débats“, должна была говорить по преимуществу объ иностранной политикѣ, о чужихъ дѣлахъ. Воцарилась зато система официозовъ и газетъ, прямо подкупленныхъ правительствомъ. Субсидіи раздавались щедрою рукою; образовался и расцвѣлъ тотъ родъ прессы, который получилъ названіе „уличнаго“. Скандальная хроника сдѣлалась центромъ тяжести этихъ изданій. „Figaro“, самая освѣдомленная газета по части всѣхъ официальныхъ пріемовъ, театральныхъ представлений, сплетенъ, модъ, дневника происшествій, заняла чуть ли не первое мѣсто въ парижской печати. „Le Petit journal“, основанный въ 1863 году, съ его романами, довольно грязной хроникой, во время

имперіи получилъ свое распространеніе среди низшихъ слоевъ парижскаго населенія.

Особымъ вниманіемъ законодательства этого времени пользовалась иностранная печать. Для того, чтобы быть допущенной во Францію, всякая политическая газета должна была получить особое разрѣшеніе. Кроме того, путемъ взиманія штемпельнаго сбора съ этихъ изданій была установлена настоящая почтовая цензура. Регламентация типографскаго промысла, книжной торговли и связанныхъ съ ними производствъ, регламентация расклейки афишъ—дополняли тотъ режимъ, который въ краткихъ чертахъ мы характеризовали выше.

Въ третьей части своего изслѣдованія авторъ весьма подробно передаетъ судьбу всѣхъ этихъ мѣропріятій въ ту эпоху, когда вторая имперія дѣлала попытки стать либеральною. Колебаніе общаго строя управленія оказывается тѣсно связаннымъ съ дискреціоннымъ режимомъ печати. Одновременно съ расширеніемъ правъ народнаго представительства, съ восстановленіемъ права парламентскихъ запросовъ и интерпелляцій были изданы законы о печати 1861 года, расширившіе для печати возможность обсужденія политическихъ событій и облегчившіе вообще ея положеніе. Наконецъ, законъ 1868 г. уничтожилъ самыя характерныя институты дискреціоннаго режима, именно систему предварительныхъ разрѣшеній и административныхъ предостереженій, приостановокъ и запрещеній газетъ и журналовъ. Авторъ слѣдитъ за переходомъ отъ развитой административно-полицейской системы регламентации печати къ болѣе либеральному порядку и пытается установить, въ какой постепенности разложеніе первоначальнаго строя второй имперіи заставляло отказываться отъ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій административнаго воздѣйствія на печать. Въ этомъ авторъ видитъ центръ тяжести своего изслѣдованія, какъ мы объ этомъ узнаемъ изъ предисловія. Къ сожалѣнію, эта интересная задача не выполнена авторомъ. Онъ какъ бы теряется въ фактическомъ матеріалѣ, которымъ часто чрезмѣрно загромождаетъ свой трудъ. Критика его и освѣщеніе матеріала—болѣе публицистическія, чѣмъ научныя; но фактическій матеріалъ и притомъ строго юридическаго характера собранъ и систематизированъ большой, и книга г. Раевскаго для русской публики можетъ съ успѣхомъ замѣнять французскіе труды по исторіи печати въ эпоху второй имперіи.

V.

— Діонео. Очерки современной Англии. Спб. 1903 г.

Культурно-соціальные вопросы западно-европейской жизни всегда интересовали широкіе круги русскаго образованнаго общества, и книга г. Діонео принадлежит къ числу лучших для ознакомленія съ жизнью Англии. Г. Діонео, начиная съ 1897 г., помѣщает корреспонденціи въ „Русскомъ Богатствѣ“ и темой своихъ статей выбираетъ не пестрый калейдоскопъ политическихъ событій и происшествій, а основныя теченія культурно-соціальной жизни. „Очерки“ и представляютъ собраніе этихъ корреспонденцій. Мы здѣсь находимъ изображеніе наиболѣе интересныхъ сторонъ внутренней жизни Англии, освѣщенное пониманіемъ основныхъ силъ и идей столь своеобразно развившагося уклада англійскаго общества. Авторъ выбираетъ явленія, сохраняющія постоянный интересъ, и пользуется ими для того, чтобы давать читателямъ представленіе не только о современномъ состояніи какого-нибудь вопроса, но и изслѣдовать этотъ вопросъ въ историческомъ и соціологическомъ отношеніи. При этомъ авторъ—превосходный рассказчикъ; изложеніе у него всегда живое, интересное, не лишнее иногда даже и художественности. Нѣкоторыя статьи носятъ даже полу-беллетристическую форму и написаны легко и живо.

Введеніемъ ко всѣмъ очеркамъ можетъ считаться статья, озаглавленная „Смѣна теченій“, въ которой авторъ набрасываетъ широкими штрихами картину смѣняющихся поколѣній за послѣднее столѣтіе и доказываетъ, что могучее развитіе Англии находилось въ зависимости отъ широкаго призванія къ общественной жизни все новыхъ и новыхъ народныхъ силъ. Силы эти были сначала буржуазія, а теперь рабочая масса. То, что новые элементы, благодаря особенностямъ англійскаго строя, всегда имѣли возможность войти въ общественную жизнь и принять участіе въ ней, служить причиной того, что смѣна поколѣній и рожденіе новыхъ идеаловъ происходили спокойно и мирно. Литература вѣрно отражала рожденіе новыхъ общественныхъ силъ. Культурная мощь буржуазіи создала въ началѣ XIX вѣка блестящую фалангу литературныхъ талантовъ. Нынѣшнее паденіе буржуазнаго общества въ Англии создало произведенія, лишенныя таланта и идеализма, зато явилась новая литература, съ запасомъ свѣжихъ силъ, знаменующая выступленіе на передній планъ общественной жизни міра труда.

Авторъ питаетъ глубокое уваженіе къ сильной, настойчивой и талантливой англійской расѣ, которая вызываетъ въ немъ восторгъ

созданіемъ наиболѣе культурныхъ формъ политической свободы. Но на ряду со свѣтлыми явленіями онъ не умалчиваетъ о фактахъ мрачныхъ, развившихся подъ вліяніемъ дефектовъ общихъ условій существующаго строя. Въ той части книги, которая озаглавлена „Новый фазисъ“, читатель найдетъ характеристику имперіализма и милитаризма, и связанныхъ съ нимъ анти-культурныхъ явленій; тутъ же очерчено царство биржи и выяснена связь его съ общими экономическими условіями Англій. Остановливаясь на этихъ явленіяхъ, авторъ думаетъ, что они имѣютъ гораздо болѣе интернаціональный, чѣмъ англійскій характеръ. „Въ Англій,—пишетъ авторъ,—по условіямъ времени, характера націи, широкой свободы печати, эти явленія выразились особенно ярко, выпукло; но причины этихъ явленій существуютъ во всей Европѣ и, къ сожалѣнію, въ Америкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, когда подоспѣетъ моментъ, въ другихъ странахъ, обличавшихъ Англій, явленіе выразится, быть можетъ, еще болѣе рѣзко, еще болѣе дико. Въ Англій хотъ не было попытки со стороны власти имущихъ зажать ротъ протестовавшимъ. Многое было уродливо: но, по крайней мѣрѣ, не примѣшивался еще патріотизмъ, созданный боязнью полицейскаго участка“...

Третья часть книги посвящена политической жизни Англій. На ряду съ описаніемъ основъ государственнаго механизма даются живыя характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей (Чемберленъ, Дилькъ, Морлей, Джонъ Бернсъ) и картины политической жизни во время выборовъ, митинговъ.

Литературъ и печати посвящены шесть очерковъ, изъ которыхъ мы знакомимся и съ типомъ англійской журналистики, съ Левіаанами газетной литературы, съ народной печатью, уличными газетами и выдающимися представителями разныхъ теченій англійской журналистики.

Религіозная жизнь массъ, экономическое положеніе низшихъ слоевъ населенія изображены въ особыхъ очеркахъ, при чемъ авторъ останавливается и на той культурной работѣ интеллигенціи, которая имѣетъ много общаго съ нашимъ „хожденіемъ въ народъ“.

Послѣдній очеркъ полу-беллетристическаго характера посвященъ англійскому воспитанію и тѣмъ условіямъ его, которыя дѣлаютъ изъ англичанина члена общества и стойкаго гражданина.

Вся книга г. Діонео проникнута однимъ общественнымъ настроеніемъ и міросозерцаніемъ, что придаетъ всѣмъ очеркамъ идейное единство.—М. Г.—анъ.

- VI.

— В. П. Лявниновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условия возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903. Стр. 275. Ц. 2 р. 50 к.

Принятіе систематическихъ мѣръ по обезпеченію трудящихся въ средствахъ существованія въ тѣ моменты, когда они лишены возможности работать, становится болѣе и болѣе настоятельнымъ вопросомъ соціальной политики,—по мѣрѣ того, какъ большая и большая часть трудящихся изъ самостоятельныхъ производителей обращается въ наемниковъ, развитіе крупной промышленности создаетъ особо опасныя условия производства работъ, грозяція временной или полной потерей трудоспособности рабочаго, а вовлеченіе промышленныхъ предприятий въ широкій товарообмѣнъ, съ его постоянными колебаніями спроса на товары, болѣе и болѣе уменьшаетъ обезпеченность заработка. Принятіе систематическихъ общественныхъ мѣръ въ указанномъ отношеніи—при данныхъ условіяхъ—представляется необходимымъ потому, что хотя вмѣстѣ съ преобразованиемъ экономическаго строя и повышаются заработки рабочихъ, но реальная величина этихъ заработковъ настолько все-таки незначительна, что она можетъ обезпечить семейному рабочему лишь удовлетвореніе — и то довольно скудное—его текущихъ нуждъ, а не тѣхъ экстренныхъ потребностей, которыя возникаютъ въ случаѣ болѣзни, несчастія и отсутствія средствъ для содержанія семьи, когда ея кормилецъ лишень работы.

Указанныя условия экономическихъ отношеній цивилизованныхъ государствъ, сами по себѣ, не представлялись, однако, въ глазахъ власти достаточно уважительными для того, чтобы побудить правительства въ энергическимъ мѣрамъ въ данномъ направленіи. Нуженъ былъ еще политическій толчокъ, чтобы они рѣшительно выступили на этотъ путь. Толчокъ этотъ данъ былъ растущимъ самосознаніемъ и политическимъ значеніемъ западно-европейскихъ рабочихъ классовъ, настоятельнымъ и настоятельнымъ требовавшимъ себѣ болѣеи доли въ пользованіи благами культуры. Что растущая организація рабочихъ играла въ данномъ вопросѣ очень видную роль, можно заключить уже изъ того, что наибольшіхъ результатовъ дѣло обезпеченія рабочихъ классовъ въ описываемыхъ отношеніяхъ достигло въ странѣ, гдѣ рабочіе классы проявили въ послѣднія сорокъ лѣтъ особенно сильное стремленіе къ организаціи. Но объ этомъ же свидѣтельствуетъ и прямое сознаніе правительства. Такъ, въ рескриптѣ императора Вильгельма I отъ 17 ноября 1881 г.,—закрывающемъ программу преобразованій по обезпеченію рабочихъ въ случаяхъ нужды,—прямо заявлено, что „положи-

тельные мѣропріятія для улучшенія благосостоянія рабочихъ должны составлять задачу германскаго правительства уже ради успѣха борьбы съ разрушительными социаль-демократическими стремленіями" (Литвиновъ-Фалинскій, стр. 21). Изложеніе организаціи дѣла обезпеченія рабочихъ въ Германіи и составляетъ задачу компилятивнаго труда, названнаго въ заголовкѣ нашей замѣтки.

Въ Германіи существуетъ государственное страхование рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, инвалидности и старости. Остаются рабочіе необезпеченными еще въ случаяхъ безработицы; но и по этому предмету годъ назадъ рейхстагъ постановилъ учредить комиссію для разработкы основаній такого обезпеченія. На очереди стоитъ и вопросъ объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ рабочихъ. Хотя, казалось бы, выгоды страхования столь очевидны, что достаточно было бы основать соответствующія учрежденія, и рабочіе поспѣшнѣе воспользоваться ими, но предусмотрительность оказалась еще столь слабо распространеннымъ явленіемъ, что для широкаго развитія этого дѣла нужно было прибѣгнуть къ обязательству страховыхъ не только отъ несчастныхъ случаевъ, расходы по которому ложатся исключительно на хозяевъ предприятий, но и по страхованію отъ болѣзни и старости, обезпечиваемыхъ взносами хозяевъ и рабочихъ, а въ страхованіи старости также и пособіемъ государства.

Обязательное страхование разнаго рода распространяется въ Германіи на неодинаковое число рабочихъ и служащихъ; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ страхованію въ соответствующихъ учрежденіяхъ допускаются по доброй волѣ и лица, не подходящія подъ условіе страхования обязательнаго, то въ числѣ лицъ, застрахованныхъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и старости, замѣчаются рѣзкія различія: изъ 56 милліоновъ населенія Германіи въ 1900 г. было застраховано отъ болѣзней 10 милл. лицъ, отъ старости и инвалидности—13 мил., и отъ несчастныхъ случаевъ 19 милл. лицъ. Изъ этого числа получили вознагражденіе—въ общей суммѣ 355 милл. марокъ—4 милл. лицъ по болѣзни, 705 тыс. по несчастнымъ случаямъ и 890 тыс. стариковъ и инвалидовъ. Расходы управленія поглотили 35 милл. марокъ. Изъ 33,7 марокъ, внесенныхъ въ данномъ году, въ среднемъ на одного застрахованнаго, на нанимателей падаетъ 15,88 мар., на рабочаго—14,95 мар. и на государство—2,88 мар. Наниматели являются единственными плательщиками въ страхованіи несчастныхъ случаевъ; въ страхованіи старости они вносятъ столько же (въ общей суммѣ), какъ и рабочіе, а въ страхованіи отъ болѣзни—вдвое меньше. За все время дѣйствія страховыхъ учрежденій (съ 1885 г.) рабочіе получили около 2.115 милл. марокъ на руки и 1.030 милл. мар., истраченныя на ихъ леченіе. Больше милліарда марокъ въ этихъ выдачахъ собрано съ нани-

мателей; всего же послѣдними внесено на дѣло страхованія до 2,2 миллиардовъ марокъ. На всѣ роды страхованія предпринимателямъ приходится вносить 5,5% отъ заработной платы.

Въ книгѣ г. Литвинова-Фалинскаго, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, читатель найдетъ много другихъ описательныхъ и цифровыхъ данныхъ о страхованіи рабочихъ и служащихъ въ Германіи. Въ ней же находятся и нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія объ условіяхъ организаціи страхованія въ Россіи. Положеніе нашего отечества въ этомъ отношеніи, конечно, имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ, какое существуетъ въ Германіи. Общаго обязательнаго страхованія у насъ не примѣняется ни къ одной категоріи послѣдняго, несмотря на то, что уже слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ у насъ былъ составленъ проектъ такого страхованія. Обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ примѣняется у насъ лишь въ Финляндіи, а также на казенныхъ горныхъ заводахъ и рудникахъ, а обязательное страхованіе инвалидности и старости—на желѣзныхъ дорогахъ и въ учрежденіяхъ по казенной продажѣ питей. Незначительнымъ распространеніемъ пользуется у насъ и добровольное страхованіе. Въ довольно широкихъ размѣрахъ оно примѣняется лишь по отношенію къ несчастнымъ случаямъ на работѣ. Хотя Россія является единственнымъ значительнымъ государствомъ Европы безъ специальныхъ законовъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, тѣмъ не менѣе страхованіе послѣднихъ на счетъ предпринимателей распространилось у насъ въ послѣднее время довольно широко. Въ 1898 г. отъ несчастныхъ случаевъ было застраховано 685 т. рабочихъ, а въ 1901 году—судя по суммѣ страховыхъ премій—это число, вѣроятно, удвоилось. Побудительной причиной страховать своихъ рабочихъ являлось для фабрикантовъ увеличеніе требованій увѣчныхъ рабочихъ и благосклонное отношеніе къ этимъ требованіямъ со стороны суда. Въ случаѣ инвалидности рабочаго, страховое общество обязано уплатить ему въ среднемъ 970 р., а въ случаѣ смерти—выдать его семьѣ 670 р. Размѣръ премій составляетъ въ настоящее время около 3 р. на рабочаго; но страховыя общества выдаютъ рабочимъ изъ собираемыхъ такимъ образомъ суммъ только половину. Изъ этого видно, какъ дорого обходится у насъ страхованіе въ обыкновенныхъ страховыхъ учрежденіяхъ, и это обстоятельство вызвало въ средѣ предпринимателей стремленіе основывать общества взаимнаго страхованія. Страхваніе отъ болѣзней и старости распространено у насъ очень мало. Въ предпріятіяхъ, гдѣ существуютъ штрафныя капиталы, рабочіе получаютъ пособіе изъ этихъ послѣднихъ. Пособій изъ этого источника выдано было въ 1900 г. всего—менѣе 500 тыс. руб. Въ нѣкоторыхъ горныхъ предпріятіяхъ Царства Польскаго дѣйствуетъ 15 больничныхъ

кассь. И только на казенныхъ заводахъ Урала и въ учрежденіяхъ желѣзныхъ дорогъ рабочіе сколько-нибудь обезпечены, въ случаяхъ нужды, несчастія и старости. Вопросъ о болѣе широкой постановкѣ дѣла страхованія рабочихъ поставленъ у насъ, однако, тоже на очередь, и нельзя не признать, что у насъ, какъ и въ Германіи, побудительнымъ толчкомъ къ ускоренію этого дѣла служило растущее самосознаніе трудящагося населенія.

Кромѣ подробныхъ свѣдѣній о Германіи и Россіи, въ трудѣ г. Литвинова-Фалинскаго приведены—въ формѣ таблицъ—краткія свѣдѣнія по тому же вопросу, касающіяся другихъ европейскихъ государствъ; о государственномъ же страхованіи стариковъ въ австралійскихъ колоніяхъ Великобританіи не говорится ни слова. Между тѣмъ сообщеніе фактическихъ свѣдѣній по данному вопросу составляетъ главный интересъ разсматриваемой нами книги, такъ какъ разсужденія автора объ условіяхъ осуществленія страхованія рабочихъ въ Россіи не представляютъ ничего существеннаго.—В. В.

VII.

— Эвиль-Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Этюдъ. Спб., 1903.

Въ соціологіи и философіи исторіи замѣчается въ послѣднее время тенденція совершенно игнорировать значеніе человѣческой личности въ процессахъ развитія, образованія новыхъ общественныхъ и политическихъ формъ и т. п. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Гумпловичъ поетъ въ униссонъ съ экономическимъ матеріализмомъ. Попытки же защищать личность и ея смыслъ въ исторіи по большей части имѣютъ свойство разочаровывать читателей, хотя нерѣдко подъ этими попытками красуются имена болѣе или менѣе извѣстныхъ въ печати. Область знанія, являющаяся ареной ихъ, еще очень мало установилась; они идутъ пока ощупью, пробавляются гипотезами, обоснованными чаще всего не на данныхъ науки, а на метафизическихъ началахъ, бывшихъ въ ходу въ первой половинѣ XIX вѣка и теперь реставрируемыхъ и подновляемыхъ, за неимѣніемъ другихъ, болѣе прочныхъ основъ для дедукцій въ этомъ темномъ вопросѣ... Правда, во второй половинѣ того же столѣтія были въ ходу иныя основы: я имѣю въ виду эволюціонизмъ Дарвина и Герберта Спенсера. На этомъ фундаментѣ было сдѣлано не мало важныхъ и солидныхъ постробеній въ защиту индивидуальности, но, къ сожалѣнію, за этотъ же эволюціонный методъ схватились люди легкомысленные, не умѣвшіе различить того, что можно взять изъ сферы биологическаго ученія для соціологіи и человѣческой исторіи, и чего

брать нельзя, вслѣдствіе различій, существующихъ между жизнью животныхъ и сознательно-разумной жизнью человѣческихъ агрегатовъ. Въ результатѣ оказывались нерѣдко крупныя и явныя ошибки, компрометировавшія самый методъ, хотя онъ и не былъ непосредственно повиненъ въ нихъ. Разочарованіе сопровождалось, какъ это часто бываетъ, идейной реакціей, и старая метафизика загремѣла своими заржавленными орудіями почти по всему фронту.

Книга Эвиль - Рамовича представляетъ отчасти исключеніе изъ этого реакціоннаго процесса мысли. Авторъ желаетъ держаться въ защитѣ индивидуальности научнаго метода, подъ которымъ понимаетъ, однако, не методъ биологическаго эволюціонизма, — въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться.

Въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода прежде всего мы желаемъ знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, т.-е., какимъ методомъ идетъ авторъ; въ виду этого будетъ не бесполезно ближе ознакомиться съ тѣмъ, что онъ считаетъ научной мыслью, которую беретъ орудіемъ своей работы.

„Методъ научной мысли, — говоритъ онъ на стр. 320 своей книги, — есть единственный методъ, проистекающій изъ основныхъ свойствъ нашей личности. Это не значить, что мы надъ всѣми формами нашего вѣдѣнія и надъ всѣми интересами нашего бытія желаемъ выдвинуть занятіе наукой, — въ тѣсномъ смыслѣ слова, — какъ единственное дѣло людей. Мы хотѣли только дать понять, что считаемъ лишь тѣ приемы обработки всевозможныхъ вопросовъ жизни правильными, при коихъ разумъ нашъ функционируетъ съ тою же осторожностью, вдумчивостью, увѣренностью и неподкупностью, которыя характеризуютъ научную мысль“.

Строго говоря, это еще не опредѣляетъ метода: вѣдь и люди, ищущіе теперь яко бы „новыхъ путей“, и о которыхъ далѣе говорить съ большимъ и справедливымъ скептицизмомъ нашъ авторъ, — полагаютъ, конечно, что они и „осторожны, и вдумчивы, и неподкупны“. Поэтому, посмотримъ, какъ онъ понимаетъ научную мысль въ другихъ мѣстахъ своей книги. На стр. 318, коснувшись вопроса о современномъ пессимизмѣ, приведемъ въ концѣ концовъ къ ницшеанству, онъ видитъ его зарожденіе въ эпоху крайней вѣры въ силы разума (раціонализмъ). „Все, что утверждаетъ разумъ, — говорили одни, — истинно. Все, что не можетъ быть санкціонировано разумомъ, — иллюзія, учать пессимисты. Между тѣмъ самъ разумъ былъ въ концѣ концовъ настолько изслѣдованъ, что оказался орудіемъ не первичнымъ и не независимымъ, и если логика наша продолжаетъ все-же совершенствоваться, открывая новые методы удостовѣренія, то это — заслуга не безусловныхъ поклонниковъ ея могущества — „здраваго смысла“ и метафизики, — а научной мысли, которая ознаменовала свое

зарожденіе холоднымъ, строгимъ обслѣдованіемъ разума, источниковъ его силы и корней его слабостей, предѣловъ его прямой компетенціи и условій правдоподобности его косвенныхъ выводовъ. Совершивъ это, научная мысль нашла существованіе не только разрѣшимыхъ вопросовъ, но и неразрѣшимыхъ". Она воздержалась отъ приговоровъ надъ вторыми, отдавшись всецѣло обработкѣ первыхъ. Но на этомъ пути научная мысль открыла и много такого, что изъ области непознаваемаго перешло въ область ея вѣдѣнія. Признавъ, что въ области нумена она функционируетъ только надъ несуществующими моментами, контурами и классификаціями, научная мысль, примирившись съ относительностью всякаго воспріятія, скромно признаетъ приобрѣтеніемъ для своей философіи выводы, полученные о непознаваемомъ посредствомъ сопоставленія преемственности ступеней познанаго. Какова же эта преемственность? Она представляетъ постепенное освобожденіе индивида, какъ доказываетъ въ своемъ трудѣ авторъ: онъ понимаетъ подъ этимъ не только переходъ отъ простаго къ сложному (Спенсеръ), но и совершенствованіе, развертывающееся изъ одного общаго принципа. Не можемъ ли мы предположить нѣчто аналогичное въ непознаваемомъ или нуменѣ? Но, во всякомъ случаѣ, этотъ принципъ открывается намъ, однако, только путемъ долгой, кропотливой и систематической отшлифовки того зеркала, въ которомъ происходитъ такое (относительное, т.-е., никогда не тождественное) отраженіе этого принципа, т.-е. путемъ кропотливой выработки нашего сознанія или научнаго мышленія, каковое и является этимъ зеркаломъ. Это единственное положеніе въ книгѣ, которое если не представляется метафизикой (такъ какъ авторъ предлагаетъ его въ видѣ осторожной гипотезы), то во всякомъ случаѣ граничитъ съ нею. Остальное изслѣдованіе стоитъ на строго фактической почвѣ. Если автору понадобилось приведенное выше квази-метафизическое положеніе, то лишь для того, чтобы не оставить безъ нѣкоторой гносеологической обосновки,—требуемой въ наше время,—своихъ чисто эмпирическихъ и болѣе важныхъ положеній и формулъ. Кромѣ этого, на почвѣ такой гносеологіи авторъ дѣлаетъ мимоходомъ любопытныя замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ „модныхъ“ настроеній нашего времени, а именно новѣйшаго скептицизма, пессимизма, декадентства и исканія „новаго пути“ для религіознаго стремленія. Что касается этого послѣдняго, то авторъ находитъ ложнымъ мнѣніе о противоположности науки и вѣры. „Скептицизмъ науки,—говоритъ онъ, въ примѣч. къ 320 стр.,—есть только методологическій приемъ; въ сущности же безъ абсолютной вѣры наука вовсе немыслима. Наука тщательно организуетъ анализъ исключительно въ видахъ болѣе прочнаго синтеза,—но безъ надежды на синтезъ она никогда

не была бы такъ энергична въ анализѣ“. Исканія истины вѣтъ предѣловъ общаго земнаго знанія, т.-е. научнаго метода, авторъ остроумно сравниваетъ съ комкомъ, который оторвался бы отъ нашей планеты, при чемъ, конечно, скорость его вращенія, потенциалъ тяготѣнія и его орбита были бы иныя, чѣмъ у стараго ветерана—земли: она удержала бы свое исконное движеніе съ сохраненіемъ всѣхъ элементовъ своего положенія относительно зодіакальных созвѣздіи, но мы затрудняемся рѣшить,—добавляетъ авторъ,—предстоитъ ли оторвавшемуся комку въ мировыхъ пространствахъ крушеніе, или ординарное назначеніе въ другой системѣ явленій. „Мы утверждаемъ только, что человѣческой индивидуальности, не рвущей своихъ связей съ матеріальнымъ міромъ земной обстановки, предстоитъ движеніе по пути, несоизмѣрному со скептицизмомъ и декадансомъ,—въ кругу зодіака культурнаго труда, изученія природы, самоопредѣленія въ творчествѣ и вѣрн въ совпаденіе путей человѣческой индивидуальности, развивающейся непрерывно и безъ скачковъ, съ тенденціями нуменальнаго принципа или божества, о чемъ говорилось нами ранѣе. Мы не думаемъ утверждать,—продолжаетъ авторъ,—что въ мірѣ нѣтъ ничего новаго. Мы утверждаемъ только, что новое сообщалось до сихъ поръ человѣку въ иномъ ряду преемственности. Каждая истина имѣла до сихъ поръ положительную родословную и являлась въ свѣтъ, какъ произведеніе самой жизни, отмѣченное атрибутами послѣдовательности и примѣнимости“...

Объ этой точкѣ зрѣнія, напр., „сверхъ-человѣкъ“ Ницше кажется автору пустой скорлупой, ибо мы не въ состояніи уяснить себѣ реальныхъ зависимостей, лежащихъ въ его основѣ, и вообразить себѣ этотъ фантомъ—дѣйствующимъ среди условій земнаго бытія. Какъ фантазія, „сверхъ-человѣкъ“ гениаленъ, но какъ идеаль онъ—абсурдъ“. ...Мы сомнѣваемся также, чтобы за словами „новая истина“, которыя мы все чаще слышимъ отъ вчерашнихъ скептиковъ, ставшихъ внезапно подозрительно вѣрующими, крылось какое-нибудь идейное содержаніе, такъ какъ мы не можемъ добиться опредѣленія состава этой истины и не знаемъ, поэтому, какъ сдѣлать ее руководительницей и арбитромъ нашей морали и эстетики. Что же касается „исканія Бога“, о которомъ такъ много говорится въ послѣднее время,—то мы полагаемъ, что это исканіе не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ мистицизмомъ, съ которымъ его въ послѣднее время многіе отождествляютъ. Исканіе Бога—великій трудъ и крестъ, а не продуктъ сомнительнаго вдохновенія. Всѣ мы, поскольку мы стремимся полнѣе выразить свою индивидуальность, опредѣлить себя и ближайшіе пути наши въ духѣ самоусовершенствованія, находимся на пути исканія Бога. Безъ этого трудового пути, исканіе Бога только

звучное слово, шумиха фразъ,—не болѣе. Орудія искателя Бога — творческая мысль и реальная самодѣятельность, а не пустая игра схоластическими терминами и не симуляція безсодержательнаго экстаза“... „Что же касается философіи, то ея построенія должны вращаться въ предѣлахъ (довольно широкихъ, впрочемъ) перспективъ, представляющихся нашему разуму съ точки зрѣнія окончательно оформленныхъ современной наукой синтезовъ, въ соответствии съ общими условіями нормальнаго равновѣсія человѣческаго интеллекта. Конечно, область фантазіи безпредѣльна, свобода ея не ограничена, но пусть фантазія и предъявляетъ себя какъ таковую, не претендуя на узурпацію значенія тѣхъ болѣе положительныхъ духовныхъ нормъ, которыя добыты для себя человѣческой личностью цѣною колоссальной титанической работы“.

Пріемъ доказательствъ въ пользу историческаго значенія индивидуальности не лишень у Эвиль-Рамовича значительной оригинальности. Онъ доказываетъ не то, что въ отдаленныя отъ насъ времена индивидуальность играла *видимую* роль ¹⁾. Наоборотъ, значительная часть его книги посвящена развитію той его основной мысли, что въ древнихъ государствахъ, и вообще въ древнемъ человѣчествѣ, не выдѣляется понятіе индивидуальности, а господствуетъ повсюду начало, которому можно дать названіе „типа“. Подъ этимъ терминомъ авторъ понимаетъ тѣ основныя тенденціи и вѣрованія, которыя руководили жизнью древнихъ обществъ, различаясь у разныхъ народовъ, причеиъ эти руководящія тенденціи возникали вслѣдствіе естественныхъ причинъ и потребностей, лежавшихъ какъ въ условіяхъ природы вѣшной, такъ и въ антропологическихъ и этническихъ особенностяхъ разныхъ племенъ, въ эпоху возникновенія культуры. Такъ сложились типы деспотій, типы кастоваго уклада, типы національных образованій.

Цѣлымъ рядомъ остроумныхъ сопоставленій авторъ доказываетъ, что, несмотря на разнообразіе этихъ типовъ въ частностяхъ,—какъ, напримѣръ, греческаго съ его исключительнымъ преобладаніемъ гражданскаго принципа, отражающагося и въ морали, и въ религіи, и въ искусствѣ,—иудейскаго, съ преобладаніемъ въ немъ этическаго начала и религіозной правоты, отразившихся также на всѣхъ явленіяхъ жизни,—римскаго, съ его преобладающими политическими тенденціями, выразившимися въ стремленіи къ міровому господству, къ созданію могучаго права, но неспособнаго создать ни самостоятель-

¹⁾ Какъ увидимъ ниже, эта роль, по мнѣнію автора, была замаскирована. Но, говорить онъ, на 10 стр., „всякое общественное „гѣло“ мы считаемъ болѣе или менѣе сложнымъ агрегатомъ человѣческихъ особей, *личныя свойства* которыхъ своимъ взаимодействіемъ опредѣляютъ всю совокупность социальныхъ явленій“.

ной религии, ни искусства, ни философии, которыя у римлянъ были заимствованы,—наконецъ, типъ китайской рутины и т. п.,—повторяемъ, несмотря на это разнообразіе типовъ, въ нихъ было одно общее: они направляли дѣятельность индивидуума каждый въ сторону своего типа, и такимъ образомъ ограничивали творчество личности опредѣленными рамками. Подобно тому, какъ древнія (и новыя) деспотіи ограничивали творчество индивидуумовъ, входящихъ въ нихъ, опредѣленными путями и направленіями дѣятельности, согласными съ волей или интересами деспота, какъ касты ставили личности кастическіе предѣлы развитія, такъ національные типы не давали мѣста никакой дѣятельности, выходящей изъ рамокъ, усвоенныхъ себѣ этимъ типомъ. Въ теченіе вѣковъ, эти рамки перерабатывали даже самую индивидуальность гражданъ, сообщая имъ извѣстную косность, сопротивляющуюся всякому проявленію творчества у выдающихся и исключительныхъ особей. Ради краткости, напомнимъ хотя бы исторію Сократа, который явился провозвѣстникомъ въ древней Греціи начала внутренняго, субъективнаго, на мѣсто исключительно гражданскаго и вѣшно-эстетическаго, съ его соотвѣтствующей моралью, признававшей только добродѣтели, нужныя въ отношеніяхъ гражданскаго характера, при полномъ почти игнорированіи субъективныхъ и индивидуальныхъ стремленій человѣческой природы. Въ этомъ ограниченіи индивидуальнаго творчества рамками типа авторъ видитъ причины гибели древнихъ государствъ. Онъ не признаетъ того, что нѣкоторые послѣдователи органической теоріи общества считаютъ „смертью“ общественныхъ организмовъ. Общество не есть организмъ; эта теорія представляетъ существенныя опасности, такъ какъ вмѣсто реальныхъ цѣлей ставитъ передъ обществами фикціи несуществующихъ высшихъ индивидуальностей. Единственными творческими факторами въ исторіи были индивидуальности отдѣльныхъ людей. Даже въ тѣ эпохи, когда индивидуальность человѣка не выступала ясно въ сознаніи древнихъ, творчество все-же принадлежало только ей; но это творчество, какъ мы уже видѣли, было ограничено, подавлено, а потому, въ концѣ концовъ, когда примитивное начало, благодѣтельное для извѣстной эпохи, исчерпывалось, а новому творчеству не было выхода, въ силу сопротивленія со стороны отвердѣвшаго типа, въ результатѣ являлся или застой развитія, или гибель данной націи, какъ организаціи по извѣстному типу. Это не было смертью въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому понятію въ примѣненіи къ индивидууму. Созданная націей культура не погибала для человѣчества. Даже элементы даннаго общества, т.-е. составлявшая его этническая группа, не погибали, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ: они или порабощались другими націями, или разсѣи-

вались среди нихъ, или, какъ государства застоя, влчили жалкое, полуразложившееся существованіе, которому, при малѣйшемъ натискѣ болѣе сильнаго противника, грозитъ паденіе и разрушеніе.

Такимъ образомъ, кажущаяся смерть націй есть лишь слѣдствіе того, что начало, организовавшее нѣкогда націю, перестало удовлетворять потребностямъ, вытекающимъ изъ новыхъ условій ея жизни и обстановки, причѣмъ у націи ея типъ настолько подавилъ индивидуальное творчество, необходимое для новыхъ приспособленій, что народъ не въ силахъ воспринять нужныхъ истинъ, ведущихъ къ соотвѣтствующей реформѣ, требуемой измѣнившимися условіями и вновь народившимися потребностями.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что такіе результаты не имѣютъ въ себѣ ничего фатальнаго и неизбѣжнаго. Лучшее доказательство мы имѣемъ въ Японіи, которая сумѣла вступить на новый путь. Все дѣло—въ томъ, насколько старый типъ способенъ служить препятствіемъ новому творчеству личности.

Но, наблюдая теченіе исторіи, мы замѣчаемъ еще дальнѣйшій фактъ: тѣ начала, по которымъ организуются позднѣйшія общества, приспособлены уже такъ, что все меньше и меньше могутъ парализовать свободное проявленіе индивидуальныхъ силъ. Чтобы доказать это положеніе, авторъ прослѣживаетъ тѣ группы, которыя образовывались какъ бы на смѣну древнихъ типовъ, играя ихъ роль, напр., въ средніе вѣка. Сравнивая, напр., возникшія въ эту эпоху „сословія“ съ древними кастами, мы увидимъ, что хотя сословія горжанъ, церковниковъ, дворянъ и дѣйствуютъ на индивидуумъ ограничивающимъ образомъ, но это дѣйствіе даетъ индивидуальности гораздо болѣе просторъ и гораздо большее число и возможность выходовъ. Авторъ, въ яркомъ очеркѣ, прослѣживаетъ постепенное освобожденіе личности, какъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, такъ и въ новѣйшее время.

Уже христіанство, въ своей первоначальной формѣ, явилось противникомъ узкихъ рамокъ національности („нѣтъ эллина и іудея“), касты и т. п. Хотя католицизмъ и стремился создать касту изъ слугителей Бога, но индивидуальность проявилась въ реформаціи, объявившей начало свободнаго толкованія въ дѣлѣ религіозной совѣсти. Когда затѣмъ и протестантизмъ сталъ самъ на путь ограниченій, личность выступила съ рационализмомъ, а позднѣе съ научной мыслью, не признававшей никакого авторитета въ стремленіи къ истинѣ и знанію законовъ міра и человѣческой жизни.

Тотъ же процессъ борьбы личности и ея постоянного стремленія къ самоопредѣленію и освобожденію авторъ указываетъ и въ экономикѣ, и въ художественномъ творествѣ всѣхъ его родовъ и видовъ.

И тотъ же процессъ идетъ въ жизни политической, въ освобожденіи людей отъ всякаго рабства,—какую бы историческую форму оно ни принимало. Наконецъ, въ новѣйшемъ женскомъ движеніи, та же тенденція къ освобожденію и самоопредѣленію личности сказалась въ этой половинѣ человѣчества.

Въ послѣдней главѣ—„Итоги развитія и перспективы индивидуальности“—авторъ рисуетъ не только картины возможнаго и отраднаго будущаго, долженствующаго наступить вслѣдствіе торжества индивидуальности на всѣхъ путяхъ ея, но онъ показываетъ, что при томъ устроеніи общества, которое явилось плодомъ этого торжества, уже невозможно, или по меньшей мѣрѣ легко поправимо всякое препятствіе къ дальнѣйшему прогрессу человѣка. Онъ указываетъ и на тѣ ошибки, которыя естественно должны были возникнуть при первыхъ триумфахъ индивидуальности,—какъ въ области мысли, такъ и въ области дѣятельности, въ видѣ ли философскаго пессимизма и нищезанства, или въ видѣ политическихъ программъ и этическихъ теорій, отвергающихъ высокіе идеалы, и т. п. Авторъ старается показать, что всѣ эти явленія должны быть лишь переходными недоразумѣніями и увлеченіями побѣдой, но что само торжество индивидуальнаго самоопредѣленія исправить всѣ такія ошибки. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, при режимѣ индивидуальности, должны принять участіе въ работѣ мысли тѣ миллионныя народныя массы, которыя до сихъ поръ почти еще не могли проявить своего умственнаго творчества, хотя не разъ выдвигали отдѣльныхъ гениевъ, несмотря ни на какія препятствія.—Л. Ов—скій.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Австемко, В.—Двѣсти лѣтъ С.-Петербурга. Историческій очеркъ. Составл. для городскихъ начальныхъ училищъ. Съ рисунк. Изд. Спб. Город. Думы. Спб. 903.

Аурбахъ, Берт.—Изъ „Шварцвальдскихъ разсказовъ“: Босоножка. Съ ил. А. Фридеманъ. Спб. 903. Ц. 40 к.

Балмонтъ, К. Д.—Будемъ, какъ солнце. Книга символовъ. М. 903. Книгоиздательство „Скорпионъ“. Ц. 2 р. 40 к.

Безчинскій, А.—Путеводитель по Волгѣ, съ 85 рис. и портр., 8 картами и планами. М. 903. Ц. 1 р. въ папкѣ.

Благовскій, Н.—Декаденты въ Ялте (ѣ). М. 903. Ц. 1 р.

Боцановскій, В. Ѳ.—Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ, съ портретомъ и факсимиле. Спб. 903. Ц. 40 к.

Брандесъ, Георгъ.—Собраніе сочиненій. Т. XII: Литературныя характеристики. Съ датск., п. р. М. Луичкоу. Кіевъ. 902. Ц. 12 томовъ—6 руб.

Бюнианъ, Дж.—Путешествіе пилигрима. Въ 2-хъ частяхъ. Новый полный перев. съ англ. Съ портретомъ и биограф. автора, написанной Г. Дюлькеномъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

Васюковъ, С.—„Край гордой красоты“. Кавказское побережье Чернаго моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Спб. 903. Ц. 2 р.

Веберъ, А.—Ростъ городовъ въ XIX-мъ столѣтіи. Съ англ. А. Н. Котельниковъ. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Веберъ, В. Н.—Геологическія изслѣдованія части Сухумскаго округа. Спб. 903.

Великій Князь Николай Михайловичъ.—Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи имп. Александра I. Томъ II. Спб. 903.

Вылещитскій, Ф., подполковникъ.—Императоръ Николай Первый и Польша въ 1830 году. Воспоминанія. Новые матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—31 гг. Предисловіе и переводъ съ франц. рукописи К. А. Военскаго. Спб. 903. Не для продажи, въ числѣ 100 экз.

Гаршинъ, Всев.—Разсказы. Съ биографіею, написан. А. Скабичевскимъ, и 3 портр. Изд. 9-е, Литерат. Фонда. Спб. 903. Ц. 2 р.

Гербановскій, Мих.—Лестки: 1. Музѣ. 2. Идеи и образы. 3. На груди природы. 4. Свѣтъ и тѣни любви. 5. Святая Святыхъ. 6. Переводы: Аснискъ, Ковопницкая, Гомулицкій, Глинскій, Тетмайертъ, Петрарка, Сюлли-Прюдомъ, Лонгфелло. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Голыцинъ, кн., Н. В.—Къ 200-лѣтію основанія Петербурга. Петербургъ или Петрополь? Новое свидѣтельство объ основаніи Петербурга. Спб. 903. Ц. 20 к.

Гофманъ, К.—Радій и его лучи. Съ нѣм. Ф. Индриксонъ, п. р. И. Боргмана. Русск. изд. 2-е, измѣн. и значит. дополн. Спб. 903. Ц. 70 к.

Гринбергъ, С.—М. Горькій за границей. Къ 10-лѣтію литературной дѣятельности. 1892—1902. Кн. 1 и 2. Кіевъ. 903. Ц. 55 к.

Гуревичъ, Г. Я.—Новый способъ полученія желудочнаго сока у человѣка. Диссерт. на степ. д-ра мед. Спб. 903.

Де-Селюръ, Гастонъ.—На краю свѣта. Годъ въ Новой Зеландіи. Съ франц. Н. Волконская, п. р. Д. Коропчевскаго. Съ 27 рис. и картою. Спб. 903. Ц. 60 к.

Дюнео.—Очерки современной Англіи. Изд. редакціи „Русское Богатство“. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Дубовицкій, Д. И.—Опытъ изслѣдованія Пензенской губерніи и Юго-Восточной Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Ч. I. Пенза. 903.

Заболотскій, П. А.—О гуманнхъ мотивахъ поэзіи Н. А. Некрасова. Варш. 903. Ц. 60 к.

Завадскій, А. В.—Несмѣняемость судьи и его независимость. Каз. 903.

Зенеръ, С.—Дж. Ст. Милль, его жизнь и произведенія. Съ нѣм. Л. Иванова, п. р. Е. Максимовой. Спб. 903. Ц. 50 к.

Каневскій, И.—Поздніе цвѣты. Силуэты: Университетскій обѣдъ—Она вернется—Отецъ и дочь—Драма на лугу. Од. 903. Ц. 75 к.

Ключаревъ, Гр., священн.—Исторія ветхозавѣтнаго священства до заключенія священнаго закона—второй половины V вѣка до Р. X. Ставроп. губ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и разсказы. Т. V. Изд. 3-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

- Ламманъ*, Фил. — Драммы и новеллы. Перев. М. Толмачевой. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.
- Лебедева*, Лидія. — Стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Ломизе*, К. — Профанаторы печатнаго слова. Въ защиту спиритизма. Тифл. 903. Ц. 20 к.
- Львовъ*, Л. — Новая-Земля. М. 903.
- Мамонтовъ*, И. И. — Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельско-хозяйственной и лѣсной части, вышедшихъ за 1901 годъ.
- Марковъ*, Евг. — Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб. 903. Ц. 2 р.
- Мартыновъ*, С. В. — Современное положеніе русской деревни: Санитарно-экономическое описаніе с. Малышева Воронежскаго уѣзда. Саратов. 903.
- Миллеръ*, В. П. — Аквариумъ. Руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ. Описаніе водныхъ растеній и животныхъ. Изд. 2-е, дополн., съ 91 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.
- Мырный*, Панасъ. — Книжка перша творивъ. У Києви. 903. Цѣна — 1 р. 25 коп.
- Неждановъ*, П. — О старомъ вопросѣ. По поводу новой книжки Е. Смирнова: „Цѣна и трудовая стоимость“. Посвящается ортодоксамъ. Спб. 903. Ц. 25 к.
- Новомбергскій*, Н. — Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 903. Ц. 40 к.
- Пекаторосъ*, Г. — Современныя настроенія. Діалоги. Од. 903. Ц. 20 к.
- Пеллико*, Сильвіо. — Объ обязанностяхъ человѣка. Съ портретомъ и біографіей автора. Съ итальянск. Ев. Серчевскій. Спб. 903. Ц. 35 к.
- Петровъ*, священн. Г. С. — Люди — братья. Спб. 903. Ц. 15 к.
- Семляновъ*, Я. В. — Фарфоръ и фаянсъ Россійской Имперіи. Описаніе фабрикъ и заводовъ съ изображеніями фабричныхъ клеймъ. Владим. губ. 903. Ц. 2 р. 50 к.
- Сергѣевичъ*, В. — Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-е изд. дополн. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.
- Сорокинъ*, К. А. — Упрощенная русская азбука и правописаніе. Спб. 903. Ц. 20 к. Спб. Новая-Деревня. 903.
- Субботинъ*, А. — Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи. Въ связи съ трудомъ И. С. Вліоха. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Темниковскій*, Евг. — О курсѣ церковнаго права профессора А. С. Павлова. Критическій очеркъ. Ярослав. 903.
- Тепловъ*, Н. В. — Классификація социальныхъ наукъ въ связи съ типичными формами социальной организаціи. М. 903. Ц. 30 к.
- Устиновъ*, В. М. — Идея національнаго государства. Харьков. 903.
- Фальковскій*, Ф. Н. — Въ огнѣ. — Сонъ жизни. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.
- Дабель*, Евгений. — Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Съ 4-мя портретами въ разн. періоды жизни. Съ нѣм. Влад. Григоровичъ. Кіевъ. 903. Ц. 80 к.
- Цилеръ*, Т. — Очеркъ общей педагогики. Съ нѣм. М. Ефремовой, п. р. М. Лихарева. Спб. 903. Ц. 50 к.
- Циммерманъ*, Р. Э. — Разказы. Съ портретомъ автора. Спб. 903. Ц. 1 р.
- Черниковъ*, д-ръ, М. — Гнойная язва на общественномъ тѣлѣ. Картина изъ современной жизни. Од. 903. Ц. 30 к.

Лыжковъ, А. И.—Поэма „Старый портретъ“.—Мелкія стихотворенія. 1866-1886 гг. Ялта. 903.

— Библиотека „Народнаго Блага“: 1) Л. Андреевъ, Бергамотъ и Гараська. Ц. 5 к. 2) В. Ермиловъ, Жизнь и сердце поэта, памяти Н. А. Некрасова. 3) Л. Андреевъ, Гостинець, ц. 5 к. 4) Ермиловъ, Начатки русской грамматики для дѣтей младш. возраста, ц. 15 к. 5) Его же, Завѣты Вѣлинскаго молодому поколѣнію, 15 к. М. 903.

— Географическія чтенія. Америка-Океанія. Перев. съ англ. Съ 36 рис. въ текстѣ. М. 903. Ц. 80 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1901—1902 г. 32-й обзоръ. Спб. 903. Ц. 50 к.

— Описание Архива Александро-Невской Лавры за время царствованія Императора Петра Великаго. Т. I: 1713—1716 гг. Спб. 903.

— Отчетъ Общества поощренія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ. 1902 годъ, пятый. Спб. 903.

— „Поволжье“. Художественно-литературное изданіе, п. р. Б. Розова-Цвѣткова. Вып. 1. Н.-Новг. 903. Ц. 1 р. 25 к.

— Волга отъ истока до Каспія, съ прил. карты и краткимъ путеводителемъ на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Н.-Новг. 903. Ц. 2 р.

— Протоколы Бердянскаго очереднаго уѣзднаго земскаго собранія, созыва 1902 г., съ приложениями. Берд. 903.

— С.-Петербургская Столичная полиція и Градоначальство. Братскій историческій очеркъ. Спб. 903, стр. 326+XVI, in 4°.

— Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ, Камѣ и на Маріинской системѣ за 1902 г. Вып. IV и V. Спб. 903. Ц. 1 р.

— Сводъ товарныхъ цѣвъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1902 годъ. Съ приложеніемъ таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы. Изд. мин. финансовъ. Спб. 903.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1902—3 г. Ежемѣсячный журналъ, изд. п. р. д-ра М. Чельцова. Ноябрь-Декабрь. Годъ 70-ый. Спб. 903. Ц. 3 р. въ годъ.

— Фельдшерскій Сборникъ. По поводу десятилѣтія газеты „Фельдшеръ“. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Octave Mirbeau. Les affaires sont les affaires. Comédie en trois actes. Paris, 1903.
(Eugène Fasquelle édit.).

Многіе французскіе писатели новѣйшаго времени, романисты и драматурги, уклоняются отъ традицій натурализма обобщающимъ, синтезирующимъ характеромъ своихъ произведеній. Подъ вліяніемъ отчасти русскаго романа, отчасти идеалистическаго теченія въ современной философіи, они стремятся поучать (конечно, не въ смыслѣ шаблонной морали) и выяснять идейное значеніе явленій; они не ограничиваются безстрастнымъ анализомъ, возведеннымъ въ принципъ натуралистической школы,—а дѣлаютъ выводы, ищутъ путей къ духовному совершенствованію человѣчества. Къ числу писателей философскаго направленія принадлежатъ—скептически снисходительный Анатоль Франсъ, послѣдователь Толстого Эдуардъ Родъ, Поль Аданъ съ его широкими обобщеніями социальнаго и идейнаго характера и другіе.

На ряду съ ними есть, однако, выдающіеся по таланту и знанію современной Франціи реалисты, занятые исключительно изученіемъ дѣйствительности, разоблаченіемъ темныхъ сторонъ жизни, язвъ лихорадочно развивающейся культуры. Одинъ изъ самыхъ яркихъ и беспощадныхъ изслѣдователей „правды жизни“—Октавъ Мирбо. Его реализмъ—болѣе современный, чѣмъ натурализмъ Золя; Мирбо изображаетъ не только пошлость и грубость буржуазной среды, но вникаетъ въ болѣе сложные и утонченные пороки культурнаго общества. Выводовъ онъ не дѣлаетъ, занятый только анализомъ, рисуя только дѣйствительно „жестокіе нравы“, — но картины жизни въ его произведеніяхъ настолько правдивы и ярки, что выводы становятся очевидными сами собой. Мирбо такъ же развѣнчиваетъ французскую культуру, какъ Золя, съ тою разницей, что онъ изображаетъ не только грубые массовые инстинкты, какъ авторъ „Ругонь-Маккаровъ“, а вникаетъ во всѣ изощренія и извращенія пресыщеннаго вкуса современныхъ французовъ.

Наиболѣе извѣстное произведеніе Мирбо, „Journal d'une femme de chambre“—одна изъ самыхъ циничныхъ, но въ то же время и са-

мыхъ правдивыхъ книгъ въ новѣйшей французской литературѣ. Вся внутренняя гнилость общества, щеголяющаго нарядностью одеждъ, чувствъ и громкихъ словъ, раскрывается въ дневникѣ горничной, передъ которой господа „не стѣсняются“ и обнаруживаютъ всю скрытую плоскость, грубость и низменность своихъ помысловъ. При всей беззащитности языка и откровенности описаній книга Мирбо по замыслу—въ высшей степени чистая, такъ какъ рисуешь не соблазнительность и внѣшнюю красоту грѣха, а отталкивающую грязь и пустоту мелко-развратной жизни. Всѣ классы общества проходятъ передъ читателемъ въ воспоминаніяхъ дерзкой камеристки, и дневникъ ея—приговоръ нравамъ современной Франціи.

Въ другихъ книгахъ Мирбо съ той же рѣзкостью описываетъ нравы и типы различныхъ слоевъ французскаго общества. Два романа, „L'abbé Jules“ и „Sébastien Roch“, посвящены изображенію темныхъ сторонъ клерикальнаго вліянія, ужасныхъ условий, въ которыхъ воспитывается юношество въ іезуитскихъ школахъ, и всѣхъ тѣхъ интригъ и продѣлокъ, при помощи которыхъ честолюбивые патеры добиваются повышеній и матеріальныхъ выгодъ. Мирбо—убѣжденный антиклерикаль и протестуетъ главнымъ образомъ противъ педагогической дѣятельности католическаго духовенства, показывая, какъ въ іезуитскихъ школахъ извращается нравственность воспитанниковъ, какъ ихъ методически приучаютъ къ притворству и лжи, и съ какой жестокостью съ ними обрѣзаются. Обѣ книги Мирбо написаны задолго до возникшаго въ послѣднее время анти-конгрегационистскаго движенія,—и всѣ теперешніе разоблаченія и судебные процессы противъ конгрегационныхъ школъ и дѣтскихъ пріютовъ подтверждаютъ правдивость его описаній.

Новѣйшее произведеніе Мирбо — комедія „Les affaires sont les affaires“; она была представлена въ первый разъ въ Comédie Française въ апрѣлѣ текущаго года. Она имѣла и продолжаетъ имѣть на сценѣ несомнѣнный успѣхъ, главнымъ образомъ благодаря мастерской игрѣ актера де-Фероди, который создалъ въ роли героя комедіи яркій жизненный типъ безсердечнаго и хвастливаго дѣльца. Успѣху комедіи особенно способствовала одна эпизодическая сцена—разговоръ между разбогатѣвшимъ демократомъ и разорившимся маркизомъ. Торжествующій дѣлецъ глумится надъ безсиліемъ и нравственнымъ упадкомъ католической церкви во Франціи, надъ ея готовностью сплотиться съ богачами изъ низшихъ классовъ, забывъ прежнее тяготѣніе къ обезсиленной теперь аристократіи;—маркизь горячо защищаетъ традиціи рыцарской чести и христіанскихъ идеаловъ въ католической церкви. Оба защитника двухъ враждующихъ партій одинаково презрѣнны: милліонеръ Леша позорить защищаемые имъ принципы демо-

кратизма своимъ хищничествомъ и подчиненіемъ всякихъ человѣческихъ чувствъ денежнымъ интересамъ; маркизь производитъ столь же отталкивающее впечатлѣніе мертвенностью и условностью своихъ понятій о чести и о религіи, не жѣшающихъ ему согласиться на унижительныя компромиссы. Иронія автора заключается именно въ этомъ сведеніи къ одинаковому ничтожеству представителей обѣихъ партій, такъ какъ его цѣль—въ раскрытіи оборотной стороны современной французской жизни, безотносительно къ принципамъ, которыми прикрываются люди различныхъ партій. Но, вслѣдствіе обострившагося въ настоящее время антагонизма между клерикалами и ихъ врагами, публика приняла въ серъезъ обвинительныя и защитительныя рѣчи финансиста и маркиза, выражая по поводу нихъ шумныя одобренія или протесты.

„Les Affaires sont les affaires“—хотя и названа комедіей, но по существу—очень мрачная драма. Она напоминаетъ извѣстную драму Анри Бека, „Les corbeaux“, изображеніемъ торжествующаго хищничества, причемъ Мирбо, какъ и его предшественникъ, изображаетъ дѣйствительность не въ возмущенномъ сатирическомъ тонѣ, а спокойно и просто. Это не драма съ необычайными, нарушающими обычный ходъ жизни событиями, а комедія, т.-е. то, что бываетъ всегда, что опредѣляетъ собой духъ времени. Типичная черта, подмѣченная Мирбо, выражается въ лозунгѣ „les affaires sont les affaires“, т.-е. „дѣла прежде всего“. Представителемъ этого жизненнаго принципа, выработаннаго буржуазіей, является въ пьесѣ Мирбо дѣлецъ Леша. Онъ нажилъ свое многомилліонное состояніе самъ, и гордится своимъ простымъ происхожденіемъ, считаетъ свои жизненные успѣхи торжествомъ демократическаго начала и наслаждается властью, которую ему даютъ деньги. Это типъ хищника, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, и происхожденіе его милліоновъ—самое постыдное. Онъ знаетъ, что всѣ его считаютъ человѣкомъ, лишеннымъ совѣсти, но это его ничуть не беспокоитъ. Онъ видитъ свою силу въ томъ, что умѣетъ обманомъ, хитростью и эксплуатаціей увеличивать свое состояніе, потому что—„les affaires sont les affaires“, и все дѣло—въ пріобрѣтеніи капитала, составляющаго источникъ власти надъ людьми. Въ цинизмѣ, съ которымъ Леша ведетъ свои дѣла, хвастая своими очень неблаговидными удачами, есть своего рода пафосъ. Его больше всего радуетъ торжество надъ аристократами; онъ разоряетъ разныхъ графовъ и маркизовъ, глумится надъ своими жертвами во имя „свободы и равноправія сословій“, не сознавая или не желая признать, что представляетъ собой злую карриатуру на торжество демократическаго начала. Какъ бы загнипозитизированный падшимъ величіемъ своихъ жертвъ, онъ всячески подражаетъ ихъ образу жизни,

живетъ въ роскошномъ замкѣ, гдѣ комнаты носятъ названія разныхъ королей старой Франціи: Генриха IV, Людовика XV, Людовика XVI и т. д., беретъ въ управляющіе разорившагося старика-виконта и грубо командуетъ имъ, говорить ему „ты“ и т. д. Вся эта роскошь совершенно не соотвѣтствуетъ его вульгарнымъ и грубымъ вкусамъ, но ему нужны ежечасныя доказательства его торжества, и онъ постоянно зазываетъ къ себѣ разныхъ проходивцевъ, также какъ и членовъ высшей мѣстной администраціи, чтобы ослѣплять ихъ великолѣпіемъ и пышностью своего дома. Но, при всей своей хвастливости, при готовности бросать сколько угодно денегъ изъ тщеславія, Леша ни на минуту не забываетъ о „дѣлахъ“, и его нельзя провести лестью. Двое изъ его случайныхъ пріятелей хотятъ воспользоваться его чванствомъ и, всячески льстя его тщеславію, думаютъ вовлечь его въ невыгодное, даже разорительное предпріятіе; они рассчитываютъ на ограниченность зазнавашагося миллионера, и тѣмъ болѣе рассчитываютъ на успѣхъ, что въ семьѣ Леша происходитъ рядъ несчастій, которыя очевидно должны притупить его проворливость и алчность. Но сила Леша—именно въ томъ, что среди всѣхъ обстоятельствъ жизни, какъ счастливыхъ, такъ и трагическихъ, онъ помнитъ свой основной принципъ: „les affaires sont les affaires“, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ представляетъ собою борца за идею; деньги для него—символь власти и величія, и составляютъ отвлеченный идеаль, въ жертву которому онъ приноситъ и совѣсть, и всѣ человѣческія чувства. Въ этомъ—его паеосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ воплощеннаго въ немъ буржуазнаго начала, служенія кумиру, опустошающему душу, уродующему жизнь. Судьба Леша, несмотря на его удачу въ дѣлахъ, на его внѣшнее торжество—трагическая, и въ комедіи изображается постепенное опустошеніе души и жизни подъ вліяніемъ ложной святыни. Торжествуетъ принципъ стяжанія—„les affaires“, и человѣкъ, подвластный ему, гибнетъ. Нравственная его гибель уже совершилась:—съ самаго начала пьесы Леша рисуется уродливымъ существомъ, лишеннымъ всякаго пониманія чести и человѣческаго достоинства; въ развитіи же дѣйствія эта гибель распространяется и на самую жизнь ослѣпленнаго своимъ корыстолюбіемъ дѣльца. Онъ теряетъ все, что придавало какой-нибудь смыслъ его стяжательству, и въ послѣдней сценѣ комедіи передъ зрителемъ—глубоко несчастный человѣкъ; но зато торжествуетъ погубившій его принципъ: Леша не забываетъ о „дѣлахъ“, и какъ рабъ, привыкшій къ своимъ цѣлямъ, продолжаетъ „работать“, т. е. обирать намѣченныя имъ жертвы.

Трагизмъ судьбы Леша обусловленъ его антагонизмомъ съ его семьей. Его жена—ограниченная, простая женщина—тяготится навязываемой ей пышностью жизни. Ей хотѣлось бы скромно пользо-

ваться достаткомъ, живя въ деревнѣ, въ маленькомъ домѣ, такъ какъ она чувствуетъ несоотвѣтствіе между естественными вкусами и привычками своими и своего мужа съ тѣмъ великосвѣтскимъ образомъ жизни, который онъ завелъ изъ тщеславія. У нея къ тому же доброе сердце, и она страдаетъ отъ жестокости мужа къ бѣднымъ, отъ его безсердечной эксплуатаціи своихъ подчиненныхъ. Ей противно общество льстецовъ, окружающихъ Леша; живя въ замкѣ, въ которомъ она чувствуетъ себя чужой, она съ ужасомъ ждетъ каждый день возвращенія мужа изъ города, зная, что онъ навезетъ съ собой чужихъ людей, о которыхъ ей приходится заботиться. При всякомъ случаѣ она выражаетъ свое недовольство мужу и жалуется на него даже чужимъ. Леша не находитъ въ ней поддержки своему тщеславію, и поэтому предпочитаетъ общество своихъ прилебателей, поддакивающихъ его хвастливымъ рѣчамъ. Протесты жены его сердятъ, но онъ приписываетъ ихъ ея несвѣтскости, ея неумѣнью понять его честолюбивыя желанія; „у нея нѣтъ манеръ“ (elle n'a pas d'usage), говоритъ онъ всегда какъ бы въ утѣшеніе себѣ. Онъ требуетъ, чтобы управляющій принялъ строгія мѣры противъ крестьянъ, собирающихъ колосья на полѣ послѣ жатвы; —она заступается за бѣдняковъ, но и это онъ приписываетъ ея несвѣтскости, не вникая въ ея доводы. Онъ старается отдѣлаться шутками отъ постоянныхъ возраженій жены, но антагонизмъ съ ней лишаетъ его главнаго удовлетворенія — сочувствія въ домашнемъ кругу; поэтому онъ еще болѣе хвастаетъ передъ чужими, нуждаясь въ чьемъ-либо одобреніи, хотя бы и притворномъ. Еще болѣе обострены его отношенія съ дочерью, благородной, нѣжной Жерменъ, глубоко несчастной въ своей семьѣ. Жермена презираетъ и ненавидитъ отца, зная источникъ его богатства, види вокругъ себя слезы его жертвъ; она ищетъ случая вырваться изъ дома и откровенно высказываетъ отцу свое мнѣніе о немъ. Леша старается, какъ и относительно жены, подвести недовольство дочери подъ какую-нибудь безобидную для него формулу. „C'est une intellectuelle“, говоритъ онъ и себѣ, и другимъ; не вникая въ сущность ея обвиненій, онъ гордится тѣмъ, что у него такая высоко-интеллектуальная дочь, и — „les affaires sont les affaires“ —хочетъ извлечь изъ ея умственныхъ и душевныхъ качествъ пользу для своего тщеславія. Онъ хвастаетъ ею и хочетъ выдать ее замужъ за какого-нибудь виднаго аристократа. Жермена знаетъ, что отецъ и къ ней относится съ „дѣловой“ точки зрѣнія, и это еще болѣе усиливаетъ ея возмущеніе и жажду освобожденія. Леша не придаетъ большого значенія ея оппозиціи, увѣренный, что сумѣетъ заставить ее подчиниться своимъ комбинаціямъ; но постоянныя противорѣчія со стороны дочери дѣлаютъ его жизнь въ семьѣ еще болѣе неуютною. Больше единомыслія у него съ

сыномъ — типичнымъ „прожигателемъ жизни“, занятымъ скачками, игрой и т. д., уставшимъ отъ лихорадочной свѣтской жизни уже въ двадцать лѣтъ. Всѣ пороки Бсавье льстятъ его отцу, который гордится тѣмъ, что его сынъ умѣетъ кутить, ни въ чемъ не уступая своимъ аристократическимъ товарищамъ. Леша охотно улачиваетъ огромные долги сына, преклоняясь передъ его свѣтскостью. Но всѣ честолюбивые расчеты Леша, направленные на то, чтобы доказать при помощи денегъ свое превосходство надъ аристократіей и всячески унижить разоряемыхъ имъ представителей родовой знати, рушатся; дѣла ему всегда удаются, такъ какъ онъ не гнушается никакими средствами для успѣха, но его преслѣдуетъ несчастье въ его семьѣ. Жермена не только не подчиняется его комбинаціямъ, но готовитъ жестокой ударъ его тщеславію. Она полюбила служащаго у ея отца химика Люсьена Гаро; Леша спасъ его отъ нищеты, взявъ къ себѣ на службу, но, по своему обыкновению, эксплуатируетъ знанія и дарованіе молодого человѣка для своихъ цѣлей. Жермена хочетъ спасти и себя, и Люсьена отъ унижительнаго подчиненія человѣку, котораго они оба презираютъ за его хищничество. Чуждая всякихъ предрасудковъ, считающая себя въ правѣ свободно располагать своими чувствами, Жермена становится возлюбленной Люсьена, и ждетъ только случая, чтобы объявить объ этомъ отцу и уйти навсегда изъ родительскаго дома. Ей отчасти жаль мать, но она знаетъ, что не будетъ въ состояніи побѣдить ея буржуазные предрасудки, и не можетъ считаться съ ея взглядами на жизнь. Люсьень убѣждаетъ ее поременить и скрывать тайну ихъ любви, пока онъ не создастъ себѣ самостоятельнаго положенія, не найдетъ занятій, которыя обезпечатъ ихъ совместную жизнь; онъ боится, что выросшая среди роскоши дѣвушка не сумѣетъ снести лишеній. Но Жермена очень сильна и тверда; ее не страшитъ нищета, — до того ей тяжело жить въ домѣ отца. Она старается замазать его грубость и дурное отношеніе къ людямъ, хлопочетъ о выгнанномъ имъ работникѣ, извиняется передъ управляющимъ, старикомъ-виконтомъ, надъ которымъ отецъ ея всячески издѣвается, — но жить у отца и быть свидѣтельницей его цинизма и безсердечія она не можетъ.

Стеченіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку. Въ замкѣ Леша гости, и въ томъ числѣ два инженера, которые хотятъ вовлечь хозяина въ рискованное предпріятіе, одурачивъ его своею лестью и притворнымъ преклоненіемъ передъ его дѣловыми талантами и его богатствомъ. Леша отлично понимаетъ ихъ тактику и, соглашаясь войти съ ними въ компанію, ставитъ условія, при которыхъ одураченными оказываются они, а не онъ. Но ихъ присутствіе и увѣренность въ своемъ превосходствѣ тѣшатъ его тщеславіе и вдохновляютъ его на новыя

аферы. Намѣченная имъ на этотъ разъ жертва—его сосѣдъ, маркизь Порселѣ, уже въ достаточной мѣрѣ имъ разоренный. Зная критическое положеніе маркиза, который обращается къ нему съ просьбой о новомъ займѣ денегъ, онъ предлагаетъ ему постыдный торгъ. Подъ угрозой описи его имѣнія, онъ требуетъ, чтобы маркизь женилъ своего сына на Жерменѣ и кромѣ того употребилъ бы свое вліяніе на поддержку кандидатуры Леша въ депутаты. Старикъ-маркизь сначала сильно возмущается, говоритъ о традиціяхъ дворянства, о сословной чести и т. д. (этотъ упомянутый нами выше теоретическій разговоръ между представителями разлагающейся аристократіи и столь же низменной въ своемъ стяжательствѣ буржуазіи—одна изъ самыхъ интересныхъ сценъ въ комедіи), — но принужденъ согласиться. О судьбѣ своей дочери Леша въ данномъ случаѣ не думаетъ—она для него не болѣе чѣмъ козырь въ его игрѣ, орудіе, при помощи котораго онъ думаетъ достигнуть вершины своихъ стремленій—пріобщить свой родъ къ аристократіи, которую онъ всячески попираетъ въ своихъ надменныхъ, яко-бы демократическихъ тирадахъ. Въ согласіи дочери онъ даже не сомнѣвается и, вынудивъ у маркиза согласіе на затѣянную имъ комбинацію, призываетъ жену и дочь. Маркизь проситъ официально руки Жермены для своего сына,—но Жермена пользуется этимъ случаемъ для окончательнаго объясненія съ отцомъ. Она отвѣчаетъ маркизу отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что она несвободна, и прибавляя съ горечью, что какъ это ни странно для дочери Леша, но она дѣйствительно не продаетъ себя, а отдала свою любовь свободно избранному ею человѣку. Леша—въ ужасѣ, не хочетъ вѣрить словамъ дочери, но маркизь, въ виду открытаго признанія Жермены, беретъ назадъ свое предложеніе и уходитъ. Леша посылаетъ ему въ догонку угрозу немедленной описи его помѣстья и, оставшись наединѣ съ женой и дочерью, осыпаетъ Жермену ругательствами, обнаруживая всю грубость своей низменной природы. Жермена называетъ имя своего избранника, призываетъ Люсьена, и они вдвоемъ объявляютъ Леша о своемъ намѣреніи уйти навсегда, отказываясь отъ всякой матеріальной помощи съ его стороны. Леша не вѣритъ ихъ безкорыстію, грозитъ тѣмъ, что лишитъ дочь наслѣдства, обвиняетъ Люсьена въ намѣреніи выманить у него деньги и т. д.,—но, увидѣвъ, что угрозы его не производятъ впечатлѣнія на непонятную ему по своему легкомыслію и идеализму дочь и ея друга, онъ объявляетъ ей, что навсегда отказывается отъ нея и уходитъ. Оставшись наединѣ съ дочерью, жена Леша молить ее отказаться отъ своего рокового намѣренія, говорить, что постарается примирить отца съ нею, но непреклонность дочери ее побѣждаетъ; она понимаетъ правоту Жермены и только плачетъ, сознавая свое безсиліе, невозможность уйти вмѣстѣ съ до-

черью,—она слишкомъ сжилась съ мужемъ, слишкомъ прониклась его взглядами, чтобы начать новую жизнь. Она благословляетъ Жермену, признавая вину родителей передъ ней, и онѣ расстаются въ слезахъ. Для Леша разрывъ съ дочерью не такъ тяжелъ,—она для него чужая своими чувствами и желаніями, и кромѣ того, она „испортила ему выгодную сдѣлку“ — этого онъ никакъ не можетъ ей простить. Но прежде чѣмъ онъ успѣваетъ оправиться отъ удара, нанесеннаго его тщеславію уходомъ Жермены, судьба готовитъ ему еще болѣе страшное испытаніе: приходитъ управляющій и докладываетъ ему, что случилось несчастіе съ автомобилемъ его сына—что Ксавье убитъ на мѣстѣ, и трупъ его несутъ въ замокъ. Леша ошеломленъ и теряетъ самообладаніе,—но не надолго. Когда черезъ короткое время приходятъ къ нему инженеры Финезъ и Гругъ, и среди выраженій своего соболѣзнованія просятъ подписать контрактъ, въ виду того, что имъ необходимо тотчасъ же уѣхать, онъ внимательно выслушиваетъ ихъ фразы, отвѣчаетъ имъ въ тонъ, но потомъ столь же внимательно прочитываетъ бумагу и замѣчаетъ имъ: „вы мошенники“. Они, дѣйствительно, хотѣли воспользоваться его горемъ, чтобы заставить его подписать невыгодныя условія. Но онъ, сразу оправившись, заставляетъ ихъ прибавить къ контракту параграфъ, по которому вся выгода отъ затѣяннаго предпріятія достанется ему. Они пишутъ подъ его диктовку все, что онъ говоритъ, и въ какомъ-то оцѣпенѣннн слѣдятъ за движеніями этого необычайнаго человѣка, котораго никакія катастрофы не могутъ отвлечь отъ его лозунга: „les affaires sont les affaires“. Перечтя бумагу и подписавъ ее въ свою очередь, Леша передаетъ ее инженерамъ и, шатаясь, уходитъ къ трупу своего сына. Эта послѣдняя сцена производитъ сильное впечатлѣніе своей оригинальностью,—изображенный Мирбо типъ хищника доведенъ до крайней точки развитія въ жестокомъ заключительномъ аккордѣ; алчность дѣльца одержала побѣду надъ всѣми человѣческими чувствами, опустошивъ до конца душу афериста.

Въ пьесѣ Мирбо нѣтъ морали, нѣтъ поученія; это только безпощадное изображеніе мрачной дѣйствительности, ужасающій въ своемъ реализмѣ анализъ типа, созданнаго извращеніемъ демократическаго принципа, и въ этомъ смыслѣ „Les affaires sont les affaires“—сильная драма; она составляетъ какъ бы продолженіе знаменитаго „Journal d'une femme de chambre“, рисующаго уродство буржуазной Франціи.

II.

Edouard Rod. *L'Inutile Effort*. Paris, 1903 (Librairie acad. Perrin et Cie).

Эдуард Родъ—одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ французскихъ романистовъ. Его гораздо менѣе занимаютъ психологическіе этюды въ области эротизма, чѣмъ идейные вопросы,—въ этомъ его отличіе отъ большинства современныхъ французскихъ беллетристовъ. По непосредственному художественному таланту онъ уступаетъ многимъ изъ „мастеровъ“ французскаго романа; онъ пишетъ нѣсколько тяжело, расудочно—разсужденія преобладаютъ въ его романахъ надъ дѣйствіемъ, надъ живымъ изображеніемъ характеровъ. Онъ скорѣе моралистъ и публицистъ, чѣмъ художникъ, отдающійся влеченію своей фантазіи; цѣлью его изслѣдованій является эволюція нравственныхъ идеаловъ въ современномъ обществѣ. Теоретическому изученію этого вопроса посвящены его критическіе очерки („*Les idées morales du temps présent*“, „*Etudes sur le XIX siècle*“ и др.), а въ романахъ онъ освѣщаетъ свое пониманіе нравственныхъ задачъ на примѣрахъ изъ дѣйствительной жизни, т.-е. провѣряетъ свои теоретическіе взгляды на практикѣ. Поэтому въ его романахъ всегда чувствуется теоретикъ-моралистъ, профессоръ (Родъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ лекціи по исторіи литературы въ Женевскомъ университетѣ); отсутствіе живости въ романахъ Рода объясняется также тѣмъ, что онъ—швейцарецъ, болѣе склонный къ расудочности, чѣмъ блестящіе—и въ огромномъ большинствѣ болѣе поверхностные—французы. Какъ протестантъ, воспитанный на внимательномъ чтеніи библіи, онъ привыкъ вдумываться въ вопросы совѣсти, выдвигать этическія задачи на первый планъ. Все это создаетъ ему особое положеніе среди французскихъ романистовъ; его повѣсти и романы болѣе отвлеченны, теоретичны и менѣе занимательны, чѣмъ амурныя трагикомедіи въ произведеніяхъ Буржэ, Марселя Превэ и т. д. У него также меньше художественнаго вкуса, чѣмъ у Анатоля Франса,—но по серьезности идейныхъ замысловъ, по стремленію рѣшать вопросы о смыслѣ жизни, о путяхъ нравственнаго совершенствованія, объ отвѣтственности людей за причиняемыя ими страданія, романы Эдуарда Рода представляютъ исключительно отрадное явленіе во французской беллетристикѣ послѣднихъ лѣтъ. Такіе романы, какъ „*Le Sens de la vie*“, „*La Course à la mort*“, задѣваютъ самые существенные вопросы духовной жизни, а въ другихъ, какъ, напр., въ „*Mademoiselle Annette*“, противопоставленіемъ идеала истиннаго челоуѣколюбія (а не шаблонной филантропіи) „американизму“, т.-е. эгоистическому культу комфорта въ

жизни, Родъ касается одного изъ больныхъ мѣстъ современной культуры.

Въ своихъ этическихъ взглядахъ Эдуардъ Родъ—убѣжденный послѣдователь Льва Толстого, и проповѣдуетъ братство между людьми и „религію любви и жалости“ (la religion de la pitié). Онъ хотя и придаетъ проповѣди Толстого нѣсколько сухой, протестантскій характеръ, но уже самое стремленіе изучать не внѣшнюю правду жизни, а движенія проснувшейся совѣсти, дѣлаетъ Рода интереснымъ писателемъ—въ особенности для русской публики.

Новый романъ Рода, *L'Inutile effort*, русскій переводъ котораго печатается теперь въ нашемъ журналѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній автора. Несмотря на недостатки, свойственные всему, что онъ пишетъ, на длинноты и преобладаніе разсужденій надъ дѣйствіемъ, замыселъ романа и затронутые въ немъ общественные вопросы представляютъ серьезный интересъ. Для русскихъ читателей романъ любопытенъ еще и тѣмъ, что является дальнѣйшей разработкой темы „Воскресенія“ Толстого, применительно къ условіямъ западно-европейской жизни. Близость „Тщетнаго усилія“ къ „Воскресенію“—очевидная, и Родъ ее самъ подчеркиваетъ: въ одной изъ первыхъ главъ романа происходитъ обсужденіе поступка Нехлюдова, въ присутствіи человѣка, который самъ очутился въ положеніи героя „Воскресенія“. Цѣль Рода—показать психологію француза въ аналогичныхъ обстоятельствахъ, и выводы, къ которымъ онъ приходитъ, очень любопытны. Въ „Тщетномъ усиліи“, какъ и въ „Воскресеніи“, разсматривается вопросъ объ отвѣтственности человѣка за свои поступки въ прошломъ. Родъ беретъ еще болѣе трагическія и болѣе осложненныя условія, чѣмъ тѣ, которыя повліяли на нравственное перерожденіе Нехлюдова. Масловой грозитъ наказаніе за воровство—тюрьма и ссылка, и вина Нехлюдова въ томъ, что онъ толкнулъ ее на порочную жизнь. Отвѣтственность героя Рода еще болѣе страшна: покинутую имъ въ юности женщину обвиняютъ въ чудовищномъ преступленіи—въ убійствѣ ребенка (его ребенка), и ей грозитъ смертная казнь; его своевременное вмѣшательство могло бы спасти ее, такъ что его прямой долгъ—выступить, объяснить свои отношенія къ обвиняемой и доказать ея невинность. Но исполненіе долга совѣсти осложняется семейнымъ положеніемъ Леонарда Переза, героя „Тщетнаго усилія“. Нехлюдовъ былъ независимъ и рисковалъ только своимъ личнымъ положеніемъ въ свѣтѣ,—Перезъ женатъ, имѣетъ дѣтей, и, навлекая на себя осужденіе свѣта, онъ погубилъ бы и свою семью, къ которой сильно привязанъ. Вызванная этими осложненіями борьба совѣсти составляетъ содержаніе романа. Родъ очень драматично разрабатываетъ тему Толстого. Онъ доказываетъ, что французы способны

въ душѣ возвыситься до подвига самоотверженія во имя правды и нравственнаго долга, но что неумолимость общественныхъ предразсудковъ, необходимость считаться съ ними, живя въ обществѣ, лишаетъ ихъ свободы дѣйствія. Чтобы яснѣе показать, что дѣло не въ душевной тупости и равнодушіи къ истинѣ, а именно въ условіяхъ французской жизни, Родъ выводитъ въ своемъ романѣ двухъ людей, понявшихъ необходимость исполнить нравственный долгъ, искупить вину передъ жертвой юношескаго увлеченія. Одинъ изъ нихъ, братъ виновнаго, считается только съ голосомъ совѣсти, другой же—самъ виновный, бессильно терзается, опутанный практическими соображеніями, поработанный эгоистическими идеалами своей среды. Въ лицѣ идеалиста Раймонда авторъ воплощаетъ непосредственный строгій и прямой призывъ нравственнаго долга, понимаемый имъ совершенно въ духѣ Толстого. Леонардъ Перезъ сошелся въ студенческіе годы съ молодой дѣвушкой, безкорыстно полюбившей его; когда увлеченіе кончилось и онъ весь отдался „серьезнымъ задачамъ жизни“, т.-е. заботамъ о карьерѣ, онъ безъ всякихъ угрызений совѣсти разстался съ ней, радуясь ея непритязательности и благоразумію, довольный тѣмъ, что она безропотно ушла отъ него съ ребенкомъ, взявъ на себя всѣ попеченія о немъ. Уже тогда „голосъ совѣсти“, воплощенный въ Раймондѣ, старался убѣдить его въ неправотѣ и даже преступности его поведенія,—но Леонардъ слишкомъ охваченъ былъ эгоистическими житейскими стремленіями, и оставался глухъ къ увѣщаніямъ брата. Среди тысячи новыхъ дѣлъ и интересовъ, среди волненій и успѣховъ своей адвокатской карьеры, а затѣмъ, послѣ женитьбы, среди своего буржуазнаго довольства и мечтаній о блестящемъ будущемъ своихъ дѣтей, Леонардъ совершенно забылъ о брошенной имъ въ юности жванціи. Вспомнить о ней ему приходится въ самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ—узнавъ изъ газетъ, что она обвиняется въ Лондонѣ, куда она переселилась послѣ разрыва съ нимъ, въ тяжкомъ преступленіи. Прежній конфликтъ между голосомъ совѣсти и житейскимъ эгоизмомъ возобновляется, но съ безконечно большей остротой. Раймондъ совершенно ясно и опредѣленно понимаетъ задачу, возлагаемую обстоятельствами на его брата: онъ долженъ немедленно отправиться въ Лондонъ, выяснить защитнику свои отношенія къ обвиняемой и погибшему отъ несчастной случайности ребенку, предать огласкѣ все, что онъ знаетъ о безукоризненности характера и жизни своей бывшей подруги, передать защитнику ея долготѣнную переписку съ Раймондомъ, свидѣтельствующую о ея безграничной любви къ ребенку,—и такимъ образомъ расположить въ ея пользу и общественное мнѣніе, и судей. Леонардъ на этотъ разъ не глухъ къ убѣжденіямъ брата; въ немъ проснулася совѣсть подъ вліяніемъ страшныхъ

послѣдствій давно забытой имъ вины. Онъ совершенно сходится съ Раймондомъ въ пониманіи своего долга, но его эгоизмъ и привязанность къ достигнутымъ имъ жизненнымъ благамъ разжигаютъ въ немъ упорную борьбу противъ самого себя, внушаютъ ему яко бы разумные доводы противъ излишняго идеализма и побуждаютъ его даже — вопреки глубокой внутренней увѣренности въ ложности обвиненія — сомнѣваться въ невинности нѣкогда любимой имъ женщины.

Интересъ романа — въ борьбѣ категорическаго голоса совѣсти и изворотливаго житейскаго разума. Родъ намѣренно воплотилъ строгій призывъ безошибочнаго нравственнаго чувства въ киломъ, неприспособленномъ къ жизни Раймондъ; онъ не принимаетъ активнаго участія въ жизненной борьбѣ, добровольно отказавшись отъ всѣхъ радостей, довольствуясь ролью зрителя и замыкаясь въ своемъ внутреннемъ мірѣ мыслей и мечтаній; поэтому его нравственное чувство не извращено житейскими компромиссами. Но, воплощая голосъ совѣсти въ мечтателѣ, который ничего не ждетъ и не можетъ ждать отъ жизни, Родъ тѣмъ самымъ хотѣлъ сказать, что глубина нравственнаго чувства трудно совместиима съ условіями жизни — въ особенности современной французской жизни. Нехлюдовы во Франціи невозможны — и потому, что болѣе тяжелая и сложная борьба за существованіе заглушаетъ стремленіе къ внутренней правдѣ, и потому, что побѣда совѣсти надъ благоразуміемъ не только не можетъ встрѣтить сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, а напротивъ того, вызываетъ негодованіе и насмѣшки надъ глупымъ донъ-кихотствомъ. Для того, чтобы могли явиться Нехлюдовы, нужна извѣстная духовная атмосфера, которая вполне отсутствуетъ въ буржуазно-культурной Франціи, — вотъ выводъ, который явствуетъ изъ психологически продуманнаго, правдиваго романа Рода. Только одинъ человѣкъ требуетъ отъ Леонарда исполненія нравственнаго долга — и это его братъ, выброшенный изъ жизни дилеттантъ-философъ; всѣ другіе примѣромъ своей жизни и своими теоретическими взглядами удерживаютъ его на пути практическаго благоразумія; его жена находитъ сильныя, продиктованныя ей чувствомъ самосохраненія, доводы противъ его вмѣшательства въ дѣло, къ которому никто не считаетъ его причастнымъ. „Во имя нравственнаго долга“ она требуетъ, чтобы онъ не навлекалъ позора и несчастья на своихъ законныхъ дѣтей вмѣшательствомъ въ скандальный процессъ, убѣждаетъ его не портить своей карьеры (а она бы дѣйствительно была испорчена слишкомъ смѣлымъ искупленіемъ скрытой отъ свѣта вины) — опять-таки ради дѣтей. Такого рода нравственный долгъ, требующій пассивнаго отношенія къ чужимъ страданіямъ, легче исполнить, — и слабая, слишкомъ открытая для удобныхъ софизмовъ совѣсть Леонарда стремится сдать на эти доводы, заглушить внутренній

протестъ души. Колебанія Леонарда, всё жалкіе софизмы, которыми эгоизмъ хочетъ побѣдитьъ внушенія совѣсти, изображены въ романѣ Родъ съ тонкимъ психологическимъ чутьемъ. Совѣсть одерживаетъ побѣду—но уже слишкомъ поздною, когда попытка спасти погибшую въ значительной степени по винѣ Леонарда женщину оказывается „тщетнымъ усиліемъ“. „Воскресенія“, конечно, въ романѣ нѣтъ,—напротивъ того, душа Леонарда навсегда омрачена его неискупленной виной и катастрофой, которую онъ не предотвратилъ,—но жить онъ продолжаетъ: „Онъ знаетъ, что отъ отчаянія не умирають, что жизнь не останавливается по знаку враждебныхъ силъ, которыя хотѣли бы ее разрушить, и что послѣ всѣхъ кризисовъ она восстанавливаетъ свои права, возобновляетъ свое теченіе... и поэтому на отчаянный возгласъ своего брата: „ты не можешь теперь жить“ — онъ тихо отвѣчаетъ: „Однако придется продолжать жизнь“.

Этимъ примирительнымъ аккордомъ—признаніемъ всевластія жизни—заканчивается романъ, рисующій столкновение внутренней правды, строгихъ велѣній совѣсти съ мелкой житейской моралью, полной компромиссовъ, мирящейся съ страданіями ближнихъ во имя столь дорогого культурнымъ людямъ комфорта, матеріальнаго и душевнаго. Жизнь въ цѣломъ восстанавливаетъ равновѣсіе добра и зла;—поэтому Родъ и видитъ утѣшеніе въ ея таинственной силѣ, но онъ полонъ пессимизма въ изображеніи отдѣльныхъ проявленій человѣческаго безсилія передъ призывомъ нравственнаго долга. Психологію своего героя, Леонарда Переза, Родъ объясняетъ въ значительной степени воздействиемъ среды, и потому съ особеннымъ стараніемъ обрисовываетъ людей, окружающихъ молодого адвоката. Очень удачна фигура его жены, житейски умной женщины, но не способной ни ощутить въ себѣ, ни понять въ другихъ душевнаго порыва или вообще какого-нибудь желанія, не связаннаго съ непосредственными житейскими интересами. Цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ портретовъ Родъ характеризуетъ адвокатскую и судейскую среду Парижа, и сообщаетъ интересные бытовые подробности о жизни и взглядахъ французскихъ адвокатовъ и „magistrats“. Ясно чувствуется, въ чемъ сила этихъ людей: въ огромной трезвости, неприступной логичности и пониманіи практическихъ условій жизни. Говоря о нѣсколькихъ знаменитыхъ адвокатахъ и характеризуя ихъ методы защиты, Родъ показываетъ, до чего они проникнуты вѣрой въ твердость позитивныхъ устоевъ жизни, и какъ, защищая даже враговъ буржуазнаго строя (въ процессѣ анархистовъ), они являютъ сторонниками и проповѣдниками традиціоннаго порядка вещей. Но въ изображеніи качествъ и талантовъ французскихъ адвокатовъ и судей чувствуется также ихъ безнадежная ограниченность, неспособность проникнуться смѣлымъ и широкимъ

пониманіемъ нравственнаго долга и духовной свободы. Нравственность сводится для нихъ къ выполненію законовъ: ко всякому другому проявленію нравственнаго чувства они глухи—и понятно поэтому, что то, что Леонарду внушаетъ его совѣсть,—становится для его среды бессмысленнымъ самоистязаніемъ; „законъ“ не представляетъ къ нему никакихъ притязаній, не требуетъ отъ него никакого искупленія;—затѣмъ же самовольно портить свою карьеру и жизнь преувеличенной строгостью къ своимъ поступкамъ въ прошломъ? Никто не высказываетъ этихъ соображеній Леонарду, потому что онъ скрываетъ отъ всѣхъ свою душевную драму; но, бесѣдуя съ товарищами по общимъ вопросамъ, вникая въ ихъ сужденія о другихъ людяхъ, зная принципы, которыми они руководствуются въ дѣлахъ и въ жизни, Леонардъ понимаетъ, какія недоумѣнія и насмѣшки вызвалъ бы его самоотверженный подвигъ, во имя справедливости и человѣколюбія, а такъ какъ онъ самъ всегда былъ солидаренъ съ жизненными взглядами своей среды, то старается подчинить имъ и на этотъ разъ свою проснувшуюся, бунтующую совѣсть.

Очень любопытно провести параллель между обдуманной, убѣжденной консервативностью судебной среды во Франціи — какъ ее описываетъ Родъ — и безхарактерностью, смѣсью рутины съ благородными порывами и истиннымъ пониманіемъ добра и свободы въ той же средѣ въ Россіи, описанной Толстымъ въ „Воскресеніи“. Культурнѣе, конечно, французскіе „блюстители закона“, за дѣйствіями которыхъ стоитъ убѣжденность въ своей принципиальной правотѣ,—но побѣда внутренней правды надъ внѣшней, условной законностью болѣе возможна въ атмосферѣ русской жизни, — какъ это выясняетъ Родъ, перенося въ условія французской дѣйствительности переживанія, аналогичныя душевной драмѣ Нехлюдова.

Весьма оригинально и интересно въ романѣ Рода сопоставленіе взглядовъ на правосудіе у трехъ націй: у французовъ, русскихъ и англичанъ; въ этомъ этюдѣ сравнительной психологіи выясняются и культурныя, и духовныя различія между національностями, и различныя степени ихъ воспримчивости къ истинамъ высшаго порядка. Родъ показываетъ сначала въ теоретическомъ разговорѣ по поводу „Воскресенія“ Толстого, что идеализмъ великаго русскаго писателя понятенъ лишь немногимъ французамъ,—большинство же среднихъ умовъ и среднихъ людей во Франціи относитъ искупительный подвигъ Нехлюдова на счетъ наивной экзальтациі мало культурныхъ людей, и видятъ скорѣе вредъ для общества въ недисциплинированности душевныхъ порывовъ. У французовъ, такимъ образомъ, понятіе законности въ значительной степени вытѣснило собой понятіе о справедливости и правдѣ, болѣе тревожной для души и болѣе неудобной

для жизненнаго обихода. Но еще болѣе характерно мнѣніе англійской лэди о томъ, что искупленіе Нехлюдова не можетъ интересоватъ англичанъ, потому что совершенное имъ преступленіе исключаетъ его изъ состава порядочныхъ людей. Въ этихъ словахъ законъ, т.-е. установленный людьми кодексъ нравственности, признается регуляторомъ жизни; никакихъ осложненій, никакихъ правъ жизни и души, англичане въ принципѣ не допускаютъ (на практикѣ, конечно, дѣло обстоитъ совершенно иначе), и потому правосудіе заключается для нихъ въ точномъ и непреклонномъ примѣненіи закона — безъ „сентиментальнаго“ анализа сложныхъ психологическихъ мотивовъ въ человѣческихъ поступкахъ.

Родъ показываетъ въ дальнѣйшемъ развитіи фабулы романа, какъ проявляется на практикѣ племенная рознь между французами и англичанами въ дѣлѣ правосудія. Надъ подсудимой произнесенъ страшный приговоръ; до суда слѣдствіе открыто для всякихъ разъясненій и ведется съ полнымъ желаніемъ раскрыть истину. Но судъ произнесъ свое рѣшеніе, и всѣ преклоняются предъ нимъ. Напрасно Леонардъ и его братъ пускаютъ въ ходъ всѣ вліянія, разъясняютъ истинную подкладку дѣла, указываютъ на ошибочность заключеній судей; — на всѣ ихъ доводы англичане, адвокаты, свѣтскіе люди и министръ юстиціи, отвѣчаютъ снисходительными улыбками по адресу сентиментальныхъ французовъ: Англія преклоняется передъ закономъ, и приговоры суда считаются непогрѣшимыми. Доведенный до послѣднихъ предѣловъ „культъ закона“ граничить съ величайшимъ равнодушіемъ къ справедливости и правдѣ.

Содержаніе романа Рода сводится такимъ образомъ къ анализу идеи правосудія и справедливости въ пониманіи разныхъ европейскихъ націй — и къ проповѣди русскихъ, или, вѣрнѣе, Толстовскихъ идей въ этой области. Продуманная разработка сюжета, драматизмъ фабулы и множество любопытныхъ бытовыхъ описаній содѣйствуютъ интересу романа.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 июля 1908.

Вопросъ о свободѣ совѣсти въ религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Три главныя течения, обнаружившіяся во время преній.—Статьи Н. М. Минскаго на ту же тему.—Особые приемы реакціонной печати.—Еще отголоски кшипинскаго погрома.— А. Н. Энгельгардтъ †.

Въ концѣ зимы 1901—2 г. въ Петербургѣ возникли, по инициативѣ небольшого кружка духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, религіозно-философскія собранія, къ участию въ которыхъ допускались сравнительно немногіе, по приглашенію или съ согласія устроителей. Свѣдѣнія о происходившемъ въ собраніяхъ проникали въ печать въ отрывочномъ и неполномъ видѣ, не давая яснаго понятія о ихъ характерѣ и цѣли. Чувствовалось, однако, что задумано и предпринято нѣчто живое и оригинальное—оригинальное уже въ виду совмѣстной работы элементовъ, рѣдко соприкасающихся между собою. Весьма кстати, поэтому, только-что основанный журналъ—„Новый Путь“—открылъ у себя особый отдѣлъ, въ которомъ печатаются „Записки религіозно-философскихъ собраній“. Не все сказанное въ собраніяхъ воспроизводится здѣсь, повидимому, съ одинаковою точностью; два засѣданія (пятое и шестое) даже совершенно пройдены молчаніемъ—но и то, что оказалось возможнымъ помѣстить въ журналѣ, представляетъ не мало интереснаго. Въ этомъ можно было быть увѣреннымъ заранѣе: не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“ поспѣшили бросить палки подъ колеса собраній, заподозривъ правобѣріе ихъ участниковъ и обвинивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ „поношеніи и продажѣ своей церкви“¹⁾). Шитънѣе, идущее изъ среды извѣстной группы—вѣрнѣйшій признакъ жизненности дѣла, противъ котораго оно направлено.

На первый планъ между темами, обсужденію которыхъ были посвящены религіозно-философскія собранія, выступаетъ, по своей важности, вопросъ о свободѣ совѣсти, возбужденный докладомъ кн. С. М.

¹⁾ См. майскую Общественную хронику „Вѣстника Европы“. Пользуемся случаемъ, чтобы исправить допущенную тамъ ошибку. Мы повторили, со словъ г. Розанова, что г. Грингмутъ (редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“) выразилъ желаніе быть допущеннымъ въ религіозно-философское собраніе, но получилъ отказъ; между тѣмъ, изъ письма г. Скворцова къ г. Розанову оказывается, что о допущеніи г. Грингмута въ собраніе просилъ г. Скворцовъ, вовсе не будучи на то уполномоченъ г. Грингмутомъ и безъ его вѣдома.

Волконскаго („Новый Путь“, №№ 3 и 4). Непосредственнымъ поводомъ къ составленію доклада послужилъ извѣстный эпизодъ съ рѣчью М. А. Стаховича, произнесенной на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Принимая всецѣло къ мѣнью М. А. Стаховича, кн. Волконскій выставилъ, между прочимъ, слѣдующія основныя положенія: „Введеніе начала государственности въ церковь противно смыслу церкви: принципъ государства—обособленіе, принципъ церкви—объединеніе. Насиліе и принужденіе въ дѣлахъ вѣры противны духу христіанства. Церковь, въ лоно которой можно войти, но выйти изъ состава которой воспрещается, атрофируетъ свою внутреннюю органическую силу. Обязательность исповѣданія господствующей религіи вліяетъ разслабляющимъ и развращающимъ образомъ на общественную совѣсть. Свобода совѣсти нужна для оздоровленія совѣсти на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ“. Пренія, вызванныя этими положеніями, заняли цѣлыхъ три засѣданія (седьмое, восьмое и девятое) и обнаружили существованіе въ средѣ собранія—а слѣдовательно, и въ средѣ общества, изъ котораго выходятъ его члены—трехъ главныхъ теченій. Одно изъ нихъ, оспаривая наличность стѣсненій, указанныхъ докладчикомъ, признаетъ, въ то же самое время, ихъ законность и необходимость; другое колеблется между осужденіемъ ихъ въ теоріи и отстаиваніемъ ихъ въ дѣйствительной жизни; третье возстаетъ противъ нихъ рѣшительно и безусловно. Наиболѣе типичнымъ представителемъ перваго теченія явился г. Скворцовъ, редакторъ „Миссіонерскаго Обзорія“, обычный экспертъ въ уголовныхъ процессахъ противъ раскольниковъ и сектантовъ. Онъ началъ съ отрицанія принудительной принадлежности къ православію, подчеркивая отсутствіе закона, который налагалъ бы уголовную кару за отпаденіе отъ церкви,—но очень скоро провозгласилъ нормальность вмѣшательства правительственной власти въ огражденіе авторитета господствующей церкви. Еще ярче окрашена была его рѣчь въ послѣднемъ (девятомъ) засѣданіи. Начавъ съ ссылки на Льва Толстого, признающаго, будто бы, что церковь не можетъ быть вѣротерпима ¹⁾, онъ привелъ изъ св. Писанія цѣлый рядъ текстовъ въ доказательство права и обязанности церкви „переходить изъ области убѣжденія въ область дѣйствія“. Окончательнаго вывода изъ нихъ онъ, однако, не сдѣлалъ, ограничившись нѣсколькими общими, довольно неопредѣленными положеніями: „будучи религіей свободы, церковь никогда не можетъ одинаково относиться ко всякой свободѣ, т.-е. къ свободѣ, которая руководится совѣстью не

¹⁾ Одинъ изъ членовъ собранія, возражая г. Скворцову, наглядно показалъ всю неосновательность этой ссылки, напомнивъ, что Л. Толстой говоритъ о нетерпимости не какъ о правѣ, принадлежащемъ церкви, а какъ о признакѣ уклоненія ея отъ началъ истинно-христіанскихъ.

истиною, не чистою... Свобода безусловно существуетъ въ церкви, но что касается до свободы отпаденія, то здѣсь является вопросъ терпимости въ отношеніи лжеученій, по которому мы должны выразиться ограничительно. Нельзя государство трактовать какъ чуждое церкви. Въ христіанскомъ государствѣ власти и подданные—члены церкви, сыны ея, для которыхъ обязательны заветы и заповѣды церкви... Есть ли у насъ въ Россіи свобода совѣсти? Я не могу опредѣленно сказать. У насъ свобода совѣсти есть, но не безусловная. Не слышится ли здѣсь въ каждомъ словѣ нежеланіе поставить точку надъ і, нерѣшительность не во взглядѣ—явно склоняющемся на сторону стѣсненій и запрещеній,—а только въ его формулировкѣ? Яснѣе высказался профессоръ Лебедевъ, предложившій различать образованное общество отъ необразованной народной массы, „находящейся въ дѣтскомъ состояніи, нуждающейся въ опекѣ“, и подавшій голосъ за „огражденіе малыхъ сихъ“ мѣрами государственной власти, въ которыхъ онъ видитъ не насиліе, а „педагогическое вмѣшательство“. Еще дальше пошелъ г. Тернавцевъ, прямо допуская насиліе. „Есть условія“—воскликнулъ онъ, — „которыя дѣлаютъ насиліе необходимымъ. Оно тогда меньшее изъ золъ... Вмѣшательство власти въ дѣла вѣры представляется народу нравственно-самопонятнымъ. Охраненіе—это минимумъ. Власть должна взять на себя роль творческую: дѣло религиозно-общественнаго созиданія... Наше противосектантское законодательство, смѣшивающее законъ съ административнымъ распоряженіемъ, интересы церкви съ интересами государства, ждетъ реформы, но во всякомъ случаѣ не въ духѣ той свободы, о которой здѣсь говорить... Государственная власть не была въ рукахъ первыхъ христіанъ, но еслибы была, то я убѣжденъ, что они употребляли бы понуждающую силу для обереганія общинъ отъ соблазнительей. Лжеучительство намъ не представляется зломъ только въ силу нашего индифферентизма“. Дальше г. Тернавцевъ перестаетъ быть вразумительнымъ: говоря о „религиозномъ перерожденіи *должностного самочувствія* власти“, объ обращеніи „совѣсти власти въ арену внутреннихъ переживаній, могущихъ имѣть глубочайшій *религиозно-жертвенный смыслъ*“, онъ доходитъ до открытія какой-то „*священной магии во власти*“, какой-то „*тайны нравственно побѣдимого пространства*“. Устремляясь за нимъ въ область пророчаній и видѣній не нашего нужнымъ ни одинъ изъ членовъ собранія, не находимъ нужнымъ и мы: для насъ г. Тернавцевъ интересенъ только какъ откровенный защитникъ „понуженія“ въ дѣлахъ вѣры.

Представителями второго, средняго теченія явились въ собраніи преимущественно лица духовнаго сана. Всего меньше касался спорнаго вопроса архимандритъ Антонинъ, въ своей первой рѣчи кар-

тинно изобразившій безконечное превосходство христіанства надъ другими религіями, горячо протестовавшій противъ мысли о равенствѣ всѣхъ вѣръ передъ Богомъ, но не сдѣлавшій отсюда никакого опредѣленнаго вывода относительно терпимости или нетерпимости къ ино-вѣрцамъ и инославнымъ, къ раскольникамъ и сектантамъ. Онъ говоритъ, что христіанство „налагаетъ на чужую совѣсть не кулакомъ исправника, не тесакомъ городского, а только своею внутреннею абсолютною мощью“—но вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ за религіозными состояніями совѣсти, кромѣ одного, права на существованіе. Отвѣчая, во время дальнѣйшихъ преній, на предложенные ему вопросы, онъ воскликнулъ: „принципъ свободы въ колоритѣ произвола лежитъ въ демоническомъ началѣ“—но это не помѣшало ему заявить, что „съ точки зрѣнія истиннаго христіанства насиліе не можетъ быть оправдано“ и что „церковь теряетъ внутреннюю силу, когда священники приглашаютъ къ содѣйствію полицейскихъ или посылаютъ на домъ повѣстки: иди и причащайся“. Нѣкоторая неясность или недосказанность чувствуется и въ аргументаціи другихъ духовныхъ ораторовъ, ближе подходившихъ къ данной темѣ. Преосвященный Сергій началъ свою рѣчь словами: „принципиальныхъ разсужденій о томъ, допускаетъ ли христіанство свободу совѣсти, быть не можетъ“—не можетъ потому, что несомнѣнно утвердительное рѣшеніе вопроса. Возражая г. Скворцову, преосвященный объяснилъ, что приведенные послѣднимъ тексты о „загражденіи устъ“ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ обращенія къ внѣшнимъ государственнымъ мѣрамъ; „заграждать уста“ церковь должна только своимъ авторитетомъ. „Апостоль Павель не сказалъ Тимоою, чтобы всякій, кто хочетъ оставить церковь, въ ней задерживался, чтобы ему не давали права выходить изъ нея“. Что христіанство „допускаетъ абсолютную свободу совѣсти“, что съ нимъ согласно только „побужденіе, исходящее изъ духа и обращенное къ нему“—это признаетъ и протоіерей Соллертинскій. Священникъ Левашовъ, защищая духовенство противъ упрека въ пристрастіи къ насилію, заявилъ, что священники больше чѣмъ кто либо-другой страдаютъ „отъ несообразности внѣшнихъ порядковъ съ чистымъ ученіемъ Христовымъ; каждая мѣра, которую государство принимаетъ якобы въ защитѣ церкви, должна ложиться тяжелымъ бременемъ на совѣсть церкви и духовенства“. Казалось бы, что заключеніе изъ такихъ предпосылокъ можетъ быть выведено только одно: принадлежность къ господствующей церкви ни для кого не должна быть обязательною, вынужденною. Къ этому заключенію духовные ораторы, однако, не приходятъ. Сравнивая распространеніе ложныхъ ученій съ продажей опиума, преосвященный Сергій говоритъ: „нельзя отъ насъ требовать, чтобы мы своими же руками разрушали то, что ограждаетъ нашу

паству. Конечно, мы признаемъ, что идеальное состояніе было бы такое, когда всякій членъ русской церкви могъ бы относиться къ этой области сознательно. Но есть ли это отношеніе? Если нѣтъ, то нельзя требовать отъ насъ, чтобы мы уничтожали хотя бы искусственную преграду, которая поставлена законодателемъ“. Протоіерей Соллертинскій, проводя демаркаціонную черту между свободой внутренней и внѣшней, юридической, хотя и признаетъ, что послѣдняя вытекаетъ изъ „справедливаго положенія“ („каждый имѣетъ право имѣть свои воззрѣнія и считать ихъ вѣрными“), но отождествляетъ ее съ свободой отрицанія и указываетъ на нежелательныя послѣдствія, къ которымъ она привела и приводитъ въ Германіи. „Свобода должна быть, она есть“,—воскликаетъ онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ;— „но зачѣмъ ратовать за свободу, которая мнѣ ничего положительнаго не даетъ, не общаетъ“? Священникъ Левашовъ спрашиваетъ себя, „имѣетъ ли церковь нравственное право отказаться отъ помощи, которую даетъ ей государство мѣрами насилія“—и отвѣчаетъ: „не имѣетъ права, а должна воздѣйствовать на государство такъ, чтобы мѣры насилія сдѣлались ненужными“. Нѣкоторый свѣтъ на причины двойственности, замѣченной уже участниками собранія (Д. В. Философовымъ и П. П. Фурнѣ), бросаютъ слѣдующія слова преосвященнаго Сергія: „намъ неестественно желать провозглашенія свободы, которою мы сами не пользуемся. Церкви ставятся задачи нецерковнаго характера, за церковнымъ идеаломъ не признается безусловнаго значенія. Церковь оказывается на службѣ государства; еслибы теперь объявить свободу совѣсти для всѣхъ, это значило бы во всемъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными“.

Что возражали представителямъ первыхъ двухъ теченій послѣдовательные сторонники вѣротерпимости—это угадать нетрудно: послѣ всего сказаннаго на эту тему въ нашей литературѣ, въ особенности послѣ столь же блестящихъ, сколько и убѣдительныхъ статей Влад. Серг. Соловьева, повторенія почти неизбѣжны—но вмѣстѣ съ тѣмъ они необходимы, пока остается неизмѣннымъ юридическое положеніе вопроса. Само собою разумѣется, что увѣренія г. Скворцова были противопоставлены указанія на безспорные факты—на отобраніе дѣтей отъ родителей, на запрещеніе молитвенныхъ собраній штундистовъ, на административныя воздѣйствія по отношенію къ сектантамъ, на ограниченія имущественныхъ правъ отпадшихъ отъ православія, на неудобства, съ которыми сопряжено обязательное „увѣщаніе“. Какъ велся споръ со стороны г. Скворцова—объ этомъ можно судить по слѣдующему діалогу между нимъ и Ю. Н. Милютинимъ, напомнившимъ ему о разнообразныхъ и во всякомъ случаѣ тягостныхъ послѣдствіяхъ отпаденія. *Ю. Н. Милютинъ*: „Допустимъ, что я сталъ

католикъ"? В. М. Скворцова: „Вы благополучно и останетесь католикомъ. Никакихъ послѣдствій отъ этого не будетъ“. Ю. Н. Милотинъ. „Значить, я официально буду считаться католикомъ"? В. М. Скворцова. „Сколько угодно, только спросите у начальства“. Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ послѣдній отвѣтъ, достаточно вспомнить хотя бы о такъ называемыхъ „упорствующихъ“ въ холмско-варшавской епархіи ¹⁾. Они желаютъ только одного—права „официально считаться католиками“, но до сихъ поръ, несмотря на почти тридцатилѣтнее „упорство“, не могутъ получить его и, числясь православными, остаются на самомъ дѣлѣ внѣ церкви, лишенными всякаго религіознаго утѣшенія... А вотъ еще отрывокъ изъ рѣчи г. Скворцова: „всѣ процессы, о которыхъ упоминали (упомянуто было о процессахъ противъ штундистовъ, производимыхъ на основаніи правилъ 4-го іюля 1894 года), были возбуждены на почвѣ *открытыхъ* молитвенныхъ собраний, которыя служатъ главнымъ средствомъ пропаганды лжеученія среди православнаго населенія“. Это совершенно невѣрно: для привлеченія штундистовъ къ уголовной отвѣтственности за участіе въ *общественномъ молитвенномъ собраніи* вовсе не требуется, чтобы собраніе это было *открытымъ*, т.-е. доступнымъ для всѣхъ и каждаго. Поводомъ къ преслѣдованію служили сплошь и рядомъ такія собранія, въ которыхъ участвовали одни только сектанты. По мнѣнію г. Скворцова, „копѣчный, а иногда рублевый“ штрафъ, къ которому только и могутъ быть присуждены участники штундистскихъ молитвенныхъ собраний, не составляетъ уголовной кары. Что же онъ такое, какая юридическая квалификація къ нему подходит? Какимъ образомъ можно отрицать уголовный характеръ взысканія, налагаемаго уголовнымъ судомъ, въ порядкѣ уголовного судопроизводства и подлежащаго замѣнѣ арестомъ, т.-е. лишеніемъ свободы? Какимъ образомъ можно называть копѣчнымъ или рублевымъ денежный штрафъ, максимальная норма котораго доходитъ до пятидесяти рублей?... Во всѣхъ многочисленныхъ и длинныхъ рѣчахъ г. Скворцова сочувствія заслуживаютъ только два слова: къ сожалѣнію, примѣненные имъ къ „исключительному“, будто бы, факту отобранія дѣтей у родителей-сектантовъ.

Теоретическая сторона вопроса о свободѣ совѣсти съ достаточною яркостью освѣщена въ рѣчахъ Д. С. Мережковскаго, В. В. Успенскаго, Е. А. Егорова, А. В. Карташева. Особенною силой отличается отвѣтъ Д. С. Мережковскаго проф. Лебедеву, доказывавшему необходимость неодинаковаго образа дѣйствій по отношенію къ образованному меньшинству и къ народной массѣ. „Можно ли“—замѣтилъ г. Мережковскій—„можно

¹⁾ См. выше, „Внутреннее Обзорѣніе“.

ли исповѣдывать теорію угнетенія людей темныхъ людьми свѣтлыми, будучи христіаниномъ или даже просто вѣря въ Бога? Кто создалъ христіанство, какъ не темный народъ—галилейскіе рыбаки? Тотъ же ораторъ словами о „принципѣ свободы, лежащемъ въ демоническомъ началѣ“, противопоставилъ утверженіе, что въ демоническомъ началѣ лежитъ принципъ насилія. „Какъ будто стоимъ за Христа, когда угождаемъ насилію, а въ сущности мы разрушаемъ все дѣло Его. Признать, что насиліе во имя Христа желательно, можно лишь оставаясь въ историческихъ христіанскихъ отклоненіяхъ. Смѣшеніе силы съ насиліемъ есть смѣшеніе Христа съ антихристомъ. Насиліе порабощаетъ — сила побѣждаетъ, сохраняя свободу побѣждаемаго“. Очень хорошо А. В. Карташевъ показалъ несостоятельность ссылки г. Скворцова на тѣ мѣста св. Писанія, гдѣ говорится о карѣ Божіей надъ грѣшниками (Анаіей и Сапфирой, волхвомъ Елимою и др.). Онъ напомнилъ слова, съ которыми бѣлозерскіе старцы, въ аналогичномъ случаѣ, обратились къ Іосифу Волоцкому: „поразумѣй, господине, яко много розни промежъ Моисея и Іліи, Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ“. „Нельзя“—воскликнулъ г. Карташевъ—„ставить знакъ равенства между человѣческимъ насиліемъ и силою Божіей“.

Какъ ни симпатичны только-что приведенныя нами рѣчи, центр тяжести преній мы все-таки видимъ въ словахъ духовныхъ ораторовъ. Твердость ихъ исходной точки перевѣшивается, въ нашихъ глазахъ, неопредѣленность ихъ окончательныхъ выводовъ. Важно то, что никто изъ нихъ не сталъ принципиально на сторону принужденія въ дѣлахъ вѣры, никто не высказался за внутреннюю законность мѣръ, „заграждающихъ уста“ и закрывающихъ выходъ изъ господствующей церкви. Рано или поздно признаніе начала должно повлечь за собою признаніе всего того, чтò естественно изъ него вытекаетъ. Характернымъ кажется намъ и то, чтò даже прямолинейный защитникъ насилія—г. Скворцовъ—прибѣгалъ къ оговоркамъ, смягчающимъ, по крайней мѣрѣ наружно, рѣзкость его основныхъ тезисовъ. Наиболѣе авторитетный изъ духовныхъ ораторовъ склонился къ мысли, что разрѣшеніе спорнаго вопроса принадлежитъ всецѣло государству¹⁾. Если эта мысль восторжествуетъ, главная опора принудительной системы падетъ сама собою, такъ какъ въ основѣ системы лежитъ предположеніе, что она нужна и желательна именно для церкви. Во время пре-

¹⁾ На вопросъ Н. М. Минскаго: „признаете ли вы за сектантами право пропаганды?“—епископъ Сергій отвѣтилъ: „Это вопросъ государственный. Церковь имѣетъ право отлучить всѣхъ, кто не вѣритъ. Когда церковь отлучила, дѣло ея окончено. Индифферентизма мы не можемъ допустить, а отношеніе къ пропагандѣ—вопросъ государственный“.

ній, какъ мы видѣли выше, было указано, что церковь состоитъ на службѣ государства, ставящаго ей задачи не-церковнаго характера. Смыслъ этого указанія заключается въ томъ, что сначала должна быть возвращена свобода церкви, а потомъ уже провозглашена свобода совѣсти. Мы думаемъ, наоборотъ, что свобода совѣсти—необходимая предпосылка свободы церковной. Менѣе зависимой отъ государства церковь будетъ именно тогда, когда перестанетъ нуждаться въ „свѣтской рукѣ“ для удержанія въ своей средѣ колеблющихся и для борьбы съ отпадающими и отпадшими.

Въ связи съ преніями о свободѣ совѣсти, происходившими въ религиозно-философскихъ собраніяхъ, особый интересъ приобрѣтаютъ двѣ небольшія статьи Н. М. Минскаго на ту же тему, помѣщенныя въ №№ 1 и 2 „Новаго Пути“. Авторъ этихъ статей старается доказать, что въ его устахъ—и въ устахъ его единомышленниковъ—свобода совѣсти означаетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ въ устахъ „либераловъ“, да и самая ея защита ведется въ обоихъ лагеряхъ совершенно различно. „Тамъ, гдѣ наши либералы до сихъ поръ только иронизировали“, — говоритъ г. Минскій, — „мы хотимъ познавать и творить. Мы мечтаемъ о безусловной свободѣ религиознаго познанія, между тѣмъ какъ наши либералы мечтаютъ о безусловной свободѣ отъ религиознаго познанія“. Отношеніе интеллигенціи къ вопросу о свободѣ совѣсти кажется г. Минскому „невѣрнымъ и неглубокимъ“. Наши свѣтскіе писатели, по его словамъ, „говорятъ о религиозной реформѣ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ, напримѣръ, объ отмінѣй паспортной системы. По ихъ словамъ выходитъ какъ-то, что слѣдуетъ предоставить каждому гражданину право свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто и, между прочимъ, право передвиженія изъ религіи въ религію, изъ секты въ секту“. Чтобы придти къ подобному выводу, нужно было совершенно забыть прошедшее, и болѣе отдаленное, и ближайшее: болѣе отдаленное—потому что оно полно такихъ „либеральныхъ“ рѣчей за свободу совѣсти, въ которыхъ и съ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ нельзя отыскать признаковъ „иронизированія“, но очень легко и простымъ глазомъ усмотрѣть самое серьезное отношеніе къ вопросу; ближайшее—потому что старымъ „либеральнымъ“ оружіемъ г. Минскій и его товарищи сражались не дальше какъ годъ тому назадъ, въ религиозно-философскомъ собраніи. И это не могло быть иначе, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ средѣ „интеллигенціи“, въ средѣ „либераловъ“ рядомъ съ индифферентизмомъ всегда существовало и теперь существуетъ искреннее религиозное настроеніе; во-вторыхъ, даже личное равнодушіе къ вѣрѣ не мѣшало и не мѣшаетъ понимать, что для многихъ, весьма многихъ право безпрепятственнаго исповѣ-

данія своихъ вѣрованій—высшее благо, несоизмѣримое и несравнимое съ удобствами обыденной жизни (въ родѣ свободы передвиженія). Чтобы вступить за этихъ „многихъ“, не было надобности раздѣлять ихъ точку зрѣнiя; достаточно было сочувствовать ихъ душевной мукъ—и чѣмъ сильнѣе было сочувствiе, тѣмъ меньше выраженiе его могло ограничиться холодной иронiей или чисто разсудочной полемикой. Нельзя говорить „съ легкимъ сердцемъ“ о томъ, что для миллионовъ людей представляетъ собою вопросъ жизни или смерти, иногда въ буквальномъ смыслѣ слова.

Чтобы убѣдить читателей въ *новизнѣ* избраннаго имъ пути, Н. М. Минскiй жертвуетъ доводомъ, сослужившимъ въ религиозно-философскомъ собранiи большую службу сторонникамъ свободы совѣсти, т. е. друзьямъ г. Минскаго, да и ему самому. По его собственнымъ словамъ, указанiе на несомвѣстимость христіанства и насилiя вызвало въ собранiи „вдохъ облегченiя, какъ неожиданный (?) и, главное, легкій исходъ изъ труднаго положенiя“. Между тѣмъ, „еслибы аудиторiя поглубже вдумалась въ эту теорiю, она бы отъ нея отвернулась. Разрѣшать вопросъ о свободѣ совѣсти вопросомъ о насилiи—все равно, что тушить огонь масломъ. Если первый вопросъ представляетъ, по видимому, неразрѣшимое противорѣчiе, то второй несомнѣнно неразрѣшимъ: существуютъ государства, гдѣ свобода совѣсти—общепризнанный фактъ, но нѣтъ въ мiрѣ ни одной страны, ни одного союза людей (?), гдѣ всѣ (?) отношенiя не покоились бы на санкciи принужденiя, на насилiи... Въмѣсто того, чтобы убѣдить церковь, что свобода совѣсти—благо, интеллигенцiя возраженiемъ о насилiи какъ бы хочетъ принудить церковь принять противъ воли свободу совѣсти, подѣ страхомъ быть обвиненной въ служенiи антихристу ¹⁾. Церковь въ правѣ отвѣтить, что никакихъ насильственныхъ мѣръ она не принимаетъ, но на вопросъ государства о томъ, что такое сектантство, она, въ качествѣ эксперта, по чистой совѣсти отвѣчаетъ: сектантство—абсолютное зло. А уже затѣмъ само государство поступаетъ относительно этого зла такъ, какъ вообще оно поступаетъ со всѣмъ, что считаетъ противнымъ общему благу. Церковь опредѣляетъ сектантство, какъ врачъ опредѣляетъ свойства чумы, и такъ же мало, какъ этотъ врачъ, достойна упрека въ служенiи насилiю. До тѣхъ поръ, пока церковь будетъ убѣждена въ томъ, что сектантство—духовная чума, а свобода совѣсти—абсолютное зло, всѣ побочные разговоры о государственномъ насилiи и о власти антихриста не измѣняютъ настоящаго весьма грустнаго положенiя дѣлъ“. Нетрудно замѣтить самый

¹⁾ Изъ приведенныхъ выше пренiй религиозно-философскаго собранiя видно, что г. Минскiй возражаетъ здѣсь своему товарищу по „Новому Пути“, г. Мережковскому.

слабый пунктъ этой аргументаціи: онъ заключается въ признаніи, что свобода совѣсти не только осуществима, но кое-гдѣ и осуществлена—тогда какъ безъ насилія и принужденія не обходится ни одно государство. Отсюда ясно, что въ области вѣрованій насиліе нельзя считать чѣмъ-то необходимымъ или неизбѣжнымъ. И совершенно понятно, почему. Оправдано, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ быть только насиліе цѣлесообразное. Если допустимы и даже благотворны принудительныя мѣры, принимаемыя во время чумной эпидеміи, то только потому, что безъ нихъ, какъ показала опытъ, зараза держалась бы дольше и распространялась бы дальше и сильнѣе. И наоборотъ, почему не учреждаются теперь внутренніе карантинны при появленіи холеры? Потому что сопряженныя съ ними неудобства не уравновѣшивались приносимой ими пользой. Нѣчто подобное можно сказать о принудительныхъ мѣрахъ въ области религіозной. Въ продолженіе многихъ вѣковъ онѣ принимались у насъ противъ раскола, въ продолженіе многихъ десятилѣтій—противъ сектантства, принимаются, въ смягченномъ видѣ, и теперь—но расколъ существуетъ по прежнему, сектантство скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Такой результатъ нельзя назвать случайнымъ. Въ другихъ сферахъ объектомъ насилія служатъ внѣшніе факты, поддающіеся внѣшнимъ мѣрамъ. Въ борьбѣ противъ чумной заразы, напримѣръ, запираются и дезинфицируются дома, сжигаются вещи, удерживаются въ данной чертѣ люди, и каждое подобное дѣйствіе непосредственно ведетъ къ цѣли, ради которой его предпринимаютъ. То же самое примѣнимо и къ войнѣ, на которую, какъ на одинъ изъ видовъ насилія, указываетъ г. Минскій. Законность цѣли здѣсь не такъ очевидна, но дѣйствительность *средствъ* не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ничего аналогичнаго не представляетъ собою борьба противъ вѣрованій и убѣжденій. Они ускользаютъ отъ давленія или даже растутъ подъ его гнетомъ. Нельзя, въ большинствѣ случаевъ, добиться даже того, чтобы они не пробивались наружу, не выражались въ словѣ—нельзя уже потому, что они управляютъ, владѣютъ душою, однажды очутившеюся въ ихъ власти... Совершенно невѣрно, далѣе, что признаваемое зломъ со стороны церкви становится, этимъ самымъ, предметомъ репрессіи со стороны государства. Абсолютнымъ зломъ церковь считаетъ всякій тяжкій *грѣхъ*—но государство преслѣдуетъ и караетъ только *преступленіе*. Невѣрно, наконецъ, и то, что въ дѣлахъ о расколѣ и сектантствѣ церковь ограничивается ролью эксперта; ей нерѣдко принадлежитъ и роль обвинителя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ измѣненіемъ взгляда церкви на принужденіе въ дѣлахъ вѣры измѣнился бы и образъ дѣйствій государства.

Отъ полемики по вопросу о насиліи Н. М. Минскій переходитъ къ изложенію своего собственнаго воззрѣнія на свободу совѣсти—воззрѣнія, въ правильности котораго онъ надѣется убѣдить принципиальныхъ противниковъ свободы. Разборъ этой части его статьи увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что мы видимъ въ ней мало новаго, но много справедливаго. Основная мысль автора заключается въ томъ, что человѣческое пониманіе Бога не исключительно совершенно, какъ самъ Богъ, а относительно, подвержено измѣненію и развитію. „Истина христіанская—все охватывающая, приспособляющаяся ко всемъ особенностямъ, расовымъ, культурнымъ и даже экономическимъ. Вотъ чѣмъ объясняется изобиліе и безконечное разнообразіе сектъ въ христіанствѣ—и вотъ почему въ каждой почти сектѣ рядомъ съ религиознымъ минусомъ скрывается какой-нибудь житейскій плюсъ, въ видѣ ли побужденія къ трезвой жизни, или стимула къ трудолюбію, или развитія чувства личности. Вселенская церковь, въ сознаніи своей правоты и примоты, должна смотреть на эти секты какъ на окольные проселочные пути, которыми отсталые и заблудшіеся пробираются къ сильному спасенію“. Религиозное творчество неизсякаемо. „Великій потокъ исторіи куда-нибудь да несетъ же насъ, и чтобы не отчаяться, нужно вѣрить, что онъ приближаетъ насъ къ пониманію Христовой истины“. Всего сильнѣе послѣднія страницы статьи, гдѣ Н. М. Минскій, напомнивъ чудные стихи Тютчева о конечной судьбѣ католицизма ¹⁾, рисуетъ поэтическую картину запустѣнія, водворяющагося въ бывшихъ твердыняхъ католической церкви, и выражаетъ желаніе, чтобы отъ таковой судьбы была избавлена Россія.

Возвращаясь къ религиозно-философскимъ собраніямъ, приведемъ небольшіе отрывки изъ вступительной рѣчи преосвященнаго Сергія, произнесенной въ первомъ засѣданіи, и изъ заключительнаго слова, обращеннаго къ нему членами-учредителями собранія въ послѣднемъ до-канукулярномъ засѣданіи 1902-го года; они заключаютъ въ себѣ какъ бы заранѣе данный отвѣтъ на клевету, которую реакціонная печать взвела недавно на религиозно-философскія собранія. „Я являюсь

¹⁾ „Столѣтъя шли, ему прощалось много:
Кривые топки, темныя дѣла;
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.
Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубитъ роковое слово:
Свобода совѣсти есть бредъ“.

сюда,—сказалъ епископъ Сергій,—служителемъ церкви, вѣрнымъ выразителемъ ея исповѣданія. Я бы счелъ себя поступившимъ противъ совѣсти, еслибы хоть немного уклонился отъ этого изъ какого-нибудь угодничества, или изъ ложно рассчитаннаго стремленія къ миру... Я убѣжденъ, что такой опредѣленности отъ меня и ожидаютъ здѣсь всѣ, и желаютъ. Бесѣда наша серьезная и строго дѣловая. Намъ тяжело наше разъединеніе и взаимное непониманіе... но настоящаго, дѣйствительно прочнаго единства мы достигнемъ только въ томъ случаѣ, если выскажемся другъ передъ другомъ, чтобы каждый видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, что онъ можетъ отъ него принять и чего не можетъ... Довѣряя искренности каждаго, будемъ, при всѣхъ нашихъ несогласіяхъ, неизмѣнно другъ къ другу благожелательны“. И этотъ призывъ былъ услышанъ, это условіе было исполнено, благодаря, главнымъ образомъ, тому, кто его поставилъ... „Члены собранія,—сказано въ упомянутомъ нами заключительномъ словѣ,—увидѣли во главѣ у себя христіанина, который, оглядываясь на ведомыхъ, говорилъ: всѣ будьте христіанами—и пока вы будете христіанами, вы всего достигнете, вы вѣчно пойдете впередъ, будете во всемъ преуспѣвать... Тщеславіе и самолюбіе умерло; забила живая струя духовныхъ интересовъ. Создалось вниманіе, родилось ревностнѣйшее у всѣхъ любопытство къ дѣлу, явилась отличнѣйшая атмосфера для искренняго обмѣна мнѣній“. Продолженія собраній, проникнутыхъ такимъ духомъ, не можетъ не пожелать каждый, кому дорого исцаніе истины... Къ нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, обсуждавшимся въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, мы еще возвратимся.

Въ послѣдней (іюньской) книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ нашему журналу посвящена особая статья. Объ общемъ ея духѣ и тонѣ можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ выдержкамъ. „*Вѣстникъ Европы* принялъ особую *брюзжащую* манеру говорить о явленіяхъ политической и общественной жизни; манера эта была столь искусна, что хотя явно чувствовалось *порицаніе всего почвенно-созидательнаго*, всего національнаго, но *серіозно придратъся было не къ чему...* Журналъ блѣкъ, но шелъ по проторенной дорогѣ *полудогвореннаго порицанія существующаго порядка...* Старая погудка постарѣла и одряхлѣла... *Вѣстникъ Европы* является *вылинявшимъ* пережиткомъ былыхъ временъ. Онъ потерялъ свою скрытую ядовитость. Тѣмъ не менѣе старикъ существуетъ и твердитъ ту же пѣсню, что твердилъ древле... *Съ желчнымъ старческимъ налетомъ на плохо двигающемся языкѣ*, старикъ бурчитъ свое неудовольствіе“. Какъ бы близка такая „характеристика“ ни была, мѣстами, къ мало прилич-

ной брани, по своему содержанію она только слегка переступаетъ границы допустимаго въ печати. Сомнѣваемся, чтобы это можно было сказать и о той части статьи, гдѣ идетъ рѣчь о взглядѣ „Вѣстника Европы“ на недавній кишиневскій погромъ. Остановливаясь на нашихъ словахъ о юдофобской печати ¹⁾, „Русскій Вѣстникъ“ замѣчаетъ: „Какъ будто и не понять, въ чемъ дѣло. И съ одной стороны, и съ другой стороны. Не то Лайнезъ или Аквавива, знаменитые генералы ордена Исусова, кому-нибудь очки втирають, *не то Огрызко, уже намытившій путь до ясу, пишетъ отношеніе по департаменту либеральной повинности...* „Вѣстникъ Европы“, извольте ли видѣть, „все заставляетъ думать, что опасность была заранѣе известна“, но что мѣры не были приняты. Далѣе полувысказанная мысль начинаетъ затушевываться. Можно-де было народныя развлечения здороваго учредить—и погрома бы не было! Да желалъ, что ли, кто погрома? Надо же когда-либо перестать вертѣть хвостомъ и прямо сказать свою мысль. Совсѣмъ прямо! Ну, этого отъ „Вѣстника Европы“ не дожидаться. Онъ именно тѣмъ и отличается, что обвиняетъ, *не договаривая до конца своей мысли. Видъ въ приведенной замѣткѣ проглядываетъ та-же самая мысль, которая была въ корреспонденціяхъ въ „Times“ г. Брагама, нынѣ благополучно высланнаго изъ Россіи, т.-е. та мысль, что правительственные органы едва ли не желали погрома.* Но посмотрите, какъ эта клевета заштрихована, завицмундирована, приведена въ корректный, пнеческій, вѣстнико-европскій видъ. Комаръ носа не подточить!.. Сказано, не досказано, пересказано. И еслибы, ради курьеза, поручить хорошему столоначальнику составить докладъ „о злокозненности „Вѣстника Европы“, то безъ его воли, само собою бы вышло, что „хотя съ одной стороны и было бы основаніе предполагать не вполне одобрительный образъ мыслей онаго журнала, но съ другой стороны доброкачественныя изъясненія обстоятельствъ, коими сопровождается преимущественная мысль разбираемой статьи, устраняли бы всякое о ней преувеличенное, въ порицательномъ духѣ, понятіе“.—Возражать „Русскому Вѣстнику“ по существу мы, конечно, не станемъ; ограничимся замѣчаніемъ, что нѣсколькими страницами далѣе ²⁾ онъ повторяетъ почти

¹⁾ Эти слова нашей майской „Общественной хроникѣ“ повторены въ июньской, по поводу отвѣта, который намъ пришлось дать „Восходу“.

²⁾ „Все заставляетъ думать,—сказано въ нашей хроникѣ,—что противодѣйствіе погрому было возможно и безъ принятія крайнихъ мѣръ—возможно тѣмъ болѣе, что опасность была заранѣе известна... Нужно надѣяться, что все ненормальное, трудно объяснимое въ кишиневскихъ событіяхъ будетъ предметомъ всесторонняго изслѣдованія“. А вотъ что мы читаемъ въ июньской „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ (стр. 732): „вопросъ о кишиневскомъ погромѣ не исчерпанъ. Кто бы ни были его виновники и какъ бы ни распредѣлялась между ними виновность, самый

буквально сказанное нами въ майской „Общественной хроникѣ“ о непредупрежденіи погрома. Намъ интересуется только квалифікація, которую слѣдуетъ дать поступку „Русскаго Вѣстника“ (говоримъ: *поступку*, потому что есть слова, равносильныя дѣйствию). Прочитавъ у насъ между строками чуждую намъ мысль, онъ возводитъ ее на степень *клеветы* и приравниваетъ ее къ словамъ лица, „благополучно высланнаго изъ Россіи“. Какъ называется подобный приемъ—это, очевидно, знаетъ и журналъ гг. Комарова и Величю, именно потому вдающійся въ соображенія о томъ, какой „докладъ“ о нашей статьѣ могъ бы написать „хорошій столоначальникъ“. „Русскій Вѣстникъ“ забываетъ или не хочетъ вспомнить, что „хорошимъ столоначальникомъ“ считается не тотъ, который нанизываетъ одну на другую бессмысленныя и малограмотныя фразы, а тотъ, который умѣетъ работать, въ предѣлахъ своей компетенціи, любую тему. Тема, въ данномъ случаѣ, намѣчена „Русскимъ Вѣстникомъ“; въ правѣ ли онъ, затѣмъ, предполагать, что нѣтъ и не можетъ быть „столоначальника“, способнаго и готоваго пойти по указанному имъ слѣду?

Среди многочисленныхъ и противорѣчивыхъ отзывовъ, вызванныхъ кишиневскимъ погромомъ, отрадно было встрѣтить слово уважаемаго всѣми о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), осудившаго, какъ и слѣдовало ожидать, жестокое избіеніе евреевъ. Тѣмъ прискорбнѣе было прочесть, нѣсколько времени спустя, его письмо, написанное по тому же поводу и оглашенное въ печати. „Изъ послѣдующихъ (газетныхъ) извѣстій о кишиневскомъ погромѣ“—сказано въ этомъ письмѣ—„я достовѣрно убѣдился, что евреи сами были причиною того буйства, увѣчій и убійствъ, которыя ознаменовали 6-ое и 7-ое число апрѣля. Увѣрился я, что христіане, въ концѣ концовъ, остались обиженными, а евреи за понесенныя убытки и увѣчья сугубо награжденными отъ своихъ и чужихъ собратій. Это я знаю и изъ частныхъ писемъ, писанныхъ мнѣ самими искренними, давно живущими въ Кишиневѣ и основательно знающими дѣло людьми. А потому взываю къ христіанамъ кишиневскимъ: простите исключительно къ вамъ обращенную мною укоризну въ совершившихся безобразіяхъ. Теперь я убѣжденъ изъ писемъ очевидцевъ, что нельзя обвинять однихъ христіанъ, вызванныхъ на беспорядки евреями, и что въ погромѣ виновны преимущественно сами евреи“. Намъ кажется, что вопросъ объ отдаленныхъ и ближайшихъ причинахъ погрома нельзя рѣшать на основаніи газетныхъ извѣстій и частныхъ писемъ; бли-
 фактъ остается гнуснымъ и постыднымъ не только для среды, въ немъ участвовавшей, но и для тѣхъ, *кто долженъ былъ предупредить и возможно скорѣе прекратить безобразія*“.

жайшія причины могутъ быть раскрыты только судебнымъ слѣдствіемъ, болѣе отдаленныя—авторитетнымъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ (напр. путемъ сенаторской ревизіи) экономическихъ и другихъ отношеній, существовавшихъ, до погрома, между бессарабскими евреями и христіанами. Въ письмѣ о. Іоанна насъ поражаетъ, впрочемъ, не столько быстрый переходъ отъ одного взгляда къ другому, сколько утверженіе, что евреи сами были причиною увѣчій и убійствъ, совершенныхъ 6-го и 7-го апрѣля, и что *обиженными остались христіане, а евреи суубо награждены за убытки и утѣчу*. Сорокъ пять евреевъ убито, семьдесятъ четыре тяжело ранено, около трехсотъ пятидесяти получили сравнительно легкія пораненія—а обиженными остались христіане, между которыми убитые и раненые насчитываются немногими единицами! Какими денежными суммами могутъ быть не только *суубо*, но даже просто вознаграждены тяжкія увѣчья и, тѣмъ болѣе, смерть родителей, дѣтей, жены или мужа? Какимъ образомъ побои, нанесенныя христіанкѣ евреемъ-хозяиномъ карусели, могутъ считаться *причиною* массовыхъ убійствъ и увѣчій? Сочувствія и помощи заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, ни въ чемъ неповинныя семьи христіанъ, арестованныхъ и преданныхъ суду за участіе въ погромѣ; но развѣ это исключаетъ собою состраданіе къ пострадавшимъ отъ погрома евреямъ? Развѣ съ заботой о томъ, чтобы не повторялись ужасы, подобныя кишиневскимъ, совмѣстенъ взглядъ на деньги, какъ эквивалентъ жизни и здоровья людей?

Въ истекшемъ мѣсяцѣ скончалась А. Н. Энгельгардтъ, вдова извѣстнаго автора „Писемъ изъ деревни“, много лѣтъ сряду бывшая постоянной сотрудницей нашего журнала. Два года тому назадъ, когда чествовалось сорокалѣтіе ея полезной и неутомимой дѣятельности, мы напомнили нашимъ читателямъ ея переводы, отличавшіеся въ равной степени двумя рѣдко соединяемыми качествами—близостью къ подлиннику и изяществомъ формы. А. Н. Энгельгардтъ способствовала извѣстности у насъ Зола, прекрасной передачей какъ его „Парижскихъ писемъ“, такъ и первыхъ романовъ Рюгонъ-Маккаровской серіи. Послѣднимъ ея трудомъ былъ превосходный переводъ Рабля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи (въ связи съ трудами Н. С. Вайоха). Сиб. 903. Стр. 63. Ц. 1 р.

Изъ интересной брошюры г. А. Субботина мы узнаемъ, что еще въ восьмидесятыхъ годахъ было предпринято Н. С. Вайохомъ обширное исследование, съ дѣлано изслѣдованіи различныхъ сторонъ экономической дѣятельности евреевъ, въ связи съ общимъ матеріальнымъ состояніемъ населенія въ чергѣ нѣхъ осѣлости и въ другихъ губерніяхъ Россіи; при этомъ „были собраны и разработаны такіе богатые матеріалы“, какими раньше никто не пользовался, и сдѣланы также дѣтныя изслѣденія въ неупамятованныхъ зонахъ трудовъ „высшей комиссіи“ еврейскому вопросу, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Палея. Работа Вайоха, по словамъ г. Субботина, была закончена въ пяти томахъ, съ 140 таблицами и 350 графиками и картограммами, наглядно поясняющими тексты. Изданіе это, выходящее много силъ и средствъ, предназначалось къ выпуску осенью 1891 года, но пожаръ типографіи истребилъ почти все гнѣт; осталось всего 25 экземпляровъ, которые были разданы близкимъ лицамъ“. Дѣлая краткій обзоръ этого огромнаго собранія фактовъ и цифръ, остававшихся до сихъ поръ неизвестными и недоступными публикѣ, г. Субботинъ справедливо счелъ за то, что объ еврейскомъ вопросѣ разсуждать у насъ люди, вовсе не повинные въ его изученіи, занимающіе свои аргументы „по изъ міра дѣйствительнаго, а въ области предположеній, догадокъ, еднаничныхъ мненій, случайныхъ обобщеній“, даже разныхъ спеуляцій, предубѣжденій, старинныхъ огульныхъ обвиненій и т. п. Между тѣмъ беспристрастное освѣщеніе сложныхъ фактическихъ условій и всей матеріальной и нравственной обстановки еврейскаго вопроса представляло бы особенную важность, въ виду воцѣлшей путаницы мнѣній по этому предмету, и многія любознательныя души, приведенныя въ брошюрѣ г. Субботина, равно какъ и цитируемые имъ выходы „высшей комиссіи“ гр. Палея, заслуживали бы полнаго вниманія со стороны лицъ, изучающихъ и разсуждающихъ типъ обь еврействѣ.

А. А. Радигъ. Финансовая политика Россіи съ 1857 года. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Сиб. 903. Стр. 194. Ц. 2 р.

Статьи и очерки г. Радигъ заключаютъ въ себѣ много интереснахъ фактовъ и цифръ, относящихся къ нашему государственному и народному хозяйству за послѣднія шатнадцать лѣтъ. По мнѣнію автора, „воронной причиною обидѣнія населенія является бесспорно наша особенная финансовая политика, направленная въ сторону крупной промышленности, при отсутствіи потребностей“. Выясняя дѣтныя предметныя, близлежащихъ неприврательными мнѣніями, можно было искусственно вызвать къ жизни дѣлій рядъ заводовъ и фабрикъ; но „дороговизна всего, прѣмѣ хлеба, жгѣт лишь понизить покупательную способность населенія“, а при отсутствіи обеспеченнаго объема продуктова не можетъ существовать и развиваться крупная промышленность. Усмен-

ное неприврательно желѣзнодорожной и машиностроительной промышленности „мнѣвало кризисъ въ этихъ отрасляхъ промышленности, и заводы, сооруженные съ цѣлю выработки желѣзнодорожныхъ принадлежностей, оутуались безъ каченныхъ заказовъ, возмѣнили статьи покрывательство казенны, возмѣнили статьи доводство принадлежатъ штри для обеспечения заводовъ казенными заказами, безъ торговъ, прѣчемъ перепадали въ цѣнахъ подлѣй достигаютъ огромныхъ суммъ, а качество доставляемыхъ матеріаловъ, сравнительно съ иностранными, неизбѣжно ухудшается. Результатомъ этой системы является, между прочимъ, постоянное увеличеніе числа желѣзнодорожныхъ несчастій, асѣдствие полонка рельсовъ, бандажей, осей и т. п.; такъ, въ десятилѣтіе съ 1889 года „число жертвъ такого качества русскихъ матеріаловъ“ сравнительно увеличивается съ каждымъ годомъ, дожде отъ 1136 до 1844 въ 1 миллионъ покладо-верствъ (стр. 153). Авторъ найдетъ, что его доводи „будутъ способствовать возмѣненію нашей финансовой политикѣ“, и, безъ сомнѣній, самый ходъ жизни увеличатъ на необходимость поворота въ направленіи и зарастеріи финансовыхъ и экономическихъ заботъ государства.

А. Е. Воскресенскій. Общественное землеустройство и крестьянское хозяйство. Сиб. 903. Стр. 206. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросъ объ общественномъ землѣнн расматривать въ книжкѣ г. Воскресенскаго „не со всѣхъ сторонъ, а лишь съ той стороны, какъ существующія у насъ общинныя формы землѣнн на размѣри крестьянскаго землеустройства“. Авторъ доказываетъ, что „въ гослостоящихъ у насъ аграрныхъ порядкахъ заключается главная причина крестьянскаго малоземелья“, а что для устранения этой причины необходима „аграрная крестьянская реформа“, сущность которой сводится къ уравниванію земельной общины. Г. Воскресенскій полагаютъ, что эта реформа приблизитъ насъ къ запально-европейскимъ мнѣдямъ и поставитъ насъ на „высшую ступень социальво-экономической эволюціи“, матеріаломъ для выводовъ послужили главнымъ образомъ наблюденія и цифровыя данныя, собранныя авторомъ въ Привиславскихъ краѣ, а также въ различныхъ губерніяхъ, по должности податнаго инспектора.

Двадцатый томъ. Историческій сборникъ, издаваемый политикомъ членомъ Археологическаго Института, княземъ О. А. Буракинымъ, п. р. В. Н. Смольяникова. Т. I. М. 903. Ц. 4 р.

Содержаніе перваго тома составляетъ двеннѣхъ прабабнъ владѣтеля, княгиня Наталья Павловна Буракиной, дочка Ив. С. Головина; двеннѣхъ влѣднѣ въ организаціи—на французскомъ языкѣ—и обмѣнать собою періодъ времени, начиная отъ 1516 года до 1690 г.,—время особенно интересное, во въ двеннѣхъ оказывается значительный перерывъ, а именно, пропущено все время отъ 1825 г. до 1828 г. и не объяснена причина такого пропуска; авторъ двеннѣхъ не воле его въ эти годы, или эти тетради были затеряны, или, наконецъ, тому была какая-нибудь другая причина.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрель	Іюль	Октябрь
Всѣмъ доставляемъ, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ —	9 „ —	9 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выбѣто разсрочки годовой подписки на журналъ, водятся по раздѣламъ: въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Ближние магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риввера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Басинкова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печниковой, въ Петербургскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Огзоблина, Кременчугск., 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“ Ринельенскан, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжки. Складъ“ П. П. Барбуринскаго.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать на себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдѣлъ журналовъ, если нѣтъ почтоваго отдѣленія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Пересылка адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при томъ городская почта въ переходѣ къ иностранному, доплачиваетъ 1 руб., и иностранная, переходя къ Россіи, 40 коп. — 3) *Жалобы* на невѣрность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ какомъ-нибудь изъ мѣстъ, и, согласно обязательству Почтоваго Департамента, не возмѣе какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Доставка* на получение журнала производится Конторою только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые признаются въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и нумерованный редакторъ М. М. СТАСЮЗЕНКО.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

Почт. Департам. 20

Почт. Офиц. 5 л., 28

ВЪСТАНЪЕЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРА.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

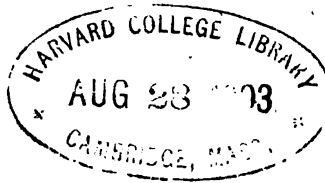
АВГУСТЪ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1903.

Стр.

I.—ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ.—Разсказъ изъ феодалискихъ временъ.—Часть первая.—I-XV.—И. Савроновъ	449
II.—ЖЕНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТЪ И ЖЕНСКИЕ ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ.—Историческій очеркъ.—I-IV.—И. Тарнопской	497
III.—ВЪ СТЕПЯХЪ И ПРЕДГОРЬЯХЪ АЛТАЯ.—Разсказъ изъ жизни переселенца.—С. Марусина	515
IV.—СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ.—Романъ.—XI-XXI.—А. Н. Вулицена	547
V.—СЕЛЬСКІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВО ФРАНЦІИ.—Изъ письма въ провинцію.—V-VII.—Окончаніе.—С. В-новъ	600
VI.—ФАБЛАНЦЫ.—Изъ лондонскихъ наблюдений.—Александра Савина	657
VII.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОДАТНАЯ СИСТЕМА.—I-III.—И. А. Никольскаго	662
VIII.—ТРЕТНЕ УСИЛІЕ.—Романъ. „L'Inutile Effort“, par Ed. Rod.—V-VIII.—Съ франц. Э. В.	701
IX.—ИЗЪ ЗАПИСОКЪ К. Н. БУЛИЧА.—1828-1846.—I-III.	748
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Наше желѣзнодорожное дѣло и крѣпкая промышленность.—I-VI.—В. В.	764
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кочина пана Лъва XIII.—Перемѣны въ положеніи римской церкви со времени смерти Пия IX.—Роль свѣтскихъ правительствъ въ усиленіи авторитета Ватикана.—Жизнь и дѣятельность покойнаго пана.—Политическія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Кривизна на дальнемъ Востоцѣ.	792
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Евгений Цабель, Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-биографическій очеркъ. Переводъ съ нѣмецка. Влад. Григоровича.—II. П. Н. Захаринъ (Якушинъ). Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военного міра.—А. И.—III. Петръ Великій. Сборникъ статей, составленныхъ преподавателями Петровскаго училища свѣд. свѣтскаго общества.—IV. Л. Е. Оболенскій, Максимъ Горскій и причина его смерти.—В. Ф. Бодяковскій, Максимъ Горскій. Крит. биогр. этюдъ.—И. Вильямовъ, М. Горскій, какъ драматургъ.—Графъ Е. М. де-Вогла, Максимъ Горскій, какъ писатель и человекъ. Пер. Ал. Ачкасова.—V. Полное собраніе сочиненій Н. А. Салтыкова, съ биогр. очеркомъ, составл. А. П. Салтыковскаго.—VI. Арс. Н. Введенскій. Литературныя драматичности.—VII. П. Павловъ. Студенты изъ Москвѣ. Очеркъ.—Енг. Л.—VIII. Е. Щедрина. Краткія очерки русской исторіи.—IX. П. Косанъ. Очерки на исторіи западно-европейскихъ литературъ.—X. „Сенатскій Архивъ“, X. т.—М. Г-вичъ.—Нижня книга в брисбори	803
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. W. B. Yeats. Ideas of Good and Evil.—И. René Bazin. Domestique.—Я. В.	830
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 июня, въ главнѣхъ его чертахъ.—Новая „общія положенія“ въ законѣ 8 июля: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная коммиссія.—Изъгноронашмаганъ и образовательный пенъ для слѣпыхъ.—Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ.—Составъ Думы и ея особый председателъ.—Исполнительная коммиссія и выборы въ общественныя должности.—Открытие дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москви.—Ростъ-исторіи. По дѣлу о литературной собственности; г. Аскархановъ и „Русская Библиотечка“	842
XV.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Совѣта Ямп. Женскаго Патриотическаго Общества.	868
XVI.—ВИДЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—А. Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правнлномъ освѣщеніи (въ связи съ трудами Н. С. Вѣлика).—А. А. Раданъ. Финансовыя вѣдѣнія Россіи въ 1887 г. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ.—А. Е. Воскресенскій. Общественное швейцарство и крестьянское землевладѣніе.—Десятнадцатый глѣдъ. Историческій сборникъ, издава почтой изъ Архивологическаго Института, изд. Ф. А. Буракинъ, и. р. В. Н. Смирновъ, Т. I.	
XVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

ШЕРБЕКСКІЕ ВЫБОРЫ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ФЛАМАНДСКИХЪ ПРАВОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЪ АВТОРА.

Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, мнѣ случилось провести цѣлый годъ въ Бельгiи—и преимущественно въ провинціи. Время моей поѣздки по Фландрiи совпало съ парламентскими выборами— крупнымъ событіемъ въ странѣ, и мнѣ представилась возможность въ теченіе всего выборнаго срока близко наблюдать за тѣмъ движеніемъ, которое въ ту пору овладѣло всѣмъ населеніемъ. Особенный интересъ представляло громадное вліяніе, какое оказывали при этомъ вкляивалы на окончательные результаты выборовъ, при помощи мѣръ, которыми они обыкновенно достигаютъ своихъ цѣлей. Личныя мои знакомства съ нѣкоторыми изъ дѣятелей и руководителей избирательнаго движенія, послѣдніе выборы собраній и газетные отчеты о нихъ, собранные мною — то время, послужили главнымъ матеріаломъ для настоящаго глаза изъ жизни двухъ-трехъ лицъ, судьба которыхъ оказалась то связанною съ ходомъ самыхъ выборовъ.

I.

Быль сѣренькій, холодноватый мартовскій день. Промышленный городокъ Нельдекъ, на берегу Шельды въ восточной Фландріи, затихшій на время полуденнаго перерыва работъ, начиналъ оживать. На одной изъ окраинъ, въ верхней комнатѣ маленькаго простонароднаго кафѣ, комитетъ синдиката рабочихъ спѣшилъ окончить завтракъ и свое экстренное засѣданіе. Докладчикъ — молодой худощавый маляръ въ бѣлой, перепачканной красками блузѣ — говорилъ торопливо:

— ...Поэтому, депутатомъ отъ Шербеа выставляется и теперь клерикаль Странгеръ, креатура графа Ниссена... Противъ него впервые выдвинуть либеральный депутатъ, Дрозъ... Кромѣ того, въ виду начавшагося движенія, заявляетъ свою кандидатуру социалистъ, профессоръ въ Гентѣ, Бертранъ... Союзъ гентскихъ рабочихъ проситъ насъ оказать содѣйствіе по поддержкѣ кандидатуры профессора Бертрана.

Онъ закрылъ папку съ бумагами и припалъ тонкими, пересохшими губами къ кружкѣ жиденькаго фландрскаго пива.

— Не вижу, чѣмъ мы можемъ быть полезны тутъ... — отозвался одинъ изъ членовъ комитета — твачъ, съ сѣдою длинною бородой. — Брюссельскій рабочій союзъ... вся бельгійская рабочая партія, въ томъ числѣ и самъ Гентъ, справедливо отвергаютъ всякое искусственное насажденіе социализма, всякое навязываніе его... Наши средства пропаганды — печать и распространяющаяся своимъ естественнымъ путемъ кооперація... Въ клерикальномъ Шербекѣ нѣтъ ни социалистической печати, ни коопераціи...

— Быть можетъ, есть мѣстная организація рабочихъ, — вставилъ предсѣдатель, пожилой наборщикъ въ очкахъ. — Она послужитъ намъ связью...

— Тогда, разумѣется...

— И еще на одно обращу вниманіе, — продолжалъ предсѣдатель: — въ Нельдекѣ добрая сотня рабочихъ изъ Шербеа. При желаніи съ ихъ стороны, мы могли бы руководить...

— Въ такомъ случаѣ, комитету остается начать дѣйствія.

— Я того же мнѣнія, — сказалъ предсѣдатель, вставая. — Обсудимъ планъ сегодня вечеромъ.

Они вышли, торопясь каждый къ своему дѣлу. Тусклое небо хмурилось непривѣтливо. Поднимавшійся вѣтеръ проносился со свистомъ по черепичнымъ крышамъ невысокихъ домовъ и вздымалъ на нихъ тучки снѣжной пыли. Улица кишѣла толпами ра-

бочаго люда. Тамъ и сямъ, изъ подваловъ и чердаковъ, вырывались крики дѣтей, брошенныхъ работницами-матерями на руки сосѣдей или родныхъ. Въ темныхъ, грязныхъ кабачкахъ, за немными окнами которыхъ видѣлись рукописныя объявленія: „Здѣсь дають ѣсть“, шумно заканчивали свой отдыхъ странствующие рабочіе-поденщики...

Прошло нѣсколько минутъ, и окраина затихла, опустѣла; толпы исчезли, поглощенные фабричными корпусами, господствовавшими надъ окрестностью точно могущественные феодальныя замки былыхъ временъ...

II.

Мѣстечко Шербекъ было въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Нельдека. Оно раскидывалось въ обширной болотистой равнинѣ, окруженной темными зубцами лѣсовъ и составлявшей болшую часть родовыхъ владѣній графа Бенуа Ниссенъ-Вандернеэръ. Въ сухое, хорошее лѣто, покрытая сочною, цвѣтистою зеленью, изрѣзанная свѣтлыми, говорливыми ручейками и наполненная крѣпкимъ смолистымъ ароматомъ оружныхъ лѣсовъ, шербекская равнина смотрѣла весело и пріятно. Въ ненастное время или осенью она печально куталась въ непроглядный туманъ, превращалась мѣстами въ топкое болото. Зима укрывала ее наглухо снѣгами, погружала въ непробудный сонъ и баюкала однообразнымъ, тошнливымъ гуломъ вьюгъ и метелей, свободно гулявшихъ на просторѣ...

Само мѣстечко, ультра-клерикальное даже и въ клерикальной Фландріи, обойденное паутиною бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, процвѣтало вдали отъ всякихъ тревоженій, испытывая на себѣ вліяніе лишь двухъ неизбежныхъ факторовъ: смерти да налоговъ... Полупромышленное, полупомѣщическое, оно имѣло аристократіей — фабрикантовъ и торговцевъ, занимавшихъ центръ и окружавшихъ своими слѣпленными изъ булыжника домами древнюю, реставрированную заново башню, казарменное зданіе ратуши и псевдо-готическую церковь св. Маріи, съ пристроенною къ ней сбоку длинною, неуклюжею пресвитеріей. „Plebs“ составляли обитатели двухъ слободъ, располагавшихся по концамъ центра. Одну изъ нихъ населяли арендаторы хижинъ графа Ниссена, носившіе громкое названіе фермеровъ. Ихъ чистенькіе на видъ домики, всегда свѣже-выбѣленные снаружи и съ кустиками яркихъ цвѣтцовъ за многогранными старинными перепле-

тами оконъ, походили одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, и тѣснились на плоской луговинѣ правильными коротенькими рядами, точно игрушки на магазинной выставкѣ. Обитателями другой были обыватели-собственники, владѣвшіе, смотря по капиталу, аршинными или саженными ключами земли... Ихъ жилища разбрасывались беспорядочными кучками, составляли смѣсь затѣйливыхъ городскихъ построекъ и самыхъ жалкихъ деревенскихъ лачугъ.

Центръ велъ замѣнутую буржуазную жизнь и, смотрѣлъ на plebs свысока, какъ подобаетъ аристократіи... Это, впрочемъ, не мѣшало ему вербовать въ слободахъ надобившіяся въ промышленности и торговлѣ дешевыя руки и практиковать въ добавленіе къ господствовавшей отечественной „truck-system“ еще принятую англійскую „sweating system“...

Что до степени умственного и моральнаго процвѣтанія, то она, благодаря неуспыннымъ стараніямъ клерикальнаго начальства, была въ Шербекѣ наивысшая, какъ свидѣтельствовали ежегодные рапорты бургомистра губернатору провинціи. Диссонансомъ являлись лишь не сходящія со статистическихъ столбцовъ шесть-десять процентовъ неграмотныхъ да неодолимаѣ страсть къ можжевеловой водкѣ даже среди женщинъ и дѣтей...

Періодически — разъ въ четыре года, по случаю выборовъ мѣстнаго депутата въ палату представителей, — Шербекъ приходилъ въ тревогу. Но и эта тревога была особенная, чисто шербекская, имѣвшая свой неизмѣнный, стереотипно повторяющійся ритуаль... Въ извѣстный день, изъ графскаго замка, отдѣленнаго отъ мѣстечка вѣковыми аллеями и паркомъ, показывалась одѣтая по праздничному домоправительница — дорожная, съ медлительною поступью вдовица мѣге Joséphine (или мѣге Rhine, какъ звали ее заочно ради краткости и совучія съ „fine“ — хитрая, коварная) и направлялась въ пресвитерію, гдѣ жилъ кюрэ, рѣге Пѣацинтъ — семидесятилѣтній старецъ, съ пухлымъ, всегда гладко-выбритымъ лицомъ и нѣсколькими уцѣлѣвшими желтыми вѣками во рту. Стоявшій въ самомъ курсѣ дѣла и ожидавшій этого визита, о. Пѣацинтъ встрѣчалъ гостью въ залѣ, одѣтый въ полковую сутану и имѣя на столикѣ бутылку старой мадеры. Мѣге Жозефина вступала торжественно и важно, какъ требовали обстоятельства. Удостоверившись, что „господинъ кюрэ, благодаря милости божіей, находится въ добромъ здоровьѣ“, она присаживалась къ столику и выпивала съ хозяиномъ рюмку мадеры. Затѣмъ, утеревъ свои толстыя, красныя губы кружевнымъ платкомъ — настоящимъ, чуднымъ valenciennes, производствомъ кото-

раго отличается восточная Фландрія, а въ ней — городъ Гентъ, и расправивъ такой же кружевной бантъ подъ двойнымъ подбородкомъ (кружева доставались ей чуть не задаромъ — через монахинь, завѣдывающихъ школами кружевницъ), она начинала разговоръ, сообщая обычное, стереотипное, что графъ Бенуа Ниссенъ провелъ сезонъ въ Спа, а потомъ въ Остенде, и собирается теперь въ Парижъ; что сынъ его, графъ Эрнестъ, служить успѣшно въ гвардіи, а дочь Матильда очень счастлива съ своимъ мужемъ, шталмейстеромъ Ванъ-Ротенъ, который навѣрное будетъ скоро министромъ; что по случаю выборовъ графъ Бенуа хотѣлъ-было пріѣхать изъ Брюсселя въ Шербеель, но надѣется, что и безъ него сдѣлается все какъ должно, на пользу отечества и во славу королю... О. Гиацинтъ, не забывавшій наполнять рюмки, шевелилъ мясистымъ языкомъ, выставляя и пряча шатавшіеся клыки, и повторялъ въ отвѣтъ также обычное, стереотипное, что съ помощью божіей все должно устроиться на пользу отечества и во славу королю...

Въ то же время, къ желтенькому двухъ-этажному дому около реставрированной башни, въ которомъ помѣщалась контора нотариуса Демоль, вѣдавшаго дѣла графа, стекались изъ слободъ вызванные повѣстями фермеры и собственники — первые потому, что срокъ арендныхъ контрактовъ подгонялся неизмѣнно къ началу выборовъ; вторые — какъ должники, у которыхъ, кромѣ земельныхъ долговъ нотариусу по пяти процентовъ въ мѣсяцъ, сидѣлъ еще, какъ говорятъ бельгійцы, „добрый человѣчекъ на крышѣ“ (*un petit bonhomme sur le toit*), въ видѣ неоплатной, разорительной ипотеки... Всѣ они, съ вытянутыми прилично случаю лицами, проходили въ низенькую, тѣсную канцелярію конторы, пропахнувшую дешевымъ бельгійскимъ табакомъ „ричмондъ“ и увѣшанную по стѣнамъ рядами пыльных, засиженныхъ мухами, какихъ-то кабалистическихъ рукописныхъ таблицъ. Тамъ ихъ опрашивалъ и выравнивалъ, какъ въ строю, обдерганный, красноносый и хромоногий клеркъ Жаеъ, имѣвшій за однимъ ухомъ перо, а за другимъ — самодѣльную папироску. Затѣмъ выходилъ самъ Демоль (тщеславно отдѣлявшій при подписи частицу „де“, въ доказательство своего небывалаго дворянскаго происхожденія) — бритый, плѣшивый человѣчекъ съ лисьимъ лицомъ и въ золотыхъ очкахъ съ толстыми стеклами. Топорщась и свирѣпо устремляя очки на предстоящихъ, онъ начиналъ декламировать стереотипную роль, изъ которой явствовало, что земли необычайно вздорожали, и потому графъ Бенуа Ниссенъ вѣроятно вынужденъ будетъ повысить арендную плату на фермы... что

отливъ свободныхъ капиталовъ не позволяетъ думать ни объ ипотечныхъ льготахъ, ни объ отсрочкахъ по вексямъ... что „всякіе новаторы“ стремятся мѣшать правильному ходу государственныхъ дѣлъ, а потому происходитъ застой даже въ коммерціи... Потомъ, помедливъ нѣсколько, чтобы дать время почувствовать сказанное, Демоль поднималъ знаменательно вверхъ костлявый указательный палецъ и заключалъ: „Все зависитъ отъ хода политическихъ дѣлъ, а ближайшимъ образомъ—отъ результата выборовъ“!.. Предстоящіе мотали все это себѣ на усъ и понимали, что „ходъ политическихъ дѣлъ“ слѣдуетъ направить такъ, чтобы голоса отъ слободъ получилъ выставившійся аристократіей Шербекъ неизмѣнный клерикальный депутатъ Странгеръ...

Послѣ этого, въ первое же воскресенье, о. Гаацинъ, —обыкновенно сваливавшій все хлопотливое на своего толстощекаго румянаго викарія Филибера, предоставившій ему вставать на зарѣ, чтобы служить первую обѣдню для черни (вторая, для аристократіи, отправлялась имъ лично въ десять часовъ утра), — давалъ себѣ трудъ выбраться еще при свѣчахъ и быть съ зарею въ церкви. Тамъ, по окончаніи службы, онъ поднимался по скрипучей лѣсенкѣ въ обтянутую лиловымъ, давно выцвѣтшимъ бархатомъ каеэдру и усиленно шевелилъ оттуда къ народу своимъ мясистымъ языкомъ, дѣлая, сообразно со стилемъ Писанія, трансформацию рѣчи нотаріуса Демоля.

Этимъ исчерпывалась вся, такъ сложная и шумная въ другихъ мѣстахъ, *sauvage électorale*. Самые выборы исполнялись уже какъ простая формальность. Даже типографія издававшейся въ Нельдекѣ клерикальной газетки „*Bien public*“ набирала обыкновенно еще за нѣсколько дней и отчетъ о происходившемъ на выборахъ, и извѣщеніе, что „вѣрные своимъ похвальнымъ традиціямъ обитатели Шербекъ высказались и на этотъ разъ огромнымъ большинствомъ за достоуважаемаго депутата Странгера“.

Такимъ порядкомъ готовы были произойти выборы и теперь, но вдругъ все рушилось... Изъ Брюсселя пріѣхалъ извѣстный парламентскій ораторъ-либераль и далъ въ залѣ ратуши конференцію. Онъ говорилъ долго и краснорѣчиво, на понятную аристократической публикѣ тему, „о причинахъ земледѣльческаго кризиса въ связи съ иностранною конкуренціей“, но закончилъ совершенно неожиданнымъ выводомъ, — что „клерикальная партія утратила всякій *raison d'être*“ и что голоса на предстоящихъ выборахъ слѣдуетъ подавать „не за отупѣвшаго Странгера, а

за либеральнаго кандидата—шербекскаго пивовара Дроза "... Поднятую этимъ сумятицу усилила новость, что не ужившійся въ Шербекѣ и ставшій профессоромъ въ Гентѣ сынъ бывшаго шербекскаго бургомистра, Эмиль Бертранъ, выступаетъ кандидатомъ отъ социалистовъ... Затѣмъ, въ разрѣшеніе наступившаго всеобщаго недоумѣнія, получилаcь вѣсть, что „дѣлать выборы“ придется самъ графъ Бенуа Ниссенъ.

III.

Однимъ вечеромъ, сквозь узорные прорѣзы ставень крошечнаго домика—въ самомъ концѣ фермерской слободы,—въ которомъ помѣщался викарій Филиберъ, мерцалъ огонекъ позднѣе обыкновеннаго.

Хозяинъ—типичный фламандецъ, съ широкою костью и круглымъ лицомъ—сидѣлъ сбоку чугуннаго приставнаго каминчика, едва теплаго отъ нѣсколькихъ горстей тлѣвшаго вокса. Онъ старался быть спокойнымъ, но полныя бритыя щеки его пылали, а огромная костистая рука то-и-дѣло гладила коротко-стриженную круглую голову,—что бывало съ нимъ лишь въ минуты серьезнаго замѣшательства.

Противъ него, въ концѣ столика съ бутылкою бѣлаго фландрскаго пива, пожимался на плеченомъ стульчикѣ гость—человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ длиннымъ носомъ и овальнымъ лицомъ валлона, одѣтый въ дешевенькую пиджачную пару. Грубые руки съ искривленными ногтями свидѣтельствовали о принадлежности его къ классу мастеровыхъ, а вѣвшаяся въ нихъ чернота, замѣчавшаяся и на лицѣ, опушенномъ жиденькою бѣлосоватою бородой, пояснила, что онъ—слесарь.

— ...Очень лестно мнѣ... Благодарю васъ! Только... вамъ слѣдуетъ обратиться къ самому м-г кюрэ...—говорилъ викарій, продолжая бесѣду.—Я такъ думаю, м-г Пикарь...

И онъ чокнулся съ гостемъ стаканомъ пива.

— Если бы дѣло касалось какой-нибудь официальнойности, то мы, разумѣется, не миновали бы м-г кюрэ...—отвѣтилъ Пикарь.— Но характеръ обращенія нашего совершенно частный. При томъ, мы нуждаемся въ дѣйствительной, дѣятельной помощи, а всѣмъ извѣстно, что о. Гіацинтъ находится, такъ сказать, на покоѣ... что всякія сношенія съ прихожанами лежатъ на васъ... слѣдовательно, и вліять на общественное мнѣніе можете скорѣе вы, чѣмъ онъ... Ко всему этому, о. Гіацинтъ выросъ и соста-

рѣлся въ своихъ взглядахъ... правильнѣе—въ отсутствіи всякихъ взглядовъ... Вы же—человѣкъ новаго поколѣнія, не отдѣленный такъ безнадежно отъ дѣйствительности и могущій видѣть ее въ истинномъ свѣтѣ...

— Съ клерикальной точки зрѣнія,—вставилъ викарій.

— Почему не съ болѣе широкой... не съ нашей?

— Я... не социалистъ...

— Этого и не надо... Доктрины могутъ быть разными, а общая цѣль—одной... Сочувствующіе намъ священники, о которыхъ я говорилъ вамъ,—тоже не социалисты, какъ и тотъ, отъ котораго передалъ я письмо вамъ.

Письмо это, отъ молодого кюрэ въ Нельдекѣ, лишь мелькомъ просмотрѣнное викаріемъ, лежало на столикѣ. Филиберъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая справиться съ текстомъ, но подумалъ и сказалъ:

— Мнѣ препятствуетъ мое положеніе...

— То-есть?

— Я—подчиненный викарій...

— Но служебная подчиненность не исключаетъ возможности сочувствовать тѣмъ или инымъ, совершенно законнымъ политическимъ взглядамъ...

— Въ данномъ случаѣ требуется *активное* содѣйствіе — подчеркнул викарій.

— Оно оправдывается другою активностью — острымъ противодѣйствіемъ со стороны самого духовенства... Было бы, разумѣется, лучше, если бы духовенство вообще... устранило себя отъ политики, чего и добиваются наши депутаты въ парламентѣ... Но разъ вмѣшательство существуетъ, то оказывать содѣйствіе той или другой партіи — дѣло уже личнаго взгляда, мнѣ кажется...

Филиберъ опустилъ глаза, покачивая положенною одною на другую ногой и поглаживая широкою ладонью свои черные жесткіе волосы, торчавшіе какъ иглы у ежа.

— Да... Но въ жизни многое приходится брать такъ, какъ оно есть...—заговорилъ онъ, спустя минуту.—Лично я желалъ бы или не мѣшаться въ политику, или имѣть въ ней свои собственные взгляды... А обстоятельства... обяывають къ иному...

— Существуетъ два выхода: покоряться обстоятельствамъ или покорять ихъ себѣ...—промолвилъ Пикаръ.—Выборъ зависть отъ насъ...

— А его указываютъ тѣ же обстоятельства... Поддерживать

кандидатуру—не всегда значить: быть на серьезной почвѣ, имѣть прочныя отношенія съ тѣмъ, кому сочувствуешь...

— Профессоръ Бертранъ—человѣкъ серьезный, и его кандидатура—не политическій авантюризмъ...—отвѣтилъ Пикарь.

Наступило молчаніе. Слышно было только, какъ урчить мѣрно и глухо въ начавшемъ уже округляться животѣ викарія.

Пикарь всталъ.

— Вы не хотите помочь намъ?—проговорилъ онъ.

— Выборы не сейчасъ...—отвѣтилъ уклончиво викарій, приподнимаясь и устремивъ, по привычкѣ, въ сторону свои круглые черные глаза.—Мы еще увидимся, я полагаю?

— Мнѣ придется не разъ побывать въ Шербекѣ...

— Значить, и потолковать успѣемъ!

Въ комнатѣ было холодно и сыро, каминъ почти угасъ. Привыкшій къ движенію, Пикарь чувствовалъ себя совсѣмъ застывшимъ, и ему хотѣлось пройтись скорѣе, размяться. Онъ нагнулъ на себя коротенькое, шерстью вверхъ, козье пальто, взялъ кошачью, выкрашенную подъ бобріея шапку.

— Все останется между нами, разумѣется?—сказалъ онъ.

— Что это? Заговоръ?—шутливо, но съ замѣтною чопорностью отвѣтилъ викарій.—Мой санъ запрещаетъ мнѣ!

Чуть примѣтная улыбка скользнула по тонкимъ, плотно сжатымъ губамъ Пикара. Онъ молча пожалъ руку хозяину и вышелъ.

Дувшій западный вѣтеръ навинулся на него со всѣхъ сторонъ, кружась и не давая ходу, облѣпилъ снѣжными хлопьями. Вмѣсто дороги были непролазные, снѣже-наметанные сугробы. Выдѣлявшіеся въ снѣжной мглѣ темными кучками, фермерскіе домики мерцали кое-гдѣ красноватыми огоньками въ крошечныхъ окнахъ. „Бѣда съ этими вышволенными недоувѣрчивыми духовными!“—думалъ Пикарь, запустивъ руки глубоко въ карманы своего козьяго пальто и прижимая локти плотнѣе къ тѣлу. „Всегда у нихъ недомолвки во всемъ... какая-то осторожность безпричинная... Санъ не велитъ ему въ заговоръ вступать... Какой тутъ заговоръ!.. И кто дѣлаетъ заговоры, коварствуетъ, строитъ козни всякія, какъ не клерикалы!..“ Онъ прибавилъ шагу, торопясь въ слободу собственниковъ—или „эйндеке“, какъ называли ихъ обыкновенно. Слобода была рубежемъ, за которымъ начиналось некультурное болотистое пространство, поросшее ольховымъ кустарникомъ, и потому ее прозвали „Ein-deke“ (вѣм. Ende) — „конецъ“, „предѣлъ“, по-фламандски.

Отсюда и за жителями установилось нарицательное *эйндже*—конечники.

Въ слободѣ все уже спало, когда добрался туда Пикарь; только два окна маленькаго эстаминэ свѣтились ярко на темномъ фонѣ. Пикарь вошелъ туда. Нѣсколько человекъ запоздавшихъ посѣтителей—крестьянъ въ традиціонныхъ синихъ блузахъ и черныхъ шолоковыхъ картузахъ—грѣлись близъ желѣзной печи, дымя трубами и доканчивая стаканы пива. У стойки шумѣла компанія подгулявшихъ мужчинъ и женщинъ, каждый съ своею „капелькой“—рюмкой можжевелевой водки въ рукѣ. Пикарь тоже потребовалъ „капельку“.

— Эдмондъ здѣсь?—освѣдомился онъ у хозяина.

— Ждетъ!..—отвѣтилъ тотъ съ удареніемъ.

Пикарь допилъ поспѣшно рюмку и скрылся въ боковую дверку, за которою кривая, узенькая лѣсенка вела на верхъ—въ помещеніе хозяина.

IV.

Проводивъ гостя и заперевъ за нимъ дверь на задвижку, викарій Филиберъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, поводя широкими плечами и потирая зябнувшія руки. Было уже довольно поздно. Его томилъ голодъ, возбужденный пивомъ. Онъ отыскалъ въ шкафу принесенныя являвшеюся по утрамъ поденщицей печеныя яйца, блюдо трески съ картофелемъ и откупорилъ бутылку пива. За недостаткомъ средствъ на вино, онъ довольствовался дурнымъ, жиденькимъ пивомъ, изготовляемымъ синдикатомъ бельгійскихъ пивоваровъ специально для народа и только пучившимъ животъ. Придвинувъ столикъ въ самой рѣшеткѣ камина, онъ сталъ ѣсть быстро и алчно, проглатывая въ перерывахъ залпомъ стаканы пива. Поѣвъ, онъ почувствовалъ отяжелѣніе, но не отправился спать, а продолжалъ сидѣть, откинувшись въ креслѣ и уставивъ глаза на тянущуюся отъ лампочки свѣтлую полосу на выбѣленной стѣнѣ.

Сынъ огородника въ окрестностяхъ Гента, Филиберъ Бюжо былъ пристроенъ стараніями богомольной матери въ одинъ изъ безчисленныхъ въ Бельгій монашескихъ пансіоновъ. Одаренный не столько способностями, сколько памятью и рѣдкимъ въ дѣтяхъ автоматическимъ послушаніемъ, Филиберъ успѣшно преодолѣлъ курсъ наукъ и даже удостоился принятія въ семинарію. Очувтившись затѣмъ на собственныхъ ногахъ, викаріемъ въ за-

холуствомъ Шербекъ, онъ впервые бросилъ взглядъ на будущее и впервые почувствовалъ внутреннюю неудовлетворенность... Себялюбивый о. Гіацинтъ съ перваго же свиданія поставилъ викарія въ строгую, холодную подчиненность, заставившую закопаться въ себя; втолеванная семинаріей увѣренность, что пасть въ глазахъ народа есть „*homme de l'esprit*“, учитель, авторитетъ, рушилась предъ не замедлившей обнаружиться истинной—что даже въ ультра-клерикальномъ Шербекъ служители церкви чтутся такъ же по рангамъ, какъ и чиновники, что почетъ—не для безвластнаго викарія; что народъ вѣритъ во что-то непонятное, тяготится всякою данью церкви, а буржуазія или индифферентна, или испытываетъ не *страхъ* божій, а *испулъ*, ищетъ *купить* у церкви что надо, ради этикета и корысти...

По своей покладистой натурѣ, Филиберъ не прочь былъ искать утѣшенія въ мистицизмѣ, отдаться наивному углубленію въ непостижимое, но судьба отказывала и въ этомъ... Школьная клерикальная рутина насадила не вѣру, а извѣстный порядокъ мыслей и положеній, облеченныхъ въ броню непререкаемости и неподлежащихъ пересмотру; вмѣсто нравственности была воспитана такая же непререкаемая дисциплина, обязывавшая выполнять предназначенное, повиноваться слѣпо „долгу“, не дерзая проникать святотатственно въ смыслъ его... Не на этой „каменистой почвѣ“, выровненной и утрамбованной, могли укрѣпиться всходы наивнаго вѣрованія,—да ихъ, оказывалось, не подразумевалъ и клерикальный строй: первая же, навѣянная такимъ состояніемъ духа, проповѣдь вызвала строгое замѣчаніе о. Гіацинта, что викарій говоритъ слишкомъ много о *отрѣ* и совсѣмъ недостаточно о *церкви*...

Въ перспективѣ оставалось одно—отдаленная надежда на личное благополучіе, на служебное преуспѣяніе... Филиберъ отдался этой надеждѣ. Онъ затворился въ своей сырой, холодной лачужкѣ, милостиво отведенной ему нотаріусомъ Демолемъ въ графскихъ владѣніяхъ, сталъ терпѣливо угождать себялюбію о. Гіацинта, сносить высокоомѣріе „знатныхъ“ прихожанъ, погружаясь медленно и незамѣтно въ спасительную апатию...

Неожиданный визитъ Пивара, назначеннаго нельдекскимъ комитетомъ рабочихъ въ организаторы по поддержкѣ кандидатуры профессора Бертрана, пробудилъ и встревожилъ Филибера. Предложеніе стать въ избирательной борьбѣ на сторону партіи рабочихъ казалось заманчивымъ и пугало его. Доставленное Пиваромъ письмо было отъ о. Франка—христіанскаго демократа.

Филиберъ развернулъ письмо и вдумчиво углубился въ него.

О. Франкъ — пространно и съ видимымъ намѣреніемъ помочь собрату разобраться въ самомъ вопросѣ — излагалъ на нѣсколькихъ листкахъ, характернымъ „бисернымъ“ почеркомъ, мотивированный совѣтъ оказать содѣйствіе Пикару. „...Соціализмъ бельгійскихъ рабочихъ клерикаленъ, и этого нельзя упускать изъ виду, — стояло между прочимъ въ письмѣ. — Онъ не объявляетъ войны церкви, занятъ лишь умственными и материальными интересами рабочаго, а религиозное и философское оставляетъ теологамъ и ученымъ. Рабочая партія — ни въ программѣ, ни на конгрессахъ своихъ — не нападаетъ на религію и всегда протестуетъ противъ всякихъ неблагопріятныхъ духовенству демонстрацій. Противодѣйствуя движению, церковь не остановитъ его, а лишь создастъ пропасть между соціализмомъ и собою, какъ это и замѣчается уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ синонимомъ клерикала становится „exploiteur du peuple“... Мы переживаемъ трудное время. Отстаивая прежнюю, обветшавшую программу, клерикализмъ самъ убиваетъ себя. Необходимо сознать это, необходимо занять тотъ случайный интервалъ, который естественно образовался въ рядахъ соціалистовъ при разрывѣ съ прошлымъ, и стать въ немъ какъ часть цѣлаго. Надо, чтобы фактическое невмѣшательство соціализма въ религиозныя убѣжденія его приверженцевъ стало закономъ, чтобы евангельская картина, нашедшая себѣ мѣсто на стѣнахъ брусельскаго народнаго дома, укрѣпилась тамъ навсегда. Пора понять, что фанатизмъ, нетерпимость только озлобляютъ мыслящихъ противниковъ и отстраняютъ церковь даже тамъ, гдѣ при единеніи участіе ея было бы желательно для нихъ самихъ. Мы опирались на массу, и чувствовали себя устойчивыми потому, что она была неподвижна. Но прогрессъ распаталъ, двинулъ массу, а опираться на движущееся и не двигаться самому — абсурдъ“.

Въ общихъ чертахъ это новое направленіе духовенства, стоящее за сближеніе съ жизнью, за приспособленіе къ современному научному знанію, было знакомо Филиберу. Одно время — смутно и несмѣло, севозъ обаяніе все проникавшей дисциплины — онъ даже соблазнился вспыхивавшими успѣхами новизны — видѣлъ героя въ одномъ брусельскомъ юрѣ, сложившемъ съ себя торжественно, послѣ проповѣди, духовный санъ, ставшемъ въ ряды соціалистовъ... читалъ и перечитывалъ печатавшіяся парламентскія рѣчи христіанско-демократическаго депутата — юрѣ въ содѣнемъ округѣ... Слѣдовать первому примѣру Филиберъ не имѣлъ ни намѣренія, ни мужества... Иное дѣло — быть христіанскимъ демократомъ... стать замѣтнымъ, не порывая связи съ іерархіей...

попасть въ депутаты... Такой успѣхъ проблематиченъ, разумѣется, но все-же возможенъ, а остающемуся вѣчно въ тѣни слѣпому орудію клерикализма не на что и надѣяться... И о. Франкъ справедливо говоритъ, что церковь не остановитъ движенія... Темная, безпробудно-спавшая Фландрія—и та тронута имъ... глухое недовольство растетъ и не поддается религіозному влиянію... Въ неприступной когда-то твердынѣ клерикализма создаются неумолимымъ временемъ брешь за брешью.

Мысли эти бесцельно перебѣгали одна за другою въ головѣ Филибера. Впервые вырывавшаяся изъ оковъ дисциплины совѣсть начинала прилагать ко всему свою независимую мѣрку, дѣлать свои независимые выводы...

V.

Аври Пикарь служилъ ковтръ-метромъ на фабрикѣ стальныхъ издѣлій, въ Нельдекѣ.

Порученіе комитета рабочихъ пришлось ему не только по способностямъ, но и по склонности. Сынъ рабочаго, едва прошедшій первоначальную общинную школу, онъ не упускалъ случая пополнять свои знанія, посѣщая вечернія чтенія мѣстной рабочей организаціи, интересуясь литературой, въ видѣ дешевыхъ народныхъ изданій, одолевая самостоятельно ступень за ступеню. Съ демонстраціями, съ уличными схватками онъ сроднился въ Гентѣ еще юношей подмастерьемъ, въ самое горячее, переходное время, — когда тамъ, при полномъ господствѣ всемогущаго клерикализма, впервые организовывалась рабочая группа, и былъ потомъ въ числѣ членовъ комитета первой рабочей гентской кооперации „Voorguit“ (прогрессъ), составляющей теперь достояніе бельгійской рабочей партіи и обнимающей почти всѣ отрасли промышленности. Начавъ съ репортерства въ мелкихъ провинціальныхъ газеткахъ, онъ постепенно выработалъ изъ себя недурного корреспондента по рабочему вопросу и дошелъ до сотрудничества въ брюссельской „Le Peuple“ — официалномъ органѣ бельгійскихъ рабочихъ. Когда въ Брюсселѣ открылась на средства партіи „Школа ораторовъ“, поставившая себѣ цѣлью ознакомленіе рабочихъ съ научными политико-экономическими данными, неизбѣжными при появленіи на трибунѣ, Пикарь перенесся въ столицу, рабочимъ на фабрику, и прошелъ курсъ школы. Вернувшись затѣмъ въ родной Нельдекъ, онъ основался въ немъ, ставъ естественнымъ фактотумомъ рабочихъ, неизмѣн-

нимъ делегатомъ ихъ на брюссельскихъ конгрессахъ партіи, авторитетомъ въ дѣлѣ мѣстной рабочей печати. Худошавшій, очень моложавый на видъ, непрерывно трудящійся и скудно питающійся, онъ обладалъ тою изумительною выносливостью, которая дается лишь переходомъ лишеній изъ поколѣнія въ поколѣніе, и былъ какъ бы рожденнымъ для неусыпности.

О недоступныхъ для новизны клерикальныхъ уголкахъ, въ родѣ Шербекъ, Пикарь имѣлъ достаточное понятіе, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Ни о какой рабочей организации въ Шербекѣ не существовало и представленія. Сплотившіеся въ синдикатъ хозяева запрещали рабочимъ даже думать о чемъ-либо подобномъ: на каждой фабрикѣ оказывалось „на видномъ мѣстѣ“ объявленіе, предупреждавшее, что рабочій, замѣченный въ принадлежности къ социализму или синдикату, подлежитъ немедленному увольненію. Въ рабочихъ кафѣ при первыхъ же словахъ Пикаря о политикѣ собесѣдники озирались боязливо и умолкали... Прошло нѣсколько дней, а Пикарь не двинулся въ дѣлѣ ни на шагъ, не свелъ знакомства ни съ однимъ рабочимъ. Онъ уже началъ обезкураживаться, но ухватиться за нить помочь случай...

Занимая комнату въ слободѣ Эйндеке, Пикарь нерѣдко забѣгалъ въ ближайшее маленькое эстампнэ, выпить пива или „капельку“. Однимъ утромъ онъ разговорился съ хозяиномъ—хмурымъ, исхудавшимъ и болѣзненнымъ валлономъ Арну. Разговоръ не замедилъ коснуться выборовъ, и Пикарь сталъ высказывать свои взгляды.

— Вы социалистъ?! — воскликнулъ Арну, оживившись весь. — Я тоже!

— Откуда вы?

— Здѣшній! Родился въ этой слободѣ!

— Есть еще социалисты въ Шербекѣ?

— Кажется... Не знаю, впрочемъ! Я уже отсталъ отъ всего: боленъ, да и своихъ хлопотъ достаточно...

Они скрѣпили знакомство, чокнувшись стаканами пива, и Арну, хмуро посасывая коротенькую трубку, повелъ рассказъ о своихъ мытарствахъ.

— Въ прошлые выборы, видите-ли, я да еще трое рабочихъ тухлыми яйцами закидали Странгера, когда онъ въ парадной коляскѣ торжественные визиты совершалъ... За это мнѣ отказали отъ работы на фабрикѣ, и потомъ нивуда уже поступить нельзя было въ Шербекѣ... Вездѣ вѣдь такъ, гдѣ силы за клерикалами и нѣтъ недостатка въ рабочихъ рукахъ... Я торговать

вздумалъ, лавочку зеленую отерылъ... Но монашенки такъ возстановили всѣхъ въ улицѣ, что покупатели—ни ногой во мнѣ!.. А у меня жена, дѣти—бормить надо ихъ!.. Повинулъ я Шербекъ, началъ странствовать, продавать по деревнямъ галантерею съ телѣжки... Дѣло ничего, хорошо пошло, да здоровье не выдержало: цѣлый день на улицѣ, кричать во все горло, а климатъ капризный—то солнце распаритъ тебя, то вдругъ вѣтеръ холодный пронизаетъ или дождь проберетъ до костей... Нажилъ я катарры да ревматизмы и сюда вотъ притянулся...

— Это ваше собственное эстампнэ?

— Какъ можно! На отчетѣ у пивовара я, по общему положенію. Каптанъ изъ огня вынимаю для него! Ха-ха-ха!

— Развѣ не клерикалъ вашъ хозяинъ?

— Шутникъ вы. Пивоваръ, да чтобы клерикаломъ не былъ!

— Какъ же онъ далъ вамъ мѣсто?

— А что же приважете ему дѣлать? Въ фермерской слободѣ, разумѣется, не далъ бы: тамъ они распоряжаются какъ хотятъ! А здѣсь публика „распущенная“, съ клерикальнымъ сидѣльцемъ не всякій ладитъ.

— Компромиссъ, значить?

— А то какъ же? Для чего и клерикаломъ зваться, если пива не сбывать! Ха-ха-ха!

Онъ такъ развеселился, что предложилъ Пикару „капельку“ въ видѣ угощенія. Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же.

— Рабочіе въ фермерской слободѣ очень клерикальны?—спросилъ Пикаръ.

— Еще бы! Плохому клерикалу нѣтъ мѣста на землѣ графа Ниссена... Въ молодежи за послѣднее время замѣчается, какъ будто... Одного знаю я—очень развитой, славный малый...

— Познакомьте меня съ нимъ!

— Рѣдко заходитъ онъ...

Пикаръ передалъ о своей миссиі. Это заставило Арну воспринять совсѣмъ, и онъ заговорилъ суетливо:

— Тогда вотъ что! Идите на канатную фабрику—сейчасъ за слободой, около кладбища: онъ тамъ, на работѣ теперь. Эдмондъ Вестъ зовутъ его... Такой рослый, плечистый дѣтина... Скажите, что отъ меня!

Пикаръ отправился.

„Фабрика“ оказалась чѣмъ-то въ родѣ мастерской на открытомъ воздухѣ. Она располагалась на полоскѣ земли шириною въ сажень—по фламандскому названію, „дорога“ (baan). Въ головѣ полоски стоялъ темный дощатый шалашъ. Въ немъ

дѣвочка лѣтъ семи вертѣла колесо, напѣвая тоненькимъ голоскомъ какую-то шансонетку. Когда она пріостанавливалась, чтобы переменить уставшую руку, въ темнотѣ раздавался мужской повелительный голосъ:— „Draait“! (Верти!). Рабочіе сучили канаты, пятясь по дорожкѣ и пуская паяку изъ мѣшковъ у пояса. Одно изъ нихъ—молодого фламандца съ круглою бѣлокурою головою, широкостнаго и мощнаго, какъ на картинахъ Ванъ-Дика,—Пикарь сразу призналъ за Эдмонда Веста и—не ошибся.

Было уже 11 часовъ—время обѣда. Рабочіе скоро начали расходиться. Пикарь остановилъ Эдмонда и въ короткихъ словахъ передалъ ему цѣль знакомства. Эдмондъ и оторопѣлъ, и просіялъ. Съ юношескимъ энтузіазмомъ, засвѣтившимся въ его большихъ голубыхъ глазахъ, онъ отрекомендовался „соціалистомъ—президентомъ союза“ и сказалъ, что знаетъ уже Пикара по его статьямъ въ „Le Peuple“.

— Въ Шербекѣ продаются соціалистическія газеты? — пріятно удивился Пикарь.

— О, нѣтъ! — засмѣялся Эдмондъ.—До этого не дошелъ еще онъ! Мы покупаемъ газеты и брошюры въ центральномъ складѣ, на станціи желѣзной дороги.

Они тутъ же подружились и отправились обѣдать въ ближайшую гарготку.

Пикарь зналъ, что при необычайной дешевизнѣ рукъ Фландрія сохраняетъ у себя множество отраслей домашняго и ручного труда, борется упорно съ „машинизмомъ“, даже конкуррируетъ съ брюссельскими рабочими, сбивая у нихъ цѣну на трудъ поставкою своихъ произведеній, но ручная выдѣлка канатовъ—buitenspinner, по мѣстному,—все-таки удивляла его, и онъ высказалъ это Эдмонду.

— Выдѣлка возможна еще, разъ руки дешевы. Но фландрскіе ручные канаты даже въ Брюссель поставляются дешевле машинныхъ! — отвѣтилъ Эдмондъ.

— Сколько же платить рабочимъ вашъ хозяинъ, напимѣръ?

— Молодымъ—9—12 франковъ въ недѣлю; старикамъ и дѣтямъ—50 сантимовъ въ день. И за эту цѣну наша дѣвочка не устанно вертитъ колесо въ продолженіе двѣнадцати часовъ...

— Но ей не больше семи лѣтъ!

— Работаютъ и пятилѣтнія... На законы у насъ въ Шербекѣ мало смотрятъ!

— А что дается на ѣду рабочимъ?

— Какъ вездѣ: черныи хлѣбъ, картофель, сыворотка... По-

стояннымъ рабочимъ прибавляютъ по праздникамъ селедку или свиное сало...

— Невозможныя условія! Отчего не протестуютъ рабочіе?

— Не находится причины...

— Причины? — удивился Пикарь. — Объявите хозяину, что плата низка, пища дурна...

— Хозяинъ самъ только концы съ концами сводить. Наживается синдикатъ поставщиковъ, на который работаютъ всѣ, а съ нимъ у насъ нѣтъ отношеній. Остается протестовать въ парламентъ, чрезъ депутата. А тамъ Странгеръ только и ораторствуетъ, что объ увеличеніи штата полиціи да о сокращеніи числа свѣтскихъ школъ...

— На то избранъ! — засмѣялся Пикарь.

Въ тотъ же день вечеромъ въ эстамина Арну состоялось первое выборное совѣщаніе социалистовъ. „Союзъ“ явился инкогнито. Онъ оказывался состоящимъ, не считая „президента“, всего изъ пяти юношей, негласно исповѣдывавшихъ социализмъ по наслышкѣ (трое были совсѣмъ неграмотные—что не рѣдкость во Фландріи). Они образовали „вопилку“, въ которую каждый вносилъ еженедѣльно десять сантимовъ, и на эти деньги покупались для общаго пользованія газеты и брошюры. Несмотря, однако, на всю эту незатѣйливость и крайнюю немногочисленность собранія, Пикарь принужденъ былъ потратить не мало усилій и краснорѣчія, чтобы поставить пылкую молодежь въ границы, сообразныя съ обстоятельствами... Пришлось втолковывать, что социализмъ — не батарея, а доктрина; что воинственности не требуется никакой, а надобна лишь мирная, вполне легальная работа... Въ концѣ концовъ цѣль была достигнута. Сношенія съ рабочими и молодежью фермерской слободы принялъ на себя Эдмондъ. Въ Эйндеке согласился дѣйствовать воспрянувшій духомъ Арну.

Въ слѣдующій пріѣздъ, уже чувствуя почву подъ собою, Пикарь запасся письмомъ о. Франка къ викарію Филиберу.

VI.

Домикъ Ансельма Веста, въ фермерской слободѣ, былъ нѣсколько обширнѣе прочихъ и имѣлъ въ сторонѣ чуланчикъ для „скота“, гдѣ помѣщались двѣ дойныя коровы и „тройка“ собакъ,

исправлявшихъ должность лошадей. Дворъ, пространствомъ въ квадратную сажень, и такой же огородъ обнесены были крашеною деревянною рѣшеткой, что говорило уже о зажиточности фермера, такъ какъ у прочихъ было лишь нѣкоторое подобіе живой изгороди изъ рѣдко рассаженныхъ корявыхъ кустиковъ терновника.

Только-что занимался разсвѣтъ. Изъ домика вышелъ старикъ Вестъ, одѣтый въ шерстяную вязаную куртку поверхъ бумажно-фланелевой рубахи и въ кошачьей шапкѣ. Бритое, изборожденное морщинами лицо его имѣло выраженіе привычной унылой суровости. Собаки, почуявъ хозяина, залаiali и заскребли лапами въ чуланчикѣ; замычала корова. У рѣшетчатыхъ воротъ и за изгородью выселись, отливая тусклымъ блесвомъ, извивы снѣжныхъ сугробовъ, наметанныхъ за ночь неожиданною мартовскою вьюгой.

Вестъ съ сокрушеніемъ глянулъ вокругъ и повелъ широкими плечами, прикидывая въ мысляхъ, во что обойдутся обязательная расчистка дороги и проложеніе тропокъ къ сосѣдямъ. Среди сплошной снѣжной бѣлизны темнѣли на улицѣ двигавшіяся фигуры бродячихъ рабочихъ. Вестъ заключилъ поэтому, что наступилъ уже шестой часъ утра—обычное начало зимняго рабочаго дня. Онъ окликнулъ одну изъ фигуръ, рѣшивъ очистить снѣгъ, пока онъ не слегся, и сталъ перекрививаться черезъ рѣшетку, торгуясь и повторяя:

— Не тѣ времена теперь... не тѣ!—Покончивъ на сорока сантимахъ за день, онъ послалъ поденщика въ домикъ, гдѣ готовились уже завтракать.

Съ задней стороны домика показалась блѣдная, болѣзненная женщина, съ ведромъ дымившейся разогрѣтой похлѣбки для собакъ.

— Добрый день, отецъ! — проговорила она, кланаясь на ходу.

— Добрый день, Марія! — отвѣтилъ Вестъ. — А Эдмондъ всталъ?

— Сейчасъ выйдетъ!

Но она сказала неправду, боясь свекра. Протолковавъ съ Пикаромъ въ эстаминѣ далеко за полночь, Эдмондъ спалъ какъ убитый. Наливъ собакамъ и пригрозивъ, чтобъ онѣ не грызлись, Марія кинулась въ каморку, будить мужа.

Завтракъ былъ уже на столѣ, когда явились Эдмондъ съ женой. Старуха Гертруда Вестъ стала хозяйничать, слѣдя зорко, чтобы не выходило лишняго. Ъда была скудная, обычная. На

каждого: чашка кофе безъ сахару (онъ стоилъ 60 сантимовъ фунтъ и служилъ лакомствомъ) и ломоть хлѣба изъ смѣси ржи съ ишеницей (*méteil*) съ топленнымъ свинымъ саломъ вмѣсто масла. Эта порція не удовлетворила даже и болѣзненную Марію. Поденщикъ — молодой высокій валлонъ, плохо одѣтый и, видимо, наголодавшійся, — проглотилъ свою во мгновение ока. Его вооружили затѣмъ желѣзною лопатой, и онъ отправился бороться съ сугробами.

Женщины начали свое хозяйство. Когда Марія подоила коровъ, старуха Гертруда стала „приготавливать“ молоко. Оно дѣлилось на три сорта: аристократіи назначалось свѣжее, неснятое; покупателямъ попроще — смѣсь снятого вчерашняго со свѣжимъ; въ лавочки и обывателямъ вообще — разбавленное водою и приправленное бурой, чтобы не скисалось. Гертруду сердили эти хлопоты. Ей хотѣлось бы приготавливать молоко скорѣе и выгоднѣе — разбавлять водою для всѣхъ. Но она знала, что при жалобахъ аристократіи нечего ждать пощады отъ полиціи, а въ дѣлахъ съ мелкотой та же полиція принимаетъ въ оправданіе, что „с'est un usage général“... Занятая этими мыслями, она вымещала досаду на третьемъ сортѣ, не жалѣя воды и буры...

Пока приготавливалось молоко, Марія, на обязанности которой лежало развозить его, запрягла собакъ въ телѣжку и вынесла большія жестяныя кринки съ отчищенными мѣдными крышками.

— А ты уже выпила „капельку“! — завистливо проговорила всегда замѣчавшая все Гертруда, наполняя кринки молокомъ.

— Отъ вчерашняго осталось у меня немного...

— Есть еще тамъ?

— Есть.

— Ну, ставь кринки, я сейчас!

И она скрылась въ заднюю половину дома, гдѣ занимали заморку Эдмондъ съ женою.

Старикъ Вестъ докуривалъ между тѣмъ трубку за столомъ, поглядывая на задумчиво сидѣвшаго сына.

— Надо ждать надбавки аренды... — угрюмо проговорилъ онъ.

— По какому случаю? — вскинулъ голову Эдмондъ.

— По случаю выборовъ... контракту срокъ... Безъ надбавки или налога какого, навѣрное, не обойдется... Прошедшій срокъ, вонъ, слободской выговъ уменьшили — цѣлый гектаръ подъ новыя фермы вняли, а цѣна та же осталась... Теперь еще что-нибудь придумаютъ...

— Отецъ!—заговорилъ, вспыхнувъ, Эдмондъ.—На кого ты жалуешься? На себя?

— На времена жалуюсь... Боюсь концы съ концами не свести...

— Ну, и ставь какія тебѣ надо условія въ контрактѣ!

— Ихъ нотариусъ ставить.

— А ты не соглашайся!

Вестъ пристально поглядѣлъ исподлобья на сына, передвинувъ трубку изъ одного угла губъ въ другой.

— Вотъ когда ты будешь хозяйничать, тогда и попробуй это!—сказалъ онъ.—Не соглашусь, такъ меня завтра же выгонять!

— Потому, что фермеры не знаютъ своего общаго интереса—выгадываютъ каждый для самого себя, боятся каждый за самого себя...—возразилъ Эдмондъ.—При этомъ легко справиться съ вами! А согласитесь вы между собою, поставьте свои справедливыя условія, что тогда скажутъ вамъ?

— Выгонять всѣхъ!

— Нѣтъ, отецъ! Выгнать всѣхъ—значить, оставить пустовать фермы, лишиться дохода...

— Графъ Ниссенъ—не мы съ тобою: онъ выдержитъ!

— Но графъ Ниссенъ не ради своего каприза или удовольствія наваливаетъ тягости на васъ, а ради увеличенія своихъ доходовъ. Почему же ты думаешь, что онъ предпочтетъ выдерживать съ потерей, а не уступить съ выгодой? Прогнанные фермеры разбредутся, а найти цѣлую слободу новыхъ не такъ легко!

Вестъ ничего не отвѣтилъ сыну и сталъ одѣваться, разыскивая по угламъ комнаты жилетку, пиджакъ. Эдмонду было время идти на работу, и онъ всталъ.

— Слушай, Эдмондъ!—остановилъ его отецъ.—Вотъ что скажу я тебѣ... Здѣсь, со мной, ты можешь разсуждать такъ, а внѣ дома, съ другими—остерегайся! Ушей много вокругъ и языки длинны...

— Я говорю о нашихъ собственныхъ дѣлахъ...

— А чрезъ злые языки до графа дойдетъ!

— Я и самъ скажу ему, если представится надобность!—отвѣтилъ Эдмондъ.—Всякій долженъ знать свои дѣла, защищать свои интересы... У насъ контрактъ, въ которомъ графъ—такая же сторона, какъ и мы. Если онъ не боится ставить несправедливыя условія, то чего же бояться намъ, добываясь резоннаго?

Наконецъ, наступитъ же время, когда аренда станетъ совсѣмъ не подь силу, и ты невольно заговоришь...

— Ну, тогда и видно будетъ!—перебилъ его старикъ, нахлобучивая на себя шапку.

VII.

Прошло съ недѣлю.

Ранній лучъ солнца, то проглядывая, то скрываясь за быстро бѣжавшими тучами, освѣщалъ неровнымъ свѣтомъ комнату викарія Филибера. Поденщица—старая, толстая фламандка Марта, съ негоднымъ дырявымъ мѣшкомъ вмѣсто фартука, убирала комнату „au fond“, такъ какъ была суббота, терла, по укоренившемуся фламандскому обычаю, безъ всякой нужды полъ мокрою тряпкой, наверху на щетку, размазывая грязь, водворяя сырость на цѣлую недѣлю... Одновременно съ этимъ она неустанно болтала, рассказывая всякія новости... Викарій стоялъ въ прибранномъ уже угольѣ, держа развернутый молитвенникъ предъ глазами, и слушалъ эту болтовню, приводя ее, по усвоенному обыкновенію, мысленно въ систему, что не мало способствовало ему стоять въ надобномъ курсѣ приходскихъ дѣлъ...

— Всю недѣлю эту въ замѣѣ полы мыла я,—хвалилась Марта.—Ахъ, какіе апартаменты!

— Вы и въ замѣѣ работаете?—какъ бы удивился викарій.

— Теперь только, къ прїѣзду графскому... Сестры-кармелитки рекомендовали меня мѣге Rhine...

— Почему вы такъ зовете ее?

— Всѣ зовутъ такъ... за глаза отчего не назвать? И оно правда: все, все она знаетъ... про всякаго... и для всякаго у нея камушекъ за пазухой!... Она да нотаріусъ всѣмъ и правятъ... больше чѣмъ графа каждый боится ихъ!..

— А когда прїѣзжаетъ графъ?

— Весной, говорятъ... и выборы пробудетъ здѣсь... Все не по прежнему какъ-то дѣлается!.. Всѣ точно въ безпокойствѣ какомъ-то... вездѣ только и слышишь, что выборы да выборы... А развѣ выборы первый разъ у насъ?

Переходъ къ политической темѣ показывалъ, что Мартою исчерпано все существенное. Поэтому викарій остановилъ ее вопросомъ:

— Что вы приготовили мнѣ на сегодня?

— Селедокъ малосольныхъ поджарила — нѣжныя, такъ и

таютъ во рту!—запѣла Марта, вся преобразившись и придавая томность своему грубоватому голосу.—Потомъ, телячьей головы фаршированной взяла въ колбасной—только-что сварили...

Кухни, по бельгійскому обыкновенію, не имѣлось въ домикъ. Плиту и калориферъ должна была замѣнять усовершенствованная желѣзная печь. Полнокровный и уже достаточно раздобрѣвшій Филиберъ не выносилъ кухонной духоты, а заявлять претензій, живя изъ милости,—не могъ. Онъ добылъ изъ Нельдека на свой счетъ французскій приставной каминчикъ для отопленія, а ѣду Марта стала готовить у себя.

Послѣ уборки, когда Марта ушла, Филиберъ позавтракалъ и отправился по дѣламъ. Со времени визита Пикара онъ чувствовалъ себя какъ бы не въ своей тарелкѣ, находился въ состояніи какой-то идейной распатанности. Теперь, на улицѣ, онъ впервые ощущалъ внутреннюю неловкость отъ священническаго обычая ходить, уставивъ глаза на раскрытый молитвенникъ и шевеля губами. При этомъ лѣзла еще назойливо въ память кольнувшая его однажды выходяща уличнаго мальчугана, крикнувшаго:

— Вы, господинъ визарій, должно быть, очень лѣнны, если не можете затвердить дома такую маленькую книжку!..

Въ центрѣ встрѣтилъ онъ большую, укутанную тряпьемъ, торговку вареною печенкой. По долгу пастыря, онъ хотѣлъ выразить ей соболѣзнованіе, но также ощутилъ неловкость и воздержался, вспомнивъ, какъ она отвѣтила ему недавно: „О, да! Мы вѣчно болѣемъ, не то что духовные“... Онъ держался преподаваннаго въ семинаріи правила—изгонять изъ памяти такіа „мелочи“, недостойныя высоты духа пастыря, и выработалъ въ себѣ автоматическое умѣнье впадать при надобности въ духовную созерцательность. Теперь созерцательность эта была какъ-то неустойчива, скоропреходяща, а забытыя мелочи вставали одна за другою и мutilи состояніе духа...

Въ глаза Филиберу бросился домъ пивовара Дроза—неожиданнаго либеральнаго кандидата и новоявленнаго врага клерикаловъ,—чванно выдвинувшійся на улицу и осѣненный позади верхушками деревьевъ обширнаго сада. Всѣ окна бель-этажа были чисто промыты и завѣшены новенькими тюлевыми гідеаух; изъ-за лапчатыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ подвального этажа, гдѣ помещалась кухня, несся смѣшанный лакомый запахъ; у подъѣзда стояло въ линію нѣсколько каретъ и колясокъ. Филиберъ сообразилъ по экипажамъ, кто именно изъ окрестныхъ богатыхъ соб-

ственниковъ записался въ приверженцы либерализма, заключая, что приверженцамъ этимъ дается завтражь...

При Филиберѣ прошло въ Шербекѣ уже двое выборовъ и три раза прѣзжалъ гостить въ замѣкъ графъ Ниссенъ. Всѣ эти случаи только ступшеывали совершенно викарію, являлись для него подобіемъ отпуска, такъ какъ на сцену выступалъ о. Гіацинтъ, всюду выставляя себя, ревниво оберегая во всемъ свой авторитетъ. Изъ сіятельной же персоны графа викарію удавалось видѣть лишь сѣдобородый, носатый профиль, мелькавшій за стеклами, когда показывалась она на шербекскихъ улицахъ... И Филиберъ свылся съ этимъ, пріучилъ себя къ мысли, что всякому свое мѣсто, „ибо и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ“, что недовольство положеніемъ—суета... Теперь весь шербекскій порядокъ вещей выступалъ предъ нимъ по новому—эгоистичнымъ, несправедливымъ; перенесенное представлялось обиднымъ, а „суета“ захватывала все настойчивѣе, властительнѣе...

Продолжая слѣдить глазами по строчкамъ молитвенника и шевеля для виду губами, Филиберъ направился въ школу. Школа была государственная. Она помѣщалась въ сыромъ и тѣсномъ нижнемъ этажѣ дома клерикала—торговца церковною утварью, получавшаго за эту квартиру отъ казны больше, чѣмъ приносили остальные два этажа дома. Въ школѣ тянулся скучный урокъ географіи. Учитель—тощій, высочій блондинъ, съ плѣшинами на головѣ отъ худосочія, заставлялъ шевольниковъ отыскивать на картѣ примѣчательныя бельгійскія мѣстности, декламировалъ выхваченныя изъ романовъ тирады о красотахъ природы и поминутно восхвалялъ съ напускнымъ патриотическимъ паэосомъ: „O, notre belle Flandre!“ Филиберъ прошелъ въ слѣдующую комнату, къ директору, съ которымъ обыкновенно не ладилъ—какъ не ладаютъ клерикалы съ каждымъ, дерзающимъ выказывать самостоятельность.

Директоръ, Камилль Дестрѣ, сверная лысиной и хватаясь за сползавшее съ крошечнаго носика пенсне, копался въ бумагахъ, сортируя матеріалы къ рапорту о ходѣ шевольнаго дѣла. Это собственно и интересовало теперь викарію, имѣвшаго „почетное“ порученіе отъ епархіальнаго инспектора школъ (сваливавшаго съ себя, подобно о. Гіацинту, все хлопотливое)—составить къ рапорту религиозно-нравственный обзоръ.

— Подвинулись вы за это время? — проговорилъ викарій, послѣ официального обмѣна привѣтствій.

— Подвигаюсь...—отвѣтилъ сумрачно директоръ.—Вотъ!

И онъ указалъ на разложенныя по столу пачки листовъ.

Филиберъ присѣлъ къ столу, взялъ одну изъ пачекъ и сталъ просматривать ее. Брови его начали хмуриться. Директоръ угадкой косился на него изъ-за пенснэ...

— Къ чему такія мрачныя подробности?.. — проговорилъ, опуская листки, Филиберъ.

— Я отвѣчаю на вопросы королевскаго статистическаго бюро...

— Вопросы не обязываютъ къ мрачной окраскѣ отвѣтовъ... Бюро спрашиваетъ, напримѣръ, о причинахъ неявки въ школу... И вотъ... у васъ...—Филиберъ помуслилъ пальцы и сталъ перебирать листки.—Вотъ: „Частыя неявки по неимѣнію платья и обуви... Многие родители отдають дѣтей въ работу, отсылають нищенствовать“... Или вотъ, на вопросъ: какъ питаются ученики? „Около одной трети является въ школу, не ѣвши ничего; въ общемъ: питаются хлѣбомъ или картофелемъ; у нѣкоторыхъ, по праздникамъ, имѣется свиное сало или специально заготовляемые мясниками негодные обрѣзки мяса, обрубки костей (bintches), а также конина“... Все это мрачное только! Есть же ученики, знающіе иную жизнь...

— Есть, есть!.. — поспѣшно отвѣтилъ директоръ, подбирая какіе-то листки.

— Отчего же не упомянуто о нихъ?

— Не хотѣлось мнѣ... Но если вамъ угодно... Я, видите ли, именно по вопросу о питаніи... въ виду трудности добыть правдивыя данныя... обращался къ самимъ ученикамъ съ письменными вопросами, и они отвѣчали... письменно же... Вотъ категория непомѣщенныхъ...

И онъ подалъ викарію листки.

Филиберъ посмотрѣлъ на одинъ, на другой... Въ нихъ стояло: — „Мы ѣдимъ, когда есть хлѣбъ. Вчера мать напилась. Отецъ ругалъ ее и печку не топили“. — „Моя старшая сестра ходитъ вечеромъ на улицу. Когда она принесетъ денегъ, мы ѣдимъ хорошо, и мать посылаетъ меня за пивомъ“...

Дальше Филиберъ не сталъ читать. Краска бросилась ему въ лицо, и онъ принялся усиленно гладить свою щетинистую голову. Прикрытая покорностью насмѣшка директора озлобила его, но онъ сдержалъ себя и проговорилъ съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Да, конечно... къ чему помѣщать такую исключительность... По отдѣлу школьной благотворительности готово что-нибудь?

— Мы располагаемъ свѣдѣніями только по официальной

благотворительности, а данные о благотворительности частной собираются еще...

— Мнѣ вѣжется, королевское бюро разумѣетъ исключительно официальную благотворительность,—перебилъ Филиберъ.

— Не думаю!—возразилъ рѣшительно директоръ. — Неполныя свѣдѣнія могутъ ввести въ заблужденіе само же правительство... при назначеніи школьныхъ субсидій, напримѣръ!

Филиберъ снова принялся гладить голову.

Ему было хорошо извѣстно, что всѣмъ существеннымъ—школьными кухнями, библіотеками, фрѣбелевскими садами, медицинскою помощью—школы вообще бываютъ обязаны частной благотворительности; что благотворительность официальная, находящаяся прямо или косвенно въ рукахъ монахинь, помогаетъ обыкновенно школамъ лишь даровою раздачею книжекъ душевнательнаго содержанія да бѣлья, перешиваемаго изъ аристократическихъ обносокъ и расплзающагося отъ первой же стирки. Сопоставлять въ отчетѣ эти данные совсѣмъ не входило въ его расчеты. Онъ хотѣлъ сказать—по общепринятой у клерикаловъ манерѣ, — что не слѣдуетъ *играть съ руку социалистамъ*, но инстинктивно воздержался на этотъ разъ...

VIII.

Когда Дестрѣ вернулся изъ школы домой, въ квартирѣ у него шла еще субботняя уборка. М-ше Аглая Дестрѣ, въ подоткнутой юбкѣ и специальныхъ холщевыхъ чулкахъ, исключавшихъ употребленіе башмаковъ, терла намыленною щеткой „парадную“ узенькую лѣсенку, съ искусно намалеванною на ней ковровою дорожкой.

Дестрѣ, рассчитывавшій найти уже обѣдъ на столѣ, остановился печально на тротуарѣ. Фламандская манія мыть все безъ разбора и надобности, даже тротуары, тутъ же загрязняемые, и ставить все вверхъ дномъ потому только, что наступила суббота и что такъ дѣлается у всѣхъ, — дѣйствовала на него вообще угнетающе. Чувство это усиливалось еще тѣмъ, что вся болѣе черная работа—доставка воды изъ-подъ насоса, уборка мусора, мытье стѣнъ, — тамъ, гдѣ мужчины не добываютъ на наемъ прислуги, ложится на нихъ самихъ (что и легло на Дестрѣ этимъ утромъ)... Правда, въ парламентѣ поднять вопросъ о прекращеніи этой маніи законодательнымъ порядкомъ, какъ источника распложенія „микробовъ“, по парламентскіе дебаты длинны...

Дестрэ обратилъ неудачу въ предлогъ посидѣть въ пивной. Уходя, онъ крикнулъ женѣ:

— Опять была стычка съ викариемъ, и я поднесъ ему! Не съ аппетитомъ обѣдаетъ онъ теперь!

Но Филиберъ, вопреки порядку, не былъ еще дома и не обѣдалъ. Изъ школы онъ прошелъ за реставрированную башню и поднялся на взгорье, гдѣ стоялъ, окруженный старымъ, одичавшимъ садомъ, длинный бѣлый домъ вдовы бывшего бургомистра Бертрана...

Женщина прежняго, домашняго воспитанія, говорившая только по-фламандски, — какъ и большинство жителей восточной Фландрии, несмотря на державшуюся за французскимъ языкомъ до самаго послѣдняго времени привилегію единственнаго официального языка, — Алиса Бертранъ всегда чуждалась роли свѣтской женщины и вела свой — первый тогда въ Шербекѣ — домъ по патриархальнымъ правиламъ добрыхъ старыхъ католиковъ. Смерть мужа — безсмысленнаго бургомистра и главы влерикаловъ — только усилила эту черту и дала ей законное оправданіе, а случившаяся затѣмъ „исторія“ единственнаго сына, Эмиля, порвала окончательно связь съ шербекскимъ обществомъ...

Для довершенія образованія Эмиль Бертранъ — по общей бельгійской традиціи, предпочитающей Лондонъ Парижу, — отправленъ былъ въ Англію. Возвращеніе его, уже послѣ смерти отца, совпало со временемъ выборовъ, и это кинуло юнаго гражданина въ водоворотъ шербекской политики, во многомъ и не къ лучшему мѣнявшейся со смертью старика Бертрана. Прекрасно образованный, отличавшійся свѣтлымъ природнымъ умомъ, Эмиль обратилъ на себя вниманіе, и на него „возложили надежды“... Самъ графъ Ниссенъ, проводившій весну въ замкѣ, прислалъ Эмилю приглашеніе на парадный обѣдъ, назначавшійся играть роль предвыборнаго банкета... Но произошло нѣчто „непостижимое“... „Обласканный“, поставленный на прекрасную дорогу, — какъ гласила мѣстная хроника, — Эмиль Бертранъ отказался отъ графскаго приглашенія, а въ данной затѣмъ публичной конференціи обрушился со всею силою свѣжаго таланта на клерикальный обскурантизмъ — населивъ непривычный шербекскій воздухъ впервые эпитетами: „отсталость“, „грубая сила“, „нравственная нечистоплотность“...

Шербекъ былъ „изумленъ“ и обратилъ искательство въ гоненіе... Эмиль Бертранъ отвѣтилъ на это памфлетомъ въ духѣ Свифта и отправился профессорствовать въ Гентъ, — уже осуждавшійся отъ клерикальныхъ путей.

Отъездъ сына разрушилъ послѣднія надежды вдовы Бертранъ. Она удалилась совсѣмъ на покой и отказалась отъ всякихъ знакомствъ. Ея домъ, съ вѣчно запертою калиткой, съ опущенными шторами въ окнахъ, окруженный обширнымъ тѣнистымъ садомъ, принялъ видъ аббатства. Сама она, одѣтая всегда въ темное и въ большомъ бѣломъ чепцѣ безъ складокъ, напоминала монахиню. Но ханжество не коснулось ея. Она оставалась живымъ человѣкомъ, любила старую фламандскую литературу и слѣдила за новой, сохраняла у себя свѣтскія картины лучшихъ фламандскихъ мастеровъ.

Визитъ викарія, знакомство съ которымъ было только по церкви, нѣсколько удивилъ Алису Бертранъ. Филиберъ почувствовалъ это и поспѣшилъ приступить къ дѣлу.

— Я слышала, что сынъ вашъ намѣревается... повинуть профессуру...— началъ онъ. — Правда ли это?

— Да, онъ думаетъ... Его приглашаютъ быть депутатомъ, — съ гордостью отвѣтила старушка.

— Это доставитъ всѣмъ удовольствіе, — польстилъ Филиберъ. — И... если вы мнѣ позволите... если не будете имѣть ничего противъ, — продолжалъ онъ, постукивая мѣрно шляпой о колѣно, — то я желалъ бы узнать, окончательно ли рѣшилъ это вашъ сынъ и... надѣется ли онъ на успѣхъ?.. Избирательная борьба такъ трудна... препятствій всегда такъ много...

— Я ничего не понимаю въ политикѣ и не знаю, что сказать вамъ, — отвѣтила простодушно вдова. — Но сынъ вотъ что пишетъ мнѣ...

Она достала изъ стоявшей предъ нею рабочей корзинки и подала викарію послѣднее письмо сына.

Съ первыхъ же строкъ Филиберъ убѣдился, что рѣшеніе Бертрана твердо и что при успѣхѣ онъ можетъ стать дѣйствительною силой. Предложеніе исходило отъ самой социалистической группы въ парламентѣ; упоминалось даже имя одного изъ министровъ; среди шербекской аристократіи, судя по называвшимся фамиліямъ, социализмъ могъ имѣть сторонниковъ изъ числа державшихся обыкновенно вдалекѣ отъ политики.

— Благодарю васъ...— сказалъ Филиберъ, сложивъ письмо аккуратно и возвращая. — Теперь мнѣ ясно все... Прошу позволенія обезпечить васъ низжайшею просьбой... Когда вы будете писать вашему сыну, — знать котораго лично я, въ сожалѣнію, лишень удовольствія, — то не откажите присовокупить, что я... именно я... весьма радуюсь и желаю ему успѣха...

Это очень тронуло вдову.

— Ахъ, еслибъ вы знали, г. викарій, какой онъ умный, добрый, хорошій!—воскликнула она съ проступившими на глазахъ слезами.

И чтобы отрекомендовать сына если не лично, то въ изображеніяхъ, она раскрыла предъ викаріемъ семейный альбомъ съ фотографическими карточками.

Филиберъ повернулся къ свѣту и сталъ вдумчиво вглядываться то въ совсѣмъ вылинявшую, пухлую фигурку, запертую въ дѣтскомъ стульчикѣ, то въ стройнаго юношу въ плащѣ—студента оксфордскаго университета...

Дома Филиберъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатамъ, погруженный въ мечтательность. Предъ нимъ, завлекательно перспективно, рисовалась дѣятельность независимаго христіанскаго демократа, дѣлающаго оппозицію не умѣвшей цѣнить его клерикальной партіи... Онъ примывалъ мысленно къ брюссельской христіанско-демократической группѣ, стоящей подъ главенствомъ извѣстнаго, почтеннаго аббата... видѣлъ себя отличившимся... прославленнымъ... Смущалъ вѣсколько лишь „союзъ съ социалистами“... „Но по обстоятельствамъ не можетъ и быть иначе!—напалъ онъ вдругъ на идею. — Разжившійся пивоваръ Дрозъ хочетъ первенствовать, и при успѣхѣхъ будетъ ворчить изъ себя графа Ниссена... Всякій лишній шансъ либераловъ можетъ помочь имъ захватить снова власть, а социалистическое министерство—только призракъ... дѣло очень отдаленнаго будущаго“...

Филиберъ присѣлъ къ столу и написалъ о. Франку: „Почтеннѣйшее письмо ваше передано мнѣ. По размысленіи, соглашаюсь съ вами; вижу, что уступки времени неизбежны, что занять мѣсто въ движеніи церковь должна. Передайте вашему protégé, что буду радъ увидѣться съ нимъ“.

IX.

Лѣтомъ Шербекъ сообщался съ Нельдекомъ по плановой дорогѣ, утратившей для коммерціи почти всякое значеніе съ появленіемъ желѣзнодорожной линіи, заставившей провести чрезъ болото шоссе къ станціи. Зимой прокладывался путь чрезъ замерзавшіе ручьи и топкія луговины, сокращавшій разстояніе на половину.

Отличный ходокъ и одинокій холостякъ, Пикаръ сталъ поль-

зоваться всякою выдававшеюся возможностью побывать въ Шербекѣ. Операціоннымъ пунктомъ избрана была слобода Эйндеке. Эстаминѣ Арну стало мѣстомъ сходокъ, а одна изъ верхнихъ комнатокъ обратилась въ пристанище Пикара.

До прїѣзда графа Ниссена нельзя было ожидать ни яснаго обозначенія сторонниковъ партій, ни начала открытой выборной агитаціи. Это давало Пикару возможность заняться неспѣшной, обдуманною организаціей борьбы, и онъ весь отдался работѣ по упорядоченію шербекскаго соціалистическаго „союза“. Эдмондъ получилъ въ руководство мотивированную „программу бельгійской партіи рабочихъ“, а для выясненія встрѣчавшихся вопросовъ открылись правильныя вечернія бесѣды. Дѣло, однако, плохо спорилось... Начинать приходилось съ азбуки; непривычныя слушатели, несмотря на всю охотливость, не удерживали ничего послѣдовательно въ головѣ. Пикарь ораторствовалъ до хрипоты, прибѣгалъ къ упрощенному способу—втолковывая лишь опредѣленія. Это будило пытливость и вовлекало снова въ объясненія... Угѣшало только одно: „союзъ“ росъ не по днямъ, а по часамъ, становясь популярнымъ среди рабочихъ, такъ что въ слѣдующее же воскресенье аудиторія оказалась набитою биткомъ...

Подавали надежду и сношенія съ Филиберомъ. Викарій назначалъ Пикару дѣловыя свиданія, интересовался соціалистическими теоріями, хотя, относительно практическаго содѣйствія, и ограничивался темноватымъ, высокопарнымъ изреченіемъ, что „съ точки зрѣнія высшихъ церковныхъ интересовъ принципъ свободнаго развитія политическихъ партій вполне допустимъ“...

Оставалось свести знакомства съ болѣе подходящими собственниками среди трудящагося населенія Эйндеке. Это обѣщало устроить Арну.

Однимъ раннимъ утромъ Пикарь, проводившій уже второй день въ Шербекѣ, излагалъ въ своемъ сообщеніи нельдекскому комитету рабочихъ весь этотъ ходъ дѣлъ, согнувшись надъ столикомъ и едва различая строчки при падавшемъ въ узенькое окно слабомъ отблескѣ тусклаго, перѣшительнаго разсвѣта.

Въ жиденькую дощатую дверь постучали.

— Эй, товарищъ!—раздался голосъ Арну.

— Войдите!—отозвался Пикарь, оставляя перо.

Арну вошелъ, одѣтый въ свою завѣтную праздничную пару какого-то сольфериноваго цвѣта и держа высоко голову, подпертую огромными фальшивыми воротничками.

— Одѣвайтесь, идемте знакомиться съ собственниками!—за-

говорилъ онъ, пожимая руку товарищу. — Теперь самое время: всё на мѣстахъ, за работой!

Пикарь поспѣшилъ одѣться, и они спустились въ эстаминэ. Тамъ жена Арну, Анна, — худенькая молодая женщина съ большими черными глазами, начинала уже свои дневныя хлопоты, устанавливая свѣжій боченокъ пива подь усовершенствованный назачивающій аппаратъ.

— Перепугаете вы только всѣхъ... — сказала она какъ-то загадочно и глядя въ сторону.

— Дѣти боятся, вонъ, въ темной комнатѣ спать, однако ты приучаешь ихъ! — отвѣтилъ съ своимъ обычнымъ смѣхомъ Арну.

Они выпили по стакану чернаго кофе съ хлѣбомъ и вышли.

X.

Первый визитъ былъ къ прославленному оратору свободныхъ эстаминэ—толстому и хриплому огороднику Матисеу. Его „домъ“, въ совершенно выдержанномъ стилѣ шалаша, состоялъ изъ двухъ комнатъ, капитальною стѣной между которыми служила занавѣска изъ дерюги. По ту сторону занавѣски была спальня, и тамъ неистово шумѣли и кричали дѣти. По эту — на обычномъ усовершенствованномъ калориферѣ - плитѣ шипѣло и трещало въ котелкѣ свиное сало для пряженія картофеля; неподалеку сидѣла на треногой скамьѣ полногрудая, съ унылымъ взглядомъ, м-ше Матисъ и занималась, въ подспорье къ промыслу мужа, побочнымъ ремесломъ, снимая ловко и быстро небольшимъ острымъ ножичкомъ шерсть съ кроличьихъ шкуроекъ, отчего въ комнатѣ стояло непроглядное облако волосяной паутины... Самъ м-г Матисъ помѣщался на опрокинутой корзинѣ, сортируя какіе-то коренья и луковицы.

— Радъ знакомству! — прохрипѣлъ онъ, поднявшись съ корзины, чтобъ „постоять“ съ гостями, за неимѣніемъ должной мебели, и крѣпко стискивая руку Пикару.

Узнавъ о цѣли знакомства, онъ оживился, пріосанился и заговорилъ:

— Я не социалистъ, но и не клерикаль... Я одно знаю: разъ законъ даетъ намъ голоса, считаетъ насъ избирателями, то и разсуждать — за кого подать голосъ — должны мы сами, а не нотариусъ за насъ или бургомистръ!.. Нечего сгонять насъ ни въ ратушу, ни къ нотариусу, а пусть депутатъ самъ объяс-

няется съ нами и намъ объявляетъ свою программу, а не гдѣ-то тамъ... Вотъ я чтò говорю!

— Больше ничего и не надо!—восхитился Пикарь.—Еслибы всѣ такъ думали!

— Мнѣ говорятъ,—продолжалъ, воодушевляясь, Матисъ,— что собственность наша въ ипотеку, что мы связаны... а я спрашиваю: какое же намъ облегченіе отъ того, что мы слушаемся бургомистра или нотариуса? Почему насъ, собственниковъ, въ деревняхъ и вездѣ, уменьшается съ каждымъ годомъ, а бездомныхъ, не знающихъ куда дѣваться фермеровъ прибавляется?.. Они молчатъ, а я отвѣчаю: значить, мы сами подаемъ голоса за то, что насъ убываетъ, а фермеровъ прибываетъ... значить, нечего намъ плясать подъ дудку ни бургомистра, ни нотариуса!.. Такъ вѣдь, Арну? Я всегда говорю это у тебя... Ты знаешь!

Вентиляціи не было въ комнатахъ. Даже свѣшійся со мною Пикарь начиналъ чувствовать головокруженіе отъ духоты.

— Для какой надобности эти шкурки?—спросилъ онъ у хозяйки, шутившейся и морщившейся отъ пыли.

— У шляпниковъ употребляются онѣ.

— Нездоровое, мнѣ кажется, занятіе?..

— Да... всегда въ горлѣ першитъ... И даже вредно: шкурки ртути обдѣлываются... Дѣтей уже стараемся не пускать сюда...

— Радъ знакомству!—еще разъ прохрипѣлъ Матисъ, когда Пикарь сталъ прощаться.—Новость ваша пріятная, и въ эти выборы мы стоимъ за себя!

Отъ Матиса отправились въ старожилу околотка—ткачу Шираку. Онъ помѣщался въ такихъ же двухъ комнатахъ, только раздѣленныхъ не дерюгою, а дощатою перегородкой, съ прогалиной по срединѣ, вмѣсто дорого стоящей двери. Неподалеку отъ ткацкого станка размѣщалась на полу кухонная посуда, играли, прыгая между нею, котята... Въ одномъ изъ двухъ оконъ не доставало стекла, и его замѣняла промерзшая насквозь парусина... Видно было, что бѣдность и забота свили себѣ тутъ вѣчное гнѣздо, не давая минуты подумать ни о чемъ другомъ...

Мартынъ Ширакъ—благообразный сѣдой, широкоплечій мужчина въ овчинной курткѣ—работалъ за станкомъ. У другой стѣны сидѣла за прялкой близъ окна старшая дочь, необыкновенно миловидная, съ кроткимъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ и чудными золотистыми волосами—какъ Маргарита изъ „Фауста“, только молчаливая, безъ пѣсни, и въ старенькомъ шерстяномъ платкѣ на исхудавшихъ плечахъ... Противъ нея,

горбясь надъ длинными, наклонно поставленными подушками и спустивъ козырькомъ на лобъ головные платки, двѣ такія же милостивныя дѣвочки вышивали по тончайшей сѣтѣ (*réseau*) плотные матовые цвѣточки, создавая драгоцѣнное фландрское кружево *valenciennes*. Жены не было дома—она, какъ и большинство слобожанокъ, работала на фабрикѣ.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей привѣтливо и съ какою-то изысканною простотой, обличавшею въ немъ незауряднаго мастера.

— Это будетъ наша гостиная, — сказалъ онъ, поставивъ стулья на свободномъ мѣстечкѣ, у станка, и отодвинувъ вѣшалку съ безпорядочно накиданнымъ на нее платьемъ и бѣльемъ.

Пикарь бросилъ взглядъ на станокъ съ нѣжною, стройною натянутою основой, на только-что вытканый серебристый вончикъ тончайшаго фландрскаго полотна, не нуждавшагося, казалось, ни въ какой отдѣлкѣ.

— Какъ можетъ держаться въ наше время подобный ручной трудъ! — не могъ не удивиться онъ.

— Держится вотъ... рабочія руки дешевы! — заговорилъ Ширакъ. — Грубыя полотна, какъ упаковочное, на примѣръ, нельзя и работать, при ихъ дешевизнѣ, иначе какъ машинами, особенно съ тѣхъ поръ какъ ввели джутъ; но Фландрія ухитряется и тутъ конкурировать—даже въ Англію поставляетъ ручную дерюгу изъ льняныхъ оческовъ, особый родъ ткачей создала, — *drölowevers* зовутся они у насъ...

— Сколько же получаете вы при вашемъ артистическомъ трудѣ?

— Смотря по заказу... и по хозяину... Самое большее—двѣнадцать франковъ въ недѣлю.

— Такъ мало?!

— Больше вонъ и Матильда не зарабатываетъ! — указалъ онъ на старшую дочь.

— Прижей?..

— Да... Пряжа эта шесть тысячъ франковъ фунтъ стоитъ!

— Фунтъ?! — изумился Пикарь.

— На кружева идетъ она... Въ прежнія времена, когда водились истинныя кружевницы и пряжи-искусницы, была такая пряжа, что за фунтъ десять тысячъ франковъ платили!

— Во всякомъ случаѣ, это—состояніе! — проговорилъ недоумѣвавшій Пикарь.

— Не для насъ только, а для оптовыхъ торговцевъ... На такую пряжу ленъ готовится спеціально и цѣну за него

умѣютъ взять, особенно съ тѣхъ, кто по мелочамъ покупаетъ... Нитка выбѣлиться, отдѣлаться должна, а прямо изъ рукъ пряжи да по граммамъ какимъ-нибудь проданная—бездѣлицу приносить... У каждаго своя специальность... намъ только работа достается...

Пиваръ приблизился къ прялѣ. Матильда протянула ему, улыбаясь, что-то невидимое; онъ подставилъ свой грубый, черный палецъ и едва разглядѣлъ на немъ какую-то паутинку...

— Видите что-нибудь?—сказалъ, подходя, Ширакъ.

— Какъ будто нитка...

— Хорошо и это. А мнѣ всегда кажется, что Матильда такъ просто рукою водить! Пойдетъ она, продастъ, принесетъ деньги—тогда *вижу*, что дѣйствительно пряжа была! Ха-ха-ха!

Лицо Матильды отуманилось трогательною серьезностью.

— Каждые полчаса отдыхать надо: устаютъ глаза,—проговорила она.

— И портятся?

— Да. Не всякая можетъ и прать такую нитку: надо, чтобы очень хорошіе глаза были!

— Работать кружево такъ же трудно?

— О, да! Но тамъ все-таки уворъ... фонъ цвѣтной подкладывается... А тутъ, что воздухъ, что нитка—одно и то же; чутъ не такъ падаетъ свѣтъ—не разглядишь ничего!

Она засмѣялась и граціозно повернула маленькою рукою колесо прялки.

— Теперь раздѣленіе труда вездѣ...—заговорилъ Ширакъ.— Настоящихъ, прежнихъ, работниковъ и работницъ даже у насъ, во Фландріи, мало осталось... А въ Брабантѣ такъ и совсѣмъ нѣтъ! Кружевное мастерство—тоже, что художество, а и въ немъ все на специальности подѣлилось: одна мастерица сѣтки плететъ вотъ изъ этихъ нитокъ; другая только и знаетъ, что цвѣточки на сѣткѣ вышивать; третья ажуръ на цвѣточкахъ дѣлаетъ... Рукъ черезъ двадцать проходитъ работа и собственно о *кружево* ни одна работница понятія не имѣетъ! Потому, не цѣнятся теперь въ коммерціи ни талантъ, ни старательность; къ сѣтху требуется все—ходкое, дюжинное; тѣмъ, что зовется „unique“, „ouvrage soigné“, хоть и не занимайся! Вонъ у меня двѣ настоящія кружевницы, матерью обученныя, а больше специалистовъ какихъ-нибудь не зарабатываютъ. Кому же охота учиться, совершенствоваться, когда все это ни къ чему... Да, ш-г Пиваръ! Отживаетъ наша Фландрія! Все въ центры переходитъ, въ синдикатахъ сосредоточивается... жизнь дорожаетъ, а рабочія руки дешевѣютъ...

— Надо, чтобъ и у васъ синдикаты были!

— Да знаю я, зачѣмъ вы пришли! Ха-ха-ха!—прищурился плутовато Ширакъ.—Слышалъ о васъ: развѣ утаится что въ слободѣ!.. Спали довольно мы, правда... а время вставать все еще не наступило, пожалуй...

— А вы растолкайте товарищей вашихъ!—сказалъ въ тонъ ему Пикаръ.

— Объ этомъ я думаю...—серьезно и нахмурясь, промолвилъ Ширакъ.—Но, собственно говоря, что даетъ намъ депутатство хотя бы такого доброжелателя, какъ Бертранъ?.. Да я понимаю!—согласился онъ, прерывая на полусловѣ хотѣвшаго возразить Пикара.—Это—шагъ! большой шагъ!.. Но и большой журавль въ небѣ!.. Лично я предпочту его, пожалуй, маленькой синичкѣ въ рукахъ, а какъ другимъ втолковать это?.. Намъ надо существенное... кооперація, напимѣръ... Будетъ она, объединятся мысли—депутатъ самъ собою придетъ на умъ...

— Неопровержимая истина!—согласился Пикаръ.—Рабочая партія даже держится коопераціи, какъ лучшаго и естественнаго средства пропаганды. Но, къ сожалѣнію, всегда приходится слышать, что для подачи голоса надо имѣть только языкъ, а на кооперацію—деньги...

— Это еще неопровержимѣе! И я первый отвѣтилъ бы такъ! Но наше положеніе совсѣмъ особенное... Все долго рассказывать, да вы поймете и такъ... Власть въ рукахъ клерикаловъ, у нихъ же и хлѣбопекарни. Truck-system практикуется до такой степени, что мы, рабочіе, не только обязываемся забирать все въ хозяйской лавочкѣ въ счетъ жалованья, но и на покупку того, чего нѣтъ въ лавочкѣ, брать также товаромъ и тутъ же перепродавать его хозяину съ *дисконтомъ* въ 6⁰/о! За хлѣбъ мы платимъ при такихъ условіяхъ чуть не вдвое, и намъ прежде всего нужна кооперативная хлѣбопекарня... А такъ какъ деньги на хлѣбъ находятся, во что бы то ни стало, то, слѣдовательно, найдутся онѣ и тутъ... Главное—вбить мысль, растолковать!.. Дайте конференцію о коопераціи, и на нее явится всякій охотно и безбоязненно... А затѣмъ—кто станетъ сторонникомъ коопераціи, тотъ пойдетъ за вами и въ выборахъ...

Здравая разсудительность Ширака отвѣчала какъ нельзя больше взглядамъ Пикара, успѣвшаго рано пережить свой періодъ слѣпой идейной пылкости. Они протолковали долго и разстались совершенными друзьями.

— Умная голова, не правда ли?—сказалъ Арну, когда они вышли.—И у него правило: никогда не обѣщать многого и

всегда сдѣлать больше... Только для себя вотъ устроилъ все какъ нельзя хуже...

— А что такое?

— Жизнь свою устроилъ такъ... Твацкой фабрикой завѣдывалъ, а когда образовался синдикатъ и свои правила издалъ, то онъ счелъ ихъ притѣснительными для рабочихъ, службу кинулъ — точно безъ него и притѣснять некому!.. Мère Rhine тетью, по матери, доводится ему, можетъ любую графскую ферму чуть не задаромъ доставить, а онъ собственникомъ въ лачужкѣ своей предпочитаетъ оставаться, десятью франками въ недѣлю довольствоваться...

— А вы сколько нажили, закидывая Странгера тухлыми яйцами? — промолвилъ Пикаръ, почесывая переносицу.

— И то правда! — захохоталъ Арну. — Потому-то я и вижу сучець въ глазу ближняго! Ха-ха-ха! Мой отецъ также всю жизнь бился, чтобы собственность удержать, пока долги не пересилили...

— Отчего этотъ злой рокъ надъ собственниками?

— Бѣльмо они на глазу у клерикаловъ!.. Начало самостоятельности, свободомыслія, непослушанія въ нихъ!.. Ну, все и пригоняется къ тому, чтобы покорныхъ фермеровъ разводить! Ха-ха-ха! Глупѣйшее изъ всѣхъ глупыхъ положеній — быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, пускаясь въ путь... а собственники всегда на это и обречены... Капиталовъ у нихъ, обыкновенно, не бываетъ. Приходится въ ипотечный банкъ обращаться, а онъ бюрократизмомъ своимъ и начетами всякими мертвую петлю накидываетъ вмѣсто снабженія дешевымъ кредитомъ... Нотаріусъ, онъ же и ростовщикъ мѣстный, не только безбожными процентами и расходами канцелярскими донимаетъ, но и норовитъ дованать, съѣсть... Такъ весь свой вѣкъ и проводятъ собственники бѣдными и несчастными... Впрочемъ, кто его знаетъ, въ чемъ дѣйствительное-то счастье! — зафилософствовалъ онъ вдругъ. — Купцы да фабриканты вонъ богато, въ почетѣ живутъ, а только и знаютъ, что плачутся то на одно, то на другое, медвѣдями смотреть... Въ слободѣ же у насъ, при горѣ да бѣдности, веселье не переводится, никто не косится ни на кого... А дѣтей у каждаго столько, что просто удивительно даже!.. Сюда вотъ теперь, къ старику Вольдеру!

Онъ подхватилъ Пикара подъ руку и потянулъ вслѣдъ за собою въ щелку между домами, носившую названіе переулка.

„Домъ“ Вольдера былъ большой, отличнѣйшій баракъ, хозяйственно сколоченный изъ старыхъ досокъ и покрытый, вмѣсто

слишкомъ тяжелой для него черепицы, кажимъ-то нововобрѣтеннымъ „несгораемымъ“ картономъ. По „фасаду“ онъ имѣлъ два окна, съвозъ пузыристыя стекла, которыхъ претенціозно глядѣли кисейныя занавѣски, перехваченныя цвѣтными ленточками. Прибитый надъ входомъ большой деревянный башмакъ свидѣтельствовалъ о специальности хозяина. Убранство внутри исчерпывалось тѣми же, видѣвшимися съ улицы занавѣсками, если не считать красныхъ трафаретныхъ разводовъ на вымазанныхъ известкой стѣнахъ... Мебель составляли скамьи. На нихъ размѣщалось вокругъ хозяина человекъ десять рабочихъ. Печь не топилась, и въ комнатѣ было холодно, чѣмъ на улицѣ,—что казалось, подбадривало рабочихъ, точно торопившихся перегонять другъ друга... Одни изъ нихъ быстро и искусно выдалбливали внутри деревянные обрубки; другіе придавали этимъ выдолбленнымъ обрубкамъ правильную форму башмаковъ; мальчижъ лѣтъ восьми сглаживалъ кусочками стекла неровности на готовыхъ уже башмакахъ и перебрасывалъ ихъ полировщику...

Цока Арну шептался конфиденціально въ уголку съ хозяиномъ, посвящая его въ цѣль визита, заинтересовавшійся Пиваръ присматривался внимательно къ работѣ, стоя у притолоки и покуривая папироску.

— Ваше ремесло, кажется, не изъ трудныхъ?—замѣтилъ онъ Вольдеру, когда они разговорились.

— Ничего... не жалуемся...—отвѣтилъ тотъ, трепанувъ свою сѣдую лохматую бороду, и засмѣялся. — Только такъ ужъ ведется, что разъ ремесло—хоть бы плясать или пѣсни пѣть,—то и трудиться надо до упаду!

— Но при вашемъ дѣлѣ...

— То же самое! Видите, вонъ, какъ просто и легко деревяшки выдалбливать? А для этого навыкъ, искусство, особый природный талантъ надобны! Безъ нихъ гроша не стоитъ рабочій! И въ сорокъ лѣтъ такой искусникъ—уже лошадь разбитая, калѣка: ни силы, ни вѣрности въ рукахъ... У прочихъ, дѣйствительно, дѣло не трудное, но чтобы заработать обычные 10 фр. въ недѣлю, они должны сидѣть не разгибаясь съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера...

— Низка цѣна на башмаки?

— Въ нашемъ дѣлѣ цѣна ничего не значитъ! Лѣсъ дорогъ—онъ добираетъ насъ! Поднимется цѣна на башмаки,—здорожаетъ и лѣсъ... Такъ пригнано все владѣльцами! И дерево купи непременно на корню: гнило оно внутри или еще почему негодно — твой рискъ! Кредиту никакого! Отдавайся въ руки

ростовщику, а то и того хуже — нотариусу... И хозяйская нажива въ нашемъ дѣлѣ не какъ вездѣ: мы трудимся одинаково съ рабочими, одинаково зарабатываемъ. Мой лишекъ — только процентъ на капиталъ...

— Какъ велико башмачное дѣло вообще?

— Да всего, собственно на восточную Фландрію, работаетъ около пяти тысячъ человекъ.

— Отчего вы не соединитесь, не устроите покупку лѣса оптомъ — цѣлою рощей, на года?

— Знать, время еще не пришло, — засмѣялся Вольдеръ. — Да и трудно это: тѣ, кто работаютъ въ городахъ, тѣ, пожалуй, не прочь будутъ, а деревенскіе рабочіе — тупой, темный народъ, всѣ — въ рукахъ у клерикаловъ... Даже наши слободы нельзя согласить: у фермеровъ все по контракту, лѣсъ для чего бы то ни было должны они покупать обязательно графскій...

— Чтѣ ты тамъ про фермеровъ толкуешь!.. — раздался изъ угла дрожащій старческій голосъ. И на кровати, изъ-подъ груди разнаго платья, поднялъ голову чуть не столѣтній отецъ Вольдера. — Всѣ они дрянъ, эти фермеры! — заговорилъ онъ, мигая красными, больными вѣками. — Они только бѣлятъ снаружи каждую субботу дома свои, потому что такъ контракты ведутъ — чтобъ показать, какъ хорошо живетъ фермерамъ!.. Это всѣ знаютъ!.. Они и думать-то разучились совсѣмъ, а говорятъ только то, чтѣ приказано!.. Мы настоящее, фламандское, свиное сало ѣдимъ, а у нихъ даже и по праздникамъ американское, ничего не стоющее!.. Знаю я этихъ фермеровъ твоихъ!.. Ты еще ходить не умѣлъ, когда я съ графомъ разговаривалъ... не съ этимъ, съ прежнимъ, — къ нему принцы ѣздили... да!.. Я съ отцомъ и въ Брюсселѣ на конгрессѣ былъ... Вся Фландрія поднялась тогда... волонтеры блузы носили... ¹⁾

На него никто не обратилъ вниманія. Онъ опустилъ голову, бормоча что-то самъ съ собою, и медленно, точно черепаха въ скорлупу, втянулъ ее подъ одѣяло.

Разговоръ перешелъ между тѣмъ на выборы. Вольдеръ охотно общалъ „un bon coup de main“ по поддержкѣ Бертрана, „исторію“ котораго онъ тутъ же рассказалъ Пикару, зная ее во всѣхъ подробностяхъ и называя „шербекскимъ землетрясеніемъ“...

— Десятокъ-другой голосовъ наберемъ среди башмачниковъ! — прибавилъ онъ. — А большинство любить тишь да гладь, вѣ-

¹⁾ Независимость Бельгіи провозглашена въ 1830 г., на конгрессѣ сословій, въ Брюсселѣ.

рить въ истину, что „миръ былъ таинмъ, таковымъ и останется“... При успѣхѣ они пристанутъ къ намъ—это вѣрно! Но пока что — оставимъ ихъ въ покоѣ... Важно, что ледъ двинулся; что Странгеръ перестаетъ быть свѣтомъ въ окошкѣ!..

Товарищи побывали еще въ нѣсколькихъ домахъ—у „портныхъ“, отроду не бравшихъ ножницъ въ руки, шившихъ на магазины скроенное и сметанное, у „скульпторовъ“, дѣлавшихъ болванки подъ парики для парикмахерскихъ выставокъ. Въ одномъ домикѣ съ артастически изображенною сѣяющею палитрой надъ окнами и съ надписью, что здѣсь изготовляютъ „художественныя вывѣски“, дверь отворила голая до плеча женская рука, такъ какъ обладательница ея осталась невидимой, скрывшись мгновенно куда-то. Изъ комнаты, съ шумомъ и пискомъ, захватывая кто платье, кто игрушки, бросилась за перегородку цѣлая орава дѣтей...

— А, дружище Арну! — раздался изъ-за перегородки голосъ хозяина, пользовавшагося, очевидно, щелкой.—Сію минуту!

Вошелъ лысенькій, красноватый мужчина въ черной коленкоровой блузѣ, уже успѣвшій замѣтно подвыпить.

Онъ рѣдко пожалъ руки гостямъ, выслушалъ съ хмурою серьезностью, въ чемъ дѣло, и сказалъ Арну, какъ бы въ отвѣтъ:

— Табакъ есть у васъ?

Арну, не взявшій съ собою запаса, хлопнулъ себя по карману и извинился. Пикарь раскрылъ свою папиросницу.

— Нѣтъ... табуку, собственно... — промолвилъ упавшимъ голосомъ хозяинъ, и тутъ же нашелся: разорвавъ нѣсколько папиросокъ, онъ набилъ ими трубку и отчаянно задымилъ.

Онъ сообщилъ, что курить обыкновенно голландскій кнастеръ, въ которому привыкъ, учась „живописи“ въ Амстердамѣ; что въ Шербекѣ не существуетъ магазина, который не былъ бы обязанъ успѣхомъ его искусству „выразить“ вывѣску; что графа Ниссена онъ рѣшительно не боится, и потому смѣло вручаетъ свой голосъ Пикару...

— Мое желаніе всегда было—въ Брюсселѣ жить, тамъ работать, да вотъ семья...—уныло заключилъ онъ.

XI.

Близился уже полдень.

Остановившись на улицѣ предъ небольшимъ двухъ-этажнымъ домомъ, свѣже-выбѣленнымъ и сверкавшимъ въ лучахъ высоко

поднявшагося солнца, Арну одернулъ свой сольфериновый вестонъ, поправилъ воротнички.

— М-г Жоржъ живеть здѣсь, человекъ съ капиталомъ и уважаемый...—обратился онъ къ Пикару. — Во Фландріи, какъ вы знаете, кустари есть по части мелкихъ глиняныхъ издѣлій; занимаются этимъ и въ слободѣ у насъ... Поддержка не малая для семей, но всему мѣшала трудность сбыта... скупщики такъ сбивали цѣны, что приходилось отдавать чуть не задаромъ... М-г Жоржъ организовалъ это дѣло, открылъ контору въ Брюсселѣ, посредникомъ сталъ... Отъ политики сторонится онъ, но теперъ... въ подобномъ случаѣ... Словомъ, увидимъ!

Онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Отворившая дверь горничная въ бѣломъ чепчикѣ провела ихъ въ прилично обставленное бюро. На встрѣчу поднялся изъ-за письменнаго стола м-г Жоржъ — хорошо одѣтый толстякъ небольшого роста и съ мягкими манерами.

Арну произнесъ вудреватое вступленіе и отрекомендовалъ товарища.

— Пора, пора шевельнуться Шербеку... Давно пора! — заговорилъ хозяинъ, усадивъ гостей въ кресла предъ письменнымъ столомъ и занявъ свое мѣсто. — И я подамъ голосъ за м-г Бертрана... Непремѣнно подамъ! Что до прочаго, то я одобряю или бракую издѣлія работающихъ для меня, но въ ихъ совѣсть, въ политическіе взгляды не вмѣшиваюсь... не понимаю такого вмѣшательства!..

— Объ этомъ я не смѣлъ бы и просить васъ... — конфузливо проговорилъ Пикаръ. — Подобные приемы — не въ правилахъ рабочей партіи...

— Ахъ, нѣтъ!.. зачѣмъ вы... — ласково перебилъ его м-г Жоржъ, скалывая въ то же время булавкой листки фактуръ. — Я имѣю въ виду шербекскіе приемы... и хотѣлъ сказать, что вы свободны въ вашихъ сношеніяхъ съ работающими для меня... На мой взглядъ, всякая борьба тогда лишь законна, когда шпаги противниковъ равны... И потому въ дѣлѣ совѣсти даже совѣтъ хозяина подвластному рабочему — неумѣстенъ!.. Грустно становится при одной мысли, что въ наше время какое-то постыдное „давленіе“ можетъ гнѣздиться въ нравахъ... находить себѣ мѣсто въ числѣ пастырскихъ и политическихъ приемовъ!.. Въ орудіе политики берется макиавелизмъ, какъ залогъ всякихъ успѣховъ, а между тѣмъ онъ-то именно и приводитъ къ разрушенію — оттапливаетъ отъ политики лучшія силы страны, порождаетъ индифферентность, извращаетъ въ средѣ дѣятелей самые высокіе умы,

принуждая ихъ уходить не въ область мысли, а лишь въ острую способность препираться съ ложью и хитроплетеніями... Участіе въ политикѣ стало синонимомъ купанья въ грязи... И я не участвовалъ, не купался... бюллетень мой опускалъ въ урну пустымъ! Теперь я напишу на немъ имя!.. И думаю, что влери-калы своею реакціонностью и грубою партійностью оттолкнули не меня одного!.. Но довольно объ атомъ! — воскликнулъ онъ, поднимаясь и принимая веселый видъ. — Хотите взглянуть на мой музей?

Онъ отворилъ боковую дверь и пропустилъ предъ собою гостей въ обширную, свѣтлую комнату.

На пирамидально высившихся полкахъ и въ этажеркахъ размѣщались всевозможные образцы фландрскихъ глиняныхъ издѣлій — *poteries flamandes*, такъ раскупаемыхъ въ брюссельскихъ магазинахъ иностранцами. Зеленѣли обливные, старинныхъ и новыхъ фасоновъ, фламандскіе кувшины, вазы, подсвѣчники, канделябры; гнѣздились вучками флакончики, пепельницы, чудныя разнообразныя бездѣлушки, привлекавшія вкусомъ и изяществомъ; удивляли совершенствомъ подражанія этрусскія древнія вещицы.

— Со всей Фландріи собрано! — сталъ говорить съ гордостью хозяинъ, любясь, показывая, объясняя. — Одинъ образецъ здѣсь, другой — подъ тѣмъ же номеромъ — у кустарей. Сегодня заказъ, а завтра ужъ работаютъ. Вездѣ альбомы рисунковъ съ руководствомъ по археологіи, по стилю. Поставленный на правильную дорогу, свободный отъ мертвящаго раздѣленія труда, кустарь совершенствуется, превращается, при способностяхъ, въ истиннаго художника... Не одинъ примѣръ у меня!..

XII.

Визитъ къ м-гу Жоржу былъ послѣднимъ.

Для Пикара знакомство съ шербекскою дѣйствительностью являлось интереснымъ помимо выборовъ. Онъ задумчиво шелъ рядомъ съ товарищемъ, перебирая въ мысляхъ видѣнное и слышанное... Странная, безсвязная рѣчь стараго Вольдера, живого свидѣтеля славныхъ дней народженія свободной, независимой Бельгіи, перенесла его въ Брюссель — къ „Колоннѣ конгресса“, сторожащей своими художественными аллегоріями добытую свободу совѣсти, образованія, печати, ассоціацій... къ тихой, элегической „Площади мучениковъ“ съ ея гигантскимъ свлецомъ, въ которомъ спитъ среди павшихъ героевъ 1830 г. солдатъ-

поэтъ, авторъ „Брабансонны“, обратившейся въ „Марсельезу“ бельгийцевъ...

Погруженный въ роившіяся мысли, Пикарь сталъ насвистывать припѣвъ:

„La mitraille a brisé l'orange
Sur l'arbre de la liberté...“¹⁾

— Не часто слышится это въ Шербекѣ! — раздался голосъ Арну. — Ширака дочь, Матильда, хорошо поетъ ее... Такъ и хватаетъ за сердце!.. Случилось, въ „потерянный понедѣльникъ“ зашла она у меня въ эстаминэ — вся публика разомъ такъ и подхватила за ней! Всю ночь потомъ не смолкала по Шербеку „Брабансонна“...

Это дало новый оборотъ мыслямъ Пикара.

„Потеряннымъ понедѣлникомъ“ зовется традиціонный второй понедѣльникъ января. Празднованіе его обратилось у бельгийцевъ въ національный обычай, и слово „потерянный“ оправдывается вполне... Въ этотъ день пивовары и водочники потчуютъ въ своихъ безчисленныхъ распивочныхъ заведеніяхъ *даромъ* всѣхъ завсегдатаевъ; всякія работы, даже домашнія, прекращаются; соблазненный приманкою народъ странствуетъ цѣлыми семьями, съ пляской и пѣснями, весь день и всю ночь по заведеніямъ, выпивая рюмку даромъ, а десять — за деньги и прокучивая больше, чѣмъ за цѣлую недѣлю.

— Развѣ въ слободѣ держится этотъ обычай? — спросилъ Пикарь.

— А почему бы нѣтъ?

— Да ужъ слишкомъ все обездолено въ ней...

— Молоды вы, товарищ! — произнесъ покровительственно Арну. — Я тоже такъ смотрѣлъ на вопросъ, пока не сталъ ближе къ питейному дѣлу... Оказывается — чѣмъ бѣднѣе и несчастнѣе народъ, тѣмъ больше онъ пропиваетъ... Святая истина, товарищ! И клерикалы вѣрують въ нее — распложаютъ заведенія именно въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ...

Сіявшее на сѣро-голубомъ небѣ яркое полуденное солнце такъ и било въ уставленные бутылками окна эстаминэ, когда подошли товарищи. Анна, уже накормившая дѣтей, накрывала на столъ — тутъ же, за стойкой, чтобы служить одновременно публикѣ. Къ обычнымъ блюдамъ — постной похлебкѣ изъ кореньевъ съ лукомъ и жареному въ салтѣ картофелю — была при-

¹⁾ Намекъ на Вильгельма I Оранскаго (d'Orange), изъ подъ власти котораго видѣлась въ 1830 г. Бельгія.

бавлена, ради гости, кислая вареная капуста съ тонкими какъ кружево ломтиками копченаго свиного бока.

— Вотъ и поѣдимъ! — весело воскликнулъ Арну, потирая руки. — Не роскошный столъ, да съ насъ довольно! Во всей Фландріи говядину ѣдятъ только благополучные буржуа — *dat zijn al folle burgers*, какъ говорятъ фламандцы! Ха-ха-ха!

ХІІІ.

Вообще, люди склонны преувеличивать свои бѣды, но бываютъ и такіе, которые преувеличиваютъ степень благополучія, идеализируютъ самую очевидную безвыходность... Къ этому послѣднему виду принадлежалъ Эжень Арну. Безсознательно повинаясь жившему въ немъ врожденному благодущію, онъ всегда оцѣнивалъ свое положеніе по сравненію не съ лучшимъ, а съ худшимъ; претерпѣвая всякія не разлучавшіяся съ нимъ невзгоды, утѣшался философски разсужденіемъ, что „могло быть и хуже“...

Принужденный послѣ смерти отца оставить, за неимѣніемъ средствъ, техническую школу въ Гентѣ, онъ благодушно принялся за трудъ, удовольствовавшись положеніемъ простаго рабочаго, применивъ къ начавшемуся социалистическому движенію. Переживъ затѣмъ многое, въ томъ числѣ и извѣстныя уже шербежскія неудачи, онъ благодушно жался теперь съ семьей въ эстаминэ, трудясь изъ послѣднихъ силъ, выискивая средства сводить концы съ концами. Богатый и сильный, охватившій всю Бельгію, союзъ пивоваровъ и водочниковъ давно выработалъ свои неизмѣнныя правила по торговлѣ, создалъ новый классъ ловкихъ, свободныхъ отъ всякой морали, подотчетныхъ сидѣльцевъ. Доставлявшіяся изъ склада въ эстаминэ боченки пива содержали вымѣренное количество кружекъ, включая „фальшивый воротничокъ“ — пѣну на добрыхъ три пальца. Можжевеловая вода — *hasselt*, отъ имени города въ провинціи Лимбургъ, гдѣ производятся ея высшіе сорта, — вычислялась, какъ и другіе крѣпкіе напитки, по рюмкамъ съ математическою точностью. Чтобъ избѣжать недочета и прибавить что-нибудь къ нищенскому, всячески урѣзанному комиссіонному проценту, сидѣлецъ обзывался „умѣть“ наливать публикѣ. Совѣстливый Арну чуждался такого умѣнья. Раскинувъ умомъ, онъ завелъ тройку отличныхъ собакъ и сталъ зашибать копѣйку, исполняя для слободы комиссіи на желѣзнодорожной станціи. Анна, не зная, что дѣлать съ постоянно просившими ѣсть тремя мальчиками и двумя дѣвочками,

рѣшилась заглушить въ себѣ материнское чувство и отдала дѣвочекъ монахинямъ, въ школу кружевницъ, — гдѣ онѣ и начали съ первыхъ же дней худѣть и чахнуть...

Все это было очень далеко даже отъ намека на благополучіе, но Арну не унывалъ, продолжалъ хохотать благодушно и даже нашелъ возможность проявить чисто юношескій пылъ, вмѣшавшись въ выборы.

Сидя, послѣ обѣда, на верху, въ комнаткѣ Пикара, Арну говорилъ:

— ...Ваше время уже новое... вы застали въ Гентѣ совсѣмъ готовую рабочую группу, и недоставало только формальной организаціи... Нѣтъ, поработали бы вы раньше!.. При васъ противникъ обозначился уже. вы правильную борьбу вели съ нимъ, а въ мое время клерикалы только злобствовали мальчишески!.. Не успѣешь афишу о митингѣ наклеить, какъ уже отрядъ семинаристовъ, подъ командой кюрэ, закидываетъ ее чернильницами, какъ камнями, и на стѣнѣ сплошное черное болото получается! Соберутся социалисты въ кафѣ — клерикалы травлю на нихъ устраиваютъ!.. Самое слово: „социалистъ“ руганью было!.. Съ газетой социалистической разносчикъ въ Гентѣ показаться не смѣлъ!..

— А какъ вы полагаете, товарищъ? — сказалъ Пикаръ. — Пока приблизится выборная горячка, пока организуется агитація, — не начать ли распространять въ Шербекѣ газеты наши? Душеспасительные клерикальные листки сами по себѣ, а почитать, узнать, что дѣлается на свѣтѣ, что говорится въ парламентѣ, должны найтись охотники...

Исхудавшая фигура Арну поникла задумчиво.

— Трудно это... — отвѣтилъ онъ потомъ.

— Почему трудно?

— Кому охота таскаться даромъ, да еще кланяться, чтобъ даровую газету взяли...

— Зачѣмъ даровую!

— Такъ всегда дѣлалось. Въ этомъ и пропаганда...

— О, нѣтъ! Рабочая партія давно убѣдилась, что даровое распространеніе не пѣнится, даже не внушаетъ довѣрія... Словомъ, смысла не имѣетъ! Самый бѣдный крестьянинъ охотнѣе потратится на газету или брошюру, нежели обратитъ вниманіе на даровое...

— Кто же занимается теперь изданіемъ?

— Рабочая партія, какъ и прежде. Особый фондъ существуетъ для этого — „Denier de propagande“ и при всякой ра-

бочей федераціи свой комитетъ прессы есть. Большія газеты — официальные органы партіи — „Le Peuple“, „L'Echo du Peuple“, „Le Laboureur“ — на французскомъ языкѣ, „Vooguit“ — на фламандскомъ, „De Werker“ — на французскомъ и фламандскомъ — продаются по пяти сантимовъ. А собственно для провинціальной пропаганды издаются маленькія газеты въ одинъ центъ... ¹⁾

— Съ убыткомъ, значить?

— Нѣтъ, все окупается. Иногда случается у какого-нибудь изданія недочетъ, и его поддерживаетъ корпорація „Vooguit“, но въ общемъ убытка не бываетъ. И я такъ соображаю: въ Шербекѣ, даже на первыхъ порахъ, сотня-другая номеровъ должна расходиться, а мальчики ваши не дѣлаютъ пока ничего; побѣгать день и заработать, мнѣ кажется, было бы на руку имъ.

— Это чтѣ и говорить! Но сколько же можетъ достаться разносчику, если газета стѣитъ всего одинъ центъ?

— Не мало. Разносчикъ получаетъ у насъ ровно половину — сантимъ съ номера. При этомъ — такъ какъ терять время обязанъ каждый, а успѣхъ не всегда и не у всякаго бываетъ одинаковъ — ставится правиломъ, чтобы заработокъ поступалъ въ общую кассу и дѣлился потомъ поровну. Въ Нельдекѣ, напримеръ, меньше франка въ день разносчикъ не получаетъ.

— А вѣдь это дѣло, товарищъ! — воскликнулъ Арну, пристукивая рукой по столу. — Мои же малыши именно ногами и могутъ взять: на цѣпи не удержишь ихъ дома! Ха-ха-ха!

— Для начала ограничимся одной воскресной газетой. Я напишу въ Гентъ, чтобы выслали вамъ триста номеровъ.

— Идетъ!

— Надѣюсь, что малыши не будутъ въ убыткѣ!

— Пожалуй, что такъ! А буря-то, буря какая поднимется! Соціалистическія газеты въ Шербекѣ! А?

— И въ газетахъ статьи о шербекскихъ выборахъ!

Арну схватился за животъ и согнулся вдвое на стульчикѣ.

— Я это совсѣмъ изъ виду упустилъ! — проговорилъ онъ, нахохотавшись до судорогъ.

XIV.

Наступила суббота.

Для полученія газеты слѣдовало отправиться на желѣзно-

¹⁾ Удержавшееся голландское названіе мѣдной монетки въ два сантима.

дорожную станцію — къ раннему поѣзду, развозящему утреннія гентскія изданія.

Пикарь всталъ, когда было совсѣмъ еще темно. Одѣваясь, онъ услышалъ, какъ суетившійся уже Арну крикнулъ своему старшему сыну, Георгу: — „Иди, закладывай!“ — Внизу Арну встрѣтилъ товарища, одѣтый по дорожному — въ высокихъ сапогахъ и въ пальто съ бараньимъ воротникомъ. У эстамина стояла подъ надзоромъ Георга, державшаго возжи, низенькая телѣжка длиною въ метръ, запряженная тройкою собакъ въ наборныхъ хомутахъ. Темно-сѣрая, привемистая и съ большими головами, собаки были невелики ростомъ, но широко-сложенны, мускулисты. Онѣ оглушительно лаяли — отрывисто, въ перегичку — и скребли мерзлую землю толстыми, короткими лапами, порывались грызться и съ досадою трясли мѣшавшими имъ ременными намордниками.

Товарищи помѣстились на устроенной поперекъ телѣжки доскѣ, изображавшей сидѣнье, при чемъ колѣнки у длинноногаго Арну пришли совсѣмъ въ уровень съ подбородкомъ. Собаки бросились впередъ и понеслись по обледѣлому узенькому шоссе. Надо было имѣть навыкъ и не мало ловкости, чтобы держаться на вертѣвшейся и подскакивавшей телѣжкѣ. Пикарь поминутно хватался за товарища, боясь свалиться. Привычный Арну держался вѣрно, балансируя длиннымъ туловищемъ, и умѣло правилъ своеобразными, совсѣмъ коротенькими возжами, привязанными къ хомуту коренника.

На востокѣ блѣдный разсвѣтъ боролся съ рѣдѣвшимъ сумракомъ и зажигалъ разноцвѣтными огнями крупную, яркую зарницу — Венеру. Вокругъ, разбросанныя тамъ и сямъ по равнинѣ, выдавались темными черепичными крышами кучки едва примѣтныхъ бѣленькихъ домиковъ, угрюмо выступали на горизонтѣ зубцы оголенныхъ лѣсовъ... Все сливалось въ сѣренькую, непривѣтливую картинку... непривѣтливо глядѣла тусклая, безцвѣтная даль... непривѣтливо налеталъ утренній вѣтерокъ, взметая мерзлую пыль на оголенномъ мѣстами шоссе и пронизывая сѣдковъ...

— Отчего такъ не дружны собаки ваши — все грызутся! — проговорилъ Пикарь.

— Грызутся? — повернулся къ нему Арну. — Нѣтъ, это онѣ порядокъ блюдутъ.

— Какой порядокъ?

— Чтобы каждая дѣлала свое дѣло, не фальшивила... Вонъ, видите?.. На коренника кинулась лѣвая пристяжная, и онъ не

огрызнулся, пощель только ровнѣе... А давеча онъ ее училъ... Всегда такъ у нихъ: сейчасъ замѣтять другъ за дружкой недолжное, и не удастся проучить въ дорогѣ, такъ дома потомъ вцѣпится правая въ виноватую, а та только хвостъ подождетъ!.. Ха, ха, ха! Куда умнѣ лошади собака! Лошадь только *блужитъ* и тащить, что прицѣпили къ ней, а собака *везетъ*, понимаетъ, что дѣлаетъ...

На дорогѣ показалась уцѣлѣвшая полоска снѣгу. Собаки круто повернули, объѣзжая ее, и чуть не опрокинули телѣжку.

Арну разразился хохотомъ.

— Ну, посмотрите! — воскликнулъ онъ. — Сдѣлаетъ ли это лошадь! Знаютъ, что по снѣгу труднѣ везти, и вотъ повернули! А стѣдуетъ повстрѣчать собаку безъ запряжки, всѣ сейчасъ такъ и оцетинятся, точно сказать хотятъ: — „Дармоѣдка, молю, ты, не дѣлаешь ничего!“ — Ха-ха-ха!

Пикару знакома была эта повсемѣстная безпричинная ненависть рабочихъ собакъ къ празднымъ, но подобный выводъ не приходилъ ему на умъ, и онъ тоже расхохотался.

На станціи толпилось десятка два разносчиковъ изъ округи, явившихся за своими тюками газетъ. Клерикальные, набираемые изъ числа богадѣленныхъ кандидатовъ, представляли собою типичную коллекцію старухъ, стариковъ и калѣкъ; социалистическіе были все народъ молодой, здоровый и отличались, какъ мужчины, такъ и женщины, красными ярлыками на фуражкахъ и повязкахъ, съ вышитымъ мишурой названіемъ газеты или кооперации „Vooguit“. Такіе ярлыки пришли съ тюкомъ и для малышей Арну. На нихъ красовалось названіе воскресной кружковой газетки „Заря“.

Тюкъ былъ объемистый и вѣсилъ не мало. Товарищи принялись устроить его поудобнѣ въ телѣжкѣ. Собаки лежали, высунувъ красные языки и проворно дыша. Ихъ одинаковая поза — въ растяжку и слегка набокъ, раскинутыя свободно лапы, — все показывало, что онѣ имѣютъ свою опредѣленную манеру отдыхать.

— Довезутъ ли онѣ? — усомнился Пикаръ.

— Ого! Еще лучше побѣжатъ домой-то! — отвѣтилъ Арну. — Я не по стольку вожу отсюда въ наши лавочки!

Когда все было готово и товарищи усѣлись, Арну крикнулъ на собакъ. Тѣ поднялись, огрызнулись другъ на дружку, потомъ оглянулись на хозяина и съ лаемъ понеслись по шоссе...

XV.

Давно уже разсвѣло, и Шербекъ оглашался нестройнымъ гуломъ колокола, точно рыдавшего подъ невѣрными ударами била, когда товарищи вернулись со станціи. Въ эстаминѣ встрѣтила ихъ Анна, въ черномъ люстриновомъ платьѣ и съ истрепаннымъ молитвенникомъ въ рукахъ, отправлявшаяся къ обѣднѣ. Публики только и было, что мѣстный вексельный маклеръ да жертва его — престарѣлый, унылый собственникъ, сводившіе полушопотомъ расчеты и имѣвшіе предъ собой спрошенные ради порядка стаканчики пива.

Тюкъ помѣстили въ слѣдующей, свободной комнатѣ. Пикарь торжественно надѣлилъ новопеченныхъ разносчиковъ красными ярлыками, затѣмъ принялся преподавать имъ искусство складыванія газеты. Малышей занимали больше всего ярлыки, сверкавшіе блѣстками и мишурой. Они, споря и шума, приладили ихъ тутъ же къ фуражкамъ, въ которыхъ такъ и остались, восхищенные новинкой. Это, впрочемъ, не помѣшало дѣлу. Распакованный тюкъ былъ живо расторопшенъ и началось складываніе... Вопреки ожиданію, всѣхъ перегналъ младшій, Карель, приспособившійся сразу превращать листы быстро и ловко въ правильныя, плотно-сжатые четвертки. Это подзадорило старшаго, Георга, и онъ скоро преуспѣлъ настолько, что сталъ давать уроки среднему, Гендрику...

— Теперь, вотъ вамъ правила! Зарубите ихъ на носахъ у себя и ни подъ какимъ видомъ не нарушайте! — началъ Пикарь, когда новобранцы выстроились предъ нимъ, каждый со своею пачкой въ лѣвой рукѣ. — Предлагайте всегда такъ: „Не угодно газету? — Geen Gazetje?“ — и отнюдь не приставайте! Не покупаютъ въ какомъ-нибудь домѣ или кафѣ — не отчаивайтесь, идите снова и снова туда. Станутъ бранить васъ, гнать — не обижайтесь, не обращайтесь вниманія, приходите опять и опять...

— Станутъ бить — кричите: „вараулъ!“ — вставилъ въ тонъ ему Арну и захохоталъ.

— Авось не дойдетъ до этого!

— Всякое бываетъ! Встрѣчали и камнями социалистовъ!

— Въ глухихъ клерикальныхъ деревняхъ! А кончалось все-таки побѣдой: враги превращались въ друзей, присоединялись къ коопераціи...

— Не равенъ и городъ! — возразилъ Арну. — По ту сторону Шельды, въ одномъ кафѣ городскіе клерикалы при мнѣ у раз-

носива на рукѣ газеты спичкой подожгли! — Философская полоса снова набѣжала на него, и онъ продолжалъ:—Вообще,—принимая въ расчетъ прогрессъ, науку и всякія промышленныя да техническія совершенства,—городъ, конечно, придется признать центромъ цивилизаціи... А примѣнительно вотъ къ подобнымъ случаямъ... къ столкновениямъ на почвѣ осуществленія идей... деревня будетъ много предпочтительнѣе!.. Деревенскій невѣжда образумиться можетъ или просто понять, что новаторы не вреда желаютъ ему... А что подѣлаете вы съ ловкимъ городскимъ клерикаломъ, который обученъ, воспитанъ даже и служить невѣжеству, прикрывается шкурой овечьей умышленно—потому что оно выгодно для него?.. Походилъ я по этой дорожкѣ, товарищъ, знаю!

— Вы правы!—согласился Пиваръ.—Но наука и прогрессъ, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ свое дѣло, а потому будемъ надѣяться на лучшее!... Давайте, отмѣтимъ разностикамъ болѣе демократическія мѣста..

— Это успѣется! А теперь, — глянулъ Арну на малышей, стоявшихъ рядкомъ съ комическою важностью на лицахъ:—маршъ на паперть! Кончатся обѣдня—предлагайте всѣмъ выходящимъ!

Удостоверясь отеческимъ глазомъ черезъ окно, что мальчики не кинулись въ перегонку по улицѣ, какъ всегда, а пошли чинно, помахивая пачками и поглядывая другъ другу на фуражки, онъ прошелся по комнатамъ, потеръ съ видимымъ удовольствіемъ руки и сказалъ:

— Теперь идемте, товарищъ, и займемъ наблюдательный постъ!

— А какъ же эстаминэ?

— Запремъ: у Анны свой ключъ отъ задней двери, а публика только послѣ обѣдни появится.

Товарищи заперли наружную дверь на крюкъ изнутри, одѣлись по воскресному, какъ требовалось общимъ правиломъ, и отправились въ центръ, къ церкви св. Маріи. Тамъ, подъ аркадами древняго пушварнаго двора, они облюбовали эстаминэ, приходившееся какъ разъ противъ церковнаго входа, и усѣлись за столикомъ, предъ полукруглымъ широкимъ окномъ.

Н. СѢВЕРОВЪ.

ЖЕНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТЪ

и

ЖЕНСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕЖЪ.

I.

Въ ноябрѣ прошедшаго года состоялся *первый* выпускъ слушательницъ „Женскаго медицинскаго института“.

По поводу этого памятнаго событія въ дѣлѣ развитія спеціальнаго женскаго образованія въ Россіи, необходимо вспомнить предшествовавшіе и положившіе начало нынѣшнему институту прежніе „Женскіе врачебные курсы“.

Они были открыты въ ноябрѣ 1872 года, слишкѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ, при императорской медико-хирургической академіи, и первоначально именовались: „Курсами для образованія ученыхъ акушеровъ“.

Курсъ обученія на нихъ сначала предполагался четырехлѣтній. Затѣмъ, въ 1876 году, при переходѣ курсовъ въ Николаевскій военный госпиталь, былъ прибавленъ еще одинъ годъ, курсы сдѣлались пятилѣтними и были переименованы въ „Женскіе врачебные курсы“.

Моменту открытія этихъ курсовъ предшествовалъ, впрочемъ, длинный періодъ подготовительныхъ работъ. Стремленіе русскихъ женщинъ учиться рѣзко обнаружилось еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ самомъ началѣ 1861 года появились просьбы о допущеніи женщины слушать курсъ на одномъ изъ нашихъ медицинскихъ факультетовъ для пріобрѣтенія лекарскаго званія. Мѣстное начальство не разрѣшило этой просьбы, по неимѣнію на то положительнаго закона, но представило ее на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія.

Послѣдній также затруднился непосредственно рѣшить дѣло по той же причинѣ, но не захотѣлъ и отвергнуть этой просьбы безъ предварительнаго обсуждения и предположилъ собрать мнѣнія компетентныхъ лицъ и учреждений. Медицинскій совѣтъ призналъ (въ маѣ 1861 г.), что онъ не встрѣчаетъ препятствій къ допущенію просительницъ слушать медицинскія лекціи для полученія ученой степени, при соблюденіи всѣхъ прочихъ правилъ, установленныхъ на тотъ же предметъ.

Четыре университета сочли справедливымъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ медицинскаго совѣта.

Между тѣмъ стали поступать все новыя и новыя просьбы отъ женщинъ о допущеніи ихъ въ изученію медицины; одновременно поступали отъ нихъ ходатайства о дозволеніи имъ слушать лекціи въ университетахъ и на другихъ факультетахъ.

Пока въ совѣтахъ университетовъ разсматривались эти прошенія и обсуждался вопросъ, какъ съ ними поступать, нѣкоторыя женщины появились въ аудиторіяхъ медико-хирургической академіи и въ университетѣ, гдѣ онѣ прослушали безпрепятственно учебный годъ 1861-1862 и часть 1862-1863.

Въ 1863 году доступъ женщинъ въ академію и въ университеты былъ прекращенъ.

Тогда началось переселеніе русскихъ женщинъ, жаждавшихъ учиться, въ заграничныя университеты, преимущественно въ Швейцарію, гдѣ многія окончили полный курсъ наукъ и получили докторскіе дипломы. Первыми изъ нихъ были Надежда Прокофьевна Сулова (Цюрихъ, 1867 г.) и Марія Александровна Бобова. Въ слѣдующемъ, 1868 году окончила курсъ въ медико-хирургической академіи Варвара Александровна Кашеварова-Руднева. Послѣ удаленія изъ медико-хирургической академіи вольно-слушательницъ, въ 1863 году, Кашеваровой было разрѣшено посѣщать лекціи въ академіи, въ качествѣ стипендіатки башкирскихъ земель, гдѣ женское мусульманское населеніе не допускаетъ врачей-мужчинъ.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ русскимъ женщинамъ, стремившимся къ высшему образованію, удавалось ѣхать за границу, по различнымъ семейнымъ и матеріальнымъ причи-

намъ. Вслѣдствіе этого, среди женщинъ, желавшихъ учиться, естественно возникла мысль попытаться удовлетворить этому стремленію дома, въ формѣ отдѣльныхъ курсовъ для женщинъ.

Такъ, во время I-го сѣзда естествоиспытателей при с.-петербургскомъ университетѣ въ декабрѣ 1867 года, г-жею Конради была подана докладная записка объ устройствѣ правильныхъ, систематическихъ университетскихъ курсовъ для женщинъ.

Заявленіе это, покрытое многочисленными подписями, весной того же года подавалось вновь ректору с.-петербургскаго университета и послужило поводомъ, при дальнѣйшихъ ходатайствахъ убѣжденныхъ женщинъ, во главѣ которыхъ стояли г-жи М. В. Трубникова, Н. В. Стасова и А. П. Философова, къ учрежденію сначала Владимірскихъ курсовъ, а впослѣдствіи Бестужевскихъ высшихъ курсовъ.

Одновременно съ заявленіемъ, поступившимъ въ университетъ, также въ 1867-1868 году, членомъ медицинскаго совѣта, д-ромъ медицины Николаемъ Иларіоновичемъ Козловымъ, былъ поданъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, проектъ устройства „врачебныхъ курсовъ“ для женщинъ, отдѣльно отъ мужчинъ.

Подробный учебный планъ этихъ курсовъ былъ выработанъ д-ромъ Козловымъ при помощи молодыхъ ученыхъ: профессора патологической анатоміи Михаила Матвѣевича Руднева, профессора акушерства Василія Марковича Флоринскаго и докторовъ Петра Петровича Гагарина и Веніамина Михайловича Тарновскаго. Однако, проекту этому въ первоначальной формѣ его не удалось осуществиться.

Но д-ръ Козловъ былъ горячимъ поборникомъ женскаго высшаго образованія; словесно и печатно онъ высказывалъ, что „стремленіе женскаго пола къ высшему образованію вполне естественно и отнюдь не вызвано какими-либо ложными ученіями, но его нужно урегулировать и дать правильный исходъ. Противъ неустойчивости и броженія мысли молодежи существуетъ только одно радикально цѣлительное средство—основательное, систематическое образованіе, дѣлающее зрѣлымъ неопытное молодое мышленіе“.

Потерпѣвъ неудачу въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, д-ръ Козловъ не сложилъ оружія.

Въ зиму 1869 года въ медицинскомъ совѣтѣ разсматривалось дѣло по вопросу чисто спеціальному: объ усиленіи медицинскаго образованія повивальныхъ бабокъ. Это послужило по-

водомъ д-ру Ковлову вновь возбудить вопросъ о высшемъ медицинскомъ образованіи для женщинъ.

Въ январѣ 1870 года членами медицинскаго совѣта Н. К. Ковловымъ, профессоромъ А. Я. Красовскимъ и профессоромъ Н. О. Здекауеромъ былъ внесенъ докладъ, по которому предполагалось установить двѣ акушерскія степени: 1) степень повивальной бабки, въ томъ видѣ, какъ она достигается въ родовспомогательныхъ институтахъ, и 2) степень „ученой акушерки“ съ общимъ врачебнымъ образованіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ предложенъ учебный планъ для устройства отдѣльныхъ отъ студентовъ курсовъ „ученыхъ акушеровъ“ при медико-хирургической академіи и при тѣхъ медицинскихъ факультетахъ, гдѣ устройство такихъ курсовъ дозволялось мѣстными условіями.

Предложеніе это было признано полезнымъ, и въ апрѣлѣ 1870 года медицинскій совѣтъ постановилъ учредить сазанныя двѣ степени, съ тѣмъ чтобы лицъ, желающихъ себя посвятить болѣе широкой врачебно-акушерской дѣятельности, допустить къ слушанію учебныхъ курсовъ на медицинскихъ факультетахъ и въ медико-хирургической академіи.

Условіемъ для допущенія женщинъ къ слушанію курса врачебныхъ наукъ должно быть выдержаніе ими полного, окончательнаго экзамена по программамъ женскихъ гимназій или институтовъ. Этому же условію должны подвергаться и имѣющія степень повивальной бабки, „коль скоро онѣ пожелаютъ слушать курсъ врачебныхъ наукъ“.

Курсъ врачебно-акушерскаго образованія женщинъ продолжается четыре года. Преподаваніе производится по слѣдующей программѣ:

На первомъ курсѣ: физика; общая химія; медицинская ботаника; анатомія здороваго человѣка; физиологія и гистологія нормальныхъ тканей.

На второмъ курсѣ: медицинская химія; анатомія; гистологія; методы изслѣдованія болѣзней; гигиена; фармакологія и фармація съ рецептурой.

На третьемъ курсѣ: патологическая анатомія; гистологія; акушерство; женскія болѣзни; хирургія въ примѣненіи къ гинекологіи и дѣтской практикѣ, съ ученіемъ о повязкахъ. Клиники: акушерская, гинекологическая, дѣтская, внутреннихъ и наружныхъ болѣзней.

На четвертомъ курсѣ: оперативное акушерство; судебная медицина въ примѣненіи къ акушерству, женскимъ и дѣтскимъ

болѣзнямъ; ученіе о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ. Клиники: акушерская, гинекологическая, дѣтская, сифилидологическая.

По окончаніи курса ученія, слушательницы, для полученія степени ученыхъ акушеровъ, должны выдержать испытаніе по программѣ, установленной на званіе лекаря, съ тѣмъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ полностью въ кругъ будущей ихъ дѣятельности, какъ-то изъ теоретической и оперативной хирургіи, судебной медицины, онѣ испытываются лишь въ примѣненіи въ ихъ будущей дѣятельности, а изъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней подвергаются болѣе специальному испытанію, тѣмъ на степень лекаря.

Получившимъ по надлежащемъ испытаніи степень ученой акушерки предоставляется право самостоятельной, по преимуществу специальной, акушерской, гинекологической врачебной практики, а также леченіе сифилиса у женщинъ и дѣтей.

Военнымъ министромъ въ то время былъ высокообразованный и гуманный Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Такъ какъ при петербургскомъ университетѣ медицинскаго факультета не было, а медико-хирургическая академія находилась въ вѣдѣніи военнаго министра, то ему и были представлены на разсмотрѣніе докладъ д-ра Козлова и постановленіе медицинскаго совѣта. Д. А. Милютинъ призналъ, что цѣль, указанная въ проектѣ, можетъ быть достигнута не иначе, какъ при правильномъ, систематическомъ обученіи врачебнымъ наукамъ, что возможно лишь въ высшихъ врачебно-образовательныхъ заведеніяхъ; въ видахъ удовлетворенія этой потребности, генераль-адъютантъ Д. А. Милютинъ не встрѣтилъ препятствія допустить желающихъ достигнуть степени ученой акушерки въ медико-хирургическую академію на основаніяхъ, какія будутъ опредѣлены по соглашенію военнаго министерства съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Но здѣсь дѣло потерпѣло существенную, почти двухлѣтнюю задержку...

Въ виду предполагавшагося обученія женщинъ всѣмъ врачебнымъ наукамъ, министр народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, потребовалъ заключенія университетскихъ совѣтовъ и ученаго комитета, состоящаго при его министерствѣ, а затѣмъ передалъ эти заключенія на обсужденіе совѣта министра.

Прохожденіе черезъ всѣ сказанныя инстанціи потребовало, конечно, много времени. Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія только 15 марта 1872 года постановилъ свое заключеніе.

Вотъ оно: „Не отрицая пользы усиленія медицинскаго обра-

зованія повивальныхъ бабокъ съ тою цѣлью, чтобы удостоенныя изъ нихъ званія ученыхъ акушерокъ имѣли право на самостоятельное леченіе опредѣленнаго круга болѣзней и такимъ образомъ могли заступать мѣсто врачей, совѣтъ министра признаеть необходимымъ, чтобы при устройствѣ медицинскихъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ было соблюдено условіе, чтобы курсы эти были отдѣльные отъ курсовъ для студентовъ ¹⁾. Не входя затѣмъ въ подробное обсужденіе вопроса о томъ, въ какомъ размѣрѣ удобно и полезно предоставить у насъ женщинамъ средства получать медицинское образованіе и съ какою предварительною научною подготовкой онѣ могли бы быть допускаемы къ слушанію устроенныхъ для нихъ медицинскихъ курсовъ, совѣтъ министра признавалъ нужнымъ имѣть въ виду: 1) свѣдѣнія о томъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ размѣрѣ предоставляется женщинамъ право на медицинскую практику въ западной Европѣ; и 2) спросить мнѣніе медицинскаго совѣта, не будетъ ли имъ признано полезнымъ, независимо отъ устройства медицинскихъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ, завести медицинскіе курсы для образованія лекарскихъ помощниковъ, которые имѣли бы право на медицинскую практику въ опредѣленныхъ случаяхъ и размѣрахъ и могли бы, также какъ ученые акушерки, заступать въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто врачей“.

Препровождая выписку изъ приведеннаго здѣсь журнала совѣта, министръ народнаго просвѣщенія просилъ министра внутреннихъ дѣлъ о доставленіи по его содержанію надлежащаго отзыва. Слѣдовательно, дѣло вновь затягивалось на неопредѣленно продолжительное время.

II.

Между тѣмъ, зимою 1871-1872 года, дочь инженеръ-полковника, Лидія Алексѣевна Родственная, нынѣ супруга генералъ-майора Альфонса Леоновича Шанявскаго, извѣстнаго ревнителя высшаго женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, обратилась къ Н. И. Козлову съ предложеніемъ пожертвовать пятьдесятъ тысячъ на устройство женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Это дало новый толчокъ замиравшему дѣлу.

Военный министръ, по докладу Н. И. Козлова, всеподданнѣйше доложилъ государю императору объ этомъ пожертвованіи и выстѣ

¹⁾ Обстоятельство это было уже предусмотрено въ проектѣ Н. И. Козлова.

съ тѣмъ ходатайствовалъ о Высочайшемъ разрѣшеніи открыть, въ видѣ опыта, при медико-хирургической академіи особый курсъ для образованія ученыхъ акушерокъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 6-го мая 1872 года повелѣно: „Пожертвованіе принять, и предположеніе военнаго министра привести въ исполненіе“.

Работа для приспособленія отдѣльныхъ курсовъ для женщинъ закипѣла въ медико-хирургической академіи. Начальникомъ ея въ то время былъ Н. И. Козловъ.

Черезъ полгода, 2-го ноября 1872 г., курсы были торжественно открыты. Послѣ молебна въ академической церкви, проф. Александръ Ефимовичъ Голубевъ прочелъ первую лекцію по гистологіи нормальныхъ тѣлей.

По выработанному въ медицинскомъ совѣтѣ еще въ 1870 г. вышеупомянутому плану, учебный курсъ былъ первоначально распредѣленъ на четыре года. Преподаваніе охотно взяли на себя профессора медико-хирургической академіи, отличавшейся въ то время своимъ блестящимъ составомъ.

Къ приему на курсы допускались по первоначальному испытанію въ конференцъ-залѣ лица женскаго пола, окончившія образованіе въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ или имѣющія дипломъ домашней наставницы. Съ перваго же года были установлены полугодовые репетиціи и переходные экзамены по программамъ примѣнительно къ испытаніямъ студентовъ-медиковъ, съ нѣкоторыми ограниченіями въ курсахъ судебной медицины, эпизоотіи и медицинской полиціи. Изъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, слушательницы подвергались болѣе специальному, какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію.

Въ 1876 г. окончивался опытный срокъ, на который были учреждены при медико-хирургической академіи курсы для ученыхъ акушерокъ.

Четырехлѣтній опытъ доказалъ, что учащіяся способны вполне сознательно усвоивать медицинскія знанія не только въ области предоставленныхъ имъ специальностей, но и въ области другихъ отраслей, какъ-то внутреннихъ болѣзней, офталмологіи, навозныхъ и другихъ. Четырехлѣтній курсъ оказывался недостаточнымъ; особенно сказывалось это на практическихъ занятіяхъ, такъ какъ клиническаго матеріала медико-хирургической академіи, необходимаго для студентовъ, не хватало на слушательницъ женскихъ курсовъ. Обстоятельство это было одной изъ причинъ, почему военно-медицинское управленіе признало нужнымъ удлинить срокъ занятій еще на одинъ годъ и отдѣлить курсы отъ ака-

деміи. Именнымъ указомъ отъ 4-го марта 1876 года государь императоръ повелѣтъ соизволилъ:

„1) Открытыя въ 1872 г. женскіе врачебныя курсы отдѣлить отъ имп. медико-хирургической академіи и съ начала 1876—77 учебнаго года занятія слушательницъ перевести въ Николаевскій военный госпиталь, съ возложеніемъ непосредственнаго заведыванія курсами, независимо отъ надзора инспектрисы и ея помощницъ, на главнаго врача госпиталя, подъ руководствомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. 2) Срокъ обученія слушательницъ установить вмѣсто четырехлѣтняго пятилѣтнимъ.

„Практическія занятія слушательницъ старшихъ курсовъ, кромѣ Николаевскаго госпиталя, продолжать въ спеціальныхъ врачебныхъ заведеніяхъ по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами“.

III.

Такимъ образомъ, въ 1876 г., курсы перешли въ Николаевскій военный госпиталь, съ прибавленіемъ пятаго учебнаго года и переименованіемъ изъ „Курсовъ для ученыхъ акушеровъ“ въ „Женскіе врачебныя курсы“.

Въ Николаевскомъ госпиталѣ были произведены всѣ необходимыя приспособленія, какъ-то аудиторіи, химическая лабораторія, физическій кабинетъ, и построенъ въ отдѣльномъ зданіи анатомической театръ, на новое пожертвованіе, сдѣланное г-жею Родственною-Шаянвской.

Пятый годъ преподаванія на курсахъ былъ посвященъ занятіямъ въ клиникахъ: женской, дѣтской, акушерской, глазныхъ и ушныхъ болѣзней, накожныхъ и венерическихъ, психіатрической, терапевтической и хирургической клиникахъ, съ практическими упражненіями по оперативной хирургіи.

Кромѣ занятій въ отдѣленіяхъ госпиталя, слушательницамъ старшихъ курсовъ приходилось посѣщать спеціальныя врачебныя заведенія: дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго, родовспомогательныя институты, больницы: Каливинскую и Обуховскую.

Такія передвиженія отнимали много времени, и для многихъ слушательницъ, кромѣ того, были весьма затруднительны по недостатку матеріальныхъ средствъ.

Тѣмъ не менѣе, слушательницы продолжали заниматься съ рвеніемъ, чѣмъ воодушевляли и своихъ преподавателей.

Руководствуясь мыслью, что главною основою медицинскаго образованія должно быть полное и всестороннее знакомство уча-

щихся съ основными врачебными науками, что недостаточность общаго медицинскаго образованія, отрывчатость преподаванія и укороченныя программы всегда ведутъ къ полуобразованію и медицинскому шарлатанству, преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ съ самаго основанія ихъ приложили стараніе, чтобы преподаваніе, какъ по направленію своему, такъ и по объему предметовъ, ничѣмъ не отличалось отъ преподаванія на медицинскихъ факультетахъ и въ медико-хирургической академіи. Этимъ профессора поставили преподаваніе на женскихъ врачебныхъ курсахъ сразу на надлежащую научную высоту, не дѣлая различія отъ преподаванія студентамъ-медикамъ, чѣмъ сослужили великую службу дѣлу высшаго женскаго медицинскаго образованія и на будущее время.

Въ 1877 г., въ виду предстоявшаго выпуска I-го курса и вступленія слушательницъ въ общественную дѣятельность, собраніе преподавателей курсовъ выработало особую инструкцію для производства выпускныхъ экзаменовъ и ходатайство: „о дарованіи выдержавшимъ предстоящія окончательныя испытанія ученой степени и права врачебной практики“, соотвѣтственно тѣмъ, которыхъ удостоиваются студенты-медики по окончаніи курса.

Составленное главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ ¹⁾ „положеніе о врачебныхъ женскихъ курсахъ“, одобренное военнымъ министромъ ²⁾, было отправлено на заключеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Но министръ внутреннихъ дѣлъ нашель, что въ сказанномъ положеніи устанавливается особая медицинская степень для лицъ женскаго пола, соотвѣтствующая лекарскому званію, между тѣмъ какъ права обучающихся на врачебныхъ курсахъ по первоначальному проекту ограничивались только акушерскими занятіями, „равно какъ и сестеръ милосердія—только фельдшерскими занятіями“; потому министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ предварительно войти въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ „Положеніе“ о женскихъ врачебныхъ курсахъ внести на обсужденіе государственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, вопросъ о правахъ затягивался на долгое время.

Пока шла эта переписка между министерствами, наступило военное время,—время турецкой войны 1877—78 гг.

¹⁾ Н. И. Козловъ.

²⁾ Д. А. Милютинъ.

Лѣтомъ 1877 года слушательницы V-го курса были допущены въ военно-временные госпитали къ исправленію ординаторскихъ обязанностей въ терапевтическихъ и хирургическихъ отдѣленіяхъ подъ руководствомъ врачей.

Несмотря на близость выпускныхъ экзаменовъ, около сорока слушательницъ старшихъ курсовъ отправились на мѣсто военныхъ дѣйствій и самоотверженно предались уходу за больными и ранеными.

Слушательницамъ V-го курса, уѣзжавшимъ на войну, выдавались свидетельства такого рода: „Такая-то окончила пятилѣтній курсъ врачебныхъ наукъ и можетъ исполнять медицинскія обязанности наравнѣ со студентами медико-хирургической академіи соответствующаго курса“.

Это было первое примѣненіе на практикѣ ихъ научной подготовки, и онѣ съ честью вышли изъ этого испытанія.

Такъ, въ февралѣ 1878 г., военно-медицинскій инспекторъ В. И. Присѣлковъ представилъ слѣдующій докладъ начальнику штаба дѣйствующей арміи: „Слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ, командированныя въ дѣйствующую армію, съ самаго начала кампаніи, при непомѣрномъ рвеніи, сознательномъ пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощію въ госпиталяхъ вполнѣ оправдали въ этомъ первомъ опытѣ ожиданія высшаго медицинскаго начальства. Самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ среди опасностей и лишеній, среди тифозныхъ заболѣваній, жертвой которыхъ была не одна изъ нихъ, обратила на себя общее вниманіе и, какъ первый примѣръ примѣненія женскаго труда въ военномъ дѣлѣ, заслуживаетъ отличія и поощренія. Посему рѣшаюсь просить васъ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ о награжденіи участвовавшихъ въ войнѣ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, не въ примѣръ другимъ, орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами или другимъ знакомъ отличія“¹⁾. Такіе же одобрительные отзывы были получены отъ яесской эвакуаціонной комиссіи о слушательницахъ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ томъ, что онѣ „во все время служенія исполняли свои обязанности съ ревностью и научнымъ пониманіемъ дѣла и оказали существенную пользу въ дѣлѣ поданія медицинскою помощію раненымъ и больнымъ воинамъ“.

Многія слушательницы были командированы къ обществу

¹⁾ Нѣкоторыя изъ слушательницъ были награждены знаками отличія.

„Краснаго Креста“, откуда онѣ распредѣлялись по временнымъ госпиталямъ и лазаретамъ, и, смотря по требованіямъ и внезапностямъ военнаго времени, работали и за фельдшеровъ, и за ординаторовъ, и за полковыхъ врачей, въ передовыхъ отрядахъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Какъ въ хирургическихъ, такъ и въ терапевтическихъ отдѣленіяхъ, онѣ зарекомендовали себя съ лучшей стороны своими знаніями, физической и нравственной выдержкой.

На одной изъ батарей подъ Плевною, въ отрядѣ обложенія, работала слушательница V-го курса Больботъ; по взятіи Плевны, она занималась въ плевненскихъ госпиталяхъ.

Между тѣмъ въ терапевтическихъ отдѣленіяхъ тифы и лихорадки опустошали лазареты, и немало отъ нихъ погибло слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ числѣ ихъ погибла выдающаяся личность, слушательница V-го курса Варвара Степановна Некрасова.

Какъ тяжелы подъ часъ были условія работы на войнѣ, видно изъ дневника Некрасовой, изъ котораго мы приведемъ эти нѣсколько словъ.

...„Многіе (раненые) лежали не въ палатахъ, а просто подъ навѣсомъ“, — писала она изъ Фратешти; — „чтобы залѣзть туда, нужно изогнуться въ три дуги и тамъ уже ползать на колѣняхъ, отъ одного больного къ другому;—вчера я такъ 30 человекъ осмотрѣла, при чемъ вылѣзаешь оттуда вся обсыпанная насѣкомыми“.

О дѣятельности В. С. Некрасовой д-ръ Ильинскій даетъ слѣдующую характеристику ¹⁾: „Въ то время, когда въ госпиталѣ находилось уже довольно много тифозныхъ больныхъ, В. С. Некрасова работала по патологій тифа, почти безвыходно находясь въ палатахъ и въ сепціонной комнатѣ... Такъ поступать съ собой было невозможно. Несчастная труженица, забывшая о себѣ ради научныхъ стремленій, заболѣла тифомъ, и смерть пресѣкла работу женщины-врача, стремившейся оправдать присвоенное ей названіе“.

Надъ могилой В. С. Некрасовой въ Систовѣ стоитъ памятникъ съ надписью: „Больше сія любви нието же имать, да кто душу свою положить за други своя“.

Осенью 1877 г. начались выпускные экзамены для тѣхъ слушательницъ V-го курса, которыя не поѣхали на войну.

¹⁾ См. „Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи“, д-ра З. Окуньковой-Гольдингеръ, въ сборникѣ въ пользу Спб. Женскаго Медицинскаго Института, „Дѣло“. Москва, 1899.

Экзамены были обставлены весьма торжественно и производились въ присутствіи членовъ медицинскаго совѣта, главнаго военно-медицинскаго инспектора, членовъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, начальника медико-хирургической академіи, профессоровъ ея, старшихъ врачей больницъ и другихъ приглашенныхъ лицъ.

Производились экзамены по тѣмъ же программамъ, какъ и у студентовъ-медиковъ на полученіе званія лекаря. Экзамены прошли блестяще и окончились 6 февраля 1878 г. первымъ выпускомъ въ 60 человекъ, которые, въ ожиданіи диплома получили отъ начальства Николаевскаго госпиталя „временное свидѣтельство“, дающее имъ право практикы у женщинъ и дѣтей. Гораздо позднѣе, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 іюня 1880 г., лицамъ женскаго пола, кончившимъ ученіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ, былъ присвоенъ нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной практикы.

Первоначально число поступающихъ на курсы предполагалось ограничить 70-ю слушательницами ежегодно; на самомъ дѣлѣ, съ перваго года пришлось принимать гораздо болѣе, въ виду наплыва желающихъ.

Всего, въ десятилѣтній періодъ существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ, на нихъ обучалось 959 человекъ.

Но наступилъ роковой 1881 годъ, и мирное теченіе курсовъ было внезапно нарушено.

Несмотря на значительное развитіе и расширеніе курсовъ съ переходомъ ихъ въ Николаевскій военный госпиталь, на вполне достаточное обезпеченіе ихъ какъ клиническимъ матеріаломъ, такъ и всѣми учебными пособиями, несмотря на трудолюбіе и рвеніе къ занятіямъ самихъ слушательницъ, и полный порядокъ въ стѣнахъ госпиталя, много выигравшаго съ переходомъ въ него курсовъ, вновь назначенный въ 1881 г. военный министръ, генералъ-адъютантъ Петръ Семеновичъ Вавновскій, призналъ неудобнымъ дальнѣйшее существованіе при военномъ вѣдомствѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ, что было равносильно упраздненію курсовъ, такъ какъ, за неимѣніемъ медицинскаго факультета при с.-петербургскомъ университетѣ, единственнымъ учрежденіемъ для изученія медицинскихъ наукъ была медико-хирургическая академія, состоящая при военномъ вѣдомствѣ ¹⁾.

¹⁾ Поэтому и былъ совершенно несправедливъ тотъ упрекъ, который приходилось такъ часто слышать въ то время: „понятно, что курсы закрыли!—вѣдь существованіе женскихъ врачебныхъ курсовъ при военномъ вѣдомствѣ всегда было *анахронизмомъ*“.

Увѣдомляя, 22 октября 1881 г., министра внутреннихъ дѣлъ о своемъ рѣшеніи упразднить состоящіе при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ женскіе врачебные курсы, генералъ Ванновскій изъявилъ желаніе, чтобы курсы были приняты въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ съ переводомъ въ одну изъ столичныхъ больницъ. Такое же предложеніе было сдѣлано и министру народнаго просвѣщенія.

Отвѣтъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ (въ то время графа Игнатьева) на этотъ разъ былъ полученъ очень скоро; на запросъ отъ 22 октября, уже 6 ноября гр. Игнатьевъ отвѣтилъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не встрѣчало необходимости привлекать лицъ женскаго пола къ врачебной службѣ; что оно всегда имѣло запасъ готовыхъ врачей, ежегодно выпускаемыхъ медицинскими факультетами, и въ виду избытка врачей не предусматриваетъ необходимости имѣть въ своемъ вѣдѣніи особое учрежденіе для приготовленія лицъ женскаго пола къ врачебной практикѣ.

Министръ народнаго просвѣщенія также не призналъ возможнымъ принять въ свое вѣдѣніе женскіе врачебные курсы, за немѣняемымъ медицинскаго факультета при с.-петербургскомъ университетѣ.

Такъ какъ въ то время уже предполагался переходъ городскихъ больницъ въ завѣдываніе думы, то главный военно-медицинскій инспекторъ, Николай Иларіоновичъ Козловъ, обратился въ городское управленіе съ запросомъ, не приметъ ли с.-петербургская дума въ свое вѣдѣніе женскіе врачебные курсы. Отвѣтъ получился благоприятный: дума изъявила свое согласіе въ томъ случаѣ, если послѣдуетъ передача городскихъ больницъ въ ея вѣдѣніе. Какъ только послѣднее совершилось, дума великодушно ассигновала ежегодно 15.000 руб. на воспособленіе курсамъ и предоставила въ ихъ распоряженіе пустое зданіе при Обуховской больницѣ, для приспособленія въ немъ аудиторій и лабораторій, при чемъ предполагалось пользоваться клиническимъ матеріаломъ Обуховской больницы. Городскимъ головою въ то время былъ В. И. Лихачевъ.

Но мы нѣсколько зашли впередъ.

Такъ какъ переходъ женскихъ врачебныхъ курсовъ въ другое вѣдомство къ назначенному военнымъ министромъ короткому сроку не могъ состояться, то ген.-адъют. Ванновскій не рѣшилъ обычнаго осенняго приѣма слушательницъ и исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе отъ 5-го августа 1882 года:

„Состоящіе при с.-петербургскомъ Николаевскомъ военномъ

госпиталѣ женскіе врачебные курсы *упразднить*, прекратить съ предстоящаго 1882/83 года приѣмъ слушательницъ и оставить за нынѣ обучающимися право окончить полное медицинское образованіе“.

Нужно ли останавливаться на печальныхъ дняхъ, наступившихъ съ осени 1882 года на курсахъ! Уныніе и отчаяніе замѣнили прежнюю охоту въ труду, прежній подъежъ духа. Съ каждымъ годомъ послѣдовательно закрывался одинъ курсъ. Это частичное вымираніе длилось до начала 1887 года; не успѣлъ послѣдній выпускъ окончательно сдать экзамены, какъ все имущество курсовъ стали спѣшно перевозить вонъ изъ стѣнъ госпиталя...

Лабораторіи и физическіе приборы были сданы въ медико-хирургическую академію, обѣщавшую возвратить имущество курсовъ, если послѣдніе будутъ возобновлены.

Такимъ образомъ, просуществовавъ четырнадцать съ половиною лѣтъ, съ конца 1872 года по начало 1887 г., женскіе врачебные курсы были упразднены.

IV.

Но съ ними не умерло стремленіе въ возрожденію женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Профессора медико-хирургической академіи, бывшіе преподаватели курсовъ, первые выпускники женщинъ - врачей, жертвователи, съ супругами Шаняевскими во главѣ, и многія другія лица, сочувствующія принципу женскаго медицинскаго образованія, тѣсно сплотились и въ теченіе тринадцати послѣдующихъ лѣтъ неустанно и дружно работали и, помогая кто чѣмъ могъ, стремились къ достиженію намѣченной цѣли. Никакія препятствія, никакія неудачи—а ихъ было не мало—не охлаждали ихъ бодрости и настойчивости; подавались докладныя записки, прибѣгалось къ личному ходатайству, обивались пороги лицъ, могущихъ повліять на ходъ дѣла, дѣйствовалося путемъ печати, и во все время сохранялась увѣренность въ успѣхъ полезнаго дѣла.

Уже въ концѣ 1882 года, для прекращенія неопредѣленнаго состоянія, въ которомъ находились женскіе врачебные курсы, было Высочайше повелѣно подвергнуть обсужденію вопросъ о высшемъ врачебномъ образованіи женщинъ въ особомъ совѣщаніи министровъ: военнаго, народнаго просвѣщенія, главноуправляющаго собственной Е. В. канцеляріи по учрежденіямъ

императрицы Маріи и оберъ-прокурора синода, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ засѣданіи 4-го декабря 1882 г., на вопросъ предсѣдателя: „нужно ли сохранить на будущее время женскіе врачебные курсы въ настоящемъ ихъ видѣ“, — члены совѣщанія единогласно высказали убѣжденіе, что дальнѣйшее существованіе сказанныхъ курсовъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, не можетъ быть допущено, и что само учрежденіе, по окончаніи въ немъ курса послѣдними слушательницами, должно прекратить свое существованіе при военномъ вѣдомствѣ. Затѣмъ, въ удовлетвореніе возникшей потребности медицинскаго образованія для женщинъ, желающихъ приобрѣтать себѣ въ занятіяхъ сего рода средства къ жизни, можетъ быть, въ разнѣрѣ средствъ, имѣющихъ образоваться изъ пожертвованій на сей предметъ, устроено специальное учебное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Отъ послѣдняго будетъ зависѣть начертаніе правилъ для назначенія профессоровъ и преподавателей и опредѣленіе объема курсовъ сообразно съ тѣми правами, которыя будутъ предоставлены окончившимъ курсъ „ученымъ акушеркамъ“.

Такимъ образомъ, женщины-врачей, окончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ и получившихъ соответственный нагрудный знакъ, вновь превращали въ лекарьскихъ помощницъ подъ именемъ „ученыхъ акушерокъ“.

Обращаясь къ недостаткамъ нынѣ дѣйствующихъ временныхъ правилъ для женскихъ врачебныхъ курсовъ, члены совѣщанія признали, что уравненіе слушательницъ этихъ курсовъ въ правахъ со студентами, удостоенными званія лекаря, представлялось бы „юридическою несправедливостію“, и что допущеніе въ пользу женщинъ облегченія правилъ приѣма при поступленіи въ это высшее учебное заведеніе нисколько не оправдывается бытовыми условіями русскаго общества въ его семейной жизни. Искусственное привлеченіе мало подготовленныхъ женщинъ предпочтительно къ врачебной дѣятельности можетъ повести только къ преувеличеннымъ и неосуществимымъ ожиданіямъ особыхъ выгодъ отъ этой профессіи и къ неправильному заключенію, что конкуренція въ этой отрасли практической дѣятельности менѣе развита, чѣмъ въ другихъ, доступныхъ для женщинъ, поприщахъ дѣятельности.

Послѣ долгихъ преній совѣщаніе постановило:

Допустить на будущее время въ медицинскому образованію лицъ женскаго пола, желающихъ посвятить себя специально изученію и леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

Министерству народнаго просвѣщенія предоставить составленіе учебныхъ плановъ и программъ для четырех-лѣтняго курса „ученыхъ акушеровъ“.

Независимо отъ этихъ ограниченій, приемъ на курсы ученыхъ акушеровъ долженъ быть производимъ „на основаніи правилъ, установленныхъ для студентовъ университетовъ“.

Удовлетворительно окончившимъ эти курсы присвоить званіе ученыхъ акушеровъ, съ правомъ свободной практики по сказанной специальности, но безъ присвоенія имъ права государственной службы.

Приведенное предположеніе министровъ было Высочайше разрѣшено 4-го января 1883 года, и вслѣдствіе того образовался особый комитетъ для составленія проекта положенія объ особомъ институтѣ для ученыхъ акушеровъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя Волконскаго.

Особенно оскорбляло означивающихъ врачебные женскіе курсы присвоеніе имъ наименованія „ученыхъ акушеровъ“, уже разъ отмѣннаго при введеніи пятаго года ученія при переходѣ курсовъ въ Николаевскій военный госпиталь въ 1876 году.

Преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ и женщины-врачи соединенными усиліями принялись ходатайствовать объ измѣненіи этого нежелательнаго наименованія.

По всеподданнѣйшему докладу министра двора, графа И. И. Воронцова-Дашкова, на Высочайшее благоусмотрѣніе было представлено прошеніе женщинъ-врачей о неудобствахъ присвоенія имъ наименованія ученыхъ акушеровъ, въ виду дѣятельности ихъ въ качествѣ врачей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ монастыряхъ. Вслѣдствіе того было рѣшено, что лица, окончившія и имѣющія окончить ученіе на подлежащихъ упраздненію женскихъ врачебныхъ курсахъ, должны получить свидѣтельства на званіе: „врача женщинъ и дѣтей“.

Возвращаясь къ комиссіи подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго, необходимо замѣтить, что въ эту комиссію были привлечены почти всѣ представители высшаго медицинскаго сословія,—члены медицинскаго совѣта, профессора медицинской академіи, преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ и много другихъ.

Вопросъ: быть или не быть женскому медицинскому образованію въ Россіи—обсуждался въ многочисленныхъ засѣданіяхъ комиссіи;—мнѣнія раздѣлились. Большинство высказывалось въ пользу систематическаго, полнаго медицинскаго образованія; меньшинство стояло за элементарные курсы, соответствующіе фельд-

перскимъ. Большинство, однако, взяло перевѣсъ и выработало учебный планъ, обнимающій пятилѣтній курсъ (десять полугодій), соответствующій курсу студентовъ-медиковъ, съ извѣстными, впрочемъ, ограниченіями въ преподаваніи судебной медицины и эпизоотіи.

Прослушавъ пятилѣтній курсъ и сдавъ экзаменъ, слушательницы будущаго женскаго медицинскаго института именуются женщинами-врачами съ правомъ лечить женщинъ и дѣтей.

Труды комиссіи были внесены въ государственный совѣтъ 27 февраля 1891 г. Соглашаясь въ принципѣ съ пользою, которую можетъ принести женскій медицинскій институтъ, государственный совѣтъ, тѣмъ не менѣе, находилъ, что учрежденіе это не вызывается государственною необходимостью, а потому должно существовать на частныя средства. Затѣмъ, въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи, происходившемъ 18 мая 1891 г., были представлены проекты положенія и штатовъ института. При этомъ, потребность въ допущеніи женщинъ къ врачебной дѣятельности была признана несомнѣнною: „послѣдняя хотя и не ощущается въ замѣщеніи штатныхъ медицинскихъ должностей, но спросъ населенія не удовлетворяется дѣятельностью медиковъ, состоящихъ на государственной службѣ“. Женщины-врачи, какъ выяснилось далѣе, охотно идутъ на такія медицинскія должности, существующія въ отдаленныхъ глухихъ мѣстностяхъ и скудно оплачиваемыя, отъ занятія которыхъ нерѣдко отказываются мужчины.

Не надо забывать также, — высказались нѣкоторые изъ присутствующихъ, — что во многихъ случаяхъ врачебная помощь, оказываемая женщиною, особенно желательна. Повинуясь естественному чувству стыдливости, лица женскаго пола вообще, а въ особенности дѣвицы, нерѣдко стѣсняются прибѣгать къ врачамъ-мужчинамъ. Обстоятельство это положительно удостовѣрено начальствомъ женскихъ учебныхъ заведеній: воспитанницы нерѣдко, изъ опасенія докторскаго осмотра, скрываютъ серьезныя заболѣванія, получающія вслѣдствіе этого опасное развитіе.

Полнаго вниманія заслуживаютъ также интересы многочисленнаго мусульманскаго населенія имперіи.

Поставленныя обычаемъ и строемъ жизни въ невозможность обращаться къ докторамъ-мужчинамъ, мусульманки лишены нынѣ медицинской помощи вездѣ, гдѣ таковая не можетъ быть подана лицами одного съ ними пола. Этимъ объясняется тотъ фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ знакомымъ съ средне-азиатскими нашими владѣніями, что немногочисленныя пока въ Туркестанѣ

представительницы женскаго врачебнаго персонала высоко цѣнятся туземцами и, благодаря приобретаемому на послѣднихъ вліянію, являются полезными проводниками русской гражданственности въ край.

Изложенныя обстоятельства, на ряду съ общепризнанными заслугами женщинъ-врачей въ послѣднюю русско-турецкую войну, свидѣтельствуютъ, насколько полезно участіе женщины въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицинскаго дѣла.

Съ открытіемъ женскаго медицинскаго института сократится также нежелательный отливъ русской женской молодежи въ заграничныя университеты.

Учебный планъ женскаго медицинскаго института, составленный примѣнительно къ плану русскихъ медицинскихъ факультетовъ, былъ также одобренъ государственнымъ совѣтомъ.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію финансовой стороны, нѣкоторые члены совѣта выразили сомнѣніе относительно возможности открыть институтъ при данной наличности средствъ.

Въ виду этого призвали болѣе осторожнымъ не устанавливать теперь же срока открытія института, предоставивъ это министру народнаго просвѣщенія, когда расходы будутъ покрываться доходами съ пожертвованныхъ капиталовъ и платою съ учащихся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, государственный совѣтъ не усматриваетъ препятствій къ немедленному утвержденію проектовъ положенія и штата института, ибо такая мѣра могла бы оказать полезное вліяніе на образованіе средствъ этого учебнаго учрежденія. По словамъ князя Волконскаго, одного слуха о внесеніи настоящаго дѣла въ государственный совѣтъ было достаточно, чтобы возобновить приливъ крупныхъ пожертвованій въ пользу института.

Всѣ присутствовавшіе единогласно согласились съ вышесказаннымъ. Лишь одинъ членъ совѣта, К. П. Побѣдоносцевъ, остался при отдѣльномъ мнѣніи, и высказалъ опасеніе, что институтъ, не имѣя достаточныхъ средствъ, ляжетъ излишнимъ бременемъ на государственный бюджетъ.

Такимъ образомъ, дѣло подлежало новому разсмотрѣнію, что и произошло въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ засѣданіи 20 января 1902 года. 38 членовъ совѣта не только не нашли препятствій къ утвержденію проектовъ положенія и штата института, но признали утвержденіе и обнародованіе ихъ нынѣ же необходимыми, въ виду усиленія притока новыхъ пожертвованій, такъ какъ прежде всего необходимо, чтобы частныя лица, желающія оказать матеріальную помощь институту, знали, что существованіе его разрѣшено правительствомъ.

Утвержденіе положенія и штатовъ нисколько не предрѣшаетъ вопроса о времени открытія института. Еслибы, за принятіемъ предлагаемой мѣры, поступления пожертвованій, сверхъ ожиданія, и замедлились, то министерство народнаго просвѣщенія вслѣдствіе этого было бы поставлено въ необходимость только отсрочить открытіе института, а это обстоятельство никакъ не послужило бы поводомъ къ принятію расходовъ сего заведенія на счетъ казны. 3-го февраля 1892 г. послѣдовало повелѣніе, по которому министру народнаго просвѣщенія предоставлено право внести уставъ женскаго медицинскаго института на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, когда будетъ составлена полная и точная смѣта всѣхъ потребныхъ расходовъ, и когда соотвѣтственно съ этой смѣтою образуется изъ частныхъ пожертвованій сумма, достаточная для покрытія всѣхъ необходимыхъ расходовъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, И. Д. Деляновъ, чрезвычайно сочувственно относившійся къ дѣлу сворѣйшаго учрежденія женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, долженъ былъ взять проектъ института обратно въ ожиданія пополненія средствъ новыми пожертвованіями.

Вопросъ, гдѣ именно учредить женскій медицинскій институтъ, оставался долго открытымъ; одно время существовало предположеніе открыть его въ Москвѣ, затѣмъ въ Ярославлѣ. Было даже сдѣлано предложеніе открыть институтъ въ г. Томскѣ.

Какъ только выяснилось, что препятствіемъ къ открытію института служитъ недостаточность средствъ, собранныхъ для его осуществленія, кружокъ лицъ, заботившійся о возстановленіи женскихъ медицинскихъ курсовъ, съ супругами Шанявскими во главѣ, дѣятельно принялся собирать средства; въ усиліяхъ этихъ горячее участіе принимали женщины-врачи, и новыя пожертвованія стали притекать отовсюду. Самою щедрою жертвовательницею, впрочемъ, за все время собранія средствъ оказалась Москва: Варвара Алексѣевна Морозова пожертвовала 50.000 руб., Сабашниковы—40.000 руб., г-нъ Лепешкинъ—10.000 руб., Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій внесъ единовременно 60.000 руб. и, кромѣ того, обязался уплачивать въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно по 12.000 руб. на содержаніе женскаго медицинскаго института; онъ же представилъ институту, сверхъ того, еще 200.000 руб., оставленные въ его распоряженіе на благотворительно-воспитательное дѣло покойнымъ заводчикомъ полковникомъ Бергомъ, душеприказчикомъ котораго состоялъ А. Л. Шанявскій. Извѣстный своей благотворительностью Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ внесъ 50.000 руб. Вдвойнѣ

драгоценнымъ вкладомъ въ сборъ пожертвованій представляютъ 20.000 руб., оставленные институту по завѣщанію покойнымъ профессоромъ Сергѣемъ Петровичемъ Ботвинимъ. Затѣмъ поступило 6.000 руб. отъ наслѣдниковъ Грибановыхъ, и еще не мало пожертвованій съ разныхъ сторонъ не столь крупными суммами.

Такимъ образомъ, соединенными усиліями всѣхъ ревнителей дѣла женскаго медицинскаго образованія въ Россіи, былъ собранъ въ короткое время значительный капиталъ, достигшій вмѣстѣ съ суммами, имѣвшимися у бывшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, 700.000 руб., что считалось уже достаточнымъ для устройства института.

Тѣмъ временемъ министромъ народнаго просвѣщенія была образована особая коммиссія изъ профессоровъ и лицъ съ специальнымъ образованіемъ по строительной части, для выработки подробныхъ плановъ и смѣтъ по устройству института. Окончательная разработка всей смѣты въ деталяхъ была поручена профессору Василю Константиновичу фонъ-Анрепу.

Въ февралѣ 1895 г., графъ Деляновъ вошелъ съ новымъ представленіемъ проекта института въ государственный совѣтъ.

Планы и смѣты были одобрены, но возникло новое разногласіе среди членовъ совѣта по поводу требованія на проверочныхъ испытаніяхъ слушательницъ знанія древнихъ языковъ.

Вопросъ этотъ подробно обсуждался въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ 22 апрѣля и въ общемъ присутствіи 23 мая 1895 г. Въ послѣднемъ изъ сазанныхъ засѣданій восемь членовъ выразили мнѣніе, что отъ поступающихъ въ женскій медицинскій институтъ слѣдуетъ требовать знанія какъ латинскаго, такъ и греческаго языка, дабы не понижать учебнаго ценза женщинъ-врачей сравнительно съ врачами-мужчинами. Тридцать-четыре члена совѣта, наоборотъ, высказались за одинъ латинскій языкъ „по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ университеты“.

1 іюня 1895 г. состоялось Высочайшее утвержденіе положенія о женскомъ медицинскомъ институтѣ, согласно мнѣнію большинства. Срокъ открытія института былъ назначенъ черезъ два года. Дѣйствительно, институтъ былъ не только законченъ черезъ два года, но и открытъ, въ 1897 году, 14 сентября.

Усердно и дружно пошли съ того дня занятія слушательницъ, и быстро для нихъ пролетѣли въ непрестанномъ трудѣ пять лѣтъ; полный медицинскій курсъ ими пройденъ, государственный экзаменъ сданъ, и послѣ шестнадцатилѣтняго перерыва

вновь состоялся выпускъ 111 молодыхъ женщинъ-врачей. Онѣ сами, конечно, хорошо знаютъ, что какъ бы тщательно и научно ни былъ обставленъ медицинскій факультетъ, тѣмъ не менѣе, нигдѣ онъ не можетъ выпустить вполне законченныхъ и практически опытныхъ уже врачей. Ожидать этого было бы несбыточной иллюзіей. Но правильно поставленная медицинская школа, какою несомнѣнно представляетъ собой женскій медицинскій институтъ, даетъ ованчивающимъ въ немъ курсъ основательное знаніе естественныхъ наукъ и въ особенности основъ біологіи и медицины, равно знакомитъ со всѣми научными методами изслѣдованія, и тѣмъ ставитъ ихъ въ возможность приступить вполне правильно и научно къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ трудамъ въ этихъ отрасляхъ знанія.

П. ТАРНОВСКАЯ.

ВЪ СТЕПЯХЪ И ПРЕДГОРЬЯХЪ

А Л Т А Я

Рассказъ изъ жизни переселенцевъ.

Шрамковскій переселенческій поселокъ, широко раскинувшийся по берегу степной рѣчки Краснухи, переживалъ тревожные дни: ближайшее будущее сулило ему то печальное положеніе, которое на канцелярскомъ языкѣ носить названіе „выдворенія“, т.-е. полное уничтоженіе поселка съ насильственнымъ выводомъ изъ домишекъ воющихъ бабъ и ребятишекъ, ломкою печей, крышъ, всего того, что можно сломать и, въ видѣ финала, съ „раскатываньемъ“ по бревнамъ этихъ самыхъ домишекъ, служащихъ переселенцамъ въ настоящее время единственнымъ кровомъ.

Не долга была исторія Шрамковского поселка, но имъ уже пережито многое, что тяжелымъ гнетомъ легло на душу его обитателей и создало для нихъ жизнь, полную случайностей, тревогъ и разнообразнѣйшихъ опасеній. Но ихъ настроеніе далеко не было отчаяніемъ, а скорѣе выраженіемъ настойчиваго, несокрушимаго, почти тупого упрямства. Ихъ отношенія во всему окружающему носили боевой характеръ, а сами они находились въ состояніи постоянного напряженія и подозрительности. Увѣренность въ собственной правотѣ давала имъ силы стойко выдерживать всѣ сыпавшіяся на ихъ головы, какъ изъ рога избылія, невзгоды и отражать натиски ближайшихъ сосѣдей—старожилонъ села Свинцовскаго, что какъ разъ противъ поселка,

на другомъ берегу Красухи, черезъ которую перекинуть даже мостикъ, какъ бы связывающій въ одно двѣ враждующія деревни—старожиловскую и „рассейскую“.

Не болѣе трехъ лѣтъ назадъ, на мѣстѣ теперешняго поселка поставилъ землянку отпускнуой солдатъ Иванъ Шрамковъ, выходецъ откуда-то изъ тамбовской или пензенской губерніи. Поселился онъ тутъ далеко не „самовольно“, а напротивъ, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ формальностей, какія выработала для подобныхъ случаевъ мѣстная канцелярская воловита. Но, кажется, именно это обстоятельство и способствовало особой рѣзости отношеній, какія впоследствии установились между старожилами села Свинцовскаго и сначала Шрамковымъ, а потомъ цѣлымъ поселкомъ переселенцевъ.

Старожилы прежде всего были обижены тѣмъ, что Шрамковъ при своемъ поселеніи совершенно ихъ игнорировалъ, предпочитая въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ начальствомъ.

— Ты, парень, ежели желаешь избу поставить у самаго селенія, должнъ спервоначалу придти къ обществу, у общества спросить, дозволить оно тебѣ тутъ жить или нѣтъ, — говорили свинцовскіе старожилы, когда узнали, что онъ думаетъ строиться за рѣбой, противъ самаго селенія.—А ты, ровно дурной какой, ломишь себѣ, не спросившись, землянку зачалъ копать... Нешто такъ-то порядокъ? Ты спроси: можетъ, намъ ты тутъ и ненуженъ вовсе...

Шрамковъ сначала пробовалъ разъяснить свинцовскимъ, что, собственно, онъ тутъ ни при чемъ, такъ какъ селиться разрѣшило ему начальство, которое лучше знаетъ, гдѣ можно селиться и гдѣ нельзя.— „Живи, говоритъ, Шрамковъ,—передавалъ онъ свои разговоры съ начальствомъ:—тутъ мѣсто для тебя удобное, свободное, никто тебя не потронетъ“. Я ему сказываю: „Свинцовскіе, молъ, обижаются, связать велятъ“. А онъ, рендатель-то ¹⁾, мнѣ на то: „Ничего твои свинцовскіе не потрогають. Ты меня слушай; тутъ, сказывается, я хозяинъ, потому земля эта выходитъ казенная“.

— Самъ твой рендатель много понимаетъ! Ему бы только шары водкой залить да накричать на человѣка, а то и въ рыло заѣхать! „Рендатель“! „Не слушай свинцовскихъ“! А того онъ не знаетъ, что выпишутъ начальствомъ степь-то эта вся представлена свинцовскимъ да четверинскимъ крестьянамъ, еще когда

¹⁾ Чиновникъ, завѣдующій казенными оброчными статьями и сдающій ихъ въ аренду.

въ Пальчиковскомъ рудникѣ приставомъ былъ покойный Иванъ Васильевичъ, царство ему небесное! Онъ и хлопоталъ за насъ.

— Это за что же такъ?—спрашиваетъ Шрамковъ.

— А за то, дурья твоя голова, что когда еще въ обязательномъ труду на заводахъ мы были, такъ руду да уголь этой степью возили, такъ намъ степь-то нужна была для прокорму коней. За это за самое она намъ и дадена, степь-то... и бумага была... А то „не слушай свинцовскихъ“—ишь что придумалъ, умная тоже головушка! Нѣтъ, другъ, ты допрежде обчество спроси, а обчество тебѣ скажетъ: „не надобенъ ты намъ тутъ, уходи отъ насъ, пока до грѣха не дошло“!

Шрамковъ—бойкій и неглупый мужикъ, и его первое время не могли не смущать эти разговоры старожиловъ и ихъ требованія. Какъ ни вѣрилъ онъ въ могущество „квитанці“, выданной ему тѣмъ же чиновникомъ и удостовѣряющей, что съ него, Шрамкова, полученъ цѣлковый за аренду на Дергачевской степи одной десятины подъ усадьбу, тѣмъ не менѣе бросилъ работу, запрягъ свою единственную лошаденку въ телѣгу и поѣхалъ къ чиновнику, жившему верстъ за сто, выяснитъ возникшее недоразумѣніе. Тотъ его успокоилъ, что никакого недоразумѣнія тутъ нѣтъ, что по этому берегу Краснухи вся степь казенная; крестьянскія же земли—на другомъ берегу, гдѣ и деревни ихъ находятся. На степи же разрѣшено пахать и старожиламъ только за плату, а они не хотятъ платить аренды; не хотятъ платить и свинцовскіе крестьяне. Не имѣютъ-де они права и стѣснять Шрамкова и требовать, чтобы онъ убрался со степи; если онъ, чиновникъ, разрѣшилъ ему селиться, то онъ можетъ быть спокойнымъ—его никто не пошевелитъ. Шрамковъ все это подробно разспросилъ, понялъ и успокоился. Вернувшись домой, онъ снова взялся за лопатку и продолжалъ рыть себѣ на зиму жилище въ землѣ. Не замедлили явиться старожилы и завели разговоръ издали.

— Ты чего же это, парень, дѣлаешь тутъ?—спрашиваютъ они, обращаясь къ Шрамкову.

— Видишь чего: дворецъ себѣ кладу, будетъ на трехъ жердахъ съ подъѣздомъ! — шутитъ тотъ, поплеывая себѣ на руки и глубже загоняя лопату въ землю.

— Дворецъ и есть, небомъ будетъ крытъ, бѣлымъ свѣтомъ огороженъ,—замѣчаетъ одинъ изъ свинцовскихъ съ кривой усмѣшкой.

— Вотъ-вотъ, правильно говоришь. Какъ есть „небомъ

крыть, бѣлымъ свѣтомъ огороженъ".—Это ты вѣрно сказалъ, — отшучивается Шрамковъ.

Помолчали. Шрамковъ продолжаетъ копать землю, а старики смотрять на его работу.

— Сказываютъ, ты къ рендателью бѣгалъ? — возобновляется черезъ нѣкоторое время бесѣда.

— Бѣгалъ.

— Ну?..

— Вотъ тебѣ и ну...

— Чего зануваль-то?—Ты толкомъ сказывай, коли тебя добромъ спрашиваютъ:—рендатель-то тебѣ чего говорилъ?

— А того и говорилъ, что свинцовскіе, моль, дураки...

— Самъ ты дуракъ, вечесанная башка!

— Вы хороши!

— Поговори еще! Вотъ какъ начнемъ тебѣ башку расчесывать, такъ узнаешь, хороши ли!

Шрамковъ не возражаетъ, и разговоръ вновь прерывается на время.

— Тебя толкомъ спрашиваютъ, чего ты тутъ дѣлаешь; должнъ ты и отвѣчать толкомъ,—обращается къ Шрамкову одинъ изъ свинцовскихъ крестьянъ.

— Я и сказываль тебѣ—землянуху рою,—спокойно отвѣчаетъ Шрамковъ.

— Видимъ, что землянуху... Да ты только у кого спросилъ рыть тутъ? — Кто тебѣ дозволеніе-то далъ въ непоказанномъ мѣстѣ землянуху рыть? Ты то скажи...

— А вотъ тотъ и далъ... Тебя не спросилъ, — огрызается Шрамковъ.

— Вижу, что не спросилъ... А ты рыть не моги тутъ! Тебѣ было сказано: ты намъ не надобенъ... Уходи себѣ, а землю рыть тутъ не моги—не дозволяетъ общество.

— Ступай къ рендателью, съ нимъ и разговаривай, а со мной нечего лаяться: у меня отъ рендателя фитовъ ¹⁾ имѣется.

— Ты его что шибко залюбилъ? Ты и ступай съ нимъ разговаривать, а намъ онъ ни къ чему... А вотъ тебѣ сказано было, чтобъ ты убирался отсюда,—ты и убирайся!

— Ну, ладно, будетъ ужъ, слышали!.. пѣдить севозъ зубы Шрамковъ и продолжаетъ рыть землю, сильными взмахами заступа выкидывая ее на поверхность.

Нерѣдко подобныя бесѣды переходили въ озлобленную, кри-

¹⁾ Квинтанція.

ливую брань, пересыпанную поминовеніями родителей и разнообразными угрозами и пожеланіями, болѣе или менѣе нелѣпными и жестокими. Если пока дѣло не доходило до формальной потасовки и синяковъ, то это нужно объяснить огромнымъ самообладаніемъ и терпѣніемъ Шрамкова, да тѣмъ, что онъ не ходилъ въ Свинцовское, гдѣ былъ кабакъ и гдѣ, слѣдовательно, всякая перебранка имѣла болѣе шансовъ перейти къ рукопашному разрѣшенію спорнаго вопроса.

Подъ шумъ словесныхъ упражненій подобнаго рода, то добродушно-язвительныхъ, то грубыхъ и оскорбительныхъ, Шрамковъ не только успѣлъ довести до конца постройку своего „дворца“, но и „присѣять полдесятины мѣста“ разнымъ хлѣбомъ. Раза два „бѣгалъ“ онъ въ своему „чиновнику“, но толку изъ этого не вышло никакого: „чиновникъ“ общалъ лично побывать въ Свинцовскомъ и уладить недоразумѣнія на мѣстѣ, но не поѣхалъ, а послалъ за себя объѣздчика, который, основательно попьянствовавъ у свинцовскихъ крестьянъ и получивъ отъ нихъ все, что установлено мѣстнымъ обычаемъ, укатилъ обратно, пригрозивъ Шрамкову за „пустое безпокойство начальства“. Послѣ этого, приставанья свинцовскихъ стали настойчивѣе, а въ ихъ рѣчахъ чаще и чаще упоминались „ноги“, „ребра“, „башка“ Шрамкова, которыя необходимо „переломать“, „поставить задомъ напередъ“ и т. п., а избушку его сравнять съ землею.

Хотя Шрамковъ и завелъ себѣ дробовикъ и рѣшительнымъ тономъ объявилъ „свинцовскимъ ребятамъ“: „ежели который изъ васъ близко подойдетъ къ моему дому, того тутъ и положу на мѣстѣ, не посмотрю ни на что!“ — „и полыхнулъ бы, видить Господь, полыхнулъ бы!“ — рассказывалъ онъ впоследствии объ этомъ эпизодѣ, — тѣмъ не менѣе онъ хорошо понималъ, что ему одному не выдержать борьбу съ многочисленнымъ сосѣдомъ. Нужно было на что-нибудь рѣшиться, тѣмъ болѣе, что онъ уже обжилъ тутъ и дорожилъ своей „усадьбой“, которая стоила ему столько трудовъ и безпокойствъ. Бросать все это не было никакого резона; гораздо лучше попытаться образовать тутъ цѣлое селеніе, завести „рассейскій“ поселокъ; — тогда можно будетъ противопоставить силѣ свинцовскихъ „ребятъ“ свою „рассейскую“ силу: и свинцовскіе тогда присмирѣли бы, да и жить „сумѣстяхъ“ было бы „куда веселѣе“. Мѣсто для поселка подходящее, вотъ только луговъ на степи нѣтъ, такъ можно было бы косить и на той сторонѣ Краснухи, въ Пальчиковской дачѣ, гдѣ „сѣнныхъ покосовъ“ страсть сколько, а то, еще лучше, у

свинцовскихъ: потому они и третьей части своей травы не выкашиваютъ, да и косить-то толкомъ не умѣютъ”, — разсуждалъ Шрамковъ.

Напавъ на эту мысль, Шрамковъ уже не могъ не попробовать осуществить ее, и поѣхалъ въ завѣдывавшему степью чиновнику. Тотъ одобрилъ его соображенія и благословилъ съ своей стороны на доброе дѣло.

— Сели, братецъ, сколько хочешь, — запрещать не буду, пусть только аренду исправно мнѣ платятъ, а потомъ можно будетъ хлопотать о форменномъ поселкѣ, — такъ передавалъ Шрамковъ свою бесѣду съ „рендателемъ“.

Не успѣлъ онъ возвратиться домой, какъ по степи „пошелъ слухъ“ о зарождающемся переселенческомъ поселкѣ на Шрамковской землѣ, и туда потянулись телѣги „ищущихъ землицы“. Шрамковъ началъ „приглашать“ ихъ селиться возлѣ него, и въ немного дней точно по волшебству выросла возлѣ еще недавно сиротливо-одиновой землянки — цѣлая деревня такихъ же землянокъ, дощатыхъ и холщевыхъ балагановъ и легкихъ шалашей изъ древесныхъ вѣтвей или просто опрокинутыхъ телѣгъ, прикрытыхъ какой-то рванью. Кругомъ закипѣла бойкая жизнь строительства. Съ каждымъ днемъ прибывали все новые и новые переселенцы и „садились на землю“ съ разрѣшенія Шрамкова, которое давалось имъ не иначе, какъ послѣ продолжительнаго торга и уплаты въ его пользу извѣстной мзды.

— Мнѣ нельзя не взять, — оправдывался Шрамковъ, — потому я обыскалъ это мѣсто, да сколько изъ-за него битвы принялъ... Я, можетъ, сколько тысячъ исходилъ, пова на него натыкался... А ему что, вы думаете, жаль рубля, либо тамъ двухъ? Онъ радъ и больше дать, только ты ему хорошее мѣсто укажи да дозволи селиться. Ежели бы я кого избидѣлъ, а то о нихъ же хлопочу, — прибавлялъ онъ, кивая головой въ сторону возводившихся землянокъ.

„Они“ же, т.-е. всѣ остальные переселенцы, не только платили Шрамкову за „дозволеніе жить“, но и совершенно подчинялись ему, признавъ за нимъ исключительную власть надъ собою. И онъ чувствовалъ себя хозяиномъ строящагося поселка: указывалъ, гдѣ селиться тому или другому, назначалъ улицы, площади, давалъ разрѣшеніе поселиться въ поселкѣ, разбиралъ возникавшія между переселенцами недоразумѣнія и проч. Особенно возросло его значеніе въ поселкѣ, когда „чиновникъ“, „для удобства надзора за арендаторами“ поселка, назначилъ его объѣзчикомъ. Если и ранѣе всѣ вновь прибывающіе переселенцы пред-

почитали имѣть дѣло по арендѣ съ Шрамковымъ, чѣмъ самимъ тащиться за сто верстъ въ чиновнику для уплаты ему за усадьбу рубля и для получения „квитка“, этого единственнаго доказательства правъ переселенца на землю, то теперь сношенія черезъ Шрамкова получили какъ бы узаконеніе свыше.

Прошло мѣсяца два, и Шрамковский поселокъ—это имя такъ и упрочилось за нимъ—разросся въ большое поселеніе, дворовъ около двухсотъ-пятидесяти, привольно размѣстившихся по степи. Среди переселенцевъ преобладало доброе, если не веселое настроеніе. Что же касается самого Шрамкова, то онъ сумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами своего положенія и основательно поправилъ свои дѣла.

— Кромѣ худенькаго полушубка на ѣмъ не было, а теперь, поглядика-сь, сколько всякаго добра завелъ!—говорили по этому поводу шрамковцы, это добродушно, а многіе съ нескрываемой завистью и примѣсью злобы.—Ему што!—прибавляли послѣдніе:—знай себѣ обчищай нашего брата-дурака да ѣзди въ чиновнику... Этакъ-то и всякій сумѣетъ.

Дома, однако, Шрамковъ себѣ не ставилъ, продолжая жить все въ томъ же „дворцѣ“, въ ожиданіи, когда вопросъ о поселкѣ будетъ окончательно разрѣшенъ. Теперешнее положеніе арендаторовъ не давало увѣренности въ будущемъ, даже въ ближайшемъ. Примѣру Шрамкова слѣдовали и нѣкоторые другіе изъ тѣхъ, кто могъ бы хорошо обстроиться; большинство же смотрѣло на дѣло иначе и слѣшило строиться и обзаводиться хозяйствомъ, видя въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ прочности поселка.

— Да неужто же стануть зорить теперь такое селеніе?—говорили они.—Ты посмотри, братецъ, какіе теперь дома построили, такъ можетъ ли быть, чтобы все это ломать приказали да выѣзжать отсюда? Тоже и начальство что-нибудь да понимаетъ—не станеть же зря народъ зорить!

А вопросъ о разрѣшеніи Шрамковскаго поселка не только не подвигался впередъ, но болѣе и болѣе запутывался и осложнялся.

Слухъ о новомъ поселкѣ на мѣстѣ Шрамковской заимки, а затѣмъ и появленіе на ней все новыхъ переселенцевъ, потянувшихся туда, какъ мухи на медъ, и селившихся тамъ, не обращая никакого вниманія на свинцовскихъ крестьянъ,—все это не могло не взволновать старожиловъ селенія Свинцовскаго, совершенно правильно усмотрѣвшихъ въ этихъ фактахъ начало конца ихъ безраздѣльнаго господства надъ степью.

Прежде всего они „бросились“ къ чиновнику, дававшему Шрамкову и другимъ переселенцамъ разрѣшеніе селиться на Дергачевской степи. Но съ нимъ „разговоръ былъ короткий“, хотя для нихъ достаточно убѣдительный, что „тутъ ничего-то, братецъ ты мой, не подѣлаешь“. Еслибы спросить: почему?—то можно бы отъ нихъ услышать такой отвѣтъ:

— Да, видишь ли, очень ужъ онъ заступаетъ за *ихъ*, не дастъ тебѣ слова сказать—сейчасъ начнетъ реветъ, ровно бугай...

Тогда они „побѣгли“ въ Пальчиковскій рудникъ, къ Евлампію Федоровичу Макарову, старому повыхчику, просить его „указать имъ путикъ“, какъ выжить непрошенныхъ гостей, что у нихъ за рѣвкой поселились. Макаровъ, нѣкогда служившій по горному вѣдомству землемѣромъ и съѣвшій зубы на кляузничествѣ, въ свое время „претерпѣлъ“ за лихоимство, а теперь занимался „частной практикой“, т.-е. письмомъ деревенскому и рудничному населенію всевозможныхъ жалобъ, кляузъ и доносовъ, чѣмъ и „питался“. Онъ пользовался репутаціей „доки“ и „дѣляги“, охотно берущагося за любое темное дѣло, которое онъ умѣлъ такъ ловко запутать, втянувъ въ него возможно болѣе число лицъ и учреждений, что потомъ требовалось много лѣтъ для примиренія враждующихъ сторонъ. Это былъ типичный представитель дореформенной Сибири, какихъ и теперь еще не мало по глухимъ уголкамъ края.

Макаровъ не сталъ „реветъ“ на свинцовскихъ, а говорилъ съ ними тихо и вкрадливо, понемногу растравляя навипѣвшія въ нихъ чувства къ Шрамкову, другимъ переселенцамъ и къ чиновнику, сдавшему имъ землю. Постепенно онъ утвердилъ ихъ въ мысли, что не только чиновникъ сдалъ землю незаконно, но что можно даже выхлопотать, чтобы переселенцевъ со степи „убрали вовсе“, для чего необходимо написать туда-то да „сбѣгать въ губернію“ къ одному человѣчку—„тотъ все обладитъ“. Но для этого нужны деньги, потому что „безъ денегъ что же сдѣлаешь; вездѣ нужно дать, безъ этого нельзя, сами понимаете“.

Послѣ переговоровъ и совѣщаній, неоднократныхъ поѣздокъ въ Пальчиково къ Макарову и интимныхъ съ нимъ бесѣдъ, свинцовское общество избрало довѣреннаго, котораго направило сначала въ Гадюкинскій рудникъ, гдѣ жилъ „особый“¹⁾, а затѣмъ—въ губернію. Макаровъ „для перваго случая“ написалъ только три „бумаги“, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ „слезницу“ на притѣсненія свинцовскихъ переселенцами и доносъ на

¹⁾ Такъ называютъ въ этой мѣстности чиновника по крестьянскимъ дѣламъ.

кого-нибудь изъ мѣстной администраціи по дѣлу, не имѣющему никакого отношенія къ „злѣбѣ днѣ“ свинцовскихъ крестьянъ,—въ родѣ того, что помощникъ лѣсничаго избидѣлъ попову кухарку. Это былъ обычный приѣмъ „адвокатской практики“ Макарова: „пусть теперь повернется другъ любезный!“—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Жалобы Макарова и посылка довѣреннаго, очевидно, возымѣли свое дѣйствіе, и губернія, что называется, пошла писать во всю. Этому много способствовали и сами шрамковцы, пославшіе въ свою очередь Шрамкова и другого переселенца Портянкина въ городъ, „хлопотать объ участкѣ“. На Шрамковскій поселокъ и селеніе Свинцовское посыпались, какъ изъ рога изобилія, всевозможныя „требованія“, „справки“, „дознанія“, „разслѣдованія“, „составленіе списковъ“, и пр., и пр., что только изобрѣтено канцеляріей, для которой жизнь деревни есть лишь отраженіе листа бумаги за №. Бумажныя требованія чередовались съ наѣздами властей—отъ своихъ волостныхъ начальниковъ до „подземельнаго генерала“. А такъ какъ все это „начальство“, начиная съ самаго низшаго—объѣздчика и старшины, принадлежало къ различнымъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ, смотрѣвшимъ съ разныхъ точекъ зрѣнія на многіе мѣстные вопросы, въ томъ числѣ на земельный и переселенческій, то между наѣзжавшими лицами не могло не возникнуть разногласій, переносившихся и въ самыя учрежденія,—а это неизбѣжно приводило къ тому, что съ давнихъ поръ извѣстно подъ именемъ „пререканія властей“, т. е. къ положенію, при которомъ всякое дѣло тормозится или получаетъ уродливую форму. Ближайшими выразителями такого „разномыслія властей“ на мѣстѣ являлись объѣздчикъ и писарь со старшиной, а нѣсколько повыше—все тотъ же „рендатель“, благодаря разрѣшенію котораго возникъ поселокъ, почему онъ волей-неволей вынужденъ былъ „держатъ руку“ переселенцевъ, и „особый“, ставшій, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на сторону старожиловъ.

О прежнихъ добродушно-ворчливыхъ перебранкахъ, какія иногда велись между свинцовскими и шрамковскими жителями, теперь не было и помину;—ихъ замѣнила открытая война, весьма богатая вражескими набѣгами, схватками и если не человѣческими жертвами, то многочисленными и разнообразными членовредительствами. Свинцовскіе подвергли поселокъ правильному и систематическому бойкоту, подъ тяжестью котораго стонали переселенцы, не будучи въ силахъ противопоставить ему хоть что-нибудь, кромѣ всевыносящаго русскаго терпѣнія.

Переселенцы, не успѣвшіе еще обзавестись не только хозяйствомъ, но часто и просто какой-нибудь кровлей, которая прикрывала бы ихъ ребятишекъ отъ дожда и холода, въ первое время поселенія нуждались рѣшительно во всемъ. Имъ нуженъ былъ и хлѣбъ, и сѣно, и лѣсъ на постройку, и какой-нибудь гвоздь или веревка. Прежде же всего нужно было хоть какое-нибудь жилище, хоть яму въ землѣ, гдѣ можно было бы укрыться отъ непогоды; но и для устройства ямы требовался и заступъ, и жерди, и многое другое, чего со стороны даже и незамѣтно. Но этими, такъ сказать матеріальными заботами не исчерпывались ихъ нужды: у одного ребенокъ „десять дѣнь животомъ маялся и померъ, Господь знаетъ, съ чего“ — ему нужно удостовѣреніе старосты „для преданія землѣ“ младенца; другому требуется засвидѣтельствовать повѣству, безъ чего не выдадутъ на почтѣ двухъ цѣлковыхъ, присланныхъ „сродственниками“ изъ дому; тому нужно справку для попа о годахъ дочери, которую онъ выдаетъ замужъ; этому — приложить печать въ довѣренности, которою шрамковцы уполномочивали его идти въ городъ и хлопотать объ участкѣ, и т. д., и т. д. Многочисленны и разнообразны были эти нужды, обступавшія каждаго переселенца съ перваго же дня его появленія на „новомъ мѣстѣ“. За очень многими изъ нихъ шрамковцамъ приходилось обращаться въ ближайшее старожиловское селеніе, т.-е. въ Свинцовское, гдѣ былъ и староста, который одинъ только и могъ, гдѣ требуется, „приложить печать“; были и лавочки, торговавшія „крестьянскимъ товаромъ“; тутъ же можно было купить у „богатенькихъ“ и муки, и овса или сѣна, и всего, что нужно. А главное, въ Свинцовскомъ можно было наняться на работу и „зашибить малую толику деньга“, т.-е. получить именно то, въ чемъ каждый переселенецъ такъ сильно нуждался. Все это могло бы дать переселенцамъ Свинцовское, но его жители именно тутъ-то и прижали шрамковцевъ, да такъ, что тѣ не знали въ первое время, что и дѣлать.

— Что есть, дыхнуть не даютъ, проклятушіе, какъ есть — дыхнуть не даютъ! — жаловались они на свинцовскихъ крестьянъ каждому, съ кѣмъ только встрѣчались, и кто обнаруживалъ хоть малѣйшее желаніе ихъ выслушивать.

Средства „прижимки“, употреблявшіяся старожилами въ приѣзженіи къ своимъ сосѣдямъ, были весьма разнообразны.

Свинцовское „общество“, руководимое въ этомъ случаѣ пятью-шестью „могучими“ мужиками, постановило рядъ приговоровъ, которыми опредѣлялись его отношенія къ переселенцамъ Шрам-

вовскаго поселка. Этими приговорами они такъ „обставили“ переселенцевъ, что положеніе тѣхъ стало далеко не изъ легкихъ.

Никто изъ жителей Свинцовскаго отнынѣ не имѣлъ права пускать въ себѣ на квартиру переселенца, какою бы тотъ ни давалъ плату, какъ бы ему ни была необходима квартира въ виду приближавшейся зимы. Никто не могъ ни для какихъ работъ нанять переселенца, какъ бы онъ ни нуждался въ его услугахъ. Нельзя ничего продавать шрамковцамъ—ни топора, ни муки или сѣна, веревки или жерди—ничего. Старостѣ и писарю было „строго-на-строго заказано“ шрамковцамъ никакихъ справокъ не давать, жалобы отъ нихъ „не принимать“, „печать нигдѣ не приглядывать“. Ежели шрамковская скотина попадетъ въ свинцовскую „грань“,—„безпремѣнно штрафовать“ хозяевъ, и т. д.

Каждое такое требованіе обусловливалось соотвѣтствующимъ крупнымъ денежнымъ штрафомъ въ случаѣ его нарушенія, и никто изъ свинцовскихъ, ни староста съ писаремъ, не рѣшались ослушаться „общества“ и неуклонно выполняли всѣ подобныя требованія. Единственное исключеніе составлялъ старикъ Липуновъ, рѣшавшійся иногда потихоньку отъ своихъ продать шрамковцу пудикъ-другой муки; но и тотъ постоянно опасался, какъ бы кто не узналъ.

И шрамковцы, что называется, „взвыли“! Теперь имъ за всякимъ пустякомъ приходилось „гонять“ версты за двадцать-пять, тридцать, а то и дальше. Пришлось подыскивать подставныхъ лицъ, черезъ которыхъ можно было бы купить у свинцовскихъ сѣна, которымъ тѣ „торговали на всю округу“; вмѣсто старосты, обращаться въ волость, гдѣ встрѣчали ихъ далеко не любезно и посылали „ко всѣмъ чертямъ“, не хуже свинцовскаго старосты; случалось, засаживали въ катлажку, а бывало и хуже—„растигивали“...

— Это у насъ просто дѣлается, — разъяснялъ волостной писарь недоумѣвающимъ чиновникамъ изъ тѣхъ, что наѣзжали по „шрамковскому дѣлу“:—растянуть, да и съ концомъ!

— Да за что же?

— Не безповойтесь: *они* отлично знаютъ, за что!

Шрамковцы постоянно чувствовали себя въ положеніи людей, находящихся въ осадѣ. Забрела переселенческая лошадь на „грань“ свинцовскихъ,—тѣ живо ее загонять въ селеніе и держать ее голодною, пока не явится ея хозяинъ и не уплатить обществу выкупа. Они хорошо знаютъ, что хозяинъ непременно придетъ, и тотъ дѣйствительно приходитъ въ старостѣ и про-

снть возвратитъ ему „животъ“. Наругавъ его достаточно, староста садитъ его въ „холодную“, баковую замѣняетъ его, старостинъ, амбаръ,—„въ яму“, говорятъ шрамковцы.

— Да я что же сдѣлалъ, Иванъ Парфенчычъ? Ослобоните—дома работа ждетъ,—проситъ переселенецъ.

— А вотъ посидишь до вечера, такъ и узнаешь, что сдѣлалъ,—отвѣчаетъ староста, толкая его въ загривокъ и водворяя въ амбаръ.

Вечеромъ его освобождаютъ изъ „ямы“, онъ получаетъ злополучную лошадь, сутки остававшуюся голодною и въ работѣ, и уходитъ домой, самъ голодный и обремененный, оставивъ „обществу выкупъ“ въ формѣ полуведерка водки.

Не всегда, впрочемъ, такъ благополучно кончаются для шрамковцевъ чуть не ежедневно возникающія „дѣла о потравѣ“: случается, что онъ возвращается домой не только безъ полубубка, который оставленъ цѣловальнику за купленную обществу водку, но еще и избитымъ, въ разорванной рубахѣ, безъ шапки.

Для возникновенія подобныхъ дѣлъ особенныя удобства представляетъ „верхній конецъ“ поселка, почти вплотную примыкающій къ заимкѣ волостного засѣдателя, Кузьмы Ивановича Чуманова. Чумановъ не принадлежитъ къ свинцовскому обществу: онъ „бергаль“, „обуватель“ Пальчиковскаго рудника. Тѣмъ не менѣе ему также мѣшаетъ Шрамковскій поселокъ, такъ какъ онъ хорошо понимаетъ, что ему придется бросить свою заимку, которая не можетъ не отойти въ дачу поселка, если послѣднй будетъ разрѣшенъ и переселенцы останутся тутъ. Чумановъ—богатый мужикъ, на заимкѣ имѣетъ хорошій, двухъ-этажный домъ, пасѣбу, много скота. Все это ему жалко „нарушать“, и онъ злобствуетъ на непрошенныхъ сосѣдей. Заимка его такъ расположена, что скотинѣ шрамковцевъ на ея земли „никакъ невозможно“ не попасть, и тутъ-то чаще всего и происходятъ „поймы“ скота, а нерѣдко и драки у шрамковцевъ съ свинцовскими и чумановскими.

Противъ Чуманова шрамковцы чувствуютъ себя особенно безсильными, во-первыхъ, потому что онъ „за-одно съ свинцовскими“, во-вторыхъ, потому что на его заимку часто прѣзжаетъ въ гости волостной писарь, съ которымъ Чумановъ „все можетъ“. Тяжелый повседневный опытъ убѣдилъ ихъ въ этомъ.

Случился какъ-то въ поселкѣ чиновникъ, прѣбывшій изъ города и съ утра сидѣвшій-на улицѣ за работой, окруженный толпой переселенцевъ. Тутъ же вертѣлись волостной писарь и нѣсколько свинцовскихъ крестьянъ. Съ мѣста работы хорошо

была видна Чумановская заимка, вдругъ привлечшая къ себѣ вниманіе толпившихся у стола переселенцевъ.

— Ишь, опять разбойствуютъ! — слышалось въ толпѣ сдержаннымъ полушопотомъ.

— И не говори, парень...

— Чтò тамъ такое? — поинтересовался чиновникъ.

— Да, вонъ, чумановскіе опять... неопредѣленно отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

На лугу, за Чумановской заимкой можно было видѣть нѣсколько человѣкъ, бывшихъ кого-то, кого у нихъ старалась отнять женщина; кривовъ, за дальностью разстоянія, слышно не было. Ближе этой толпы, по направленію къ заимкѣ, парень гналъ пару лошадей.

Чиновникъ распорядился, чтобы изъ поселка послали объѣздчика прекратить драку. Черезъ нѣкоторое время слышались шумъ и крики толпы, которая направлялась къ столу чиновника. Впереди, безъ шапки, съ всклокоченными волосами, въ изорванномъ полушубкѣ и съ окровавленнымъ лицомъ шелъ переселенецъ, бережно поддерживая одной рукой другую, завернутую въ полушубокъ. Рядомъ съ нимъ шла и „голосила“ растрепанная женщина. Толпа состояла человѣкъ изъ двадцати-тридцати переселенцевъ и старожиловъ. Среди послѣднихъ видна была и благообразная фигура старика Чуманова, съ длинной бородой, почти совсѣмъ сѣдой, и узкими, глубоко прятанными глазами.

Изъ разспросовъ выяснилось, что избитый мужикъ и его жена — переселенцы Шрамковскаго поселка. Ихъ лошади попали въ чумановскій лугъ; когда они побѣжали выгонять коней, на лугу ихъ настигли чумановскіе работники и избили, если не при участіи, то въ присутствіи самого Чуманова.

— Развѣ можно такъ бить человѣка! — негодуетъ чиновникъ, указывая на переселенца съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, уродливо вздувшейся губой, полузакрытымъ глазомъ и спекшимися отъ крови волосами; съ лѣвой руки капала кровь и одежда была также въ крови.

— Помилуйте, вашескородіе, — отвѣчалъ Чумановъ: — можетъ ли это быть, чтобы, къ примѣру, мы теперь стали на глазахъ вашей милости этапъ бить человѣка? Кто же этому повѣритъ!

— Пустое это они говорятъ на насъ, — поддержалъ Чуманова другой старожилъ, его работникъ: — по злобѣ, значить, что его кони въ „протравѣ“ были, а мы ихъ загнали; вотъ они и досаждаютъ на насъ, да еще начальству жалуются, что избили ихъ.

Въ виду столь категорическаго заявленія, чиновникъ съ изумленіемъ спросилъ переселенца, кто же билъ его съ женою.

— Да вотъ они же и били, — указала тотъ на только-что говорившаго и нѣсколькихъ мужиковъ. — Мы, какъ увидели коней въ лугу, побѣгли выгонять ихъ, а Чумановъ съ работниками ужъ загоняетъ ихъ. Одного-то коня я поймалъ и за поводокъ держалъ вотъ этой рукой, не лусвалъ, — такъ меня Чумановъ-то самолично стягомъ по руцѣ ударилъ, вотъ по этому самому мѣсту, расшибъ руку-то вовсе, я и поводокъ опустилъ... Потомъ бить меня зачали, повалили на землю... Баба стала отнимать-было, ее оттащили, да плюхи двѣ и ей поднесли...

Баба громко всхлипывала, утирая глаза и ротъ концомъ головного платка.

— Какъ мужа-то мово повалили, я только...

— Не вѣрьте имъ, вашескородіе, врутъ все они, — перебилъ бабу Чумановъ, съ улыбкой глядя на побитаго переселенца. — Кому пришла нужда бить его? Пустое болтаютъ! Это онъ, вашескородіе, по насѣрдкѣ на нашихъ несетъ... Не слушайте его — никто его не трогалъ... Коней точно загнали, а бить не били...

— Такъ кто же его все-таки избилъ? — вновь спрашиваетъ чиновникъ, обращаясь уже къ Чуманову и другимъ старожиламъ.

— А такъ, значить, вашескородіе, что и никто, — отвѣчаетъ Чумановъ, продолжая едва замѣтно улыбаться. — Потолкать его, „двистительно“, потолкали мало-мало, ну, а бить не били, надо правду сказывать.

— Какъ не били? А почему же онъ весь въ синякахъ и въ крови? — начинаетъ горячиться чиновникъ. — Ты чего дурака-то валять пришелъ сюда? Кто его избилъ, спрашиваю тебя?

— А такъ надо обсказать, вашескородіе, что и никто не билъ, а онъ самъ себя поцарапалъ, чтобы показаться вашей милости въ такомъ, значить, видѣ: поглядите, моль, что дѣлаютъ надъ нами старожители... Надо прямо говорить — вредный мужиченко, сумнительный!.. Пустое болтаетъ!

— Они всегда такъ, — развиваетъ мысль Чуманова свиновскій мужикъ: — испарываетъ себѣ морду, либо болячку какую сколупнетъ, искрованитъ себя всего и идетъ жалиться къ начальнику, который ежели пріѣдетъ въ поселокъ: — меня, моль, старожители избидѣли.. А кто его обиждалъ? никому онъ не нуженъ... Только и было всего, что евоныхъ коней загнали...

— Это какъ есть, — слышится въ толпѣ старожилковъ.

Чиновникъ возмущенъ. Переселенецъ съ искаженнымъ отъ боли лицомъ покачиваетъ избитую руку. Его жена плачетъ.

Молчать другіе переселенцы; молчать и старожилы. Чумановъ по прежнему стоитъ сповойно, поглаживаетъ свою сѣдую, апостольскую бороду и щуритъ глаза.

— Позвольте разяснить вашему высокоблагородію, — говоритъ писарь, подходя къ столу и изгибаясь: — много у нихъ тутъ грѣха бываетъ, частовременно и въ волость приходятъ жаловаться другъ на друга — тотъ того избидѣлъ, другого побили или еще какое оворство сдѣлали... Только вѣрить имъ не приходится, — очень ужъ, повѣрите ли, изолгался народишко, — такъ изолгался, что и сказать нельзя! Я ужъ на нихъ достаточно наглядѣлся...

Вечеромъ того же дня переселенцы говорили чиновнику:

— Давъ сами изволили видѣть, что Чумановъ дѣлалъ... Окажите, вашескородіе, милость, подайте намъ руку-помощь! Ежели они такъ поступаютъ при вашей милости, что же они безъ васъ-то дѣлаютъ, хоть бы тотъ же Чумановъ! Чистое разбойство, не знаемъ, какъ и жить будемъ дальше...

— Жалуйтесь въ волость! — посовѣтовалъ чиновникъ.

— Жаловались, да толку-то что? только и есть, что въ холодной посидишь. Въ волости-то за столомъ тотъ же Чумановъ сидитъ, да писаришка энтотъ съ имъ же, да еще старшина — всѣ за-одно. Въ волость какал ужъ правда!..

— Ну, жалуйтесь „особому“.

— Были и у особаго — и тоже ничего, на ихнюю же сторону норовить... Рассейскихъ-то особый, сказываютъ, шибко не любить — „бродяги, говоритъ, они, а не люди!“... А мы какіе же, вашескородіе, бродяги, сами посудите! Того же государя дѣтки, что и старожилаи...

Чтобы „мало-мало поучить шрамковскаго лапотника“, для этого не всегда требуется даже и поводъ въ родѣ „протравы“ и поимен переселенческой клячи въ свинцовской „гранѣ“. Иногда „ученье“ упрощается до послѣдней степени.

Поѣхали два шрамковца въ Пальчиновскій рудникъ за мукою. Дѣло было къ вечеру въ праздникъ. Въ Свинцовскомъ, черезъ которое переселенцы должны были ѣхать, у кабака собрался народъ — „пить не пили, а лясы точили“.

— Ниваждъ шрамковскіе лапотники ѣдутъ, — замѣтилъ одинъ изъ „старичковъ“, когда на улицу въѣхали двѣ переселенческія телѣги.

— Шрамковскіе и есть, — отвѣчаетъ другой.

Эти замѣчанія привлекли общее вниманіе праздной толпы къ приближающимся телѣгамъ.

— И за коимъ лѣшимъ ихъ, подлецовъ, носить тутъ? — слы-

шится изъ нея.—Ѣздили бы по степи, глаза бы мои не видали ихъ, варнаковъ.

— Степью бы и надо,—отзываются сочувственно.

Въ это время переселенцы поровнялись съ кабакомъ.

— Шрамковскіе?—кричитъ здоровенный мужчина, съ рыжей бородой, обращаясь къ ѣхавшимъ.

— Шрамковскіе, поштенный, шрамковскіе...

— Куда понадобилось ѣхать эку пору?—спрашиваютъ свинцовскіе, и нѣсколько человекъ подходятъ къ остановившимся телѣгамъ.

— Въ рудникъ,—хлѣба надобно купить завтра.

— Въ рудникъ! А какое полное право вы теперь можете ѣздить въ рудникъ черезъ наше селеніе? Вамъ кто указалъ тутъ путь?—спрашивали свинцовскіе.

Переселенцы—въ недоумѣніи.

— Кто указалъ? Никто—дорога потому, всѣ ѣздятъ...

— Всѣ, да не ты, косорылый чортъ! Всѣ ѣздятъ, а ты не могъ!—вдругъ обомлелъ допрашивавшій мужикъ.—Занадобилось ѣхать, должнъ спроситься: дозвольте, старички, проѣхать вашей дорогой! Ты вотъ какъ дѣлай, балда російская!

— Да намъ чтò спрашивать? дорога большая, нешто можно заказать по ей ѣздить?—возражаютъ переселенцы.

— Вотъ ты попробуй другой разъ поѣхать, такъ узнаешь, можно либо нѣтъ! Тебѣ толкомъ сказываютъ: вамъ, шрамковцамъ, не смѣть тутъ ѣздить, ты и слухай, да другой разъ не ѣзди.

— Намъ гдѣ же ѣздить-то, коли не тутъ?

— Поѣзжай своей стороной, степью, значить, а къ намъ не моги—не пустимъ!

— Еще чего придумаете?—возразилъ съ передней телѣги переселенецъ, которому это требованіе показалось совсѣмъ уже дивнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ, и тронулъ лошадь возжами, чтобы ѣхать дальше.

— Да ты никакъ, парень, бѣжать отъ насъ вздумалъ? Нѣтъ, стой! Давай обчеству выкупъ, потому ты по нашей дорогѣ ѣздишь, а мы должны потомъ за тебя дорогу править... Ставь угощенья!

Присутствующимъ эта мысль такъ понравилась, что они заступили переселенцамъ путь и также стали требовать „угощенья“.

— Ничаво, ставь да и все!

Переселенцевъ возмутила такая наглость.

— Да вы чтò это—разбойничать зачали, что-ли, среди-то

деревни?—врикнунъ одинъ изъ нихъ, понукая лошадь.—Пусти, говорю! Ну!

— Такъ ты этакъ разговариваешь!? Тащи, ребята, его съ телѣги!..

Нѣсколько человѣкъ бросилось „тащить“ сопротивлявшихся переселенцевъ; произошла драва, въ которой и избили шрамковцевъ. Съ лошадей хомуты снимали, въ телѣгахъ порубили колеса, да еще въ холодной сутки продержали избитыхъ. Жалобы шрамковцевъ ни къ чему не повели, но съ этого времени они избѣгаютъ ѣздить черезъ Свинцовское.

Источникомъ такого отношенія старожиловъ къ переселенцамъ вновь возникающаго поселка являлись не только повседневныя столкновенія тѣхъ и другихъ, не только чрезмѣрная близость сосѣдства неизвѣстно откуда взявшихся людей, чуждыхъ и по обычаямъ, языку, даже по одеждѣ и чисто внѣшнимъ чертамъ. Можетъ быть, гораздо больше приходится отнести въ этомъ случаѣ на счетъ прошлаго Свинцовскаго селенія и еще болѣе—прошлаго всего края. На этой чертѣ стоить остановить вниманіе.

Дергачевская степь или, какъ чаще ее называютъ мѣстные жители, Дергачи, гдѣ засѣли Шрамковъ и другіе переселенцы, еще недавно была „вольной“, и пользованіе ею для старожиловъ немногихъ селеній по р. Краснухѣ не сопровождалось никакими дополнительными платежами, въ видѣ аренды и пр., которые вытекали бы изъ самаго факта пользованія. „Паши, гдѣ хочешь“—вотъ краткая формула, въ которую весьма удобно укладывались отношенія къ Дергачамъ старожиловъ при краснухинскихъ селеніяхъ, а въ томъ числѣ и Свинцовскаго. Мало кто пахалъ въ то время, — больше возили руду, уголь да дрова на рудники и заводы; а кто пахалъ, тотъ ѣздили на степь верстъ за тридцать-пятьдесятъ, бывало—и за сто; паши же въ десяти-пятнадцати верстахъ считались уже близкими. Да и пахали не помногу — „хватало бы хлѣба для себя да овса для коней“. Хозяйство держалось главнымъ образомъ на скотоводствѣ, чему много способствовало обиліе луговъ по Краснухѣ, превосходная пастбища на степи да то, что скотоводство почти не требовало мужского труда, который цѣликомъ уходилъ на заводскія работы по доставкѣ руды и угля. Прикраснухинскіе крестьяне, какъ и всѣ крестьяне того времени въ краѣ, были приписаны къ мѣстнымъ горнымъ заводамъ и рудникамъ, на которыхъ обязаны были отбывать извѣстныя работы. Земля тогда никто не цѣнилъ и не жалѣлъ.

— Чего ее жалѣть?—еще недавно говорили старожилы:— у Господа ее, матушки, достаточно, на всѣхъ хватить!

Новѣйшія времена, однако, показали, что это не совсѣмъ такъ.

„Обязательный трудъ“ отошелъ въ вѣчность, но крестьяне еще въ некоторое время держались за прежніе промыслы по доставкѣ угля и возкѣ руды. Но съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній начало падать и все горное дѣло въ краѣ, постепенно соображаясь, пока не прекратилось совсѣмъ. Параллельно этому шло и паденіе крестьянскихъ промысловъ—возки руды и доставки угля. Крестьяне вынуждены были все болѣе налегать на землю, взявшись за соху, хотя сначала и съ большой неохотой. Отношеніе къ землѣ теперь было уже далеко не то, что въ предшествовавшій періодъ: ее начали цѣнить.

На ряду съ этимъ процессомъ наблюдалось и другое явленіе. По сибирскимъ дорогамъ вдругъ откуда-то потянулись толпы голодныхъ, съ кучей ребятъ на рукахъ, російскихъ переселенцевъ, которые „зачали землю исхать, что, значить, плохо лежать“... Много было по Сибири такихъ, по остроумному опредѣленію самихъ крестьянъ, плохо лежащихъ земель, много ихъ было и въ нашемъ углу. Но велика, почти ненасытна была „жадность“ къ нимъ этихъ истомленныхъ, жалкихъ лапотниковъ, количество которыхъ съ каждымъ годомъ росло въ Сибири, и къ которымъ старожиловская Сибирь относилась съ несправедливымъ презрѣніемъ за ихъ нищету, грязь и лапти. Появились они и на Дергачахъ и, какъ „столбовые пахаря“, быстро оцѣнили, конечно, всѣ достоинства этой степи, на сотни верстъ „въ пустѣ лежащей“, лишь кое-гдѣ пестрѣвшей немногими полосками старожиловскихъ папешъ. И на степи начали, какъ грибы, расти переселенческіе поселки, а черезъ немного лѣтъ они непрерывной цѣпью растянулись по ту сторону степи, противъ прикраснухинскихъ селеній. И всѣ эти „россійскія деревни“ получили въ свое распоряженіе огромные участки земли, вырѣзанные изъ степи. На каждый участокъ приходилось пятнадцать-двадцать тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли. Недавнее степное приволье стало быстро, словно по волшебству, исчезать, на глазахъ таять.

Прикраснухинскіе старожилы все это видѣли, но пока мало беспокоились, такъ какъ поселки возникали хотя и на ихней землѣ, но настолько далеко, что рѣдко кто изъ хозяевъ заходилъ со своей сохой туда. Пока они только удивлялись: откуда валить „такая сила“ этихъ російскихъ? Быстро, однако, ихъ

изумленіе перешло въ тревогу, временами осложнявшуюся злобой, которую вызывало какое-нибудь частное столкновение съ переселенцами. Старожилы очень скоро разглядѣли въ переселенцѣ, этомъ забитомъ, едва прикрытомъ лохмотьями человѣкѣ съ покорностью во взорѣ и всей фигурѣ—врага окружающаго ихъ приволья, врага, который въ концѣ концовъ приберетъ къ своимъ крѣпкимъ рукамъ не только „плохо лежащую въ казнь“ землю на степи, но, пожалуй, захватитъ и тѣ земли, что старожилы имѣютъ въ своихъ „дачахъ“, которыми они пользуются по „плантамъ“, имъ хорошо извѣстнымъ. Въ подтвержденіе возможности, даже необходимости такого конца, текущая дѣйствительность приносила имъ все новые факты о происходящихъ въ другихъ селеніяхъ столкновенияхъ съ переселенцами, причемъ эти еще недавно смиренные лапотники производили захваты старожиловскихъ земель, а то и совсѣмъ выживали самихъ старожиловъ, и количество такихъ фактовъ чуть не ежедневно возрастало.

Все это также увеличивало въ глазахъ старожиловъ значеніе земли, къ которой онъ еще недавно былъ столь равнодушенъ, и заставляло его дорожить ею. Переселенцы, столь „жадные“, по опредѣленію старожиловъ, къ землѣ, показали имъ на примѣрѣ, что земля имѣетъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ до сихъ поръ думали старожилы, что при извѣстныхъ условіяхъ затрачивать на нее трудъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ на рубку заводскихъ дровъ и пр. Изъ старожиловъ стали выдѣляться отдѣльныя хозяйства „могучихъ мужиковъ“, по примѣру переселенцевъ взявшіяся вплотную за соху и заводившія такія же обширныя запашки, какъ и тѣ. А такъ какъ и переселенческое, и старожиловское, сколько-нибудь крупное хозяйство велось главнымъ образомъ на цѣлинахъ, то вскорѣ же обнаружилось своеобразное „утѣсненіе“ въ старожиловскихъ дачахъ: для „богатенькихъ“ ужъ не вездѣ хватало цѣлинныхъ земель, и они обратили свои взоры на степи, на тѣ самыя „пустолежація земли“, къ которымъ они еще недавно относились презрительно. „Что въ ей толку—одна сухмень“,—говорили они,—но переселенцы показали, что эта „сухмень“ даетъ превосходные урожаи лучшихъ сортовъ пшеницы. Эти степи для прикарасухинскихъ старожиловъ явились запаснымъ фондомъ, къ которому они въ лицѣ своихъ богатѣевъ и обращались по усмотрѣнію. За такое пользованіе они по прежнему не платили аренды, потому что эти земли они „изъ вѣку занимали“, т.-е. пасли на нихъ скотъ, а изрѣдка и „припахивали“.

Но принять степи стали не только прикраснухинскіе крестьяне, а и ближайшее „подземельное“ начальство, убѣдившееся также изъ ежедневныхъ фактовъ, что степь пригодна не только для того, чтобы по ней руду да уголь возить на заводы, но и для того, чтобы „припускать“ къ ней російскаго лапотника: онъ за нее будетъ давать деньги, и станутъ приносить эти „въ пустѣ лежащія“ земли, еще вчера „не стоившія вниманія“, доходу больше, чѣмъ тотъ же Пальчиковскій рудникъ, кромѣ убытку, ничего не дававшій. Такимъ образомъ возникла аренда, которой подлежали всѣ пользовавшіеся „степью“. Но новый порядокъ, которому не могли сочувствовать тѣ, кто ближе всего былъ заинтересованъ въ пользованіи землею, т.-е. крестьяне, прививался плохо, и дѣло, что называется, „валило черезъ пень-колоду“, вяло, неувѣренно, съ отступленіями и колебаніями. Долго все велось „по старинкѣ“, и „рѣденскій“ соглашался платить аренду— на иное большое селеніе находился одинъ такой чудакъ. Но времена все-таки измѣнчивы: пріѣхалъ новый „рендатель“ и круто „все повернулъ по своему“.

— Я васъ, мерзавцевъ, приведу въ христіанскую вѣру!— говорилъ онъ прикраснухинскимъ мужикамъ, когда тѣ на его требованіе уплатить аренду говорили, что степь „исковѣшная ихняя“, да что у общества есть изъ губерніи „бумага“ и т. п.

Но „мерзавцы“ продолжали отлынивать отъ платежей. На нихъ составлялись протоколы, которые начинали путешествовать по встанціямъ, взыскація затягивались въ безконечность, а расписки все продолжались. Мужики посмѣивались, видя бесплодность усилій рендателя „обратить ихъ въ христіанскую вѣру“.

— Ничего, пусть покричитъ баринъ, — говорили они:— проживетъ съ нами—обнатурится!

Но „баринъ“ не захотѣлъ „обнатуриться“ и рѣшилъ употребить переселенцевъ, какъ своеобразное орудіе „обращенія“. Пріемъ оказался очень простымъ. Пріѣзжаетъ чиновникъ въ деревню, собираетъ мужиковъ.

— Предписано съ васъ аренду взыскать, платите,— объясняетъ онъ собравшимся.

— Кубить не за што, вашескородіе, потому мы казеннымъ ничѣмъ не займемся.

— На Дергачахъ пашете—за эту землю и платите.

— Помилуйте, вашескородіе, да за што же? Да мы на Дергачахъ теперь исконвѣшные пахаря, и никогда съ насъ взыску не было...

И такъ далѣе.

— Такъ не будете платить?—спрашиваетъ въ десятый разъ чиновникъ.

— Да мы отчего, вашескородіе, не хотимъ! Только платить-то не за что, потому она, пашня то-ись, исконвѣшная наша, какъ еще, можетъ, тутъ дѣдушки селились, все наша.

— Ну, я съ вами больше разговаривать не стану... Не хотите платить—ваше дѣло, а я тутъ посажу переселенцевъ—они будутъ платить, да еще и благодарить меня станутъ.

— Мы не можемъ указывать, что вашему скородію дѣлать надлежитъ. Только взносу съ насъ никогда не было.

— Смотрите, потомъ жалѣть будете,—убѣждаетъ ихъ чиновникъ,—да поздно.

— Намъ что жалѣть,—какъ начальство... Мы не супротивники... А что, дѣйствительно, дергачевская пашня споконвѣшная наша—это и каждый скажетъ, спросите, кого желаете... А платить намъ не приходится...

Въ результатѣ, на „исконвѣшной“ землѣ появляются въ качествѣ арендаторовъ переселенцы, которые не только рады „платить“, но, дѣйствительно, еще и „благодарятъ“. Чтобы сохранить свои пашни отъ перехода въ руки переселенцевъ, начинаютъ понемногу платить и старожилы. Проидетъ извѣстное время, и, смотришь, „обращеніе“, дѣйствительно, состоялось, притомъ самое реальное, выразителемъ чего является возвысившаяся доходность степи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надолго испорчены отношенія между старожилами и переселенцами. Гдѣ оказывалось удобнымъ, тамъ арендные переселенческія займки превращались сначала въ арендные поселки, а затѣмъ имъ „нарѣзались участки“, и селеніе становилось „новымъ переселенческимъ поселкомъ“.

Такъ именно и возникли всѣ эти Григорьевки, Гусевки, Сапожкины-пади, Красноярки и многіе другіе поселки, которыми пестрятъ теперь Дергачи.

Какъ мы уже знаемъ, тѣмъ же путемъ образовался и Шрамковскій поселокъ, „подъ носомъ“ у селенія Свинцовскаго.

Кромѣ общихъ причинъ, это селеніе имѣло и нѣкоторыя частныя свои причины быть недовольнымъ появленіемъ на „ихъ степи“ переселенцевъ. Обладая собственной обширной дачей, свинцовскіе крестьяне имѣли относительно мало удобныхъ для хлѣбопашества земель, и отсутствіе хорошихъ пашенъ давало себя чувствовать. Этимъ объясняется, почему почти всѣ свинцовскіе пахаря перенесли свою дѣятельность за рѣку, на степь,

гдѣ широко и развернули свои силы. Немного было этихъ пахарей, но все народъ крупный: одинъ запахивалъ болѣе 100 десятинъ, другой—десятинъ 80, не меньше того третій, и т. д. Вотъ этимъ-то „могутимъ мужикамъ“ и было особенно невыгодно появленіе въ степи переселенцевъ, которые должны были сократить ихъ хозяйственный размахъ. Они главнымъ образомъ и воодушевляли своихъ односельчанъ на сопротивленіе, разжигали въ нихъ страсти и натравливали на шрамковцевъ.

Во главѣ общества стала небольшая кучка зарѣчныхъ пахарей, человекъ пять-шесть, можетъ быть, но все народъ съ большимъ характеромъ, настойчивостью и умѣньемъ вліять на окружающую среду. Спокойные, выдержанные, умные, но холодные и жесткіе, они могли бы служить превосходными образцами того типа сибирскаго крестьянина, который въ нашей литературѣ нерѣдко смѣшивался съ сибирскимъ крестьяниномъ вообще. Самой крупной фигурой въ этой небольшой сплоченной кучкѣ свинцовскихъ воротилъ былъ Алексѣй Тимоѣевичъ Шадринъ, крѣпкій старикъ, имѣвшій не менѣе ста двадцати десятинъ запашки, десятковъ семь-восемь лошадей, до полусотни коровъ, и т. д. Ясно, что для него подчиненіе какому-нибудь пятнадцати-десятиному надѣлу было, по меньшей мѣрѣ, невыгодно, если не прямо разорительно. Добровольно онъ согласился бы уступить шрамковцамъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы ему было очевидно, что его хозяйство съ переносомъ въ собственную дачу не понесетъ крупныхъ ущербовъ, какіе неизбежно влечетъ за собой сокращеніе хозяйства. И онъ является однимъ изъ яростнѣйшихъ противниковъ шрамковцевъ, увлекая за собою другихъ. Обладая большимъ умомъ, онъ сумѣлъ такъ повести дѣло, что интересы его и зарѣчныхъ пахарей свинцовское общество искренно смѣшивало долгое время со своими собственными и грудью защищало ихъ отъ опасности, угрожавшей имъ со стороны шрамковцевъ. Нужно было много мѣсяцевъ тяжелой борьбы, насилій, ссоръ и столеновеній съ сосѣдями-переселенцами, чтобы могъ разсѣяться этотъ самообманъ.

Другая особенность въ положеніи селенія Свинцовскаго заключалась въ томъ, что его жителямъ, дѣйствительно, было разрѣшено высшей администраціей въ край пользоваться нѣкоторою частью дергачевской степи „впредь до особаго распоряженія“, о чемъ не знали „рендатель“, и не хотѣлъ вѣрить, когда ему говорили объ этомъ крестьяне. Водвореніе при такихъ условіяхъ Шрамковскаго поселка вовлѣ самаго селенія носило, въ

глазахъ свинцовскихъ, характеръ двойного нарушенія ихъ интересовъ, матеріальныхъ и правовыхъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, если и не измѣняло самого характера отношеній свинцовскихъ къ переселенцамъ, во всякомъ случаѣ дѣлало болѣе упорнымъ ихъ сопротивленіе, болѣе страстнымъ и жестокимъ, чѣмъ это могло бы быть при иныхъ условіяхъ.

Внутренняя жизнь поселка складывалась независимо отъ военныхъ дѣйствій съ сосѣдями, и нужно признать, что для многихъ и многихъ шрамковцевъ тяжела была эта жизнь. Какъ они ее переносили да еще имѣли достаточно бодрости, чтобы смотрѣть впередъ съ надеждой,—это вопросъ, на который только и можно отвѣтить, что человѣку, когда у него болѣе уже ничего нѣтъ, когда онъ дошелъ до послѣдней крайности, далѣе которой лишь гибель или самоуничтоженіе, только и остается, что надѣяться... на что? Это уже зависитъ отъ многихъ частныхъ причинъ. Надежды шрамковцевъ были неопредѣленны и спутаны, но сильны и ярки и вращались болѣе около сытости—какой-то особенной, еще невиданной, но заманчивой и соблазнительной.

Огромное большинство шрамковцевъ пришло въ поселокъ осенью, и многіе изъ нихъ не успѣли на зиму не только запастись хлѣбомъ—такихъ, можетъ быть, было девять-десятихъ,—но и устроить себѣ какое-нибудь жилище, хотя бы примитивныя землянки-норы, нерѣдко служація переселенцамъ чѣмъ-то въ родѣ логова въ первые годы ихъ жизни въ Сибири. Не имѣя ни хлѣба, ни собственнаго крова, всѣ такіе жители поселка вынуждены были вести голодное существованіе нищаго, питающагося именемъ Христовымъ среди почти такихъ же нищихъ, какъ онъ самъ. Кому силы и здоровье позволяли, тотъ ушелъ побираться по другимъ переселенческимъ поселкамъ, уже поокрѣпшимъ, или же нанимался за одну-двѣ десятины снова въ работники; остальные же оставались „дома“ и „бились по квартирамъ“ земляновъ, въ берлогахъ, крыша которыхъ нерѣдко промерзала, образуя внутри постоянную валедь, отчего внутри почти не было свѣта, стоялъ густой паръ отъ дыханія, пропрѣвшей одежды и сочившейся съ крыши воды, гдѣ было и самимъ тѣсно до тошноты и головокруженія въ этомъ вонючемъ, отравленномъ воздухѣ. Въ такихъ-то норахъ „набивалось“ человѣкъ по десяти, пятнадцати и болѣе „новоселовъ“, и жили они, мѣсяцами не снимая одежды, валяясь въ грязи, нерѣдко пораженные недугомъ, съ напряженной мучительной думой о вѣчно пустомъ желудкѣ, своемъ и своихъ близкихъ.

Болязни возникли среди шрамковцевъ едва ли не съ первыхъ дней появленія ихъ самихъ въ поселкѣ: лихорадка, тифы, цынга, поносы, разнообразныя глазныя страданія почти не переводились, лишь по временамъ ослабѣвая или, напротивъ, развиваясь чуть не въ поголовную эпидемію. За первый годъ существованія поселка рѣдеая семья не имѣла одного-двухъ покойниковъ въ домѣ. Особенно много гибло дѣтей; немало ихъ оставалось и круглыми сиротами, которыхъ „подбирали добрые люди“. Свирѣпствовавшій весною тифъ поражаель, случалось, поголовно всѣхъ обитателей иного „дворца на трехъ жердахъ“, и больные оставались брошенными на произволь судьбы: хорошо—заглянетъ кто изъ сосѣдей, хотъ напитокъ дасть, а то и такъ остаются и день, и другой. Много народу покалѣчила цынга, трахома, но всего болѣе унесено въ могилу дѣтей, которыя умирали не только отъ поносовъ, кори, „горлышка“ и пр., но и отъ какихъ-то другихъ причинъ, которыя такъ опредѣляются шрамковскими бабами:

— Господь его знать, что съ нимъ такое привлѣчилось: какъ будто и здоровенькій все былъ, а тутъ—на тебѣ!—покричаль-покричаль, да и отдалъ душу Богу! Его святая воля!—привавляли онѣ, вздыхая.

По мѣрѣ роста поселка, росло невдалекѣ отъ него и кладбище, рыть могилы на которомъ шрамковцы стали почти одновременно съ рытьемъ землянухъ для самихъ себя. Но скоро ростъ погоста, этого поселка мертвыхъ, даже обогналъ ростъ поселка живыхъ, служа какъ бы укоромъ кому-то.

— По другимъ деревнямъ,—иронизировали шрамковцы,—начальство все пужало народъ холерой: придетъ холера, помирать будете, коли назьмовъ не уберете! А у насъ хуже холеры, только въ намъ пошто-то никто не ѣздилъ, когда у насъ народъ помиралъ да кажинный день таскали нѣсколько упокойниковъ!..

За первый годъ существованія поселка, т.-е. за время наибольшаго развитія въ немъ различныхъ эпидемій, когда переселенцы „пухли съ голодухи“, а можетъ быть, и умирали голодной смертью,—за все это время онъ былъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ, энергіи и способности изворачиваться. И онъ изворачивался, усиленно таская на кладбище „мертвяковъ“, судорожно борчась отъ голода и боли и въ то же время мечтая о соблазнительной сытости въ ближайшемъ же будущемъ.

Вѣшній порядокъ въ поселкѣ попрежнему поддерживался Шрамковымъ, который вмѣстѣ съ Портявнинымъ и нѣсколькими

болѣе вліятельными переселенцами верховодили, какъ имъ хотѣлось. „Для начальства“ ими былъ выбранъ „какъ бы въ родѣ старосты“ безответный мужичокъ изъ числа тѣхъ, которые, не пользуясь никакимъ вліяніемъ въ обществѣ, тянутъ общественную лямку безропотно, какъ бы ни рѣзала она имъ плечи. За спиною этого-то „старосты“ Шрамковъ съ братіей и орудовали.

— Онъ у насъ и совсѣмъ бы староста, да только вотъ ему печати отъ начальства все не выходитъ,—разъяснялъ Шрамковъ.

Ближайшее начальство, по временамъ наѣзжавшее въ поселокъ, хорошо понимало роль „какъ бы старосты“ безъ „печати“ и совершенно игнорировало его, видя въ Шрамковѣ настоящаго представителя поселка; къ нему за всѣмъ и обращалось.

Какъ ни сильна и обширна была фактическая власть надъ поселкомъ Шрамкова, но и ему временами было трудно биться со многими внутренними неурядицами, вызываемыми общей неопредѣленностью положенія поселка и разношерстностью его жителей, — „разногуберциной“, какъ характеризовали эту черту сами переселенцы.

— Насъ теперь собралось тутъ разнаго народу съ семнадцати губерній... Каждый норовитъ тянуть на свою сторону... Всѣхъ не урезонишь тоже... Вотъ и выходитъ у которыхъ склока промежду себя—хлопота одна съ ними! Одно слово—разногуберщина! — объясняли переселенцы слабость сознанія единства и общности интересовъ поселка, разбивавшагося на множество мелкихъ группъ, обособленныхъ частными интересами землячества.

Еще въ первую осень небольшая группа харьковскихъ хохловъ не поладила съ пастухами-киргизами, что пасли шрамковскій табунъ, и хохлы ихъ „мало-мало плетями подрали“. Пастухи послѣ этого, естественно, бросили табунъ и ушли, а черезъ нѣкоторое время стали наблюдать пропажу лошадей, что на слѣдующій годъ достигло колоссальныхъ размѣровъ—„у рѣденькаго, злодѣя, не увели коня либо двухъ“. Многіе обвиняютъ въ этомъ свинцовскихъ, которые-де воруютъ черезъ киргизъ; то же утверждаютъ и хохлы, дравшіе пастуховъ. Другіе же въ систематическомъ воровствѣ лошадей видятъ месть пастуховъ и винятъ хохловъ въ своихъ злоключеніяхъ. Старожилы категорически утверждаютъ, что тутъ все дѣло въ мести.

— Киргизы заставятъ помянуть прошлое, чтобы, значить, вѣкъ не забыли, какъ пастуховъ плетями драть! — взорадствуютъ они.

По другимъ деревнямъ той же мѣстности о коноврадствѣ не слыхать, хотя табунщиками всюду киргизы.

Проявленія розни переселенцевъ на почвѣ „разногуберцины“ бывають иногда поистинѣ дики и жестоки! Въ поселкѣ прожи-вало десятка три-четыре семей мордвы, почти не знавшихъ русскаго языка, сохранившихъ свои костюмы и пр. Рѣзко выдѣ-ляясь, благодаря этимъ особенностямъ, на общемъ фонѣ пестраго состава населенія поселка, эти тридцать-сорокъ семей сдѣлались какъ бы возломъ отщепенія для поселка: что бы ни случилось, такъ или иначе остается виноватою мордва.

Не мало возникало столкновеній и недоразумѣній и между хохлами и великороссами, православными и раскольниками, и т. п., что требовало сторонняго вмѣшательства, улаживанья и пр., съ тѣмъ и приходилось возиться Шрамкову.

При всѣхъ неурядицахъ, внутреннихъ и вѣншихъ, при всей неопредѣленности самаго положенія поселка и проблематичности его будущаго, его ростъ неуклонно продолжался, какъ въ смыслѣ численности—подходили и селились все новыя и новыя семьи „жаждущихъ земли“,—такъ и въ смыслѣ болѣе прочнаго хозяйственнаго уклада. Въ слѣдующей осени поселокъ измѣнился уже почти до неузнаваемости даже съ чисто-вѣншей стороны. Широкія улицы и переулки дѣлили его на правильные кварталы съ площадями для будущаго базара, церкви и школы. Землянки-норы въ большинствѣ замѣнились чистенькими хатками, сложенными изъ земляныхъ пластовъ или саманныхъ кирпичей, побѣ-ленными известью или обмазанными красной глиною, съ соло-менными, аккуратно подстриженными крышами. Постройки раз-мѣстились просторно и привольно, и лишь на окраинахъ по прежнему еще торчали жердяныя крыши землянокъ-норъ.

Переживъ тяжкую зиму и не менѣе тяжкую весну, въ осени большинство прошлогоднихъ шрамковцевъ уже имѣло *свой* хлѣбъ: кто лично „припахалъ десятинку“, кто заработалъ ее, сдавъ на зиму въ работники сына, а кто и купилъ, запродавъ свой трудъ впередъ или трудъ кого-нибудь изъ своихъ семейскихъ. „Заправился“ поселокъ и сѣномъ, арендовавъ луга „въ казнь“, въ дачѣ Пальчиковскаго рудника, съ уплатою денегъ зимою. Кто могъ, обзаводился и скотиной; появились въ поселкѣ и коровы, и овцы. Оволо домовъ видѣлись огороды!

Видно было, какъ крѣпнетъ поселокъ экономически, съ каж-дымъ днемъ все прочнѣе становясь на ноги. Даже многія не-пріятныя черты „разногуберцины“ стали сглаживаться и исче-зать совсѣмъ, чему отчасти способствовало и то, что изъ по-селка вся мордва ушла. Во многомъ уже можно было подмѣ-

тить зарожденіе болѣе тѣсной внутренней связи между жителями поселка, столь необходимой для его будущаго.

Лишь правовое, правильнѣе сказать—безправное положеніе поселка оставалось прежнимъ, а пожалуй и еще болѣе неопредѣленнымъ, ухудшившимся. Въ полусотнѣ канцелярій скрипѣли перья на благо или на гибель Шрамковскаго поселка; требованія отъ переселенцевъ выселенія или параллельно съ предложеніями старожиламъ „принять въ свою среду“ шрамковцевъ; угрозы уничтожить поселокъ, построенный „на предоставленной крестьянамъ землѣ“, слышались въ то же время, когда свинцовскимъ крестьянамъ ставился ультиматумъ: или подчиниться арендѣ, или прекратить пользованіе землею на стени, и т. д.

Переселенцы не знали, чему вѣрить, кого слушать, но были убѣждены, что теперь, когда они „вывели такое селеніе“, ихъ уже не потрогають, и оно такъ или иначе сохранится, если не какъ переселенческій поселокъ обычнаго типа, то какъ арендный, каковыхъ тоже не мало въ краѣ. Временами ихъ надежды на скорое упроченіе поселка вспыхивали ярче подъ влияніемъ какихъ-нибудь слуховъ или заявленій заѣзжаго чиновника, или же, обратно, падали, почти угасая, когда откуда-то проносился слухъ, что въ губерніи рѣшено поселокъ уничтожить, или когда изъ Гадюкина прѣвѣжалъ „особый“ и держалъ рѣчи въ старожиламъ на тему, что „они—его дѣтки, а переселенцы—пасынки“, почему онъ долженъ защищать первыхъ отъ злостныхъ попомановеній вторыхъ и не можетъ допустить существованіе Шрамковскаго поселка. Но эти моменты повышенія и пониженія чаяній скоро какъ-то сами собой забывались, повседневныя заботы вытѣсняли полученныя острия впечатлѣнія, и будничная жизнь снова вступала въ свои права.

Свинцовскіе старожилы также во многомъ измѣнились за истекшій годъ, хотя и съ трудомъ уясняютъ себѣ, что происходитъ кругомъ. И лучшіе, наиболѣе развитые изъ нихъ не могутъ уже не сознавать, что переселенцу земля необходима, что нельзя же въ ней отказывать человѣку, который безъ нея пухнетъ съ голоду и умираетъ. Это сознаніе и наблюденіе изо дня въ день, въ теченіе года трудовой, полной всевозможныхъ лишений жизни переселенцевъ, а главное, эта безконечная канцелярская волокита и сопряженные съ нею расходы (за десять мѣсяцевъ одинъ довѣренный обошелся свинцовскимъ около 800 р.)—все это вызвало въ настроеніи части свинцовскаго общества замѣтное измѣненіе въ пользу переселенцевъ. И теперь уже

можно было слышать такіа рѣчи, шедшіа изъ среды свинцовскаго общества:

— Да по мнѣ, шуть съ имѣ, съ Шадринымъ или съ Хребовымъ! Онѣ на степи носѣяль, можетъ, двѣсти десятинъ, таѣъ ему есть изъ-за чего глотку на сходѣ драть, а намъ-то что въ ей, въ степи? И вовсе она намъ ни къ чему; у насъ, почитай, ни у кого, вромѣ богатенькихъ, тамъ и нѣтъ ничего. За каку же таку, прости, Господи, язву я теперь должнъ изъ своо кармана платять-то? Теперь, что ни сходъ, то и раскладка,—то писарю надо, то довѣренному подай; тамъ, опять, Маваровъ требуетъ... Да поди ты къ лѣшему и со степью своей! Нужна она Шадрину да Рябинину, пусть они и платять сами, а мы-то, братцы, съ чего должны уплачивать? и т. п.

Вліаніе Шадрина и другихъ „богатенькихъ“ замѣтно падало, и къ концу лѣта сходъ уже постановилъ на довѣреннаго больше денегъ не давать, сдѣлавъ еще одну попытку послать его въ городъ. Бойкотъ шрамковцевъ хотя и продолжался, но уже далеко не съ прежнимъ воодушевленіемъ и систематичностью,—на нарушение постановленій общества давно уже смотрѣли сквозь пальцы.

Вотъ почему, когда было получено извѣстіе, что окончательно рѣшено „поселокъ нарушить“, для чего будто бы придетъ самъ „особый“ съ народомъ, и когда было получено другое извѣстіе, что изъ Пальчиковскаго рудника „утресь поѣхали зорить Красноярку“—сосѣдній поселокъ, находившійся въ аналогичномъ съ Шрамковскимъ положеніи,—а оттуда пальчиковскіе явятся зорить шрамковцевъ,—эти извѣстіа уже не произвели должнаго впечатлѣнія, и неспособны были вызвать у свинцовскихъ чувства удовлетворенной радости, какъ было бы нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Тѣ же вѣсти достигли и Шрамковскаго поселка. Онѣ не вызвали въ переселенцахъ отчаянія, паники, а лишь настроеніе какого-то особаго молчаливаго и угрюмаго ожиданія: что-то будетъ? Перестали даже ходить на работу.

Но вотъ прошелъ день-другой... Появились откуда-то темные слухи, что „зорить поселковъ не будутъ“... Наконецъ, было получено и опредѣленное извѣстіе: Красноярку оставили на прежнемъ мѣстѣ, сломавъ только два балагана, поставленные за гранью, а что будетъ съ Шрамковскимъ поселкомъ—неизвѣстно,—„потому никакаго еще рѣшенья не вышло“.

Легко и свободно вздохнули шрамковцы.

Прошло пять лѣтъ. Шрамковскій поселокъ окончательно окрѣпъ. Въ немъ уже много деревянныхъ домовъ, приступлено къ постройкѣ церкви. Дача ему отведена. Неприязненные отношенія съ свинцовскими почти прекратились, и обѣ деревни чуть не слились въ одно огромное поселеніе—ихъ раздѣляетъ только мостикъ черезъ рѣку: свинцовскіе папуть на степи по прежнему, но уже въ Шрамковской дачѣ, за что шрамковцы пользуются у нихъ сѣнокосами. Благосостояніе поселка быстро растетъ, а его распахши раскидываются все шире и шире.

Только начавшіе уже темнѣть кресты на владбищѣ напоминаютъ о былыхъ тяжелыхъ дняхъ, пережитыхъ поселкомъ, да волостной писарь по старому „лютуетъ“ надъ шрамковцами.

С. Марусинъ.

СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ

РОМАНЪ.

XI ¹⁾.

Утромъ, когда Загорѣловъ, только-что возвратившійся съ поля, слѣзалъ съ щегольскихъ бѣговыхъ дрожекъ, къ нему подошелъ Жмуркинъ. Лицо его казалось нѣсколько осунувшимся, точно послѣ лихорадки, и болѣе блѣднымъ, чѣмъ всегда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ смотрѣлъ весело и оживленно. Онъ былъ особенно тщательно приглаженъ и тщательно одѣтъ.

— А я къ вамъ, Максимъ Сергѣичъ,—сказалъ онъ съ почтительнымъ поклономъ.

— Что такое?—Загорѣловъ привѣтливо улыбнулся ему.

— Да вотъ сообщить вамъ, что я отъ васъ не уйду. Разсчета мнѣ не потребуется.

— Ну, вотъ и отлично!—воскликнулъ Загорѣловъ.—Очень радъ этому! Такъ, значить, обстоятельства у тебя измѣнились?

— Окончательнымъ образомъ! То-есть, прямо надо сказать, навыворотъ пошли!

Жмуркинъ засмѣялся.

— Ну, вотъ видишь!—сказалъ Загорѣловъ.—А я радъ этому. Очень, очень радъ!—повторялъ онъ.

— Да это же могъ бы предвидѣть такую перемѣну?—сказалъ вслухъ Жмуркинъ, направляясь вмѣстѣ съ Загорѣловымъ къ крыльцу:—такія перемѣны только вѣдь во снѣ присниться могутъ!

¹⁾ См. выше: июль, 5 стр.

— Ну, вот видишь, — сказал тот одобрительно и добавил: — А ты сегодня смотришь молодцомъ. У тебя на лицѣ точно двѣнадцать праздниковъ!

— Одинъ всего-то-съ, — шутливо крикнулъ Жмуркинъ Загорѣлову, уже исчезнувшему въ дверяхъ: — всего-то-съ одинъ!

„Прозрѣніе болящаго сокола! — сказалъ онъ уже задумчиво и какъ бы самому себѣ. — Окончательное прозрѣніе болящаго сокола! Вотъ это какой праздникъ. Одинъ да двѣнадцати стоитъ“!

„А я тебя выслѣжу!“ — подумалъ онъ съ внезапнымъ раздраженіемъ. — „И вотъ тогда-то посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Впрочемъ, изъ этого я и самъ не знаю, что выйдетъ!“ — добавилъ онъ тотчасъ же мысленно, пожимая плечомъ. Безпокойная мысль метнулась въ немъ, какъ молнія, но онъ какъ бы умышленно не остановилъ на ней своего вниманія ни на минуту. Онъ даже какъ будто бы сказалъ вслѣдъ этой мысли:

— „А что ты, голубушка, за птица, я и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю. А просто радуюсь своему счастью, да и все тутъ“!

— Кто же это мнѣ запретить можетъ? — проговорилъ онъ уже вслухъ, словно сердясь, и веселое выраженіе внезапно ушло съ его лица.

Онъ вошелъ въ кухню и присѣлъ на лавку у окна, поглядывая на Флегонта. Поваръ съ веселымъ лицомъ рубилъ фаршъ для рулета и выстукивалъ ножами Пушкинскаго „Утопленника“, котораго онъ любилъ напѣвать на мотивъ „И шумить, и гудить“.

— Ловко у меня выходитъ? — спросилъ онъ у Жмуркина: — А? Не хуже, пожалуй, чѣмъ на барабанѣ? а? ты узналъ?

— Узналъ!

— Я вотъ это вотъ мѣсто сейчасъ жарю: „Судъ найдеть, отвѣчай-ка!“ Ловко? Какъ всю эту музыку отбарабаню, такъ и фаршъ готовъ. На ты, Господи, уповахомъ! Это вѣдь для рулета, — добавилъ онъ, — а вотъ если для мелкаго битва, такъ я однимъ „Утопленникомъ“ не управляюсь. Я къ нему „Персидскій маршъ“ присоединяю. Да. А то жестовато выходитъ. Да. А ты что какой нынче веселый?

— Я, Флегонтъ Ильичъ, вѣру нашель, — помните, мы говорили-то съ вами относительно правды? Такъ вотъ, нашель, — сказала Жмуркинъ, доставая папиросу и раскуривая её.

— Нашель?

— Нашель!

— Которая настоящая?

— Самая настоящая!

— А ну, расскажи.

— Я думаю вотъ какъ, — заговорилъ Жмуркинъ, приваливаясь къ подоконнику. — Что дѣлается на небѣ — намъ неизвѣстно. Тамъ никто не былъ. Но за то на землѣ мы видимъ все въ достаточной степени. Такъ вотъ если на небѣ и есть святость, такъ, значить, на землю ей доступъ запрещенъ. Ибо на землѣ ее нигдѣ не видно. На землѣ есть только личина святости. Поганый обманъ, и больше ничего! — Губы Жмуркина сердито передернулись.

— Ну-съ, а дальше что? — спросилъ Флегонтъ.

— А дальше-то, — продолжалъ Жмуркинъ, — дальше и выходитъ, что сватыя заповѣди для берлоги не пригодны. Для берлоги и заповѣди берлогьи нужны. Не такъ ли? И вотъ что это за заповѣди. Первая: „съ волками обращайся по волчьи“. А вторая — подобная ей: „а съ змѣями по змѣиному“. Онъ разсмѣялся, схватившись за грудь, точно этотъ смѣхъ причинялъ ему боль.

— Это не вѣра, — сказалъ Флегонтъ, выстукивая ногами, какъ барабанщикъ. — Это очень ужъ просто и сразу понять можно. А въ настоящей вѣрѣ туманъ долженъ быть. Это ужъ обязательно. А такую вѣру, какъ твоя, это пожалуй и я сочиню: „Сорока птица, а Флегонтъ поваръ. Сорока прыгаетъ, а Флегонтъ готовить кушанья“. Ну, развѣ это вѣра? ты самъ подумай! Это естественныя слова и больше ничего. — Флегонтъ разсмѣялся. — Въ вѣрѣ туманъ долженъ быть и иносказаніе, — продолжалъ онъ затѣмъ и уже серьезно: — Въ стихахъ, — ты самъ подумай, — въ стихахъ и то ужъ туманность нѣкоторая необходима. Напримеръ: „Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой? Ыздохъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой“. Такъ вотъ даже и тутъ, въ стихахъ, и то сразу же туманъ. „Кто скачетъ? кто мчится?“ — а кто спрашиваетъ — неизвѣстно. Вотъ видишь, въ стихахъ, и то! А ты вдругъ о вѣрѣ и съ такими словами: „На небѣ никто не былъ, и что тамъ дѣлается — неизвѣстно!“ Какая же это религія? такъ вѣдь, голубчикъ, и простыя рабочіе могутъ разговаривать! Ты прими къ свѣдѣнію, что и у татаръ, — заговорилъ онъ съ укоривной, — даже и у татаръ, и то такія мѣста есть, что прямо-таки не скоро поймешь!

Жмуркинъ приподнялся и тихо пошелъ вонъ изъ кухни.

— Да ты куда? — напрасно кричалъ ему Флегонтъ въ окно:

— уходишь? а все-таки это у тебя не въра, а слова; естественныя слова!

Солнце въ это время уже сильно пригрѣвало землю, и вершины холмовъ рѣзко свѣтились въ этомъ свѣтѣ, точно сама земля испускала свѣтъ и тепло. Въ саду пѣли птицы; сочныя травы благоухали по сватамъ, волны Студеной весело повачивались у берега, и какъ будто что-то горячее дыханіе обжигало щеки Жмуркина. Онъ шелъ и думалъ:

„Это—дыханіе жизни. Жизнь хороша, и она единственная. Но только надо умѣть пользоваться ею и ловить обстоятельства за хвостъ. Это правда, самая настоящая правда, и Максимъ Сергѣичъ умница. А я до сихъ поръ дѣлалъ изъ досягаемаго недосягаемое. И въ этомъ-то вся моя ошибка и несчастіе“!

Онъ повернулъ отъ Студеной и снова пошелъ мимо сада, думая все о томъ же.

„И Лидія Алексѣевна не виновата ни въ чемъ. Ибо виноватыхъ нѣтъ, если нѣтъ закона, а есть лишь одно отрицаніе его,—думалъ онъ, возбужденно вышагивая мимо сада.—А какой же это законъ, если весь его смыслъ въ томъ, что не пойманъ—не воръ. Никто не виновенъ въ моемъ несчастіи,—думалъ онъ, точно убѣждая себя,—я одинъ виноватъ кругомъ, потому что до сихъ поръ не умѣлъ понять жизни“!

— Не умѣлъ понять жизни: — проговорилъ онъ вслухъ, — вотъ въ чемъ вся штука!

Вотъ она—ребенокъ, Лидія Алексѣевна, и та поняла и пользуется обстоятельствами, какъ можетъ и какъ умѣетъ, а онъ сидѣлъ, какъ разиня, передъ раскрытымъ кошелекомъ, воображая, что кошелекъ запертъ и отпирать его—грѣхъ.

И онъ все ходилъ и ходилъ, пытливо разбираясь въ своихъ думахъ, точно желая провѣрить себя самымъ рѣшительнымъ образомъ, установить себѣ что-то разъ навсегда, окончательно и безповоротно.

Когда онъ былъ уже у себя во флигельѣ, вся красивая фигура Лидіи Алексѣевны пригрезилась ему внезапно словно наяву. Его точно опахнуло жаромъ; горячіе вихри закружились въ его сознаниі, опустошая вокругъ себя все, кромѣ образа этой женщины, какъ бы озаряемой свѣтомъ той безпокойно метавшейся въ немъ мысли, какъ бѣглымъ пламенемъ зарницы. Тихо расхаживая по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ, онъ подумалъ:

„А вѣдь она ни за что не скажетъ! Ни за что! Кому же ей возможно рассказать: мужу, или любовнику“?

Онъ только твердо рѣшилъ выслѣдить, гдѣ видится Загорѣ-

ловъ съ Лидіей Алексѣвной, всегда ли въ старой теплицѣ, на что указывало присутствіе тамъ ея гребенки, или же у нихъ есть подъ рукою и другое уютное мѣстечко. Твердо принявъ это рѣшеніе, Жмуркинъ въ то же время убѣждалъ себя, что это ему нужно вывѣдать ради празднаго любопытства и безъ всякихъ съ его стороны цѣлей.

„Просто такъ себѣ вывѣдаю,—убѣждалъ онъ себя,—просто такъ. Для ради празднаго любопытства“!

И иногда онъ даже вѣрилъ этому крѣпко. Однако нѣсколько попытокъ вотъ именно въ этомъ направленіи оказались для Жмуркина совершенно неудачными. Онъ рѣшительно ничего не узналъ. И Загорѣловъ, и Лидія Алексѣвна видимо были крайне осторожны, и выслѣдить ихъ являлось дѣломъ вовсе ужъ не столь легкимъ. Неудачи стали-было уже раздражать Жмуркина, какъ вдругъ виноградъ самъ упалъ ему въ ротъ. Однажды послѣ обѣда Загорѣловъ вошелъ къ нему во флигель и сказалъ:

— Я иду на прогулку. Что-то голова побаливаетъ. Такъ вотъ, если я кому безотлагательно понадобится, такъ вы меня все-таки не ищите. Я скоро обратно буду.

Жмуркинъ выслушалъ его приказаніе съ самымъ почтительнымъ видомъ и почтительно сказалъ: — Слушаю-съ! Будьте покойны!

Но когда Загорѣловъ скрылся въ воротахъ, онъ поспѣшно выбѣжалъ вонъ изъ усадьбы на лѣсистые холмы и, что было у него силъ, устремился туда, къ крутому скату, откуда дверь теплицы была видна какъ на ладони. Это мѣстечко было имъ облюбовано заранѣе, въ одну изъ его попытокъ, окончившихся неудачею. Скрываясь между кустарниковъ, онъ приближалъ наконецъ туда съ громко колотившимся сердцемъ и сталъ глядѣть, между тѣмъ какъ въ его горлѣ все жгло и саднило отъ поспѣшнаго бѣга и муки, клокотавшихъ въ немъ.

И онъ увидѣлъ, какъ Загорѣловъ, внимательно оцѣдѣввшись, отперъ дверь старой теплицы и поспѣшно юркнулъ туда. А затѣмъ къ этой же двери подошла и Лидія Алексѣвна. Она была въ сѣромъ длинномъ плащѣ, и ея взоры блуждали вокругъ съ безпокойствомъ воровки. На минуту все закружилось въ сознаниі Жмуркина.

Внезапно его охватило желаніе сбѣжать туда въ теплицѣ, перебить тамъ всѣ окна, бушевать, кричать, полѣзть въ драку. Но онъ удержался, однако, призвавъ на помощь всю свою волю. Между тѣмъ Лидія Алексѣвна, все такъ же безпокойно озираясь, сунула ключъ въ замочную скважину двери, очевидно уже за-

пертой Загорѣловымъ тотчасъ же послѣ его входа туда. Дверь поспѣшно отворилась и такъ же поспѣшно закрылась вновь. Старая теплица точно проглотила ее, какъ проглатываетъ черепаха нарядную бабочку.

Жмуркинъ подумалъ:

„Ключи и у него, и у нея. Ловко!“—Понуро онъ поплелся въ усадьбу.

А вечеромъ этого же дня онъ присѣлъ за токарный станокъ. Взявъ затѣмъ желѣзный пруть, толщиною въ дѣтскій мизинецъ, онъ отломилъ отъ него кусокъ не болѣе трехъ вершковъ длиною. Затѣмъ онъ вооружился тяжелымъ молотомъ, съ металлическою же ручкой, лежавшимъ здѣсь же на станкѣ, и придвинулъ къ себѣ подпилокъ. Тяжело шлепнувъ молотомъ, онъ расплющилъ конецъ прута, сдѣлавъ его похожимъ на лезвіе стамески. Тогда онъ взялъ подпилковъ. Желѣзо сердито захрипѣло подъ его рукою.

Жмуркинъ дѣлалъ отмычку и думалъ:

„Это я такъ. Просто какъ въ шутку! Для ради любопытства“!

Жмуркинъ былъ товаръ и слесарь, умѣлъ починить часы и шить на швейной машинѣ.

XII.

Между тѣмъ, устроивъ отмычку, Жмуркинъ бережно спряталъ ее въ ящикъ своего стола и какъ будто бы усвоившись. По крайней мѣрѣ всѣ въ усадьбѣ видѣли его нѣсколько дней подъ рядъ совершенно яснымъ и веселымъ. Въ немъ точно все уравнилось, стало на надлежащее мѣсто, вылилось въ опредѣленную форму. Очевидно, онъ чувствовалъ себя хорошо. По три раза въ день онъ ходилъ съ Флегонтомъ купаться, и однажды, весело отфыркиваясь и съ шумомъ разсѣкая воду руками, онъ сказалъ повару:

— Хорошо, Флегонтъ, жить, когда все себѣ повитнымъ сдѣлаешь. Сидишь ты себѣ тогда на своемъ мѣстѣ какъ хорошо винченая гайка! Ухъ, хорошо жить!—воскликнулъ онъ.

Какъ-то вскорѣ же вечеромъ онъ вошелъ въ кабинетъ Загорѣлова и сказалъ ему:

— Верешимская мельница готова, Максимъ Сергѣичъ. Сегодня въ шесть часовъ пополудни.

— Готова?—Загорѣловъ двинулся къ нему ясный и веселый.
— Вотъ это хорошо. И спасибо за точность. „Сегодня въ шесть

часовъ пополудни“,—повторилъ онъ весело.—Большое спасибо за точность. Я тобой доволенъ, очень доволенъ.

— Весьма этому радъ, Максимъ Сергѣичъ.

— Доволенъ. Я люблю точность,—повторялъ Загорѣловъ.— Ну а вотъ теперъ слушай.

— Ты знаешь дорогу изъ села Верешима на эту самую мельницу? — заговорилъ онъ уже серьезно, съ выраженіемъ дѣловой озабоченности на лицѣ.

— Знаю-съ.

— Такъ вотъ, дорога эта вся въ моей грани,—продолжалъ Загорѣловъ тѣмъ же дѣловитымъ тономъ,—и на планахъ она не значится. Нигдѣ! Это — дорога російской неряшливости! а Быстряковъ очевидно этого не знаетъ,—иначе онъ не строилъ бы тамъ мельницы. Такъ вотъ сегодня же пошли туда два плуга и прикажи эту дорогу въ нѣсколькихъ мѣстахъ распахать! и поставь заставки, чтобы проѣзду не было. Понимаешь? Я хочу,—добавилъ онъ,—запереть путь верешимскимъ помольцамъ. Вѣдь не поѣдутъ же они къ Быстрякову за пятнадцать верстъ, въ объѣздъ? Это ему за капустники! Полторы тысячи въ годъ вонъ изъ кармана это ему составитъ! Это ему за капустники,—повторялъ онъ сердито. Жмуркинъ разсмѣялся.

— Ловко же вы его, Максимъ Сергѣичъ!—говорилъ онъ:—онъ васъ „подъ ножку“, а вы его вотъ такимъ манеромъ и на другой бокъ!

— Чтобъ ему не повадно было,—сказалъ Загорѣловъ сердито.—Теперь у него эту охоту отобьешь!

— А вторые деньги онъ съ васъ спросилъ? — полюбопытствовалъ Жмуркинъ, продолжая смѣяться.

— Нѣтъ.

— Такъ вы его, стало быть, только на шестьсотъ подстрижете?

— Только на шестьсотъ.

— Ловко, Максимъ Сергѣичъ. По дѣломъ вору и мука. Вору, да не попадайся. А заставочки эти самыя я самъ уставлять поѣду. Аккуратненько и чистенько! И мѣстечко выберу для нихъ нѣтъ того лучше. Чтобъ онѣ, то-есть, сразу же ему въ глаза! Онѣ на мельницу, а онѣ ему—„здравствуйте! увидите нашихъ, кланяйтесь своимъ“!

Онъ снова разсмѣялся. Загорѣловъ засмѣялся тоже.

— Да ты ужъ пожалуйста самъ,—воскликнулъ онъ севозь смѣхъ,—и вотъ именно такъ, какъ говоришь. На виду! Увидите нашихъ, кланяйтесь своимъ! Вотъ именно такъ!

— Да ужъ будьте благонадежны! будьте благонадежны, Максимъ Сергѣичъ!

Съ верешимской дороги Жмуркинъ возвратился уже поздно, но въ домъ были еще огни, и онъ отправился къ Загорѣлову, чтобъ лично доложить ему о томъ, какъ исполнено его порученіе.

Загорѣловъ вышелъ къ нему въ переднюю и, выслушавъ его, остался очень доволенъ.

— Хорошо. Хорошо,—говорилъ онъ ему одобрительно. А затѣмъ онъ добавилъ:—А теперь вотъ еще чтѣ. У насъ сейчасъ Лидія Алексѣевна, и ее нужно домой доставить. Такъ ты прикажи вучеру подать шарабанъ.

Жмуркина точно всего всколыхнуло.

— Зачѣмъ же вучера тревожить, Максимъ Сергѣичъ,—сказалъ онъ внезапно даже для самого себя,—это и я могу сдѣлать. Вучеръ-то теперь спитъ.

— Какъ хочешь,—отвѣчалъ Загорѣловъ.

Жмуркинъ поспѣшно пошелъ запрягать лошадь; онъ былъ совершенно спокоенъ и даже, пожалуй, веселъ. Однако, когда Лидія Алексѣевна помѣстилась рядомъ съ нимъ въ шарабанъ, и они выѣхали за ворота, сердце Жмуркина мучительно сжалось, точно предчувствуя бѣду. Онъ даже растерялся и опѣшилъ.

„Чтѣ же это такое?—подумалъ онъ съ тоскою:—то собирался, собирался,—а теперь ужъ какъ будто играй назадъ. Чего же я испугался въ самомъ дѣлѣ? какихъ такихъ наказаній?“

Онъ безпокойно шевельнулся, недоумѣвая передъ чувствомъ, внезапно наполнившимъ его и казавшимся ему нелѣпнымъ, идущимъ совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ его думъ и желаній. До того въ разрѣзъ, что его присутствіе въ немъ дѣлалось совершенно непонятнымъ и почти сказочнымъ. Оттуда оно пришло къ нему, какъ оно выросло въ немъ—онъ не могъ дать отчета. Для него было ясно лишь то, что оно явилось, какъ совершенно незванный гость, какъ выходецъ совсѣмъ изъ другого міра и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ власть имущій. Чувство это какъ бы предостерегало Жмуркина отъ чего-то и предостерегало боязнью какаго-то наказанія, тогда какъ онъ хорошо и навѣрное зналъ, что о наказаніи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ былъ крѣпко увѣренъ, что идетъ навѣрняка. И онъ съ тоскою и недоумѣніемъ думалъ:

„Да чтѣ же это такое? Охотникъ долженъ радоваться удачѣ, и торговецъ не бояться барышей. Зачѣмъ же я-то играю отбой, когда такъ?“—Онъ придержалъ лошадь, спуская шарабанъ подъ гору. Ночь была лунная; выпуклые хребты холмовъ лоснились

подъ луннымъ свѣтомъ, какъ жирныя спины отъѣвшихъ чудовищъ, задремавшихъ въ лѣнивомъ снѣ. Отъ Студеной вѣяло сыростью. Прямая и блестящая полоса ея водъ разрывала окрестность какъ возившійся клинокъ. Ночная птица кричала въ лугахъ пронзительно и дико, точно въ испугѣ.

Они съѣхали внизъ и очутились среди курившейся парами лощины, точно среди пожара. Косматые профили высокихъ деревьевъ рѣзко чернѣли среди этой молочной мглы, разливавшейся вокругъ, какъ мутное озеро. Здѣсь было совсѣмъ прохладно; воды Студеной лежали рядомъ, и въ тишинѣ ясно слышался ея сонный лепетъ, похожій на чавканье. Жмуркинъ сообразилъ. Онъ былъ какъ разъ на полпути. Онъ оглянулся на Лидю Алексѣевну. Она сидѣла въ шарабанѣ, одѣтая въ тотъ же самый сѣрый плащъ, въ тотъ же самый,—какъ онъ сразу не замѣтилъ этого! И съ невиннымъ видомъ хорошенькаго ребенка она глядѣла въ даль, словно задумавшись. О чемъ? Можетъ быть, о Загорѣловѣ.

Жмуркинъ рѣзкимъ движеніемъ остановилъ лошадь среди курившейся мглы и выгвѣзъ изъ шарабана. Внезапная злоба на эту женщину и на то предостерегающее его чувство охватило его словно пожаромъ. Онъ заходилъ вокругъ шарабана:

— Вы что?—спросила его Лидія Алексѣевна ласково.

И по ея лицу онъ хорошо видѣлъ, что даже и тѣни подозрѣнія не зародилось въ ея сердцѣ. Это только увеличило его злобу.

— Кнутъ потерялъ, — отвѣчалъ онъ ей недовольно, — вотъ и ищу!

Онъ ходилъ и думалъ:

„Зайду сзади и скажу: а Загорѣлова знаешь? Помнишь? Старую теплицу не забыла? а“?

Лидія Алексѣевна опять спросила его:

— Вы еще не нашли?

— Нѣтъ еще, — хмуро отвѣчалъ онъ.

И тутъ же ему пришло въ голову:

„А отмычка? Зачѣмъ же я эту музыку орудовалъ“?

Ему стало ясно, что надлежащій моментъ не подошелъ, что сейчасъ онъ только могъ испортить все дѣло.

„Ишь ты, — подумалъ онъ, — чуть-чуть не влетѣлъ. Душа разыгралась. Подъ топоръ могла бы подвести“.

— Какая исторія! — сказалъ онъ вслухъ и пытаясь придать своему голосу тонъ шутки. — Какая исторія! ищу кнутъ, а кнутъ у меня въ рукѣ! Вотъ это такъ исторія!

Онъ пошелъ къ шарабану.

— Да неушто?—спросила его Лидія Алексѣевна, весело за-смѣявшись.

„А ты не смѣйся!—подумалъ онъ сердито:—я вѣдь не помиловалъ тебя, а только моментъ отсрочилъ“.

— Да вотъ поглядите сами,—сказалъ онъ вслухъ:—внучъ въ рухъ, а я всѣ глаза проглядѣлъ, его исавши.

Онъ вдругъ разсмѣялся, въ то время какъ на его лицѣ трепетало выраженіе боли. Оборвавъ, наконецъ, смѣхъ, онъ сѣлъ въ шарабанъ и рѣзко взмахнулъ внучомъ. Косматые профили деревьевъ рванулись къ нимъ на встрѣчу.

— А я вотъ что хотѣлъ васъ спросить, Лидія Алексѣевна,—черезъ минуту заговорилъ Жмуринъ, слегка повертываясь къ молодой женщинѣ,—вотъ о чемъ, извините пожалуйста за безпокойство.

— О чемъ?

— Вотъ о чемъ. Если, скажемъ такъ, люди хитрятъ повсѣчески, обманываютъ тамъ, или еще что,—такъ вотъ могу ли и я къ нимъ вотъ съ такою же точно хитростью? Какъ вы думаете? То-есть, правъ ли буду я?

— Нѣтъ,—отвѣчала Лидія Алексѣевна увѣренно.

— Это почему же?

— Вотъ почему. Если люди хитрятъ, то они поступаютъ нехорошо. Такъ зачѣмъ же вамъ въ такомъ случаѣ дурной примѣръ съ нихъ брать?

Жмуринъ сдержанно засмѣялся.

— Я это не совсѣмъ понимаю, Лидія Алексѣевна,—сказалъ онъ почтительно.—Какъ же это: „если люди хитрятъ, то поступаютъ нехорошо“? Это-съ непонятно! для чего же они тогда хитрятъ, если это нехорошо? Нѣтъ, а я думаю вотъ какъ. Люди хитрятъ, потому что это для нихъ весьма-съ даже хорошо. И это они всѣмъ сердцемъ ощущаютъ и сознаютъ. А вотъ другихъ они дѣйствительно стараются убѣдить, что это самое „хорошо“ совсѣмъ не хорошо. И для того стараются убѣдить, чтобы у нихъ однихъ эта самая привилегія осталась. Пусть, дескать, другіе не хитрятъ, а мы очень прекрасно будемъ, и всѣ пироги у нихъ изъ-подъ носа повытаскаемъ. Такъ, дескать, намъ лучше будетъ. Я вотъ какъ думаю, Лидія Алексѣевна. Я думаю, что то, что дѣйствительно нехорошо,—того ни одинъ дуракъ не сдѣлаетъ. Пальца, вотъ, себѣ небось никто не отрубить! Я вотъ какъ думаю, Лидія Алексѣевна,—повторилъ Жмуринъ.—Что вы на это скажете, извините за безпокойство?

Лидія Алексѣевна молчала.

XIII.

На другой день рано утромъ, когда Жмуркинъ сидѣлъ въ кабинетѣ Загорѣлова, работая вмѣстѣ съ нимъ надъ провѣркою отчета по мельницѣ, въ дверь кабинета кто-то постучался.

— Можно войти? — послышался за дверью хрипчатый и веселый голосъ.

— Это Быстряковъ, — шепнулъ Загорѣловъ Жмуркину.

Они переглянулись съ улыбкой.

— Пожалуйста, пожалуйста! — пригласилъ Загорѣловъ вслухъ.

Въ комнату съ шумомъ вошелъ Быстряковъ. Онъ весело поздоровался съ Загорѣловымъ и весело буркнулъ Жмуркину:

— Здравствуй, монаше боляще, безъ пороха пальяще!

Онъ тяжело опустился въ кресло. Все его жирное и рябоватое лицо съ круглой бородкой дышало самымъ искреннимъ весельемъ.

— Деньки-то какіе стоятъ, ухъ, слава тебѣ, Господи! — вдругъ проговорилъ онъ и оглушительно расхохотался; красный и толстый шнурокъ его пояса запрыгалъ на его кругломъ животѣ. Онъ былъ въ чесунчевой поддѣвкѣ и красной шелковой рубахѣ. — Ухъ, слава тебѣ, Господи! — повторилъ онъ съ хохотомъ.

Загорѣловъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на него и думалъ:

„Вотъ у него теперь на сердцѣ кошки скребуть, потому что онъ мои заставочки уже видѣлъ, а онъ хохочетъ, точно двѣсти тысячъ выигралъ. Выдержка-то какая!“

— А что это вы, сосѣдушка, — между тѣмъ заговорилъ Быстряковъ, — что это вы за рогулечки на верешимской дорогѣ настроили? Пырятъ вы что-ли меня ими хотите? — онъ разсмѣялся и добавилъ: — но тогда какъ же во мнѣ помолецъ поѣдетъ?

Онъ шумно повернулся въ креслѣ, и выраженіе досады, впрочемъ едва уловимое, скользнуло по его жирному лицу.

„Ага, — подумалъ Загорѣловъ, поймавъ это выраженіе: — ты со своимъ планомъ свѣрлся, и теперь ужъ навѣрное знаешь, что у меня въ переплетѣ сидишь!“

— А я хочу эту дорогу распаять, — совершенно сповойно сказалъ онъ: — вѣдь она въ планахъ не значится, и это — мое право. Вотъ я и думаю ее распаять. Что же землѣ понапрасну лежать! Вѣдь земля тамъ, — добавилъ онъ многозначительно, — много лучше вашихъ капустниковъ!

— Это конечно! — Быстряковъ расхохотался, и вдругъ схватился за боковой карманъ. — Ну, сосѣдушка, — проговорилъ

онъ,—барячиться намъ долго не изъ чего. Сколько получить желаете?

— Восемьсотъ рублей,—отвѣчалъ Загорѣловъ спокойно.

Быстряковъ поспѣшно полѣзъ въ карманъ съ выраженіемъ самаго искренняго удовольствія.

„Вотъ онъ даже и не сердится, — думалъ между тѣмъ Загорѣловъ, поглядывая на жирное тѣло Быстрякова, въ то время какъ тотъ доставалъ изъ кармана объемистый бумажникъ,—онъ не сердится, потому что будь этотъ господинъ на моемъ мѣстѣ, онъ смѣлъ бы съ меня двѣ тысячи“.

— Я пошутилъ,—сказалъ Загорѣловъ вслухъ, трогая локоть Быстрякова:—вы съ меня тогда сколько взяли? за капустники? Триста? такъ вотъ давайте шестьсотъ.

— Это по-божески!—воскликнулъ Быстряковъ весело:—вотъ за это, сосѣдушка, спасибо.

Онъ небрежно бросилъ на письменный столъ шесть сто-рублевокъ.

— Это по-божески, — повторялъ онъ.—А въ воскресенье, сосѣдушка, ко мнѣ на пироги! Это ужъ обязательно! Какъ хотите-сь! Вы съ чѣмъ пироги любите,—съ севрюжиной или съ семгой? У меня Лида Алексѣевна,—говорилъ онъ,—мастерица пироги загигать!

„У тебя Лиды Алексѣевны вообще одна прелесть“, — подумалъ Загорѣловъ сердито и даже слегка поблѣднѣлъ, хмуро оглядывая жирную тушу Быстрякова.

Внезапно ему пришло въ голову, что недурно было бы по-встрѣчаться съ этимъ господиномъ въ лѣсу, съ глазу на глазъ и съ вистенями въ рукахъ.

„Не таковъ ты только, чтобъ пойти на это,—думалъ онъ, блѣднѣя отъ ненависти:—ты изъ-за угла задавишь, ребра переломать наемщиковъ пошлешь, искалѣчить подкупишь! О, берлога, берлога!“—хотѣлось сказать ему вслухъ.

— Да, почтеннѣйшій Елисей Аркадьевичъ, — проговорилъ онъ задумчиво:—не рости пальмамъ въ архангельской губерніи! Будемъ же рады и клюквѣ!

— Это конечно,—согласился и тотъ, шумно завозившись въ креслѣ.—Такъ непременно, непременно на пироги, — добавилъ онъ, пожимая обѣими руками локоть и ладонь Загорѣлова.— Непременно, голубчикъ. А рогучки приважите убраться.

— Непременно, драгоцннѣйшій, — повторялъ и Загорѣловъ:—и на пироги прійду, и рогучки сегодня же опровину. Они такъ и пошли изъ кабинета, полуобнявшись.

— Вотъ, Лазарь,—говорилъ Загорѣловъ, проводивъ Быстрова и снова возвратясь въ кабинетъ.—Вотъ, видѣлъ? Что скажешь теперь о моихъ правилахъ? а? Вѣдь если бы я ему вершинскую дорогу простилъ, онъ бы меня за дурака почелъ и за такую мою глупость меня вторично нажечь бы постарался. А теперь и онъ доволенъ, и я доволенъ, ибо онъ у меня въ конвертихъ запечатанъ.

— Конечно-съ, вы совершенно правы, Максимъ Сергѣичъ,—согласился Жмуринъ почтительно.—Совершенно-съ правы!

Загорѣловъ увидѣлъ ассигнаціи и небрежно смелъ ихъ въ ящикъ письменнаго стола.

— Да-съ,—продолжалъ онъ затѣмъ какъ бы въ задумчивости:—мои правила, можетъ быть, нѣсколько суровы, но за то они какъ нельзя болѣе по климату. А на землѣ, гдѣ хорошо родится лишь картофель, смѣшно посадить ананасъ. Вѣдь ананасъ-то все равно у тебя не вызрѣетъ, и ты его не увидишь, а картофель дастъ тебѣ барышъ. Такъ вотъ я и сажу картофель.

— Это-съ конечно,—снова согласился Жмуринъ.

Когда онъ собирался уже уходить изъ кабинета, онъ внезапно сказалъ Загорѣлову:

— А я вотъ лисичку выслѣдилъ, Максимъ Сергѣичъ. Такъ вотъ какъ вы думаете: брать ее мнѣ, или не брать?

— Лисичу? Гдѣ?—спросилъ Загорѣловъ.

Жмуринъ минуту помолчалъ.

— Въ проточномъ оврагѣ,—наконецъ отвѣчалъ онъ.

— Такъ конечно же брать! Что за вопросъ! Или, впрочемъ, подожди до осени. Тогда шкурка у нея дороже будетъ.

Жмуринъ пожалъ плечомъ.

— Нѣтъ, до осени мнѣ ждать не модель, Максимъ Сергѣичъ. До осени лисичка-то, пожалуй, и уйти можетъ. Я ужъ лучше за шкуркой-то не постою. Ужъ какая есть!

— А тогда, конечно, не вѣвай,—согласился и Загорѣловъ.

На дворѣ, по дорогѣ къ себѣ во флигель, Жмуринъ не держалъ и расхохотался.

„Своей рукой благословилъ,—думалъ онъ о Загорѣловѣ, весь сотрясаясь отъ смѣха,—своею собственной рукой“.

— Ну и народецъ!—проговорилъ онъ вслухъ и все еще съ хохотомъ.

— Ты чего со смѣху-то помираешь?—спросилъ его Флегонтъ изъ окна кухни.

— Такъ,—отвѣчалъ тотъ, приближаясь.—Вотъ надъ чѣмъ.

Было у меня, братецъ ты мой, имѣнье, — заговорилъ онъ съ развязными жестами, ставя ногу на фундаментъ кухни.

— Это гдѣ? — спросилъ Флегонтъ: — въ нѣтовой губерніи пустого уѣзда при селѣ малые охи, гдѣ родятся блохи? тамъ что-ль?

— Ну, да! — Жмуркинъ засмѣялся. — И сажалъ я тамъ, братецъ ты мой, — продолжалъ онъ съ тѣми же развязными жестами, — сажалъ я тамъ каждый годъ ананасы. И каждый годъ одинъ убытокъ взаимѣнъ того. Тамъ вотъ я хочу теперь тамъ картофель вачать. Эта ужъ, братецъ ты мой, не сорвется!

Онъ хотѣлъ-было еще что-то добавить, но выраженіе его лица внезапно не понравилось Флегонту, и онъ сердито сказалъ ему:

— А я тебѣ не братецъ ты мой, а Флегонтъ Ильичъ! И это ты помни!

Жмуркинъ пошелъ прочь отъ окна, какъ будто смутившись, съ потеряннымъ видомъ обходя углы построекъ.

— Ну и народъ пошелъ! — заворчалъ Флегонтъ, раскатывая скалкой посыпанное мукой тѣсто: — чего напелъ, даже и гадалкѣ не разгадать; все мудрить хотять, — на тя, Господи, уповахомъ!

Вечеромъ Жмуркинъ завалился спать ранѣе обыкновеннаго, но среди ночи онъ внезапно проснулся, какъ будто его это разбудилъ. И тутъ же онъ сообразилъ, что ему что-то нужно сдѣлать, непременно нужно, и сейчасъ же, пока въ усадьбѣ всѣ спятъ. Онъ сѣлъ на постели, протирая глаза и съ безпокойствомъ поглядывая на тусклыя окна своего флигеля. Однако онъ долго не могъ сообразить, что за неотложное дѣло подняло его съ постели такъ неожиданно, и онъ сидѣлъ на постели, напрягая память, чувствуя въ себѣ странное безпокойство и волненіе. И наконецъ онъ припомнилъ. Онъ одѣлся, надѣвъ сверхъ пиджака ватную куртку, такъ какъ его сильно знобило, и подошелъ къ столу. Открывъ его ящикъ, онъ вынулъ бережно сохранившуюся тамъ отмычку и опустилъ ее въ карманъ своей куртки. Послѣ этого онъ вышелъ на дворъ; осторожно пробираясь мимо овецъ, онъ обогнулъ наконецъ усадьбу и очутился среди холмовъ глазъ на глазъ съ туманной ночью. Жмуркинъ облегченно вздохнулъ и, постоянно нащупывая въ своемъ карманѣ находившуюся тамъ отмычку, быстро пошелъ по скату, направляясь къ старой теплицѣ. Онъ шелъ и думалъ.

Всѣ такъ живутъ, и онъ правъ совершенно такъ же, какъ правъ Загорѣловъ, какъ правъ Быстряковъ, какъ правы Пере-

вертьевъ и Суркова, какъ права она, эта женщина съ глазами ребенка и съ хитростью лисицы. На землѣ, гдѣ родится только картофель, нельзя сажать ананасъ.

Онъ поспѣшно шагаль по скату, не ощущая въ себѣ ни страха, ни волненія, ни тоски,—ничего. Мысль, метавшаяся въ немъ ранѣе какъ бѣглое пламя зарницы, уже стояла передъ нимъ во весь свой ростъ, но онъ не отвертываль болѣе своего лица.

— Ну, такъ чтожъ!—говорилъ онъ спокойно, съ жадностью втягивая въ себя влажный ночной воздухъ.

Подойдя къ теплицѣ, онъ вложилъ въ замочную скважину двери лезвіе отмычки и сильно нажалъ на нее, потянувъ въ то же время дверь. Дверь отворилась. Отмычка оказалась вполне пригодной. Это не возбудило въ немъ радости, но и не нарушило его сповоиствія. Онъ лишь убѣдился въ пригодности своего инструмента, и только. Онъ заглянулъ въ теплицу. Ему пришло на мысль, что вотъ придетъ моментъ, когда Лидія Алексѣевна будетъ сидѣть вонъ тамъ на тахтѣ въ своемъ сѣромъ и длинномъ плащѣ, и онъ войдетъ къ ней вотъ съ этою же отмычкой въ рукахъ. Однако и эта мысль не обрадовала его, но и не испугала. Онъ только сталъ какъ будто бы еще сповоинѣе, словно застывъ въ своихъ намѣреніяхъ съ безразличіемъ льда. Снова заперевъ затѣмъ дверь теплицы, онъ поспѣшно вернулся къ себѣ во флигель, поспѣшно раздѣлся и тотчасъ же уснулъ вѣрвнимъ сномъ.

XIV.

Весь слѣдующій день Жмуркинъ пробылъ все въ томъ же равнодушнн, безучастно слоняясь по усадьбѣ, безучастно вступая въ разговоръ. Но ночью ему не спалось, хотя онъ и объяснял себѣ это тѣмъ, что онъ хорошо выспался въ прошлую ночь. Снова одѣвшись, онъ вышелъ въ садъ, прошелъ къ скамьѣ и сѣлъ тамъ, скрытый со всѣхъ сторонъ густыми зарослями сирени. Здѣсь было тихо; большой каменный домъ спалъ, и ночной шелестъ казался Жмуркину дыханіемъ спящаго зданія. Очевидно, было уже поздно. Жмуркинъ шевельнулся, удобнѣе усаживаясь на скамейкѣ. И тутъ онъ увидѣлъ Перевертьева. Тотъ спокойно слонялся по аллеѣ, въ двадцати саженьяхъ отъ Жмуркина, направляясь съ нетерпѣливымъ видомъ отъ каменныхъ ступеней балкона до того мѣста, гдѣ пологій сватъ сада круче обрывался на встрѣчу къ Студеной. На его плечи былъ накинута темный

и широкій пледъ, въ который онъ закутывался порою съ жёстами сильно прозябшаго. Жмуркинъ равнодушно оглядѣлъ всю его тонкую и быструю въ движеніяхъ фигуру, и ему стало ясно, что Перевертьевъ давно уже ждётъ кого-то, озябнувъ отъ нетерпѣнія.

„Это онъ Суркову“, — подумалъ онъ.

Въ то же время нижнее угловое окно тихо распахнулось, и изъ него проворно выскочила Суркова. Багровый полкъ ея юбки мигнулъ на минуту надъ фундаментомъ дома какъ языкъ вспыхнувшаго и тотчасъ же погасшаго пламени. Она двинулась аллеей на встрѣчу къ Перевертьеву.

— Ваше отношеніе ко мнѣ положительно невыносимо, — заговорила она, приближаясь къ нему.

Темный фланелевый балахонъ, съ короткими до локтей рукавами, мягко обнималъ ея стройную фигуру.

— Вы составили себѣ какое-то глупѣйшее рописаніе, — продолжала она затѣмъ, взглянувъ на Перевертьева съ выраженіемъ гнѣва, — и воображаете, что я въ самомъ дѣлѣ должна этому рописанію слѣдовать. И теперь вотъ вы три раза стучали ко мнѣ въ окошко, вызывая меня сюда. Будьте же благосклонны отвѣтить, для чего я вамъ понадобилась такъ безотлагательно? — Она разсмѣялась.

Ея гортанный смѣхъ прозвучалъ въ сумракѣ аллеи красивою гнѣсней.

Перевертьевъ стоялъ передъ ней блѣдный, кутаясь въ свой пледъ, какъ сильно озябшій.

— А вотъ этого я и самъ не знаю. Я самъ не знаю, затѣмъ вы мнѣ нужны, — отвѣчалъ онъ, тоже какъ бы сердясь, — но я безъ васъ жить не могу! — Онъ передернулъ плечами. — Нехорошую игру сыграли вы со мной, сударыня, — добавилъ онъ задумчиво, съ оттѣнкомъ гнѣва и грусти.

Суркова снова было-разсмѣялась, но тотчасъ же оборвала смѣхъ; ея горячіе глаза со вниманіемъ остановились на блѣдномъ лицѣ Перевертьева.

— Я въ этомъ не виновата, — сказала она, минуту какъ бы подумавъ о чемъ-то.

Они двинулись аллеей.

— Какая ночь! — сказала она, вдругъ вздохнувъ.

Перевертьевъ нетерпѣливо пожалъ плечомъ.

— Какое мнѣ дѣло до ночи! — проговорилъ онъ, сердясь: — я васъ люблю! Для васъ эта ночь хороша, а для меня отвратительна, — добавилъ онъ: — помните Пушкина: „О, ночь мученій“!

Онъ замолчалъ, встряхнувъ пледомъ, словно въ нетерпѣннѣи и гнѣвѣ.

— Я въ этомъ не виновата,—повторила Суркова:—а если виновата—простите!

Они тихо двигались сумрачной аллеей, среди притихшихъ деревьевъ; отрывистые звуки ихъ рѣчи звучали въ тишинѣ короткими аккордами.

— Я васъ люблю,—повторилъ Перевертьевъ:—ужели вы ничего не отвѣтите мнѣ на это?

Онъ внезапно рванулся къ ней, но она проворно увернулась. Ея обнаженные до локтей руки мягко блеснули во тьмѣ.

— Тсс!—прошептала она лукаво:—если вы хотите видѣть меня—будьте умницей. Иначе я отъ васъ уйду. Какая ночь, Боже, какая ночь!—добавила она со вздохомъ, съ выраженіемъ внезапнаго унынія въ голосѣ.

— Не уходите! — умоляющимъ тономъ проговорилъ Перевертьевъ.

— А вы будете умницей? Ну, будьте же паянкой! Ну, я прошу васъ! — Она подошла къ нему, заглядывая въ его глаза, лаская его плечо легкимъ прикосновеніемъ руки.

— Га-дюка!—крикнулъ Перевертьевъ злобно:—ты умышленно мучаешь меня! А-а!—простоналъ онъ, дергая концы пледа.

Она сдѣлала рѣзкое движеніе, словно собираясь уходить.

— До свиданія,—сказала она съ насмѣшливымъ поклономъ.— Adieu, mon ange, я удаляюсь!

— Ради Бога! не уходите! — зашепталъ Перевертьевъ съ мольбою.—Ради Бога!—онъ стоялъ передъ нею блѣдный и жалкій.

— Дайте слово болѣе не браниться и не злиться!

— Не буду; я не буду!—Перевертьевъ хрустнулъ пальцами съ выраженіемъ страданія.—Какъ я васъ ненавижу!—добавилъ онъ вдругъ со вздохомъ:—Боже, какъ я васъ ненавижу!

Она снова приблизилась къ нему, заглядывая въ его глаза какъ бы съ участіемъ, между тѣмъ какъ ея губы насмѣшливо вздрагивали.

— Бѣдненькій,—проговорила она ласково:—на васъ лица нѣтъ! Какъ вы страдаете! Но за что же вы ненавидите меня?

Она тихо коснулась его плеча.

Они снова двинулись аллеей, туда, гдѣ скатъ сада круче обрывался къ Студеной.

— За что?—повторялъ Перевертьевъ въ задумчивости.—Да развѣ же можно любить деспота, который вошелъ въ твое сердце и отнялъ у тебя волю!

Нѣсколько минутъ они двигались молча.

— Бѣдненькій!—прошептала снова Суркова насмѣшливо:— вы даже похудѣли!

— Гадюка!—повторилъ Перевертьевъ злобно, съ ненавистью оглаживая Суркову.

— Я уйду,—сказала она рѣзко:—до свиданія!

Темныя волны фланели мягко шевельнулись вокругъ ея гибкаго тѣла.

— Нѣтъ, ты не уйдешь!—крикнулъ Перевертьевъ.— Или уходите, уходите, уходите!—повторялъ онъ съ судорогой на губахъ.—Уходите. Но только знайте! Послѣ третьяго вашего шага туда,—онъ кивнулъ по направленію въ балкону,—я стрѣляю себѣ въ високъ. Слышите?—крикнулъ онъ ей:—послѣ третьяго вашего шага себѣ въ високъ!

Внезапно онъ вынулъ изъ кармана пиджака револьверъ.

Съ минуту Суркова глядѣла на него во всѣ глаза какъ бы съ любопытствомъ. Двѣ, три сажени раздѣляли ихъ.

— Ахъ,—вотъ какъ!—наконецъ проговорила она.—И все-таки я уйду. До свиданія!

Ея лицо засвѣтилось лукавымъ задоромъ.

— Помните! послѣ третьяго шага!—повторилъ Перевертьевъ рѣшительно.

Они не спускали другъ съ друга глазъ, какъ враги, готовые вступить въ бой.

— Разъ,—сказала Суркова, дѣлая первый шагъ назадъ, въ то время какъ ея лицо было обращено къ Перевертьеву.

Перевертьевъ ввелъ курокъ, громко щельнувшій въ тишинѣ сада.

— Два,—проговорила Суркова, дѣлая второй шагъ. Ея оживленное лицо все еще свѣтилось задоромъ.

Перевертьевъ приставилъ дуло револьвера къ виску, сбросивъ пледъ движеніемъ плеча.

— Помните,—прошептала онъ осипшимъ голосомъ:—послѣ третьяго шага—въ високъ!

Суркова не сводила съ его лица горячихъ глазъ, на мгновенье точно застывъ въ неопредѣленной позѣ. Выраженія самыхъ разнородныхъ ощущеній скользили по ея лицу, и порою можно было повѣрить, что она сдѣлаетъ вотъ сейчасъ этотъ послѣдній шагъ. Однако она его не дѣлала, точно запутавшись въ своихъ колебаніяхъ.

— Бросьте вашъ пистолетъ!—сказала она наконецъ.

Она двинулась къ нему, и выраженіе задора исчезло съ ея

лица. Перевертьевъ отвелъ дуло револьвера и опустилъ курокъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Что же? Что же-съ вы не ушли?—говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе и пробуя улыбнуться. Улыбка вышла у него злая и некрасивая.—Что же-съ,—шепталъ онъ,—попробовали бы уйти.

Она подошла къ нему, съ участіемъ заглядывая въ его лицо.

— Слушай!—вдругъ проговорила она:—ужели ты любишь меня такъ сильно?

Онъ поспѣшно привлекъ ее къ себѣ. Они скрылись изъ глазъ Жмуркина подъ крутымъ сватомъ сада.

Однако вскорѣ они вновь появились въ аллеѣ. Суркова шла впереди.

— Ужели ты такъ сильно любишь меня?—спрашивала она Перевертьева, слегка оборачиваясь къ нему лицомъ.

— Нѣтъ, я васъ обманулъ,—вдругъ отвѣчалъ тотъ съ гнѣвомъ:—развѣ же можно жертвовать жизнью ради пустой вонючки? Револьверъ не заряженъ.

Онъ сердито разсмѣялся.

— Хотите освидѣтельствовать, можетъ быть?—продолжалъ онъ съ тѣмъ же выраженіемъ:—въ немъ ни одной пульки!

Она остановилась посреди аллеи, будто наткнувшись на что-то.

— Левъ Львовичъ,—крикнула она ему лукаво:—идите сюда, просите прощенья и цѣлуйте вотъ это!

Она проворно скинула съ ноги красную туфлю, поджидая его съ лукавымъ задоромъ на всемъ лицѣ.

— Идите и цѣлуйте!

Перевертьевъ приблизился.

— Негодяй!—прошептала она, ударивъ его по лицу туфлей.

Онъ схватилъ ее за руку, съ лицомъ, искаженнымъ отъ бѣшенства.

— Негодяй!—шептала Суркова, вся содрогааясь отъ брезгливаго чувства.—Ф-фа! Ты еще съ женщиной драться, важется, хочешь!

Онъ поспѣшно выпустилъ ее руку; она пошла отъ него прочь. Но онъ снова догналъ ее у стѣнъ дома.

— Если ужъ на то пошло,—проговорилъ онъ съ досадой, протягивая ей въ то же время револьверъ,—если ужъ на то пошло, извольте освидѣтельствовать. Конечно же заряженъ. На всѣ шесть пуль!

Она поспѣшно обернулась къ нему, приняла изъ его рукъ револьверъ и, повернувъ барабанъ, заглянула въ гнѣзда.

— Милый, милый!—зашептала она, припадая на грудь Первертьева.

Тотъ сердито засмѣялся.

— Удивительное созданье женщина!—говорилъ онъ съ досадою:—каждая непременно хочетъ, чтобы передъ ней расписывались полными буквами въ собственной глупости! Еслибы ты меня не побила,—добавилъ онъ,—я бы на этотъ разъ не расписался!

— Милый, милый!—шептала Сурцова, ласкаясь къ нему какъ кошка.

Жмуркинъ сидѣлъ, глядѣлъ на нихъ и думалъ:

„Вотъ эти тоже живутъ во всю, и слава имъ“!

XV.

Восьмого іюля вечеромъ Жмуркинъ узналъ, что ровно черезъ недѣлю Загорѣловъ вмѣстѣ съ Быстряковымъ уѣдетъ въ оренбургскія степи, чтобы закупить тамъ скотъ. Онъ узналъ также, что поѣздка эта рѣшена окончательно, и что они оба—и Загорѣловъ, и Быстряковъ—пробудутъ такимъ образомъ внѣ дома не менѣе недѣли. Извѣстіе это на минуту всколыхнуло Жмуркина, наполнивъ его жгучимъ волненіемъ и безпокойствомъ, хотя вскорѣ же ему и удалось взять себя въ руки снова. Въ то же время ему стало ясно, что къ толкамъ объ этой поѣздкѣ онъ уже давно прислушивался съ любопытствомъ, и что именно на нее-то онъ и возлагалъ всѣ свои надежды.

Жмуркинъ понялъ, что наступилъ моментъ дѣйствовать, „ловить обстоятельства за хвостъ“, какъ онъ говорилъ себѣ мысленно. И тщательно обсудивъ и взвѣсивъ въ послѣдній разъ каждую черточку своего плана, онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію. Неудачи онъ не боялся, ибо онъ и до сихъ поръ старался убѣдить себя, что, быть можетъ, планомъ этимъ онъ и не воспользуется, насладившись лишь его тщательной отдѣлкой.

— Назадъ повернуть всегда возможно будетъ,—говорилъ онъ себѣ обыкновенно въ такія минуты,—а лисичка-то все-же у меня въ мѣшкѣ. Захочу беру, а не захочу—нѣтъ. Отпущу на волю. Ступай, дескать, лисица, въ лѣсу веселиться!—И ему иногда искренно

вѣрилось, что ужъ это одно сознаніе своей неограниченной силы надъ той женщиной удовлетворить и насытить его сердце.

Въ тотъ же день, какъ только онъ узналъ объ этой поѣздѣ, онъ незамѣтно взялъ съ письменнаго стола Загорѣлова маленькій конвертикъ и листокъ почтовой бумаги. Собственно Жмуркинъ не придавалъ особеннаго значенія ни этому конвертику, ни бумагѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Загорѣловъ, какъ человѣкъ осторожный, конечно не велъ переписки съ Лидіей Алексѣвной, и та врядъ ли даже хорошо знала его почеркъ. Конвертомъ и бумагой Загорѣлова онъ рѣшился воспользоваться больше для того, чтобы полнѣе насладиться тщательной отдѣлкой своего плана. Затѣмъ, захвативъ къ себѣ во флигель дѣловую переписку Загорѣлова, онъ сталъ ежедневно и цѣлыми часами изучать его почеркъ. Въ концѣ концовъ, послѣ усиленныхъ трудовъ, онъ добился-таки того, что могъ весьма недурно подражать ему. Убѣдившись въ этомъ, онъ присѣлъ къ столу, конечно принявъ всѣ мѣры для того, дабы не быть захваченнымъ вѣжливо на мѣстѣ преступленія, и на листѣ бумаги, похищенномъ съ письменнаго стола Загорѣлова, онъ вывелъ нижеслѣдующее:

„Приходи сегодня *туда* въ десять часовъ вечера. Необходимо. Пришли съ Жмуркинымъ зубныхъ капель страха ради іудейска. Записку сейчасъ же сожги. Цѣлую и жду“.

Нѣсколько разъ перечитавъ написанное, Жмуркинъ остался совершенно доволенъ какъ почеркомъ, такъ и содержаніемъ. И тщательно сложивъ эту записочку, онъ заклеилъ ее въ конвертъ, спрятавъ его затѣмъ въ свою записную книжечку.

Все это ужасно утомило Жмуркина, и весь вечеръ онъ пролежалъ на постели, закинувъ за голову руки и поглядывая въ потолокъ. Онъ лежалъ и думалъ:

„Завтра Максимъ Сергѣичъ уѣдетъ, завтра Максимъ Сергѣичъ уѣдетъ“.

Больше въ его головѣ не было ничего,—ни одной думы, ни одной мысли. Онъ такъ и заснулъ съ этимъ, обутый и одѣтый, какъ лежалъ, блѣдный и усталый, похожій въ своемъ тихомъ снѣ на трупъ.

А на другой день Загорѣловъ уѣхалъ въ шесть часовъ вечера въ одномъ экипажѣ съ Быстряковымъ. Уѣхали они на лошадахъ Загорѣлова и въ его же экипажѣ, и экипажъ долженъ былъ вернуться обратно, съ крохотнаго вокзала пустынной станціи, не позднѣе девяти часовъ вечера. О часѣ отъѣзда Жмуркинъ тоже зналъ заранѣе, а потому и это обстоятельство было предусмотрѣно имъ въ его расчетахъ. Онъ боялся лишь одного.

Возможно, что Лидія Алексѣевна будетъ у нихъ въ усадьбѣ, въ гостяхъ у Анны Павловны, какъ разъ въ моментъ возвращенія лошадей. Это было бы хуже всего, хотя стеченіе даже такого рода обстоятельствъ вполнѣ не разрушало плана Жмуркина, а лишь отодвигало моментъ его исполненія на неопредѣленное время. Весь фундаментъ плана заключался вотъ въ этомъ отъѣздѣ Загорѣлова; даже отсутствіе Быстрякова являлось для него уже излишнимъ; и слѣдовательно, разъ отъѣздъ Загорѣлова состоялся, ни одно обстоятельство уже не грозило плану Жмуркина катастрофой. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сильно волновался, поджидая возвращенія лошадей. Но лошади вернулись ровно въ девять часовъ, и Лидіи Алексѣевны въ этотъ моментъ въ усадьбѣ не было. Слѣдовательно, все обстояло вполнѣ благополучно; судьба какъ бы благопріятствовала Жмуркину. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ всей грудью. И положивъ въ карманъ своего пиджака сохранившійся въ его записной книжкѣ конвертъ и отмычку, онъ тотчасъ же отправился въ усадьбу Быстрякова, стараясь въ то же время, чтобы его уходъ со двора не былъ какъ-либо замѣченъ. Всю дорогу онъ былъ совершенно спокоенъ, но когда онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну, въ его глазахъ на минуту все запрыгало, и дыханіе комкомъ сперлось въ его горлѣ. Нѣкоторое время онъ даже не могъ произнести ни единого слова.

Между тѣмъ Лидія Алексѣевна подошла къ нему первая— онъ встрѣтилъ ее у воротъ усадьбы—и, опазнувъ его запахомъ вашихъ-то удивительно пріятныхъ духовъ, она спросила его:

— Вамъ что?

Голосъ ея звучалъ ласково, а ея милые голубые глаза взглянули въ лицо Жмуркина съ довѣріемъ ребенка.

— Вамъ письмо-съ, — наконецъ проговорилъ онъ, дѣлая усиліе.

— Отъ кого это?

Лидія Алексѣевна съ удивленіемъ приняла конвертъ изъ рукъ Жмуркина.

— Отъ Максима Сергѣича.

— Какъ отъ Максима Сергѣича? вѣдь онъ же сегодня уѣхалъ?

— Это точно-съ, — сказалъ Жмуркинъ, съ почтительной улыбкой. — Въ шесть часовъ они уѣхали-съ, а въ девять вернулись обратно.

— А мужъ?

— Елисей Аркадьевичъ отбыли съ поѣздомъ.

— Что же это такое?— возбужденно повторила Лидія Але-

ксѣвна, нетерпѣливо вскрывая конвертъ:—что же это значитъ? А онъ здоровъ?—добавила она съ выраженіемъ тревоги на всемъ хорошенькомъ личиѣ.

— Кто онъ-съ?—переспросилъ Жмуркинъ съ почтительной улыбкой:—Елисей Аркадьевичъ или Максимъ Сергѣичъ-съ?

— Ну, они оба? здоровы?—поправилась Лидія Алексѣвна.

— Елисея Аркадьевича я не видалъ-съ, а Максимъ Сергѣичъ какъ будто даже весьма-съ, — говорилъ Жмуркинъ, уже совершенно оправившись и словно входя въ роль.—По всей видимости они чувствуютъ себя ничего, а впрочемъ, можетъ быть, капелечку и разстроены. Они мнѣ говорили про васъ: онѣ, дескать, вручатъ тебѣ пузырекъ, и ты, дескать, мнѣ его принесешь. Я, дескать, только объ этомъ и пишу. То-есть, о пузырекѣ,—пояснилъ онъ.

Онъ умолялъ. Между тѣмъ Лидія Алексѣвна уже прочтала содержаніе записки и глядѣла на Жмуркина. Внезапно этотъ ея взглядъ показался ему подозрительнымъ. Онъ потупилъ глаза.

„Догадалась,—подумалъ онъ, чувствуя ознобъ,—по почерку догадалась“!

Мучительное смятеніе и безпокойство охватили его; на минуту ему показалось, что онъ виситъ надъ пропастью, готовый сорваться, и чувствуя предательское головокруженіе. Ему захотѣлось крикнуть:

— Ну, что же, не перехитрилъ васъ, такъ жрите!

Снѣ ухватился обѣими руками за воротный столбъ, точно боясь упасть.

— Что съ вами?—спросила его Лидія Алексѣвна, съ участіемъ приближаясь къ нему:—вы больны?

— Второй день. Лихорадка,—отвѣчалъ онъ голосомъ, точно выходящимъ изъ глубины внутренностей.

Онъ даже испугался звука этого голоса.

— Не дать ли вамъ хины?

— Покорно благодарю. Я принималъ!—Жмуркинъ уже оправился и заглянулъ въ лицо Лидіи Алексѣвны. И по милому и довѣрчивому выраженію этого дѣтски хорошенькаго лица онъ ясно понималъ, что она не догадалась.

— Ага!—подумалъ онъ сердито:—перехитрили лисицу!

Черезъ минуту, безмолвно принявъ изъ ея рукъ крошечный пузырекъ съ какою-то бурой жидкостью, онъ уже уходилъ изъ воротъ Быстряковской усадьбы.

Однако, едва только широкія спины холмовъ заслонили его собою, онъ тотчасъ же и поспѣшно отправился къ старой теплицѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Лидія Алексѣвна будетъ тамъ

сейчасъ же за нимъ слѣдомъ, и ему нужно было торопиться. Весь его расчетъ въ этомъ-то именно и заключался; моментъ врученія записки и моментъ назначеннаго свиданія должны были раздѣляться по его плану такимъ короткимъ промежуткомъ, чтобы Лидія Алексѣевна не могла найти времени зайти первоначально въ усадьбу Загорѣловыхъ.

Жмуркинъ поспѣшно подошелъ къ старой теплицѣ и, укрывшись за густыми зарослями кустарника, замеръ въ ожиданіи.

„Придетъ или не придетъ?“ — думалъ онъ въ волненіи. Его вновь охватили тревога и безпокойство. Раньше онъ считалъ свой планъ весьма остроумнымъ и какъ бы застрахованнымъ отъ всякаго рода случайностей, а теперь ему казалось, наоборотъ, что первая же случайность способна разнести этотъ планъ въ дребезги. Что если сейчасъ же слѣдомъ за нимъ къ Лидіи Алексѣевнѣ придетъ Анна Павловна, или даже придетъ кто-либо изъ Загорѣловской усадьбы? Онъ не предвидѣлъ этого, сочиняя свой планъ, а между тѣмъ уже одно это превратитъ его замыслы въ пепелъ. Жмуркинъ безпокойно шевельнулся: шелестъ женскаго платья внезапно коснулся его слуха. Онъ слегка выглянулъ изъ-за кустарника и увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она стояла у старой теплицы, одѣтая въ свой сѣрый длинный плащъ, съ ключомъ въ рукѣ. Жмуркинъ затаилъ дыханіе, чувствуя, что его ноги словно каменѣютъ. Лидія Алексѣевна торопливо исчезла въ дверяхъ теплицы; ключъ снова протяжно шелкнулъ.

„Идти или не идти?“ — подумалъ Жмуркинъ о себѣ.

Онъ досталъ изъ кармана отмычку.

„Идти или не идти?“ — снова словно кто-то спросилъ его.

Его точно закружило въ вихрѣ. Онъ высоко и несуразно шагнулъ, точно преодолевая какое-то препятствіе, схватился обѣими руками за сердце, переводя дыханіе, и затѣмъ тихо и осторожно пошелъ въ старой теплицѣ.

XVI.

Между тѣмъ уже передъ самой дверью въ теплицу Жмуркинъ снова какъ бы замѣшкался, чувствуя приступъ необычнаго волненія.

„Идти или не идти?“ — мелькнуло въ его взбудораженномъ сознаніи.

На минуту онъ словно прикинулъ на вѣсы всѣ свои расчеты, ясно сознавая при этомъ, что онъ уже не уйдетъ, что

у него не хватит на это силъ, если даже опѣвка расчетовъ не исполнѣ удовлетворитъ его. Онъ снова показался себѣ жалкой придорожной соломинкой, застигнутой свирѣпою бурей; и ощущая ознобъ въ пальцахъ, онъ вложилъ отмычку въ замочную скважину, рѣшительно потянулъ къ себѣ дверь и, очутившись въ теплицѣ, снова замкнулъ ее за собою.

Въ теплицѣ было темно какъ въ норѣ. Однако онъ сразу же ощутилъ присутствіе Лидіи Алексѣевны въ этой тьмѣ и сдѣлалъ шагъ впередъ. Сердце его громко стучало, и ему казалось, что стѣны теплицы вздрагивали, сотрясаемые этими тяжкими ударами. Онъ сдѣлалъ второй шагъ.

— Это ты, Максъ?—услышалъ онъ изъ угла, очевидно съ тахты, голосъ Лидіи Алексѣевны.—Что съ тобою? здоровъ ли ты? отчего ты не уѣхалъ съ Елисеемъ Арядьичемъ?—говорила та съ отгѣнкомъ нѣкотораго безпокойства въ голосѣ.

Видимо она вѣрила въ это мнимое возвращеніе Загорѣлова, и его неожиданность наполняла ее безпокойствомъ, заставляя подозрѣвать какую-нибудь непріятность.

Жмуркинъ не отвѣчалъ ни звукомъ; онъ быстро извлекъ изъ кармана коробку спичекъ и, поспѣшно чиркнувъ, зажегъ на письменномъ столѣ свѣчу. Послѣ этого и съ тою же поспѣшностью онъ повернулся лицомъ къ Лидіи Алексѣевнѣ.

— Это не Максъ,—проговорилъ онъ,—это-съ, какъ видите, я-съ! Максъ,—добавилъ онъ тотчасъ-же,—Максъ съ Елисеемъ Арядьевичемъ въ оренбургскія степи катятъ.—Онъ на минуту умолекъ. Лидія Алексѣевна глядѣла на него во всѣ глаза, точно не вѣря себѣ. Въ то же время Жмуркинъ ясно увидѣлъ по ея лицу, что она поняла, или, вѣрнѣе, ощутила сердцемъ что-то весьма для себя недоброе. Кромѣ крайняго недоумѣнія, всѣ черты ея лица выражали и жгучее безпокойство, и всей своей фигурой она напоминала теперь ребенка, заплутавшагося въ темномъ лѣсу.

Жмуркинъ глядѣлъ на нее молча. Въ теплицѣ на минуту все притихло.

— Максимъ Сергѣичъ въ оренбургскія степи катитъ,—снова повторилъ черезъ минуту Жмуркинъ,—и это самое письмецо, относительно, то-есть, прихода вашего сюда, это я собственной рукой вамъ написалъ. Приходи, дескать, сегодня туда въ десять часовъ вечера. Необходимо. И пришли, дескать, съ Жмуркинѣмъ того-другого, пятаго-десятаго. И такъ далѣе. Это я самъ собственной, вотъ этой вотъ рукой сочинилъ, Лидія Алексѣевна, сдѣлайте милость, простите за безпокойство!

Онъ хотѣлъ-было разсмѣяться, но точно только кашлянулъ, весь содрогнувшись.

— Вы мнѣ не вѣрите? — спросилъ онъ черезъ минуту застывшую въ безпомощной позѣ женщину. — Примите въ совершенному руководству, что не лгу-сь. А не вѣрить, конечно, этому совершенно даже возможно-сь, ибо и я долго не вѣрилъ, что вы вотъ сюда къ Максиму Сергѣичу на свиданіе бѣгаете! Долго не вѣрилъ! И когда гребеночку вашу вотъ тутъ у подушечки вотъ этой самой напелъ, такъ тоже все еще не вѣрилъ. И все думалъ: съ такими глазами не лгутъ-сь, никогда не лгутъ, никогда-сь!

Жмуркинъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Лидіи Алексѣевны и говорилъ, крѣпко опираясь лѣвой рукою о крышку стола.

Онъ былъ блѣденъ, и Лидія Алексѣевна хорошо видѣла, какъ сильно вздрагивала эта рука, точно сотрясаемая бурными ударами его сердца. И она не сводила съ него глазъ, между тѣмъ какъ все ея миловидное личико, съ ямкой на подбородкѣ, все еще выражало самое крайнее недоумѣніе и томительное безповойство.

Въ комнатѣ было сумрачно; тусклый свѣтъ свѣчи слабо озарялъ лишь одинъ уголъ комнаты, въ то время какъ ея большая часть была наполнена странно колеблющимися тѣнями; тамъ все безшумно возилось, и порою Лидіи Алексѣевнѣ казалось, что самыя вещи этой комнаты безповойно шевелятся, словно притянутыя внезапнымъ несчастіемъ.

— Такъ вотъ какъ я о васъ думалъ! — снова заговорилъ Жмуркинъ, поглядывая на Лидію Алексѣевну и не перемѣняя позы. — Вотъ какъ я о васъ думалъ. Я такъ высоко вознесъ васъ, что почиталъ себя недостойнымъ даже къ юбкѣ вашей прикоснуться, извините за выраженіе. И тутъ вдругъ, — повисилъ онъ голосъ, — съ этакой высоты да такое паденіе! Изъ богинь да въ лужу-сь! Изъ феи-сь да въ змѣи-сь! — Онъ снова коротко разсмѣялся, словно кашлянулъ. Смѣхъ точно причинялъ ему боль.

— Да-сь. Такъ вотъ сами посудите-сь, — продолжалъ онъ затѣмъ, — что со мною произойти должно было, когда я васъ обстоятельнымъ образомъ выслѣдилъ и всѣми глазами убѣдился. То-есть, относительно того-сь, что вы вотъ сюда къ Максиму Сергѣичу бѣгаете! Посудите сами! Отвѣйте, сдѣлайте милость, будьте добры! Что могло произойти? То-есть, въ моемъ сердечномъ переворотѣ. Будьте добры! — Онъ умолкъ, точно ожидая ея отвѣта, но она молчала.

— Не хотите, такъ я самъ вамъ скажу, — заговорилъ онъ снова. — Я подумалъ: если ужъ она такая въ нѣкоторомъ родѣ

по-га-ная,—выговорилъ онъ членораздѣльно и точно давись этимъ словомъ, между тѣмъ какъ Лидія Алексѣевна вся какъ бы сжалась, —если она ужъ такая въ нѣкоторомъ родѣ по-га-ная,— снова повторилъ онъ,—и если она въ нѣкоторомъ родѣ одной рукою Елисея Аркадьева обнимаетъ, а другою—Максима Сергѣева, такъ почему бы ей, думаю, въ такомъ смыслѣ и третьяго не ваять, когда такъ. То-есть, Лазаря Петрова!—добавилъ онъ.— Относительно того, чтобы обнять!

Лидію Алексѣевну точно всю передернуло.

Въ комнатѣ было сумрачно; тѣни безшумно шевелились по угламъ; пламя свѣчи слабо вздрагивало, и всѣ вещи, наполнившія комнату, точно безпокойно возились, застигнутыя несчастіемъ.

— Этого никогда не будетъ! — вдругъ вскрикнула Лидія Алексѣевна, порывисто приподнимаясь съ тахты. Ея подбородокъ вздрагивалъ. — Я буду кричать, шумѣть. Я перебью всѣ окна. Слышите? Я буду стрѣлять въ васъ!—повторяла она безпорядочно, словно въ истерикѣ, вся охваченная волненіемъ и тревогой.

— Тсс! — Жмуркинъ замахалъ руками.— Не кричите-съ! Вы меня совершенно не поняли-съ. Не шумите-съ! Сдѣлайте милость, дайте высказаться! Вы меня совсѣмъ даже не поняли!—выкрикивалъ онъ шепотливо, точно свистящими звуками.— Сдѣлайте милость обождать!

— Позвольте-съ, — заговорилъ онъ черезъ минуту снова и уже болѣе спокойно, убѣдившись, что и Лидія Алексѣевна какъ бы взяла себя нѣсколько въ руки, словно вся насторожившись.— Позвольте-съ. И кричать, и шумѣть, конечно, вы можете. И даже стрѣлять въ меня можете. Но только-съ къ чему и для чего, если я надъ вами никакого насилія никогда въ жизни себѣ не позволю! Вы меня поняли? Нѣтъ-съ? Извольте, я повторю! Я надъ вами никогда никакого насилія не позволю,—повторилъ онъ съ разстановкою, словно ставя послѣ каждаго своего слова точку.— Теперь вы меня-съ поняли?—переспросилъ онъ.— Такъ вотъ-съ, будьте спокойны, садитесь. И вѣрьте моему слову больше, чѣмъ своему собственному. — Будьте благонадежны. Насильственнымъ образомъ я даже мизинчика вашего не трону. Клянусь!—проговорилъ онъ съ жаромъ и совершенно искренно.

По крайней мѣрѣ Лидія Алексѣевна сразу же повѣрила искренности этого обѣщанія. Она сѣла. Жмуркинъ прошелся раза два по комнатѣ, осторожно ступая и тихохонько потирая руки, словно въ глубокой задумчивости, а затѣмъ снова онъ остано-

вился передъ нею въ той же позѣ, крѣпко опираясь лѣвой рукою о крышку стола.

— И такъ-съ,—заговорилъ онъ снова уже совершенно спокойно и даже пожалуй вкрадчиво, — и такъ-съ, никакого насилія съ моей стороны вамъ бояться нечего. Это совсѣмъ не въ моихъ намѣреніяхъ. Ибо я хочу предоставить вамъ самую полную свободу выбора. Хотите, дескать, поступите вотъ такъ, а не хотите—вотъ такъ. Какъ вамъ будетъ угодно. То-есть: или вы меня сами къ себѣ позовете, добровольно и безъ всякаго насилія, или же я все Елисею Аркадьевичу тотчасъ же выложу. Самымъ обстоятельнымъ образомъ! Какъ касательно вашего поведенія, такъ и относительно Максима Сергѣича. Однимъ словомъ, всю вашу романическую эпоху! На чистую воду!

Жмуркинъ казался совершенно спокойнымъ, и его слова журчали въ притихшей комнатѣ ласково и вкрадчиво. Онъ стоялъ передъ Лидіей Алексѣвной все въ той же позѣ, опираясь рукою о столъ, но теперь эта рука уже не вздрагивала, какъ раньше.

— Вотъ все мое предисловіе,—заговорилъ онъ снова послѣ нѣкоторой паузы.—Я предоставляю вамъ полный выборъ. Или вы меня сами и добровольно позовете, или же я обращаюсь къ Елисею Аркадьевичу съ словеснымъ опроверженіемъ вашего супружескаго поведенія. Судите сами, чтѣ лучше. Вѣдь Елисей Аркадьевичъ извѣстно, какъ поступитъ, и всю дальнѣйшую судьбу въ этой исторіи можно даже съ закрытыми глазами предсказать. Вамъ самимъ должно быть извѣстно, какъ въ хорошемъ купеческомъ быту при такихъ обстоятельствахъ поступаютъ. Васъ, конечно, на замокъ посадятъ, а на Максима Сергѣича тоже управу найдутъ. Вѣдь Каплюзниковъ на Завалишина нашелъ же, и вамъ вся эта исторія должна быть извѣстна въ достаточной степени. Максима Сергѣича, конечно, наемными руками изловятъ и хотя до смерти и не укомплектуютъ, но все-же и здоровымъ не выпустятъ, а такъ-съ, рухлядью сдѣлаютъ!

Онъ замолчалъ. Лидія Алексѣвна плакала, припавъ къ тахтѣ и зарываясь лицомъ въ подушку. Жмуркинъ безмолвно глядѣлъ на нее, поджидая, когда она нѣсколько выплыветъ. Долго онъ стоялъ такъ, словно застывъ въ своей позѣ, съ замкнутымъ лицомъ поглядывая на плачущую. Оранжевое пламя свѣчи тихо покачивалось, тѣни возились по угламъ, словно тамъ шла борьба.

— Будетъ вамъ плакать, Лидія Алексѣвна!—наконецъ проговорилъ Жмуркинъ.—Успокойтесь, сдѣлайте милость, и все, можетъ быть, уладится въ свое время. Вѣдь я не сейчасъ у васъ рѣшительнаго отвѣта требую и могу дать вамъ на размышленіе

ну, хотя бы дня три. А и этого вамъ мало будетъ, — пожалуй, отсрочу и еще. Только обсудите все въ полномъ здоровомъ разсудкѣ, и тогда дайте отвѣтъ, будьте любезны. Полноте, не плачьте, Лидія Алексѣевна! — добавилъ онъ.

Лидія Алексѣевна приподнялась съ тахты, вытирая своимъ платкомъ покрасѣвшее отъ слезъ лицо.

— Ну, вотъ такъ-то лучше, — сказалъ Жмуркинъ со вздохомъ. — А теперь вамъ не пора ли домой, Лидія Алексѣевна? Какъ бы васъ не спохватились.

Лидія Алексѣевна встала, двигаясь мимо Жмуркина съ потупленными глазами.

— Такъ какъ же, Лидія Алексѣевна, — говорилъ тотъ ей: — будете ли вы хотя бы думать относительно всего мною изложеннаго? Помните-съ, что, въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта, я полную гарантію вашимъ приключеніямъ обеспечиваю!

— Буду, — односложно проговорила Лидія Алексѣевна съ порога, и, схватившись за виски, она простонала:

— Поганая, поганая, поганая! — Она вскрикнула всей грудью.

— Вы дверку не запирайте, — сказалъ ей въ догонку Жмуркинъ: — у меня свой собственный ключъ есть.

Лидія Алексѣевна исчезла за дверью. Жмуркинъ потушилъ свѣчу и вышелъ на воздухъ, тотчасъ же заперевъ за собою дверь.

И долго, тяжело прислонясь къ каменной стѣнѣ теплицы, онъ смотрѣлъ вслѣдъ за удалявшейся женщиной, не спуская съ нея внезапно опечаливашагося взора. Вотъ она показалась на скатѣ холма, вотъ мелькнула въ опушкѣ, вотъ исчезла и появилась снова. И снова исчезла, словно растаявъ.

Кругомъ было тихо; лѣсъ не шевелился. Безмолвная ночь горѣла надъ землею; близко монотонно циркала какая-то птица, словно жаловалась на что-то горестно и безъ надежды на лучшее.

Жмуркинъ все стоялъ и глядѣлъ.

XVII.

На другой день послѣ этого свиданія съ Жмуркинымъ Лидія Алексѣевна сидѣла у себя въ саду съ сестрой Елисея Аркадьевича, Анной Аркадьевной, пятидесятилѣтней вдовой, толстой, румяной и весьма добродушной на видъ. Анна Аркадьевна варила изъ крыжовника варенье, а Лидія Алексѣевна читала ей вслухъ, примостившись рядомъ, подъ тѣнью развѣсистыхъ липъ, на низенькой скамеечкѣ. Въ саду было прохладно. Солнце бли-

зилося уже къ западу, и нарядный полукругъ цвѣтника благоухалъ передъ балкономъ сильнѣе. Круглыя пятнышки свѣта бѣгали по песку аллеи, словно летали другъ за дружкой, какъ мотыльки.

Лидія Алексѣевна милымъ пѣвучимъ голосомъ читала:

— „Катрина де-Барберисъ цѣлый часъ неподвижно сидѣла, притаивъ дыханіе. Съ своей веранды она хорошо видѣла пламенные объятія Виталия и Дорисъ, укрывшихся подъ тѣнью каштановъ. И она думала: послѣдняя пастушка не лишена земныхъ радостей, а ей даже нельзя и мечтать о нихъ“...

— Постой, постой, — перебила ее Анѣса Аркадьевна, дѣловито размѣшивая ложкой темно-зелѣную гущу крутившагося въ пѣнѣ крыжовника. — Постой, постой. Я что-то все перепутала! — Она повернула къ Лидіи Алексѣевнѣ свое круглое и румяное лицо, съ толстыми полукругами бровей, словно наведенныхъ чернилами.

Брови, ротъ и подбородокъ были у нея совершенно въ одномъ стилѣ, въ формѣ правильныхъ полукруговъ.

— Постой! — повторила она: — это что же еще за Виталь? откуда онъ?

— Это просто поселянинъ, — сказала Лидія Алексѣевна.

— А Дорисъ?

— А Дорисъ — молодая пастушка съ береговъ Гаронны.

— Такъ зачѣмъ же они тутъ?

— Такъ; не зачѣмъ, а просто такъ. Катрина де-Барберисъ видитъ, какъ они цѣлуются...

— И что же, ей завидно что-ли?

— Нѣтъ, не завидно, а просто грустно. Мужа своего она не любитъ. А кого любить, съ тѣмъ видѣться нельзя. Вотъ ей и грустно. Развѣ это не понятно?

Лидія Алексѣевна положила книгу на траву и словно задумалась. Въ простомъ сарпинковомъ платьѣ она казалась теперь совсѣмъ дѣвочкой.

— Постой, — проговорила Анѣса Аркадьевна: — ты лучше вотъ что, голуба, расскажи ты лучше мнѣ все съ самаго начала, да поворооче. А то у меня все что-то путаться начинается. Дорисъ, Барбарисъ — все спуталось.

Лидія Алексѣевна слабо улыбнулась.

— Это все очень просто, — сказала она. — Катрина де-Барберисъ — жена генеральнаго прокурора. Она молодая, а онъ старикъ. И она влюбилась въ Лафреньера, котораго она видѣла въ Фрековильскомъ паркѣ.

— Постой, постой! Этого, какъ его, Лафре, — кто же онъ такой?

— Лафреньеръ — блестящій капитанъ.

— Это, стало быть, гусаръ?

Лидія Алексѣевна досадливо пожала плечомъ.

— Нѣтъ, вы все спутали. Гусара здѣсь нѣтъ, а есть Гусаръ. Два эсъ! Гуссаръ! И это не капитанъ, а священникъ. Аббатъ по-ихнему.

— Это гусаръ-то священникъ?

— Ну, да. Фамилія священника — Гуссаръ. Два эсъ!

— Это все равно, — проговорила Анеиса Аркадьевна, — сколько ты этихъ самыхъ эсовъ ни напишай, а все гусаръ — гусаромъ и будетъ, и священнику быть гусаромъ стыдно! Вотъ то-то и есть, — добавила она поучительно: — сразу же и видно, что все это любовное дѣло-то не въ христіанской державѣ завязывается, потому что въ христіанской державѣ у священниковъ и фамелии настоящія: Благовѣщенскій, Крестопоклонскій, Предтеченскій. А вотъ у одного учителя въ Сердобольскѣ, — вдругъ измѣнила она свой поучительный тонъ въ дружелюбно-ласковый, — тоже очень хорошая фамелія была: Тититипетовъ. Я вотъ только теперь хорошенько не помню, сколько разъ это самое „ти-ти“ передъ „петовымъ“ нужно было сказать. Не то три, не то четыре. Подъ эту фамелію даже можно куръ манить. Тититипетовъ! Правда, можно? Да что ты, голуба, сегодня зеленая какая? — вдругъ сказала она, и черные полукруги ея бровей ушли высоко на лобъ.

Лидія Алексѣевна вдругъ простонала, точно отъ внезапной боли, порывисто приподнялась со своей скамеечки и, заложивъ руки назадъ, заходила по песку аллеи, тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ Анеисы Аркадьевны. Золотыя пятнышки свѣта запрыгали по ея лицу.

— Эхе-хе-хе, голуба! — вздохнула Анеиса Аркадьевна, и всѣ полукруги ея лица какъ-то сдвинулись, придавъ ему выраженіе грусти. — Эхе-хе! И у тебя, видно, горе, голуба, какъ вотъ у этой у самой Катерины Барбарисъ. Видно, и въ христіанскихъ державахъ, и не въ христіанскихъ, — говорила она въ задумчивости и нараспѣвъ, — видно, вездѣ для бабьяго сословія уставы все одни и тѣ же. Тащатъ тебѣ нашу сестру подъ вѣнецъ съ арканомъ на шеѣ, какъ овцу подъ ножикъ, а въ случаѣ чего, Боже упаси, — кулакомъ въ зубы. Такая! сякая! немзанная! — выкрикивала Анеиса Аркадьевна, словно подражая ругающемуся. — Не такая и не сякая, — снова заговорила она вдумчиво, — а самая

настоящая человѣческая душа. Хо-о-рошая душа! И не ей стыдно, а вамъ. Кто вотъ съ арканомъ-то на шеѣ волокъ. Эхъ, доля бабья!—вдругъ добавила она, размишывая ложкой крутившуюся въ мѣдномъ тазу ягодную гущу, и изъ-подъ полукруга ея брови внезапно упала въ тазъ слеза.

Она умоляла. Лидія Аркадьевна все такъ же ходила взадъ и впередъ по аллеѣ, дѣлая при каждомъ поворотѣ рѣзкое движеніе, точно какъ бы отмахиваясь имъ отъ мученій. Такъ порою расхаживаютъ тяжело страдающіе физической болью.

— Да,—снова заговорила Анеиса Аркадьевна со вздохомъ,—такъ вотъ и тебя, голубу, на этомъ самомъ арканѣ волокли. Вѣдь Елисей Аркадьевичъ, хотя онъ и братъ мнѣ родной, а все-таки подлець онъ и негодай. Это я ему и въ глаза, и за глаза скажу. Положимъ, въ глаза не скажу,—добавила она черезъ мгновеніе,—и ты ему, голуба, этого не передавай,— а за глаза скажу смѣло, что, дескать, ты подлець и негодай!

— Вѣдь онъ,—заговорила она снова, ополоснувъ въ водѣ ложку,—этотъ самый Елисей Аркадьевичъ тебя за десять тысячъ купилъ. Прямо-таки купилъ! Твой батюшка, Алексѣй Моисеичъ, ему на десять тысячъ векселей надавалъ, а онъ, Елисей Аркадьевичъ-то, на помолвкѣ вашей, отъ этихъ векселей сигары раскуривалъ. И самъ раскуривалъ, и гостямъ давалъ. Не угодно ли, дескать, отъ тысячнаго вексельца раскурить? Можетъ быть, дескать, табачокъ-то отъ этого повкуснѣе будетъ? Эхе-хе!—снова вздохнула она и вдругъ вскрикнула:—Батюшки! Грѣхъ великій! А вѣдь у меня крыжовникъ-то черезъ край хлещетъ! А въ кого влюблена эта рыженькая-то?—спросила она вдругъ Лидію Алексѣевну послѣ долгаго молчанія, кое-какъ усмиривъ бушевавшую гущу. — Въ кого влюблена рыженькая? сестра Барбарисовой? у нея еще названье на мой любимый соусъ похоже? Рыженькая въ кого?

— Флорансъ? — переспросила Лидія Алексѣевна отрывисто. Она все такъ же расхаживала по аллеѣ, съ рѣзкими движеніями на поворотахъ, заложивъ за спину руки. — Флорансъ влюблена въ Мальверина, бѣднаго молодого адвоката, который живетъ въ домѣ графини дю-Марти, у церкви святаго Филиппа. Сестрица! —вдругъ вскрикнула она жалобно, громко и протяжно всхлипнувъ всей грудью.

Анеиса Аркадьевна, торопливо ковыляя съ боку на бокъ, побѣжала къ ней. Она беспорядочно взмахивала руками, словно собираясь летѣть, и всѣ полукруги ея широкаго лица моргали.

— Ахъ, батюшки!—повторяла она сокрушенно:—ахъ, голуба! ахъ, батюшки! святители-угодники! архистратизи-заступники!

Лидія Алексѣевна сидѣла на пескѣ аллеи, съ истеричными движеніями рвала на себѣ волосы и изступленно выкрикивала:

— Умру, а этого не будетъ! Умру, а этого не будетъ!

Весь слѣдующій день до самаго вечера она пролежала въ постели, а вечеромъ она сидѣла на крыльцѣ своего дома вмѣстѣ съ Анѣисой Аркадьевной, блѣдная и задумчивая. На ея плечи была навинута длинная и тяжелая шаль, окутывавшая ее всю до самыхъ пятъ. Но, несмотря на это, она точно зябла, и ея плечи порою вздрагивали. А Анѣиса Аркадьевна добродушно поглядывала на нее и нараспѣвъ говорила:

— Если даже у тебя и есть, голуба, какія свои дѣла отъ Елисея Аркадьевича, все-же убиваться тебѣ не слѣдъ. Что дѣлать,—всякое бываетъ. Весело тебѣ — веселись, а тяжко—почитай святое писаніе. Большую пользу больная душа въ святомъ писаніи находитъ,—говорила она поучительно.—Мой покойный батюшка большой руки бабникъ и кутило-мучениеъ былъ, а когда матушка его въ томъ упрекала, то онъ бывало каждый разъ говаривалъ: „Чѣмъ я вамъ не отецъ семейства! Святой Анастасій Антиохійскій пишетъ: кто не знакомъ съ священнымъ писаніемъ, тотъ не годится быть отцомъ семейства! Такъ видишь — только тотъ!“ Это батюшка-то говорилъ. „А я, говорить, очень даже знакомъ! Такъ стало быть, говорить, въ отцы семейства вполне даже гожусь“. Такъ вотъ видишь,—говорила Анѣиса Аркадьевна, —старые люди и то вонъ какое мнѣніе имѣли, а ужъ имъ повѣрить можно! А ты думаешь,—вдругъ спросила она,—что эта самая Катерина Барбарисъ-то не утѣшится? Э-э, голуба,—она покачала головой: — какъ еще утѣшится-то, и опять съ этимъ Лафре цѣловаться будетъ!

— Съ капитаномъ Лафренъеромъ?—переспросила ее Лидія Алексѣевна словно деревяннымъ голосомъ.

— Ну, хоть съ капитаномъ!

— Какъ же она съ нимъ цѣловаться будетъ,—проговорила Лидія Алексѣевна, тѣмъ же безучастнымъ голосомъ,—если его въ пятнадцатой главѣ убили!

— Убили, ахъ, батюшки! — Анѣиса Аркадьевна всплеснула руками.—Стало быть, я это мѣсто опять проспала, — говорила она съ сожалѣніемъ:—я вѣдь думала, онъ живѣхонекъ! Кто же это его, голуба, убилъ-то?

— Мальверинъ.

— Ахъ, батюшки!—снова воскликнула Анѣиса Аркадьевна,

всплеснувъ руками: — это адвокатъ-то? Вотъ негодий-то! вотъ подлець! Ну, будетъ, будетъ! — вдругъ заговорила она ласково, вида, что Лидію Алексѣевну точно всю извернуло.

Она прижала ее къ себѣ, повторяя:

— Будетъ, голуба, будетъ, хорошая, будетъ тебѣ! Эхе-хе...

Тихохонько покачивая ее, словно ребенка, она замурыкала на мотивъ колыбельной пѣсенки:

— Ой, цвѣточки—розы-ы-ньки,
Обмахните слѣзы-ы-ньки,
Скрасьте алой зорько-о-ю
Бабыю долю горьку-у-ю!

— Ну, будетъ, будетъ!—повторяла она ласково.

Лидія Алексѣевна плакала, прижимаясь къ ней лицомъ.

XVIII.

Три дня, данныхъ Жмуркинымъ Лидіи Алексѣевнѣ на размышленіе, уже истекали. Однако Жмуркинъ не волновался; онъ былъ увѣренъ, что Лидія Алексѣевна вотъ-вотъ придетъ къ нимъ въ усадьбу, яко-бы въ гости къ Аннѣ Павловнѣ, и отвѣтитъ ему такъ или иначе. Нужно только постараться перехватить ее гдѣ-нибудь хоть на одно мгновеніе. И вотъ, поджидая ее, онъ слонялся, въ семь часовъ вечера, у крыльца кухни, бесѣдуя съ Флегонтомъ; тотъ сидѣлъ тутъ же, на ступеняхъ крыльца, съ паниросой въ зубахъ. Ясный солнечный день заливалъ весь широкій дворъ усадьбы потоками веселаго свѣта, и окна дома ослѣпительно сверкали. Хребты холмовъ точно испускали свѣтъ.

Жмуркинъ похаживалъ мимо Флегонта, поглядывая въ то же время на ворота усадьбы, и говорилъ:

— На всемъ земномъ шарѣ только одинъ законъ и есть: чтѣ тебѣ въ ротъ попало — ѣшь! Вотъ это законъ какой!—Онъ сердито усмѣхнулся.

Флегонтъ усмѣхнулся тоже.

— А если, на примѣръ сказать, муха попадетъ? Такъ ее тоже ѣсть? Вѣдь отъ нея не ровень часъ и стошнить можетъ. —Онъ снова засмѣялся.—Вотъ, стало быть не все ѣсть можно, что въ ротъ попадаетъ,—добавилъ онъ.

— Не о мухахъ тутъ рѣчь,—отвѣчалъ Жмуркинъ сердито,—не съѣдобное—не ѣдятъ, это ужъ конечно. Тутъ и разговаривать нечего.

Онъ прошелся мимо Флегонта; сегодня онъ былъ одѣтъ болѣе тщательно, чѣмъ всегда; онъ него даже попахивало одеколономъ, точно онъ собирался въ гости.

— Не въ мухѣ тутъ дѣло, — снова повторилъ Жмуркинъ сердито, — а въ законѣ этомъ. Вотъ, дескать, какой законъ есть на всемъ земномъ шарѣ!.. единый и для всѣхъ! — Онъ торжественно поднялъ вверхъ руку, точно свидѣтельствуя о непреложности этого закона. — Въ законѣ тутъ дѣло! — добавилъ онъ.

— А если этотъ законъ для тебя такой пріятный, — вдругъ сказала Флегонтъ, — такъ чего же ты вотъ сейчасъ сердиться?

— А развѣ же я говорю, что онъ пріятенъ? — спросилъ его Жмуркинъ въ свою очередь. — Я говорю: такой законъ существуетъ. И баста! А пріятенъ онъ или непріятенъ — это другой разговоръ.

Онъ въ задумчивости прошелся раза два мимо Флегонта.

— Для меня, — заговорилъ онъ снова, прижимая руку къ сердцу, — для меня онъ, пожалуй, и непріятенъ, ибо онъ ставитъ меня на одну линейку съ послѣднимъ червемъ; одинъ, дескать, я у всѣхъ у васъ, мои голуби! Хотя, конечно, — поправился онъ сейчасъ же, — на законъ и сердиться-то глупо. Не стану же я сердиться на то, что у меня двѣ руки, а не три?

— А если онъ тебѣ непріятенъ, такъ зачѣмъ же ты его исполнять тогда будешь? — сказала Флегонтъ. — А если ты его исполнять не будешь, — добавилъ онъ, — стало быть это для тебя не законъ!

— Это все такъ, — согласился и Жмуркинъ, — я и самъ объ этомъ думалъ, и вотъ чтò тебѣ на это скажу. — Онъ остановился прямо передъ Флегонтомъ. — Я тебѣ вотъ чтò скажу, — заговорилъ онъ снова: — въ исполненіи этого закона, — ты понимаешь? — въ исполненіи этого закона я могу видѣть для себя однѣ лишь непріятности, — но, — повысилъ онъ голосъ, — но въ исполненіи дѣла моей мести за поруганіе наисвѣтлѣйшихъ мечтаній моихъ, — такъ вотъ въ этомъ я могу находить для себя даже очень много пріятнаго! Ты понялъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Флегонтъ рѣшительно.

— Допустимъ такъ, — снова заговорилъ Жмуркинъ, — допустимъ, что тебя незаслуженно воромъ сдѣлали. Можешь ты послѣ этого украсть? въ самомъ дѣлѣ ужъ? А если, дескать, я воръ, такъ вотъ и наше вамъ? Можешь послѣ этого украсть? — повторилъ онъ свой вопросъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ Флегонтъ, — со мною этого не бывало.

Они оба словно задумались. Жмуркинъ снова заходилъ мимо крыльца, поглядывая порою на ворота.

— Постой,—вдругъ сказалъ Флегонтъ: — въ этихъ твоихъ рѣчахъ, пожалуй, правда есть. Со мною разъ нѣчто въ родѣ этого было. Назвала меня однажды барыня пьяницей,—продолжалъ онъ, — и я въ самомъ дѣлѣ въ этотъ же вечеръ какъ стелька нарѣзался! Нарочно! А вотъ, дескать, если я пьяница, такъ вотъ я получайте! И нарочно мимо оконъ дома пошелъ! Чтобы тамъ видѣли!—Флегонтъ разсмѣялся.

— Въ твоихъ послѣднихъ рѣчахъ,—добавилъ онъ со смѣхомъ,—есть нѣкоторая правда! Умница Лазарь Петровъ! На ты, Господи, уповахомъ!

Жмуркинъ молчалъ и глядѣлъ на Лидію Алексѣевну, показавшуюся въ воротахъ.

„Пришла-таки, не вытерпѣла!“ — подумалъ онъ, въ то время, какъ она уже взбиралась на ступени высокаго подъѣзда.

Онъ поймалъ на себѣ ея взглядъ, брошенный какъ бы украдкой и случайно. Этотъ взглядъ точно коснулся его,—настолько ясно онъ ощутилъ его на себѣ, и словно сказалъ ему: „На обратномъ пути. Подожди. Понимаешь“?

Она исчезла въ дверяхъ.

— Знаешь чтѣ?—вдругъ обратился Жмуркинъ къ Флегонту: —я лисицу въ проточномъ оврагѣ выслѣдилъ.

— Ну?

— Выслѣдилъ, и только брать ея не хочу,—говорилъ Жмуркинъ, внезапно блѣднѣя.—Хочу, чтобы она сама во мнѣ пришла съ поклономъ. „Возьмите, дескать, меня, Лазарь Петровичъ, пожалуйста!“ Да! — вскрикнулъ онъ, коротко разсмѣявшись.— А я ее и тогда даже, пожалуй, брать-то не стану. Дескать, если ты ужъ такая тварь, понимаешь ли, т-тварь!.. такъ я объ тебя и рукъ-то не хочу марать. Ступай, дескать, лисица, во всю веселиться! Понялъ? До свиданья, Флегонтъ Ильичъ! — Жмуркинъ махнулъ фуражкой и поспѣшно пошелъ къ воротамъ.

— До свиданья!—снова крикнулъ онъ повару уже отъ воротъ:—бѣгу въ проточный оврагъ на лисья выверты любоваться!

Онъ исчезъ.

— Ну, чего опять намололъ?—говорилъ самъ съ собой Флегонтъ, разводя руками: — даже и мѣшалкой не провернешь, а человекъ, кажется, вѣдь не глупый! Это все въ немъ молодость бунтуетъ,—добавилъ онъ, зѣвнувъ. — Поживи-ка вотъ съ наше! Умыкаешься! Охо-хо!

Онъ снова зѣвнулъ.

Въ то же время Жмуркинъ въ задумчивости рассказывалъ по дорогѣ между обѣими усадьбами, за крутымъ выступомъ холма. Вокругъ было свѣтло. Ясное и безмятежное спокойствіе, какъ бы не знающее никакихъ сомнѣній и никакихъ тревогъ, казалось, заливало всю окрестность счастливой улыбкой; и поглядывая на окрестности, Жмуркинъ думалъ:

„Вотъ и здѣсь все свѣтло и спокойно. И самая послѣдняя возявка принимаетъ здѣсь законы жизни съ благодарностью, потому что въ исполненіи закона—счастье“.

„Въ исполненіи закона счастье“,—шепталъ онъ.

„А если, — снова думалъ онъ, рассказывая подъ обрывомъ, —а если во мнѣ бушуетъ злоба, такъ это только потому, что я долго не понималъ жизни и жилъ въ совершенно другомъ мірѣ, ничего общаго съ настоящимъ міромъ не имѣющемъ. И я привыкъ къ нему. А очнувшись,—осердился“!

— А чего же тутъ сердиться? — прошепталъ онъ, разводя руками съ выраженіемъ недоумѣнія:—сердиться на законъ—это все равно, что стричь бритаго. Нельзя сердиться на то, что брошенный вверхъ камень падаетъ обратно, а топоръ тонетъ въ водѣ!

Жмуркинъ замолчалъ, слегка блѣднѣя; онъ увидѣлъ Лидію Алексѣвну. Она уже возвращалась домой, торопливо идя по каменистому грунту дороги. Онъ послѣшно двинулся къ ней на встрѣчу. Между тѣмъ она такъ же торопливо прошла мимо него, потупивъ глаза и подобравъ свое платье, точно боясь, что оно задѣнетъ его.

— Говорите Елисею Арвадьевичу, — сказала она ясно и отчетливо, не останавливаясь ни на минуту, скользнувъ мимо него, какъ ясная и свѣтлая волна.

— Хорошо-съ,—отвѣчалъ Жмуркинъ также ясно и отчетливо.

Онъ круто повернулся лицомъ къ Студеной и, заложивъ руки въ карманы, сталъ глядѣть на ея воды. Вскорѣ онъ хорошо увидѣлъ сбоку, и не поворачивая головы, что Лидія Алексѣвна остановилась тоже, саженьхъ въ сорока отъ него, и такъ же, какъ и онъ, стала глядѣть на воды Студеной, играя зонтикомъ съ самымъ равнодушнымъ видомъ. Не поворачивая къ ней лица и принимая тоже самый беззаботный видъ, Жмуркинъ не сводилъ съ нея глазъ. Она была въ темно-синемъ шелковистомъ платьѣ, словно усѣянномъ малиновыми огоньками, и весь ея видъ будоражилъ сердце Жмуркина жуткимъ и мучительнымъ чувствомъ.

„Какъ она хороша, какъ она хороша!“ — думалъ онъ въ тоскѣ и точно задыхаясь.

Она шевельнулась; малиновые огоньки ея платья и камни перстней, въ изобиліи украшавшихъ ея пальцы, до боли рѣзко свергнули въ глаза Жмуркину. Она тихо двинулась къ нему. Онъ поспѣшно пошелъ къ ней на встрѣчу. Однако она едва замѣтнымъ движеніемъ руки не допустила его къ себѣ. Онъ покорно остановился; десять шаговъ раздѣляли ихъ.

— Вы непременно скажете Елисею Аркадьевичу? — спросила его она.

— Непременно, — отвѣчалъ Жмуркинъ.

Они замолчали оба, потупивъ глаза, оба блѣдные и впадно смущенные.

— Я васъ въ послѣдній разъ спрашиваю, — вновь заговорила она, и Жмуркинъ хорошо видѣлъ, какъ дрогнули уголки ея губъ. — Въ послѣдній разъ! вы непременно скажете Елисею Аркадьевичу?

— Непременно-съ, — отвѣчалъ Жмуркинъ сердито, — непременно-съ скажу.

— Ну, такъ и говорите! — сказала она, не сводя съ него глазъ, точно желая по его лицу провѣрить искренность его отвѣта. — Говорите! Ахъ, какъ я васъ испугалась! — Она сердито качнула хорошенькой головкой и еще разъ заглянула въ глаза Жмуркину.

— Послушайте, — снова заговорила она, съ выраженіемъ боли на лицѣ теребя свой розовый зонтикъ. — Послушайте. Если вы не скажете Елисею Аркадьевичу, Максимъ Сергѣичъ дастъ вамъ тысячу...

— Ничего онъ мнѣ не дастъ! — перебилъ ее Жмуркинъ гнѣвно: — потому что если вы только займетесь ему объ этомъ, я сейчасъ же иду къ Елисею Аркадьевичу. — Сейчасъ же! — повторилъ онъ гнѣвно.

— Ну, я сама дамъ вамъ двѣ, — проговорила она.

— Я скажу! — повторилъ Жмуркинъ рѣшительно и въ раздраженіи.

— А въ такомъ случаѣ говорите! — повторила Лидія Алексѣвна. — Ахъ, какъ я васъ испугалась!

Она двинулась отъ него прочь съ самымъ рѣшительнымъ видомъ. Онъ пошелъ тоже; однако они не ушли далеко, остановившись снова на прежнихъ мѣстахъ, съ тѣмъ же какъ бы равнодушнымъ видомъ поглядывая на тихія воды Студеной.

Такъ прошло съ полчаса, и Жмуркинъ хотѣлъ-было уже идти домой, какъ вдругъ она снова двинулась къ нему какой-то

особенной, черезчуръ осторожной походкой и словно одолевая каждый шагъ съ большимъ усиленіемъ для себя.

Они снова остановились въ десяти шагахъ другъ отъ друга. Нѣсколько минутъ она молча смотрѣла въ его глаза, вся блѣдная, съ болью на всемъ лицѣ. Затѣмъ она слегка перегнулась къ нему, приложивъ палецъ къ губамъ. Онъ точно замеръ.

— Завтра, — наконецъ прошептала она, и этотъ шопотъ сорвался съ ея губъ, едва уловимый, какъ шелестъ сухого листа. — Въ девять часовъ, — зашептала она тѣмъ же шопотомъ, съ длинными паузами послѣ cadaго слова. — Вечеромъ. Въ теплицѣ.

Послѣднее слово точно замерло на ея губахъ, и Жмуркинъ едва уловилъ его значеніе.

— И я не поганая, — зашептала она съ тѣмъ же выраженіемъ. — Слыхали? Я только умѣю любить. И это не для васъ, — добавила она чуть слышно, слегка перегибаясь къ нему, блѣдная, съ отуманенными глазами, — не для васъ, и не ради Елисея Аркадьевича, а ради него. Слыхали? поняли?

— Хорошо-съ, — прошептала Жмуркинъ, потупивъ глаза. — Понялъ-съ.

Когда онъ поднялъ наконецъ глаза, она была уже далеко.

— Хорошо-съ; понялъ-съ, — повторилъ онъ, стоя посреди дороги.

Внезапно онъ схватился за бока обѣими руками, и изъ его горла вырвался не то смѣхъ, не то рыданіе.

— Ну, чего же ты стоишь-то? — вдругъ крикнулъ онъ себѣ рѣзво. — Иди, собака, спать!

XIX.

Весь слѣдующій день Жмуркинъ безпокойно бродилъ по усадьбѣ, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Работать онъ не могъ; ему не читалось, не спалось, нигдѣ не сидѣлось. Чтобы хоть какъ-нибудь убить время, онъ пошелъ къ Безутѣшному, помѣщавшемуся здѣсь же въ домѣ, въ маленькой угловой комнаткѣ наверху. Пошелъ онъ туда съ чернаго хода, и когда онъ вошелъ къ нему, Безутѣшный сидѣлъ за столомъ, съ книжкой въ рукахъ. Его громадная спина заслоняла собою весь столъ. Жмуркинъ поздоровался и сѣлъ на стулъ у раскрытаго окошка.

— Чтѣ скажешь? — спросилъ его Безутѣшный загудѣвшей, какъ коловоль, октавой.

Жмуркинъ вздохнулъ.

— Скучно, Спиридонъ Павлычъ! — сказалъ онъ.

— Что дѣлать! — согласился и Безутѣшный съ грустью. — „И всякъ случаетъ, да живетъ, и всѣхъ насъ гробъ, зѣвая, ждетъ“. Жить-то вѣдь все-таки, братецъ, надо.

— А вы читали что-то, кажется? — спросилъ Жмуркинъ: — старую книгу, какъ переплетъ оказывается?

— Да, читалъ; старую книгу.

Безутѣшный говорилъ съ неохотой, точно тоскуя.

— А что, Спиридонъ Павлычъ, — снова спросилъ Жмуркинъ, — прежде лучше теперешняго писали, или похуже?

— Да какъ тебѣ сказать? — Безутѣшный пожалъ широчайшими плечами: — и прежде хорошо писали, и теперь не дурино умѣютъ. Только прежде стиль возвышеннѣе былъ. Прежде писали вотъ какъ: „Селима, отерши слезу, вопрошала себя: почто, богиня любви, привлекла меня подъ сѣнь сію ранѣе брака?“ — Слышалъ, какой стиль? А теперь это же мѣсто напишутъ такъ: „Маланья высморкалась и подумала: а вдругъ да я забеременѣю?“ Видаль разницу? Или положимъ такъ. Прежде писали: „Объятый ужасомъ, Веньяминъ повергается на одръ свой, и смертная блѣдность на челѣ его паки распространяется“. Чувствуешь? А теперь это же напишутъ вотъ какъ: „Спиридонъ въ страхѣ брякнулся на постель, и его красный носъ сталъ сѣрымъ“. А я отъ васъ, можетъ быть, уйду скоро, — вдругъ добавилъ онъ.

— Что такъ? чѣмъ мы васъ прогнѣвили, Спиридонъ Павлычъ? — Жмуркинъ натянуто улыбнулся.

— Скучно стало, — сказалъ Безутѣшный угрюмо, — да и на васъ глядѣть опротивѣло. Очень ужъ вы тутъ другъ друга оживяете хорошо. Глядѣть противно! — повторилъ онъ, качнувъ косматою головою и весь повертываясь къ Жмуркину.

— Быстряковъ этого нашего нажѣгъ, Капернаума-то этого, — продолжалъ онъ, нѣсколько оживившись, — Капернаумъ — Быстрякова! А ты тоже такимъ гоголемъ сталъ ходить, словно ихъ обонихъ облапошить собираешься. Противно глядѣть на васъ! — повторилъ онъ, словно рывнулъ въ колодезь.

— Чего-съ? — переспросилъ Жмуркинъ, поднимаясь со стула и блѣднѣя. — Примите къ свѣдѣнію, что я отъ васъ такихъ вздоровъ выслушивать не желаю! — сказалъ онъ запальчиво. — Примите-съ къ свѣдѣнію.

— А чего у тебя губки-то запрыгали, когда такъ? — спросилъ Безутѣшный сердито. — Смотри, братъ, широко шагать хочешь, такъ какъ бы на-двое не разорваться!

— Чего-съ? — вскрикнулъ Жмуркинъ.

— Я давно на тебя поглядываю, — между тѣмъ говорилъ

Безутѣшный, тоже какъ будто начиная сердиться,—давно поглядываю и хорошо вижу, какая изъ тебя цаца писанная растетъ!

— Спиридонъ Павлычъ!

— Вижу, братецъ,—повысилъ голосъ и Безутѣшный,—очень хорошо вижу, что ты на сажень выше Загорѣлова вымахиваешь! Ты вѣдь живоглотство за религію сталъ выдавать!

— Спиридонъ Павлычъ! — снова выкрикнулъ Жмуркинъ въ бѣшенствѣ.

— А ты, братъ, въ изступленіе не впадай!—говорилъ Безутѣшный сурово:—я вѣдь вижу, что ты на два вершка отъ душегубства ходишь. Цыцъ!—вдругъ выкрикнулъ онъ запальчиво, точно дунуль всей грудью на огонь.

Онъ схватилъ Жмуркина за руки.

— Ты, братецъ, въ изступленіе не входи и ручками не брыкай! драться не лѣзь! Слышишь?—говорилъ онъ Жмуркину, насильно сажая его на стулъ.

— Ну, вотъ, успокойся, братъ! — говорилъ онъ ему, еще придерживая его за руки. — Успокоился? Такъ теперь гляди на меня и отвѣчай. Чтò ты задумалъ? — Онъ выпустилъ его руки, прошелся по комнатѣ и затѣмъ молча сѣлъ на свое мѣсто у стола.

Жмуркинъ сидѣлъ на стулѣ блѣдный, точно утомленный припадкомъ внезапнаго гнѣва. Безутѣшный смотрѣлъ на него, положивъ на колѣни свои громадныя руки. Онъ казался совершенно спокойнымъ.

— Ты чегò задумалъ? Говори!—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Ничего,—отвѣчалъ Жмуркинъ замѣнуто.

Безутѣшный помолчалъ, покачивая косматою головою какъ бы въ задумчивости.

— Погляди мнѣ въ глаза и отвѣчай! Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю. Ты чтò задумалъ?—снова сказалъ онъ.

Жмуркинъ шевельнулся на своемъ стулѣ.

— Въ глаза мнѣ ваши глядѣть нечего,—отвѣчалъ онъ наконецъ, уже совершенно успокоившись и даже развязно:—я не Донъ-Жуанъ, а вы не испанская красавица!—Онъ усмѣхнулся.—Я ничего не задумалъ,—добавилъ онъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Безутѣшный:—допустимъ, что я ошибаюсь. Весьма возможно! Скажи ты мнѣ вотъ чтò! Дѣйствительно ли ты живоглотство религіей провозгласилъ и поклонился ему, какъ истиннѣ, ея же не преjdeши? Дѣйствительно ли?—повторялъ Безутѣшный, внимательно поглядывая на Жмуркина.

— Совершенная правда-съ,—отвѣчалъ тотъ. Онъ былъ блѣ-

день, и его губы криво усмѣхались насмѣшливо и дерзко-вызывающе.

— Совершенная правда, — повторилъ онъ: — одинъ онъ, законъ-то, во всей вселенной и для всѣхъ. Клянюсь ему и провозглашаю-сь!

— Уходи вонъ! — коротко буркнулъ Безутѣшный, качнувъ лохматой головой по направленію къ двери. — Ну, чего ты сидишь-то? — спросилъ онъ спокойно. — Развѣ ты не слышишь, что я тебя выгоняю? У дикаго кафра и чуда Африки нѣтъ ничего общаго съ цивилизованной собакой. Уходи же! — добавилъ онъ совсѣмъ тихо.

Жмуркинъ развязно пошелъ изъ комнаты. Впрочемъ на порогѣ онъ остановился и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ оглянулся на Безутѣшнаго.

— Вотъ вы с-сами-то, — зацѣдилъ онъ севозъ зубы съ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія, — сами-то с-скушали всѣ з-зубки-то, вотъ вамъ и досадно!

Онъ скрылся, шумно хлопнувъ дверью.

— Мнѣ не вѣрятъ, — заговорилъ Безутѣшный послѣ ухода Жмуркина, задумчиво и какъ бы разсуждая самъ съ собой. — Не вѣрятъ, ибо азъ есмь пьявица. Погибшій человѣкъ. Чиновникъ особыхъ привлеченій по министерству утаптыванья дорогъ, Спиридонъ Безутѣшный!

Онъ снова помолчалъ, задумчиво покачивая гривой и чмокая губами.

— Пришелъ Іоаннъ — не повѣрили, — заговорилъ онъ снова съ грустью. — Пришелъ Сынъ человѣческій, — и Ему не повѣрили. Ур-роды! — добавилъ онъ злобно.

Онъ тихо всталъ и пошелъ въ кухню.

— Флегонтъ, — сказалъ онъ тамъ, — свободнаго соверцателя жизни топнить стало отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ. Такъ вотъ не устроить ли намъ съ тобою сегодня маленькій фестиваль? а? Какъ ты полагаешь? Но только безъ Жмуркина, — добавилъ онъ.

— Это еще что за птица фестиваль? — спросилъ Флегонтъ.

— А такъ фестиваль — водкуопиваль!

— Фестиваль — водкуопиваль? — переспросилъ Флегонтъ съ восторгомъ. — Непремѣнно! Умница Спиридонъ Павлычъ! — выкрикивалъ онъ: — фестиваль — водкуопиваль? Непремѣнно! Сегодня же вечеромъ! Геній Спиридонъ Павлычъ!

— А у меня сегодня, Спиридонъ Павлычъ, — вдругъ заговорилъ онъ, мѣняя свой восторженный тонъ на дружелюбно-ласковый и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловито-серьезный, — а у меня сегодня —

вы слышали?— „Персидскій маршъ“ совсѣмъ не удавался. И кто его знаетъ, вотъ этотъ вотъ палецъ жѣшалъ! Вѣдь вы знаете, я въ „Утопленнику“ „Персидскій маршъ“ присоединяю на случай мелкаго битва. А то жестовато выходитъ.

А Жмуркинъ ровно въ девять часовъ вечера проникъ въ старую теплицу. Когда онъ зажегъ на столѣ свѣчу, онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну, быстро поднявшуюся съ тахты. Ея лицо было блѣдно и словно озабочено чѣмъ-то.

— Я вотъ собственно зачѣмъ васъ сюда вызвала,—заговорила она, не поднимая глазъ и безпокойно теребя кружево рукава.—Вотъ зачѣмъ...

— Зачѣмъ-съ?

— Не знаете ли вы, когда пріѣдетъ Максимъ Сергѣичъ?

— Максъ?—переспросилъ Жмуркинъ насмѣшливо.—Максъ пріѣдетъ 15-го. Сего мѣсяца, вонечно.

— Это ужъ навѣрное?

— Совершенно точно-съ. Телеграмма дѣловаго характера отъ нихъ мнѣ-съ была. То-есть, отъ Макса.—Онъ усмѣхнулся.— 15-го, это ужъ совершенно точно-съ,—повторилъ онъ.

Онъ пристально глядѣлъ на Лидію Алексѣевну, и ея волненіе и безпокойство точно доставляли ему удовольствіе.

— Такъ вотъ я хотѣла васъ просить, — заговорила Лидія Алексѣевна съ безпомощнымъ выраженіемъ:—не отложите ли вы окончательный отвѣтъ до 14-го? Видите ли,—она вся всколыхнулась,—я въ вашей власти, но мнѣ хотѣлось бы приучить себя къ этой мысли. Немножко привыкнуть къ ней. Освоиться... Видите ли, вѣдь я въ вашей власти,—беспорядочно шептала она,—что же вамъ стоитъ? не можете ли вы отложить до 14-го?

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ Жмуркинъ, нѣсколько подумавъ.

— Благодарю васъ,—прошептала Лидія Алексѣевна, снова вся точно всколыхнувшись.

— А чѣмъ вы можете засвидѣтельствовать передъ Елисеємъ Аркадьевичемъ относительно насъ? — вдругъ спросила она, безпокойно потупляя глаза.

— Относительно васъ съ Максомъ? — переспросилъ Жмуркинъ. — А вотъ чѣмъ-съ! — Онъ вынулъ изъ бокового кармана пиджака свою записную книжку и повертѣлъ ея передъ глазами Лидіи Алексѣевны. — Вотъ этимъ самымъ! — добавилъ онъ, снова пряча книжку въ карманъ. — Тутъ все по числамъ записано,—такъ не лгутъ-съ!

— Дозвольте васъ спросить,—вдругъ переимѣнилъ онъ тонъ:—дѣловались ли вы съ Максомъ 14-го іюня, на пророка Ели-

сея, въ комнатѣхъ возлѣ буфета-съ? Что же вы молчите-съ? А второго числа того же мѣсяца—у ограды сада въ ихней усадьбѣ? А хотите ли я скажу вамъ, въ какомъ вы платьѣ сюда къ Максѹ бѣгали-съ? Хотите-съ? Вотъ то-то и есть-съ! Такъ не лгутъ. Вамъ не вывернуться!—добавилъ онъ и разсмѣялся съ злобнымъ мученіемъ на лицѣ.—Не вывернетесь!—повторилъ онъ.

— Я это знаю,—зашептала Лидія Алексѣевна,—я въ вашей власти. И я хочу только привыкнуть. Я знаю!

— И я вамъ эту отсрочку даю-съ, — проговорилъ Жмуркинъ.—До 14-го-съ!

Онъ подошелъ къ двери и широко распахнулъ ее.

— Пожалте-съ, когда такъ! — Что же вы стоите? До четырнадцатаго-съ, если уже на то пошло, будьте любезны!

Лидія Алексѣевна быстро прошла мимо него, потупивъ глаза.

XX.

Однако этотъ расчетъ оказался не совсѣмъ вѣренъ, и Жмуркина поджидало нѣкоторое разочарованіе. 14-го іюля утромъ, совершенно неожиданно, въ усадьбу возвратился Максимъ Сергѣичъ Загорѣловъ. Возвратился онъ счастливый, довольный и весь словно сіяющій, такъ какъ поѣздка оказалась для него вполне удачной, и всѣ свои дѣла онъ обдѣлалъ лучше и быстрее, чѣмъ рассчитывалъ. Вся усадьба снова увидѣла его красивую и сильную фигуру, съ рѣзвыми и смѣлыми жестами, съ звонкимъ и рѣшительнымъ голосомъ. И тотчасъ же послѣ своего пріѣзда онъ съ головой окунулся въ дѣла, словно стосковавшись по нимъ, какъ по любимой женщинѣ. Его видѣли въ поляхъ, гдѣ уже шла уборка, и на гумнахъ, и на светномъ дворѣ, и на мельницѣ, у крутящихся снастей, и въ лѣсу—намѣчающимъ будущія порубки и будущія насажденія. Онъ точно связывалъ собою воедино всѣ работы въ поляхъ и лѣсахъ, на гумнахъ и на мельницѣ, и какъ бы являлся душою какого-то громаднаго организма, какого-то сказочнаго чудовища, распростертаго на берегахъ Студеной, обросшаго зеленой щетиной лѣсовъ и золотистымъ перомъ злаковъ, мирно грѣющего горбатую спину своихъ холмовъ въ свѣтѣ безоблачныхъ дней и жадно ревѣвшаго у мельницы. И онъ являлся вездѣ счастливый и довольный, окидывавшій всѣ свои начинанія увѣреннымъ взоромъ удачника. А Жмуркину неожиданный пріѣздъ Загорѣлова принесъ съ собою нѣкоторое разочарованіе, отодвинувъ самый рѣшительный мо-

ментъ въ его намѣреніяхъ на неопредѣленное время. Жмуренъ, конечно былъ увѣренъ, что его плавъ нисколько не пострадалъ отъ этого въ самой своей сути, такъ какъ Лидія Алексѣевна по прежнему находилась въ полной его власти. Однако онъ сознавалъ, что добиться свиданія съ нею теперь много труднѣе, и это раздражало и сердило его нѣсколько. Въ то же время этотъ неожиданный прїѣздъ пробудилъ въ немъ и еще какое-то не вполне опредѣленное для него чувство, мучительное и безпокойное, пронизывавшее его порою острою болью. Чтò это было за чувство и о чемъ оно напоминало ему, онъ долго не могъ опредѣлить себѣ съ достаточной ясностью; но каждый разъ при его появленіи въ себѣ онъ безпокойно оглядывался на свой планъ, точно желая провѣрить, дѣйствительно ли онъ такъ неуязвимъ, какъ это казалось ему раньше. И каждый разъ послѣ самой тщательной провѣрки онъ убѣждался лишь въ строгой выдержанности этого своего плана и пытался успокоить себя, насколько могъ.

Между тѣмъ Загорѣловъ возобновилъ свои свиданія съ Лидіей Алексѣвной тамъ, въ старой теплицѣ, какъ всегда. И теперь онъ находилъ въ ней перемѣну. Она казалась ему грустной, точно чѣмъ-то озабоченной, какъ будто чѣмъ-то напуганной. При каждомъ малѣйшемъ шорохѣ она безпокойно вскакивала, тревожно озиралась, испуганно повторяла:

— Кто то идетъ! Къ намъ кто-то идетъ!

— Что съ тобой, Лидя? — спрашивалъ ее Загорѣловъ, съ участіемъ заглядывая въ ея глаза, въ которыхъ мерцалъ испугъ.

— Я боюсь, — повторяла она, въ испугѣ прижимаясь къ нему, такъ что онъ чувствовалъ удары ея всполошившагося сердца. — Я боюсь; я очень боюсь, Максимъ!

— Чего?

— А вдругъ кто узнаетъ о насъ? о нашей любви, о нашихъ свиданьяхъ вотъ здѣсь?

— Этого быть не можетъ, — говорилъ Загорѣловъ.

— Ну, а вдругъ? вдругъ? — твердила она съ тоскою, готовая расплакаться.

— Этого быть не можетъ, — повторялъ Загорѣловъ самоувѣренно и упрямо.

Постоянныя удачи точно ослѣпили его, и онъ не хотѣлъ вѣрить, что и его можетъ постичь несчастіе, беда, катастрофа.

— Я остороженъ, — говорилъ онъ ей успокоительно, — это же можетъ узнать? У тебя это нервы; возьми себя въ руки, и вѣрь

мнѣ. Развѣ ты не вѣришь мнѣ, моему умѣнью, моей находчивости? Вѣрь же мнѣ, моя радость!

Онъ цѣловалъ ее и приходилъ въ себѣ домой веселый и самоувѣренный, какъ всегда, съ безпечной улыбкой и звонкимъ хохотомъ.

А Лидія Алексѣевна, каждый разъ какъ ей нужно было войти въ кабинетъ къ мужу, мысленно вкрестила себя и шептала:

— Господи, защити меня, поганую! Господи, защити и укрой!

И она переступала каждый разъ порогъ кабинета какъ ступень эшафота. Каждый день приносилъ ей новое терзаніе, и часто Анеиса Аркадьевна заставляла ее въ слезахъ гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстечкѣ сада.

Какъ-то въ одну изъ такихъ минутъ та спросила ее:

— Ты о чемъ, голуба? — Скажи мнѣ, можетъ быть, и у тебя есть свой Лафре? Не бойся, я вѣдь тебя, голуба, не выдамъ, а научу. Вѣдь ему, — добавила она шопотомъ, — этому подлецу, моему родному братцу, такъ того и надо. Самъ добивался этого, — ну, такъ и получай, рябая форма!

— Никого у меня нѣтъ, — отвѣчала ей Лидія Алексѣевна печально.

И поспѣшно утирая слезы, она думала о Загорѣловѣ:

„Никому я тебя не выдамъ, никогда и ни за что, а лучше ужъ сама на себѣ все перенесу“!

Мысль, что когда-нибудь ей придется увидѣть этого человѣка избитаго, искалѣченнаго и изуродованнаго наемниками ея мужа, не давала ей покоя, сопровождала ее на прогулкахъ, всюду, томила ее во снѣ, какъ тяжелый кошмаръ. Подавленная этой мыслью, она сама стала искать свиданія съ Жмуриннымъ, и однажды она встрѣтила его по дорогѣ между усадьбами. Онъ молча и почтительно поклонился ей, а она вдругъ прошла на берегъ и стала глядѣть на воды, вся обезпокоившись. Онъ понималъ, что она хочетъ съ нимъ говорить, и остановился въ той же позѣ въ двухъ саженьяхъ отъ нея. Они оба производили впечатлѣніе людей, любующихся рѣкою.

— Послушайте! — заговорила Лидія Алексѣевна послѣ долгаго молчанія, не оборачиваясь къ Жмурину: — вамъ меня слышно?

— Слышно-съ.

— Послушайте: не думайте, что я хитрю и лукавлю съ вами. Вы видите, какъ все это неожиданно вышло для меня? — Она говорила съ мольбою въ голосъ, точно заискивая передъ этимъ человѣкомъ.

— Вижу-сь,—отвѣчалъ тотъ.

— Вы вѣрите, что я въ вашей власти и мнѣ не уйти никогда, нигуда?

— Вѣрю-сь.

Они переговаривались все такъ же, не глядя другъ на друга, оба блѣдныя.

— Такъ вотъ, все будетъ такъ, какъ я сказала,—говорила Лидія Алексѣевна, не отрывая глазъ отъ сверкающей поверхности Студеной, и было видно, какъ вздрагивала ея рука, придерживавшая сбоку юбку.

— Все будетъ такъ,—говорила она,—и вы вѣрите этому и не губите насъ. Какъ только онъ куда-нибудь уйдетъ, Максимъ Сергѣичъ,—пояснила она чуть слышно, и замолчала, точно будучи не въ силахъ вытянуть изъ себя болѣе ни единого звука.

Онъ словно понялъ это и сказалъ:

— Хорошо-сь. Будемъ-сь ждать! Вы меня ненавидите?—вдругъ спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала она.

— Что же дѣлать-сь!—прошептала она.—Благодаримъ-сь и на этомъ!

Его лицо выразило на минуту мученіе, точно оттуда внезапно выглянулъ кто-то другой. А потомъ это лицо снова застыло въ выраженіи холодной рѣшительности.

— Что же дѣлать-сь, что же дѣлать-сь!—шептала она холодно.—И все таки вамъ не уйти.

— Стыдно вамъ!—проговорила она, и пошла, но уже не въ усадьбу Загорѣловыхъ, куда она было-направлялась, а обратно домой.

Ей было бы тяжело увидѣть сейчасъ Максима Сергѣича. А вскорѣ и совершенно неожиданно ее осянула новая идея, точно указавшая ей путь спасенія. Передъ ней словно раскрыли дверь. Она сразу оживилась, восприняла духомъ, повеселѣла, какъ ребенокъ, выпущенный на свѣтъ изъ темной комнаты, населенной всяческими ужасами.

— Неужели же я спасусь?—думала она въ безпечной радости.— Неужели же? неужели же? Господи, за что ты такъ милостивъ ко мнѣ, недостойной!

Въ первое же свое свиданіе съ Загорѣловымъ она спросила его:

— Максимъ, ты меня любишь?

— Люблю,—отвѣчалъ тотъ,—развѣ же ты можешь сомнѣ-

ваться въ этомъ? Конечно, люблю. Люблю, люблю! — повторялъ онъ весело.

— Я хочу попросить у тебя нѣкоторой жертвы, — снова заговорила Лидія Алексѣвна. — Способенъ ты ради меня на жертву? — Она придвинулась къ нему, ласково перебирая крутые завитки его рыжихъ волосъ. — Сспособенъ ты ради меня на жертву? — повторяла она съ выраженіемъ ласки во всей фигурѣ.

— На жертву? — переспросилъ тотъ, на минуту задумываясь. — Тебѣ нужны деньги? — спросилъ онъ ее вдругъ. — Если такъ, я могу дать тебѣ хоть сейчасъ три тысячи. Или двѣ, — добавилъ онъ тотчасъ же. Онъ весело разсмѣялся, счастливый сознаніемъ, что онъ можетъ выдать такой кушъ, не моргнувъ бровью.

— Не денегъ я прошу у тебя, а жертвы, — сказала Лидія Алексѣвна, чувствуя сердцемъ бѣду; ей казалось, что раскрывшуюся было передъ ней дверь снова начали тихонько затворять.

— Жертвы? — повторилъ Загорѣловъ, задумываясь. Онъ какъ будто плохо разбирался въ этомъ словѣ.

— На безразсудство я не способенъ, — наконецъ сказалъ онъ, — а на жертву — не знаю. — Онъ пожалъ плечами. — Вотъ если ты потребуешь отъ меня, — пояснилъ онъ, — чтобы я остался босъ и нагъ и переселился бы съ тобою въ аркадскій шалашъ, — на это я не способенъ.

— Нѣтъ, ты можешь оставаться богатымъ, — сказала она, — но сдѣлай для меня вотъ что: продай все имущество и бѣжимъ съ тобою. Я люблю тебя, и мнѣ надоѣло сидѣть по уши въ обманѣ. Убѣжимъ съ тобою! — повторяла она, заглядывая въ его глаза съ выраженіемъ мольбы.

— Куда?

— За границу, въ Америку, куда-нибудь! — Она вся прижалась къ нему съ внезапной надеждой въ сердцѣ.

Грустно-озабоченное выраженіе его лица точно оживило ее. Между тѣмъ онъ долго сидѣлъ въ задумчивости и молчалъ. Въ немъ какъ бы шла нѣкоторая ломка. Она застыла рядомъ съ нимъ въ безпокойномъ ожиданіи, придерживая его руку въ своихъ, точно желая передать ему всю свою рѣшительность.

— Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать, — наконецъ проговорилъ онъ, какъ бы очнувшись. — Ты знаешь, я не могу жить безъ дѣла, а что я буду дѣлать тамъ, въ этой Америкѣ? Я боюсь очутиться тамъ въ положеніи вьюквы, пересаженной на экваторъ. И потомъ, чего ты боишься?

Онъ заговорилъ все на ту же тему, пытаясь убѣдить ее,

что бояться имъ нечего, что никакая нелѣпая неожиданность не можетъ обрушиться на ихъ головы, разъ они умны и осторожны.

Она не могла переломить и одолѣть его, и по дорогѣ домой она печально думала о немъ: „самоувѣренъ, какъ мальчишъ“.

Въ саду она увидѣла Анюсу Аркадьевну и подошла къ ней. Та со вниманіемъ читала книгу, шевеля мясистыми губами.

— Ты что же это, голуба, говорила мнѣ, что этого самага Лафре убили?—сказала она.—А онъ здоровѣхонекъ! Вотъ видишь, —она повела пальцемъ по страницѣ, — вотъ видишь! „Ха-ха-ха, засмѣялся капитанъ Лафре“... —прочла она по слогамъ.

— Лафреньеръ, — договорила за нее Лидія Алексѣевна, и замкнутымъ голосомъ она добавила:—Его убиваютъ въ пятнадцатой главѣ, а это четырнадцатая.

— Ахъ, и то правда!—спохватилась Аюса Аркадьевна.—А я грѣшнымъ дѣломъ перепутала. Я вѣдь римскую-то цифирь только до двѣнадцати знаю!

Она замолчала. Лидія Алексѣевна внезапно положила ей на плечи обѣ руки.

— Сестрица,—сказала она жалобно,—вы спрашивали меня, есть ли и у меня Лафре. И знаете чтò? Скоро у меня ихъ два будетъ!

Она припала къ ней.

— Ну, будетъ, будетъ, голуба!—зашептала Аюса Аркадьевна, прижимая ее къ себѣ.—И если я тебя этимъ самымъ поганимъ Лафре обидѣла, прости ты меня, глушюю! Ну, будетъ, будетъ, будетъ!

XXI.

Прошла недѣля. Былъ вечеръ, и потуснѣвшая поверхность Студеной дымилась паромъ. Жмурянтъ безпокойно слонялся по берегу, тревожно прислушиваясь къ мучительному чувству, прорывавшему его сердце острою болью. Это чувство точно предостерегало его въ чемъ-то, и, озираясь по своему обыкновению на свой планъ, онъ съ недоумѣніемъ думалъ:

„Чего же я безпокоюсь-то? Въ планѣ вѣдь все аккуратно. Все, какъ есть! Чего же это я“?

Онъ былъ увѣренъ, что въ этомъ отношеніи все обстоитъ вполне благополучно, но это сознаніе нисколько не утѣшало его теперь, а лишь повергало въ недоумѣніе еще большее, и онъ говорилъ себѣ:

„А если все обстоитъ благополучно, такъ чего же я вол-

нуюсь? Стало быть, не все благополучно, а только я не вижу бреши“!

„Развѣ же этого не можетъ быть?“ — спрашивалъ онъ себя и уже вслухъ, разводя руками, блѣдный и взволнованный.

Онъ въ уныніи хватался за виски и снова принимался напряженно думать все о томъ же, провѣряя каждый малѣйшій штрихъ своего плана. Онъ уже не думалъ ни объ обладаніи тою лукавой женщиной, ни о дѣлѣ своего мщенія, какъ онъ любилъ называть свои намѣренія, а только о своемъ планѣ; только о немъ одномъ, точно онъ заслонилъ передъ нимъ весь міръ, всѣхъ и все, точно онъ придавилъ его собою какъ каменная гряда. И внезапно ему стало ясно въ то же время, что онъ уже давно думаетъ только о немъ одномъ, объ этомъ планѣ, о мечтѣ, точно для него было гораздо важнѣе доказать себѣ свою берложью правоспособность, чѣмъ осуществить свои намѣренія на дѣлѣ.

На минуту ему стало страшно отъ этого сознанія.

„Что же это я все объ одномъ и томъ же?“ — подумалъ онъ съ тоскою. Онъ присѣлъ на берегъ и, поглядывая на туманившую поверхность рѣки, рѣшился ни о чемъ не думать болѣе. Однако планъ вставалъ передъ нимъ снова, какъ призракъ, отъ котораго нельзя было откеститься никакою молитвой, и, забывая свое рѣшеніе, онъ думалъ снова:

„Что же въ немъ неладно, если такъ?“ — Онъ шевельнулся, разводя руками и снова уходя съ головою въ свои думы, нахлынувшія на него какъ наводненіе.

„Постойте, постойте!“ — думалъ онъ, словно обращаясь къ кому-то, кто мѣшалъ ему разобраться съ должнымъ вниманіемъ въ этомъ потокѣ думъ. И онъ снова принимался за свои выкладки, шевеля губами.

„Она никому не можетъ сказать“, — думалъ онъ о Лидіи Алексѣевнѣ, занятый безконечною провѣркой своего плана. — „Никому не можетъ, такъ какъ если она выдастъ нашу тайну Максиму Сергѣвичу, я, лишь только узнаю объ этомъ, сейчасъ же иду съ докладомъ къ Елисею Аркадьевичу. Слѣдовательно, ей нѣтъ никакой выгоды обличить меня передъ Максимомъ Сергѣвичемъ“.

„Такъ-съ!“ — проговорилъ онъ вслухъ, взвѣсивъ всѣ эти соображенія. — „Это-съ совершенно вѣрно, — проговорилъ онъ снова, — такъ-съ“!

„Теперь-съ, — снова погрузился онъ въ свои размышленія, — ей нѣтъ никакого расчета сказать о моихъ притязаніяхъ и Елисею Аркадьевичу, такъ какъ этимъ она опять-таки повредитъ тому же Максиму Сергѣвичу“.

„Такъ-съ, — снова проговорилъ онъ вслухъ, — и это-съ совершенно справедливо!“

Онъ хотѣлъ-было приподняться съ берега и даже сдѣлалъ уже первое движеніе къ этому, какъ вдругъ снова тяжело опустился, почти упалъ на берегъ, съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами. Его сознание словно прорѣзала молнія, и внезапно онъ увидѣлъ въ своемъ планѣ брешь во всю стѣну. Всѣ его расчеты, которыми онъ любовался съ такимъ самодовольствомъ, какъ дуракъ, не стояли и полушки. Открытіе это было для него такъ неожиданно и такъ шло въ разрѣзъ съ прежними его мечтаніями, что онъ не сразу повѣрилъ ему, и долго онъ сидѣлъ на берегу съ криво раскрытымъ ртомъ и вытаращенными глазами, съ дикимъ желаніемъ кричать:

„Этого не можетъ быть, не можетъ быть! Лжете вы всѣ!“

Но, еще разъ внимательно провѣривъ свое неожиданное открытіе, онъ прошепталъ:

„Это-съ совершенно справедливо! Да-съ!“ — Планъ его не стоилъ ничего. Это было совершенно справедливо. Какъ только онъ не сообразилъ этого раньше! Слѣдуя съ точностью предначертаніямъ этого плана, онъ не приобрѣлъ рѣшительно ничего и только самого себя заперъ въ ужаснѣйшую ловушку.

„Самого себя заперъ! Самого себя! — повторялъ онъ потерянно. — Въ ловушку!“

Онъ понуро задумался.

Существенный недостатокъ его плана заключался вотъ въ чемъ. Принявъ за его основаніе заповѣди и ухватки берлоги, онъ ожидалъ отъ противниковъ противодѣйствій, такъ сказать, въ человѣческомъ духѣ; и на этомъ-то строилъ всѣ свои расчеты. Такимъ образомъ его планъ дѣйствительно могъ бы оказаться достаточно неуязвимымъ, если бы его исполненіе должно было протекать, такъ сказать, въ человѣческомъ обществѣ. Но идти войною съ такими соображеніями въ рукахъ было бы чезучуръ наивно. На берложье нападеніе нужно ожидать и берложныхъ же противодѣйствій, а при такихъ условіяхъ его планъ не годился никуда. И теперь вотъ какимъ образомъ могутъ отвѣтить на его нападеніе Лидія Алексѣевна и Загорѣловъ. Лидія Алексѣевна скажетъ о его, Жмуркина, притязаніяхъ Максиму Сергѣичу, и вѣроятно она уже сказала ему о нихъ, экстренно вызвавъ его для этого сюда, — почему тотъ и пріѣхалъ совершенно неожиданно, 14-го, въ день, назначенный для ея рѣшительнаго отвѣта. Весьма вѣроятно, что это такъ и произошло. Даже навѣрное такъ! А освѣдомленный обо всемъ Загорѣловъ, конечно,

не будетъ поднимать шума, приметъ самый невинный видъ и постарается раздѣлаться съ нимъ, Жмуркинымъ, совершенно точно такъ же, какъ раздѣливается волкъ съ собакой, напавшей на его логовище. И конечно же Загорѣловъ будетъ дружески кивать Жмуркину, не подавая ни малѣйшаго подозрѣнія на то, что онъ уже освѣдомленъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не сотретъ его съ лица земли, какъ гнуснаго червяка. А развѣ мало способовъ пригодныхъ для этого?

— Съ зайцами можно обращаться по-заячьи, но съ волками непремѣнно по-волчьи! — припомнилось Жмуркину любимое изреченіе Загорѣлова, и онъ понялъ, что тотъ причислить теперь его къ волкамъ, и не поцеремонится въ средствахъ.

„Заперъ самого себя въ ловушку!“ — подумалъ онъ и снова съ головой погрузился въ свои размышленія.

Теперь его положеніе было безвыходно — онъ это сознавалъ хорошо. Если сейчасъ онъ даже и скажетъ Быстрякову объ отношеніяхъ Загорѣлова къ Лидіи Алексѣевнѣ, такъ все-таки это нисколько не поправитъ дѣла. Нисколько: Загорѣловъ уже предупрежденъ Лидіей Алексѣевной, и онъ сдумѣетъ, конечно, оградить себя отъ Быстрякова. На то онъ и Загорѣловъ! Развѣ у него мало денегъ? Онъ можетъ нанять себѣ хоть цѣлую сотню тѣлохранителей, которые будутъ сопровождать его всюду. А съ нимъ, Жмуркинымъ, Загорѣловъ-то все таки раздѣляется. По-свойски!

„Сотретъ какъ червяка!“ — подумалъ Жмуркинъ; онъ шевельнулся, весь отдаваясь своимъ думамъ, снова завертѣвшимся его въ своемъ водоворотѣ.

Было уже поздно; Студеная сердито ворчала; косматый слой тумана покрывалъ всю ея поверхность, словно она обросла сѣдою плѣсенью. Серпъ луны бѣжалъ на встрѣчу къ тучамъ, точно преслѣдуемый кѣмъ-то. Деревья безповойно шумѣли, живая вершинами. А Жмуркинъ все сидѣлъ и думалъ, неподвижно уставившись въ одну точку, жалкій и одинокій, какъ выгнанная со двора собака. Нѣсколько дней подъ рядъ онъ бродилъ все съ тѣми же музами, а затѣмъ ему пришло въ голову, что Загорѣловъ все-таки долженъ отчасти бояться Быстрякова, такъ какъ если тотъ узнаетъ его тайну, — ему уже не видѣть больше Лидіи Алексѣевны, какъ своихъ ушей. А слѣдовательно и у него, Жмуркина, есть еще все-же нѣкоторыя средства хоть сколько-нибудь оградить свою жизнь. Нужно только дать понять кое о чемъ Загорѣлову. И Жмуркинъ рѣшился.

Однажды послѣ своей работы въ кабинетѣ Загорѣлова, уло-

живъ уже въ папку отчеты и счета, онъ съ многозначительной улыбкой сказалъ ему:

— А я, Максимъ Сергѣичъ, можетъ быть, это вамъ извѣстно-сь, имѣлъ обыкновеніе дневничекъ вести!

— Дневникъ?—переспросилъ его Загорѣловъ, поднимая на него самоувѣренные и ясные глаза.—Это интересно.

— Дневничекъ,—заговорилъ снова Жмуркинъ, весь шевельнувшись съ лукавымъ видомъ,—гдѣ всѣ исключительныя событія записывалъ, какъ своей собственной жизни, такъ и другихъ прочихъ. Весьма любопытныя событія-сь,—повторилъ онъ, подчеркивая каждое слово.

— Это очень хорошо,— снова одобрилъ его Загорѣловъ, спокойно раскуривая сигару.—Упражняйся, братецъ, въ стилѣ, это полезно.

— Тамъ кромѣ стиля весьма много интереснаго есть, Максимъ Сергѣичъ,—усмѣхнулся Жмуркинъ.—Весьма много-сь! Въ родѣ любовныхъ похощеній... Весьма интересно-сь.—Онъ снова усмѣхнулся, нагнувшись къ Загорѣлову. Загорѣловъ курилъ сигару и маленькимъ ножничкомъ-бреловомъ чистилъ ногти. Видимо, онъ плохо слушалъ Жмуркина.

— И этотъ самый дневничекъ-сь,—между тѣмъ говорилъ тотъ, опираясь о папку руками и весь слегка перегибаясь къ Загорѣлову,—и этотъ самый дневничекъ я въ надежныя руки передалъ. То-есть, чтобы на случай моей внезапной смерти его передали-сь одному извѣстному вамъ лицу. И это ужъ будьте благонадежны; это такъ ужъ и будетъ! Въ случаѣ, то-есть, моей безвременной кончины. Въ этомъ даже и сомнѣваться-сь нельзя! Будетъ исполнено въ точности-сь!

— Твое духовное завѣщаніе, что-ли?... Да, вотъ что!—вдругъ точно спохватился Загорѣловъ:—ты свой послѣдній отчетъ поправь, да повнимательнѣй. У тебя тамъ въ одномъ мѣстѣ вмѣсто „муха ржаная“ написано: „муха берложья“! Слышишь? пожалуйста поправь! „Муха берложья!“—повторилъ Загорѣловъ и расхохотался.

А Жмуркинъ долго глядѣлъ на него во всѣ глаза, и затѣмъ тихо пошелъ вонъ изъ кабинета.

„Муха берложья“,—думалъ онъ по дорогѣ:—„что же это такое? Отвѣтъ ли это его, то-есть, на мою закорючку, или же просто сдѣленіе обстоятельствъ“?...

СЕЛЬСКІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

ВО

Ф Р А Н Ц И И

Изъ повѣдки въ провинцію.

Окончаніе.

V *).

Дома, на водахъ, меня дождалось письмо отъ m-ле Бельваль, въ которомъ она извѣщала, что черезъ два дня будутъ у нихъ экзамены на получение „certificat d'études“ (свидѣтельство о грамотности). Кантональный инспекторъ разрѣшилъ ей пригласить меня.

Мнѣ, конечно, было очень интересно побывать на экзаменахъ, и я отправилась въ В. въ назначенный день и часъ.

Въ верстахъ семи отъ нашихъ водъ, по той сторонѣ рѣки, въ благоустроенномъ селеніи должны были состояться эти выпускные экзамены старшихъ учениковъ и ученицъ изъ окружающихъ сельскихъ школъ. Это селеніе и всѣ сосѣднія деревни живутъ только водами: овощи, живность, яйца, ягоды, молочные продукты, молодежь—и женская, и мужская—все это отправляется на-воды. Селенія богатыя. Крестьянки—большія франтихи; напр., судомойка, вернувшись въ деревню, носятъ шляпку; она уже

*) См. выше: июль, 263 стр.

находить для себя „низкимъ“ носить чепчикъ. Только пожилыя крестьянки да старухи придерживаются мѣстныхъ чепчиковъ; но и жадвы же онѣ на заработокъ, и молодыя, и старыя! Женщины, послѣ пятимѣсячной работы на водахъ, возвращаются въ деревню съ экономіей до тысячи франковъ; а мужчины приносятъ домой еще больше.

Школъ въ селеніи двѣ: одна для дѣвочекъ, другая для мальчиковъ. Школы не блистаютъ внѣшностью. Классы—низковатыя, закопѣлыя комнаты. Въ день экзаменовъ, на улицѣ, передъ школой, столпилось довольно порядочное количество сельскихъ учениковъ. Одѣты они по праздничному: въ пиджакахъ, котелкахъ, въ яркихъ галстукахъ; ни одного не видно въ черномъ фартукѣ и въ беретѣ, какъ они ходятъ въ будни. Въ большинствѣ дѣти—сухопарыя, малорослыя; а имъ должно быть не менѣе тринадцати лѣтъ. И у всѣхъ вытянутыя, озабоченныя лица. Экзамены повсюду вызываютъ одинаковое душевное состояніе...

М-ле Бельваль еще не было на школьномъ дворѣ, когда я пріѣхала.

Стали собираться, пѣшкомъ и въ таратайкахъ, сельскія ученицы съ родителями. Дѣвочки расчесаны, завиты, въ розовыхъ, голубыхъ или красныхъ бантахъ. Разодѣтыя по праздничному, онѣ смотрѣли городскими, зажиточными подростками. У нихъ тоже лица возбужденныя, озабоченныя.

Пришли и пріѣхали сельскія учительницы, принаряженныя, хотя и въ платьяхъ „couleurs discrètes“, по выраженію m-lle Бельваль, которая явилась въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ газовой пелеринѣ и въ шляпкѣ съ перьями—красивая и внушительная. Она пріѣхала одна, зрительницей; у нея не было на этихъ экзаменахъ выпускныхъ ученицъ.

Учительницъ набралось до двадцати. Трудно судить о преобладающемъ типѣ по такому небольшому количеству. Были здоровыя, коренастыя женщины народнаго облика и нервныя лица городскихъ педагогичекъ. Одна изъ нихъ попала съ очень тонкой фізіономіей парижанки. Разговоровъ никакихъ не велось. Онѣ пріѣхали для своихъ ученицъ и волновались не менѣе ихъ. Пришли и учителя. Эти болѣе подходили къ среднему типу молодыхъ „техниковъ“. Учителей набралось тоже человекъ съ двадцать. И ни одного стараго между ними! Всѣ учителя и учительницы торопились, собирали своихъ питомцевъ, устанавливали ихъ по школамъ. Явился и кантональный инспекторъ („l'homme aimable et de valeur“—по выраженію m-lle Бельваль), маленькій, кругленькій, сѣдой и съ дѣланно-строгой миной, которую такъ забавно

напускають на себя нѣкоторые французы въ торжественныхъ случаяхъ.

— Инспекторъ! инспекторъ! — пронеслось почтительнымъ шестомъ.

М-ше Бельваль представила меня. Я поблагодарила за разрѣшеніе присутствовать на экзаменахъ. Инспекторъ галантно раскланялся.

— Ah, madame! Вы—русская. Друзья Франціи всегда будутъ желанными гостями среди насъ.

Любезность инспектора обратила на меня сотню глазъ, и большихъ, и маленькихъ.

— Eh bien, si vous voulez, commençons, начнемъ, господа! Только я желалъ бы до экзаменовъ сказать нѣсколько словъ молодежи.

— Oh, monsieur l'inspecteur cantonal!.. — пронеслось опять: — вы неизвѣнно добры и внимательны!..

Теперь дворъ школы сплошь былъ занятъ учениками и педагогами.

Инспекторъ взошелъ на крыльцо и оттуда обратился къ собравшимся съ рѣчью. Въ этой рѣчи говорилось все то, что говорится въ подобныхъ случаяхъ во Франціи: любовь къ отечеству, преданность государству; оно печется объ образованіи своихъ дѣтей. Надо трудиться и всегда помнить имена Гизо, Дюрюи и Жюля Ферри. Они, въ разные эпохи, создали даровую школу, даровое образованіе. Даровое образованіе даруетъ равенство и свободу, ибо школа открываетъ одинаково двери въ жизнь и аристократу, и простолюдину. „Учитесь же, культивируйте вашъ умъ, способности, и по выходѣ изъ нашей скромной школы, которая есть только первая ступень къ высшему образованію“...

Ребята слушали, разинувъ рты, тяжело дышали и не сводили глазъ съ инспектора. Онъ говорилъ звучно, убѣжденно, кругло.

Учителя и учительницы тревожными взглядами обѣгали свои группы.

За рѣшеткой, на улицѣ, пестрѣла толпа родителей, которые тоже всѣ притихли и старались прислушаться къ рѣчи инспектора.

Послѣ рѣчи начались экзамены внутри школы, за отдѣльными столиками. Учителя, учительницы—экзаменовали постороннихъ учениковъ.

Предложили-было и мнѣ принять участіе. Когда-то я сама переносила эту пытку—экзамены. Здѣсь я отказалась наотрѣзъ

отъ роли экзаменаторши; но мнѣ очень хотѣлось послушать, и я, подъ предлогомъ усталости, присѣла къ одному изъ столиковъ, гдѣ экзаменовала та учительница, которая такъ выдѣлялась своей тонкой физиономіей. Экзамень велся тихо, въ полголосъ, очень медленно, точно исповѣдь. Экзаменующаяся сидѣла трепетная, испуганная—дѣвочка съ лицомъ мучительно-напряженнымъ.

Я потихоньку пересѣла къ другому столу. Тутъ дѣло шло объ Іоаннѣ д'Аррѣ. Отвѣчала дѣвочка лѣтъ четырнадцать, бойкая; въ видѣ—умненькая. Экзаменаторъ—глазами—пригласилъ меня сѣсть поближе. Не знаю, замѣтила ли дѣвочка мое присутствіе позади своей спины, только на вопросъ: что такое *бабуля*, она вдругъ стала въ тушикъ, наклонила голову... плечи и спина ея задрожали... она расплакалась. Я потихоньку, потихоньку—вонъ лѣзъ школы на дворъ.

Здѣсь я застала m-me Бельваль въ разговорѣ съ родителями дѣтей.

— Развѣ вы собираетесь домой? Подождите. Примите участіе въ экзаменахъ. Нашъ инспекторъ—человѣкъ широкихъ взглядовъ, не рутинеръ; какъ онъ васъ принялъ! Не хотите усиливать пытку дѣтей? Ah, ça, par exemple, c'est du bon sens, —и, обращаясь къ родителямъ, m-me Бельваль сказала:—Vous voyez, tous les Russes ont un bon sens, да, всѣ русскіе жалостливы!

Ни сочувственныхъ восклицаній присутствующихъ, ни разспросовъ, ни какихъ-либо „vive la Russie“, ни оглядываній меня—не послѣдовало. Всѣ эти мѣстные жители слишкомъ привыкли къ иностранцамъ. Они постоянно видятъ на водахъ разныя національности. Для мѣстныхъ крестьянъ даже парижане слились въ общемъ названіи „иностранцы“.

— Подождите еще немножко, — обратилась опять ко мнѣ m-me Бельваль, —будетъ раздача письменныхъ испытаній. Самъ инспекторъ даетъ темы. Мы сейчасъ это узнаемъ.

Подшли двѣ учительницы, старшая и младшая, хозяйки школы, гдѣ происходили испытанія. Обѣ полныя, румяныя блондинки въ черныхъ, красиво сшитыхъ платьяхъ. У одной на рукахъ сидѣлъ здоровенькій, риженькій ребенокъ, лѣтъ около двухъ, весь въ бѣломъ.

Всѣ присутствующія женщины кинулись къ нему.

— Ah, qu'il est beau! Ah, qu'il est gracieux! Va, petit ange du Seigneur! Ah, pauvre chéri, est-il dodu!..

И началось цѣлованіе ручекъ, ножекъ. Мать сияла счастьемъ. Ребенокъ переносилъ довольно терпѣливо ласки чужихъ. Нигдѣ,

какъ во Франціи, не проявляется такъ ярко жажда любви къ дѣтямъ, восхищеніе дѣтьми.

— Вы вѣроятно устали?—обратились ко мнѣ объ учительницы.—Позвольте предложить вамъ рюмку мадеры съ бисквитомъ. Наши квартиры здѣсь, около школы.

— Кстати вы увидите у этихъ дамъ,—прибавила m-lle Бельваль,—какъ могутъ жить во Франціи нѣкоторыя сельскія учительницы, если онѣ достойныя женщины,—des femmes de mérite.

— Ah, mademoiselle! Vous êtes trop indulgente! — любезно возразили хозяйки.—Темы для письменныхъ испытаній еще не розданы инспекторомъ. Ихъ принесутъ къ намъ, наверхъ. Милости просимъ!

Напротивъ школы, въ двухъ-этажномъ домѣ, помѣщались педагоги съ семьями. Въ первомъ этажѣ жилъ старшій учитель для мальчиковъ, съ женой, младшей учительницей въ школѣ дѣвочекъ. Во второмъ этажѣ жила старшая учительница съ мужемъ, младшимъ учителемъ у мальчиковъ. Въ обѣихъ школахъ число учениковъ колебалось отъ 45 до 60,—поэтому было по двое преподавателей.

— У насъ и общее хозяйство, — замѣтила одна изъ дамъ-педагогичекъ; — такъ намъ обходится дешевле — и обработка огорода.

— У васъ, вѣроятно, ихъ два?

— Намъ достаточно одного; отъ другого мы отказались.

Если нервная, тревожная, угнетенная разлукой съ мужемъ г-жа Гурми могла жить порядочно, если m-lle Бельваль, вполне довольная своей судьбой, жила хорошо, то ужъ эти обѣ дамы, дѣйствительно, блаженствовали и жили—для сельскихъ учительницъ—великолепно! Да онѣ и своимъ породнымъ, здоровымъ видомъ, своимъ спокойнымъ тономъ показывали, что и душевно живется имъ такъ же привольно, какъ и физически.

Каждая чета получала въ общемъ по двѣсти франковъ въ мѣсяць; занималась отъ девяти до четырехъ часовъ, кромѣ праздниковъ и маленькихъ вакацій; имѣла два, полныхъ, гѣтнихъ мѣсяца отдыха и жила въ квартирѣ изъ шести комнатъ (съ отопленіемъ). Обстановка обѣихъ квартиръ—зажиточно буржуазная: и серебряная мелкая посуда подъ стекломъ, и зеркальная шифоньерка, и постель подъ балдахиномъ, и погребъ съ виномъ. Одно: комнаты размѣромъ малы, отъ дороговизны земли. Дѣтская рыженькаго бутузика—безупречной чистоты.

Хозяйки водили меня по квартирѣ съ увѣренностью. Я заглянула въ кухню. Здѣсь готовила служанка, „bonne pour tout

faïge" — сама видомъ и по обстановкѣ — хотъ сейчасъ на выставку домоводства!

Рыженькому бутузюку надоѣло ходить по комнатамъ. Онъ сталъ бужить и тереть кулачками глаза.

Я собралась прощаться. Дамы удерживали.

— Oh, иѣтъ, не спѣшите. Нашъ маленькій херувимъ усталъ, хочеть до-до. Раunte petit chérubin! Мы сейчасъ уложимъ его.

Служанка привезла колясочку. Съ ребенка сняли платье, уложили его. Мать, тихонько двигая коляску взадъ и впередъ, продолжала бесѣду на мой вопросъ:

— Отчего у васъ обѣ квартиры содержатся какъ лучше и желать нельзя, а школа нуждается сильно въ ремонтѣ? Отчего! Вы — хозяйки и тутъ, и тамъ.

— C'est juste, — отвѣчали дамы. — Квартиры мы наполовину сами устроили. Наши жалованья, наши солидные положенія открываютъ намъ кредитъ. Всѣ значительныя покупки мы уплачиваемъ помѣсячно, мелкими суммами; это позволяетъ намъ дѣлать большія затраты на личный комфортъ. А школа — дѣло общины. Школа давно поставлена. Зданіе прочное, сухое. Только надо бы побѣлить внутри классныя комнаты.

— Да вѣдь въ правилахъ стоитъ ежегодное бѣленіе?

Дамы тонко улынулись.

— На бумагѣ... Кажется, нынѣшнимъ лѣтомъ займутся ремонтомъ. Вѣдь здѣшнія дѣти не избалованы домашней гигиеной, несмотря на крупныя состоянія родителей.

— Знаю. Нѣсколько лѣтъ назадъ, меня интересовалъ бытъ французскихъ крестьянъ. Много я не могла развѣзжать, какъ в теперь; но я объѣздила сосѣдній департаментъ. И какою же я видѣла пыль, грязь въ домахъ семей, гдѣ имѣлись сотысячныя капиталы!

— Vous voyez! — подтвердили дамы.

Программы преподаванія въ обѣихъ школахъ были тождественны со школой m-lle Бельваль; но отношенія къ ученикамъ, сношенія съ ихъ родителями, съ окрестными крестьянами, были чисто официальныя, т.-е. не было никакихъ, помимо школьныхъ. Матеріальное довольство крестьянъ, ихъ грамотность ставили мужиковъ въ возможность совершенно игнорировать учительницъ, какъ личностей. Школа, сама по себѣ, такъ въѣхала въ сельскую жизнь, такъ слилась съ ежедневнымъ обиходомъ деревни, что она уже не поднимаетъ никакихъ вопросовъ, надеждъ, расчетовъ или споровъ...

Мнѣ все-таки любопытно было узнать умственное развитіе

обѣихъ хозяекъ. Бесѣда продолжала идти безъ задержекъ и умалчиваній. Онѣ одинаково были довольны и жизнью, и собой. Читали обѣ семьи только парижскій „Petit Journal“. Мѣстныхъ газетъ и въ руки не брали.

— Невольно будешь вдаваться въ крайнія политическія партіи, — замѣтили онѣ. — Намъ это не слѣдуетъ. Мы — государственные чиновники.

По части беллетристики онѣ мнѣ возражали:

— Oh! Современная литература такъ безнравственна или такъ тревожна, что молодой женщиной, матери, супругѣ — не подобаетъ интересоваться ею.

Въ эту минуту постучались въ дверь. Вбѣжала дѣвочка, очень нарядная и все еще сильно озабоченная. Она пришла сказать, что письменныя темы инспектора уже розданы, и м-ше Бельваль сейчасъ принесетъ ихъ.

Хозяйки предложили дѣвочкѣ бисквитовъ, которые стояли тутъ, на столѣ, съ мадерой.

Дѣвочка сдѣлала кивисенъ и убѣжала, не прикоснувшись къ бисквитамъ. Это меня удивило. Дамы улыбнулись и прибавили:

— Родители — будочники. У нихъ и покупали эти бисквиты; напротивъ, Armand Quatrefages, — назвала онѣ.

Я засмѣялась при этой фамиліи; но тутъ вспомнила вслухъ фамилію знаменитаго французскаго антрополога Quatrefage, котораго я видѣла и слышала въ Москвѣ, на антропологическомъ съѣздѣ въ 1880 году.

Учительницы не слышали, кто такой былъ Quatrefage; но онѣ замѣтили мнѣ внижительно:

— Намъ некогда заниматься книжками, которыя не касаются прямо нашей скромной профессіи. Разъ въ годъ бываютъ съѣзды сельскихъ педагоговъ. Намъ приходится многое прочитывать, подготовляться къ этимъ съездамъ.

Надо еще и то прибавить, въ оправданіе моихъ собесѣдницъ, что французскій здравый смыслъ, практичность и общая культурность скрываютъ недочеты умственнаго развитія.

М-ше Бельваль принесла письменныя задачи инспектора по ариметикѣ и сочиненію. Ариметическія задачи для четырнадцатилѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей — очень трудныя; а по сочиненію — еще труднѣе. *Что такое дружба и какъ она можетъ перейти въ ненависть?*

— Такая тема въ пору гимназисткѣ, а не простой, деревенской школьницѣ, — сказала я.

— Вотъ инспекторъ всегда даетъ такія головоломныя темы, —

замѣтили дамы.—Дѣти должны написать на нихъ сочиненіе au sujet de la plume, здѣсь, безъ посторонней помощи. И задачу рѣшить такъ же.

— Я думаю, они режутъ всё, тамъ, внизу?

— Не очень. Эти экзамены не составляютъ для нихъ жизненнаго вопроса. Изъ всѣхъ сегодняшнихъ учениковъ и ученицъ врядъ ли кто будетъ продолжать свое образованіе. Они отправятся въ прислугу или дома останутся для сельскихъ работъ.

— Какая же прислуга въ четырнадцать лѣтъ?

— Chasseur'ы-мальчики на побѣгушкахъ въ гостинницахъ, въ клубахъ. Дѣвочки поступаютъ на побѣгушки въ магазины модистовъ или въ няньки въ скромныя семьи. Здѣсь взрослая прислуга очень дорога.

— А родители развѣ не будутъ бранить, что плохо сдали экзамены?

— Слегка... pas trop. Родители скорѣе балуютъ дѣтей, здѣсь.

— Такъ зачѣмъ же дѣти уходятъ въ chasseur'ы, въ дѣвчонки?

— Это уже дѣло самолюбія, желаніе имѣть личный заработокъ. Родители кичатся этимъ и сами поощряютъ дѣтей.

Пора было благодарить дамъ за ихъ любезное ко мнѣ отношеніе и отправляться домой.

VI.

Много прошло съ того времени мѣсяцевъ. Я очутилась на Ривьерѣ, на роскошныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Здѣсь мнѣ также представился случай познакомиться съ сельской учительницей, m-me Реньо.

Протекцію оказалъ мнѣ аптекаръ изъ городка, гдѣ жила эта учительница съ своей сестрой-подросткомъ. При сельской школѣ не было помѣщенія; учительницѣ выдавались квартирные деньги. Она поселилась въ ближайшемъ отъ школы городкѣ, четверть часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Мы предварительно списались. Простота, готовность, съ какою m-me Реньо отнеслась къ моему посѣщенію, заранѣе расположили меня къ ней.

Въ четвергъ—свободный день отъ классовъ—я отправилась на квартиру къ учительницѣ.

Поѣздъ подвезъ меня къ самому берегу моря, къ маленькой

бухточкѣ, гдѣ на якоряхъ покачивалось нѣсколько лодокъ. На горизонтѣ тоже видѣлись лодки, ушедшія съ рыбаками.

— Гдѣ улица Вокзала и квартира учительницы, m-lle Реньо? — спросила я желѣзнодорожнаго сторожа, который отбиралъ билеты.

Онъ махнулъ мнѣ рукой:

— Все прямо по шоссе, въ гору.

Да больше и некуда было идти: шоссе круто поднималось по скалистой горѣ. Справа надвинулись террасами скалы; съ нихъ спускаются роскошными каскадами ползучія розы, глицинии, еще какіе-то темнолиловые цвѣты... буквально каскадами (а это было двадцатое русское марта). Амфитеатромъ лѣнятся кокетливыя виллы съ садами изъ яркихъ цвѣтовъ... По лѣвую сторону шоссе—обрывъ, прямо въ море. Обрывъ такой грозный, что вдоль шоссе идетъ парапетъ.

Пассажировъ, которые вышли бы со мной, нивого не было, и я шла одна, наслаждаясь дивнымъ воздухомъ, нарядной природой и видомъ на лѣвую сторону бухты, на часть открывавшагося передо мной голубого моря...

Шоссе заворачивало, и я вдругъ наткнулась на очень оригинальную группу маленькихъ дѣтей—чумазыхъ и загорѣлыхъ: подъ скалой они усѣлись полукругомъ, играя въ шволю. Дѣвочка, постарше, диктовала; передъ ней камень изображалъ столъ. Диктовала она по затрепанной книжкѣ. Остальныя дѣти полукругомъ на корточкахъ дѣлали видъ, что быстро пишутъ.

Дѣти-„ученики“, конечно, воззрились на меня. Мое появленіе изъ-за угла шоссе было для нихъ неожиданно.

— Attention, enfants, attention!—прикрикнула диктующая сильнымъ мѣстнымъ акцентомъ.

— Какъ пройти къ учительницѣ m-lle Алисъ Реньо?—спросила я.

— Все прямо, все прямо!—отвѣтила она мнѣ и, постукивая палочкой о камень, продолжала диктовать.

— Вы ученица m-lle Реньо?—спросила я.

— Нѣтъ, нѣтъ! — нетерпѣливо отвѣтила дѣвчурка:—наша учительница m-lle Томъ. Школа m-lle Реньо далеко отсюда. Enfants, à vos devoirs!—и она застучала палочкой о камень.

Шоссе впадало въ переулочъ. Тутъ, поперекъ улицы, отъ дома къ дому шли арки. Одна сторона переулка обстроена очень узкими и очень высокими домами, притянутыми къ скалѣ; другая сторона переулка застроена такими же домами, но они стоятъ прямо подъ обрывомъ въ море; такъ что эти арки прикрѣпляютъ

ихъ, не дають вѣтрамъ снести ихъ въ море. Чистый морской воздухъ раагулируетъ и въ этомъ корридорѣ домовъ. Мостовая выложена кирпичомъ; по серединѣ—канавка, полная воды; по этому отбросы нечистоты сейчасъ же уносятся... Я не знала, куда идти теперь. Дочечки съ названіемъ переулка—нѣтъ. Спросила у двухъ женщинъ; онѣ болтали изъ окна въ окно, черезъ улицу; обѣ загорѣлыя, трепанныя. Женщины, на мой вопросъ, только отрицательно замотали головами и продолжали болтать на мѣстномъ діалектѣ, смѣси итальянскаго съ французскимъ. Далѣе я встрѣтила солдатъ. И они отвѣчали:

— Все прямо, все прямо.

Переулокъ сѣзился до двухъ метровъ. Съ одной стороны—высокій, узкій домъ; внизу—овощная лавка; и съ другой стороны—такой же домъ и лавка.

— Гдѣ живетъ м-ле Алисъ Реньо, учительница?—спросила я въ второй разъ...

— Напротивъ, въ четвертомъ этажѣ.

Домъ напротивъ, какъ всѣ сосѣдніе—очень узкій и очень высокий. Входная дверь открыта. Лѣстница почти стойкомъ; грифельныя ступени. Я стала карабаться, придерживаясь за веревку, протянутую вмѣсто перилъ. Во всѣхъ этажахъ, видно, живетъ людъ трудовой, бѣдный; но зловоній—никакихъ—отъ морского воздуха. Окна на лѣстницѣ открыты; они безъ стеколъ и рамъ, просто впадины. Помой тоже нѣтъ—все это выбрасывается хозяйками по срединѣ мостовой, въ канаву, гдѣ непрестанно несется откуда-то вода. Въ первый разъ приводилось мнѣ видѣть такую чистоту улицы на югѣ.

Добравшись до четвертаго этажа, я позвонила у двери, на которой была прибита визитная карточка.

Тотчасъ отперли и попросили въ гостиную.

Если предъидущія педагогички сильно разнились отъ общаго типа французскихъ учительницъ, гувернантокъ, классныхъ дамъ,—типа, къ какому привыкли мы, русскіе, у себя, въ Россіи,—то м-ле Алисъ Реньо весьма подходила къ нему: маленькая, живая, подвижная, худощавая, съ правильной, отчетливой дикціей, съ поблекшимъ интеллигентнымъ лицомъ, дѣвушка лѣтъ сорока, то, что нѣмцы называютъ: „eine alte Jungfrau“.

Гостиная, куда она меня ввела—крохотная комната съ кирпичнымъ выложеннымъ поломъ,—но стоитъ пианино, на немъ—бузетъ розъ; на мебель навинуты драпировочки изъ моднаго муселина „Liberty“.

Видъ учительницы и ея обстановка охватили меня грустью

изъ былого... Напомнили тѣхъ учительницъ, тѣхъ гувернантокъ, которыхъ мы, дѣти, не выносили, придумывали всевозможныя непріятности, чтобы побольше уколоть ихъ за ихъ стремленіе въ модѣ, за ихъ вѣчную изысканность въ прическѣ, въ туалетѣ, при ихъ невзрачной, постарѣвшей физиономіи. Позднѣе, случилось привыкали къ нимъ, любили ихъ и цѣнили... У m-lle Алисъ были тѣ же пыльные гофрированные волосы, жиденькіе, но сильно взбитые по модѣ; блѣсоватые, слегка воспаленные глаза, старенькое платье, спитое опять по модѣ... M-lle Реню, какъ и тѣ, наши гувернантки изъ былого, вѣроятно непосильно работала, содержала семью, любила, страдала, увлекалась, разочаровывалась.

Вышла и сестра ея, m-lle Люси, „пышный бутонъ“, пятнадцатилѣтній подростокъ, очень хорошенькая и совсѣмъ уже другого тона, съ большимъ сознаниемъ своего достоинства. Старшая готовила младшую къ экзаменамъ въ école supérieure.

— Я люблю ее какъ мать, — говорила m-lle Алисъ послѣ нашихъ взаимныхъ любезно-церемонныхъ фразъ и моего искренняго удивленія красотѣ сестры. — Между нами обѣими — большая разница лѣтъ; она — отъ второго брака отца. Когда отецъ умеръ — онъ тоже былъ учитель — насъ осталась цѣлая семья. И вотъ всѣ теперь на своихъ ногахъ, всѣ разлетѣлись кто куда. — Что же чай, Люси? Давай скорѣе!

Я запротестовала:

— Пожалуйста, не утруждайте себя. Вы такъ были любезны, позволили мнѣ пріѣхать къ вамъ посмотрѣть, какъ оригинально живетъ одна изъ сельскихъ учительницъ, такъ меня приняли... да еще чай готовите!

— Oh, нѣтъ, нѣтъ, безъ чаю нельзя. Всѣ русскіе любятъ чай. И теперь это въ модѣ.

Слово „мода“ заставило меня улыбнуться и невольно взглянуть на прическу по модѣ, на платье по модѣ, на обстановку по модѣ, изъ муселина Liberty.

— *Faites-o-moque!* Ужъ это теперь принято, — вездѣ подаютъ чай въ пяти.

Какъ въ далекомъ дѣтствѣ, явилось желаніе сейчасъ же сказать непріятность „Mademoiselle“.

— Да, вотъ и сестра ваша тоже улетитъ, выйдеть замужъ.

— И прекрасно! Дѣвушка должна выходить замужъ. Какая же жизнь безъ любви, безъ мужа, безъ своихъ дѣтей?! — воскликнула она искренно. — Lucie, vite, vite du thé!

— Но скажите, вѣдь это васъ должно ужасно стѣснять —

не жить при школѣ, каждый день ѣздить туда четверть часа и обратно...

— И еще придется пройти десять минутъ... Помѣщенія нѣтъ. Да и самая школа, какъ зданіе, многого заставляетъ желать, должна совнаться. Школа помѣщается въ крестьянскомъ домѣ. Въ деревнѣ, около школы, я не могла найти себѣ сносной квартиры. Здѣсь, въ деревняхъ, земля страшно дорога — она идетъ подъ цѣбты, огороды. Квадратный метръ — двадцать-пять франковъ. Я получаю девятьсотъ франковъ ¹⁾ и триста франковъ квартирныхъ. За эту квартиру я плачу двѣсти франковъ. Вы посмотрите только: она — премиленькая!

Изъ гостиной учительница повела меня въ спальню — чисто двѣичью комнату: бѣлые муслиновые занавѣсы, двѣ узенькія кровати, шкапы въ стѣнахъ и два маленькія окна — на бухту и на море. Учительница открыла ихъ. Сразу поднялся морской сквознякъ, и, разумѣется, воздухъ — превосходный. Изъ спальни, напротивъ, миниатюрная кухня, съ кое-какой посудой. Столъ, два табурета; видно — тутъ обѣ сестры и обѣдаютъ: На крошечной плитѣ закипала теперь вода для чаю. Дымъ уносился въ открытое окно кухни.

— Конечно, вашъ климатъ очень скрашиваетъ и облегчаетъ трудовую жизнь.

— Да; но въ деревнѣ, въ моей школѣ я бы никогда не могла такъ устроиться, — возразила учительница. — А здѣсь, видите — прелесть! Правда? Хотя только двѣ комнатки всего. Вы сами убѣдитесь: сельскія школы на сѣверѣ Франціи — зданія хорошія, специально построенныя и съ помѣщеніемъ для персонала. На югѣ Франціи — наоборотъ, найдете такія taudis!.. Лачуги!.. А ужъ интригъ, интригъ — правду сказать: une mer à boire!..

Люси подала чай, — она его *вскиятила*, — подала и печенье.

Мы усѣлись въ гостиной. Обѣ сестры были предупреждены, что я „интервьюирую“ сельскихъ учительницъ по заранѣе составленной у меня программѣ. Я вынула свою записную книжку.

— Вы позволите мнѣ записывать самое характерное изъ того, что вы будете добры рассказать мнѣ изъ вашей жизни преподавательницы?

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь!.. Характерное въ нашей монотонной жизни? Такъ мало характернаго!

— Вы разрѣшите мнѣ ставить вамъ вопросы, какъ они у меня помѣчены?

¹⁾ По курсу одинъ франкъ — тридцать-семь копѣекъ.

— О, вся моя жизнь проходитъ на глазахъ у всѣхъ. Ни за прошлое, ни за настоящее мнѣ краснѣть нечего ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ,—отвѣтила Алиса съ горделивой дрожью въ голосѣ.

Люси сидѣла, вытянувъ ноги, сложивъ калачикомъ руки, и довольно-таки ехидно поглядывала на меня.

И здѣсь я испытывала, развертывая свою книжку, то неприятное чувство, которое мнѣ приходилось испытывать и у крестьянъ, и у ножевщиковъ, и у соломуницъ, и теперь у педагогичекъ. По правдѣ сказать, я очень была бы довольна, еслибъ въ эту минуту кто-нибудь вошелъ и помѣшалъ моей любознательности; но этого не случилось...

Алиса Реньо начала свое образованіе пансіонеркой, въ закрытой школѣ, въ Блуа. Ея отецъ—учитель въ Турѣ—платилъ за нее пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, со столомъ и обученіемъ. Эта цѣна и до сихъ поръ еще не измѣнилась для всѣхъ ученицъ безъ исключенія.

— А! вы вотъ желаете характернаго, послушайте! — прервала сама себя Алиса.—Въ этой школѣ, по желанію родителей, каждое воскресенье классная дама водила учениковъ въ церковь. Только двѣ дѣвочки не ходили въ церковь, — ихъ отцы были свободные мыслители. И имъ обѣимъ было такъ стыдно, что онѣ выдавали себя за протестантокъ! Не правда ли характерно въ странѣ свободы совѣсти?..

Послѣ пансіона отецъ Алисы подготовилъ ее въ „Ecole Normale“, для полученія brevet supérieur; но онъ и его вторая жена внезапно умерли отъ тифозной эпидеміи. Алиса должна была оставить учительскую семинарію, искать какъ можно скорѣе мѣста сельской учительницы на „brevet simple“. Старшій братъ поступилъ портнымъ; старшая сестра вдругъ ушла въ монастырь. Маленькіе остались на рукахъ Алисы. Мѣста, гдѣ бы она могла помѣститься съ ними, не выходило. Наконецъ учении отца сжалились надъ ней и разобрали маленькихъ...

Первое мѣсто Алисы было въ бѣднѣйшей сельской школѣ, въ горахъ. Школа помѣщалась въ подвалѣ стараго, разваливагося замка. Ученики и ученицы были больше дѣти мѣстныхъ поденщиковъ—люда передвижного, кочевого; дѣтей же мѣстныхъ крестьянъ очень мало; всѣ они были заняты работой дома. Какъ-то ночью бродяги выгнали всю школьную обстановку. Алиса слышала возню; но она была совершенно одна, боялась и голосъ подать, только покрѣпче заперлась.... На ея „счастіе“ скоро случилось землетрясеніе, подвалъ замка далъ трещины;

мэръ долженъ былъ перевести школу въ другое помѣщеніе... Опасными конкуррентами учительницъ, — рассказывала далѣе Алиса, — являются еще до сихъ поръ школы конгрегацій монахинь, *écoles libres*. Монахини не только даромъ учатъ дѣтей, какъ полагается во всѣхъ народныхъ французскихъ школахъ, но онѣ еще и готовятъ дѣтей къ экзаменамъ перваго причастія, и поэтому находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ *курэ*, который продолжаетъ имѣть вліяніе на родителей, главное — на матерей; а сельской учительницѣ непремѣнно надо стараться имѣть какъ можно больше ученицъ: каждые два года она является въ педагогическій совѣтъ. Ей производятъ родъ экзамена, и, сообразивъ съ числомъ ея учениковъ и ея собственными педагогическими способностями, ей скорѣе даютъ прибавку жалованья или повышеніе, въ смыслѣ мѣстности. Въ школѣ, гдѣ теперь преподаетъ Алиса — у ея предшественницы — было всего десять учениковъ; эта учительница даже подарки дѣлала, чтобъ заманить къ себѣ дѣтей. Ея родители были мелкіе буржуа со средствами, и имъ лестно, что ихъ дочь ведетъ школу; но монахини переманивали учениковъ... Когда Алиса получила школу, къ ней явились работники, просить ея обучать ихъ дѣтей и закону Божію. Онѣ недавно пришли въ эту мѣстность и имъ ближе посылать дѣтей въ *école laïque*, чѣмъ въ монахинямъ... въ *école libre*.

— Вообще, здѣшній народъ религіозенъ, на берегу моря, передъ грозной стихіей? — прервала я Алису.

Учительница подумала и отвѣчала:

— Въ душѣ здѣшніе жители не религіозны; но они держатся за религію, по привычкѣ ли, изъ расчета ли — трудно опредѣлить. Нашъ *курэ*, напр., не злой человекъ, но онъ никогда не согласится, чтобы религія не преобладала надъ образованіемъ. И я, по желанію матерей, стала преподавать законъ Божій. Разумѣется, въ свободные часы отъ классовъ, т.-е. не нарушая постановленій французской гражданской школы. И я даю эти уроки даромъ, — слѣдовательно, и совѣсть моя вполне спокойна. Что изъ-за этихъ уроковъ у меня теперь двадцать-шесть учениковъ — тѣмъ лучше. Мои ученики прекрасно выдержали экзамены. *Monseigneur* похвалилъ ихъ, а учениковъ монахинь прогналъ; хотя у монахинь все ученье подводится къ экзаменамъ. Теперь монахини стали сманивать меня къ себѣ большимъ жалованьемъ. Имъ выгодно и то, когда онѣ могутъ поставить въ программѣ, у входа въ свою школу, что у нихъ готовятъ и на *brevet supérieur*... Но вотъ къ нимъ-то я уже не пойду,

несмотря на гораздо большее жалованье, чѣмъ то, которое я получаю отъ правительства. Въ этомъ ужъ будьте увѣрены, je vous prie de le croire. Я слышала, что теперь въ „Нормальной школѣ“ встрѣчаютъ среди ученицъ-педагогичекъ „сестру“. Значить—поняли. Я хотя и пробыла всего одинъ годъ въ „Ecole Normale“, а преклоняюсь передъ ея программой, передъ ея методомъ обученія.

— Ну, а какъ вы вообще проводите время съ m-lle Люси, чтò читаете въ свободные часы?

— У насъ такъ мало свободныхъ часовъ! Подумайте: съ моими разъездами, съ моими занятіями съ сестрой, съ просмотриваніемъ ученическихъ тетрадей... Когда приходитъ четвергъ или воскресенье, мы такъ рады! Съ утра щебечемъ, какъ птицы на вѣтѣхъ... Вѣдь мы сами себѣ и готовимъ вущанье, и платья шьемъ. Для чтенія абонируются пополамъ съ сосѣдями на мѣстную газету; въ ней всѣ новости есть, даже иллюстрированное прибавленіе модъ.

— А по части книгъ?

Алиса передернула плечами.

— Некогда... некогда!.. Ah!.. впрочемъ вотъ, чудесная книжка, наша добрая спутница. Рекомендуйте ее при случаѣ и вашимъ сельскимъ учительницамъ. Вы, русскіе, владѣете французскимъ языкомъ, какъ своимъ. Люси! Подай, пожалуйста, „L'Institutrice“, — она на полкѣ практическихъ книгъ.

— Могу я взглянуть на вашу бібліотеку?

— О, не стѣсняйтесь! Она не богата; но въ ней есть все для насъ необходимое. Тутъ и книги покойнаго отца.

На стѣнѣ висѣло на шнурахъ съ висточками нѣсколько полокъ. На нихъ стояли въ крѣпкихъ переплетахъ французскіе классики, разныя книжки, подаренныя на экзаменахъ, разныя руководства по преподаванію, очень подробная книжка: „Pédagogie pratique et administration scolaire“.

— Эта?—спросила я m-lle Алису, которая тоже подошла со мной къ бібліотекѣ.

— Нѣтъ, это хорошая книга; но вотъ—нашъ катехизисъ, наша настольная книжка: „L'Institutrice—conseils pratiques“.

Книжка маленькая, въ 125 страницъ. Я просмотрѣла оглавленіе. „Учительница въ своей частной жизни: воспитаніе, гигиена, одежда, туалетъ, манеры, домоведеніе. Учительница въ общественной жизни: сношенія съ учениками, съ ихъ родителями, сослуживцами, съ мѣстнымъ начальствомъ: съ академическимъ и съ префектомъ. О житейскихъ сношеніяхъ вообще“.

— Это прекрасная книжка, могу васъ увѣрить. Сообразите: мы, сельскія учительницы, должны являться идеаломъ для нашихъ учениковъ, авторитетомъ для ихъ родителей, безупречными по манерамъ съ начальствомъ, безупречными по тону съ товарищами. Мы должны быть мудры какъ змѣи и чисты какъ голубицы, стоять поверхъ всего, что вокругъ насъ живетъ, интригуешь, плачешь, любишь... ни во что не вмѣшиваться и всегда быть наготовѣ, *если къ намъ обратятся*, дать совѣтъ разумный, съ лицомъ яснымъ и спокойнымъ. И это въ 17—19 лѣтъ! Большею частью въ эти годы начинаютъ сельскія учительницы свою карьеру во Франціи. И изъ какой среды, изъ какого круга?!.. Вѣдь не всѣ выходятъ изъ „Ecole Normale“,—много есть сельскихъ учительницъ съ простыми дипломами, изъ второразрядныхъ школъ, изъ маленькихъ мѣщанскихъ семей. Однимъ словомъ, когда французская дѣвушка находится подъ полной опекой отца или мужа, она, какъ сельская учительница, въ этомъ возрастѣ должна проявлять зрѣлую самостоятельность,—судите! Все это самое говорится и въ предисловіи въ „Institutrice“; но такъ какъ я сама прошла черезъ подобныя испытанія и терзанія, то я и могу повторить вамъ ихъ. Напримѣръ, вопросъ первыхъ визитовъ по прибытіи въ школу: пойти ли самой, карточку ли снести, послать,—какой уголокъ загнуть?.. Вы улыбаетесь... но это очень важно: среди личностей, съ которыми мы обязаны имѣть хотя бы самыя поверхностныя сношенія, могутъ встрѣтиться люди образованные; у нихъ воспитанныя семьи, и если вы съ первыхъ шаговъ показали себя тоже воспитанной—вотъ вы сейчасъ чувствуете, что вы не одиноки, что у васъ подъ-бокомъ есть люди *de votre bord*. Или вотъ еще,—продолжала Алиса, перелистывая книжку:—васъ пригласили, на официальный обѣдъ—учительницъ приглашаютъ на такіе, и она обязана принять приглашеніе,—*обязана*. Вопросъ туалета: она—рефлексе: какъ одѣться? Вѣдь это ужасно много значить—не быть стѣсненной. Помилуйте, какой же престижъ учительницы, если она на первыхъ же порахъ покажетъ себя безтактной, одѣнется не къ случаю или станетъ краснѣть и блѣднѣть, замѣтивъ свой промахъ! Учительница должна быть скромна, но никогда не стѣснена, никогда! А за обѣдомъ—вдругъ начнетъ ѣсть не такъ, какъ полагается воспитанной дѣвушкѣ? Вѣдь такъ, пожалуй, можно и судьбу свою проглядѣть! *N'est-ce pas?* И вотъ, какъ зазубришь нѣсколько страницъ въ главѣ „Манеры“ изъ этой милой книжки,—являешься въ общество съ духомъ спокойнымъ, убѣжденнымъ. Какъ бы тамъ другія ни были одѣты, какъ бы онѣ ни ѣли—онѣ безтактныя, онѣ невос-

питанная; а я умная, я воспитанная, ибо я поступила такъ, какъ говорится въ этой книжечкѣ, премированной академіей. Я вамъ рассказываю про наши petites misères... Есть и les grandes misères: учительница хорошенъкая... que d'embûches... ото всѣхъ! Если не хорошенъкая...

— Люси! — вдругъ прервала самое себя m lle Алиса. — Пойди, посмотри въ кухню, что-то пахнетъ дымомъ...

— Уголья давно прогорѣли.

— Ah, прошу тебя, пойди, посмотри!

Люси поверно вышла.

Алиса наклонилась ко мнѣ и заговорила шопотомъ:

— Придетъ пора любви. Въ жизни каждой дѣвушки она является рано или поздно. Замужъ за крестьянина нельзя выходить, — престижъ потеряется; да онъ и не женится, она ему не пара, слишкомъ образована, — всѣ возстанутъ, засмѣютъ... И случается, что учительница имѣетъ романъ... съ прохожимъ! Avec un simple chemineux, съ бродягой...

— Пойдите... пойдите, я что-то читала въ этомъ родѣ. Гдѣ — не припомню!

— Я вамъ говорю не про литературу, а про жизнь. Вотъ монахини по этой части совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ. Онѣ — не единицы разрозненныя, заброшенныя, а вѣками сплоченныя общины. Maison-mère блюдетъ за ними, поддерживаетъ ихъ, *protège* ихъ; сейчасъ переведутъ въ другую мѣстность, если замѣтятъ тоску или мечтательность.

Учительница опять взяла книжку и ласково продолжала:

— И вотъ этотъ добрый, прекрасный другъ поддерживаетъ насъ, не даетъ намъ терять къ себѣ уваженіе, предаваться мечтамъ, лѣни. Вѣдь такъ легко въ нашемъ одиночествѣ, въ сношеніяхъ съ міромъ (monde) невѣжественнымъ — опуститься, на все взглянуть апатично... перестать заботиться о своей внѣшности, о своемъ углѣ. Съ лѣнью физической явится и душевная лѣнь, душевная нечистоплотность...

Люси постучалась въ дверь и вошла только на отвѣтъ сестры:

— Entrez!

— Простите мой неловкій вопросъ; но вы такъ искренни... Какъ же это у васъ, у скромной сельской учительницы, получающей девятьсотъ франковъ въ годъ, на русскія деньги около тридцати рублей въ мѣсяцъ, накупить на мебель модный муселинъ liberty, съ разными бантами? Онъ дорого стоитъ. Значить, ради моды вы лишаете себя болѣе существеннаго?..

— Ah, нѣтъ!—искренно воскликнула Алиса. — На распродажѣ купили, восемьдесятъ сантимовъ метръ. Это сколько на ваши деньги?

— Тридцать-четыре копѣйки аршинъ съ четвертью.

— Можно?

— Пожалуй и можно!..

— А зато какъ нарядно! — Алиса окинула комнату довольнымъ взглядомъ. — Кто ни взойдетъ—унесетъ пріятное впечатлѣніе о жизни трудовыхъ, одинокихъ сиротъ. Маленькимъ это за падаетъ въ голову навсегда. Les bonnes façons introduisent les bons sentiments, и мы, учительницы, должны готовить une démocratie aimable; такъ говорится и въ этой доброй книжечкѣ.

„Эта книжечка“ начинала меня раздражать, какъ „Goudron Guillot“, какъ всякія французскія панацеи отъ всякихъ золъ. Сама же учительница, съ ея стремленіемъ во всемъ къ модѣ, уже не казалась мнѣ смѣшноватой. Наоборотъ—она трогала меня все болѣе. Столько искренности, житейской правды исходило изъ этой маленькой, сѣренькой фигурки.

Алиса пошла меня провожать на вокзалъ. Люси только любовно проговорила:

— Au revoir, chère madame!—и свела меня съ лѣстницы.

Дорогой мы стали условливаться о днѣ моего визита въ школу. Проходя мимо скалы, подъ которой дѣти играли въ школу и гдѣ ихъ теперь уже не было, я рассказала Алисѣ о диетантѣ дѣвчурки по затрепанной книжкѣ.

— Oh, s'il fallait encore, чтобъ учительница была отвѣтственна, что читаютъ дѣти въ классовъ—благодарю! Это уже дѣло родителей, да здѣсь дѣти и половины не понимаютъ по-французски; на этомъ основаніи французскій языкъ обязательенъ по всѣмъ предметамъ; дома они продолжаютъ говорить на мѣстномъ діалектѣ.

Заслышался свистъ поѣзда, при входѣ въ туннель; надо было ускорить шаги. Фіакра, конечно,—ни одного. Я подумала:

„Ну, не понаду!..“—и зашагала, сколько хватило силъ.

— Успѣете, успѣете!—останавливала меня учительница.

Пришли во-время. Здѣсь поѣздъ не спѣшилъ отходить.

Алиса осталась на платформѣ, любовно кивая мнѣ головой.

Въ первый же понедѣльникъ я отправилась въ школу къ m-lle Реньо.

— Въ понедѣльникъ, — пригласила она, — потому что въ этотъ день ученики бодрѣе, послѣ воскреснаго отдыха.

Такой школы я еще и не видывала. Она помѣщалась въ нижнемъ этажѣ грязнаго, стараго фермерскаго дома, въ сторонѣ отъ шоссе, но... передъ школой разстилаются огороды съ грядами овощей и цвѣтовъ всѣхъ отгѣнковъ. Надъ нѣкоторыми грядами извиваются сквозныя галерейки для виноградниковъ, теперь еще съ обнаженными лозами.

Ргѣаи или сарай для игръ дѣтей—нѣтъ. Открытый сарай занять всякой сельской рухлядью и рядами клѣтокъ съ семьями живыхъ кроликовъ и зайцевъ, вѣроятно на вывормку въ городъ. Для игръ же дѣтей остается узенькая полоска земли между школой и огородомъ, гдѣ въ настоящую минуту крестьянки выдергиваютъ салатъ, мужчины окапываютъ виноградники.

Входная дверь въ школу—наполовину стеклянная—закрыта. Окна тоже закрыты; но явственно слышны фразы учительницы и повтореніе этихъ фразъ всѣми дѣтьми разомъ. Потомъ вопросы учительницы и отвѣты дѣтей опять хоромъ же. О чемъ былъ урокъ—я не могла разобрать. Когда кончились отвѣты, я постучалась.

Дверь школы отворила сама учительница, m-me Алисъ Реньо.

Войдите, войдите!—радушно пригласила она.

Господи! Какимъ ужаснымъ воздухомъ обдало меня изъ школы! Около тридцати дѣтей сидѣло въ комнатѣ сырой и мрачной. Стѣны наполовину выкрашены черной краской.

Я зашаталась отъ спертаго, удушливаго воздуха.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же нарушать вашъ классъ! Это строго воспрещается начальствомъ.

— Здѣсь я у себя,—продолжала любезно приглашать Алиса.—Боже, вамъ дурно!..

Я едва имѣла силы повернуть назадъ и сѣсть на клѣтку съ зайцами.

И это во Франціи, въ богатѣйшей ея части!

Алиса вѣроятно не ожидала такого сильнаго впечатлѣнія; она обидѣлась на мою воспримчивость.

— Mais, ma chère madame, развѣ всѣ мои ребята дома живутъ лучше? Они привыкли къ этому. Однако, какъ вы избаловались школой въ центральной Франціи! На югѣ, повторяю, зачастую такія именно, если еще не хуже. И, наконецъ, эта школа—временная. Планы составлены; новую будутъ строить несомнѣнно. И за это помѣщеніе—отвратительное, согласна,—и то община платитъ 509 фр. въ годъ.

— Да вамъ еще платитъ 900 фр. жалованья и 300 фр.

на квартиру,—припомнила я совершенно машинально, без малѣйшаго ехидства; но m-lle Реньо иначе поняла.

— Не община, не община! Намъ платитъ государство. Мы—учительницы и учителя—государственные чиновники. Жалованье идетъ намъ изъ государственной казны. Только школу—зданіе ставитъ община. На тысячу жителей—по школь. И зданіе обходится не очень дешево; около 12.000 фр., правда—шахмат.

• Это вѣдь деньги. Конечно и оттягиваютъ сколько могутъ, хотя здѣшніе крестьяне имѣютъ большіе капиталы; но живутъ грязно, скудно, кое-какъ, а заболѣванія дѣтей все-таки рѣдки.

— Ergo, можно обойтись и съ такимъ помѣщеніемъ...

Изъ школы сталъ подниматься шумъ. Дѣти столпились въ дверяхъ. Они порывались выбѣжать на дворъ; ихъ сдерживала старшая ученица—la monitrice. Послышался и ревъ.

— А, пора мнѣ... Когда оправитесь, приходите въ классъ; дверь оставлю отпертой, воздухъ будетъ чище. Нельзя не закрывать двери и окна; дѣти ужасно разсѣянны, все смотрятъ, что работаютъ на градахъ... До свиданія.

Ревъ усиливался.

— Mademoiselle, voilà que Thomas et César se cognent!—звала старшая учительницу; Алиса подбѣжала.

— Eh bien, eh bien! Qu'est-ce encore?..

Дверь въ школу захлопнулась.

Я встала и пошла пройтись по огороду—цвѣтнику.

Три полдюки, худыя, черныя, какъ цыганки, въ яркихъ платкахъ, надвинутыхъ на глаза отъ солнца, пололи капусту. Я остановилась поглядѣть. Одна изъ полдюковъ вскинула на меня глаза и что-то спросила:

Я отрицательно покачала головой.

Двое крестьянъ, сѣдые, бронзовые отъ загара, но крѣпкіе и гибкіе какъ итальянцы, подвязывали лозы въ желѣзнымъ прутьямъ галерейки; другіе—помоложе—окапывали землю...

Воздухъ насыщенъ ароматомъ цвѣтовъ, овощей, вспаханной земли, ароматомъ близъ плещущаго моря... И солнце теплое, весеннее любовно грѣетъ, освѣщаетъ землю... Вдругъ явились откуда-то двѣ бабочки, взвились въ воздухъ спиралью и стали гоняться другъ за дружкой.

— Бабочки! Такъ рано. Сегодня второе апрѣля.

— Уже три недѣли, какъ онѣ появились,—отвѣтилъ старикъ-крестьянинъ на мой французскій возгласъ.—Не въ добру это. Въ маѣ холода настанутъ.

Не хотѣлось идти въ школу, да еще въ такую отвратитель-

ную комнату; но учительница, увидѣвъ, что я брожу, звала съ порога въ школу. Какъ я въ эту минуту понимала выраженіе: „faire l'école buissonnière“!..

Въ школѣ одна часть дѣтей, отъ пяти до семи лѣтъ, хоромъ отвѣчала буквы, которыя были написаны на классной доскѣ. Другія дѣти, постарше, заткнувъ уши, твердили урокъ; самыя старшія, отъ одиннадцати до четырнадцати лѣтъ, списывали съ книжки въ тетрадь.

Не могла я помириться съ помѣщеніемъ! Главное: эти мрачныя стѣны, выкрашенныя сплошь черной блестящей краской метра на полтора отъ пола, да потомъ идетъ сѣрый колеръ съ сырими пятнами, хотя по срединѣ комнаты и стоитъ желѣзная печка—конечно, теперь безъ огня. На стѣнахъ развѣшаны географическія, зоологическія карты и карта съ хронологіей французскихъ королей, императоровъ, президентовъ... А потомъ карта съ серіей маленькихъ лубочныхъ картинокъ подъ заглавіемъ: „Бѣдствія отъ алкоголизма“. Эти картинки я видѣла въ первый разъ на стѣнахъ школы. Значить, мѣстность—испивающая.

— Садитесь, пожалуйста!—указала мнѣ на стулъ учительница около своего стола.

Воздухъ былъ уже какъ будто почище; но школьницы, правда, стали ужасно разсѣянны: безпрестанно устремляли глаза на дворъ, въ открытую дверь. Учительница только и знала, что постукивала карандашомъ:

— Attention, enfants, attention!..

— Отчего вы не сдѣлали форточекъ наверху?—спросила я.

— Говорить: не стоитъ труда, скоро новая школа будетъ.

Появленіе чужого лица мало интересовало школьниковъ m-lle Реньо. Цвѣты, летающія бабочки манили ихъ на дворъ.

Вблизи дѣти не смотрѣли заморышами. Загорѣлы, какъ цыганята, но крѣпки — не ущипни! Крѣпки безъ пухлости. Кто изъ мальчиковъ въ круглыхъ черныхъ фартукахъ, а кто и въ какихъ-то перекроенныхъ, перештопанныхъ „жакеткахъ“, въ башмакахъ или въ ботинкахъ,—ни одного босикомъ. Дѣвочки одѣты аккуратноѣе, чище мальчиковъ; а постарше—такъ и не такъ загорѣли лицами. „Monitrice“—лѣтъ тринадцати, красивенькая, въ голубомъ платьѣ и съ чудесной косой, перехваченной пунцовой лентой.

— Если васъ что интересуетъ изъ занятій дѣтей,—пожалуйста посмотрите!—разрѣшила учительница.

Я подошла къ monitrice. Она и всѣ школьницы постарше

списывали „Les progrès contemporains“. Она писала красивымъ почеркомъ взрослой.

Вообще, здѣсь у всѣхъ почеркъ былъ почему-то лучше, тверже.

У одной изъ дѣвочекъ, тоже лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, на пюпитрѣ лежалъ свѣжеисписанный листъ.

— „Composition française“, — прочла я. — Это ваше собственное сочиненіе?

— Да, — отвѣтила она стыдливо. — Я сейчасъ кончила переписывать съ моего черновика.

Она указала на рваные кусочки бумаги.

— Можно прочесть?

— Oh, oui, madame.

Она подала мнѣ листъ...

Дѣвочка говорила съ мѣстнымъ акцентомъ.

Учительница продолжала давать урокъ маленькимъ, постукивала карандашомъ, покрививала... и все-таки взглядывала въ мою сторону тревожно-вопросительнымъ взглядомъ. Самолюбіе педагогички тревожило ее.

„Прекраснымъ лѣтнимъ утромъ я была на берегу моря. А! какъ оно было прекрасно съ своимъ лазоревымъ ковромъ. Море со всѣхъ сторонъ бороздили легкія барки, гдѣ сидѣли хорошенькія дѣти (mignons). Казалось, — море было довольно нести на себѣ такія хорошенькія легкія барки и такихъ прекрасныхъ дѣтей.

„Море въ этотъ день не было грозно. Я была охвачена восхищеніемъ и оставалась долго восхищаться этимъ прекраснымъ моремъ; но вдругъ мысль пронизала мой умъ: я подумала объ удовольствіяхъ, какія получаютъ отъ прогулокъ на морѣ, когда оно такъ тихо, и о выгодахъ, какія оно тоже доставляетъ. Подумайте о большихъ судахъ. Матросы довольны, когда море спокойно; корабли идутъ быстро. Они не гибнутъ отъ дурной погоды, отъ разъяренности моря. Также въ большія морскія бури выплываютъ киты, акулы, дельфины, всѣ неустрашимые враги кораблей. Море содержитъ большія богатства. На глубинѣ моря находятъ жемчугъ, перламутръ, красивыя раковины“.

„Вотъ такъ думала я нѣсколько часовъ“.

Учительница не утерпѣла, подошла.

— Можно мнѣ взять этотъ листъ? — попросила я.

— О чемъ тутъ?

Она пробѣжала „сочиненіе“ и сказала въ полголоса:

— Ни слова своего... а ошибокъ-то!

— Все-таки мнѣ интересно.

— Ни одного своего слова—это сейчасъ видно. Ужь я имъ сколько твержу: пишете, какъ бы рассказывали мнѣ. Тупы въ сочиненіяхъ. До сихъ поръ я еще не нашла на дарованіе. Вотъ въ ариметикѣ лучше. Посмотрите, какъ легко рѣшаютъ задачи. Дайте кто-нибудь послѣднюю задачу!

Всѣ дѣти окружили насъ, и каждый протягивалъ свой листъ. Даже маленькія и тѣ совали бумажки съ палочками.

— Ну, вы-то, вы-то чего? Этакіе самолюбивые ребятишки! Васъ не спрашиваютъ, по мѣстамъ! — прикрикнула m-lle Реньо полусерьезно, полусмѣливо.

— Берите сами, на удачу.

Я взяла листъ изъ рукъ чумазаго мальчугана, лѣтъ одиннадцати, который смотрѣлъ на меня вытаращенными, растерянными глазами.

Листъ чистенькій, аккуратно переписанъ. Problème—о томъ, какъ виноторговецъ купилъ два сорта вина на разныя цѣны, смѣшалъ ихъ. Вопросъ: во сколько обошелся литръ?

Листъ былъ перегнутъ вдоль. Съ одной стороны шла „solution raisonnée“; съ другой—„orégation“.

Я и это упражненіе положила въ карманъ.

— Ну, теперь съ ними не справиться! — воскликнула учительница.— Оба станутъ считать себя гениями: одна—по сочинительству, другой—по ариметикѣ.

Мнѣ казалось, что они и не понимаютъ даже того, что говорятъ теперь учительница. Можетъ быть, неясно представляли, но чувствовали сильно: мальчикъ и дѣвочка стояли розовые, съ блестящими глазами, съ выраженіемъ довольства на лицахъ.

— Я попросила взять съ собой эти листы, чтобъ просмотрѣть ихъ дома, не спѣша. Я иностранка, сразу не могу понять по-французски. Я не говорю, что они безупречно составлены.

— Ничего теперь не гладите! — замѣтила Алиса въ полголоса.— Enfants, enfants, à vos places! Классъ еще не конченъ.

И учительница опять принялась за урокъ. Я уже не двигалась со своего стула, около ея стола.

Уроки всѣхъ трехъ отдѣленій прошли невозможно. Тутъ я поняла, почему строго воспрещается посѣщеніе школы посторонними лицами. Больше другихъ, конечно, устала бѣдная m-lle Реньо. Мы всѣ рады были, когда она пошла звонить въ коло-

коль у дверей. Вернувшись, она дала что-то завернутое въ бумагу двумъ самымъ маленькимъ школьникамъ.

— Снесите это домой, вашей матери. Смотрите: не развертывайте. Поняли?

— Oui, mademoiselle.

— То-то! Смотрите!—повторила она.

Школьники и школьницы стали попарно на дворѣ и... замаршировали къ выходу.

— Маршируютъ?!—воскликнула я.

— Что же будешь дѣлать? Это наше единственное упражненіе въ часы рекреации. Вы видите: передъ школой такая узенькая полоска земли; дѣтямъ рѣшительно нѣгдѣ разбѣжаться. Хозяйка—въ претензіи на меня, если дѣти изомнутъ хотя кончикъ гряды. Мои школьники—постоящіе узники. Но зато смотрите, что теперь дѣлается внѣ школьнаго двора! Видите, какую пыль и возню подняли на дорогѣ!—указала она въ открытую дверь.

Вдругъ двое мальчиковъ отдѣлились и стали задавать другъ другу сильную потасовку, сперва за волосы, потомъ ногами, норовя ударить другъ друга въ животышки. Поднялась брань, визгъ, рѣвъ. Къ нимъ присоединились другіе и еще тотъ маленький, которому m-lle Реньо дала свертокъ; онъ бросилъ его на землю, вмѣшался въ свалку... И началась общая баталія.

— Ah, mon porcseau de viande, mon porcseau!—закричала въ отчаяніи учительница.—Ah, les polissons! Ah, les gredins!.. Мерзкіе, отвратительные мальчишки... Ну, ужъ въ другой разъ этого не будетъ! Вчера мы варили мясной супъ. Я отрѣзала отъ своего куска, отдала сегодня этому petit porcseau, чтобъ онъ матери снесъ. Она встала послѣ родовъ... А онъ—поглядите, поглядите!—бросилъ его на шоссе!..

Бѣжать на шоссе унимать—учительница не нашла нужнымъ, да баталія такъ же скоро кончилась, какъ внезапно началась.

Мы отошли отъ окна.

— Ахъ, негодяи, да они шею не убрали!—воскликнула Алиса, оглядываясь кругомъ.—Я забыла имъ сказать. Они и воспользовались, обрадовались.

— Вѣдь у васъ дежурные—старшіе?

— Всѣ—ребята! Конечно, норовятъ убѣжать скорѣе.

Пришлось учительницѣ самой тащить воды въ лейкахъ, поливать, подметать полъ.

Я порывалась-было помочь ей. Она отстранила меня.

Кончивъ уборку, мы отправились на поѣздъ. Проходя по шоссе, мы увидали кусокъ вареной говядины. Онъ валялся весь

въ пыли... Дѣти совсѣмъ и забыли про него... Учительница остановилась, потрогала его зонтикомъ и опять повторила:

— Ah, les gredins, ah, les polissons!..

— Да, кажется, по школьнымъ правиламъ учительницѣ и запрещается оказывать видимое предпочтеніе нѣкоторымъ ученикамъ.

— Вѣрно, вѣрно!..—согласилась m-lle Реньо. — Вчера, la petite soeurette такъ мило мнѣ говорить: „mange! дѣти не донесутъ матери“... Точно предчувствовала; mais c'est plus fort que moi. Жалко мнѣ эту Викторинѣ, ихъ мать. Она—одинокая fille-mère, брошенная, съ тремя маленькими дѣтьми, какимъ-то негодяемъ...

Мы вмѣстѣ съ m-lle Реньо и въ вагонъ сѣли.

Учительница вытянула ноги, прислонилась головой къ спинкѣ скамейки, закрыла глаза... Нервная дрожь тревожила вѣки, дергала лицо. Мнѣ опять припомнилась статистика нѣмецкаго доктора: среди учительницъ тридцать на сто разбиты нервами, сходить съ ума...

— Устали вы, вамъ теперь чаю напитокъ! Хотите, поѣдемте ко мнѣ?

M-lle Реньо встрепенулась.

— Некогда, некогда, благодарю васъ. Мнѣ еще кушанье стряпать.

— А чтò же Люси?

— Она уроки учила. Вотъ я усердно и подготавливаю ее къ экзаменамъ. Когда она сдастъ ихъ, я попрошу у начальства помощницу. Мнѣ только троихъ учениковъ недостаетъ, чтобы имѣть помощницу; я и укажу на Люси. Тогда мы чудно заживемъ!—воскликнула опять бодро Алиса.

Поѣздъ подошелъ къ платформѣ. Алиса выскочила изъ вагона и сейчасъ же моднымъ жестомъ подняла юбку сзади, кокетливо кивнула головой начальнику станціи и, какъ ни въ чемъ не бывало, легкой, скорой походкой направилась въ гору, въ свой городокъ.

VII.

Больше мнѣ уже не пришлось ѣздить въ деревенскія школы, къ учительницамъ; но какъ-то разъ, передъ отъѣздомъ въ Россію, я встрѣтилась съ мѣстнымъ русскимъ—заботливымъ старичкомъ, добрымъ геніемъ всѣхъ насъ, живущихъ на Ривьерѣ.

— Ахъ, извините, вы у меня просили карточки къ окрест-

нимъ сельскимъ педагогамъ... Есть, есть!.. Я забылъ вамъ послать ее, случилась масса разнаго дѣла... Изъ головы вонь. Вотъ, извольте: варточка къ милѣйшей четѣ педагоговъ.

— Благодарю васъ. Устала, да и вкусъ пропалъ интервьюировать.

— Зачѣмъ интервьюировать,—просто поглядите. Онъ—учитель гимназій. Она—учительница въ городской школѣ.

— Меня не интересуютъ городскія школы...

— М-ше Вердѣ прошла всю педагогическую лѣстницу обученія. Она была даже въ учительской семинаріи, въ Эксѣ, побывала въ сельскихъ учительницахъ. Знакомство съ нею выйдетъ, такъ сказать, заключительной нотой вашихъ изслѣдованій.

— Мало ихъ у меня...

— Все-же получили нѣкоторое понятіе о сельскихъ французскихъ учительницахъ. Чета Вердѣ живетъ отъ васъ близко. Сама м-ше Вердѣ по рожденію въ нѣкоторомъ родѣ femme Kabyle. Она такъ сама себя въ шутку и называетъ... Мать ея—француженка; но отецъ ея былъ чистокровный алжирецъ. Она и родилась въ алжирской области, въ Константинѣ. У молодыхъ Вердѣ есть и ребенокъ; но такъ какъ они оба цѣлый день заняты внѣ дома и прислуги не держатъ, они и помѣстили его въ деревнѣ. Каждое воскресенье ѣздить къ нему. Милая семья.

И я пошла знакомиться. Квартирка — маленькая, четыре комнаты. Другую половину квартиры сдаютъ иностранцамъ. Приняли меня любезно, предложили чаю (five o'clock). Сидѣла еще какая-то родственница-француженка, здоровая, внушительная особа. Сама хозяйка, м-ше Вердѣ, femme Cabyle—тоненькая-тоненькая, съ выточенными хорошенькими чертами лица; глазки черненькіе, острые и такая блѣдненькая, что видно, какъ голубыя жилки трепещутъ на вискахъ. Густая коса красиво закручена. Въ черной юбкѣ; въ черной шолковой рубашечкѣ плиссе. Лѣтъ—и двадцать, и тридцать можетъ быть. Голосокъ—высокій-высокій. Дикція быстрая, легкая, diction perlée. Типъ—старательной педагогички. Мужъ не вышелъ—онъ давалъ урокъ.

Разговоръ пошелъ вообще о городѣ, о переměнѣ погоды, о Россіи, о больныхъ,—вялый, съ паузами. Обѣ дамы и я были больше стѣснены, чѣмъ еслибы я прямо стала интервьюировать учительницу. Посидѣвъ съ полчаса, я поднялась.

— Мы слышали о вашихъ интересныхъ изслѣдованіяхъ,—вдругъ заговорила м-ше Вердѣ тономъ, какимъ произносятъ рѣчи.—Эти изслѣдованія доставляютъ намъ теперь удовольствіе видѣть васъ среди насъ. Et nous faisons des vœux, чтобы эти

изслѣдованія были приняты столь же горячо нашими русскими коллегами, сколько энергія и энтузіазма вы вложили въ ваши побѣды.

— Всѣ мои изслѣдованія—дѣло личнаго любопытства,— прервала я ее.—Мнѣ приходится часто жить за границей, я и интересуюсь чѣмъ поближе... Но вы сами, первая, заговорили о моихъ экскурсіяхъ; такъ позвольте мнѣ вотъ что сказать вамъ: развѣзжать, интервьюировать—здоровье не позволяетъ, да и совѣстно мнѣ вторгаться въ жизнь сельскихъ учительницъ, отнимать у нихъ время, спрашивать ихъ... Вы говорите: я приношу пользу вашимъ русскимъ товарищамъ по профессіи. Никакой! Иная жизнь, иной климатъ, инныя условія, все, все—иное. А вотъ, еслибы вы захотѣли написать мнѣ родъ дневника изъ времени вашего обученія въ семинаріи, о вашихъ первыхъ шагахъ въ деревнѣ, какъ сельской учительницы,—это было бы, разумѣется, куда интереснѣе всего того, что я собрала до сихъ поръ.

— Я никогда не вела дневника, ни въ школѣ, ни въ деревнѣ, ни даже на первыхъ порахъ моего учительства.

— Почему?..

Бесѣда наша полилась, оживленная, съ перебиваніемъ другъ друга. Родственница не вмѣшивалась въ нашъ разговоръ, только пріятно улыбалась.

— Напишите, расскажите,—настаивала я,—о вашей карьерѣ, ну, въ какой хотите формѣ. Я переведу дословно... Гонораръ, какой вы сами назначите.

— Ah, madame! О гонорарѣ и рѣчи быть не можетъ. Да, но что вы предлагаете—это уже composition, литература. А вамъ нужна правда, одна правда, ежедневная жизнь юной сельской учительницы.

— Совершенно вѣрно.

— Ушло. Непосредственности не будетъ... Вы какъ записывали ваши впечатлѣнія? Я слышала—у васъ былъ родъ questionnaire'a. Пришлите мнѣ его—я письменно и отвѣчу на всѣ ваши вопросы.

— Чудесно!

— Только скоро не общаю. Начнутся лѣтніе экзамены, раздача наградъ въ школахъ. Мы всѣ будемъ очень заняты.

— Пожалуйста, временемъ не стѣсняйтесь.

На этомъ мы и расстались. Чета отдала мнѣ визитъ; дома меня не застала, но я уже болѣе не тревожила ихъ своимъ посѣщеніемъ, только наванунѣ отъѣзда занесла карточку „р. р. с.“.

Прошло мѣсяца два; я жила въ Германіи на водахъ. Учи-

тельницы, поѣздки, интервью, педагогическія книжки отошли — „въ туманную даль“.

Вдругъ мнѣ подають на почтѣ заказной пакетъ, съ надписью въ уголку: „faite suivre“. Распечатываю: — четырнадцать страничекъ, мелко исписанныхъ женскою рукою, съ подписью: „Renée Verdier“, при миломъ письмецѣ. Конечно, я обрадовалась рукописи, поспѣшила домой и сейчасъ же застѣла переводить ее.

„Что дало мнѣ мысль сдѣлаться учительницей и въ какомъ возрастѣ?“ — такъ начинается свою записку м-ше Вердье. — „Еще очень маленькою дѣвочкой, играя съ другими дѣтьми, я, бывало, не дождусь минуты, когда мои маленькія товарищи усядутся на скамейкѣ, напротивъ меня; а я важно и самымъ добросовѣстнымъ образомъ заставляю ихъ повторять то, чему учили меня въ школѣ, утромъ.“

„Это раннее влеченіе къ преподаванію явилось, вѣроятно, отъ того, что въ Константинѣ (Алжирія), гдѣ я родилась, посѣщая дѣтскій садъ, я была въ немъ старшей ученицей, „monitrice générale“, уже четырехъ лѣтъ. На моей обязанности лежало останавливать болтушекъ, раздавать грифельныя доски, отмѣчать хорошее поведеніе, показывать маленькимъ, какъ вырѣзывать изъ бумаги деревья. Я также вела пары подъ надзоромъ учительницы. Старшая ученица, равно какъ и старшій ученикъ, считаются важными особами. Я и сознавала вліяніе, какое имѣла на дѣтей моего возраста. Позднѣе, въ Алжирѣ, куда переѣхали мои родители, въ той школѣ, въ которой меня помѣстили, вдругъ заболѣла учительница. Свободной, временной помощницы не случилось. Я и моя подруга предложили себя, — а намъ было каждой около одиннадцати лѣтъ. Въ продолженіе недѣли мы исполняли наши обязанности весьма удовлетворительно. Конечно, намъ не хватало опыта... Ну и гордились же мы, что ведемъ самостоятельно цѣлый классъ!“

„Къ пятнадцати годамъ, когда надо рѣшать, какую выбрать профессію, я не задумалась и рѣшила поступить въ „Ecole Normale“, несмотря на сильныя протесты моихъ родныхъ. Они желали, чтобы я избрала медицину или торговлю. Борьба съ домашними пришлось упорно. Въ іюль 1893 года я записалась на конкурсъ для поступленія въ „Ecole Normale“, въ городѣ Эврь¹⁾ и была принята третьей, третьей!!“

¹⁾ Это относится къ женскимъ учительскимъ семинаріямъ. Ихъ нѣсколько во Франціи; не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ высшей, „Нормальной школой“ въ Парижѣ, которая есть педагогическій институтъ для преподавателей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Наконецъ, самое трудное выполнено, надо уѣзжать въ Эвсъ. Мое десятилѣтнее обязательство—остаться въ педагогическомъ персоналѣ—подписано. Семья не имѣетъ уже болѣе власти удерживать меня.

„Грустно, тяжело разставаться; но переимѣна мѣстности, жизни, правильныя, серьезныя занятія въ закрытомъ заведеніи, гдѣ все было для меня ново, желаніе достигнуть намѣченной цѣли—сгладили отсутствіе моей матери; а ея еженедѣльные письма скоро утѣшили меня.

„Славные, прекрасные три года, проведенные въ „Нормальной школѣ“! Какую свѣтлую полосу оставили они въ моихъ воспоминаніяхъ! Тамъ нашла я преподавателей, преданныхъ наукѣ, любящихъ свой предметъ; товаровъ, среди которыхъ я очутилась какъ среди сестеръ. Когда въ теченіе трехъ лѣтъ живешь одной жизнью, одними занятіями, одними волненіями (въ особенности во время переводныхъ экзаменовъ)—эта тождественность впечатлѣній, желаній, чувствъ, даже мыслей сближаетъ, порождаетъ глубокія симпатіи и пріучаетъ стойко поддерживать другъ друга. Съ удовольствіемъ вспоминаешь счастливыя минуты въ школѣ, когда встрѣтишь кого-либо изъ подругъ. Почему не вспоминаются минуты тяжелыхъ сомнѣній, труда—не знаю. На умъ приходятъ однѣ только радостныя минуты...

„Материальная сторона жизни въ „Нормальной школѣ“ въ Эвсѣ была обставлена очень хорошо. Насъ поили, кормили, отапливали помѣщеніе—щедро. Къ нашимъ услугамъ всегда была ванна; на чистое бѣлье не скупились. Педагогическій персоналъ состоялъ изъ директрисы, нѣсколькихъ преподавательницъ, нѣсколькихъ почтенныхъ профессоровъ; изъ нихъ только двое—молодые люди: учитель рисованія и учитель географіи; но что ложилося камнемъ, угнетало насъ—это постоянный, неустанный надзоръ. При вступленіи въ школу намъ объявлялось:

„— Vous devez faire abnégation de vous même.

„И за отрѣшеніемъ отъ личности начальство строго слѣдило. Мы не имѣли права ни посылать, ни получать писемъ, не показавъ ихъ директрисѣ¹⁾. Мы не имѣли права что-либо записать. Ключей у насъ даже и не существовало. Спали мы въ общемъ дортуарѣ. Разъ я написала письмо матери и спрятала его въ ночной столикъ. Директриса отыскала его и прочла. Дядя пишетъ мнѣ: „Твои аргусы“... и письмо дяди прочли тоже вслухъ,

¹⁾ Не во всѣхъ французскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ такая строгость. Въ Севрской школѣ, напр., предоставляется слишкомъ большая свобода, по мнѣнію писательницы m-me Reval („Les sevriennes“).

при мнѣ... За всё три года мы ни разу не вышли въ одиночку. Въ концѣ концовъ такой неустанный надзоръ ужасно начинаетъ дѣйствовать на нервную систему дѣвушекъ, тѣмъ болѣе въ эпоху ихъ физическаго развитія, отъ 15 до 18, отъ 16 до 19 лѣтъ.

„Насъ было 24 дѣвицы въ „promotion“ 1893—1896 г. Хотя мы всё жили мирно между собою, но все-таки образовалось скоро два клана. Первый кланъ состоялъ больше изъ марселонокъ—барышни; онѣ важничали и держали себя педантами. Второй кланъ—это были мы, сохранившія еще дѣтскія привычки: послѣ классовъ мы любили возиться, бѣгать. Въ часы отдыха, когда барышни („les demoiselles“) вели серьезныя бесѣды или сентиментально прогуливались по двору, мы—молоденькія („les jeunes“) набирались силъ, играя въ прятки, въ горѣлки... Въ воскресенье, послѣ завтрака, первое наше удовольствіе—партія въ крокетъ. Зато какой у насъ былъ здоровый, свѣжій цвѣтъ лица, и сами мы смотрѣли крѣпкими, сильными, полными жизненности!

„Два раза въ недѣлю кланъ „молоденькихъ“, а не кланъ „барышень“—тѣ почли бы себя обиженными—отправлялся въ Ботаническій садъ, гдѣ каждой изъ насъ была отведена града земли, на которой мы могли сажать, что желали. Помню, я вырослила на моей градѣ артишокъ и всёхъ имъ попотчивала. Никогда еще не родилось на свѣтѣ такого вкуснаго артишока. Другая педагогичка выращивала землянику. Были также садовницы; онѣ сѣяли цвѣты.

„Занятія въ школѣ — „La Grande maison“ — какъ мы ее величали—шли своимъ чередомъ, и въ первый годъ пришлось очень трудно. Надо было приучить себя къ распредѣленію занятій, освоиться съ преподавателями, съ ихъ методомъ; надо было также соображать, съ какою товаркой бороться въ соревнованіи. Вопросъ важный, сильно дѣйствуетъ на самолюбіе. Къ чести нашего клана, онъ всегда сидѣлъ во главѣ класса; конечно, находились среди насъ сидѣвшія и на заднихъ скамейкахъ,—но не отъ лѣни; а отъ того, что не всё одинаково способны, не всё одинаково подготовлены. Изъ двадцати-четырехъ дѣвицъ насъ было десять дочерей вдовъ. Наши матери—или практикующія учительницы, или вдовы военныхъ, живущія на пенсію, или скромныя, одинокія *gentilles*. Только одна дѣвица была дочь прачки. Ея происхожденіе изъ народа сказывалось въ рѣзкихъ манерахъ, въ бурныхъ выходкахъ; но школа все это скоро смягчила! Остальныя—дочери чиновниковъ, купцовъ. Сколько я могу судить, мы принадлежали въ семьямъ съ нѣкоторымъ достаткомъ: никогда не являлось задержки въ деньгахъ, ни съ одной изъ насъ, на общую

ли складчину, на изготовленіе новаго форменнаго платья или на покупку книгъ. Надо и то прибавить, что каждая изъ „пашапс“ скорѣе себя лишила бы самаго необходимаго, чѣмъ отказала бы въ деньгахъ дочери; а вѣдь не всѣ мы, педагогички, жили въ школѣ, вдали отъ родителей, по необходимости, — нѣкоторые и просто изъ-за каприза.

„Правда, родительскими щедротами не злоупотребляли. Директриса, особа благоразумная и разсудительная, просматривала каждую недѣлю наши карманные расходы и заносила ихъ въ особенную книжку, „Carnet des commissions“. За три года житья въ „Нормальной школѣ“, я стоила моей матери шестьсотъ франковъ, считая тутъ двѣ перемѣны платья, книги, разные мелкіе непредвидѣнные расходы и поѣздки на праздники домой. Три поѣздки въ годъ: Рождество, Пасха и лѣтнія каникулы. Мы всѣ разъѣзжались на вакаціи по домамъ. Это была непобѣдимая потребность. У себя, дома, окунешься въ семейную жизнь и вернешься въ „La Grande maison“ съ новымъ запасомъ нравственныхъ и физическихъ силъ!..

„Цѣль преподаванія въ „Нормальныхъ школахъ“ — образовывать учительницъ съ правильными, самостоятельными оцѣнками; поэтому программа нормальныхъ школъ, для соисканія высшаго диплома (brevet supérieur), по своимъ занятіямъ гораздо сложнее, нежели приготовленіе къ тождественному диплому въ гимназіяхъ или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ сосредоточиваются на изученіи того только, что стоятъ на программѣ, не уклоняясь ни впередъ, ни назадъ. Напримѣръ, въ программѣ по французской литературѣ стоитъ изученіе двухъ такихъ-то трагедій Корнеля; двѣ такихъ-то трагедій Расина; двѣ комедіи Мольера, — опять обозначено, какія именно; то же самое и относительно остальныхъ писателей. Въ гимназіи (lycée) или въ частномъ заведеніи и начнутъ изучать именно только обозначенныя пьесы, по программѣ, просмотрятъ краткую біографію автора, чью-нибудь критику о данномъ сочиненіи и — сужденіе о писателѣ готово. Понятно, сужденіе, оцѣнка — не личныя, не самостоятельныя.

„Въ „Нормальной школѣ“ примутся изучать автора съ его раннихъ лѣтъ, будутъ рыться въ томъ, что повліяло на него, что именно развило въ немъ такое и такое-то чувство. Станутъ просматривать всю его писательскую карьеру; засядутъ за прилежное, вдумчивое чтеніе всѣхъ его произведеній, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая самыми послѣдними; пройдутъ всю лѣстницу развитія и упадка его таланта. Такимъ образомъ ученица „Нормальной школы“ составитъ свое собственное мнѣніе о данномъ

писателѣ, о его значеніи въ литературѣ; она подтвердитъ это критиками, на которыхъ, конечно, укажутъ ей профессора; но самую оцѣнку она выработаетъ самостоятельно и будетъ всегда въ состояніи отстаивать свое мнѣніе и внушать его другимъ. Такого же метода изученія держатся „Нормальныя школы“ и по остальнымъ предметамъ, обозначеннымъ въ программѣ: географія, исторія, древняя литература, поскольку она соприкасается съ французской, философія, психологія, мораль (этика), педагогія, физика, химія (последній урокъ былъ объ освѣщеніи ацетилэномъ; а по физикѣ—о фотографіи предметовъ съ ихъ окрасками). Естественныя науки, математика (и счетоводство), новые языки на выборъ: нѣмецкій или англійскій, сочиненія—thème и переводы—version, рисованіе: линіи и орнаменты. Вотъ что мы должны были знать, являясь на экзамены для полученія высшаго диплома. Къ концу третьяго года нашего обученія въ „Нормальной школѣ“ мы всѣ двадцать-четыре храбро дерзнули предстать на сонсканіе brevet supérieur и—получили его! Это была минута настоящаго безумія, когда намъ объявили, что мы всѣ—съ дипломами! Въ первый разъ случился такой полный успѣхъ. Всѣ двадцать-четыре выпускныя ученицы и ученицы другихъ курсовъ, профессора и преподавательницы,—мы всѣ, всѣ обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга. Настоящее ликованіе! Ахъ, чудныя минуты! Радостныя воспоминанія!

„Экзамены происходили 29 іюня 1896 г., а въ срединѣ іюля мы уже одна за другой прощались съ „Большимъ домомъ“. Я сохранила сношенія со многими товарками; остальныхъ я потеряла изъ виду, а двѣ изъ нихъ совсѣмъ исчезли.

„По выходѣ изъ школы, намъ каждой было лѣтъ по девятнадцати. Правительство обязано давать мѣста преподавательницъ въ городскихъ училищахъ дѣвушкамъ съ высшими дипломами; но такихъ мѣстъ не хватаетъ,—предлагаютъ мѣста въ деревни, любезно справляясь: желаютъ ли въ горную мѣстность или въ прибрежную; мѣсто учительницы или „садовницы“? Соображаясь съ отвѣтомъ дѣвицы, начальство просматриваетъ отвѣтки о ея педагогическихъ способностяхъ въ дополнительной школѣ, école ашехе, которая состоитъ при école normale и гдѣ, разъ въ недѣлю, по очереди, семинаристки являются учительницами, ведутъ всѣ классы, преподаютъ дѣтямъ различныхъ возрастовъ. Согласно съ отвѣтками, дирекція шлетъ рапортъ инспектору округа.

„Нивогда сразу не попасть на мѣсто по своему желанію, въ особенности если быть требовательной. Случается, что назначать

и въ городъ, но въ помощницы, — и въ нихъ приходится подолгу состоять, — или назначать кандидаткой въ пригородъ. Не такъ-то легко получить мѣсто и въ деревенской школѣ. Эти мѣста оставляютъ для дѣвушекъ, окончившихъ курсъ съ простымъ дипломомъ. Есть и такія учительницы, которыя добиваются мѣстъ, получаютъ ихъ, сидятъ на нихъ, не имѣя никакой нужды въ заработкахъ, — изъ честолюбія. Эти уже настоящія *zans-soues* — безсердечныя, только хлѣбъ отбиваютъ у другихъ.

„Я дебютировала въ департаментѣ Приморскихъ Альпъ, близъ границы Италиі, въ прелестной деревушкѣ, въ горахъ, 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря. Деревушка въ девяносто-три жителя. Черезъ нее проходило пять тропъ для муловъ и одна, единственная, проселочная дорога. Совсѣмъ примитивная деревушка. Старые крестьяне — безграмотные; молодые — грамотные. Школа одна для мальчиковъ и для дѣвочекъ. При малочисленности жителей, учениковъ довольно: пятнадцать мальчиковъ и двѣ дѣвочки; всѣ они — изъ этой же самой деревушки. Ближайшая, со-сѣдняя школа отстоитъ на три километра (три версты), а самая отдаленная — на четыре километра. Понятно, что каждая мѣстность и ходитъ въ свою школу.

„Всѣ мои ученики были дѣти землепашцевъ. Никто изъ жителей не нуждался; кромѣ земли, у нихъ водились и деньги. Вообще, людъ честный, трудовой и очень гостепріимный! Каждому нищему давали ночлегъ, хлѣба, и были чрезвычайно обязательны между собой. Это чувство солидарности перешло и къ дѣтямъ. Мои школьники вѣчно одолжали другъ друга чернилами, карандашами, бумагой, книжками, — вплоть до игрушекъ.

„Помѣщеніе школы — сносное; но мое — невозможное! Хотя въ деревняхъ это случается наоборотъ: квартира учительницы лучше школы. Здѣсь же моя квартира — сарай, а не комната. Дверь прямо съ улицы замыкалась простымъ крючкомъ. Какъ-то среди ночи кто-то торкается ко мнѣ, мычитъ. Я проснулась... думаю: — теленокъ! Опять торкается. Нѣтъ, не теленокъ, а пьяный! Я гнѣвно кричу: „Какъ вы смѣете! Здѣсь учительница живетъ. Вы забываетесь!“ — пьяный тихо поплелся, продолжая мычать. На другой день крестьянка приходитъ извиняться за мужа, которому очень совѣстно, что обезпокоилъ учительницу.

„Если помѣщеніе отвели мнѣ плохое, за то обставилъ его муниципальный совѣтъ общины таровато. Мнѣ дали круглый столъ, четыре стула, два шкапа, вѣшалку, два четырехугольных стола; съ моей собственной мебелью — кроватью, большимъ склад-

нымъ кресломъ, сундукомъ — вышла даже самая красивая мебелировка изъ всей мѣстности.

„Жалованья я получала 71 фр. въ мѣсяцъ. Изъ нихъ я должна была покупать себѣ мясо, вино, молоко, яйца, хлѣбъ, керосинъ, уголь, который отпускался мнѣ по уменьшенной цѣнѣ. Овощи и фрукты были любезно приносимы матерями моихъ учениковъ, и онѣ никогда не хотѣли брать съ меня денегъ.

„Работать пришлось много. Эта мѣстность, какъ я сказала выше, граничитъ съ Италіей; поэтому языкъ состоитъ изъ провансальскихъ и итальянскихъ словъ, изъ цѣлыхъ мѣшанныхъ выраженій; на такомъ патуа говоритъ весь людъ. Чистый французскій языкъ обязателенъ только въ школѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ. Дѣти, говоря постоянно на мѣстномъ патуа, начинаютъ дословно переводить, когда заговарятъ по-французски. Они даже и не сознаютъ тѣхъ ошибокъ, какія ихъ нарѣчіе вноситъ во французскій языкъ.

„Мое преподаваніе, по своей программѣ, было тождественно съ обученіемъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Во Франціи программа одинакова для всѣхъ начальныхъ училищъ, — только вамъ, учительницамъ и учителямъ, предоставляется выборъ книгъ руководствъ. Въ моей школѣ сидѣло три отдѣленія вмѣстѣ, да еще трое дѣтей въ возрастѣ пяти лѣтъ.

„Старшіе имѣли учебники. Младшіе обучались, слушая устно изложеніе уроковъ старшими и мои объясненія; затѣмъ — дѣти должны были повторять мнѣ, своими словами, прослушанное.

„Сверхъ этихъ уроковъ, я давала еще уроки вокабуль — исправленіе неправильныхъ выраженій и удареній; уроки о разныхъ понятіяхъ — о воздержаніи отъ крѣпкихъ напитковъ, о сокращеніи домашнихъ расходовъ; понятія о гражданственности. Давала уроки шитья, рисованія, пѣнія и гимнастики.

„Съ ученицами я старалась держать себя привѣтливо, но безъ фамиллярности и безъ оказательства ласки кому-либо изъ нихъ. Въ рекреационные часы я принимала участіе въ ихъ играхъ и забавлялась искренно, не менѣе ихъ.

„Съ родителями я также старалась держать себя равно со всѣми; безъ особыхъ посѣщеній, что могло бы вызвать ревность и пересуды; такъ, я всегда отказывалась подъ благовиднымъ предлогомъ отъ приглашеній на посидѣлки въ богатые семьи или въ семьи, гдѣ были молодые люди. Сельская учительница — одинокая дѣвушка, да если еще она недурна собой — служитъ нестерпаемымъ предметомъ для наблюденій мѣстнаго женскаго

пола. Въ деревушкѣ, какъ моя, учительница шага не можетъ сдѣлать, слова сказать безъ пересудовъ, веривъ и вкось.

„Сношенія мои съ мэромъ ограничились выраженіемъ вѣжливости. Я сдѣлала визитъ ему и его помощнику, какъ представителямъ мѣстной власти, съ которой мнѣ, учительницѣ, надо знаться, и продолжала дѣлать имъ визиты въ оффиціальные дни; но, конечно, ни на минуту не забывая, что мои сношенія должны оставаться чисто административными. Учительница должна жить внѣ интригъ, партій; не входить въ чужую жизнь и въ свою не допускать. Такъ, принимая мѣра въ школѣ, я не должна предлагать ему прохладительнаго, — онъ явился оффиціально; а пришелъ онъ ко мнѣ съ женой и дочерью, тогда я могу угостить ихъ, и то не очень. Вообще, я избѣгала личныхъ сношеній; въ случаѣ надобности, обращалась письменно и сохраняла черновики, во избѣжаніе недоразумѣній или „запамятованій“.

„Съ академическимъ начальствомъ мнѣ не приходилось сноситься, да и сельской учительницѣ случается весьма рѣдко обращаться къ нему. Вотъ, съ инспекторомъ начальныхъ училищъ ей часто приходится имѣть дѣло: онъ навѣзжаетъ въ школу, слѣдитъ за преподаваніемъ, за результатами ея обученія. Черезъ него сельская учительница знаетъ о степени грамотности въ другихъ школахъ. Онъ же стоитъ посредникомъ между сельской учительницей и ея высшимъ академическимъ начальствомъ. Къ нему же, къ инспектору, обращается она при разныхъ недоразумѣніяхъ. „Ибо невинность живетъ въ хрустальномъ домѣ и заявляетъ о своихъ правахъ, когда о нихъ позабываютъ; но не учительницѣ самой бороться за свои права; достоинство дѣвушки налагаетъ на нее извѣстную сдержанность. Ея начальство—оно должно признавать ея права и ограждать ее отъ поправія ихъ“. Однимъ словомъ, инспекторъ начальныхъ училищъ играетъ роль добраго отца относительно насъ, сельскихъ педагоговъ. Понятно, выполненіе этой роли зависитъ отъ личности инспектора.

„Съ мѣстнымъ кюрé у меня вышла неприятность. Духовенство недолюбливаетъ педагогическій персоналъ *écoles laïques*, что совершенно естественно, особенно въ настоящее время. Обязательныхъ сношеній сельской учительницы съ кюрé не существуетъ. Онъ — такой же чиновникъ, какъ и она, только изъ другого вѣдомства; но житейскія обстоятельства могутъ заставить учительницу снестись съ кюрé. Такъ случилось и со мной. Здѣсь я должна упомянуть вкратчѣ, что вся мѣстность, гдѣ находилась моя школа, была очень религіозна и съ большимъ чиновочтеніемъ. Въ воскресенье жители отправлялись въ церковь. Дѣти

становились вокругъ алтаря, les notables и пѣвчіе усаживались на первыхъ скамьяхъ; за ними усаживались молодые крестьяне; а потомъ уже — жены и дочери, и опять по старшинству — сперва барышни, потомъ молодыя дѣвушки, молодыя женщины, наконецъ — старухи. При входѣ въ церковь стояли женщины съ младенцами — сосунами. На верху, на хорахъ, сидѣли старики и люди очень набожные. Какъ я сказала выше, — весь тамошній крестьянскій людъ былъ трудовой, честный. За все мое пребываніе среди нихъ только разъ случился „грѣхъ“... родился незаконный ребенокъ, очень слабенькій. Послали за кюрэ, звать его окрестить ребенка. Онъ не пожелалъ крестить незаконное дитя, un enfant du diable; такъ и сказалъ: „чортовъ ребенокъ“. Тогда я подговорила женщину самимъ окрестить ребенка. Это у насъ допускается, если новорожденный очень слабенькій. Первый попавшійся — мужчина, женщина, кто случится — дѣлаетъ крестное знаменіе на лобикѣ новорожденнаго, смачиваетъ головку водой, и младенецъ — окрещенъ. Когда маленький умеръ, кюрэ только отпѣлъ его въ церкви, а на кладбище ни за что не хотѣлъ сопровождать гробикъ.

— Пускай ваша учительница идетъ за нимъ!

„Я и пошла.

Это столѣновеніе съ кюрэ не развилось въ непріятную исторію только потому, что я оставалась тамъ меньше года.

„Мы, les normaliennes, семинаристки, отправляемся учительницами въ подобныя деревушки, какъ удобныя, полезныя мѣста для нашихъ дебютовъ, и ѣдемъ въ полномъ убѣжденіи, что это — на очень короткое время; иначе ни одна изъ насъ не отправлялась бы съ такимъ легкимъ сердцемъ. Отчужденность, одиночество, скука и тоска — вотъ удѣлъ незамужней сельской учительницы.

„Послѣ я получила мѣсто въ городѣ, младшей учительницы въ городскомъ училищѣ.

„Теперь я веду высшій классъ — cours supérieur. Мои ученицы сдаютъ экзамены на свидѣтельство начальнаго обученія, т. е. сами могутъ поступать сельскими учительницами.

„Боже мой! Когда подумаешь: чему, чему только не учили насъ въ „Нормальной школѣ“ для того, чтобы потомъ, въ этихъ начальныхъ училищахъ, намъ приходилось такъ мало преподавать. Три года сидѣть въ „Нормальной школѣ“ съ ея программой кропотливыхъ, сложныхъ изученій по всѣмъ предметамъ — вѣдь это, право, слишкомъ много власти и времени, и труда. И какъ всѣ науки, внижки, какъ все это скоро позабылось!!...“

На этомъ останавливается записка м-ше Вердье. Она не вполне удовлетворила меня; но не слѣдуетъ забывать, что г-жа Вердье состоитъ на государственной службѣ. Ей не полагается въ подобномъ „документѣ“ пускаться въ большія откровенности, да еще съ иностранкой. И за такую рукопись я должна была сказать ей спасибо, что я и сдѣлала съ первой же почтой.

С. Б—на.

ФАБИАНЦЫ

Изъ лондонскихъ наблюденій.

Среди лондонскихъ политическихъ обществъ фабианское—одно изъ наиболѣе доступныхъ и интересныхъ. Его члены зовуть себя социалистами, но социалисты другихъ отъѣнговъ отверщаются отъ нихъ и отзываются о нихъ едва-ли не съ большимъ пренебреженіемъ, чѣмъ объ обществахъ чисто буржуазнаго характера. Они говорятъ, что больше всего интересуются рабочимъ вопросомъ, но среди нихъ трудно встрѣтить человѣка, который добывалъ бы кусокъ хлѣба мускульнымъ трудомъ. Они считаютъ себя политиками, но довольно бережно сторонятся отъ уличной пропаганды и непривлекательной возни съ чернымъ людомъ. Посѣтитель ихъ митинговъ все время находится подъ впечатлѣніемъ, что онъ попалъ въ среду людей среднего класса, благовоспитанныхъ, благожелательныхъ, образованныхъ, свободныхъ отъ предразсудковъ, но интересующихся жгучими вопросами дня больше со стороны, больше головою, чѣмъ кровью и нервами.

Но это лучшая и наиболѣе привлекательная часть англійскаго среднего класса. Въ обществѣ членовъ немного, но среди нихъ есть люди съ именемъ или даже съ талантомъ. Душою общества является человѣкъ мало извѣстный въ Россіи, но безспорно самый интересный. Это Джорджъ Бернардъ Шо (G. Bernard Shaw). Недруги зовуть его придворнымъ шутомъ фабианцевъ за юмористическую трактовку самыхъ серьезныхъ вопросовъ. Онъ, безспорно, злоупотребляетъ своимъ большимъ остро-

уміемъ, но это не уменьшаетъ цѣны его дарованій. Онъ какъ бы созданъ для роли руководителя и увеселителя такого общества — клуба людей просвѣщенныхъ, передовыхъ и уравновѣшенныхъ. Онъ обладаетъ большою начитанностью, умомъ гибкимъ и воспримчивымъ, рѣдкимъ ораторскимъ талантомъ, способнымъ и къ страстной отвѣдѣ, но всего болѣе сильнымъ въ тонкой и острой насмѣшкѣ. Шо — прежде всего говорунъ фабианскихъ засѣданій, которому всегда принадлежитъ послѣднее слово, но въ послѣднее время онъ приобрѣлъ себѣ имя интересными и остроумными драматическими опытами (*Plays pleasant and unpleasant, Four plays for rigtians*), которые несомнѣнно выдѣляются на безталанномъ фонѣ остальной драматической литературы. Шо написалъ и любопытный выборный памфлетъ 1900-го года, „Фабианизмъ и имперія“, который возбудилъ много толковъ въ радикальныхъ и социалистическихъ кругахъ и навлекъ на фабианцевъ столько обвиненій въ измѣнѣ традиціямъ и въ дкинговизмъ.

Другой столпъ общества — Сидни Уэббъ, очень хорошо извѣстный въ Россіи, мужъ Беатрисы Поттеръ и авторъ „Исторіи трѣдъ-юніонизма“ и „Промышленной демократіи“. Онъ представляетъ собою почти противоположность Шо: плохой ораторъ, немного косноязычный, послѣдовательный, прямолинейный человекъ немногихъ идей, зато обладающій большимъ здравымъ смысломъ и исключительной рабочей силой. Онъ — горячій сторонникъ рабочихъ союзовъ и муниципальнаго социализма. Въ совѣтѣ лондонскаго графства онъ — одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ, и слова „London County Council“ и „Board of Local Government“ почти не сходятъ съ его устъ. Въ настоящее время онъ читаетъ интересный курсъ по исторіи мѣстнаго самоуправления въ лондонской школѣ политическихъ и экономическихъ наукъ. Онъ очень гордится своимъ званіемъ совѣтника и вмѣстѣ со многими фабианцами раздѣляетъ увѣренность, что неуклонное развитіе мѣстнаго самоуправления способно разрѣшить чуть не всѣ общественныя неурядицы. Любопытно, что блестящій Шо, въ которому такъ мало идутъ заботы о ночлежныхъ домахъ и электрическихъ проводахъ, очень кичится своей практической дѣятельностью и на каждомъ засѣданіи напоминаетъ слушателямъ, что онъ — совѣтникъ округа St. Pancras; но ему чуждъ наивный оптимизмъ Уэбба.

Изъ другихъ членовъ общества можно назвать извѣстнаго экономиста Джона Гобсона, священника-социалиста Стьюарта Гэдлама (*Rev. Stewart Headlam*), привлекательнаго дѣятеля по народному образованію Грэгэма Уолласа (*Graham Wallas*), автора

интересной книги о Фрэнсисъ Плэсъ, шотландскаго профессора греческой словесности Гильберта Мёрри (Gilbert Murray).

На вопросъ, что теперь дѣлають фабианцы, отвѣтить очень нетрудно: отъ времени до времени они издають тоненькіе листки и толстенькія брошюры, а разъ въ двѣ недѣли, черезъ пятницу, собираются въ Clifford's Inn Hall, слушаютъ чей-нибудь докладъ, подвергаютъ его товарищескому обсужденію и, даже не выпивъ чашки чаю, мирно расходатся по домамъ.

Изъ тоненькихъ фабианскихъ листовъ (Fabian tracts) составила толстая, интересная и дешевая книга, которую можно смѣло рекомендовать для элементарнаго ознакомленія съ политическими, общественными и экономическими вопросами, волнующими современное англійское общество. Во время послѣднихъ двухъ предвыборныхъ агитацій фабианцы выпустили два своихъ манифеста со связнымъ изложеніемъ своей политической и экономической программы. Но этимъ и ограничивается литературная дѣятельность общества. Отдѣльные члены пишутъ въ газетахъ и журналахъ, издаютъ книги, но только за своей личной отвѣтственностью.

У фабианцевъ немного членовъ. У нихъ нѣтъ ни одного представителя въ палатѣ общинъ и они даже не мечтають о собственномъ представительствѣ. Притомъ они не составляютъ особой политической партіи. Почти всѣ они принадлежать къ среднему классу, но въ своемъ общественномъ кругу они находятъ мало сторонниковъ, потому что кажутся слишкомъ радикальными и вызываютъ протестъ своимъ пренебреженіемъ ко многимъ предрассудкамъ, священнымъ для каждаго рядового англичанина. Для рабочихъ фабианцы недостаточно демократичны. Въ прежнее время наиболѣе видные вожди рабочаго движенія, Джонъ Бёрнсъ, Томъ Маннъ, Бенъ Тиллетъ, были членами общества; теперь они вышли изъ него. Это не значитъ, чтобы фабианская программа казалась рабочимъ слишкомъ умѣренной: цѣли многихъ рабочихъ союзовъ значительно скромнѣе и осуществимѣе, но фабианцы не подходятъ къ рабочей средѣ по своему достатку, по образованію, языку, манерамъ. Рабочій видитъ въ фабианцѣ чловѣка чужого класса и нѣсколько сторонится отъ него, точно такъ же, какъ воспитанный въ Оксфордѣ фабианецъ чувствуетъ себя не совсѣмъ свободно съ какимъ-нибудь доверомъ или чернорабочимъ. Фабианцы хвастаются тѣмъ, что у нихъ, въ отличіе отъ другихъ партій, мало людей, но много идей. И ихъ любимая мечта состоитъ въ томъ, чтобы пронизать, напитать (to permeate) существующія партіи фабианскими идеями

и тѣмъ подготовить почву для новаго общественнаго строя. За фэбѳанцами числится правтческое дѣло не въ области политики, а въ сферѣ городского самоуправленія. Фэбѳанцы немало способствовали тому оживленію, которое наблюдается теперь въ англійской муниципальной жизни. Несмотря на общую политическую реакцію, даже въ ультра-консервативномъ Лондонѣ прогрессисты не только не теряютъ своего большинства, но даже увеличиваютъ его и непрерывно расширяютъ сферу городского хозяйства; и фэбѳанцы—очень вліятельные члены совѣта лондонскаго графства, такъ что на фэбѳанскихъ засѣданіяхъ принято говорить объ этомъ совѣтѣ, какъ о своемъ собственномъ учрежденіи. И въ прогрессивномъ школьномъ совѣтѣ Лондона есть вліятельные фэбѳанцы.

Фэбѳанское общество не сразу приняло характеръ кружка единомыслящихъ образованныхъ людей для мирнаго собесѣдованія о разныхъ политическихъ и неполитическихъ вопросахъ. Шо въ остроумной брошюрѣ (Fabian tract, № 41) рассказалъ начальную его исторію. Фэбѳанское общество образовалось въ 1883 году вслѣдствіе раскола въ одномъ кружкѣ, который стремился мирно возродить челоѳѳчество нравственнымъ усовершенствованіемъ индивидуальнаго характера. Нѣкоторые члены кружка остались недовольны его миролюбіемъ и образовали кружокъ съ болѣе боевымъ направленіемъ, стремясь перестроить все общество на высшихъ нравственныхъ основаніяхъ. Въ 1884 году они обсуждали вопросъ, что лучше, деньги или трудовые чеки (labour notes), и выпустили tract, № 4, „What socialism is“, гдѣ устанавливались, какъ равноправныя, двѣ программы: коллективизмъ и анархизмъ. Теперь фэбѳанцы старательно отрещиваются отъ своего грѣха, считая анархизмъ совершенной безсмыслицей и называя вѣру въ общественный переворотъ благочестивой утопией. Въ послѣдніе годы фэбѳанцы навлекли на себя много нареканій даже среди англійскихъ либераловъ своимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ имперіалистическимъ теченіямъ, занимающимъ такъ много мѣста въ современной англійской жизни. Даже умѣренные люди обвиняли ихъ въ измѣнѣ и въ стремленіи подслужиться Розбери и даже чуть ли не Чемберлену.

Въ „Daily News“, въ октябрѣ 1901 года, печатались любопытныя письма о фэбѳанскихъ пустякахъ (Fabian futilities). Письмо извѣстнаго марксиста Бельфорта Бакса хорошо выясняетъ раздражительное отношеніе крайнихъ людей къ современнымъ фэбѳанцамъ. Баксъ заявляетъ, что фэбѳанцы вовсе не социалисты, а бюрократы. Главные члены, вожди общества, состояли или со-

стоятъ на гражданской службѣ. Оттого они восклаляютъ вездѣ „эксперттовъ“ и отодвигаютъ назадъ народъ. Они готовы видѣть социализмъ въ почтамтѣ и въ уличныхъ фонаряхъ. Всего важнѣе для нихъ мѣста и оклады. И войну съ бурами они хвалятъ потому, что въ южной Африкѣ предвидятся новыя мѣста и новыя оклады.

Зимою 1901—1902 года я посѣщалъ фабианскія пятницы. Эти засѣданія совсѣмъ не похожи на политическія митинги и напоминаютъ скорѣе засѣданія клуба или даже пріятельскую бесѣду непринужденностью тона и отсутствіемъ всякаго показного краснорѣчія. Меня поразило своеобразие темъ. Фабианцы всего болѣе интересовались современной драмой въ тотъ годъ, когда другіе не хотѣли слышать ни о чемъ, кромѣ трансваальской войны. Обсуждались и другіе вопросы, не менѣе далекіе отъ текущей политики. Вслѣдствіе этого у меня составилось отчетливое представленіе о взглядахъ, интересахъ и чувствахъ образованныхъ и передовыхъ англичанъ по поводу широкаго круга вопросовъ. Въ этомъ ознакомленіи съ уголкомъ духовной жизни современнаго англійскаго общества и состоитъ единственный интересъ моего непритязательнаго отчета.

11 октября 1901 года Робертъ Делль говорилъ о католическомъ факторѣ въ политикѣ. Докладчикъ былъ очень любопытенъ. Онъ началъ съ заявленія, что онъ—ортодоксальный католикъ. Между тѣмъ по своей ненависти къ римской теократіи и церковной централизаціи онъ почти пуританинъ, а по грубому джигонизму—почти сотрудникъ „Daily Mail“. Я привожу дальшее краткое содержаніе его рѣчи.

Англичане ровно ничего не понимаютъ въ жизни католической церкви. Изъ сотни образованныхъ англичанъ едва ли хоть одинъ въ состояніи указать содержаніе и задачи законопроекта Вальдека-Руссо объ ассоціаціяхъ (*Loi sur les associations* страстно обсуждался незадолго передъ тѣмъ въ Бурбонскомъ дворцѣ). Многіе готовы сочувствовать несчастнымъ монахамъ и обвинять радикальное министерство въ религиозныхъ гоненіяхъ. Они не понимаютъ того, что самыя рѣвкія постановленія проека представляютъ только законную самооборону государства противъ систематическихъ захватовъ властолюбиваго духовенства и нисколько не затрагиваютъ религиозной совѣсти. Многіе французскіе монахи перебираются въ Англию. Почти никто не боится ихъ, а между тѣмъ они будутъ готовить всякіе комплоты противъ французской

республики и могутъ легко посорить Англiю съ французскимъ правительствомъ.

Подобное невѣжество по отношенiю въ жизни католическаго мiра сопряжено для англичанъ съ значительными опасностями. Въ Ирландiи, Канадѣ, Австрали много католиковъ, и даже въ Англии мечтаютъ создать католическую партiю въ родѣ нѣмецкаго центра, чтобы поддерживать равновѣсiе между консерваторами и либералами и такимъ путемъ занять господствующее положенiе. На послѣднихъ выборахъ въ сѣверо-восточномъ Ланаркѣ (октябрь, 1901 г.) всѣ три кандидата—консерваторъ, либераль, рабочий (Rattigan, Harmsworth, Smillie) были принуждены обѣщать избирателямъ-ирландцамъ католическiй университетъ въ Дублинѣ.

Въ Ватиканѣ ненавидятъ Англiю, какъ главную протестантскую державу, которая болѣе всѣхъ мѣшаетъ возстановить свѣтскую власть папы. Католической церковью заправляютъ теперь римляне, которые исповѣнь вѣка интересовались только политикою, а не религiей. Среди прелатовъ много враговъ Англии. Архiepископъ Воганъ презрительно отзывался въ Квебекѣ (Quebec) о королевѣ Викторiи. Въ настоящее время отмѣна декларацiи при вступленiи на престолъ (въ „Accession Declaration“ все еще сохраняются въ первоначальномъ видѣ очень оскорбительные отзывы о католической церкви) есть боевой кличъ католиковъ. Въ Мельбурнѣ кардиналъ Моранъ грозилъ отдѣленiемъ колонiи, если декларацiи не отмѣнять. Все католическое духовенство проникнуто грубо-реакционнѣмъ духомъ. Находящiеся въ рабствѣ у священниковъ ирландскiе націоналисты—тоже реакционеры, невѣжды и нарушители вѣрноподаннической присяги. Католическiй университетъ въ Дублинѣ станетъ орудiемъ мракобѣсiя: тамъ не будутъ позволять читать ни Гиббона, ни Дарвина. Но англiйскiе католики-миряне не похожи на ирландцевъ: они лояльны, либеральны и высокообразованны. Докладъ заканчивался предложениемъ учредить англiйскую дипломатическую миссiю при Ватиканѣ, чтобы слѣдить за папой и не позволять врагу Англии Рамполлѣ слишкомъ сильно вредить англiйскимъ интересамъ.

Пренiя дѣйствительно показали, что члены общества плохо знаютъ положенiе дѣлъ въ католической церкви. По существу почти не касались вопроса. Нѣсколько человекъ, особенно Шо, указали на невозможное положенiе Делля: называя себя католикомъ, онъ поноситъ теократiю и обвиняетъ почти всѣхъ своихъ единовѣрцевъ въ измѣнѣ. Ему не безъ основанiя предрекали отлученiе. Другiе высказывались противъ миссiи при Ватиканѣ

на томъ странномъ основаніи, что папѣ не слѣдуетъ заниматься политикой, а что разсуждать съ нимъ о богословіи не стоитъ.

Никто не отмѣтилъ самаго слабого мѣста въ этомъ докладѣ, который страшно преувеличилъ политическую опасность отъ католицизма. Двѣ-три проповѣди, двѣ-три газетныхъ статьи въ „*Ossevatore Romano*“ были раздуты въ событіе большой важности; сепаратистскія стремленія въ Ирландіи, Канадѣ, Австраліи совершенно тенденціозно выводились только изъ пропаганды католическаго духовенства. Меня неприятно поразило, что никто не протестовалъ противъ слишкомъ обильныхъ обвиненій въ измѣнѣ.

25-го октября Уильямъ Арчеръ, извѣстный театралъ и литературный критикъ, докладывалъ объ англійской драмѣ въ послѣдніи двадцать-пять лѣтъ. Это былъ первый изъ многочисленныхъ докладовъ о театрѣ, очень длинный и скучный: безконечный перечень заглавій, авторовъ и актеровъ перемежался съ общими либо поверхностными мѣстами. Арчеръ сознавался, что до семидесятыхъ годовъ англичане не писали ничего самостоятельнаго и только передѣлывали легкомысленные водевили, оперетки и комедіи второй имперіи. Но потомъ замѣчаются проблески оригинальности въ мелодрамѣ и музыкальной комедіи (*musical comedy* обозначаетъ водевилъ или фарсъ съ музыкой; нѣсколько странно было слышать, что литературный критикъ считаетъ его видомъ искусства). На дальнѣйшую судьбу театра всего больше повліяло развитіе желѣзныхъ дорогъ и безмѣрное преобладаніе Лондона. Провинціальныя сцены теряютъ всякую оригинальность и обращаются въ блѣдныя копии лондонскихъ театровъ; на нихъ даже часто играютъ наѣзжающіи изъ Лондона труппы, причемъ провинціаловъ стараются заманить обѣщаніемъ, что пьеса будетъ разыграна точь въ точь какъ въ „*Coquet*“ или „*Naumarket*“. Благопріятнымъ условіемъ для развитія драмы было то, что модное общество, раньше презиравшее театръ, постепенно примиряется съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ зрительномъ залѣ устроили очень дорогія мѣста (*boxes, stall*), свѣтскіе люди стали считать своимъ долгомъ посмотришь главныя новинки сезона. А въ концѣ семидесятыхъ годовъ появляются первые хорошіе образцы англійской драмы, особенно пьесы Пинеро. Еще позже, въ восьмидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ Ибсена и „Свободнаго театра“ Антуана пишутся опыты соціальной драмы съ серьезнымъ содержаніемъ. Арчеръ придавалъ очень большое значеніе комедіи Пинеро „*Second Mrs. Tankeray*“,

въ которой онъ видитъ начало новой эры въ исторіи англійской драмы. Онъ терпѣливо перечислилъ всѣ пьесы послѣдняго десятилѣтія и всѣ хвалилъ, но особенно выдвигалъ Пинеро. Заключение состояло въ томъ, что желательны субсидированные театры и что не хорошо давать одну пьесу сто, двѣсти разъ подъ-рядъ (это зовется въ Англии „long run“). Но вообще Арчеръ очень доволенъ, полонъ надеждъ и осмѣливается ставить современную англійскую драму рядомъ съ французскою и нѣмецкою.

Докладчикъ не встрѣтилъ никакого сочувствія во время преній. Всѣ говорившіе были очень невысокаго мнѣнія о современной англійской сценѣ. Фабіанцы склонны относиться свысока ко всему, кромѣ своего общества, но въ данномъ случаѣ ихъ пренебреженіе было довольно законное. Всего интереснѣе говорилъ Шо. Его положеніе было довольно щекотливое, потому что онъ самъ—одинъ изъ главныхъ новѣйшихъ драматурговъ. Онъ заявилъ, что не скажетъ ни слова о своихъ пьесахъ, которыя Арчеръ хвалилъ, но находилъ неспеничными и слишкомъ умными для большой публики. Шо разоблачилъ, что Пинеро—закадычный другъ Арчера и что въ преувеличенныхъ восхваленіяхъ есть доля простаго кумовства. По мнѣнію Шо, Пинеро вовсе не возвысился надъ старою пошлостью и посредственностью. Въ его пьесахъ есть сценическая ловкость, но рѣшительно никакого содержанія. И въ „Second Mrs. Tanqueray“ все сводится къ любовной интригѣ въ свѣтскомъ обществѣ. Никакой попытки изображать жизнь низшихъ классовъ и важныя общественныя явленія или проводить какія бы то ни было идеи. Шо сознался, что у него тоже есть пріятель, Atherley Jones. Какъ Арчеръ старался просвѣтить Пинеро, такъ онъ, Шо, старался просвѣтить Джонса. Въ началѣ ученикъ сдѣлалъ успѣхи; въ двухъ пьесахъ Джонса („Middlemen“, „Crizadoes“) звучатъ социальныя, даже экономическіе мотивы. Но очень скоро оказалось, что просвѣщеніе не привело ни къ чему. Идеи отстали отъ Джонса, какъ штукатурка отъ стѣны, и въ своихъ послѣднихъ вещахъ Джонсъ по отсутствію содержанія не уступаетъ Пинеро. Это совершенно то же, что съ попыткой фабіанцевъ пропитать либеральную партію социальными идеями. Она тоже не привела ни къ чему. Уильямъ Гаркортъ и Джонъ Морли можетъ быть и превосходные джентльмены въ своей сферѣ (in their own line), но какъ прежде у нихъ не было никакихъ идей, такъ и теперь нѣтъ. Шо мало вѣритъ въ будущее англійскаго театра. Въ настоящее время публики, для которой промышленники-драматурги и промышленники-антрепренеры поставляютъ по дорогимъ цѣнамъ свои пьесы,

требует одного: чтобы пьеса слегка, въ предѣлахъ приличія, щекотала чувствительность и чтобы она вовсе не утруждала головы. Когда слышать о новой пьесѣ, то всегда задаютъ одинъ вопросъ: кто главная lady и съ кѣмъ у нея романъ (who is the leading lady and with whom is she in love). Пока не повысится уровень требованій публики, улучшение театра невозможно.

Рѣзкій отамъ Шо о Пинеро обидѣлъ одну барышню. Она съ горячностью заявила, что въ „Second Mrs. Tanqueray“ Пинеро смѣло затронулъ одинъ и страшно важный общественный вопросъ,—половой. На дѣлѣ вся смѣлость Пинеро заключается въ томъ, что онъ спрашиваетъ, можно ли приличному человѣку жениться на женщинѣ хорошей, но съ неприличнымъ прошлымъ, и отвѣчаетъ отрицательно. Когда потомъ Арчеръ указалъ, что Шо говорить о любви съ большимъ пренебреженіемъ, но что его пьесы полны любовныхъ исторій, барышня сочувственно хохотала.

Шо подвергся нападкамъ и за свое отношеніе къ Джонсу. Одинъ джентльменъ заявилъ, что онъ не чувствуетъ никакого пристрастія къ Пинеро, но что Джонсъ нисколько не лучше. Образованному человѣку въ Англіи неприлично ходить въ театръ. Онъ попробовалъ только одинъ разъ: это былъ самый скучный и тоскливый вечеръ въ его жизни.

Грэгэмъ Уолласъ закончилъ пренія. Онъ тоже очень не-лестнаго мнѣнія объ англійской сценѣ. Онъ только прибавилъ, что и въ другихъ сферахъ жизни виды на будущее очень неутѣшительныя. Онъ помнитъ, какъ онъ вѣрующимъ энтузіастомъ попалъ въ Лондонъ изъ Оксфорда въ 1884 году. Тогда только-что прошелъ Гладстоновскій билль объ избирательномъ правѣ; люди его убѣжденій глубоко вѣрили въ политическій смыслъ рабочаго класса и ждали широкихъ социальныхъ реформъ; на сценѣ стали появляться содержательныя пьесы Ибсена. Теперь прошло семнадцать лѣтъ, и онъ приближается къ старости. Чтò же сдѣлано? Ничего. Можетъ быть, люди даже отодвинулись назадъ. Нужно начинать съ самаго начала.

Положеніе Арчера было неприятное, и его отвѣтъ былъ очень блѣдный. Онъ бранилъ Джонса, потомъ увѣрялъ, что Пинеро еще можетъ написать что-нибудь большое, потому что онъ не старъ, а Ибсенъ написалъ свои главныя вещи старикомъ. Къ англійскому театру нельзя прилагать безусловной мѣрки. Надо сравнивать настоящее съ тѣмъ, чтò было, а не съ тѣмъ, чтò желательно. По сравненію съ прошлымъ несомнѣнны большіе успѣхи.

Слѣдующая пятница, 8 ноября, была очень характерна для фэбианцевъ. Я могъ познакомиться съ мнѣніями о двухъ самыхъ жгучихъ вопросахъ англійской жизни, — объ имперіализмѣ и о судьбѣ либеральной партіи. Сидни Уэббъ читалъ о Policy of national efficiency. Я не умѣю перевести выраженія efficiency — вѣроятно самого моднаго теперь въ Англии слова. Оно обозначаетъ практичность, или, точнѣе, способность достигать намѣченной цѣли, умѣнье находить наиболѣе пригодныя для этого средства. Успѣхъ этого слова созданъ неудачами англичанъ во время трансваальской войны и равнодушіемъ среднихъ классовъ къ принципиальнымъ вопросамъ въ политикѣ. Ходъ кампаніи обнаружилъ неподготовленность арміи и генеральнаго штаба; и даже самые самодовольные тори, увѣренные въ безконечномъ превосходствѣ англосаксовъ надъ остальными низшими расами, стали сомнѣваться въ достоинствахъ своего правительства и въ обеспеченности національной обороны. Съ другой стороны, политическія и социальныя реформы XIX вѣка совершенно удовлетворяли средніе классы Англии. Они достигли всего, чего хотѣли, и ясно сознаютъ, что дальнѣйшее движеніе на пути политическихъ и особенно экономическихъ реформъ можетъ только поколебать ихъ положеніе. Они естественно склонны думать, что всѣ основные вопросы политики уже разрѣшены въ Англии и что всякая попытка снова возбудить къ нимъ общественное вниманіе бесполезна или вредна. И успѣхъ лозунга efficiency есть краснорѣчивое свидѣтельство о безпринципности, господствующей въ значительной части англійскаго общества. Даже выдающіеся дѣятели, какъ Розбери, способны серьезно увѣрять толпу, что въ политикѣ важны не общія начала и цѣли, а только пригодность средствъ достигнуть намѣченной цѣли.

Незадолго передъ тѣмъ Уэббъ помѣстилъ въ „Nineteenth Century“ статью „Lord Rosebery's escape from Houndsditch“, которая обратила на себя значительное вниманіе странными въ устахъ социалиста восхваленіями аристократа-дилеттанта и крайне враждебнымъ отношеніемъ къ либеральной партіи. Оказалось, что докладъ Уэбба близокъ къ журнальной статьѣ и полонъ того же настроенія.

Уэббъ началъ съ рѣзкой критики англійскаго либерализма, къ которому, однако, онъ совсѣмъ не сумѣлъ отнестись справедливо. Въ его изображеніи всѣ англійскіе либералы — крайніе индивидуалисты и безусловные враги государства. Въ свое время они до нѣкоторой степени отвѣчали общественному настроенію, но теперь времена перемѣнились. Въ послѣднія пятнадцать-двадцать

лѣтъ въ англійскомъ обществѣ произошелъ рѣзкій переворотъ: люди перестали мыслить индивидуально и стали мыслить коллективно; удовлетворенія своихъ нуждъ они ждуть только отъ государственнаго вмѣшательства. Призывъ къ освобожденію отъ государственныхъ узъ и стѣсненій утратилъ всякую привлекательность. Либералы безповоротно умерли, и городское населеніе навсегда отъ нихъ отвернулось. Рабочіе отдають свои голоса юніонистамъ, потому что послѣдніе все-таки лучше своихъ противниковъ: они свободны отъ предрассудковъ и интересуются имперіей. Но это не значитъ, чтобы у теперешнихъ консерваторовъ было какое-нибудь будущее. Ихъ успѣхъ чисто временный, потому что другое правительство немислимо. Сами по себѣ они тоже плохи и, какъ показала война, даже не могли организовать народной обороны. Будущее принадлежитъ тѣмъ, кто напишетъ на своемъ знамени „national efficiency“, кто научитъ народъ производить наиболѣе легкимъ путемъ наибольшую сумму работы. Въ этомъ и будетъ состоять истинная политическая программа XX вѣка.

Въ политикѣ XX вѣка вовсе не будетъ принципиальныхъ вопросовъ. Англичане совершенно перестали интересоваться такими вещами, какъ религіозная и политическая свобода, отдѣленіе церкви отъ государства, избирательное право. Англичанамъ нужны двѣ вещи: соблюденіе своихъ обязанностей передъ имперіей и хорошее министерство мѣстнаго управленія. — „Соблюденіе обязанностей передъ имперіей“ не сходитъ съ устъ англійскихъ квасныхъ патріотовъ, и уважающему себя человѣку не передъ всякой аудиторіей возможно произносить эти слова. — Поэтому Уэббъ поспѣшилъ оговориться, что его привязанность къ имперіи вытекаетъ изъ космополитизма, а не изъ націонализма. Имперія стоитъ выше національности и вмѣщаетъ въ себѣ самыя разнообразныя народности. Уэббъ забылъ только прибавить, что строй имперіи основанъ на преобладаніи говорящихъ по-англійски людей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на эксплуатаціи „низшихъ“ расъ. Но о подробностяхъ организаціи имперіи Уэббъ говорилъ очень мало; онъ остановился почти исключительно на домашнихъ дѣлахъ. Изъ политическихъ реформъ нужна одна: въ палатѣ общинъ слѣдуетъ завести побольше комиссій и не позволять никому говорить больше четверти часа, а то при теперешнихъ порядкахъ парламентъ только въ рѣдкихъ случаяхъ способенъ довести до конца сложное дѣло. Однако устройство парламента — вещь второстепенная. Гораздо важнѣе хорошіе фабричныя законы, хорошія жилища, санитарное благоустройство,

реформа общественнаго призрѣнія, хорошія начальныя школы (любопытно, что Уэббъ не высказывается рѣшительно противъ конфессіональныхъ школъ) и доступное всѣмъ среднее и высшее техническое образованіе. Всѣми этими дѣлами должны завѣдывать изъ центра эксперты, которымъ нужно предоставить право принудительно наводить на всю Англію — а если можно, то и на всю имперію — одинъ минимальный уровень, ниже котораго не должно опускаться общественное благоустройство. Уэббъ заявляетъ въ то же время, что онъ остается горячимъ сторонникомъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ думаетъ, что есть очень простое средство совмѣстить строгій контроль центральнаго управленія съ мѣстной свободой. Это — вспомогательныя ассигновки (grants in aid). Развѣзжающіе изъ центра эксперты должны внимательно слѣдить за всѣми отраслями областного управленія и хозяйства. Если онѣ оказываются не ниже обязательнаго уровня, то пусть государственное казначейство беретъ на себя значительную долю, скажемъ — половину произведенныхъ расходовъ. Сверхъ того нужно создать моральное побужденіе для усердной работы на общественную пользу. Городамъ и мѣстнымъ дѣятелямъ, у которыхъ окажутся самыя лучшія школы, больницы, жилища, можно давать знаки отличія и тѣмъ возбудить чувство соревнованія. Во время преній нѣкоторые отнеслись съ подозрѣніемъ и недоумѣніемъ къ социалистическимъ орденамъ. Но Уэббъ настаивалъ на ихъ важности. По его мнѣнію, нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, что англичане съ подобострастіемъ смотрятъ на высшихъ. Эта особенность національной психологіи можетъ сослужить большую службу въ государствѣ будущаго. Въ настоящее время нехорошо то, что англичане почитаютъ не того, кого нужно. Способность уважать высшихъ становится полезною, когда государство отличаетъ людей выдающихся и за дѣйствительныя заслуги.

Докладъ производилъ непріятное впечатлѣніе соединеніемъ большой претенціозности съ бѣдностью мысли. Въ существѣ дѣла докладъ состоялъ изъ преувеличенныхъ обличеній либерализма и изъ безспорныхъ соображеній о томъ, что надо строить хорошія мосты, больницы и дома для рабочихъ. А между тѣмъ Уэббъ полагалъ, что онъ доказываетъ тщету почти всѣхъ стремленій истекшаго вѣка и что онъ предугадываетъ направленіе политической жизни многихъ будущихъ поколѣній. Экономистъ по специальности, Уэббъ ничего не сказалъ объ обложеніи, лэндлордизмѣ, о трѣстахъ, о борьбѣ общественныхъ классовъ. Называя себя имперіалистомъ, онъ не обмолвился ни словомъ о между-

народномъ положеніи Англій, о средствахъ сплотить имперію, о національной борьбѣ въ Ирландіи, Индіи, южной Африкѣ. Уэбба спрашивали, что онъ думаетъ о войскѣхъ и внѣшней политикѣ. Онъ откровенно отвѣтилъ, что мало смыслить въ этихъ вещахъ, но что въ англійской арміи и дипломатіи совсѣмъ нѣтъ efficiency; а между тѣмъ несомнѣнно существуетъ какой-нибудь способъ научно вести войну и дипломатическія сношенія. Уэбба спросили, каковы по его мнѣнію желательныя отношенія между mother country и колоніями. Уэббъ не сказалъ ровно ничего о главныхъ трудностяхъ, съ которыми сталкивается всякая попытка серьезно объединить пестрыя части британской имперіи, о представительствѣ колоній въ имперскомъ парламентѣ, объ имперскихъ налогахъ, объ имперской воинской повинности. Онъ сказалъ только, что колоніямъ можно предоставить все, кромѣ суверенитета; на примѣръ, колоніи не могутъ чеканить своей монеты, но могутъ вводить какой угодно таможенный тарифъ, даже противъ англійскихъ товаровъ.

Къ моему удивленію, во время преній никто не рѣшился говорить откровенно о крайней бѣдности программы Уэбба; я думаю, это дѣлалось для того, чтобы не поколебать репутаціи одного изъ столповъ общества. Дебаты вращались преимущественно вокругъ вопроса объ имперіализмѣ. Меньшинству членовъ не нравится кокетничанье Шо и Уэбба съ имперіалистами, и они безуспѣшно протестуютъ противъ новаго направленія фабианцевъ.

Священникъ Headlam находилъ, что имперіализмъ доклада несостоятеленъ и что домашняя часть хороша, но въ ней очень мало новаго. Потомъ, наведеніе одного принудительнаго уровня можетъ стать опаснымъ, — на примѣръ, можетъ уничтожить свободу совѣсти въ школахъ, для учениковъ и для учителей.

Второй оппонентъ, Charrington, справедливо находилъ, что въ докладѣ нѣтъ никакой связи между программой мѣстнаго управленія и имперскими дѣлами. Онъ глубоко сожалѣетъ, что со времени войны нѣкоторые фабианцы стараются привить обществу вульгарный имперіализмъ, который прежде всего пагубенъ для самой имперіи и разлагаетъ ее вмѣсто того, чтобы сплотивать. Своею защитой войны фабианцы отчуждаютъ себя отъ другихъ социалистическихъ организацій, которыя всѣ высказались противъ войны. Имперіализмъ Уэбба остается при томъ очень туманнымъ и не связанъ ни съ какими опредѣленными предложеніями. Нельзя даже понять, что объединяетъ разныя части имперіи, — общность интересовъ или грубая сила преобладающей

страны. Уэббъ напрасно думаетъ, что можно запретить большой Австраліи чеканить свою монету; только маленькой Новой-Зеландіи можно было не позволить этого.

Одна дама, г-жа Agnstrong, выразила недовольство тѣмъ, что фабіанцы постепенно превращаются въ націоналистовъ. Уэббъ возразилъ, что въ націонализмъ повиненъ не онъ, а тѣ социалисты, которые хотятъ независимой Польши, Ирландіи, Чехіи, южной Африки. Британская имперія объединяетъ въ себѣ различныя народности, стоитъ выше національнаго принципа и есть приближеніе къ космополитическому государству будущаго.

Какъ всегда, послѣднимъ говорилъ Шо, но на этотъ разъ онъ говорилъ хуже обыкновеннаго. Онъ тоже находилъ въ докладѣ рѣзкое различіе между домашнею и имперскою частью, но только сравнительная оцѣнка частей у него была совсѣмъ другая. Домашняя часть есть хорошая старая фабіанская матерія (Fabian stuff), но она безнадежно устарѣла и есть повтореніе давно извѣстныхъ вещей. Она соблазняетъ немногихъ. Если и впредь ограничиваться ею, то фабіанцы имѣютъ мало надежды сдѣлаться крупною политическою силою. Соціалисты съ чисто экономическою программой не имѣютъ успѣха въ Англии. Соціально-демократы когда-то мечтали привлечь къ себѣ многихъ избирателей и занять командующее положеніе между двумя историческими партіями. Они по прежнему безсильны, а консерваторы и либералы по прежнему управляютъ страной. Тотъ же Гарвортъ и тотъ же Бальфуръ, который—очень благовоспитанный джентльменъ и очень милъ въ обхожденіи, но не обладаетъ никакими другими достоинствами. И за фабіанцами никто не идетъ. Даже въ „Borough councils“ и „London county council“ социалистическія идеи проникаютъ очень туго; и чтобы доставить имъ успѣхъ, нужно попробовать какое-нибудь новое средство. Въ настоящее время уличный человѣкъ (the man in the street) всего больше занятъ имперіализмомъ и войной; значитъ, надо попробовать поймать его на эту удочку. Только попытка разрѣшить имперскую проблему и имѣть цѣну въ общеніи Уэбба, но онъ посвящаетъ вопросу слишкомъ мало вниманія. Шо хотѣлъ бы, чтобы фабіанцы отдали имперіализму пять, семь, даже десять засѣданій.

Въ заключеніе секретарь предложилъ напечатать докладъ отъ имени общества. Значительное большинство дало свое разрѣшеніе, хотя нѣкоторые находили неумѣстнымъ издавать отъ имени общества вещи, съ которыми многіе члены несогласны въ принципѣ.

22-го ноября Энуинъ (Unwin) читалъ о квартирномъ вопросѣ. Въ аудиторію принесли волшебный фонарь, и главная часть доклада состояла въ демонстраціи плановъ и видовъ; словесная часть была коротка. Въ Англiи подъ словами „housing question“ разумѣютъ вопросъ о жилищахъ для рабочихъ. Unwin—самъ архитекторъ, построилъ много домовъ для рабочихъ и написалъ хорошую книгу о томъ, какъ ихъ строить.

Онъ говорилъ, что дома для рабочихъ должны быть не только гигиеничны, но удобны и красивы. Прежде всего въ нихъ должно быть достаточно свѣта и воздуха. Нужно бороться съ предрасудкомъ, будто всякій домъ долженъ выходить на улицу: фасадъ долженъ быть обращенъ въ солнцу, а вовсе не въ улицѣ. Въ рабочихъ жилищахъ вовсе не должно быть заднихъ дворовъ: это зло, равно какъ и всякія хозяйственные пристройки, кладовыя, сарай для угля, помѣщеніе для сушки бѣлья и т. п. (back side extensions). Уголь долженъ храниться подъ домомъ, какъ во всѣхъ домахъ для среднихъ классовъ. Прачешная должна быть общая для многихъ домовъ, а въ кухнѣ, во внутреннемъ шкафу должно быть помѣщеніе для припасовъ и холодильникъ. Домъ долженъ весь состоять какъ бы изъ одного куска (in one block). Нужно устранить всякіе корридоры. У англичанъ земля дорога, и они не могутъ предоставить себѣ одноэтажныхъ построекъ. Unwin тоже предлагаетъ возводить двухъ-этажные дома. Чтобы избавиться отъ всякой потери дорогого мѣста, наружная дверь должна вести прямо въ жилую комнату, а подниматься наверхъ нужно по внутренней лѣстницѣ. Конечно, въ каждомъ домѣ должна жить только одна семья. Наверху устроиваются двѣ или три спальни. Что касается нижняго этажа, то лекторъ рѣшительно высказывается противъ привычки нѣкоторыхъ архитекторовъ непременно устроить въ рабочей семьѣ гостиную (parlour). Это—безсмысленная трата мѣста, нелѣпное подражаніе среднему классу. Въ такой гостиной рабочіе почти не сидятъ, потому что жалѣютъ угля. Внизу, кромѣ хорошей кухни, должна быть одна очень просторная, свѣтлая и удобная жилая комната (living room), гдѣ на дѣлѣ протекаетъ почти вся жизнь семьи. Unwin совѣтуетъ англичанамъ отдѣлаться отъ предрасудка, будто въ каждой комнатѣ необходимъ сквознякъ; чтобы избавиться отъ него, нужно только не устроить каминъ прямо напротивъ двери и оконъ. Но самъ архитекторъ еще находится во власти другого англійскаго предрасудка: обогрѣвающая улицу каминъ есть для него единственно мыслимый видъ отопленія.

Энуинъ думаетъ, что есть очень простое средство внести

красоту въ жилище рабочаго человѣка. Маленькіе домики должны непосредственно примыкать другъ къ другу и образовывать правильные четырехугольники, по возможности квадраты. Безобразныя улицы рабочихъ кварталовъ могутъ исчезнуть и замѣниться привлекательными скверами, похожими на изящные колледжи Оксфорда и Кембриджа. Весь секретъ обаянія этихъ старыхъ построекъ заключается въ геометрической правильности квадрата и въ обилии открытаго мѣста во внутреннемъ дворѣ. Сами зданія могутъ быть очень просты, и все-таки общее дѣйствіе очень сильно. Можно устроить такъ, что будетъ приходиться двадцать домиковъ на акръ; это почти столько же, сколько въ тѣсныхъ рабочихъ кварталахъ. Въ каждомъ квадратѣ нужно устроить общую прачешную, читальню, залу для собраний, — современемъ, можетъ быть, даже общую кухню. Въ серединѣ двора долженъ быть садъ и площадка для дѣтскихъ игръ. Объ экономической сторонѣ дѣла, о размѣрѣ квартирной платы Энунъ не говорилъ почти ничего; въ этомъ сказались техникъ и художникъ, стоящій выше мелкихъ денежныхъ расчетовъ.

Фабіанцы разсуждаютъ о жилищахъ для рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ объ империализмѣ и политикѣ будущаго. Очевидно, и имъ чисто практической вопросъ ближе и доступнѣе. Присутствующіе предлагали дѣльные вопросы и высказывали дѣльные возраженія. Говорили о томъ, что лучше — устроить ли передъ каждымъ домомъ свой собственный садикъ, или сдѣлать общій садъ въ серединѣ, или же въ серединѣ сдѣлать участки желающимъ. Нѣкоторые находили, что въ видахъ дешевизны лучше не проводить въ каждый домъ горячую воду и ограничиться холодною. Одна дѣвица спрашивала о плоской крышѣ, одинъ юноша — о лучшемъ матеріалѣ для половъ. Какой-то городской совѣтникъ изъ Вульвича похвастался тѣмъ, что у нихъ выстроили уже много домовъ по планамъ лектора, и что опытъ оказался очень удачнымъ. Публика осталась очень довольна и долго хлопала совѣтнику. Какой-то фабіанецъ заявилъ, что въ аудиторіи сидитъ много городскихъ совѣтниковъ; пусть Энунъ поучитъ ихъ, какъ читать и составлять планы, чего они сами не умѣютъ; а научить ихъ онъ можетъ въ „London school of economics“, гдѣ учатъ всему на свѣтѣ. Энунъ не безъ яда отвѣтилъ, что составленію плановъ уже обучаютъ въ нѣкоторыхъ начальныхъ школахъ, и что для сужденія о постройкахъ, кромѣ умѣнья читать планы, нужно имѣть еще немного воображенія.

Только Шо вознудился экономической стороны дѣла. Онъ находилъ, что всѣ эти милые домики возводятся вовсе не для бѣд-

ныхъ и рабочихъ, ибо квартирная плата обыкновенно бываетъ слишкомъ велика. Въ концѣ концовъ люди среднего достатка оставляютъ рабочимъ свои прежнія квартиры и перебираются въ образцовыя жилища, которыя для нихъ возводятся на городской счетъ. Онъ заходилъ въ одинъ образцовый домикъ и разспрашивалъ обитателей. Семья состояла изъ мужа, жены и троихъ дѣтей. Мужъ служилъ приказчикомъ въ лавкѣ и получалъ 24 шиллинга въ недѣлю. Они платили 9 шиллинговъ въ недѣлю за хорошенькій домикъ въ три комнаты. Домъ былъ очень хорошъ, но плата была не по силамъ, и, вонечно, они скоро уйдутъ отсюда.

Энуинъ отвѣчалъ, что онъ строить дома не для самыхъ бѣдныхъ. Онъ не видитъ ничего безнравственнаго въ томъ, что болѣе состоятельные люди перебираются въ образцовыя жилища, оставляя свои квартиры бѣднякамъ. Если строить дома дешевле, то они не могутъ быть красивы и удобны. Надо не ухудшать дома, а стараться бѣдныхъ сдѣлать побогаче, чтобы они могли платить ренту за хорошую квартиру.

Я пропустилъ одну пятницу, 29 ноября, когда Gilbert Murray, профессоръ греческой словесности, читалъ объ афинской драмѣ. Быть можетъ, усиленный интересъ фабіанцевъ къ драмѣ объясняется общественнымъ затихшемъ послѣдняго времени.

И слѣдующая пятница, 13 декабря, была посвящена сценѣ. Литературный критикъ А. В. Walkley озаглавилъ свое интересное сообщеніе: „Новая французская драма“. Но вопросъ былъ поставленъ значительно шире, потому что Walkley много говорилъ объ общемъ положеніи современнаго театра.

Вотъ ходъ его мыслей. Теперь часто жалуются на упадокъ сцены и говорятъ о реформѣ драмы, о необходимости создать идейный театръ, который былъ бы общественной школой. Въ этихъ жалобахъ нѣтъ ничего новаго. Если заглянуть въ старыя газеты и журналы, то оказывается, что совершенно такія же жалобы высказывались постоянно съ половины XVIII вѣка. Повидимому, современный театръ не лучше и не хуже прежняго, а свѣтованія на его упадокъ находятъ себѣ психологическое объясненіе. Задача театра—доставлять удовольствіе публикѣ. Если въ зрительной залѣ повторяются одни и тѣ же воспріятія, то ощущеніе притупляется. Для удовольствія необходимо разнообразіе. Между тѣмъ современныя пьесы похожи другъ на друга и не даютъ нужнаго разнообразія. Отсюда и происходятъ вѣчныя

жалобы на упадокъ сцены. Толковъ объ идейной и поучающей драмѣ не надо принимать въ серъезъ. Публикѣ просто хочется новаго, но и новое скоро надоѣстъ, если даже оно явится, и снова слышатся жалобы. Ни одинъ драматическій писатель не можетъ нравиться очень долгое время. Такъ называемыхъ классиковъ играютъ рѣдко; потомъ, каждое поколѣніе понимаетъ классиковъ по своему, и въ Шекспирѣ и въ Расинѣ намъ нравится теперь не то, что восхищало современниковъ.

Всѣ разсужденія о драмѣ должны отправляться отъ психологіи театральнoй публики. Публика есть одинъ изъ видовъ толпы, и не изъ лучшихъ ея видовъ. Толпа стираетъ индивидуальныя различія; она живетъ только тѣмъ, что есть общаго у ея составныхъ частей; ей доступны поэтому лишь самыя простыя эмоціи, которыя зато очень усиливаются въ своемъ напряженіи. Идеи могутъ быть восприняты ею только при посредствѣ эмоцій. Все сложное и тонкое недоступно публикѣ. Что бы ни говорилъ Толстой объ искусствѣ, задача театра есть забава, а не нравственная проповѣдь. Драма есть низшій видъ искусства не только потому, что обращается къ толпѣ, но и потому, что не оставляетъ мѣста для мысли. Всѣ спѣшать на сценѣ; одно впечатлѣніе почти безъ перерыва смѣняется другимъ. Нельзя остановиться, подумать, взвѣсить, сообразить; надо смотрѣть и слушать подѣтски, — иначе нить обрывается. Чтобы драма производила сильное впечатлѣніе, она должна быть ясна и доступна, а потому по необходимости элементарна или даже груба. Театръ не можетъ проводить новыхъ идей. Въ лучшихъ случаяхъ, онъ можетъ только популяризировать идеи, зародившіяся въ кабинетѣ ученаго или философа. Современная популярность театра вовсе не есть свидѣтельство въ его пользу; она объясняется его элементарностью и общедоступностью. Всѣ говорятъ объ актергахъ и представленіяхъ, многіе знаютъ въ лицо драматурговъ; творенія, часто даже имена дѣйствительно великихъ людей остаются неизвѣстны большинству. Каждый лондонскій рабочій видалъ портретъ Эдны Мей, — многіе изъ нихъ не слышали о Миллѣ и Дарвинѣ.

Справедливость этихъ общихъ положеній можетъ быть подтверждена идейными драмами послѣдняго времени. Шо можетъ служить хорошимъ образцомъ. Въ своихъ предисловіяхъ онъ увѣряетъ, что драма можетъ учить и воспитывать, что въ ней должно быть какъ можно меньше любви, что она должна представлять игру и борьбу интеллектовъ, а не страстей. И онъ дѣйствительно написалъ нѣсколько интеллектуальныхъ драмъ.

Его пьесы остроумны, своеобразны, интересны, но холодны, лишены движенія, а главное — совершенно недоступны средней англійской публикѣ. Ихъ неуспѣхъ на сценѣ понятенъ и заслуженъ. Новѣйшіе французскіе драматурги, Hervieu, Becq, написали нѣсколько пьесъ съ моралью и тезисомъ. Къ морализирующимъ драматургамъ не надо причислять Дюма-сына, потому что онъ обладалъ большимъ драматическимъ талантомъ и вносилъ въ свои пьесы много жизни. Вещи Эрвье и Бека натянуты и неестественны. Все подогнано, чтобы развить и доказать извѣстное положеніе, и зритель не вѣритъ автору.

Ложнымъ взглядомъ на задачи драмы объясняется стремленіе вытѣснить со сцены любовь. На подмосткахъ любовь всегда занимала и всегда будетъ занимать несравненно больше мѣста, чѣмъ въ жизни. Она есть одна изъ немногихъ элементарныхъ эмоцій, всѣмъ понятныхъ и въ то же время всѣмъ интересныхъ. И въ этомъ нельзя видѣть только дурное, потому что далеко не всѣ любовныя драмы безнравственны. Всего интереснѣе на сценѣ самая чистая стадія любви или влюбленности — зарожденіе чувства, догадки и первыя робкія признанія. Walkley закончилъ свой парадоксальный докладъ курьезнымъ сравненіемъ. Когда ему говорятъ объ изгнаніи любви со сцены, ему часто напоминаетъ одна картина Джорджоне, которую можно видѣть въ Венеціи. Изображенъ сельскій пейзажъ. Какой-то атлетъ съ большимъ напряженіемъ натягиваетъ свой лукъ и стрѣляетъ въ воздухъ. Онъ весь поглощенъ этимъ празднымъ занятіемъ. Въ то же самое время Аполлонъ сдѣлалъ другой выборъ: онъ преслѣдуетъ нимфу, почти настигъ ее и очевидно хочетъ скрыться съ нею въ чащѣ деревьевъ.

Долго никто не рѣшался говорить. Многіе фабіанцы серьезно подумали, что вся задача сообщенія состояла въ рѣзкой критикѣ Шо, который занималъ предсѣдательское мѣсто. Съ трудомъ удалось унять одного неистоваго крикуна, который минутъ пять требовалъ, чтобы Шо немедленно отвѣчалъ лектору. Уэббъ предложилъ Шо оставить свое мѣсто и возражать. Онъ сталъ говорить самъ послѣ того, какъ Шо не поддакъ на вызовы. Уэббъ говорилъ возбужденнымъ и негодующимъ тономъ. Какъ была возможна такая еретическая лекція въ фабіанскомъ обществѣ! Вѣдь онъ же разъяснилъ въ своемъ недавнемъ докладѣ, что въ Англій въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ произошелъ умственный переворотъ: люди перестали мыслить индивидуально и стали мыслить коллективно. И вдругъ послѣ этого Walkley доказываетъ, что толпа груба, неразумна и неспособна въ мы-

шленію. Это зловредный индивидуализмъ, который надо изгнать изъ общества. Въ докладѣ есть и другая ересь—порнцаніе идейной драмы. Онъ, Уэббъ, уже давно показалъ, что театръ долженъ быть общественнымъ учрежденіемъ, и что на сценѣ нужно ставить идейныя пьесы.

Другіе возражавшіе поняли докладъ въ томъ смыслѣ, будто бы онъ допускаетъ на сценѣ только романическіе мотивы. Одинъ джентльменъ находилъ, что любви вовсе нѣтъ мѣста въ театрѣ, потому что это грубое чувство одинаково свойственно всѣмъ животнымъ. Потомъ, изображеніе любви на сценѣ неизбежно бываетъ лицемернымъ, потому что полная откровенность въ этомъ случаѣ была бы неприлична. Одинъ индусъ робко спрашивалъ у собранія, не можетъ ли быть хорошею темою для драмы борьба доляльности съ патриотизмомъ? Нетрудно было догадаться по взволнованному тону, что доляльность требуетъ покорности англичанамъ, а патриотизмъ—возстанія противъ нихъ.

Заключительныя замѣчанія Шо состояли главнымъ образомъ въ самозащитѣ. Онъ вполне раздѣляетъ точку зрѣнія Толстого, по которой задача всякаго большого художника есть пропаганда, нравственная проповѣдь. Уже потому онъ вовсе не противникъ эмоцій и вовсе не рационалистъ. Наоборотъ, онъ думаетъ, что вся политическая и общественная жизнь есть рядъ чувствованій особаго рода. Онъ также вовсе не противникъ удовольствій. Онъ знаетъ, что никто не пойдетъ въ театръ, если тамъ будетъ скучно. Поэтому въ своихъ пьесахъ онъ всегда старался забавлять читателей и зрителей настолько, чтобы они не соскучились и согласились воспринять его новыя идеи. Наконецъ, онъ не противникъ любви. Ему противна только пошлая трактовка вопроса объ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною. И не пошлой любви въ его пьесахъ много: еще недавно въ этомъ самомъ мѣстѣ его упрекали за то, что въ его драмахъ слишкомъ много романическихъ чувствъ.—Странно было то, что Шо не пытался возражать противъ существа доклада. Walkley былъ очень невысокаго мнѣнія о художественномъ и общественномъ значеніи театра; свою оцѣнку онъ оправдываетъ психологіей толпы. Крайне спорныя положенія нѣкоторыхъ французскихъ психологовъ онъ выдавалъ за безспорныя истины. Съ критики этой психологіи и слѣдовало начать, чтобы придать спору теоретическій интересъ и обнаружить сильныя преувеличенія несомнѣнно любопытнаго доклада. Никто этого не сдѣлалъ, можетъ быть по непривычкѣ фабіанцевъ къ обсужденію общихъ теоретическихъ вопросовъ, или, мо-

жесть быть; по ихъ привычкѣ сводить разсужденія о театрѣ къ спорамъ о пьесахъ Шо.

Слѣдующая пятница, на которой мнѣ удалось присутствовать, 28-го февраля, была тоже посвящена театру. Нѣкто Sutro читалъ о бельгійской драмѣ. Я не буду излагать ни доклада, ни преній. Въ докладѣ неумѣренно восхвалялись Maeterlinck и Verhaegen, но въ преніяхъ почти не было рѣчи о бельгійской драмѣ, а повторялись все тѣ же мнѣнія о Шо и о печальномъ состояніи современнаго англійскаго театра.

Гораздо больше интереса представляла слѣдующая пятница, на которой обсуждался докладъ объ „имперіи и великодушіи“.

Докладчикъ Чаттертонъ принадлежитъ въ тому меньшинству членовъ, которое высказывается рѣшительно противъ имперіализма и старается не разрывать окончательно связи съ другими социалистическими организаціями.

Докладчикъ началъ съ того, что теперь въ большой модѣ практичность, efficiency. На дѣлѣ эта практичность есть только средство къ достиженію цѣли, и достоинство практичности опредѣляется характеромъ поставленной цѣли. Теперь многіе говорятъ о томъ, что имъ нѣтъ дѣла до общихъ принциповъ. На самомъ дѣлѣ и поклонники практичности ставятъ себѣ очень опредѣленную цѣль. Эта цѣль есть наложеніе англійской власти и культуры на всѣхъ, кто слабѣе, безъ вниманія къ чужимъ требованіямъ и нуждамъ. Новѣйшая англійская цивилизація лишена идеальныхъ элементовъ и не признаетъ идеализма въ другихъ. Поэтому попытка насадить ее въ чуждой средѣ терпитъ повсемѣстную неудачу и есть сплошной провалъ. Въ концѣ концовъ, „практики“ оказываются очень непрактичными, совершенно не умѣютъ войти въ чужую психологію и постоянно попадають впросакъ. Въ видѣ иллюстраціи былъ разсказанъ анекдотъ съ лордомъ Розбери, однимъ изъ главныхъ представителей практичности и новаго имперіализма. Однажды онъ держалъ рѣчь своимъ шотландцамъ и естественно хотѣлъ какъ можно больше имъ понравиться. Ему пришлось, между прочимъ, говорить объ отношеніи церкви къ государству. Будучи по своимъ убѣжденіямъ скептикомъ, Розбери наивно увѣренъ въ томъ, что всѣ благо-разумные люди раздѣляютъ его взгляды. Поэтому онъ сталъ доказывать, что государство имѣетъ полное право держать церковь въ подчиненіи и даже чуть ли не декретировать догматы. Между тѣмъ слушавшіе его шотландцы были очень религіозны

и убѣждены въ томъ, что церковь должна быть независима отъ государства. Думая встрѣтить полное сочувствіе, Розберн вызвалъ у слушателей недоумѣніе или негодованіе и, конечно, нисколько не поднялъ своей популярности въ этотъ вечеръ.

Отношеніе многихъ англичанъ къ ирландскимъ дѣламъ свидѣтельствуешь о той же неспособности понимать чужую жизнь. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ палатѣ общинъ ирландскіе націоналисты привѣтствовали радостными вѣсками извѣстія о пораженіи англичанъ и плѣнѣ лорда Methuen. Почти всѣ англичане страшно возмутились, звали ирландцевъ извергами и измѣнниками. Докладчикъ справедливо указалъ на умственную ограниченность тѣхъ, которые возмущались искренно, а не лицемерили. Эти англичане не хотятъ или не могутъ представить себѣ, что на свѣтѣ есть люди, которые думаютъ или чувствуютъ не такъ, какъ лояльные подданные Эдуарда VII. Между тѣмъ поведеніе ирландцевъ было естественно и необходимо. Они считаютъ себя особымъ народомъ, народомъ угнетеннымъ, и сочувствуютъ бурямъ, которые находятся въ сходномъ съ ними положеніи.—По мнѣнію лектора, и въ Африкѣ англичане все время дѣйствовали безъ малѣйшаго соображенія о томъ, что должны думать и чувствовать бургеры. Послѣ двухъ дѣтъ войны многіе продолжаютъ искренно удивляться ихъ упрямству и неразумію. На дѣлѣ все поведеніе буровъ было тоже естественно и необходимо. Взять хоть бы прокламацію, которая подъ угрозою депортации предписывала бурямъ прекратить сопротивленіе къ 15 сентября 1901 года. Когда прокламація вышла, очень многіе патриоты были увѣрены, что она положитъ конецъ войнѣ, и были искренно разочарованы ея полнымъ неуспѣхомъ. Они воображали, что имѣютъ дѣло съ англичанами. Еслибы англичане подняли возстаніе противъ своего начальства, и правительство приказало въ извѣстномъ дню прекратить сопротивленіе подъ угрозою конфискаціи и ссылки, то, конечно, бунтовщики своевременно явились бы по начальству съ повинной. Патриоты совершенно не хотятъ понять, что для буровъ угроза ссылкой совершенно ничтожна въ сравненіи съ угрозою разрушить весь привычный и милый укладъ жизни и заставить жить на манеръ ненавистныхъ побѣдителей. Это все равно, какъ еслибы англичанамъ приказали говорить по-нѣмецки, или заставили вмѣсто цейлонскаго чаю съ басоп или haddock довольствоваться чашкою сквернаго кофе и небольшимъ кусочкомъ хлѣба. Вѣроятно они не обратили бы никакого вниманія на ссылку и сопротивлялись бы такъ же упорно, какъ теперь буры. Неспособность понимать

чужія нужды и чувства лежить въ основѣ современнаго кризиса и представляетъ большую опасность для имперіи. Последней угрожаетъ участь древняго Рима. Римъ палъ вслѣдствіе невниманія къ христіанству и варварамъ, къ новымъ реальнымъ силамъ, которыя слагались внѣ рамокъ римской культуры. Римляне хотѣли на все наложить желѣзныя узы своего собственнаго строя и въ концѣ концовъ пали въ непосильной борьбѣ. Но римская имперія была все-таки лучше британской: въ ней было больше мѣста для разнообразнаго развитія. Когда римскіе легіоны входили въ ограду іерусалимскаго храма, они слагали свои знамена, чтобы не оскорблять евреевъ. Этого бережливаго отношенія къ чужой душѣ не хватаетъ англичанамъ. Если они не разовьютъ его, ихъ пестрая имперія неминуемо обречена на гибель. У великаго государства должна быть великая душа, умѣнье входить въ жизнь всѣхъ подвластныхъ и удовлетворять ихъ нужды. Если имперія не проявитъ великодушія, то дальнѣйшіе подвиги насилія и централизаціи непременно разовьютъ центробѣжныя силы и ускорятъ разложеніе государства. Англійскія насилія уже создали изъ враждовавшихъ между собою кельтскихъ родовъ крѣпко сплоченную ирландскую націю. Англичане создаютъ теперь той же политикой бурскую націю, которой до войны не существовало.

Меня поразило то, что сообщеніе было принято очень сочувственно. Неопытный человекъ могъ бы подумать, что присутствуетъ на митингѣ анти-имперіалистовъ. Но отвѣдъ Шо, полная совершенно иного духа, имѣла гораздо большій успѣхъ. Англومانъ будетъ объяснять поведеніе публики высовой терпимостью англичанъ; человекъ иного склада будетъ видѣть здѣсь отсутствіе всякихъ прочныхъ убѣжденій.

Шо началъ свои возраженія съ основнаго и въ значительной мѣрѣ справедливаго упрека. Своими восхваленіями великодушія докладчикъ не сказалъ ровно ничего. Magnanimity есть только громкое слово (catchword), которое нисколько не лучше, чѣмъ efficiency. Великодушіе есть нравственное свойство, а вовсе не политическая программа. Чтò значитъ входить въ чужую жизнь? Значитъ ли это, что англичане должны уступать другимъ все, чего они требуютъ? Значитъ ли это, что Ирландію надо уступить ирландцамъ, южную Африку бурамъ, а Индію индусамъ? Чтò же тогда останется отъ имперіи? По своему мировоззрѣнію докладчикъ — человекъ отсталый. Послушать его, — мелкіе народы знаютъ какое-то слово и суть носители высшихъ началъ. Всѣ эти симпатіи къ нежизнеспособнымъ народамъ, ко всякимъ

ирландцамъ, бурамъ, полякамъ, имѣютъ глубоко реакціонный смыслъ. Докладчикъ говоритъ о насильственномъ наложеніи ка-кихъ-то англійскихъ началъ. По мнѣнію Шо, у самихъ англичанъ нѣтъ никакихъ началъ и идей, и имъ нечего налагать на другихъ. И все-таки англичане, какъ граждане большого цѣлаго, много лучше микроскопическихъ буровъ. Докладчикъ говоритъ о нетерпимости англичанъ. А что онъ скажетъ о нетерпимости Крюгера? Когда Крюгеръ открывалъ въ Йоганнесбургѣ синагогу, онъ вошелъ туда и заявилъ: „именемъ христіанскаго Бога объявляю эту синагогу открытою“. Фабианцы стоятъ за имперію, потому что имперія выше реакціоннаго принципа національности. Разрѣшеніе ирландскаго вопроса—въ томъ, чтобы ирландскій работникъ бокъ-о-бокъ со своимъ англійскимъ собратомъ боролся противъ притѣсненій капиталиста и лэндлорда, независимо отъ того, будетъ ли общій врагъ англичанинъ или ирландецъ. Національныя перегородки должны уступить мѣсто горизонтальному раслоенію общества на классы. Жизнь всегда будетъ борьбой, а не мирной идилліей; и въ ней возьметъ верхъ не сентиментальное великодушіе, а умѣнье отстаивать свои насущные интересы.

Докладчику было нелегко отвѣчать, и онъ опровергалъ не всѣ возраженія. Онъ указалъ на то, что имперіализмъ фабианцевъ есть мечта, которая не была и не будетъ осуществлена. Настоящій имперіализмъ есть грубое націоналистическое движеніе, вытекающее изъ умственной и нравственной ограниченности. Космополитизмъ фабианцевъ превращается въ благовидное и лицемѣрное прикрытіе націоналистическихъ насилій. Онъ вовсе не говорилъ, что мелкіе народы лучше большихъ, и что Крюгеръ лучше Чемберлена. Но существованіе мелкихъ народовъ и патриотизма есть фактъ, съ которымъ долженъ считаться всякій государственный человѣкъ. Когда люди жертвуютъ всѣмъ за свой укладъ жизни, то можно ли увѣрять, что патриотизмъ есть вещь пережитая, и что его можно игнорировать? Онъ настаиваетъ на своемъ утвержденіи, что только великодушіе можетъ спасти имперію.

Я заканчиваю эту пятницу свои замѣтки о фабианскомъ обществѣ. Я былъ тамъ еще на двухъ пятницахъ. Я слышалъ интересный докладъ объ исправительныхъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ, и пренія этого вечера еще разъ показали мнѣ здравый смыслъ англичанъ въ чисто практическомъ вопросѣ. Я слышалъ докладъ о социальномъ вопросѣ и наслѣд-

ственности, въ которомъ какой-то докторъ-дарвинистъ пытался объяснить исторію человѣческаго общежитія неодинаковою воспримчивостью различныхъ расъ къ чахоткѣ, оспѣ, сифилису, алкоголю; и пренія снова обнаружили слабый интересъ аудиторіи къ вопросамъ отвлеченнаго свойства. Я думаю, читатель согласится со мною, что споры объ имперіализмѣ наиболѣе характерны для современнаго англійскаго общества, даже для той его части, представителями которой являются фабіанцы. Въ тотъ моментъ, который мнѣ пришлось наблюдать, вопросы внутренней жизни рѣшительно отодвинулись назадъ; если даже они обсуждались, то не волновали страстей и рассматривались съ чисто дѣловой точки зрѣнія. Въ этомъ, конечно, прежде всего нужно видѣть вліяніе войны и новѣйшаго международнаго положенія, напряженной борьбы изъ-за колоній и рынка. Но здѣсь сказывается, можетъ быть, и сравнительное превосходство англійскаго общественно-политическаго строя надъ континентальнымъ. Весьма значительная часть англійскаго общества удовлетворяется тѣмъ порядкомъ, въ которомъ ему приходится жить. Этимъ людямъ не приходится болѣть и страдать изъ-за элементарныхъ и грубыхъ неустройствъ, на которыя обречены народы менѣе счастливые. Они получили даромъ отъ предковъ хорошей государственной порядокъ, значительное матеріальное довольство и вытекающее отсюда отсутствіе рѣзкой вражды между общественными классами, почти неограниченную свободу труда, слова и совѣсти. Эту сторону дѣла постоянно приходится имѣть въ виду при обличеніяхъ современнаго англійскаго имперіализма.

АЛЕКСАНДРЪ САВИНЪ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

и

ПОДАТНАЯ СИСТЕМА

I.

Въ настоящее время въ Россіи идетъ оживленное обсужденіе нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Какъ извѣстно, внѣшнимъ толчкомъ для этого усиленнаго интереса къ сельскохозяйственной промышленности послужило учрежденіе особаго совѣщанія, на которое возложена обязанность выработать рядъ мѣръ для поднятія основной нашей промышленности, оказывающейся и по официальному признанію въ очень незавидномъ положеніи. Извѣстно также и то, что особое совѣщаніе рѣшило обратиться къ опросу мѣстныхъ дѣятелей относительно нуждъ сельскаго хозяйства, и что этотъ опросъ совершался почти по всей Россіи черезъ уѣздные и губернскіе комитеты. Появляющіяся въ печати свѣдѣнія показываютъ, что во многихъ мѣстахъ мѣстные дѣятели отнеслись весьма внимательно къ своей обязанности и намѣтили рядъ мѣръ, могущихъ, по ихъ мнѣнію, поднять русскую земледѣльческую промышленность. Между прочимъ, оказывается, что очень часто слышатся жалобы на неудовлетворительность нашей податной системы и на неблагоприятное вліяніе ея на сельское хозяйство. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетахъ вопросъ о податной системѣ считался чуть ли не главнымъ вопросомъ, удовлетворительное разрѣшеніе котораго интересуетъ мѣстныхъ дѣятелей съ точки зрѣнія интересовъ зем-

ледѣнія. Поэтому представляется очень своевременнымъ поставить вопросъ о томъ, насколько въ самомъ дѣлѣ обременительна податная система для сельскаго хозяйства и что можетъ сдѣлать государство для облегченія сельскаго населенія въ этомъ отношеніи.

Въ литературѣ мы имѣемъ очень крупныя и серьезныя произведенія, посвященныя вопросу о платежеспособности сельскаго населенія. При этомъ естественно идетъ рѣчь главнымъ образомъ о платежеспособности крестьянства, какъ главной массы сельскохозяйственнаго населенія, и при томъ поставленной такъ, что вопросъ объ ея платежеспособности напрашивается самъ собою. Что же касается частнаго землевладѣнія, то вопросъ о его платежеспособности почти не затрагивается, потому что прямыя платежи частныхъ землевладѣльцевъ государству незначительны: какъ извѣстно, частныя землевладѣльцы платятъ государству только небольшой поземельный налогъ. Въ 1877 г. появилось надѣлавшее въ свое время много шума сочиненіе проф. Янсона, подъ заглавіемъ: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Въ этомъ сочиненіи проф. Янсонъ пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ; онъ доказываетъ на основаніи точныхъ данныхъ, что крестьянскіе надѣлы недостаточны въ значительномъ большинствѣ даже для прокормленія населенія; поэтому тѣ платежи, которые лежатъ на землѣ, крестьянамъ вносить весьма трудно; во всякомъ случаѣ, земля, по общему правилу, не можетъ имъ дать источника для взноса казенныхъ платежей. Янсонъ въ своемъ сочиненіи говоритъ отдѣльно о нечерноземныхъ и черноземныхъ губерніяхъ. По отношенію къ первымъ, проф. Янсонъ изложилъ свои заключенія слѣдующимъ образомъ: „за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, — въ большинствѣ же и прокормить не въ состояніи. Оно ниже и не можетъ быть. На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ для того, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и при томъ если земля не очень уже плоха, не можетъ быть менѣе восьми десятинъ. Средніе надѣлы, какъ мы видѣли, у бывшихъ государственныхъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ они на половину менѣе“¹⁾. „При недостаточности надѣловъ ипогда

¹⁾ Янсонъ, назв. соч. (изд. 1881 г.), стр. 29.

даже для прокормленія крестьянъ, понятно, что не только всѣ подати, но даже выкупные платежи не могутъ выплачиваться съ доходовъ отъ земли, а во многихъ мѣстахъ и оброки бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ земствами для раскладки земскихъ сборовъ произведена оцѣнка стоимости или доходности земель, является возможнымъ опредѣлить отношеніе крестьянскихъ платежей къ принятой земствами нормальной доходности земли, и вездѣ платежи эти превышаютъ исчисленную доходность¹⁾. „При такомъ положеніи вещей вся тяжесть платежей ложится на трудъ, на заработокъ“²⁾.

Что касается черноземныхъ губерній, то положеніе въ нихъ, по описанію Янсона, представляется также малоутѣшительнымъ: въ черноземной полосѣ надѣлы меньше, чѣмъ въ нечерноземной; средній надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ равняется 4 дес. (удобной земли) на душу,—средній же надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ далеко не достигаетъ до 4 дес., опускаясь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 2¹/₂ дес.; между тѣмъ, для прокормленія людей и хозяйственного скота надѣлы не должны бы быть ниже 5 дес.³⁾. Естественно, что при такомъ положеніи вещей внесеніе поземельныхъ платежей представляется весьма затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что платежи эти являются довольно значительными; Янсонъ высчиталъ, что, за исключеніемъ подушной подати, платежи, падающіе на землю, составляютъ 2,73 р. — 6,18 руб. съ десятины. Въ общемъ, Янсонъ приходитъ къ слѣдующему печальному заключенію: „если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обеспеченности, то едва ли не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной трехпольной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при вѣрностномъ правѣ“⁴⁾.

Послѣ того какъ написано было сочиненіе Янсона, ничего благоприятнаго въ крестьянской жизни не произошло въ отношеніи къ повышенію платежеспособности. Правда, послѣ того образованъ былъ крестьянскій банкъ, но при помощи его крестьянское землевладѣніе увеличилось, во-первыхъ, мало, а во-вторыхъ, прибрѣтенная земля является слишкомъ задолженною, и потому если эта покупная земля въ состояніи оплатить трудъ крестьянина, приложенный къ ней, то чистая доходность вся поглощается платежами банку. Равнымъ образомъ, послѣ появленіе-

¹⁾ Янсонъ, тамъ же, стр. 34—35.

²⁾ Тамъ же, стр. 36.

³⁾ Тамъ же, стр. 48—49, 71.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 73.

нія сочиненія Янсона переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи довольно сильно развились, но, какъ извѣстно, переселенія крестьянъ на окраины, все-же, далеко не настолько велики, чтобы дать нѣкоторый земельный просторъ крестьянамъ, остающимся на мѣстахъ; переселеніе далеко не равняется ежегодному приросту крестьянскаго населенія Европейской Россіи; такимъ образомъ земельное стѣсненіе крестьянъ должно все болѣе расти. Поэтому и болѣе новыя изслѣдованія говорятъ все о томъ же, а именно, что надѣльныя крестьянскія земли далеко не достаточны для обезпеченія крестьянъ продовольственными средствами, и что поэтому земля не даетъ источника для взноса платежей, на нее падающихъ; такъ, въ книгѣ „Вліяніе урожаявъ и хлѣбныхъ цѣвъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“ приведены такія данныя: въ черноземной полосѣ 64,3⁰/₀ крестьянъ не обезпечены продовольственными средствами, собираемыми съ надѣльныхъ земель, а въ нечерноземной полосѣ—даже 81,7⁰/₀; съ избытками хлѣба считаются въ черноземной полосѣ только 11,2⁰/₀, а въ нечерноземной полосѣ—5⁰/₀ ¹⁾. Поэтому неудивительно, что установленное Янсономъ положеніе объ обременительности для крестьянъ казенныхъ земельныхъ платежей остается въ силѣ и въ настоящее время. Это положеніе подтверждается также новѣйшими изысканіями, специально занятыми финансовой стороною дѣла. Укажемъ, напр., на сочиненіе г. Сабурова: „Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ (1866—1897)“. Въ этомъ сочиненіи есть глава „объ упадкѣ податной силы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ“. Здѣсь мы имѣемъ двоякаго рода данныя, для насъ интересныя; во-первыхъ, данныя о недоимкахъ и, во-вторыхъ, данныя о величинѣ обложенія; общая сумма недоимокъ составляла въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи въ 1890 г. 49,3 милл., въ 1892 г.—109 милл., а въ 1897 г.—99,8 милл.; въ тринадцати губерніяхъ недоимки въ 1897 г. составляли отъ 3 до 5 милл. въ каждой ²⁾. Въ общемъ, авторъ относительно движенія недоимочности по казеннымъ крестьянскимъ платежамъ высказываетъ такія положенія: 1) неурожай 1891 г. увеличилъ количество недоимокъ на 60 милл., которыя всѣ пали на семнадцать губерній; 2) изъ нихъ тринадцать губерній уже до 1891 года не могли исправно вносить крестьянскій земельный выкупъ; 3) съ 1891 года хотя въ общемъ недоимки нѣсколько уменьшились, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ замѣтно

¹⁾ Назв. соч., VIII.

²⁾ Тамъ же, стр. 62 - 63.

ихъ увеличеніе, несмотря на строгія мѣры, принимаемыя для взиманія податей. „Отсюда слѣдуетъ, что пораженныя неурожаемъ губерніи не могли оправиться отъ постигшаго ихъ бѣдствія; и это потому, что нанесенный имъ ударъ палъ на почву уже подготовленную неравномѣрнымъ распредѣленіемъ выкупныхъ платежей, уменьшеніемъ площадей крестьянскихъ надѣловъ по мѣрѣ приращенія населенія и, можетъ быть, нѣкоторымъ истощеніемъ черноземной почвы“ ¹⁾. Что касается данныхъ о высотѣ платежей, то они состоятъ въ слѣдующемъ: авторъ высчиталъ сборъ хлѣбовъ для одного изъ годовъ (1894) по восемнадцати губерніямъ, вычелъ сѣмена и затѣмъ оцѣнилъ остатокъ по среднимъ цѣнамъ взятаго года; такъ онъ опредѣлилъ доходъ земель. Съ другой стороны, онъ взялъ данныя о всѣхъ видахъ крестьянскаго обложенія (т.-е. казеннаго, земскаго и мірскаго) и высчиталъ, сколько приходится крестьянамъ платить съ десятины. На основаніи такъ составленныхъ данныхъ авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ: „оказывается, что крестьянская земля платить отъ 17⁰/₁₀₀ до 26⁰/₁₀₀ съ своего дохода...; при семъ слѣдуетъ замѣтить, что показанный мною средній доходъ съ крестьянской десятины нѣсколько преувеличенъ, во-первыхъ потому, что мною приняты среднія цѣны, между тѣмъ какъ крестьянскій хлѣбъ продается большею частью въ сентябрѣ по низкимъ цѣнамъ; а во-вторыхъ, въ этотъ расчетъ вошелъ только доходъ съ одной пахатной земли, который, конечно, выше подесятиннаго дохода съ сѣнословъ, пастбищъ и пустопорожнихъ мѣстъ. Кромѣ того, совершенно исключена изъ расчета стоимость труда за обработку крестьянской земли. Поэтому весьма вѣроятно, что дѣйствительный процентъ съ дохода на уплату налоговъ превышаетъ 30⁰/₁₀₀, а въ годахъ съ посредственнымъ урожаемъ — и болѣе. Эта цифра внушительна и далеко превосходитъ земельные налоги, установленные въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ означенная подать періодически соразмѣряется съ доходностью земли. Обстоятельство это подтверждаетъ вышеприведенное заключеніе, что крестьянскія подати вмѣстѣ съ выкупными платежами слишкомъ обременительны для чисто-земледѣльческихъ губерній“ ²⁾.

Г. Сабуровъ взялъ отношеніе крестьянскихъ казенныхъ платежей собственно къ валовому доходу, потому что изъ расходовъ по обработкѣ онъ принялъ въ расчетъ только сѣмена. Но

¹⁾ Назв. соч., стр. 63.

²⁾ Тамъ же, стр. 64.

если вести рѣчь о нормальномъ обложеніи, то нужно брать во вниманіе чистый доходъ отъ облагаемаго объекта; нормальное обложеніе должно составлять только нѣкоторую часть чистаго дохода; обложеніе, захватывающее часть имущества, является, конечно, ненормальнымъ, разорительнымъ для населенія. Но въ отношеніи крестьянскаго хозяйства нѣкоторыми изслѣдователями устанавливается тотъ фактъ, что оно собственно не даетъ чистаго дохода. Нѣкоторые земскіе статистики пытались отыскать чистый доходъ отъ крестьянскаго земледѣлія, но не находили его; оказывается, въ самомъ дѣлѣ, что въ крестьянскому хозяйству нельзя примѣнять понятіе чистаго дохода, взятаго изъ жизни обычныхъ капиталистическихъ предпріятій. Такъ, воронежскіе статистики показали, что доходъ отъ крестьянскаго земледѣлія не даетъ всѣхъ тѣхъ видовъ его, которые встрѣчаются въ обычныхъ предпріятіяхъ; тщетно мы стали бы искать тутъ предпринимательскую прибыль и процентъ на капиталъ; даже для уплаты полной ренты онъ недостаточенъ ¹⁾. При такомъ положеніи вещей, очевидно, казенные платежи не ограничиваются только отнятіемъ части чистаго дохода отъ крестьянскихъ земель, потому что здѣсь чистаго дохода совсѣмъ нѣтъ. Очевидно, что для погашенія этихъ платежей крестьяне должны имѣть другіе источники или же до крайности сокращать свое потребленіе.

Вопросъ о томъ, считать ли современные прямые платежи непосильными или непосильными для крестьянской массы, является, конечно, вопросомъ первостепенной важности. Поэтому мы не можемъ оставить безъ указанія и разбора мнѣнія одного изъ серьезныхъ знатоковъ русскихъ финансовъ, утверждающаго, что крестьянскіе платежи по своей величинѣ необременительны для крестьянъ. Мы имѣемъ въ виду г. Бржескаго и его сочиненіе: „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ“. Г. Бржескій проникнутъ очень большимъ оптимизмомъ по отношенію къ платежеспособности крестьянскаго населенія. По его мнѣнію, большія недоимки, лежація на крестьянахъ, объясняются не трудностью для крестьянъ внесенія казенныхъ платежей, а другими причинами; такъ, между прочимъ, мы находимъ у него такія мѣста: „съ отмѣною подушной подати и пониженіемъ выкупныхъ платежей осуществилось стремленіе правительства привести въ полное соотвѣтствіе размѣръ обложенія съ дѣйстви-

¹⁾ Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ землемольномъ, заводскомъ, нижнедѣвцкомъ и коротоянскомъ уѣздахъ; стр. 121.

тельною стоимостью и доходностью крестьянских надѣльных земель, если не повсемѣстно, то, по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ земледѣліе, при отсутствіи отхожихъ и кустарныхъ промысловъ и сколько-нибудь развитой фабрично-заводской промышленности, составляетъ единственное занятіе сельскаго населенія“¹⁾; „въ отдѣльныхъ случаяхъ, по отношенію къ отдѣльнымъ платежнымъ единицамъ, недоимка можетъ явиться слѣдствіемъ излишняго податнаго обремененія крестьянъ и ихъ хозяйственнаго слабосилія. Но въ общей массѣ существующія у насъ крестьянскія податныя недоимки не имѣютъ такого характера и отнюдь не свидѣтельствуютъ объ использовании платежной силы сельскаго населенія“²⁾; или еще: „въ фактѣ почти безостановочнаго накопленія крестьянскихъ податныхъ недоимокъ со времени реформы 1861 г. было бы неосновательно усматривать доказательство прогрессирующаго упадка крестьянскаго благосостоянія. Громадный экономическій ростъ Россіи за послѣднія 35 лѣтъ и въ особенности ростъ ея промышленности и торговли представляется очевиднымъ и несомнѣннымъ; столь же очевидно и несомнѣнно участіе въ этомъ ростѣ крестьянскаго населенія, являющагося потребителемъ произведеній отечественной промышленности и выносящаго на себѣ тяжесть государственнаго бюджета, который составляется не изъ рублей, вносимыхъ привилегированными сословіями, а изъ трудовыхъ народныхъ копѣекъ“³⁾.

Въ другомъ мѣстѣ г. Бржескій объясняетъ появленіе и развитіе крестьянской недоимочности главнымъ образомъ слѣдующими причинами: „неудовлетворительностью постановки податнаго дѣла въ сельскихъ обществахъ, пользующихся землею на общинномъ правѣ; дѣятельностью полиціи по наблюденію за поступленіемъ окладныхъ сборовъ и по принятію принудительныхъ мѣръ взысканія и, наконецъ, отсутствіемъ надлежаще организованнаго правительственнаго надзора за ходомъ крестьянскаго податнаго дѣла во всѣхъ его стадіяхъ“⁴⁾.

Доказательства, приводимыя г. Бржескимъ въ пользу его оптимистическаго взгляда, не могутъ быть признаны сколько-нибудь убѣдительными. Собственно прямыхъ доказательствъ у него нѣтъ или почти нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства крестьянской платежеспособности нужно было изучать доходность

¹⁾ Назв. соч., стр. 389—390.

²⁾ Тамъ же, стр. 397.

³⁾ Тамъ же, стр. 401.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 397.

крестьянскихъ земель и показать, что платежи составляютъ умѣренный процентъ по отношенію къ этой доходности. Такими прямыми доказательствами у г. Бржескаго являются два-три указанія; при томъ же эти указанія говорятъ мало въ пользу положенія разсматриваемаго автора; такъ, г. Бржескій беретъ изъ земскихъ изслѣдованій тотъ фактъ, что 53 общества кузнецкаго уѣзда платили помѣщичьяго оброка до реформы больше, чѣмъ повинностей послѣ реформы; изъ одного этого факта онъ дѣлаетъ уже общее заключеніе, что „въ общемъ крестьянскіе платежи во второй половинѣ 80-хъ годовъ понизились настолько, что по земскимъ изслѣдованіямъ они оказываются ниже тѣхъ платежей, которые тяготѣли надъ крестьянствомъ въ до-реформенную эпоху“¹⁾. Затѣмъ, авторъ указываетъ, что въ хвалынскомъ уѣздѣ бывшіе государственные крестьяне платятъ теперь съ десятины на 112⁰/₀ больше, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, между тѣмъ какъ арендныя цѣны съ тѣхъ поръ увеличились на 661⁰/₀. Трудно понять, какимъ образомъ такіе факты и такая аргументація могутъ быть полезными для оптимистическаго взгляда автора на платежеспособность крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ эти факты и эта аргументація производятъ удручающее впечатлѣніе; они даютъ основаніе автору утверждать только то, что крестьянскіе поземельные платежи нынѣ меньше, чѣмъ платежи тѣхъ же крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. Такимъ образомъ, авторъ крупнаго спеціальнаго труда о крестьянской платежеспособности предлагаетъ намъ признать налоговое бремя, падающее на крестьянскія земли, посильнымъ, потому что теперь крестьяне платятъ все-же менѣе государству, чѣмъ прежде платили помѣщикамъ. Какъ-то даже неловко напоминать, что правильное податное обложеніе не имѣетъ въ виду наложить на населеніе такое же бремя, какое господинъ налагаетъ на своего раба.

Для доказательства интересующаго насъ положенія г. Бржескій прибѣгаетъ далѣе къ такому аргументу: еслибы причины недоимочности крестьянъ лежали въ условіяхъ платежеспособности, то послѣ отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платежей крестьяне должны бы исправнѣе вносить казенные сборы; между тѣмъ, по утвержденію г. Бржескаго, этой болѣе исправности не замѣчается. Г. Бржескій въ пользу этого послѣдняго положенія приводитъ цифровыя данныя о поступленіи казенныхъ сборовъ за пятилѣтія 1881 — 1885 и

¹⁾ Тамъ же, стр. 390.

1886—1890; эти данныя онъ считаетъ выгодными для себя, а на самомъ дѣлѣ данныя для него неблагоприятны; изъ этихъ данныхъ видно, что въ пятилѣтіе 1881—1885 окладъ казенныхъ сборовъ составлялъ 136,1 милл. руб., поступленіе—126,6 милл., недоимка—19,5 милл., или слишкомъ 14⁰/₀ оклада; въ пятилѣтіе же 1886—1890 г.г., когда населенію были оказаны разныя податныя льготы, окладъ составлялъ 103,8 милл., поступленіе 102,6 милл., недоимка—1,2 милл., или только около 1⁰/₀ оклада; такимъ образомъ, хотя въ послѣднее пятилѣтіе налоги вносились не совершенно исправно, но зато процентъ недоимочности весьма сильно понижился; поэтому нельзя утверждать, что податныя льготы, дарованныя крестьянамъ въ 1886—1890 г.г., не оказали благоприятнаго вліянія на поступленіе казенныхъ сборовъ съ крестьянъ.

Наконецъ нашъ авторъ приводитъ еще одно доказательство въ пользу своихъ оптимистическихъ взглядовъ,—именно, онъ беретъ данныя относительно роста недоимочности по районамъ и изъ нихъ выводитъ, что чѣмъ далѣе мы подвигаемся съ запада, гдѣ мало распространено общинное землевладѣніе, на востокъ, гдѣ господствуетъ эта форма землевладѣнія, тѣмъ болѣе растетъ недоимочность; отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе о причинной связи между общиннымъ землевладѣніемъ и недоимочностью. На самомъ же дѣлѣ данныя, приведенныя авторомъ, не вполне говорить въ его пользу; такъ, напр., недоимочность въ средне-черноземномъ районѣ возросла съ 1 (недоимочность пятилѣтія 1871—1875 г.г., принятая за единицу) до 12 (пятилѣтіе 1891—1895 г.г.), а въ средне-промышленномъ районѣ за то же время недоимочность возросла съ 1 только до 2,5; между тѣмъ извѣстно, что въ томъ и другомъ районѣ господствуетъ общинное землевладѣніе; слѣдовательно, нельзя изъ приведенныхъ данныхъ дѣлать заключеніе, что общинное землевладѣніе является одною изъ главныхъ причинъ недоимочности. Только-что приведенныя данныя, на нашъ взглядъ, вполне удовлетворительно объясняются такъ: доходы отъ крестьянскихъ земель недостаточны, по общему правилу, для исправнаго платежа казенныхъ сборовъ, падающихъ на землю; поэтому эти сборы приходится уплачивать крестьянамъ изъ сторожнихъ заработковъ; тамъ, гдѣ эти заработки обильнѣе (напр., въ средне-промышленномъ районѣ), тамъ казенные сборы вносятся легче; тамъ же, гдѣ сторонніе заработки менѣе значительны (какъ, напр., въ средне-черноземномъ районѣ),—сборы вносятся труднѣе. Такимъ образомъ, разсмотрѣнная попытка поколебать давно установленное положеніе, что

казенные сборы, падающіе на крестьянскую землю, не могут быть уплачены, по общему правилу, изъ доходовъ этой земли, должна быть признана совершенно неудавшеюся.

Нельзя назвать наши поземельные сборы и равномерными. Неравномерность обложенія объясняется прежде всего тѣмъ, что различные разряды крестьянъ получили неодинаковое земельное обезпеченіе и не за одинаковые платежи. Какъ извѣстно, въ до-реформенное время у насъ было три главныхъ разряда крестьянъ: помѣщичьи, государственные и удѣльные. Изъ этихъ трехъ разрядовъ бывшіе помѣщичьи были устроены менѣе всего благоприятно: они получили земли менѣе, чѣмъ другіе крестьяне, и притомъ за каждую десятину земли имъ пришлось платить больше другихъ крестьянъ. Къ своимъ же крестьянамъ государство отнеслось болѣе снисходительно: оно дало имъ болѣе земли и менѣе заставило платить за одну десятину. Извѣстно, что при освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ числилось 10,8 милл. ревизскихъ душъ; всѣ они получили 37 милл. десятинъ, или по 3,4 десятины на душу. Бывшіе государственные крестьяне, получившіе поземельное устройство въ 1866 году, въ количествѣ 10,7 милл. душъ, получили въ надѣлъ отъ государства 75 милл. десятинъ, или по 7 десятинъ на душу. Были еще удѣльные крестьяне, но они составляли только 900 тысячъ душъ; получили они въ надѣлъ 4. милл. десятинъ, или по 4,8 десятины на душу. Въ семидесятыхъ годахъ Валуевской комиссіей по изслѣдованію сельскаго хозяйства было констатировано, что государственные крестьяне платили оброчной подати по 64 коп. съ десятины, удѣльные—71 коп., а помѣщичьи—1 руб. 82 коп. ¹⁾ Соответственная разница въ платежахъ получалась и при переходѣ на выкупъ, такъ какъ выкупные платежи высчитывались путемъ капитализаціи оброчной подати.

Внутри одного и того же разряда крестьянъ равномерность въ платежахъ также не была вполне осуществлена. Это произошло, во-первыхъ, потому, что платежи за землю опредѣлялись не только сообразно съ цѣнностью и доходностью земли, но и въ зависимости отъ другихъ обстоятельствъ, — напр., въ зависимости отъ цѣны на крестьянскій трудъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, рассматриваемая неравномерность сборовъ объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что первая десятинна надѣла оцѣнивалась дороже, чѣмъ послѣдующія; мотивомъ для этого при реформѣ послужили слѣдующія соображенія: „крестьянинъ, надѣленный одной

¹⁾ Бржескій, Недоимочность и круговая порука, стр. 384—385.

десятиной на душу, извлечьъ изъ нея все, что она можетъ дать; при надѣленіи его другою десятиной, также необходимою для его хозяйства, выгоды его безъ сомнѣнія увеличиваются, но не удваиваются, ибо онъ не въ состояніи употребить на нее столько труда и оборотнаго капитала, какъ на первую; еще менѣе относительныя выгоды, извлекаемыя имъ изъ третьей и четвертой десятины" ¹⁾). Трудно понять, какимъ образомъ столь странныя соображенія могли считаться за правильныя; эти соображенія совершенно противорѣчатъ дѣйствительному положенію вещей; на самомъ дѣлѣ, чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ труднѣе платить земельныя сборы; если надѣлъ достаточенъ только для поддержанія жизни крестьянина, то онъ не дастъ остатка для повинностей. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе указаннаго мотива малые надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были отягощены большими выкупными платежами.

Неравномѣрность обложенія до значительной степени смягчается условіями современнаго податнаго строя въ деревнѣ. Въ русской литературѣ есть столь цѣнное произведеніе, какъ г. Тригорова „Община и подать“, въ которомъ имѣется прекрасное описаніе раскладки разныхъ податей между отдѣльными членами крестьянскаго общества; изъ этого сочиненія мы узнаемъ, что крестьяне соединяютъ вмѣстѣ всѣ платежи, падающіе на общество, и затѣмъ уже эту сумму по своимъ собственнымъ понятіямъ о справедливомъ обложеніи раскладываютъ между надѣльными домохозяевами; мы можемъ только удивляться, въ общемъ, той тщательности, съ которой принимаются во вниманіе всѣ стороны жизни домохозяйства, могущія вліять на степень обремененія его повинностями. Но этотъ распорядокъ можетъ устранить неравномѣрность обложенія только внутри одной и той же общины; за предѣлами ея онъ, конечно, не можетъ проявлять своего значенія; такъ, онъ совершенно не касается неравномѣрности обложенія между отдѣльными разрядами крестьянъ; не устраняетъ онъ и ту неравномѣрность, которая произошла отъ неодинаковаго обремененія надѣловъ равной величины; такъ, если въ одномъ обществѣ надѣлы малы, а въ другомъ больше, то первое общество будетъ сильнѣе обременено выкупными платежами, чѣмъ второе.

Едва ли нужно подробно описывать то неблагоприятное вліяніе, которое оказываютъ на крестьянское хозяйство непосильность и неравномѣрность казенныхъ платежей. Не трудно по-

¹⁾ Иванюковъ, Паденіе крѣпостнаго права, стр. 289.

нять, что неудобства казенных сборов подтачивают постоянно правильное течение крестьянского хозяйства: такъ какъ платежи не могутъ быть, по общему правилу, уплачены изъ доходовъ отъ надѣльной земли, то крестьянину для уплаты податей нужно во что бы то ни стало находить помѣщеніе для своего труда; такое вынужденное предложеніе труда ведетъ къ его обезцѣненію; всѣмъ извѣстенъ распространенный въ Россіи фактъ дешеваго зимняго найма на лѣтнія работы. Кромѣ прямого найма на работы, крестьянство ищетъ заработковъ и всякими другими путями; такъ, кустарная промышленность играетъ здѣсь тоже немало-важную роль, но вынужденность и всеобщая необходимость прибѣгать къ этой промышленности являются одною изъ причинъ дешевизны кустарныхъ издѣлій и, слѣдовательно, крестьянскаго труда, въ нихъ занятаго. Но нерѣдко крестьянинъ не находитъ даже и дешеваго помѣщенія своего труда въ чужомъ или своемъ предпріятіи. Тогда казенные платежи отбираютъ что-нибудь уже изъ его имущества. Правда, законъ, чтобы совсѣмъ не подорвать хозяйственную жизнь крестьянина, дѣлаетъ опредѣленіе о томъ, что нѣкоторые виды его имущества не подлежатъ принудительному отчужденію за неисправное внесеніе окладныхъ сборовъ; именно продажѣ не подлежатъ: ежедневная одежда и совершенно необходимая домашняя утварь; хлѣбъ и овощи, необходимые для продовольствія семьи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; одна корова, а въ мѣстностяхъ, гдѣ въ крестьянскомъ обиходѣ коровы замѣняются козами и овцами, двѣ козы или овцы и необходимый для этого скота кормъ; топливо на трехмѣсячное отопленіе жилья семьи; земледѣльческія и промысловыя орудія, безусловно необходимы для поддержанія хозяйства на надѣльной землѣ, а также соответственное количество рабочаго скота и необходимый для этого скота кормъ; сѣмена въ количествѣ, необходимомъ для посѣва на надѣльной землѣ¹⁾. Для многихъ крестьянъ таковъ уровень, выше котораго они не могутъ подняться: все лишнее сверхъ указаннаго въ законѣ минимума будетъ взято въ качествѣ текущаго овлада или же въ пополненіе недоимки прошедшаго года; такимъ образомъ ростъ крестьянскаго благосостоянія находитъ въ настоящее время значительное затрудненіе въ области податнаго дѣла.

Въ дѣлѣ прямого податнаго обложенія у насъ встрѣчаются еще нѣкоторыя другія ненормальности довольно существеннаго значенія. Такъ, очень большое значеніе имѣетъ вопросъ о сро-

¹⁾ См. зак. т. IX, Особое положеніе (изд. 1902 г.), ст. 295 Общаго положенія.

кахъ взиманія казенныхъ сборовъ. Дѣйствующее законодательство на этотъ счетъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ теченіе года окладные сборы вносятся въ частные сроки; сроковъ этихъ должно быть не менѣе двухъ, причемъ послѣдній срокъ не можетъ быть назначенъ позже 1 декабря окладного сбора; установленіе частныхъ сроковъ, а также и долей годового оклада, вносимыхъ въ каждый частный срокъ, производится приговорами сельскихъ сходовъ; приговоры представляются земскимъ начальникамъ или мировымъ посредникамъ на утвержденіе уѣзднаго съѣзда или съѣзда мировыхъ посредниковъ, отъ которыхъ зависитъ, взаимнѣе указанныхъ въ приговорѣ частныхъ сроковъ платежа и подлежащихъ уплатѣ въ эти сроки долей окладныхъ сборовъ, установить другіе, ближе согласованные съ платежными способностями сельскихъ обывателей ¹⁾. Какіе же сроки въ дѣйствительности устанавливаются для взиманія окладныхъ сборовъ? Казалось бы, эти сроки должны быть приспособлены ко времени наибольшаго полученія заробковъ крестьянъ извѣстныхъ мѣстностей. Въ предъидущемъ было показано, что собственно земледѣльческая дѣятельность уже весьма многихъ крестьянскихъ хозяйствъ не можетъ дать источника для внесенія казенныхъ сборовъ, и потому въ большинствѣ случаевъ доходы отъ земли должны бы стоять въ сторонѣ отъ податного дѣла. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что хлѣбъ играетъ главнѣйшую роль при уплатѣ казенныхъ сборовъ: осенью, когда собранъ хлѣбъ, къ крестьянамъ предъявляются наиболѣе усиленные требованія объ уплатѣ казенныхъ сборовъ; по прежнему главнымъ богатствомъ крестьянъ считается хлѣбъ. Администрація, обязанная взимать сборы, не очень заботится о томъ, достаточно ли хлѣба для прокормленія самихъ крестьянъ въ теченіе года; она знаетъ только то, что осенью у всѣхъ крестьянъ есть хлѣбъ, старается взять подати именно въ это время. Г. Голубевъ, въ своей обстоятельной статьѣ „Подать и народное хозяйство“, съ большимъ цифровымъ матеріаломъ доказывалъ, что ради удобства администраціи подати съ крестьянъ въ главной своей части (именно около $\frac{3}{4}$) взимаются во второй половинѣ года, возможно ближе къ жатвѣ ²⁾. Администрація считаетъ для себя затруднительнымъ имѣть дѣло съ другими крестьянскими доходами, которые служатъ истиннымъ источникомъ платежа повинностей; съ своей точки зрѣнія она права, потому что другіе источники

¹⁾ Св. зак. т. IX, Особое приложение, ст. 281—283 Общаго положенія.

²⁾ Голубевъ, Подать и народное хозяйство. „Русск. Мысль“, 1898 г., кн. V, стр. 144—145.

очень разнообразны, неопредѣленны по времени поступления, часто случайны; поэтому трудно их уловить и трудно къ нимъ приспособить дѣйствительные сроки взиманія налоговъ. Какъ бы то ни было, но получается такая ненормальность: у крестьянъ недостаточно хлѣба для собственнаго пропитанія, но тѣмъ не менѣе осенью они его продаютъ для уплаты налоговъ. Но такъ какъ питаться нужно цѣлый годъ, то весной хлѣбъ опять покупается, но уже по значительно повышенной цѣнѣ. Г. Голубевъ въ указанной статьѣ довольно мѣтко приравнивалъ это явленіе къ убыточной залоговой операціи ¹⁾. Тотъ же авторъ вычислилъ, что убытки отъ такого порядка вещей составляютъ столько же, сколько и сами налоги. Трудно было бы повѣрить послѣднему утверженію, еслибы названный авторъ не приводилъ въ доказательство такого положенія серьезныя статистическія данныя, еслибы онъ не ссылался на опредѣленія земскихъ собраній, еслибы, наконецъ, онъ не ссылался на официальные указанія губернской администраціи. Еслибы мы даже въ два раза уменьшили указанный размѣръ убытковъ крестьянъ отъ способа взиманія налоговъ, то и тогда мы все еще стали бы утверждать, что ненормально то податное обложеніе, которое вызываетъ у населенія добавочные расходы въ 50⁰/₀ налога. Все это даетъ намъ новое основаніе утверждать, что система нашихъ современныхъ окладныхъ сборовъ неблагоприятна для крестьянскаго хозяйства, что она его подтачиваетъ, не даетъ ему подниматься. Впрочемъ, отмѣченное неудобство затрогиваетъ уже не только интересы одного крестьянства, но затрогиваетъ и вообще интересы всего сельскаго хозяйства; въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ сильное паденіе осеннихъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты—не безразлично и для интересовъ частныхъ землевладѣльцевъ.

Наконецъ, намъ остается указать еще на одно существенное неудобство прямого обложенія сельскаго населенія. Мы имѣемъ въ виду круговую поруку, которая возлагалась закономъ на крестьянъ въ отношеніи платежа окладныхъ сборовъ. Содержаніе этого института весьма просто: если отдѣльный крестьянинъ не уплатилъ причитающихся съ него налоговъ, то недоимка разлагается на всѣхъ остальныхъ домохозяевъ даннаго сельскаго общества, хотя бы эти послѣдніе свою долю налоговъ уплатили вполне аккуратно. Эта круговая отвѣтственность была связана нашимъ закономъ съ формой землевладѣнія и съ количествомъ душъ въ обществѣ; законъ содержитъ на этотъ счетъ такія опредѣ-

¹⁾ „Русск. Мысль“, 1893, кн. VII, стр. 17.

ленія: при общинномъ пользованіи землею каждое селеніе или часть селенія, получающія отдѣльный окладной листъ, отвѣчаютъ круговою порукою за всѣхъ домохозяевъ въ исправной уплатѣ окладныхъ сборовъ, если селенію или части селенія отведенъ надѣлъ на шестьдесятъ или болѣе ревизскихъ душъ; если число душъ въ селеніи менѣе шестидесяти или если въ селеніи имѣеть мѣсто подворное (наслѣдственное) пользованіе землею, то уплата окладныхъ сборовъ возлагается на отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина ¹⁾. Нельзя не признать институтъ круговой поруки однимъ изъ неудачныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ институтъ мы не можемъ прежде всего признать справедливымъ, потому что здѣсь безъ всякаго основанія одно лицо должно платить за другое. Но круговая порука не могла быть признана удачнымъ приемомъ ни въ экономическомъ, ни въ социальномъ, ни въ финансовомъ отношеніи. Въ экономическомъ отношеніи она нецѣлесообразна, потому что задерживаетъ прогрессъ сельскохозяйственной промышленности въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, для крестьянина, ставшаго въ благопріятное положеніе, является опаснымъ увеличивать свое видимое богатство; положимъ, онъ могъ бы и желалъ бы завести побольше скота, какъ для работъ, такъ и для удобренія, но онъ боится осуществить свое желаніе, потому что, быть можетъ, ему придется отвѣчать за недоимки своихъ несостоятельныхъ односельчанъ; если его опасенія оправдаются, то, навѣрное, его скотъ продадутъ, потому что скотъ является любимымъ предметомъ принудительныхъ отчужденій за недоимки. Такимъ образомъ, то угнетающее вліяніе на крестьянское хозяйство, которое имѣеть непосильность прямыхъ сборовъ, благодаря круговой порукѣ дѣлалось всеобщимъ. Круговая порука оказывается неблагопріятнымъ явленіемъ и въ социальномъ отношеніи: она обостряетъ отношенія между слабыми и сильными дворами въ деревнѣ; слабые дворы, за которые платятъ или могутъ платить дворы сильные, попадаютъ въ приниженное состояніе, въ состояніе сильной зависимости отъ общества и отъ сильныхъ дворовъ, играющихъ обыкновенно руководящую роль въ обществѣ. Нечего и говорить о томъ, что неисправный плательщикъ, за котораго платило все общество, въ имущественномъ отношеніи становится въ зависимость отъ общества, и что общество можетъ и по закону отнять у него даже надѣльную землю, — но здѣсь имѣется въ виду главнымъ образомъ личная зависимость крестьянина отъ общества; проявленія этой зависи-

¹⁾ Св. зак. т. IX, Особое приложеніе, ст. 276—278 Общаго положенія.

мости довольно разнообразны; такъ, недоимщикъ не можетъ выйти изъ даннаго общества; онъ затрудненъ и во временныхъ отлучкахъ изъ своего мѣстожителства; къ нему можетъ быть приравленъ опекунъ, и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, законъ, возложившій на сельскія общества круговую отвѣтственность, отдавали личность отдѣльнаго крестьянина въ слишкомъ большую зависимость отъ общества. Это социальное неудобство круговой поруки въ свою очередь ведетъ и къ новому экономически невыгодному послѣдствію: оно стѣсняетъ сферу свободнаго приложенія крестьянскаго труда. Наконецъ, круговая порука не могла считаться выгодной и въ финансовомъ отношеніи: она не только не содѣйствовала исправному поступленію окладныхъ сборовъ, но наоборотъ, способствовала накопленію недоимовъ; вслѣдствіе круговой поруки и богатые крестьяне задерживали платежи сборовъ изъ боязни, что потомъ имъ еще придется платить за недоимщиковъ; „одни не платятъ подати,—говорить г. Бржескій,—потому что не могутъ, другіе—потому что боятся платить вдвойнѣ и болѣе“¹⁾.

II.

Въ предъидущемъ указаны были недостатки нашего прямого обложенія. Если они намѣчены были вѣрно, то тѣмъ самымъ указаны и мѣры, при помощи которыхъ можно устранить или по крайней мѣрѣ ослабить эти недостатки. Если поэтому правительство рѣшить, какъ предполагается, серьезно заняться подъемомъ нашей сельскохозяйственной промышленности, то оно должно принять и мѣры въ области прямого обложенія. Но спрашивается: какія это мѣры, и можно ли ихъ принять въ настоящее время? По нашему мнѣнію, и въ настоящее время возможно уже сдѣлать нѣкоторыя облегченія въ области обложенія сельскаго населенія. Посмотримъ, что именно тяготитъ главнымъ образомъ сельское населеніе. Какъ извѣстно, у насъ собственно только два вида казенныхъ сборовъ, падающихъ на крестьянское населеніе,—по крайней мѣрѣ, на крестьянское населеніе Европейской Россіи. Это государственный поземельный налогъ и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Посмотримъ теперь, насколько обременителенъ тотъ и другой видъ сборовъ и который изъ нихъ пред-

¹⁾ Бржескій, Недоимочность и круговая порука, стр. 408 и слѣд.

ставляет собою нормальное явленіе въ финансовой жизни государства.

По теоріи, сельскохозяйственное населеніе можетъ и должно быть обложено двумя видами прямыхъ налоговъ, — налогомъ поземельнымъ и налогомъ промысловымъ; первый имѣетъ въ виду охватить чистый доходъ отъ земли, то, что называется поземельной рентой, а второй имѣетъ въ виду охватить чистый доходъ отъ сельскохозяйственныхъ предпріятій; второй налогъ, конечно, не является налогомъ исключительно сельско-хозяйственнымъ; онъ охватываетъ и другіе промыслы. Если сельскохозяйственная промышленность какой-нибудь страны несетъ податное бремя только въ видѣ указанныхъ двухъ налоговъ, то мы не должны имѣть ничего противъ существованія ихъ, какъ нормальнаго явленія финансовой жизни. Если бы и могъ быть поставленъ какой-нибудь вопросъ въ отношенія ихъ, то это былъ бы вопросъ о посильности и равномерности таковаго обложенія. Что касается Россіи, то въ ней въ настоящее время промысловаго обложенія сельскаго хозяйства совсѣмъ нѣтъ, а есть только поземельный налогъ. Этотъ послѣдній налогъ по своей величинѣ является очень низкимъ; дѣйствительно, нельзя иначе, какъ низкимъ, назвать нашъ поземельный налогъ, составляющій $\frac{1}{4}$ коп. (въ архангельской и олонеккой губерніи)—17 коп. (въ курской губерніи) съ десятины. Дѣйствительное поступленіе его въ государственное казначейство въ періодъ съ 1885 по 1897 г. составляло 13 — 22,9 милл. рублей ¹⁾. Во Франціи, при гораздо меньшей сельскохозяйственной площади, собирается болѣе 100 милл. франковъ. Слѣдовательно, не государственный поземельный налогъ тяготитъ сельскохозяйственное населеніе; бременемъ для него является другой видъ казенныхъ сборовъ, — это именно выкупные платежи, собираемые только съ крестьянскаго населенія. Дѣйствительно, если мы посмотримъ на доходы отъ выкупныхъ платежей, то они играютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ поступленія отъ поземельнаго налога. За періодъ съ 1887 года по 1897 г. выкупные платежи поступали въ казну въ количествѣ отъ 70,8 милл. до 101,3 милл. Что же представляютъ изъ себя выкупные платежи?

Историческое происхожденіе выкупныхъ платежей всѣмъ извѣстно. Они появились только съ реформы 1861 г. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости даны были крестьянамъ земельные надѣлы, но не даромъ: крестьяне должны

¹⁾ Сабуровъ, Матеріалы для исторіи русскихъ финансовъ, Прилож. № 35.

были выкупить землю, имъ отводимую, а также отчасти должны были выкупить и свой трудъ. Надѣленные землями, крестьяне первоначально были поставлены въ положеніе „временно обязанныхъ“, платившихъ помѣщикамъ за надѣльную землю оброкъ опредѣленной закономъ величины. Если бы такія отношенія стали постоянно продолжаться, то увѣковѣчилась бы эта принудительная связь между помѣщиками и крестьянами: крестьяне постоянно сидѣли бы на землѣ своихъ бывшихъ помѣщиковъ съ платежемъ въ пользу послѣднихъ арендной платы (оброка). Желая сдѣлать крестьянъ собственниками, правительство рѣшило помочь крестьянамъ выкупить надѣлы; оно само платило помѣщикамъ выкупъ за землю,—причемъ выкупная сумма опредѣлялась капитализованіемъ оброка изъ 6⁰/₀; крестьяне же должны были ежегодными платежами, равными 6⁰/₀ выкупной ссуды, расплачиваться съ правительствомъ. Эти платежи крестьянъ и называются выкупными платежами. Первоначально выкупная операція была необязательною для всѣхъ крестьянъ: она зависѣла отъ воли крестьянъ или помѣщиковъ, или же отъ взаимнаго ихъ согласія, смотря по тому, какую землю и въ какомъ размѣрѣ крестьяне выкупали; поэтому первоначально не всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне платили выкупные платежи, а только тѣ, которые перешли отъ состоянія временно-обязанныхъ на выкупъ. Въ 1881 году выкупъ сдѣланъ былъ обязательнымъ для тѣхъ крестьянъ, которые еще не успѣли перейти на выкупъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время уже всѣ крестьяне, освобожденные въ 1861 г., платятъ выкупные платежи. Крестьяне должны платить выкупные платежи не постоянно, а только временно, впредь до погашенія правительственной ссуды. Изъ тѣхъ 6⁰/₀ со ссуды, которые составляютъ выкупные платежи, 5⁰/₀ являются ростомъ, $\frac{1}{2}$ ⁰/₀ предназначено въ запасный выкупной капиталъ, и только $\frac{1}{2}$ ⁰/₀ было предназначено на погашеніе капитальнаго долга со стороны крестьянъ правительству; при такой погасительной части весь капиталъ долженъ быть уплаченъ въ теченіе 49 лѣтъ. Вотъ почему каждое крестьянское общество, перешедшее на выкупъ, должно платить выкупные платежи только въ теченіе 49 лѣтъ, считая со времени заключенія выкупной сдѣлки. Какъ извѣстно, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣлась во время реформы еще другая значительная группа крестьянъ, именно группа крестьянъ государственныхъ. Вслѣдъ за помѣщичьими крестьянами правительство занялось судьбой своихъ крестьянъ, причемъ эти послѣдніе первоначально были поставлены въ то же юридическое отношеніе къ землѣ и къ правительству, какъ и бывшіе

помѣщичьи крестьяне. Первоначально (въ 1866 г.) государственные крестьяне были надѣлены землей, причемъ земля не переходила въ собственность крестьянъ, а только въ арендное содержаніе; за пользованіе этой землей государственные крестьяне должны были платить арендную плату, которой было дано не совсѣмъ подходящее названіе оброчной подати. Затѣмъ, въ 1886 г., бывшіе государственные крестьяне были переведены на выкупъ. Финансовая сторона этого перехода изъ состоянія „обязанныхъ“ государству въ состояніе собственниковъ земли съ платежемъ за нее выкупа была построена опять такъ же, какъ и въ отношеніи крестьянъ помѣщичьихъ; впредь крестьяне должны платить не оброчную подать, а выкупные платежи, которые были выше оброчной подати на 45⁰/₀; эти выкупные платежи уже получили другой характеръ по сравненію съ оброчной податью; эта послѣдняя была арендной платой за надѣлы, собственность на которые принадлежала государству; выкупные же платежи стали представлять выплату капитальной стоимости (съ процентами) земли, собственность на которую перешла теперь къ крестьянамъ; увеличеніе на 45⁰/₀ выкупныхъ платежей по сравненію съ суммой оброка обозначаетъ введеніе погасительной части; такъ какъ въ выкупныхъ платежахъ государственныхъ крестьянъ погасительная часть нѣсколько болѣе, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ, то и выкупные платежи государственныхъ крестьянъ должны прекратиться въ нѣсколько болѣе короткій срокъ, именно въ теченіе 44 лѣтъ, считая со времени перехода на выкупъ.

Изъ этого описанія выкупныхъ платежей видно, что они по своей природѣ представляютъ, строго говоря, не видъ обложенія, а нѣчто иное: именно, они представляютъ выплату за землю, купленную крестьянами у помѣщиковъ и государства въ долгъ, причемъ какъ самая капитальная цѣна земли, такъ и процентъ на нее опредѣлены въ размѣрахъ вполнѣ приличныхъ и даже нѣсколько преувеличенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не только заключаютъ въ себѣ приличный процентъ на правительственную ссуду (именно 5⁰/₀), но еще $\frac{1}{2}$ ⁰/₀ идутъ въ запасный выкупной капиталъ; другими словами, крестьяне платили по ссудѣ 5 $\frac{1}{2}$ ⁰/₀. Неудивительно поэтому, что правительству выкупная операція стала приносить барышъ, остававшійся за оплатой тѣхъ обязательствъ, въ которыхъ прибѣгло само правительство, чтобы заплатить за землю помѣщикамъ вмѣсто крестьянъ; такъ, профессоръ Карышевъ говоритъ, что въ первыя 20 лѣтъ послѣ реформы

выкупная операция принесла правительству болѣе 40 милл. ¹⁾. Что касается цѣнности земли, то она была также скорѣе увеличенной, чѣмъ уменьшенной. Да иначе и не могло быть въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ: оброкъ этихъ крестьянъ, по капитализаціи котораго опредѣлялась потомъ цѣнность земли, долженъ былъ выражать доходность не только отъ земли, но и отъ личности крестьянина. Если выкупные платежи по своей природѣ являются не видомъ обложенія, то и обсуждать ихъ мы должны не только съ финансовой точки зрѣнія, а еще и съ другой. Если бы мы стали обсуждать выкупные платежи только какъ налогъ, то быстро и безъ всякихъ колебаній пришли бы въ отрицательному для нихъ выводу: въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ поземельнымъ обложеніемъ вышеуказанныхъ формъ наука не признаетъ никакихъ другихъ формъ этого обложенія; во всякомъ случаѣ въ финансовой наукѣ не можетъ быть признана рациональной никакая форма обложенія, поглощающая въ теченіе 44—49 лѣтъ всю цѣнность податного имущества. Такимъ образомъ, выкупные платежи, какъ форма обложенія, совершенно не могутъ быть оправданы.

Выше было показано, что выкупные платежи, въ сущности, не являются видомъ обложенія, и что поэтому за уничтоженіе и только за пониженіе ихъ нужно приводить не одни финансовыя соображенія, а еще и иные. Такія другія соображенія могутъ быть приведены въ достаточномъ количествѣ и, намъ кажется, съ достаточной убѣдительностью. Одинъ изъ этихъ доводовъ мы назвали бы доводомъ исторической справедливости; онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Уже во время самой реформы раздавались голоса, что несправедливо заставлять крестьянъ выкупать землю у помѣщиковъ. Среди голосовъ, раздававшихся противъ выкупа земли, были голоса очень умѣренные, которые говорили, что и помѣщики не должны лишиться приобрѣтенныхъ правъ даромъ, что они не должны отдать землю безъ соотвѣтственнаго вознагражденія; говорили, что помѣщикамъ за землю должно заплатить государство и затѣмъ передать землю крестьянамъ уже безъ всякаго платежа; дѣйствительно, такое разрѣшеніе вопроса было бы болѣе справедливымъ, чѣмъ принятое реформой. Въ самомъ дѣлѣ, наше другое коренное сословіе, дворянство, получило первоначально землю отъ государства за выполненіе извѣстныхъ государственныхъ задачъ; потомъ,

¹⁾ См. „Россия въ концѣ XIX столѣтія“, стр. 109. О выгодности выкупной операціи для правительства говоритъ также г. Мигулинъ, „Русскій государственный кредитъ“, I, 498.

когда съ него снято было выполненіе этихъ задачъ, то у него не были отняты земли; такимъ образомъ первоначальное приобрѣтеніе земель со стороны дворянства было даровымъ. Такъ же было бы справедливо поступить и съ крестьянствомъ. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ также ради государственныхъ цѣлей; когда прошла надобность въ этомъ прикрѣпленіи съ государственной точки зрѣнія, когда съ этой точки зрѣнія прикрѣпленіе стало даже опаснымъ, крестьяне получили личную свободу и должны были начать новую свободную жизнь, но несправедливо было пустить ихъ безъ всякой экономической опоры; во всякомъ случаѣ это сословіе,—сыгравшее и играющее въ русской государственной жизни во всякомъ случаѣ не меньшую роль, чѣмъ дворянство,—могло съ полнымъ правомъ разсчитывать на такое же къ себѣ отношеніе, какъ и дворянство; между прочимъ, крестьянство могло разсчитывать на первоначальное обезпеченіе основнымъ экономическимъ факторомъ, т. е. землей. Жизнь русскаго крестьянства послѣ реформы показала, что наложеніе на него высокихъ выкупныхъ платежей было не только мало справедливымъ, но и нецѣлесообразнымъ приемомъ съ экономической точки зрѣнія. Непосильность казенныхъ платежей, именно главнымъ образомъ платежей выкупныхъ, сыграла роль значительнаго тормазы для развитія сельскохозяиственной промышленности, а затѣмъ и для обрабатывающей. Какъ извѣстно, положеніе сельскохозяиственной промышленности послѣ реформы зависитъ главнымъ образомъ отъ крестьянъ; произошло это отъ того, что крестьяне, надѣленные землей, оказались хотя въ значительной степени фиктивными, но все-же собственниками земли; вслѣдствіе этого крестьяне на своихъ земляхъ, которыхъ больше, чѣмъ земель частновладѣльческихъ, ведутъ собственное хозяйство. Но сверхъ того и на частновладѣльческихъ земляхъ тонъ сельскохозяиственной промышленности нерѣдко даютъ тоже крестьяне; извѣстно, что очень большое количество пахатныхъ земель ¹⁾ крупные землевладѣльцы отдають въ аренду крестьянамъ, и сверхъ того нѣкоторая часть землевладѣльцевъ совсѣмъ не ведетъ экономической запашки или ведетъ ее при помощи крестьянскаго инвентаря. Вотъ почему случилось, что наша сельскохозяиственная промышленность превратилась въ выработку часто недостаточнаго пропитанія для необозримой крестьянской массы, не могущей дѣлать капитальныхъ затратъ

¹⁾ Больше 6 милл. дес. См. статью Каблукова въ кн. „Вліаніе урожаевъ и цѣвъ“, I, 144.

на поднятіе своего хозяйства. Въ настоящее время мы наблюдаемъ не только хроническій застой въ сельскохозяйственной промышленности, но и наша молодая обрабатывающая промышленность уже попала въ критическое положеніе, и можно думать, что это критическое положеніе также станетъ хроническимъ. Въ самомъ дѣлѣ, русской обрабатывающей промышленности трудно рассчитывать на иностранные рынки; эти рынки уже заняты передовыми культурными государствами; поэтому развитіе обрабатывающей промышленности самымъ тѣснымъ образомъ связано съ внутренними рынками и, слѣдовательно, съ развитіемъ сельскохозяйственной промышленности; только подъемъ сельскохозяйственной промышленности и увеличеніе благосостоянія сельскаго населенія могутъ расширить внутренней рынокъ. Поэтому высокіе выкупные платежи, наложенные на крестьянъ и ставшіе однимъ изъ тормазовъ сельскохозяйственной промышленности, стали неблагопріятнымъ явленіемъ и для другихъ сторонъ экономической жизни Россіи.

Итакъ, вниманіе выкупныхъ платежей съ крестьянъ встрѣчаетъ въ настоящее время очень сильныя возраженія, и потому весьма желательна и весьма своевременна реформа этихъ платежей. Реформа эта, по нашему мнѣнію, должна состоять въ полной замѣнѣ выкупныхъ платежей увеличеніемъ поземельнаго налога. Такое преобразование выкупныхъ платежей въ истинное поземельное обложеніе не будетъ новостью для нашего правительства. Оно давно уже стало на этотъ путь и сдѣлало уже много шаговъ въ этомъ направленіи; такъ, въ 1881 году правительство, какъ извѣстно, прибѣгло къ пониженію выкупныхъ платежей въ виду несоотвѣтствія ихъ съ платежеспособностью крестьянъ; самое пониженіе платежей и притомъ на основаніи сейчасъ указанномъ, показало, что правительство склонно смотрѣть на выкупные платежи какъ на видъ обложенія; съ долгами подъ залогъ земли такъ не поступаютъ. Далѣе, въ 1885 году, выкупные платежи внесены были въ общегосударственный бюджетъ, какъ одно изъ обыкновенныхъ прямыхъ поступленій; если бы правительство строго держалось взгляда на выкупные платежи какъ на возвратъ долга со стороны крестьянъ, то имъ нельзя бы было отводить такого мѣста въ бюджетѣ. Наконецъ, цѣлымъ рядомъ узаконеній (1889, 1894, 1896 и 1899 гг.) объ отсрочкахъ и пересрочкахъ выкупные платежи получаютъ все болѣе и болѣе хроническій характеръ и теряютъ характеръ срочности, черезъ что они опять приближаются къ истинному обложенію. Такимъ образомъ, если бы нынѣ прави-

тельство совсѣмъ отмѣнило выкупные платежи и замѣнило ихъ нѣкоторымъ (не говорю—соответственнымъ) повышеніемъ государственнаго поземельнаго налога, то этотъ пріемъ не былъ бы вполне новымъ: это было бы только послѣднимъ шагомъ въ давно начавшемся движеніи.

Упичтоженіе выкупныхъ платежей и вытекающее отсюда облегченіе для крестьянъ въ размѣрѣ казенныхъ платежей поведетъ за собой смягченіе другихъ неудобствъ нашихъ прямыхъ сборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, платежи свопляются во второй половинѣ года, ближе къ урожаю. Но одной изъ главнѣйшихъ причинъ такого оттягиванія платежей является высота ихъ; еслибы платежи не были непосильными, то они легче и своевременно уплачивались бы безъ оттяжекъ въ концу года и безъ превращенія ихъ въ недоимки; во всякомъ случаѣ, еслибы и послѣ пониженія платежей хлѣбъ все-таки продавался бы даже у тѣхъ крестьянъ, у которыхъ его недостаточно для собственнаго годового пропитанія, то зло это было бы гораздо меньше. Кромѣ значительнаго пониженія платежей, трудно указать какое-нибудь иное дѣйствительное средство въ отношеніи сроковъ крестьянскихъ платежей. Г. Голубевъ, специально занимавшійся этимъ вопросомъ, предлагалъ такую мѣру: по его мнѣнію, нужно закономъ опредѣлить, чтобы земство устанавливало частные сроки для внесенія податей съ крестьянъ, и чтобы эти сроки были обязательны для администраціи. Г. Голубевъ полагаетъ, что земство, хорошо зная экономическое положеніе населенія, будетъ назначать наиболѣе благоприятныя для крестьянъ сроки ¹⁾. Мы не возражаемъ противъ этой мѣры, но только думаемъ, что едва ли отъ подобной мѣры можно ожидать большой пользы. Въ настоящее время, какъ мы знаемъ, сами крестьянскія общества имѣютъ право устанавливать частные сроки для внесенія податей; конечно, сельскія общества не хуже земства знаютъ свое экономическое положеніе, и тѣмъ не менѣе платежи свопляются въ концу года.

Что касается круговой поруки, то по отношенію къ ней принято уже радикальное средство; это именно ея полное уничтоженіе. Только изрѣдка въ пользу круговой поруки высказывались тѣ изъ защитниковъ общиннаго землевладѣнія, которые считали круговую поруку существенно связанною съ общиннымъ землевладѣніемъ. На самомъ же дѣлѣ и эти лица не должны бы отставать круговой поруки, потому что между нею и общиннымъ землевладѣ-

¹⁾ Голубевъ, Подать и народное хозяйство, „Русск. М.“, 1893, кн. VII, стр. 29.

нѣмъ нѣтъ существенной связи, и общинное землевладѣніе можетъ совершенно спокойно существовать безъ круговой поруки. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ части крестьянскаго законодательства, которыя относятся къ круговой порукѣ, могутъ быть совершенно удобно отмѣнены безъ всякаго затрогиванія другихъ частей этого законодательства. Ст. 309 Общаго Положенія о крестьянахъ (изд. 1902) говоритъ, что недоборъ, оказавшійся къ 1 января, за отдѣльными домохозяевами, разверстывается сходомъ между всѣми домохозяевами, а ст. 316 того же Положенія гласитъ, что исправникъ примѣняетъ принудительное взысканіе уже согласно съ этой разверсткой—не къ первоначальнымъ недоимщикамъ, а ко всѣмъ домохозяевамъ. Какимъ образомъ будетъ затронута общинное землевладѣніе, если ст. 309 будетъ отмѣнена, а въ ст. 316 будетъ сказано, что полиція принудительно взыскиваетъ недоимки только съ первоначальныхъ и дѣйствительныхъ виновниковъ недоимки, не затрогивая другихъ домохозяевъ? Крестьяне попрежнему могутъ имѣть землю въ общинномъ владѣніи, передѣлять ее время отъ времени, раскладывать между собой разные налоги сообразно съ земельными надѣлами или какими-нибудь еще иными основаніями; они только должны будутъ указывать финансовой и общей администраціи тѣхъ своихъ членовъ, которые не внесли сполна причитающихся съ нихъ платежей,— вотъ и все.

Возраженіе противъ уничтоженія выкупныхъ платежей можетъ относиться къ практической осуществимости этой мѣры при современномъ состояніи русскихъ финансовъ; могутъ сказать, что выкупные платежи составляютъ въ настоящее время значительную статью дохода и что трудно замѣнить ихъ какимъ-нибудь другимъ доходомъ. На это возраженіе слѣдуетъ прежде всего отвѣтить, что, все равно, выкупные платежи представляютъ изъ себя временное явленіе, что рано или поздно они перестанутъ существовать. Съ другой стороны, та потеря, которую потерпитъ государственный бюджетъ отъ уничтоженія выкупныхъ платежей, до значительной степени можетъ быть возмѣщена сейчасъ же. Во-первыхъ, послѣ уничтоженія выкупныхъ платежей можно тотчасъ же усилить государственный поземельный налогъ. Мы уже говорили, что нашъ поземельный налогъ самъ по себѣ очень незначителенъ и допускаетъ увеличеніе. По нашему мнѣнію, его можно бы увеличить раза въ $2\frac{1}{2}$. Еслибы это было сдѣлано, то около $\frac{1}{3}$ части выкупныхъ платежей было бы возмѣщено, такъ какъ выкупные платежи съ 1887 года даютъ государственному казначейству около 90 милл. въ годъ, а поземель-

ный налогъ—около 20 милл. въ годъ. Увеличеніе поземельнаго налога на 30 милл. не было бы обременительно и для крестьянъ, такъ какъ изъ этой суммы значительная часть (около половины) пала бы на частное землевладѣніе; такимъ образомъ крестьяне вмѣсто 90 милл. выкупныхъ платежей стали бы платить на 15 милл. больше поземельнаго налога. Дальнѣйшее увеличеніе поземельнаго обложенія въ настоящее время нежелательно: во-первыхъ, потому, что чѣмъ болѣе увеличилось бы поземельное обложеніе, тѣмъ болѣе подрывалась бы цѣль всей реформы; затѣмъ, во-вторыхъ, было бы слишкомъ затронуто частное землевладѣніе, которое, какъ извѣстно, нынѣ тоже находится далеко не въ блестящемъ положеніи. Изъ остального недобора (около 60 милл.) также значительную часть можно переложить на другіе виды прямого обложенія, особенно на прямое обложеніе тѣхъ видовъ промышленности, которымъ оказывается сильное покровительство, конечно, съ отягощеніемъ всего населенія, и въ томъ числѣ главной массы населенія, т. е. крестьянства. Еслибы, однако, въ концѣ концовъ государственный бюджетъ и потерялъ на первое время нѣсколько милліоновъ, то это не представляло бы большой бѣды: эта потеря была бы покрыта въ недалекомъ же будущемъ, особенно еслибы правительство рядомъ съ податнымъ облегченіемъ сельскаго хозяйства предприняло рядъ другихъ серьезныхъ мѣръ въ пользу этого хозяйства. Подъемъ сельскаго хозяйства загладилъ бы недочетъ отъ уничтоженія выкупныхъ платежей отчасти увеличеніемъ всѣхъ государственныхъ доходовъ, отчасти уменьшеніемъ расходовъ,—напр., уменьшеніемъ продовольственныхъ затратъ. Такимъ образомъ, противъ возможности уничтоженія выкупныхъ платежей нельзя представить серьезныхъ возраженій и съ точки зрѣнія государственнаго бюджета.

III.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о такъ называемомъ прямомъ обложеніи. Это обложеніе имѣетъ въ виду охватить доходы отдѣльныхъ лицъ, причемъ фискъ такъ или иначе оцѣниваетъ доходы или объекты, приносящіе доходы, и имѣетъ дѣло прямо съ дѣйствительными носителями податнаго бремени; такъ, мы говорили о поземельномъ обложеніи; это обложеніе относится къ прямому, такъ какъ его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы владѣлецъ земли отдалъ извѣстную часть дохода этого объекта въ государственную кассу. Но есть еще другой видъ обложенія: это такъ на-

зываются косвенные налоги. Косвенные налоги существенно отличаются от прямых: эти налоги взимаются не прямо съ дѣйствительныхъ плательщиковъ налоговъ, а съ посредствующихъ лицъ; именно, они первоначально уплачиваются производителями или торговцами товаровъ съ тѣмъ, чтобы посредствующія лица взяли обратно уплаченную ими въ казну сумму съ потребителей товаровъ; налоги эти падаютъ въ концѣ концовъ на потребителей товаровъ; они, слѣдовательно, соразмѣряются не прямо съ доходами отдѣльныхъ лицъ, а съ потреблениемъ отдѣльныхъ лицъ, и только черезъ потребление захватываютъ доходы. Всякому извѣстны случаи косвеннаго обложенія изъ русской дѣйствительности; такъ, напр., если табачный фабрикантъ закупаетъ на большія суммы бандеролей и оклеиваетъ ими помещенія съ табакомъ, то этотъ такъ называемый табачный акцизъ относится къ косвенному обложенію; въ концѣ концовъ этотъ акцизъ будетъ оплаченъ потребителями табака соразмѣрно со степенью ихъ пристрастія къ куренію; или, если торговецъ везетъ товаръ изъ-за границы и на границѣ уплачиваетъ таможенную пошлину, то это тоже будетъ косвенное обложеніе, и т. д. Въ Россіи въ настоящее время косвенное обложеніе господствуетъ надъ прямымъ; правда, и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ косвенное обложеніе выше прямого, но превышеніе это тамъ не такъ сильно, какъ въ Россіи; такъ, въ Англіи и во Франціи косвенные налоги больше прямыхъ въ 2—3 раза. Въ Россіи же дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1898 году прямые налоги составляли 103,9 милл., а косвенные—634,9 милл.; по отношенію ко всѣмъ обыкновеннымъ доходамъ въ томъ же году прямые налоги составляли 6,6⁰/₁₀₀, а косвенные—40,1⁰/₁₀₀. Такимъ образомъ, по абсолютной величинѣ косвенные налоги у насъ превосходятъ прямые болѣе, чѣмъ въ 6 разъ. Слѣдуетъ еще при этомъ имѣть въ виду то обстоятельство, что русскіе косвенные налоги растутъ быстрѣе прямыхъ; такъ, въ 1889 г. прямые налоги составляли 89,1 милл., а косвенные—457,1 милл. Если сравнить эти величины съ вышеприведенными за 1898 г., то окажется, что въ періодъ съ 1889 по 1898 г. прямые налоги возросли на 17⁰/₁₀₀, а косвенные—на 39⁰/₁₀₀. Среди косвенныхъ налоговъ первое мѣсто принадлежитъ питейному доходу, второе—таможеннымъ пошлинамъ, третье—табачному акцизу; напр., въ 1898 питейный доходъ далъ 289,6 милл., не считая еще казенной продажи вина; таможенные пошлины принесли 218,9 милл., и табачный акцизъ

составлялъ 38,8 милл. ¹⁾. Спрашивается теперь: какъ отнестись въ этому непопулярному господству косвенныхъ налоговъ въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ? Спрашивается, прежде всего, является ли это господство косвенныхъ налоговъ благопріятнымъ для всего русскаго народнаго хозяйства и въ частности для сельскаго хозяйства? Если окажется, что господство косвенныхъ налоговъ надъ прямыми нужно считать явленіемъ неблагопріятнымъ, то нужно постараться показать, отъ чего оно зависитъ и нельзя ли здѣсь сдѣлать какія-нибудь улучшенія.

Что касается вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, то господствующее въ финансовой наукѣ мнѣніе—не въ пользу косвенныхъ налоговъ. Въ этомъ отношеніи практика и наука не сходятся между собой; какъ мы видѣли, въ дѣйствительной жизни косвенные налоги не только въ Россіи, но и въ западно-европейскихъ государствахъ превосходятъ налоги прямые по своему значенію въ государственныхъ бюджетахъ. Практическіе государственные дѣятели очень любятъ косвенные налоги за ихъ нѣкоторыя фискальныя выгоды, а именно: прежде всего, косвенные налоги могутъ давать весьма большія суммы государству; потребление нѣкоторыхъ предметовъ (спиртныхъ напитковъ, табаку и т. п.) такъ сильно распространено и люди такъ въ нимъ пристрастились, что даже очень высокое обложеніе этихъ предметовъ не мѣшаетъ широкому ихъ потребленію. Финансовыя администраторы любятъ, далѣе, косвенные налоги за то, что при нихъ отношенія между правительствомъ и населеніемъ устроиваются очень мягко, миролюбиво; когда съ населенія берутъ прямо налогъ въ опредѣленномъ процентѣ съ цѣнности или дохода имущества, то населеніе склонно часто роптать, особенно если величина обложенія значительна; тутъ уплачивается казнѣ населеніемъ извѣстная сумма безъ всякой обратной услуги со стороны казны. Къ платежамъ косвенныхъ налоговъ населеніе остается менѣе чувствительнымъ, потому что такіе налоги уплачиваются малыми долями, когда имѣются въ рукахъ болѣе или менѣе свободныя деньги; взаимнѣ уплаченной суммы получается какой-нибудь предметъ потребленія; уплата основывается не на прямомъ принужденіи. Впрочемъ, довольно часто населеніе нечувствительно въ высочайшему косвенному обложенію просто потому, что не имѣетъ яснаго представленія о величинѣ косвенныхъ налоговъ; всякому изъ жизни извѣстно, что косвен-

¹⁾ Всѣ приведенныя данныя о косвенномъ обложеніи взяты изъ изд. „Россія въ концѣ XIX ст.“, стр. 764 и сл.

ные налоги выплачиваются въ цѣнѣ товаровъ; въ цѣну же товара, обложеннаго косвеннымъ налогомъ, входятъ и другіе элементы, именно: стоимость производства, барышъ производителя и торговца; большинство не можетъ болѣе или менѣе точно опредѣлить, что составляетъ въ цѣнѣ товара акцизъ и что составляетъ издержки производства и барышъ производителя и торговца.

Какъ бы ни любили практики косвенное обложеніе, наука тѣмъ не менѣе съ полнымъ основаніемъ борется съ косвеннымъ обложеніемъ и рекомендуетъ при благопріятныхъ условіяхъ сокращать косвенное обложеніе до тѣхъ поръ, пока государственный бюджетъ не будетъ всецѣло основанъ на прямомъ обложеніи. Идеаль обложенія, рисуемый современной финансовой наукой для господствующаго у цивилизованныхъ народовъ типа экономическаго строя, состоитъ въ томъ, чтобы каждый гражданинъ участвовалъ въ общихъ государственныхъ расходахъ соразмѣрно величинѣ своего свободнаго дохода, т.-е. того дохода, который остается за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей; при этомъ истинная субъективная равномерность требуетъ, чтобы высокіе доходы облагались сильнѣе, чѣмъ малые; другими словами, въ интересахъ полнаго удовлетворенія начала равномерности наука рекомендуетъ такъ называемое прогрессивное обложеніе. Наука имѣетъ весьма сильныя и многія основанія столь недружелюбно относиться къ косвеннымъ налогамъ. Прежде всего косвенные налоги очень мало удовлетворяютъ началамъ всеобщности и равномерности; они не всеобщы, потому что падаютъ только на лицъ, потребляющихъ обложенные предметы, и не падаютъ на лицъ, эти предметы не потребляющихъ; такъ, косвенный налогъ на спиртные напитки затрогиваетъ лицъ пьющихъ и не затрогиваетъ непьющихъ. Косвенные налоги, далѣе, мало равномерны, потому что они соразмѣряются не съ доходомъ, а съ потребленіемъ; потребление же обложеннаго предмета часто или даже обыкновенно не движется прямо пропорціонально доходамъ: напр., въ семьѣ небогатой, въ которой чаепитіе играетъ сравнительно большую роль въ питаніи, расходъ на сахаръ можетъ быть не меньше, а иногда и больше, чѣмъ въ семьѣ богатой; или же въ семьяхъ съ одинаковымъ доходомъ, но не съ одинаковымъ личнымъ составомъ, расходъ на сахаръ будетъ неодинаковъ: та семья, въ которой будетъ большой личный составъ, особенно больше дѣтей, потребитъ больше сахара. Кромѣ этихъ главныхъ недостатковъ, косвенные налоги имѣютъ и многіе другіе, менѣе важные недостатки; такъ, косвен-

ные налоги отличаются болѣе значительной неустойчивостью, чѣмъ прямыя налоги, такъ какъ потребление многихъ облагаемыхъ предметовъ измѣнчиво; косвенные налоги очень стѣсняютъ ту отрасль промышленности, предметы которой обложены; эти стѣсненія устанавливаются для того, чтобы предотвратить потребление товаровъ безъ оплаты налоговъ. Обыкновенно взиманіе косвенныхъ налоговъ обходится дорого, во-первыхъ, потому, что казнѣ приходится держать сложную администрацію для взиманія ихъ, и, во-вторыхъ, потому, что косвенные налоги уплачиваются производителями или торговцами до сбыта ихъ населенію, и естественно производители и торговцы желаютъ получить процентъ и на уплаченный налогъ, который въ этомъ отношеніи для нихъ одинаковъ со всѣми другими издержками по производству или торговлѣ. Чтобы смягчить нѣкоторыя изъ этихъ многочисленныхъ неудобствъ косвенныхъ налоговъ, практика и наука рекомендуютъ выбирать съ особой тщательностью самыя предметы косвеннаго обложенія; именно, рекомендуется выбирать предметы не первой необходимости, чтобы налогъ не сталъ непосильнымъ бременемъ для наиболѣе бѣдныхъ слоевъ населенія, чтобы онъ не отнималъ у нихъ необходимаго для жизни. Далѣе, рекомендуется выбирать для косвеннаго обложенія немногіе, но зато широко распространенные предметы потребления; этимъ достигается меньше стѣсненія промышленности и большая дешевизна взиманія налога безъ уменьшенія его доходности. Эти ограниченія для косвеннаго обложенія, конечно, нужно признать, но тѣмъ не менѣе и при нихъ недостатки косвенныхъ налоговъ, въ лучшемъ случаѣ, только смягчаются, но совсѣмъ не устраняются; такъ, каковой бы предметъ ни облагался, косвенный налогъ всегда будетъ противорѣчить требованіямъ всеобщности и равномѣрности. Но кромѣ того, принявъ вышеуказанныя ограниченія, попадаютъ въ новыя затрудненія; въ самомъ дѣлѣ, въ наше время предметами не первой необходимости, но широкаго распространенія служатъ такіе продукты, потребление которыхъ является большимъ зломъ; всѣмъ извѣстно, что въ современныхъ государствахъ излюбленными предметами обложенія являются спиртные напитки и табакъ; государству, собственно, нужно бороться съ широкимъ распространеніемъ потребления этихъ предметовъ, а оно наоборотъ, на широкомъ распространеніи этого потребления основываетъ свое финансовое благосостояніе. Возьмемъ, въ качествѣ примѣра, питейный доходъ. Это не секретъ, что русскій народъ пьетъ, хотя въ общемъ и не очень много, но зато несдержанно въ отдѣльныхъ случаяхъ, и что

отъ пьянства разстроивается нѣкоторый довольно значительный процентъ крестьянскихъ хозяйствъ; слѣдовательно, весьма желательна широкая дѣятельность государства по предупрежденію пьянства, а между тѣмъ, пока государственный бюджетъ основанъ главнымъ образомъ на питейномъ доходѣ, до тѣхъ поръ эта дѣятельность не можетъ принять большихъ размѣровъ. Такимъ образомъ одно изъ достоинствъ косвенныхъ налоговъ, высоко цѣнимыхъ практиками, именно большая доходность, основывается, собственно, на широкомъ распространеніи въ населеніи дурныхъ привычекъ и страстей. Подобнаго же рода и другія практическія удобства косвенныхъ налоговъ; если населеніе ихъ платитъ нечувствительно и болѣе охотно, чѣмъ прямыя налоги, то это, собственно, зависитъ отъ малой культурности населенія, ибо только малокультурное населеніе совсѣмъ не сознаетъ прямыхъ своихъ обязанностей предъ государствомъ и предпочитаетъ вмѣсто прямого и опредѣленнаго взноса платить неопредѣленные налоги какой угодно величины, лишь бы это совпадало съ удовлетвореніемъ его дурныхъ привычекъ. Такимъ образомъ финансовая наука имѣетъ полное основаніе рекомендовать замѣну косвенныхъ налоговъ прямыми. Но практическое осуществленіе этого финансоваго идеала наталкивается нерѣдко на значительныя препятствія. Такъ какъ насъ интересуетъ собственно только Россія, то рассмотримъ вопросъ о томъ, можно ли у насъ рассчитывать на замѣну косвеннаго обложенія прямымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Какъ мы выше видѣли, въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, распространено косвенное обложеніе. И на это есть особня и сильныя причины. Дѣло въ томъ, что вышеуказанный финансовый идеалъ обложенія можетъ быть удобно осуществленъ только въ опредѣленномъ экономическомъ строѣ; этотъ идеалъ подходитъ именно только къ такъ называемому капиталистическому строю. Въ самомъ дѣлѣ, говорить объ обложеніи доходовъ можно только тогда, когда эти доходы въ жизни опредѣлились и ихъ удобно уловить, а это имѣетъ мѣсто только при широкомъ развитіи капитализма. Въ этомъ строѣ доходы выступаютъ ясно и опредѣленно и ихъ можно довольно удобно регистрировать вслѣдствіе этой ясности и опредѣленности; кромѣ того ихъ удобно наблюдать финансовой администраціи еще потому, что многіе изъ этихъ доходовъ сосредоточены въ небольшомъ числѣ рукъ; равнымъ образомъ довольно легко опредѣлять цѣнность тѣхъ объектовъ, которые приносятъ доходъ. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, основныя черты капиталистическаго строя. Въ этомъ

строѣ рѣзко выступаютъ четыре общественныхъ класса, причѣмъ каждый— съ рѣзко обозначенной экономической ролью и съ опредѣленнымъ и обособленнымъ видомъ дохода: рабочій продаетъ свой трудъ и получаетъ заработную плату; землевладѣлецъ за уступку пользованія его землей получаетъ поземельную ренту; капиталистъ, уступая въ чужое пользованіе свой капиталъ, получаетъ процентъ; наконецъ, предприниматель, прилагающій къ дѣлу трудъ, землю и капиталъ, получаетъ предпринимательскую прибыль. Такъ какъ въ капиталистическомъ строѣ крупное землевладѣніе, крупное капиталовладѣніе и крупныя предпріятія очень сильно распространены и даже эта все большая концентрація средствъ производства и особенно предпріятій является однимъ изъ законовъ капиталистическаго строя, то естественно, что чрезъ это облегчается обложеніе такихъ доходовъ, какъ процентъ, поземельная рента и предпринимательская прибыль: приходится имѣть дѣло съ сравнительно небольшимъ числомъ лицъ и притомъ болѣе или менѣе культурныхъ. Что касается заработной платы, то она, конечно, составляетъ доходъ массы населенія; но и ея обложеніе облегчается въ развитомъ капиталистическомъ строѣ. Дѣло въ томъ, что при подоходномъ обложеніи тѣ лица, которыя получаютъ заработную плату, достаточную только для удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей, освобождаются совсѣмъ отъ обложенія; чрезъ это сразу отпадаетъ весьма значительная часть рабочаго населенія, и притомъ наименѣе культурнаго; податному вѣдомству приходится имѣть дѣло только съ той наиболѣе культурной частью представителей наемнаго труда, которая получаетъ болѣе установленнаго закономъ минимума заработной платы, ниже котораго эта плата не облагается. Такъ какъ заработная плата есть явленіе довольно ясно выступающее, такъ какъ она твердо устанавливается въ договорѣ между наемщикомъ и нанимателемъ, то разрѣшеніе вопроса о высотѣ ея въ цѣляхъ обложенія также не представляетъ особыхъ затрудненій.

Не то мы видимъ въ Россіи, гдѣ капиталистическое производство еще мало развито. Какъ извѣстно, у насъ еще и теперь въ земледѣліи и обрабатывающей промышленности господствуютъ мелкія самостоятельныя предпріятія, господствуетъ такъ называемое народное производство. Въ сельскохозяйственной промышленности господствуетъ крестьянское хозяйство; построеніе котораго извѣстно: крестьянину принадлежатъ всѣ средства производства, если онъ ведетъ хозяйство на своей землѣ, или же ему принадлежатъ всѣ орудія производства, за исклю-

ченіемъ земли, если онъ ведетъ хозяйство на арендованной землѣ; онъ является самостоятельнымъ хозяиномъ, и весь продуктъ принадлежитъ ему; въ продуктѣ его хозяйства смѣшаны всѣ виды дохода: здѣсь заключается, прежде всего и главнымъ образомъ вознагражденіе за трудъ крестьянина; затѣмъ, здѣсь же должны заключаться и процентъ на затраченный капиталъ, и предпринимательская прибыль, и поземельная рента. Мы говоримъ, что послѣдніе три вида дохода должны заключаться въ общей чистой выручкѣ крестьянскаго хозяйства; на самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже и видѣли, этихъ видовъ дохода часто не бываетъ: выручка такъ мала, что нрѣдко не даетъ необходимаго содержанія. Подобнымъ же образомъ или почти подобнымъ образомъ строится и такъ называемая кустарная промышленность: еще и въ настоящее время кустарь очень часто является мелкимъ самостоятельнымъ предпринимателемъ, принимающимъ своимъ исполнительнымъ трудомъ участіе въ дѣлѣ; поэтому и его доходъ является недифференцированнымъ, смѣшаннымъ изъ разныхъ составныхъ частей. При такомъ положеніи вещей опредѣлять свободный доходъ, подлежащій обложенію, довольно затруднительно. Мы еще болѣе признаемъ эту затруднительность, если обратимъ вниманіе на ту массу малокультурныхъ самостоятельныхъ хозяевъ, съ которой финансовой администраціи пришлось бы имѣть дѣло при развитомъ прямомъ обложеніи. Получается въ концѣ концовъ такое положеніе вещей: въ основной своей промышленности (т.-е. земледѣльческой) масса русскаго населенія въ лучшемъ случаѣ вырабатываетъ въ своихъ самостоятельныхъ хозяйствахъ пропитаніе, а затѣмъ восполняетъ свои доходы другими мало устойчивыми и мало опредѣленными занятіями: помимо мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, оно берется за самыя разнообразныя мѣстныя и отхожія занятія. Наша система косвенныхъ налоговъ и предназначена улавливать эти неопредѣленные сторонніе заработки русскаго (главнымъ образомъ) сельскаго населенія. Такимъ образомъ, выше отмѣченное почти исключительное господство косвенныхъ налоговъ въ Россіи до значительной степени объясняется самымъ строемъ русской экономической жизни: лучшія формы прямого обложенія у насъ можно будетъ вводить въ жизнь только постепенно, только по мѣрѣ дальнѣйшаго экономического развитія страны. Такимъ образомъ, при изслѣдованіи отношенія между налогами и сельскимъ хозяйствомъ, мы приходимъ къ заключеніямъ неодинаковымъ относительно двухъ основныхъ видовъ обложенія: когда шла рѣчь о прямомъ обложеніи, то мы нашли, что существующее прямое

обложение вліяеть неблагопріятно на сельское хозяйство; теперь же въ отношеніи къ косвеннымъ налогамъ мы прежде всего получаемъ то положеніе, что господство этой мало совершенной системы обложения обязано главнымъ образомъ свойствамъ самой сельскохозяйственной промышленности.

Изъ всего сказаннаго о косвенномъ обложеніи мы должны сдѣлать слѣдующіе правтическіе выводы. Надѣяться на скорую и полную замѣну косвенныхъ налоговъ прямыми или даже на болѣе или менѣе сильное соображеніе косвенныхъ налоговъ въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ основаній; такая серьезная реформа еще не можетъ быть скоро осуществлена въ Россіи по неподготовленности для того самой экономической жизни. Наука можетъ только рекомендовать финансовому управленію всегда имѣть въ виду возможно сильное расширеніе прямого обложения за счетъ косвеннаго и осуществлять его, какъ только къ тому откроется возможность, благодаря благопріятнымъ измѣненіямъ въ самомъ народномъ хозяйствѣ. Впрочемъ, ужь и въ ближайшемъ будущемъ въ области косвеннаго обложения могутъ быть сдѣланы небольшія измѣненія въ пользу всего населенія и въ частности сельскаго населенія. Дѣло въ томъ, что косвенные налоги становятся особенно вредными, когда они налагаются на предметы первой или по крайней мѣрѣ значительной необходимости. Въ этомъ случаѣ они начинаютъ отнимать у населенія даже существенно необходимое, начинаютъ захватывать и самыя бѣдныя слои населенія; ихъ дурныя качества становятся рѣзче; такъ, напр., неравномѣрность косвенныхъ налоговъ особенно сильно чувствуется, потому что чѣмъ меньше бюджетъ семьи, тѣмъ она бѣднѣе, тѣмъ болшую часть ея расходовъ составляютъ расходы на предметы первой необходимости. Поэтому считается вполне желательнымъ, чтобы косвенные налоги, разъ они играютъ уже существенную роль въ государственномъ бюджетѣ, не касались совсѣмъ или касались слабо такихъ предметовъ, которые являются для населенія болѣе или менѣе необходимыми. Это правило въ системѣ нашихъ косвенныхъ налоговъ не вполне осуществлено, и ради его осуществленія можно бы и сейчасъ уже кое-что сдѣлать. Какъ выше было сказано, косвенные налоги въ Россіи имѣютъ задачей подвергнуть обложенію мало опредѣленные, мало поддающіеся прямому исчисленію заработки массы населенія. Для того, чтобы косвенные налоги не отнимали у населенія необходимыхъ средствъ пропитанія, чтобы они не заставляли населеніе проѣдать и безъ того жалкія хозяйственныя приспособленія, причисляемыя наукой къ капиталу, нужно принять

особыя мѣры. Впрочемъ для этого существуетъ только одна гарантія; эта гарантія состоитъ въ томъ, чтобы косвенные налоги падали на предметы не первой необходимости; только въ этомъ случаѣ будетъ болѣе или менѣе сильная вѣроятность, что подъ видомъ косвенныхъ налоговъ населеніе не отдастъ необходимаго для потребленія или для хозяйства. Съ этой точки зрѣнія мы не будемъ возражать противъ питейнаго или табачнаго налога, играющихъ у насъ виднѣйшее мѣсто. Но другіе косвенные налоги, имѣющіе мѣсто въ русской государственной росписи, возбуждаютъ значительное сомнѣніе въ своей умѣстности. Какъ извѣстно, у насъ косвенными налогами обложены еще нефтяныя масла, спички и сахаръ. Эти предметы въ настоящее время обложены довольно значительно и даютъ казнѣ значительные доходы; такъ, напр., сахарный акцизъ составляетъ 1 руб. 75 коп. съ пуда и давалъ казнѣ въ пятилѣтіе 1893—1897 отъ 32 до 55 милл. въ годъ; нефтяной налогъ давалъ въ то же время отъ 16 до 23 милл.¹⁾, причемъ на пудъ керосина населенію приходится платить 60 коп. Между тѣмъ, всѣ эти предметы являются настоящими предметами потребленія для русскаго населенія; керосинъ и спички служатъ предметами освѣщенія, а сахаръ служитъ однимъ изъ составныхъ элементовъ чаепитія, играющаго такую большую роль въ питаніи русскаго народа. Поэтому по меньшей мѣрѣ желательно ослабить обложеніе этихъ предметовъ; можно быть увѣреннымъ, что пониженіе обложенія этихъ предметовъ не будетъ полнымъ убыткомъ для казны; значительная часть пониженія будетъ возмѣщена болѣе сильнымъ распространеніемъ потребленія (особенно сахара). Если же затѣмъ все-таки у казны оказался бы недочетъ въ доходахъ, и еслибы казна нѣкоимъ образомъ не могла примириться съ этимъ недочетомъ, то она могла бы покрыть этотъ недочетъ усиленіемъ обложенія спиртныхъ напитковъ и табака или пріисканіемъ изъ многочисленныхъ предметовъ удобства и роскоши такихъ, которые болѣе удобны для косвеннаго обложенія.

До сихъ поръ мы оставляли въ сторонѣ одинъ видъ косвеннаго обложенія, по своей оригинальности занимающій совсѣмъ особое мѣсто; мы говоримъ о таможенныхъ пошлинахъ. Таможенныя пошлины, какъ извѣстно, имѣютъ двѣ существенно различныхъ цѣли: съ одной стороны, онѣ, подобно всякому другому виду косвеннаго обложенія, имѣютъ въ виду обложеніе готовыхъ продуктовъ съ цѣлью заставить населеніе, пользующееся этими

¹⁾ Сабуровъ, назв. соч., Прилож. 86.

продуктами, вносить извѣстныя суммы въ государственную казну. Поскольку таможенныя пошлины преслѣдуютъ цѣли обложенія, постольку онѣ не представляютъ изъ себя ничего оригинальнаго; въ этомъ случаѣ къ нимъ приложимо все то, что выше было сказано о косвенныхъ налогахъ. Но таможенныя пошлины получили весьма широкое распространеніе въ жизни не какъ видъ обложенія; ихъ широкое распространеніе имѣетъ въ виду поддержку, покровительство промышленности. Эту же цѣль преимущественно преслѣдуютъ и русскія таможенныя пошлины. Вотъ съ этой своей стороны таможенныя пошлины и заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія.

Прежде всего здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли Россіи совсѣмъ оставить таможенное покровительство отечественной промышленности по его бесполезности или даже вредности. Въ самомъ дѣлѣ, взимаются ли таможенныя пошлины съ финансовыми цѣлями или съ цѣлями покровительственными, все равно, онѣ ведутъ къ вздорожанію товаровъ; между прочимъ, на это вздорожаніе многихъ товаровъ (железа, сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. п.) жалуются представители сельско-хозяйственныхъ интересовъ; очень часто упрекаютъ наше правительство въ томъ, что оно поддерживаетъ обрабатывающую промышленность на счетъ сельскаго хозяйства. Въ нашей ученой и публицистической литературѣ господствующее направленіе склонно поддерживать болѣе начало свободной международной торговли, чѣмъ начало покровительства. Авторъ настоящей статьи уже имѣлъ случай высказаться по этому вопросу печатно ¹⁾. Поэтому здѣсь приходится только указать кратко тѣ выводы, которые обоснованы въ указанной статьѣ болѣе или менѣе подробно. Полная свобода торговли или свободное экономическое международное общеніе является отдаленнымъ идеаломъ; оно будетъ, можетъ быть, осуществлено, но тогда, когда изолированность между народами, ихъ эгоистическая борьба другъ съ другомъ прекратится; желать этого, работать ради этого, конечно, никогда не нужно переставать. Но пока люди раздѣлены на отдѣльныя государства, пока эти государства имѣютъ свои особые интересы, не совпадающіе съ интересами другихъ государствъ, пока они, подобно частнымъ лицамъ, повинуются чаще всего и сильнѣе всего мотиву отдѣльнаго національнаго интереса, до тѣхъ поръ выгодность начала сво-

¹⁾ См. ст. „О русско-германскомъ торговомъ договорѣ“, въ журналѣ „Народное Хозяйство“, 1902, апрѣль.

бодной торговли при всяких фактических условіяхъ и для всякаго народа нельзя доказать. При этихъ предположеніяхъ начала свободной торговли и покровительства являются такими относительными принципами, которые попеременно могутъ быть выгодными и невыгодными: при однихъ условіяхъ выгоденъ одинъ принципъ, при другихъ выгоденъ другой принципъ. Такъ, для Россіи нашего времени нужно считать выгоднымъ примѣненіе принципа покровительства, и именно примѣненіе этого принципа имѣетъ существенныя выгоды не только для обрабатывающей промышленности, но и для земледѣлія; въ земледѣліи у насъ скопилась, какъ мы видѣли, такая масса населенія, которая уже не можетъ себя тамъ обезпечить; для этого излишняго сельскохозяйственнаго населенія нуженъ выходъ, нужно перемѣщеніе въ другіе виды промышленности; поэтому таможенное покровительство, способствующее быстрому развитію не-сельскохозяйственныхъ производствъ, выгодно и для русскаго сельскохозяйственнаго населенія.

При такомъ взглядѣ на значеніе протекціонизма для современной Россіи, мы не можемъ считать правильнымъ полное его уничтоженіе и переходъ въ ближайшемъ будущемъ къ свободной торговлѣ. Однако нельзя согласиться и съ тѣмъ, что въ области таможеннаго обложенія ничего нельзя сдѣлать въ направленіи облегченія сельскохозяйственной промышленности. Наоборотъ, можно сдѣлать для этой промышленности нѣкоторыя облегченія въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего, какъ мы старались показать болѣе подробно въ выше названной статьѣ, нашъ протекціонизмъ чрезвычайно высокъ и не оправдывается той цѣлью, для которой онъ можетъ существовать. Въ самомъ дѣлѣ, если прослѣдить исторію нашего нынѣ дѣйствующаго общаго тарифа 1891 г., то окажется, что онъ слагался не только подъ вліяніемъ идеи покровительства отечественной промышленности, но подъ вліяніемъ другихъ соображеній; такъ, нерѣдко таможенныя ставки повышались по фискальнымъ соображеніямъ; довольно часто обложеніе повышалось съ цѣлью поддержанія курса бумажнаго рубля и т. д. Поскольку таможенный тарифъ выросъ подъ вліяніемъ подобныхъ не протекціонныхъ соображеній, постольку его высота не можетъ быть оправдана. Поэтому, не нарушая цѣлесообразнаго протекціонизма, нашъ общій тарифъ можетъ быть значительно пониженъ. Лучше всего это пониженіе осуществить путемъ торговыхъ договоровъ съ иностранными государствами, которыя при этомъ понизили бы и свои пошлины на наши сельскохозяйственные продукты. Этимъ путемъ наше сельское

хозяйство получило бы весьма существенныя выгоды: во-первыхъ, черезъ удешевленіе нужныхъ для него издѣлій и, во-вторыхъ, черезъ облегченіе сбыта его собственныхъ произведеній. Какъ извѣстно, Россія состоитъ въ договорныхъ торговыхъ отношеніяхъ съ другими западно-европейскими государствами, но срокъ договоровъ съ нѣкоторыми державами скоро оканчивается; такъ, торговый договоръ съ Германіей оканчивается въ декабрь 1903 года. Въ интересахъ русскаго сельскаго хозяйства нужно желать, чтобы наше правительство добилось возобновленія договоровъ по крайней мѣрѣ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ эти договоры существуютъ нынѣ. Впрочемъ, принятіе германскимъ парламентомъ проекта новаго таможеннаго тарифа съ минимальными ставками на зерновые продукты затрудняетъ возобновленіе договора съ нею на старыхъ условіяхъ; повидимому, Россіи придется вступить съ Германіей въ таможенную войну, какъ это было передъ заключеніемъ дѣйствующаго договора. Какъ сложится дѣйствительная жизнь, теперь трудно предсказать, но одно несомнѣнно, что пониженіе русскаго тарифа 1891 года въ соединеніи съ международными договорами было бы существеннымъ облегченіемъ для русскаго сельскаго хозяйства.

Другое направленіе, въ которомъ могутъ быть сдѣланы улучшенія въ таможенной системѣ въ интересахъ сельскаго хозяйства, заключается въ слѣдующемъ. Въ настоящее время сельское хозяйство нуждается въ переходѣ отъ экстенсивныхъ системъ къ интенсивнымъ; эти послѣднія требуютъ большихъ капитальныхъ тратъ по сравненію съ системами экстенсивными и въ частности съ нашей традиціонной трехпольной системой; доступность всѣхъ реальныхъ капиталовъ, нужныхъ для этого переворота въ сельскомъ хозяйствѣ, приобретаетъ въ настоящее время существенное значеніе. Поэтому желателенъ новый и тщательный пересмотръ таможеннаго тарифа съ этой точки зрѣнія, и всѣ тѣ предметы, которые служатъ средствомъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ, должны быть понижены въ своемъ обложеніи, если уже нельзя будетъ безъ рѣзкаго нарушенія интересовъ не-сельскохозяйственныхъ совершенно уничтожить это обложеніе.

Мы закончили разсмотрѣніе нашей податной системы съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. Въ концѣ концовъ, мы нашли, что сельское хозяйство можетъ рассчитывать на нѣкоторыя облегченія въ области податнаго обложенія. Но эти облегченія не могутъ быть значительными, отчасти по самымъ свойствамъ нашей экономической жизни, отчасти по невозможности

значительно уменьшить государственные доходы. Последнее положение мы не считали нужным подробно доказывать; это положение (т.-е. положение о невозможности значительного сокращения общей суммы налоговъ) рѣдко къмъ оспаривается, и трудно его дѣйствительно оспаривать; всѣмъ извѣстно, что даже при вынѣшней суммѣ государственныхъ доходовъ нѣкоторыя государственныя потребности совсѣмъ не удовлетворяются, а другія потребности далеко не вполнѣ удовлетворяются. Слабая сторона расходной стороны нашего государственнаго хозяйства заключается не въ излишествѣ собираемыхъ съ населенія налоговъ по сравненію съ государственными потребностями, а только въ не вполнѣ пропорціональномъ распредѣленіи расходовъ между отдѣльными потребностями: однѣ потребности удовлетворяются, относительно, гораздо полнѣе, чѣмъ другія; такъ, потребности внѣшней и внутренней безопасности удовлетворяются, относительно, несравненно полнѣе, чѣмъ потребности духовнаго и матеріальнаго благосостоянія населенія. Правда, обезпеченіе внѣшней и внутренней безопасности является элементарнѣйшей и настоятельнѣйшей задачей государства; это должны признать и признаютъ и тѣ лица, которыя ратуютъ за нѣсколько иное распредѣленіе государственныхъ расходовъ. Эти послѣднія лица, разумѣется, не имѣютъ въ виду понизить внѣшнюю и внутреннюю безопасность Россіи; они только убѣждены въ томъ, что если государство будетъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ теперь, развивать духовныя и матеріальныя богатства своего народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно не понизитъ и внѣшней и внутренней безопасности страны, ибо духовное и матеріальное богатство народа является одною изъ лучшихъ гарантій той и другой безопасности. Съ этой точки зрѣнія и русское сельское хозяйство имѣетъ основанія жаловаться на государственное хозяйство: какъ извѣстно, прямыя траты казны на поддержаніе сельскохозяйственной промышленности до сихъ поръ ничтожны.

Итакъ, мы нашли, что на значительныя податныя облегченія въ ближайшемъ будущемъ сельское хозяйство рассчитывать не можетъ. Но и тѣ податныя облегченія, которыя могутъ быть сдѣланы въ настоящее время, были бы очень полезны сельскому хозяйству, особенно въ ряду другихъ мѣръ, направленныхъ на его подъемъ: эти податныя облегченія ослабили бы давленіе на сельское хозяйство со стороны казны, дали бы ему вздохнуть, открыли бы возможность оправиться путемъ другихъ средствъ, дѣйствующихъ прямо на него, и податное бремя менѣе мѣшало бы примѣненію этихъ другихъ средствъ. Но мы должны, однако,

признать, что еслибы даже обстоятельства дозволяли облегчить податное бремя въ степени гораздо болѣе, чѣмъ выше указано, то, все равно, отъ одной этой мѣры нельзя ожидать полнаго подъема сельскаго хозяйства; эта мѣра имѣла бы только отрицательный характеръ; она устранила бы только одно изъ препятствій къ подъему сельскаго хозяйства; рядомъ съ ней, все равно, были бы нужны другія серьезныя положительныя мѣры. Поэтому неправильно въ дѣлѣ необходимаго содѣйствія сельскому хозяйству придавать исключительное или даже только преимущественное значеніе податнымъ преобразованіямъ; центр тяжести нужно искать въ другихъ приемахъ воздѣйствія на сельское хозяйство.

П. А. Никольскій.

Казань.

ТЩЕТНОЕ УСИЛІЕ

РОМАНЪ.

— Edouard Rod. *L'Inutile Effort*, Paris. 1903.

V *).

Уставъ отъ длиннаго утомительнаго дня, Перёвъ проспалъ ночь почти такъ же спокойно, какъ человѣкъ, не имѣющій заботъ. Но подъ утро, когда онъ проснулся отъ тяжелаго сна, его снова обступили образы, которые онъ съ такимъ трудомъ отогналъ отъ себя наканунѣ. Ужаснувшись мысли, что они отнынѣ будутъ являться къ нему съ каждой зарей, онъ напрягъ всю свою волю, чтобы избавиться отъ нихъ,—но всё его усилія были напрасны. Они не покидали его—ясные, неотступные, какъ стражи при осужденномъ преступникѣ.

„Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ:—я не стану вновь рѣшать то, съ чѣмъ покончилъ вчера“.

Онъ вскочилъ, принявъ ванну, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ Фредерикъ только-что затопилъ каминъ, и сталъ просматривать дѣловыя бумаги, съ трудомъ сосредоточивая свое вниманіе на работѣ. Наконецъ наступилъ часъ утренняго чая, и онъ направился въ столовую. На столѣ сверкалъ чайникъ; чашки съ горячимъ молокомъ дымились передъ дѣтьми; Люси, въ голубомъ капотѣ, намазывала масло на хлѣбъ для дѣтей. Вѣяло особой прелестью отъ этой мирной картины семейной жизни въ тотъ

¹⁾ См. выше, июль, стр. 176.

часть, когда общеніе возобновляется послѣ ночного перерыва и прежде чѣмъ дневныя дѣла и заботы предъявляютъ свои права.

— Ты хорошо спалъ?—спросила Люси.

— Очень хорошо.

— Много работы сегодня?

— Какъ всегда. Ничего особеннаго не предвидится.

Отвѣчая женѣ, Леонардъ съ нѣжностью слѣдилъ за дѣтьми. Маркъ, у котораго руки были всегда чѣмъ-нибудь заняты, каталъ шарики изъ хлѣба; Раймонда, проливъ немного молока на скатерть, тотчасъ же этимъ воспользовалась, чтобы рисовать пальцемъ рѣки и озера. Мать побранила дѣтей.

— Это что такое? Маркъ, тебѣ дали хлѣбъ не для игры! Раймонда, зачѣмъ ты пачкаешь скатерть?

„Эти дѣти навѣрное мои“,—думалъ Персѣзъ, глядя на нихъ.— „Я ихъ люблю, они составляютъ весь смыслъ моего существованія, и я долженъ жить только для нихъ. Все, что случится со мной, отразится на нихъ. Мое будущее имъ принадлежитъ: я не принесу ихъ въ жертву призракамъ минувшаго, я защищу себя, чтобы защитить ихъ“!..

Раймонда, увлеченная своими географическими планами, не сразу повиновалась, и только когда мать ударила ее по пальцамъ, она сняла руки со стола, печально глядя на свою незаконченную работу и какъ бы продолжая создавать въ воображеніи задуманную ею систему каналовъ, озеръ и рѣкъ. Она подняла на отца глаза, полные слезъ, съ надеждой, что онъ заступится за нее, какъ это часто случалось.

Но Леонардъ не замѣтилъ устремленнаго на него молящаго взора, и вошедшая горничная стерла губкой рисунокъ Раймонды.

Возстановивъ порядокъ, Люси спросила:

— Кто эта англичанка, которую вчера привелъ твой братъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Леонардъ.—Кажется, одна изъ тѣхъ космополитокъ, которыя путешествуютъ съ мѣста на мѣсто.

— Но она, кажется, великосвѣтская дама.

— Возможно.

— Какіе у нея брилліанты! Ты замѣтилъ? Она вѣроятно очень богата.

— Вѣроятно.

— Раймондъ давно съ ней знакомъ?

— Онъ бываетъ у нея, когда ѣздитъ въ Лондонъ.

— Кстати, что съ нимъ такое? Онъ два раза приходилъ вчера, когда тебя не было дома.

Леонардъ сейчасъ же подумалъ, что настойчивость Раймонда можетъ повзаться странной Люси, и поспѣшилъ сочинить объясненіе.

— Можетъ быть, онъ хотѣлъ поговорить объ этой дамѣ.

Вспомнивъ, что Раймондъ долженъ скоро придти, онъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ я теперь узнаю, въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ, что придетъ сегодня утромъ поговорить со мной.

Этимъ онъ только разжегъ любопытство Люси.

— Какія такія тайны могутъ быть у Раймонда! — сказала она съ презрительной усмѣшкой. — Ты мнѣ потомъ расскажешь, надѣюсь.

— У всякаго человѣка могутъ быть свои тайны, — отвѣтилъ Леонардъ.

Чтобы прекратить дальнѣйшіе вопросы, Леонардъ принялся за разборъ утренней почты; всѣ письма были дѣловыя. Развернувъ затѣмъ газеты, онъ не нашелъ въ нихъ ничего, касающагося Франсуазы. Прежде чѣмъ онъ кончилъ чтеніе газетъ, Фредерикъ доложилъ о приходѣ Биллона. Леонардъ поцѣловалъ въ лобъ Раймонду, провелъ рукой по волосамъ Марка и, сказавъ: „до свиданія“ Люси, пошелъ въ кабинетъ.

Биллонъ могъ бы сдѣлать хорошую карьеру, благодаря своему уму, знаніямъ и хорошей памяти, если бы, въ силу обстоятельствъ, не очутился въ зависимости отъ Перѣза, поработившаго его своимъ властнымъ эгоизмомъ. Для Перѣза его помощникъ былъ только орудіемъ, которымъ онъ пользовался для своихъ личныхъ цѣлей, и онъ не давалъ ему возможности создать себѣ самостоятельное положеніе, проявить свои способности. Биллонъ покорялся своему патрону, но относился къ нему съ затаенной враждой. На этотъ разъ, въ его удивленію, Перѣзъ поручилъ ему самостоятельное веденіе очень серьезныхъ дѣлъ. Биллонъ сразу почувствовалъ „что-то неладное“ въ поведеніи патрона и внутренно обрадовался. Его недоувѣрчивый и лукавый взоръ сталъ слѣдить за Леонардомъ, причемъ непроницаемое выраженіе его лица ничѣмъ не выдавало пробудившагося въ немъ любопытства.

Ихъ дѣловой разговоръ еще продолжался, когда въ кабинетъ вошелъ Раймондъ; онъ былъ очень возбужденъ и даже не скрывалъ своего волненія. Онъ взглянулъ на Биллона нетерпѣливымъ взглядомъ, какъ бы умоляя поскорѣе оставить его наединѣ съ братомъ. Биллонъ не подалъ вида, что понимаетъ его желаніе,

и не двигался съ мѣста, пока Леонардъ не обратился къ нему со словами:—Вы свободны на сегодня.

Послѣ ухода Биллона, Перѣзь сѣлъ въ кресло, указалъ брату стулъ, предназначенный для кліентовъ, и спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Что ты имѣешь мнѣ сказать?

Эта непринужденность смутила Раймонда. Растерявшись, подобно многимъ, которые садились на этотъ стулъ, не зная, какъ начать объясненіе своего сомнительнаго дѣла, онъ пробормоталъ:

— А ты?.. ты?..

Леонардъ игралъ большимъ разрѣзнымъ ножомъ изъ слоновой кости; его блѣдныя глаза разсѣянно глядѣли вдаль, и онъ отвѣтилъ съ намѣренной рѣзкостью:

— Ты, вѣроятно, спрашиваешь мое мнѣніе объ этомъ несчастномъ лондонскомъ процессѣ? Чѣмъ я тутъ могу помочь?

Первое лицо Раймонда, которому его большіе бархатные глаза придавали романтический и скорбный видъ, выразило величайшее изумленіе. Онъ взглянулъ на брата, подвѣлъ правую руку, потомъ снова опустилъ ее на колѣни, и не нашелся, что сказать. Леонардъ, пользуясь его растерянностью, сталъ странно говорить, какъ адвокатъ, рассчитывающій на свое краснорѣчіе въ трудномъ дѣлѣ; тонъ его былъ то чисто дѣловой, то полу-нисходительный, полу-покровительственный, какимъ онъ часто говорилъ, поучая своего неопытнаго, непрактичнаго младшаго брата.

— Я понимаю, что тебя волнуютъ подобныя происшествія—на то вѣдь ты поэтъ, живущій воображеніемъ! Да и я самъ былъ потрясенъ, узнавъ о случившемся. Напрасно думаютъ, что такія трагедіи происходятъ только въ романахъ, что писатели ихъ выдумываютъ. Онѣ случаются и въ дѣйствительной жизни. И тогда нужна огромная энергія, чтобы вынести потрясеніе. Въ первую минуту это ошеломляетъ—какъ ударъ въ голову. У меня тоже голова кругомъ пошла, но я удержался на ногахъ—и, какъ видишь, крѣпко стою!.. Ты этого не ожидалъ, не правда ли? Мнѣ понадобился цѣлый день, чтобы придти въ себя. Вчера я былъ самъ не свой, но сегодня равновѣсіе восстановлено: я все уяснилъ себѣ и больше ничего не боюсь!

Раймондъ не предвидѣлъ такой силы сопротивленія, столь противоположной его собственной слабости, но онъ сразу нашелъ слова, которыми разбилъ самоувѣренность брата; онъ произнесъ ихъ нетвердымъ голосомъ, не зная, какое впечатлѣніе они произведутъ:

— Ты ничего не боишься? Не могу я этому повѣрить: подумай — что если ее осудятъ?

Эти слова вызвали такую трагическую картину, что дрожь пробѣжала по тѣлу Переза. Онъ закрылъ глаза, провелъ рукой по лбу, какъ бы отгоняя головокруженіе, отъ котораго, очевидно, не омончательно излечился. Потомъ, подавляя огромнымъ напряженіемъ воли минутную слабость, отвѣтилъ рѣзкимъ тономъ:

— За свое преступленіе она сама и отвѣтитъ.

Онъ, вѣроятно, хотѣлъ ошеломить Раймонда своимъ жестокимъ отвѣтомъ, но ошибся въ расчетъ. Увѣренность Раймонда была слишкомъ велика, чтобы сдаться безъ доказательствъ, и слова брата возмутили его терпѣливую и мягкую душу.

— Преступленіе!.. Несчастный! — вѣдь она невинна!

— Какъ ты можешь это знать?

Леонардъ поднялся, и, сидя противъ него, Раймондъ, маленький, тщедушный, съ растеряннымъ выраженіемъ глазъ, казался жалкимъ отвергнутымъ просителемъ, готовымъ присоединить безпомощныя слезы къ тщетнымъ просьбамъ.

— Ты спрашиваешь объ этомъ меня? — воскликнулъ онъ. — Ты!.. Подумай только хорошенько! Ты ее любишь, ты знаешь, какая она добрая, благородная женщина. Обратись къ своимъ воспоминаніямъ: — была ли въ ней хоть одна черта, допускающая возможность преступленія?

Леонардъ опять почувствовалъ, что можетъ одержать побѣду надъ братомъ, и, отстранивъ уничтожающимъ жестомъ руки жалкіе сентиментальные доводы Раймонда, заговорилъ увѣреннымъ и авторитетнымъ тономъ:

— Да, да, въ моей памяти рисуется милое, доброе существо. Но что значать столь далекія воспоминанія и всѣ выводы изъ нихъ, когда дѣло идетъ о совершившемся фактѣ?.. Будемъ разсуждать, не извращая истины воображеніемъ или сентиментальностью... Вотъ уже восемь лѣтъ какъ я ничего не знаю объ этой несчастной женщинѣ. Восемь лѣтъ! Какъ она жила все это время? — вотъ вопросъ. Я знаю, какой она была во время нашего знакомства — да и то, могу ли я быть увѣренъ, что дѣйствительно зналъ ее тогда? Никогда нельзя знать, что таится въ душѣ даже тѣхъ женщинъ, которыя намъ отдаются, въ любовь которыхъ къ намъ мы вѣримъ. Женщины непостоянны: сегодня онѣ — полная противоположность тому, чѣмъ были вчера, и на слѣдующій день могутъ опять стать совершенно другими. Ихъ метаморфозы такъ же неожиданны, какъ движенія облаковъ. Конечно, если бы въ то время, когда я былъ знакомъ съ ней,

кто-нибудь пришелъ и сказалъ мнѣ: „эта хорошенькая Франсуаза, съ которой вы ѣздите гулять въ медонскій. Ёсъ, убилъ человѣка“, я бы не повѣрилъ, и возмущился бы, какъ ты теперь... Но съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, милый мой! Этого времени въ десять разъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы преступное намѣреніе созрѣло въ честной душѣ... Восемь лѣтъ!..

Онъ сдѣлалъ широкій жестъ руками, какъ бы отрывая просторъ мраку, которымъ столь длинный промежутокъ времени можетъ окутать невѣдомую человѣческую судьбу. Но вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нимъ въ этотъ безпредѣльный мракъ, Раймондъ продолжалъ твердо стоять на своемъ:

— Я такъ же убѣжденъ въ невозможности этого сегодня, какъ ты былъ убѣжденъ вчера, и какъ мы оба будемъ убѣрены завтра.

— На чемъ основана твоя увѣренность? На полузабытыхъ впечатлѣніяхъ, на смутныхъ воспоминаніяхъ,—да еще на твоей наивности, которая не допускаетъ возможности зла. Не зная фактовъ, ты внимаешь только голосу сердца, даешь волю фантазіи... Согласись, что я правъ.

Раймондъ ничего не отвѣтилъ и сталъ взволнованно ходить по комнатѣ. Леонардъ принялъ его молчаніе за знакъ своей побѣды и, слѣдя глазами за быстрыми движеніями брата, сталъ увѣреннымъ тономъ повторять всѣ доводы, которыми онъ наканунѣ оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ.

— Ты самъ долженъ чувствовать, на какихъ шаткихъ основахъ построена твоя увѣренность. Мои воспоминанія! Я тоже со вчерашняго дня разбираюсь въ нихъ. Они такъ неопредѣленны, такъ далеки... Конечно, эта бѣдная дѣвушка вела себя очень достойно и выказала большую стойкость,—я былъ виноватъ передъ нею. Но развѣ я могу быть увѣренъ, что вся вина на моей сторонѣ? Вспомни, какъ она сразу исчезла — ты думаешь—изъ гордости? Какъ знать? Спрашивалъ ли ты себя когда-нибудь о томъ, почему Франсуаза съ такой легкостью вернула мнѣ свободу? Почему она даже не попыталась предъявить свои права? Развѣ это не странно? Своей гордостью и самоотверженностью она готовила своему ребенку самую печальную участь. При хладнокровномъ обсужденіи все это не можетъ не казаться страннымъ. Развѣ у тебя не возникаютъ подозрѣнія? Что касается меня, то я все болѣе начинаю думать, что, быть можетъ, я не былъ единственнымъ любовникомъ Франсуазы. Какъ я могу быть увѣренъ въ томъ, что я дѣйствительно отецъ этого ребенка?

Раймондъ стоялъ противъ брата, по другую сторону стола,

и, судорожно ухватившись за его край руками, ждалъ этихъ словъ, вытекавшихъ изъ всего предшествовавшаго. Когда онъ услышалъ ихъ, потерявъ надежду, что они останутся на устахъ и въ душѣ Леонарда,—его охватило такое отчаяніе, что на глазахъ его выступили слезы.

— Неужели это ты говоришь все это?—спросилъ онъ тихимъ, печальнымъ голосомъ. — Неужели ты, мой братъ, унижаешься до подобной лжи и, чтобы выгородить себя, придумываешь подозрѣнія, которыя никогда не приходили тебѣ въ голову?

Въ печальномъ и кроткомъ голосѣ Раймонда звучала такая глубокая убѣжденность, что искусственная твердость Леонарда пошатнулась; но, чувствуя, что въ ней—его единственное спасеніе, онъ сталъ настаивать на своей правотѣ:

— Никогда не приходили въ голову!.. напрасно ты это думаешь. Франсуаза была моей случайной подругой, и было бы смѣшно съ моей стороны ревновать ее. Но мнѣ иногда казалось...

Раймондъ прервалъ его:

— Остановись! Не прибавляй больше ни одного слова къ тому, что ты уже сказалъ: ты самъ объ этомъ пожалѣешь... Прочти и тогда говори.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку писемъ Франсуазы и положилъ ее передъ братомъ.

— Что это такое?—спросилъ Перезъ, съ безпокойствомъ касаясь листовъ; онъ почувствовалъ страхъ передъ истиной, которую они могутъ раскрыть.

— Это ея письма,—объяснилъ Раймондъ.—Когда ты ее покинулъ, я хотѣлъ издали слѣдить за ней. Ты не исполнилъ свой долгъ, Леонардъ, и я старался, насколько могъ, исполнить его за тебя... Она была больна и не хотѣла извѣстить тебя; я подерживалъ ее въ это время безъ твоего вѣдома. Мнѣ это не было тягостно, увѣряю тебя... мнѣ было такъ жаль ее, и я такъ привязался къ ней... Потому я видѣлъ ее и ея ребенка въ Лондонѣ. Ахъ, если бы ты ихъ видѣлъ вмѣстѣ!.. Мы долго переписывались,—вотъ, прочти ея письма. Последнее изъ нихъ написано два года тому назадъ; потомъ она перестала писать. Прочти, и ты перестанешь подозрѣвать ее!..

Въ головѣ Переза мелькнуло опасеніе, которое не могло бы явиться у его брата.

— А гдѣ же твои письма къ ней?—взволнованно спросилъ онъ.—Гдѣ твои отвѣты, несчастный? Они остались у нея,—ихъ приобщать къ дѣлу!

Раймондъ даже не понялъ эгоистическую мысль, скрытую въ этомъ вопросѣ.

— Не все ли равно! — сказалъ онъ. — Прочти сначала вот эти письма... прошу тебя, и ничего не говори, прежде чѣмъ не прочтешь всѣхъ.

Леонардъ нервно развязалъ пачку и принялся за чтеніе. Стоя подлѣ кресла, на которомъ онъ сидѣлъ, Раймондъ слѣдилъ глазами за перечитанными имъ ночью строчками и иногда указывалъ пальцемъ на какую-нибудь фразу, повторяя:

— Прочти вотъ это... читай!.. Понялъ теперь?

Трудовая, полная материнскихъ заботъ жизнь Франсуазы развертывалась передъ человѣкомъ, который бросилъ ее на произволь судьбы. По письмамъ видно было, что молодой женщиной приходилось много бороться и страдать; но она не жаловалась на свою одинокую и тяжелую жизнь, а распространялась болѣе всего о своихъ материнскихъ радостяхъ. Въ каждомъ письмѣ она выражала также свою благодарность другу, преданность котораго она цѣнила, не догадываясь о его тайной любви къ ней.

Теперь эта любовь, затаенная такъ долго, замершая за время разлуки и пробудившаяся отъ страшнаго удара, ярко свѣтилась въ большихъ черныхъ глазахъ Раймонда, связывалась въ его лихорадочныхъ движеніяхъ. Кончивъ чтеніе писемъ, Леонардъ взглянулъ на брата, понялъ тайну его пламенной души, въ которую онъ до тѣхъ поръ не старался проникнуть, и замолкъ. Онъ больше не рассуждалъ, не искалъ лицемѣрныхъ оправданій. Во второй разъ онъ заглянулъ въ зеркало истины и увидѣлъ самого себя въ ужаснушемъ его образѣ.

— Ты говоришь, что она писала тебѣ въ послѣдній разъ два года тому назадъ?.. — спросилъ онъ, не глядя на брата, но Раймондъ не далъ ему продолжать.

— Молчи!.. молчи! — крикнулъ онъ, и, читая, какъ въ открытой книгѣ, въ замкнутомъ сердцѣ Леонарда, сталъ говорить такъ, какъ будто держалъ въ рукахъ страшное зеркало: — Не говори того, что ты хотѣлъ теперь сказать, Леонардъ. Достаточно грустно, что ты это подумалъ. Отгони недостойныя тебя скверныя предположенія. Въ тебѣ есть какая-то тираническая сила, мѣшающая тебѣ быть самимъ собой, т.-е. добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Я вѣдь тебя хорошо знаю, — я, который люблю тебя всей душой! Жизнь тебя испортила; ты слишкомъ часто уступалъ ея требованіямъ, слишкомъ вѣрилъ ея обѣщаніямъ. Нельзя безнаказанно быть честолюбивымъ: каждая побѣда навлекаетъ пятно на человѣка. Но горе смываетъ эти пятна! Побѣди въ себѣ

кишника, — я обращаюсь къ твоему лучшему „я“ и хочу разбудить твою душу. Ты переживаешь теперь критическую минуту, рѣшительный часъ, когда нужно забыть всѣ низменные расчеты и интересы. Наступилъ великій часъ: нужно выполнить страшно трудную задачу, геройскій долгъ, замѣнившій простую обязанность, отъ исполненія которой ты уклонился когда-то. Для позлаго и трусливаго человѣка долгъ этотъ былъ бы неисполнимъ, но ты не остановишься передъ трудностями!

Въ голосъ Раймонда слышалась пламенная вѣра, и вся его тщедушная фигура какъ бы выросла и стала властной. Неотраженная правда его словъ разбила лицемѣрные доводы Леонарда, который воскликнулъ въ порывѣ искренняго отчаянія:

— Но что же я могу сдѣлать?.. Я не знаю, какъ быть!

Въ его глазахъ отразилась новая мука, болѣе безнадежная, чѣмъ эгонистическіе страхи.

— Я былъ другого мнѣнія, — продолжалъ онъ растерянно: — я думалъ, что Франсуаза виновна въ преступленіи... Я не зналъ объ этихъ письмахъ, я ничего не зналъ... Но теперь я вижу, что ты правъ... Конечно, нужно дѣйствовать, — но какъ? Что я могу сдѣлать теперь, сейчасъ? Если бы эта драма произошла здѣсь, я бы зналъ что предпринять, къ кому обратиться; я бы сейчасъ получилъ нужныя свѣдѣнія, составилъ бы планъ дѣйствія. Но тамъ, въ странѣ, столь непохожей на нашу, гдѣ законы совсѣмъ другіе!.. Что я, по твоему, могу сдѣлать?

Раймондъ увидѣлъ, какая метаморфоза совершилась въ его братѣ, который теперь молилъ его о спасеніи, и понялъ, что, пробудивши его душу, нужно также вдохнуть въ него энергію.

— Я два дня объ этомъ думаю, — сказалъ онъ твердымъ голосомъ, и вотъ что рѣшилъ. Слушай! Нужно поѣхать въ Лондонъ, повидаться съ адвокатами — и выступить на судѣ. Ты будешь главнымъ свидѣтелемъ; твое показаніе ярче всего освѣтитъ эту мрачную драму. Ты скажешь: „эта женщина невиновна, это утверждаю я, отецъ погибшей дѣвочки“. Ты объяснишь имъ, на чемъ основано твое убѣжденіе, расскажешь все, что знаешь о Франсуазѣ, и прибавишь: „Если я не смогу убѣдить васъ въ ея невинности, то надѣюсь по крайней мѣрѣ, что та часть отвѣтственности, которая въ этомъ дѣлѣ падаетъ на меня, смягчить въ вашихъ глазахъ ея вину. Не забывайте, что она — брошенная на произволъ судьбы женщина; она исполняла одна обязанности, которыя я долженъ былъ бы дѣлать съ ней, — и этимъ имѣетъ право на ваше снисхожденіе“. Я въ свою очередь расскажу о томъ, что видѣлъ, что знаю. Наши свидѣтельства и ея

письма будутъ огромнымъ подспорьемъ для защиты — особенно при отсутствіи доказательствъ ея вины. Доказательствъ вѣдь не можетъ быть, — потому что это преступленіе — чистѣйшая выдумка. Вѣрь мнѣ — правда ведетъ къ правдѣ. Своимъ справедливымъ свидѣтельствомъ ты убѣдишь судей и присяжныхъ.

Слушая, какъ Раймондъ съ апостольскимъ жаромъ излагалъ свою наивно-романтическую затѣю, Леонардъ почувствовалъ и его правоту, и въ то же время несостоятельность его плана. Развѣ страстныя рѣчи убѣдятъ хладнокровныхъ людей, которые могутъ вѣрить только фактамъ? Но, съ другой стороны, чтѣ же другого предпринять? Леонардъ схватилъ голову обѣими руками, напрягая свои мысли болѣе сосредоточенно, чѣмъ когда-либо въ жизни. Разсужденіе постепенно измѣнило первое впечатлѣніе отъ словъ его брата. Романтическій замыселъ Раймонда не соответствовалъ его зауряднымъ душевнымъ силамъ и благоразумію, къ которому его приучила его профессія. Онъ сталъ взвѣшивать доводы за и противъ плана Раймонда, обсуждать шансы успѣха, и подумалъ также о томъ, чего можетъ стоить подобный героизмъ. Въ его отвѣтъ брату уже чувствовалось опять колебаніе.

— Знаешь ли ты, какихъ жертвъ требуетъ отъ меня твой планъ? Послѣ мелодраматическихъ сценъ въ судѣ, послѣ моихъ сенсационныхъ показаній, о которыхъ будутъ писать во всѣхъ газетахъ, я сдѣлаюсь героемъ моднаго скандала, — а это самое неизгладимое пятно на репутаціи человѣка. Вспомни, чтѣ говорилъ вчера Нагель. Моя карьера погибнетъ... А я вѣдь не герой изъ романа Толстого; я принадлежу къ старой расѣ людей практичныхъ, благоразумныхъ. У меня нѣтъ въ запасѣ идеаловъ, чтобы замѣнить ими положительныя блага, которыя я утрачу своимъ возвышеннымъ поступкомъ... А затѣмъ, подумалъ ли ты о моихъ дѣтяхъ? Я хочу завѣщать имъ имя человѣка, пользовавшагося почетомъ, а не имя апостола: это не мое призваніе. Твоя поэтическая любовь къ героизму влечетъ тебя, быть можетъ, на ложный путь; дай мнѣ время подумать и слѣдовать внушеніямъ здраваго смысла.

Раймондъ былъ въ эту минуту болѣе чѣмъ когда-либо далекъ отъ практическихъ соображеній и его безпокою неожиданное отступленіе брата.

— Я узнаю, — возразилъ онъ, — голоса, которыхъ ты всегда слушался, — но ихъ совѣты теперь непригодны. Здравый смыслъ драгоцененъ въ будничномъ житейскомъ обиходѣ; но когда диапазонъ жизни повышается, нужно дѣйствовать ему въ тонъ. Повѣрь мнѣ, время для мелкихъ компромиссовъ прошло. Уклониться

отъ того, что ты называешь возвышеннымъ поступкомъ, ты можешь теперь не иначе, какъ совершивъ низость.

Рѣзкость Раймонда произвела какъ разъ обратное дѣйствіе: она напомнила Леонарду, что братъ его всегда все преувеличивалъ, и что во множествѣ случаевъ его здравый смыслъ торжествовалъ надъ фантазіями Раймонда.

— Вѣдь ты всегда доходишь во всемъ до крайностей, — отвѣтилъ онъ. — Сколько разъ ты принималъ слишкомъ быстрыя рѣшенія въ пылу увлеченія, и потому раскаивался. Можетъ быть, можно дѣйствовать способами, о которыхъ ни ты, ни я еще не подумали; можетъ быть, болѣе осторожное внимательство было бы и полезнѣе, и менѣе опасно... Въ концѣ концовъ вѣдь я адвокатъ, — и неужели я не смогу разобраться въ этомъ дѣлѣ, только потому, что я въ немъ заинтересованъ?.. Дай мнѣ подумать! Прежде всего нужно имѣть точныя свѣдѣнія... не могу же я принять рѣшеніе только на основаніи впечатлѣній такого мечтателя, какъ ты! Нужно узнать, въ чемъ ее собственно обвиняютъ, какія есть доказательства, какія подозрѣнія — словомъ, изучить дѣло. Постараемся узнать все, что возможно, изъ англійскихъ газетъ; напишемъ защитнику Франсуазы, и его отвѣтъ послужитъ намъ руководствомъ для дальнѣйшаго.

Онъ взялъ перо съ той быстротой въ исполненіи задуманнаго, которая всегда восхищала его брата.

— Имѣй въ виду, что у насъ осталось меньше чѣмъ недѣля времени, — сказалъ Раймондъ.

Леонардъ воскликнулъ:

— Недѣля!.. Сколько это дней и ночей, — цѣлая вѣчность!

Онъ написалъ тотчасъ же письмо незнакомому ему адвокату Франсуазы Десомъ.

VI.

Лучшее средство успокоиться — это начать дѣйствовать. Пока Леонардъ писалъ письмо своимъ крупнымъ, прямымъ почеркомъ, къ нему вполне вернулось его самообладаніе. Кончивъ, онъ прочелъ написанное вслухъ Раймонду, аккуратно снялъ копію съ письма и сказалъ:

— Теперь нужно узнать имя адвоката; мы найдемъ его вѣроятно въ англійскихъ газетахъ.

Выйдя изъ дому, братья зашли въ библіотеку для чтенія и достали разрозненные нумера главныхъ лондонскихъ газетъ. Имъ пришлось долго искать потонувшій въ океанѣ политики мелкій

„фактъ изъ хроники происшествій“. Наконецъ Раймондъ нашель—подъ заголовкомъ „Police“—коротенькую замѣтку и дословно перевелъ ее брату:

„Вчера Франсуаза Десомъ, тридцати лѣтъ, французенка, модистка, живущая въ Чильси, въ Черчъ-Стритъ, была привлечена къ суду по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ своей восьмилѣтней дочери, Аврелии-Августы, которую она толкнула въ Темзу по близости отъ Kew-Gardens, 12-го января сего года. М-ръ Нортонъ поддерживаетъ обвиненіе; слѣдствіе ведетъ м-ръ А. Диллингъ; м-ръ Лоренсъ Бель защищаетъ подсудимую. Выслушаны были показанія нѣсколькихъ свидѣтелей. Подсудимая, которая производитъ впечатлѣніе очень хитрой женщины“...

Раймондъ остановился:

— „Очень хитрой“!.. Боже мой, какъ они будутъ судить ее, если она кажется имъ хитрой!

Онъ продолжалъ читать:

„Подсудимая, которая производитъ впечатлѣніе очень хитрой женщины, ни на минуту не потеряла самообладанія. Она продолжаетъ утверждать, что ребенокъ, играя на берегу, оступился и упалъ въ воду; она же была парализована ужасомъ и не смогла броситься ему на помощь. Ее отправили въ центральный уголовный судъ, гдѣ и будетъ разбираться ея дѣло“.

Больше ничего въ замѣткѣ не было сказано. Такъ много важныхъ событій происходило въ это же время въ обширной имперіи, что на газетныхъ столбцахъ оставалось лишь это маленькое мѣсто для исторіи Франсуазы.

Найдя адресъ м-ра Лоренса Беля въ адресной книгѣ, братья отправили письмо и молча пошли домой; на углу бульвара Сентъ-Жермень и улицы Бакъ они разстались.

Люси уже сидѣла за столомъ и завтракала вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Я думала, что ты не вернешься къ завтраку,— сказала она мужу; въ то время, какъ, сѣвъ за столъ, онъ развертывалъ салфетку, она спросила:

— Ты видѣлъ Раймонда? Въ чемъ дѣло?

Перезъ предвидѣлъ этотъ вопросъ и приготовился отвѣтить на него. Но онъ все-таки былъ очень смущенъ, когда сказалъ:

— У Раймонда случилась непріятность, и ему нужно было посоветоваться со мной; но онъ просилъ никому объ этомъ не рассказывать.

— Какая таинственность!—возразила Люси.

Леонардъ ничего не отвѣтилъ; его блѣдные глаза отражали только усталость, и въ нихъ нельзя было прочесть его тайной

муки. Онъ торопливо ѣлъ свою порцію яичницы съ такимъ же аппетитомъ, какъ всегда.

— Неужели у Раймонда могутъ быть непріятности!—добавила Люси съ презрительной гримасой. Но ея любопытство было все-таки задѣто. Она воспользовалась минутой, когда дѣти занялись разговоромъ между собой, и спросила, понизивъ голосъ:

— Неужели какая-нибудь любовная исторія?

Леонардъ поспѣшилъ опровергнуть ея предположеніе.

— Жаль!.. было бы забавно. Ты представляешь себѣ его въ сѣтяхъ какой-нибудь ловкой кокетки?

Не добившись отвѣта отъ мужа, она прибавила обиженнымъ тономъ:

— Не хочешь говорить, такъ и не надо.

Люси надулась. Это была ея обычная тактика, когда она хотѣла чего-нибудь добиться ѣли мстила за неисполненіе ея желаній. Она погружалась въ угрюмое молчаніе, лицо становилось мрачнымъ, и каждое ея движеніе, жестъ, которымъ она ударила ножницею о тарелку или ставанъ, сухой ступъ ея ваблуконъ по паркету, все выражало непримиримую, упорную злобу. Въ домѣ воцарялась нестерпимая атмосфера; дѣти прекращали свои игры, боялись смѣяться, едва дышали; прислуга повиновалась по первому знаку, мягко ступала—и злословила на кухнѣ. Леонардъ старался уходить изъ дому. Но на этотъ разъ онъ едва замѣтилъ раздраженіе жены и ни словомъ не остановилъ ее, когда она порывисто встала изъ-за стола и ушла, сердито шурша юбками. Погруженный въ свои мысли и забывая пить дымящійся передъ нимъ кофе, онъ вздрогнулъ, когда маленькая ручка коснулась его колѣна: передъ нимъ стояла Раймонда, глядя на него большими добрыми глазами. Она почувствовала, что ему тяжело, и пришла утѣшить его своей нѣжной дѣтской улыбкой.

— Что съ тобой, папа? Тебѣ грустно?

Онъ взялъ ее на руки и сталъ цѣловать.

— Еслибы мнѣ было грустно, я бы не цѣловалъ мою дочурку.

— Ты какъ будто о чемъ-то думаешь, папа.

Маленькій эгоистъ Маркъ глядѣлъ въ окно, не интересуясь тѣмъ, что происходило за его спиной.

— Взрослые всегда о чемъ-нибудь думаютъ,—сказалъ онъ въ назиданіе сестрѣ.—Когда вырастешь, ты сама это увидишь.

— Папа, милый, я не хочу быть взрослой!

Леонардъ хотѣлъ отвѣтить на ея наивный возгласъ припѣ-

вомъ стариннаго романса: „Милыя малютки, оставайтесь дѣтьми навсегда!“ но не смогъ выговорить ни слова: его взору представилась вдругъ съ ужасающей ясностью Франсуаза въ дѣтствѣ, такой, какъ онъ ее видѣлъ на хранившейся у нея старой фотографической карточкѣ. Онъ увидѣлъ ее съ нѣжной улыбкой на лицѣ, бѣлокурую, свѣженькую—такую чистую, какъ Раймонда—и тоже на рукахъ у отца, котораго она, быть можетъ, утѣшала, видя его озабоченнымъ; и онъ, вѣроятно, тоже мечталъ о томъ, что жизнь ея будетъ счастливой. Все это представилось Леонарду съ такой отчетливостью, что онъ забылъ о томъ, гдѣ онъ, и быстро всталъ, оттолкнувъ дѣвочку.

— Папа, папа, что съ тобой?

— Ничего, дорогая; мнѣ нужно идти работать.

Дверь шумно раскрылась, — на порогѣ показалась Люси и позвала дѣтей:

— Марья, Раймонда, — что вы тутъ дѣлаете? Идите сюда!

Дѣти повинувались съ пугливой послѣшностью, и дверь закрылась за ними. Перѣзъ остался еще нѣсколько времени въ столовой, потомъ прошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за работу. Онъ проработалъ весь день, весь вечеръ, часть ночи и весь слѣдующій день, стараясь найти забвеніе въ дѣлахъ. Но это ему не удавалось, — напротивъ того, у него измѣнилось отношеніе къ дѣламъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Перѣзъ почти механически исполнялъ свои профессиональныя обязанности. Его радовали успѣхи, вознаграждавшіе его за трудъ, но у него не было стремленія приносить пользу людямъ, т.-е. не было того, что облагораживаетъ трудъ. Практика судебного дѣла, механизмъ законовъ, правовыхъ отношеній, преступленій и наказаній, интересовалъ его, какъ техника игры на томъ или другомъ инструментѣ интересуется виртуоза, но онъ никогда не задумывался надъ жизненными послѣдствіями своихъ профессиональныхъ дѣйствій, выполняемыхъ имъ всегда крайне недобросовѣстно. А теперь вдругъ всѣ эти судебныя драмы, все, что происходитъ въ мрачныхъ залахъ суда, гдѣ произносятся приговоры, сѣющіе горе, позоръ и смерть, стало для него живымъ: ему стали слышаться въ шелестѣ дѣловыхъ бумагъ, равнодушно перебираемыхъ его помощникомъ, рыданія и крики отчаянія несчастныхъ жертвъ. Его охваченная трепетомъ душа вдругъ поняла, что недостаточно только содѣйствовать правильному ходу правосудія, ибо рядомъ съ правосудіемъ стоятъ горе и жалость. Онъ почувствовалъ, что, думая только о заработкѣ и личныхъ успѣхахъ, онъ строилъ зданіе на пескѣ. Имъ овладѣло невѣдомое ему до того желаніе

доискиваться въ дѣлахъ истины, которую онъ обыкновенно самъ извращалъ своей искусной діалектикой.

Его помощникъ принесъ ему какъ разъ текстъ иска, составленнаго повѣреннымъ Дюпеномъ ¹⁾; Перёзу предстояло поддерживать этотъ искъ на судѣ. Дѣло шло объ очень запутанномъ во французскомъ законодательствѣ вопросѣ о правѣ пользованія и отвода воды. Для предъявителей иска, людей богатыхъ, право это не имѣло большого интереса, но для отвѣтчиковъ это составляло вопросъ существованія. Пронгрышъ процесса разорилъ бы ихъ окончательно, лишивъ всякой возможности заработка.

Тщательно составленный искъ—предъявители не скупились на „авансы“—устанавливалъ, казалось бы, совершенно неопровержимо правоту одной стороны и неосновательность притязаній противниковъ. Прочтя этотъ документъ патрону, Биллонъ потеръ руки своимъ привычнымъ жестомъ, напоминавшимъ жестъ акробата передъ началомъ представленія.

— Все это, впрочемъ, болѣе блестяще, чѣмъ убѣдительно, — сказалъ онъ.—Если судъ захочетъ вникнуть въ суть дѣла, вся прекрасная аргументація Дюпена разлетится въ прахъ.

— Почему?—спросилъ Перёзъ, который не особенно внимательно слушалъ чтеніе бумаги.

Тонкія губы Биллона сложились въ нѣсколько насмѣшливую улыбку; онъ мысленно сравнивалъ свою прозорливость съ недогадливостью патрона. Чтобы проявить свою добросовѣстность въ дѣлахъ, онъ сталъ разбивать по пунктамъ доводы Дюпена.

— Къ счастью,—прибавилъ онъ,—интересы нашихъ противниковъ будетъ защищать адвокатъ X. Онъ ничего не сообразить.

— Развѣ дѣло нашего кліента неправое?—неожиданно спросилъ Леонардъ.

Этотъ вопросъ удивилъ Биллона, который принципиально смотрѣлъ на всѣ дѣла только съ юридической точки зрѣнія.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ.— На мѣстѣ судей я бы, кажется, не призналъ его правъ. Но можно привести множество доводовъ и въ его пользу. Дюпенъ нашелъ кое-какіе аргументы; я въ свою очередь тоже поищу...

— Не ищите,—прервалъ его Перёзъ.—Напишите кліенту, что я отказываюсь отъ дѣла.

Произнеся эти слова, Леонардъ сейчасъ же пожалѣлъ о нихъ.

¹⁾ Во Франціи гражданскія дѣла проходятъ сначала черезъ руки повѣренныхъ (авоуés), а потомъ уже поступаютъ къ адвокату.

Онъ подумалъ, что его помощнику покажутся подозрительными такая щепетильность и непрактичность съ его стороны. Чтобы поправить дѣло, онъ сейчасъ же отмѣнилъ первое распоряженіе.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — это не имѣетъ смысла! Нельзя выбирать дѣла по своему вкусу. Я просмотрю бумаги, и тогда рѣшимъ.

Биллонъ ничего не отвѣтилъ, и Леонарду повезалось, что своими колебаніями онъ еще усиливаетъ изумленіе помощника. Онъ рѣшилъ впередъ остерегаться нервныхъ выходовъ, не соотвѣтствующихъ обычной ровности его характера.

Въ слѣдующіе дни онъ такъ погрузился въ дѣла, что отдыхалъ только за завтракомъ, глядя на дѣтей; видъ ихъ поддерживалъ въ немъ бодрость духа. Но когда ему уже казалось, что онъ побѣдилъ внутреннюю тревогу усиленной дѣятельностью, она вновь просыпалась въ немъ, какъ физическая боль, лишь на время заглушенная наркотическими средствами. Тогда ему казалось страннымъ, что онъ ходитъ по залѣ суда въ своей адвокатской мантии, или выслушиваетъ пространныя объясненія кліентовъ, или бесѣдуетъ вечеромъ о политикѣ и театрѣ съ мужчинами во фракахъ и дамами въ открытыхъ платьяхъ—какъ будто бы горизонтъ его жизни не измѣнился. Или же ему казалось, что улыбающіяся лица обружающихъ тоже скрываютъ тайну, какъ и его спокойное лицо, и что у всѣхъ одинаковыя роли въ вѣчной комедіи жизни.

Раймондъ два раза заходилъ провѣдать его. Онъ не притворялся, и на его измученномъ лицѣ можно было прочесть его душевную муку. Эта неспособность держать себя въ рукахъ раздражала Леонарда.

— Зачѣмъ ты показываешь всѣмъ, что у тебя случилось горе?—сердито говорилъ онъ брату.—Прислуга замѣчаетъ твой разстроенный видъ, жена мучаетъ меня разспросами. Нужно умѣть выжидать и молчать.

Притворное мужество Леонарда покидало его, однако, когда онъ оставался наединѣ, и онъ тогда завидовалъ брату, что онъ можетъ безпрепятственно предаваться мыслямъ, сидя у себя въ кабинетѣ, и слѣдить въ воображеніи за Франсуазой вплоть до дверей ея тюрьмы...

Во время своей послѣдней поѣздки въ Лондонъ, Раймондъ какъ разъ случайно обратилъ вниманіе на тяжеловѣсное зданіе Ньюгетской тюрьмы. Онъ проѣзжалъ мимо нея съ одной знакомой англичанкой, и, пораженный видомъ огромныхъ мрачныхъ стѣнъ съ рѣдкими маленькими отверстіями, спросилъ:

— Что это за крѣпость?

Его спутница, предсѣдательница одного изъ комитетовъ покровительства заключеннымъ, объяснила ему назначеніе зданія, которое онъ принялъ за крѣпость.

— Это тюрьма, гдѣ содержатся осужденные на смерть и гдѣ происходятъ казни. У насъ вѣдь казнятъ не публично, а тамъ... за этими стѣнами. Погребальный звонъ извѣщаетъ прохожихъ и людей, живущихъ по близости, о томъ, что казнь совершилась. Съ улицы виденъ только черный флагъ, который въ теченіе четверти часа развѣвается надъ крышей тюрьмы... Вы не можете себѣ представить, какъ мрачна эта тюрьма внутри! Корридоръ, дворъ, камеры... и въ особенности кладбище для казненныхъ: это—дворъ, выложенный черными плитами... Послѣ казни поднимаютъ одну изъ плитъ, и опускаютъ тѣло въ яму съ негашенной известью; затѣмъ плита снова опускается, и на стѣнѣ надъ нею вырѣзываютъ начальную букву имени... Казненные остаются тамъ на вѣки. Никогда уже солнце не будетъ сіять надъ ихъ могилой, никогда на ней не выростетъ ни одной травки, никто не придетъ взглянуть на нее съ любовью... Даже послѣ смерти, ни одинъ атомъ ихъ тѣла не вырвется на свободу,—они останутся въ заключеніи, пока не исчезнутъ эти плиты. Онѣ будутъ лежать надъ ними до дня Страшнаго Суда, когда они встанутъ изъ могилъ вмѣстѣ съ другими... И тогда Господь будетъ судить ихъ, также какъ и ихъ судей... И это будетъ истинное правосудіе!

Раймондъ вспомнилъ всѣ подробности этого описанія, которое его тогда сильно взволновало. „Теперь,—думалъ онъ,—въ этихъ страшныхъ, черныхъ какъ преступленіе стѣнахъ заключена „бѣдная Анжель“,—жалкое, хрупкое существо. Если истина не обнаружится, она никогда больше не увидитъ неба надъ собой, не услышитъ дружественнаго привѣта. Если она умретъ безъ вины отъ руки палача, даже казнь не вернетъ ей свободы: она будетъ лежать подъ этими плитами до того дня, когда возсіяетъ божественное правосудіе,—если этотъ день когда-нибудь наступитъ“...

Воображеніе Раймонда рисовало ему только мрачныя картины, и надежда умерла въ его душѣ. Онъ не находилъ себѣ мѣста, уходилъ, возвращался домой, ходилъ безъ цѣли по своему кабинету, раскрывалъ какую-нибудь книгу и сейчасъ же закрывалъ ее, давалъ противорѣчивыя приказанія своему старику-лакею, Эдмонду, который не могъ понять происшедшей въ немъ перемены. Раймондъ не могъ управлять своими нервами, и у него.

не было возможности забыться, подобно Леонарду, въ обязательной работѣ. Онъ былъ весь во власти терзавшей его муки.

Отвѣтъ м-ра Лоренса Беля не заставилъ себя долго ждать. Получивъ письмо изъ Лондона, Леонардъ сейчасъ же передалъ Биллону всѣ текущія дѣла и поспѣшилъ къ брату.

Въ длинномъ, чрезвычайно обстоятельномъ письмѣ англійскаго адвоката факты изложены были самымъ точнымъ образомъ. Авторъ письма очевидно понималъ, какъ велика лежащая на немъ отвѣтственность, и взвѣсилъ каждое слово. Онъ подробно описалъ всю драму въ разнорѣчивыхъ версіяхъ подсудимой и судебного слѣдствія, и безпристрастно резюмировалъ показанія свидѣтелей. У братьевъ была наконецъ возможность судить о случившемся на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ.

Маленькая Аврелія-Августа воспитывалась болѣе года въ Кентербери, въ хорошемъ пансіонѣ. Мать очень аккуратно вносила за нее сорокъ-пять фунтовъ стерлинговъ въ годъ и кромѣ того платила отдѣльно за уроки танцевъ, музыки, иностранныхъ языковъ и т. д. Ея солидные заработки давали ей возможность нести эти издержки. Разъ въ двѣ недѣли она навѣщала свою дочь и приносила ей всегда подарки. Двадцатаго декабря она увезла дѣвочку на Рождество къ себѣ, въ свой уютный lodging на Черчъ-Стритѣ. Двѣнадцатаго января—за три дня до окончанія рождественскихъ каникулъ—Франсуаза отправилась около полудня съ дѣвочкой въ Kew-Gardens. Онѣ позавтракали въ ресторанѣ; дѣвочка съѣла яйца и сэндвичи и выпила чашку чая. Онѣ гуляли въ паркѣ до четырехъ часовъ, т.-е. до того времени, когда паркъ закрывается. Несмотря на то, что Kew-Gardens, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ ботаническихъ садовъ въ мірѣ, въ немъ бываетъ мало посѣтителей. Въ этотъ день паркъ былъ еще болѣе пустъ, чѣмъ обыкновенно. Погода была пріятная; легкій туманъ сталъ подниматься съ Темзы уже только тогда, когда мать съ дѣвочкой вышли изъ воротъ въ аллею, идущую вдоль рѣки. Вмѣсто того, чтобы направиться къ ближайшей станціи желѣзной дороги, онѣ прошли довольно далеко въ противоположномъ направленіи, въ сторону Ричмонда. Онѣ встрѣтили двухъ рабочихъ и одного старика; рабочихъ этихъ уже разыскали, а старика ищутъ. Спросивъ дорогу у старика, онѣ пошли обратно и почти уже вернулись къ воротамъ, изъ которыхъ вышли. Тамъ, въ четыре часа и двадцать-пять минутъ, произошло несчастіе—или совершилось преступленіе. Берегъ въ этомъ мѣстѣ очень крутой и весь заросшій тростникомъ. Аврелія хотѣла нарвать пучокъ тростника, и мать ей позволила, не предвидя опасности. Тогда дѣвочка оступилась...

Такъ говорила Франсуаза. Показанія свидѣтелей противорѣчили ей передачѣ или, во всякомъ случаѣ, указывали и нѣкоторыя неправдоподобности въ ея разсказѣ.

Имѣлось прежде всего показаніе супруговъ Ламбетъ, пятидесяти-восьми и пятидесяти-трехъ лѣтъ, жителей Нью-Йорка. Жена утверждала, что слышала крики ребенка, „надъ которымъ совершалось насиліе“, и видѣла сквозь туманъ Франсуазу, жесты которой выдавали ея преступныя дѣйствія. Свидѣтельница говорила также, что Франсуаза стала звать на помощь не сразу, а только тогда, когда замѣтила приближающихся свидѣтелей. Показанія старика Ламбета—менѣе точныя; онъ ничего не слышалъ, будучи глухимъ. Онъ видѣлъ, что подсудимая бѣжала по берегу и ломала себѣ руки, но не рѣшался давать опредѣленное толкованіе этимъ жестамъ. Показанія сторожа парка подтверждали слова первой свидѣтельницы: онъ тоже слышалъ крики ребенка. Больше ничего онъ не могъ сказать, такъ какъ пришелъ на мѣсто катастрофы послѣ двухъ первыхъ свидѣтелей.

Франсуазу арестовали послѣ слѣдствія, опиравшася на показанія этихъ трехъ свидѣтелей. На первыхъ допросахъ она была въ такомъ подавленномъ состояніи и отвѣчала такъ сбивчиво, что только усилила тяготѣвшія на ней подозрѣнія. Принято думать, что человѣкъ невинный непремѣнно ходитъ съ поднятой головой, и не можетъ потерять присутствіе духа, даже если онъ убитъ горемъ или ошеломленъ взводимыми на него обвиненіями. Франсуаза растерялась отъ предлагаемыхъ вопросовъ и не сумѣла дать точныхъ объясненій. Почему, выйдя изъ парка, она такъ долго бродила вдоль рѣки съ ребенкомъ, уже уставшимъ отъ прогулки, длившейся нѣсколько часовъ? Она объяснила, что думала придти этимъ путемъ въ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Но почему же она въ такомъ случаѣ пошла обратно, не освѣдомившись о дорогѣ у двухъ рабочихъ, попавшихся ей на пути? Она утверждала, что ей указалъ дорогу старикъ, котораго она встрѣтила нѣсколько минутъ спустя,—но старика этого никакъ нельзя было разыскать. Какъ допустить, что дѣвочка, навѣрное уставшая отъ долгой ходьбы, стала бѣгать у края рѣки съ такимъ увлеченіемъ и опрометчивостью, что упала въ воду?—Всѣ объясненія Франсуазы были неправдоподобны и сбивчивы.

Отмѣтивъ эти и много другихъ подробностей, еще менѣе говорящихъ въ пользу подсудимой, м-ръ Лоренсъ Бель вкратцѣ излагалъ то, что выяснено о прошломъ Франсуазы.

Она отказалась назвать имя отца несчастной маленькой Аврелии, говоря, что уже много лѣтъ не видѣлась съ нимъ. Всѣ, у

кого она работала, дали о ней хорошіе отзывы, хвала ее за усердіе, умѣнье работать и кроткій нравъ. Что касается ея образа жизни, то она созналась, что у нея была любовная связь съ однимъ служащимъ въ торговой конторѣ, который умеръ отъ плеврита; начало этой связи совпадало съ поступленіемъ дѣвочки въ пансіонъ. Въ послѣдніе мѣсяцы ее часто навѣщала нѣкій Вильямъ Орчардъ, учитель музыки, но по видимому ихъ отношенія не выходили изъ предѣловъ простой дружбы. Орчардъ къ тому же откровенно заявилъ, что хотѣлъ жениться на Франсуазѣ и сдѣлалъ ей предложеніе за нѣсколько недѣль до катастрофы; но она отказала ему. Она не скрывала отъ него, что у нея есть дочь, а напротивъ того, часто съ нѣжностью говорила объ Аврелии; онъ къ тому же вполне мирился съ существованіемъ дѣвочки и охотно бы взялъ ее къ себѣ, смотрѣлъ бы на нее какъ на собственную дочь. Вполнѣ опредѣленные заявленія Орчарда мѣшали слѣдователю, но онъ все-таки старался установить „мотивы преступленія“ при помощи новыхъ вопросовъ, изъ которыхъ выводилъ доказательства виновности подсудимой. Почему Франсуаза помѣстила дѣвочку въ пансіонъ какъ разъ тогда, когда у нея завязалась любовная интрига? Очевидно, у нея были планы, исполненію которыхъ присутствіе дѣвочки мѣшало. Почему послѣ смерти любовника она не взяла дѣвочку обратно къ себѣ? Потому что думала осуществить съ другимъ планъ, разстроенный смертью. Показаніе Орчарда не разрушало эту гипотезу, потому что онъ не былъ тѣмъ „другимъ“, котораго слѣдствіе еще, можетъ быть, откроетъ; возможно также, что Франсуаза еще ждала случая „удобно пристроиться“, и пока кокетничала съ честнымъ учителемъ музыки. Адвокатъ указывалъ на нѣтъность этихъ предположеній, и въ заключеніе излагалъ свое собственное мнѣніе: „Что касается меня,—писалъ онъ,—то я вполне убѣжденъ въ невинности подсудимой. Мои бесѣды съ ней еще болѣе укрѣпили во мнѣ эту увѣренность. Къ тому же до сихъ поръ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ ея вины. Я считаю поэтому оправданіе возможнымъ. Но такъ какъ приговоръ присяжныхъ въ значительной степени зависитъ отъ впечатлѣнія, которое произведетъ на нихъ подсудимая, то все, что можетъ поднять ее въ ихъ глазахъ, принесетъ огромную пользу защитѣ“.

Пока Раймондъ переводилъ письмо англійскаго адвоката, Леонардъ уже мысленно составлялъ планъ защиты: нужно ловкими вопросами сбить съ позиціи единственнаго опаснаго свидѣтеля, старуху Ламбетъ, добиться противорѣчивыхъ показаній отъ ея спутника, противопоставить гипотезамъ обвиненія другія, столь

же допустимыя предположенія, показать несостоятельность выводовъ, основанныхъ на отвѣтахъ перепуганной, убитой горемъ матери. Онъ мысленно извлекалъ блестящія доказательства изъ показаній Орчарда, который свидѣтельствовалъ о любви Франсуазы къ ребенку и устанавливалъ неправдоподобность преступленія. Онъ считалъ необходимымъ говорить о прошломъ молодой женщины, объяснить, что ея любовныя увлеченія ничѣмъ ее не унизили: въ этотъ моментъ онъ понялъ неизбежность выступить самому въ качествѣ свидѣтеля. Его показанія и письма Франсуазы несомнѣнно должны убѣдить присяжныхъ въ ложности обвиненій, основанныхъ на пустыхъ предположеніяхъ и несчастныхъ совпаденіяхъ. Сообразивъ все это, Леонардъ быстро рѣшился.

— Мы ѣдемъ въ Лондонъ—это необходимо,—сказалъ онъ, внѣ себя отъ волненія.

— Я знаю, что ты такъ рѣшишь,—отвѣтилъ Раймондъ съ глубокой радостью.—Мы сейчасъ же ѣдемъ, не правда ли?

— Я только передамъ дѣла Биллону и поговорю съ женой.

Раймондъ совершенно забылъ о Люси, которую считалъ злымъ духомъ своего брата.

— Развѣ ты расскажешь все Люси?—спросилъ онъ.

Леонардъ былъ такъ возбужденъ, что не подумалъ о трудности убѣдить жену.

— Ты ее не знаешь, —отвѣтилъ онъ брату.—Она меня пойметъ, я въ этомъ увѣренъ. Къ тому же, я не могу уѣхать, не объяснивъ ей всего.

VII.

Люси Перезъ не принадлежала къ числу чуткихъ натуръ, которыя догадываются объ опасностяхъ, грозящихъ близкимъ людямъ. Ничего не подозрѣвая о душевныхъ мукахъ мужа, она продолжала свой обычный образъ жизни, поглощенная заботами о домѣ, надзоромъ за прислугой, покупками, визитами, свѣтской благотворительностью. Отъ времени до времени она вспоминала о странной перемянѣ въ поведеніи Раймонда. Какія неприятности могли угрожать этому безобидному существу, далекому отъ дѣйствительной жизни, занятому только своими книгами? Она сердилась на Леонарда за упорное скрываніе отъ нея тайны Раймонда—навѣрное нѣсколько комичной, по ея мнѣнію. Обиженная сухимъ отвѣтомъ мужа, Люси больше его не спрашивала и продолжала дуться. Когда Фредерикъ пришелъ доложить ей, что „баринъ и ихъ братъ просятъ барыню пожаловать въ каби-

нетъ“, она обрадовалась, надѣясь, что ее зовутъ, чтобы раскрыть ей интригованную ее тайну. Она улыбалась, слѣдуя за лакеемъ, и собиралась выругать Раймонда за скрытничанье. Когда дверь кабинета раскрылась передъ нею, никакой внутренней голось не шепнулъ ей, что она сама станетъ участницей невѣдомой драмы.

Братья ждали ея прихода въ полномъ молчаніи. Леонардъ сидѣлъ въ креслѣ, нервно сжимая его ручки обѣими руками; Раймондъ стоялъ около брата, какъ бы для того, чтобы поддержать его, съ высоко поднятой головой, съ горящими глазами. Прежде чѣмъ взглянуть на нихъ, Люси спросила у порога сухимъ голосомъ, въ которомъ еще замѣтно было раздраженіе:

— Что вамъ отъ меня нужно?

Но, замѣтивъ удрученный видъ мужа и восторженное выраженіе лица Раймонда, она встревожилась и прибавила болѣе мягко:

— Что случилось?

Не поднимая на нее глазъ, Леонардъ глухо отвѣтилъ:

— Нѣчто очень серьезное.

— Съ Раймондомъ?

— Нѣтъ, со мной.

Стоя на мѣстѣ и ухватившись за спинку стула, Люси испуганно пробормотала:

— Ты вѣдь мнѣ сказалъ... значить, дѣло было не въ немъ? Ты меня пугаешь...

Перезъ облокотился обѣими руками на столъ, опустилъ голову на руки и проговорилъ медленно, какъ бы съ усиліемъ извлекая каждое слово изъ какихъ-то мрачныхъ глубинъ:

— Не замѣтила ли ты... въ газетахъ... на дняхъ... исторію... французенки-модистки... въ Лондонѣ... которую обвиняютъ... въ томъ, что она утопила своего ребенка?

— Да, я, кажется, что-то читала объ этомъ.

Голось Леонарда сталъ еще болѣе глухимъ.

— У этого ребенка есть отецъ... Ты поняла теперь?

Онъ развелъ руками и взглянулъ на нее съ выраженіемъ несказанной муки. Она отступила, прижавъ руку въ груди:

— Ты?... Ты?.. Господи!..

Потомъ, оправившись, она съ возмущеніемъ прибавила:

— Зачѣмъ ты мнѣ объ этомъ говоришь?

— Нужно, чтобы ты знала... Послушай: эта несчастная женщина невиновна...

Въ сердцѣ Люси, при неожиданномъ сообщеніи мужа, проснулась прежде всего не жалость, а буржуазный инстинктъ само-

сохраненія: она почувствовала тайную опасность въ заявленіи мужа; его слова къ тому же оскорбляли ее, будили невѣдомую ей до того ревность. Она подумала сразу и объ открывшемся ей прошломъ Леонарда, и о нарушенномъ спокойствіи ихъ семейнаго очага, и о пагубномъ вліяніи романтика-Раймонда. Идя на встрѣчу угрожающимъ опасностямъ, она воскликнула:

— Невинновна! Какъ ты можешь утверждать это?

Раймондъ, чтобы поддержать брата, поспѣшилъ отвѣтить, протягивая руку впередъ, какъ бы для клятвы:

— У насъ есть несомнѣнные доказательства!

Она отстранила его презрительнымъ жестомъ.

— Я не съ вами говорю!

Обращаясь къ мужу, она повторила вопросъ:

— Скажи, откуда ты знаешь, что она невинновна?.. Когда ты видался съ ней?

— Я разстался съ ней восемь лѣтъ тому назадъ.

— Восемь лѣтъ!.. восемь лѣтъ!..

Люси облегченно вздохнула: драма отступала въ прошлое, которое не было ея собственностью; дѣло шло о забытой соперницѣ, и ей не предстоитъ борьбы противъ новой слѣпой страсти мужа.

— Если ты не видѣлъ ея восемь лѣтъ, — возразила она, — какъ же ты утверждаешь, что она невинновна? На чемъ основана твоя увѣренность? Говори — я хочу все знать.

Она приблизилась къ Леонарду, стараясь заглянуть ему въ лицо. Онъ отвелъ глаза и сталъ вкратцѣ рассказывать о своей связи съ Франсуазой и о дружескихъ отношеніяхъ Раймонда къ покинутой женщинѣ.

— Такія связи бывають почти у всѣхъ молодыхъ людей... и никогда трагически не кончаются... Да и тутъ вѣдь произошла только ошибка, — страшная ошибка!

Оправдывая себя, Леонардъ протянулъ женѣ маленькую пачку съ письмами Франсуазы. Люси взяла ее, но тотчасъ же бросила ее обратно на столъ.

— Неужели ты воображаешь, что я буду читать эти письма? Такого рода женщины пишутъ все, что имъ взбрѣдетъ въ голову, — это вѣдь не трудно. Чѣмъ грязнѣе жизнь иныхъ людей, тѣмъ болѣе они любятъ красивыя слова: это всѣмъ извѣстно! Къ тому же ты говоришь, что переписка прекратилась два года тому назадъ; — что же она въ такомъ случаѣ доказываетъ? Возможно, что у этой женщины возродилось на время чувство порядочности, когда ты ее покинулъ; допустимъ даже, если хочешь, что этотъ

припадокъ порядочности длился нѣсколько времени. Но потомъ все кончилось: она вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ, перестала поддерживать надобную ей переписку, возобновила соответствующій ея вкусамъ образъ жизни. Вѣдь это совершенно ясно. Ты съ ней больше не выдаешься,—значить, ея приключенія тебя не касаются.

— Все это невѣрно! — воскликнулъ Раймондъ, прерывая Люси.— Она никогда не была такой, какой вы ее считаете. Она любила Леонарда, любила своего ребенка, трудилась, чтобы дать ему хорошее воспитаніе.

Люси презрительно оглядѣла своего хилаго противника.

— Вы разсуждаете какъ ребенокъ, Раймондъ, — сказала она.— Настоящіе — она обидно подчеркнула это слово — мужчины не терзаютъ себя изъ-за подобныхъ женщинъ, не чувствуютъ угрызений совѣсти. Вы думаете, что преемникъ Леонарда хлопочетъ теперь о ней? Тѣ, которые видались съ ней въ послѣднее время, будутъ бояться, какъ бы ихъ не припутали къ дѣлу, — вотъ и все.

— Вы не знаете, о комъ вы говорите, — возразилъ Раймондъ, — въ этомъ ваше оправданіе. Но Леонардъ теперь понялъ, въ чемъ заключается его долгъ, и исполнить его до конца.

— Его долгъ? У Леонарда есть долгъ въ этомъ дѣлѣ?... Какой?.. Говорите, какой вы тутъ составили заговоръ вдвоемъ?

Раймондъ положилъ руку на плечо брата трогательнымъ жестомъ, соединяющимъ мужество съ привычкой искать всегда защиты у брата.

— Говори ты!

Леонардъ заговорилъ смущенно и не глядя на жену:

— Мы все это обдумали, — медленно сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь за свое рѣшеніе.— Чтѣ бы ты ни говорила, а мы не можемъ оставить безъ помощи несчастную женщину... это невозможно! Но мы можемъ сдѣлать лишь очень немного, — можемъ только принести наши свидѣтельскія показанія, рассказать на судѣ все, чтѣ знаемъ объ ея прошломъ, показать эти письма...

Онъ старался умалить значеніе, которое самъ придавалъ своему плану, чтобы скрыть опасность его отъ жены.

— Этого, конечно, мало, — продолжалъ онъ, — но какъ знать! Дѣло столь таинственное, что, за отсутствіемъ доказательствъ, предположенія получаютъ большую цѣнность... Мое показаніе можетъ поднять подсудимую въ глазахъ присяжныхъ. Вотъ, напримеръ, ея поведеніе во время нашего разрыва, — оно говоритъ вполнѣ въ ея пользу... Я вспоминаю столько характерныхъ подробностей, оправдывающихъ ее... Какъ она радовалась, узнавъ,

что станет матерью! Я, конечно, былъ въ ужасѣ, — а она такъ просто сказала: „я рада ребенку; онъ будетъ утѣшать меня, когда ты меня покинешь“. Подобныя слова нужно непременно довести до свѣдѣнія судей. Они тогда скорѣе допустятъ вѣроятность несчастнаго случая, т.-е. того, что и произошло въ дѣйствительности... Умѣлый адвокатъ сможетъ блестяще воспользоваться нашими показаніями.

Люси была слишкомъ практична, чтобы не понять тактики Леонарда; доводы же его были совершенно необъдительно для ея эгоистической натуры. Она поняла, какую опасность представляетъ такое рѣшеніе для ихъ будущаго, и боязнь скандала заглушила въ ней всякое чувство участія къ судьбѣ Франсуазы.

— Право, — сказала она, — ты говоришь, какъ будто собираешься выступить ея адвокатомъ. Предположимъ даже, что твое показаніе можетъ оказать пользу обвиняемой: подумалъ ли ты о томъ, какъ дорого ты за это заплатишься? Ты, очевидно, не рассчиталъ послѣдствій твоего поступка для нашей семейной жизни, для твоихъ дѣтей, для ихъ будущаго. Относительно кого у тебя больше обязанностей — относительно этой женщины, такъ быстро исчезнувшей изъ твоей жизни, — или твоей семьи, которая всецѣло зависитъ отъ тебя? Этого ты, очевидно, не взвѣсилъ. Твое воображеніе увлекло тебя... особенно благодаря давленію, которое оказываютъ на тебя, — она взглянула на Раймонда выходящимъ взглядомъ, — и вотъ ты уже готовъ принести насъ въ жертву, готовъ уѣхать...

— Бываютъ моменты, когда нѣтъ выбора... — сказалъ Раймондъ.

Люси перестала игнорировать Раймонда и обратилась къ нему, вся дрожа отъ негодованія.

— Не вмѣшивайтесь въ нашъ споръ, умоляю васъ! У васъ нѣтъ жены, нѣтъ дѣтей, вы не можете понять меня! Мы должны поговорить наединѣ, — есть вещи, которыхъ я не могу сказать въ вашемъ присутствіи.

Раймондъ не хотѣлъ уступать и посмотрѣлъ на брата; но тотъ ему сказалъ мягкимъ голосомъ:

— Она права, она — моя жена: все это ее глубоко волнуетъ — ей нужно поговорить со мной съ глазу на глазъ.

— Хорошо. Постарайся убѣдить ее. Потомъ приходи ко мнѣ. Я буду тебя ждать.

Раймондъ вышелъ изъ кабинета. Люси заперла за нимъ дверь на ключъ и обратилась къ мужу.

— Наконецъ-то можно будетъ поговорить толкомъ! — восклик-

нула она и прибавила болѣе сповойннымъ тономъ:—Твой братъ всегда смотритъ на жизнь какъ на романъ. Какъ это онъ сѹмѣлъ взвинтить и тебя! Съ нимъ нѣтъ возможности разсуждать, но мы съ тобой поймемъ другъ друга... Прежде всего, начнемъ издалека, разъ дѣло идетъ о прошломъ.

Сказавъ это, она сѣла около Леонарда: ея непринужденная поза и спокойный голосъ свидѣтельствовали, что, оправившись отъ волненія первыхъ минутъ, она готова разсуждать спокойно, безъ гнѣва, съ хладнокровіемъ положительной натуры, которая не терять надолго самообладанія даже среди самыхъ трагическихъ обстоятельствъ:

— Когда ты избралъ меня въ подруги жизни,—начала она,—я не спрашивала тебя о твоёмъ прошломъ. Я многого не понимала, но знала, что у всякаго мужчины есть „прошлое“: отецъ мнѣ такъ много разказывалъ о покинутыхъ дѣвушкахъ, о дѣтяхъ, не имѣющихъ имени. Я довѣрала тебѣ; я предполагала, что ты покончилъ со всѣмъ, что было раньше, что твое будущее принадлежитъ мнѣ; и что у тебя не будетъ въ жизни иныхъ связей, кромѣ тѣхъ, которыя соединяютъ насъ двоихъ. До сихъ поръ я не имѣла основанія предположить, что я въ этомъ ошибалась. Явились на свѣтъ дѣти, еще тѣснѣе соединившія насъ; мы стали семьей, т.-е. тѣмъ, что есть въ мірѣ наиболѣе тѣсно соединеннаго, наиболѣе святаго,—мы стали однимъ тѣломъ, одной душой, одной волей... Конечно, не будъ у насъ дѣтей, ты, быть можетъ, имѣлъ бы право слушаться твоего брата, исполнять рыцарскіе подвиги, забыть твои обязательства относительно меня во имя какого-то вымышленнаго долга. Но вѣдь дѣти существуютъ; они растутъ и связаны съ тобой, какъ листья съ деревомъ, на которомъ растутъ; твои поступки опредѣляютъ ихъ будущность. Такъ вотъ я обращаюсь къ твоему сердцу, въ твоему благоразумію, и спрашиваю: развѣ ты не принадлежишь всецѣло имъ?.. Имѣешь ли ты право совершить поступокъ, который пагубно отразится на нихъ... и ради чужой? ради ихъ врага?.. Эта женщина—ихъ врагъ, потому что изъ-за нея ты готовъ забыть о нихъ!.. Я не знаю, не хочу знать, очень ли ты ее любилъ: твои дѣти запрещаютъ мнѣ чувствовать ревность, также какъ они запрещаютъ тебѣ вспоминать о ней... Я не хочу разузнавать, самъ ли ты хочешь вернуться къ прошлому, или же только вступилъ на ложный путь подъ влияніемъ брата: я отгоняю подозрѣнія, которыя осаждаютъ меня, но я хочу также отогнать и отъ тебя безумныя мысли, угрожающія нашему благополучію... Ты растерялся отъ неожиданнаго удара:

но я здѣсь, съ тобой, я беру тебя за руку и вывожу тебя на вѣрный путь...

Твердость ея голоса усиливала убѣдительность словъ, гармонирующихъ съ истинной сущностью характера Леонарда. Героическая душа Раймонда могла на минуту возбудить въ немъ возвышенныя чувства, но подъ холоднымъ душемъ словъ жены онъ быстро пришелъ въ нормальное состояніе. Онъ всталъ, сталъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову. вмѣсто того, чтобы опровергать доводы жены, онъ сталъ доводить ихъ до крайнихъ выводовъ, усиливать ихъ, и чувствовалъ, какъ они опровергаютъ возраженія, которыя онъ могъ бы привести. Когда онъ снова подошелъ къ Люси и взглянулъ на нее, его измученное лицо ясно свидѣтельствовало о происходящей въ немъ борьбѣ:

— Ты совершенно права, — сказалъ онъ. — Я уже самъ говорилъ себѣ все это... Но то, что случилось, разрушаетъ всѣ расчеты, всѣ планы жизни — развѣ ты этого не понимаешь? Я не обманывалъ тебя, не говоря тебѣ о моемъ прошломъ... я считалъ себя свободнымъ отъ него. Я никогда не думалъ объ этой женщинѣ, объ этомъ ребенкѣ, — я забылъ объ ихъ существованіи! И вдругъ эта смерть въ Темзѣ, эта тайна, разбирательство на судѣ... Развѣ я могу не сказать судьямъ того, что знаю? Вамъ, тебѣ и дѣтямъ, не угрожаетъ никакая опасность. Я даже не необходимъ для васъ; я могу въ лучшемъ случаѣ прибавить вамъ еще немного болѣе жизненныхъ удобствъ... быть можетъ, еще немного счастья. А вѣдь ту несчастную женщину я могу спасти! Подумай — что если я останусь здѣсь, ничего не предпринимая, скрывался, какъ трусливый сообщникъ, и узнаю черезъ нѣсколько дней по газетамъ, что... Великій Боже! Скажи, представляешь ты это себѣ?

Въ его глазахъ отразился такой ужасъ, что и Люси содрогнулась отъ вызваннаго имъ страшнаго образа. Она напрягла всю свою волю, чтобы отогнать страшное представленіе. Въ драмѣ, разыгравшейся на ея глазахъ, она видѣла только опасность, грозившую ей и ея семьѣ; всякая мысль о справедливости и человѣческомъ долгѣ была чужда ей. Чтобы отвлечь мужа отъ пагубнаго рѣшенія, она стала успокаивать его.

— Ты вѣдь самъ говорилъ, что никакихъ доказательствъ ея вины нѣтъ. Успокойся: ее навѣрное оправдаютъ. Зачѣмъ говорить такъ, какъ будто бы она была заранѣе приговорена! Все обвиненіе такъ шатко, что нѣтъ надобности въ твоихъ показаніяхъ. Зачѣмъ же устраивать эту романтическую поѣздку, за-

чѣмъ поднимать шумъ? Ты самъ объ этомъ пожалѣешь, — но уже тогда будетъ поздно.

Такого рода доводы всегда пробуждаютъ свойственный людямъ оптимизмъ, слѣпую надежду на благополучный исходъ. Люси замѣтила, что Леонардъ начинаетъ сдаваться, и стала развивать съ еще большей настойчивостью свои утѣшительныя предположенія.

— Я помню, — сказала она, — что еще недавно, по поводу какого-то процесса, Лестеръ доказывалъ на обѣдѣ у Аронделей, что въ Англіи не бываетъ судебныхъ ошибокъ. Ты былъ при этомъ, помнишь? Почему же бы вдругъ на этотъ разъ произошла ошибка? Это Раймондъ напугалъ тебя, — но вѣдь ты знаешь, что онъ всегда во власти своего воображенія. Какъ же ты вдругъ поддался его влиянію! И развѣ ты не видишь, что его планъ нелѣпъ и бесполезенъ!

Леонардъ слушаетъ молча, съ остановившимся взглядомъ. Люси продолжала:

— Да, бесполезенъ, потому что эту женщину оправдаютъ и безъ твоего вмѣшательства. Если бы дѣйствительно тебѣ нужно было исполнить долгъ чести и совѣсти, хотя бы и самый тяжелый, я первая бы настаивала на этомъ... Или если бы, по крайней мѣрѣ, ты могъ явиться передъ присяжными съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ фактомъ, — я бы еще поняла твое стремленіе... я бы тебя отпустила... Но вѣдь ничего такого у тебя нѣтъ. Ты сможешь говорить только о воспоминаніяхъ молодости, не имѣющихъ никакого значенія... Ваша выдумка нелѣпа, — блѣдному Раймонду она показалась героической, — но онъ вѣдь настоящій донъ-Кихоть. Людямъ благоразумнымъ все это покажется просто смѣшнымъ.

Видя, что рѣшимость Леонарда поколеблена, она стала говорить еще болѣе настойчиво:

— Ты погубилъ бы себя безъ всякой пользы для дѣла — ты вѣдь понимаешь, что такая выходка испортила бы въ конецъ твою карьеру: ты лишился бы уваженія друзей, практики... лишился бы семьи. Неужели ты полагаешь, что если бы ты уѣхалъ безъ моего согласія, я осталась бы здѣсь ждать твоего возвращенія?.. Ни за что на свѣтѣ! Если бы тебѣ вздумалось броситься въ воду, я бы не послѣдовала за тобой: я бы постаралась спасти хоть дѣтей и себя...

Леонардъ поднялъ на нее свои блѣдные глаза, избѣгавшіе до того ея взгляда.

— Ты бы меня покинула? Ты бы обратилась противъ меня?

Люси разсудила, что может ограничиться такой неопредѣленной угрозой, и прибавила болѣе мягкимъ голосомъ:

— Ты слишкомъ любишь дѣтей, чтобы подобный вопросъ могъ возникнуть. Я знаю, что ты намъ принадлежишь, и не рѣшишься насъ погубить. Ты не заставишь насъ отказаться отъ тебя, не будешь извергомъ для своей семьи. Теперь у тебя открылись глаза. Твой братъ очень опасный человѣкъ: вліяніе людей съ такимъ большимъ воображеніемъ, какъ у него, можетъ быть пагубнымъ для самыхъ уравновѣшенныхъ и благоразумныхъ натуръ... Но теперь вѣдь туманъ разсѣялся,—сказала она, взявъ его за руку.—Ты остаешься съ нами, не правда ли?

Перѣзъ долго медлилъ отвѣтомъ, но держалъ руку жены въ своей рукѣ, и это прикосновеніе завершило его подчиненіе болѣе сильной волѣ, которая къ тому же не шла въ разрѣзъ съ его желаніями. Онъ считалъ Люси способной выполнить ея угрозу. Глубоко вздохнувъ, онъ сдался на капитуляцію, сваливая на Люси часть своего рѣшенія, трусость и эгоизмъ котораго онъ внутренне сознавалъ:

— Я знаю, что у тебя есть права на меня, и не думалъ дѣйствовать безъ твоего согласія. Я предупреждалъ объ этомъ Раймонда... Ты не согласна, — въ такомъ случаѣ я уступаю и остаюсь.

У него былъ такой уничтоженный и жалкій видъ, что Люси хотѣлось ободрить его.

— Я беру на себя всю отвѣтственность за это рѣшеніе,—сказала она.—Надъ тобой разразилась гроза; я помогу тебѣ устоять противъ нея. Она минуетъ, повѣрь мнѣ.

Перѣзъ, охвативъ голову руками, повторилъ:

— Она минуетъ!..

Онъ глубоко и тяжело вздохнулъ.

VIII.

Въ это время Раймондъ взволнованно ходилъ по своему кабинету. Чтобы побороть нетерпѣніе, онъ то бралъ въ руки книгу, которую сейчасъ заклопывалъ, то подходилъ къ окну, отдергивалъ занавѣсъ и смотрѣлъ въ садъ. Онъ мысленно присутствовалъ при борьбѣ, отъ участія въ которой его отстранили, представлялъ себѣ нападки жены, отвѣты мужа и не терялъ надежды на побѣду Леонарда. Или же, заглядывая впередъ, онъ представлялъ себѣ отъѣздъ свой и своего брата въ Лондонъ, первое

свиданіе съ Лоренсомъ Белемъ, совмѣстныя съ нимъ дѣйствія въ пользу подсудимой; увѣренный теперь въ побѣдѣ, онъ сталъ говорить вслухъ, опровергая доводы противниковъ, жестикулируя. Такъ прошло все утро. Вошелъ Эдмондъ и принесъ на подносѣ завтракъ—яйца и котлетку. Этотъ старикъ съ плотнымъ блестящимъ лицомъ, съ сѣдыми бакенбардами, былъ слугой стараго типа—очень преданнымъ, почтительно участливымъ. Поставивъ завтракъ Раймонда на маленькій столикъ, онъ сказалъ своимъ добрымъ старческимъ голосомъ:

— Я все ждалъ, что вы позвоните, баринъ, чтобы подавали завтракъ. Развѣ у васъ нѣтъ еще аппетита?

— Миѣ не особенно хочется ѣсть,—сказалъ Раймондъ, садясь за столъ.

— Здоровы ли вы, баринъ?

— Совершенно здоровъ.

— У васъ, баринъ, утомленный видъ.

Старикъ любилъ вести такіе разговоры, и Раймондъ обыкновенно охотно ихъ поддерживалъ. Но на этотъ разъ онъ ничего не отвѣчалъ Эдмонду, не замѣчая его удрученныхъ взглядовъ и вздоховъ. Онъ думалъ о томъ, что самыя важныя событія въ жизни не нарушаютъ обыкновенно установившихся привычекъ: какъ его душа ни была потрясена, онъ все-таки обмакивалъ въ яйцо приготовленные Эдмондомъ ломтики хлѣба. Точно также, вѣроятно, братъ его не смогъ придти къ нему сейчасъ же послѣ разговора съ женой, потому что наступилъ часъ завтрака. Теперь онъ тоже сидитъ за столомъ въ обществѣ беззаботно болтающихъ дѣтей и раздраженной жены, и ѣсть, какъ всегда, бифштексъ съ картофелемъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ приближается невѣдомый исходъ жизненной драмы, участники ея сохраняютъ свой обычный видъ среди обычной, неизмѣнившейся декораціи ихъ жизни.

— Налить вамъ кофе, баринъ?

— Налейте, Эдмондъ.

Кофе дымился въ маленькой фарфоровой чашкѣ. Почему не приходитъ Леонардъ? Неужели его задержало какое-нибудь непредвидѣнное дѣло? Но какое же дѣло могло интересовать его въ такую минуту? Можетъ быть, онъ снова сталъ спорить съ Люси; или, можетъ быть, вышло недоразумѣніе, и, вмѣсто того, чтобы придти къ нему, Леонардъ ждетъ его у себя? Раймондъ остановился на этомъ предположеніи, и около двухъ часовъ пошелъ къ брату. Его не было дома, и Раймондъ поспѣшилъ скорѣе домой. Но оказалось, что Леонардъ не приходилъ къ нему.

Прошло три нескончаемыхъ часа. Увѣренность Раймонда начинала слабѣть: онъ зналъ, какое сильное вліяніе Люси имѣетъ на мужа, и понималъ, что она будетъ энергично отстаивать то, что вѣроятно считаетъ своимъ правомъ. Если Леонарда все еще нѣтъ, то это очевидно значитъ, что онъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Но Раймондъ не хотѣлъ допустить такого предположенія. Онъ опять пошелъ къ Леонарду.

— Баринъ недавно вернулся, — сказалъ Фредерикъ, отрывая ему дверь. — Но онъ теперь занятъ.

— У него г. Биллонъ?

— Онъ принимаетъ кліентовъ.

— Мнѣ необходимо его видѣть. Снесите ему эту записку. Я подожду отвѣта.

Онъ оторвалъ листокъ отъ лежавшаго на столикѣ въ передней *bloc-notes'a* и написалъ на немъ карандашомъ:

„Что съ тобой происходитъ? Почему ты не пришелъ? Когда я тебя увижу?“

Фредерикъ, глаза котораго сверкали отъ злораднаго любопытства, унесъ записку и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ отвѣтомъ.

— Баринъ васъ проситъ зайти завтра, — сказалъ онъ.

— Въ какомъ часу?

— Баринъ ничего не сказалъ.

Раймондъ нервно оторвалъ другой листокъ, на которомъ написалъ:

„Утренній экспрессъ отходитъ въ десять часовъ. Я заѣду за тобой въ восемь. Будь готовъ“.

Онъ даже не свернулъ этой второй записки и передалъ ее раскрытою Фредерику, который насмѣшливо посмотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ вернулся домой.

Эдмондъ занятъ былъ приготовленіемъ обѣда, и былъ крайне пораженъ приказаніемъ сейчасъ же уложить вещи въ дорогу. Онъ сталъ предлагать вопросы, растерялся, принялся шарить по шкапамъ, не находилъ самыхъ нужныхъ вещей, потомъ опять принялся готовить обѣдъ; въ результатъ оказалось, что телятина съ горошкомъ—любимое блюдо барина—была испорчена.

Когда Раймондъ съѣлъ обѣдать, явился Фредерикъ съ запиской—двумя строчками, написанными карандашомъ, безъ подписи, на дѣловой бумагѣ: „Не приходи завтра утромъ!“—писалъ Леонардъ. — „Мы не ѣдемъ“.

Люси восторжествовала, — въ этомъ не могло быть больше сомнѣній. Какое поворное отступленіе въ послѣднюю минуту!

Неужели Леонардъ думалъ спастись отъ несчастія, прячась отъ брата? И вдругъ Раймондъ понялъ, что эта трусость была очевидно въ характерѣ его брата, потому что она часто руководила его поступками: развѣ онъ не поспѣшилъ трусливо отдѣлаться отъ Франсуазы, когда связь съ нею сдѣлалась неудобною? И теперь онъ дѣйствуетъ совершенно такъ же—въ обстоятельствахъ, во сто разъ увеличивающихъ его вину, причемъ онъ вѣроятно надѣется, что все какъ-нибудь уладится безъ него.

— Но я спасу его отъ его собственной слабости, защищу его отъ эгоизма его жены!

Въ передней Эдмондъ продолжалъ укладывать чемоданъ, грустно качая своей сѣдой головой и тяжело вздыхая — точно поспѣшный отъѣздъ Раймонда предвѣщалъ несчастіе. Уложивъ вещи и закрывъ чемоданъ, онъ постучался въ кабинетъ. Не получая отвѣта, онъ вошелъ и остановился на порогѣ при видѣ Раймонда, который стоялъ среди комнаты и жестикулировалъ, глядя на него безумными глазами.

— Вы нездоровы, баринъ? Не нужно ли чего?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Чемоданъ уложенъ. Сказать вамъ, баринъ, гдѣ что лежитъ?

— Нѣтъ, я вѣроятно не поѣду. Я самъ не знаю, что со мной будетъ.

Видя, что Эдмондъ не двигается съ мѣста и совершенно растерянно глядитъ на него, Раймондъ сказалъ ему съ непривычной рѣзкостью:

— Оставьте меня. Я васъ позову, когда будетъ нужно.

Онъ не легъ въ постель, и всю ночь усовѣщивалъ брата, точно тотъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ. Уже подъ самое утро онъ задремалъ, лежа на кушеткѣ. Въ семь часовъ утра онъ позволилъ къ брату, и увидѣлъ передъ собой лукавое и недовольное лицо Фредерика.

— Баринъ еще не всталъ... вѣдь еще такъ рано!..

— Все равно. Скажите ему, что я пришелъ, что мнѣ нужно его видѣть, что я не уйду, не повидавшись съ нимъ!

— Баринъ не позволяетъ, чтобы его будили.

— Не бойтесь—онъ навѣрное не спитъ.

Произнеся трагическимъ тономъ эти необдуманныя слова, Раймондъ прошелъ въ кабинетъ брата; Фредерикъ, исполняя его приказаніе, отправился будить барина.

Леонардъ вскорѣ вышелъ къ брату въ утренней жакеткѣ. Онъ предвидѣлъ настойчивость брата, и надѣялся справиться съ

нею. Какъ часто онъ побѣждалъ „капризы“ Раймонда, ошеломляя его рѣшительностью своего тона, своей кажущейся энергіей и авторитетностью. Войдя въ кабинетъ, онъ сразу заговорилъ рѣшительнымъ голосомъ, какъ будто сообщая самыя простыя и бесспорныя вещи.

— Мы не ѣдемъ, Раймондъ. Люси мнѣ доказала, что нашъ планъ неосуществимъ. Она абсолютно его отвергаетъ. Вѣдь это ея право,—ты самъ согласился, что я не могу ничего предпринять безъ ея согласія. Къ тому же, обсудивъ дѣло, я признаю, что она права,—мы слишкомъ увлеклись; это твоя вина: ты разволновался и заразилъ меня своимъ возбужденіемъ. Хорошо, что Люси хладнокровнѣе насъ и остановила наше безуміе.

Раймондъ весь дрожалъ, слушая притворно-спокойную рѣчь брата.

— Это возмутительно!—вскрикнулъ онъ.

Леонардъ пропустилъ мимо ушей оскорбительное восклицаніе брата.

— Не будемъ объ этомъ больше спорить, — сказалъ онъ. — Это бесполезно. Ты сказалъ мнѣ вчера все, что могъ сказать, и почти убѣдилъ меня. Но протестъ моей жены непобѣдимъ и вполне законенъ. Я ей обѣщала ничего не предпринимать, и на этотъ разъ мое рѣшеніе безповоротно.

Вдругъ, совершенно противъ своей воли, онъ заговорилъ возбужденнымъ голосомъ, выдававшимъ всю его внутреннюю муку:

— Я не хочу больше говорить объ этомъ ужасномъ дѣлѣ... понимаешь ты? Ни слова больше!.. я буду ждать... Я не хочу ничего знать, даже не буду знать о приговорѣ... я не буду читать газетъ... я запрещаю тебѣ говорить мнѣ что-либо... Я ничѣмъ не могу ей помочь; я отгону это все отъ меня, какъ кошмаръ!

Раймондъ забылъ всѣ доводы, которые повторялъ себѣ ночью, или же понялъ бессиліе ихъ противъ этой холодной и страшной рѣшимости. Его братъ казался ему теперь погибшимъ путешественникомъ, закрывающимъ глаза передъ пропастью, въ которую его толкаетъ невѣдомая сила.

— Я тебя не сужу, — тихо сказалъ онъ. — Дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось слишкомъ поздно раскаяться въ рѣшеніи, которое исходитъ не отъ тебя!

— Я не принадлежу въ числу людей, которые сожалеютъ о своихъ поступкахъ, — сказалъ Леонардъ вызывающимъ тономъ.

— Какъ знать?—возразилъ Раймондъ. — Расскажи, какъ и на-

казаніе, наступаетъ не сейчасъ послѣ поступка. Мы увидимъ. Но я не хочу быть твоимъ сообщникомъ. Я сдѣлаю все, что могу.

— Ты хочешь поѣхать одинъ?

Жестокое презрѣніе, съ которымъ Леонардъ произнесъ эти слова, напомнило Раймонду о его безсиліи. Онъ представилъ себѣ, какимъ жалкимъ онъ покажется на судѣ рядомъ съ коренастыми англичанами, какою ничтожной будетъ его помощь. Ему казалось, что онъ уже слышитъ вопросы, которые судья въ парижѣ не преминетъ предложить ему: „Почему же не явился сюда вашъ братъ?“ — спроситъ онъ. „Зачѣмъ явились вы? Развѣ вы тоже были любовникомъ этой женщины?“ — Къ нему отнесутся съ недоувѣріемъ, будутъ подозрѣвать его въ какихъ-нибудь неблаговидныхъ интригахъ; его смущеніе и отсутствіе Леонарда уничтожатъ значеніе его показаній, и онъ еще, можетъ быть, только повредитъ Франсуазѣ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — я не поѣду. Безъ тебя я ничего не могу сдѣлать. Но я пошлю письма м-ру Белю. Они окажутъ больше пользы, чѣмъ мое присутствіе на судѣ. Верни ихъ мнѣ!

Раймонду показалось, что въ душу Леонарда закралось одно изъ тѣхъ искушеній, которыя иногда являются у малодушныхъ людей въ минуту опасности. Онъ вскипѣлъ отъ негодованія, и прежде чѣмъ братъ успѣлъ сказать ему что-нибудь, крикнулъ ему:

— Надѣюсь, что ты не откажешься отдать ихъ мнѣ?

Подозрѣніе его было вѣрнымъ. Леонардъ пожалъ плечами, чтобы не показать, что онъ пристыженъ.

— За кого ты меня принимаешь? Вотъ они.

Онъ вынулъ изъ ящика маленькую пачку, передалъ ее Раймонду и сказалъ неискреннимъ тономъ:

— Я ихъ перечелъ: они не произведутъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ ты думаешь. На мѣстѣ адвоката я бы едва ли воспользовался ими. Но посылай ихъ, если хочешь; это меня не касается, — письма тебѣ принадлежатъ.

Событія послѣднихъ дней раскрыли Раймонду многое въ душѣ брата, о чемъ онъ и не подозрѣвалъ; съ каждой минутой въ немъ открывалось все больше эгоизма, расчетливости, малодушія. Чтобы не увидеть еще больше мрака, заглядывая глубже въ его душу, Раймондъ прервалъ разговоръ. Взявъ письма, онъ сказалъ, не протягивая руки брату:

— Прощай. Намъ не о чемъ больше говорить.

На порогѣ, однако, онъ остановился и прибавилъ:

— Я еще не отчаиваюсь въ тебѣ. Если ты одумаешься и

рѣшишь исполнить свой долгъ—позови меня. Если же нѣтъ, то мы больше не увидимся...

Въ итальянскихъ операхъ оркестръ часто аккомпанируетъ легкими аккордами, игривыми ритмами аріи, выражающія страсти и отчаяніе; точно также и въ жизни: какъ бы мы ни были потрясены горемъ, одни и тѣ же обычныя дѣйствія совершаются въ установленномъ порядкѣ, несмотря на рыданія и крики, раздающіеся въ душѣ.

Раймондъ пересталъ ходить къ брату, но не утратилъ надежды на то, что онъ образумится, и ждалъ его, готовый сейчасъ же простить ему. Люси, несмотря на свою побѣду, не могла вполнѣ успокоиться; слишкомъ быстрое отступленіе ея противника не казалось ей окончательнымъ, и, ничего не зная о томъ, что происходило вдали, она опасалась разныхъ неожиданностей. Замѣнутое, спокойное лицо Леонарда и тусклый взглядъ его блѣдныхъ глазъ не выдавали его тайныхъ страданій. Дни его протекали также какъ у всѣхъ людей, имѣющихъ любимую семью, занятія, поглощающія ихъ время, свѣтскія обязательства — и слишкомъ мало досуга, чтобы предаваться мыслямъ. Въ часы отдыха, сближающіе трудящихся отцовъ съ безпечными дѣтьми, сынъ и дочь Леонарда улыбались ему, невинные и нѣжные, карабкались къ нему на колѣни, ласкали его и занимали его своимъ дѣтскимъ лепетомъ.

Въ своемъ кабинетѣ онъ, какъ всегда, принималъ кліентовъ, которые рассказывали ему съ безконечными подробностями о своихъ мелкихъ дѣлахъ, раздуваемыхъ страстью къ сутяжничеству. Въ судѣ онъ опять встрѣчался съ клиентами, разговаривалъ съ товарищами. По вечерамъ онъ появлялся въ обществѣ вмѣстѣ съ женой, и встрѣчалъ людей другихъ профессій, съ которыми велъ приблизительно одни и тѣ же шаблонныя разговоры. Онъ выступилъ за это время въ судѣ только одинъ разъ, защищая безъ малѣйшаго воодушевленія дѣло одной актрисы противъ портного. Обѣдая, черезъ нѣсколько дней послѣ сцены съ братомъ, у шурина своей жены, Гастелье, Леонардъ встрѣтился со своимъ тестемъ. Онъ съ нимъ рѣдко видался. Докторъ Моншарни, молчаливый и разсѣянный человекъ, оживился только тогда, когда сталъ рассказывать о новомъ благотворительномъ комитетѣ въ своемъ кварталѣ, доставляющемъ работу „раскаившимся Магдалинамъ“. Леонардъ всегда считалъ своего тестя пустымъ фантазеромъ, презиралъ его за равнодушіе къ своимъ

собственнымъ дѣламъ и мало интересовался имъ. Теперь онъ, къ своему собственному удивленію, сталъ внимательно прислушиваться къ его словамъ; ему стало казаться, что этотъ человѣкъ, отдавшійся заботамъ о ближнихъ, счастливѣе другихъ. Онъ позавидовалъ внутреннему спокойствію его души и подумалъ: вотъ, ему не страшно взглянуть въ „зеркало правды“ и увидѣть тамъ свое отраженіе“.

Такъ проходили часы и дни у Леонарда, одинаковые, незамѣтные среди обычныхъ занятій и развлеченій,—подобные легкимъ аккордамъ, звучащимъ въ оркестрѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не заглушитъ страстное пѣніе. Вдали—общая жизнь шла своимъ чередомъ, равнодушная къ драмѣ, которую она уносила въ своемъ теченіи вмѣстѣ со множествомъ другихъ. Въ газетахъ и въ обществѣ толковали о множествѣ пустяковъ—съ точки зрѣнія Леонарда: о кораблекрушеніяхъ, пожарахъ, далекихъ сраженіяхъ, о политикѣ, о смерти знаменитостей, о пышныхъ празднествахъ и т. д.,—или же о свѣтскихъ сплетняхъ, интересующихъ общество. Но Леонардъ зналъ, что это жуужаніе человѣческаго улья перестанетъ существовать для него черезъ три—четыре дня; тогда вся міровая жизнь сосредоточится для него на процессѣ Франсуазы, на короткихъ депешахъ о ходѣ дѣла, на извѣстіи о приговорѣ.

Люси иногда угадывала мрачныя мысли мужа, скрывавшіяся подъ его вѣдшимъ спокойствіемъ, и замыкалась въ гордое молчаніе. Биллонъ съ своей стороны замѣчалъ нервность и разсѣянность своего патрона и наблюдалъ за нимъ съ проницательнымъ и злобнымъ любопытствомъ. Даже прислуга стала говорить объ исчезновеніи Раймонда. Фредерикъ разсказалъ въ людской о странныхъ посѣщеніяхъ Раймонда, и на этомъ основаніи выдумывались самыя отвратительныя сплетни. А по другой сторонѣ Ламанша каждая протекавшая минута приближала катастрофу, которая должна была сразу остановить всѣ эти суетливыя движенія муравьевъ, которые тащатъ зерна и наполняютъ свои амбары.

21-го числа Леонардъ вскочилъ съ постели рано утромъ—какъ на слѣдующій день послѣ перваго извѣстія о несчастіи. Его тянуло зайти къ брату, который уже навѣрное боролся у себя дома съ такимъ же желаніемъ отправиться къ нему. Но хотя угроза и презрѣніе Раймонда не тревожили его, онъ все-таки не зашелъ къ нему: ему было стыдно. „Лучше найду послѣ оправдательнаго приговора“,—подумалъ онъ. Зная, что навѣрное застанетъ Гастелье въ этотъ ранній часъ въ его конторѣ на

большихъ бульварахъ, онъ направился къ нему, подъ предлогомъ консультаціи по одному архитектурному дѣлу. Гастельё всегда былъ полонъ широкими планами, о которыхъ любилъ пространно рассказывать всѣмъ проходящимъ. Онъ долго не отпустилъ Леонарда, показывая ему проекты домовъ для рабочихъ, въ „новомъ стилѣ“. Для осуществленія его замысла образовалось общество, состоящее изъ живописцевъ, скульпторовъ, писателей, банкировъ, аристократовъ, филантроповъ; всѣ они соединились для сооруженія въ народныхъ кварталахъ образцовыхъ построекъ „modern style“. Союзъ этотъ будетъ называться— „Обществомъ взаимнаго служенія искусству“.

— Не правда ли, чудесное названіе?—спросилъ Гастельё. — Оно вполне выражаетъ мою мысль во всей ея величественной простотѣ. Искусство равно всѣмъ принадлежитъ: оно должно создаваться обмѣномъ труда между имущими и неимущими. Не нужно замѣнутыхъ оружіевъ! Не нужно мандариновъ! Современныя условія общественной жизни...— Онъ продолжалъ говорить, но Леонардъ не слѣдилъ за его словами, слыша только неопредѣленный гулъ въ ушахъ отъ громкаго голоса Гастельё. Наконецъ въ контору явился заказчикъ, и Перёзъ ушелъ. Онъ отправился въ судъ, хотя особенной надобности идти туда не было. Тамъ ему пришлось прежде всего выслушать іереміады какой-то толстой дамы, которая вела процессъ противъ страхового общества: ея дѣло откладывали уже въ третій разъ. Потомъ съ нимъ заговорилъ Биллонъ; затѣмъ еще повѣренный Дюпенъ сталъ совѣтоваться съ нимъ о браворазводномъ дѣлѣ, рѣшеніе котораго все оттягивалось изъ-за разныхъ формальностей. Когда отошелъ Дюпенъ, въ Леонарду быстрыми шагами подошелъ адвокатъ Жаладъ, съ газетой въ рукахъ, съ оживленнымъ лицомъ, и почти крикнулъ ему:

— Знаете, mon cher maître, вѣдь сегодня начинается разбирательство дѣла объ убійствѣ ребенка въ Лондонѣ... Я вамъ говорилъ о немъ, помните? У насъ будетъ теперь случай узнать, каково въ дѣйствительности англійское правосудіе, о которомъ намъ протрубили уши. Надѣюсь, что наши газеты будутъ хорошо освѣдомлены и сообщать намъ подробности.

Другой адвокатъ, немного глухой и консерваторъ по образу мыслей, остановился, чтобы поздороваться съ ними. Услышавъ, что рѣчь идетъ о газетахъ, онъ сказалъ, пожимая имъ руки:

— Съ тѣхъ поръ, какъ въ газетахъ помѣщаются столько телеграммъ, совершенно невозможно узнать что-либо: отчеты въ га-

зетахъ слишкомъ краткіе, свѣдѣнія большей частью невѣрныя, а опроверженія печатаются слишкомъ поздно.

Вечернія газеты, дѣйствительно, ограничили сообщеніемъ объ открытіи судебного разбирательства, которое продолжится вѣроятно не менѣе трехъ дней. Чтобы узнать что-нибудь, нужно было ждать до слѣдующаго дня, провести мучительную ночь. Боясь возбудить вниманіе прислуги и опасаясь пронизательности своего помощника, Леонардъ не рѣшился опять выйти изъ дому рано утромъ, какъ наканунѣ. Но онъ раньше обыкновеннаго вышелъ въ столовую, гдѣ его ждала уже утренняя почта.

Онъ быстро пробѣжалъ свои три газеты: во всѣхъ воспроизведена была та же телеграмма, передававшая въ десяти строчкахъ рѣчь прокурора и упоминавшая безъ всякихъ подробностей о допросѣ первыхъ свидѣтелей. Когда онъ кончалъ чтеніе, появилась Люси. Она посмотрѣла на углубленнаго въ чтеніе Леонарда, поняла, въ чемъ дѣло, машинально протянула руку, чтобы взять одну изъ газетъ, но остановилась, чтобы доказать свое равнодушіе, и принялась спокойно нарѣзывать хлѣбъ для дѣтей. Маркъ и Раймонда вбѣжали въ комнату вслѣдъ за англичанкой-бонной.

— Папа! — крикнула дѣвочка: — ты уже здѣсь? Ты уже прочелъ письма?

Маркъ, большой лакомка, обрадовался, увидѣвъ вкусныя булки на столѣ:

— Мама, мама, сегодня у насъ бриоши! — Онъ съ жадностью потянулся къ тарелкѣ, но Люси его остановила:

— Подожди немного — еще не принесли шоколадъ.

Пришлось вооружиться терпѣніемъ. Дѣти были очень веселы и свѣжи послѣ ночного отдыха, и имъ трудно было сидѣть, ничего не дѣлая. Они завладѣли развернутыми газетами.

— Ты кончилъ читать ихъ, папа? — спросила Раймонда. — Отдай ихъ намъ, чтобы дѣлать лодочки. Можно взять? Шоколада еще намъ не даютъ.

Четыре маленькія ручки стали складывать листы, комкая бумагу неловкими движеніями и весело хохоча надъ своей неумѣльностью. Но бумага разорвалась по срединѣ, и Маркъ пришелъ въ отчаяніе.

— Нѣтъ, ничего изъ этого не выйдетъ! Это слишкомъ трудно! — И Раймонда сейчасъ же прибавила:

— Папа умѣетъ дѣлать лодочки. Помоги намъ, папа, пожалуйста!

Она подбѣжала къ отцу, держа въ рукахъ большіе, ском-

важные листы, съ довърчивой улыбкой маленькихъ дѣвочекъ, увѣренныхъ въ томъ, что ихъ просьбу исполнять. Леонардъ быстро поднялся со стула, оттолкнувъ дѣвочку.

— Миѣ некогда, — я ухожу.

Раймонда, отъ вниманія которой ничего не ускользало, возразила:

— Вѣдь ты еще не пилъ чая, папа!..

— Миѣ некогда ждать, — я спѣшу.

Онъ не поцѣловалъ дѣтей, не взглянулъ на жену. Дверь хлопнулась за нимъ, и въ уютной, веселой комнатѣ вдругъ стало какъ-то жутко — точно при приближеніи бури. Дѣти перестали играть. Люси молчала, погруженная въ мысли, и не глядѣла на дѣтей.

Перезъ былъ потрясенъ до глубины души, какъ будто бы видѣ маленькой Раймонды, которая невинно принесла ему своими руками газету со страшными лондонскими вѣстями, предвѣщая тѣлую серію неотвратимыхъ несчастій. Его охватило неудержимое желаніе кричать о своей мужѣ, или же заглушить ее болѣе подробными извѣстіями о процессѣ. Онъ вышелъ изъ дому почти бѣгомъ, взявъ карету и поѣхалъ въ книжный магазинъ Галиньяни за англійскими газетами. Выходя оттуда, онъ увидѣлъ брата, который пришелъ за газетами еще раньше, и теперь читалъ, остановившись подъ аркадами, вблизи магазина. Онъ его подзвалъ:

— Раймондъ! Я ѣхалъ къ тебѣ. Иди сюда!

Раймондъ сѣлъ въ карету къ брату и безъ дальнѣйшихъ объясненій сталъ переводить отчетъ о засѣданіи суда; это былъ своего рода протоколъ, точный, написанный безъ заботы о художественности стиля, короткими фразами, изъ которыхъ каждая передавала какой-нибудь фактъ. Но эта сухость возсоздавала жизненную правду гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ всякіе риторическіе приемы: драма раскрывалась во всей своей захватывающей фактической правдѣ, безъ художественныхъ прикрасъ — и такъ, что никакъ нельзя было рѣшить, произошло ли преступленіе или случилось несчастіе. Въ началѣ засѣданія, по англійскому обычаю, м-ръ Лоренсъ Бель объявилъ, что „подсудимая утверждаетъ, что она невиновна“. Вслѣдъ за этимъ, м-ръ Нортонъ, обвинитель, сдѣлалъ точное изложеніе фактической стороны дѣла. Она была знакома братьямъ по письму защитника, но въ передачѣ обвинителя событія принимали совершенно иной, угрожающій характеръ. М-ръ Нортонъ рассказалъ всѣ подробности прогулки матери съ ребенкомъ, констатировалъ исчезнове-

нѣ ребенка, передать совершенно точно объясненіе подсудимой, резюмировалъ показанія свидѣтелей, противорѣчащія ея словамъ, остановился съ особымъ вниманіемъ на поведеніи Франсуазы съ минуты появленія свидѣтелей и до того, какъ ее арестовали, и закончилъ, не дѣлая никакихъ выводовъ, слѣдующими словами:

„Тѣло дѣвочки исчезло; но шляпа ея найдена была на берегу приблизительно въ десяти метрахъ внизъ по теченію отъ того мѣста, гдѣ стояла подсудимая, когда ее замѣтили свидѣтели“.

Карета стояла уже нѣсколько минутъ передъ домомъ Раймонда. Обезпокоенный тѣмъ, что ѣздоки не выходятъ, кучеръ сошелъ съ козелъ, и его голова показалась у окошка.

— Мы ѣдемъ дальше,—сказалъ Леонардъ при видѣ его, и далъ наугадъ какой-то адресъ. Карета снова двинулась въ путь, и Раймондъ сталъ читать дальше.

Послѣ рѣчи м-ра Нортонъ начался опросъ свидѣтелей. Въ газетѣ съ той же точностью передавалось показаніе каждаго изъ нихъ; значеніе первыхъ трехъ показаній было неясно. Слѣдующія представляли больше интереса.

„М-съ Оксбриджъ, хозяйка дома на Артуръ-Стритѣ, показала, что подсудимая занимала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нижній этажъ ея дома. Когда она поселилась тамъ, ея дѣвочка уже помѣщена была въ пансіонъ въ Кентербери. Она жила очень тихо, рано возвращалась домой и мало кого принимала у себя. М-ръ В. Орчардъ часто приходилъ къ ней днемъ, но никогда поздно не оставался. На праздники она брала дѣвочку домой. Свидѣтельница говоритъ, что вечеромъ 11-го января подсудимая сказала ей: „я поведу завтра дѣвочку въ Kew-Gardens; праздники кончаются, я хочу доставить ей удовольствіе“. На слѣдующее утро свидѣтельница слышала, какъ дѣвочка сказала матери по-англійски: „мама, у меня немного голова болитъ; я лучше останусь дома“. Подсудимая отвѣтила ей по-французски: свидѣтельница не поняла ея словъ. Свидѣтельница говоритъ также, что у подсудимой былъ озабоченный видъ, и что она ничего не отвѣтила на вопросъ, когда она думаетъ вернуться. Отвѣчая на вопросы защитника, свидѣтельница заявляетъ, что подсудимая была очень добра со всѣми, а также со своей маленькой дочкой, что она повидимому очень ее любила и радовалась приближенію праздниковъ, а также что она платила гинею въ недѣлю за свое помѣщеніе.

М-ръ Гоули, хозяинъ ресторана на Санди-Комбъ-Родъ, показываетъ, что 12-го января, между двѣнадцатью и часомъ дня,

онъ подалъ яйца, сандвичи и чай подсудимой и ея дѣвочкѣ. Онъ замѣтилъ, что у дѣвочки былъ хорошій аппетитъ, но что подсудимая имѣла озабоченный видъ и едва касалась ѣды. Онъ не понималъ ихъ разговора, такъ какъ онѣ говорили по-французски. Уходя, подсудимая спросила его по-англійски, гдѣ ближайшій входъ въ Kew-Gardens, и онъ ей сказалъ.

М-ръ Вульвигъ, плотникъ, говорить, что 12-го января, около четырехъ часовъ, возвращаясь съ работы со своимъ товарищемъ Брантономъ и идя вдоль Темзы, онъ увидѣлъ идущихъ имъ на встрѣчу женщину и дѣвочку. Онъ говорить, что подсудимая—именно эта женщина, и что онъ ее отлично узнаётъ. Ему показываютъ фотографическую карточку дѣвочки, и онъ говорить, что ему кажется, что это та, которую онъ встрѣтилъ, но утверждать это онъ не рѣшается. Онъ говорить также, что былъ удивленъ при видѣ женщины, гуляющей съ ребенкомъ такъ поздно, но ничего подозрительнаго въ ея поведеніи онъ не замѣтилъ. Нивагого старика, идущаго сзади ихъ, онъ не видѣлъ.

М-ръ Брантонъ, его товарищъ, тоже плотникъ, рассказываетъ то же самое. Повернувъ голову назадъ послѣ встрѣчи съ подсудимой, онъ замѣтилъ, что она тоже обернулась и поглядѣла назадъ. Дѣвочку онъ бы не узналъ при встрѣчѣ, и тѣмъ болѣе не можетъ узнать ее на фотографической карточкѣ. Онъ говорить, что, обернувшись, онъ не видѣлъ никого около подсудимой и ея дѣвочки, также какъ и за ними; къ тому же туманъ уже началъ спускаться, и нельзя было ничего разглядѣть въ нѣсколькихъ метрахъ“.

— Вотъ и все,—сказалъ Раймондъ.—Отчетъ заканчивается словами: „Продолженіе разбирательства отложено на завтра“.

Видя, что братъ угрюмо молчитъ, онъ прибавилъ:

— Чтò ты объ этомъ думаешь?

— Я ничего не могу теперь сказать. Тутъ переданы только факты. Я не вижу въ нихъ ничего убѣдительнаго. Подождемъ продолженія.

Карета остановилась, пріѣхавъ по данному Леонардомъ адресу.

— Нѣтъ,—крикнулъ Леонардъ вучеру:—намъ нужно теперь въ другое мѣсто.

Онъ далъ свой собственный адресъ. Кучеръ, ворча, двинулся опять въ путь.

Братья ѣхали молча, погруженные каждый въ свои мысли. Когда они уже подъѣзжали къ дому, гдѣ жилъ Леонардъ, Раймондъ сказалъ:

— Еще есть время поѣхать... сегодня вечеромъ.

Леонардъ покачалъ головой, ничего не отвѣчая. Немного помолчавъ, онъ спросилъ:

— Ты послалъ письма?

— Да.

— М-ръ Бель тебѣ отвѣтилъ?

— Нѣтъ.

Выходя изъ вареты, Леонардъ спросилъ:

— Развѣ ты не зайдешь позавтракать съ нами?

— Если я тебѣ буду нуженъ, ты придешь ко мнѣ. Я къ тебѣ въ домъ больше не приду.

Стоя у дверей своего дома, Леонардъ слѣдилъ глазами за братомъ, который ушелъ, не протянувъ ему руки, и исчезъ изъ виду, ни разу не обернувшись. Леонарду показалось невозможнымъ сѣсть теперь, какъ всегда, завтракать съ семьей, смотрѣть на Люси, слышать голоса дѣтей. Послѣ минутнаго колебанія, онъ отправился въ судъ и провелъ среди шума, отвлекавшаго его отъ его мыслей, весь день до того часа, когда можно было достать вечернія газеты.

Во всѣхъ нихъ напечатана была одна и та же телеграмма, сообщенная какимъ-то агентствомъ:

„Разборъ дѣла Франсуазы Десомъ, французенки-модистки, которую обвиняютъ въ убійствѣ своего ребенка, продолжается. Сегодня выслушаны были нѣсколько свидѣтелей, вызванныхъ обвиненіемъ; изъ нихъ только одинъ имѣетъ серьезное значеніе. До сихъ поръ свидѣтельскія показанія въ общемъ мало убѣдительны. Многіе изъ слѣдящихъ за ходомъ дѣла предполагаютъ, что подсудимая будетъ оправдана“.

Съ франц. З. В.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Б. Н. БУЛИЧА

1828—1846 гг. *)

I.

Перевздъ изъ Кіева.

Я родился въ 1828 году, въ г. Прилукахъ, полтавской губерніи, гдѣ отецъ мой, женатый въ Сибири и имѣя уже трехъ сыновей, остановился, перебираясь на свою родину—Малороссію. По мѣстному церковному обычаю, меня, при крещеніи, только обливали святою водою, и до весны того года семья наша оставалась со мною въ Прилукахъ, когда съ установившимся тепломъ мы снова тронулись въ путь, ведя за собою козу — мою четвероногую кормилицу. Впослѣдствіи, когда я подростъ, способъ моего крещенія и кормленія послужилъ предлогомъ насмѣшекъ надо мною. Старшіе мои братья—сибиряки—не мало гордились предо мною, усматривая выгоды и преимущества своего крещенія и кормленія.

*) Константинъ Никитичъ Буличъ собралъ, какъ онъ намъ писалъ изъ Казани еще въ октябрѣ прошедшаго года, обширный матеріалъ, накопленный имъ во времена его разнообразной дѣятельности, административной, судебной, земской и городской. На основаніи такого матеріала онъ приступилъ къ составленію мемуаровъ, но смерть, постигшая его въ концѣ прошедшаго года, не дозволила ему закончить предпринятое, и онъ успѣлъ доставить намъ только первыя три главы изъ начатаго имъ труда.—*Ред.*

Черезъ четыре года послѣ того, въ 1832 г., я начинаю помнить себя на рукахъ у няни въ большомъ роскошномъ саду съ темносиними ягодами шелковицы, съ свѣтлозелеными орѣхами грецкихъ деревьевъ; изъ сада видна широкая голубая рѣка — Днѣпръ. Это было въ Кіевѣ, гдѣ отецъ купилъ свой большой деревянный домъ на Крещатикиѣ, съ садомъ и видомъ на Подоль. Въ этомъ же году умерла наша мать. Время еще заволакиваетъ мое сознание, и только нѣсколько тонкихъ и милыхъ впечатлѣній западаетъ навсегда отъ посѣщеній нашего осиротѣлаго дома маленькой сосѣдкой, полькой. Мы остались на рукахъ у бабушки. Въ 1834 году отецъ, напуганный событіями 1831 года, опечаленный потерей жены, озабоченный воспитаніемъ уже пяти сыновей, рѣшился не оставаться въ Кіевѣ, и, какъ говорилъ намъ не одинъ разъ потомъ, — именно изъ опасенія вреднаго вліянія на воспитаніе дѣтей поляковъ, живущихъ въ Кіевѣ. Въ томъ же году рѣшено было выбрать другіе извѣстные тогда университетскіе города: Москву, Харьковъ, Казань, и прежде чѣмъ остановиться на которомъ-нибудь изъ нихъ или посоветоваться о выборѣ, — по суевѣрному обычаю старины написаны были на билетикахъ три имени: Москва, Харьковъ, Казань, и эти билетики положены за образъ. Вынулса городъ Казань. — Тогда большой домъ на Крещатикиѣ былъ проданъ, и на переведенныя черезъ комиссіонера въ Казань деньги купленъ большой деревянный домъ на Лидской улицѣ, гдѣ впоследствии, на мѣстѣ сгорѣвшаго и уже проданнаго дома, вновь построенъ каменный домъ В. М. Молостова. — Послѣ того (въ 1835 году) большая семья изъ отца, пожилой бабушки, пятерыхъ сыновей отъ 11 до 4-хъ лѣтъ, двухъ нянь и гувернера-итальянца Кетнера, размѣстилась въ трехъ экипажахъ, запряженныхъ разномастными крупными лошадьми съ наемными кучерами и фореиторами, а большой запасъ образовъ, серебра, картинъ, бѣлья и фарфоровой и фаянсовой посуды кіевской Межигорской фабрики былъ помѣщенъ на четырехъ фургонахъ и крытыхъ телѣгахъ. Все это весною 1835-года тронулось въ путь на Курскъ, Тамбовъ и Пензу въ Казань. Весь транспортъ двигался подъ руководствомъ Онуфрія Брянскаго, бывшаго двороваго человѣка, вѣроятно бѣлаго, прошедшаго не одинъ разъ путь изъ Казани въ Кіевъ и нанятаго отцомъ за большія деньги. — Помнятся нѣкоторые эпизоды этого странствія: бѣлый, свѣтлый день, густой лиственный лѣсъ; весь транспортъ усталъ отъ полуторамѣсячнаго пути, заблудился въ лѣсу, разсѣялся на большомъ пространствѣ, и стоитъ безъ движенія. Опытность Брянскаго не помогаетъ. Отецъ, всегда горя-

чий, невоздержный, бушуетъ, грозитъ съ палкой въ рукахъ прибить Брянскаго. Транспортъ не двигается. — Помнится ночлеги и днёвка въ большомъ селѣ съ памятнымъ до сихъ поръ ужасомъ въ дѣтскихъ глазахъ при видѣ небольшихъ кусковъ отвратительнаго зеленаго вида, изъ лебеды и глины—ржаного хлѣба. Говорятъ, здѣсь голодъ, и въ дѣтское сердце тяжелымъ камнемъ западаетъ навсегда народное бѣдствіе. — Наконецъ мы въ Казани. Обширный дворъ, заросшій жидкою травкою, незнакомый для глазъ сѣверный сумракъ, холодъ; на дворѣ—распряженные экипажи; кучера водятъ лошадей, усталыхъ отъ трехмѣсячнаго пути, и невыразимо хочется спать въ домѣ, а не въ экипажѣ или избѣ. Прощай, благодатный югъ! Прощай, голубой Днѣпръ, роскошный садъ! Прощай, дорогая могила, которую черезъ 65 лѣтъ потомъ съ трудомъ отыскиваетъ въ Кіевѣ сѣдой старикъ-сынъ съ своею дочерью, молодой дѣвушкой. А пресловутое вредное вліяніе на дѣтей поляковъ! Въ той же Казани, куда мы бѣжали отъ него, мой старшій братъ уже двадцати лѣтъ и еще при жизни отца дѣлается страстнымъ поклонникомъ Мицкевича, знаетъ наизусть почти всѣ его „Дзяды“, „Пана Тадеуша“, и говоритъ по-польски какъ настоящій полякъ. А въ 1880 году мой старшій сынъ, также воспитанникъ казанскаго университета,—такой же поклонникъ и знатокъ польскаго языка, грамматики, литературы и поэзіи и также говоритъ по-польски какъ истый полякъ.

II.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ.—ДОМАШНЕЕ УЧЕНЬЕ.

Большой деревянный домъ въ Казани скоро дѣлается обитаемымъ. Въ большой залѣ—два окна во дворъ и два на улицу,—у стѣны и дверей въ гостиную ставится ручной органъ, привезенный съ собою изъ Кіева для забавы дѣтей. Они особенно любятъ веселую „Барыню“, „По улицѣ мостовой“ и т. д.—Ручку вертятъ попеременно двѣ няни-малороссянки, пожилая Маланья и молодая Катерина. Въ промежуткѣ между двумя окнами во дворъ висѣлъ мальчикъ съ большой аспидной доской и надписью на ней какой-то задачи изъ цифръ, позже признанный академіей художествъ за оригинальную картину лучшаго русскаго живописца времени Боровиковскаго.—Въ средней—большой гостиной, по большой задней стѣнѣ между двумя окнами, у двохъ дверей изъ залы въ гостиную и изъ гостиной въ уго-

вую, разставляется большое количество прочной, красного дерева мебели; диванъ съ высокой спинкой и деревянными ручками по бокамъ его и такія же красного дерева широкія кресла съ деревянными ручками, всё обитыя красною, кармазиннаго цвѣта шерстяною матеріей, заказанною заранѣе черезъ мѣстнаго помѣщика и стараго знакома, В. В. Аристова, впоследствии игравшаго видную роль въ жизни старшаго брата. Еще и теперь такую старинную красного дерева мебель можно видѣть въ старыхъ архіерейскихъ и настоятельскихъ домахъ, въ вельяхъ богатыхъ отшельницъ-помѣщицъ женскаго монастыря, какъ и это видѣлъ уже черезъ тридцать лѣтъ въ Казани.—Въ 1862 году, вернувшись изъ Петербурга съ молодой женой въ нежилой деревянный домъ нашего имѣнія въ чистопольскомъ уѣздѣ, я ввѣлъ этотъ домъ наполненнымъ такою мебелью, съ переломанными ручками и ножками и перевезенною, за ненадобностью, изъ городского въ деревенскій домъ. Увлеченіе при реставраціи мебели уѣздно-городскими и деревенскими столярами стоило мнѣ дороже новой мебели.—На всѣхъ простѣнкахъ, надъ диваномъ и другой мебелью висѣли итальянскія акварели, купленные дѣдомъ съ материнской стороны,—купцомъ Морозовымъ въ Лейпцигѣ, въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. Акварели эти, несмотря на бѣдность и топорность искусства въ рисунокѣ изображеній человѣческихъ фигуръ—рыбаковъ на набережной Неаполя и др., до сихъ поръ поражаютъ яркостью своихъ красокъ, вѣрностью и красотою пейзажа. Таковы виды Неаполя и Везувія, Аталіи и Сорренто. Картины эти воспитали любовь двухъ поколѣній къ задумчивымъ пирамидальнымъ тополямъ, къ красотѣ приморскихъ видовъ.—Въ 1896 году, на сто-двадцатой выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго въ Петербургѣ, я удивленъ былъ сходствомъ огромной каменной массы лиловатаго тона среди бушующихъ волнъ Средиземнаго моря съ такою же массой въ акварельномъ пейзажѣ моего деревенскаго дома, но влѣво и вблизи отъ Везувія и Неаполя. Привезенный рисунокъ выставки № 120 убѣдилъ всѣхъ въ томъ, что рисунокъ и колоритъ обоихъ изображеній былъ одинъ и тотъ же. Это былъ островъ Капри близъ Неаполя.—На трехъ большихъ окнахъ гостиной висѣли привезенныя изъ Сибири зеленыя тонкія тростниковыя гардины съ уродливыми изображеніями на нихъ красныхъ китайцевъ и китайнокъ. Съ самаго пріѣзда въ Казань, я, семи-восьмилѣтній мальчикъ, очень часто подолгу страдалъ—вѣроятно отъ употребленія отвратительной казанской воды—диспепсіей, сопровождаемой значительнымъ повышеніемъ температуры по ночамъ.

Цѣлыя недѣли я проводилъ на большомъ срединномъ диванѣ этой гостиной, и отвратительныя красныя фигуры выскакивали изъ гардинъ и поджаривали меня всю ночь.

Въ 1836 году отецъ купилъ въ чистопольскомъ уѣздѣ Кушниковское имѣнье, тогда еще не размежеванное, и привезъ съ собою управляющаго нѣмца, родомъ изъ лифляндской губерніи, а онъ взялъ съ собою двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая, кривая Софья, стала насъ учить нѣмецкому языку, младшая Лотта поступила въ модный магазинъ, самъ же г. Готлибъ приготовлялся покуда у насъ въ домѣ къ успѣшному исправленію казанскаго хозяйства на лифляндскій манеръ, занимаясь чрезвычайно искуснымъ вырѣзываніемъ серегъ изъ фиштакковыхъ и персиковыхъ восточекъ, ихъ золоченіемъ и столь же искуснымъ клееніемъ картонныхъ коробочекъ. Всѣ трое помѣщались въ угловой комнатѣ. Вся передняя половина дома отдѣлялась отъ задней широкимъ корридоромъ, въ который выходили двери двухъ комнатъ съ окнами на дворъ—кабинета отца и комнаты бабушки, и помѣщалась широкая и пологая лѣстница къ намъ на верхъ, въ большія и высокія дѣтскія, по одной для трехъ старшихъ братьевъ и двухъ младшихъ—меня и брата Павла. Въ этотъ корридоръ, лишь только смеркалось, сверху по лѣстницѣ спускались бумажные корабли, расцвѣченные флагами, освѣщенные яркими огнями свѣчей, вставленныхъ въ половинки грецкихъ орѣховъ; по всему дому поднимался шумъ и гамъ и происходило блестящее представленіе: битвы при Наваринѣ, послѣдняго дня при Миссолонги и т. п. Губернеръ-итальянецъ Кетнеръ не жилъ съ нами. Явившись съ рекомендательнымъ письмомъ изъ Одессы къ директору первой гимназіи, онъ тогда же сдѣлался преподавателемъ французскаго языка въ этой гимназіи и только приходилъ къ намъ. Вскорѣ онъ погибъ трагической смертью на любимой имъ охотѣ въ одной изъ деревень подъ Казанью, гдѣ, перелѣзая черезъ плетень въ лугахъ, зацѣпился за поднятый курокъ ружья и всадилъ себѣ въ правый бокъ весь зарядъ дроби.

Ученые наше, руководимое умнымъ и образованнымъ отцомъ, воспитанникомъ кievской духовной академіи, шло въ Казани правильнымъ путемъ. Французскій языкъ преподавалъ Кетнеръ, къ которому и я перешелъ здѣсь отъ милой двоюродной сестры, воспитанницы полтавскаго института, В. И. Севаскуловой, выучившей меня еще въ Кіевѣ русской грамотѣ и первоначальному французскому языку (ее я называлъ „сестрой-еры“ за насмѣшки надо мною и за неумѣнье произносить громко и правильно звукъ *ы*); нѣмецкому училъ насъ С. Ем. Готлибъ, первоначальной географіи

и исторіи—адъюнктъ-профессоръ университета Иванъ Фроловичъ Грацинскій, впоследствии директоръ пермской гимназіи. Я тоже учился первоначальнымъ понятіямъ географіи по узенькой рукописной тетради, составленной профессоромъ, и закону Божию—по катехизису митрополита Филарета, преподаваемому священникомъ грузинской церкви и чуть ли не родственникомъ Грацинскаго. Въ 1836 году, съ пріѣздомъ въ Казань начальника жандармовъ, графа П. И. Апраксина, отецъ мой поступилъ къ нему на службу секретаремъ, и ему вскорѣ представилась возможность помѣстить двухъ своихъ среднихъ сыновей на казенный счетъ въ кадетскіе корпуса. Вообще, съ пріѣздомъ въ Казань графа П. И., современника и знакомаго А. С. Пушкина (см. письмо его къ А. А. Фуксъ, № 446, изд. Литературнаго фонда), послѣдовало улучшение всѣхъ нашихъ дѣтскихъ дѣлъ. Одиновій (жена его осталась въ своемъ богатомъ домѣ въ Москвѣ), чрезвычайно ласковый съ дѣтьми, такъ какъ самъ очень любилъ ихъ, онъ вскорѣ завоевалъ симпатіи этихъ малыхъ людей. Аристократъ по происхожденію и богатству, онъ вовсе не имѣлъ тогдашнихъ предрассудковъ своего положенія. Поселившись въ Казани въ большомъ деревянномъ домѣ, тогда барона Пирха, а нынѣ Бронникова, онъ любилъ собирать къ себѣ дѣтей подъ предлогомъ всенощной, и послѣ того какъ кончалось тихое торжественное моленіе, растворялись двери изъ гостиной въ залу, туда врывались дѣти и съ бубликами и пряниками въ рукахъ пускались въ плясъ по залѣ, а въ дверяхъ гостиной стоялъ графъ, улыбаясь и смѣясь всѣмъ своимъ изящнымъ лицомъ и корпусомъ.—Мы, маленькія дѣти, каждый день съ утра садились у окна, съ нетерпѣніемъ ожидая посланца графа. Наконецъ раздавался звонъ шпоръ и появлялся гигантъ-жандармъ въ своей красивой разноцвѣтной формѣ, въ блестящей каскѣ съ бѣлымъ султаномъ, и въ своихъ обтянутыхъ бѣлыми перчатками рукахъ несъ намъ обычный подарокъ графа: маседуанъ въ золоченой леденцовой корзинѣ, пудингъ изъ грецкихъ орѣховъ и т. п. Еще въ 1854 году, состоя на службѣ въ Петербургѣ, я любилъ посѣщать графа, и не одинъ разъ приходилъ съ дачи семейства Кетчеръ, на Петровскомъ островѣ, на дачу графа на Каменномъ островѣ, чтобы читать ему вслухъ, по его просьбѣ, комедіи и рассказы любимаго имъ Гоголя. Онъ состоялъ тогда помощникомъ государственнаго контролера и встрѣчалъ меня на балконѣ своей дачи, желтый, худой, въ шолковомъ тепломъ тулупчикѣ. Онъ умеръ отъ паралича сердца, вследствие излишняго употребленія минеральной воды.

Въ 1837—1838 году братья мои—Степанъ и Александръ

—отвезены были отцомъ, первый въ Аракчеевскій кадетскій корпусъ въ Грузино, а второй—въ горный корпусъ въ Петербургъ. Была попытка помѣстить и меня въ морской кадетскій корпусъ, и отецъ возилъ меня въ Петербургъ, но въ большому моему удовольствію я не былъ принятъ; какъ очень близорукій и слабый мальчикъ. Зато въ моей душѣ навсегда запечатлѣлись блескъ и шумъ Петербурга, роскошный домъ снаружи и внутри полковника Булыгина на Итальянской улицѣ, гдѣ мы останавливались съ отцомъ, обаятельная прелесть дамъ высшаго общества, въ которому принадлежала моя хозяйка, дочь тайнаго совѣтника Персидскаго, возившая меня на своемъ великолѣпномъ конѣ по Невскому, посѣщеніе съ нею дома ея отца, разговоры и рассказы о филармоническомъ обществѣ и наконецъ парадный спектакль въ Михайловскомъ театрѣ, партеръ, блестящій пурпурными колетами кавалергардовъ и гусаръ, серебряное платье королевы въ пьесѣ „Vergte d'eau“, которое такъ нещадно обливалось водой, и вся та чудная, волшебная жизнь, въ которую не разъ манило меня потому мое дѣтское воображеніе. По возвращеніи въ Казань, ученье пошло снова привычнымъ путемъ. Особенность его для меня заключалась въ томъ, что я вставалъ раньше всѣхъ для того, чтобы готовить уроки. Постоянные посѣтители моего отца, такіе же раніе,—В. В. Аристовъ и А. П. Манасенъ (отецъ министра и известнаго врача),—не мало хвалили меня за это, считая меня не совсѣмъ обыкновеннымъ мальчикомъ; послѣдній, спустя тридцать лѣтъ, напоминалъ мнѣ объ этомъ не разъ въ казанскомъ клубѣ, гдѣ я бывалъ по пріѣздѣ изъ Петербурга.—Послѣднимъ, лучшимъ впечатлѣніемъ дѣтства было для меня неожиданное ласковое обращеніе со мной известной красавицы Казани, В. Е. Чертовой, жившей тогда противъ насъ въ своемъ каменномъ домѣ и совершенно намъ незнакомой, которая, встрѣтивъ меня вмѣстѣ съ братомъ на улицѣ около своего дома, взяла меня за руку и пригласила бывать у нихъ въ ихъ большомъ великолѣпномъ саду.

III.

ВТОРАЯ КАЗАНСКАЯ ГИМНАЗІЯ.

1841 — 1846 г.

Послѣ неудачной попытки сдать меня въ кадетскій корпусъ, отецъ помѣстилъ меня приходящимъ ученикомъ во 2-ую казан-

скую гимназію. Я поступилъ 12-ти лѣтъ въ III-й классъ, причемъ домашняя подготовка по всѣмъ предметамъ оказалась удовлетворительною, и недоставало только знанія латинскаго языка. Тогда обратились къ учителю латинскаго языка 2-й гимназіи, И. В. Тимоѣеву — известному знатоку языка и схоласту, и онъ въ 15 уроковъ, оплачиваемыхъ по 5 руб. ассигнаціями, приготовилъ меня въ грамматическихъ, синтаксическихъ правилахъ и дѣланіи переводовъ — настолько хорошо, что за всѣ пять лѣтъ гимназіи переходъ въ высшіе классы къ учителямъ высшей эрудиціи, чѣмъ И. В. Тимоѣевъ, и мои занятія съ ними прошли безъ всякой помѣхи и затрудненія. — Я считался лучшимъ знаткомъ латинскаго языка, что приписывали моему знанію французскаго языка и моимъ способностямъ. Но, приглядѣвшись потомъ къ преподаванію всему классу тѣмъ же И. В. Тимоѣевымъ, я убѣдился впоследствии, что для всѣхъ его методъ съ насильственнымъ заучиваніемъ грамматики, изложенной въ дубовыхъ стихахъ „multa verba sunt in is“ или черченіе генеалогическихъ таблицъ для производства изъ коренныхъ — производныхъ временъ, — способны развѣ убить, а не развити изученіе языка.

Вторая казанская гимназія того времени, ея служебный и учебный персоналъ и весь ея строй прежде меня описаны въ рельефныхъ и глубокихъ чертахъ моимъ соученикомъ и товарищемъ по гимназіи, бывшимъ профессоромъ математики казанскаго университета, Е. П. Янишевскимъ, въ издаваемомъ въ Казани журналѣ „Дѣятель“, за 1896 годъ. И мы, съ разрѣшенія автора, въ виду рѣдкости этого журнала, будемъ извлекать изъ него необходимыя данныя. Начнемъ съ главнаго лица въ нашей гимназической жизни, вершителя нашихъ маленькихъ судебъ — нашего инспектора П. Г. Скорнякова. — Вотъ его живой портретъ, написанный искусной рукой. — „Инспекторъ гимназіи, Петръ Гавриловичъ Скорняковъ, былъ замѣчательной личностью. Въ то время какъ мы поступили въ гимназію, онъ только-что былъ переведенъ изъ 1-й казанской гимназіи, въ которой, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ учениками, онъ былъ сильно избитъ ими въ одномъ изъ темныхъ угловъ корридора. Нѣсколько учениковъ высшихъ классовъ, участвовавшихъ въ этомъ побоищѣ, были, послѣ жестокаго сѣченія, отданы попечителемъ, Михаиломъ Николаевичемъ Пушкинымъ, въ солдаты; другіе же только сильно высѣчены, или исключены изъ гимназіи. Озлобленіе учениковъ такъ было велико, что они, какъ потомъ рассказывали, старались бить Скорнякова по глазамъ, чтобы разбить очки, которые онъ всегда носилъ, и чтобы ослѣпить его; только благодаря подоспѣвшимъ

сторожамъ, не удалось имъ этого сдѣлать. Когда мы держали вступительный экзаменъ, насъ поразили синебагровыя пятна подъ глазами и на всемъ лицѣ Скорнякова: это были слѣды побоевъ, тогда еще не зажившихъ. Трудно забыть эту физиономію, съ бѣлыми злыми глазами, которые, кажется, никогда въ жизни не улыбались и не смотрѣли ласково на учениковъ, съ мягкими, неслышными движеніями животнаго кошачьей породы, всегда готоваго мучить свою жертву и наслаждаться ея страданіями; вся его дѣятельность состояла въ ловлѣ учениковъ на какой-нибудь шалости, для чего, — чтобы незамѣтно подергиваться къ нимъ, — онъ носилъ сапоги съ мягкой подошвой, безъ подборовъ; съ ужасомъ, бывало, нечаянно, оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающагося къ стеклянной двери класса. Для Скорнякова не было наслажденія выше сѣченія учениковъ; а это сѣченіе было почти ежедневное. И съ какимъ удовольствіемъ Скорняковъ занимался этимъ любимымъ дѣломъ: обыкновенно сѣченіе каждаго ученика продолжалось очень долго; давши пять-шесть розогъ, Скорняковъ останавливалъ служителя и начиналъ увѣщаніе, потомъ опять пять-шесть розогъ, опять увѣщаніе и т. д. Живо помню, съ какимъ ужасомъ услышали мы въ первый разъ, съ своихъ партъ, вопли и стоны истязуемой жертвы, и какъ въ то же время издѣвался Скорняковъ надъ этими воплями, пересыпая удары разными прибаутками и насмѣшками. Все это, почти непрерывное, сѣченіе производилось во время классовъ, чуть не на глазахъ учениковъ, въ небольшой комнатѣ, называемой карцеромъ, которая помѣщалась въ общемъ корридорѣ, въ двухъ шагахъ отъ двери въ нашъ классъ“.

Со времени моего вступленія въ гимназію впечатлѣніе на меня отъ этого ягуара было впечатлѣніемъ удава на маленькую птичку. Его коварство и злоба грозили мнѣ каждый день наказаніемъ въ карцеръ или розгами. Случай своро къ тому представился. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія, мои новые товарищи, — школьники, — какъ всегда и вездѣ — начали приставать ко мнѣ съ объясненіями, поцѣлуями и обиднымъ въ то время для меня словомъ: „барышня“. Однажды утромъ въ классѣ товарищъ-гимназистъ В. Головачевъ присталъ ко мнѣ съ тѣми же оскорбленіями. Я не выдержалъ и далъ ему пощечину. Никто не замѣтилъ, что въ стеклянную дверь класса смотрѣлъ инспекторъ, но дверь растворилась, и его ужасная фигура показалась во весь ростъ, и начался его іезуитскій, истязательный допросъ. Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но никогда съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь я не забывалъ этой фигуры. Почти черезъ тридцать лѣтъ

потомъ, будучи участковымъ мировымъ судьей чистопольскаго уѣзда, я вспоминалъ о немъ при видѣ представленныхъ мнѣ на судъ, избитыхъ народомъ конокрадовъ, съ тѣми же темными пятнами на щекахъ и на всемъ лицѣ и съ такимъ же замогильнымъ голосомъ. Онъ и умеръ, какъ тѣ конокрады, отъ чакотки, вслѣдствіе побоевъ.

Въ слѣдующемъ же году, перейдя въ IV-й классъ, я фигурировалъ вмѣстѣ съ Н. П. Вагнеромъ въ баснѣ Крылова „Кукушка и воробей“. На этотъ разъ женская роль кукушки, отданная мнѣ ради моей миловидности, не принесла мнѣ ничего, кромѣ общаго удовольствія. Приготовленный хорошо дома по французскому языку, я былъ и въ гимназій поощряемъ за этотъ языкъ.—Въ первый же годъ мнѣ было поручено произнести рѣчь на актѣ на французскомъ языкѣ. О двухъ французахъ нашей гимназій, гг. Баронѣ и Де-Планьи, я сохранилъ лучшее воспоминаніе, нежели мой достопочтенный товарищъ, Э. П. Янишевскій. В. А. Баронъ, къ которому я ѣздилъ репетировать свою актовую рѣчь, сначала просвѣщалъ меня незабываемыми драматическими разсказами о молодыхъ юношахъ-французахъ съ ихъ героизмомъ, стальными нервами и высокими подвигами мужества. Они возбуждали меня и потомъ и поддерживали во всю жизнь. Между тѣмъ самъ Викторъ Андреевичъ былъ весьма слабонервный и пугливый старикъ. Любимымъ удовольствіемъ насъ, школьниковъ еще въ VI-мъ классѣ, было становиться на подоконники двухъ высокихъ оконъ нашего класса во второмъ этажѣ гимназій и стараться отворять или затворять окна, чтобы къ общему удовольствію видѣть, какъ трусилъ старикъ при видѣ этой нарочно придуманной нами опасности, какъ онъ пугливо закрывалъ свои добрые, милые глаза и почти со слезами умолялъ насъ, шалуновъ, сойти съ опасной высоты. Другой французъ—гг. De-Plagny—полюбилъ меня съ VI-го класса, и тогда, вскорѣ, просилъ меня заняться переводами на русскій языкъ его педагогической книги, общей, какъ онъ полагалъ, для мужскихъ гимназій и института, въ которомъ онъ преподавалъ. Это были „Entretiens graduels“, „Постепенныя бесѣды“, какъ онъ называлъ ихъ по-русски, налегая сильно на слогъ *сте*. Оба класса я трудился какъ молодой волъ и былъ награждаемъ какъ хорошими отмѣтками, такъ и признательностью его жены и дочери. Въ 1857 году, когда я съ молодою женою, вскорѣ послѣ женитьбы, квартировалъ въ Петербургѣ, на Кабинетской улицѣ, рано утромъ, еще до 9-ти часовъ, неожиданно растворились двери въ нашу маленькую столовую и вмѣстѣ гостиную, и въ

дверяхъ показался сѣдой старикъ, старый учитель, въ высокихъ калошахъ и въ синемъ фракѣ съ серебряными пуговицами. Это былъ м-г Де-Планьи. Неисправимый фантазеръ, онъ продалъ въ Казани свой хорошій деревянный домъ съ небольшимъ, но устроеннымъ садомъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ со старухой-женой, двумя дочерьми и маленькимъ сыномъ, въ надеждѣ, не знаю на чемъ основанной, получить мѣсто преподавателя и учителя у наслѣдника-цесаревича. И смѣшно сказать, — съ просьбою объ этомъ онъ обратился въ первому ко мнѣ — тогда бывшему помощникомъ столоначальника департамента удѣловъ. Дальнѣйшая судьба его скоро опредѣлилась. Онъ снова бѣжалъ изъ Петербурга, остановился въ Нижнемъ, прожилъ остатокъ жизни на свою небольшую пенсію, израсходовалъ всѣ деньги, вырученныя за домъ въ Казани, и оставилъ жену и дѣтей безъ куска хлѣба. Еще въ 1880-хъ годахъ, состарѣвшаяся совершенно дочь его Людмила пріѣзжала въ Казань изъ Нижняго, гдѣ она была въ дворянской богадѣльнѣ, и по старой памяти посѣтила меня, а потомъ, въ началѣ 1890-хъ годовъ, явился ко мнѣ сынъ его Дмитрій, служившій до сихъ поръ въ Сибири, и просилъ о мѣстѣ. Я помѣстилъ его въ губернскую управу, но онъ не долго служилъ въ Казани и исчезъ такъ же неожиданно, какъ и явился.

Маленькій уроженецъ юга не скоро освоился съ непривычнымъ ему климатомъ. Постоянно суровыя зимы, съ морозами свыше 30-ти градусовъ, съ веснами сырыми и вѣтренными, съ разливомъ и медленнымъ высыханіемъ окружающихъ Казань рѣкъ, дорого стоили его неокрѣпшему здоровью. До самаго университета и позже, до переѣзда на службу въ Петербургъ въ 1852 г., меня ежегодно весною мучили перемежающіяся лихорадки. Конечно, все это должно было отражаться на ученѣ, но тѣмъ не менѣе, правильное ли ученье, или снисходительность педагогическаго персонала, сдѣлали то, что я до перехода въ университетъ не сходилъ съ золотой доски. О, лихорадки, казанскія лихорадки! Никакія симпатическія и медицинскія средства въ нихъ не помогали. Сколько бумажекъ съ надписями на нихъ, свернутыхъ въ нѣсколько разъ, съ навязаннымъ на нихъ пестрымъ шнуркомъ и строгимъ наставленіемъ не заглядывать въ текстъ, — износилъ я въ эти далекія весны! Осталось у меня на совѣсти, что я прочиталъ одну изъ нихъ, со словами молитвы въ Пресвятой Богородицѣ Троеручницѣ: „Пресвятая Богородица, спаси раба твоего (имя рекъ) отъ лихорадки трясовицы“. Но я не читалъ же всѣхъ изношенныхъ записокъ, и онѣ все-таки не помогали, и только временно, какъ палліативъ, пре-

вращала ненадолго пароксизмы яичная плѣнка, которою туго обвязывался мизинецъ правой руки. Рѣже прибѣгали къ приѣмамъ хины, которую тогда такъ ненавидѣли дѣти и боялись взрослые. Кромѣ того, съ наступленіемъ раннихъ жаровъ въ Казани, въ горячее время раннихъ экзаменовъ и приготовленій къ нимъ, у меня, ежедневно, по утрамъ, когда я ходилъ въ гимназію, открывалось кровотеченіе изъ носа. Ничего не знали и не рекомендовали тогда противъ этой болѣзни, кромѣ опять-таки симпатическихъ средствъ. Какъ часто помню я, несчастный мальчикъ, отправившись утромъ во 2-ую гимназію, по цѣлымъ полчаса стоялъ, прижавшись къ забору большого пустыря на Воскресенской горѣ противъ зданія клиники, и кровь лилась большою струею, несмотря на то, что я крѣпко зажималъ одною рукою больную ноздрю носа и долго держалъ высоко протянутую на воздухъ руку.

Съ переходомъ въ IV-й и V-й классы мое дѣтское сердце перестаетъ быть пугливымъ. Съ этого времени для меня становится съ каждымъ днемъ оцутительнѣе забота обо мнѣ и моемъ спокойномъ пребываніи въ гимназіи — старшаго брата моего, Николая Никитича; она проходитъ сквозь всю мою жизнь до самой женитьбы и даже дальше ея, — до самой его смерти. Молодой, красивый, энергичный, онъ рано для меня, въ 1845 году, окончилъ курсъ въ университетѣ. Но еще ранѣе, благодаря своей высоко-развитой личности, вступилъ въ свѣтскія отношенія. Въ то время какъ мой отецъ, снискавъ во время нашей первой жизни въ Казани репутацію отличнаго дѣльца, знатока гражданскихъ законовъ, приобрѣлъ себѣ вѣсть и значеніе въ обществѣ, репутація его въ концѣ 40-хъ годовъ падаетъ. Такія извѣстныя въ Казани лица, какъ И. Г. Горемыкинъ, первый завязавшій тѣсное знакомство съ моимъ отцомъ, ради помощи ему въ процессѣ съ опекуномъ его невѣсты А. П. Башмаковой — Авчуринымъ, — лицо, отъ котораго мы, дѣти, въ началѣ 1837 года впервые услышали тяжелую вѣсть о смерти Пушкина, уже иначе относился къ нашему отцу. Внимательно вглядываясь теперь по даннымъ, запечатлѣннымъ въ дѣтской памяти, и по дальнѣйшему потомъ наблюденію надъ строемъ помѣщичьяго общества г. Казани, я не сомнѣваюсь, что причиной упадка репутаціи моего отца послужило неудачное для него приобретеніе Кушниковскаго имѣнія.

Съ тѣхъ поръ отецъ, поглощенный новой дѣятельностью, рѣдко бывавшій въ Казани и посвятившій себя вновь возникшимъ интересамъ, совершенно противъ существующихъ нравовъ

и вкусовъ этого общества, привязался къ интересамъ тѣхъ меньшихъ братьевъ, къ которымъ никогда не лежали близко сердца казанскихъ помѣщиковъ. Изъ своихъ поѣздокъ въ чистопольскій уѣздъ, въ то время происходившихъ на лошадяхъ, черезъ уѣзды казанскій, лайшевскій, съ заѣздами къ знакомымъ въ спасскій и тетюшскій уѣзды, онъ привозилъ массу крестьянскихъ просьбъ, жалобъ, порученій и, пользуясь своимъ авторитетомъ между казанскими властями, умѣнѣемъ вести дѣла и, главное, своимъ добрымъ, горячимъ сердцемъ, помогалъ этой братии словомъ и дѣломъ. То были—до сихъ поръ не пользовавшіяся расположеніемъ въ частной владѣльческой средѣ ходатайства цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ объ увеличеніи ихъ надѣловъ—ходатайства богатыхъ крестьянъ о сдачѣ вмѣсто своихъ дѣтей, получившихъ рекрутскій жребій, нанятыхъ ими замѣстителей изъ охотниковъ, вмѣсто покупки у помѣщиковъ по огромнымъ цѣнамъ принадлежащихъ имъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій и т. п., иногда жалобы на доступныя тогда для преслѣдованія злоупотребленія помѣщиковъ,—словомъ, такой большой контингентъ крестьянскихъ нуждъ того времени, какового даже и не въ состояніи запомнить. Неужели, подумаютъ многіе и теперь, въ прежней помѣщичьей средѣ или въ новой средѣ адвокатовъ, иначе какъ за гонораръ и деньги и не ведущихъ чужія, а въ особенности крестьянскія дѣла,—неужели тогда былъ такой даровой, а не наемный, за деньги, адвокатъ?—и будутъ правы съ своей стороны! Но кто знаетъ прежнее время, полную беззащитность, вопіющую нужду несчастныхъ, неграмотныхъ крестьянъ—этихъ полу-дѣтей, тотъ навѣрное отыщетъ въ людяхъ прежняго времени не одинъ примѣръ такой обильной, безкорыстной помощи бѣднякамъ и, можетъ быть, несравненно частой въ ту далекую пору дешевой, обеспеченной жизни людей высокаго ранга, которымъ доброе имя, простая, но громкая благодарность дѣтскихъ добрыхъ сердець звучала тогда сильнѣе золота и серебра. Но не такъ понимали или хотѣли понимать моего отца казанскіе помѣщики того времени, и результатомъ его чисто благотворительной дѣятельности было то, что чѣмъ болѣе онъ снискивалъ себѣ расположеніе крестьянъ, чѣмъ властнѣе и громче произносилось его имя въ отзывчивой ихъ массѣ, тѣмъ сильнѣе загоралась злоба, и скоро установилось мнѣніе, что мой отецъ ничего не дѣлаетъ даромъ, а завзятый взяточникъ. Всюду проникала въ обществѣ эта клевета, и когда отецъ, польщенный лестнымъ предложеніемъ ему баллотироваться на вакантную должность товарища предсѣдателя палаты, рѣшился на этотъ риско-

важный шагъ и согласился на баллотировку, — они забаллотировали его. Конечно, многіе изъ нихъ тогда сознавали, что нельзя допустить, чтобы секретарь жандармскаго округа, этого тогда чисто филантропическаго учрежденія, могъ на глазахъ своего непосредственнаго начальства такой высовой честности и благородства, какимъ былъ графъ П. И. Аправсинъ, дѣлать такіа частыя и крупныя злоупотребленія, нарушавшія всякій смыслъ учрежденія, — но они утверждали это. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, тѣ же казанскіе дворяне-помѣщики забаллотировали меня, его сына, несмотря на мои тридцать-три года службы въ губерніи и Казани. Странный, но понятный въ Россіи фатумъ!

Съ самаго отъѣзда моихъ двухъ товарищей-братьевъ — Степана и Александра, — конечно, вслѣдствіе того, что любящее сердце должно было найти себѣ откликъ въ другомъ братѣ, — начинается полная перемѣна ко мнѣ отношеній старшаго брата, Н. Н. Прежнія насмѣшки и обидныя выходки старшаго сибиряка надъ хохломъ были забыты, и послѣдній становится предметомъ его вѣжныхъ попеченій. Нельзя здѣсь перечислить всего того, что имъ было предпринято и сдѣлано для этой любви. Самъ бывшій ученикъ 2-ой казанской гимназіи, кончившій въ ней курсъ въ тотъ годъ, какъ я поступилъ, хорошій знатокъ въ порядкахъ, онъ сдѣлался моимъ менторомъ, охранителемъ и просвѣтителемъ. Задолго до моего выхода изъ гимназіи, вліяніе Н. Н. обнаружилось на моемъ тамъ пребываніи. Замѣтно для меня, но не для моего начальства — явилось покровительство въ лицѣ новаго учителя — Шарбе, бывшаго товарища брата по университету. Въ 1844 году, по просьбѣ тогдашняго антрепренера-любителя М. М. Магницкаго, я принялъ участіе въ дѣтскомъ спектаклѣ, въ впервые разыгранной въ Казани пьесѣ „Школьный учитель“, и два раза сыгралъ въ немъ роль Шарлотты, единственной дочери учителя и любовной мечты Дезире Корбо. Сыгралъ, какъ увѣрили тогда всѣ, превосходно, и адъютантъ тогдашняго губернатора — фамиліи его не помню — послѣ перваго акта, не повѣривъ, что игралъ мальчикъ, а не дѣвушка, не разъ пытался ворваться за кулисы и саблей разорвалъ нашъ занавѣсъ. Но зато въ гимназіи мой успѣхъ нисколько не помогъ. На другой день послѣ перваго спектакля, Скормиловъ вызвалъ меня въ корридоръ и бранилъ всѣми нещадными словами за то, что я, будто бы, не просилъ дозволенія играть. Между тѣмъ ему хорошо было извѣстно, что Магницкій просилъ у него позволенія участвовать въ спектаклѣ тутъ же поименованнымъ имъ гимназистамъ. Въ этомъ случаѣ, также потомъ и въ двухъ другихъ, заступниче-

ство брата и вліяніе Шарбе спасли меня. Въ 1846 году, уже въ седьмомъ классѣ, рано утромъ до звонка, когда я, сидя на партѣ и держа передъ собою толстую книгу церковной исторіи митр. Филарета, усвоивалъ себѣ какой-то эпизодъ древней исторіи, я вдругъ, поднявъ глаза, увидалъ за стеклянною дверью памятные, бѣлые и зеленые, изъ четырехъ стеколъ очки шестиглазой жабы. Я успѣлъ поклониться, но дверь растворилась, я былъ вызванъ въ корридоръ и съ полчаса былъ преслѣдуемъ за то, что, будто бы, я не поклонился,—но снова уцѣлѣлъ, и не попалъ въ варцеръ, благодаря заступничеству Шарбе.

Второй заботой старшаго брата было, такъ сказать, посвященіе меньшаго. Опережая далеко своихъ товарищей по развитію, я еще въ V-мъ классѣ читалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ вышедшую тогда въ свѣтъ въ переводѣ Жуковскаго „Одиссею“. И любопытный, но совершенно соответственный способъ приманки онъ употребилъ тогда со мною. Онъ каждый разъ приглашалъ меня для этого изъ своего деревяннаго флигеля при нашемъ новомъ небольшомъ каменномъ домѣ, гдѣ я жилъ, предложеніемъ начать и продолжать чтеніе съ приправою великолѣпнаго миндаля и изюма, которые я такъ любилъ. Потому я еще и въ V-мъ классѣ читалъ въ русскомъ переводѣ переданныя мнѣ братомъ трагедіи Шекспира и одну изъ нихъ, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, прочиталъ, не смыкая глазъ, тоже въ чудную весеннюю ночь, и обаяніе этой пьесы слилось для меня нераздѣльно съ памятью о чудной ночи, о лунѣ и громкихъ треляхъ соловья, раздававшихся изъ сосѣдняго волшебнаго сада В. Е. Чертовой.

Въ 1843 году, въ V-мъ классѣ гимназіи, сдѣлались моими товарищами и соучениками Д. П. Безобразовъ и М. Е. Лентовскій. Происходя изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій (первый—сынъ бывшаго вице-губернатора въ Оренбургѣ, воспитанникъ первыхъ годовъ 1-ой казанской гимназіи, а второй—сынъ бывшаго профессора казанскаго университета, Е. А. Лентовскаго) оказали съ ихъ достопочтенными родителями огромное вліяніе на мое воспитаніе въ остальныя годы гимназической и позднѣйшей жизни. Съ Митенькой Безобразовымъ, красивымъ розовымъ юношей, мы сидѣли бокъ-о-бокъ на ученической скамьѣ, очень много занимались вмѣстѣ, читали, переводили или катались верхомъ каждый весенній и лѣтній вечеръ за городъ, въ Подлужную и такъ называемую Русскую Швейцарію,—я на нашей маленькой Башкиркѣ, а онъ—на дрессированной лошади, взятой изъ цирка. Любопытенъ, къ сожалѣнію публики изъ дѣтей и прислуги уже

оставленный способъ приглашенія на представленія цирка въ провинціальныхъ городахъ того времени. Рано утромъ, при звукахъ фанфаръ, выѣзжала вся труппа наѣздниковъ и наѣздницъ цирка, въ пестрыхъ разноцвѣтныхъ костюмахъ, и, разбрасывая афиши, манила и звала на великолѣпное зрѣлище. Доступные по своей дешевизнѣ спектакли давались въ балаганъ-циркѣ почти внутри города и привлекали къ себѣ массу дѣтей и взрослыхъ. На этихъ спектакляхъ мы помнимъ всегда треугольную съ чернымъ султаномъ шляпу адъютанта губернатора, П. А. Костлицева, становившуюся вертикальнымъ торчкомъ, одинаково передъ высокими окнами нашей сосѣдки-красавицы В. Е. Чертовой и передъ наѣздницами цирка. Въ одинъ свѣтлый лѣтній вечеръ эта любопытная шляпа испугала на нашихъ глазахъ свѣтлосѣрую лошадь молодой, красивой наѣздницы; лошадь брыкнула задними ногами, и бѣдная дѣвушка упала навзничь, разбившись въ кровь о барьеръ цирка.

Въ каменномъ домѣ Елизаветы Алексѣевны Безобразовой, существующемъ и теперь въ томъ же видѣ и принадлежавшемъ до 1898 г. дѣйствительному тайному совѣтнику А. П. Безобразову, мы съ III-го по VI-й классъ, нерѣдко танцовали по вечерамъ съ такими же подростками-дѣвушками, изъ которыхъ потомъ многія становились красавицами. Это были Львовы, Дмитріевскіи, Вейнтраубъ, etc. Прежняя дружба продолжалась долго. Перешедши на службу въ Петербургъ, я пересталъ видѣться съ Д. П. Безобразовымъ. Но очень часто видѣлъ, впрочемъ, и теперь еще вижу во снѣ залу, гостиную и угловую большого каменнаго дома, принадлежавшаго почтенной Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и всякій разъ, какъ я пріѣзжалъ въ отпускъ въ Казань, я бывалъ въ этомъ домѣ. Въ 1859 году, черезъ два года послѣ моей женитьбы, Д. П. поступилъ на службу въ Петербургъ, о чемъ я вскорѣ узналъ, зашелъ къ нему въ I-й департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, и онъ въ тотъ же день, со свойственной ему простотой и добродушіемъ, пришелъ къ намъ обѣдать въ нашу квартиру на Николаевской, тогда Грязной улицѣ, и очаровалъ меня и жену своимъ милымъ обращеніемъ. Скорая смерть его отъ тифа въ Петербургѣ оставила во мнѣ горькое сожалѣніе о судьбѣ этого милаго молодого челоуѣка, которому предстояла такая блестящая карьера, какъ и его старшимъ братьямъ.

Домъ Маріи Михайловны Лентовской, на высокой террасѣ надъ Николаевской площадью, съ проходомъ въ него съ этой площади въ подъездѣ черезъ разрытую гору, въ наше гимнази-

ческое время служилъ для насъ — кто бы могъ это подумать! — первымъ салономъ для *causéie* и свѣтскаго *passé-temps*, знакомства съ журналами и съ иллюстраціями, и я, обласканный Маріей Михайловной, тогда еще молодой, привлекательной женщиной, бывалъ въ немъ часто въ какой-то *jour fixe*, — кажется, среду. Еще въ 1862 г., при переѣздѣ на службу въ Казань, я нарочно посѣтилъ этотъ домъ, занятый тогда какой-то биргалкой, чтобы еще разъ вспомнить тѣ прекрасныя минуты, которыя доставлялъ намъ этотъ домъ въ годы моей юности. Распределение комнатъ оставалось прежнее, но уже не сохранилось никакихъ слѣдовъ одушевлявшей его жизни. Съ тѣхъ поръ мѣсто перешло въ руки извѣстнаго нынѣ, я думаю, во всей Россіи героя многочисленныхъ хроникъ, собранныхъ и напечатанныхъ покойнымъ Павловскимъ въ небольшой голубой книжкѣ „Незабудѣ“. Герой, движимый какимъ-то непонятнымъ, но полнымъ достоинства чувствомъ стыдливости, затѣялъ послѣ того процессъ съ Павловскимъ, проигралъ этотъ дорого стоившій ему процессъ, послѣ чего съ необыкновеннымъ искусствомъ, не жалѣя денегъ, скупилъ всѣ бывшіе въ обращеніи экземпляры этого изданія, причемъ они такъ волшебнымъ образомъ исчезали съ полокъ, что я рѣшительно не могъ отыскать у себя слѣдовъ такой пропажи. Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ большой каменный домъ съ магазинами на площади, съ номерами для пріѣзжихъ внутри двора, съ общественными столовой и кухмистерской, дышетъ весь меркантильностью, и снизу доверху, снаружи и внутри, въ домѣ и во дворѣ, торгуетъ стекломъ, картономъ, пахучими маслами, цементомъ и совѣстью.

Былъ еще одинъ спектакль, въ которомъ я участвовалъ какъ ученикъ гимназій; но этотъ былъ, такъ сказать, „по распоряженію начальства“. Въ зданіи городского училища на Черноозерской улицѣ, гимназисты 1-ой и 2-ой гимназій представляли никогда не умирающую пьесу „Костромскіе лѣса или Иванъ Сусанинъ“. Сусанина прекрасно игралъ В. И. Лапинъ, впоследствии видный чиновникъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту духовныхъ дѣлъ, а Ваню — я, еще четырнадцатилѣтній мальчикъ. Никто не можетъ себѣ представить моей радости, моего торжества, когда меня, еще въ пестрой рубашечкѣ крестьянскаго мальчика, вывели на вызовы къ зрительницамъ и зрителямъ перваго ряда партера, и они награждали меня похвалами, поцѣлуями и ласками.

Помнится еще слѣдующій эпизодъ ученической жизни. Я былъ уже въ VI-мъ классѣ гимназій, когда установленный для осо-

былъ случаевъ гимназической жизни звонокъ возвѣстилъ о прїѣздѣ высокой особы. Вскорѣ стеклянныя двери нашего класса, перваго со входной лѣстницы, широко распахнулись, и въ классъ вошелъ, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ и съ генераль-адъютантскимъ аксельбантомъ, небольшой сѣдоватый генералъ, не выше ростомъ нашего любимаго сторожа гимназіи, Конова. Это былъ казанскій губернаторъ С. П. Шиповъ. Учитель Позернъ, по инициативѣ его высокопревосходительства, предложилъ мнѣ рассказывать о послѣдствіяхъ реформаціи. Не вслушавшись въ приказаніе, я началъ горячо и долго говорить о личности Мартина Лютера, о его мнѣніи насчетъ распущенности священниковъ того времени, о пословицѣ: „кто хочетъ быть счастливъ одинъ день, тотъ пусть зарѣжетъ курицу, кто хочетъ быть счастливъ годъ, тотъ женись, а кто цѣлую жизнь, тотъ сдѣлайся священникомъ“, — но былъ благосклонно выслушанъ и посаженъ на мѣсто.

Въ VI-мъ и особенно въ VII-мъ классѣ желаніе нравиться и танцовать развивалось все сильнѣе. Я посѣщалъ маленькіе очаги, болѣе всего домъ моего французскаго учителя, отца хорошенькой барышни—Людмилы Алексѣевны Де-Планьи; у брата же Николая Никитича былъ обширный кругъ знакомства, и онъ еще разсѣяннѣе проводилъ свои вечера. 31-го, наканунѣ новаго года, мы оба уходили изъ дому, и чтобы не огорчать своихъ стариковъ—отца и бабушку—тѣмъ, что мы не вмѣстѣ встрѣчали новый годъ, переводили стѣнные часы на полтора часа назадъ, и встрѣтивъ весело новый годъ съ интересовавшими насъ лицами, преимущественно барышнями, возвращались въ самую пору для встрѣчи вновь новаго года дома. А этихъ милыхъ барышень и въ моемъ кругу было довольно, какъ, на примѣръ, А. М. Львова, тогдашняя красавица и пѣвунья (о, какъ она пѣла тогда только-что явившуюся серенаду Фета: „На зарѣ ты ее не буди“), или молодая же, блѣнморная красавица А. П. Кутепова.

Мой рассказъ объ учителяхъ былъ бы не полонъ, если бы я не сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о г. Михайловѣ, учителѣ русской словесности въ VI-мъ и VII-мъ классахъ гимназіи. Воспитанникъ казанскаго университета по филологическому факультету, красивой, изящной наружности, художникъ по призванію, онъ обаятельно дѣйствовалъ на умы своихъ учениковъ. Онъ сумѣлъ развить въ нихъ любовь къ поэзіи и ея пониманіе, и своимъ чтеніемъ лучшихъ произведеній литературы увлекалъ наши горячія души въ высшія сферы чувствъ и помысловъ. Счастливый билетъ изъ русской литературы, выпавшій на мою долю на приемномъ экзаменѣ въ университетъ, и мое умѣнье отвѣчать

составили тогда самую лестную обо мнѣ рекомендацію. Я отвѣчалъ о поэзіи Пушкина, ея характерныхъ чертахъ, и какъ отраднo вспоминать мнѣ самому то, какъ я громко и отчетливо произносилъ вводные, какъ примѣръ, стихи Пушкина: „Была та смутная пора, когда Россія молодая, въ бореньи силы напрягад, мужалась геніемъ Петра“. Или, — что особенно понравилось моимъ экзаменаторамъ, хотя и было произнесено по дѣтски-восторженно, а не такъ, какъ бы произнесъ ихъ опытный цѣнитель женской красоты, Донъ-Жуанъ: „Я только издали съ благоговѣньемъ смотрю на васъ, когда, склонившись тихо, вы кудри черныя на мраморъ блѣдный разсыплете“. Пятнадцать лѣтъ спустя, когда я женился, оказалось, что и у моей жены въ институтѣ былъ тотъ же учитель, и какъ весело было вспоминать намъ обоимъ о дорогомъ наставникѣ и о его манерѣ преподавать и читать намъ стихи.

Съ переходомъ въ IV-й классъ, я началъ учиться греческому языку. Учитель, Клеотильда Станиславовичъ Тхоржевскій, только что тогда кончившій курсъ въ университетѣ, кандидатъ филологическаго факультета, одинъ изъ „несчастливыхъ“, какъ тогда называли воспитанниковъ виленской гимназіи, сосланныхъ въ Казань, — высочій, стройный молодой человекъ съ роскошной черной шевелюрой, съ блѣднымъ симпатичнымъ лицомъ, съ близорукими глазами, необычайно живыми, молодыми манерами, скоро сдѣлался нашимъ любимцемъ. Онъ вовсе не походилъ на тѣхъ новыхъ учителей греческаго языка въ современныхъ намъ гимназіяхъ, такъ называемыхъ „грекосовъ“, сухихъ, озлобленныхъ, родомъ изъ сербовъ или болгаръ, которыхъ такъ не любятъ и боятся наши ученики. Всѣ мы, впрочемъ, начали учиться греческому языку по собственному желанію. И потому ли, что мы начали учиться добровольно, или потому, что нашъ учитель былъ такой симпатичный человекъ, только мы всѣ любили его безъ памяти, и въ особенности я своимъ чистымъ, дѣтскимъ сердцемъ. Я не помню, чтобы когда-нибудь усвоеніе греческаго языка составляло для меня, въ началѣ или среди занятій, — предметъ какого-либо неудовольствія и тѣмъ менѣе мученія. Нашъ „длинный“ наставникъ, какъ называли его дѣти, *le rugamide d'Egypte*, какъ называли его всѣ любившіе его не менѣе дѣтей, его товарищи, по почину Де-Планьи, — онъ сдѣлалъ сухое преподаваніе мертваго языка оживить разнообразіемъ переводныхъ источниковъ. Мы не сидѣли на одной и той же главѣ Одиссеи или Илиады по цѣлымъ мѣсяцамъ, не переводили съ живого на мертвый языкъ какихъ-либо отрывковъ изъ Ксенофонта, переведенныхъ

на русскій языкъ и снова переводимыхъ на греческій. Онъ останавливалъ насъ на разнообразныхъ эпизодахъ Иліады и Одиссеи, въ которыхъ жизнь древнихъ грековъ, народа и царей, возставала передъ нами, какъ живая въ своихъ первобытныхъ формахъ, — или гармоническимъ, пѣвучимъ голосомъ читалъ намъ оды Анакреона. И я, 72-лѣтній старикъ, до сихъ поръ наслаждаюсь мелодіей этого чуднаго древняго языка. Многіе изъ насъ, конечно, вовсе не думали заниматься далѣе греческой филологіей (и, конечно, знали потомъ языкъ и его грамматику гораздо хуже нынѣшнихъ учениковъ), но охотно посѣщали уроки греческаго языка, который, положимъ, не принесъ намъ также въ нашей жизни непосредственной пользы, кромѣ общей, одинаковой при изученіи и новыхъ языковъ, а именно умѣнья излагать свои мысли и способствовать быстрому мышленію; и, конечно, для дѣтскихъ сердець пріятно блестяль вдали, по окончаніи курса въ гимназіи, XII-й классъ, съ которымъ меня отъ души поздравилъ мой чиновный отецъ. Бѣдный Клеотильдъ Станиславовичъ! Сколько лѣтъ я посѣщалъ его потомъ, будучи въ университетѣ и, вѣроятно, даже по окончаніи курса, когда онъ жилъ на Арскомъ-Полѣ, въ маленькомъ флигелѣ во дворѣ дома, принадлежавшемъ тогда полковнику Богданову. Несчастная общая судьба польскихъ уроженцевъ того времени, подвергавшая ихъ въ нашемъ суровомъ климатѣ разнымъ болѣзнямъ, отъ которыхъ они думали предохранить себя такими героическими средствами, какъ, на примѣръ, купанье въ озерѣ Кабанѣ до самыхъ заморозковъ, унесла его хрупкое здоровье. — *Sit tibi terra levis!*

Послѣдніе ученическіе годы оживлялись приливомъ новыхъ впечатлѣній. Два раза, въ 1844 и 1846 годахъ, пріѣзжали въ отпускъ братья-кадеты, Степанъ — новгородскаго графа Аракчеева корпуса изъ Грузина и Александръ — горнаго корпуса въ Петербургѣ. Въ нашемъ деревенскомъ домѣ виситъ небольшой, на рѣдкость хорошо сохранившійся для настоящаго времени, дагерротипный портретъ обоихъ братьевъ на темноватой серебряной доскѣ. Оба — въ своей простой кадетской формѣ того времени, неприглядной на видъ короткой казенной курткѣ; старшій — Степанъ, съ высоко открытымъ лбомъ, съ вихрастой прядью волосъ, зачесанной съ проборокъ съ лѣвой стороны на правую, и съ одутловатыми щеками, несомнѣнно наслѣдіемъ Грузина, этого „земного рая“, какъ называлъ его всемогущій временщикъ-владѣлецъ. Другой, Александръ, стоя во весь ростъ, съ густыми черными волосами, большимъ открытымъ лбомъ и рубцеватымъ шрамомъ на щекѣ отъ операціи, произведенной еще въ дѣтствѣ,

въ Казани, бывшимъ профессоромъ хирургіи въ университетѣ, потомъ директоромъ медико-хирургической академіи, Дубовицкимъ. Въ большихъ, открытыхъ глазахъ, кажется, до сихъ поръ еще свѣтится тотъ огонь, съ которымъ онъ, гордый своею жизнью въ сѣверной столицѣ, еще не остывшей тогда отъ поэзіи Пушкина и Лермонтова, читалъ намъ такое высоко-патриотическое стихотвореніе, какъ „У русскаго царя въ чертогахъ есть палата“, и казалось, что участь того неразгаданнаго при жизни великаго полководца, внушившаго поэту свое стихотвореніе, есть именно участь, будущая судьба его, милаго брата. Или онъ читалъ стихотвореніе Лермонтова: „Памяти А. И. Од—го“: „Я зналъ его, мы странствовали съ нимъ въ горахъ Кавказа“. И казалось, что этотъ чудный юноша-красавецъ, сохранившій до конца своей жизни свѣжесть и прелесть молодой души, вѣчную страстную любовь къ природѣ,—это именно онъ и есть, нашъ „милый Саша“. Или онъ читалъ намъ стихотвореніе того же поэта, посвященное чудной и также загадочной красавицѣ, блиставшей тогда всѣми чарами своей красоты въ сѣверной столицѣ (А. К. Воронцовой-Дашковой), и изъ его рассказовъ какъ живая представляется она, эта „какъ мальчишъ кудрявый рѣзва, нарядна, какъ бабочка лѣтомъ“, то въ гордыхъ салонахъ петербургской знати, гдѣ тогда сіяла также своею царственною славою Лалла Рукъ, или въ огромной, блистающей всѣми огнями, золотисто-розовой залѣ Большого театра, гдѣ она, „безпечной прелестью мила“, сидитъ, опершись на барьеръ своими словно выточенными изъ слоновой кости руками, совершенно голыми, безъ всякихъ перчатокъ,—вопреки строгому обычаю тогдашней моды,—а надъ нею, выше ея, на второмъ и третьемъ ярусѣ, также въ ложахъ, сидятъ кадеты горнаго корпуса, и она—имъ, имъ!—очаровательно улыбается. А старшій братъ, Степанъ, привозилъ съ собою изъ Грузина большіе стансы сочиненія арапчеевскихъ кадетъ на темы: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“, или анекдоты и стихотворные рассказы на такія же темы: „Non, monsieur, je ne reux pas“...

Константицъ Буличъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1908.

НАШЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

I.

Желѣзнодорожная наша политика послѣднихъ десяти лѣтъ займетъ видное мѣсто въ исторіи и русскихъ финансовъ, и экономическаго развитія страны. Значеніе этой политики по отношенію къ финансамъ усматривается уже изъ того факта, что изъ двухъ слишкомъ миллиардовъ рублей государственныхъ долговъ, заключенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, на долю долговъ желѣзнодорожныхъ относится больше 1,5 миллиарда руб., или 80%. Объ экономическомъ же значеніи желѣзныхъ дорогъ можно судить по той роли, какую желѣзнодорожное строительство играло въ промышленномъ оживленіи истекшаго десятилѣтія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, самой характерной чертой хозяйственной жизни новѣйшаго времени считалось развитіе крупной промышленности, которое слонны были разсматривать какъ явленіе самостоятельное, опредѣлявшее и многіе другіе важные факты новѣйшаго экономическаго развитія, въ родѣ быстраго распространенія сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Особенно удивлялись увлекающіеся экономисты успѣхамъ металлургической промышленности, которые они характеризовали какъ „чрезвычайные“, „гигантскіе“, „безпримѣрные въ исторіи“. Кризисъ крупной промышленности, зародившейся въ самый моментъ наиболѣе горячаго превознесенія нашихъ промышленныхъ успѣховъ и не прекращающійся въ теченіе четырехъ уже лѣтъ, сразу какъ-то переоцнилъ значеніе тѣхъ элементовъ, совокупностью которыхъ опредѣлялся характеръ нашего промышленнаго оживленія, и всѣмъ почти сдѣлалось ясно, что форсированное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на средства или подъ отвѣтственностью государства и

было главнѣйшимъ нервомъ промышленнаго оживленія. Кризисъ не далъ никакихъ новыхъ фактовъ, способныхъ уяснить дѣйствительныя основы этого оживленія, и трезво смотрящія на дѣло лица давно указывали, гдѣ нужно искать эту основу. Одного факта параллельнаго развитія оскудѣнія земледѣльческаго населенія и успѣховъ крупной индустріи—при отсутствіи внѣшнихъ рынковъ для сбыта продуктовъ послѣдней—достаточно для того, чтобы признать существованіе искусственныхъ причинъ необычайнаго оживленія нашей промышленности. Долго искать этихъ причинъ не приходится. Источники „безпримѣрнаго“ развитія, напр., металлургіи съ очевидностью открываются хотя бы изъ того факта, что больше 70 милліоновъ пудовъ желѣзныхъ издѣлій (въ переводѣ на чугуны), или 43% производства чугуна, въ 1899 г. пошло на нужды желѣзнодорожнаго дѣла, — преимущественно на постройку новыхъ дорогъ ¹⁾. Непосредственныя требованія желѣзныхъ дорогъ не составляютъ, однако, единственнаго источника развитія металлургической промышленности, вызваннаго желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Чтобы удовлетворить эти требованія, нужно соорудать новые заводы и ихъ оборудовать; такія же сооруженія требуются и для отвѣта на растущій спросъ со стороны новыхъ дорогъ на вагоны и другія принадлежности даннаго дѣла. А для сооруженія и оборудованія этихъ заводовъ нужны опять чугуны, желѣзо и другіе металлы. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, безъ большой погрѣшности можно принять, что добрая половина выработки металлургическихъ заводовъ во взятомъ для примѣра году была употреблена на нужды желѣзнодорожнаго дѣла.

Энергичное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ наблюдается у насъ не впервые. Аналогичное явленіе имѣло мѣсто въ семидесятыхъ годахъ, когда—въ теченіе восьми лѣтъ—было построено 12 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей. Это, однако, не повело къ столь крупному развитію индустриализма, какое наблюдается въ новѣйшее время. И этого не случилось прежде всего потому, что постройка желѣзныхъ дорогъ производилась въ семидесятыхъ годахъ изъ иностранныхъ матеріаловъ и отражалась, поэтому, на общемъ состояніи промышленности не столько непосредственно, сколько косвеннымъ путемъ—увеличенія заработковъ населенія и облегченія товарнаго обмѣна. О первомъ ея влияніи можно судить потому, что количество привезеннаго въ Россію хлопка (для переработки въ ткани) возросло въ теченіе этого періода съ трехъ милліоновъ пудовъ до семи милліоновъ ²⁾.

¹⁾ А. Матвѣевъ, Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 году, стр. 1.

²⁾ М. Туганъ-Барановскій, Русскія фабрики въ прошломъ и настоящемъ, т. I, стр. 313.

Не наблюдалось въ семидесятыхъ годахъ и другой причины промышленнаго оживленія послѣднихъ лѣтъ: настойчивыхъ усилій финансоваго вѣдомства привлечь въ Россію иностранное золото, въ которомъ оно нуждалось для осуществленія задуманной реформы денежнаго обращенія. Золото это привлекалось и займами, и поощреніемъ устройства въ Россіи иностранцами промышленныхъ предприятий, путемъ обезпеченія имъ казенныхъ заказовъ. Заказы эти находились, преимущественно, въ области желѣзнодорожнаго строительства, которое, поэтому, поощрялось и возбуждалось всевозможными средствами—благо желѣзныхъ дорогъ у насъ мало, а онѣ составляютъ наиболѣе совершенный въ данное время способъ передвиженія.

Освобожденная на время отъ зависимости отъ постоянного внутренняго рынка,—который расширяется у насъ крайне медленно,—будучи поощряема къ устройству новыхъ заводовъ казенными заказами на желѣзнодорожныя принадлежности, наша крупная (преимущественно металлургическая) промышленность обнаружилась въ истекшемъ десятилѣтіи лихорадочное стремленіе къ расширенію производства. Новые заводы строились одинъ за другимъ, преимущественно на средства бельгійскихъ, французскихъ и другихъ иностранныхъ предпринимателей. Этому усиленному строительству не грозило бы, можетъ быть, въ будущемъ серьезной опасности, если бы поощряющая его власть сообразовалась при этомъ съ дѣйствительными потребностями страны въ продуктахъ даннаго рода и съ реальными нуждами желѣзнодорожнаго дѣла. Но такъ какъ главной задачей было увеличеніе въ странѣ золота и по преобладавшимъ въ обществѣ взглядамъ лучше имѣть избытокъ, чѣмъ недостатокъ фабрикъ и заводовъ, то, при поощреніи промышленности, не обращалось вниманія на то обстоятельство, что вновь построенный заводъ будетъ нуждаться въ работѣ послѣ выполненія даннаго ему казеннаго заказа; что найти такую работу сразу—если заводовъ откроется много—представится весьма затруднительнымъ, и что предусмотрительно, поэтому, распределять сооруженіе предполагаемыхъ путей во времени такимъ образомъ, чтобы обезпечить работу опредѣленному числу заводовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и дать имъ такимъ образомъ возможность укрѣпиться и повемногу перейти къ производству предметовъ общаго потребленія.

Вмѣсто того, финансовое вѣдомство заботилось лишь о томъ, чтобы полнѣе использовать въ своихъ цѣляхъ стремленія иностранцевъ помѣщать свои капиталы въ Россіи, и ускоряло сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, не думая о томъ, что форсированное желѣзнодорожное строительство—да еще на занятые капиталы—не можетъ продолжаться безгранично, а всякое его замедленіе поведетъ къ пріостановкѣ дѣятель-

ности и вызванныхъ имъ къ жизни производительныхъ предпріятій. По этому предмету можно, пожалуй, возразить, что промышленники пусть сами заботятся о себѣ и, вступая въ определенное соглашеніе съ правительствомъ, не рассчитываютъ на постоянныя пособія съ его стороны. Это соображеніе было бы правильно въ примѣненіи во всякой странѣ, но не къ Россіи, гдѣ финансовое вѣдомство обнаруживаетъ явное стремленіе руководить промышленнымъ развитіемъ страны, и не можетъ поэтому отстранить отъ себя отвѣтственность за неудачные результаты такого руководства.

Результаты поощрительной политики не заставили себя долго ждать. Съ 1892 по 1899 г. желѣзнодорожная сѣть возросла прогрессивно и давала заказы всѣмъ открывавшимся металлургическимъ заводамъ. Въ 1893 г. было открыто 1,6 тысячъ верстъ новыхъ желѣзныхъ путей, въ 1894 г.—1,8 тыс. верстъ, въ 1896 г.—2,3 тыс. верстъ, въ 1897 г.—1,6 тыс. верстъ, въ 1898 г.—3,9 тыс. верстъ, въ 1899 г.—5 тысячъ верстъ. Все возрастающее требованіе со стороны желѣзныхъ дорогъ на матеріалы и другія принадлежности строительства удовлетворялись полностью, благодаря новымъ заводамъ, учреждавшимся для этой цѣли. Заводы эти строились въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ нужно для выполненія предоставляемыхъ имъ заказовъ; имъ бы пришлось поэтому, вѣроятно, искать новыхъ рынковъ для сбыта своихъ продуктовъ даже при не ослабѣвающемъ строительствѣ, а при томъ сокращеніи послѣдняго, какое случилось въ послѣдующіе годы, заводы оказались прямо-таки въ критическомъ положеніи. Въ 1900 г. открыто было всего 3 тыс. верстъ новыхъ желѣзныхъ путей, въ 1901 г.—столько же, а въ 1902 году—слишкомъ вдвое меньше. Это замедлило отразиться на состояніи металлургической промышленности. Въ январѣ мѣсяцѣ 1900 г. специальная коммиссія рассчитала, что южные наши заводы выплавать чугуна: въ 1900 г. 105 милл. пудовъ; въ 1901 г.—125 милл. пудовъ, въ 1902 г.—140 милл. пуд.; вмѣсто того они выплавили въ 1900 г.—92 милл. пудовъ, или 88% предполагаемаго количества, въ 1901 г.—тоже 92 милл. пудовъ, или 73%, а въ 1902 г. (судя по выплавкѣ первой половины)—всего 85¹⁾ милл. пудовъ, или 61% ожидавшагося количества. Южные заводы, слѣдовательно, не дорабатываютъ почти 40% того продукта, на производство котораго они рассчитаны, а правительство нашло нужнымъ принять цѣлый рядъ мѣръ для облегченія ихъ положенія.

Сдѣланная справка о связи желѣзнодорожнаго строительства съ выдающимися въ послѣднее время явленіями экономической жизни

¹⁾ А. Матвѣевъ, id., Описательный отдѣлъ стр. 50—52; Статистическій отдѣлъ, стр. 2.

Россіи даетъ основаніе заключить, что желѣзнодорожная политика послѣдняго десятилѣтія является весьма важнымъ факторомъ новѣйшей экономической исторіи страны, и напоминаніе о главнѣйшихъ сторонахъ этой политики не можетъ не представлять интереса для русскаго читателя. Мы пользуемся поэтому выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія проф. Мигулина по исторіи желѣзныхъ дорогъ (съ финансовой стороны) въ послѣднія десять лѣтъ ¹⁾, чтобы напомнить читателю нѣкоторые факты желѣзнодорожной эпопеи нашихъ дней.

II.

Современная желѣзнодорожная политика министерства финансовъ характеризуется двумя присущими ей стремленіями: тенденціей обращенія желѣзныхъ дорогъ въ казенное завѣдываніе и стремленіемъ возможно распространить въ Россіи рельсовую сѣть.

Распространеніе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства не представляется явленіемъ изолированнымъ, а находится въ соответствіи съ расширеніемъ въ тотъ же періодъ времени другихъ хозяйственныхъ предпріятій государства, какъ, напр., винная монополія. Описанное же направленіе политики финансоваго вѣдомства объясняется, главнымъ образомъ, двумя обстоятельствами: желаніемъ имѣть источники государственныхъ доходовъ, независимые отъ налоговъ, и стремленіемъ возможно больше подчинить вліянію государства экономическое развитіе страны. Послѣдняя цѣль ясно выражена во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1894 годъ. Благотворныя послѣдствія, — говорится въ этомъ докладѣ, — къ которымъ должно повести объединеніе желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ правительства, „сосредоточивающее въ непосредственномъ распоряженіи правительства столь могучее орудіе управленія экономическимъ развитіемъ страны, такъ очевидно, что не нуждается въ особомъ выясненіи“. Но стремленіе руководить этимъ развитіемъ проявляется и во многихъ другихъ фактахъ экономической политики финансоваго вѣдомства положительнаго и отрицательнаго характера. Нормировка сахарнаго и водочнаго производства, прямое и косвенное поддержаніе излюбленныхъ отраслей промышленности, попытки регулированія хлѣбныхъ цѣнъ путемъ покупки казною зерна, отклоненіе проекта объ акціонерныхъ предпріятіяхъ, уничтожающаго концессионную систему и ослабляющаго этимъ руководство промышленности со стороны

¹⁾ Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы. Харьковъ, 1903.

власти,—вотъ примѣры явной тенденціи финансоваго вѣдомства вліять по своему усмотрѣнію на промышленное развитіе страны.

Находящаяся въ завѣдываніи казны желѣзнодорожная сѣть увеличилась въ теченіе 1893 — 1902 гг. на 24 тыс. верстъ, изъ коихъ 14 тыс. верстъ выкуплено государствомъ изъ частныхъ рукъ, а 10 тыс. верстъ выстроено вновь. Выкупленные дороги стоятъ казнѣ слѣдующихъ суммъ.

На самый выкупъ, т.-е. на уплату акціонерамъ, израсходовано 455 милліоновъ рублей; вмѣстѣ съ этимъ на государство перешли долги выкупленныхъ дорогъ по займамъ, на сумму 1 милліардъ 173 милліона рублей; да числилось за ними долговъ государству по гарантіи съ наросшими процентами въ 784 милл. р. и 73 милл. руб., израсходованныхъ на нихъ за счетъ ссудъ и другихъ капиталовъ. Такимъ образомъ, выкупленные 14.105 верстъ обошлись государству въ 2 милліарда 485 милліоновъ рублей, или въ 176 тыс. р. верста,—сумма, приблизительно, въ два раза превышающая дѣйствительную стоимость дорогъ. Этой высокой цѣной приобретенныхъ дорогъ государство расплачивается за свои прежнія ошибки въ области желѣзнодорожной политики, когда оно чуть не навязывало выстроенныя имъ линіи акціонернымъ обществамъ, побуждало послѣднія къ сооруженію новыхъ линій всякими льготами при расцѣнкѣ предполагаемой стоимости сооруженія и не учреждало достаточнаго контроля за постройкой и эксплуатацией дорогъ, вслѣдствіе чего дороги обходились дорого, доходы получались малые, и государству приходилось нести крупныя расходы по гарантіи строительныхъ капиталовъ, которые не были возвращены обратно.

Стоимость государству выкупленныхъ дорогъ нѣсколько поднялась еще вслѣдствіе слишкомъ милостиваго расчета съ акціонерами. При выкупѣ дорогъ „Главнаго Общества“, напр., расчетъ произведенъ въ предположеніи, что гарантія по акціямъ должна выплачиваться въ золотой валютѣ, между тѣмъ какъ акціи общества были выпущены въ серебряной валютѣ. Выкупная сумма балтійской желѣзной дороги опредѣлена была, вопреки уставу, безъ вычета изъ капитализированнаго гарантированнаго дохода на акціи непогашенныхъ облигацій петергофской желѣзной дороги, что давало акціонерамъ лишнихъ 6 милл. руб., или на 30% выше того, что слѣдовало по уставу. Сдѣлано это было въ предположеніи, что соответствующая статья устава составлена по недосмотру. Акціонерамъ оренбургской и донецкой желѣзной дороги, въ виду досрочнаго выкупа послѣднихъ, уплачено было не только то, что слѣдовало по условію, но и капитализированная сумма возможныхъ сбереженій при казенной ихъ эксплуатации (вслѣдствіе соединенія въ одно управленіе съ другими дорогами) и т. д.

Сумму подобныхъ переplatъ (не считая московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги) г. Мигулинъ опредѣляетъ въ 49 миллионъ рублей ¹⁾.

Объ успѣхахъ желѣзнодорожнаго строительства даютъ понятіе слѣдующія цифры.

Къ 1 января 1903 г. въ Россіи находилось въ общемъ пользованіи (не считая финляндскихъ дорогъ) 54 тыс. верстъ рельсовыхъ путей, въ томъ числѣ 46,6 тыс. верстъ въ Европейской и 7,5 тыс. верстъ въ Азіатской Россіи. Къ 1 января 1893 г. желѣзнодорожная сѣть составляла 29 тыс. верстъ. За протекшія съ тѣхъ поръ десять лѣтъ у насъ было сооружено, слѣдовательно, 25 тыс. верстъ рельсовыхъ путей. Въ 1902 г., кромѣ того, было открыто временное движеніе на 800 верстахъ въ Европейской Россіи, на 300 верстъ въ Средней Азійи и на 2.375 верстъ въ Манчжуріи, всего на 3,5 тыс. верстахъ. Считая и эти, уже готовныя линіи, мы увидимъ, что въ теченіе десятилѣтія 1893—1902 гг. было сооружено 28,5 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, т.-е. почти столько же, сколько было выстроено ихъ за цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ, предшествующія разсматриваемому періоду. Кромѣ того, въ 1902 г. находилось въ постройкѣ 4,6 тыс. верстъ. Прибавивъ къ сказанному, что къ 1 января 1903 г. разрѣшено сооруженіе еще 5 тыс. верстъ, мы получимъ полное понятіе о той желѣзнодорожно-строительной горячкѣ, какая охватила наше финансовое вѣдомство въ концѣ XIX вѣка и держитъ его еще въ началѣ XX вѣка. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ о горячкѣ, охватившей именно финансовое вѣдомство, потому что, какъ увидимъ ниже, это вѣдомство принимало всяческія мѣры для сооруженія новыхъ линій, и не будь его возбуждающаго воздѣйствія—желѣзныя дороги сооружались бы у насъ гораздо медленнѣе.

25 тыс. верстъ рельсовыхъ путей, открытыхъ въ теченіе 1893—1902 гг. для общаго пользованія, сооружено частью казною, частью желѣзнодорожными обществами. Казною выстроено около 10 тыс. верстъ, желѣзнодорожными обществами—около 15 тыс. верстъ. Казна строила преимущественно на окраинахъ: въ Сибири 5.285 верстъ, на сѣверѣ Россіи—больше тысячи верстъ, на Кавказѣ—420 вер., въ Средней Азійи—945 вер.; частныя общества (исключая „Общество восточно-китайской желѣзной дороги“) орудуютъ исключительно въ Европейской Россіи. Акціонерныя общества сооружали дороги на занятые капиталы, суммою до миллиарда рублей. Казна затратила въ теченіе десяти лѣтъ собственно на строительство свыше 700 милл. руб., и на улучшеніе и усиленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 620 милл. руб.;

¹⁾ Наша желѣзнодорожная политика, стр. 278.

сверхъ того она выдала ссудъ „Обществу восточно-китайской желѣзной дороги“ 350 милл. р. (для сооруженія этой линіи, на которой открыто уже временное движеніе) и 11 милл. руб. другимъ обществамъ, для улучшенія желѣзныхъ дорогъ. Всего казною издержано на капитальныя затраты по желѣзнодорожной части около 1,7 миллиардовъ руб., изъ нихъ около 500 тыс. руб. получено займами, а 1,2 миллиарда руб. взято изъ обыкновенныхъ государственныхъ ресурсовъ; это составляетъ затрату изъ собираемыхъ съ населенія суммъ, въ среднемъ, 120 милл. р. въ годъ.

Затраты государства на желѣзнодорожное строительство въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ не ограничивались ежегоднымъ расходомъ собственныхъ средствъ въ количествѣ 120 милл. руб. и уплатою процентовъ на занятыя 500 милл. руб.; оно несетъ еще расходы по оплатѣ процентовъ на капиталы, затраченныя на сооруженіе рельсовыхъ путей частными обществами (въ тѣхъ случаяхъ, когда выручки послѣднихъ недостаточно для покрытія таковыхъ), — потому что большая часть этихъ капиталовъ занята подъ гарантіей государства. Гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ выпущено за разсматриваемое время (собственно за 11 лѣтъ) на сумму около 900 милліоновъ рублей. Казна не только гарантировала эти суммы, но и брала на себя хлопоты по ихъ добыванію; желѣзнодорожныя же общества получали готовыя деньги и употребляли ихъ по назначенію. Частное наше желѣзнодорожное строительство носить на себѣ поэтому много чертъ строительства казеннаго.

III.

Желѣзнодорожное дѣло никогда не было у насъ чисто коммерческимъ предпріятіемъ; казна всегда обеспечивала предпринимателямъ опредѣленный доходъ, и изъ 4.805 милліоновъ рублей, заложенныхъ въ желѣзныя дороги въ 1900 г., негарантированныя суммы составляли 200 милліоновъ рублей, или всего 4⁰/₁₀₀. Въ финансовомъ отношеніи желѣзнодорожное дѣло представляется у насъ настолько рискованнымъ, а общественная необходимость въ рельсовыхъ путяхъ настолько очевидною, что правительству оставалось или строить рельсовую сѣть самому, или приходить на помощь частнымъ предпринимателямъ. Оно дѣлало и то, и другое, и въ различные моменты исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи преобладало казенное или частное строительство.

Первоначально сооруженіе желѣзныхъ дорогъ (кромѣ царскосельской) производилось у насъ средствами государства. Такъ была по-

строена въ теченіе 1845—1853 г.г. николаевская, варшавско-вѣнская и гатчинскій участокъ петербурго-варшавской желѣзной дороги, общій протяженіемъ въ 954 версты; сооруженіе петербурго-варшавской дороги прервано было военнымъ временемъ. Казна, однако, готовилась своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ и по окончаніи крымской войны—въ согласіи съ господствовавшими на Западѣ воззрѣніями—стремилась къ тому, чтобы передать это дѣло въ частныя руки. Въ 1857 г. русскими и иностранными капиталистами было образовано памятное всѣмъ „Главное Общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ“, взявшее на себя сооруженіе въ теченіе десяти лѣтъ 4-хъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, которые должны были связать Петербургъ съ западной границей и Москву съ Волгой (Нижнимъ-Новгородомъ) съ одной стороны, съ Балтійскимъ моремъ (Либавой) съ другой и съ Чернымъ моремъ (Еоодосіей) съ третьей. Обществу предоставлялось право эксплуатаціи устроиваемыхъ имъ линій въ теченіе 85 лѣтъ съ правительственной гарантіей строительныхъ капиталовъ изъ 5%, послѣ чего дороги должны были перейти бесплатно въ собственность государства. Капиталь общества опредѣленъ былъ въ 275 милліоновъ рублей или, въ среднемъ, въ 69 тысячъ рублей на версту. Въ этомъ же году рѣшено было выдать концессию рижскому биржевому комитету на сооруженіе риги-динабургской желѣзной дороги, и передать частному обществу эксплуатацію варшаво-вѣнской желѣзной дороги, а въ слѣдующіе два года образованы общества для сооруженія волго-донской, московско-ярославской и московско-саратовской желѣзныхъ дорогъ ¹⁾.

Частные строители не оправдали, однако, возлагавшихся на нихъ надежды, а „Главное Общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ“ зарекомендовало себя такими хищеніями, такимъ неумѣльнымъ образомъ дѣйствій, такой убыточностью для государственнаго казначейства, такимъ подрывомъ государственнаго кредита, такой беспомощностью частной инициативы внѣ правительственнаго содѣйствія, что могло бы надолго уничтожить въ глазахъ правительства всѣ преимущества частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства“ ²⁾. Общество это скоро признало себя несостоятельнымъ въ выполненіи всѣхъ принятыхъ сооруженій, вслѣдствіе чего за нимъ были оставлены только петербурго-варшавская и московско-нижегородская желѣзныя дороги. Дороги эти были построены имъ настолько неэкономно, что обошлись въ 100 тысячъ рублей верста, тогда какъ сооруженный казною гатчинскій участокъ варшавской желѣзной дороги стоилъ всего

¹⁾ Краткій историческій очеркъ начала и распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Изд. Мин. Пут. Сообш.

²⁾ Мигулинъ, стр. 3.

43 тысячи рублей верста, а московско-курская желѣзная дорога (сооружавшаяся казною послѣ освобожденія отъ обязательства строить ее „Главнаго Общества“, требовавшаго гарантіи строительнаго капитала для южной линіи въ суммѣ 90 тысячъ рублей на версту)—62 тысячи рублей. Отдавая концессию „Главному Обществу“, правительство надѣялось на привлеченіе въ Россію иностранныхъ капиталовъ; но вмѣсто того деньги на постройку заняты были въ Россіи и ушли за границу въ уплату за желѣзнодорожныя принадлежности. По мнѣнію проф. Мигулина, это было едва ли не главной причиною нарушенія нашего расчетнаго баланса и прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ. Правительство, тѣмъ не менѣе, продолжало стремиться къ передачѣ желѣзныхъ дорогъ въ руки акціонерныхъ обществъ, и „только полное неуиѣнье разныхъ дѣльцовъ, испросившихъ себѣ концессию, образовать общества и собрать капиталы“ заставило правительство принятъя самому за сооруженіе главнѣйшихъ линій. Въ тотъ періодъ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, когда дороги строились исключительно частнымъ путемъ, въ 1857—1864 гг., было сооружено 2.380 верстъ. Въ 1865—1869 гг. желѣзныя дороги строились и казною, и частными обществами; казною сооружено было 1.150 верстъ, обществами—3.150 верстъ ¹⁾).

Правительство принимало разнообразныя мѣры для привлеченія къ данному дѣлу частной предпріимчивости. Оно предоставляло очень высокую гарантію строительныхъ капиталовъ, допускало заводамъ преувеличенную оцѣнку стоимости сооружений и возможность вслѣдствіе этого реализаціи строительнаго капитала съ учетомъ въ нѣсколько десятковъ процентовъ; „отказывалось отъ всякаго вмѣшательства въ веденіе дѣлъ частными обществами, отъ всякаго контроля, отъ руководства тарифами, отъ права выкупа дороги на длинные сроки, отъ обращенія дѣликомъ избытка чистаго дохода дороги надъ гарантированными для погашенія прежнихъ долговъ дорогъ по гарантіи“ ²⁾).

При этомъ правительство не принимало участія въ реализаціи акціонерными обществами капиталовъ, которымъ оно гарантировало опредѣленный доходъ, предоставляя размѣщать займы самимъ обществамъ. Оно поступало такимъ образомъ потому, что считало, что частныя общества скорѣе найдутъ деньги, нежели казна, и что, устраняясь отъ активнаго участія въ займѣ, оно лишаетъ гарантированные имъ желѣзнодорожныя займы характера займовъ государственныхъ. Правительство, иначе говоря, полагало, что хотя государство и беретъ на себя обязательство уплачивать по выпускаемымъ бумагамъ

¹⁾ Краткій историческій очеркъ. Приложение.

²⁾ Мигулинъ, стр. 5.

проценты и погашеніе, но такъ какъ бумаги эти выпускались не имъ, а частными обществами, то совершаемый такимъ образомъ заемъ будетъ считаться лежащимъ на плечахъ этихъ послѣднихъ, а государство будетъ рассматриваться какъ бы необремененнымъ долгами. Послѣдняго рода соображеніе врядъ ли, однако, могло обмануть кого-либо изъ тѣхъ сферъ, для чего оно предназначалось; что же касается предположенія о выгодности частныхъ займовъ сравнительно съ правительственными — оно было опровергнуто самой жизнью: частные 5% займы реализовались, въ среднемъ, по 73% нарицательной цѣны, тогда какъ реализаціонная цѣна выпускавшихся одновременно правительственныхъ 5% займовъ не опускалась ниже 83%. Это побудило правительство отказаться отъ системы невмѣшательства въ дѣло реализаціи желѣзнодорожныхъ капиталовъ; но и взявъ на себя помещеніе желѣзнодорожныхъ займовъ, оно, тѣмъ не менѣе, не включало послѣднее въ общую сумму государственныхъ долговъ, а образовало особый желѣзнодорожный фондъ, желая этимъ показать, что желѣзнодорожные займы не имѣютъ никакого отношенія къ государственному бюджету, что государство не пользуется занимаемыми суммами и служить только посредникомъ между финансовыми сферами и желѣзнодорожными обществами. Такая политика тоже едва ли достигала своей цѣли — поддержанія государственнаго кредита, и если было извѣстно, что правительство приплачиваетъ по гарантіи желѣзнодорожныхъ капиталовъ 50 милл. рублей въ годъ, — никто не будетъ считать его свободнымъ отъ долга на томъ лишь основаніи, что занятая сумма занесена въ желѣзнодорожный фондъ; не уменьшится и отрицательное значеніе дефицита въ государственномъ бюджетѣ оттого, что дефицитъ этотъ произошелъ вслѣдствіе несостоятельности желѣзныхъ дорогъ. Эти очевидныя истины привели къ тому, что желѣзнодорожный фондъ былъ наконецъ упраздненъ (въ 1884 г.) и желѣзнодорожные займы стали заноситься въ общій списокъ государственныхъ долговъ.

Взявъ на себя добываніе денегъ для акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, правительство не только выиграло на реализаціи займовъ, но и стало играть болѣе дѣятельную роль въ руководствѣ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, какъ въ отношеніи установленія условій сооруженія данной линіи, такъ и въ смыслѣ назначенія очереди постройки тѣхъ или другихъ дорогъ. Во всемъ же прочемъ оно держалось прежней политики самоустраненія отъ хозяйственнаго завѣдыванія желѣзными дорогами, и такъ какъ русскіе и иностранные капиталы стали теперь охотнѣе приливать къ этому дѣлу, то казна понемногу передала въ частныя руки всѣ свои линіи, и къ началу семидесятыхъ годовъ въ ея распоряженіи не находилось ника-

кихъ желѣзныхъ дорогъ. Десятилѣтіе 1870—1880 гг. было временемъ усиленнаго и притомъ почти исключительно частнаго желѣзнодорожнаго строительства: изъ 13,5 тысячъ верстъ, сооруженныхъ [въ это время, казною было выстроено всего 57 верстъ ливенской желѣзной дороги ¹⁾).

Частная желѣзнодорожная сѣть росла и росла, но желѣзнодорожное хозяйство не становилось лучше. Въ концѣ 70-хъ гг. казнѣ приходилось приплачивать по гарантіи 50 милл. рублей въ годъ, и долгъ казнѣ частныхъ обществъ превзошелъ 500 милл. рублей. Это, естественно, вело къ разочарованію въ выгодахъ частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, и въ началѣ 80-хъ гг. начинается, опять постройка дорогъ на казенный счетъ: въ теченіе 1881—1886 гг. было выстроено 2.080 верстъ казною и 1.220 верстъ частными обществами. Финансовое положеніе частныхъ дорогъ оставалось, однако, въ прежнемъ видѣ: приплаты казны по желѣзнодорожнымъ обязательствамъ достигли 64 милл. рублей въ годъ, долги частныхъ обществъ казнѣ по ссудамъ и гарантіи превысили миллиардъ рублей; изъ 21 тысячи верстъ частныхъ путей только $3\frac{1}{4}$ тысячъ верстъ вырабатывали доходъ, достаточный для оплаты обязательствъ. Эти печальные результаты были слѣдствіемъ не только малочисленности перевозокъ и плохого управленія дорогами,—они происходили еще оттого, что строительные капиталы дорогъ обошлись очень дорого, и для ихъ оплаты дороги должны были вырабатывать 6,75⁰/₀. При такихъ условіяхъ,—когда $\frac{5}{6}$ частныхъ желѣзныхъ дорогъ не приносили дохода даже для оплаты процентовъ на вложенные въ нихъ капиталы и когда эти проценты покрывались государствомъ,—слѣдствіе чего уменьшеніе доходовъ дорогъ не грозило имъ никакими неудобствами—акціонеры желѣзнодорожныхъ обществъ не имѣли побудительныхъ причинъ стремиться къ возможной экономіи въ расходахъ и заботиться о лучшемъ веденіи дѣла, и правленія этихъ обществъ были свободны тратить желѣзнодорожныя суммы соотвѣтственно ихъ личнымъ воззрѣніямъ и расчетамъ. Частное желѣзнодорожное хозяйство становилось при такихъ условіяхъ совершенно для казны убыточнымъ, и правительство естественно стало принимать мѣры къ тому, чтобы упорядочить его изданіемъ различныхъ правилъ, ограничивающихъ произволъ правленій, учрежденіемъ фактическаго контроля надъ дѣятельностью дорогъ и сосредоточеніемъ мелкихъ линій въ рукахъ крупныхъ обществъ и въ распоряженіи государства (мы уже не говоримъ о конверсіи желѣзнодорожныхъ займовъ съ цѣлью уменьшенія бремени платежей). Правительство вступило на этотъ путь еще въ началѣ 80-хъ гг.; но

¹⁾ Краткій историческій очеркъ. Приложенія 18—27.

систематическая и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная преобразовательная въ этомъ отношеніи дѣятельность проявилась въ концѣ названнаго десятилѣтія, когда во главѣ учрежденія, завѣдывающаго желѣзными дорогами, сталъ извѣстный желѣзнодорожный дѣятель, С. Ю. Витте. При министрѣ финансовъ Вышнеградскомъ главное вниманіе обращено было на упорядоченіе желѣзнодорожнаго хозяйства (частнаго и казеннаго); при его же преемникѣ на первый планъ выступило сосредоточеніе желѣзныхъ дорогъ въ крупныя общества, выкупъ ихъ въ казну и усиленное сооруженіе новыхъ путей. Благопріятные финансовыя результаты внимательства государства въ управленіе желѣзными дорогами выразились въ томъ, что въ началѣ истекшаго десятилѣтія около половины заключенныхъ для желѣзныхъ дорогъ займовъ не требовали уже приплатъ по гарантіи, и тѣ приплаты, которыя еще лежали на казнѣ, сократились до 17 милл. рублей въ годъ. Что касается другихъ сторонъ желѣзнодорожной политики Вышнеградскаго — о нихъ можно судить по тому, что при немъ было выстроено около 1,5 тысячъ верстъ новыхъ путей частными обществами и 2,5 тысячъ верстъ — казною, и выкуплено государствомъ 5,5 тысячъ верстъ.

IV.

И. А. Вышнеградскій передалъ своему преемнику около 30 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, изъ коихъ 13 тысячъ верстъ находились въ казенномъ завѣдываніи, а 17 тысячъ верстъ — въ частныхъ рукахъ. Казенная сѣтъ въ послѣдующія десять лѣтъ непрерывно возростала и къ 1 января 1903 года превышала 36 тысячъ верстъ; протяженіе желѣзныхъ дорогъ, находившихся въ частныхъ рукахъ, то уменьшалось (до 12,5 тысячъ верстъ), то увеличивалось, и въ настоящій моментъ превышаетъ 17 тысячъ верстъ. Колебанія протяженій частныхъ желѣзныхъ дорогъ происходили главнымъ образомъ подъ влияніемъ двухъ обстоятельствъ: выкупа государствомъ частныхъ дорогъ и сооруженія желѣзнодорожными обществами новыхъ линій. Въ зависимости отъ преобладанія въ данномъ году того или другого фактора частная желѣзнодорожная сѣтъ то увеличивалась, то уменьшалась; въ общемъ же, за разсматриваемыя десять лѣтъ сокращеніе протяженія частныхъ дорогъ вслѣдствіе выкупа ихъ въ казну было покрыто приращеніемъ сѣти, путемъ сооруженія новыхъ линій, и въ концѣ этого періода въ рукахъ акціонерныхъ обществъ оказалось почти столько же верстъ желѣзныхъ дорогъ, сколько ихъ было вначалѣ. Выстроено ими было въ это время (не считая китайской дороги) 15 тысячъ верстъ, а выкуплено въ казну 14 тысячъ верстъ.

Частныя желѣзнодорожныя общества служили такимъ образомъ простымъ орудіемъ для распространенія рельсовой сѣти, а частное хозяйство ничего не выигрывало отъ такого распространенія: акціонернымъ обществамъ поручалось сооруженіе новыхъ линій, но въ такой же мѣрѣ у нихъ отнимались линіи старыя. Правительство, съ одной стороны, содѣйствовало превращенію надежныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ болѣе крупныя предпріятія, отдавая въ ихъ распоряженіе сосѣднія линіи и образуя такимъ образомъ какъ бы естественные географическіе желѣзнодорожные районы, и обязывало эти общества сооружать новыя линіи; съ другой—обращало въ казенное завѣдываніе линіи менѣе надежныя. Такъ какъ въ прежнее время новыя рельсовые пути проводились главнымъ образомъ въ западной, южной и центральной Россіи, а хуже всего въ этомъ отношеніи оборудованы были восточная и сѣверная окраины страны, то главныя заботы министерства С. Ю. Витте направлены были на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ этихъ послѣднихъ районахъ и крупныя желѣзнодорожныя общества устраивались здѣсь же; дороги же западной половины Россіи выкупились въ казну. Вслѣдствіе этого на крайнемъ западѣ въ частныхъ рукахъ осталась теперь одна крупная дорога—варшаво-вѣнская и маленькая—лодзинская; въ центрѣ Россіи оперируетъ также одно крупное акціонерное общество—московско-кіево-воронежской желѣзной дороги, взявшее на себя сооруженіе 1.800 верстъ рельсовыхъ путей; въ сѣверо-западной части Россіи сохраняется общество московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги, выстроившее уже 1.500 верстъ новыхъ линій. Главная же часть частныхъ дорогъ находится въ восточной полосѣ Европейской Россіи. Здѣсь мы находимъ владикавказскую желѣзную дорогу, протяженіемъ въ 2.340 верстъ, юго-восточныя желѣзныя дороги—3.240 верстъ, рязанско-уральскую—3.600 верстъ, московско-казанскую—1.950 верстъ. Выстроено соотвѣствующими обществами въ теченіе 1892—1902 гг.: владикавказской желѣзной дорогой 1.400 верстъ, юго-восточными—1.800 верстъ, московско-казанской—1.800 верстъ, рязанско-уральской—2.750 верстъ. Частное общество для сооруженія желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ Россіи уже обанкротилось и его дороги поступили въ казенное завѣдываніе. Въ сѣверо-восточной Россіи, Сибири и Средней Азій, гдѣ рельсовая сѣть не обѣщаетъ значительныхъ доходовъ, сооруженіе дорогъ взяло на себя государство.

Частныя общества брались обыкновенно за сооруженіе новыхъ линій не по расчету о выгодности даннаго предпріятія. Они соглашались на это потому, что лишь подъ этимъ условіемъ правительство отсрочивало выкупъ въ казну завѣдываемыхъ ими дорогъ. Строить новую дорогу, съ коммерческой точки зрѣнія, представляется выгод-

нымъ въ томъ случаѣ, если имѣются достаточныя основанія полагать, что она не потребуетъ приплаты изъ чистаго дохода старыхъ линій. Такая увѣренность, въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, существовала далеко не всегда; поэтому общества первоначально, въ большинствѣ случаевъ, неохотно соглашались на сооруженіе новыхъ линій. Постройка желѣзныхъ дорогъ была иногда желательна, если не для акціонеровъ, то для лицъ, стоящихъ во главѣ обществъ, потому что давала возможность наживаться при строительствѣ. Пока идетъ сооруженіе новыхъ линій—выигрываютъ часто и акціонеры, такъ какъ при этомъ усиливается движеніе грузовъ (принадлежностей строительнаго дѣла) по линіямъ старымъ и такъ какъ, при помощи разнаго рода бухгалтерскихъ приемовъ, часть расходовъ эксплуатаціи этихъ линій можно—къ выгодѣ акціонеровъ—отнести на строительные капиталы новыхъ дорогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда проценты на эти капиталы уплачиваются не изъ доходовъ общества, а изъ суммъ, реализованныхъ для постройки. Когда же дороги будутъ построены—можетъ оказаться, что онѣ не имѣютъ достаточно грузовъ и что содержаніе ихъ убыточно. Убытки могутъ оказаться настолько значительны, что поглощать доходы акціонеровъ, и тогда, при гарантированныхъ капиталахъ, обществу не остается ничего другого, какъ стремиться къ новымъ сооруженіямъ, поднимающимъ на время доходы общества. Къ такому положенію постепенно и переходятъ наши крупныя желѣзнодорожныя общества.

Въ наиболѣе удовлетворительномъ финансовомъ положеніи находятся общества владикавказской и московско-казанской желѣзныхъ дорогъ: доходы ихъ съ открытіемъ новыхъ линій растутъ, а не уменьшаются. Владикавказская дорога прорѣзываетъ богатый и мало еще культурный районъ, и проведеніе новыхъ линій естественно усиливаетъ его производительную дѣятельность. Южные порты въ послѣдніе годы вообще оттягиваютъ грузы отъ портовъ балтійскихъ и западной сухопутной границы, а владикавказская желѣзная дорога имѣетъ незамерзающій новороссійскій портъ. Московско-казанская дорога прорѣзываетъ богатый промышленный, лѣсной и хлѣбный районы, примыкаетъ въ нѣсколькихъ пунктахъ къ Волгѣ и служитъ кратчайшимъ транзитнымъ путемъ для заволжскихъ грузовъ, слѣдующихъ рельсовымъ путемъ въ Москву и Петербургъ, конкурируя такимъ образомъ съ казенной сызрано-виземской желѣзной дорогой.

Уже въ менѣе удовлетворительномъ состояніи находятся дѣла третьяго крупнаго общества—московско-кіево-воронежской желѣзной дороги. Хотя ея линія Курскъ-Воронежъ прорѣзала хлѣбный районъ, сравнительно бѣдный желѣзными дорогами, а линія черезъ Брянскъ-Калугу на Москву оттянула часть грузовъ казенной московско-кур-

ской желѣзной дороги, но ея доходы сильно колеблются. Въ 1893 и 1894 годахъ супердивидендъ акціонеровъ этой дороги равнялся 600 тыс. руб., въ 1895 г. онъ поднялся до 825 тыс. руб., въ слѣдующемъ—опустился до 150 тыс. руб., а въ 1897 г.—равнялся нулю. Въ 1898 г. акціонеры, сверхъ гарантированнаго на акціи процента, получили дохода 337 тыс. руб., въ 1899—600 тыс. руб., въ 1900 г.—488 тыс. руб.; только въ 1901 г. очистился такой доходъ, что правительство въ первый разъ получило свою долю участія въ прибыли ($\frac{2}{3}$ чистой прибыли сверхъ 17-ти-рублеваго дивиденда на акцію).

Значительное колебаніе доходовъ наблюдается и на московско-виндаво-рыбинской желѣзной дорогѣ, открывшей въ теченіе 1897—1899 годовъ для движенія 400 верстъ новыхъ линій, въ концѣ 1901 г. —1.000 верстъ, и сооружающей новыя 535 верстъ рельсовыхъ путей. Доля акціонеровъ этой дороги равнялась въ 1893 г.—700 тыс. руб., поднялась въ слѣдующемъ году выше—900 тыс. руб., въ 1895 г.—до 1.075 тыс. руб., а въ 1896 г.—до 1.200 тыс. руб. Послѣ того доходы акціонеровъ стали падать; они составляли 925 тыс. руб. въ 1897 г., 600 тыс. руб.—въ 1898 г., и 735 тыс. руб.—въ 1899 г. Въ 1900 г. чистая прибыль поднялась до высшихъ цифръ предшествующихъ лѣтъ (до 1.220 тыс. руб.), съ тѣмъ, чтобы въ 1901 г. опуститься ниже того, что получала дорога въ самые неудачные годы предшествовавшего восьмилѣтія (до 510 тыс. руб.).

Колебаніе дохода московско-виндаво-рыбинской (и московско-кіево-воронежской) желѣзной дороги объясняется отчасти неудовлетворительными урожаями конца истекшаго десятилѣтія. Кромѣ того, главная новая линія этого общества—Москва-Виндава—открыта въ концѣ 1901 года, и ея вліяніе на доходность предпріятія выяснится лишь въ слѣдствіи. Воздержимся отъ пророчества, но не можемъ не замѣтить, что главное значеніе въ смыслѣ облегченія рыбинскому хлѣбу выхода въ балтійскіе порты имѣла открытая въ 1897 году линія Бологое-Псковъ, значительно укоротившая протяженіе перевозки отъ Рыбинска во всѣ балтійскіе порты, кромѣ Петербурга. Линія же эта не повела къ увеличенію прибылей общества данной дороги; а имѣя въ виду все возрастающія преимущества по экспорту южныхъ портовъ передъ балтійскими (въ слѣдствіе пониженія морскихъ фрахтовъ)—врядъ ли можно ожидать особеннаго развитія вывоза хлѣба черезъ балтійскіе порты, даже при соединеніи съ рельсовой сѣтью незамерзающаго порта въ Виндавѣ.

Если разсмотрѣнныя четыре желѣзнодорожныхъ общества — въ смыслѣ того, какъ отразилось на ихъ финансовомъ состояніи сооруженіе новыхъ линій—представляются пока или преуспѣвающими (общество владикавказской и московско-казанской желѣзной дороги), или

находящимися въ колебательномъ состояніи, то общества, къ которымъ мы переходимъ теперь, находятся въ явномъ упадкѣ. Общество юго-восточныхъ дорогъ, преобразованное въ 1893 году изъ общества грязе-царицынской желѣзной дороги, дало своимъ акціонерамъ въ 1893 г. 1.445 тыс. руб. дивиденда (акціи этого общества не гарантированы правительствомъ), а въ 1894 г. — 1.690 тыс. руб. Приблизительно на томъ же уровнѣ находились доходы общества и въ два слѣдующіе года, когда было открыто для движенія 835 верстъ новыхъ путей. 1897-й годъ (открыто для движенія 410 вер.) былъ послѣднимъ благополучнымъ годомъ общества, принесшимъ его акціонерамъ 1.370 тыс. руб. дивиденда, да и то благодаря невѣрному разсчету въ балансѣ, произведенному правленіемъ. Въ два слѣдующіе года акціонеры не получили ничего, причемъ въ 1899 году и правительство недополучило половины суммы, слѣдуемой ему за находящіяся въ арендѣ у общества казенныя линіи. Въ 1900 году, послѣ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ акціонерами противъ злоупотреблявшаго его довѣріемъ правленія (причемъ сами акціонеры просили, чтобы избираемые ими директоры подлежали утвержденію правительства), дѣла общества нѣсколько улучшились, и акціонеры получили 319 тыс. руб. дивиденда; но въ 1901 году — несмотря на освобожденіе общества отъ аренды 335 верстъ убыточныхъ для него казенныхъ донецкихъ вѣтвей и на передачу казнѣ 400 верстъ его собственныхъ, убыточныхъ для общества линій, его доходы уменьшились, и правительству пришлось приплатить или недополучить съ общества 2.628 тыс. руб.

Еще въ худшемъ положеніи оказалось общество рязанско-уральской желѣзной дороги. Общество это соорудило 2.750 верстъ новыхъ линій, причемъ въ 1894—1896 г.г. открыто было около 1.800 верстъ, а въ 1897—1901 г.г. — 1.000 верстъ. До 1897 года оплата процентовъ на строительные капиталы производилась не изъ доходовъ общества, а изъ занятыхъ капиталовъ, и въ это время акціонеры получали, въ среднемъ, выше милліона рублей супердивиденда въ годъ. Съ 1897 года положеніе рѣзко измѣнилось. Акціонеры не только перестали получать что-либо сверхъ гарантированнаго дохода на акціи, но доходовъ общества оказывалось недостаточно для покрытія всѣхъ расходовъ, и правительству приходилось приплачивать по гарантіи и нести потерю отъ неполученія арендъ за отданныя обществу казенныя линіи отъ трехъ почти до десяти милл. рублей въ годъ.

При такой недовыручкѣ, покрытіе которой представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, и при обезпеченномъ правительствомъ доходѣ на строительный капиталъ въ размѣрѣ 5%, акціонеры могутъ смотрѣть безъ опасенія на дальнѣйшее ухудшеніе дѣлъ и не бояться уже новыхъ сооружений, хотя ими-то главнымъ образомъ и обуслови-

ваются ихъ злѣключенія, и недавно общество рязанско-уральской желѣзной дороги получило разрѣшеніе на постройку еще одной, астраханской линіи по лѣвому берегу Волги, протяженіемъ почти въ 500 верстъ ¹⁾).

Самая печальная судьба постигла, однако, общество московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги. Въ судьбѣ этой дороги, впрочемъ, видную роль играли злоупотребленія при постройкѣ, и въ 1900 году дорога перешла въ казенное управленіе.

Въ особомъ положеніи находится у насъ „Общество восточно-китайской желѣзной дороги“. Учреждено это общество частнымъ русско-китайскимъ банкомъ, которому китайское правительство предоставило постройку и эксплуатацію въ Манчжуріи желѣзной дороги и право устройства въ Китаѣ промышленныхъ предпріятій. Такъ какъ проектированная дорога, несмотря на частный характеръ предпріятія, имѣла государственный интересъ, то русское правительство предоставило себѣ въ новомъ обществѣ большую власть (утвержденіе министромъ финансовъ товарища предсѣдателя правленія и членовъ ревизіонной комиссіи, назначеніе и увольненіе главнаго инженера по постройкѣ, управляющаго эксплуатаціей дороги, начальниковъ службъ, инженеровъ и друг.). Акціонерный (негарантированный) капиталъ общества составляетъ 5 милл. руб.; попытка общества реализовать заемъ (гарантированный) въ 15 милл. руб. не имѣла успѣха, и половину облигацій пришлось помѣстить въ сберегательныя кассы. Поэтому сооруженіе дороги велось на правительственныя средства, причемъ обществу выдано было 350 милл. руб. въ ссуду. Дорога вчернѣ уже окончена и обошлась въ невѣроятную сумму 150 тыс. верста ²⁾ (въ это число входятъ, повидимому, и расходы по охранѣ мѣстности и содержанію учреждений, открытыхъ въ предѣлахъ чужой территоріи по случаю сооруженія здѣсь желѣзной дороги). Сколько придется казнѣ затратить еще на нее денегъ—неизвѣстно. Между тѣмъ, въ числѣ мотивовъ для сооруженія этой линіи находилось соображеніе о томъ, что доведеніе сибирской желѣзной дороги до Владивостока по русской территоріи—при необходимости сооруженія ея на значительномъ протяженіи на подпорныхъ стѣнкахъ—потребовало бы затраты 89 тыс. руб. на версту. Чистаго дохода отъ восточно-китайской дороги въ ближайшемъ будущемъ не ожидаетъ никто; въ политическомъ отношеніи она можетъ доставить намъ много неприятностей; экономическія же выгоды отъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ чужого, прорѣзываемаго ею края весьма проблематичны.

¹⁾ Отдѣлъ статистики и картографіи М. П. С. Ежегодное изданіе 1903 г., Январь.

²⁾ Мигулинъ, стр. 173.

V.

Разсматриваемое десятилѣтіе характеризуется не только широкими замыслами относительно оборудованія страны рельсовыми путями, но и крайнею спѣшностью въ ихъ выполненіи. Объ этой спѣшности можно судить по сравненію быстроты сооружеія желѣзныхъ дорогъ въ настоящее время и въ періодъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства въ семидесятыхъ годахъ: въ теченіе восьмилѣтія 1870—1877 г.г. ежегодно сооружалось, въ среднемъ, 1,5 тыс. верстъ, въ 1893—1902 г.г.—вдвое больше. Въ частности сибирская желѣзная дорога протяженіемъ въ 5.375 верстъ—при всѣхъ неудобствахъ выполненія такого предпріятія на отдаленной окраинѣ—сооружена была въ теченіе десяти лѣтъ; такой же срокъ потребовался для постройки аналогичной съ нею кокандской желѣзной дороги—на 1.000 верстъ короче. По первоначальнымъ предположеніямъ восточно-китайская желѣзная дорога должна бы быть закончена въ шесть лѣтъ; но сооружеіе этой линіи протяженіемъ въ 2.400 верстъ вчернѣ, несмотря на перерывы въ работѣ, вызванныя китайской войной, исполнено было въ четыре года—,подвигъ громадный, и надо удивляться энергіи министерства финансовъ, заставившаго строителей совершить его¹⁾.

Такая спѣшка, излишняя по существу дѣла, но желательная финансовому вѣдомству по соображеніямъ иного порядка,—не могла не отразиться невыгодно на процессѣ и результатахъ строительства, которое велось безъ надлежащаго контроля, безъ заботъ о соблюденіи возможной экономіи, и дало намъ часто плохо выстроенныя и дорогія линіи. Правда, министерство путей сообщенія старательно разсматривало проекты новыхъ сооружеій и нерѣдко значительно урѣзывало предположенныя суммы ихъ строительныхъ капиталовъ. Но акціонерныя общества добивались все-таки высокой оцѣнки послѣднихъ, зная хорошо, что предполагаемое сооружеіе для правительства желательно болѣе, чѣмъ для строителя. Кроме того, многія расцѣпочныя вѣдомости представлялись на разсмотрѣніе правительства послѣ заключенія договора съ подрядчиками, а иногда даже послѣ исполненія нѣкоторыхъ работъ, и такое авторитетное учрежденіе, какъ государственный контроль, не могло ничего подѣлать съ этимъ злоупотребленіемъ. Но и при своевременномъ составленіи расцѣпочныхъ вѣдомостей „разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ правительствомъ — по мнѣнію государственнаго контролера — не можетъ дать еще полной увѣренности, что гарантированные казною строи-

¹⁾ Мигулинъ, стр. 172.

тельные капиталы расходуются всегда правильно и хозяйственно“. Для этого нужно было бы установить фактический надзор за хозяйственной частью строительства, что многократно и выяснилось государственным контролем. Проверка правильности расходования капиталов по последующим отчетам акционерных обществ тоже не всегда приводит къ положительным результатам. „Железнодорожные общества, свободны въ своихъ строительныхъ операціяхъ отъ контрольнаго надзора, не обязаны въ счетоводствѣ руководиться соображеніями последующей ревизіи и вести отчетность въ извѣстной формѣ“, разъясняетъ государственный контролеръ. „При такихъ условіяхъ, проверка этихъ отчетовъ по существу, въ порядкѣ последующихъ ревизій, когда строительныя работы закончены и капиталы израсходованы, представляется крайне затруднительной и притомъ бесплодной“¹⁾. Въ 1901 г., впрочемъ, Высочайше утверждено положеніе о фактическомъ надзорѣ государственнаго контроля за постройкой дорогъ, сооружаемыхъ на гарантированныя капиталы.

Спѣшность въ этомъ дѣлѣ вела не только къ умаленію государственнаго контроля надъ правильностью расходования строительныхъ капиталовъ,—она имѣла послѣдствіемъ и многіе нежелательныя фактическіе результаты. Спѣшность, какъ говоритъ проф. Мигулинъ, вела „къ переплатамъ на строительныхъ матеріалахъ и рабочихъ рукахъ и отразилась на качествѣ построекъ: онѣ были бѣльшей частью не исполнѣны, сооружены крайне плохо; приходилось мириться съ самыми невозможными (такъ-называемыми упрощенными) способами постройки, узкоколейныя пути предпочитать ширококолейнымъ, класть легковѣсныя рельсы, пользоваться сосновыми и еловыми шпалами, пускать въ дѣло старыя рельсы и скрѣпленія, допускать предѣльные уклоны и закругленія, при которыхъ немисливо скорое и безопасное движеніе поѣздовъ, ограничиваться сооруженіемъ какихъ-то временныхъ бараконъ, вмѣсто станцій, считать платформы излишней роскошью, не имѣть на станціяхъ крытыхъ помѣщеній для складовъ грузовъ и т. п. Подвижной составъ пріобрѣтался въ совершенно ничтожномъ количествѣ, часто на новыя дороги переводился старый подвижной составъ съ благоустроенныхъ линій, пришедшій почти въ полную негодность, и правильное и усиленное движеніе поѣздовъ дѣлалось невозможнымъ. Служебный персоналъ приглашался на новыя дороги поплоче; поражалъ своимъ неряшливымъ и нерасторопнымъ видомъ“. Желая быстрѣе соорудить побольше желѣзныхъ дорогъ и пользуясь этимъ для развитія русской промышленности, правительство принимало такія мѣры покровительства послѣдней, которыя необходимо были связаны съ растратой ка-

¹⁾ Цитировано по Мигулину, стр. 158.

питаловъ. „Давались заказы на сотни паровозовъ, на сотни тысячъ и миллионовъ пудовъ рельсовъ по такимъ цѣнамъ, что выгодно было для исполненія одного заказа перевезти изъ-за границы или построить въ Россіи цѣлый заводъ“¹⁾.

Благодаря описаннымъ обстоятельствамъ, наши желѣзныя дороги обошлись гораздо дороже того, что стоили бы онѣ при другомъ отношеніи къ дѣлу, и ихъ доходы, часто достаточные для оплаты капиталовъ, соответствующихъ дѣйствительной стоимости сооруженія, во многихъ случаяхъ оказываются ниже суммы обязательствъ по затратамъ, числящимся на дорогѣ, и недовыручку по частнымъ и казеннымъ дорогамъ приходится уплачивать государству. Насколько расточительно можетъ происходить у насъ, особенно на окраинахъ, сооруженіе рельсовыхъ путей, видно изъ примѣра сибирской желѣзной дороги. По первоначальнымъ предположеніямъ стоимость этого сооруженія отъ Екатеринбурга до Владивостока исчислена была въ 340 милл. руб.; въ дѣйствительности же эта магистраль (съ китайской дорогой, какъ болѣе дешевой сравнительно съ амурской) обошлась въ 850 милл. руб., т.-е. на 510 милл. руб. или на 150% дороже предположеннаго. Правда, указываютъ на возстаніе боксеровъ, какъ на причину, удорожившую стоимость восточно-китайской желѣзной дороги, но, устранивъ изъ расчета эту послѣднюю, все-таки окажется, что собственно сибирская дорога обошлась вазнѣ въ 85 тыс. руб. верста вмѣсто предположенныхъ 46 тыс. руб.²⁾

Стремленіе сооружать новыя дороги, оторванное отъ естественнаго его экономическаго основанія—выяснившихся потребностей страны въ тѣхъ или другихъ линіяхъ—имѣло еще тѣ послѣдствія, что сплошь и рядомъ строились у насъ не тѣ линіи, которыя были всего нужнѣе, а дороги, предлагавшіяся желѣзнодорожными обществами. „Часто, когда въ печати, въ комиссіи о новыхъ дорогахъ или въ соединенномъ присутствіи комитета министровъ и департамента государственной экономіи возражали противъ постройки новой линіи, указывая на большую желательность какой-либо другой дороги, министерство финансовъ непремѣнно выставляло всегда имѣвшій успѣхъ аргументъ, что нѣтъ никакихъ реальныхъ предложеній о постройкѣ такихъ лучшихъ линій, и надо брать, что предлагаютъ, особенно если нѣтъ риска въ этомъ предложеніи. Но рискъ обыкновенно въ томъ-то и заключался, что предлагали къ сооруженію болѣею частью линіи, параллельныя наиболѣе доходнымъ казеннымъ, которыя, по открытіи частныхъ линій, теряли иногда очень значительную часть доходовъ. На это обстоя-

¹⁾ Мигулинъ, стр. 155—156.

²⁾ Тамъ-же, стр. 299.

тельство неоднократно обращалъ вниманіе государственнй контроль, настаивая на необходимости сооружеія такихъ линій распоряженіемъ казны, если уже въ нихъ встрѣчается надобность¹⁾.

Общая сумма средствъ, затраченныхъ въ теченіе 1892—1902 гг. на желѣзнодорожное строительство, превышаетъ 2 миллиарда рублей; а вмѣстѣ съ затратами на улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (въ томъ числѣ сибирской) составляетъ 2,7 миллиарда рублей. Сумма эта складывается изъ слѣдующихъ частей.

Займовъ акціонерными обществами сдѣлано 1.030 милл. руб. (на-рицательныхъ), изъ коихъ не гарантировано правительствомъ лишь около 100 милл. руб. Казною израсходовано: на сооружеіе казенныхъ дорогъ около 725 милл. руб.; выдано въ ссуду обществу восточно-китайской желѣзной дороги 350 милл. руб.; израсходовано на усиленіе и улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 680 милл. руб., всего—свыше 1,7 миллиарда рублей. Изъ 2,7 миллиардовъ рублей капитальныхъ затратъ на желѣзнодорожное дѣло около 1,5 миллиарда рублей добыто займами, а 1,2 миллиарда рублей взято изъ бюджетныхъ избытковъ. Занятые 1,5 миллиарда рублей добыты на половину внутри страны, на половину—за границею. Внутреннимъ рынкомъ для помѣщенія желѣзнодорожныхъ облигацій служили, главнымъ образомъ, сберегательныя кассы, въ которыхъ финансовое вѣдомство имѣетъ неисчерпаемый источникъ средствъ для своихъ предположеній.

Неэкономное расходованіе денегъ при сооружеіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ отражалось на доходахъ государства въ томъ отношеніи, что выручка отъ эксплуатаціи частныхъ дорогъ поглощалась процентами на числящіяся на дорогахъ капиталы, и казна не получала той доли чистаго дохода, какая была ею выговорена. Фактическія же потери государства—въ видѣ приплатъ по гарантіи и недополученія арендной платы за отданныя обществомъ казенныя дороги—незначительны. Приплаты эти, съ открытіемъ новыхъ бездоходныхъ линій, однако, увеличиваются, и въ 1901 г. составляли 11 милл. руб.; на 1903 г. сумма ихъ исчислена въ 16 милл. руб.

Убытокъ казна несетъ и отъ эксплуатаціи новыхъ выстроенныхъ ею линій. Линія Пермь-Котласская понизила доходъ (и безъ того недостаточный для оплаты капиталовъ) пермской желѣзной дороги, къ которой она присоединена; сибирская казенная желѣзная дорога дала въ 1900 г. убытка больше 14 милл. руб.; что же касается восточно-китайской желѣзной дороги, то приблизительный убытокъ ея на первый годъ движенія исчисляется (вмѣстѣ съ охраной дороги) приблизительно въ 40 милл. рублей.

¹⁾ Тамъ же, стр. 161.

VI.

Желѣзныя дороги представляютъ пока наиболѣе совершенный способъ передвиженія, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что государство заботится о распространеніи рельсовой сѣти. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы данная цѣль преслѣдовалась во что бы то ни стало, чтобы платежныя силы населенія напрягались ради этого до крайности, удовлетвореніе культурныхъ потребностей страны ограничивалось до-нельзя и чтобы всѣ достигаемые такими крайними мѣрами бюджетныя избытки затрачивались на желѣзнодорожное строительство. При такомъ отношеніи къ предмету желѣзныя дороги теряютъ въ нашихъ глазахъ значеніе подсобнаго средства экономическаго развитія, распространеніе котораго должно идти параллельно развитію другихъ общественныхъ отношеній, а является чѣмъ-то желательнымъ само по себѣ, и желѣзнодорожная политика утрачиваетъ естественную связь съ политикой государства, направленной на плано-мѣрное удовлетвореніе потребностей страны. Въ такомъ положеніи находилось наше желѣзнодорожное дѣло въ послѣднее время, и естественнымъ представляется поэтому вопросъ о томъ, чѣмъ вызвано исключительное вниманіе финансоваго вѣдомства къ сооруженію рельсовой сѣти. По этому вопросу ограничимся лишь указаніемъ на тотъ фактъ, что форсированное желѣзнодорожное строительство представляется весьма удобнымъ средствомъ промышленнаго оживленія страны, на которомъ естественно остановиться въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ охоты или возможности воздѣйствовать на основныя причины экономическаго развитія. Средство это должно имѣть особую притягательную силу для лицъ, воспитавшихся въ атмосферѣ частнаго предпринимательства, что съ наибольшою ясностью отразилось на дѣятельности предшественника нынѣшняго министра финансовъ.

Частный предприниматель привыкаетъ оцѣнивать различныя мѣропріятія съ точки зрѣнія ихъ непосредственнаго вліянія на интересы даннаго дѣла и ближайшихъ, поставленныхъ имъ, цѣлей, и не задумывается о томъ, какъ отразятся эти мѣры въ болѣе широкой сферѣ явленій и каковы могутъ быть ихъ болѣе отдаленныя послѣдствія, предоставляя себѣ разрѣшать новыя затрудненія по мѣрѣ ихъ возникновенія. Онъ, кромѣ того, не можетъ не принимать непосредственнаго участія въ разнаго рода мѣропріятіяхъ и не руководить практическимъ ихъ выполненіемъ, потому что отъ ловкости проведенія этихъ мѣръ и зависитъ успѣхъ борьбы съ конкуррентами. Продолжительное обращеніе въ сферѣ частнаго предпринимательства создаетъ поэтому типъ дѣльца, быстро ориентирющагося въ сферѣ конкретныхъ явле-

ній, легко улавливающаго ту комбинацію средствъ, при помощи которой скорѣе всего можно удовлетворить требованіямъ даннаго момента,—дѣльца, способнаго бороться съ другими такими же дѣльцами и управлять механизмомъ непосредственныхъ практическихъ мѣропріятій. Эту способность и точку зрѣнія дѣльца И. А. Вышнеградскій перенесъ въ область государственной политики.

Непосредственный его предшественникъ, Н. Х. Бунге, какъ извѣстно, ставилъ задачей финансовой политики облегченіе податной тяжести, лежащей на низшихъ классахъ населенія, привлеченіе къ налогамъ классовъ болѣе состоятельныхъ и поднятіе производительности народнаго труда. На почвѣ этихъ преобразованій онъ полагалъ затѣмъ достигнуть цѣли устраненія бюджетныхъ дефицитовъ и возстановленія металлическаго обращенія, о которомъ не переставали заботиться всѣ министры финансовъ. Вышнеградскій, напротивъ того, достиженіе послѣднихъ цѣлей поставилъ ближайшей задачей своего управленія, и осуществленіе ихъ считалъ „не столько проблемою экономическою, сколько задачей *финансовой техники*, и для быстрого ея рѣшенія готовъ былъ на всякія народно-хозяйственныя жертвы“¹⁾. Въ началѣ своей государственной дѣятельности (къ которой — что очень характерно — онъ подготовлялся изученіемъ подъ руководствомъ директора берлинскаго учетнаго общества кредитныхъ финансовыхъ операцій) онъ плехо, впрочемъ, понималъ и финансово-техническую часть поставленной себѣ цѣли возстановленія металлическаго обращенія, и предположилъ приступить прямо къ размѣну кредитовъ на золото по фиксированному курсу, заручившись уже договоромъ съ французскими капиталистами о займѣ для этого 1½ миллиарда франковъ. Проекту этому не дали осуществиться люди, болѣе его свѣдущіе въ финансахъ, а когда и самъ министръ финансовъ понялъ, что „раньше привлеченія золота займами надо позаботиться объ условіяхъ удержанія его въ странѣ“, онъ и на этотъ вопросъ посмотрѣлъ съ точки зрѣнія исключительно технической и засѣлъ за изученіе тѣхъ экономическихъ явленій, отъ которыхъ предметъ зависитъ непосредственно, и „способовъ воздѣйствія противъ враждебныхъ нашему кредиту биржевыхъ маклеровъ. Въ этой области онъ скоро приобрѣлъ компетентность, передъ которой стали преклоняться руководители европейской биржи“²⁾. Это очень лестно для нашего самолюбія, но для пользы и чести страны было бы желательнѣе, чтобы русскій министръ финансовъ вызывалъ удивленіе европейскихъ государственныхъ людей, а не биржевыхъ дѣльцовъ. Но приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, и русскому народу

1) Шванебахъ, Денежное преобразование и народное хозяйство, стр. 15.

2) Тамъ же, стр. 16.

оставалось терпѣливо переносить дѣйствіе мѣръ, направленныхъ къ непосредственному достиженію цѣлей возстановленія металлическаго обращенія и бездефицитнаго сведенія росписей, ради которыхъ министръ готовъ былъ и имѣлъ силу потребовать отъ него „всякихъ жертвъ“. И дѣйствительно, имъ принимались или проектировались всякія мѣры, отвѣчающія данной цѣли, безотносительно къ тому, каково было бы значеніе этихъ мѣръ для интересовъ народа, государства, культуры. Русскіе путешественники вывозятъ золото за границу — и вотъ проектируется законъ объ обложеніи заграничныхъ паспортовъ 300-рублевымъ налогомъ. „Къ счастью,—говоритъ г. Шванебахъ,—эта жестокая и невыносимая при современныхъ международныхъ отношеніяхъ мѣра была отклонена“ (государственнымъ совѣтомъ). Ввозъ иностранныхъ товаровъ ухудшаетъ нашъ торговый балансъ, и вотъ вводится новый таможенный тарифъ, настолько высокій, что имъ прямо затрудняется развитіе русской промышленности, не могущей обходиться безъ нѣкоторыхъ предметовъ иностраннаго производства. „Трудно допустить,—высказываетъ г. Шванебахъ,—чтобы И. А. Вышнеградскій этого не сознавалъ, а если, тѣмъ не менѣе, онъ неуклонно шелъ своей дорогой, то потому что протекціонизмъ для него стоялъ на второмъ планѣ, а на первомъ—была забота о балансѣ и о ресурсахъ фиска“¹⁾. Соблюденіе выгоднаго для насъ торговаго баланса требовало усиленнаго экспорта, а главнымъ вывознымъ нашимъ товаромъ былъ хлѣбъ. И вотъ принимаются всевозможныя мѣры увеличенія вывоза хлѣбовъ, начиная съ соответствующаго данной цѣли построенія желѣзнодорожныхъ тарифовъ (перешедшихъ въ это время въ завѣдываніе государствомъ) и кончая выколачиваніемъ податей и недоимокъ (даже по отмененной подушной подати), побуждающимъ крестьянъ скорѣе реализовать урожай и этимъ не только выбрасывать на иностранные рынки, въ обмѣнъ на золото, огромное количество зерна, но и способствовать возрастанію государственныхъ доходовъ,—второй цѣли, поставленной себѣ Вышнеградскимъ. „Унаследованный съ Петровскихъ временъ податной строй и приемы взысканія онъ, конечно, въ душѣ осуждалъ, какъ всякій другой, но съ нимъ мирился, какъ со зломъ, по его мнѣнію неизбѣжнымъ впредь до возстановленія золотого обращенія, и, не отрицая даже недоѣданія русскаго мужика, онъ этою прискорбною стороною нашего быта пользовался какъ одною изъ пружинъ для привлеченія золота. Не могу забыть,—продолжаетъ г. Шванебахъ,—возгласа, вырвавшагося у него весной 1891 г., когда—при надвигавшемся неурожаѣ—онъ сталъ опасаться отлива золота: „сами не будемъ ѣсть, но будемъ вывозить“²⁾.

¹⁾ „Денежное преобразование“, стр. 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 20—21.

Если къ сказанному присовокупить, что при Вышнеградскомъ было введено не мало новыхъ и повышено старыхъ налоговъ, несмотря на общепризнанное въ то время истощеніе народныхъ средствъ, то мы будемъ имѣть достаточно оснований считать образъ дѣйствій этого министра всецѣло пропитаннымъ воззрѣніями и приѣмами коммерческихъ дѣльцовъ, а не государственныхъ людей.

Естественнымъ отвѣтомъ на такое перенесеніе способовъ воздѣйствія на экономическую жизнь съ одной сферы отношенія на другую былъ голодъ 1891—92 г., въ концѣ концовъ заставившій самого Вышнеградскаго усомниться въ цѣлесообразности нѣкоторыхъ своихъ мѣръ; роспись на 1892 г. заключена была съ дефицитомъ въ 74 милл. руб., а во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ на этотъ годъ объяснялось, что усиливать обложеніе для покрытія этого дефицита—при экономическомъ потрясеніи, причиненномъ неурожаемъ,—несвоевременно и небезопасно.

Преимннѣ Вышнеградскаго принадлежалъ также къ практической школѣ, но имѣлъ передъ нимъ то преимущество, что пятилѣтній опытъ предшествующаго министерства пролилъ нѣкоторый свѣтъ на предстоящія экономическія задачи и заключалъ въ себѣ нѣкоторое предостереженіе. Этотъ опытъ какъ бы говорилъ, что преслѣдовать широкую государственную цѣль при помощи только узкихъ средствъ техническаго характера—значить строить зданіе на песокъ, и это ученіе, въ видѣ голода 1891—92 г., произвело такое впечатлѣніе, что главная цѣль Вышнеградскаго была на первыхъ порахъ забыта, и вмѣсто продолженія политики прямого подготовленія металлическаго обращенія возникло даже предположеніе о вынискѣ кредитныхъ билетовъ для сооруженія сибирской желѣзной дороги и банкнотъ для расширенія дѣятельности государственнаго банка, т.-е. продолженія и расширенія бумажно-денежнаго обращенія. Изъ этого можно было еще усмотрѣть, что одной изъ первыхъ задачъ, поставленныхъ новымъ министромъ, было воздѣйствіе на экономическую жизнь страны. Объ этомъ было заявлено и въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи новаго министра, въ которомъ введеніе новыхъ налоговъ мотивировалось, между прочимъ, необходимостью имѣть средства для удовлетворенія назрѣвающихъ потребностей страны и для „разумнаго содѣйствія экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны“. Земледѣльческій характеръ страны, мелкая форма сельскохозяйственной культуры и доказанное голодомъ разстройство благосостоянія и хозяйства крестьянъ значительныхъ районовъ Россіи, казалось бы, прямо указывали на тѣ сферы народнаго производства, на которыя должно быть обращено преимущественное вниманіе правительства, а учрежденіе министерства земледѣлія и приглашеніе на

постъ министра извѣстнаго писателя А. С. Ермолова показывали, что и въ правительственныхъ сферахъ понята была, наконецъ, настоятельность серьезнаго воспособленія замледѣлю. Но всякое такое воспособленіе связано съ затратою значительныхъ денежныхъ средствъ, ассигнованіе которыхъ зависитъ прежде всего отъ сочувствія къ данному дѣлу министра финансовъ. Обстоятельства показали, что въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, сочувствіе это было самое скромное, и новое учрежденіе, — въ вѣдѣніи котораго, кромѣ земледѣлія, находились тѣсно связанные съ нимъ и совершенно необходимы для занятія длиннаго зимняго досуга крестьянъ кустарные промыслы, — получало ничтожныя суммы; всѣ же крупныя избытки государственныхъ доходовъ, для полученія которыхъ усиленно надавливался податной прессъ и ограничивалось удовлетвореніе многихъ назрѣвшихъ потребностей страны, обращались на воспособленіе крупной промышленности. Но можно ли достигъ прочныхъ успѣховъ въ дѣлѣ ея развитія, когда масса населенія бѣднѣетъ и предъявляетъ поэтому самый ограниченный спросъ на ея продукты, и когда сбытъ послѣднихъ на внѣшніе рынки до крайности стѣсненъ соперничествомъ болѣе цивилизованныхъ народовъ? Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что поднятіе благосостоянія этой массы, путемъ преимущественнаго восспособленія тѣмъ промышленнымъ отраслямъ, которыя служатъ главнымъ мѣстомъ приложенія рабочей силы и источникомъ доходовъ населенія, и составляетъ первую задачу финансовой политики, сообразованной съ основными экономическими отношеніями страны? Такъ отвѣчала на вопросъ наша печать, и такъ отвѣтилъ бы на него всякій, кто посмотрѣлъ бы на предметъ съ точки зрѣнія экономической науки; но кто предпочитаетъ воздѣйствовать на промышленную жизнь, не задумываясь долго надъ сложными „экономическими проблемами“, а обращая поставленную цѣль въ „задачу финансовой техники“, — тотъ обойдетъ этотъ трудный и медленный путь экономическаго развитія и обратится къ средствамъ поднятія національной промышленности, дающимъ непосредственно замѣтные результаты, не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько прочны эти послѣдніе и не отражается ли быстро распространенная крупная промышленность на состояніи другихъ отраслей, менѣе замѣтныхъ, но, быть можетъ, болѣе важныхъ для народныхъ заработковъ? Простѣйшее изъ такихъ средствъ — обезпеченіе промышленныхъ предприятий казенными заказами, а для обезпеченія ихъ — неограниченное ничѣмъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ — благо Россія крайне бѣдна послѣдними.

Время, однако, не замедлило показать, что экономическая политика — еще менѣе сходствуетъ съ магіей, чѣмъ политика финансовая, и что важныя экономическія задачи требуютъ и серьезныхъ экономи-

ческих, а не финансово-технических рѣшеній. Нынѣ министр финансовъ стоитъ во главѣ Особого Совѣщанія, имѣющаго цѣлью разрѣшеніе вопроса о поднятіи основнаго промысла страны. Еще шагъ—и вопросъ о хозяйственномъ подъемѣ Россіи поставленъ будетъ какъ вопросъ объ обеспеченіи для преобладающей, сельской части населенія нашей страны постояннаго производительнаго приложенія ея силъ,—что можетъ быть достигнуто лишь на почвѣ совмѣщенія земледѣльческаго труда и промышленнаго. Когда вопросъ этотъ будетъ серьезно поставленъ, тогда возможно будетъ ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія задачи о прочномъ и спокойномъ экономическомъ подъемѣ нашей страны.—В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1908.

Кончина папы Льва XIII. — Перемены въ положеніи римской церкви со времени смерти Пія IX. — Роль свѣтскихъ правительствъ въ усиленіи авторитета Ватикана. — Живая и дѣятельность покойнаго папы. — Политическія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. — Кризисъ на дальнемъ Востоцѣ.

Послѣ двухнедѣльной болѣзни, которую можно назвать агоніею, скончался на 94-мъ году жизни папа Левъ XIII, управлявшій судьбами римской церкви въ теченіе болѣе четверти вѣка. Печать всего культурнаго міра съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ этой болѣзни и отнеслась къ естественной ея развязкѣ, совершившейся 20 (7) іюля, какъ къ великому событію, предъ которымъ отступаютъ на задній планъ обычныя дѣла и заботы политической и общественной жизни. Многіе дѣлали по этому поводу глубокомысленные выводы о необыкновенной исторической роли папы Льва XIII и объ исключительномъ почетѣ, окружающемъ католическую церковь среди просвѣщенныхъ народовъ современнаго міра. Въ „Revue des deux Mondes“ упоминалось даже о томъ, что глава нынѣшняго французскаго министерства, г. Комбъ, никакъ не могъ бы возбуждать подобный всеобщій интересъ къ своей личности, если бы ему пришлось подвергнуться опасной болѣзни. Сопоставленіе французскаго министра съ папою римскимъ не заключаетъ въ себѣ, конечно, ничего остронаго; министровъ много во Франціи, и они мѣняются довольно часто, такъ что никто изъ нихъ, разумѣется, не можетъ претендовать на значеніе, принадлежащее главѣ государства или главѣ церкви. Сотрудникъ „Revue des deux Mondes“ — если уже онъ желалъ проводить параллель между папствомъ и французской республикой — долженъ былъ бы сравнивать папу не съ Комбомъ, а съ президентомъ Лубе; тогда и самая параллель утратила бы нѣкоторую долю своей ядовитости, потому что несомнѣнно смерть Лубе была бы также серьезнымъ событіемъ при существующихъ обстоятельствахъ, а опасная болѣзнь его возбуждала бы всеобщій интересъ и сочувствіе къ его личности.

Было вполне естественно, что кончина папы Льва XIII разсматривалась какъ крупный фактъ, могущій имѣть важныя практическія послѣдствія для большей части государствъ, — ибо римско-католическая церковь занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ мірѣ, въ качествѣ организованной духовной силы, господствующей надъ совѣстью многихъ милліоновъ людей всѣхъ національностей, и личность главы и руководителя этой силы имѣетъ огромное значеніе для по-

литики Ватикана. Будетъ ли новый папа представителемъ непримиримыхъ старыхъ идей, въ духѣ Пія IX, или сторонникомъ той осторожной тактики, которой слѣдовалъ Левъ XIII,—это вопросъ далеко не безразличный для правительствъ, которымъ приходится считаться съ притязаніями и стремленіями папства. Смерть предшествовавшего папы въ 1878 году столь же сильно волновала умы, какъ и кончина его преемника, и въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось съ конца семидесятыхъ годовъ. Правда, общее положеніе католической церкви представляется въ настоящее время несравненно болѣе благоприятнымъ, чѣмъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ,—но въ этой пережѣнкѣ играли большую роль политическія обстоятельства, независимо отъ личнаго характера и заслугъ того или другого папы. Не слѣдуетъ забывать, что Пію IX пришлось непосредственно столкнуть съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года, пережить тяжелую критическую эпоху итальянской борьбы за объединеніе, пользоваться военной защитой и покровительствомъ французской второй имперіи и наконецъ лишиться папскихъ владѣній, отошедшихъ въ королевству Італіи послѣ разгрома Франціи пруссаками въ 1870 году. Въ этотъ бурный періодъ итальянской и европейской исторіи обрушился на папство послѣдовательный рядъ грозныхъ ударовъ, подвергавшихъ опасности самое его существованіе; и въ то же время духовный авторитетъ римской церкви подрывался въ своихъ основахъ тѣмъ общимъ научно-раціоналистическимъ направленіемъ умовъ, которое почти безраздѣльно господствовало въ Европѣ именно при жизни Пія IX, начиная со вступленія его на папскій престолъ. Если имѣть въ виду эти исключительныя условія, въ какія поставлена была римская церковь въ долгій періодъ правленія названнаго папы, то нельзя не удивляться мужеству и энергіи Пія IX въ поднятой имъ одновременной политической и религіозной борьбѣ во имя нарушенныхъ традиціонныхъ правъ и интересовъ Ватикана. Папство жестоко пострадало отъ національнаго движенія, охватившаго Італію и другія европейскія страны; оно пострадало и отъ общаго умственнаго подъема и политическаго возрожденія народовъ, и Пію IX ничего не оставалось дѣлать, какъ возставать противъ пагубнаго духа времени, осуждать безвѣріе и научный скептицизмъ современниковъ, посылать проклятія революціонерамъ, отнявшимъ у папы Римъ и римскую область. Во всѣхъ почти государствахъ, подъ влияніемъ вдохновлявшей ихъ національной идеи, возникла и развилась борьба противъ папства, какъ противъ чуждой космополитической организаціи, не поддающейся туземному контролю,—борьба, получившая у нѣмцевъ характерное названіе „культурной“, въ первые годы послѣ основанія германской имперіи; въ побѣжденной Франціи демократическій вождь, Гамбетта,

выступаетъ противъ клерикализма съ тѣмъ же жаромъ, какъ и Бисмаркъ въ Германіи. Приписывать личнымъ ошибкамъ или недостаткамъ Пія IX эти разнообразныя событія и обстоятельства, враждебныя церкви,—было бы въ высшей степени несправедливо; а та сила вѣры, которая побуждала его создавать новые догматы и еще больше возвышать и объединять духовную власть провозглашеніемъ папской непогрѣшимости, способствовала, быть можетъ, внутреннему укрѣпленію „святѣйшаго престола“ среди окружавшихъ его невзгодъ.

Левъ XIII не обладалъ боевымъ темпераментомъ своего предшественника, но и не имѣлъ его побужденій къ воинственнымъ охранительнымъ мѣрамъ; онъ избранъ былъ папой уже тогда, когда бурныя движенія повсюду улеглись, когда настала общая повсемѣстная реакція въ политикѣ и когда императоръ Вильгельмъ I сталъ смотрѣть на религію какъ на полезное орудіе противодѣйствія социальнo-демократическимъ порывамъ. Будучи отъ природы мягкимъ, спокойнымъ, уравновѣженнымъ человѣкомъ, Левъ XIII весьма умѣло воспользовался новыми политическими теченіями и постепенно подготовлялъ почву для восстановления авторитета церкви въ Германіи и въ другихъ странахъ. Однако, главнѣйшими своими успѣхами католицизмъ обязанъ былъ свѣтскимъ правительствамъ: Бисмаркъ своимъ „культуррамифомъ“ вызвалъ къ жизни и сплотилъ противъ себя воедино могущественную нѣмецко-католическую партію, которая подъ именемъ партіи центра заняла преобладающее мѣсто въ германскомъ народномъ представительствѣ и заставила государственную власть послѣдовательно отменить всѣ законы, изданные противъ папства и католическаго духовенства; такъ же точно во Франціи клерикализмъ распространился и утвердился сильнѣе чѣмъ когда-либо подъ влияніемъ близорукихъ, чисто внѣшнихъ республиканскихъ мѣръ, направленныхъ противъ служителей церкви и особенно монашескихъ орденовъ. Новѣйшіе успѣхи религіозныхъ идей и настроеній, въ связи съ упадкомъ прежней вѣры въ исключительное могущество научнаго позитивизма, также послужили въ пользу католицизму, независимо отъ какихъ бы то ни было усилій и заслугъ Льва XIII. Послѣдній только не мѣшалъ естественному ходу дѣлъ или естественной „эволюціи“, какъ принято нынѣ выражаться. Онъ ни въ чемъ не отступилъ отъ принциповъ и взглядовъ Пія IX, но внесъ нѣкоторую мягкость въ ихъ примѣненіе; онъ сохранялъ и признавалъ его догматы, поддерживалъ его знаменитый „Силлабусъ“ и индексы, съ ихъ осужденіемъ современной науки и новыхъ прогрессивныхъ идей, и вообще оставался вѣрнымъ блюстителемъ завѣтовъ и интересовъ папства, допуская уступки и компромиссы въ формѣ, но не по существу. Можно сказать, что онъ былъ дипломатомъ и оппортунистомъ, когда это требовалось для до-

стиженія поставленной цѣли; онъ былъ терпѣливъ и уступчивъ въ сношеніяхъ съ Пруссіею, Франціею и отчасти Россіею, но по прежнему относился безусловно отрицательно къ Италіи и считалъ себя „узникомъ“, ограбленнымъ революціонною политикою Савойской династіи. Положеніе „ватиканскаго узника“, унаслѣдованное отъ Піа IX, представляло свои особыя выгоды, привлекая симпатіи вѣрующихъ съ разныхъ концовъ земного шара и увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ притокъ пожертвованій и приношеній, обогащающихъ папскую казну; „лента св. Петра“ поступала бы, конечно, въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, еслибы Ватиканъ согласился признать законъ о гарантіи, принятый Италіею въ 1871 году, и этимъ санкціонировалъ бы существующій порядокъ вещей. Ватиканъ тогда получалъ бы отъ итальянскаго казначейства ежегодную субсидію или вознагражденіе въ размѣрѣ 3½ милліоновъ лиръ, безъ всякихъ обязательствъ съ своей стороны; но престижъ значительно пострадалъ бы при подобной сдѣлкѣ, и уже по этой причинѣ нельзя рассчитывать на формальное примиреніе римской церкви съ Италіею, — тѣмъ болѣе что и Италія не жаждетъ примиренія и чувствуетъ себя довольно хорошо, имѣя въ предѣлахъ своей столицы великій центръ католичества, мѣсто паломничества для католиковъ всего міра.

Непреклонно суровый къ итальянскому королевству, которое въ сущности очень дорожило и дорожить процвѣтаніемъ „святѣйшаго престола“, Левъ XIII соблюдалъ всегда замѣчательную сдержанность по отношенію къ прямымъ врагамъ папства — правителямъ французской республики; онъ съ христіанскимъ смиреніемъ выслушивалъ горькія жалобы изгоняемыхъ изъ Франціи монашескихъ коллегій и старательно уклонялся отъ какого бы то ни было поощренія французскихъ епископовъ и клерикаловъ въ ихъ попыткахъ протеста противъ безбожнаго якобинства французскихъ республиканскихъ партій и министровъ. Съ протестантскимъ правительствомъ Германіи онъ завязалъ настолько пріятныя отношенія, что императоръ Вильгельмъ II, союзникъ Италіи, счелъ долгомъ посѣтить ея „плѣнника“ въ Ватиканѣ и потомъ публично называлъ его своимъ великимъ другомъ. Своимъ дипломатическимъ искусствомъ, мягкою настойчивостью и последовательностью Левъ XIII достигъ того, что не только князь Бисмаркъ пошелъ въ Каноссу, но и все передовое нѣмецкое общество забыло свою прежнюю вражду къ католицизму и свои широкіе либеральные планы культурной борьбы противъ папства. Многочисленная и прекрасно организованная католическая партія центра, поддержка которой нужна одинаково и правительству, и вліятельнымъ буржуазнымъ элементамъ умѣренно-либеральныхъ группъ, исключаетъ мысль о прогрессивныхъ увлеченіяхъ германскаго парламента, въ родѣ тѣхъ,

которыми ознаменовалась первая половина семидесятых годовъ. Внутреннія обстоятельства измѣнились въ Германіи и Пруссіи, и папа Левъ XIII извлекъ изъ этой перемѣны всю возможную пользу для Ватикана. Во Франціи положеніе оказывается двойственнымъ: съ одной стороны, правительство преслѣдуетъ и стѣсняетъ открытую пропаганду клерикальных воззрѣній и чувствъ, прибѣгая для этого къ разнымъ законодательнымъ и административнымъ мѣропріятіямъ, а съ другой стороны, высшіе и средніе классы французскаго общества систематически проникаются клерикальнымъ духомъ, воспитываютъ значительную часть своихъ молодыхъ поколѣній въ модныхъ религіозныхъ заведеніяхъ или подъ скрытымъ руководствомъ патеровъ и специально довѣряютъ іезуитамъ воспитаніе женщинъ, именно благодаря антиклерикальнымъ тенденціямъ властвующихъ въ республикѣ „еретиковъ“. Насколько официальные гоненія нежелательны папству, настолько цѣнны для него практическіе ихъ результаты—возрожденіе католичества въ образованномъ обществѣ и въ народныхъ массахъ, болѣе частыя обращенія къ папскому престолу, болѣе тѣсная сплоченность клерикальных силъ и вліяній въ различныхъ слояхъ французскаго населенія. Быть можетъ, кромѣ этихъ косвенныхъ благополучныхъ послѣдствій французской радикальной политики, имѣетъ для Ватикана сдерживающее значеніе и вопросъ о конкордатѣ, периодически поднимаемый французскими радикалами и социалистами. Возможность расторженія конкордата, которымъ регулируются законныя права и интересы католической іерархіи во Франціи, является постоянною и дѣйствительною угрозою для духовенства и побуждаетъ представителей церкви не доводить дѣла до разрыва, въ обычной надеждѣ на лучшія времена. И въ самомъ дѣлѣ время было вездѣ наилучшимъ союзникомъ папства. Постепенно и незамѣтно выросло католическое движеніе въ Англіи и приобрѣло адептовъ въ средѣ ея высшей аристократіи, при участіи такихъ выдающихся духовныхъ дѣятелей, какъ покойный кардиналъ Маннингъ; еще съ большей энергіей распространилось католичество въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ оно получило отчасти народный социальный характеръ, при руководящемъ содѣйствіи нынѣшняго кардинала Гиббонса. Личною заслугою Льва XIII было то поощряющее и умѣряющее вліяніе, которое онъ вносилъ въ общій ходъ дѣлъ римской церкви; а цѣннымъ качествомъ или даже талантомъ его было умѣнье писать содержательныя энциклики на изящномъ латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Его энциклики читались образованными духовными лицами не только по обязанности, для руководства и примѣненія, но и изъ любви къ хорошему и искусному латинскому стилю, къ пріятной діалектикѣ, къ легкимъ благочестивымъ фразамъ,

успокоительно дѣйствующимъ на душу. При той своеобразной схоластической школѣ, которую проходили и проходили религіозны дѣятели и слуги католицизма, сочиненія и трактаты папы Льва XIII, выходяшіе въ свѣтъ подъ названіемъ энцикликъ, имѣли несомнѣнно своихъ читателей-любителей и производили воспитательное дѣйствіе на умы; эта литературная сторона его папской дѣятельности доставляла повидимому наибольшее удовлетвореніе самому папѣ, который находилъ еще досугъ для упражненій въ латинскомъ стихотворствѣ.

Весь умственный кругозоръ Льва XIII, какъ и его приближенныхъ, имѣлъ на себѣ средневѣковый монастырскій отпечатокъ и относился къ далекому прошлому, какъ оно рисуется въ мечтательно-религіозномъ книжномъ освѣщеніи; тѣмъ не менѣе этотъ ватиканскій затворникъ, по своей итальянской натурѣ и традиціямъ, обнаруживалъ тонкое пониманіе современной политики и употреблялъ всегда нужные политическіе приемы въ сношеніяхъ съ разнообразными свѣтскими правительствами. Миролубивый и снисходительный по темпераменту, онъ, однако, твердо держалъ бразды правленія и съ неизмѣннымъ авторитетомъ „непогрѣшимого“ главы руководилъ многочисленнымъ подвластнымъ персоналомъ католической іерархіи въ разныхъ частяхъ свѣта. Левъ XIII высказывался по нѣкоторымъ великимъ вопросамъ современности; онъ не могъ обойти и социальныя проблемы, давшія толчокъ успѣшной пропагандѣ новаго христіанскаго социализма. Послѣ того какъ рабочій вопросъ сдѣлался предметомъ положительныхъ заботъ и усилій въ Германіи, и Вильгельмъ II пытался даже придать этимъ заботамъ и усиліямъ международный характеръ,—папа Левъ XIII также занялся этимъ вопросомъ и посвятилъ ему цѣлое сочиненіе, въ обычной формѣ энциклики; сочиненіе написано красиво, содержитъ въ себѣ много хорошихъ общихъ мѣстъ, примѣровъ, сопоставленій, но не даетъ никакихъ опредѣленныхъ выводовъ или формулъ, которыя могли бы содѣйствовать мирному разрѣшенію социальной задачи или улучшенію быта рабочихъ классовъ. Единственный выводъ—чисто религіозный: и хозяева, и рабочіе должны проникнуться духомъ католической вѣры и искать утѣшенія подъ надежнымъ покровомъ церкви,—остальное само приложится. Разумѣется само собою, что крупные промышленные предприниматели и капиталисты перестали бы исполнять свои хозяйственныя функціи, еслибы предавались религіознымъ размышленіямъ; они только откупаются отъ религіи или приобрѣтаютъ расположеніе ея служителей, если чувствуютъ въ этомъ потребность. Капиталисты и рабочіе не сдѣлаются болѣе религіозными, чѣмъ прежде, подъ влияніемъ экономическихъ споровъ и кризисовъ; сложный рабочій вопросъ въ его дѣйствительной матеріальной обстановкѣ

новкѣ не былъ даже затронуть благонамѣреннымъ трактатомъ Льва XIII. Разсуждая о дѣлахъ и задачахъ современности, покойный папа не выходилъ изъ тѣснаго круга унаслѣдованныхъ идей и взглядовъ; онъ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, не претендовалъ на роль новатора и былъ только убежденнымъ, спокойнымъ и мирнымъ исполнителемъ не имъ составленной программы духовнаго владычества римской церкви.

Личная биографія Льва XIII очень небогата вѣшними фактами. Родился онъ въ 1810 году, въ горномъ мѣстечкѣ Карпинетто. въ семьѣ графовъ Печчи, получилъ имя Іоакима, былъ слабенькимъ ребенкомъ и долго считался ненадежнымъ по состоянію своего здоровья, какъ это часто бываетъ съ людьми, имѣющими шансы долговѣчности; его хрупкій организмъ остался хрупкимъ до позднихъ лѣтъ и именно благодаря этому качеству проявилъ необыкновенную живучесть, которая поддерживалась сознательно скромнымъ, почти аскетическимъ образомъ жизни. Какъ младшій изъ семерыхъ дѣтей, Іоакимъ Печчи предназначень былъ къ духовному званію; онъ отданъ былъ въ іезуитскую школу, прошелъ весь курсъ средняго и высшаго образованія въ іезуитскихъ коллегіяхъ, постоянно получалъ первыя награды и отличія, изучалъ въ Римѣ богословіе, философію и юриспруденцію, окончилъ также курсъ специальной „академіи для духовныхъ лицъ изъ дворянъ“ и началъ свою служебную карьеру въ ватиканскомъ дворцѣ при папѣ Григоріи XVI, въ 1837 году; вскорѣ онъ назначень былъ делегатомъ или губернаторомъ въ провинці Беневентъ, старался тамъ искоренить разбойничество и контрабанду, и отстаивалъ сохраненіе этой небольшой области за папствомъ, когда неаполитанскій король предложилъ обмѣнять ее на соответственный округъ въ своихъ владѣніяхъ. Съ точки зрѣнія Іоакима Печчи, положеніе Беневентскаго княжества было идеальное для священниковъ и, слѣдовательно, для всего населенія; при двадцати-трехъ тысячахъ жителей тамъ существовалъ многочисленный штатъ духовенства, съ четырьмя епископами и однимъ архіепископомъ; разбойники же, иногда смущавшіе мирныхъ обывателей и проѣзжихъ, были сами людьми религиозными и по возможности аккуратно исполняли всѣ религиозные обряды. Въ 1841 году Печчи былъ переведень делегатомъ въ Перуджію, гдѣ ему пришлось вести борьбу съ тайной организаціею карбонаріевъ; два года спустя, онъ вызванъ былъ въ Римъ, утверждень въ санѣ епископа и посланъ нунціемъ въ Бельгію, гдѣ ему удалось уладить важныя церковныя конфликты и одновременно приобрѣсть довѣріе и расположеніе мѣстныхъ духовныхъ властей, правительства и значительной части населенія. Отозванный въ 1846 году въ Италію, онъ принялъ мѣсто епископа въ Перуджіи, гдѣ и оставался до своего выбора

въ папы, въ продолженіе всего правленія Пія IX. Въ 1853 году онъ получилъ титулъ кардинала, въ 1877 году сдѣлался „камерленгомъ римской церкви“ и въ этомъ званіи управлялъ дѣлами послѣ смерти папы Пія IX, въ февралѣ 1878 года; на конклавѣ онъ при третьей баллотировкѣ избранъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ и вступилъ на папскій престолъ на 69-мъ году жизни. Онъ началъ новую обширную и чрезвычайно сложную дѣятельность въ такомъ возрастѣ, когда люди обыкновенно кончаютъ свой жизненный путь и стремятся уже по необходимости къ отдыху; многимъ казалось, что щедедушный, слабый папа продержится недолго, а между тѣмъ онъ бодро работалъ въ тиши и дожилъ до своего двадцатипятилѣтняго папскаго юбилея. По продолжительности своего управленія римскою церковью Левъ XIII уступаетъ первенство только своему ближайшему предшественнику, Пію IX, который пробылъ папою 31 годъ и 7 мѣсяцевъ. Самое крупное свое сочиненіе—о рабочемъ вопросѣ—онъ написалъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Твердая, спокойная вѣра, не нарушаемая никакими внѣшними событіями и испытаніями, неизмѣнно вдохновляла Іоакима Печчи, и его умственные силы не ослабѣвали при дряхлости тѣла. Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ идеальнымъ главою римской церкви, и выборъ, сдѣланный кардиналами въ 1878 году, былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ.

Когда предстоитъ избраніе лица на такой исключительный постъ, какъ должность намѣстника или преемника св. Петра, то публика невольно думаетъ о борьбѣ честолюбій, о закулисныхъ вліяніяхъ и интригахъ, и газеты, съ присущею имъ обстоятельностью, сообщаютъ разныя подробности о шансахъ того или другого кандидата, о числѣ имѣющихся въ его пользу голосовъ, и т. п. При этомъ упускается изъ виду одно соображеніе, которое вѣроятно наиболѣе интересуетъ дѣйствительныхъ избирателей,—это именно вопросъ о томъ, какія личныя качества необходимы для главы церкви при данныхъ обстоятельствахъ и у кого эти качества имѣются въ желательной степеніи и въ особенно благоприятномъ сочетаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что при выборѣ Іоакима Печчи члены конклава руководствовались только такого рода соображеніями, такъ какъ Печчи не принадлежалъ къ числу честолюбивыхъ, энергическихъ и вліятельныхъ кардиналовъ, а напротивъ, всегда отличался своею скромною сдержанностью и держался въ тѣни, предаваясь любимымъ кабинетнымъ занятіямъ. Назначеніе его на постъ „камерленго“ едва ли могло способствовать успѣху его кандидатуры; оно скорѣе разсматривалось какъ достойный конецъ карьеры, слишкомъ долговѣ тридцати лѣтъ—замкнутой въ ограниченномъ кругѣ епископской дѣятельности въ Перуджии. Послѣ бурнаго правленія Пія IX нуженъ былъ папа-мировотворецъ, и для этой роли не было лучшаго кан-

дидата, чѣмъ Печчи,—хотя никакія державы за него не хлопотали и никто не собиралъ голосовъ и не подготавливалъ партій въ его пользу. Точно такъ же и въ настоящее время кардиналы по всей вѣроятности приступали къ великому акту избранія безъ тѣхъ суетныхъ мыслей, которыя приписываются имъ газетами,—подчиняясь исключительно соображеніямъ о благѣ и пользѣ церкви. Если допустить, что большинство кардиналовъ—люди искренно вѣрующіе, то рѣшеніе конклава никакъ не можетъ быть результатомъ случайныхъ сдѣлокъ и компромиссовъ, о которыхъ сообщаютъ газетные корреспонденты.

Не слѣдуетъ также соблазняться общими мечтаніями о будущей творческой роли папства—мечтаніями, излагаемыми иногда и въ русской печати. Самъ папа Левъ XIII придавалъ большое значеніе своей роли миротворца, но въ отдѣльныхъ случаяхъ бралъ на себя такую роль только тогда, когда ему предлагали ее,—какъ это было между прочимъ въ 1885 году, при спорѣ Германіи и Испаніи изъ-за Каролинскихъ острововъ. Строго-традиціонная, расчетливая, положительная политика Ватикана совершенно несовмѣстима съ благочестивыми фантазіями, которыя нерѣдко связываются съ положеніемъ и задачами римской церкви. Говорятъ, что покойный папа относился серьезно къ мысли о воссоединеніи церквей въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Что онъ надѣялся и вѣрилъ въ это будущее христіанское единство,—это вполне естественно; но, какъ политикъ и дипломатъ, онъ не могъ не сознавать, что мечта объ этомъ единствѣ предполагаетъ уничтоженіе историческаго папства и замѣну его чѣмъ-то другимъ, способнымъ удовлетворить и привлечь миллионы „отпавшихъ“ христіанъ. Для того, чтобы христіане не-католики добровольно признали надъ собою духовную власть единаго пастыря, необходимо, чтобы этотъ пастырь былъ не римскимъ папою, не избранникомъ кардиналовъ и не главою особой римско-католической іерархіи, имѣющей свои учрежденія, свои матеріальные интересы, свои спеціальныя правила и традиціи. Какъ историческое учрежденіе, какъ институтъ, сохранившійся съ давнихъ временъ, папство имѣетъ очень мало общаго съ тѣми высшими религіозными идеалами, которые побуждаютъ стремиться къ воссоединенію церквей, и если этому воссоединенію суждено когда-нибудь осуществиться, то конечно не подъ эгидою существующей римской церкви. Высшіе представители католичества и не задаются подобными цѣлями, предоставляя мечтать о нихъ благодушнымъ философамъ-оптимистамъ, привыкшимъ игнорировать обычную практику жизни.

Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ запутывается все болѣе и болѣе. Македонія не выходитъ изъ состоянія кровавой анар-

хія, и проекты турецкихъ реформъ оказываются тѣмъ, чѣмъ они были съ самаго начала,—невинными продуктами канцелярской дипломатіи, рассчитанными лишь на выигрышь времени и на вѣншее успокоеніе иностранныхъ приверженцевъ мира. Болгарія, принимавшая наиболѣе дѣятельное участіе въ заботахъ о судьбѣ Македоніи, долго держалась спокойно, подъ давленіемъ великихъ европейскихъ державъ, взявшихъ на себя ходатайство передъ Портою объ улучшеніи македонской администратіи; но по мѣрѣ того какъ обнаруживалась бесплодность этихъ дипломатическихъ усилій, волненіе болгаръ усиливалось, и все чаще высказывалась мысль о неизбежности войны, въ виду продолжающихся турецко-македонскихъ эзекуцій, совершаемыхъ почти на глазахъ болгаръ и вызывающихъ систематическое бѣгство массы туземныхъ поселянъ въ пограничныя мѣстности Болгаріи. Турція принимала свои военныя мѣры и собирала войска у болгарскихъ границъ, что въ свою очередь чрезвычайно волновало болгаръ; отношенія обострились до того, что малѣйшій инцидентъ могъ бы произвести взрывъ, послѣдствія котораго трудно было бы предвидѣть или ограничить. Представители миролюбивыхъ европейскихъ кабинетовъ стараются успокоительно дѣйствовать на болгарскихъ министровъ и на князя Фердинанда, но не могутъ придумать ничего такого, что дѣйствительно способно было бы положить конецъ тяжелому кризису, затрогивающему жизненные національные интересы Болгаріи. При такомъ печальномъ ходѣ дѣлъ распространяется неудовольствіе и раздраженіе между болгарами, и князь Фердинандъ, при всемъ своемъ умѣнью лавировать среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, можетъ потерять почву въ странѣ и въ правящихъ ею партіяхъ. Въ послѣднее время много говорилось о какомъ-то военномъ или политическомъ заговорѣ, побудившемъ, будто бы, князя Фердинанда уѣхать за границу вмѣстѣ съ дѣтьми, и въ самомъ дѣлѣ неожиданное удаленіе князя для отдыха и охоты въ его нѣмецкихъ и венгерскихъ помѣстьяхъ даетъ основательный поводъ къ возникшимъ толкамъ и догадкамъ. Такой энергическій и осторожный правитель, какъ князь Фердинандъ, едва ли могъ покинуть страну и правительство при настоящихъ обстоятельствахъ, не имѣя къ тому весьма вѣскихъ причинъ;—кромѣ опасеній за свою личную неприкосновенность, о чемъ говорили газеты, тутъ могло дѣйствовать и сознаніе невозможнаго политическаго положенія, въ какое поставлена Болгарія военными мѣропріятіями Порты, македонскими бѣдствіями и нерѣшительною балканскою политикою великихъ державъ. Внутренняя неурядица въ Болгаріи, въ случаѣ окончательнаго удаленія князя, была бы только послѣдствіемъ ея тяжелыхъ вѣншихъ условий и хроническихъ общихъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Вѣсти съ дальняго Востока также мало утѣшительны. Насколько можно судить по сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, вопросъ о Манчжуріи остается спорнымъ, и въ Японіи преобладаетъ, будто бы, воинственное настроеніе, направленное специально противъ Россіи. Японцы, будто бы, страшно волнуются изъ-за того, что китайская территория до сихъ поръ еще не очищена русскими войсками; американцы возмущаются и протестуютъ по поводу недопущенія свободной иностранной торговли въ предѣлахъ занятыхъ еще нами областей; англичане остаются, повидимому, спокойными, но ссылаются на возбужденное состояніе своихъ союзниковъ, японцевъ, и на энергическіе порывы за-атлантическихъ друзей. Къ сожалѣнію, при отсутствіи положительныхъ свѣдѣній изъ авторитетныхъ русскихъ источниковъ, мы не можемъ составить себѣ определенное понятіе о сущности и значеніи новѣйшихъ международныхъ споровъ на дальнемъ Востока. Нельзя даже сказать, дѣйствительно ли предметомъ разногласій или недоразумѣній служитъ свобода торговли въ Манчжуріи, или это только благовидный предлогъ для созданія искусственнаго конфликта между Японією и Россією. Странно во всякомъ случаѣ то, что съ наибольшою настойчивостью хлопочутъ объ этомъ конфликтѣ и раздуваютъ его главныя американскія газеты, служація обыкновенно вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ штатахъ.

Конечно, можно быть вполне увѣреннымъ въ отсутствіи серьезной опасности разрыва между двумя сосѣдними державами, имѣющими всѣ основанія желать прочнаго взаимнаго мира и согласія; и еслибы даже Японія по какимъ либо причинамъ увлеклась воинственными планами, то мы съ своей стороны, безъ сомнѣнія, употребили бы всѣ зависящія отъ насъ средства, чтобы удержать ее отъ безразсудства и не давать японцамъ поводовъ къ раздраженію. И, вѣроятно, не трудно было бы сойтись съ Японією и устроить съ нею надлежащее соглашеніе, еслибы только удалось устранить безповойное посредничество англичанъ и американцевъ. Какъ бы то ни было, иностранная враждебная агитация по манчжурскому вопросу требуетъ—если не отпора и отвѣта, то, по крайней мѣрѣ, авторитетнаго фактическаго разъясненія, которое кстати было бы не лишне и для недоумѣвающей русской публики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1908.

I.

— Евгений Цабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ (съ 4-ми портретами въ разные періоды жизни). Переводъ съ нѣмецкаго Владимира Григоровича. Кіевъ, 1908.

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу иностранныхъ критиковъ, наиболее близко знакомыхъ съ нашей литературой, а вмѣстѣ и наиболее компетентныхъ ея цѣнителей. Русская литература привлекаетъ нынѣ большой интересъ европейской критики, но къ этому интересу далеко не всегда присоединяется достаточное знаніе русской жизни и внутреннихъ отношеній литературы; г. Цабель является здѣсь пріятнымъ исключеніемъ,—и съ знаніемъ фактовъ соединяется у него художественное пониманіе.

Не будемъ останавливаться на біографіи, гдѣ авторъ пользовался, между прочимъ, книгой Р. Лёвенфельда, и приводимъ два-три общихъ заключенія о цѣломъ направленіи писательской дѣятельности графа Толстого.

Къ числу писателей, имѣвшихъ большое вліяніе на гр. Толстого, принадлежитъ Руссо. „Подобно автору „Новой Элоизы“, и русскій писатель—неутомимый борець противъ отчужденія отъ природы, къ которому ведетъ современная жизнь; подобно Руссо и онъ требуетъ, чтобы мы отказались отъ культуры со всѣми ея пороками и вернулись къ простотѣ жизни и простодушію. На вопросъ, предложенный въ 1749 дижонской академіей, облагораживаетъ или портитъ нравы развитіе наукъ и искусствъ, Толстой не задумался бы отвѣтить, со-всѣмъ въ духѣ Руссо, что мы должны отказаться именно отъ этой духовной дѣятельности и поставить на ея мѣсто простоту естественнаго состоянія, ежели желаемъ быть счастливыми. Руссо выставилъ положеніе, что земля принадлежитъ всѣмъ и что все зло въ мірѣ создано

тѣмъ человѣкомъ, который впервые огородилъ поле, назвалъ его своимъ и нашель другихъ достаточно простодушныхъ для того, чтобы повѣрить ему: различая мое и твое, право собственности создало положительное право и явилось причиной всѣхъ споровъ, которые разрѣшались путемъ насилія. Толстой могъ бы обѣими руками подписаться подъ этимъ положеніемъ. У обоихъ одна и та же теорія, что образование и собственность противоестественны; у обоихъ одинаковое отвращеніе къ государству и его принудительнымъ учрежденіямъ. Подобно Руссо, Толстой издалъ свою исповѣдь, въ которой нѣтъ недостатка въ тяжелыхъ самообвиненіяхъ... Общимъ, наконецъ, для обоихъ является и то обстоятельство, что ихъ глубокое стремленіе къ естественности *не соединено ни съ какимъ определеннымъ указаніемъ пути и средствъ*, которые могли бы доставить побѣду ихъ взглядамъ, что оба они страдаютъ обиліемъ неясностей и односторонностей, что у нихъ много бросающихся въ глаза преувеличеній, которыя въ свою очередь ведутъ къ ненавистному для нихъ отчужденію отъ природы, къ противоестественности. Но именно эти противорѣчія послужили причиной огромнаго вниманія, которое возбудилъ Толстой своими ученіями: читатели увидѣли въ нихъ самихъ себя. Къ новому міросозерцанію стремились всѣ; относительно практическихъ вопросовъ всѣ держались различныхъ мнѣній. Если велико сходство между Толстымъ и Руссо, то не менѣе рѣзко и различіе между ними. Руссо всю свою жизнь былъ человѣкомъ съ неустойчивымъ характеромъ и не особенно большой любовью къ правдѣ, воплощеннымъ противорѣчіемъ между теоріей и практикой; онъ писалъ замѣчательныя вещи о реформѣ воспитанія и отправлялъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Въ этомъ отношеніи на сторонѣ Толстого неизмѣримое преимущество: русскій писатель неуклонно стремился къ тому, чтобы разъ признанное истиннымъ и хорошимъ испробовать прежде всего на самомъ себѣ и своемъ образѣ жизни; онъ истинно добрый и хорошій человѣкъ, образцовый отецъ семейства, характеръ, готовый на самопожертвованіе“ (стр. 144—145).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говорить:

„Какъ бы высоко ни цѣнили мы Толстого, все-таки нельзя отрицать, что тотъ идеалъ человѣчности, который онъ создалъ себѣ и къ осуществленію котораго стремится съ неутомимымъ рвеніемъ, остается типическимъ *воздушнымъ замкомъ*. Онъ хочетъ возвратиться къ простотѣ крестьянина и все-таки остается человѣкомъ знатнаго происхожденія, человѣкомъ напряженнаго духовнаго труда. Онъ рѣзко критикуетъ уродливыя порожденія нашей культуры, недостатки нашего хозяйственнаго строя; но у него нельзя найти ни одного яснаго и убѣдительнаго слова, какимъ путемъ можно улучшить наше положе-

ніе. Если даже для себя лично онъ не находитъ полнаго разрѣшенія этой проблемы, которою онъ занимается вотъ уже столько лѣтъ, то тѣмъ менѣе можетъ служить это рецептомъ для семьи, народа и всего человѣчества. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о ступеняхъ нашего культурнаго развитія и забываетъ при этомъ, что самъ-то онъ достигъ той высоты человѣчности, на которой онъ стоитъ, *только благодаря этимъ ступенямъ*. Чиста и истинна его любовь къ людямъ, эта прекраснѣйшая черта во всей его системѣ философскаго мистицизма "...

Авторъ упоминаетъ здѣсь о ревностной дѣятельности гр. Толстого и всего семейства, во время голодныхъ годовъ.

„Оборотной стороной являются его односторонность и сбивчивость сужденій; и въ этомъ случаѣ его вліяніе на неспособную къ мысленію толпу разрушительно и опасно; его фантастическія понятія и требованія смѣшиваются съ идеями самаго диваго коммунизма. Культурное богатство, прибрѣтенное безконечнымъ, тягостнымъ трудомъ тысячелѣтій, потребовавшее неисчислимыя и дѣйствительныя жертвы, должно быть, по мнѣнію Толстого, отброшено какъ ненужное; его мѣсто должно занять что-то такое, чего онъ даже назвать не можетъ: вѣдь христіанская любовь къ ближнимъ, показное терпѣніе болѣзней и нужды, скромное единеніе съ природой, отрѣшеніе отъ всѣхъ страстныхъ побужденій въ сношеніи половъ, высшая простота и отсутствіе потребностей—такого рода вещи, что, еслибы вообще онѣ стоили чего-нибудь въ этой формѣ, онѣ не родятся сами собой изъ земли—нужно какъ-нибудь приготовить къ нимъ человѣчество; и конечно не любовь и терпѣніе могутъ быть такой школой. Если мужъ и жена станутъ жить какъ братъ и сестра, то въ теченіе немногихъ десятилѣтій человѣчество прекратитъ свое существованіе. Если мы отдадимся природѣ такъ, какъ этого хочетъ Толстой, и подчинимся ей, вмѣстѣ того, чтобы заставлять ее, гдѣ можно, служить намъ, и бороться съ ней, когда ея вліянія приносятъ вредъ, то въ самое короткое время міръ наполнится людьми, терпящими жестокаго голода и холода; изъ лѣсовъ появятся хищные звѣри и истребятъ людей. Жизнь во всѣ времена была борьбой; во имя заповѣди любви къ ближнимъ мы можемъ и должны отнимать у нея (у этой борьбы) ея суровый характеръ; но борьба эта не щадитъ никого и разгорается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большія массы она захватываетъ и чѣмъ выше поставленные на карту интересы. Богъ Будда можетъ сидѣть на листьяхъ лотоса и мечтать о томъ, какъ въ блаженствѣ нирваны разрѣшится жизнь, подобно свѣту лампы, отъ котораго не останется никакихъ слѣдовъ; а человеку приходится ежедневно въ потѣ лица зарабатывать себѣ жизнь. Восхваляемое Толстымъ счастье лежитъ не на землѣ, а подъ землей; оно не въ борьбѣ и творествѣ, а въ вѣчномъ снѣ.

„То, что далъ намъ Толстой какъ философъ-моралистъ, во многихъ отношеніяхъ сомнительнаго качества; между тѣмъ пониженіе его литературной дѣятельности, безъ всякаго сомнѣнія, является огромной потерей для міра“ (стр. 174—176).

Отношеніе гр. Толстого къ искусству Цабель находитъ „удивительнымъ, прямо невѣроятнымъ“. Общій характеръ его философски-мистическаго ученія Цабель изображаетъ такъ:

„Съ точки зрѣнія Толстого, человѣчество представляется намъ единой семьей, гдѣ не вѣдаютъ зла, всѣ равны, каждый самъ зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, ведетъ угодную Богу жизнь, живетъ просто и въ общеніи съ природой и сейчасъ же дѣлится избыткомъ со своими ближними. Въ это блаженное царство хочеть вести насъ Толстой; но мы не знаемъ дороги, боимся спотенуться на узкой тропинкѣ между грязными обрывистыми утесами и дико бушующими водами, робко и тревожно оглядываемся на своего вождя, который съ вѣрой въ побѣду устремилъ взоръ вверхъ и, увѣренный въ своей миссіи спасенія, улыбается, зная нашу слабость; а намъ трудно въ одно время не терять его изъ виду и подвигаться за нимъ, когда онъ приказываетъ; озабоченные исходомъ опаснаго предпріятія, мы робко взываемъ къ нему: „Куда? куда?“ (стр. 80).

Такимъ образомъ нѣмецкій критикъ, ставящій чрезвычайно высоко художественное творчество гр. Толстого, съ великимъ недоувѣріемъ относится къ его „философскому мистицизму“ и его планамъ преобразовать жизнь человѣчества. Послѣднія слова свидѣтельствуютъ, что и къ проповѣдничеству гр. Толстого онъ относится съ великимъ почтеніемъ,—только „робко“ и „тревожно“ спрашиваетъ: куда же идти приказываетъ вождь...

Дѣятельность гр. Толстого представляетъ вообще очень сложный вопросъ,—намъ кажется, однако, что едва ли есть много людей, которые „робко“ и „тревожно“ идутъ за вождемъ, куда бы онъ ни велъ. Тѣ, кто идутъ, вѣроятно идутъ безъ тревогъ и недоумѣній, какъ бываетъ въ слѣпой вѣрѣ; гораздо большее число бываетъ болѣе или менѣе поражено сильными нравственными запросами, но едва ли не охладѣваетъ къ собственнымъ требованіямъ гр. Толстого въ виду именно „обилія неясностей и односторонностей“ (Цабель, стр. 145), въ виду „запутанности измышленій“ писателя (стр. 154), въ виду того, что онъ „не указываетъ, какія средства должны мы употребить, чтобы добиться лучшихъ условій жизни“, и что онъ „подобенъ строителю, который видитъ неудовлетворительное состояніе своего замка и приказываетъ рабочимъ срыть его, но не имѣетъ плана, по которому онъ будетъ возводить на развалинахъ новое, лучшее сооруженіе“ (стр. 160), и т. д.

Гр. Л. Н. Толстой поставленъ въ особыя условія въ нашей литературѣ, окруженный съ одной стороны величайшей популярностью, съ другой стороны—очень опредѣленной враждой; къ сожалѣнію, это особенное положеніе мѣшаетъ до сихъ поръ установиться *безпристрастной* критикѣ его произведеній „второй манеры“, именно произведеній его „философскаго мистицизма“. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такая критика коснулась только немногихъ его произведеній. За недостаточностью ея, книга Цабеля можетъ представить и для русскихъ читателей немалый интересъ...

Переводъ—ничего; къ сожалѣнію только, переводчикъ кое-гдѣ недостаточно знакомъ съ новѣйшей русской исторіей и литературой,—не „освѣдомленъ“ въ нихъ (говоря новѣйшимъ дикимъ газетнымъ языкомъ). Напримѣръ, извѣстнаго русскаго генерала, въ крымскую войну, Реада переводчикъ называетъ „Ридомъ“, принявши его вѣроятно за англичанина; извѣстнаго Тропмана, котораго казнь была описана Тургеневымъ, онъ называетъ Траупманъ... Можно бы знать исторію крымской войны и сочиненія Тургенева. На первой страницѣ переводчикъ дѣлаетъ несладкое примѣчаніе о фамилии „Толстой“.

II.

— И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903.

Авторъ уже не въ первый разъ обращается къ своимъ воспоминаніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ издана была книга „Тѣни прошлаго“, составившаяся изъ напечатанныхъ ранѣе журнальныхъ статей. Въ настоящую книгу вошли также статьи, явившіяся ранѣе въ журналахъ, между прочимъ въ „Вѣстникѣ Европы“.—Здѣсь нашли мѣсто слѣдующія статьи: Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ;—Поѣздка къ Шамилю въ Калугу;—Винovníки польскаго возстанія 1863 года;—Эпизоды изъ времени этого возстанія;—Памяти В. В. Чуйко;—У графа Л. Н. Толстого;—Генераль Шамиль, и его рассказы объ отцѣ;—Русскій театръ, прежде и теперь;—Памятная ночь подъ Рождество;—Сказка о Митяяхъ.—Къ числу „встрѣчъ и воспоминаній“, по замѣчанію автора, не принадлежитъ только статья „Винovníки польскаго возстанія 1863 года“, но она служитъ какъ бы предисловіемъ къ слѣдующей затѣмъ статьѣ, представляющей собственныя воспоминанія автора. Статья о „винovníкахъ возстанія“ составлена на основаніи польской книги Станислава Козьмана о 1863 годѣ, котору г. Захарьинъ очень цѣнитъ, какъ весьма любопытное и безпри-

страстное изложеніе первыхъ начинаній возстанія; книга эта, по словамъ его, не имѣется въ продажѣ въ Россіи.

Какъ видно изъ приведеннаго указанія статей, рассказы г. Захарьина касаются очень разнообразныхъ сюжетовъ, напр. отъ Бѣлинскаго до польскаго возстанія, до Шамира и до гр. Л. Н. Толстого. Свои воспоминанія авторъ передаетъ съ безхитростной простотой, такъ что онѣ получаютъ интересъ личныхъ разсказовъ немало видѣвшаго въ своей жизни человѣка; въ цѣломъ составляетъ любопытная книга историческихъ и бытовыхъ очерковъ нашего недавняго прошлаго.—А. П.

III.

— Петръ Великій. Сборникъ статей, составленныхъ преподавателями Петровскаго училища с.-петербургскаго купеческаго общества. Спб., 1903.

Цѣль и характеръ этого сборника заслуживаютъ полнаго вниманія. Это лучшая форма, въ которой люди, причастные наукѣ и просвѣщенію, могутъ почтить память о жизни и дѣятельности великаго преобразователя Россіи. Сборникъ предназначенъ для старшихъ и отчасти среднихъ классовъ и, кромѣ двухъ работъ гг. Платонова и Бороздина, уже извѣстныхъ въ печати въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ рядъ статей, специально написанныхъ для этой цѣли.

Среди послѣднихъ находимъ работы: г. Вальденберга—„Щербатовъ о Петрѣ Великомъ“, г. Сиповскаго—„Значеніе Петра въ исторіи русской литературы“, г. Линсера—„Петръ Великій и Алексѣй Петровичъ (эпизодъ русской исторіи въ освѣщеніи западно-европейской литературы)“, г. Полиевктова—„Изъ переписки дипломатовъ Петровскаго времени“. г. Лященко—„Взятіе Ніеншанца и основаніе Петербурга“ и др. Г. Линсеръ останавливается въ своей интересной статьѣ на литературной обработкѣ сюжетовъ изъ эпохи царствованія Петра Великаго и посвящаетъ специальную главу разбору отраженій въ западно-европейской литературѣ сюжета о разладѣ царя Петра съ сыномъ Алексѣемъ и судѣ надъ нимъ. Наиболѣе полное и глубокое по замыслу изображеніе трагической судьбы царевича Алексѣя авторъ видитъ въ трилогіи Иммермана „Alexis“. Иммерманъ (1796—1840) весьма немного заимствовалъ у своихъ предшественниковъ, поэтовъ, обработывавшихъ до него сюжетъ о судѣ и смерти царевича. Самъ же онъ, наоборотъ, далъ въ своей драмѣ образецъ для послѣдователей. Поэтическое освѣщеніе какъ фактовъ, такъ и характеровъ проведено вполне оригинально и, въ общемъ, близко къ исторической обстановкѣ и духу эпохи. Однако историческая точка зрѣнія не выдержана именно по отношенію къ царевичу Алексѣю. Автору хотѣлось спасти

своего героя, но это ему не удалось. Вопреки первоначальному названію автора, истиннымъ героемъ трилогіи является Петръ. Онъ нарисованъ во весь ростъ, такимъ, какъ мы знаемъ его изъ исторіи. Трагизмъ его положенія, у Иммермана, заключается въ его одиночествѣ. Окруженный измѣной, несочувствіемъ народныхъ массъ и духовенства, безъ продолжателя своего дѣла,—онъ вѣрить еще своимъ сотрудникамъ и Екатеринѣ, но эта вѣра падаетъ въ немъ. „Погибла вѣра въ людей — погибла и вѣра въ самого себя. Душа жаждетъ правды, и она чувствуетъ приближеніе ея, но это правда не земная, это правда вѣчная, которую несетъ съ собою смерть. Какая широкая проблема!..“

Къ сборнику приложенъ прекрасно исполненный портретъ Петра Великаго. Вообще книга издана аккуратно и умѣло.

IV.

- Л. Е. Оболенскій. Максимъ Горькій и причина его успѣха. (Опытъ параллели съ А. Чеховымъ и Глѣбомъ Успенскимъ). Критическій этюдъ. Спб., 1903.
- В. О. Бодяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Изд. 2-ое, переработанное. Спб., 1903.
- И. Бибиковъ. М. Горькій, какъ драматургъ. 1. Мѣщане. 2. На дѣѣ. Критическій этюдъ. М. 1903.
- Графъ Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человекъ. Переводъ Ал. Ачасова. Изд. 2-ое. М. 1903.

Названныя брошюры посвящены характеристикѣ творчества Горькаго въ различныхъ направленіяхъ, въ связи съ небывало-быстрымъ ростомъ его популярности.

Г. Оболенскій видитъ основную причину успѣха Максима Горькаго въ томъ, что онъ появился на литературномъ поприщѣ въ такой моментъ, когда въ литературѣ, по выраженію критика, „царила тишина, напоминающая глубокую ночь“. Исключая Толстого и Чехова, не было въ литературѣ рѣшительно ни одного голоса, который могъ бы сказать что-нибудь свѣжее, новое, живое. Беллетристика была безжизненна и вяло пережевывала на тысячи ладовъ старыя темы, типы, идеи. „Достаточно уже одного этого, чтобы свѣжій, мощный талантъ Горькаго, съ запасомъ новыхъ наблюденій и образовъ, вынесенныхъ изъ среды, мало извѣстной публикѣ, произвелъ потрясающее впечатлѣніе среди темной ночи, съ ея сонной тишиной“. Пѣвцомъ именно этой тоскливой ночи явился А. П. Чеховъ; что же касается до Толстого, то онъ, по безцеремонному выраженію критика, вплоть

до своего „Воскресенія“ (отчасти же и въ этомъ романѣ), возился съ вопросами о личной и преимущественно половой морали...

Весьма наглядно, но едва ли доказательно, опредѣляетъ авторъ отношеніе Горькаго къ Успенскому и Чехову. Идеаль Успенскаго, по своей сущности, немногимъ отличается, по мнѣнію критика, отъ основнаго идеала Горькаго: этотъ идеаль является воплощеніемъ тоски по цѣльному гармоническомъ человѣкѣ, не испорченномъ благами самоновѣйшей цивилизаціи. Если идеаль Глѣба Успенскаго, признаваемый авторомъ этюда шире и цѣльнѣе идеала Горькаго, не сталъ руководящимъ идеаломъ для своего времени, то это объясняется другими причинами. Первое: этотъ идеаль былъ данъ въ отрицательной формѣ сатиры,—сатира же „дѣйствуетъ мощно тогда, когда людямъ вѣрится, что они могутъ переимѣнить жизнь къ лучшему, т.-е. когда они бодры, сильны, свѣжи“. Второе: тамъ, гдѣ Успенскій рисовалъ этотъ идеаль положительными чертами (напр., въ своихъ разсужденіяхъ о „Венерѣ Милосской“ изъ „Записокъ Тяпушкина“), идеаль этотъ былъ поставленъ слишкомъ широко и отвлеченно, чтобы за нимъ могла идти „сонная“ толпа. Чаще всего, по мнѣнію г. Оболенскаго, людямъ нужны болѣе узкіе, частные идеалы, которые открывали бы передъ ними ближайшія цѣли, или пути, необходимые имъ въ тотъ же моментъ, чтобы не задохнуться отъ апатіи и бездѣлья. И въ то время, какъ Чеховъ, являющійся полной противоположностью Горькаго, рисовалъ только безпросвѣтныя будни, полныя безнадежной тоски, Максимъ Горькій (вольво или невольво) принесъ людямъ тотъ „частный идеаль“, который былъ необходимъ для даннаго момента.

Идеаль Горькаго авторъ этюда понимаетъ такъ: „Онъ (Горькій) говорить: „Дерзай! Ты можешь взять свою судьбу въ свои руки, если не будешь такой тряпкой, такимъ ноющимъ слизнякомъ, какимъ сдѣлала тебя отчасти жизнь, отчасти ноющая литература, отчасти то, что твои высокія „идеи“ не были „кровными“ идеями твоего класса, а были скорѣе „книжными“, „надуманными“ или заимствованными идеями теоретическаго характера... И смотри, въ какомъ положеніи ты очутился („Двадцать шесть и одна“)!“.

„Говоря однимъ словомъ,—продолжаетъ г. Оболенскій,—вѣяніе, принесенное Горькимъ, есть ни больше, ни меньше, какъ вѣяніе „бодрости“, „дерзновенія“ въ жизни людей... Это—общій мотивъ его произведеній... Но это не значитъ, что у него нѣтъ и высшаго идеала. Однако, онъ сознаетъ, что этотъ высшій идеаль — не для всѣхъ. Этотъ идеаль—Данко, со своимъ пылающимъ сердцемъ, спорѣвшимъ отъ любви къ человѣчеству“.

Данко, если припомнить читатели,—герой разсказа „Старуха Изергиль“. Въ очахъ его, разсказывалъ Горькій, свѣтилось много силы и

живого огня, и люди пошли за нимъ, потому что увидѣли его превосходство надъ собой. Они шли за своимъ вождемъ по чащѣ дремучаго лѣса, въ бурную ночь, наконецъ утомились и пали духомъ. И захотѣли погубить Данко, потому что онъ не довелъ ихъ до желанной цѣли. Въ порывѣ любви къ людямъ, Данко вырвалъ изъ груди свое собственное сердце,—и оно засіяло ярко, какъ солнце... Этого-то Данко, по замѣчанію г. Оболенскаго, никто, кромѣ него, изъ толкователей Горькаго даже не замѣтилъ. Почему?—спрашиваетъ онъ.— Да потому просто, что онъ не по плечу „большинству“.

Такого рода утвержденіе, конечно, весьма просто, но врядъ ли убѣдительно. Идеалы любви къ человѣчеству понимаются и признаются людьми, независимо отъ ихъ способности слѣдовать имъ въ жизни. Если же критика, до г. Оболенскаго, не останавливалась на этомъ героѣ разсказа, то не объясняется ли это, въ извѣстной степени, тѣмъ, что Данко—одинъ изъ наименѣе удачныхъ и естественныхъ образовъ у Горькаго, притомъ въ разсказѣ вообще весьма посредственнаго достоинства?

Параллель съ Успенскимъ и Чеховымъ была бы очень любопытна, еслибы г. Оболенскій нѣсколько обстоятельнѣе выяснилъ ихъ соотношенія, особенно ставъ на историческую точку зрѣнія—по отношенію къ Успенскому: что было сдѣлано *имъ* для *ею* эпохи? Тогда значеніе Горькаго, можетъ быть, уменьшилось бы въ глазахъ критика, и оцѣнка была бы произведена болѣе безпристрастно. Въ переживаемое нами время быстрый ростъ популярности и, такъ сказать, мода на того или другого писателя еще далеко не служатъ гарантіей его необходимости для даннаго момента или плодотворности его вліянія. При всемъ признаніи таланта Горькаго и его самыхъ прекрасныхъ общественныхъ стремленій, мы полагаемъ, однако, что даже и теперь, полузабытая, какъ справедливо замѣчаетъ г. Оболенскій, имена Щедрина и Успенскаго говорить гораздо больше и будутъ говорить русскому обществу долго послѣ того, какъ имя Горькаго сойдетъ съ вапризныхъ устъ нашей публики, занявъ подобающее ему мѣсто въ исторіи литературы. Общественное значеніе измѣряется не только силою таланта, но и широтой умственнаго захвата, а главное—степенью проникновенности въ глубь общественныхъ явленій.

Вообще же брошюра г. Оболенскаго очень интересна. Характеристика Горькаго сдѣлана мѣтко, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и оригинально, и мы едва ли ошибемся, отнеся ее къ разряду наиболѣе выдающихся въ критической литературѣ о произведеніяхъ этого писателя.

Заслуживаетъ вниманія и этюдъ г. Боцяновскаго. Онъ тоже горячій поклонникъ Горькаго, и критика его сводится преимущественно къ

указанію достоинствъ этого писателя и восторженному объясненію причинъ его успѣха. Последнее, собственно говоря, не такъ ужъ интересно, какъ и подробности личной біографіи Горькаго, не стоящая въ прямой связи съ его творчествомъ, въ родѣ разсказа объ оваціяхъ на публичныхъ чтеніяхъ о Горькомъ, самозванцахъ, интервьюерахъ и т. д. Не такая ужъ величина Горькій, чтобы задерживать вниманіе публики на подобнаго рода пустякахъ. Гораздо дѣльнѣе та часть работы г. Боцяновскаго, гдѣ онъ останавливается на характеристикѣ типа „безпокойнаго человѣка“. „Всѣ они, въ тѣхъ или иныхъ вариацияхъ,—говоритъ г. Боцяновскій,—указываютъ на царящую вокругъ нихъ несправедливость, а также на свою неудовлетворенность, проистекающую исключительно изъ неумѣнья ихъ приспособиться, стать дѣловыми, „нужными“ людьми“... Это совершенно вѣрная черта, какъ и та, отмѣчаемая авторомъ, что дѣйствительность не удовлетворяетъ героевъ Горькаго „прежде всего потому, что всѣ они въ этомъ отношеніи слишкомъ большіе рефлектики и очень быстро улавливаютъ въ каждомъ предметѣ его тѣневныя стороны“. Вообще, для пониманія творчества Горькаго брошюра г. Боцяновскаго даетъ цѣнныя указанія, но коренной недостатокъ ея—неясность, среди подавляющаго обилія цитатъ, основной руководящей идеи автора.

Г. Бибиковъ считаетъ, въ своемъ этюдѣ, основные мотивы творчества М. Горькаго настолько извѣстными, что онъ касается ихъ лишь постольку, поскольку это нужно для характеристики писателя, какъ драматурга. „Сильный и самобитный талантъ—онъ и на новомъ поприщѣ явился въ принятыхъ формѣхъ и рамкахъ, и, послѣ Чехова, онъ—первый новаторъ драматической литературы“. Безусловно вѣрнымъ кажется намъ замѣчаніе автора о томъ, что беллетристъ въ Горькомъ беретъ верхъ надъ драматургомъ. Отъ этого, предполагаетъ авторъ, зависитъ двойственность впечатлѣній, получаемыхъ отъ изображенія пьесъ Горькаго на сценѣ и при чтеніи ихъ: въ театрѣ типы создаются артистами и уже въ готовомъ видѣ воспринимаются нами. Но авторъ далеко не приписываетъ въ данномъ случаѣ видной роли творческой инициативѣ артистовъ, создающихъ роли и возможность ихъ различнаго истолкованія. Напротивъ: „его (Горькаго) художественный талантъ создалъ до такой степени яркіе образы, яркіе и внѣ и внутри, что артисту остается только проникнуться ими, а не создавать ихъ по шаблону выведенныхъ авторомъ разговоровъ. И въ этомъ заслуга новатора-беллетриста“. Съ утвержденіемъ автора о степени личной самодѣятельности артистовъ въ исполненіи пьесъ Горькаго, вѣроятно, не согласятся тѣ, кто видѣлъ это исполненіе на сценѣ московскаго художественнаго театра. Его-то авторъ и имѣетъ въ виду. Въ разборѣ каждой изъ пьесъ въ отдѣльности не мало мѣткихъ и вѣрныхъ

замѣчаній, но общій тонъ приподнять и слишкомъ субъективенъ, благодаря чему оцѣнка выходитъ нѣсколько одностороннею. Такова ужъ, видно, фатальная звѣзда Горькаго: его и бранятъ, и хвалятъ—все не въ мѣру.

Изящно, дѣловито и вдумчиво написана статья извѣстнаго знатока русской литературы М. де-Вогюэ, русскій переводъ которой выходитъ уже вторымъ изданіемъ. Здѣсь все въ мѣру и съ большимъ тактомъ: и биографія, и выгодное для писателя освѣщеніе его достоинствъ, и сдержанное указаніе недостатковъ. Отмѣтивъ превосходное начало, напримѣръ, „Омы Гордѣва“, г. де-Вогюэ замѣчаетъ, что „продолженіе романа не оправдало ожиданій, возбужденныхъ его началомъ“, и даетъ такую общую оцѣнку: „Въ романѣ этомъ нѣтъ никакого дѣйствія, не развивается въ немъ также никакого чувства и, прочтя его, съ удовольствіемъ вспоминаешь о коротенькихъ и скромныхъ эскизахъ того же автора. Этотъ романъ представляетъ собою цѣлый рядъ психологическихъ переворотовъ, недостаточно мотивированныхъ, и безконечную болтовню“... Касаясь вопроса о „соціальномъ багажѣ“ Горькаго, о томъ, что создалъ онъ въ идейномъ смыслѣ, если исключить его живой и гибкій талантъ, авторъ приходитъ къ неутѣшительному выводу, что Горькій не далъ ничего кромѣ отрицанія. „Я не встрѣтилъ въ *Разказахъ* ни единой страницы, которая обнаруживала бы какую-нибудь религіозную или философскую идею, или хотя просто возбуждала бы какой-нибудь интересъ къ подобнаго рода идеямъ“. Словомъ, то, что иныхъ ослѣпляетъ вблизи, издали свѣтитъ не такъ ярко, такъ что является возможность безпристрастно разобратъ въ творчествѣ писателя, а только такой разборъ и можетъ претендовать на серьезное значеніе.

V.

— Полное собраніе сочиненій В. А. Слѣпцова. Третье значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора и биографическимъ очеркомъ, составл. А. Н. Сальниковымъ. Спб. 1903.

Это уже забытый писатель. Но было время, — онъ умеръ гдѣ двадцать пять съ небольшимъ, — когда его произведенія имѣли широкій кругъ читателей и, по временамъ, служили яркимъ отраженіемъ нѣкоторыхъ теченій эпохи. Прежде всего, Слѣпцовъ былъ хорошимъ знатокомъ народной жизни. Еще въ ранней юности, въ 50-хъ годахъ, Слѣпцовъ принялъ предложеніе этнографическаго отдѣла „Русскаго географическаго общества“ совершить путешествіе по владимірской губерніи и дать описаніе мѣстныхъ фабрикъ. Это путешествіе, по

образу пѣшаго хожденія, помогло его знакомству съ народнымъ бытомъ и было опредѣляющимъ моментомъ въ направленіи его творчества. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ началъ сотрудничать въ „Русской Рѣчи“ графини Е. Салиасъ (Евгеніи Туръ), затѣмъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Современникѣ“, гдѣ работалъ въ самый блестящій періодъ этого журнала, одновременно съ Некрасовымъ, Чернышевскимъ, Елисеевымъ, Водовозовымъ и др. Первымъ произведеніемъ, появившимся въ „Современникѣ“, были „Письма изъ Осташкова“; за нимъ, въ 1863 и 1864 гг., послѣдовали рассказы: „Питомка“, „Казакъ“, „Постоялый дворъ“, „Сцены въ больницѣ“. Изъ небольшого сравнительно перечня произведеній Слѣпцова наибольшимъ успѣхомъ пользовалась повѣсть „Трудное время“, въ которой изображенъ, по выраженію Писарева, „уморительный типъ добродѣтельного либерала“, „гуманизирующаго“ сельскихъ обывателей и быстро остывающаго ради устройства личныхъ благъ.

Превосходя современныхъ ему беллетристовъ-народниковъ размѣрами и качествомъ своего художественнаго дарованія, Слѣпцовъ далеко уступалъ имъ въ глубинѣ критической мысли и пониманія общественныхъ событій. При большой наблюдательности, направленной на изученіе отдѣльных, частныхъ явленій жизни, онъ не всегда, однако, умѣлъ уловить въ нихъ типическіе признаки извѣстнаго общественнаго или умственного теченія въ его цѣломъ, и чувство художественной мѣры иногда страдало отъ неуиѣреннаго стремленія къ бытовому реализму или къ рассчитанному эффекту. Тѣмъ не менѣе, знаніе народнаго языка и быта, искусный діалогъ и неизмѣнный юморъ—дѣлаютъ чтеніе рассказовъ и сценъ Слѣпцова исполненнымъ живого интереса до сихъ поръ. Въ этомъ отношеніи появленіе настоящаго полнаго собранія является кстати.

Въ рассказахъ Слѣпцова уживаются рядомъ, какъ въ жизни, черты глубоко трагическія съ чертами неподдѣльнаго комизма. Безпросвѣтная темнота, грубость нравовъ, безысходное народное горе, въ живыхъ образахъ, встаютъ передъ читателемъ со страницъ его книги и такъ и просится въ параллель къ тому, что мы ежедневно видимъ, читаемъ и слышимъ. Вотъ бездушный, пустой и самодовольный врачъ, глухой къ мольбамъ и страданіямъ безотвѣтныхъ пациентовъ изъ народа; больничныи „генералъ“, утопившій въ генеральскомъ чванствѣ лучшіе завѣты своей человѣколюбивой профессіи; сидѣлки, вытаскивающія тюфякъ изъ-подъ умирающей тифозной больной... Въ рассказѣ „Питомка“ баба тщетно отмѣриваетъ своими ногами десятки верстъ, отыскивая свою дѣвочку, отдавную въ воспитательный домъ и отсланную въ деревню на прокормленіе. Писаря даютъ ей не тѣ справки, путая нумера, и несчастная мать, изнуренная голодомъ и горемъ,

такъ и не находятъ своего ребенка. Въ разсказѣ „Ночлегъ“ одинъ изъ героевъ, пастухъ, распустилъ, и то не по своей винѣ, стадо по чужому овсу. Его присудили къ розгамъ и вызвали, для исполненія, въ волость, верстъ за пятьдесятъ отъ его деревни. „Иду я,—разсказываетъ пастухъ,—и думаю:—эхъ, моль, насидятся у меня робятенки безъ хлѣба. Поскорѣй бы мнѣ дойти. Все это у меня въ умѣ, да все про скотину думается: не управится безъ меня мальчонка, ни за что не управится. Гдѣ ему?—глупъ. Пришелъ. Сейчасъ къ писарю: такъ и такъ, вотъ, говорю, я пришелъ. Писарь—ладно, говоритъ. Ну, переночевалъ ночь; наутрѣ чуть зорька занялась, я вскочилъ; ну, думаю, только бы меня, дай Господи, поскорѣй отжучили, сейчасъ бы я маршъ—домой. Ждалъ, ждалъ, цѣлый день на крыльцѣ просидѣлъ, все ждалъ; не пуцають и шабашъ. Чуть увижу, мужики изъ-за угла выходить,—ну, думаю, слава тебѣ Господи, сейчасъ меня драть“... Но его не драли и на другой, и на третій день: у начальства свои соображенія были. „На четвертый день сижу у воротъ, идетъ знакомый мужикъ: что ты, говорить? Такъ и такъ, говорю, вотъ какое горе.—Э, дуракъ, говорить, цѣловый денегъ есть?—Есть, говорю, есть.—Поди дай, сейчасъ отпустить.—Вѣдь и точно, братецъ мой, сейчасъ же, слова не сказавъ, разложили и отодрали.—Давно бы такъ, говорить“... Подобныхъ тонкихъ чертъ народнаго міросозерцанія, мыслимыхъ только у русскаго мужа и ни у кого другого, много въ сочиненіяхъ Слѣпцова; юморъ ихъ грустный, съ осадкомъ безнадежнаго безсилія и тоски.

Непосредственно юморъ Слѣпцовъ нерѣдко сходится съ Горбуновымъ. Прочтите, напримѣръ, слѣдующую сценку. По улицѣ проходитъ барыня съ собачкой. „Изъ кузницы смотритъ заѣзжій мужикъ и говорить про себя:

— Ишь ты! Кобелѣкъ-то у ей какой! Ну, кобелѣкъ! Ишь ты! Ишь ты! А, чтобъ тѣ пусто!.. Какъ онъ лапками-то подгрѣбаетъ! Уши-то! Уши-то! Ха, ха, ха! О, пропади ты совсѣмъ! Ученый!

— Нешто это кобель? Это заяць,—серьезно говорить кузнецъ, отбивая косу.

— Можетъ ли быть?

— Ужъ я тебѣ вѣрно сказываю.

— Неужто въ правду заяць?

— Безъ сумлѣнія.

— Что за диковина! Да почему-жь его собаки не рвутъ?

— А, чудакъ! Нешто можно? Чать онъ барскій.

— Да, да... Ну, это точно!..“

Биографія, написанная г. Сальниковымъ, едва ли удовлетворить читателей. Въ ней много лишняго, въ родѣ воспоминаній объ успѣхѣ

Слѣпцова среди женщинъ, и мало литературныхъ фактовъ; совершенно не разработана, напримѣръ, исторія отношеній Слѣпцова къ „Современнику“. Самостоятельная работа біографа почти отсутствуеть.

VI.

— Арс. И. Введенскій. Литературныя характеристики. Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго. Сатиры Щедрина. Литературное народничество. Гл. Успенскій. Н. Златовратскій. Спб. 1903.

Критики, въ качествѣ истолкователей художественныхъ произведеній, могутъ быть подраздѣлены, по приемамъ и методамъ своего изслѣдованія, на нѣсколько категорій. Одни изъ нихъ изучаютъ писателя, исходя изъ той или иной научно-обоснованной теоріи; другіе разлагаютъ творчество писателя на составные элементы, приводятъ въ связь съ фактами личной жизни, творчествомъ другихъ писателей и чертами эпохи; третьи задаются преимущественной цѣлью провести въ сознаніе общества скрытый истинный смыслъ художественнаго произведенія, сообщить этому сознанію правильное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ. Критики этого рода слѣдуютъ, такъ сказать, за художникомъ по пятамъ; имъ позволено, пока произведеніе еще не врѣзалось въ память читателей, пересказывать его, пространно цитировать, не углубляясь въ то же время въ детали историко-литературнаго анализа, въ справки историческія, біографическія, сопоставленія и т. д. На ихъ долю выпадаетъ счастье быть читаемыми непосредственно вслѣдъ за произведеніемъ художника; читатели повѣряютъ на нихъ силу своего впечатлѣнія и степень художественнаго чутья. Они первые произносятъ судъ надъ новымъ твореніемъ автора, и мнѣніе ихъ ложится часто краеугольнымъ камнемъ всей послѣдующей репутаціи писателя... Но, при всѣхъ преимуществахъ ихъ положенія, на долю этихъ критиковъ почти всегда выпадаетъ весьма грустное обстоятельство, котораго даже нельзя назвать черной неблагодарностью: какъ только, съ ихъ помощью, читатель овладѣлъ произведеніемъ и сталъ самъ судить о немъ самостоятельно, онъ безжалостно забываетъ своего помощника и руководителя и не вспоминаетъ о немъ никогда. Бѣлинскій и Писаревъ не избѣгли бы такой участи, еслибы ихъ значеніе исчерпывалось только истолкованіемъ появившихся въ ихъ время литературныхъ произведеній.

Къ критикамъ подобнаго рода принадлежитъ и Арс. И. Введенскій въ названной выше книгѣ. Чуткій и впечатлительный, онъ служилъ посредникомъ, по горячимъ слѣдамъ, новыхъ явленій творчества между художникомъ и публикой, знакомилъ послѣднюю съ новинкой,

разсказывалъ о ней, уяснял и поучалъ. „Критикъ—по его мнѣнію (въ статьѣ о Достоевскомъ),—долженъ безъ предвзятыхъ мыслей приступать къ изслѣдованію художественнаго произведенія, анализировать его безпристрастно и просто, и только записать выведенныя изъ такого наблюденія заключенія. Важно не то, согласенъ или несогласенъ критикъ съ авторомъ художественнаго произведенія, а именно только изслѣдованіе, что такое типы“... Авторъ не углубляется въ вопросы о томъ, каковы должны и могутъ быть методы такого изслѣдованія, и чѣмъ собственно оно должно отличаться отъ передачи непосредственнаго субъективнаго впечатлѣнія, съ которымъ читатель столь же непосредственно можетъ и не согласиться. Но на практикѣ онъ подтверждаетъ это мнѣніе рядомъ очерковъ о Тургеневѣ, Гончаровѣ, Достоевскомъ, Щедринѣ и др., въ которыхъ отмѣчаетъ отличительныя черты художественнаго дарованія, значеніе литературныхъ типовъ въ ихъ произведеніяхъ и т. д. Но... это было такъ давно,—въ восьмидесятыя годы прошлаго вѣка. Тогда это было нужно, занимательно, живо. Теперь основныя выводы, достигнутыя критикой въ совмѣстной работѣ, цѣликомъ вошли въ общественное сознаніе и частью перешли уже на страницы учебниковъ и учебныхъ пособій. Широко раздвинулись и задачи критики, далеко оставивъ за собой одно истолкованіе литературныхъ типовъ, съ точки зрѣнія пониманія автора. Выдвинулись новыя произведенія, явились на сцѣну новыя силы, и еслибы г. Введенскій о нихъ сказалъ свое слово, это могло бы имѣть иное значеніе. Теперь же интересъ очерковъ г. Введенскаго представляется намъ по преимуществу историческимъ, хотя для историковъ литературы дѣлать подобнаго изданіе, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы: они мастера рыться въ старыхъ книгахъ и, встрѣтивъ надобность въ той или другой статьѣ г. Введенскаго, безъ труда нашли бы ее въ соотвѣтственной книжкѣ журнала.

Впрочемъ, на обложкѣ книги сказано, что недавно вышедшая первая книга автора, отличавшаяся тѣмъ же характеромъ, получила одобреніе ученаго комитета для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ и читаленъ. Это—другое дѣло. Если смотрѣть на очерки г. Введенскаго съ этой точки зрѣнія, ихъ можно рекомендовать, какъ матеріалъ для самообразованія и здороваго, занимательнаго чтенія. Въ нихъ много вѣрныхъ и трезвыхъ сужденій, познакомиться съ которыми не бесполезно учащемуся юношеству—и въ наше время.

VII.

— П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. (Очерки). М. 1903.

Заглавіе книги не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію. Много-тысячное, разноплеменное, разнохарактерное студенчество Москвы отразилось въ очеркахъ г. Иванова лишь своимъ поверхностнымъ, наименѣе положительнымъ и, такъ сказать, несущественнымъ слоемъ. Нельзя отказать автору въ основательномъ знакомствѣ съ нѣкоторой частью студенчества, съ типами трактирныхъ завсегдатаевъ, встречающихся во всякой средѣ, отъявленныхъ негодяевъ, бульварныхъ кавалеровъ, недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, фатовъ, палочаевъ всякаго рода, о которыхъ онъ рассказываетъ въ своихъ очеркахъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ дѣлать выводы о московскихъ студентахъ вообще. Совершенно остались въ тѣни студенты аудиторій, практическихъ занятій, публичной библиотеки, скромные труженики убогихъ каморокъ на всевозможныхъ Козихахъ и Бронныхъ. Ихъ типы внесли бы весьма существенный коррективъ въ представленіе о студенчествѣ, какое можетъ возникнуть въ головѣ у читателя на основаніи книги г. Иванова, самый тонъ которой, примѣнительно къ сюжетамъ изображенія, отличается чрезмѣрной развязностью и мѣщанскою моралью.

Первокурсникъ у г. Иванова — непременно гуляка, жизнь котораго „чисто виѣшняя, феерія жизни“. Онъ не способенъ ни толкомъ слушать лекціи, ни вести себя съ достоинствомъ на сходкѣ. „Первокурсниковъ мы (?) должны относить къ отрицательнымъ элементамъ студенческихъ движеній, — замѣчаетъ авторъ. — Благодаря имъ, сходки часто превращаются въ нѣчто бессмысленное и абсурдное. Это они могутъ аплодировать подъ-рядъ двумъ совершенно противоположнымъ по смыслу рѣчамъ. Это они въ состояніи устроить игрушечныя баррикады и потомъ молчаливо любоваться, какъ ихъ разрушаетъ полиція“... Какъ видите, филиппика довольно грозная противъ несчастныхъ первокурсниковъ, но она получаетъ значеніе нѣкотораго курьеза, при сомнительности того источника, изъ котораго она исходитъ... Но при переходѣ на второй курсъ склонности новичковъ уже опредѣляются, и авторъ слѣдитъ за ними по направленію карьеризма, тунеядничанья, фортуны, или же, въ отдѣльныхъ случаяхъ, сумасшествія. Характеризуя различные кружки, авторъ морализируетъ на ту тему, что „впослѣдствіи жизнь, — уже не жизнь словъ, а настоящая, неподдѣльная жизнь — перетасуетъ всѣхъ этихъ марсистовъ, нищепанцевъ, народниковъ. И странныя, подчасъ, получатся метаморфозы. „Принципиалистъ“ и „безпринципный“ вмѣстѣ станутъ работать на славномъ поприщѣ зеленого стола, по формуляру числясь въ вѣдомствѣ мини-

стерства юстиціи, „нищепанецъ“ и „моралистъ“ божь-о-божь сладко будутъ дремать на „скамьѣ“ одной изъ залъ общественаго собранія въ нѣдрахъ Россіи, а „радикаль“ и „консерваторъ“ въ одинъ прекрасный день окажутся изъ породы „хапающихъ“ господъ адвокатовъ“...

Бываетъ и хуже. Выходить изъ университета и волки въ овечьей шкурѣ, и вѣчные младенцы разумомъ, и современные герои доноса и сыска, подъ разными соусами, но никому изъ тѣхъ, кто знакомъ съ общественными условиями, отражающимися на университетской жизни, и въ голову не придетъ обвинять за это студенчество или университеты. Студенчество — то же общество, отдающее извѣстные годы своей жизни вліянію университетской атмосферы, и судить о студенествѣ по типамъ г. Иванова—значило бы составлять понятіе объ обществѣ на основаніи, напримѣръ, уголовной хроники или вѣдомости о кражахъ и поджогахъ.

Однако и студенчество, изображенное г. Ивановымъ, заслуживаетъ снисхожденія, если прочесть, въ той же странной книгѣ, обстоятельно составленные очерки по вопросамъ: а) бюджеты, б) квартирный вопросъ, в) о студенческомъ питаніи. Съ этой стороны быть студентамъ мало извѣстенъ широкимъ кругамъ общества, и свѣдѣніямъ г. Иванова въ этой области нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи.

Стоитъ прослѣдить по этимъ даннымъ жизнь средняго студента, съ двадцати-рублевымъ бюджетомъ въ мѣсяцъ, чтобы легко понять, какой процентъ падаетъ на тѣхъ, которые просиживаютъ часы въ кофейняхъ и на бульварахъ, за невозможностью сидѣть въ холодной и сырой каморкѣ, впроголодь, рядомъ съ неудобнымъ сосѣдствомъ. Положеніе юноши, попавшаго въ желѣзныя объятія столичнаго города, съ малыми деньгами, а то и безъ денегъ вовсе, безъ родной или знакомой семьи, дѣйствительно безотрадно, и недаромъ общество для вспомошествованія нуждающимся студентамъ, издерживая десятки тысячъ на питаніе и всяческую поддержку студентовъ, изыскивая всевозможныя средства къ прекращенію студенческой нужды, все-же, по крайней и суровой необходимости, вынуждено отказывать многимъ, не считая тѣхъ (а ихъ не мало), которые предпочитаютъ голодать, чѣмъ обращаться за помощью. Чтобы судить о размѣрахъ послѣдней, со стороны названнаго общества, достаточно взять отчетъ объ его дѣятельности; за послѣдній (1902) годъ, напримѣръ, было выдано однихъ бесплатныхъ обѣдовъ, изъ двухъ столовыхъ общества,—94.149 на сумму 21.262 руб., а за десять лѣтъ дѣятельности этихъ столовыхъ было выдано—1.051.862 бесплатныхъ обѣда, на сумму 209.231 руб. Но питаніемъ далеко не исчерпываются различныя формы студенческой нужды: не хватаетъ на взносъ платы за слушаніе лекцій, на наемъ квартиры, на обмундировку, учебныя пособія, леченіе и т. д.

По отношенію къ этимъ вопросамъ, стоящимъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросами умственной и нравственной культуры нашей страны, общественная благотворительность превращается въ общественный долгъ, настоятельно обращенный ко всѣмъ бывшимъ студентамъ и не бывшимъ студентами вовсе, но сознающимъ въ себѣ задатки культурности и истиннаго гражданства.

И странно, какъ г. Ивановъ, зная все это, проглядѣлъ—за фигурами отсталыхъ и слабыхъ—тѣ признаки настоящаго московскаго студенчества, изъ которыхъ, дѣйствительно, слагается его отличный средний типъ: его пренебреженіе къ внѣшнимъ благамъ и бодрый жизнерадостный идеализмъ, вѣра въ науку и жизнь.

Впрочемъ, характеризовать современные студенческіе типы едва ли возможно безъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній и историческихъ справокъ изъ жизни и условій дѣятельности нашихъ университетовъ вообще и московскаго въ частности.—Евг. Л.

VIII.

— Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 г. Спб. 1903.

Книга г-жи Щепкиной носитъ элементарный характеръ и предназначена, повидимому, для лицъ, впервые знакомящихся съ русской исторіей. Авторъ при выборѣ матеріала для своего очерка останавливается по преимуществу на явленіяхъ внутренней культуры, посвящая изложенію внѣшнихъ событій возможно меньше вниманія. Фактическая часть, однако, отъ этого ничуть не страдаетъ; всѣ дѣйствительно важные факты нашли себѣ мѣсто,— правда, очищенные отъ анекдотовъ, деталей и всего того балласта, который считается почему-то неизбѣжной принадлежностью элементарныхъ историческихъ книгъ. Авторъ вездѣ стремится дать изложеніе строго прагматическое, пользуясь тѣми выводами и обобщеніями, которые сдѣланы современной русской исторической наукой. Стоитъ взять любую главу очерка г-жи Щепкиной и сравнить ее съ соответствующимъ мѣстомъ общепринятыхъ учебниковъ, чтобы убѣдиться, насколько содержательнѣе и научнѣе очеркъ г-жи Щепкиной всѣхъ курсовъ гг. Иловайскихъ, Рождественскихъ, и прочихъ монополистовъ нашего школьно-учебнаго міра.

Возьмите, напримѣръ, главы XI и XII очерка, трагующія о внутреннемъ состояніи московскаго государства при Иванѣ IV. Вы адѣсь находите краткое изложеніе податной реформы и изясненіе связи ея съ военной организаціей московскаго государства и образованіемъ

военно-служилого и городского сословій. Прикрѣпленіе крестьянъ освѣщено путемъ анализа особенностей экономического и политическаго уклада тогдашней Руси. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ главахъ, видно, что изложеніе автора основано на результатахъ современныхъ научныхъ работъ, и что тотъ или иной принятый въ очеркѣ взглядъ, съ которымъ можно, конечно, иногда и не соглашаться, всегда имѣетъ свое научное оправданіе и опору. Последнія главы, посвященныя царствованію Николая I и эпохѣ великихъ реформъ, написаны весьма интересно. Удачно охарактеризована николаевская эпоха и доктрина официальной народности. „Народность представляли себѣ,—пишетъ авторъ,—въ видѣ полной обособленности страны отъ остального міра. Россію считали особеннымъ явленіемъ среди государствъ, къ которому неприменимы требованія и стремленія прочихъ націй; оберегать ее отъ европейскихъ вѣяній того времени сдѣлалось главной заботой власти. Центральное правительство почиталось рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ большихъ и малыхъ, творившихся въ странѣ; мѣстнымъ силамъ, частной инициативѣ не придавали значенія“... „Явилась увѣренность, что Россія по своему монархическому складу и патріархальности быта гораздо счастливѣе западной Европы и служить оплотомъ противъ ея беспорядочно-матущихся обитателей. Возникло даже какое-то самообольщеніе, что все въ Россіи прекрасно, что военныя силы ея непобѣдимы“... Въ этой же главѣ авторъ даетъ вполне ясное для неподготовленнаго читателя представленіе о западникахъ и славянофилахъ. Только совсѣмъ напраснымъ кажется намъ утвержденіе очерка, что „къ числу западниковъ принадлежали бѣльшей частью бѣдняки писатели и ученые, жившіе своимъ трудомъ; они много работали и писали... Славянофилы же бѣльшей частью выходили изъ среды обеспеченнаго столбового дворянства; они занимались, чѣмъ хотѣли и сколько хотѣли, писали немного“... Экономически-классовая группировка славянофиловъ и западниковъ — обобщеніе во всякомъ случаѣ рискованное.

Земскія преобразованія шестидесятихъ годовъ, въ особенности ходъ крестьянской реформы, изложены съ возможной полнотой въ очеркѣ г-жи Щепкиной и освѣщены вполне правильнымъ пониманіемъ великой эпохи. Авторъ въ общихъ чертахъ выясняетъ значеніе реформъ земской, городской, судебной, цензурной, посвящаетъ отдѣльную главу народному образованію, школьному классицизму, пытается популярно выяснить значеніе интеллигенціи въ общественномъ движеніи Россіи. Закачивается очеркъ 1881 годомъ, и внимательный читатель не поставитъ въ упрекъ автору, что онъ не довелъ своего изложенія до болѣе поздняго времени.

Въ общемъ количество научнаго матеріала, переработаннаго авто-

ромъ, весьма значительно, и очеркъ г-жи Щепкиной, несмотря на полное отсутствіе цитатъ и ссылокъ, представляетъ, повидимому, результатъ тщательнаго и весьма продолжительнаго труда.

Вся книга проникнута серьезнымъ и глубокимъ отношеніемъ къ исторической правдѣ, не исключаяющимъ оцѣнки историческихъ явленій съ точки зрѣнія прогрессивныхъ идеаловъ.

Однимъ изъ немногихъ недостатковъ книги мы считаемъ невыдержанность языка: въ однихъ мѣстахъ авторъ весьма популяренъ, въ другихъ изложеніе рассчитано на болѣе подготовленнаго и развитога читателя. Но эта пестрота стиля не умаляетъ крупныхъ достоинствъ труда г-жи Щепкиной; очеркъ несомнѣнно удовлетворяетъ назрѣвшей потребности обширныхъ круговъ публики, ищущихъ знанія и просвѣщенія. Это тѣ новые читатели изъ народа, которые жадно стучатся въ воскресныя школы, наполняютъ народныя аудиторіи, расхватываютъ популярныя руководства по всѣмъ отраслямъ знанія и, увы, часто, вмѣсто настоящаго знанія, находятъ или свѣдѣнія, предназначенныя для дѣтей младшаго возраста, или же суррогаты настоящей науки. Эта публика, а также и всѣ работающіе для ея просвѣщенія,— навѣрное обратятъ вниманіе и оцѣнятъ трудъ г-жи Щепкиной.

IX.

— П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Москва, 1903 г.

Знакомство съ классической западно-европейской литературой, которымъ когда-то гордилось и славилось русское образованное общество, какъ-то все больше отходить въ область преданій. Но выходя изъ школы, даже весьма любознательный и живой юноша, если только онъ не посвящаетъ себя специально изученію литературы, не имѣетъ часто и досуга, и охоты знакомиться съ произведеніями Данте, Шекспира, Шиллера, Байрона. Отвлекаемый животрепещущими вопросами жизни и своими специальными занятіями, онъ бросается на другія области знанія и мысли. А въ самой школѣ и по части отечественной литературы обстоитъ весьма неблагополучно; многіе преуспѣвающіе питомцы нашихъ школъ, увѣнчанные медалями, ограничиваютъ свой литературный багажъ тѣми изложеніями русскихъ классиковъ, которыя содержатся въ курсахъ Незеленова и т. п. Знакомство съ иностранной литературой вообще по программамъ необязательно, и единственнымъ школьнымъ источникомъ свѣдѣній можетъ явиться та странная смѣсь риторики и обрывковъ литературной критики, которая подъ названіемъ теоріи словесности преподается въ средней школѣ и гдѣ встрѣчаются иногда упоминанія о произведеніяхъ Шекс-

пира и другихъ классиковъ. Можетъ быть, отчасти вслѣдствіе такой постановки преподаванія у насъ отсутствуютъ совершенно элементарныя руководства по западно-европейской литературѣ. Имѣются переводы не малаго числа монографій, существуютъ кое-какія и самостоятельныя изслѣдованія, но общаго обзора западно-европейской литературы, который облегчилъ бы начинающему изученіе и ознакомленіе съ предметомъ, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Когана занимаетъ существенный пробѣлъ нашей учебной литературы. Авторъ задался цѣлью представить въ сжатой формѣ ходъ развитія западно-европейской литературы въ популярномъ изложеніи, начиная съ среднихъ вѣковъ и кончая литературнымъ движеніемъ, связаннымъ съ именемъ Байрона. При обзорѣ каждой эпохи авторъ останавливается на наиболѣе крупныхъ литературныхъ фигурахъ и произведеніяхъ, характерныхъ для того или иного періода. Такъ, для среднихъ вѣковъ такой центральной фигурой избранъ Данте, для эпохи возрожденія — Сервантесъ и Шекспиръ, для другихъ періодовъ — Милтонъ, Расинъ, Корнель, Мольеръ, Вольтеръ, Руссо, Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Байронъ.

Авторъ вездѣ старается по возможности подробнѣе ознакомить съ содержаніемъ произведеній разсматриваемыхъ авторовъ и уяснить ихъ значеніе, что для той публики, которую имѣютъ въ виду очерки, представляется и важнымъ, и полезнымъ. Но и другая сторона задачи не оставлена безъ вниманія: авторъ вездѣ старается прослѣдить процессъ преемственности литературныхъ фактовъ въ связи съ исторіей общественнаго развитія Запада.

Книга состоитъ изъ шести отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ авторъ въ общихъ чертахъ характеризуетъ средневѣковую поэзію въ зависимости отъ социальныхъ и культурныхъ институтовъ и особенно подробно останавливается на Данте: даетъ его біографію, анализируетъ его политическія и эстетическія воззрѣнія, излагаетъ содержаніе и выясняетъ значеніе „Божественной комедіи“. Второй очеркъ посвященъ эпохѣ Возрожденія; авторъ касается науки, искусства, педагогическихъ, нравственныхъ и политическихъ воззрѣній въ этотъ періодъ, знакомитъ съ гуманизмомъ и гуманистами нѣмецкими, итальянскими, французскими и англійскими, большую часть своего очерка отводитъ разсмотрѣнію произведеній Сервантеса и Шекспира, причемъ мы имѣемъ здѣсь весьма удовлетворительный разборъ главнѣйшихъ драмъ Шекспира. Въ третьемъ и четвертомъ очеркахъ рѣчь идетъ о ложноклассическомъ, просвѣтительномъ и сентиментальномъ направленіяхъ; болѣе всего вниманія удѣлено здѣсь Мольеру, Вольтеру, Руссо. Пятый очеркъ трактуетъ почти цѣликомъ о нѣмецкой литературѣ эпохи такъ называемаго Sturm и Drang—о Лессингѣ, Гёте, Шиллерѣ,—центральной

ныхъ фигурахъ этого періода. Послѣдній отдѣлъ посвященъ романтизму, поэзіи „мировой скорби“; болѣе всего мѣста удѣлено здѣсь личности и произведеніямъ Байрона.

Какъ въ своихъ взглядахъ, такъ и въ методѣ авторъ не оригиналенъ; онъ въ большинствѣ случаевъ популяризируетъ авторитетные труды изслѣдователей исторіи литературы, что, впрочемъ, въ виду учебныхъ цѣлей его книги, не можетъ быть сочтено недостаткомъ. Изложеніе вездѣ научное и вмѣстѣ съ тѣмъ популярное, ясное; нѣсколько блѣдное и однообразное впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что языкъ автора лишень колоритности, и попытки художественныхъ характеристикъ ему мало удаются.

Къ книгѣ приложенъ небольшой списокъ пособій для болѣе детального изученія литературы эпохъ, разсматриваемыхъ въ очеркахъ.

Въ очеркахъ г. Когана мы имѣемъ несомнѣнно очень полезную книгу и для молодежи, и для всѣхъ, приступающихъ къ изученію западно-европейской литературы, и она заслуживаетъ распространенія и въ школахъ, и среди большой публики.

X.

— Сенатскій Архивъ, X т. Спб., 1903 г.

Выпущенный на дняхъ томъ „Сенатскаго Архива“ заключаетъ въ себѣ протоколы правительствующаго сената за 1757 и 1758 годы. По обыкновенію и этотъ томъ представляетъ немалый интересъ и для историка вообще, и для исторіи сената въ частности. Какъ извѣстно, въ царствованіе Елизаветы Петровны въ Россіи въ сущности было только одно мѣсто управленія — сенатъ, который сосредоточивалъ въ себѣ власть не только административную и судебную, но въ значительной степени и законодательную.

Протоколы сената поэтому отражаютъ съ чрезвычайной точностью основные интересы государственной и отчасти общественной жизни того времени. Годы 1757 и 1758 были временемъ, когда центръ тяжести управленія лежалъ въ сферѣ военныхъ мѣропріятій, вызванныхъ участіемъ Россіи въ семилѣтней войнѣ. Поэтому большинство распоряженій сената относится къ области военной администраціи. Сенатъ заботится и о комплектованіи арміи, и о провіантѣ, объ обмундированіи войскъ, о доставленіи въ армію лошадей, о постройкѣ крѣпостей и т. д. Сенатъ считалъ даже возможнымъ выслушивать и вознаграждать челоуѣка, выдавшаго Россіи планъ турецкой крѣпости. Для характеристики значенія сената того времени, любопытно то,

что сотникъ Степановъ, представившій этотъ планъ, заявилъ, что свѣдѣній своихъ никому, кромѣ сената, не скажетъ.

Протоколы свидѣлствуютъ и о томъ, что управленіе финансами и монетнымъ дѣломъ сосредоточивалось исключительно въ вѣдѣніи сената. Всякій расходъ военной коллегіи, даже во время военныхъ дѣйствій, контролируется сенатомъ, который требуетъ настойчиво отчетовъ отъ крисъ - комиссаріата и другихъ военныхъ властей. Много матеріала найдется въ этомъ томѣ и по исторіи отношеній Россіи къ инородцамъ, и по исторіи колонизаціи южной Россіи иностранными выходцами. Масса драгоценныхъ бытовыхъ подробностей разсыпана въ большомъ числѣ во всѣхъ вновь опубликованныхъ документахъ. Вотъ одна изъ многихъ: прикащикъ сельца Лѣскова имѣлъ неосторожность объявить объ опасной болѣзни, появившейся въ управляемыхъ имъ деревняхъ. Для слѣдствія по этому заявленію былъ посланъ полковникъ Арсеньевъ, при докторѣ и лекарѣ; донесеніе, по мнѣнію этой комиссіи, не подтвердилось, „почему отъ сенатской конторы было опредѣлено: поманутому прикащику, за то ложное его объявленіе, учинить наказаніе плетью“. Сенатъ, впрочемъ, не одобрилъ распоряженія конторы и предписалъ въ подобныхъ случаяхъ „наказанія не чинить, не описався въ сенатъ“.

Какъ извѣстно, Елизавета Петровна была весьма недовольна разными толками, получившими широкое распространеніе вслѣдствіе приступа болѣзни, случившагося съ нею. Слухи эти касались и вопросовъ престолонаслѣдія, и отношенія ея къ будущей императрицѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ; кажется, по этому поводу и былъ изданъ указъ, сохранившійся въ протоколахъ сената и оказавшій вліяніе и нынѣ имѣющуюся въ „Уставѣ о пресѣченіи и предупрежденіи“ статью о превратныхъ толкованіяхъ.

„Мы съ крайнимъ неудовольствіемъ увѣдомились“, — читаемъ мы въ этомъ указѣ, — „что многіе какъ изъ нашихъ подданныхъ, такъ и живущихъ здѣсь въ нашей службѣ и въ нашей протекціи иностранцевъ, разглашая многія живыя вѣдомости о нынѣшнихъ штатскихъ политическихъ и воинскихъ дѣлахъ, присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ не складныя разсужденія, съ столь большею продерзостью, сколь меньшее объ оныхъ имѣютъ они свѣдѣніе и понятіе, и для того за потребно разсудили Мы чрезъ сіе для извѣстія каждаго объявить, что ежели кто отнынѣ, разглашая какія либо извѣстія, или еще и вымышляя оныя, о не принадлежащихъ до него особливо политическихъ и воинскихъ дѣлахъ превратныя толкованія и разсужденія дѣлать станетъ, а Намъ о томъ донесется, такой неминуемо всю тягость нашего гнѣва почувствуетъ, такъ какъ напротивъ того каждый, кто единственно своей должности, званію или ремеслу

прилежить, о монаршемъ Нашемъ благоволеніи обнадежить быть можетъ“.

Для исторіи сената разсматриваемый томъ интересенъ въ смыслѣ выясненія отношеній къ сенату „Конференціи при Высочайшемъ Дворѣ учрежденной“.

Нѣкоторые изслѣдователи хотѣли видѣть въ этой конференціи органъ власти, который имѣлъ, будто бы, цѣлью ограничить власть сената на подобіе Кабинета или даже Верховнаго Тайнаго Совѣта. Уже Градовскій въ своемъ изслѣдованіи о генераль-прокурорахъ доказалъ ошибочность этого мнѣнія; новые документы подтверждаютъ правильность взглядовъ Градовскаго. Несмотря на то, что эпоха, къ которой относится изданный томъ „Сенатскаго Архива“ представляетъ собою повидимому моментъ наиболѣе энергичной и активной дѣятельности Конференціи, мы ни въ формѣ сношеній сената съ этимъ органомъ власти, ни въ предметахъ вѣдѣнія не встрѣчаемъ доказательствъ въ пользу того взгляда, что Конференція стремилась сзунуть компетенцію сената.

Въ томъ же томѣ помѣщены документы по дѣлу чрезвычайно характерному для другой эпохи русской жизни, именно для первыхъ лѣтъ царствованія Александра I.

Мы имѣемъ въ виду дѣло о калужскомъ губернаторѣ, Лопухинѣ, обвинявшемся въ злоупотребленіяхъ по должности. Лопухинъ имѣлъ связи при дворѣ, находился въ родствѣ съ крупными сановниками и позволялъ себѣ дѣла, которыя и по масштабу того времени признавались возмутительными. До государя дошло нѣсколько доносовъ на него отъ мѣстныхъ дворянъ, и по Высочайшему повелѣнію было снаряжено чрезвычайное слѣдствіе, производство котораго государь поручилъ Державину. Последнему были даны обширныя полномочія по ревизіи всѣхъ губернскихъ учреждений, и Державинъ сразу же открылъ цѣлый рядъ злоупотребленій. Открылось, что Лопухинъ вымогалъ угрозами крупныя суммы у фабрикантовъ; за взятку освободилъ одного помѣщика (Хитрово), уличеннаго въ убійствѣ родного брата. Были обнаружены другія многочисленныя, хотя и менѣе важныя губернаторскія дѣянія. Такъ, напр., губернаторъ въ пьяномъ видѣ разбивалъ по улицамъ окна, а въ губернскомъ правленіи „ѣздилъ верхомъ на раздьяконѣ“. Соответственный докладъ былъ представленъ государю, губернаторъ былъ устранивъ, и Державинъ получилъ благодарственный рескриптъ. Лопухинъ въ это время занялся своимъ оправданіемъ и черезъ своихъ покровителей довелъ до свѣдѣнія государя, что Державинъ при допросахъ пользовался пыткой для полученія тѣхъ показаній, которыя ему были нужны. Былъ назначенъ даже особый комитетъ для проверки слѣдствія Державина, которое исполнѣ и подтвер-

дилось. Лопухина рѣшено было привлечь къ суду, и докладъ сената разсматривался въ государственномъ совѣтѣ въ 1806 году, но никакого наказанія сильной своими связями губернаторъ не понесъ. Дѣло это, повидимому, интересовало государя и послѣ этого, потому что всѣ относящіяся бумаги по этому дѣлу были найдены въ кабинетѣ государя, послѣ смерти его. И доклады сената по этому дѣлу, и рапортъ Державина опубликованы впервые теперь и бросаютъ яркій свѣтъ на административные и судебные порядки нашей провинціи въ началѣ XIX столѣтія.—Г—анъ.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Воскресенскій, А. Е. — Общинное землеуладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб. 903. Стр. 207. Ц. 1 р. 25 к.

Гальперинъ, С. И. — Современная социологія. Екатеринбургъ. 903. Стр. 375+VI. Ц. 2 р.

Гриневская, Изабелла. — Бабъ. Драматическая поэма изъ исторіи Персіи, въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Спб. 903. Стр. 148. Ц. 2 р.

Давидъ, Л. — Руководство фотографіи. Переводъ съ 20-го нѣм. изд. Ф. Ф. Александрова. Съ 101 рисункомъ въ текстѣ. Спб. 903. Стр. 250. Ц. 1 р. 20 к.

Джорджъ, Генри. — Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли. Исслѣдованіе тарифнаго вопроса. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. М. 903. Изд. „Посредника“. Стр. 326. Ц. 2 р.

Загоровскій, А. И., ордин. проф.—О вѣѣ-брачныхъ дѣтахъ по новому закону 3 іюня 1902 г., въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ. Од. 903. Стр. 85. Ц. 1 р.

Кологривова, Л.—Стихотворенія. М. 903. Стр. 109. Ц. 1 р.

Кроттъ, А. Е. — Правда о нашей промышленности. Спб. 903. Стр. 56. Ц. 40 к.

Левитовъ, И.—Желтый Востокъ. Спб. 903. Стр. 86.

Лемезовъ, Сергій (С. А. Жсвайкинъ). — Вездѣ жизнь. Рассказы. М. 903. Ц. 60 к.

Льдовъ, К. Н.—Пустыня внеплеть. Романъ. Спб. 903. Стр. 130. Ц. 1 р.

Македоновъ, Л. В. — Хозяйственное положеніе и промыслы населеній на горныхъ станицъ Кубанской области. В. I. Исслѣдованіе 1902 г. Спб. 903. Стр. 87.

Муравьевъ, М. В.—Что нужно деревнѣ. Докладъ въ новгородскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. М. 903. Стр. 51.

Радчицъ, А. А.—Финансовая политика Россіи съ 1887 г. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Спб. 903. Стр. 193. Ц. 2 р.

Столюповская, Анна. — Выдающіяся стороны національной жизни и національнаго характера китайцевъ. Съ приложеніемъ двухъ рецензій. М. 903. Стр. 111. Ц. 50 к.

Сыченковъ, Я.—Двѣ статьи изъ алгебры въ новомъ изложеніи. Стр. 38+6. Орель. 900.

Тезяковъ, Н. И., врачъ. — Отхожіе промыслы и рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губерніи. Съ картографію и 3 діаграммами. Изд. Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. 903. Стр. 39+79.

Тьебо, В. И. — Запѣтки деревенскаго практика о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности Кутаисской губ. Кутаисъ. 903. Стр. 63. Ц. 50 к.

Чешилингъ, Всев. — Человѣкъ безъ тѣни. Драма. Рига. 903. Стр. 120. Ц. 1 р.

Чинскій, Чеславъ. — Графологія. Краткое руководство для опредѣленія по почерку духовнаго міра человѣка, нравственныхъ его качествъ, наклонностей и умственнаго склада. Стр. 32. Съ таблицей. Обработалъ и дополнилъ примѣнительно къ русскому изданію Н. Д.—Г. Спб. 903. Ц. 50 к.

Шумахеръ, Ал. — Императоръ Александръ II. Историч. очеркъ его жизни и царствованія. 3-е изд. Спб. 903. Съ портретомъ. Стр. 203. Ц. 1 р.

Щепкина, Е. — Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года. Изд. В. Яковенко. Спб. 903. Стр. 314. Ц. 1 р.

Larive et Fleury. Dictionnaire français encyclopédique. Paris. 903. Georges Chamerot, éditeur. Стр. 1456. Ц. 5 фр.

Royaume de Belgique. Ministère de l'industrie et du travail, office du travail. Statistique des grèves en Belgique 1896—1900. Bruxelles. 903. Стр. 209.

— Вѣстникъ Таврическаго земства. Годъ первый. № I. Изд. Таврической губернской земской управы. Симферополь. 903. Стр.

— Годовые Отчеты Э. Мерка. XVI годъ изданія. 1902. Дармштадтъ. 903. Стр. 243.

— Грузовое движеніе по шоссеинымъ и грунтовымъ дорогамъ Балахнинскаго и зап. части Семеновскаго уѣздовъ, по даннымъ, собраннымъ въ 1901 г. Изд. Ниж. губ. земства. Н.-Новгородъ. 903. Стр. 126+127.

— Ежегодникъ Ферганской области. Т. II. Вып. 1903 г. Изд. Ферганскаго областного статистическ. комитета. Новый Маргеланъ. 903. Стр. 230.

— Зѣ-надъ хмаръ и зѣ долинъ. Украинскій Альманахъ. Року 1903. Впорядкувавъ и уложивъ Микола Вороний. Одесса. 903. Стр. 251. Ц. 1 р. 50 коп.

— Общій Отчетъ Елисаветградской уѣздной земской управы за 1902 г. Стр. 35+495. Елисаветградъ. 903.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи, за 1901—1902 учебный годъ, инспектора народныхъ училищъ С. Колосова. Вятка. 903. Стр. 119.

— Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Имп. Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны благотворительнаго общества судебнаго ведомства за 1902 г. Спб. 903. (Прилож. къ № 6 „Журнала мнн. юстиціи“). Стр. 171+47.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды, флюсовъ и соли изъ горнозаводскаго района юга Россіи за 1902 годъ. Харьковъ. 903. Стр. 59+5+27+15+43+3+41+13+19+47+3+5. Съ таблицами.

— Помощь. 2-е изданіе. Сборникъ въ пользу Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, на нужды начальныхъ школъ. Спб. 903. Стр. 562. In 4°. Ц. 3 р. 50 к.

— Предварительное слѣдствіе по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни

румынской подданной Татьяны Золотовой. Спб. 903. Приложение къ № 6 „Журнала мин. юстиціи“. Стр. 653+134+XX.

— Проекты общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губ. Изд. Олонецкаго губ. земск. управы. Петро-заводскъ. 903. Стр. 114+76.

— Сборникъ текущей статистики Вологодской губерніи. Т. I. Обзоръ состоянія сельскаго хозяйства въ 1901—1902 с.-хоз. году. Вып. I. Зима и весна. Изд. Вологодской губ. земской управы. М. 903. Стр. VII+147+136. Ц. 1 р.

— Сельско-хозяйственная хроника Херсонской губерніи за зимній періодъ 1902—1903 гг. Изд. Херсонской губ. земской управы. Стр. 60.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губ. за 1901 г. Изд. Нижегород. губ. земства. Н.-Новгородъ. 903. Стр. 266.

— Сенатскій Архивъ. X. Протоколы Правит. Сената 1757—58 гг. Всеподданнѣйшіе рапорты Правит. Сената о калужскомъ губернаторѣ Лопухинѣ и доклады Державина о томъ же. Спб. 903. Стр. 612+23.

— 1901 г. Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Вып. 1. Спб. 903. Стр. 55+104+36.

— Харьковскій университетскій сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Харьковъ. 903. Стр. 186. Ц. 1 р.

— Часы досуга. Литературный сборникъ. Пошехонье. 903. Стр. V+120.

— Экспортъ ситца. Справочный матеріалъ. Т-во мануфактуры „Эмиль Циндель“ въ Москвѣ. М. 903. Стр. 119.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

W. B. Yeats. Ideas of Good and Evil. Стр. 341. London, 1903 (A. H. Bullen).

В. Б. Йэтьс—молодой англійскій писатель ирландскаго происхожденія. Лѣтъ десять тому назадъ онъ обратилъ на себя вниманіе литературнымъ трудомъ—изданіемъ почти неизвѣстныхъ до того произведеній поэта и живописца Вильяма Блэка, жившаго въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Йэтьс разобрался въ манускриптахъ Блэка, воспроизвелъ въ своемъ великолѣпномъ съ вѣшной стороны изданіи своеобразный видъ рукописей Блэка, съ ихъ оригинальными раскрашенными рисунками, и выяснилъ въ обширномъ предисловіи и въ примѣчаніяхъ къ тексту значеніе этого предшественника новѣйшаго идеалистическаго искусства. Съ тѣхъ поръ Йэтьс занялъ видное мѣсто въ „молодой“ англійской литературѣ своими стихами и лирическими драмами, своими попытками воскресить забытые мотивы ирландской народной поэзіи и множествомъ критическихъ статей, въ которыхъ онъ борется противъ условности и рутинности въ литературѣ. Въ настоящее время онъ издалъ сборникъ критическихъ очерковъ подъ заглавіемъ: „Ideas of Good and Evil“ (Мысли о добрѣ и злѣ). Заглавіе это заимствовано имъ у его излюбленнаго поэта, Вильяма Блэка, который такъ назвалъ одинъ сборникъ своихъ лирическихъ стихотвореній. Къ очеркамъ Йэтьса названіе это очень подходитъ, потому что онъ разбирается въ современныхъ литературныхъ принципахъ и идеалахъ, доказывая условность существующихъ представленій „о добрѣ и злѣ“, какъ въ морали, такъ и въ литературѣ и искусствѣ.

Книга Йэтьса производитъ очень отрадное впечатлѣніе свѣжестью и оригинальностью взглядовъ автора на нѣкоторые литературные вопросы. Онъ чуждъ всякой условности, выдѣляясь этимъ среди общей массы рутинныхъ англійскихъ критиковъ. Англія—страна наибольшихъ контрастовъ во всѣхъ областяхъ духовной и практической дѣятельности, страна наибольшей свободы для своихъ гражданъ и наибольшаго произвола и насилія надъ подвластными ей завоеванными народностями, страна, гдѣ глубокое религиозное чувство отдѣльныхъ мыслителей и проповѣдниковъ уживается съ унылымъ ханжествомъ самодовольной массы. Оттуда раздался кличъ свободы личности въ дерзно-

венной поэзии Байрона—и тамъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, гнететъ чело-вѣка власть общественныхъ предрасудковъ. Въ Англии, среди легендарнаго безвкусія въ одеждѣ и жизненномъ обиходѣ, возникло прерафаэлитское движеніе, провозгласившее эстетику закономъ жизни и создавшее возрожденіе декоративнаго искусства во всей Европѣ. Въ литературѣ и въ искусствѣ тамъ до сихъ поръ уживаются самыя несовмѣстимыя контрасты: успѣхъ сентиментальныхъ романовъ, сенсационныхъ, грубыхъ мелодрамъ, чувствительной жанровой живописи и т. д. свидѣтельствуетъ о неизмѣнившихся вкусахъ толпы; а съ другой стороны—отдѣльные писатели и художники стремятся возвести искусство на степень священнодѣянія и облагородить жизнь неустаннымъ исканіемъ истины и красоты, находя признаніе и откликъ лишь въ ограниченномъ кругу единомышленниковъ и цѣнителей.

Въ критикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ литературнаго творчества, на ряду съ проповѣдью традиціонныхъ принциповъ морали и задачъ искусства, въ современной Англии есть свободные умы, „переоцѣнивающіе всѣ цѣнности“. Борьбу противъ условности и окаменѣлости, противъ „академичности“ въ искусствѣ, началъ Рёскинъ, провозгласившій связь красоты съ идейнымъ и нравственнымъ содержаніемъ жизни, доказывавшій, что прекрасно только то, что отражаетъ стремленіе къ идеалу добра. Задача искусства поэтому—не только созиданіе прекрасныхъ формъ, удовлетворяющихъ внѣшнимъ чувствамъ, а служеніе высшимъ духовнымъ цѣлямъ жизни, ибо красота, не одухотворенная жаждой нравственнаго совершенствованія, т.-е. красота какъ цѣль, а не какъ путь къ духовному просвѣтленію, мертва и лишена всякаго внутренняго смысла. Ізътъ доказываетъ, что провозглашенная Рёскинымъ новая эстетика уже предугадана была Блэкомъ, но она была выражена слишкомъ туманно этимъ одинокимъ мыслителемъ, не понятымъ своими современниками. Во всякомъ случаѣ, культъ красоты, какъ средство облагородить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, начинается въ Англии со времени прерафаэлитовъ, и первый теоретикъ ихъ стремленій—Рёскинъ. Другой критикъ, выступившій послѣ Рёскина и продолжавшій выяснять „идейность всего прекраснаго“—Вальтеръ Пэтеръ, авторъ замѣчательной книги о Возрожденіи.

В. Б. Ізътъ идетъ по слѣдамъ Рёскина и Пэтера. Въ молодомъ писателѣ еще нѣтъ всесторонней продуманности и убѣждающей ясности сужденій его учителей; онъ очень задоренъ въ своихъ полемическихъ приѣмахъ, слишкомъ далеко заходитъ въ нѣкоторыхъ своихъ увлеченіяхъ и возводитъ иногда въ теорію слишкомъ субъективныя впечатлѣнія. Такъ, напр., нѣкоторые его очерки объ оккультизмѣ не представляютъ серьезнаго интереса и любопытны только какъ отраженіе

чуткаго поэтическаго темперамента и тревожныхъ исканій истины. Но въ литературно-философскихъ статьяхъ, составляющихъ главное содержаніе его книги, Іэтсъ излагаетъ оригинальныя, вполне обоснованныя мысли, и его сужденія тѣмъ болѣе интересны, что они идутъ въ разрѣзъ со многими установившимися взглядами; они выражаютъ отношеніе „молодой Англїи“ къ писателямъ, слава которыхъ установилась, но значеніе которыхъ иначе понималось прежде, чѣмъ теперь. Іэтсъ удѣляетъ въ своей книгѣ сравнительно мало мѣста начинающимъ молодыхъ литературныхъ силъ,—его вниманіе сосредоточено на великихъ поэтахъ прошлаго, и цѣль его заключается въ томъ, чтобы выяснитъ ихъ связь съ идеалами нашего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлитъ значеніе художественнаго творчества, какъ проявленія идеальныхъ стремленій человѣческаго духа.

Центральный очеркъ въ книгѣ Іэтса посвященъ Вильяму Блэку, его философской поэзіи и его живописи. Критикъ не останавливается на подробномъ разборѣ произведеній Блэка и на исторіи его странной жизни, проведенной почти внѣ общенія съ людьми, внѣ всякаго интереса къ окружающей его дѣйствительности;—все это изучено и изложено Іэтсомъ въ его изданіи сочиненій Блэка. Въ „Ideas of Good and Evil“ Іэтсъ выясняетъ только философскія положенія Блэка; въ нихъ онъ видитъ обоснованіе современнаго возведенія искусства въ служеніе религиознымъ и этическимъ идеаламъ человѣчества. Для Блэка воображеніе—высшая эманация божественнаго начала; оно порождаетъ сочувствіе ко всему живому, сближаетъ людей въ общемъ стремленіи къ безкорыстному служенію добру; разумокъ же, подъ которымъ онъ понимаетъ выводы изъ наблюденій внѣшнихъ чувствъ, раздѣляетъ людей, обособляя ихъ интересы, привязывая ихъ къ матеріальнымъ осязательнымъ благамъ. Повинуясь воображенію, люди проникаются полной любовью къ людямъ, видятъ въ нихъ то, что вложено въ нихъ самаго сокровеннаго, т.-е. природное влеченіе къ добру. Слѣдуя голосу разсудка, т.-е. руководствуясь только данными внѣшнихъ чувствъ, люди становятся слѣпыми къ сущности жизни, видятъ только то, что отражено на „растительномъ зеркалѣ“ (the vegetable glass); тогда они судятъ своихъ ближнихъ, руководствуясь узкимъ житейскимъ представленіемъ о добрѣ и злѣ. Этимъ пониманіемъ воображенія и разсудка опредѣляется взглядъ Блэка на связь искусства съ сущностью религіи и этики. Искусство создается воображеніемъ, и оно имѣетъ характеръ откровенія, воплощаетъ истины, недоступныя разсудку, учитъ любви и единенію. Заповѣдь о любви къ ближнимъ постигается во всей своей полнотѣ только въ воображеніи, и только силой художественнаго творчества, исходящаго изъ воображенія, можно преподавать ее людямъ. Искусство же, порожденное раз-

судкомъ, замѣняетъ воображеніе фантазіей, которую Блэкъ называетъ „дочерью памяти“, и которая повторяетъ образы, воспринятые внѣшними чувствами; такое искусство лишено остроты и не вноситъ въ жизнь облагораживающей истины, не объединяетъ людей. Блэкъ со свойственной ему рѣзкостью вооружается противъ „разсудочнаго искусства“, называя его языческимъ, въ виду того, что языческое искусство основано было на преклоненіи передъ внѣшними формами; онъ противопоставляетъ ему христіанское искусство, основанное на любви и всепрощеніи, чуждое мірскихъ сужденій о добрѣ и злѣ, обаятое любовью ко всему живому, ко всѣмъ проявленіямъ живыхъ чувствъ и страстей. Блэкъ доходитъ въ своемъ осужденіи нетерпимости въ искусствѣ и поэзіи до обвиненія Данте въ изычествѣ за его католическое представленіе объ адѣ, о мукахъ, уготованныхъ для грѣшниковъ. Въ своей широкой любви онъ не признаетъ суда и приговора людей надъ людьми, а видитъ во всемъ тяготѣніе къ добру, уклоняющееся иногда отъ истиннаго пути только потому, что въ жизни не царятъ любовь и единеніе. Искусство должно быть обращено только въ сторону добра и любви; тогда оно открываетъ міру священный смыслъ жизни и ведетъ людей къ совершенствованію.

Идеализмъ Блэка, какъ его излагаетъ Іэтсъ, дѣйствительно возвращаетъ то сочетаніе искусства съ этикой и религіей, которое составляетъ основу прерафаэлитизма и его дальнѣйшаго развитія въ современной англійской литературѣ и живописи. Іэтсъ совершенно раздѣляетъ философію превозносимаго имъ поэта, и въ другихъ своихъ очеркахъ доказываетъ, что такое же отношеніе къ искусству, такая же безграничная любовь ко всему живущему и вѣра въ добро, какъ въ вѣчную сущность мірозданія, существуютъ у всѣхъ истинныхъ поэтовъ. Очень интересна его характеристика Шекспира, котораго онъ считаетъ величайшимъ идеалистомъ. Шекспиръ—одинъ изъ тѣхъ всемірныхъ гениевъ, которые наиболѣе разно понимаются въ различныя эпохи. Творчество его настолько богато разнообразными мотивами, что каждое новое поколѣніе видитъ въ немъ воплощеніе своихъ идеаловъ: романтики восторгались его проникновеннымъ пониманіемъ свободы и силы страстей; реалисты видятъ сущность его генія въ жизненной правдѣ его характеровъ и типовъ,—а представитель современнаго англійскаго идеализма, Іэтсъ, усматриваетъ въ трагедіяхъ Шекспира откровенія духовной сущности человѣка, добра и истины, связывающихся не въ активныхъ, а въ созерцательныхъ натурахъ.

Статья Іэтса о Шекспирѣ написана по поводу состоявшихся на родинѣ Шекспира, въ Стратфордѣ-на-Авоонѣ, образцовыхъ представленій такъ называемыхъ „хроникъ“ Шекспира, т.-е. историческихъ драмъ изъ эпохи войнъ Алой и Бѣлой Розы. Вдумываясь въ эти драмы и срав-

нивая свои впечатлѣнія съ сужденіями многочисленныхъ авторитетныхъ шекспирологовъ, труды которыхъ собраны въ специальной шекспировской библіотекѣ въ Стратфордѣ, Іэтсъ возстаетъ противъ установившихся—въ особенности у нѣмецкихъ критиковъ—взглядовъ на Шекспира. Вся великая литература, по глубокому убѣжденію Іэтса, построена на прощеніи грѣха, т.-е. виновности людскихъ дѣйствій;—и когда начинается судъ и осужденіе, это служитъ признакомъ паденія литературы, уклоненія отъ ея истинныхъ, священныхъ задачъ. Великіе писатели всегда помнили, что за внѣшними поступками людей, доступными людскому суду, есть то, что не можетъ быть судимо ни однимъ земнымъ судьей, хотя бы таковымъ былъ самый проникновенный поэтъ или философъ. Шекспиръ всегда былъ вѣренъ этому принципу, и ошибка его критиковъ заключается въ томъ, что они не видѣли его широкаго идеалистическаго взгляда на жизнь, а старались опредѣлить критеріи, которыми онъ судить поступки людей. Для выясненія этическихъ идеаловъ Шекспира большинство критиковъ руководствуется его отношеніемъ къ двумъ противоположнымъ типамъ, представленнымъ въ его хроникахъ Ричардомъ II и Генрихомъ V. По общераспространенному мнѣнію единственный герой, отвѣчающій нравственному идеалу Шекспира—Генрихъ V, типичный активный представитель англо-саксонской расы со всѣми обыденными пороками и увлеченіями въ юности и со всѣми качествами героя толпы въ зрѣломъ возрастѣ, смѣлый, предприимчивый, преисполненный житейской мудрости. Такимъ людямъ легко дается успѣхъ въ жизни—въ противоположность нѣжному, вдумчивому, склонному къ созерцанію болѣе чѣмъ къ дѣйствию Ричарду II; онъ обреченъ на роль жертвы въ борьбѣ противъ житейски-сильныхъ, неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ натуръ. Предполагая, что симпатіи Шекспира—на сторонѣ позитивныхъ и практичныхъ людей въ родѣ Генриха V, критики дѣлаютъ автора „Гамлета“ поборникомъ буржуазныхъ идеаловъ. Іэтсъ горячо протестуетъ противъ такого умаленія Шекспира—и приписываетъ узость критиковъ ихъ крайнему утилитаризму, неспособности видѣть въ человѣкѣ что-либо важное, кромѣ его непосредственной пользы для общества, и привычекъ считать мѣриломъ этой пользы только дѣйствія, ясныя во всемъ своемъ объемѣ для разсудка. Все, идущее въ разрѣзъ съ очевидной, непосредственной пользой, они осуждаютъ—и потому увѣрены, что и Шекспиръ, въ виду „безполезности“ съ утилитарной точки зрѣнія поступковъ Коріолана, Гамлета, Тимона Аѳинскаго, Ричарда II, относится къ нимъ съ осужденіемъ и какъ бы предостерегаетъ разумныхъ людей отъ ихъ заблужденій; образцомъ же добродѣтелей, увѣнчиваемыхъ успѣхомъ и достойныхъ подражанія, онъ, будто бы, считаетъ Генриха V. „Этимъ критикамъ, — говоритъ

Іэтсь,—не приходить въ голову, что нельзя судить о челоуѣкѣ по его дѣйствіямъ, потому что нельзя знать, каковъ онъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни: — люди бываютъ бесполезны для внѣшняго блага общества столько же по избытку духовныхъ силъ, какъ и по бесилію“. Назначеніе челоуѣка иногда не въ служеніи тому, что есть, а въ откровеніяхъ новаго, неосуществимаго строя жизни. Фортинбрасъ вѣроятно былъ лучшимъ королемъ, чѣмъ могъ бы быть Гамлетъ, Ауфидій болѣе разуменъ, чѣмъ Коріоланъ, Генрихъ V былъ лучшимъ воиномъ, чѣмъ Ричардъ II;—однако всѣ эти болѣе полезные люди не измѣнили въ мірѣ ничего къ лучшему, и духовное обогащеніе жизни скорѣе—дѣло бездѣйствующихъ, якобы бесполезныхъ мечтателей о царствѣ справедливости и любви.

Опровергая взгляды критиковъ, объясняющихъ Шекспира принципами утилитарной философіи (онъ особенно ополчается противъ одного изъ наиболѣе авторитетныхъ шекспириологовъ, профессора Дюдена), Іэтсь доказываетъ, что напротивъ того, Шекспиръ чуждъ осужденія Ричарда II и другихъ созерцательныхъ типовъ своихъ трагедій, что онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ тайну челоуѣческой души, чтобы судить людей по ихъ дѣйствіямъ—или осуждать за бездѣйствіе. Онъ не произноситъ приговоровъ, не опредѣляетъ добра и зла сообразно съ относительными данными жизненныхъ интересовъ—а полонъ любви, всепрощенія и благоговѣнія передъ неизъяснимыми влеченіями челоуѣческаго сердца ко всему, что идетъ въ разрѣзъ съ кажущимися интересами жизни. Души такихъ мечтателей, какъ Ричардъ II, полны для него глубокаго значенія, и онъ смотритъ на міръ съ безграничнымъ сочувствіемъ къ людямъ, каковы они по существу, а не какими они кажутся въ своихъ дѣйствіяхъ.

Іэтсь приближаетъ Шекспира къ современному идеализму своимъ толкованіемъ, съ которымъ по существу нельзя не согласиться, такъ какъ, не отрицая чисто реалистическихъ сторонъ въ творествѣ великаго драматурга, онъ указываетъ на глубокіе источники его любви къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, любви дѣйствительно одинаковой ко всему, что кажется и прекраснымъ, и уродливымъ, и добродѣтельнымъ, и порочнымъ съ обычной точки зрѣнія. Тотъ же идеализмъ, внушающій любовь ко всему живому, Іэтсь видитъ и въ Шелли, доказывая, что этотъ „пѣвецъ свободы“ понималъ свободу не въ спеціально гражданскомъ смыслѣ, а какъ воцареніе „духа красоты“, т. е. любви, которая объединитъ всѣхъ людей и уничтожитъ различіе между добромъ и зломъ въ утилитарномъ смыслѣ этихъ понятій.

Всѣ литературныя сужденія Іэтса сводятся къ анализу этой основной для него проблемы добра и зла въ художественномъ творествѣ. Красота, какъ цѣль искусства, заключается для него въ синтезѣ этихъ

понятій, совершающемся въ проповѣди любви и единенія. Этими онъ соединяетъ искусство съ этикой и религіей, отрицая самодовлѣющий эстетизмъ, ставшій на время девизомъ нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ и художниковъ. Другими словами, Іезъ проводитъ рѣзкую границу между такъ называемымъ декадентствомъ—преходящей литературной модой—и символизмомъ, составляющимъ основу великаго искусства всѣхъ временъ.

II.

René Basin. Donatienne. Paris, 1903 (Calm. Lévy, éditeurs).

Романистъ Рене Базенъ недавно избранъ въ члены Французской академіи. Выборъ его обусловленъ не первоклассными художественными качествами его произведеній:—среди современныхъ французскихъ романистовъ, не ставшихъ еще академиками, есть болѣе выдающіеся по таланту. Но достоинство Базена, оцѣненное теперь академіей, заключается въ выборѣ его сюжетовъ и въ его подкупающемъ оптимизмѣ. Оригинальность его состоитъ въ томъ, что онъ противопоставилъ изображенію „парижскихъ нравовъ“, т.-е. адюльтерныхъ драмъ на фонѣ свѣтской праздности, изученіе провинціальной и деревенской жизни. Онъ ввелъ въ современный французскій романъ простыхъ людей, даже „народъ“, крестьянъ и крестьянокъ разныхъ областей Франціи. Его эльзасцы или бретонцы, мужчины въ пестрыхъ національныхъ курткахъ, женщины въ бѣлосвѣжныхъ широкихъ „coiffes“, люди съ непосредственными чувствами, съ живыми человѣческими радостями и страданіями, кажутся особенно привлекательными и правдивыми въ сравненіи съ обычными героями и героинями новѣйшихъ французскихъ романистовъ, съ дамами, проводящими полжизни за примѣркой туалетовъ у Дусэ или другого моднаго портного, и ихъ поклонниками, убивающими время въ клубахъ, на приѣмахъ въ ambassade'ахъ и въ свѣтскихъ гостиницахъ. Базенъ описываетъ въ своихъ романахъ почти мистическую привязанность крестьянъ къ землѣ, съ которой связано ихъ благосостояніе и ихъ простая радость. Въ его описаніяхъ много романтизма и идеализаціи, но его вѣра въ силу искреннихъ и простыхъ чувствъ, такъ же какъ и поэтичныя художественныя картины природы въ его романахъ придаютъ имъ большую свѣжесть и привлекательность. Выбору въ академію особенно способствовалъ предпоследній романъ Рене Базена, „Les Oberlé“, представляющій спеціальнй интересъ для французскихъ читателей: въ немъ описывается неизмѣнная любовь къ Франціи теперешней эльзасской молодежи—внуковъ поколѣнія, принимавшаго участіе въ войнѣ.

Новый романъ Базена, „Donatienne“,—тоже повѣсть изъ народнаго быта. Это печальная исторія бѣдной бретонской семьи, загубленной вліяніемъ Парижа. „Народничество“ Базена заключается въ томъ, что онъ противопоставляетъ чистыя чувства и неискорченные нравы крестьянъ въ отдаленныхъ уголкахъ Франціи развращенности и безсердечію Парижа. Въ романахъ изъ провинціального быта онъ тоже проводитъ эту антитезу, идеализируя искренность и нетронутость людей, живущихъ вдали отъ соблазновъ и нервности столичной жизни. Относительно „чистоты и красоты чувствъ“ французскихъ крестьянъ Золя и его послѣдователи держатся гораздо болѣе пессимистическихъ взглядовъ,—но среда, описываемая Базеномъ, совершенно иная, чѣмъ въ „Терге“. Золя изображаетъ жадныхъ собственниковъ, крестьянъ богатой, плодородной мѣстности, отличающихся отъ буржуазіи только большей грубостью; аппетитовъ, а Базенъ рисуетъ населеніе тихаго уголка въ Бретани, простыхъ до наивности людей, любящихъ землю не потому, что она ихъ обогачаетъ,—она ихъ, напротивъ того, едва питаетъ,—а потому, что родная земля и семейный очагъ для нихъ святыня, и они всей душой слились и съ природой своего уголка, и съ интимной простотой своей жизни. Такою рисуется въ „Donatienne“ семья Жана Луарна, бѣднаго земледѣльца, живущаго на маленькомъ клочкѣ земли въ Бретани; земля эта даже не принадлежитъ ему,—онъ арендуетъ ее у землевладѣлицы, съ большимъ трудомъ выплачивая арендные деньги, такъ какъ скудная почва плохо вознаграждаетъ его тяжелый трудъ. Но онъ такъ привязанъ къ родному углу, что терпѣливо переноситъ всѣ невзгоды; ему даже не приходитъ въ голову мысль, что онъ могъ бы уйти, наняться работникомъ и болѣе обезпечить себя и свою семью работой въ чужихъ мѣстахъ. Его жена, красивая молодая бретонка Донатьена—дочь моряка, и неусидчива по природѣ; ей улыбаются всякія перемены въ жизни, ее тянетъ вдалѣ;—потомъ только, когда судьба переноситъ ее въ чужіе края, въ ней просыпается тоска по родинѣ. Въ этомъ тоже сказывается наслѣдственность: бретонскіе моряки предприимчивы, и съ радостью отплываютъ на дальніе рыбные промыслы; но на чужбинѣ они сильнѣе другихъ тоскуютъ и спѣшатъ домой, въ свои бѣдныя деревушки. У Луарновъ трое дѣтей, изъ которыхъ младшему сыну нѣсколько мѣсяцевъ. Жизнь становится невыносимо тяжелой, несмотря на нѣжную любовь, соединяющую мужа и жену, и на ихъ готовность работать безъ усталы. Нищета сильнѣе гнететъ Донатьену, чѣмъ ея мужа, и передъ рожденіемъ маленькаго Жоэля она рѣшается на тяжелый шагъ: съ согласія мужа она ѣдетъ къ окружному врачу и проситъ его рекомендовать ее на мѣсто кормилицы въ Парижѣ. Она знаетъ, что „des bourgeois de Paris“—подъ этимъ словомъ она

понимаетъ богатыхъ людей вообще—охотно берутъ бретенокъ въ кормилицы, и слышала отъ знакомыхъ женщинъ о выгодности этого занятія: пробывъ годъ въ Парижѣ, она скопить достаточно денегъ, чтобы надолго обезпечить свою семью. Кромѣ того, ее безотчетно влечетъ къ роскошной жизни въ далекомъ волшебномъ Парижѣ. Но нѣсколько мѣсяцевъ проходитъ безъ всякихъ вѣстей отъ доктора; у Донатьены уже родился ребенокъ, она его кормитъ, смотритъ за домою и помогаетъ мужу въ полѣ. Они даже забыли о визитѣ къ доктору, и только разъ, во время спѣшной работы, Луаризъ говоритъ женѣ о томъ, какъ онъ счастливъ, что докторъ не исполнилъ ея просьбы; какъ бы онъ управился безъ ея помощи? Но его радость не долго длится. Когда маленькому Жюлю исполнилось два мѣсяца, приходитъ письмо отъ доктора съ требованіемъ, чтобы Донатьена на слѣдующее же утро ѣхала въ Парижъ по указанному адресу: — она принята въ кормилицы въ богатый домъ. Въ первую минуту Донатьена чувствуетъ безотчетную радость передъ открывающеюся ей новой жизнью, но ей стыдно этого эгоистическаго чувства, особенно когда она видитъ нѣмое отчаяніе мужа. Она всячески его утѣшаетъ надеждами на крупный заработокъ, необходимый особенно въ виду предстоящей уплаты за аренду, и говоритъ, что мѣсяцы ея отсутствія быстро пройдутъ и радость возвращенія вознаградитъ ихъ за тяжесть разлуки. Но среди приготовленій къ отъѣзду ее охватываетъ тоска: она чувствуетъ, какъ сильно она привязана къ мужу и дѣтямъ, къ своему почти нищенскому очагу—и даже къ тяжкому труду въ родномъ углу. Она уѣзжаетъ съ тяжелымъ сердцемъ, поручивъ мужу заботы о дѣтяхъ, доставъ ему служанку, приведя весь домъ въ порядокъ и объяснивъ, какъ все должно вестись въ ея отсутствіе. Мужъ провожаетъ ее въ городъ, на вокзалъ,—и такъ охваченъ горемъ и какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ несчастія, что почти ничего не можетъ сказать женѣ на прощанье. Въ поѣздѣ Донатьена полна сначала мыслей объ оставленной семьѣ, потомъ ее начинаетъ развлекать все окружающее; она разговариваетъ съ ѣдущей въ одномъ съ ней вагонѣ женщиной, говоритъ о своихъ дѣтяхъ, и ей становится легче на душѣ. Къ Парижу она приближается уже въ очень бодромъ повышенномъ настроеніи, думая только о томъ, что ее ожидаетъ въ новой жизни. По дорогѣ съ вокзала, куда за ней пріѣзжаетъ горничная ея новыхъ господъ, Донатьена съ любопытствомъ и интересомъ разспрашиваетъ о всемъ, что видитъ вокругъ себя. Когда за ней захлопывается массивная дверь роскошнаго дома, въ который ее привозятъ, видъ у нея такой сияющій, что горничная, сопровождающая ее, говоритъ привратницѣ: „вотъ эта ужъ навѣрное привыкнетъ къ нашей жизни“.

Отъѣздъ Донатьены въ пагубный Парижъ круто измѣняетъ мирную

и счастливую, несмотря на бѣдность и заботы, судьбу ея мужа. Луарнѣ любить свою красивую, веселую и добрую жену глубокой привязанностью молчаливыхъ, созерцательныхъ людей. Бретонцы извѣстны своей поэтичностью и замкнутостью. Бретонскія народныя пѣсни ясно свидѣтельствуютъ объ особой страстной нѣжности этой расы моряковъ, привыкшихъ безмолвствовать на морѣ и жить въ вѣчномъ ожиданіи трагическихъ случайностей. Ренѣ Базенъ изображаетъ своего героя типичнымъ представителемъ своей расы: романтизмъ чувствъ Луарна могъ бы казаться фальшивымъ въ крестьянинѣ другой части Франціи, гдѣ практическія заботы и цѣли заглушаютъ голосъ сердца, но бретонецъ можетъ быть именно такимъ, какимъ изображенъ Жанъ Луарнѣ, съ его сосредоточенной душевной жизнью, съ его тоской по любимой женѣ, съ его поэтической привязанностью къ природѣ родины—и съ его полнымъ неумѣньемъ устроиться въ жизни, найти выгодный заработокъ.

Луарнѣ старается заглушить свою тоску неустанной работой, которая стала вдвое болѣе тяжелой съ отъѣздомъ бодрой и расторопной Донатьены; она хотя далеко не всегда помогала ему въ полѣ, занятая домою и дѣтьми, но ея присутствіе придавало ему силу и бодрость. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда жены, Луарнѣ терпѣливо ждетъ, работая и думая обрадовать Донатьену, когда она вернется, блестящимъ результатомъ своей работы. Чтобы увеличить доходность своей земли, онъ рѣшилъ вспахать и засѣять полосу вырубленнаго лѣса, и не останавливается передъ безконечной трудностью этой работы. Но, несмотря на всѣ старанія, дѣла его очень плохи: ему нечѣмъ заплатить арендныя деньги, задержанныя имъ уже три года. Часть денегъ ему выслала Донатьена,—но проходитъ еще полгода, и за неуплату остальной суммы Луарну грозитъ опись и изгнаніе изъ насижennaго угла. Жатва—очень плохая, особенно въ виду того, что Луарну приходится одному справляться со всей работой и присматривать за домою. Главное горе Луарна—въ томъ, что отъ Донатьены нѣтъ никакихъ извѣстій. Онъ долго не хочетъ вѣрить въ то, что она покинула семью, и все ждетъ отвѣта на свои письма. Когда наступаетъ послѣдній срокъ платежа за землю, Луарнѣ просить еще отсрочки на недѣлю—и телеграфируетъ женѣ, умоляя прислать деньги и вѣсти. Отвѣта нѣтъ, а отъ дерзкой служанки Луарнѣ узнаетъ то, что извѣстно всей деревнѣ: Донатьена не вернется къ мужу; она осталась навсегда въ Парижѣ, гдѣ у нея есть возлюбленный и гдѣ ей весело живетъ. Луарнѣ сначала не вѣритъ, потомъ ему приходится убѣдиться въ измѣнѣ жены,—и тогда ему все становится безразлично. Все его имущество описано; земля, надъ которой онъ трудился безъ отдыха, отнята у него. Онъ беретъ своихъ дѣтей,

двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ старшей восемь лѣтъ, и годовалого мальчика, и отправляется въ путь, уложивъ въ ручную повозку всѣ свои пожитки. Онъ не знаетъ въ сущности, куда ему направиться;—ему посоветовали идти въ Вандею, въ самую плодородную провинцію Бретани, и онъ идетъ, таща за собой повозку, не зная пути, отдаваясь на волю судьбы. Странствование челоуѣка, насильственно оторванного отъ родной почвы и чувствующаго съ каждымъ шагомъ все большую чуждость новыхъ мѣстъ и людей, населяющихъ ихъ, очень художественно описано въ „Donatienne“. Это самыя интересныя главы и въ психологическомъ отношеніи: переходъ отъ любви и смиренія къ внутреннему возмущенію, къ злобѣ къ виновницѣ несчастій, изображенъ очень правдиво, просто и съ большимъ внутреннимъ трагизмомъ. Луарнъ идетъ съ фермы на ферму, работаетъ безъ интереса къ случайному труду и идетъ дальше все съ большимъ отчаяніемъ въ душѣ. Въ иныхъ дворахъ его малютокъ встрѣчаютъ ласка и радужный уходъ, въ другихъ—на нихъ косо смотрять, стараюсь спроводить семью нищихъ-бродягъ. Луарну приходится проводить въ пути ночи подъ дождемъ и бурей; младшій ребенокъ заболѣваетъ, и отецъ съ трудомъ находитъ добрую женщину, которая согласна оставить больного Жюэля у себя; съ остальными двумя дѣтьми Луарнъ продолжаетъ путь въ „обѣтованную землю“, въ Вандею, но уже приближается туда не тѣмъ довѣрчивымъ, кроткимъ, любящимъ челоуѣкомъ, каковымъ вышелъ изъ дому. Несправедливость судьбы, отнявшей у него все, что ему было дорого,—его жену и его родную землю,—озлобила его; онъ мысленно осыпаетъ упреками Донатьену и винить ее во всемъ; ко встрѣчнымъ людямъ онъ уже относится почти съ ненавистью, заранѣе видя въ нихъ враговъ, и угрюмо шествуетъ съ дѣтьми окольными путями и лѣсными дорожками, чтобы видѣть какъ можно меньше людей по дорогѣ. Но однажды, въ сырой, дождливый вечеръ, когда Луарнъ и его старшая дѣвочка Ноэми тщетно пытаются разжечь костеръ на опушкѣ лѣса, чтобы сварить свой свудный ужинъ, къ нимъ подходит высокая женщина и съ притворной ласковостью предлагаетъ заняться приготовленіемъ ужина. Луарнъ не отвѣчаетъ ей согласіемъ, но и не отгоняетъ ее. Она присоединяется къ маленькой семьѣ, и Луарнъ уже не можетъ освободиться отъ властной женщины, которая становится суровой мачихой для дѣтей и вноситъ мракъ и раздоръ въ жизнь Луарна. Парижъ сдѣлалъ свое пагубное дѣло, отнявъ у мирной и счастливой семьи жену и мать; онъ сталъ причиной и разоренія семьи, и нравственнаго паденія отца.

Вторая часть романа смягчаетъ пессимизмъ первой: Парижъ губить „рабочниковъ земли“, но притяженіе „земли“ таково, что сбившихся съ пути „дѣтей земли“ тянетъ назадъ, на родину, гдѣ они

воскресають душой,—такова мысль, лежащая въ основѣ романа Базена. Донатьена дѣйствительно увлеклась суетой Парижа; попавъ въ испорченную среду парижской прислуги богатыхъ домовъ, она поддалась соблазнамъ и перестала думать о семьѣ, но не надолго. Письма мужа отъ нея скрывалъ ея возлюбленный; потомъ, узнавъ о разореніи Луарна, о томъ, что онъ ушелъ съ дѣтьми невѣдомо куда, она заболѣваетъ, уходитъ отъ ставшаго ей ненавистнымъ соблазнителемъ, но многіе годы не можетъ напасть на слѣдъ своей семьи. Въ концѣ концовъ ей это все-таки удается. Она стала содержательницей маленькаго café для рабочихъ, и одинъ изъ ея посѣтителей говоритъ ей о встрѣченной имъ на родинѣ семьѣ, въ которой Донатьена узнаетъ свою. Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, очень тяжелыхъ для бретонки, которую потянуло домой, и она получаетъ письмо отъ своей дочери Ноэми: она узнаетъ, что съ Луарномъ случилось несчастье на работѣ, что у него повреждены ноги, что его подруга оставила его и дѣтей, когда увидѣла, что онъ уже неспособенъ прокормить семью работой. Донатьена рада и этимъ грустнымъ вѣстямъ. Оставляя тотчасъ же все, что ее связывало съ Парижемъ, она спѣшитъ на родину. По дорогѣ со станціи въ деревню, гдѣ живетъ ея больной мужъ съ дѣтьми, она вынимаетъ изъ узелка свою прежнюю бретонскую „coiffe“ и надѣваетъ ее. Въ этомъ видѣ она возвращается въ семью, погибавшую отъ ея отсутствія, и, послѣ первыхъ словъ привѣта, берется за работу. На этой мирной картинѣ заканчивается романъ René Bazena, соединяющій романтизмъ характеровъ съ вѣрными наблюденіями дѣйствительности и съ истинно-художественными описаніями Бретани.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1908.

Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 іюня, въ главныхъ его чертахъ.—Новыя „общія положенія“ въ законѣ 8 іюня: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная коммиссія.—Квартиро-наематели и образовательный цензъ для гласныхъ.—Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ.—Составъ Думы и ея особый предсѣдатель.—Исполнительныя коммиссіи и выборы въ общественныя должности.—Открытіе дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москвы.—Post-scriptum. По дѣлу о литературной собственности: г. Аскархановъ и „Русская Библіотека“.

Съ 1-го января 1904 г. вводится въ дѣйствіе новое „Положеніе объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, Высочайше утвержденное 8 іюня текущаго года. Оно идетъ на смѣну городовому Положенію 11 іюня 1892 г., которое продолжаетъ сохранять свою силу во всѣхъ прочихъ городахъ имперіи.

Одновременно съ утвержденіемъ этого исключительно петербургскаго городского Положенія, отмѣнены взимаемые по г. С.-Петербургу сборы:—адресный и за прописку паспортовъ—въ 1904 г., взимаемые съ низшаго разряда и со всѣхъ лицъ женскаго пола; въ теченіе же послѣдующихъ девяти лѣтъ, начиная съ 1905 г., эти сборы подлежатъ постепенно полной отмѣнѣ по постановленіямъ самой Думы, всегда начиная съ низшихъ разрядовъ плательщиковъ. Какъ бы въ возмѣщеніе отчасти убытка для городской кассы отъ отмѣны упомянутыхъ сборовъ, постановлено производить ежегодно, начиная съ 1 января 1904 года, въ доходъ города половину окладовъ государственнаго квартирнаго налога по Петербургу, что, какъ можно полагать, составитъ около полумилліона рублей ежегодно. Съ другой стороны, государственное казначейство беретъ на себя расходъ по содержанію вновь отрываемаго учрежденія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а именно: „Особаго по дѣламъ города С.-Петербурга присутствія“ въ размѣрѣ 10.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы прежде отпускаемая городомъ сумма, въ размѣрѣ 1.200 рублей, на канцелярскіе расходы нынѣ отмѣняемаго „С.-Петербургскаго особаго по городскимъ дѣламъ присутствія“, при градоначальствѣ, была обращена въ доходъ казны.

Въ дополненіе одной изъ статей новаго „Положенія“ (п. 3, ст. 54) постановлено, чтобы упоминаемыя въ ней инструкціи о порядкѣ дѣйствій исполнительныхъ органовъ общественнаго управленія были изданы спб. городской Думою въ теченіе одного, т.-е. 1904 года: для

управы—со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго „Положенія“, т.-е. съ 1 января 1904 г., а для другихъ исполнительныхъ установленій—со дня ихъ учрежденія, кромѣ новой для города контрольной комиссіи, относительно которой предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, не ожидая изданія инструкціи для нея, въ теченіе 1904 г., самую Думоз, теперь же составить указанія этой комиссіи относительно порядка ея первыхъ дѣйствій, съ января 1904 года.

Предварительно постановлено также: 1) чтобы выборы гласныхъ новой спб. городской Думы на первое шестилѣтіе, начинающееся съ 1 января 1904 года, были произведены уже въ текущемъ году, а именно въ ноябрѣ (ст. 28: въ первый присутственный день ноября—по первому разряду), съ тѣмъ, чтобы изъ числа избранныхъ на первое шестилѣтіе гласныхъ, а равно членовъ городской управы, половина (81 гл.) выбыла черезъ три года по вынимаемому, вслѣдъ за окончаніемъ выборовъ, жребію; 2) чтобы министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено, также ранѣе введенія въ дѣйствіе настоящаго „Положенія“, т.-е. еще въ текущемъ 1903 году, образовать „Особое по дѣламъ города Спб. присутствіе“ (ст. 10 Пол.), съ состоящей при немъ канцеляріей, и съ возложеніемъ на это присутствіе, подъ общимъ руководствомъ и наблюденіемъ министра, „всѣхъ необходимыхъ распоряженій по введенію новаго столичнаго „Положенія“ въ дѣйствіе“.

Мысль о необходимости „преобразованія“ столичнаго городского общественнаго управленія явилась еще года два тому назадъ, въ предшествующее министерство внутреннихъ дѣлъ. По этому поводу въ городскомъ обществѣ уже тогда составилось убѣжденіе, которое отчасти, какъ будто, и оправдывалось, а именно, что дѣло идетъ о такомъ преобразованіи, въ результатѣ котораго должно оказаться если не совсѣмъ полное уничтоженіе всякой самостоятельной дѣятельности городского общественнаго управленія, то, во всякомъ случаѣ, тѣсное ея ограниченіе, съ полнымъ подчиненіемъ администраціи. Назначенная правительственная ревизія городского хозяйства и дѣлопроизводства задалась также главнымъ образомъ указаніемъ въ нихъ недостатковъ, даже и въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ приходилось ревизіи свидѣтельствовать о нѣкоторыхъ успѣхахъ той или другой отрасли въ городскомъ общественномъ управленіи,—причемъ присовокуплялось, что и эти самые успѣхи вызываютъ не вполне одобрительныя замѣчанія. Такое отношеніе ревизіи къ городскому общественному управленію еще болѣе укрѣпляло городское общество въ его первоначальномъ убѣжденіи объ истинныхъ цѣляхъ „преобразованія“. Наконецъ, годъ тому назадъ, проникли уже и въ печать извѣстія

о содержаніи составленнаго проекта новаго „Положенія“ для г. Петербурга, и о тѣхъ совѣщаніяхъ, подъ предсѣдательствомъ самого г. министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ были заслушаны мнѣнія приглашенныхъ въ совѣщаніе бывшихъ городскихъ головъ и нѣсколькихъ гласныхъ относительно основныхъ пунктовъ проекта, а также и ихъ возраженія противъ чрезмѣрнаго ограниченія всякой самостоятельности городского общественнаго управленія и въ защиту выборнаго начала. Пройдя теперь чрезъ соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, въ ихъ засѣданіяхъ 22, 27 и 29 марта и 16, 19 и 26 апрѣля, и Общее его Собраніе 24 мая текущаго года, законоположеніе 8 іюня, какъ мы увидимъ ниже, уже не внушаетъ такихъ опасеній, какія годъ тому назадъ внушалъ законопроектъ о преобразованіи спб. городского общественнаго управленія. Однимъ словомъ, если въ настоящемъ дѣлѣ сравнить его конецъ съ началомъ, то уже по одному этому нельзя не сказать вообще, что общественное управленіе города С.-Петербурга можетъ безъ всякаго сожалѣнія разстаться съ городовымъ „Положеніемъ“ 1892 года: оно само было вызвано нѣкогда болѣе или менѣе временными требованіями общей внутренней политики и имѣло въ виду только одно, а именно—ограничить городское самоуправленіе, дѣйствовавшее до того времени на основаніи городского Положенія 1870 года. Въ настоящемъ же „Положеніи обществ. управленія города Спб.“ можно встрѣтить довольно существенныя и даже желательныя измѣненія въ самомъ городскомъ Положеніи 1870 года.

Между такъ-называемыми „общими“ положеніями новаго закона 8 іюня обращаютъ на себя, прежде всего, вниманіе тѣ, которыми значительно измѣняются отношенія городского общественнаго управленія къ высшей администраціи. До настоящаго времени, и по городскому Положенію 1870 г., а также и 1892-го года, надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій общественнаго управленія принадлежитъ градоначальнику; представитель городского общественнаго управленія, городской голова сносился съ градоначальникомъ, какъ то выражалось въ законѣ, „представленіями“, а градоначальникъ относился къ городскому головѣ „предложеніями“. По новому закону, не градоначальникъ, а „министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ высшій надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій общественнаго управленія и осуществляетъ его при *содѣйствіи* особаго по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствія и чрезъ *посредство* с.-петербургскаго градоначальника“ (ст. 8), а потому „съ градоначальникомъ, столичными и губернскими учрежденіями и подчиненными имъ установленіями голова сносится *отношеніями*; къ министру внутреннихъ дѣлъ голова

входить съ *представленіями* и получаетъ отъ него *предложенія*“ (ст. 95). Такимъ образомъ, столичное общественное управленіе, въ лицѣ городского головы, ставится новымъ закономъ въ тѣсной зависимости отъ градоначальника и входитъ въ непосредственныя сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, помимо градоначальника, который если, какъ и прежде, въ теченіе двухнедѣльнаго срока, можетъ останавливать исполненіе постановленій Думы (ст. 74), то онъ обязанъ и теперь, въ установленный срокъ, передать дѣло въ особое по дѣламъ города присутствіе, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, онъ уже состоитъ только членомъ наравнѣ съ городскимъ головой, а не председательствуетъ, что ненормально практиковалось до сихъ поръ, по городскому Положенію какъ 1870 года, такъ и 1892 года. Во всякомъ случаѣ, въ упомянутомъ преобразованіи отношеній городского общественнаго управленія и его представителя, городского головы, къ высшей администраціи нельзя не усматривать нѣкоторыхъ выгодъ, воспользоваться которыми въ интересахъ городского дѣла, въ той или другой степени, зависитъ, конечно, уже отъ личнаго характера и энергіи лица, представляющаго собою городское общество и умѣющаго внушить къ себѣ уваженіе. Замѣтимъ мимоходомъ—будущему городскому головѣ вообще предстоитъ не легкій трудъ возстановить должное почтеніе къ званію городского головы, которое въ послѣднее четырехлѣтіе совершенно пало и въ глазахъ общества, и особенно на столбцахъ столичной печати.

Не менѣе важно и другое „общее“ положеніе новаго закона, которымъ учреждается „Особое по дѣламъ города С.-Петербурга присутствіе“, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сохранившее то же названіе, какимъ пользовалось такое же присутствіе при градоначальникѣ, но весьма отличное отъ него по составу. Оно „состоитъ 1) подъ председательствомъ лица, назначаемаго Высочайшею властью, изъ 2) градоначальника, 3) губернскаго предводителя дворянства, 4) управляющаго казенною палатою, 5) прокурора окружного суда, 6) члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію министра, 7) председателя губернской земской управы, 8) городского головы, 9) председателя Думы и 10) одного изъ гласныхъ Думы, по выбору послѣдней“—и, какъ видно, безъ утвержденія со стороны администраціи, что и понятно, такъ какъ Дума всего чаще будетъ являться въ „Особомъ Присутствіи“, какъ обвиняемая, а потому ей нельзя не предоставить полное право на выборъ защитника, кого изъ гласныхъ она сочтетъ болѣе свѣдущимъ и опытнымъ въ городскихъ дѣлахъ. Независимо отъ того, что градоначальникъ, въ новомъ „Особомъ Присутствіи“, является, какъ мы уже замѣтили выше, не председателемъ присутствія, гдѣ онъ былъ прежде въ то же самое время и стороною,

— составъ „Особаго Присутствія“ при министерствѣ весьма выгодно для города отличается отъ состава городского присутствія при градоначальствѣ, гдѣ градоначальникъ имѣлъ *одинъ* въ своемъ полномъ распоряженіи *три* голоса: кромѣ собственнаго, голосъ помощника и непремѣннаго члена присутствія отъ правительства; нынѣ же по назначенію или по должности въ „Особомъ Присутствіи“ будетъ пять лицъ, и пять лицъ выборныхъ, причемъ собственно отъ городского общественнаго управленія—три лица. На рѣшенія новаго „Особаго Присутствія“, какъ и на рѣшенія прежняго, въ случаѣ отиѣны имъ постановленія Думы, по той или другой причинѣ, Дума можетъ точно такъ же, какъ и прежде, приносить жалобу Сенату (ст. 13).

Въ силу „Главныхъ основаній составленія, разсмотрѣнія и исполненія смѣты“, новое „Особое Присутствіе“, если признаетъ необходимымъ измѣнить смѣтныя исчисленія и раскладки, даже и съ увеличеніемъ предположенныхъ Думою, то оно можетъ исправлять смѣту, которая за симъ предлагается Думѣ къ исполненію; но, при несогласіи Думы исполнить такое требованіе, дѣло рѣшается въ порядкѣ, указанномъ статьею 13, т.-е. подается жалоба на „Особое Присутствіе“ въ Сенатъ (ст. 17 Главн. Основ.). „Особое Присутствіе“ является дѣйствующею инстанціею еще и въ слѣдующемъ случаѣ: „если общественнымъ управленіемъ не будетъ сдѣлано своевременныхъ распоряженій въ исполненію тѣхъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ признаетъ обязательнымъ для города, то градоначальникъ напоминаетъ о томъ общественному управленію; при безуспѣшности же сей мѣры градоначальникъ приступаетъ, *въ случаѣ неотложной необходимости, признанной* „Особымъ по дѣламъ города С.-Петербурга Присутствіемъ“ и съ его разрѣшенія, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіемъ на счетъ города и доводитъ о семъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ“ (ст. 21 Главн. Основ.). Хотя это и подлежитъ исполненію, но отъ Управы зависитъ, на основаніи ст. 94, обратиться къ Думѣ, а Дума можетъ также воспользоваться своимъ правомъ обжаловать рѣшеніе Особаго Присутствія въ Сенатъ. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ. Особое Присутствіе при министерствѣ, стѣсняя собственно городскую Управу, въ случаѣ ея бездѣйствія, съ другой стороны, благодаря своему составу, представляетъ болѣе гарантій справедливаго рѣшенія дѣла, а Думу не лишаетъ права протеста, въ видѣ установленной закономъ жалобы на Особое Присутствіе (ст. 13).

Кромѣ „Особаго Присутствія по дѣламъ города С.-Петербурга“, новое „Положеніе“ 8 іюня вводитъ учрежденіе, вовсе неизвѣстное предшествующимъ городовымъ Положеніямъ 1870 и 1892 года— „Контрольную комиссію“, независимо отъ городской ревизіонной

комиссии, назначавшейся до сихъ поръ исключительно на время разсмотрѣнія отчетовъ Управы и другихъ исполнительныхъ органовъ Думы. Эта новая и уже постоянная комиссия состоитъ изъ председателя, назначаемаго, съ Высочайшаго соизволенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ, и четырехъ членовъ: только одинъ изъ нихъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, а остальные трое избираются городской Думою изъ числа лицъ, пользующихся правомъ голоса на выборахъ; ни председатель этой комиссии, ни ея члены, не могутъ занимать никакихъ должностей по городскому общественному управленію, и получаютъ отъ города содержаніе: председатель—5.500 рублей, а членъ отъ министерства—2.800 р.; остальнымъ же тремъ—назначаетъ жалованье сама Дума. Контрольная комиссия повѣряетъ, въ отношеніи правильности и соответствія интересамъ города, всѣ обороты денежныхъ и матеріальныхъ городскихъ капиталовъ, а равно производитъ фактическую ревизію строительныхъ и иныхъ работъ и операций по городскому хозяйству, повѣряетъ инвентарь движимаго имущества, матеріаловъ и припасовъ, а о послѣдствіяхъ ревизіи представляетъ докладъ городской Думѣ въ установленный ею для того срокъ. Отъ городской же Думы Контрольная комиссия должна будетъ получить инструкцію, утвержденную министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Государственнымъ Контролемъ. Однимъ словомъ, дѣятельность Контрольной комиссии такова, что можно только сожалѣть, что сама Дума давно не открыла подобный необходимый въ ея хозяйствѣ органъ. Думскія же ревизіонныя комиссии представляли всегда одинъ весьма существенный недостатокъ: онѣ избирались исключительно для разсмотрѣнія отчетовъ Управы, а потому, подобно жандармамъ въ извѣстной опереткѣ, „всегда опаздывали“ для фактической повѣрки, такъ какъ какое-нибудь новое зданіе было уже отстроено за годъ передъ тѣмъ. Контрольная комиссия, по законопроекту, связывала городское общественное управленіе, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ,—теперь же, въ текстѣ закона, она является только возмѣщеніемъ того, что Думѣ слѣдовало уже давно имѣть по собственной инициативѣ. Впрочемъ, фактическая ревизія строительныхъ операций со стороны Контрольной комиссии обязательна только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ производятся на счетъ ссудъ и пособій отъ правительства или на совмѣстныхъ казенныя и городскія средства; „установленіе же подобной повѣрки для болѣе значительныхъ строительныхъ и иныхъ операций, производимыхъ на счетъ однихъ городскихъ суммъ, зависитъ отъ городской Думы“ (ст. 6 „Главн. Основ. повѣрки“ и т. д.).

Отъ „общихъ“ положеній, которыми нѣсколько иначе опредѣляется отношеніе городского общественнаго управленія къ правительственной администраціи, — перейдемъ къ тѣмъ существеннымъ чертамъ, которыя отличаютъ новый законъ отъ его предшественниковъ 1870 и 1892 гг. Фундаментомъ, такъ сказать, городского общественнаго управленія служить корпусъ избирателей: чѣмъ шире и глубже фундаментъ зданія, тѣмъ оно само прочнѣе и устойчивѣе; новый законъ именно расширяетъ кругъ избирателей и имѣетъ также въ виду и повышеніе ихъ качества. „Пользующіеся правомъ участія въ выборахъ церкви, духовныя установленія, учрежденія, сословныя и общественныя союзы, общества, товарищества и компаніи участвуютъ въ нихъ чрезъ представителей... Представителями православныхъ церквей состоятъ церковныя старосты, а церквей прочихъ христіанскихъ исповѣданій и духовныхъ установленій—лица, на коихъ возложено по закону управленіе хозяйственными дѣлами сихъ церквей и установленій... Означенные представители могутъ и не имѣть установленнаго имущественнаго ценза, но должны удовлетворять всѣмъ прочимъ, требуемымъ для личнаго участія въ выборахъ условіямъ“ (ст. 23). Эта статья не только увеличитъ нѣсколько корпусъ избирателей въ численномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надобно ожидать, она привлечетъ значительное количество развитыхъ и интеллигентныхъ выборщиковъ. Но въ количественномъ отношеніи долженъ особенно увеличить число избирателей тотъ важный пунктъ статьи 17-й, которымъ допущены нынѣ впервые „состоящіа въ русскомъ подданствѣ лица, кои не менѣе одного года уплачиваютъ по городу С.-Петербургу государственный квартирный налогъ въ размѣрѣ не ниже тридцати-трехъ рублей ежегодно“ (при цѣнѣ за квартиру 1080 рублей). Можно, и не безъ основанія, утверждать, что этотъ пунктъ, при такомъ высокомъ цензѣ, весьма слабо увеличитъ корпусъ избирателей, что масса интеллигентныхъ лицъ, которыя могли бы оказать полезное вліяніе на выборы, останутся за флагомъ; но пока всего важнѣе то, что вопросъ объ участіи городскихъ квартирантовъ въ городскихъ выборахъ рѣшенъ наконецъ въ принципѣ, и рѣшенъ утвердительно; затѣмъ, уже безъ всякаго полнаго пересмотра „Положенія“, по указанію опыта норма ценза можетъ быть измѣняема въ благопріятномъ для города смыслѣ.

Постановленіе новаго закона о томъ, что изъ числа избирателей „могутъ быть гласными только лица, окончившія курсъ въ учебномъ заведеніи не ниже городского 4-хъ-класснаго училища по Положенію 31 мая 1872 г. или равнаго ему заведенія, или же выдержавшія соотвѣтственно сему курсу испытаніе“,—это постановленіе, надобно думать, сдѣлано въ надеждѣ подобнымъ требованіемъ повысить если

не нравственный, то образовательный цензъ личнаго состава столичной Думы. Но у насъ было уже, по этому поводу, однажды замѣчено, что еще и теперь, въ 1903 г.,—не говоря уже о томъ, что было тридцать лѣтъ тому назадъ,—въ столицѣ „городскихъ училищъ“ (4-хъ-классныхъ) было такъ мало (всего 6 на всю столицу), что едва ли тогда не было легче попасть въ университетъ, нежели въ городское 4-хъ-классное училище. Лица, имѣющія теперь 40—50 лѣтъ отъ роду и болѣе, прожили съ той поры, когда имъ слѣдовало поступить въ городское училище, 30, 40 и болѣе лѣтъ: въ такой періодъ времени, да еще въ столицѣ, всякій могъ самообразоваться не менѣе того, сколько онъ образовался бы въ четыре года въ „городскомъ“ училищѣ. Вотъ почему можно думать, что такому вполне справедливому и рациональному закону—о необходимости для городского гласнаго имѣть не одно начальное, а полное „городское“ образование—должно было бы предшествовать обезпеченіе города такимъ числомъ „городскихъ“ училищъ, которое соответствовало бы населенію столицы и при которомъ не было бы никому отказа для поступления въ нихъ, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ Германіи и въ другихъ высококультурныхъ странахъ. Пока же, быть можетъ, было бы целесообразнѣе требовать образовательный цензъ, и притомъ высшій, отъ гласныхъ, которые пожелали бы вступить въ исполнительную городскую службу.

Самая процедура городскихъ выборовъ построена и нынѣ на тѣхъ же въ принципѣ основаніяхъ, на какихъ производились выборы по Положенію 1870 года, т.-е. на раздѣленіи корпуса избирателей на разряды, а именно, на два, вмѣсто прежнихъ трехъ. Избиратели, уплачивающіе вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, составляютъ первый разрядъ; остальные—второй разрядъ, избирающій двѣ трети гласныхъ. Но избиратели перваго разряда и втораго пользуются не одинаковыми правами, какъ будто они принадлежатъ не одному и тому же городу. Первый разрядъ, избирая будущихъ представителей *города*, справедливо имѣетъ право избирать гласныхъ изъ всего *города*; второй же разрядъ дѣлится на участки, соответствующіе дѣленію города на полицейскія части; въ участкахъ „могутъ быть избираемы въ гласные только лица, имѣющія право участія въ выборахъ—въ томъ именно участкѣ, гдѣ выборы производятся“ (ст. 41). Трудно сказать, что послужило мотивомъ къ такому постановленію, но оно могло бы имѣть основаніе только въ томъ случаѣ, если бы можно было предположить, что и избиратели къ-нѣбудь размѣщены въ городѣ такъ, что живущіе, напримѣръ, въ казанской части имѣютъ

дѣла, связи, знакомства только съ тѣми, которые живутъ въ одной части съ ними, — но чего въ дѣйствительности, конечно, не бываетъ и не можетъ быть. Съ другой стороны, первый разрядъ можетъ выбрать только 54 гласныхъ (одну треть отъ общаго числа 162), но онъ, конечно, далеко еще не исчерпаетъ всѣхъ достойныхъ быть избранными; они легко могли бы попасть при выборахъ второго разряда, но тамъ они могутъ быть избираемы только въ своемъ участкѣ, гдѣ ихъ меньше знаютъ, — а тамъ, гдѣ ихъ больше знаютъ, они не могутъ быть избираемы, какъ не принадлежащія къ участку. Такого порядка, если намъ не измѣняетъ память, не было по Городовому Положенію 1870 года: онъ былъ установленъ только по Городовому Положенію 1892 года.

Другая особенность новыхъ выборовъ состоитъ въ томъ, что „выборы производятся записками, лично вручаемыми избирателями председателямъ избирательныхъ комиссій въ публичномъ засѣданіи; записки составляются избирателями либо въ присутствіи комиссій, либо заранѣе, и подаются закрытыми“ (ст. 37). Избирательныя записки или бюллетени необходимы тамъ, гдѣ избиратели являются не сотнями, какъ у насъ, а десятками тысячъ, но и тамъ онѣ практикуются такъ, чтобы воля избирателей была свободна, а потому бюллетени, въ присутствіи председателя комиссій, опускаются въ запечатанную избирательную урну, а не „вручаются председателю“, что можетъ нарушить тайну и превратить закрытое избраніе въ открытое.

Есть еще одна особенность новыхъ выборовъ, отличающая ихъ существенно отъ предыдущихъ формъ избранія, и, по нашему мнѣнію, едва-ли къ выгодѣ для дѣла избранія; — она состоитъ въ томъ, что „избранными въ гласные считаются лица, получившія наибольшее въ подлежащемъ разрядѣ или участкахъ число голосовъ, *хотя бы оно и не достигло половины участвовавшихъ въ выборѣ*;... при равенствѣ голосовъ избраніе опредѣляется по жребію. Слѣдующія за избранными въ гласные лица зачисляются, по старшинству числа полученныхъ голосовъ, кандидатами въ количествѣ не свыше половины гласныхъ подлежащаго разряда или участка“ (ст. 42). Конечно, если поставить главной цѣлью городскихъ выборовъ — сразу, въ одно собраніе, избрать не только полное число гласныхъ (162), но и полное число кандидатовъ къ нимъ (81), то нельзя принять лучшей мѣры къ тому; но если имѣть въ виду путемъ выборовъ получить болѣе дѣйствительныхъ представителей города, то относительное большинство можетъ оказаться опаснымъ: — могутъ, особенно въ участкахъ, гдѣ обязательно избирать изъ незнакомыхъ и случайныхъ сожителей по участку, явиться гласные, получившіе хотя и „наибольшее“ число голосовъ,

но это наибольшее число можетъ быть какимъ-нибудь десяткомъ и менѣе того голосовъ, а кандидаты въ гласнымъ могутъ, пожалуй, получить всего 3, 4 голоса, и съ такимъ „наибольшимъ“ числомъ будутъ занесены сначала въ списокъ кандидатовъ, а потомъ, при случаѣ, поступать и въ гласные. Мы не говоримъ, что это непремѣнно должно случиться, но нельзя никакъ отрицать, чтобы этого не могло случиться, а между тѣмъ, въ подобномъ дѣлѣ, каковы выборы—слѣдовало бы исключить и самую возможность такой случайности. Впрочемъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, примѣненіе новаго выборнаго закона на дѣлѣ укажетъ слабыя его стороны,—если онѣ имѣются въ немъ.

Что касается самой Думы, то и въ отношеніи ея новый законъ дѣлаетъ значительныя отступленія отъ предыдущихъ положеній. Численный составъ Думы,—несмотря на то, что настоящее населеніе города, сравнительно съ его населеніемъ въ 1870 г., когда по Городовому Положенію того года Дума состояла изъ 262 гласныхъ, почти удвоилось,—остался сокращеннымъ, по Городовому Положенію 1892 года,—до 162. Между тѣмъ практика послѣдняго десятилѣтія съ ясностью показала необходимость увеличенія числа гласныхъ, чтобы изъ него могло легче сложиться постоянное большинство для посѣщенія засѣданій Думы и для выбора въ исполнительныя должности: за недостаткомъ гласныхъ, очень часто случается въ послѣднее время, что одно и то же лицо избиралось въ нѣсколько исполнительныхъ комиссій—конечно, не безъ вреда для дѣла.

Съ настоящаго времени гласные будутъ избираться на шесть лѣтъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ—но съ тою особенностью, что каждые три года половина гласныхъ выбываетъ и замѣщается путемъ новыхъ выборовъ. Выгода такого порядка для устойчивости Думы сама собою очевидна; впрочемъ, и прежде фактически происходило то же самое, но не черезъ три, а черезъ четыре года: по крайней мѣрѣ половина гласныхъ, если не болѣе, послѣдняго состава обыкновенно выбиралась вновь, такъ что въ Думѣ можно было встрѣчать не мало гласныхъ, остававшихся въ Думѣ не только по два, но по три, по четыре и даже по пяти четырехлѣтій. Но нельзя считать удобнымъ сокращеніе срока службы гласныхъ, такъ какъ это дѣлаетъ болѣе частыми выборы, а время выборовъ вездѣ и всегда является помѣхою для дѣла.

Въ отношеніи предсѣдательства въ Думѣ, новый законъ постановляетъ такое рѣшеніе, которое будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общій ходъ городскихъ дѣлъ, и котораго тщетно добивался

городъ при обсужденіи Городового Положенія 1870 и 1892 года. „Въ Думѣ,—говоритъ новый законъ 8 іюня,—предсѣдательствуетъ особое лицо, ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ, избираемое ею изъ среды гласныхъ. Предсѣдатель Думы не можетъ занимать никакихъ должностей по общественному управленію города С.-Петербурга и исполняетъ свои обязанности по Думѣ безвозмездно. Къ предсѣдателю, на случай его отсутствія или болѣзни, избирается тѣмъ же порядкомъ замѣститель“ (ст. 49). До настоящаго времени, какъ извѣстно, и въ Управѣ, и въ Думѣ, предсѣдательствовало одно и то же лицо—городской голова; какъ предсѣдатель Управы, онъ отвѣчаетъ предъ Думою за всѣ дѣйствія исполнительныхъ органовъ, защищаетъ ихъ доклады и въ то же время, какъ предсѣдатель Думы, вліяетъ на ея рѣшенія, даетъ, при обсужденіи дѣлъ, слово гласнымъ и имѣетъ право лишать ихъ голоса и т. п. Такая ненормальность теперь, наконецъ, устранена окончательно. Но законъ не вдается ни въ какія подробности, объясняющія права и обязанности этого новаго дѣйствующаго лица въ городскомъ общественномъ управленіи и, вѣроятно, только потому, что все это должно составить предметъ особой инструкции со стороны Думы, въ развитіе статьи 66 новаго закона, гдѣ сдѣлана ссылка на ст. ст. 179—20 Общ. учрежд. губ. Впрочемъ, уже и теперь нельзя не обратить вниманія на то, что законъ не связываетъ Думу въ отношеніи выбора своего предсѣдателя ничѣмъ, такъ какъ избранный ею предсѣдатель вступаетъ въ должность безъ утвержденія; короткій годовой срокъ предсѣдательства даетъ Думѣ только возможность, въ случаѣ надобности, исправить свою ошибку, или наоборотъ, Дума, наканунѣ 1-го января, ежегодно можетъ избирать то же самое лицо нѣсколько разъ подрядъ. Въ законѣ есть, однако, и положительныя указанія на важное для Думы значеніе особаго предсѣдателя: 1) „Предсѣдатель Думы назначаетъ дѣла, подлежащія въ каждомъ собраніи разсмотрѣнію оной, если не встрѣтитъ законныхъ къ разсмотрѣнію сихъ дѣлъ препятствій, послѣдовательно по мѣрѣ ихъ поступленія къ нему отъ городского головы, въ порядкѣ, опредѣленномъ инструкціею Думы“ (ст. 56). 2) „Гласные и другія, входящія въ составъ Думы лица, желающія сдѣлать Думѣ предложеніе, обращаются съ письменнымъ о томъ заявленіемъ къ головѣ, который, по собраніи надлежащихъ справокъ, передаетъ это предложеніе *предсѣдателю* Думы для направленія его въ порядкѣ, статьей 56-й указанномъ. Предложенія, требованія и заявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, сословныхъ или земскихъ учреждений, а равно просьбы и жалобы частныхъ лицъ, вносятся въ Думу чрезъ городского голову, въ томъ же предусмотрѣнномъ статьей 56-ю порядкѣ“ (ст. 59), т.-е. чрезъ предсѣдателя Думы. 3) Предсѣдатель Думы, по своей должности, состоитъ, какъ мы уже

видѣли, членомъ „Особаго по дѣламъ города С.-Петербурга присутствія“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; это послѣднее важно потому, что иногда присутствію приходится рѣшать дѣла по несогласію Думы съ Управою, какъ это не разъ случалось и въ „Особомъ Городскомъ Присутствіи“ при градоначальствѣ, и въ такихъ случаяхъ городской голова,—по крайней мѣрѣ, послѣдній изъ нихъ,—всегда помнилъ болѣе, что онъ предсѣдатель Управы, и при рѣшеніи дѣла подавалъ голосъ противъ Думы. Теперь же, въ новомъ „Особомъ Присутствіи“, Дума будетъ имѣть своего надежнаго защитника ея рѣшеній и постановленій.

Съ введеніемъ особаго лица для предсѣдательства въ Думѣ, обсужденіе городскихъ дѣлъ можетъ происходить и въ Думѣ столь же правильно, какъ оно происходитъ въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ предсѣдатель земской управы и земскаго собранія—не одно и то же лицо. Теперь сдѣлается невозможнымъ, какъ то было до сихъ поръ, помѣщать на повѣсткѣ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію въ Думѣ, съ короткимъ примѣчаніемъ отъ городского головы: „Докладъ будетъ разосланъ“; конечно, предсѣдатель Думы не будетъ уже такъ снисходителемъ къ предсѣдателю Управы, какъ онъ былъ до сихъ поръ снисходителемъ къ самому себѣ; невозможны будутъ повѣстки съ 40—50 и болѣе того докладами, или то, что случилось нынѣшнимъ лѣтомъ: важнѣйшія и труднѣйшія дѣла оказались отложенными на лѣтнее время, съ цѣлью, которая не двусмысленно и во всеуслышаніе комментировалась въ печати—и не къ чести тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло и поставить дѣло, и снять его съ очереди. Измѣнится въ выгодную сторону и самый характеръ засѣданій Думы, что, впрочемъ, можно было наблюдать и при прежнихъ городскихъ Положеніяхъ, по которымъ Дума выбирала особое лицо для предсѣдательства въ ея засѣданіяхъ при разсмотрѣніи отчета Управы и другихъ дѣлъ, опредѣленныхъ закономъ. При составленіи инструкции Дума, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе и на то, что канцелярія Думы находилась прежде въ распоряженіи городского головы, какъ предсѣдателя Думы, а потому теперь она должна быть отдана въ распоряженіе лица, предсѣдательствующаго въ Думѣ, а не въ Управѣ. Точно также отъ будущей инструкции слѣдуетъ ожидать болѣе точнаго опредѣленія отношеній городского секретаря къ предсѣдателю Думы, такъ какъ городской секретарь состоитъ при Думѣ, а не при Управѣ. О близкомъ же отношеніи городского секретаря къ предсѣдателю Думы есть, впрочемъ, указаніе и въ новомъ законѣ: „Рѣшенія Думы облекаются въ письменную форму въ самомъ засѣданіи оной и тутъ же подписываются *предсѣдателемъ* и свѣрѣпляются *городскимъ секретаремъ*; журналы засѣданій составляются городскимъ секретаремъ въ семиднев-

ный срокъ и должны быть подписаны *председателемъ* за скрѣпою *секретаря*" (ст. 67). Впрочемъ, вѣдшее положеніе и внутреннія отношенія председателей Думы должны сложиться сами собою въ зависимости не столько отъ законоположеній и инструкцій, сколько отъ ихъ личнаго такта, безпристрастія—но не безразличія—и твердой рѣшимости быть всегда—*primus inter pares*, т.-е., первымъ, но—между равными.

Если вопросъ о председателѣ Думы рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно и порядокъ засѣданій въ Думѣ отнынѣ можно считать гораздо болѣе обеспеченнымъ, то другой вопросъ—объ исполнительныхъ комиссіяхъ—мы считаемъ не менѣе важнымъ, такъ какъ онъ является въ тѣсной связи съ успѣхомъ уже самихъ городскихъ дѣлъ. Существованію этихъ комиссій, при началѣ дѣла преобразованія городского общественнаго управленія, какъ мы тогда слышали, угрожала наибольшая опасность—совершеннаго уничтоженія,—несмотря на то, что даже и ревизія если нашла гдѣ болѣе успѣховъ, то именно въ исполнительныхъ комиссіяхъ. Но, какъ оказывается, и теперь, точно такъ же, какъ то было прежде: 1) „для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и управленія, могутъ быть назначаемы Думою, по представленію общаго присутствія Управы и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, изъ среды гласныхъ или вообще лицъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, особыя лица, а въ случаѣ необходимости—и особыя исполнительныя комиссіи. Тѣ и другія, подчиняясь Управѣ, дѣйствуютъ на основаніи инструкцій городской Думы подъ общимъ надзоромъ городского головы“; 2) „исполнительныя комиссіи состоятъ подъ председательствомъ одного изъ членовъ Управы, по назначенію общаго присутствія ея; по предложенію головы, Дума можетъ избрать въ председатели комиссіи особое лицо“ (ст. 84). Итакъ, порядокъ назначенія исполнительныхъ комиссій и по новому закону 8 іюня остался по существу тотъ же самый, какой существовалъ и прежде, съ тѣмъ выгоднымъ отличіемъ въ пользу новаго закона, что до сихъ поръ разрѣшеніе для открытія исполнительныхъ комиссій зависѣло отъ градоначальника, а нынѣ будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, надобно думать, предоставитъ разрѣшеніе подобнаго вопроса не градоначальнику, а „Особому Присутствію по дѣламъ г. Петербурга“. Можно сожалѣть развѣ объ одномъ, что и по новому закону, какъ то было и прежде, не установлено разъ навсегда, что служба въ исполнительныхъ комиссіяхъ должна быть даровая, какъ то практикуется въ Пруссіи, гдѣ она, сверхъ того, и обязательная. Если новый законъ

постановить, и вполнѣ справедливо, что должность предсѣдателя въ Думѣ—несравненно болѣе тяжелая и требующая отъ него для исправнаго выполненіи имъ своихъ обязанностей не мало времени и труда при приготовленіи къ засѣданію, полученіи справокъ и т. п.,—если и такая должность объявлена безвозмездною, то излишне и говорить о какомъ бы то ни было вознагражденіи предсѣдателей и членовъ исполнительныхъ комиссій. Если въ такихъ комиссіяхъ будутъ получаться вознагражденія, то онѣ мало чѣмъ будутъ отличаться отъ отдѣленій Управы. Замѣчаютъ, что даровая служба опасна, такъ какъ она мало отвѣтственна, а потому подходитъ подъ извѣстную поговорку о „даровомъ конѣ“; но законъ весьма существенно отличаетъ „дарового коня“ отъ даровыхъ комиссій: „Предсѣдатели и члены избираемыхъ Думою подготовительныхъ, исполнительныхъ и ревизионныхъ комиссій... за противозаконныя дѣйствія по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей подлежатъ отвѣтственности на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами Управы“ (ст. 132), а потому могутъ подвергаться отвѣтственности и въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, и по приговорамъ уголовного суда (ст. 127); вопросъ о томъ, получаетъ ли кто вознагражденіе за трудъ, или нѣтъ, не имѣетъ при этомъ никакого значенія. Конечно, отъ Думы и теперь зависитъ объявить службу въ исполнительныхъ и подготовительныхъ комиссіяхъ бесплатною, но едва ли можно ожидать того отъ Думы уже и потому, что она до сихъ поръ не касалась этого вопроса. Думѣ предоставлено—и весьма основательно—еще одно, ничѣмъ не отъемлемое право—избирать подготовительныя комиссіи, которыя, будучи постоянными, могутъ также имѣть большое и полезное вліяніе на ходъ дѣла, такъ какъ онѣ не подчинены Управѣ и составляютъ часть самой Думы. Учрежденіе такихъ постоянныхъ подготовительныхъ комиссій мы имѣемъ въ Москвѣ: тамъ училищнымъ дѣломъ, напримѣръ, вѣдаетъ Управа въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, а сверхъ того существуетъ постоянная училищная подготовительная комиссія, имѣющая существенное и весьма полезное вліяніе на самый ходъ училищнаго дѣла.

Въ заключеніе, остановимся на порядкѣ замѣщенія общественныхъ должностей; выборное начало, въ главныхъ чертахъ, остается и нынѣ, какъ то было и прежде, основаніемъ этого порядка: съ одной стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ представляетъ для назначенія Высочайшею властью кандидата въ городскіе головы и въ его товарищи, а съ другой—и петербургской городской Думѣ предоставлено избирать на каждую изъ этихъ должностей по *одному* кандидату изъ числа гласныхъ или лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ гласные. По прежнимъ законамъ, Думѣ предоставлялось представлять

двухъ кандидатовъ, но это не имѣло особаго значенія и только послужило однажды поводомъ къ тому, что въ послѣднее пятилѣтїе попало въ городскіе головы лицо, котораго въ Думѣ никто не имѣлъ въ виду получить въ качествѣ городского головы. Дума до сихъ поръ избирала въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ *перваго* и *второго* кандидата: первый былъ именно тотъ, кого желало собраніе имѣть городскимъ головою, а второй избирался во исполненіе требованій закона; насколько были строги и трудны выборы перваго кандидата, настолько снисходительно относились къ избранію второго, который потому всегда и получалъ гораздо большее число голосовъ,—но это въ глазахъ самой Думы не имѣло никакого отношенія къ числу голосовъ, полученныхъ первымъ и настоящимъ кандидатомъ; между тѣмъ, въ послѣдній разъ, въ 1898 г., былъ утвержденъ второй кандидатъ, какъ получившій больше шаровъ. Теперь подобное недоразумѣніе болѣе невозможно, такъ какъ Думѣ не предстоитъ надобности выбирать второго кандидата, а будетъ представленъ тотъ, кто изъ всѣхъ предложенныхъ въ кандидаты получить наибольшее число голосовъ.

Выборное начало, — замѣтимъ кстати, — принадлежало также къ числу тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, въ виду нареканій и нападокъ на него, должно было, по мысли инициаторовъ преобразованія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, заключиться такими ограниченіями, что отъ него осталась бы одна тѣнь. Если же конецъ дѣла, какъ то видно и изъ приведеннаго нами обзора болѣе существенныхъ его сторонъ, вообще далеко не соответствуетъ его началу, то надобно думать, что главною причиною этого могло послужить какъ то, что, при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла, высшая государственная точка зрѣнія, очевидно, получила перевѣсъ надъ текущею внутреннею политикою, подъ преходящимъ вліяніемъ которой дѣло началось два года тому назадъ, при прежнемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—а также не менѣе и то обстоятельство, что оно заключилось уже не при его инициаторахъ, которые, безъ сомнѣнія, настойчиво защищали бы свою точку зрѣнія, что не дозволило бы думать и о такомъ рѣшеніи дѣла, какое оно получило въ настоящее время.

Новое „Положеніе объ общественномъ управленіи г. С.-Петербурга“, установивъ образовательный цензъ для гласныхъ въ Петербургѣ, а именно, прохожденіе курса въ „городскихъ“ 4-хъ-классныхъ училищахъ,—тѣмъ самымъ, быть можетъ, принесетъ большую пользу дѣлу народнаго образованія въ столицѣ: эти училища отнынѣ получаютъ, такъ сказать, особое гражданское значеніе, такъ какъ они

будутъ давать теперь весьма важное право — быть избранными въ „отцы города“, а потому и городская Дума будетъ считать обязанностью для себя—сдѣлать эти училища какъ можно болѣе доступными для населенія. Впрочемъ, Дума уже и теперь успѣла открыть пять городскихъ училищъ, несмотря на то, что министерство народнаго просвѣщенія только въ 1898 г. разрѣшило, наконецъ, Думѣ воспользоваться тѣмъ правомъ, которое ей было давно предоставлено самимъ „Положеніемъ о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 г.“ (ст. 6), а именно—открывать такія училища съ подчиненіемъ ихъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ наступающемъ учебномъ 1903—4 году Дума постановила открыть еще такихъ два училища имени Петра Великаго, въ память 200-лѣтія Петербурга; но все это, взятое даже вмѣстѣ съ министерскими городскими училищами (этихъ также немного—не болѣе 12-ти на весь городъ) совершенно ничтожно, если подумать о томъ, что въ послѣднемъ учебномъ 1902 — 3 году, изъ 500 начальныхъ училищъ города С.-Петербурга, въ маѣ мѣсяцѣ, выпущено 5.300 дѣтей обоого пола! Нужны огромныя денежныя средства и готовый педагогическій персоналъ, чтобы въ непродолжительномъ времени открыть въ столицѣ требуемое его населеніемъ число „городскихъ“ (4-хъ-классныхъ) училищъ. Въ ожиданіи таковаго счастливаго времени, когда бы это осуществилось вполнѣ, необходимо было принять мѣры по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы выпущенныя дѣти 11 и 12 лѣтъ отъ роду не оставались на улицѣ до 14-лѣтнаго возраста; только тогда законъ разрѣшаетъ вполнѣ основательно опредѣлять дѣтей въ мастерство. И вотъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, почти одновременно, пришли къ той мысли, что необходимо поддерживать такихъ дѣтей, или даже вѣрнѣе — спасти ихъ, устроивъ для нихъ, по окончаніи ими курса начальныхъ училищъ, дополнительные классы. Въ Петербургѣ такіе классы были введены, въ видѣ опыта, годъ тому назадъ, при Василеостровскомъ 12-ти-классномъ училищѣ, съ разрѣшенія городского училищнаго Совѣта; теперь остается только доложить о томъ Думѣ. Въ Москвѣ же, 10-го іюня текущаго года, городская Дума успѣла рассмотреть докладъ своей училищной комиссіи объ открытіи дополнительныхъ классовъ при двухъ городскихъ начальныхъ училищахъ для окончившихъ курсъ начальнаго народнаго образованія. Вотъ тѣ мотивы, которые приведены въ докладѣ московской училищной комиссіи въ городскую Думу, на основаніи которыхъ испрашивается ея кредитъ на содержаніе двухъ дополнительныхъ классовъ:

„Завершивъ дѣло устройства начальной школы приговоромъ объ общедоступности начальнаго обученія, московское городское управленіе выполнило лишь первую и наиболѣе насущную задачу въ

дѣлѣ попеченія о народномъ образованіи. Запросъ со стороны населенія на знаніе, выходящее изъ предѣловъ программы начальной школы и служащее ея продолженіемъ (а такимъ продолженіемъ должны служить собственно четырехклассныя городскія училища, по Положенію 1872 г.), предъявлялся уже давно. Общедоступная начальная школа значительно усилить этотъ запросъ уже въ ближайшіе годы. Между тѣмъ, наличныя средства (городской Думы) къ удовлетворенію этой потребности московскаго населенія крайне скудны; со стороны же городского управленія сдѣланы въ этомъ направленіи, можно сказать, лишь первые шаги. Въ московскихъ городскихъ начальныхъ школахъ оканчивается ежегодно курсъ около 3.000 дѣтей; такъ, въ 1899—900 г. окончило 2.919 дѣтей: 1.327 дѣвочекъ и 1.592 мальчика. По свѣдѣніямъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ извѣстно, что лишь около $\frac{1}{4}$ части дѣвочекъ и нѣсколько болѣе $\frac{1}{8}$ мальчиковъ продолжаетъ въ той или иной формѣ дальнѣйшее образованіе... Для подавляющаго большинства, такимъ образомъ, создается между окончаніемъ начальной школы и началомъ правтической жизни болѣе или менѣе продолжительное время правдности, когда затериваются усвоенныя въ школѣ знанія и навыки, и развиваются дурныя вліанія и привычки. Заполнить это время ученіемъ, дать средства къ продолженію образованія, отвѣтить на растущую потребность въ болѣе широкомъ знаніи, нежели дается то начальной школой, — является нынѣ серьезной и неотложной задачей, поставленной предъ городскимъ управленіемъ. Для разрѣшенія этой задачи коммиссія и предлагаетъ „открытіе особыхъ дополнительныхъ классовъ въ помѣщеніяхъ начальныхъ училищъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Такіе курсы, не требуя со стороны города особенно высокихъ затратъ, могли бы уже въ ближайшее время получить самое широкое развитіе и временно восполнить недостатокъ въ тѣхъ образовательныхъ средствахъ къ продолженію начальной школы, которыми располагаетъ населеніе Москвы“...

Надобно полагать, что и петербургская Дума отнесется такъ же, какъ и московская, къ докладу своей коммиссіи по народному образованію объ открытіи кредита для учрежденія дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ города Петербурга, и также не обратитъ вниманія на тѣ возраженія, какія тщетно дѣлались въ Москвѣ противъ устройства дополнительныхъ классовъ. „Обыкновенно — такъ говорили возражавшіе противъ предложенія московской училищной коммиссіи — приводится (въ пользу открытія дополнительныхъ классовъ) то соображеніе, что *лучше что-нибудь сдѣлать, чѣмъ ничего*. На эту точку зрѣнія“ — по ихъ мнѣнію — „становиться нельзя. Есть случаи, когда серьезные (?) люди должны сказать общественному учрежденію, обладающему миллионными средствами: „лучше не дѣлайте

ничего, но ужъ и знайте, что вы ничего не дѣлаете, и всё это будутъ знать, и назрѣвшая, но неудовлетворенная потребность будетъ стоять во всей своей неприглядности предъ общественнымъ сознаниемъ. Неудовлетворенность есть, по крайней мѣрѣ, залогъ стремленія къ исканію истиннаго пути, а такое исканіе несомнѣнно лучше, чѣмъ побѣдоносное шествіе по ложной дорогѣ". Другими словами,—если у васъ, молъ, нѣтъ средствъ открыть достаточное число 4-хъ-классныхъ училищъ, то тогда лучше не дѣлайте ничего;—но вѣдь такое, болѣе чѣмъ наивное разсужденіе походить на то, какъ еслибы въ благотворительной комиссіи пришли къ подобному же убѣжденію, а именно: ужъ если нельзя вполне облагодѣтельствовать кого-нибудь, то лучше оставить его безъ всякой помощи; лучше не давать и куска чернаго хлѣба съ солью, пока нѣтъ возможности предложить полнаго обѣда. Такъ, конечно, могутъ философствовать сытые люди, но едва ли съ ними согласятся голодные!

Впрочемъ, такихъ оригинальныхъ, но не совсѣмъ зачерствѣлыхъ философовъ, можетъ быть, успокоитъ нѣсколько результатъ того перваго опыта съ дополнительными классами, который былъ уже произведенъ въ Петербургѣ, въ истекшемъ 1902 — 3 году. Вотъ что по этому поводу мы читаемъ въ „Отчетѣ исполнительнѣйшей комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ за учебный 1902—1903 годъ“ (стр. 6—8):

„Въ видахъ предоставленія оканчивающимъ курсъ ученія въ начальной школѣ больше способовъ къ полученію дальнѣйшаго образованія, въ минувшемъ (1902—1903 г.) учебномъ году былъ сдѣланъ опытъ учрежденія, при Василеостровскомъ съ 12-ью соединенными классами (на 600 дѣтей) училищъ, дополнительныхъ классовъ.... Въ концѣ сентября прошедшаго 1902 года было подано въ С.-Петербургскій Городской Училищный Совѣтъ заявленіе о томъ, что Городское Общественное Управленіе имѣетъ право, на основаніи пункта 2-го „Примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, утвержденныхъ министромъ народного просвѣщенія въ 1897 году, *дополнять съдѣнія учащихся, послѣ трехлѣтняго изъ обученія*, а также и о томъ, что городу необходимо позаботиться о тѣхъ учившихся въ начальныхъ училищахъ, которые, будучи въ весьма раннемъ возрастѣ (11—12 лѣтъ), не нашли возможности, за крайнею ограниченностью числа высшихъ народныхъ школъ, пристроиться въ одной изъ нихъ, или въ какомъ-нибудь однородномъ учебномъ заведеніи, для продолженія ученія. Городской Училищный Совѣтъ, въ засѣданіи 5 октября 1902 г., согласно изложенному заявленію, постановилъ: просить, установленнымъ порядкомъ, о разрѣшеніи расширить курсъ преподаванія въ Василеостровскомъ училищѣ.

„Въ ноябрѣ 1902 г., было получено отъ Дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи „разрѣшеніе расширить курсъ ученія въ Василеостровскомъ съ 12-ю классами училищъ, согласно указаннымъ въ примѣрныхъ программахъ основаніямъ и во вниманіе къ тому, чтобы предоставить учащимся, которые оканчиваютъ курсъ сего училища и желаютъ продолжать ученіе, осуществить свое желаніе въ самомъ заведеніи, такъ какъ можетъ не случиться свободныхъ вакансій въ высшихъ элементарныхъ училищахъ.... По полученіи этого разрѣшенія, немедленно былъ открытъ опытный годъ преподаванія въ „дополнительномъ классѣ“ при 3 урокахъ ежедневно, кромѣ субботы, отъ 4 часовъ до 7 часовъ вечера, а всего при 15 урокахъ въ недѣлю. Въ виду поздняго времени открытія преподаванія, явилось желающихъ всего 12 учениковъ и 15 ученицъ — всѣ въ возрастѣ отъ 11 до 12 лѣтъ. Обучаясь въ классѣ вмѣстѣ, ученики и ученицы, во время перемѣны, прогуливались въ отдѣльныхъ корридорахъ. Платы за обученіе въ „дополнительномъ классѣ“ никакой не взималось.

„Самое обученіе состояло въ чтеніи, объясненіяхъ и упражненіяхъ; въ отличіе отъ начальной школы, весь урокъ посвящался свѣдѣніямъ, относящимся къ одной и той же области знанія...

„Вмѣстѣ съ окончаніемъ ученія въ начальныхъ училищахъ, былъ закрытъ и дополнительный классъ въ первыхъ числахъ сего мая мѣсяца; съ 5 по 10 мая были произведены испытанія въ дополнительномъ классѣ по всѣмъ преподававшимся въ немъ предметамъ. Изъ 27 дѣтей, записавшихся въ половинѣ ноября 1902 года на курсъ, трое выбыли въ теченіе года, четверо не явились на испытаніе, одинъ выразилъ желаніе остаться еще на одинъ годъ, а остальные 19 подверглись испытанію, и 14 изъ нихъ были признаны на совѣщаніи учащихся окончившими успѣшно свои занятія перваго года.

„Учащіеся, въ теченіе года, *укрѣпили приобретенныя ими свѣдѣнія въ начальныхъ училищахъ, и расширили ихъ по программѣ ближайшаго къ начальному курсу третьяго (младшаго) класса городского училища, могутъ держать экзаменъ прямо въ четвертый классъ. Такимъ образомъ, они не только спаслись отъ излѣтнаго года праздности, но и не потеряли его для дальнѣйшаго обученія, такъ какъ могутъ поступить уже въ слѣдующій, четвертый классъ.*

„Коммиссія по народному образованію весьма сочувственно отнеслась къ опыту устройства „дополнительнаго класса“ при Василеостровскомъ съ 12-ю классами училищъ, и желая поставить какъ этотъ, такъ и еще проектируемые къ открытію четыре класса, два мужскихъ и два женскихъ, на болѣе прочныхъ основаніяхъ (а не на даровомъ трудѣ обучавшихъ въ опытномъ году), постановила исходатайствовать у Думы на содержаніе въ 1904 г. этихъ классовъ особый

кредитъ по 787 рублей въ годъ на каждый мужской классъ и по 877 рублей на женскій" (содержаніе 4-хъ-класснаго училища стоитъ свыше 8.200 рублей).

Итакъ, уже изъ этого перваго опыта, несмотря на позднее его начало, оказалось, что „дополнительные классы“—это вовсе не „что-нибудь“, какъ полагають возражавшіе противъ нихъ, а нѣчто весьма существенное и практическое: помимо высокой нравственной и общеобразовательной услуги, какую они оказали учащимся, дополнительные классы являются до нѣкоторой степени пригтовительными учрежденіями, благодаря которымъ учащіеся не только были спасены отъ праздности, всѣми почитаемой „матерью всѣхъ пороковъ“, но и получили возможность держать экзаменъ въ слѣдующій классъ „городскаго“ по Положенію о городскихъ училищахъ 1872 года, гдѣ конкуренція уже естественно гораздо слабѣе, чѣмъ въ первомъ (третьемъ) классѣ, да и дѣти, будучи хорошо подготовлены, могутъ и не бояться конкуренціи. Вотъ и практическій результатъ дополнительныхъ классовъ, если кто-нибудь не считаетъ еще достаточнымъ для себя несомнѣнныхъ и очевидныхъ нравственныхъ и общеобразовательныхъ результатовъ учрежденія при начальныхъ училищахъ — дополнительныхъ классовъ.

Post-scriptum. — Въ іюнѣ мѣсяцѣ П. И. Вейнбергъ по должности предсѣдателя „Литературнаго фонда“ въ Петербургѣ, обратился въ редакцію „Новаго Времени“ съ нижеслѣдующимъ письмомъ, въ защиту матеріальныхъ интересовъ фонда, имѣющаго назначеніемъ помочь нуждающимся литераторамъ и ученымъ (№ 9794):

„Между расплодившимися въ послѣднее время издателями всякаго рода книгъ, обладающими сверхъ другихъ своихъ качествъ весьма безцеремоннымъ возрѣніемъ на чужую собственность, одно изъ выдающихся мѣстъ занимаетъ г. Аскархановъ, котораго еще на дняхъ петербургскій окружный судъ очень огорчилъ по поводу перепечатки чужого перевода сочиненія Маркса „Капиталъ“. Но г. Аскархановъ удостоиваетъ своего просвѣщеннаго вниманія не только частныхъ лицъ, но и такіа учреждения, какъ „Литературный фондъ“. Въ одномъ изъ своихъ изданій, озаглавленномъ „Разказы для дѣтей и народа русскихъ писателей“, г. Аскархановъ перепечаталъ цѣликомъ разказъ Гаршина „Сигналъ“. Сочиненія Гаршина составляютъ собственность „Литературнаго фонда“, который, какъ извѣстно, есть общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; слѣдовательно, въ этомъ поступкѣ г. Аскарханова, кромѣ нравственной, или вѣрнѣе безнравственной стороны, есть и матеріальное посягательство на тотъ капиталъ, изъ котораго получаютъ пособия нуждающіеся писатели. Комитетъ Литературнаго фонда дастъ случай г. Аскарханову еще

разъ профигурировать предъ окружнымъ судомъ; правда, этотъ „почтенный“ издатель остроумно назвалъ свою книжку „Иллюстрированная Хрестоматія“, имѣя конечно въ виду законъ о перепечаткахъ въ хрестоматіяхъ; но врядь ли его остроуміе одержитъ побѣду надъ болѣе чѣмъ яснымъ доказательствомъ полной непригодности въ настоящемъ случаѣ „хрестоматійныхъ“ соображеній; для оцѣнки же этой новой операци г. Аскарханова съ ея нравственной стороны не нужны никакія судебныя разбирательства. Замѣчу встать, что въ той же книжкѣ перепечатаны три разсказа Д. Н. Мамина-Сибиряка, и тоже безъ всякаго соглашенія съ авторомъ“.

Вскорѣ за помѣщеніемъ этого письма въ „Новомъ Времени“, явился и отвѣтъ на него со стороны г-на Аскарханова (въ № 9796) слѣдующаго содержанія:

„Въ отвѣтъ на помѣщенное въ вашей уважаемой газетѣ письмо г. Вейнберга, считаю долгомъ обратить его вниманіе, что перепечаткой разсказа Гаршина „Сигналъ“, также какъ и перепечаткой разсказовъ г. Мамина-Сибиряка, мною не нарушены ни юридическіе, ни этическіе законы.

„Подобно изданной мною хрестоматіи Д. Истомина существуетъ безчисленное множество совершенно такихъ же изданій, такъ напримѣръ: „Образцовыя сказки, В. Авенаріуса“. Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой. Разсказы для дѣтей. Изданіе кн. Оболенскаго, „Хрестоматіи по исторіи“ Гуревича и т. д.

„Ст. 14-я дозволяетъ перепечатывать въ хрестоматіяхъ статьи и отрывки размѣрами болѣе одного печатнаго листа. Разсказъ Гаршина „Сигналъ“—одинъ изъ 22-хъ разсказовъ хрестоматіи Д. Истомина—занимаетъ всего 13 страницъ, а потому онъ можетъ быть перепечатанъ и согласно п. 4 ст. 13. Подобно издаваемой мною маленькой хрестоматіи подъ названіемъ „Русскіе писатели“ нѣсколько лѣтъ назадъ, подъ тѣмъ же названіемъ, издавались г. Стасюлевичемъ сборники изъ отрывковъ произведеній русскихъ писателей. Ничего незаконнаго тутъ нѣтъ, и г. Вейнбергъ только напрасно льститъ себя надеждой, что ему удастся притянуть меня къ суду.

„Г. Вейнбергу должно быть извѣстно, что кромѣ окружнаго суда существуетъ еще судебная палата и Сенатъ, которые очень возможно будутъ совершенно другого мнѣнія насчетъ моего изданія „Капиталь. К. Маркса“ и не найдутъ въ немъ контрафакціи, а потому не мѣшало бы не спѣшить бросать грязью до окончанія дѣла.

„Наконецъ, почему то, что возможно и не предосудительно дѣлать гг. Авенаріусу, Стасюлевичу, кн. Оболенскому и многимъ другимъ издателямъ подобныхъ сборниковъ и хрестоматій, мнѣ нельзя? На изданіи „Капиталь“ я понесъ убытокъ. Всѣ эти хрестоматіи, цѣною въ 10 к. или 40 к., тоже не обогащаютъ меня“.

Такъ какъ комитетъ „Литературнаго фонда“, по словамъ его почтеннаго предсѣдателя П. И. Вейнберга, привлечетъ г-на Аскарханова къ

суду за самовольную перепечатку чужихъ произведеній, то г. Аскархановъ уже теперь, какъ бы въ свое оправданіе, ссылается, между прочимъ, на то, что будто бы и г. Стасюлевичъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, издалъ какую-то хрестоматію, подобную его „маленькой хрестоматіи“ подъ названіемъ „Русскіе писатели“, и притомъ подъ тѣмъ же названіемъ, и слѣдовательно совершилъ такой же поступокъ, т.-е. повзводилъ себѣ самовольную перепечатку чужой собственности, въ чемъ теперь обвиняется г. Аскархановъ. Но все это требуетъ весьма сильной фактической поправки, которая можетъ быть необходима вносгдствіи и при судебномъ разбирательствѣ самого дѣла г-на Аскарханова. Начать съ того, что г. Стасюлевичъ никогда не издавалъ никакой хрестоматіи, да еще подъ тѣмъ же названіемъ, подъ какимъ издалъ свою г. Аскархановъ. А было нѣчто совершенно иное, что можетъ послужить скорѣе къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію издателя этой маленькой хрестоматіи. До г-на Аскарханова дошли, вѣроятно, одни слухи о томъ, что произошло не нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а ровно тридцать лѣтъ, и притомъ въ средѣ членовъ „Литературнаго фонда“, задумавшихъ совершенно новое предпріятіе, не имѣвшее ничего общаго съ тагъ-называемыми хрестоматіями. Но вотъ самое предисловіе къ первому тому этого изданія, явившагося въ началѣ 1874 года, подъ заглавіемъ „Русская Библіотека“:

„Въ началѣ нынѣшняго (1874) года, нѣсколько литераторовъ (это были большей частью члены Комитета „Литературнаго фонда“) собрались для обсужденія мысли о такомъ изданіи русскихъ писателей новѣйшаго періода, которое по цѣнѣ (томъ—75 коп.) и содержанію было бы доступно наибольшему кругу читателей. Полныя изданія сочиненій могутъ быть приобретаемы весьма немногими; затѣмъ отъ полныхъ изданій приходится сдѣлать *рѣзкій переходъ* прямо къ хрестоматіямъ, болѣе или менѣе удовлетворительнымъ для однихъ учебныхъ цѣлей. Посредствующимъ звеномъ между полными изданіями и чисто учебными хрестоматіями могли бы служить общедоступныя изданія, которыя ограничивались бы *выборомъ* (курсивъ подлинн.) лучшихъ произведеній каждаго писателя изъ полныхъ собраній. При такомъ только условіи, именно, при условіи выбора, является возможность дешевизны, а слѣдовательно и общедоступности... „Русская Библіотека“ издается именно для той значительной части нашего общества, которая, за отсутствіемъ у насъ подобныхъ общедоступныхъ изданій, осуждена довольствоваться одною текущею литературою и потому прерываетъ, сойдя со школьной скамьи, всякую связь съ образцами отечественной литературы... Безъ сомнѣнія, всѣ согласно признають, что во главѣ такого изданія слѣдовало поставить Пушкина. За нимъ послѣдуютъ: Лермонтовъ, Гоголь и т. д.“

Въ дѣйствительности, между 1874 и 1879 г.г., вышло всего девять томовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Пушкинъ; II. Лермонтовъ; III. Гоголь; IV. Жуковский; V. Грибоедовъ; VI. Тургеневъ; VII. Некрасовъ; VIII. Салтыковъ; IX. Левъ Толстой; каждый изъ нихъ имѣлъ для себя особый томъ, съ портретомъ автора и съ биографическимъ очеркомъ.

Какъ же дѣйствовала эта группа литераторовъ, составившая планъ изданія, въ отношеніи къ литературнымъ собственникамъ? Все это объяснено въ томъ же предисловіи.

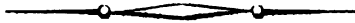
„Первый,—говоритъ предисловіе,—вышедшій нынѣ томъ (Пушкинъ) послужитъ нормою для всего изданія, какъ во внѣшнемъ отношеніи, такъ и по методу его составленія. „Русская Библиотека“ должна была прежде всего руководиться при выборѣ произведеній Пушкина тѣмъ количествомъ матеріала, который *былъ весьма обязательно уступленъ ей Я. А. Исаковымъ изъ его права литературной собственности.* Въ виду благотворительнаго назначенія (чистая выручка отъ продажи перваго тома „Р. Б.“ предназначалась въ помощь сельскому населенію самарской губерніи, пострадавшему тогда отъ голода)¹⁾, какое придано первому тому, „Русская Библиотека“ получила безденежно отъ Я. А. Исакова въ свое распоряженіе, сверхъ прозы, десять листовъ стихотвореній изъ его же 2-го изданія „Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина“, гдѣ стихи занимаютъ въ цѣломъ 85 листовъ... Корректурa этого тома была выполнена (изъ уваженія къ памяти А. С. Пушкина) совмѣстно нѣсколькими лицами: этотъ трудъ приняли на себя Н. А. Некрасовъ, П. А. Ефремовъ, В. П. Гаевскій и М. М. Стасюлевичъ; сверхъ того, по отпечатаніи, чистый экземпляръ былъ вновь просмотрѣнъ А. Н. Пыпинымъ; найденныя имъ погрѣшности указаны въ концѣ книги“...

Въ VIII-мъ томѣ „Русск. Библиот.“, посвященномъ М. Е. Салтыкову, въ концѣ биографическаго очерка (стр. VIII) сказано: „Для „Русской Библиотеки“, *по принятой ею системѣ въ прежнихъ (семи) томахъ, сдѣланъ выборъ изъ вышеупомянутыхъ изданій подѣ руководствомъ* самого автора, который вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и точныя свѣдѣнія о фактахъ и хронологическихъ данныхъ, вошедшихъ въ текстъ этого биографическаго очерка, съ краткимъ рассказомъ нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ самой жизни автора, преимущественно школьной эпохи“. Итакъ, если самый выборъ матеріала былъ сдѣланъ въ „Русской Би-

¹⁾ Благодаря тому обстоятельству, что въ изданіи перваго тома расходы были ничтожны: типографія М. Стасюлевича отпечатала его бесплатно; бумажная фабрика А. И. Варгунина уступила 5% съ бумаги, многіе газеты и журналы дѣлали даровыя объявленія,—въ день выхода книги было отправлено въ Самару 4.800 руб. впередъ, какъ чистая прибыль отъ ожидаемой отдѣльной продажи.

бліотекъ“ *подъ руководствомъ авторовъ, здравствовавшихъ, или литературныхъ собственниковъ, то, конечно, „Русская Библіотека“ издавалась не иначе, какъ съ полнымъ ихъ согласіемъ...*

Но не довольно ли для того, чтобы и самъ г. Аскархановъ, можетъ быть, призналъ, что имя г. Стасюлевича было упомянуто имъ совершенно напрасно; все вышесказанное служить только доказательствомъ того, что при изданіи „Русской Библіотеки“ литературная собственность пользовалась безусловнымъ уваженіемъ какимъ она должна пользоваться и нынѣ, кота и прошло съ того времени—*magnum aevi spatium.*

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) въ *гелиогравахъ* (на мѣди): картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я и 4-я серія по 20 писемъ вышли;

2) въ *двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлерей, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я и 3-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества“.

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступныхъ для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою гелиогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлерей, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества, Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Фонтанка 134; за пересылу взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серію 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются бесплатно.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль. — Августъ. 1903.

Книга седьмая. — Іюль.

	стр.
Солнечные дни.—Романъ.—А. Н. БУДИЩЕВА	5
„Народные университеты“ въ Италіи.—Окончаніе.—IV-V.—ФРАНЦ. ПАРЭСЧЕ	53
„Неизбавный процентъ“.—Рассказъ.—I-IV.—В. ЯКИМОВА	65
Чужая жизнь въ произведеніяхъ И. А. Гончарова.—I-IV.—ЕВГ. ЛЯЦКАГО	88
Газетному „националисту“.— Стихотворенія.—I-II.—АЛЕКСѢЯ ЖЕМЧУЖНИКОВА	140
Тайга и ея обитатели.—V-VI.—П. И. СОКОЛОВА-КОСТРОМСКОГО	143
Сутра о дѣвухѣ изъ рода чандаловъ.—Съ китайскаго Н. ВУНЦЕТЕЛЯ	156
На высотахъ Кавказа.—Путевныя замѣтки и наблюденія.—Окончаніе.—II.—И. П. БЪЛОКОНСКАГО	162
Тщитное усиліе.—Романъ. „L'inutile effort“, par Ed. Rod.—I-IV.—Съ франц. З. В.	176
Московский университетъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ.—Д. М. ЩЕПКИНА	226
Стихотворенія.—ИЛЪИ ГУРВИЧА	262
Сельскія учительницы во Франціи.—Изъ повѣдки въ провинцію.—I-IV.—С. В.—НОЙ	263
Князь Бисмаркъ въ его отношеніяхъ къ Россіи.—I-IV.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	304
Хроника.—По поводу „сѣзда славистовъ“.—I-IV.—И. БОДУЭНЪ-ДЕ-КУРТЕНЪ	328
Внутреннее Овозрѣніе.—Новыя правила о фабричной инспекціи.—„Вѣдомственный антагонизмъ“ и хорошія стороны спеціализаціи.—Новыя правила о евреяхъ.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899-й годъ: „упорствующіе“ въ холмско-варшавской епархіи, расколъ, сектанство, православіе въ Японіи, церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Приготовленія къ введенію въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія.—Уложеніе и преступленія печати	344
Иностранное Овозрѣніе.—Политическій переворотъ въ Сербіи.—Послѣдніе представители дома Обреновичей.—Правительственное сообщеніе о сербскихъ дѣлахъ.—Новая династія и король Петръ.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—„Новое Время“ объ англійскихъ корреспондентахъ	365
Международный сѣздъ историковъ въ Римѣ въ апрѣлѣ 1903 года.—Л. ШЕПЕЛЕВИЧА	379
Литературное Овозрѣніе.—I. Великій Князь Николай Михайловичъ. Графъ П. А. Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи имп. Александра I. Томъ второй.—II. Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Очеркъ Г. В. Александровскаго. Изд. 3-е.—А. П.—III. В. Ф. Дерюжянскій. Полицейское право. Пособіе для студентовъ.—IV. А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати.—V. Діонео. Очерки современной Англійи.—М. Г.—VI. В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организациа и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи.—В. В.—VII. Эвиль-Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Этюды.—Л. Обскаго.—Новыя книги и брошюры	386
Новости Иностранной Литературы.—I. Octave Mirbeau. Les affaires sont les affaires. Comédie en trois actes.—II. Edouard Rod. L'inutile effort.—З. В.	419
Изъ Овощественной Хроники.—Вопросъ о свободѣ совѣсти въ религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Три главныя теченія, обнаружившіяся во время преній.—Статьи Н. М. Мияскаго на ту же тему.—Особые приемы реакціонной печати.—Еще отголоски кишиневскаго погрома.—А. Н. Энгельгардтъ †	434
Библиографическій Листокъ	
Овъявленія.—I-IV; I-XII стр.	

Книга восьмая. — Августъ.

	стр.
Шербекскіе выборы. — Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ. — Часть первая. — I-XV. — Н. СЪВЕРОВА.	449
Женскій медицинскій институтъ и женскіе врачебные курсы. — Историческій очеркъ. — I-IV. — П. ТАРНОВСКОЙ	497
Въ степяхъ и предгорьяхъ Алтая. — Разсказъ изъ жизни переселенцевъ. — С. МАРУСИНА.	518
Сомнѣнные дни. — Романъ. — XI-XXI. — А. Н. БУДИЩЕВА	547
Сельскія учительницы во Франціи. — Изъ поѣздки въ провинцію. — V-VII. — Окончаніе. — С. Б—НОЙ.	600
Фабрици. — Изъ лондонскихъ наблюденій. — АЛЕКСАНДРА САВИНА.	637
Сельское хозяйство и податная система. — I-III. — П. А. НИКОЛЬСКАГО.	662
Тщетное усиліе. — Романъ. — „L'inutile effort“, par Ed. Rod. — V-VIII. — Съ франц. З. В.	701
Изъ записокъ К. Н. Булича. — 1828-1846. — I-III.	748
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Наше железнодорожное дѣло и крупная промышленность. — I-VI. — В. В.	764
Иностранное Овозрѣніе. — Кончина папы Льва XIII. — Перемены въ положеніи римской церкви со времени смерти Пия IX. — Роль свѣтскихъ правительствъ въ усиленіи авторитета Ватикана. — Жизнь и дѣятельность покойнаго папы. — Политическія дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. — Кризисъ на дальнемъ Востоцѣ	792
Литературное Овозрѣніе. — I. Евгений Цабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-биографическій очеркъ. Перев. съ нѣмецк. Влад. Григоровича. — II. И. Н. Захарьянъ (Якуминъ). Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. — А. II — III. Петръ Великій. Сборникъ статей, составленныхъ преподавателями Петровскаго училища спб. купеческаго общества. — IV. Л. Е. Оболенскій. Максимъ Горькій и причина его успѣха. — В. О. Бодяновскій. Максимъ Горькій. Крит.-биограф. этюдъ. — И. Бибииковъ. М. Горькій, какъ драматургъ. — Графъ Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Пер. Ал. Ачкасова. — V. Полное собраніе сочиненій В. А. Сявцова, съ биогр. очерк., составл. А. Н. Сальниковымъ. — VI. Арс. И. Введенскій. Литературная характеристика. — VII. П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Очерки. — Евг. Л. — VIII. Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи. — IX. П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. — X. „Сенатскій Архивъ“, X т. — М. Г-анъ. — Новые книги и брошюры	803
Новости Иностранной Литературы. — I. W. V. Yeats. Ideas of Good and Evil. — II. René Vazin. Donatienne. — З. В.	830
Изъ Овещественной Хроникѣ. — Обзоръ „Положенія объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга“, 8 іюня, въ главныхъ его чертахъ. — Новая „общія положенія“ въ законѣ 8 іюня: 1) Особое по дѣламъ г. С.-Петербурга присутствіе и 2) Контрольная коммиссія. — Квартиронадзиратели и образовательный цензъ для гласныхъ. — Разряды избирателей и различіе въ ихъ правахъ. — Составъ Думы и ея особый предсѣдатель. — Исполнительныя коммиссіи и выборы въ общественныя должности. — Открытіе дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ г. Москви. — Post-scriptum. По дѣлу о литературной собственности: г. Аскархановъ и „Русская Библіотека“	842
Извѣщанія. — Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патриотическаго Общества	866
Библиографическій Листокъ. — А. Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи (въ связи съ трудами И. С. Блюха). — А. А. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 года. Сборникъ статей по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. — А. Е. Воскресенскій. Общинное земледѣіе и крестьянское малоземелье. — Деятельный вѣкъ. Историческій сборникъ, издав. почетн. чл. Археологическаго Института, кн. О. А. Куракинѣмъ, и. р. В. П. Смольянинова. Т. I.	
Овѣявленія. — I-IV; I-XII стр.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

М. М. Шулгай. Общедоступное изложение вопросов и нравственности. Изд. К. П. Таганцева. М. 903. Стр. XII+395. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книгѣ г. Шулгаго мы находимъ извѣщаніе главнѣйшихъ началъ и правилъ христіанской жизни, съ точки зрѣнія обывательской и практической жизни, безъ всякихъ притяжаній на философскій разборъ „вопросовъ о нравственности“. Какъ видно изъ предисловія, авторъ поставилъ себѣ задачей „облегчить читателямъ ознакомленіе самихъ себя“ и „простыми словами передать истины, разбросанныя во множествѣ источниковъ, касающихся вопроса этики, богословія и философіи вообще“. Въ содѣланіи, г. Шулгаго не удалось достигнуть той простоты изложенія, которая была необходима для его цѣли; стиль его оказывается слишкомъ искусственнымъ, и въ некоторыхъ мѣстахъ замѣчается трембринное многословіе, несомнѣнно: съ испорченностью мысли. Въ книгѣ высказываются, впрочемъ, немалыя правды какъ и въ другихъ сочиненіяхъ о различныхъ отрицательныхъ сторонахъ нашей жизни. Говоря о благотворительности, авторъ замѣчаетъ, что „подъ святыною вѣщности для вернаго справится гнусная ложь и безобразіе низменнаго побужденія“ и что „типъ душоного хавезлепа“ господствуетъ „во всѣхъ слояхъ“ нашего общества (стр. 136). Многіе благотворители суть только лицемерныя, тщеславныя люди, „беспрерывноще обдѣлыватели самокорыстныхъ дѣланъ при помощи показного состраданія“; въ этомъ г. Шулгай убѣдился лично: омытомъ, такъ какъ, „состоитъ по избранію уже много лѣтъ председателемъ въ одномъ изъ благотворительныхъ обществъ“, онъ близко приближалъ явленія подобнаго рода. Въ одномъ мѣстѣ авторъ упоминаетъ о своей службѣ по судебному вѣдомству; онъ замучивался въдъ вопросамъ нравственности, когда „сидѣлъ за составленіемъ обвинительнаго акта“ (стр. 304), и этотъ характеръ служебныхъ занятій, вѣроятно, отразился на мнѣніяхъ общахъ его взглядахъ по вопросамъ нравственности. Заключительная часть книги содержитъ въ себѣ „указаніе на имена тѣхъ людей, которые своимъ житіемъ подтвердили, что осуществленіе требованій христіанской этики хотя не легко, но возможно“; здѣсь приводятся притчи, въ различныхъ отдѣлахъ грунятся четырехъ главнѣйшихъ расрѣдкахъ добродѣтелей. — привѣтливой мудрости, справедливости, мужества и умирности, — причемъ нѣкоторыя поретивляются только имена дѣлателей, съ указаніемъ года смерти, а нногда прибавляются краткія характеристика. Въ этомъ родѣ притчи, расрѣдиченныя какъ будто въ хронологическому порядку, но видно выходятъ системы: за Людовикомъ XII французскимъ слѣдуетъ непосредственно бланкъ Матфея, за Неперомъ — моракъ Гибоннишъ, за Ргидешикомъ — Мурикомъ и т. п.; педагога. Умнѣнскій общающа между алжирцами Неперомъ и императоромъ Александромъ II. Одинъ и тѣ же имена повторяются нѣсколько разъ въ различныхъ рубрикахъ, и въ общахъ возмущается нѣчто крайне нескладное. Между тѣмъ наирѣнне автора были, конечно, хороши, и съ этой стороны можно согласиться съ на-

печатаніемъ во главѣ книги одобрительнымъ отзывомъ профессора кіевскаго университета, протоіерея П. Я. Сибілова.

Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгрова, Шекспира, т. III. Изд. Брокгауз-Ефрона. Саб. 903. Стр. 595.

Въ третій томъ этого роскошнаго изданія сочиненій Шекспира вошли восемь пьесъ: „Какъ вамъ это понравится“, „Гамлетъ“, „Дѣй Цезарь“, „Міра на жѣрѣ“, „Отелло“, „Король Лиръ“, „Макбетъ“ и „Тимонъ Ахивскій“, въ переводахъ П. П. Вейсберга, Кроненберга, Козлова, О. Миллера и Дружинина, съ объяснительными статьями О. Ф. Зильманскаго, Л. А. Попова, Н. Н. Стороненка, А. П. Кирьячичева, Э. Л. Рахлова и др. Въ концѣ тома помѣщены притяжанія, составленныя Лив. А. Венгровымъ, С. А. Венгровымъ, А. Г. Горюфельдомъ и М. Н. Розовымъ. Множество иллюстрацій и рисунковъ въ текстѣ, а также художественно исполненныя автографы, гравюры, фотографии и хромолитографія, составляютъ обычное украшеніе этого изданія; такихъ иллюстрацій въ настоящей книгѣ — 25 на отдѣльныхъ листахъ и 199 въ текстѣ.

Карлъ Менгеръ. Основанія политической экономіи. Общій часть. Переводъ съ вѣнскаго подъ ред. прик.-дѣл. Р. М. Орденскаго. Харьковъ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненіе вѣнскаго профессора Карла Менгера, вышедшее въ свѣтъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя у насъ почти не знаютъ „дѣлать шизу“; оно содѣлало дѣлу въ эпопеической литературѣ и успило въ ходъ нѣкую теорію предѣланной полезности, расплачивающую нѣкоторая существенная стороны вопроса о дѣлности, которыхъ такъ любятъ заниматься экономисты, слышавше изъ схоластики. Доктрина Менгера была до сихъ поръ извѣстна у насъ только изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ очень немногіе имѣли возможность и охоту читать нѣмцкія учебныя книги изъ притяжанія; поэтому русскій переводъ гг. Тиндина и Абезюва, подъ редакціей с. Орловскаго, встрѣтитъ, вѣроятно, охоту въ нашей читающей публикѣ, столь живо интересующейся теоріями и вопросами политической экономіи.

Жизнь великихъ русскихъ, А. Козловъ. Саб. 903. Ц. 2 р. 55 к.

До сихъ поръ въ спеціальной литературѣ вопросъ о жизни великихъ русскихъ ограничивался двумя — тремя брошюрами; авторъ вышедшей нынѣ книги дѣлаетъ, такимъ образомъ, первую попытку дать болѣе разностороннюю характеристику дѣлителей условій работнаго класса въ различныхъ областяхъ. Нынѣ вышедшая журналъ часть исследования издается сама условія жизни великаго промышленнаго пролетариата; разсмотрѣніе же различныхъ жѣрѣхъ усучиванія этихъ условій, а именно: фабричнаго законодательства, фабричной инспекціи, страданій рабочихъ, тѣхъ взаимныхъ, рабочихъ союзовъ и т. п. — все это составляетъ содержание слѣдующаго — второго тома.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Взѣдъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Платежъ разорочки годовой подписки на журналъ, подписка по днямъ: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжки магазина, при годовой подпискѣ, получаются обычномъ порядкомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинныхъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циншерлинга, Невскій пр., 20.

- въ главномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петербургѣ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

- въ книжн. магаз. „Образовавшаго“ Ринельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, и мѣсто, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго ему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого жителя въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе жители переходя въ иностранство, должны заплатить 1 руб., а иностранцы, переходя въ городъ 40 вѣс. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію наза, если подписка была сдѣлана въ книгоиздательскихъ мѣстахъ, и, согласно обѣщаній Почтоваго Департамента, не возмещаетъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Еще* на получение журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ же иностранцамъ или иностранкамъ, которые прижили въ подписку суммъ 14 вѣс. почтовыми переводами.

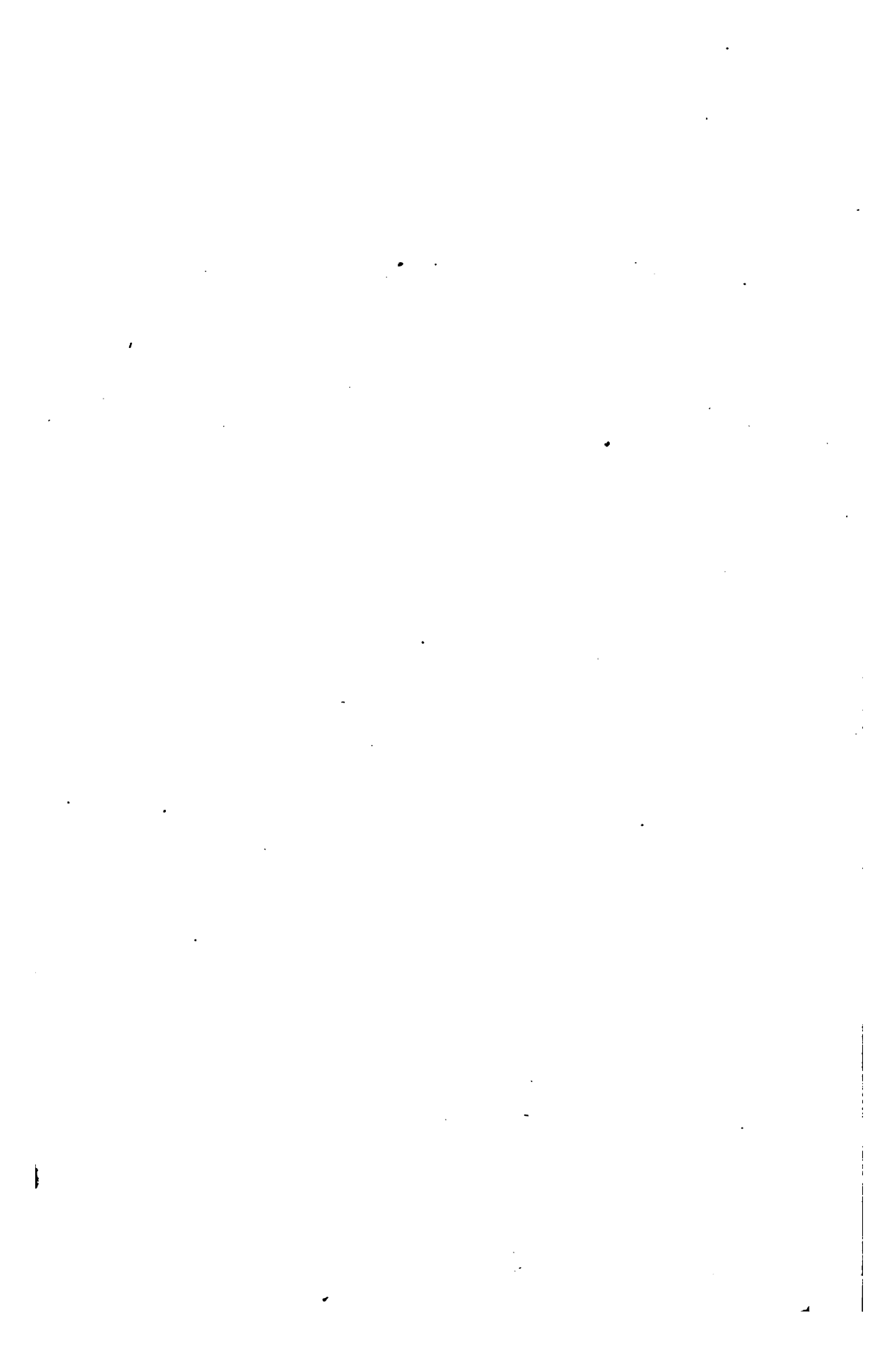
Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

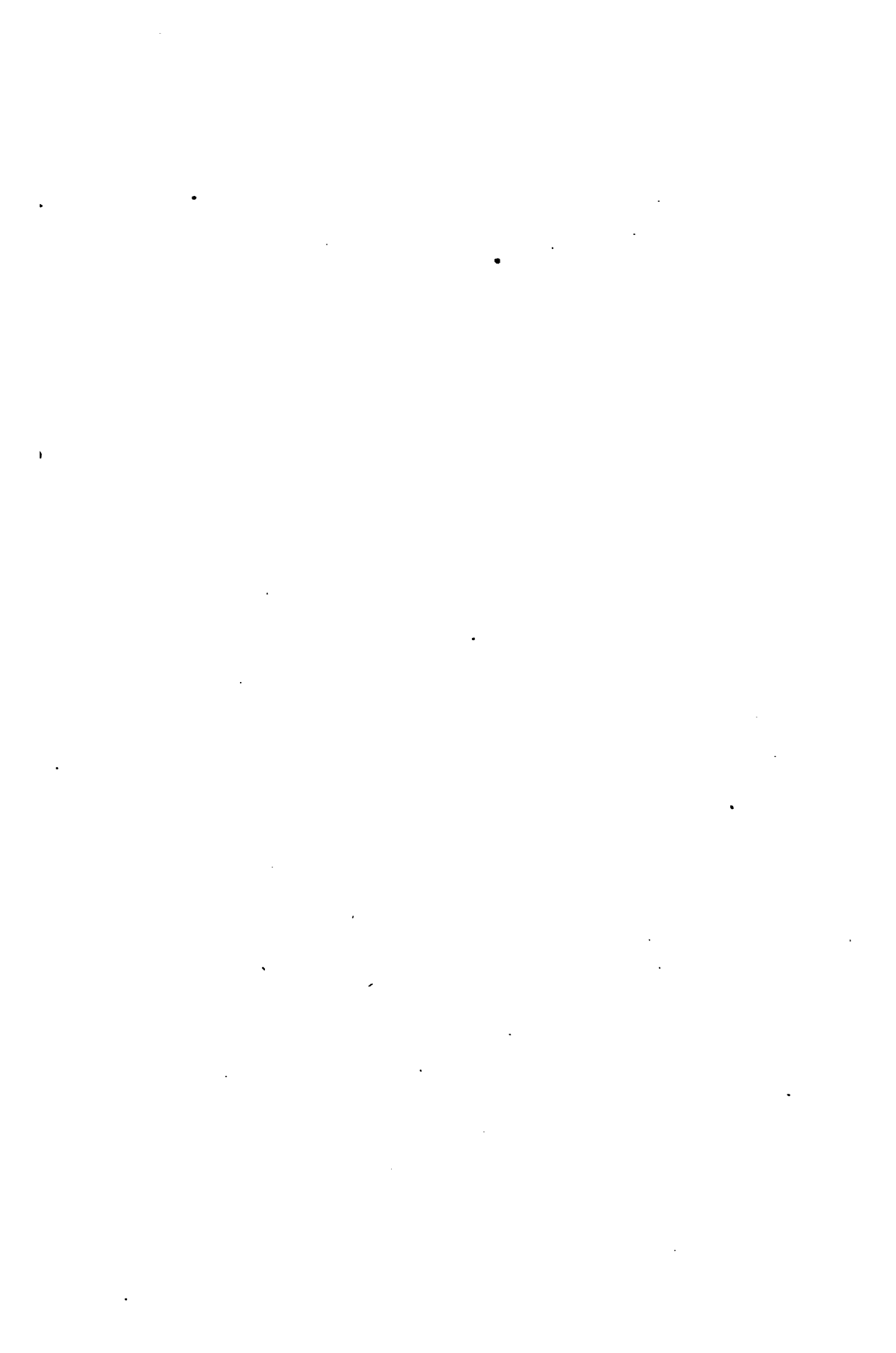
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

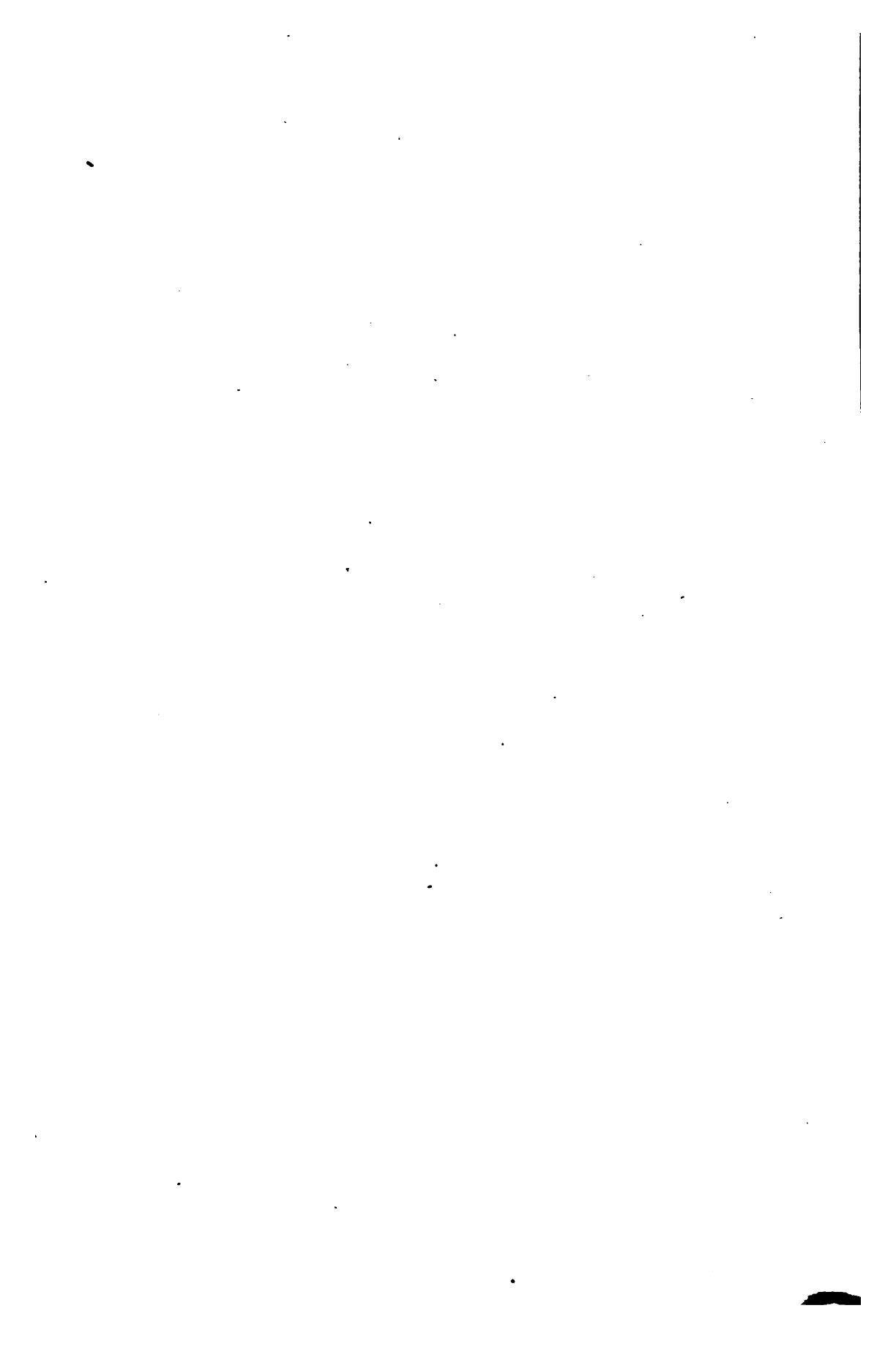
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

SEP 21 62H

DUE MAR 68 H

1663655

CANCELLED